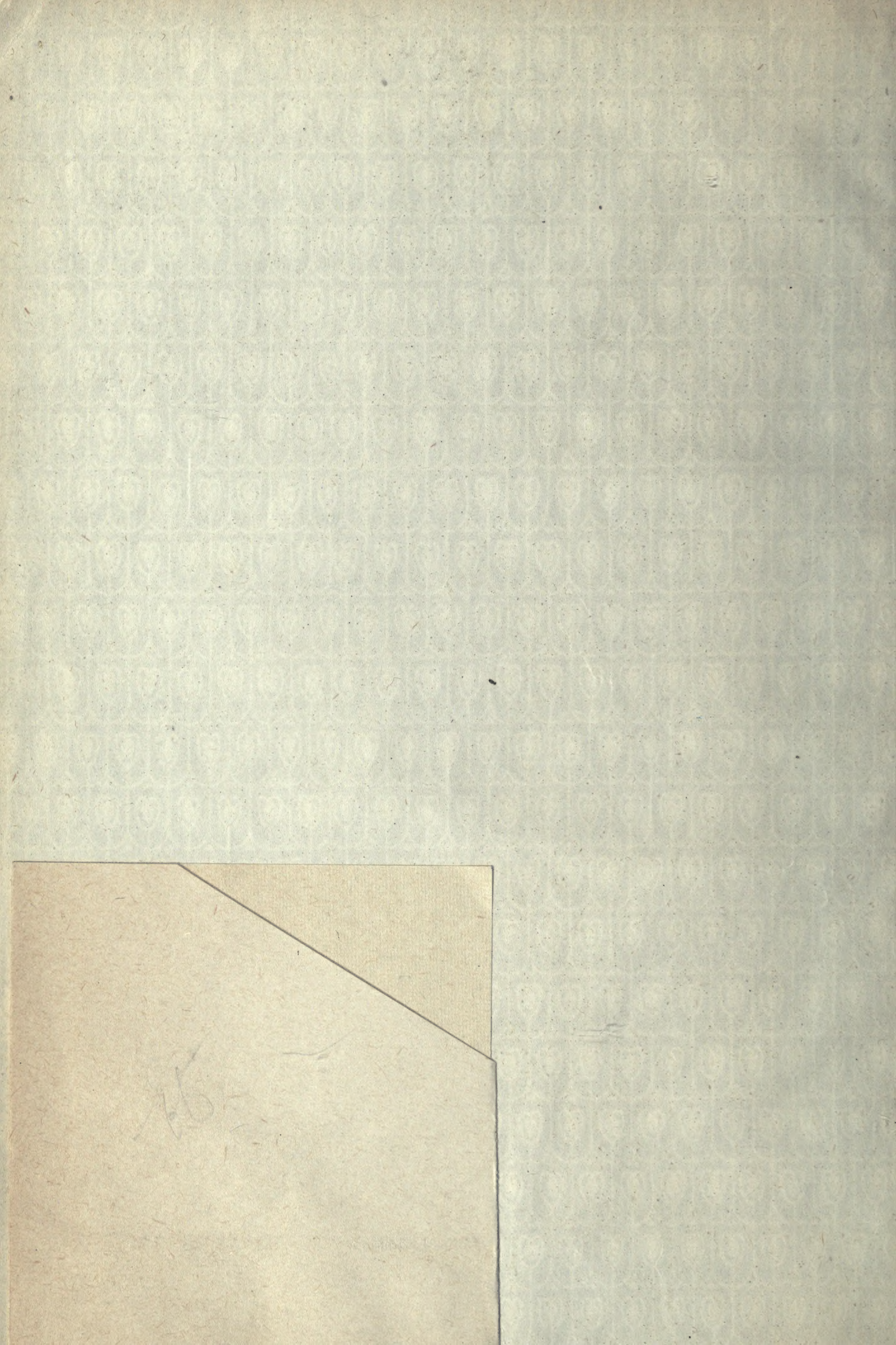

3 1761 04615958 8

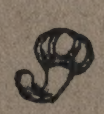

С. Князьковъ.

Очерки изъ исторіи до Петровской Руси.

Изданіе книжнаго магазина П. Луковникова. Петроградъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ЗЕМЛИ.—Ч. I.

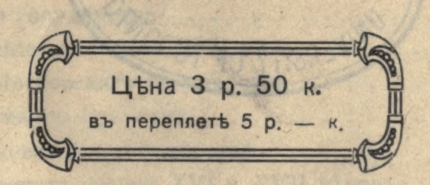
С. КНЯЗЬКОВЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Изданіе 2-е

ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ,

СЪ 356 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. В. ЛУКОВНИКОВА.

Петроградъ, Лештуковъ пер., 2.

1917

Типографія „ЭНЕРГІЯ“. Петроградъ, Загородный пр., д. № 17.

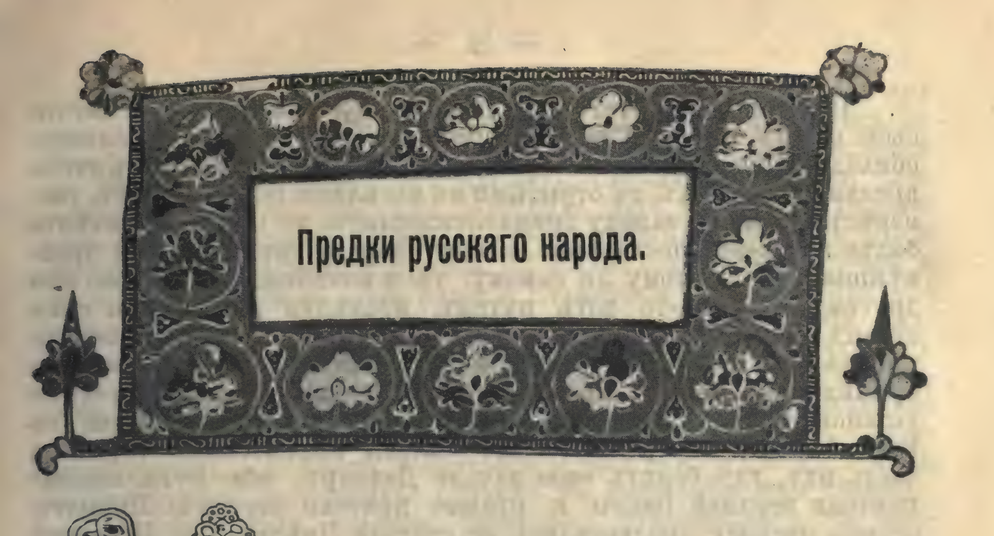
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для подбора иллюстраціоннаго матеріала послужили:

Фотографіи съ памятниковъ; старинныя гравюры; гр. *И. Толстой* и *Н. Кондаковъ,* Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 1—6; *М. Погодинъ,* Атласъ историческій, географическій, археологическій, съ объясненіемъ; *Его-же,* Русскій историческій альбомъ; *П. Ивановъ,* Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей; Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. 1—5; Радзивилловская лѣтопись, изд. Общ. Любит. Древн. Письменности; Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изд. Государств. типографіи; *А. В. Висковатовъ,* Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, т. I; *Ѳ. Г. Солнцевъ,* Древности Россійскаго государства; *В. Прохоровъ,* Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ; *Его-же,* Христіанскія древности; *С. Стрекаловъ и Н. Костомаровъ,* Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка; *А. И. Успенскій,* Очерки по исторіи русскаго искусства; *И. Снегиревъ,* Памятники московской древности; *И. Снегиревъ* и *А. Мартыновъ,* Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества; *А. Мартыновъ,* Русскія достопамятности; *П. Савваитовъ,* Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора; *А. Савельевъ,* Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи; Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова въ XVII в.; *И. С. Бѣляевъ,* Практическій курсъ изученія древней русской скорописи; *Герберштейнъ,* Записки о московитскихъ дѣлахъ; *Олеарій,* Описаніе путешествія въ Московію; *Мейербергъ,* Альбомъ рисунковъ къ путешествію въ Московію; *И. Грабарь,* Исторія русскаго искусства; *А. Новицкій,* Исторія русскаго искусства; и др. изданія, сборники снимковъ и альбомы.

Опечатки:

			Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 31.	Строка	1 сн.	слаянъ,	славянъ,
„ 39.	„	7 св.	съ свою	въ свою
„ 52.	„	24 сн.	играбежомъ	и грабежомъ
„ 53.	„	7 сн.	посуху	по суху
„ 79.	„	9 сн.	славились	славилась
„ 104.	„	8 св.	назавтра	на завтра
„ 116.	„	2 сн.	напримѣръ.	напримѣръ,
„ 130.	„	9 св.	въ вами;	съ вами:
„ 162.	„	25 св.	А. Е. Прѣсняговъ	А. Е. Прѣсняковъ
„ 263.	„	2 св.	оревосходнаго	превосходнаго
„ 282.	„	13 сн.	мѣстѣхъ,	мѣстахъ,
„ 359.	„	9 сн.	игумены	игумены,
„ 492.	„	14 св.	1641 г.	1654 г.
„ 532.	„	9 св.	назначать новые	постановлять новые
„ 575.	„	20 св.	другимъ	людямъ
„ 617.	„	4 сн.	многочисленны	многолюдны
„ 621.	„	1 сн.	убь страны.	въ глубь страны.
„ 622.	„	23 сн.	вглубь	въ глубь
„ 624.	„	8 сн.	были	была

Предки русскаго народа.

Ни лѣтописи наши ни устныя преданія не помнятъ, когда и откуда появились въ Европѣ предки русскаго народа—славяне. Древнему міру они были извѣстны очень мало, а потому немногочисленныя записи греческихъ и римскихъ писателей очень туманны и сбивчивы; то, что они записали, дошло до нихъ самихъ, какъ можно думать, черезъ третьи руки; читая ихъ записи, часто можно только догадываться, что рѣчь идетъ о славянахъ. Первыя письменныя свидѣтельства русской лѣтописи о жизни древнихъ славянъ составлены частью по греческимъ записямъ, частью по своимъ народнымъ преданіямъ и легендамъ лишь около конца X вѣка, т.-е. много времени спустя послѣ того, какъ славяне обосновались на восточно-европейской равнинѣ.

Кромѣ письменныхъ памятниковъ, о прошлой жизни народа позволяютъ судить вещественные слѣды его быта—то, что онъ строилъ и выработалъ. Разбирая эти видимые остатки, можно судить о степени древности народа, объ его распространеніи по лицу земли, объ его бытѣ, нравахъ, вкусахъ и наклонностяхъ. Древніе люди имѣли обычай хоронить со своими покойниками тѣ вещи домашняго обихода, къ которымъ человѣкъ привыкъ, когда былъ живъ. Древніе вѣрили, что человѣкъ и послѣ смерти продолжаетъ жить подъ землей такъ же, какъ жилъ на землѣ. Поэтому, заботясь объ удобствахъ умершаго, они клали съ нимъ въ могилу оружіе, охотничью и рыболовную снасть, сосуды, украшенія, закалывали надъ могилой и клали туда же домашнихъ животныхъ и даже людей—рабовъ и женъ покойнаго. Когда разрываютъ такія могилы, то находятъ въ нихъ болѣе или менѣе сохранившіеся остатки положенныхъ туда предметовъ и по нимъ судятъ, какъ жилъ, чѣмъ занимался народъ, къ которому принадлежалъ покойникъ.

Ничто не сохраняетъ такъ долго въ человѣческомъ общежитіи свою форму, внѣшній видъ и качества, какъ предметы домашняго обихода. Если внимательно сравнивать предметы, отрытые въ очень древнихъ могилахъ, съ отрытыми въ могилахъ болѣе новыхъ, уже извѣстно, какому народу принадлежавшихъ, то можно установить болѣе или менѣе достовѣрно, какому народу принадлежали древнѣйшія могилы: тому ли самому, что и новѣйшія, извѣстныя, или другому. Такимъ-то вотъ путемъ, изслѣдуя могильники тѣхъ странъ, которыя и по сіе время обитаемы славянами, сравнивая при изслѣдованіи древнѣйшіе могильники съ позднѣйшими и принимая въ расчетъ древнѣйшія письменныя извѣстія, ученые установили, что первоначальнымъ населеніемъ славянства въ Европѣ были сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ, та часть ихъ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы и правые притоки верхней Припяти; отсюда поселки продвигались на средній Днѣпръ, къ Березинѣ и Деснѣ. Здѣсь, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи, славяне обитали еще въ то время, когда имъ не было извѣстно добываніе и употребленіе желѣза, и всѣ свои орудія: топоры, ножи, скребки и т. п., они дѣлали изъ кремня, изъ костей и роговъ животныхъ. Сколько-нибудь устойчивыхъ извѣстій объ этой порѣ жизни славянъ не сохранилось. Можно только сказать, что жизнь ихъ въ то время, навѣрное, ничѣмъ не отличалась отъ жизни народовъ, стоящихъ на такой ступени развитія, которую принято называть „каменнымъ вѣкомъ“.

Долго сохраняются въ жизни народовъ обычаи и обряды, празднества, выраженія общественной и семейной радости и горя, пѣсни, сказанія, сказки, примѣты, пословицы, поговорки. Прислушиваясь къ нимъ, сравнивая разныя описанія обрядовъ въ разное время у одного и того же народа, ученые легко выдѣляютъ древнѣйшія черты отъ позднѣйшихъ, которыя прибавляетъ жизнь, и могутъ болѣе или менѣе отчетливо представить себѣ, какъ жили, во что и какъ вѣрили древніе люди. Сохранившіяся въ обиходѣ черты древности принято называть пережитками. Часто бываетъ, что такой пережитокъ потерялъ уже давнымъ-давно всякій дѣйствительный смыслъ своего существованія, а между тѣмъ держится среди людей, и всѣ его исполняютъ. Случалось ли, напримѣръ, вамъ обратить вниманіе на тѣ двѣ-три пуговицы, которыя портные пришиваютъ къ нижней части рукава? Какой въ нихъ толкъ? Ни застегивать ни пристегивать тутъ нечего, да и красоты никакой нѣтъ. Обычай пришивать эти пуговицы унаслѣдованъ отъ тѣхъ временъ, когда обшлага рукавовъ шились съ большими отворотами, которые пристегивались къ рукаву пуговицами. На картинкахъ, изображающихъ людей начала XVIII и конца XVII вѣковъ, можно видѣть костюмы съ такими отворотами у рукавовъ. Давно уже они вывелись изъ моды, а пуговицы все-таки пришиваются!

Исторія начинаетъ ближе знать славянъ около IV вѣка

послѣ Р. X., когда они уже умѣютъ владѣть сдѣланнымъ изъ желѣза оружіемъ. Къ этому времени славяне продвинулись съ Карпатъ на югъ до Дуная, на востокъ до нижняго Днѣпра, жили на Вислѣ и къ сѣверу отъ Карпатъ. Страна, заселенная славянами, лежала на пути тѣхъ азіатскихъ ордъ, которыя въ первые вѣка послѣ Рождества Христова стремительнымъ потокомъ обрушились на европейскія страны. То были: готы, авары, гунны и др. Они вовлекли въ свои ряды и славянскія племена Прикарпатья. Вслѣдъ за ними славяне прознали пути въ богатыя владѣнія Византійской имперіи, лежавшія по нижнему Дунаю, въ сосѣдствѣ съ которымъ славянскія племена, спустившись съ Карпатъ, утвердились очень давно и жили очень долго, настолько долго, что лѣтопись наша, напр., не помнитъ настоящей прародины славянъ—Карпатъ, и считаетъ Дунай тѣмъ мѣстомъ, откуда вышли предки восточныхъ славянъ въ обитаемыя ими страны.

Придунайскіе славяне постоянно сталкивались съ греками. Первоначально это были хищническіе набѣги дикарей-славянъ на богатыя, но слабо защищенныя границы Византійской имперіи. Набѣги эти славянскія племена предпринимали подъ предводительствомъ сильнѣйшаго племени. Такимъ считалось у нихъ около VI вѣка племя дулѣбовъ, кстати и обитавшее ближе другихъ къ византійскимъ владѣніямъ. Въ VI вѣкѣ, во второй его половинѣ, союзъ славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ дулѣбовъ былъ разрушенъ нашествіемъ аваровъ, воспоминаніе о которомъ сохранила и наша лѣтопись въ слѣдующей записи: „Си же обрѣ (авары) воеваху на словенѣхъ и примучиша дулѣбы, сущая словѣни, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти обрина. Тако мучаху дулѣбы. Быша бо обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я: помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. Есть притча на Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ“.

Авары погибли, сметенные слѣдовавшей за ними волной варваровъ, но и дулѣбы были такъ обезсилены, что не могли болѣе стоять во главѣ славянскихъ племенъ. Къ этому времени относятся смутныя извѣстія о ссорахъ и раздорахъ славянскихъ племенъ другъ съ другомъ. Каждое племя живетъ съ этого времени какъ бы само по себѣ, и общая связь поддерживается только общими вѣрованіями, обрядами, обычаями и языкомъ.

Набѣги славянъ на греческую имперію, однако, не прекратились и продолжались до первой четверти VII вѣка. Опасности, которымъ подвергалась имперія отъ нападенія славянъ, заставили образованныхъ греческихъ людей ближе присматриваться къ своимъ врагамъ, чтобы узнать, какъ они живутъ и управляются, каковы ихъ обычаи и нравы. Свои наблюденія надъ жизнью славянъ они записывали. Благодаря ихъ записямъ, а также вещественнымъ памятникамъ славянскаго житья-бытья, сохранившимся въ могилахъ, можно составить себѣ нѣкоторое предста-

вленіе о томъ, какъ жили предки русскаго народа, славяне, около VI вѣка по Р. Х. Но эти наблюденія были довольно случайны, а потому отрывочны и неполны.

По неяснымъ и скуднымъ извѣстіямъ византійцевъ, славяне управлялись многочисленными царьками, или филархами, т.-е. племенными князьками и родовыми старѣйшинами, и имѣли обычай собираться на совѣщанія объ общихъ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ византійскіе писатели указываютъ на недостатокъ согласія и частыя усобицы среди славянъ. Эти извѣстія относятся къ VI и VII вв. по Р. Х. Неизвѣстно, что это были за князья и княженія, какъ и въ чемъ выражалась власть князя въ племени, какъ относились къ его власти люди, составлявшіе племя. Вѣроятнѣе всего, что это были мелкіе родовые князьки, выбранные отдѣльными родами, или союзами большихъ семей, чтобы вести порядокъ въ племени, предводительствовать на войнѣ и на большой охотѣ, держать третейскій судъ и приносить торжественныя жертвы богамъ.

Описывая жизнь славянъ, греческіе писатели всегда отмѣчаютъ, что славяне „часто переселяются". Причинъ тому было много: увеличивалось количество народа, такъ что жить и кормиться въ Прикарпатской сторонѣ становилось трудно; слишкомъ участились набѣги дикихъ племенъ, дѣлавшихъ жизнь здѣсь опасной и тревожной. Особенно должно было подѣйствовать на славянъ въ этомъ смыслѣ аварское нашествіе. Современникъ-византіецъ разсказываетъ, что послѣ нашествія аваровъ славяне раздѣлились на отдѣльныя племена. Наконецъ, собственная страсть славянъ къ набѣгамъ пріучала ихъ все меньше дорожить родиной и все больше влекла на чужбину. А изъ Прикарпатскаго края, благодаря вытекающимъ отсюда во всѣ четыре стороны свѣта рѣкамъ и рѣчкамъ, открывался широкій и свободный путь на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ.

Ушедшія къ западу племена славянъ поселились въ нынѣшней Чехіи и отсюда вверхъ по рр. Савѣ, Дравѣ и Моравѣ проникли далеко на западъ. Отъ этихъ славянъ произошли нынѣшніе чехи, моравы, словаки, хорутане и другія племена западныхъ славянъ. Ушедшіе на Вислу и тамъ поселившіеся славяне сдѣлались родоначальниками нынѣшнихъ поляковъ. Двинувшіяся на сѣверъ отъ Карпатъ племена сѣли, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Эльбѣ, которая тогда называлась Лабой; отсюда и сами они получили названіе полабскихъ славянъ. Часть ихъ ушла еще далѣе на сѣверъ и заселила южное побережье Балтійскаго моря—сѣверо-восточную часть нынѣшней Пруссіи. Эти племена прозвались поморянами. Обѣ эти вѣтви славянства, полабскіе славяне и поморяне, столкнулись здѣсь съ нѣмцами и послѣ долгой борьбы съ ними не устояли, подчинились нѣмцамъ и мало-по-малу путемъ браковъ и насильственнаго подчиненія слились съ нѣмцами, образовавъ съ ними одинъ народъ—прусскій.

Спустившіяся къ югу отъ Карпатъ славянскія племена

проникли за Дунай и заселили почти весь Балканскій полуостровъ. Отъ этихъ племенъ произошли нынѣшніе сербы, болгары, черногорцы, босняки и герцеговинцы. Немало славянской крови влилось путемъ браковъ и въ жилы нынѣшнихъ грековъ.

Отошедшая на сѣверо-востокъ отъ Карпатъ вѣтвь славянства по Припяти достигла Днѣпра и, расселяясь по этой могучей рѣкѣ и ея притокамъ, столкнулась и смѣшалась съ другой вѣтвью славянства, проникшей на Днѣпръ съ юга, отъ Дуная. Здѣсь славяне осѣли сначала по нижнему и среднему теченію Днѣпра, занявъ западный его берегъ, затѣмъ они овладѣли и верховьями его. Часть ихъ перебралась и на восточную сторону рѣки и достигла, постепенно распространяясь, до Оки и Средней Волги; другіе же двинулись по Западной Двинѣ и, идя далѣе къ сѣверу, за Западную Двину, добрались до Ильменя-озера, до Ладоги и Невы.

Восточные славяне раздѣлялись на нѣсколько племенъ. То были: *поляне,* обитавшіе по среднему Днѣпру, около нынѣшняго Кіева; *древляне,* жившіе по Припяти; *дреговичи*—по Березинѣ; *полочане*—по Западной Двинѣ; *сѣверяне*—по Деснѣ; *радимичи*—по Сожу; *вятичи*—по Окѣ и Угрѣ; *кривичи*—между Западной Двиной и верхнимъ Днѣпромъ; часть ихъ проникла на Ильмень-озеро и получила названіе *ильменскихъ славянъ; тиверцы* и *уличи* жили по южному Днѣпру и Днѣстру; *дулѣбы* и *волыняне*—по Бугу.

Эти-то вотъ племена, расселяясь постепенно все дальше на востокъ и сѣверъ, заняли всю сѣверо-восточную половину Европы и создали русское государство.

Каждое племя восточныхъ славянъ состояло изъ соединенія многихъ родовыхъ и семейныхъ союзовъ. Выражался этотъ союзъ тѣмъ, что старѣйшины, или князьки отдѣльныхъ родовъ, собирались вмѣстѣ на сходки, на которыхъ обдумывали и рѣшали дѣла всего племени, затѣвали и обсуждали различныя военныя предпріятія или охоты сообща.

Жили славяне отдѣльными поселками—небольшими одиночными и семейными, или большими—родовыми.

Объ этомъ знаетъ и наша лѣтопись. Тамъ читаемъ, что славяне „живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще родомъ своимъ“. Жить родомъ значило то, что всѣ люди, происходившіе по родству отъ одного родоначальника, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ работали, все имѣли общее и работали — пахали землю или охотились—сообща.

Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ, старѣйшина, которымъ всегда бывалъ самый старѣйшій по лѣтамъ изъ всѣхъ родичей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно было рѣшить, кто старѣйшій по лѣтамъ, старѣйшину выбирали изъ взрослыхъ и почтенныхъ по годамъ и жизни родичей. Родовой старѣйшина наблюдалъ за сохраненіемъ мира и порядка въ родѣ, былъ судьей въ мирное время и предводителемъ на войнѣ.

Итакъ, слѣдовательно, родомъ называлось собраніе родствен-

ныхъ по происхожденію семей, жившихъ подъ управой старѣйшаго родича—родоначальника, родового старѣйшины.

Въ семейной жизни славянъ господствовало единобрачіе. Многоженство, хотя и встрѣчалось, было въ общемъ рѣдко. Браки у разныхъ славянскихъ племенъ заключались не одинаково. Въ то время, какъ одни, по словамъ лѣтописи, „умыкаху у воды дѣвица“, другія же „схожахуся межю селы на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“, у третьихъ „женихъ по невѣстѣ не хожаше, но привожаху (ему невѣсту) вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче“, т.-е. у этого племени славянъ женихъ покупалъ себѣ невѣсту, давая за нее ея родичамъ, терявшимъ работницу, выкупъ—вѣно.

Брачные обычаи, особенно умыканіе, т.-е. воровство дѣвицъ, вносили немало разлада во взаимныя отношенія родовъ. Каждый родъ берегъ своихъ дѣвушекъ, какъ работницъ. Умычка работницы приносила убытокъ роду, и родъ искалъ возмѣстить свой убытокъ съ похитителя, требовалъ вознагражденія съ укравшаго и его родичей и въ случаѣ отказа брался за оружіе. Обыкновенно похититель соглашался заплатить выкупъ, и тогда все улаживалось мирно. Иногда женихъ заранѣе уговаривался съ родителями невѣсты о платѣ за нее, и тогда умычка была только исполненіемъ стараго обычая, если только считали нужнымъ его соблюсти. Невѣсту, по выплатѣ вѣна, передавали жениху съ рукъ на руки. До сихъ поръ въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ сохранились отголоски тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда бракъ являлся куплей-продажей невѣстъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи соблюдается слѣдующій обычай: подлѣ невѣсты передъ приходомъ жениха садится братъ ея или другой родственникъ. Дружка спрашиваетъ его: „Зачѣмъ сидишь здѣсь?“—„Я берегу свою сестру“,—отвѣчаетъ тотъ. „Она уже не твоя, а наша!“—возражаетъ дружка. „А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормъ. Я одѣвалъ ее, поилъ, кормилъ“.—„Сколько же она тебѣ стоила?“—спрашиваетъ дружка. Сидящій возлѣ невѣсты начинаетъ перечислять, что онъ истратилъ на ея прокормъ. Дружка, выслушавъ, даетъ ему монету, но тотъ говоритъ: „Мало!“. Дружка даетъ еще, и такъ до трехъ разъ. Потомъ сидящій встаетъ, и на его мѣсто садится женихъ.

Если обиженному роду, у котораго чужаки похищали женщину, они отказывались уплатить ея рабочую стоимость, то начиналась вражда родовъ. Проливалась кровь. А такъ какъ у славянъ было въ обычаѣ мстить за убійство, причемъ обязанность эта переходила отъ одного родича къ другому и каждое новое убійство вызывало и новыхъ мстителей, то понятно, что̀ происходило: члены отдѣльныхъ родовъ рѣзались на̀смерть, подстерегали и убивали другъ друга, и это длилось иногда до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ родовъ-соперниковъ не бывалъ вырѣзанъ дочиста, до послѣдняго человѣка. Родовая месть возбуждалась и по всякому другому поводу — нечаянное убійство, ссора, кража, словомъ,

всякое столкновеніе грозило разрѣшиться этимъ страшнымъ обычаемъ. Умычка невѣстъ и обычай родовой мести поселяли и поддерживали большую рознь между отдѣльными родами. Византійцы, наблюдавшіе этотъ чуждый имъ строй жизни, утверждаютъ, что славяне не умѣли жить въ мирномъ согласіи и „между ними господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому“.

По мѣрѣ того, какъ разрасталось количество членовъ отдѣльныхъ родовъ и увеличивалось родовое имущество, родовыя связи слабѣли. Старому, дряхлому родоначальнику становилось не подъ силу управлять сильно разросшимся родомъ. Все труднѣе и труднѣе становилось и родичамъ рѣшать, кто изъ нихъ старше. Стали часты случаи, когда племянникъ по годамъ оказывался много старше своего дяди, или слишкомъ дряхлый старѣйшій родичъ явно не годился быть главой рода. Первое время въ такихъ разросшихся родахъ стали допускать, чтобы старѣйшина избиралъ себѣ преемника при жизни и правилъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы узаконяя такимъ путемъ его власть послѣ своей смерти. Но случалось, что родоначальникъ умиралъ неожиданно, внезапно, бывалъ, напримѣръ, убитъ на войнѣ и не успѣвалъ назначить себѣ преемника. Тогда родичамъ разросшагося рода приходилось самимъ избирать себѣ родовладыку.

Распаденію родового быта больше всего способствовала необходимость переселенія подъ напоромъ враговъ. Уже на Поднѣпровье племена славянъ должны были прійти съ нарушеннымъ строемъ родовой жизни. Передвигаясь подъ натискомъ аваровъ съ Карпатъ и Дуная на Днѣпръ, они, вѣроятно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходили сюда цѣлыми родовыми группами. А если доходили, то въ новомъ краю, глухомъ и лѣсистомъ, находили крайне неблагопріятныя условія для жизни цѣлыми родами. Большому роду трудно было найти здѣсь мѣсто, на которомъ онъ могъ бы сразу поселиться всей кучей достаточно тѣсно, чтобы не рисковать разставить отдѣльныя семьи слишкомъ далеко одна отъ другой и уже этимъ однимъ ослабить родственную связь. Отдѣльнымъ семьямъ невольно приходилось здѣсь отбиваться отъ рода въ поискахъ удобнаго мѣстожительства; самое переселеніе не было свободной перекочевкой не спѣша, заранѣе обдуманной и налаженной: люди бѣжали, спасая свою жизнь отъ свирѣпыхъ аваровъ,—тутъ было не до сохраненія родовой связи. Отдѣльныя семьи иногда очень далеко отбивались отъ рода, и тогда власть старѣйшины рода, такъ сказать, не достигала ихъ. У такой отдѣлившейся семьи появлялось и свое отдѣльное имущество, такъ какъ работать, добывать себѣ пропитаніе ей приходилось одной и только на себя, на свой страхъ и рискъ и своими только средствами.

Но одной семьѣ было трудно бороться за свое существованіе въ той суровой и новой обстановкѣ, какую создавали для жизни естественныя условія Поднѣпровья. Подъ давленіемъ нужды отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ различныхъ родовъ, случайно основавшимся на новыхъ мѣстахъ близко другъ отъ друга, пришлось соединиться для совмѣстной работы и для самозащиты. Такіе союзы семей, связанные не столько родствомъ и происхожденіемъ отъ одного родоначальника, сколько взаимной выгодой и сотрудничествомъ, скоро стали господствующей формой общежитія у восточныхъ славянъ. У черногорцевъ и герцеговинцевъ можно еще теперь наблюдать существованіе такихъ союзовъ-семей, которые называются у нихъ „задруги", „велики кучи", „заедины".

Основныя задруги были, вѣроятно, очень немногочисленны, заключая въ себѣ человѣкъ 20 или 25 взрослыхъ мужчинъ-работниковъ, не считая стариковъ, женщинъ и дѣтей; бывали, конечно, задруги и болѣе обширныя, заключавшія однихъ взрослыхъ мужчинъ до 50 и болѣе человѣкъ.

Но вотъ большая семья еще разрастается. Рождаются и вырастаютъ младшіе, принимаются или „присусѣдиваются" новые насельники. Такъ какъ почти всегда родится и выживаетъ людей больше, чѣмъ умираетъ, то количество взрослыхъ въ большой семьѣ и въ группахъ отдѣльныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ, все увеличивается.

Становится тѣсно и работать, т.-е. охотиться и обрабатывать землю. Въ тѣ времена землю подъ пашню подготовляли тѣмъ, что выжигали росшій на ней лѣсъ. Удобренная золой земля давала богатый урожай лѣтъ пять-шесть подъ-рядъ, а потомъ истощалась, и тогда приходилось выжигать новый лѣсной участокъ; земли для такого способа веденія хозяйства требовалось очень много, и потому не мудрено, что семьи рода стремились селиться какъ можно рѣже. Охота и бортничество, самые распространенные тогда промыслы, требовали тоже большихъ пространствъ земли на каждую семью.

По вычисленіямъ и наблюденіямъ одного ученаго, пока люди занимаются только охотой, которою живутъ и кормятся, каждому охотнику, чтобы просуществовать и прокормиться, нуженъ огромный просторъ; у охотниковъ-эскимосовъ, напримѣръ, на каждые сто кв. километровъ (1 кв. километръ—0,878 кв. версты) приходится всего только два человѣка населенія; даже въ неизмѣримо болѣе богатой всѣми естественными благами, нежели родина эскимосовъ, Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ 3 человѣка охотниковъ. Когда люди занимаются скотоводствомъ, то та же площадь земли можетъ прокормить попрежнему немного людей; такъ, въ Киргизскихъ степяхъ на 1 кв. километръ приходится по 1 жителю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестана одинъ житель приходится на 2 кв. километра. Когда люди занимаются земледѣліемъ, то могутъ жить значительно гуще: тогда на одномъ кв. километрѣ могутъ жить до 40 человѣкъ.

При занятіи промышленнымъ трудомъ, когда искусственно удобряется земля, когда можно удобно и скоро продать въ городѣ хлѣбъ и купить платье, обувь и прочее, на одномъ кв. километрѣ могутъ прожить и прокормиться до 160 человѣкъ. Наконецъ, когда люди занимаются только торговлей, т.-е. получаютъ хлѣбъ изъ другихъ странъ и платятъ за него своими промышленными и фабричными издѣліями, тогда на одномъ кв. километрѣ земли можетъ просуществовать громадное количество населенія.

Благодаря тѣснотѣ, возникавшей по мѣрѣ разрастанія отдѣльныхъ задругъ, среди нихъ увеличиваются случаи взаимнаго недовольства. Охотники одной задруги, сталкиваясь въ своихъ скитаньяхъ съ охотниками, членами чуждой имъ задруги, не всегда могли мирно разойтись. Начнутъ, напримѣръ, гнать звѣря одни, а его перенмутъ нарочно или нечаянно сосѣди. Подымается ссора, споръ, драка. То же происходитъ и у земледѣльцевъ. Запалятъ огонь на облюбованномъ участкѣ земли въ одной задругѣ, но не разсчитаютъ силы и направленія вѣтра, глядишь, огонь перекинуло дальше намѣченной черты, сгорѣла огромная площадь лѣса, выгорѣли и тѣ участки, гдѣ, можетъ-быть, черезъ годъ или два рѣшили жечь лѣсъ сосѣди. Опять недоразумѣніе, ссора, драка, есть раненые, даже убитые. А по старому обычаю за убійство надо мстить. Начинается охота за людьми, и создаются новые поводы для мести. Родъ возстаетъ на родъ, семья рѣжется съ семьей, члены одной задруги организуютъ походъ на сосѣднюю задругу. Жить становится невмоготу—и тѣсно, и безпокойно, и опасно.

Тогда отдѣльныя семьи уходятъ подальше, направляясь обыкновенно вверхъ или внизъ по теченію той рѣки, у которой жили, и на новомъ мѣстѣ устраиваются жить по-старому.

Гдѣ-нибудь у опушки большого лѣса, неподалеку отъ рѣки или озера, на высокомъ сухомъ мѣстѣ располагалось жилье. Жилье побольше, обнесенное землянымъ валомъ, служитъ домомъ старшинѣ; здѣсь же, внутри вала или возлѣ него, собираются задружники для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Въ студеную зимнюю пору здѣсь горитъ всегда огонь въ прочномъ очагѣ, и каждый задружникъ можетъ прійти сюда изъ своей на живую нитку смётанной хибарки погрѣться. Жилья остальныхъ семей разбросаны вокругъ въ безпорядкѣ: всякій ставитъ свое жилье тамъ, гдѣ ему удобнѣе, окружая его землянымъ валомъ какъ для тепла, такъ и въ цѣляхъ безопасности отъ дикаго звѣря и злого человѣка.

Самыя жилища славянъ этого времени, какъ можно судить по раскопкамъ, — полуземлянки, надъ которыми дѣлались надстройки, сгороженныя въ родѣ шалаша изъ жердей и тонкихъ бревенъ, сколоченныхъ деревянными гвоздями, связанныхъ лыкомъ и скрѣпленныхъ смолой, хворостомъ, дерномъ; крыша поддерживалась крѣпкимъ столбомъ, возвышавшимся посреди жилья; полъ жилья былъ земляной, плотно убитый, посыпанный пескомъ;

внутри „жилитва“ находился глиняный очагъ, истопка; отсюда произошло наше слово „изба“—истба, т.-е. жилье съ истопкой. Изъ домашней обстановки въ такомъ жильѣ, кромѣ печи-очага, надъ которымъ въ крышѣ было прорѣзано отверстіе для выхода дыма, имѣлись „лавы“—лавки и столъ; „столъ“ въ современномъ его значеніи, т.-е. въ смыслѣ мебели почти несдвигаемой съ мѣста, за которой сидятъ, выработался довольно поздно, и столомъ въ древности называли низкую передвигаемую подставку, одинаково годную и для того, чтобы ставить на нее пищу, и для того, чтобы сидѣть на ней; низкія „лавы“, неподвижно устроенныя у стѣнъ, были покрыты „коврами“, т.-е., вѣроятно, просто шкурами звѣрей, трофеями охоты. Жилье обносили обыкновенно высокимъ землянымъ валомъ.

По всему пространству нашей равнины находятся многочисленные остатки земляныхъ валовъ. Иногда эти насыпи еле замѣтны, стертыя всесокрушающей рукой времени, но часто и очень явственны и сохранились сравнительно хорошо. Валы разсѣяны обыкновенно на разстояніи 3, 4, 5, даже 8 верстъ одинъ отъ другого. Ихъ принято называть городищами.

Планъ городища.

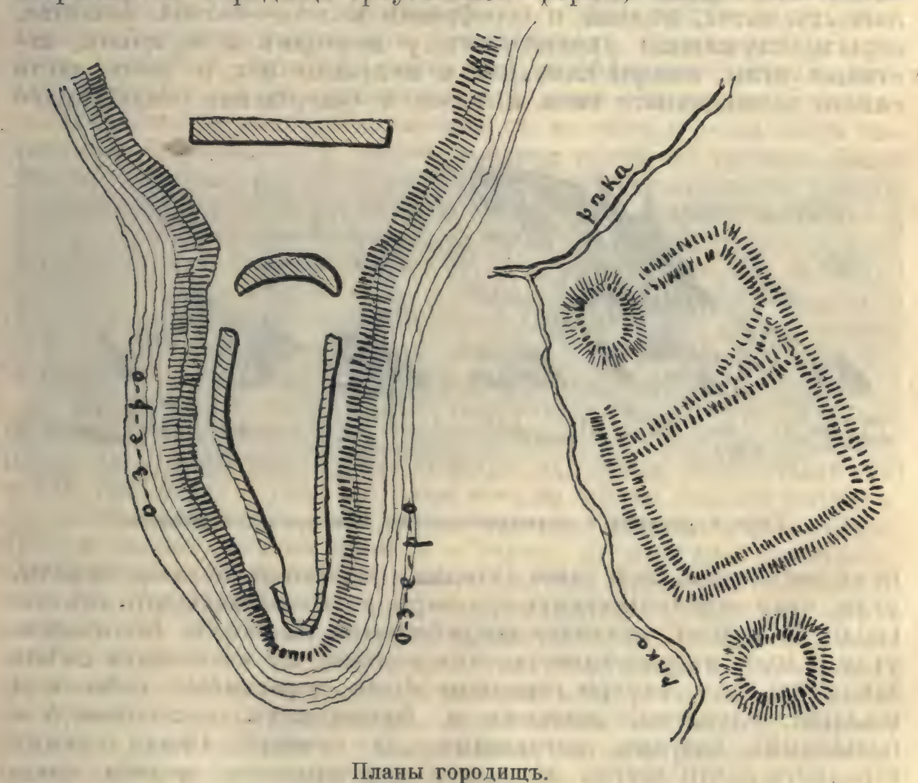
Планъ городища.

„Древнѣйшія городища,—говоритъ проф. Д. Я. Самоквасовъ, — за немногими исключеніями, расположены на наиболѣе высокихъ пунктахъ высокихъ побережій, защищены съ двухъ или трехъ сторонъ естественными оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а со стороны, примыкающей къ ровному открытому полю, обведены искусственными укрѣпленіями, валами и рвами. Немногія городища, представляющія исключеніе, поставлены въ мѣстахъ низменныхъ, на лугахъ, и въ этомъ случаѣ всегда на мѣстахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ или окружавшихся водою. Городищъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, я нигдѣ не встрѣчалъ“. Особенно излюбленными мѣстами для городищъ были возвышенные мысообразные уступы, образующіеся при сліяніи рѣкъ; тогда двѣ стороны треугольника защищали рѣки, а третью, основаніе его, образовалъ высокій валъ, съ широкимъ рвомъ передъ нимъ.

„Внутренняя часть или площадь городищъ, расположенныхъ на высокихъ побережьяхъ, всегда представляетъ собою отрѣзокъ горы, отдѣленный отъ прилегающаго поля насыпнымъ валомъ и выкопаннымъ рвомъ, а со стороны естественныхъ укрѣпленій ровно обрѣзанный, такъ что подходъ къ городищу съ луговой стороны очень затруднителенъ, а подъѣздъ невозможенъ. Величина площади большей части изслѣдованныхъ мной городищъ

измѣняется отъ 300 до 450 шаговъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія — до 200 шаговъ, и большія—до 1.000 шаговъ въ окружности“; въ среднемъ чаще всего встрѣчаются городища, валъ которыхъ охватываетъ пространство, еле достаточное для того, чтобы внутри его могъ умѣститься современный среднiй крестьянскiй дворъ. Меньшія городища въ большинствѣ случаевъ оказываются при изслѣдованіи древнѣйшими.

Форма площади опредѣляла внѣшнiй видъ городищъ; встрѣчаются городища треугольной формы, болѣе или менѣе

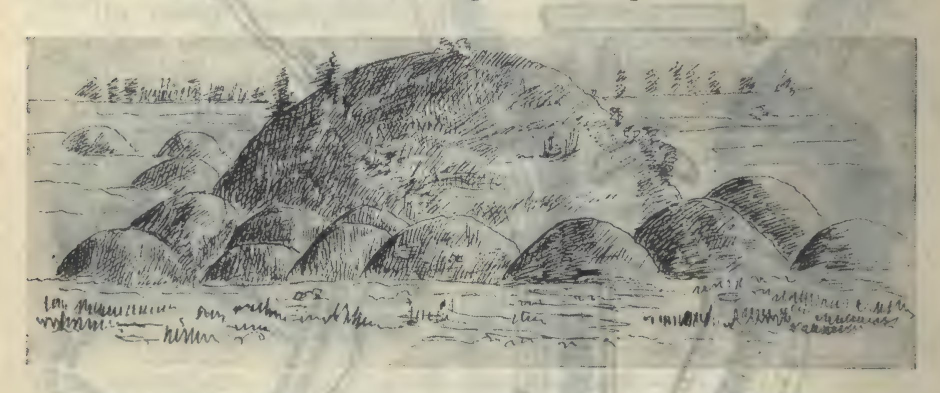

Планы городищъ.

отчетливо выраженной прямоугольной, но чаще всего встрѣчаются круглыя почти правильной формы и овальныя или яйцеобразной формы. Входъ во всѣхъ городищахъ помѣщенъ обыкновенно съ той стороны, которая выходитъ на открытое поле, отдѣленное отъ площади городища рвомъ и валомъ, и обращенъ почти всегда на востокъ. Обыкновенно городища окружены только однимъ валомъ со рвомъ, но встрѣчаются и такія, гдѣ земляныя укрѣпленія устроены сложнѣе: отъ главнаго вала выдвинуты полукружьемъ валы въ сторону, ровъ идетъ вокругъ двумя полосами, раздѣленными тоже валомъ, и т. п.; высота вала

въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаетъ 2 арш. 10 вершк.; по валу вбивали иногда частоколъ.

При раскопкахъ внутренней площадки городищъ изслѣдователи наталкиваются на цѣлые слои всякаго мусора и щебня, неизбѣжно образующагося изъ разныхъ твердыхъ отбросовъ хозяйства на жилыхъ мѣстахъ. Тутъ попадаются черепки, щебень, уголь, зола, кости животныхъ, птицъ и рыбъ, которыми питались обитатели, случайно затерявшіеся предметы обихода—какіе-нибудь маленькіе сосуды, обломки ножей и рогатинъ, грузила отъ рыболовныхъ сѣтей, мѣдная и серебряная мелочь—кольца, запястья, серьги, служившія украшеніемъ у женщинъ и мужчинъ, костяныя иглы, топоры каменные и желѣзные и т. п. вещи, часто самаго неожиданнаго вида, а порой и совершенно неизвѣстнаго

Типъ кургановъ и могильниковъ въ Новгородской области.

намъ назначенія. Всѣ такія находки попадаются часто среди золы, угля, что свидѣтельствуетъ о пожарѣ, во время котораго онѣ погибли и потомъ остались погребенными въ землѣ. Количество угля и золы иногда бываетъ такъ велико, что позволяетъ смѣло заключить, что внутри городища были деревянныя избы или шалаши, служившіе жильемъ и, быть-можетъ, сожженныя безпощаднымъ врагомъ, мстившимъ „за своихъ". Около такихъ городищъ почти всегда находятся курганы—это древнія кладбища, въ которыхъ обитатели городищъ хоронили своихъ покойниковъ.

Раскопки древнихъ кургановъ и городищъ прежде всего свидѣтельствуютъ, что они возникли въ разное время, и эпохи возникновенія ихъ отстоятъ въ отдѣльныхъ случаяхъ на цѣлыя столѣтія одна отъ другой. Разсѣянные по всему огромному пространству Россіи курганы и городища являются дѣломъ рукъ различныхъ племенъ, и въ наукѣ далеко еще не выяснено съ достаточной обстоятельностью и точностью ни время возникновенія, ни принадлежность тѣмъ или инымъ племенамъ этихъ земляныхъ свидѣтелей далекаго прошлаго. Далеко не всегда

на безспорныхъ основаніяхъ приписываются отдѣльныя могилы и городища, или группы ихъ, славянскимъ племенамъ, финскимъ или инымъ.

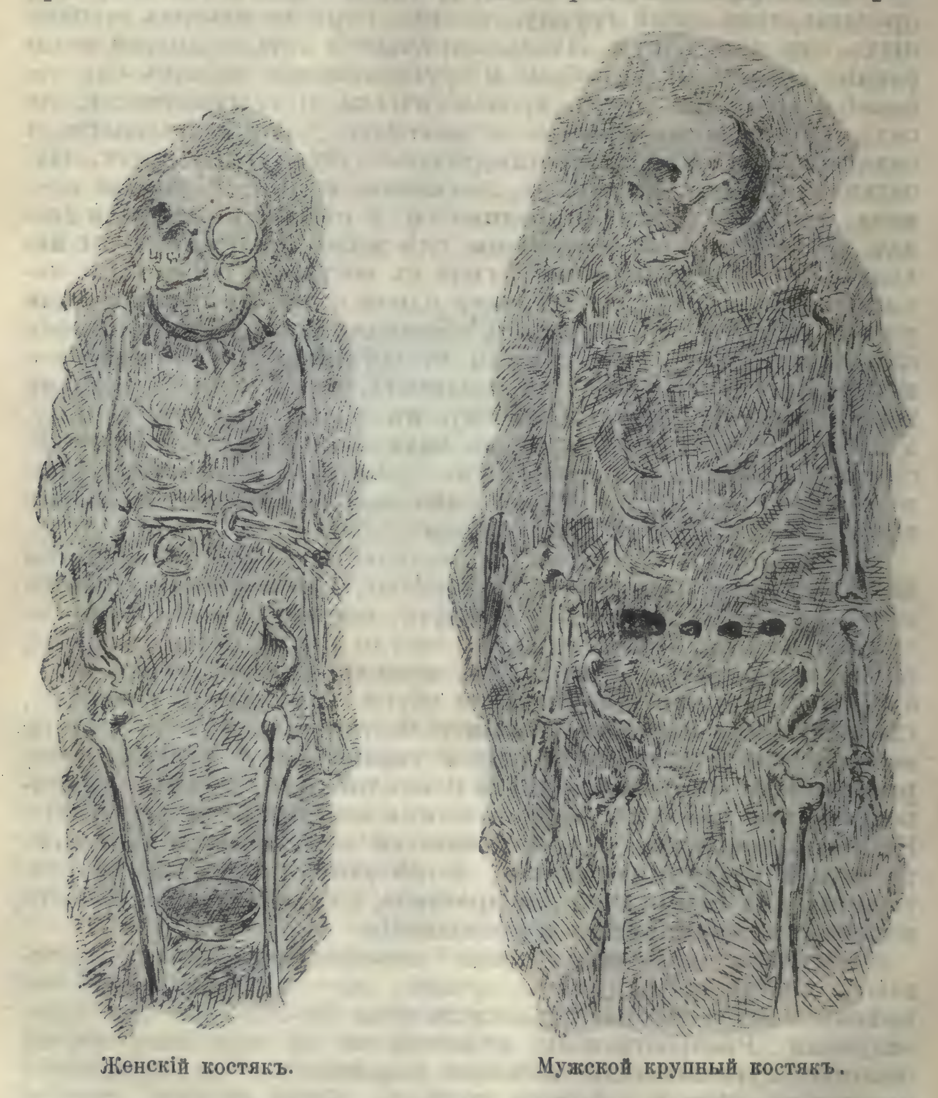
„Могилы славянской эпохи,—говоритъ проф. Л. Нидерле,—представляютъ собой группу, до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ еще загадочную. Здѣсь встрѣчаются тотъ и другой похоронные обряды—и погребеніе и трупосожженіе; но какъ они относятся другъ къ другу хронологически и географически, до сихъ поръ еще съ точностью не выяснено. Данныя археологіи и свидѣтельства исторіи противорѣчатъ здѣсь другъ другу. Начальная лѣтопись, напримѣръ, разсказываетъ, что славянскія племена кривичей, вятичей, радимичей и сѣверянъ сожигали своихъ мертвыхъ. А на территоріи, гдѣ жили эти племена, мы находимъ большое количество могилъ съ костями и очень часто находимъ оба обряда въ могилахъ одной и той же группы. Одни ученые думаютъ, что могилы съ костяками принадлежатъ одному славянскому племени, а могилы съ остатками трупосожженія—иному. Другіе изслѣдователи полагаютъ, что могилы со слѣдами трупосожженія слѣдуетъ относить къ болѣе древнему періоду, а могилы съ костяками, судя по находимымъ въ нихъ византійскимъ и арабскимъ монетамъ, не древнѣе X вѣка, стало-быть, можно думать, что погребеніе сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ только подъ вліяніемъ христіанства“.

Проф. В. Б. Антоновичъ раздѣляетъ славянскіе курганы на три группы: 1) курганы древлянскіе, гдѣ костякъ находится почти на уровнѣ почвы и по контуру окруженъ воткнутыми въ землю гвоздями; оружіе и цѣлые сосуды рѣдки, больше мелкихъ бытовыхъ предметовъ—желѣзные ножики, оселки, украшенія—бусы и кольца, клочки одежды и обуви; 2) курганы полянскіе, гдѣ покойникъ погребенъ большею частью верхомъ на лошади, въ ямѣ, при немъ много оружія и украшеній; 3) курганы сѣверянскіе, гдѣ встрѣчаются почти исключительно только сожженные костяки и пострадавшее отъ огня вооруженіе и украшенія. Но это подраздѣленіе особой точностью не отличается, такъ какъ въ странѣ полянъ, напримѣръ, встрѣчаются погребенія, характерныя и для сѣверянъ и для древлянъ, а въ сѣверянской области встрѣчаются и полянскія и древлянскія.

Курганы ильменскаго или новгородскаго края достигаютъ иногда до 15 и болѣе аршинъ высоты; обыкновенно это крѣпкія крутобокія насыпи, окруженныя по подошвѣ крупными валунами. Распространеніе христіанства не нарушило обычая насыпать курганы надъ могилами покойниковъ, но несомнѣнно прекратило обычай сжиганія труповъ. Тогда въ силу стараго обычая, отъ котораго трудно было отстать, стали жечь только костры на могилахъ, сжигая при этомъ иногда остатки „тризны“, т.-е. поминальнаго пира. Понемногу вывелось и это, но до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Россіи, какъ бы въ воспоминаніе стараго обычая, посыпаютъ вырытую могилу золой; существуетъ

также обычай посыпать пепломъ тѣло почившаго послѣ и даже во время церковнаго обряда погребенія.

Гробницы съ остатками трупосожженія считаются болѣе древними. Но и онѣ бываютъ двоякаго рода. Въ однѣхъ, по раз-

Женскій костякъ. Мужской крупный костякъ.

мѣрамъ всегда бо̀льшихъ, трупъ умершаго, какъ видно по обстановкѣ, былъ сожженъ тутъ же, на мѣстѣ, и надъ его прахомъ и пепломъ и былъ насыпанъ курганъ. По устройству другихъ, всегда меньшихъ по размѣру, можно думать, что трупъ былъ сожженъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, особо для

того предназначенномъ, а затѣмъ пепелъ былъ собранъ въ небольшую урну, глиняный сосудъ, и перенесенъ на мѣсто погребенія. Обрядъ похоронъ въ курганахъ того и другого вида можетъ

Предметы, находимые въ древнихъ могилахъ.

быть возстановленъ на основаніи сдѣланныхъ раскопокъ довольно отчетливо.

При похоронахъ, когда курганъ насыпался на томъ самомъ

мѣстѣ, гдѣ предавали огню трупъ умершаго, приготовляли сначала насыпь отъ одного до шести аршинъ отвѣсной высоты и отъ 50 до 200 аршинъ въ окружности. На этой насыпи устраивали кострище изъ различнаго дерева — дуба, березы, ольхи, сосны, какъ можно судить по угольямъ. Кострище сколачивали желѣзными гвоздями. Что костеръ складывался очень большой, видно по множеству остатковъ различныхъ предметовъ, которые находятъ въ золѣ и пеплѣ, и по толщинѣ слоя этого пепла, который достигаетъ въ нѣкоторыхъ курганахъ до полуаршина и болѣе. Положивъ трупъ въ сани или въ ладью, о чемъ свидѣтельствуютъ записи очень древняго происхожденія, ставили все это на костеръ.

Трупъ одѣвали возможно пышнѣе. На костеръ складывали вооруженіе покойнаго, сбрую, разныя домашнія орудія, игральныя кости, монеты, хлѣбъ въ зернѣ, домашнихъ животныхъ—особенно лошадей, собакъ. По нѣкоторымъ раскопаннымъ курганамъ можно заключить, что жену умершаго постигала горькая участь быть сожженной съ мужемъ. „Въ Черной могилѣ (въ Черниговской губ.),—пишетъ проф. Д. Я. Самоквасовъ,—явственно можно различить два сожженныхъ трупа; характерныя человѣческія кости: зубы, кости пальцевъ, позвонки, попадались въ двухъ частяхъ кострища, отстоящихъ на разстояніи около трехъ аршинъ одна отъ другой, причемъ при одномъ костякѣ были найдены преимущественно вещи, свойственныя мужчинѣ: пряжки и бляхи пояса, грудныя застежки, массивныя пуговицы, стрѣлы, копья, мечи, щиты, тогда какъ при другомъ костякѣ изобиловали предметы, болѣе свойственные женщинѣ: серьги, бусы, кольца, дутыя серебряныя пуговицы, ножницы, гребенки. Судя по разстоянію, отдѣляющему кости, при которыхъ были найдены вещи болѣе свойственныя мужчинѣ, отъ костяка съ предметами женскаго обихода, надо думать, что трупы возлагались на костеръ не рядомъ, а на разстояніи около двухъ аршинъ одинъ отъ другого. Послѣ сожженія пепелище засыпали слоемъ земли, отъ полуаршина до пяти и болѣе аршинъ, смотря по предположенной величинѣ кургана. На этомъ слоѣ въ центрѣ его ставили глиняный сосудъ съ костями животныхъ, быть-можетъ, принесенныхъ въ жертву при погребеніи или просто сожженныхъ въ честь умершаго, съ глубокой вѣрой, что эти животныя понадобятся въ его новой жизни. Тутъ же клали иногда оружіе и кое-что изъ домашней утвари. Жертву сожигали не возлѣ трупа умершаго, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и въ курганъ ставили только перегорѣвшія кости и пепелъ“. Ни въ одномъ курганѣ не было замѣчено слѣдовъ сожженія жертвенныхъ вещей и животныхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ находили. Въ Черной могилѣ, въ жертвенной части, между вещами, несомнѣнно сожженными (обугленныя кости и шерсть барана, двѣ кольчуги, два длинныхъ ножа), найдены два окованныхъ серебромъ рога и двѣ золотыхъ монеты, на которыхъ не видно слѣдовъ огня—значитъ, эти вещи были положены послѣ

Предметы, находимые въ древнихъ могилахъ.

того, какъ жертвенные дары сгорѣли. Поверхъ жертвы насыпали землю, иногда перемѣшанную съ камнемъ и щебнемъ, слоемъ отъ двухъ до шести и болѣе аршинъ, смотря по тому, какой величины курганъ предполагался. Вершину кургана тщательно обдѣлывали, придавая ей сферическую форму". На вершинѣ Черной могилы проф. Д. Я. Самоквасовъ обнаружилъ „явные слѣды памятника, разрушеннаго временемъ". По мнѣнію этого ученаго изслѣдователя, „можетъ-быть, и на другихъ курганахъ этой формы ставились какіе-либо знаки или памятники", потомъ исчезнувшіе. Но вообще на вершинахъ кургановъ какихъ-либо сооруженій, знаковъ и памятниковъ не находятъ. Только на курганахъ дальняго юга южно-русской степи *) до сихъ поръ еще красуются грубо сдѣланныя изъ песчаника или гранита изваянія, изображающія сидячую или стоячую человѣческую фигуру съ руками, прижатыми къ передней части тѣла и держащими чашу или рогъ. Одни такія изваянія изображаютъ людей въ одеждѣ, другія—обнаженныхъ. На лицахъ фигуръ, изображающихъ мужчинъ, можно различить усы, на головѣ шапку, за поясомъ ножъ или мечъ—съ одной стороны и колчанъ—съ другой, на ногахъ сапоги. Женскія фигуры изображены въ высокихъ головныхъ уборахъ. Географическое распространеніе этихъ памятниковъ достаточно говоритъ за то, что они не могутъ принадлежать славянамъ: такія же изображенія находятъ въ Монголіи, на Алтаѣ, въ Кульджѣ, въ Киргизской степи, на Иссыкъ-Кулѣ, что и даетъ возможность считать курганы, украшенные этими изваяніями, прозванными въ народѣ „каменными бабами",—принадлежащими какому-нибудь изъ монголо-тюркскихъ племенъ, которыхъ такъ много и такой непрерывной волной выбрасывала на просторъ южно-русскихъ степей монгольская Азія.

Каменная баба
(высота 1 арш. $9^1/_2$ вершк.).

Итакъ, на вершинахъ несомнѣнно славянскихъ кургановъ никакихъ памятниковъ или остатковъ ихъ не находится. Зато подошва кургановъ, особенно на сѣверѣ, почти всегда бываетъ обложена большими и малыми валунами, что дѣлалось въ цѣляхъ воспрепятствовать кургану осыпаться. Возлѣ многихъ кур-

*) Въ губерніяхъ Таврической, Екатеринославской, въ южной части Харьковской и въ Херсонской.

гановъ сохранились или легко чувствуются при изслѣдованіи мѣстности такъ называемые охранные рвы—шириной отъ двухъ до десяти аршинъ, а глубиной до пяти. Эти рвы должны были охранять вершину могильнаго холма отъ всякой дерзновенной попытки ступить на нее ногой: еще и сейчасъ въ народѣ считается большимъ грѣхомъ и недостойнымъ, приносящимъ несчастье дѣломъ ступить на могилу.

Обрядъ погребенія въ тѣхъ курганахъ, гдѣ находятъ сожженныя кости умершаго въ особыхъ урнахъ, нѣсколько разнился отъ того, когда покойника сжигали на мѣстѣ кургана. Въ такихъ курганахъ, всегда сравнительно небольшихъ, нѣтъ слѣдовъ самаго кострища: покойника сжигали гдѣ-нибудь поодаль вмѣстѣ съ жертвами, потому что въ урнахъ среди обугленныхъ останковъ можно различить кости человѣка и животныхъ. Такъ какъ среди костей находятъ сплавившіяся и сильно пострадавшія отъ огня металлическія украшенія—пряжки, кольца, гривны-ожерелья, то можно заключить, что покойника сжигали въ полномъ нарядѣ.

И лѣтописное преданіе въ своемъ разсказѣ о языческомъ бытѣ славянскихъ племенъ не противорѣчитъ археологическимъ свидѣтельствамъ. „Радимичи, вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху...—читаемъ въ лѣтописи.—Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и посемъ творяху кладу велику и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху; а посемъ, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ“... Столпъ, возвышеніе, надо понимать здѣсь какъ курганъ. Человѣкъ, болѣе близкій по времени къ описываемой эпохѣ, нежели лѣтописецъ, очевидецъ ея, арабскій писатель Ибнъ-Даста, писавшій въ X вѣкѣ, не оставляетъ сомнѣнія, что̀ это были за „столпы“, на которыхъ ставили урны съ сожженнымъ прахомъ покойника. „Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ,—разсказываетъ о славянахъ Ибнъ-Даста,—они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій день по сожженіи покойника отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмѣ“... „Си же обычаи творяху и кривичи и прочіи поганіи не вѣдуще закона Божія“,—замѣчаетъ лѣтописецъ.

Разсѣянные около городищъ курганы, въ нѣдрахъ которыхъ покоились отцы и дѣды обитателей городищъ, представляли собою видимую памятку объ умершихъ. А для насъ эти городища и курганы, памятники далекаго прошлаго, живые свидѣтели жизни, быта и нравовъ нашихъ далекихъ предковъ.

Общій видъ городищъ и находки, сдѣланныя при изслѣдованіи ихъ, позволяютъ заключить, что городища служили укрѣпленнымъ жильемъ, а количество городищъ свидѣтельствуетъ, что укрѣпленное городище было типичной и обычной формой жилья на зарѣ нашей исторіи у тѣхъ славянскихъ племенъ, изъ соединенія и слiянія которыхъ образовался впослѣдствіи русскій народъ и выросло русское государство.

„Отъ Твери почти вплоть до Ярославля, — говоритъ изслѣдователь здѣшнихъ городищъ, г. Беллюстинъ, — по обѣимъ сторонамъ Волги, столько городищъ!.. Такъ, при устьѣ р. Дубны—городище, теперь село Дубенское-Городище; противъ него остатки вала, окоповъ, которые доселѣ называются городищемъ; при устьѣ Хатчи — городокъ, теперь село Бѣлгородокъ; при устьѣ Медвѣдицы весьма значительные остатки городищъ и укрѣпленій; на противоположномъ берегу отъ села Пухлимскаго, на пространствѣ 9 верстъ почти непрерывная цѣпь окоповъ и укрѣпленій, явно сдѣланныхъ руками человѣческими, которые и доселѣ называются городищами"... Множество городищъ разсѣяно по рѣкамъ и озерамъ приновгородскаго края, по всѣмъ мелкимъ и среднимъ рѣкамъ, тянувшимъ къ Днѣпру и верхней Волгѣ, словомъ, по всей территоріи, которую лѣтописи наши обозначали, какъ населенную и славянскими племенами.

Страна славянъ была усѣяна, по бороздившимъ ее во всѣхъ направленіяхъ рѣчнымъ путямъ, такими городищами, каждое изъ которыхъ служило укрѣпленнымъ жильемъ большой или малой семьи. Окрестный лѣсъ, рѣка, озеро, поле составляли владѣніе семьи, и въ это владѣніе не могли проникать слабые, невооруженные чужаки. По выраженію Н. М. Карамзина, „каждое такое семейство было маленькою независимою республикою"—особенно во всемъ томъ, что касалось внутренняго быта и уклада жизни большой семьи, построившей себѣ городище.

Укрѣплять свои жилища заставляли тогдашнихъ людей разныя обстоятельства. Страна была дикая, глухая, лѣсная, обильная всякимъ хищнымъ звѣрьемъ, не боявшимся человѣка. Оградиться самому, спрятать за высокимъ валомъ домашній скотъ заставляла прежде всего эта нужда — страхъ передъ звѣрьемъ. Еще страшнѣе, можетъ-быть, были люди, исконное населеніе края, естественно встрѣчавшее враждебно новыхъ насельниковъ, какъ новыхъ соперниковъ по охотѣ и лѣснымъ промысламъ. Тутъ всегда можно было ожидать нападенія съ мечомъ и огнемъ: за крѣпкимъ валомъ, обороняясь за его крутой насыпью, легче было отбить вражеское нападеніе, дороже продать врагу свою жизнь и жизнь своихъ близкихъ. Сюда, въ укрѣпленное дворище, сносилась вся добыча охоты, войны, мирнаго труда, здѣсь легче было ее охранять и беречь.

Когда съ VIII вѣка стало развиваться торговое движеніе по Днѣпру и по Волгѣ, когда въ странѣ, заселенной славянами, стали появляться большими и мелкими ватагами иноземные купцы—хазары, арабы, а особенно варяги, укрѣпленное жилище не потеряло своей полезности. Одной изъ главныхъ статей тогдашней торговли были рабы. Этотъ товаръ пришлые гости, а потомъ и свои единоплеменники, занявшіеся торговлей, пріобрѣтали разными путями; возможность напасть на малочисленную семью, принадлежавшую къ другому племени, нежели нападающіе, была слишкомъ соблазнительна, такъ какъ сулила легкій

успѣхъ, и потому тогдашніе купцы не могли не пользоваться такимъ соблазномъ, нападали на отдѣльныя городища, сопротивлявшихся обитателей убивали, захваченныхъ врасплохъ женщинъ и дѣтей забирали въ полонъ и везли и вели на продажу туда, гдѣ былъ спросъ на такой товаръ. Поэтому-то въ VIII и въ IX вв. укрѣпленное жилище являлось не меньшей необходимостью для тогдашнихъ людей, чѣмъ для ихъ предковъ. Даже и еще позднѣе эта необходимость не миновала, особенно въ земляхъ ближе къ степи, когда паденіе Хазарскаго царства открыло дорогу въ приднѣпровскія степи сначала печенѣгамъ, а потомъ половцамъ: все-таки хорошо укрѣпленное рвомъ и валомъ городище не такъ-то легко могло стать добычей степныхъ наѣздниковъ. Пока они займутся осадой, пока будутъ пытаться подъ мѣткими стрѣлами, осыпающими ихъ съ валовъ, пробиться черезъ рвы и насыпи внутрь, пройдетъ время, можетъ подоспѣть помощь осажденнымъ отъ сосѣдей, да и сами хищники, потерпѣвъ уронъ, потерявъ достаточно коней и людей, авось не выдержатъ и уйдутъ.

Вотъ почему городище долго оставалось излюбленной формой жилья въ странѣ восточныхъ славянъ.

Изъ такихъ городищъ, служившихъ жильемъ отдѣльнымъ семьямъ или родамъ, при благопріятномъ стеченіи естественныхъ условій вырастали цѣлые города. Члены всѣхъ задругъ данной области — люди одного племени, говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ одни обычаи, живутъ одинаково, и потому, какъ бы ни была сильна внутренняя вражда отдѣльныхъ частей племени, имъ легко сговориться дѣйствовать вмѣстѣ, когда имъ всѣмъ грозитъ одинаковая опасность, напримѣръ, нападеніе чужеземцевъ, или представляется одинаковая выгода, воспользоваться которой можно только сообща.

Внѣшняя опасность, боязнь нападенія людей чужого племени или инородцевъ заставляетъ отдѣльныя задруги сообща позаботиться о томъ, чтобы подъ рукой у нихъ было такое вѣрное и крѣпкое мѣсто, куда, въ случаѣ опасности, можно было бы спрятать имущество, укрыть женщинъ и дѣтей, наконецъ, гдѣ могли бы съ оружіемъ въ рукахъ отсиживаться воины.

Для этого гдѣ-нибудь на высокомъ берегу рѣки, на полуостровѣ, образуемомъ впаденіемъ въ эту рѣку ея притока, на мѣстѣ, съ котораго далеко и широко видно во всѣ стороны, единоплеменники насыпаютъ высокій и широкій земляной валъ, плотно утрамбовываютъ его, укрѣпляютъ плетнемъ и по вершинѣ вбиваютъ стоймя частоколъ—рядъ заостренныхъ дубовыхъ бревенъ. Въ такой стѣнѣ продѣлываютъ ворота, строятъ даже башни, конечно, тоже деревянныя—камня нѣтъ на той равнинѣ, гдѣ они живутъ.

Внутри такого огороженнаго пространства можно поставить жилища и жить въ нихъ подъ защитой стѣны. Такое крѣпко огороженное пространство называютъ *городомъ* — отъ слова „городить“.

Немало и такихъ остатковъ большихъ древне-славянскихъ укрѣпленій разсѣяно на нашей равнинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ по поверхности до двухъ квадратныхъ верстъ. Собственно, эти остатки большой городьбы и слѣдуетъ называть городищами. Такіе большіе города являются укрѣпленными средоточіями для цѣлаго племени: тутъ происходили собранія племени для различныхъ совѣщаній и суда, здѣсь же приносились общія жертвы богамъ. Жить возлѣ города—это значило не только жить близко къ мѣсту, гдѣ при опасности можно укрыться, но и близко къ средоточію жизни всего племени, гдѣ и поживиться легче и новостей узнать можно больше. Благодаря этому города становятся обширными и населенными. Если городище стояло на перепутьяхъ торговыхъ дорогъ, если естественное положеніе его было прочно, представляло хорошо отъ природы расположенную позицію, съ которой удобно было направить торговый караванъ, то превращеніе крѣпости въ торговый городъ при оживленіи торговаго движенія по славянскимъ рѣкамъ не могло заставить себя долго ждать. Естественныя удобства привлекали къ такому городищу людей, основывавшихся около него на жилье, и тогда выросталъ городъ.

Лѣтописная запись сохранила легендарный разсказъ о томъ, какъ былъ основанъ Кіевъ, ставшій потомъ средоточіемъ всей политической и экономической жизни страны, заселенной славянами. Преданіе, записанное лѣтописцемъ, разсказывало, что на горномъ берегу Днѣпра, на трехъ сосѣдственныхъ холмахъ поселились три брата, занимавшіеся звѣроловствомъ и всякимъ лѣснымъ промысломъ въ окрестныхъ лѣсахъ, а можетъ-быть, державшихъ перевозъ черезъ Днѣпръ, какъ о томъ глухо упоминаетъ лѣтопись, оспаривая это извѣстіе. Эти три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили себѣ три жилья и общими усиліями насыпали себѣ „градокъ малъ“—городище, которое было названо, по имени старшаго изъ братьевъ, Кіевымъ. Это и былъ впослѣдствіи Кіевъ. Въ основѣ стариннаго дѣленія Новгорода на пять „концовъ“, частей, тоже можно подмѣтить, что сначала каждый изъ этихъ концовъ былъ самостоятельнымъ городищемъ, и лишь впослѣдствіи, но тоже въ незапамятныя времена, всѣ эти городища образовали одинъ городъ — Новгородъ Великій.

Управлялось древне-славянское племя „вѣчемъ“, т.-е. сходкой всѣхъ домохозяевъ. „Обо всемъ, что имъ полезно или вредно, они разсуждаютъ сообща“, пишетъ о славянахъ грекъ-современникъ, и нашъ лѣтописецъ говоритъ, что такъ было у славянъ „изначала“.

Какъ не было у славянъ единой постоянной власти, такъ же не знали они раздѣленія по сословіямъ или по богатству; это и понятно: сначала они жили родами, потомъ большими семьями, и каждый родъ, семья, сообща занимались всякимъ дѣломъ. Все, что добывалось ими отъ земледѣлія, скотоводства, пчеловодства и охоты, шло, главнымъ образомъ, на собственную потребу

семьи или рода, а не для продажи на сторону. Рѣдко-рѣдко представлялся случай вымѣнять у заѣзжаго купца-иноземца на добытыя шкуры пушныхъ звѣрей какой-нибудь товаръ иноземнаго производства. Каждая семья сама строила себѣ жилище, женщины въ семьѣ сами дѣлали ткани, необходимыя для одежды, „жили скудно и беззаботно, постоянно пребывая въ грязи", какъ говоритъ, описывая жизнь славянъ, византійскій писатель-современникъ.

Расположенныя всегда вблизи отъ воды, на берегу рѣки или озера, городища однимъ этимъ указываютъ, какую важную роль имѣла въ обиходѣ ихъ жителей рѣка: по рѣкѣ не только пролегала дорога-путь къ сосѣдямъ, возможная, впрочемъ, только лѣтомъ, — рѣка еще круглый годъ кормила обитателей городищъ своими рыбными богатствами. Что обитатели городищъ были рыболовы, доказываютъ многочисленныя находки грузилъ отъ сѣтей, обломковъ острогъ и даже какъ будто рыболовныхъ крючковъ, изготовленныхъ изъ костей. Обиліе находимыхъ въ раскопкахъ наконечниковъ стрѣлъ, копій, топоровъ, рогатинъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о воинственномъ укладѣ жизни обитателей городищъ, а съ другой—говоритъ и о томъ, что важнымъ для ихъ быта занятіемъ была охота въ окрестныхъ лѣсахъ за дикимъ звѣремъ и птицей; кости кабаньи, рога оленьи, лосьи и т. п., находимые въ городищахъ, подтверждаютъ догадку объ охотничьихъ занятіяхъ жителей городищъ.

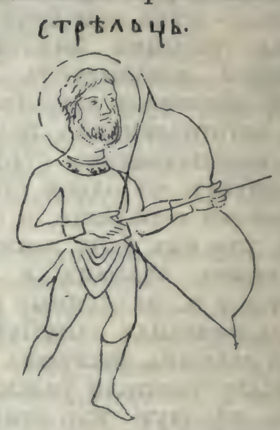
Главнымъ занятіемъ славянъ, кромѣ охоты, было земледѣліе. Арабскіе писатели разсказываютъ, что у славянъ хлѣбъ составлялъ главную ихъ пищу, и особенно любили они просо, что отмѣчаютъ также и греческіе авторы. По словамъ Константина Багрянороднаго, хлѣбъ и мясо были обычнымъ жертвоприношеніемъ, а слѣдовательно и обычной пищей, потому что у всѣхъ народовъ издавна велось приносить въ жертву богамъ то, чѣмъ сами питаются, выбирая лучшее. Еврейскій путешественникъ X в. Ибнъ-Якубъ отмѣчаетъ, что земля славянъ обильна всякаго рода жизненными припасами, что славяне народъ хозяйственный и занимаются земледѣліемъ усерднѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ. И наши лѣтописныя сказанія сохранили черты, рисующія славянъ, какъ земледѣльцевъ. „Всѣ наши городи... дѣлаютъ нивы своя и землю свою"—говорила Ольга древлянамъ.

Археологическія находки подтверждаютъ эти записи. Въ могилахъ страны полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ находятъ желѣзные серпы и зерна ржи, ячменя, овса, пшеницы. Надо думать, правда, основываясь на данныхъ XI в., что извѣстны были славянамъ еще: горохъ, ленъ, макъ; изъ земледѣльческихъ орудій письменные памятники знаютъ рало, или соху, плугъ, борону, мотыку, цѣпъ. Пахали лошадями и волами. Судя по археологическимъ находкамъ костяковъ, лошади были неважныя, малорослыя и слабыя. Соха представляла собой подобранный удобно по своему искривленію сукъ или корневище, круто обожженное

тамъ, гдѣ соха нашихъ временъ имѣетъ сошники. Такое орудіе, конечно, еле царапало землю. Но мы и не должны думать, что сельское хозяйство тѣхъ временъ по своимъ пріемамъ и орудіямъ стояло на очень высокой степени развитія. Скотоводство тоже съ давнихъ поръ было однимъ изъ занятій славянъ, и археологическія данныя — остатки костей домашнихъ животныхъ: лошадей, овецъ, свиней, воловъ, козъ — свидѣтельствуютъ объ этомъ. Остатки птичьихъ костей, между прочимъ, куръ, и яичная скорлупа позволяютъ говорить даже о птицеводствѣ у древнихъ славянъ. Записи арабскихъ и византійскихъ писателей, говорившихъ о жертвоприношеніи у славянъ, упоминаютъ быковъ, собакъ, пѣтуховъ, овецъ и тѣмъ совпадаютъ съ данными археологіи. Что

Рыбаки (съ рисунка въ рукописи XIII в.).

Съ рисунка въ Изборникѣ Святослава (1073 г.)

скотоводство было вообще широко распространено, указываютъ свидѣтельства, говорящія о широкомъ употребленіи мясной пищи, матеріалъ для которой доставляла и охота. Мясо ѣли не только воловье и овечье, но и конское, „по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на углехъ испекъ, ядяше“. Крупный скотъ, воловъ и лошадей, славяне юга пріобрѣтали у своихъ степныхъ сосѣдей, какъ о томъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный. Скотъ разводили и держали славяне не только ради мяса, но и для молочныхъ продуктовъ. Такія слова, какъ млеко, сыръ, творогъ, масло — очень древняго происхожденія, такъ же какъ слова „руно“ и „вълна“ (волна), обозначавшія шерсть и свидѣтельствующія, слѣдовательно, о томъ, что славяне умѣли стричь овецъ и изготовлять шерстяныя ткани.

Въ раскопкахъ древнихъ могилъ въ странѣ сѣверянъ, полянъ и древлянъ частую находку составляютъ остатки шерстяной матеріи, полотна какъ грубаго, такъ и тонкаго, тканаго узорно и просто. Пряслa, т.-е. каменные кружки отъ веретенъ, надѣвавшіеся на деревянную палочку для размаха при враще-

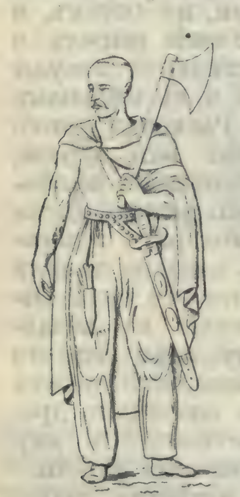
ніи, очень часто попадаются въ древнихъ могилахъ. Встрѣчаются часто слѣды и остатки кожаной обуви различныхъ фасоновъ, куски ременныхъ поясовъ, кожаныхъ мѣшечковъ, сумокъ, полуистлѣвшіе и совсѣмъ истлѣвшіе куски шерстяныхъ остатковъ, быть-можетъ, тулуповъ и шапокъ, а можетъ-быть, и грубыхъ ковровъ. Находили и ножницы для стрижки овецъ. По позднѣйшей лѣтописной записи видно, что кожу мяли руками, а для обработки ея—дубленья—употребляли особый составъ „квасъ уснянъ". Въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ отчетливо противопоставляются греческія ткани, шелковыя и льняныя—„паволоки" и „кропины"—грубымъ славянскимъ тканямъ „толъстинамъ".

Сосуды и разные предметы домашняго обихода, имѣвшіе, такъ сказать, кухонное назначеніе, славяне изготовляли изъ дерева и изъ глины. Глиняные сосуды изготовлялись сначала безъ помощи гончарнаго круга, а просто руками, но потомъ, и тоже еще въ очень древнюю пору, въ употребленіе вошелъ и гончарный кругъ. При раскопкахъ остатки глиняной посуды въ видѣ большихъ и малыхъ черепковъ, а то и въ цѣльномъ видѣ, самая частая и самая обильная находка. Раскопки даютъ очень много остатковъ различнаго рода подѣлокъ изъ дерева, чаще всего встрѣчаются остатки деревянныхъ ведеръ съ желѣзными обручами и дужками. О процвѣтаніи древодѣльнаго промысла среди славянъ, жителей глухихъ лѣсовъ, много говорятъ и письменные памятники, повѣствующіе о томъ, какъ славяне дѣлали челны и лодки такой величины и прочности, что эти суда выдерживали далекое и опасное морское путешествіе къ византійскимъ берегамъ. Умѣли славяне дѣлать телѣги, сани—все это слова, которыя встрѣчаются въ самыхъ раннихъ памятникахъ нашей письменности, а перечисленіе извѣстныхъ славянамъ древодѣльныхъ инструментовъ служитъ свидѣтельствомъ, что ихъ не пугали довольно сложныя и громоздкія плотничныя работы.

Обработка металловъ тоже была хорошо извѣстна славянамъ. „Ковачъ" и „ковать"—очень старыя слова въ языкѣ славянъ, какъ и „желѣзо", „мѣдь", „олово", „руда", „злато", „сребро". Археологическія находки только подтверждаютъ сравнительно высокое развитіе техники по металлу у славянъ IX и X вв. Въ древлянскихъ могилахъ особенно часты какъ находки обработаннаго металла, такъ и слѣды самой работы. Здѣсь находятъ остатки перегорѣвшаго желѣза изъ горновъ, большіе молоты, наковальни, большіе, грубо выкованные желѣзные гвозди, ножики, огнива. Доставали желѣзо, пользуясь болотной рудой, а какихъ высокихъ результатовъ достигала обработка, свидѣтельствуютъ находимые остатки и цѣлые предметы вооруженія — мечи, копья, окованные желѣзомъ деревянные щиты, шлемы, кольчуги. Одинъ арабскій писатель утверждаетъ, что мечи славянской работы вывозились на продажу даже въ Византію. Не было чуждо славянскимъ „ковачамъ" и искусство обрабатывать благородные

металлы. Въ знаменитой черниговской Черной могилѣ, насыпанной, судя по найденнымъ въ ней византійскимъ монетамъ, никакъ не позднѣе IX вѣка, найдены два окованныхъ серебромъ турьихъ рога. Въ другой могилѣ были найдены маленькіе наковальни и молоточки, двое вѣсовъ съ разновѣсками и окованный желѣзомъ ящичекъ—все предметы, которые могли быть въ употребленіи только у человѣка, занимавшагося обработкой благородныхъ металловъ. Въ курганныхъ находкахъ сравнительно нерѣдки украшенія изъ серебра — кольца, обручи, пряжки, медальоны, несомнѣнно славянской работы; найдены также формочки, въ которыхъ отливались украшенія.

Изъ другихъ промысловъ, но уже разрабатывавшихся не дома и даже не возлѣ дома, а требовавшихъ по свойству своему ухода болѣе или менѣе далеко отъ „своихъ“, среди славянъ было распространено „бортничество“ — добыча воска и меда отъ дикихъ, лѣсныхъ пчелъ. Самое слово „борть“ обозначаетъ выдолбленное въ деревѣ дупло, которое занимали во время роя пчелы. Эти борти промышленники ставили въ богатыхъ пчелами мѣстахъ, выбирая высокія кряжистыя деревья. Борть устраивали довольно высоко, руководствуясь желаніемъ затруднить къ ней доступъ лихому человѣку, а больше того лѣсному лакомкѣ медвѣдю, который самое свое прозваніе получилъ отъ того, что хорошо вѣдалъ вкусъ меда. Собственникъ борти, какъ можно думать по позднѣйшимъ памятникамъ, сохранившимъ, однако, въ своихъ записяхъ свидѣтельства объ очень древнихъ обычаяхъ, ставилъ свои знаки на найденныхъ или заготовленныхъ имъ бортяхъ. Кража меда или использованіе борти, отмѣченной чьимъ-либо знакомъ, не ея собственникомъ считалось за большое преступленіе. Кромѣ бортей въ дуплахъ деревьевъ, славяне очень рано умѣли устраивать ульи, похожіе на тѣ, какіе ставятъ пчеловоды нашего времени.

Одежда руссовъ по описанію Ибнъ. Фоцлана (X вѣкъ)

Охота, можно сказать, была самымъ распространеннымъ, на ряду съ земледѣліемъ, промысломъ у славянъ. „Ловы дѣяти“, „ловити“—выраженія очень старыя въ славянскомъ языкѣ. Повѣствуя объ основателяхъ Кіева, легендарныхъ братьяхъ Кіи, Щекѣ и Хоривѣ, лѣтописное сказаніе замѣчаетъ относительно образа ихъ жизни, что они „бяху ловяще звѣрь“. По арабскимъ писателямъ, „скора“, т.-е. шкуры дикихъ звѣрей, мѣха, являются главнымъ предметомъ вывоза изъ страны славянъ. По свидѣтельству нашихъ лѣтописныхъ извѣстій, поляне, сѣверяне, вятичи платили хазарамъ дань „по бѣлѣй вѣверицѣ *) отъ дыма“; дре-

*) Зимняя бѣлка.

вляне платили дань кіевскимъ князьямъ „по черьне куне“— по черной куницѣ. За звѣремъ гонялись верхомъ, вѣроятно, съ собаками, били его изъ руки—рогатиной, стрѣляли, особенно птицу, изъ лука, ловили сѣтями—тенетами, растянутыми въ опредѣленныхъ мѣстахъ, къ которымъ гнали звѣря, сцѣпивъ опредѣленный участокъ загонщиками—участниками охоты. За какимъ звѣремъ тогда охотились? Да, конечно, за тѣмъ же самымъ, о которомъ пишетъ Мономахъ, перечисляя труды и опасности своихъ охотничьихъ подвиговъ: „въ Черниговѣ, — пишетъ онъ,—связалъ я (т.-е. поймалъ арканомъ) 120 дикихъ коней; по Роси также ловилъ я дикихъ коней собственными руками; два тура поднимали меня на рога вмѣстѣ съ конемъ; олень билъ меня рогами, а два лося—одинъ топталъ меня ногами, а другой бодалъ рогами; дикій кабанъ оторвалъ у меня мечъ отъ пояса; медвѣдь вырвалъ у меня кусокъ сѣдла подъ колѣномъ; лютый волкъ бросился на меня и повергнулъ меня вмѣстѣ съ конемъ... и съ коня много падалъ, голову разбилъ себѣ дважды, случалось, что вредилъ себѣ руки и ноги“. Если князю такъ тяжко доставались его охотничьи трофеи, то тѣмъ тяжелѣе и опаснѣе былъ охотничій промыселъ для простыхъ людей. Охота была тогда столько же промысломъ, сколько и необходимостью; дикое звѣрье, обильно населявшее дремучіе лѣса славянской страны, порой, надо думать, положительно держало въ осадѣ разбросанныя одиночныя жилища славянъ древнѣйшей поры, и ходить на охоту значило тогда предпринимать цѣлыя экспедиціи противъ звѣря, безпощадно избивая его и тѣмъ создавая хоть какую-нибудь безопасность для жизни около самыхъ поселеній. Важной статьей охоты были тогда еще бобры, обильными стадами засѣвшіе по приднѣпровскимъ рѣкамъ и рѣчкамъ.

Одежда Святослава по описанію Льва Дьякона (X вѣкъ).

Одежду славянъ составляли ткани и шкуры дикихъ и домашнихъ животныхъ. Мужчины одѣвали на ноги порты изъ холста, а на плечи рубахи; въ холодное время окутывались „кожухами“ и „мѣхами“; на ногахъ носили лапти, сплетенные изъ липовыхъ лыкъ, или кожаные сапоги; въ качествѣ верхняго платья, служившаго защитой отъ холода и непогоды, былъ въ ходу плащъ — четыреугольный кусокъ какой-либо ткани, который накидывался на лѣвое плечо такъ, чтобы оставалась свободной, готовой къ защитѣ и нападенію, правая рука. Люди богатые, послѣ того какъ широкое развитіе торговаго движенія по Днѣпру и участіе въ торговлѣ самихъ славянъ создавало богатство, носили одежды болѣе пышныя и богатыя, какъ свидѣтельствуютъ могильныя находки. Византійскіе писатели отмѣчаютъ, впрочемъ,

что славяне особой роскошью въ одеждѣ не отличались. По словамъ Прокопія, писавшаго о славянахъ конца VI в.,—нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни сорочки ни плаща и идутъ въ битву, одѣвъ только штаны. „Это могла быть,—замѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—какая-либо пограничная голытьба, а можетъ-быть, это являлось извѣстнаго рода военнымъ шикомъ, какъ впослѣдствіи, много вѣковъ спустя, у запорожцевъ". Но что одежды въ общемъ были очень просты, свидѣтельствуетъ непосредственная запись современника-очевидца, разсказавшаго встрѣчу Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ, когда князь Святославъ прибылъ на свиданіе съ императоромъ, одѣтый въ простую бѣлую рубаху, надо думать, рубаху и порты, которые только чистотой отличались отъ одежды его спутниковъ.

Что касается внѣшняго облика нашихъ предковъ славянъ, то это вопросъ, о которомъ много спорятъ до сихъ поръ. Брили ли славяне-мужчины себѣ головы или носили длинные подстриженные волосы, отпускали ли бороды или нѣтъ—все это очень спорные вопросы, а косвенныя свидѣтельства говорятъ и за и противъ. Арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ говоритъ, что у славянъ „нѣкоторые бреютъ бороду, нѣкоторые же изъ нихъ свиваютъ ее наподобіе громадной гривы и окрашиваютъ ее желтой или черной краской". Другой арабъ, Аль-Бекри, тоже говоритъ, что „иные изъ руссовъ бреютъ бороды, другіе же изъ нихъ закручиваютъ свои бороды наподобіе кудрей". Про Святослава, описывая его свиданіе съ Цимисхіемъ, Левъ Дьяконъ сообщаетъ, что „бороду онъ имѣлъ оголенную, и съ верхней губы вдоль висѣли густыя большія пряди волосъ (усы); голова же была вся оголенная, только сверху ея въ сторону развѣвался кудерь (оселедецъ), означающій благородное происхожденіе... видъ лица его былъ мрачный и звѣрскій; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, двумя жемчужинами украшенная, между ними вставленъ былъ червчатый яхонтъ". Но сообщеніе арабскихъ писателей относится, можетъ-быть, и не къ славянамъ, а къ болгарамъ, напримѣръ; Святославъ же, навѣрное, въ своемъ обликѣ сохранилъ еще черты своего норманскаго происхожденія. Остается думать, что славяне данной поры и брили головы и бороды, и не дѣлали этого. Что касается археологическихъ данныхъ, то въ большинствѣ могилъ находятъ длинные головные волосы.

Византійскіе и арабскіе писатели VI, VII, VIII и IX вв. описываютъ славянъ, какъ высокихъ блондиновъ. Прокопій говоритъ, что славяне очень сильны, высокаго роста, цвѣтъ волосъ имѣютъ не темный, и не слишкомъ свѣтлый, но всѣ они рыжіе. У арабовъ славяне всегда именуются русыми. „Славяне народъ съ румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами", — говоритъ Абу-Мансуръ. Даже своихъ за высокій ростъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза арабы называли въ шутку славянами. Но, вѣроятно, эта подчеркнутая бѣлокурость славянъ казалась таковой на арабскій взглядъ, по сравненію съ ихъ собственной смуг-

лостью и темнымъ волосомъ, такъ какъ археологическія находки свидѣтельствуютъ, что у славянъ преобладалъ темно-русый цвѣтъ волосъ.

О нравахъ славянъ византійскіе и арабскіе писатели говорятъ надвое—многое одобряютъ, но многое и осуждаютъ. „Въ нихъ нѣтъ ни зложелательства ни коварства,—говоритъ одинъ византійскій писатель,—они любятъ свободу, не выносятъ ига рабства и повиновенія, соблюдаютъ цѣломудріе и исполнены мужества и кротости; честность ихъ такова, что имъ вовсе неизвѣстны воровство и обманъ“. Въ особенности хвалятъ древніе историки гостепріимство славянъ: „Они ласковы къ чужеземцамъ,—пишетъ о славянахъ византіецъ Маврикій, — принимаютъ ихъ у себя, провожаютъ отъ одного мѣста въ другое, куда гостю нужно, и даже, если ему приключится какая-либо бѣда по винѣ хозяина, то тотъ, кто принялъ послѣ него гостя, выступаетъ противъ своего нерадиваго предшественника, считая честью для себя заступиться за гостя“. „Русь,—говоритъ арабскій писатель IX в.,— чтитъ чужеземца и привѣтливо обходится съ отдающимися подъ ея попеченіе либо часто бывающими у нея и охраняетъ ихъ отъ всякихъ опасностей“. Плѣнныхъ славяне обращали въ рабство, но плѣнники не оставались у нихъ рабами цѣлый свой вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, а по прошествіи извѣстнаго срока вольны были или возвратиться къ своимъ, давъ выкупъ, или остаться жить между славянами. Родителямъ славяне оказывали почтеніе, заботились о нихъ въ старости.

Далеко не такъ снисходителенъ былъ къ нравамъ древнихъ славянъ русскій лѣтописецъ; какъ христіанинъ и монахъ, онъ съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о язычествѣ. Только о полянахъ отзывается онъ благосклонно, говоря, что они имѣли обычаи кроткіе и тихіе; нравы другихъ славянскихъ племенъ лѣтопись изображаетъ, напротивъ, мрачными чертами: древляне жили „по-скотски“, „звѣринскимъ образомъ“, убивали другъ друга, ѣли все нечистое. Радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинаковый обычай — жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое; такъ же жили и кривичи. Въ большой упрекъ славянамъ ставятъ древніе авторы, греческіе и арабскіе, склонность къ лишнему питью меда. Объ этомъ одинаково говоритъ и писатель-византіецъ V в., и арабъ, писавшій въ X в. Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ о купцахъ, пріѣзжавшихъ изъ Руси, что „они очень любятъ вино, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что, случается, нѣкоторые умираютъ съ кружкою въ рукахъ“. Запасали пьянаго напитка по многу: „у одного человѣка бываетъ по сту жбановъ меда“, — говоритъ о восточныхъ славянахъ арабскій писатель Кардизи.

Но выгодное впечатлѣніе древнихъ писателей относительно нравовъ славянъ мѣняется, когда заходитъ рѣчь о войнѣ со славянами и ихъ воинственности. На войнѣ славяне, какъ и всѣ дикіе народы, были сущими варварами: жгли, грабили, убивали,

не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Плѣнныхъ они предавали мучительной смерти: вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди, вырѣзывали изъ спинъ ремни, сажали на заостренные колья, словомъ, совершали надъ беззащитными людьми всякія звѣрства и насильства. Но съ рабами, какъ сказано выше, обращались сравнительно хорошо.

Древнѣйшимъ оружіемъ славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, было копье; сначала это былъ просто заостренный колъ съ обожженнымъ концомъ въ качествѣ острея; потомъ стали прилаживать каменныя, костяныя и металлическія острея; затѣмъ въ большомъ ходу былъ ножъ и сѣкира—боевой топоръ, тоже сначала каменный, а потомъ желѣзный, насаженный на сравнительно длинную рукоять; лукъ со стрѣлами и тула—колчанъ, хранилище запаса стрѣлъ, довершали запасъ наступательнаго оружія древнѣйшихъ временъ; мечъ—большой, широкій и обоюдоострый, считается оружіемъ, которое сравнительно поздно, лишь въ X вѣкѣ, вошло въ большой обиходъ у славянъ. Въ одномъ черниговскомъ курганѣ былъ найденъ мечъ длиной около полутора аршина, довольно широкій, обоюдоострый, съ массивной, мастерски отдѣланной и, вѣроятно, посеребренной ручкой; тамъ же было найдено и нѣсколько мечей болѣе короткихъ. Оружіемъ защитнаго порядка служили броня, шеломъ и щитъ.

Византійскіе и арабскіе писатели, повѣствуя о военномъ бытѣ современныхъ имъ славянъ, въ общемъ не очень лестнаго мнѣнія о славянскомъ вооруженіи. По словамъ Прокопія, славяне идутъ въ бой по большей части пѣшіе, съ небольшими щитами и копьями, безъ брони; Маврикій и Левъ Дьяконъ говорятъ, что славянскіе воины имѣли обыкновенно по два короткихъ копья, одно метательное, а другое боевое; луки у нихъ небольшіе съ мелкими отравленными стрѣлами; у нѣкоторыхъ бываютъ щиты, но очень большіе и неудобные въ ручномъ бою. Арабская запись, относящаяся къ IX в., также говоритъ, что вооруженіе славянъ состоитъ изъ метательныхъ дротиковъ, щитовъ и копій, но называетъ также мечи и кольчуги. Курганныя находки, особенно въ курганахъ, гдѣ погребены были люди простые, въ качествѣ оружія содержатъ копья, ножи, стрѣлы и топоры.

Сражаться стройными отрядами славяне не умѣли и рѣдко были въ силахъ выдержать правильный бой. Они больше предпочитали нападать на непріятеля врасплохъ или изъ-за засады. „Славяне любятъ схватываться съ непріятелемъ,—пишетъ грекъ, наблюдавшій военную жизнь славянъ,—въ узкихъ, трудно проходимыхъ и утесистыхъ мѣстахъ. Они умѣютъ пользоваться засадами, неожиданными нападеніями и ловушками, дневными и ночными, и не затрудняются въ придумываніи всевозможныхъ уловокъ. Они превосходятъ кого угодно въ умѣньи переправляться черезъ рѣки и могутъ подолгу оставаться въ водѣ. Въ случаѣ неожиданнаго вторженія въ ихъ страну, они погружаются въ глубину воды, держа во рту длинные, нарочно для того сдѣ-

ланные, полые внутри стволы тростника. Лежа навзничь въ глубинѣ, они выставляютъ стволы на поверхность воды и черезъ нихъ дышатъ, такъ что могутъ по нѣскольку часовъ оставаться въ этомъ положеніи, не возбуждая никакого подозрѣнія: неопытные, видя тростникъ, считаютъ его растущимъ въ водѣ. Но, кто знаетъ объ этой уловкѣ, можетъ догадаться по виду и по положенію надрѣзанныхъ стеблей и проткнуть имъ ротъ тростникомъ, или вытащить его изъ воды и этимъ лишить ихъ возможности долѣе скрываться подъ водой... Не подчиняясь общей власти и находясь во взаимной враждѣ, славяне не умѣютъ сражаться въ строю и не любятъ встрѣчаться съ непріятелемъ въ открытомъ и ровномъ мѣстѣ. Если же и случится имъ отважиться на рукопашный бой, они поднимаютъ общій крикъ и понемногу подвигаются впередъ. Если непріятель начнетъ отступать передъ ихъ крикомъ, они неудержимо устремляются на него. Если же нѣтъ, они поворачиваютъ назадъ, нисколько не спѣша извѣдать силу враговъ въ рукопашной схваткѣ. Они предпочитаютъ держаться лѣсовъ, пріобрѣтая тамъ значительный перевѣсъ, такъ какъ умѣютъ искусно сражаться въ тѣснинахъ. Очень часто, неся съ собой добычу, они при малѣйшей тревогѣ бросаютъ ее и бѣгутъ въ лѣсъ; когда же непріятель столпится около брошенной добычи, они съ тою же легкостью возвращаются и наносятъ имъ вредъ".

Что касается религіозныхъ вѣрованій славянъ, то они, какъ и всѣ первобытные народы, обоготворяли силы природы и умершихъ своихъ предковъ. Они чтили мать-сыру-землю и свѣтлое небо. Небо обоготворяли они подъ именемъ Сварога, а всѣ небесныя знаменія и явленія—громъ, дождь, вѣтеръ, радугу и т. п.—приписывали дѣтямъ Сварога, Сварожичамъ. Особеннымъ почетомъ пользовался у нихъ одинъ изъ Сварожичей—Перунъ, котораго они чтили, какъ бога грома и молніи. Возможно, что этотъ Перунъ, владѣвшій, по понятіямъ славянъ, громомъ и молніей, былъ богомъ воинственнымъ, которому приходилось бороться съ злыми силами, поэтому онъ считался у славянъ и покровителемъ войны. Заключая миръ съ врагами, славяне клялись Перуномъ не начинать новой ссоры и въ знакъ этого полагали передъ изображеніемъ Перуна оружіе. Другимъ богомъ Сварожичемъ былъ у славянъ Дажь-богъ—богъ огня и солнца, какъ силъ благодѣтельныхъ и животворящихъ. Губительную силу огня и солнечнаго зноя почитали славяне подъ именемъ Хорса. Богомъ вѣтра и бури былъ у нихъ Стри-богъ.

Не умѣя себѣ многаго объяснить изъ того, что видѣлъ въ природѣ глазъ, слышало ухо и наблюдалъ разумъ, славяне все приписывали богамъ, а чудного, вѣщаго, для первобытнаго ума кругомъ было много, и славянинъ видѣлъ и слышалъ особыхъ боговъ въ шелестѣ листьевъ, въ плескѣ рѣки, въ шорохѣ травы, въ шумѣ зрѣющихъ колосьевъ. Въ рѣкѣ, по вѣрованіямъ славянъ, жилъ и плескался водяной, въ лѣсу стоналъ и свисталъ

межъ деревьевъ лѣшій, въ полѣ шуршалъ травой полевикъ, на пашнѣ шумѣлъ колосьями житный. Наблюдая, что лѣсъ, рѣка, поле, пашня то дарятъ человѣка своими благами, то, несмотря на всѣ его старанія, не даютъ ничего, древній славянинъ приписывалъ такую измѣнчивость капризамъ боговъ и старался умилостивить ихъ жертвами и празднествами. Каждому богу шла особая, имъ любимая жертва. Такъ, водяному приносили въ жертву чернаго пѣтуха, убивая его надъ омутомъ; чтобы умилостивить лѣшаго, загоняли въ непроходимыя дебри чернаго козла и т. п. О славянахъ VI в. византійскій писатель Прокопій говоритъ, что „они признаютъ одного бога, создателя молніи, считаютъ его владыкою всего и приносятъ ему жертвы. Не знаютъ рока и совершенно не вѣрятъ, что онъ имѣетъ какую-либо власть надъ людьми; если кому грозитъ очевидная смерть отъ болѣзни или на войнѣ, онъ обѣщаетъ, если не погибнетъ, жертву богу и, спасшись, приноситъ въ жертву обѣщанное и думаетъ, что этою жертвою купилъ себѣ жизнь. Почитаютъ они рѣки, нимфъ и нѣкоторыя другія божества, приносятъ имъ всяческія жертвы и по этимъ жертвамъ гадаютъ“.

Празднества древнихъ славянъ находились въ соотвѣтствіи съ сознаніемъ зависимости человѣческой жизни и существованія отъ благодѣтельныхъ или дурныхъ воздѣйствій природы. Славяне наблюдали, какъ солнце каждое утро прогоняетъ тьму, а вечеромъ тьма какъ бы подавляетъ солнце. Они видѣли, какъ солнце, распространяя тепло и свѣтъ, пробуждаетъ дѣятельность матери-сырой-земли, кормилицы людей и животныхъ. Они видѣли, какъ живительный дождь, нагоняемый Стри-божіимъ сыномъ—вѣтромъ, поитъ землю. Страшное явленіе грозы, непонятное затменіе солнца и луны, наводненіе, моръ, лѣсной пожаръ,—все это сильно отзывалось на жизни человѣка тѣхъ отдаленныхъ временъ, зависѣвшаго отъ природы гораздо больше, чѣмъ человѣкъ нашего времени. Поневолѣ приходилось близко приглядываться ко всему, что совершалось вокругъ, и, по свойству человѣческаго ума, стремиться объяснить себѣ все. Древніе видѣли прежде всего, что все въ природѣ движется. Привыкнувъ представлять себѣ, что движеніе свойственно лишь тому, что живетъ, они и окружающую природу стали считать живой. Явленія этой жизни, дѣйствія силъ природы, поражали первобытный умъ своей силой и величіемъ. Не умѣя объяснить себѣ эти явленія, древній человѣкъ приписывалъ ихъ волѣ—гнѣву или милости—какихъ-то сверхъестественно сильныхъ и могучихъ существъ. Зная, что сильнаго и суроваго человѣка можно умилостивить дарами и покорностью, они перенесли это представленіе и на тѣ существа, отъ воли которыхъ, по ихъ мнѣнію, зависѣла природа, и старались умилостивить ихъ празднествами, выражавшими передъ этими существами преданность и покорность человѣка, мольбы и надежды. Празднества эти смѣняли одно другое, слѣдуя круговороту временъ года.

Радостно встрѣчали славяне красавицу-весну. Еще съ зим-

няго солнцестоянія, съ декабря мѣсяца, начинались у нихъ празднованія близкаго пришествія весны — колядованіе. Тогда гасили на очагѣ старый огонь и зажигали новый, разжигая круглое дубовое полѣно, означавшее солнце. Второе весеннее празднество совершалось въ февралѣ. Къ этому мѣсяцу приближеніе весны начинало чувствоваться сильнѣе, поэтому съ торжествомъ топили чучело зимы въ проруби, а весну возили на саняхъ въ видѣ разряженнаго мужчины, сидѣвшаго на колесѣ. Съ появленіемъ первой травки на пригоркахъ „шли на горы", т.-е. на холмы и пригорки, по склонамъ которыхъ прежде всего показывается первая весенняя травка. Здѣсь пировали и кликали съ „горъ" весну, распѣвая особыя весеннія пѣсни. Когда солнце входило въ полную силу, а поля и лѣсъ одѣвались зеленью, тогда справлялись у древнихъ славянъ „зеленыя святки" („святки" значитъ праздники). Дѣвушки убирали разными украшеніями березку и несли ее на поле. Объ эту пору заключали браки, устраивая „игрища" (игры) „межю селъ", какъ говорится въ лѣтописи. Во время этихъ игръ—завиванья вѣнковъ, горѣлокъ и др. — парни сговаривались съ тѣми дѣвушками, которыя имъ нравились, и тѣ уходили съ ними въ ихъ семьи.

Наканунѣ начала лѣтнихъ полевыхъ работъ — сѣнокоса и жатвы—справлялся праздникъ Купалы, во время котораго купались ночью въ рѣкѣ и прыгали черезъ огонь, какъ бы омываясь и очищаясь передъ началомъ такого святого дѣла, какъ жатва. Пора полевыхъ работъ оканчивалась тоже торжествомъ: первый сжатый снопъ—„житнаго дѣда"—украшали всякими уборами и несли съ пѣснями въ жилище, гдѣ и ставили его на почетномъ мѣстѣ. Когда опадалъ листъ съ деревьевъ, наступало время проводовъ лѣта: бабы развѣвали по вѣтру соломенное чучело, а дѣвушки жалобно причитали, припадая къ землѣ, по которой уже кружились раннія снѣжинки, грозя одѣть ее на всю долгую зиму тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ. Какъ только ледъ оковывалъ рѣки и снѣгъ плотно покрывалъ увядшую и изсохшую траву, славяне знали, что наступало холодное царство зимы—кощея безсмертнаго да бабы-яги.

Умершихъ своихъ славяне также обоготворяли. Каждый родъ и каждая семья чтили своего предка-основателя подъ именемъ щура, или чура. Реченія эти сохранились у насъ въ словѣ „пращуръ" и въ присловіи: „чуръ меня!" (разумѣется: чуръ, меня сохрани). Называли щура и просто родомъ, а всѣхъ остальныхъ умершихъ предковъ—рожаницами, или навью. Славяне вѣрили, что умершіе продолжаютъ жить послѣ смерти невидимо для живыхъ и охраняютъ своихъ живыхъ родичей отъ всякихъ напастей. Щуръ или чуръ—основатель рода—жилъ тутъ же въ домѣ со всѣми живыми и охранялъ ихъ; другимъ названіемъ щура было поэтому домовой. Славяне вѣрили, что на зиму покойники улетаютъ въ рай, потому оставшимся на землѣ живымъ безъ помощи предковъ и жилось зимой холодно и голодно. Весной они

опять, по вѣрованіямъ славянъ, приходили на землю. Какъ только появлялись признаки весны, какъ только оттаивавшіе прежде всего пригорки и высокія могилы начинали куриться легкимъ паромъ подъ горячими лучами весенняго солнца, славяне говорили: „Родители изъ могилъ тепломъ дохнули!“, и шли на могилы покормить и поблагодарить ихъ за это. Какъ только начинали шелестѣть первые листья по деревьямъ, славяне говорили, что это „людки“, или „русалки“ прилетѣли, т.-е. возвратились умершіе, и чествовали ихъ также праздникомъ. Когда поздней осенью вѣтеръ шумѣлъ и завывалъ въ оголившемся лѣсу, славяне думали, что это жалуются умершіе, покидая на зиму землю и улетая далеко отъ своихъ.

Такъ тѣсно переплеталось въ сознаніи древняго человѣка обоготвореніе силъ природы и умершихъ предковъ. Но въ то время, какъ обоготворенныя силы природы были богами общими у всѣхъ славянскихъ племенъ, умершіе предки обоготворялись каждый только своимъ родомъ. Не надо только думать, что одинъ родъ не признавалъ за боговъ умершихъ другого рода. Нѣтъ, для всякаго рода умершіе чужеродцы были существами сверхъестественными—„навью“, богами, но только чужими, у которыхъ не стоило просить помощи, такъ какъ они помогаютъ только своимъ, но сердить ихъ непочтеніемъ тоже нельзя. Иначе „навь“ жестоко мститъ за себя, избивая живыхъ; такъ объясняли себѣ древніе славяне моръ и всякія повальныя болѣзни. Быть-можетъ, этому вѣрованію, этой боязни оскорбить чужихъ умершихъ обязаны мы той сохранностью, въ которой дошли до нашихъ временъ древнія могилы. Очень часто раскопки и изслѣдованія городищъ—жилищъ живыхъ—показываютъ, что городище погибло, разоренное вражескимъ нападеніемъ; но окрестныя могилы всегда цѣлы и невредимы, хотя тогдашніе люди и знали, что въ могилахъ зарыты цѣнныя вещи—и золото, и серебро, и оружіе.

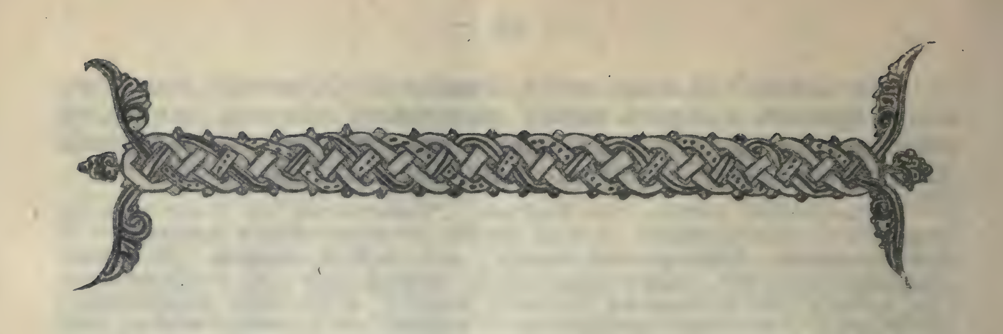
Такая сохранность могилъ даетъ возможность намъ, черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ миновала та жизнь, во многомъ возстановить, наглядно представить себѣ ея обстановку и бытъ.

Храмовъ у славянъ не было. Изображеній боговъ они тоже долгое время не дѣлали никакихъ и молились богамъ неба и земли на полѣ, подъ развѣсистымъ деревомъ, гдѣ ставили камень или колоду для жертвоприношеній. Позднѣе появились и идолы, грубо сдѣланныя изъ дерева фигуры боговъ. Домашнимъ богамъ—щуру и рожаницамъ—они приносили жертвы на „огнищи“, т.-е. на очагѣ. Жрецовъ, особыхъ посредниковъ между богами и людьми, тоже не было у славянъ, и жертвы могъ приносить всякій, кто хотѣлъ. Зато существовали у славянъ волхвы-вѣдуны или кудесники—люди, умѣвшіе по различнымъ, якобы извѣстнымъ имъ признакамъ и примѣтамъ узнавать волю боговъ. Они гадали о будущемъ и думали, что умѣютъ путемъ заговоровъ и наговоровъ такъ настраивать волю боговъ, что тѣ посылаютъ, чего у нихъ просятъ.

Съ конца VIII вѣка послѣ Рождества Христова многое въ бытѣ, нравахъ и образѣ жизни восточныхъ славянъ начинаетъ мѣняться, потому что измѣняются внѣшнія и внутреннія условія ихъ жизни.

Главнѣйшія пособія: *А. Нидерле*, „Человѣчество въ доисторическія времена“; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“, ч. I; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси“; *А. А. Шахматовъ*, „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“; *А. Спицинъ*, „Разселеніе древнерусскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ“; *А. Л. Погодинъ*, „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“; *М. Довнаръ-Запольскій*, „Исторія русскаго народнаго хозяйства“; *М. Грушевскій*, „Кіевская Русь“; *Д. Я. Самоквасовъ*, „Древніе города Россіи“; *В. Б. Антоновичъ*, „Черты быта русскихъ славянъ по курганнымъ раскопкамъ“; *А. Аѳанасьевъ*, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“; *П. В. Владиміровъ*, „Введеніе въ исторію русской словесности“; *Н. И. Костомаровъ*, „Славянская миѳологія“, и др. сочиненія.

Заставка и начальная буква (см. стр. 1) взяты изъ Остромирова евангелія (1056—57 гг.).

Торговля въ странѣ восточныхъ славянъ.

Днѣпръ къ концу VIII вѣка по Рождествѣ Христовѣ сталъ славянской рѣкой, и на всемъ теченіи его слышалась славянская рѣчь. По удачному сравненію одного ученаго, Днѣпръ въ то время являлся какъ бы становымъ хребтомъ, а притоки его — ребрами, и на этомъ скелетѣ прочно, однимъ тѣломъ, держались племена восточныхъ славянъ. Удобство сообщенія другъ съ другомъ по водѣ, одинъ языкъ, одинаковые обычаи и вѣрованія — все это способствовало болѣе или менѣе тѣсному единенію отдѣльныхъ племенъ восточныхъ славянъ.

Днѣпръ далъ имъ всѣмъ еще и одинаковое занятіе, которое требовало постоянной близости отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. То была торговля. Надобно только присмотрѣться къ картѣ теченія Днѣпра, чтобы понять, какъ и отчего возникло здѣсь торговое движеніе.

Своими верховьями Днѣпръ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и къ притокамъ Ильмень-озера, т.-е. къ двумъ важнѣйшимъ исходнымъ дорогамъ съ восточной равнины въ Балтійское море, впадаетъ же Днѣпръ въ Черное море. Притоки Днѣпра— все большія, многоводныя рѣки, издалека идущія къ нему справа и слѣва; съ одной стороны они приближаютъ поднѣпровскія страны къ Днѣстру и Вислѣ, т.-е. къ путямъ въ Западную Европу, а съ другой—къ притокамъ Волги и Дона, т.-е. къ Каспійскому и Азовскому морямъ.

При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія сквозь дремучіе непроходимые лѣса, покрывавшіе большую часть русской равнины, Днѣпръ, естественно, сдѣлался большой столбовой дорогой между Балтійскимъ и Чернымъ морями — съ одной стороны, между Каспійскимъ моремъ, т.-е. средне-азіатскимъ востокомъ, и Западной Европой—съ другой.

Въ начальной русской лѣтописи такъ описывается этотъ великій водный путь: „Бѣ путь изъ Варягъ (шведское побе-

режье Балтійскаго моря) въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ (перетаскивали суда по суху) до Ловати, и по Ловати внити въ Ильмень озеро великое, изъ него же потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево (Ладожское), и того озера устье (рѣка Нева) внидеть въ море Варяжское (Балтійское море), и по тому морю итти до Рима (т.-е. странъ Западной Европы), а отъ моря прійти по морю же ко Царю-городу, а отъ Царя-города прійти въ Понтъ море (въ Черное море), въ него же втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковьскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечеть семьюдесятью жерелъ (устій) въ море Хвалисское (Каспійское). Тѣмъ изъ Руси можно итти по Волзѣ въ Болгары (Прикамскій край), и въ Хвалиссы (Закаспійскія страны), и далѣе на востокъ доити въ жребій Симовъ (арабы), а по Двинѣ въ Варяги (Швеція и Прибалтійскія страны), изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова (сѣверъ Африки)". Такъ подробно и точно зналъ древній русскій лѣтописецъ направленія путей въ тѣ отдаленныя страны, которыя онъ называетъ. Не одинъ вѣкъ долженъ былъ уйти на то, чтобы вызнать эти направленія отъ области средняго Днѣпра.

По сѣверному берегу Чернаго моря еще въ глубокой древности основались греческія поселенія—Херсонесъ, Ѳеодосія, Оливіополь, Танаисъ и др. Эти колоніи были житницами эллинскихъ государствъ. Отсюда шелъ хлѣбъ, которымъ питались Аѳины, Коринѳъ, Милетъ и другіе города. О плодородіи и обиліи этого края существовали у грековъ легендарные разсказы. Рѣки славились рыбой, а дальше къ сѣверу отъ моря въ лѣсахъ водилось множество пушного звѣря—бобровъ, лисицъ, куницъ, соболей, а дикихъ пчелъ было столько, что рои ихъ, разсказывали греки, заграждали пути дальше на сѣверъ. Драгоцѣнные мѣха, медъ и воскъ, смола были главнѣйшимъ товаромъ, который греческіе поселенцы на сѣверномъ берегу Чернаго моря скупали и вымѣнивали у жителей Поднѣпровья, Дона, Днѣстра и Буга и съ большой для себя выгодой продавали въ Элладѣ. Жители этихъ колоній и положили начало торговому движенію по Днѣпру. Греки еще до Р. Х. проникали далеко по Днѣпру и Вислѣ на Балтійское побережье, гдѣ пріобрѣтали столь цѣнимый ими янтарь. Вслѣдъ за греками этотъ путь хорошо прознали и римляне. Такимъ образомъ еще за много вѣковъ до разселенія по Днѣпру славянъ эта рѣка была торговой дорогой. Незамѣтно втянулись въ эту торговлю и племена славянъ, когда сдѣлались обитателями Поднѣпровья. Сначала они только продавали пришлымъ купцамъ-грекамъ то, что добывали на своихъ лѣсныхъ угодьяхъ: мѣха, воскъ, медъ, а потомъ понемногу и сами стали ѣздить съ товарами въ чужія страны и обмѣнивать тамъ произведенія своей суровой родины на такіе товары, въ какихъ нуждались сами и

для себя и для перепродажи. Находки въ курганахъ и городищахъ Поднѣпровья греческой посуды, ювелирныхъ издѣлій и монетъ разныхъ, иногда очень отдаленныхъ эпохъ, живо свидѣтельствуютъ о древности и широтѣ размѣровъ торговаго движенія по Днѣпру изъ Варягъ въ Греки. Въ черноморскихъ степяхъ рѣчные пути съ юга на сѣверъ близко соприкасаются съ рѣчными путями на западъ и на востокъ, тамъ, гдѣ системы притоковъ Днѣпра сближаются съ притоками Днѣстра и Вислы и съ системами Дона и Волги. Посредниками тутъ служили, начиная со скиѳовъ, всѣ иранскія и тюркскія племена, смѣнявшія одно другія во владѣніи степью. Эти пути, особенно на европейскій западъ, часто бывали засорены при той смѣнѣ кочевыхъ племенъ, которая составляетъ все содержаніе исторіи южно-русской равнины въ степной ея части съ V вѣка до Р. Х. и болѣе тысячелѣтія послѣ. Но эти пути никогда не забывались и были хорошо извѣстны въ римскую эпоху. Находки по всей территоріи, населенной славянами, римскихъ сребренниковъ конца I, II и III вв. свидѣтельствуютъ о старинномъ значительномъ торговомъ движеніи черезъ страну славянъ съ европейскаго запада. Особенно важное значеніе для исторіи приднѣпровскихъ славянъ получило развитіе торговли по рѣчнымъ путямъ на азіатскій востокъ.

На этомъ направленіи двигателями торговли были арабскіе купцы. Появленіе арабовъ въ странѣ славянъ относится къ тому времени, когда арабы подъ управленіемъ ближайшихъ преемниковъ Магомета далеко расширили свое государство. Отъ предѣловъ Индіи, черезъ все побережье сѣверной Африки, до самыхъ Пиренеевъ простиралась власть арабовъ. Столица ихъ Багдадъ сдѣлался въ VIII вѣкѣ средоточіемъ торговли между Индіей, Африкой, Китаемъ и сѣверными странами. Арабскіе купцы ѣздили въ Китай и глубь Индіи, ѣздили и въ южную Африку, а Каспійскимъ моремъ и Волгою черезъ всю нынѣшнюю Россію проникали до странъ средней Европы.

На сѣверъ арабскіе купцы ѣздили черезъ страну хазаръ. Хазары были племя монгольско-тюркскаго происхожденія. Еще во II в. по Р. Х. кочевали они въ степяхъ по нижнему теченію Волги и у сѣверныхъ отроговъ Кавказа. Въ V вѣкѣ они были покорены гуннами. Гуннское нашествіе отбросило хазарскія кочевья въ прикаспійскія степи. Отсюда началась упорная борьба хазаръ съ персидскимъ государствомъ. Съ VII вѣка хазары снова господствуютъ въ приволжскихъ и придонскихъ степяхъ. На Волгѣ они овладѣли страной булгаръ и тогда же утвердились въ сѣверной части Крыма и вошли въ столкновеніе съ Византіей. Продолжались и ихъ набѣги на Персію, гдѣ въ это время утверждался арабскій халифатъ. Эти набѣги хазаръ на владѣнія арабовъ и Византію постепенно прекращались, потому что полудикимъ кочевникамъ хазарамъ была не подъ силу борьба съ могущественной Византіей и съ арабскимъ халифа-

томъ. Тогда наступила пора сравнительно мирнаго общенія хазаръ съ этими своими сосѣдями. Уже съ конца VII вѣка арабскіе купцы появляются на Волгѣ, въ странѣ хазаръ. Отсюда они проникаютъ къ булгарамъ и славянамъ. Славянскія племена, обитавшія по среднему Днѣпру, были покорены хазарами. Это обстоятельство имѣло очень большое значеніе для славянъ. Какъ подвластные хазарамъ, они должны были пускать въ свою страну чужеземныхъ купцовъ, приходившихъ изъ Хазаріи, и въ то же время сами получили возможность ѣздить съ товарами, со своей лѣсной добычей, въ хазарскіе города. Такимъ образомъ хазары вовлекли племена поднѣпровскихъ славянъ въ круговоротъ тогдашней міровой торговли. Кромѣ древняго великаго воднаго пути въ Греки, славяне скоро освоились и съ новыми путями на востокъ.

Средоточіями торговли славянъ съ востокомъ были городъ Булгары, неподалеку отъ сліянія Волги съ Камой, хазарскіе города Саркелъ, или Бѣлая-Вѣжа, между Дономъ и Волгой, гдѣ эти рѣки сближаются, и Итиль въ устьяхъ Волги. Итиль былъ столицей Хазарскаго царства и главнымъ мѣстомъ обмѣна товаровъ; съ арабскаго востока, изъ Персіи, изъ кавказскихъ странъ, изъ Византіи шли сюда плоды человѣческаго труда, а съ сѣвера стекалась всякая лѣсная добыча. Въ Итиль сходились для торговаго обмѣна люди разныхъ національностей, разныхъ вѣроисповѣданій, различной степени образованности. Арабы были магометане, среди арабскихъ купцовъ было очень много евреевъ, греки были христіане, славяне—язычники. Въ условіяхъ тогдашней торговли иноземные купцы подолгу заживались въ странѣ хазаръ, устраивали здѣсь свои склады, поселяли своихъ приказчиковъ, и такимъ образомъ устанавливалось тѣсное общеніе и хазаръ съ пришельцами и иноземныхъ гостей разныхъ вѣръ и національностей другъ съ другомъ. Хазары многое перенимали у болѣе образованныхъ арабовъ, евреевъ и грековъ. Въ VIII в. хазарскій каганъ принялъ еврейскую вѣру, въ низшихъ слояхъ хазарскаго народа замѣтно стало распространяться магометанство, появились среди хазаръ и христіане. Одинъ арабскій писатель разсказываетъ, что въ Итилѣ было установлено каганомъ семь судей—двое для магометанъ, которые судили по корану, двое для христіанъ, которые судили по инджилю, т.-е. по евангелію, двое для исповѣдывавшихъ еврейство, судившіе по законамъ торы, и одинъ для язычниковъ, „судившій по законамъ разума". Среди язычниковъ арабскій писатель называетъ и славянъ.

По Каспійскому морю арабскіе купцы приходили на своихъ корабляхъ въ Итиль. Отсюда вверхъ по Волгѣ плыли они въ страну булгаръ. Здѣсь въ Великомъ городѣ былъ большой торгъ. Сюда приходили со своими товарами славяне, а съ Балтійскаго моря—сѣверные купцы-воины, норманны, которыхъ греки называли варягами, а арабы—руссами. Эта торговля намѣтила и

проторила рѣчные пути изъ странъ прибалтійскихъ и славянскихъ въ страну хазаръ. Славянскіе гости со средняго Днѣпра шли до нынѣшняго Кіева по Днѣпру, потомъ по Деснѣ добирались до Оскола, впадающаго въ Донецъ, и по этой рѣкѣ и Дону добирались до Бѣлой-Вѣжи, гдѣ перетаскивали свои суда въ Волгу и спускались къ Итилю. Въ страну булгаръ, въ Великій городъ, шли они по Днѣпру, Деснѣ и Сейму, перетаскивали суда въ Угру, притокъ Оки, и Окой попадали на Волгу. Сѣверные купцы-воины шли изъ Финскаго залива въ Неву, потомъ Ладогой и Свирью въ Онежское озеро, отсюда рѣками Вытегрой и Ковжей въ Бѣлоозеро и Шексной направлялись на Волгу. Были, конечно, и другіе рѣчные пути. Торговымъ средоточіемъ въ странѣ днѣпровскихъ славянъ арабы называютъ городъ Кухбу, т.-е. Кіевъ. Это „ближайшій городъ руссовъ къ мусульманству,—говоритъ одинъ арабскій писатель X вѣка,—мѣсто благодатное и мѣстопребываніе царей; отсюда вывозятъ разнообразные мѣха и цѣнные мечи“. Знали арабы и Новгородъ—сѣверный исходъ великаго воднаго пути: „Склябе (т.-е. городъ словенъ) городъ благодатный. Изъ него приходятъ торговать въ страну булгаръ, когда бываетъ иръ“.

Славяне не только торговали съ пришлыми къ нимъ иноземцами, они и сами ѣздили торговать въ отдаленныя страны. Одинъ арабскій путешественникъ писалъ въ 860 годахъ, т.-е. уже во времена Рюрика и Аскольда, что славянскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ греки берутъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на лодкахъ по Волгѣ, спускаются до хазарской столицы, владѣтелю которой тоже выплачиваютъ десятину, выходятъ затѣмъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже иногда привозятъ свои товары на верблюдахъ въ столицу арабскаго царства—Багдадъ. „Руссы постоянно торгуютъ съ хазаромъ и румомъ“, т.-е. Римомъ, Византіей, — говоритъ арабскій писатель Ибнъ-Хаукалъ. Въ страну булгаръ славяно-русскіе купцы приходили въ лодкахъ цѣлыми дружинами; здѣсь они строили свои балаганы и раскладывали въ нихъ товары, ожидая покупателей. Въ числѣ этихъ товаровъ главное мѣсто занимали мѣха, которые цѣнились очень дорого у арабовъ и считались царскимъ украшеніемъ. Кажется, весь торгъ у нихъ со славянами шелъ на мѣха; куньи мѣха шли со стороны славянъ вмѣсто монеты; слово „куны“ долго, до татаръ, значило у насъ — деньги. Двѣ куньи шкурки равнялись $2^1/_2$ арабскимъ диргемамъ, потому что „чеканеной монеты своей у нихъ нѣтъ,—замѣчаетъ арабъ-современникъ,— и звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха“. Особенно цѣнили арабы мѣхъ чернобурыхъ лисицъ, и, когда татарское нашествіе прекратило всякую торговлю съ Русью, арабы отмѣтили съ сожалѣніемъ это прекращеніе отсутствіемъ привоза въ ихъ страну мѣха чернобурыхъ лисицъ.

Продавали славяне дары своего лѣса: мѣха, кожи, медъ, смолу, а также и плоды военной удачи—„челядь“, т.-е. рабовъ. Въ тѣ суровыя времена плѣнные всегда становились рабами своихъ побѣдителей.

Покупали славянскіе купцы у грековъ шелковыя ткани, золото, кружева, всякія лакомства, вина, мыло, губки; у хазаръ и арабовъ пріобрѣтали они бисеръ, драгоцѣнные камни, сафьянъ, сабли, ковры, пряности; съ Варяжскаго моря привозили они янтарь, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ и особенно славившееся тогда сѣверное оружіе—мечи и топоры. Купленнымъ у однихъ они торговали съ другими, и такимъ путемъ число предметовъ ихъ торга было очень значительно.

При торговлѣ съ образованными народами славяне употребляли иностранную монету—„арабчики“, или греческую—„златницы“. Впрочемъ, чаще всего мѣняли товаръ на товаръ. Съ дикими народами они вели исключительно мѣновую торговлю.

Торговое общеніе съ арабами оставило слѣды и въ нашемъ языкѣ. Ткани шли къ намъ изъ Византіи и отъ арабовъ—вотъ

Диргемъ умейадскій 708 г. Диргемъ аббасидскій 772 г.

Монеты, обращавшіяся у славянъ и найденныя въ славянскихъ могильникахъ.

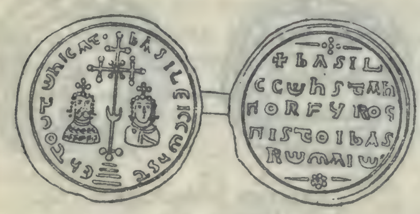
почему нѣкоторыя части одежды у славянъ носятъ восточныя названія: сарафанъ, парча, камка, армякъ, корзно; отъ арабовъ шла знаменитая дамасская сталь и издѣлія изъ нея, а также драгоцѣнные камни; отсюда въ русскомъ языкѣ слова: сабля, кинжалъ, харалугъ (вороненая сталь), алмазъ, бирюза, яхонтъ, сапфиръ; всѣ эти слова арабскаго происхожденія и утвердились въ нашемъ языкѣ съ давнихъ поръ.

Заходя часто въ такія страны, языка которыхъ не знали, славянскіе купцы вели такъ называемую „нѣмую“ торговлю. Лѣтопись сохранила одно воспоминаніе о такой торговлѣ. „Есть горы около моря, — читаемъ тамъ, — высота ихъ до небесъ; въ горахъ тѣхъ живутъ люди, и языка ихъ нельзя понять: показываютъ на желѣзо и помаваютъ рукой, прося желѣза; и если кто дастъ имъ ножъ или топоръ, даютъ въ обмѣнъ мѣха“.

Одинъ арабскій писатель такъ разсказываетъ о торговлѣ приволжскихъ булгаръ съ дикими народами, населявшими лѣса къ сѣверу отъ средней Волги. „Булгары,—говоритъ онъ,—приносятъ свои товары для продажи, и каждый, отмѣтивъ свой

товаръ знакомъ, оставляетъ его на томъ мѣстѣ, куда приходятъ туземцы, а сами удаляются. Спустя немного времени купцы приходятъ опять и находятъ на томъ мѣстѣ товаръ, какой продаютъ жители этой страны. Если купецъ доволенъ количествомъ и качествомъ положеннаго туземцами, то оставляетъ свой и беретъ то̀, что принесли туземцы; если же недоволенъ, то беретъ обратно свой товаръ". Такъ же торговали съ дикарями, вѣроятно, и славянскіе купцы.

Что торговля велась славянами большая, видно изъ того обилія кладовъ, которые находятъ въ землѣ по всему пространству нынѣшней Россіи. По монетамъ этихъ кладовъ и можно судить, съ кѣмъ торговали славяне. Много попадается въ кладахъ арабскихъ монетъ, причемъ нѣкоторые клады достигаютъ семи и болѣе пудовъ вѣсу. Большая часть находимыхъ въ кладахъ монетъ относится къ IX и X вв., ко времени наибольшаго развитія восточной торговли въ странѣ славянъ. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднѣйшія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка, и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Все

Греческая монета X вѣка.

Монета Олафа Святого, найденная въ Россіи.

это наглядно свидѣтельствуетъ, что именно въ VIII в. завязалась торговля славянъ днѣпровскихъ съ хазарскимъ и арабскимъ востокомъ. „Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія хазаръ въ южно-русскихъ степяхъ; ясно, что хазары и были торговыми посредниками между этимъ востокомъ и русскими славянами". Возлѣ г. Мурома, Владимирской губ., былъ найденъ, напр., кладъ, состоящій изъ 11.077 монетъ, почти исключительно арабскихъ. Одновременно съ арабскими монетами, иногда въ однихъ кладахъ съ ними, находятъ немалое количество монетъ западно-европейскихъ, а на югѣ, въ Малороссіи, часто находятъ въ землѣ монеты греческія и древне-римскія; у тамошнихъ крестьянъ явилось даже особое названіе для этихъ находокъ: они называютъ ихъ „Ивановы головки", находя, вѣроятно, сходство въ изображеніи на монетахъ головъ римскихъ императоровъ съ изображеніемъ усѣкновенной главы Іоанна Предтечи.

Зарывали тогдашніе люди свои деньги въ землю потому, что въ то тревожное время нельзя было найти хранителя-банкира вѣрнѣе. Уходя торговать или воевать далеко на чужую сторону, славянинъ хоронилъ свое добро въ полѣ, около жилища, въ

лѣсу, на берегу рѣки, словомъ, гдѣ ему казалось укромнѣе. Дѣлалъ поблизости знакъ—набрасывалъ камень или садилъ деревцо. Возвратившись домой, часто послѣ многолѣтняго отсутствія, онъ по оставленнымъ примѣтамъ легко находилъ зарытое добро. Но если зарывшій кладъ человѣкъ не возвращался, убитый на войнѣ или погибшій какъ-нибудь иначе, что въ тогдашней жизни было совсѣмъ не диковина, то безотвѣтный банкиръ мать-сыра-земля навсегда сохраняла въ своихъ нѣдрахъ ввѣренную ей тайну, и только случай, иногда черезъ сотни лѣтъ, обнаруживалъ кладъ.

Находки монетъ арабскихъ, греческихъ, римскихъ и западно-европейскихъ по всему пространству Россіи ясно говорятъ о размѣрахъ и распространеніи древне-славянской торговли. Находятъ клады чаще всего поблизости старинныхъ городовъ, вблизи отъ большихъ рѣкъ, на волокахъ, т.-е. на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перетаскивали лодки по-суху изъ одной рѣки въ другую *), на мѣстахъ, гдѣ, по преданію, стояли большія селенія. Все это показываетъ, что не грабежъ, не военная добыча, а именно торговля была источникомъ этихъ кладовъ.

Благодаря развитію торговли, по всей землѣ, заселенной славянами, стали появляться большіе торговые города. Тогда возникли Ладога, Новгородъ Великій, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечъ, Кіевъ, Черниговъ и др.

Города эти стоятъ цѣпью по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, т.-е. по Днѣпру и его притокамъ, и далѣе по Двинѣ, Волхову. Нѣкоторые изъ нихъ забираются очень далеко къ востоку, на верхнюю Волгу, какъ, напримѣръ, Суздаль, Ростовъ Великій. Къ 900 годамъ въ странѣ восточныхъ славянъ насчитывалось болѣе 20 крупныхъ городовъ, мелкихъ же было столько, что сѣверные сосѣди славянъ, норманны-варяги, называли славянскую землю на своемъ языкѣ „Гардарикъ", что значитъ страна городовъ.

Очень можетъ быть, что города эти возникли изъ тѣхъ крѣпостей, которыя каждое племя строило для себя и куда „затворялось" на случай нападенія враговъ.

За крѣпкой изгородью городовъ люди тѣхъ временъ отсиживались, пока не минуетъ опасность. Съ развитіемъ торговли къ прежнему военному значенію городовъ прибавилось значеніе торговое. Расположенные на самомъ великомъ водномъ пути или вблизи отъ него, т.-е. всегда на большой торговой дорогѣ, города эти сдѣлались складами, въ которые изнутри страны свозились для продажи добытые тамъ товары. Здѣсь налаживались караваны-артели купцовъ, отсюда они отправлялись въ чужія страны, сюда же пріѣзжали и иностранные купцы.

У каждаго изъ такихъ большихъ городовъ выросталъ поне-

---

*) Слово „волокъ" сохранилось до сихъ поръ въ названіи нѣкоторыхъ городовъ и поселеній, напр., Волоколамскъ, Вышній-Волочокъ, Переволочня и др.

многу, такъ сказать, свой приходъ изъ болѣе мелкихъ торговыхъ и промысловыхъ поселеній, забиравшихся далеко въ сторону отъ большой рѣки, въ глубь лѣсовъ и полей. Эти мелкія торгово-промысловыя мѣста назывались погостами; сюда сходились для торговли, для „гостьбы“, какъ тогда говорили, звѣроловы, бортники, бобровники, смолокуры, лыкодеры, словомъ, всякіе лѣсные промышленники.

Съ распространеніемъ христіанства на этихъ рынкахъ, какъ на мѣстахъ привычныхъ людскихъ сборищъ, начали ставить церкви: тогда погостъ получилъ значеніе мѣста, гдѣ стоитъ сельская церковь; при церквахъ хоронили покойниковъ, отсюда значеніе слова погостъ, какъ кладбища.

На погосты наѣзжали купцы изъ большихъ городовъ, скупали и вымѣнивали у приходившихъ сюда добычниковъ плоды ихъ труда и удачи и увозили въ города, гдѣ продавали дары лѣса пришлымъ купцамъ или сами везли ихъ въ чужія страны.

Торговля въ то время была дѣломъ опаснымъ и труднымъ. Не считая опасностей самаго пути, шедшему или ѣхавшему съ товаромъ купцу всюду угрожали враги. Могли ограбить недобрые люди, могли налетѣть со степи кочевые хищники и, перебивъ купцовъ, увезти товаръ въ свои становища; приходилось отбиваться и отъ дикаго звѣрья, которымъ полны были тогдашніе лѣса. Купцу тѣхъ временъ надо было умѣло владѣть мечомъ и копьемъ.

Такъ какъ очень цѣннымъ товаромъ на иноземныхъ рынкахъ тѣхъ временъ были рабы, то славянскіе купцы выступали иногда, надо думать, и въ роли охотниковъ за людьми, нападая на беззащитные поселки чужого племени и уводя въ плѣнъ ихъ обитателей. Недаромъ же по всему тогдашнему міру славились славянскіе рабы. Въ Царьградѣ, если кому нуженъ былъ рабъ, шли покупать его на тотъ рынокъ, гдѣ русскіе купцы *) „приходяще куплю дѣяше“. Рабовъ-славянъ можно было найти тогда въ Италіи, Испаніи и Египтѣ.

Это торговое движеніе, утвердившееся и все болѣе развивавшееся въ странѣ восточныхъ славянъ, надолго опредѣлило промысловый и торговый характеръ жизни восточныхъ славянъ. Въ IX, X и XI вѣкахъ торговля и промыселъ для торговли— основное и важнѣйшее занятіе народа.

До насъ дошло живое описаніе самаго круговорота торговой дѣятельности русскихъ городовъ, принадлежащее перу византійскаго императора Константина Багрянороднаго. Въ 9-й главѣ своего сочиненія „Объ управленіи государствомъ“, написаннаго около половины X вѣка, Константинъ разсказываетъ, что „люди, прибывающіе въ Константинополь изъ нынѣшней Руси (т.-е. изъ странъ, лежащихъ за Кіевомъ), идутъ частью изъ Новгорода... частью изъ города Смоленска, изъ Любеча, Чернигова и Выше-

*) Русскіе купцы, т.-е. варяго-славянскіе.

города. Всѣ они плывутъ внизъ по Днѣпру и сходятся у города Кіева, называемаго также Самватосъ. Славяне же, платящіе дань Руси, такъ называемые кривичи, лучане и другіе, рубятъ у себя въ горахъ древесные стволы въ зимнее время, обтесываютъ ихъ и весною, какъ только ледъ растаетъ, свозятъ въ ближайшія озера. Спустивъ суда въ Днѣпръ, они отправляются внизъ по рѣкѣ и плывутъ къ Кіеву. Здѣсь они вытаскиваютъ ладьи на берегъ и продаютъ ихъ руссамъ. Послѣдніе покупаютъ только самыя суда, которыя сами снабжаютъ веслами, скамьями для гребцовъ и прочими снастями отъ старыхъ ладей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ они (руссы) пускаются въ плаваніе по Днѣпру и плывутъ до Витичева—города, находящагося подъ властью руссовъ. Здѣсь они собираются въ теченіе двухъ или трехъ дней; когда же соберутся всѣ ладьи, они отправляются далѣе и плывутъ внизъ по Днѣпру. И сперва они приплываютъ къ первому порогу, называемому Есупи *), что значитъ по-русски и по-славянски „не спи". Хоть этотъ порогъ настолько узокъ, что имѣетъ только ширину циканистеріона (одного зданія въ Византіи), но посреди его возвышаются крутыя, высокія скалы, имѣющія видъ островов. Когда волны приливаютъ къ нимъ, то высоко поднимаются и низвергаются (со скалъ) внизъ съ сильнымъ ревомъ. Поэтому руссы не рѣшаются плыть прямо между скалами, но, остановившись вблизи ихъ, высаживаютъ людей, оставляя все на ладьяхъ. Раздѣвшись, они идутъ въ воду, ощупывая ногами дно, чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень, причемъ одни двигаютъ впередъ шестами носъ, другіе—среднюю часть, третьи—корму судовъ. Такъ они минуютъ со всевозможною осторожностью этотъ первый порогъ, обходя его уголъ и держась около берега рѣки. Прошедши этотъ порогъ, они снова забираютъ остальныхъ (высаженныхъ) съ берега и плывутъ далѣе ко второму порогу, называемому по-русски Ульворси, по-славянски Островунипрагъ, что значитъ „островъ порога" **). Онъ такъ же опасенъ и труденъ для проѣзда, какъ и первый; и они опять высаживаютъ людей и тащатъ ладьи, какъ и въ первый разъ. Такимъ образомъ подходятъ они къ третьему порогу, по имени Геландри, что значитъ по-славянски „шумъ порога" ***). Затѣмъ они подходятъ къ четвертому, большому порогу, называемому по-русски Айфоръ, по-славянски Неясыть ****)... У этого порога всѣ суда останавливаются, люди, выбранные для того, чтобы стоять на стражѣ, выходятъ и отправляются на свои мѣста: эту стражу они отбываютъ очень внимательно, по причинѣ близости печенѣговъ. Остальные вытаски-

*) Есупи—испорченное славянское реченіе „не спи"; норманскаго названія этого порога авторъ не сообщаетъ.

**) Ulworsi—испорченное скандинавское слово Holm-fors, что и значитъ „островъ-порогъ".

***) Gellandri—отъ скандинавскаго слова Gellandi, что и значитъ „звенящій".

****) Aifor—отъ скандинавскаго слова Eifor, что и значитъ „неукротимый".

ваютъ грузъ, имѣющійся въ ладьяхъ, выводятъ оттуда также скованныхъ невольниковъ и ведутъ ихъ по сушѣ на протяженіи 6000 шаговъ, пока не минуютъ порога. Такимъ же образомъ они или тащатъ за собою, или несутъ на плечахъ свои ладьи, пока не придутъ по ту сторону порога. Тамъ они спускаютъ ихъ опять въ воду, снова нагружаютъ свои мѣха и сами садятся въ ладьи. Достигнувъ пятаго порога, называемаго по-русски Баруфоросъ *), по-славянски Вульнипрахъ, потому что онъ образуетъ большой водоворотъ, они опять проводятъ суда, держась берега рѣки, какъ у перваго и второго пороговъ. Затѣмъ они приходятъ къ шестому, который называется по-русски Леанти, а по-славянски Верутци, т.-е. бурленіе воды **). Подобнымъ же образомъ они минуютъ и его, и плывутъ отсюда къ седьмому порогу, называемому по-русски Струкунъ, по-славянски Напрези, что означаетъ „малый порогъ" ***). И они прибываютъ къ такъ называемому Крарійскому перевозу, у котораго херсониты переправляются изъ Руси, а печенѣги въ Херсонъ. Этотъ перевозъ имѣетъ ширину ипподрома, и высота берега, которую видитъ глазъ снизу, такова, что пущенная оттуда стрѣла какъ разъ попадаетъ въ плывущихъ. Поэтому печенѣги приходятъ сюда и нападаютъ на руссовъ. Прошедши это мѣсто, они пристаютъ къ острову, называемому именемъ св. Григорія; на этомъ островѣ они совершаютъ свое жертвоприношеніе, такъ какъ на немъ стоитъ очень высокій дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ пѣтуховъ. Они также втыкаютъ въ землю кругомъ стрѣлы, другіе кладутъ хлѣбъ и мясо и что каждый изъ нихъ вообще имѣетъ при себѣ, сообразно съ ихъ обычаемъ. О пѣтухахъ они бросаютъ жребій, рѣзать ли и ѣсть ихъ, или оставить живыми. Прошедши этотъ островъ, руссы не боятся болѣе печенѣговъ, пока наконецъ они приплываютъ въ рѣку Селину".

Добравшись до Царьграда, славянорусскіе купцы могли торговать тамъ шесть мѣсяцевъ. Останавливались славяно-русскіе купцы не въ самомъ городѣ, а въ одномъ изъ его предмѣстій. Въ городѣ они продавали свои товары и покупали греческіе, не платя пошлинъ. По окончаніи торга греки должны были давать славяно-русскимъ купцамъ съѣстные припасы и нужныя корабельныя снасти для обратнаго пути. Еле-еле къ октябрю попадали купцы обратно въ Кіевъ, а въ ноябрѣ имъ приходилось уже ѣхать по внутреннимъ торгамъ и торжкамъ, распродавая купленные лѣтомъ заморскіе товары, скупая для будущаго лѣтняго похода за море лѣсные продукты.

Такъ совершался въ тѣ отдаленныя времена круговоротъ торговой жизни въ странѣ восточныхъ славянъ.

---

*) Baruforos, скандинавское Baru-fors, что значитъ „водопадъ".

**) Леанти—скандинавское leande, что значитъ „смѣющійся".

***) Струкунъ—отъ скандинавскаго слова strok, означающаго „суженіе русла и усиленное теченіе протока".

Описаніе Константина Багрянороднаго было составлено имъ въ ту пору, когда въ славянскихъ городахъ утвердились и княжили норманскіе, варяжскіе князья. Но еще полнаго сліянія варяговъ-руссовъ и славянъ не произошло. Константинъ очень опредѣленно различаетъ ладьи славянъ и руссовъ, а въ описаніи пороговъ не забываетъ привести русскія, т.-е. норманскія, и славянскія имена пороговъ.

Варяги тоже издавна появились на великомъ водномъ пути. По Невѣ, Ладогѣ, Волхову, Ловати и затѣмъ по Днѣпру большими и малыми ватагами пробирались они въ Византію, гдѣ нанимались на военную службу къ византійскому императору. По дорогѣ они могли подолгу засиживаться въ славянскихъ городахъ, въ качествѣ то гостей, то болѣе или менѣе временныхъ хозяевъ, когда имъ удавалось силой завладѣть тѣмъ или инымъ городомъ; но по большей части они заживались въ славянскихъ городахъ въ качествѣ наемниковъ, вооруженной стражи славянскихъ торговыхъ каравановъ и складовъ. Вмѣстѣ со славянами они стали участниками торговаго движенія и на востокъ, въ страну булгаръ и хазаръ.

Славяно-русскіе и иноземные купцы, въ цѣляхъ скупки нужныхъ имъ для вывоза товаровъ, бродили большими и малыми артелями по всей странѣ восточныхъ славянъ. Покупая и вымѣнивая то, что имъ было нужно, гости распространяли по всей странѣ и мѣстные и иноземные товары. Наибольшее распространеніе изъ иноземныхъ товаровъ, судя по археологическимъ находкамъ, имѣли разныя украшенія, особенно стеклянныя бусы и мелкія подѣлки изъ серебра. Но насущное значеніе для внутренней торговли имѣли, какъ можно думать, соль и металлы, „такъ какъ во всемъ остальномъ,—замѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—главнѣйшія потребности народной жизни удовлетворялись мѣстными продуктами и издѣліями. Соли не добывалось въ странѣ восточныхъ славянъ, и этотъ необходимый для человѣческаго существованія продуктъ везли издалека — изъ Крыма, съ береговъ Балтики, изъ теперешней Галиціи. Извѣстія о доставкѣ соли въ кіевскіе края изъ Галиціи сохранились въ лѣтописной записи, относящейся, правда, къ концу XI в., когда въ Кіевѣ случился острый соляной голодъ: „не стало соли во всей Русской землѣ",— шла война у кіевскаго князя съ галицкимъ, и торговымъ людямъ не стало пути изъ Галича и Перемышля къ Кіеву. Но, несмотря на поздній характеръ этого извѣстія о ввозѣ соли въ страну славянъ изъ Галиціи, можно смѣло думать, что такъ дѣло обстояло и въ болѣе древнее время. Что касается металловъ, то славяне несомнѣнно умѣли добывать желѣзо изъ болотной руды, но его не хватало, и желѣзо приходилось тоже покупать на сторонѣ. Арабскій писатель Аль-Бекри утверждаетъ, что свинецъ и олово привозили въ страну славянъ торговцы съ запада. Съ запада шла къ славянамъ и мѣдь. Другимъ источникомъ, снабжавшимъ славянъ металлами, могли быть пермскія и приураль-

скія страны, гдѣ находятъ слѣды очень древнихъ разработокъ тамошнихъ богатыхъ рудъ. Отсюда желѣзо и мѣдь попадали въ страну славянъ черезъ финновъ.

Торговымъ центромъ какъ для внутренней, такъ и для внѣшней, заграничной торговли давно, можетъ-быть, еще въ VIII в. обозначился въ странѣ славянъ Кіевъ, возникшій на южномъ исходѣ великаго воднаго пути по Днѣпру. Помѣстившись ниже устьевъ главныхъ притоковъ Днѣпра—Припяти и Десны, Кіевъ естественно становился сборнымъ пунктомъ для всего, что двигалось по днѣпровской системѣ рѣкъ. А эта система своими развѣтвленіями близко соприкасалась съ системами другихъ большихъ водныхъ путей. Припять соединяла систему Днѣпра съ системой Буга и Вислы, Сеймъ—съ системой Дона, Десна—съ системой Оки, верховья самого Днѣпра близко подходятъ къ верховьямъ Западной Двины, Волги и соприкасаются съ водными путями, ведущими въ озерную область.

Кіевъ же являлся перекресткомъ и сухопутныхъ путей. Черезъ Кіевъ шелъ путь изъ Волыни и „изъ Ляховъ“, а также и болѣе южный изъ Чехіи и Венгріи черезъ Галицію. Отъ Кіева шелъ путь на сѣверо-востокъ въ Курскую область и на юго-востокъ къ Переяславлю Южному, откуда и получали свое направленіе три знаменитыхъ впослѣдствіи пути — „греческій“, имѣвшій направленіе по Днѣпру въ византійскія владѣнія въ Тавридѣ, „западный“, шедшій по Днѣпру внизъ и сворачивавшій гдѣ-то не выше Канева къ юго-востоку, и „соляной“—торная дорога въ крымскіе солончаки за солью. Соль въ Крыму добывалась съ очень давнихъ поръ и вывозилась отсюда даже въ Малую Азію. Кромѣ вывоза соли, въ Крыму, — говоритъ проф. М. Грушевскій,—долженъ былъ происходить такой же обмѣнъ русскихъ продуктовъ на греческіе и вообще южные товары, какой лишь въ большемъ размѣрѣ велся въ Константинополѣ.

Константинъ Багрянородный говоритъ, что въ таврическихъ городахъ сосредоточивалась греческая торговля со степными кочевниками, что херсонесцы покупали у печенѣговъ шкуры и воскъ; шкуры, дѣйствительно, могли быть печенѣжскимъ товаромъ, но воскъ къ печенѣгамъ могъ попадать только изъ славянскихъ рукъ, такъ какъ печенѣги были дикіе кочевники и пчеловодствомъ врядъ ли могли заниматься. Во всякомъ случаѣ наличность цѣлыхъ трехъ сухопутныхъ путей на югъ, въ Тавриду, и возникновеніе впослѣдствіи даже особаго русскаго города и княженія въ Тавридѣ—Тмутараканскаго, настолько обширнаго и богатаго, что счастливый соперникъ Ярослава Мудраго, его братъ Мстиславъ, не захотѣлъ переѣхать изъ Тмутаракани въ Кіевъ, свидѣтельствуютъ о большомъ значеніи торговомъ, а впослѣдствіи и политическомъ, этихъ путей, ведшихъ отъ Кіева къ Тавриду.

Путь на европейскій западъ тоже шелъ отъ Кіева. Германскія хроники X вѣка знаютъ русскихъ купцовъ, доставляющихъ

воскъ, рабовъ и лошадей въ предѣлы восточной марки, т.-е. нынѣшней Австріи; есть извѣстія отъ этого же времени о русскихъ купцахъ, приходившихъ въ Прагу; черезъ Кіевъ въ Прагу попадали мусульманскіе и еврейскіе купцы изъ страны хазаръ. Черезъ Кіевъ шли на западъ и византійскіе товары. Нѣмецкіе купцы тогда же, т.-е. около X вѣка, появляются въ Кіевской, Волынской и Галицкой землѣ. Средоточіемъ торговли нѣмцевъ съ Русью въ XI вѣкѣ становится городъ Регенсбургъ. Довольно оживленная торговля на этомъ пути длилась до конца первой четверти XII вѣка.

Развившееся съ VIII вѣка въ странѣ восточныхъ славянъ торговое движеніе имѣло большія послѣдствія не только для всего строя и склада тогдашней жизни, но и оказало рѣшительное вліяніе на будущее восточныхъ славянъ. Торговля, создавъ большіе города съ тянувшими къ нимъ областями, замѣнила прежнее раздѣленіе славянъ на племена новымъ, по городовымъ областямъ; объединивъ эти города одинаковымъ интересомъ, торговля способствовала вмѣстѣ съ тѣмъ сліянію этихъ областей въ одно цѣлое, когда тому приспѣло время. Торговое движеніе, шедшее по Днѣпру и далѣе по сѣвернымъ рѣкамъ, связывавшее Черное море съ Балтійскимъ, привлекло на Днѣпръ сѣверныхъ витязей, варяговъ, подъ руководствомъ которыхъ и произошло сліяніе городовыхъ славянскихъ волостей въ одно государство; создавъ новый городской строй жизни со свойственнымъ ему накопленіемъ богатствъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ, торговля внесла неравенство во взаимныя отношенія людей, раздѣливъ ихъ на богатыхъ и бѣдныхъ; явилось понятіе о частномъ имуществѣ, принадлежащемъ только тому, кто его добылъ или заработалъ, создалось понятіе работы однихъ на другихъ за плату и зависимости работающихъ за плату отъ тѣхъ, кто имъ даетъ работу; наконецъ, благодаря торговлѣ создавалось общеніе съ другими народами, тѣмъ самымъ расширялись взгляды на міръ и человѣчество, образовались привычки къ болѣе удобному устройству внѣшней жизни, а все это вмѣстѣ расширяло, подымало и усложняло культурный уровень народа, какъ принято говорить.

Монета конунга Канута Великаго, найденная въ Россіи.

Благодаря торговому общенію съ греками, восточные славяне узнали христіанство, и оно издавна дѣлало въ ихъ средѣ большіе успѣхи. Христіанство же принесло съ собой грамотность, образованіе и просвѣщеніе.

Главнѣйшія пособія: *И. Е. Забѣлинъ*, „Исторія русской жизни"; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи", ч. I; *М. Грушевскій*, „Кіевская Русь"; *М. В. Довнаръ-Запольскій*, „Исторія русскаго народнаго хозяйства"; *Гаркави*, „Сказанія мусульманскихъ писателей".

Заставка и начальная буква статьи взяты съ рукописи конца XI в.

Варяги и первые князья русскіе.

Появленіе торговыхъ городовъ съ тянувшими къ нимъ пригородами нарушило прежнее раздѣленіе восточныхъ славянъ на племена. Торговые города возникали тамъ, гдѣ это было удобнѣе для торговцевъ и промышленниковъ: на большой рѣкѣ, близко къ Днѣпру, въ такой мѣстности, куда было удобно свозить свою добычу семьямъ и задругамъ различныхъ племенъ. А это привело къ тому, что отдѣльныя семьи различныхъ племенъ отставали отъ своихъ, соединялись съ чужими и привыкали къ такому соединенію.

Къ XI вѣку почти забываются старинныя племенныя названія—древлянъ, полянъ, кривичей, сѣверянъ, и славяне начинаютъ называть себя по городамъ, въ которые ѣздятъ торговать: кіевляне, смольняне, новгородцы, полочане... Вся страна восточныхъ славянъ стала, такимъ образомъ, распадаться не на племенныя земли, а на городскія области, или волости. Во главѣ каждой сталъ большой городъ. Мелкіе города, находившіеся въ волости крупнаго, назывались пригородами и во всемъ зависѣли отъ „великихъ“, т.-е. старшихъ городовъ, самыхъ богатыхъ и сильныхъ. Не во всѣхъ земляхъ славянскихъ племенъ одновременно образовались городовыя волости. Возникновеніе

ихъ происходило постепенно; въ то время, какъ въ однѣхъ частяхъ населенной славянами страны появлялись большіе города и образовали вокругъ себя волости, собирая людей торговымъ интересомъ и выгодой, въ другихъ краяхъ славяне продолжали жить попрежнему разбитыми на мелкія общества, около своихъ маленькихъ городковъ, „пашуще нивы своя".

Возникновеніе городовъ и образованіе городскихъ волостей въ странѣ славянъ положило начало раздѣленію славянъ на горожанъ и сельчанъ, или смердовъ, какъ тогда называли земледѣльцевъ. Главнымъ занятіемъ первыхъ сдѣлалась торговля, смерды же занимались лѣсными промыслами и земледѣліемъ, доставляли, такъ сказать, тотъ матеріалъ, тотъ товаръ, которымъ торговали горожане съ иноземцами.

Большому торговому городу было, конечно, очень важно, чтобы на его рынокъ доставлялось какъ можно больше товару. Поэтому обитатели городовъ издавна стремятся привлекать къ себѣ и лаской и оружіемъ населеніе своей округи, чтобы оно только въ ихъ городъ свозило и приносило для продажи плоды своихъ трудовъ. Не довольствуясь естественнымъ тяготѣніемъ окружнаго населенія къ городу, какъ къ мѣсту сбыта товара, добываемаго въ лѣсу и на пашнѣ, горожане начинаютъ силой обязывать смердовъ, „примучивать" ихъ платить извѣстную дань или оброкъ городу, какъ бы въ уплату за ту защиту, какую даетъ имъ городъ въ минуту опасности, пряча ихъ за своими стѣнами или ограждая мечомъ, и за ту выгоду, которую обезпечиваетъ смердамъ городъ, давая возможность вѣрнаго сбыта всего, что они добудутъ въ своихъ лѣсныхъ угодьяхъ.

Въ цѣляхъ наилучшей защиты главному занятію жителей— торговлѣ и промысламъ, весь городъ устраивался, какъ укрѣпленный торговый складъ, и обитатели его являлись оберегателями и защитниками этого лагеря-склада.

Во главѣ большого города, а слѣдовательно и всей его округи, стояло вѣче, т.-е. сходка всѣхъ взрослыхъ горожанъ, которые и рѣшали всѣ дѣла по управленію. На вѣчѣ выбирали и всю городовую старшину, „старцевъ градскихъ", какъ называетъ ихъ лѣтопись. Торговля, раздѣливъ людей на богатыхъ и бѣдныхъ, отдала малоимущихъ въ услуженіе болѣе состоятельнымъ или поставила въ денежную зависимость отъ нихъ. Поэтому большимъ значеніемъ въ городѣ и на вѣчѣ пользовались тѣ, кто были богаче, самые богатые. Они держали въ рукахъ всю сходку, изъ ихъ среды выбиралось все начальство города, они воротили, какъ хотѣли, городскими дѣлами. Это и были „старцы градскіе", старѣйшины города, наиболѣе богатые и сильные горожане.

Отправляясь торговымъ караваномъ въ далекія страны, купцы тѣхъ временъ снаряжались какъ въ военный походъ, составляли цѣлое военное товарищество—артель, или дружину, и шли походомъ подъ начальствомъ выбраннаго вождя, какого-

нибудь опытнаго воина-купца. Къ торговому каравану славянскихъ купцовъ охотно примыкали направлявшіяся въ Византію большія и малыя партіи сѣверныхъ купцовъ-воиновъ варяговъ, или норманновъ. Военная помощь и сотрудничество варяговъ стали особенно важны для славянскихъ городовъ съ начала IX вѣка, когда хазары, не справившись съ уграми, а потомъ съ печенѣгами, должны были пропустить ихъ чрезъ свои владѣнія въ черноморскія степи. Степняки и засѣли по торговымъ путямъ: по Днѣпру ниже Кіева, по побережью Чернаго моря отъ днѣпровскихъ устьевъ до дунайскихъ, и своими нападеніями сдѣлали небезопаснымъ путь „въ Греки".

Детали норманской ладьи.

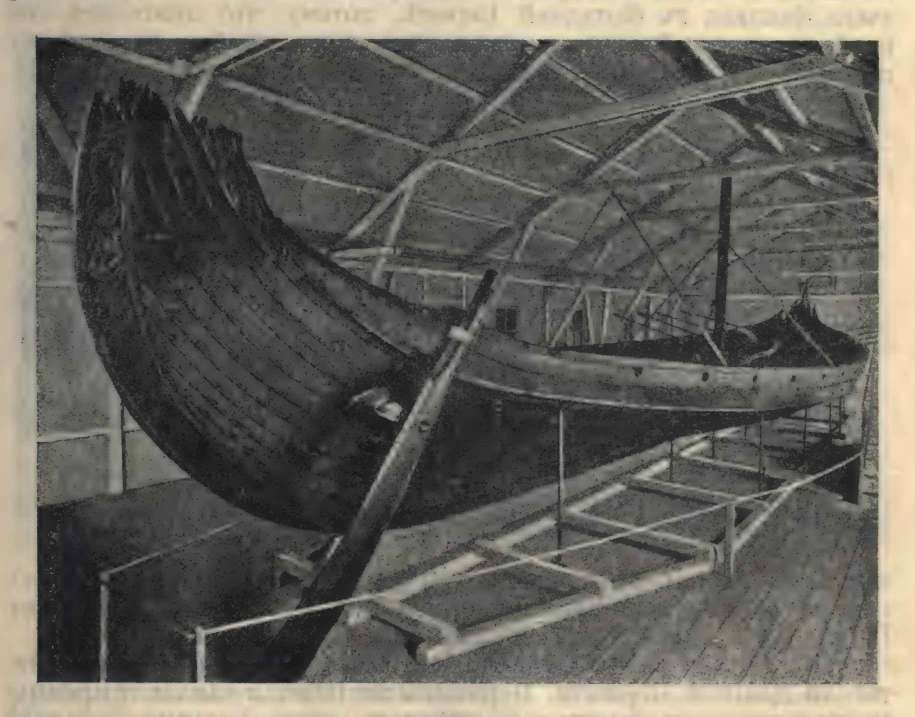
1. Внутренній видъ носовой части. 2. Способъ скрѣпленія бортовыхъ планокъ изнутри. 3. Устройство скрѣпленія планокъ. 4. Уключина. 5. Весло. 6. Руль. 7. Часть дубовой планки съ желѣзными гвоздями.

Варяги были жителями Скандинавскаго края, нынѣшнихъ Швеціи, Норвегіи и Даніи. Суровый край рано заставилъ варяговъ искать средствъ для жизни на сторонѣ. Прежде всего они обратились къ морю и занялись рыболовствомъ и грабежомъ поморскихъ жителей. На легкихъ судахъ, съ малолѣтства привыкшіе къ борьбѣ съ бурями и къ тягостямъ военно-морской жизни, варяги дерзко налетали на побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей.

Еще въ VI вѣкѣ грабили они берега Галліи. Карлъ Великій не могъ справиться съ отважными пиратами; при его слабыхъ потомкахъ норманны держали въ страхѣ и осадѣ всю Европу. Съ начала IX вѣка не проходило года безъ норманскихъ походовъ въ Европу. На сотняхъ судовъ, рѣками, впадающими въ Нѣмецкое море и Атлантическій океанъ, — Эльбой, Рейномъ, Сеной, Луарой, Гаронной, — даны, какъ еще называли въ Европѣ норманновъ, пробирались въ глубь той или иной страны, опустошая все вокругъ, не разъ жгли Кельнъ, Триръ, Бордо, Парижъ, проникали въ Бургундію и Овернь; они знали дорогу

даже въ Швейцарію, грабили Андалузію, овладѣли Сициліей. опустошали берега Италіи и Пелопоннеса.

Въ 911 году норманны овладѣли сѣверо-западной частью Франціи и заставили французскаго короля признать этотъ край его государства норманскимъ владѣніемъ, герцогствомъ норманскимъ; эта часть Франціи и до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ Нормандіи. Въ 1066 году норманскій герцогъ Вильгельмъ покорилъ Англію. Отдѣльныя дружины норманновъ завладѣли Исландіей, а оттуда проникали даже до береговъ Сѣверной Америки.

Норманская лодка, найденная въ Норвегіи.

На легкихъ парусныхъ и гребныхъ судахъ забирались они въ устья большихъ рѣкъ и плыли вверхъ, пока было можно. Въ разныхъ мѣстахъ они высаживались на сушу и жестоко грабили прибрежныхъ жителей. На меляхъ, перекатахъ, порогахъ они вытаскивали свои суда на берегъ и волокли ихъ посуху до тѣхъ поръ, пока не миновали препятствіе. Изъ большихъ рѣкъ они вторгались въ меньшія и, перебираясь изъ рѣки въ рѣку, забирались далеко въ глубь страны, всюду неся съ собой смерть, пожары, грабежъ. Въ устьяхъ большихъ рѣкъ они занимали обыкновенно острова и укрѣпляли ихъ. Это были ихъ зимнія квартиры, сюда сгоняли они плѣнниковъ, сюда же сносили все

награбленное добро. Въ такихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ они водворялись иногда на много лѣтъ и грабили окрестную страну, но чаще, взявъ съ побѣжденныхъ откупъ, сколько хотѣли, шли съ огнемъ и мечомъ въ другую страну, заливая кровью и уничтожая пожарами все на своемъ пути. Извѣстны случаи, когда одна какая-нибудь норманская шайка, хозяйничавшая по одной рѣкѣ Франціи, обязывалась франкскому королю за извѣстную плату прогнать или перебить соотчичей, грабившихъ по другой рѣкѣ, нападала на нихъ, грабила и истребляла, или соединялась съ ними и вмѣстѣ отправлялись грабить дальше. Норманновъ очень боялись въ Западной Европѣ, потому что двигались они необыкновенно быстро и сражались такъ храбро, что устоять противъ ихъ стремительныхъ натисковъ казалось невозмож-

Пріѣздъ норманскихъ воиновъ на пристань и ихъ морской походъ.
Съ изображенія на коврѣ, вышитомъ въ XI вѣкѣ Матильдой, супругой Вильгельма Завоевателя.

нымъ. На своемъ пути они ничего и никого не щадили. Во всѣхъ церквахъ Западной Европы возносилось тогда одно моленіе къ Богу: „Отъ свирѣпости норманновъ избави насъ, Господи!“

На западъ отправлялись большею частью норманны—обитатели Даніи и Норвегіи. Норманны же Швеціи нападали преимущественно на побережье Балтійскаго моря. Устьями Западной Двины и Финскимъ заливомъ проникали они въ страну восточныхъ славянъ, Невой плыли они въ Ладожское озеро и оттуда Волховомъ и Ильменемъ доходили до Новгорода, который назывался у нихъ Голмгардъ, т.-е. островной городъ, можетъ-быть, по тому острову, который образуетъ Волховъ при выходѣ изъ Ильменя-озера. Изъ Новгорода, пользуясь великимъ воднымъ путемъ, норманны пробирались до Кіева. Они знали хорошо Полоцкъ, Ладогу, и названія этихъ городовъ встрѣчаются въ ихъ сказаніяхъ — сагахъ. Упоминаютъ саги и о далекой Біарміи, т.-е. Перми, Пермскомъ краѣ. Что норманны часто и большими отрядами проникали въ страну славянъ, говорятъ и надгробные памятники, встрѣчающіеся въ юго-восточныхъ провинціяхъ Швеціи

и относящіеся къ X и XI вв. На этихъ памятникахъ древнимъ норманскимъ письмомъ, рунами, стоятъ надписи, гласящія, что покойный палъ „въ битвѣ на Востокѣ“, „въ странѣ Гардаръ“, или „въ Голмгардѣ“.

Добираясь до верхней Волги, норманны спускались внизъ по рѣкѣ, торговали и воевали съ камскими болгарами и доходили до Каспійскаго моря. Арабскіе писатели впервые отмѣтили ихъ появленіе на Каспіи въ 880 г. Въ 913 году норманны появились здѣсь цѣлымъ флотомъ, будто бы въ 500 кораблей, по сту человѣкъ на каждомъ.

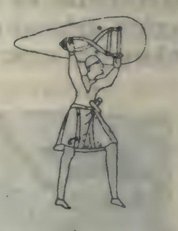
Сраженіе Вильгельма Завоевателя съ Гаральдомъ при Гастингсѣ 14 окт. 1036 г. Съ того же ковра.

По свидѣтельству арабовъ, которые именовали норманновъ руссами, это былъ народъ въ высшей степени дѣятельный, неутомимый и до безумія отважный: они рвутся наперекоръ опасностямъ и препятствіямъ въ отдаленныя страны Востока и являются то мирными купцами, то кровожадными воинами, нападаютъ врасплохъ, съ быстротой молніи, грабятъ, убиваютъ и уводятъ плѣнниковъ. Въ отличіе отъ другихъ воинственныхъ племенъ, руссы никогда не передвигались по сушѣ, но всегда водой въ ладьяхъ. Попадали они на Волгу и изъ Чернаго или Азовскаго морей, поднимаясь по Дону; около нынѣшняго Калача перетаскивали они свои суда въ Волгу и плыли на Каспій. „Руссы производятъ набѣги на славянъ,—разсказываетъ арабскій писатель Ибнъ-Даста,—подъѣзжаютъ къ ихъ поселеніямъ на лодкахъ, высаживаются, забираютъ въ плѣнъ славянъ и отводятъ

плѣнниковъ къ хазарамъ и болгарамъ и продаютъ ихъ тамъ... пашенъ они не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли славянъ. Когда у кого изъ нихъ родится сынъ, отецъ беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его передъ новорожденнымъ и говоритъ: „Не оставлю тебѣ въ наслѣдство никакого имущества, а будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ самъ этимъ мечомъ"... „Они мужественны и храбры. Напавъ на другой народъ, они не отстаютъ, пока не уничтожатъ его совсѣмъ, насилуютъ побѣжденныхъ и обращаютъ ихъ въ рабство. Они высокорослы, имѣютъ красивую наружность и выказываютъ смѣлость въ нападеніяхъ; но смѣлость эту проявляютъ не на конѣ, а совершаютъ всѣ свои набѣги и походы въ ладьяхъ". „Я видѣлъ руссовъ, — пишетъ другой арабъ, Ибнъ-Фоцланъ,—я не встрѣчалъ людей болѣе развитыхъ по тѣлосложенію: они стройны, какъ пальмовыя деревья; они рыжи; не носятъ ни куртокъ ни кафтановъ; мужчины надѣваютъ грубую ткань, которую накидываютъ съ одного боку, и одну руку выпускаютъ изъ-подъ нея. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ всегда мечъ,

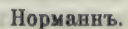

Саксонскій воинъ съ топоромъ.

Воинъ, бросающій камень пращою.

Норманнъ.

Норманнъ (на конѣ) и саксъ (пѣшій).

Съ изображеній на коврѣ, вышитомъ въ XI в. Матильдою, супругою Вильгельма Завоевателя.

ножъ и сѣкиру. Мечи же ихъ широки, волнообразны, съ клинками франкской работы; на одной сторонѣ ихъ, отъ острея до рукоятки, изображены деревья и различныя фигуры"...

Такимъ образомъ и арабскіе писатели рисуютъ намъ норманновъ тѣми же чертами, какъ и европейскія лѣтописи, т.-е. какъ рѣчныхъ и морскихъ воителей, которые живутъ тѣмъ, что зарабатываютъ мечомъ.

По Днѣпру норманны спускались въ Черное море и нападали на Византію. „Въ 865 г., — сообщаетъ лѣтописецъ, — норманны осмѣлились напасть на Константинополь на 360 корабляхъ, но,

не будучи въ состояніи нанести вредъ самому непобѣдимому городу, они храбро повоевали его предмѣстья, перебили народа, сколько могли, и затѣмъ съ торжествомъ вернулись домой".

Кремонскій епископъ Ліутпрандъ посѣтилъ Константинополь въ 950 и 968 гг. Въ своемъ разсказѣ о Греческой имперіи онъ упоминаетъ и норманновъ, которые незадолго до него сдѣлали большое нападеніе на Константинополь. „На сѣверѣ, — говоритъ онъ, — живетъ народъ, который греки называютъ русью, мы же норманнами. Царемъ этого народа былъ Ингеръ (Игорь), который пришелъ къ Константинополю болѣе чѣмъ съ тысячью кораблей".

Въ славянскихъ земляхъ, по Волхову и по Днѣпру, норманны-варяги появились сначала, такъ сказать, мимоходомъ; здѣсь они сперва мало застаивались, а больше направлялись по великому водному пути въ богатыя южныя страны, преимущественно въ Грецію, гдѣ не только торговали, но и служили за хорошее вознагражденіе въ греческой военной службѣ.

Съ рисунка въ Псалтири XIV в.
Воинъ съ копьемъ (въ остроконечномъ шлемѣ) изображаетъ, повидимому, норманна.

Изъ норманновъ былъ набранъ отрядъ императорскихъ тѣлохранителей. Норманскіе наемники назывались въ Византіи варангами; за греками такъ называли ихъ и славяне. Пишется слово варягъ по-славянски черезъ юсъ малый послѣ р — варѧгъ, а юсъ малый произносился тогда, какъ слогъ эн.

При ихъ воинственномъ характерѣ и пиратскихъ наклонностяхъ, варяги, по мѣрѣ того, какъ ихъ все больше скоплялось въ славянскихъ городахъ, стали, конечно, опредѣленно клонить къ тому, чтобы сдѣлаться господами славянскихъ городовъ и овладѣть великимъ воднымъ путемъ. Арабъ Аль-Бекри около половины X вѣка писалъ, что „племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними". Вотъ тогда-то и произошло то событіе, о которомъ упоминаетъ наша лѣтопись передъ повѣстью о призваніи князей.

„Въ лѣто 6367 (859 г.) имаху дань варязи изъ заморья на чуди и на словѣнехъ, на мери и на весѣхъ и на кривичѣхъ", т.-е. съ новгородскихъ славянъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей, славянъ и финновъ. Утвердились, значитъ, на сѣверномъ концѣ великаго воднаго пути. Въ то же время хазары брали

дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей, т.-е. съ обитателей южнаго конца воднаго пути.

Новгородскіе славяне не вытерпѣли и года черезъ два, какъ читаемъ въ лѣтописи, „изгнаша варяги за море и не даша имъ дани, почаша сами въ собѣ володѣти“. Но тогда начались въ странѣ ссоры и раздоры изъ-за властвованія, и „не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ,—читаемъ въ лѣтописи,—и быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся“. И вотъ тогда всѣ сѣверныя племена „рѣша сами въ собѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. И идоша за море къ варягомъ, къ Руси: сице бо тіи варязи звахуся русь, яко же друзіи зовутся свіе (шведы), друзіи же урмане (норвежцы), англяне (англичане), друзіи гъте (готы), тако и си“. Посланные отъ славянъ, чуди, кривичей и веси сказали варягамъ руси: „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами“. Но, несмотря на такой зазывъ, „едва изъбрашеся три брата съ роды своими, взяли съ собой всю русь и пришли“ (862 годъ). То были три брата-конунга, такъ назывались по-варяжски князья, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Норманнъ по представленію проф. Крузе, на основаніи вещей, найденныхъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Братья-князья, прибывъ въ страну, стали „города рубить и воевать всюду“, т.-е. начали оборонять славянъ отъ враговъ ихъ, для чего всюду воздвигали укрѣпленные городки и часто ходили въ походы. Князья и поселились по краямъ страны: Рюрикъ—въ Ладогѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а Труворъ—въ Изборскѣ.

Немного времени спустя умерли братья Рюрика, и онъ, оставшись одинъ, рѣшилъ переѣхать на житье въ Новгородъ. По преданію, это не очень-то понравилось новгородцамъ, и они стали говорить: „Быть намъ рабами и много зло пострадать отъ Рюрика и земляковъ его!“. Составился даже заговоръ среди новгородцевъ съ цѣлью прогнать Рюрика съ его варягами обратно за море. Но Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, „храбраго Вадима“, и перебилъ многихъ новгородцевъ. Это событіе рѣзко измѣнило взаимныя отношенія Рюрика и новгородцевъ. До того Рюрикъ былъ только призванный новгородцами князь-охранитель новгородской торговли и третейскій судья въ различныхъ новгородскихъ недоразумѣніяхъ, и за это новгородцы платили ему условленную дань. Онъ и жилъ на границѣ новгородской области, въ Ладогѣ; послѣ побѣды надъ возставшими Рюрикъ переселился на житье

въ Новгородъ. Теперь Новгородъ сдѣлался его военной добычей. Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ „сильно“, какъ князь-завоеватель, требовалъ дани, сколько хотѣлъ, и множество новгородцевъ бѣжало отъ него на югъ.

А на югѣ, въ Кіевѣ, въ это время тоже утвердились варяги. Какъ можно думать, въ одно время съ Рюрикомъ нахлынуло въ славянскія земли много этихъ пришельцевъ съ сѣвера. Быть-можетъ, подражáя Рюрику, они стремились тверже основываться въ славянскихъ городахъ. Въ Полоцкѣ вокняжился тогда Рогволодъ, у племенъ, обитавшихъ по Припяти, образовалось княжество нѣкоего Тура, или Тора.

О занятіи южнаго конца воднаго пути варягами наша лѣтопись повѣствуетъ такъ: „Были у Рюрика два мужа, не племени его, но боярина; и они отпросилися ко Царю-городу съ родомъ

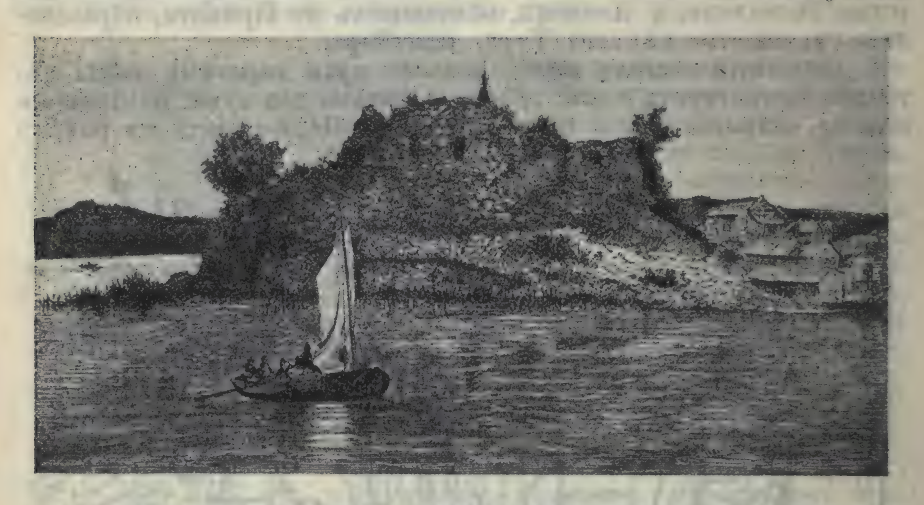
Снимокъ съ изображенія въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи сцены призванія князей (лѣвая часть рисунка) и отправленія ихъ въ Новгородъ (правая часть рисунка).

своимъ“. Пошли по Днѣпру, на пути увидѣли на горѣ городокъ и спросили: „Чій се градокъ?“ Имъ объяснили, что городокъ прозывается Кіевъ и платитъ дань хазарамъ. Аскольдъ и Диръ, такъ звали этихъ Рюриковыхъ бояръ, предложили кіевлянамъ освободить ихъ отъ хазаръ. Тѣ согласились, и Аскольдъ съ Диромъ остались въ Кіевѣ княжить: „Много варяговъ собрали и начали владѣть полянской землей. Рюрикъ же княжилъ въ Новгородѣ“.

Итакъ, значитъ, во второй половинѣ IX вѣка на обоихъ концахъ великаго воднаго пути возникли варяжскія княжества. Варяжскіе князья — Рюрикъ на сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на югѣ — заняты однимъ дѣломъ: строятъ крѣпости, берегутъ землю. До прихода Аскольда и Дира въ Кіевъ, кіевлянъ обижали древляне и другія племена. Аскольдъ и Диръ, утвердившись въ

Кіевѣ, предприняли борьбу съ древлянами и избавили отъ нихъ Кіевъ. Когда греки обидѣли славянскихъ купцовъ, Аскольдъ и Диръ сдѣлали набѣгъ на греческую землю. Все это, конечно, вызывало сочувствіе населенія и способствовало утвержденію князей въ занятыхъ ими городахъ.

Но оба конца великаго воднаго пути находились въ рукахъ разныхъ князей. Неудобства отъ этого могли происходить немалыя, и рано или поздно должна была возгорѣться борьба сѣверныхъ князей съ южными за обладаніе великимъ воднымъ путемъ.

Развалины такъ называемой Рюриковой крѣпости въ Старой Ладогѣ.

Для сѣверныхъ князей и горожанъ было очень неудобно то, что исходный конецъ великаго воднаго пути, Кіевъ, находился не въ ихъ рукахъ. Кіевъ стоялъ почти на границѣ славянскихъ земель, и южнѣе его начиналось царство степи. Черезъ Кіевъ шли сухопутные пути съ Запада на Востокъ и въ Тавриду. Ни одного сколько-нибудь крупнаго, текущаго по населенной странѣ притока не впадаетъ въ Днѣпръ южнѣе Кіева. Всѣ большія рѣки, протекающія по населеннымъ мѣстамъ, впадаютъ въ него сѣвернѣе Кіева. Отъ Кіева начиналась прямая дорога къ морю. Къ Кіеву, слѣдовательно, по безчисленнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, притокамъ самого Днѣпра и притокамъ его притоковъ, сплавлялись богатства славянскихъ земель. Обитатели всѣхъ городовъ, лежавшихъ по сѣвернымъ притокамъ Днѣпра, направляя свои товары въ Византію, должны были плыть мимо Кіева. Слѣдовательно, кто владѣлъ Кіевомъ, у того въ рукахъ находились и главныя ворота внѣшней русской торговли того времени, а кто держалъ въ своихъ рукахъ торговлю славянскихъ городовъ — ихъ главное занятіе, тотъ, естественно, владѣлъ и всей славянской страной. Стоило задержать у Кіева торговыя ладьи съ сѣвера, и всѣ го-

рода отъ Любеча до Новгорода и Ладоги несли огромные убытки. Такимъ образомъ центръ и перекрестокъ сухопутныхъ и рѣчныхъ торговыхъ путей, какимъ былъ Кіевъ, естественно долженъ былъ стать и политическимъ центромъ страны, объединявшейся варяжскими князьями. Это значеніе Кіева, какъ средоточія государственной жизни, выросло изъ его значенія, какъ центра народно-хозяйственной жизни, тянувшей къ Кіеву и только изъ Кіева имѣвшей выходъ на широту и просторъ международнаго обмѣна.

Рюрику не пришлось пробиться къ Кіеву. Овладѣлъ Кіевомъ родичъ и преемникъ Рюрика — Олегъ. Изъ Новгорода, по издавна проторенному пути, по Волхову, Ильменю и Ловати спустился онъ до верховьевъ Днѣпра и овладѣлъ здѣсь, въ странѣ кривичей, городомъ Смоленскомъ. По Днѣпру добрался онъ до Любеча и захватилъ этотъ городъ. Подплывъ къ Кіеву, онъ выманилъ изъ города Аскольда и Дира и убилъ ихъ, а самъ остался въ Кіевѣ — „матери городовъ русскихъ“, какъ онъ, по преданію, назвалъ этотъ городъ. Утвердившись здѣсь, Олегъ продолжалъ дѣло Аскольда и Дира; строилъ вокругъ Кіева новые городки-крѣпостцы для защиты кіевскаго края отъ набѣговъ со стороны степи, ходилъ въ походы противъ хазаръ и другихъ сосѣдей Кіева. Соединивъ подъ своей рукой ополченія всѣхъ занятыхъ имъ славянскихъ городовъ, Олегъ пошелъ на Царьградъ и, по преданію, пригвоздилъ свой щитъ на воротахъ великаго города въ знакъ побѣды надъ греками.

Слѣдовавшіе за Олегомъ князья — Игорь, вдова его Ольга, сынъ Игоря Святославъ—съ успѣхомъ продолжали объединеніе славянскихъ городовъ и областей. Олегъ захватилъ всю страну древлянъ, сѣверянъ и радимичей; Игорь продолжалъ захваты Олега и забралъ подъ свою руку весь средній Днѣпръ; Ольга окончательно „примучила“ древлянъ, Святославъ захватилъ вятичей.

Такимъ образомъ къ половинѣ X вѣка большинство славянскихъ племенъ и городовъ собралось около Кіева и кіевскаго князя.

Земля кіевскихъ князей занимаетъ къ этому времени обширное пространство. Съ сѣвера на югъ подвластная имъ земля простиралась тогда отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣчки Роси— степного притока Днѣпра, а съ востока на западъ—отъ впаденія Клязьмы въ Оку до верхняго теченія Западнаго Буга. Въ этомъ обширномъ краѣ жили всѣ племена восточныхъ славянъ и нѣкоторыя финскія: чудь прибалтійская, весь бѣлозерская, меря ростовская, а по средней Окѣ—мурома. Среди этихъ племенъ князья строили городки-крѣпости, чтобы изъ стѣнъ этихъ городковъ держать вооруженной рукой въ повиновеніи инородцевъ и собирать съ нихъ вѣрную дань.

Въ старыхъ и новыхъ городахъ князья сажали своихъ намѣстниковъ, „посадниковъ“. Еще Рюрикъ послѣ того, какъ

„прія власть“, „раздая мужемъ своимъ грады—овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“. Посадники должны были творить судъ людямъ отъ имени князя, собирать дань въ пользу князя и на прокормъ себѣ, беречь землю, т.-е. защищать ее отъ нападеній враговъ, и держать мѣстное населеніе въ повиновеніи своему князю. Каждый годъ князь самъ объѣзжалъ часть своей земли, собирая дань, творя судъ и правду людямъ, „уставляя уставы и уроки“, т.-е. назначая новыя дани и порядокъ ихъ сбора. Мѣстные жители были обязаны свозить слѣдуемую съ нихъ дань въ опредѣленные сроки въ разъ навсегда установленныя мѣстности. Это называлось повозомъ. Такъ, „въ лѣто 6455 (947) иде Ольга Новугороду и устави по Мстѣ повосты и дани“,—читаемъ въ лѣтописи. Когда князь самъ отправлялся „въ дань“, то это называлось „полюдье“. Князь отправлялся на полюдье обыкновенно поздней осенью, когда станутъ заморозки и скуютъ невылазную грязь путей прочнымъ ледкомъ. Вся зима проходила въ разъѣздахъ отъ города къ городу, отъ погоста къ погосту. Это было трудное, полное опасностей путешествіе. Въ глухихъ дикихъ лѣсахъ не было „дороги прямоѣзжія“, приходилось пробираться по занесеннымъ сугробами снѣга охотничьимъ тропинкамъ, съ трудомъ разбирая „знаменья и мѣста“, которыми охотники обозначали направленіе своихъ тропъ. Приходилось отбиваться отъ дикаго звѣря, да и лѣсные жители далеко не всегда съ покорностью и привѣтомъ встрѣчали князя и его дружину. Дань часто приходилось „вымучивать“, т.-е. брать силой, а насиліе встрѣчало вооруженный отпоръ, и не всегда князю и его хорошо вооруженной и достаточно многочисленной дружинѣ удавалось добиться своего, особенно когда князь допускалъ какую-либо несправедливость въ сборѣ, хотѣлъ взять больше, чѣмъ уставилъ самъ или его предшественникъ.

Сыну Рюрикову, Игорю, пришлось жестоко поплатиться за свою жадность къ дани. Въ 945 году, когда „приспѣ осень“, обычное время полюдья, Игорь, какъ читаемъ въ лѣтописи, „нача мыслити на древляны, хотя примыслити большую дань“. Кстати дружина Игорева указывала ему, что мало дани идетъ, что даже слуги Свѣнельда, воеводы Игорева, ходятъ наряднѣе княжескихъ дружинниковъ. „Отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази, — жаловались Игоревы дружинники, — поиди княже съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Игорь послушалъ своихъ дружинниковъ и пошелъ въ землю древлянъ; собирая съ нихъ дань, онъ „примышляше къ первой дани“, т.-е. бралъ больше установленнаго. Дружинники тоже не теряли своего и вымогали дань съ древлянъ. Собравъ дань, пошли домой. Дорогой Игорь „размысливъ, рече дружинѣ своей: идѣте съ данью домови, а я возвращуся, похожу и еще“. Съ малой дружиной Игорь вернулся къ древлянамъ, „желая больша имѣнья“. Древляне, услыхавъ о возвращеніи Игоря, собрались на вѣче и порѣшили: „аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выноситъ все

стадо, аще не убьютъ его; тако и сей. Аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ". А Игорю послали сказать: „Почто идеши опять? поималъ еси всю дань!" Игорь не послушалъ древлянъ. Древляне напали на князя и „убиша Игоря и дружину его: бѣ бо ихъ мало".

Собранная на полюдьѣ и доставленная съ погостовъ, привезенная туда данщиками дань поступала въ княжескую казну. Дань собиралась преимущественно натурой, разнымъ лѣснымъ продуктомъ, который добывали жители лѣсовъ. Эта дань, собираемая въ очень большомъ количествѣ, дѣлала князя самымъ богатымъ поставщикомъ лѣсного товара на тогдашній международный рынокъ. Князь былъ поэтому важнѣйшимъ и богатѣйшимъ участникомъ торговли съ Византіей, съ европейскимъ западомъ и съ азіатскимъ востокомъ. Въ обмѣнъ на свои товары и рабовъ, т.-е. плѣнныхъ, которыхъ онъ захватывалъ въ борьбѣ съ ближайшими сосѣдями, князь получалъ въ Византіи и на восточныхъ рынкахъ драгоцѣнные металлы, пышныя ткани, вино, оружіе, ювелирныя издѣлія, съ Запада серебро, ткани и оружіе.

Въ погонѣ за добычей князь стремился подчинять себѣ земли ближайшихъ сосѣдей и облагалъ ихъ данью. Заинтересованный въ скорой и безопасной доставкѣ своихъ богатствъ на иноземные рынки, князь заботился объ охранѣ путей, зорко смотрѣлъ, чтобы степные кочевники и свои разбойники не „засоряли" торговые пути, берегъ мосты и перевозы, устраивалъ новые. Такъ торговая дѣятельность князя тѣсно сплеталась съ военной и обѣ вмѣстѣ широко и далеко распространяли власть и значеніе варяжско-славянскаго князя, владѣвшаго Кіевомъ и всѣмъ великимъ воднымъ путемъ изъ Варягъ въ Греки. Это была суровая, полная лишеній и опасностей, служба князя и своимъ выгодамъ и выгодамъ всей подвластной ему земли. О князѣ Святославѣ лѣтописецъ разсказываетъ, что этотъ князь „легко ходя аки пардусъ войны многи творяше. Хóдя возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но по тонку конину ли, звѣрину ли или говядину на углехъ испекъ ядяше; ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху"... Святославъ сложилъ свою голову въ бою съ печенѣгами у пороговъ днѣпровскихъ.

Объединивъ подъ своимъ мечомъ славянскую землю, принявъ дѣятельное участіе въ торговлѣ—главномъ занятіи этой страны, варяжскіе князья отъ имени всей земли отстаиваютъ торговые интересы, когда имъ грозитъ опасность отъ иноплеменниковъ, и, полагаясь на свой мечъ и совокупную силу подвластныхъ имъ племенъ, умѣютъ особыми договорами обезпечить выгоды торговли и интересы своихъ купцовъ на чужбинѣ. Въ этомъ смыслѣ особенно примѣчательны походы варяжскихъ князей на Византію и договоры, какіе они заключали съ греками. За время съ IX по XI вѣка извѣстно шесть такихъ большихъ походовъ: походъ Аскольда и Дира, походъ Олега, два похода Игоря, одинъ Святослава и

одинъ Владимира, сына Ярослава Мудраго. Народное преданіе, записанное лѣтописью, особенно запомнило походъ Олега и разукрасило его легендарными сказаніями. „Въ лѣто 907,—читаемъ въ лѣтописи,—пошелъ Олегъ на грековъ, оставивъ Игоря въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою множество варяговъ, славянъ, чуди, кривичей, мери, древлянъ, радимичей, полянъ, сѣверянъ, вятичей, хорватовъ, дулѣбовъ и тиверцевъ, „си вси,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—звахуться отъ грекъ Великая Скуфь“. Съ ними со всѣми пошелъ Олегъ на коняхъ и на корабляхъ; число же кораблей достигало 2.000. Когда Олегъ подошелъ къ Царю-городу, греки заперли со стороны моря доступъ къ столицѣ, а сами укрылись за стѣны. Олегъ, высадившись на берегу, началъ воевать; множество грековъ было убито, многія палаты разрушены, церкви сожжены, изъ взятыхъ въ полонъ однихъ рубили, другихъ мучили, иныхъ разстрѣливали, иныхъ бросали въ море, и много другого зла причинили русскіе грекамъ, „елико же ратніи творятъ“. И велѣлъ Олегъ своимъ воинамъ сдѣлать колеса и поставить на нихъ корабли. Попутный вѣтеръ надулъ паруса съ поля, и суда двинулись къ городу. Видя это, греки испугались и послали сказать Олегу: „Не губи города, дадимъ тебѣ дань, какую хочешь“. Олегъ остановилъ своихъ воиновъ, и греки вынесли ему кушанье и вино, но Олегъ не принялъ угощенія, „бѣ бо устроено съ отравою“. И убоялись греки и сказали: „Это не Олегъ, а святой Димитрій посланъ на насъ отъ Бога“. И повелѣлъ Олегъ грекамъ дать дани на 2.000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а было въ кораблѣ по 40 человѣкъ. Греки согласились на это и стали просить мира, чтобы не воевалъ Олегъ греческую землю. Олегъ, отступивъ немного отъ города, „нача миръ творити со царьма грецкими со Леономъ и Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: „имійте ми ся по дань“. Греки спросили: „Чего хощеши дамы ти“. И Олегъ предписалъ грекамъ свои условія мира, требуя не только выкупа для воиновъ, но и дани на русскіе города: „первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, на Переяславль, на Полоцкъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочіе города, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще“. Затѣмъ были установлены условія торговли славяно-русскихъ купцовъ въ Византіи. Мирный договоръ былъ скрѣпленъ обоюдной клятвой. Цари греческіе цѣловали крестъ на вѣрность договору, а Олегъ и мужи его клялись по русскому закону—оружіемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьимъ богомъ. Когда миръ былъ утвержденъ, Олегъ сказалъ: „Сшейте паруса изъ паволокъ (шелковые) руси, а славянамъ кропинные (тонкаго полотна)“. Такъ и сдѣлали. Повѣсилъ Олегъ свой щитъ на вратахъ, въ знакъ побѣды, и пошелъ отъ Царьграда. Подняли русь паруса изъ паволокъ, а славяне кропинные, и разодралъ ихъ вѣтеръ, и сказали славяне: „примемся за свои холстины, не годятся славянамъ паруса кропинные“... Пришелъ Олегъ въ Кіевъ и привезъ

золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье. И прозвали Олега вѣщимъ, ибо люди были поганые (язычники) и невѣжественные".

Въ 941 г. князь Игорь напалъ на малоазіатское побережье Чернаго моря и разграбилъ всю страну за то, что греки обидѣли русскихъ купцовъ. Но греки собрали достаточно войска и потѣснили воиновъ Игоря. Русь отошла къ своимъ лодкамъ и направилась въ море. Но здѣсь Игоревы суда были встрѣчены греческимъ флотомъ; греки „пущати нача трубами огнь на лодьи русскія". Это былъ знаменитый греческій огонь. Почти весь флотъ Игоря погибъ, и немногіе воины вернулись домой разсказать „о бывшемъ огни": „якоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, греци имуть у собе и се пущающе жежагаху насъ; сего ради не одолѣхомъ ихъ". Въ 944 году Игорь, желая отомстить за пораженіе, „совокупивъ вои многи" снова двинулся на Византію. Греки, узнавъ объ этомъ, предложили Игорю миръ и дань, какую бралъ Олегъ. Дружина Игорева уговаривала князя согласиться, указывая, что лучше безъ битвы взять дань, „егда кто вѣсть, кто одолѣетъ, мы ли, они ли? ли съ моремъ кто совѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обча смерть всѣмъ". Князь послушался дружины, взялъ съ грековъ дань и заключилъ съ ними выгодный торговый договоръ.

Послѣдній походъ на Византію Русь предприняла въ 1043 г. Князь Ярославъ послалъ на грековъ сына своего Владимира и воеводу Вышату. До Дуная русскія лодки дошли благополучно. Но когда двинулись дальше, то случилась буря „и разби корабли русскіе и княжъ корабль разби вѣтръ и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричъ воевода Ярославль"; 6.000 русскихъ воиновъ буря выбросила на берегъ. Эти воины должны были вернуться домой, но никто изъ воеводъ не хотѣлъ вести ихъ. Тогда Вышата сказалъ: „Азъ поиду съ ними! и высѣде изъ корабля къ нимъ и рече: Аще живъ буду съ ними, аще погыну, то съ дружиною". Греки, узнавъ, что русскій флотъ разбитъ бурею, послали сильную эскадру, которая принудила Владимира отступить. Вышату и весь его отрядъ греки взяли въ плѣнъ, привели въ Царьградъ и здѣсь ослѣпили всѣхъ плѣнниковъ. Черезъ три года только отпустили они слѣпого воеводу съ ослѣпленнымъ войскомъ домой.

Военные походы варяжскихъ князей на Византію заканчивались мирными договорами. До насъ дошло четыре договора русскихъ съ греками: два договора Олеговыхъ, одинъ Игоревъ и одинъ Святослава.

По договорамъ Олеговымъ 907 г. и 911 г. греки обязывались: 1) платить дань на каждый изъ старшихъ городовъ, 2) давать кормъ тѣмъ русскимъ, которые приходятъ въ Царьградъ, а купцамъ русскимъ мѣсячное содержаніе, причемъ полагалась и даровая баня. Отъ Руси греки потребовали:

1) чтобы русскіе останавливались въ цареградскомъ предмѣстьѣ „у св. Мамы", т.-е. у монастыря св. Мамонта, 2) чтобы входили въ городъ только черезъ опредѣленныя ворота и въ сопровожденіи греческаго чиновника; всѣ пришедшіе изъ Руси должны быть переписаны.

По договору 911 г. опредѣлялся еще: 1) порядокъ отношеній по суду между греками и русскими, находящимися въ Византіи; по этому постановленію всѣ обвиненія должны были подкрѣпляться ясными свидѣтельствами; если свидѣтельство заподозрѣвалось, то свидѣтель долженъ поклясться по своей вѣрѣ; если русинъ убьетъ христіанина, т.-е. грека, или христіанинъ русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ, а если убѣжитъ, оставивъ имѣнье, то оно отдается родственникамъ убитаго; если же убѣжитъ, не оставивъ имѣнья, то будетъ подъ судомъ, пока его не поймаютъ и не казнятъ смертью; опредѣлялось, сколько надо платить за ударъ и побои; за кражу полагалось, что если хозяинъ украденной вещи захватитъ вора съ поличнымъ и онъ будетъ сопротивляться, то можно убить вора и взять свое назадъ; но если воръ не сопротивляется, то можно только связать его и взыскать втрое за похищенное; 2) опредѣлялось, что русскіе должны возвращать имущество грекамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе у русскаго берега; 3) устанавливался взаимный выкупъ и возвращеніе на родину рабовъ и плѣнныхъ; 4) опредѣлялось, что въ случаяхъ смерти русскихъ въ Византіи имущество ихъ должно возвратить на Русь; такъ же должны были поступать и русскіе относительно грековъ; 5) разрѣшалось русскимъ, желающимъ служить императору, дѣлать это безпрепятственно.

По Игореву договору греки, очень опасавшіеся русскихъ, добились нѣкоторыхъ ограниченій въ свою пользу. Пусть приходитъ Русь въ Царьградъ,—гласятъ статьи Игорева договора,—но если придутъ безъ купли, то мѣсячины не получаютъ; да запретитъ князь своимъ словомъ, чтобы приходящая Русь не творила пакости въ нашихъ селахъ; входить въ городъ разрѣшается не болѣе пятидесяти человѣкъ за одинъ разъ; всѣ приходящіе въ Грецію изъ Руси должны имѣть особую грамоту отъ кіевскаго князя, подлинно удостовѣряющую, что русскіе пришли съ „миромъ"; пришедшіе торговать не имѣли права остаться на зиму и должны были осенью ѣхать домой. Греки, видимо, старались всячески отдѣлаться отъ безпокойныхъ гостей. Статьи судебнаго характера тоже изложены болѣе въ пользу грековъ, чѣмъ русскихъ.

Договоры были написаны въ двухъ экземплярахъ, на хартіяхъ, и каждая сторона получала свой договоръ. Договоръ Игоря 945 года былъ заключенъ его послами въ Царьградѣ. Послы Игоревы возвратились домой въ Кіевъ, и съ ними пришли послы греческіе. Игорь спросилъ ихъ: „Что вамъ говорилъ царь?" Греки отвѣчали: „Царь послалъ насъ къ тебѣ и велѣлъ сказать,

что онъ радъ миру и хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ; твои послы водили нашего царя къ присягѣ, и царь насъ послалъ привести къ присягѣ тебя и твоихъ мужей“. На другой день Игорь позвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь мужи Игоревы положили оружіе свое, щиты, украшенія; такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви св. Иліи, которую лѣтописецъ называетъ „соборной“; значитъ, на Руси было уже много христіанъ. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Договоры варяжскихъ князей съ греками важны и интересны тѣмъ, что являются древнѣйшею у насъ записью законовъ и судебныхъ обычаевъ; они свидѣтельствуютъ о томъ первенствующемъ положеніи, которое занимали въ тогдашнемъ обществѣ князья и ихъ варяжская дружина; затѣмъ договоры очень важны тѣмъ, что сохранили черты торговыхъ сношеній и международныхъ отношеній; далѣе, въ нихъ мы имѣемъ древнѣйшее свидѣтельство о распространеніи христіанства; наконецъ, договоры хранятъ въ себѣ черты бытового значенія, когда описываютъ, напримѣръ, присягу, или разсказываютъ объ условіяхъ суда надъ похитителями чужой собственности.

Въ тѣхъ же торговыхъ цѣляхъ первые князья ходили войной на хазаръ и камскихъ болгаръ. Торговля съ этими народами была тоже значительна. Въ 1006 г. Владиміръ Святой, побѣдивъ камскихъ болгаръ, заключилъ съ ними договоръ, въ которомъ выговорилъ для русскихъ право свободнаго проѣзда въ болгарскіе города съ печатями для удостовѣренія отъ своихъ посадниковъ и предоставилъ болгарскимъ купцамъ ѣздить на Русь и продавать ихъ товары, но только въ городахъ, а не по селамъ.

Своимъ мечомъ, заботами о внѣшней безопасности и устройствѣ внутренняго мира, участіемъ въ главной жизненной дѣятельности страны и охраной ея торговыхъ интересовъ варяжскіе князья довольно прочно соединили въ одно государство отдѣльныя славянскія волости и племена, тянувшія къ Днѣпру. Это новое государство получило свое названіе по племенному прозвищу варяжскихъ князей—Русь.

Въ договорахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, повѣствующей о времени первыхъ варяжскихъ князей, „русь“ почти всегда противопоставляется названію „словене“; для лѣтописца это не одно и то же.

Самое слово „русь“ загадочнаго происхожденія. Ближайшіе сосѣди словенъ ильменскихъ и кривичей—прибалтійскіе финны называли норманновъ ruotsi. Отъ нихъ, можно думать, и славяне стали называть русью норманскихъ находниковъ. Когда варяжскіе конунги утвердились въ славянскихъ городахъ, славяне на-

зывали русью дружину князей; когда варяжскіе князья со временъ Олега утвердились въ Кіевѣ и отсюда держали всю землю, Русью стали называть Кіевскую область, прежнюю землю полянъ.

Описывая разселеніе славянъ, лѣтописецъ замѣчаетъ: „тако разыдеся словеньскій языкъ (народъ), тѣмъ же и грамота прозвася словеньская“. А далѣе, подъ 898 годомъ, разсказавъ уже о призваніи князей и о походахъ на Царьградъ, лѣтописецъ, точно желая предупредить какія-либо сомнѣнія, говоритъ: „А словеньскый языкъ и русьскый одно есть, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первѣе бѣша словене“.

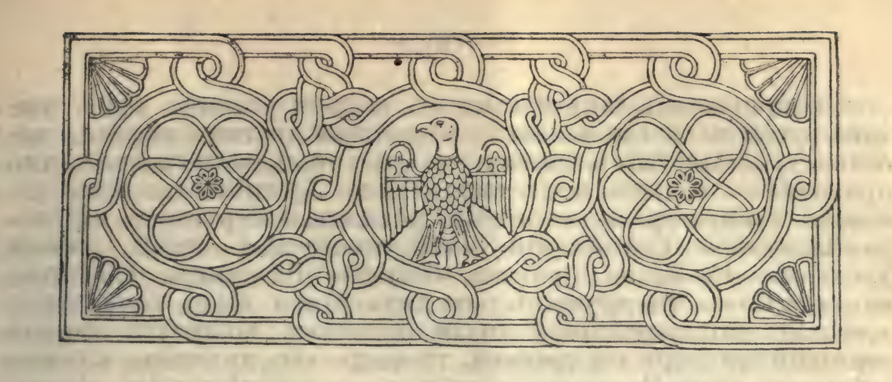
Но было время, когда умѣли различать оба языка. Различіе между ними было еще очень замѣтно въ X вѣкѣ. И въ лѣтописи и въ другихъ памятникахъ нашей древней письменности славянскія имена чередуются съ „русскими“ и отличаются, какъ слова чуждаго одинъ другому языка. Отмѣчаетъ славянскія и русскія названія днѣпровскихъ пороговъ въ своемъ описаніи русской торговли и Константинъ Багрянородный. Среди именъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ насчитывается около 90 именъ скандинавскаго происхожденія; Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Олегъ, Игорь, Ольга — это все скандинавскія, т.-е. варяжскія или норманскія имена: Hroerekr, Signiutr, Torwardt, Hoskuldr, Dyri, Helgi, Ingvar, Helga.

Сами князья и пришлая съ ними ихъ дружина быстро ославянились. Арабскій писатель Ибрагимъ „людей сѣвера“, т.-е. норманновъ, называетъ руссами, отличаетъ ихъ отъ славянъ, но замѣчаетъ при этомъ, что эти „люди сѣвера“, завладѣвшіе славянской страной, „говорятъ по-славянски, потому что смѣшались съ ними“. Внукъ Рюрика, Святославъ—истый варягъ по всѣмъ своимъ поступкамъ и привычкамъ, носитъ чистославянское имя.

Пришедшіе въ страну восточныхъ славянъ варяги, можно сказать, растаяли въ славянскомъ морѣ, слились въ одно племя со славянами, среди которыхъ поселились, и пропали, оставивъ по себѣ незначительные слѣды въ языкѣ славянъ. Такъ, отъ варяговъ сохранились въ славяно-русскомъ языкѣ слѣдующія слова: гридь (младшій дружинникъ), кнутъ, ларь, лавка, стягъ, хоругвь, ябедникъ (судебный чиновникъ), тіунъ (дворецкій изъ холоповъ), якорь, луда (плащъ), витязь (викингъ), князь (конунгъ=к(о)нунгъ) и нѣкоторыя другія.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, „Русская исторія“, т. I; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“, ч. I; *В. Томсенъ*, „Начало русскаго государства“; *М. Грушевскій*, „Кіевская Русь“; *Д. И. Багалѣй*, „Русская исторія“, т. I; *А. М. Стринголъмъ*, „Походы викинговъ“, и др. сочиненія.

Заставка и начальная буква статьи взяты изъ Лаврентьевскаго списка лѣтописи.

Начало христіанства на Руси.

Развитіе торговли по всему Поднѣпровью, дѣятельное участіе въ ней всѣхъ славянскихъ племенъ, сближая ихъ одно съ другимъ, въ то же время сближало славянъ и съ тѣми народами, съ которыми они торговали.

Съ половины X вѣка, послѣ того, какъ пути торговли съ арабскимъ востокомъ оказались сильно засоренными со стороны степныхъ кочевниковъ—ясовъ, косоговъ, торковъ и печенѣговъ, главное значеніе пріобрѣла для славяно-руссовъ торговля съ Византіей; больше всего, слѣдовательно, знакомились и сходились обитатели Поднѣпровья съ греками, исповѣдывавшими христіанскую вѣру и стоявшими на высокой степени образованности. Много христіанъ было и среди варяговъ; христіанами были западно-славянскіе и нѣмецкіе купцы, съ которыми славяно-руссамъ приходилось вести торговыя дѣла.

Торговля знакомила славянъ съ исповѣдывавшими магометанство арабами и приволжскими болгарами. Отъ хазаръ, среди которыхъ было очень распространено еврейство, славяне могли познакомиться съ основами этого вѣроученія. Ко всѣмъ этимъ религіямъ язычники славяно-руссы относились терпимо. Вѣроятно, какъ и всѣ первобытные язычники, они признавали, что всякій народъ имѣетъ своихъ боговъ, и что, придя въ чужую землю, не лишнее почтить и чужого бога. Они свободно позволяли молиться въ своей странѣ любымъ богамъ. Въ Новгородѣ съ давнихъ поръ пріѣзжіе нѣмецкіе купцы имѣли свою церковь — „варяжскую божницу“. Въ Кіевѣ издавна существовали особые польскій и еврейскій кварталы, гдѣ постоянно и временно жили иностранцы и, конечно, отправляли обряды своей вѣры.

Соприкасаясь такъ близко съ людьми разныхъ вѣръ, славяно-руссы не могли не заинтересоваться другими вѣрами, особенно христіанствомъ, потому что съ христіанами-греками имъ приходилось больше всего имѣть дѣла. Христіанство было довольно замѣтно распространено среди славяно-руссовъ задолго до Владимира Святого. Въ самой княжеской семьѣ бывали христіане. Крещеніе приняла бабушка Владимира Святого—княгиня Ольга. Въ дружинѣ его дѣда Игоря было такъ много христіанъ, что когда этому князю пришлось заключать мирный торговый договоръ съ греками, то часть его дружины клялась соблюдать миръ Перуномъ, а другая—по христіанскому обряду. Уже въ то отдаленное время существовала въ Кіевѣ церковь св. Иліи, были, вѣроятно, и другія церкви. Смутное преданіе указываетъ на то, что Аскольдъ и Диръ были христіане. По свидѣтельствамъ лѣтописи чувствуется, что славяне-язычники настолько не чуждались христіанства, что даже вводили въ свою семью христіанъ; такъ, Святославъ далъ въ жены своему старшему сыну Ярополку греческую монахиню, взятую въ плѣнъ; среди женъ Владимира упоминаются „чехиня, болгарыня и грекиня“, которыя, навѣрное можно сказать, были христіанками.

Ко времени Святослава христіанство оказывается очень распространеннымъ въ Кіевѣ. Какъ можно думать, подъ покровительствомъ его матери, св. Ольги, христіане изъ славянъ дѣятельно стали проповѣдывать христіанство среди своихъ соплеменниковъ-язычниковъ. Сама Ольга усиленно склоняла Святослава принять христіанство, но онъ отказывался.

Сторонники язычества косо смотрѣли на успѣхи христіанства и насмѣхались надъ обратившимися; по крайней мѣрѣ, Святославъ, какъ запомнила лѣтопись, отвѣтилъ матери на ея увѣщанія креститься: „Како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина моя сему смѣятися начнуть!“ Суровый, непреклонный воинъ, какимъ былъ Святославъ, не понималъ ученія кротости, любви, всепрощенія и воздержанія. Ему, вѣроятно, какъ говоритъ лѣтопись вообще объ язычникахъ, „вѣра христіанская уродьство бѣ“, поэтому онъ и отказывался „во уши принимати“ то, что ему говорила мать. Мало того, по преданію, онъ даже поддался чувству вражды къ христіанству, когда потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ христіанами-греками. Тогда онъ легко повѣрилъ языческой молвѣ, обвинявшей въ неудачѣ похода христіанъ, и былъ готовъ воздвигнуть на нихъ гоненіе. Но въ общемъ отношеніе князя-воителя къ христіанамъ было скорѣе равнодушное, и въ его время, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, „аще кто хотяше креститися, не браняху (т.-е. не возбраняли), но ругахуся ему“.

Его наслѣдникъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого характера. Святославъ, занятый постоянно войной, мало и рѣдко бывалъ дома, такъ что воспитаніе двухъ его сыновей, Ярополка и Олега, находилось въ рукахъ его матери - христіанки, св. кня-

гини Ольги. Ясно, какія внушенія должны были получать отъ нея молодые князья. Третій сынъ Святослава, Владиміръ, еще малолѣтнимъ ребенкомъ былъ отправленъ въ Новгородъ, гдѣ язычество было гораздо сильнѣе христіанства.

По смерти Святослава въ Кіевѣ сталъ княжить старшій сынъ его, Ярополкъ. Воспитанный бабушкой-христіанкой, женатый на христіанкѣ, Ярополкъ былъ, судя по лѣтописному преданію, иного нрава, нежели его отецъ. Онъ любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, то только изъ боязни дружины, другимъ же креститься не препятствовалъ. Ругавшаяся надъ христіанами и потерпѣвшая на войнѣ съ ними неудачу дружина отца его, Святослава, не любила молодого князя, приверженнаго къ непріятной ей вѣрѣ, и явно склонялась на сторону княжившаго въ Новгородѣ Владиміра, котораго знала, какъ ревностнаго поклонника старыхъ боговъ.

Кіевскіе сторонники язычества воспользовались возникшей между Ярополкомъ и Олегомъ распрей и довели дѣло до того, что Олегъ былъ убитъ. Это обстоятельство поселило вражду между Ярополкомъ и Владиміромъ. Послѣдній, опасаясь, чтобы его не постигла участь Олега, и желая по обычаю мстить убійцѣ, пошелъ на брата войной. Когда дѣло дошло до рѣшительнаго столкновенія между войсками братьевъ, то кіевская языческая дружина стала на сторону Владиміра, и Ярополкъ погибъ. Владиміръ остался тогда единственнымъ представителемъ княжескаго рода и сѣлъ въ Кіевѣ.

Такъ какъ торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанской, то новый кіевскій князь ознаменовалъ начало своего княженія сильной ревностью къ язычеству. Онъ поставилъ идоловъ на кіевскихъ высотахъ; на холмѣ, внѣ своего двора, воздвигъ статую Перуна, деревянную, съ серебряной головой и золотыми усами, поставилъ также идоловъ другихъ боговъ и усердно приносилъ имъ жертвы, даже человѣческія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ лѣтопись.

Когда Владиміръ побѣдилъ ятвяговъ (983 г.), то старцы градскіе и дружина сказали: „Мечемъ жребій на отрока и дѣвицу; на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ!“. Жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. Варягъ отказался выдать сына. „Не суть то бози, но древо,—говорилъ онъ:—днесь есть, а утро изгнееть; не ядять бо, не пьють, не молвять: суть дѣлани руками въ деревѣ; а богъ есть единъ, ему же служатъ греки и кланяются, иже сотворилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть! Не дамъ сына своего бѣсомъ!“ Народъ разъярился на такую отповѣдь и убилъ обоихъ варяговъ, домъ же ихъ разрушили.

Самъ Владиміръ жилъ по-язычески, безъ мѣры предавался всякимъ излишествамъ и на войнахъ отличался неумолимой жестокостью. Отъ природы онъ былъ человѣкомъ умнымъ,

наблюдательнымъ, разсудительнымъ и потому не могъ не замѣчать тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлало и продолжало дѣлать на Руси христіанство. Въ Кіевъ попрежнему приходили отовсюду по торговымъ дѣламъ люди различныхъ вѣръ: и евреи, и магометане, и варяги, и греки. Владимиру приходилось со всѣми ими бесѣдовать. Пришлые гости заводили разговоры о вѣрѣ, и каждый восхвалялъ свою. Въ этихъ разговорахъ затрагивались вопросы о будущей жизни за гробомъ, о наказаніи за грѣхи злыхъ, о блаженствѣ добро творившихъ, говорилось о грѣхѣ, о единомъ Богѣ, Невидимомъ и Вездѣсущемъ. Своя языческая вѣра не знала этихъ вопросовъ и не умѣла дать отвѣта на нихъ, тогда какъ христіанство давало отвѣты поучительные и опредѣленные.

Монета Владимира Святого.

У Владимира на совѣтахъ его съ дружиной и старцами градскими заходила рѣчь о христіанствѣ, и тутъ совѣтники, склонные къ христіанству, говорили князю: — „Аще бы лихъ былъ законъ греческій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ!“.

Люди, имѣвшіе случай присутствовать на торжественномъ христіанскомъ богослуженіи, свое впечатлѣніе выразили замѣчаніемъ, что не вѣдали тогда, гдѣ находились: на землѣ или на небѣ.

Увлекаемый волной все шире и шире распространявшагося христіанства, Владимиръ мало-по-малу склонился къ принятію греческаго закона.

Современникъ сына Владимирова, Ярослава, первый митрополитъ изъ русскихъ, св. Иларіонъ, въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати“ особенно выдвигаетъ то обстоятельство, что Владиміръ принялъ христіанство, не будучи никѣмъ просвѣщенъ, не слышавъ никакихъ проповѣдниковъ и руководствуясь только своимъ наблюдательнымъ и великимъ отъ природы умомъ. „Не видя апостола, пришедша въ землю твою,—говоритъ св. Иларіонъ, прославляя князя Владимира,—не видя (проповѣдника) бѣса изгоняюща именемъ Христовымъ, болящіи здравствующа, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ встающе: сихъ всѣхъ не видѣ, како убо вѣрова? Дивное чудо! Иніе цари и властели, видяще все бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ, ты же, о, блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ, Творецъ видимымъ и невидимымъ,

Златникъ Владимира Святого.

небеснымъ и земленымъ... И си помысливъ, вниде во святую купель; и иже инимъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися". Жившій около 1070 года мнихъ Іаковъ написалъ „Похвалу" князю русскому Володимеру. Въ этой „Похвалѣ" мнихъ Іаковъ говоритъ о причинахъ, расположившихъ Владимира оставить язычество и принять христіанство. Ничего не зная о послахъ отъ народовъ разныхъ вѣръ, будто бы приходившихъ къ Владимиру убѣждать его оставить идолослуженіе, авторъ объясняетъ поступокъ Владимира, „во-первыхъ, тѣмъ, что Самъ Богъ, провидѣвъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію Своею, просвѣтилъ сердце его принять св. крещеніе", во-вторыхъ, тѣмъ, что Владимиръ очень чтилъ бабку свою, княгиню Ольгу, принявшую крещеніе, и хотѣлъ подражать ей.

Опровергая въ этомъ отношеніи обычный лѣтописный разсказъ, составленный много позднѣе того, какъ писали св. Иларіонъ и мнихъ Іаковъ, эти древнѣйшіе авторы разрушаютъ и легенду о принятіи Владимиромъ христіанства послѣ войны его съ греками, когда онъ взялъ городъ Корсунь. Мнихъ Іаковъ говоритъ, что Владимиръ крестился не въ Корсунѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, года за два до похода на Корсунь, который предпринялъ, уже будучи христіаниномъ. Ничего не знаютъ о крещеніи Владимира въ Корсуни и греческіе лѣтописцы, хотя и упоминаютъ о женитьбѣ его на ихъ царевнѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Владимиръ былъ расположенъ къ принятію христіанства кіевскими христіанами и крещенъ славяно-русскими священниками.

Составитель лѣтописи предпочелъ вмѣсто простого разсказа о крещеніи Владимира включить въ свое повѣствованіе разукрашенную легенду, но не могъ не считаться съ фактами, и ему пришлось самому поставить въ подозрѣніе передъ нами свой легендарный разсказъ; лѣтописецъ дѣлаетъ для своихъ современниковъ такое замѣчаніе, что это „не свѣдуще право глаголють, яко крестися есть (Владимиръ) въ Кіевѣ, иніи же рѣша въ Василёвѣ, друзіи же иню скажють". „Намъ кажется,—говоритъ историкъ русской церкви Е. Голубинскій,—что въ этомъ, по мнѣнію автора повѣсти, неправомъ на самомъ дѣлѣ и нужно искать праваго, а именно—намъ думается, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владимира должно считать Василёвъ... Свое названіе послѣдній, очевидно, получилъ отъ христіанскаго имени Владимира (Василій): не весьма ли естественно предположить, что Василёвъ получилъ это названіе въ память крещенія тамъ князя?"

Принявъ христіанство, Владимиръ воодушевился желаніемъ распространить христіанскую вѣру въ странѣ, въ которой княжилъ. Вслѣдъ за княземъ крестились многіе дружинники. Въ народѣ все это не могло оставаться неизвѣстнымъ. Пошли толки. Одни были противъ „уродьства", другіе говорили, что если бы вѣра христіанская была не добра, то князь и дружина не приняли бы ее. Должно-быть, вторыхъ было больше, и вотъ Владимиръ

принявъ Христову вѣру, рѣшилъ утвердить христіанство въ странѣ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ вошелъ въ сношеніе съ греками, такъ какъ для будущей русской церкви нужны были епископы и весь церковный чинъ. Получить это правомѣрно всего естественнѣе было у ближайшихъ сосѣдей-христіанъ, у грековъ, отъ ихъ царя и константинопольскаго патріарха. Но греки имѣли обычай считать всѣхъ принявшихъ отъ нихъ христіанство своими подданными. Этого, конечно, не хотѣлъ Владиміръ и потому рѣшилъ начать переговоры съ греками объ устройствѣ у насъ церковнаго чина не иначе, какъ побѣдителемъ.

Византійскіе и арабскіе историки разсказываютъ, что около конца 987 г. императоръ Василій, не будучи въ силахъ справиться съ возставшимъ противъ него полководцемъ, обратился за помощью къ кіевскому князю Владиміру. Кіевскій князь согласился помочь императору, но поставилъ условіемъ выдать за него замужъ царевну Анну, сестру императора. Руссы были врагами императора, когда онъ обратился къ нимъ за помощью. Князь руссовъ и обусловилъ свою помощь бракомъ съ сестрой императора Василія, чтобы навсегда закрѣпить добрыя отношенія съ Византіей. Греки согласились на это, но потребовали, чтобы Владиміръ принялъ христіанство. Владиміръ согласился и крестился вмѣстѣ съ семьей и боярами, „а можетъ-быть, и народомъ". „Уже христіаниномъ кіевскій князь оказалъ военную помощь императору Василію и спасъ ему колебавшійся тронъ. Но, когда пришло время расплаты, со стороны императора Василія, очевидно, произошла какая-то заминка, а можетъ-быть, и отказъ въ выполненіи обѣщаній. Это заставило Владиміра прибѣгнуть къ осадѣ Корсуня, т.-е. начать враждебныя дѣйствія противъ бывшаго союзника". Это произошло въ первой половинѣ 989 года. Императоръ долженъ былъ уступить, и тогда состоялся бракъ царевны и кіевскаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ согласно въ видами Владиміра былъ рѣшенъ и вопросъ объ устройствѣ церковной іерархіи на Руси.

О крещеніи Руси лѣтописецъ разсказываетъ, что оглашенные къ принятію христіанства славяно-русскими и греческими священниками кіевляне съ радостью и ликованіемъ шли креститься. Несомнѣнно, были среди нихъ и такіе, которые крестились только потому, что *всѣ* это дѣлали; были и такіе, которые не хотѣли креститься. По словамъ св. Иларіона, „благовѣріе (Владимирово) со властію сопряжено бѣ": это значитъ, что упорствовавшихъ креститься принуждали къ этому и силой. Владиміръ велѣлъ истреблять идоловъ. Перуна привязали къ хвосту лошади и поволокли съ холма, на которомъ онъ стоялъ, въ Днѣпръ. Княжьи приставники колотили идола палками, приговаривая: „Много ты ѣлъ и пилъ, Перунище, будетъ съ тебя". Дѣлали все это „не для того, чтобы дерево чувствовало, а на поруганіе бѣсу, который въ этомъ образѣ прельщалъ людей; пусть отъ людей же и возмездіе пріемлетъ", замѣчаетъ въ за-

ключеніе разсказа объ этомъ лѣтопись. „Многіе изъ некрещенныхъ бѣжали по берегу вслѣдъ за уплывавшимъ Перуномъ и молили его: „Выдыбай, боже, выдыбай (т.-е. выплывай)!“

Во главѣ отдѣльныхъ городовъ Владимиръ поставилъ въ качествѣ посадниковъ и намѣстниковъ своихъ двѣнадцать сыновей, разослалъ съ ними священниковъ и епископовъ и повелѣлъ крестить всю землю. Не вездѣ это, однако, было легко сдѣлать. Въ самомъ Кіевѣ нашлись упорные приверженцы язычества. Страшась мести князя, они бѣжали въ лѣса и горы и занялись разбоемъ. По преданію, нѣкто Могута собралъ большую шайку такихъ недовольныхъ, и Владимиру пришлось вести серьезную борьбу съ ними.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ глуше была страна, тѣмъ невѣжественнѣе были ея жители и тѣмъ приверженнѣе они были къ языческой старинѣ. Самый сѣверъ Руси, Новгородская земля оказала особенно сильное сопротивленіе намѣренію Владимира утвердить здѣсь христіанство. Подстрекаемые волхвомъ, прозваннымъ за краснорѣчіе Соловьемъ, новгородцы съ оружіемъ встрѣтили посланныхъ крестить ихъ Добрыню, дядю Владимирова, и Путяту. Но и въ Новгородѣ были уже христіане и существовала церковь Преображенія. Новгородцы-христіане стали, конечно, на сторону Добрыни, и сопротивленіе язычниковъ было сломлено. Язычниковъ силою тащили къ Волхову креститься. Долго потомъ дразнили новгородцевъ жители другихъ краевъ, говоря: „Васъ Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ“.

Какъ думаютъ, Владимиру послѣ того, какъ онъ установилъ „чинъ церковный“, т.-е. церковную іерархію, удалось окрестить новгородскихъ славянъ, всю Русь заднѣпровскую, начиная съ кривичей и кончая частью тиверцевъ, сидѣвшихъ на нижнемъ Днѣпрѣ, и славянъ, расположившихся по правой сторонѣ Днѣпра, т.-е. сѣверянъ. Только вятичи и радимичи не были окрещены при Владимирѣ. Обитая въ странѣ, далекой отъ днѣпровскаго воднаго пути, окруженные почти сплошь инородческими, преимущественно финскими племенами, вятичи и радимичи остались въ сторонѣ отъ того просвѣтительнаго движенія, которое изъ Кіева шло вверхъ по Днѣпру, а сосѣдство съ ярыми язычниками и тѣсное, то мирное, то боевое общеніе съ ними только поддерживало эти два племени въ ихъ приверженности къ язычеству. Среди вятичей христіанство распространялось особенно туго: кіево-печерскій инокъ св. Кукша былъ замученъ ими во время своей проповѣднической дѣятельности; есть преданіе, что жители города Мценска, лежащаго въ древней области вятичей, окончательно приняли христіанство только въ XV в.; ростовскіе язычники прогнали отъ себя первыхъ епископовъ, Ѳеодора и Иларіона, и едва не убили третьяго—св. Леонтія.

Нескоро могло утвердиться христіанство и въ Муромской землѣ, несмотря на старанія св. Глѣба, которому Владимиръ по-

ручилъ эту область. Князю Глѣбу пришлось даже жить внѣ Мурома, такъ какъ муромцы оказались ревностными приверженцами язычества.

Въ Курской области христіанство стало распространяться только въ началѣ XI в., въ Вологодскомъ и Вятскомъ краяхъ — въ XII в., а въ Олонецкомъ лишь въ XIII в.

Развалины церкви св. Василія въ Овручѣ (X вѣка).

И при Владимирѣ и послѣ него вождями сопротивленія язычества успѣхамъ христіанства были волхвы—прорицатели будущаго и чудотворцы по представленію язычниковъ.

Подъ 1071 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, какъ пришелъ въ Кіевъ волхвъ и говорилъ, что ему явились пять боговъ и сказали ему: „Иди, скажи людямъ, что въ пятое лѣто потечетъ Днѣпръ вспять, и земли всѣ переступятъ на иныя мѣста: станетъ земля греческая на мѣсто русской, а русская на мѣсто греческой, и всѣ земли также перемѣнятся".

„Невѣгласи послушахуть его,—замѣчаетъ лѣтопись,—вѣрьніи же насмѣхахуться, глаголюще ему: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ!"

Кончилось все это тѣмъ, что волхвъ „въ едину нощь бысть безъ вѣсти", т.-е. исчезъ; самъ ли онъ ушелъ, или былъ устраненъ христіанами, княземъ и духовенствомъ, мы не знаемъ.

Въ 1074 году явился волхвъ въ Новгородѣ, „творился аки богъ", говорилъ, что знаетъ будущее, хулилъ вѣру христіанскую и въ доказательство своей правоты обѣщалъ пройти со всѣми ему вѣрными по Волхову, какъ по суху. Новгородцы заволновались, почти всѣ стали на сторону волхва и хотѣли убить епископа. Епископъ, облекшись въ ризы и взявъ крестъ, вышелъ на площадь и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту". Къ епископу подошелъ только князь Глѣбъ Святославичъ со своей дружиной, а весь народъ, „производя великій мятежъ", устремился за волхвомъ. Тогда князь Глѣбъ, спрятавъ подъ полой своей одежды топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ: „Знаешь, что будетъ завтра поутру и во весь день до вечера?"— „Все знаю!" — отвѣтилъ волхвъ. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?"—„Сотворю великія чудеса!" — сказалъ волхвъ. Тогда

князь выхватилъ топоръ и разсѣкъ ему голову. Тѣмъ все и кончилось. Толпа разсѣялась.

Въ сказаніи лѣтописи подъ 1071 г. о появленіи волхвовъ въ Ростовской области особенно отчетливо выступаетъ столкновеніе христіанства, далеко еще не побѣдившаго въ своихъ носителяхъ стародавнихъ языческихъ воззрѣній, и язычества, потерявшаго вѣру въ свою силу. „Бывши бо единою скудости (т.-е. голоду) въ Ростовьстѣй области, — повѣствуетъ лѣтописецъ, — въстаста два волхва отъ Ярославля глаголюща, яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держитъ“, т.-е. мы знаемъ, кто скрываетъ обилье. Пошли они по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ указывали на „лучшая жены“, говоря, „яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору“ (мясо). И приводили къ нимъ люди сестеръ, матерей и женъ своихъ. Волхвы „въ мечьтѣ“, т.-е. дѣлая видъ, прорѣзывали у приведенныхъ къ нимъ женщинъ за плечами одежду и вынимали то жито, то рыбу. Такихъ уличенныхъ въ сокрытіи „обилья“ убивали, а имѣнье ихъ брали себѣ. И пришли волхвы на Бѣлоозеро, и было съ ними людей болѣе 300 человѣкъ. Въ это время на Бѣлоозерѣ собиралъ дань посадникъ князя Святослава, Янъ Вышатичъ. Бѣлозерцы пожаловались ему на волхвовъ: вотъ-де два кудесника сгубили уже много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, а теперь сюда пришли. Янъ спросилъ, чьи эти кудесники смерды, и, узнавъ, что его князя, послалъ къ спутникамъ волхвовъ приказаніе: „Выдавайте мнѣ волхвовъ, ибо они смерды мои и моего князя“. Но увлеченные волхвами люди не послушались приказанія Яна. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ, не взявъ съ собой оружія. Отроки Яновы говорили ему: „Не ходи безъ оружія, осоромять тя!“. Янъ послушался добраго совѣта, велѣлъ 12 отрокамъ взять оружіе и пошелъ съ ними въ лѣсъ. „Они же сташа, исполчившеся противу Яна“. Янъ одинъ съ топорцемъ вышелъ впередъ; къ нему навстрѣчу выступило трое и, подошедши къ Яну, сказали: „Развѣ не видишь, что идешь на смерть? Не ходи“. Въ отвѣтъ на это Янъ велѣлъ своимъ отрокамъ бить этихъ доброжелателей, а самъ пошелъ къ толпѣ. Одинъ изъ толпы бросился на Яна съ топоромъ, но Янъ отразилъ ударъ, ударилъ нападавшаго топорцемъ и велѣлъ отрокамъ „сѣщи я“. Началась схватка, во время которой былъ убитъ „попинъ Яневъ“. Волхвы бѣжали въ лѣсъ, а Янъ вернулся на Бѣлоозеро. Войдя въ городъ, онъ сказалъ бѣлозерцамъ: „Аще не имате волхву сію, не иду отъ васъ и за лѣто“, т.-е. останусь у васъ на все лѣто. Бѣлозерцамъ это грозило большими расходами, такъ какъ имъ пришлось бы кормить все лѣто Яна и его дружину. Они снарядили экспедицію, поймали волхвовъ и привели ихъ къ Яну. Янъ спросилъ волхвовъ: „Чего ради погубили столько людей?“— „Да вѣдь они держатъ обилье, — отвѣчали волхвы, — и если мы истребимъ и перебьемъ ихъ, то будетъ всего вдоволь; хочешь, мы при тебѣ вынемъ изъ нихъ жито или рыбу и еще что иное?“— „Поистинѣ лжете,—отвѣтилъ имъ Янъ,—Богъ сотворилъ человѣка

отъ земли; есть въ человѣкѣ кости, и жилы, и кровь, и больше ничего въ немъ быть не можетъ".—„А ты знаешь, какъ сотворенъ человѣкъ?"—спросили волхвы. „Какъ?"—спросилъ Янъ.— „А вотъ слушай!—сказали волхвы: — мылся богъ въ банѣ, вспотѣлъ, отерся полотенцемъ и бросилъ его съ неба на землю. И сталъ спорить сатана съ богомъ, кому изъ этого полотенца сотворить человѣка, и сотворилъ человѣка дьяволъ, а богъ душу въ него вложилъ; вотъ почему, если умретъ человѣкъ, то въ землю идетъ тѣло, а душа къ богу". — „Ну, какъ же не бѣсъ прельстилъ васъ,—возразилъ Янъ, — какому же это богу вы вѣруете?" Они отвѣчали: — „Антихристу!" — „Гдѣ же это онъ?" — спросилъ Янъ. „Сидитъ въ безднѣ!" — отвѣчали волхвы. „Что же это за богъ, сидящій въ безднѣ,—сказалъ Янъ,—то не богъ, а бѣсъ. Богъ же сидитъ на небесахъ на престолѣ, славимый ангелами, которые предстоятъ Ему со страхомъ и не могутъ взирати на Него. Тотъ же аггелъ, котораго вы назвали антихристомъ, за величанье свое былъ сверженъ съ небесъ и дѣйствительно сидитъ въ безднѣ, какъ вы утверждаете, ожидая, когда снизойдетъ Богъ съ небесъ, свяжетъ его узами и посадитъ въ огонь вѣчный съ слугами его, которые въ него вѣруютъ; и вы здѣсь муку отъ меня примете, а тамъ по смерти".—„Намъ боги сказали, что ты ничего не можешь намъ сдѣлать",—возразили волхвы. „Лгутъ вамъ ваши боги!" — сурово замѣтилъ Янъ. — „Веди насъ на судъ къ князю Святославу,—потребовали волхвы, — ты намъ ничего не можешь сдѣлать". Въ отвѣтъ на это Янъ приказалъ бить волхвовъ и повыдергать имъ бороды. Когда это было исполнено, Янъ снова спросилъ волхвовъ: — „Ну, что вамъ боги говорятъ?"—„Веди насъ къ князю Святославу",—повторили волхвы. Янъ велѣлъ вложить имъ деревянные обрубки въ ротъ, связать, привязать къ лодкамъ и „пусти предъ собою лодья, и самъ по нихъ иде". Когда приплыли къ устьямъ Шексны, Янъ подошелъ къ волхвамъ и снова спросилъ: — „Ну, что вамъ боги говорятъ?"—„Вотъ что намъ говорятъ боги: не быть намъ живыми отъ тебя!" — „Вотъ это вамъ правду боги сказали!" — перебилъ ихъ Янъ. „Но если пустишь насъ,—продолжали волхвы,—много тебѣ добра будетъ, а если погубишь насъ, много печали и зла пріимешь".—„Если я пущу васъ,—возразилъ Янъ,—то накажетъ меня Богъ, если же погублю васъ, то великую мзду получу отъ Бога!" И, обратившись къ „повозникамъ", Янъ спросилъ: — „Не убили ли у кого изъ васъ эти двое родныхъ?"—„У меня сестру, у меня жену, у меня мать, у меня дочь!"—закричали спрошенные.— „Такъ мстите за своихъ!"—рѣшилъ Янъ. Обиженные волхвами бросились на нихъ, убили обоихъ, а трупы повѣсили на дубѣ; „тако отмьстие приимъша отъ Бога по правъдѣ", — замѣчаетъ лѣтописецъ, самъ, очевидно, вмѣстѣ съ Яномъ далеко еще не отрѣшившійся отъ языческаго взгляда на необходимость мести.

Что же это были за волхвы? Въ приведенныхъ разсказахъ

они выступаютъ, какъ противники христіанства и поклонники тѣхъ боговъ, идолы которыхъ пали подъ сѣкирами христіанъ, считавшихъ этихъ боговъ за бѣсовъ.

Язычество славянъ находилось еще въ той порѣ развитія, которая не знаетъ жречества. Но, конечно, у славянъ были особые вѣдуны воли боговъ, знатоки всего чудеснаго и сверхъестественнаго, что древняя мудрость присвояла всякой близости къ божеству. Это были старцы, отъ своихъ дѣдовъ навыкшіе къ обращенію съ сверхъестественной, какъ имъ казалось, силой, познавшіе по преданію значеніе примѣтъ и признаковъ, въ которыхъ выражалась воля божествъ; это были знатоки тайныхъ врачебныхъ и ядовитыхъ силъ травы, произрастающей на благо и зло людямъ; такихъ людей боялись и уважали: боялись за зло, которое они могли дѣлать, благодаря своему вѣдовству, уважали за близость къ божествамъ, за вѣдовство тайныхъ силъ природы. Вѣроятно, это были люди съ той же психической и физіологической организаціей, какой обладаютъ шаманы у теперешнихъ инородцевъ Сибири. Черты шаманизма у волхвовъ вскрываются изъ другого разсказа лѣтописи подъ 1071 г. съ особенной отчетливостью. „Приключилось, — читаемъ въ лѣтописи, — нѣкоему новгородцу прійти въ землю чуди, и пришелъ онъ къ кудеснику, желая волхованья отъ него; тотъ же, по обычаю, началъ призывать бѣсовъ въ храмину свою. Пока новгородецъ сидѣлъ на порогѣ храмины, кудесникъ лежалъ, оцѣпенѣвъ, и ударилъ имъ бѣсъ; кудесникъ же, вставъ, сказалъ новгородцу: „боги не смѣютъ прійти; нѣчто имѣешь на себѣ, чего они боятся“. Новгородецъ вспомнилъ на себѣ крестъ и, отойдя, положилъ его прочь (въ сторонѣ) отъ храмины той; а волхвъ началъ призывать бѣсовъ, бѣсы же трясли его и повѣдали, чего ради пришелъ новгородецъ. Затѣмъ началъ онъ спрашивать кудесника:—„Чего ради боятся боги, что носимъ мы на себѣ крестъ?“ А тотъ сказалъ: „Это знаменье небеснаго Бога, его наши боги боятся“.— „Какіе же ваши боги, гдѣ они живутъ?“—спросилъ новгородецъ. А тотъ сказалъ:—„Въ безднахъ; суть же образомъ (съ виду) черны, крылаты, хвосты имѣютъ, восходятъ же и подъ небо, слушаясь вашихъ боговъ; ваши ангелы на небесахъ находятся; если кто умретъ изъ вашихъ людей, то его возносятъ на небо, а если изъ нашихъ кто умираетъ, его относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну“.

Чудь славились своимъ волхованіемъ, умѣньемъ призывать себѣ на помощь своихъ боговъ. Этихъ боговъ христіанинъ-лѣтописецъ отожествилъ съ бѣсами, вражьей силой. Въ этомъ качествѣ опредѣлились и свои славянскіе боги, когда христіанство окончательно утвердилось у славянъ.

Приведенные разсказы лѣтописи позволяютъ заключить, что христіанство въ низшихъ слояхъ народа, особенно въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, въ лѣсахъ и болотахъ сѣвера и сѣверо-востока, распространялось съ большими, сравнительно, затрудне-

ніями. Среди принявшихъ новую вѣру было много такихъ, которые крестились, но христіанами все же не дѣлались, оставались двоевѣрами: ходили въ церкви и къ христіанскимъ священникамъ, но и старыхъ боговъ не забывали. А такъ какъ вообще человѣкъ трудно разстается съ тѣми вѣрованіями и обрядностью, въ которыхъ выросталъ и воспитывался, то извѣстнаго рода двоевѣріе долго еще существовало въ народѣ.

Многіе изъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ продолжали жить до самыхъ московскихъ временъ, среди принявшихъ крещеніе. Даже при царѣ Иванѣ Грозномъ духовенству приходилось жаловаться на приверженность простонародья къ несомнѣнно языческимъ вѣрованіямъ. Кое-что изъ этихъ вѣрованій, правда, потерявъ весь свой религіозный смыслъ, сохранилось и дожило до нашихъ временъ въ разныхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ, праздяествахъ.

Въ первое же время распространенія христіанства „язычество“ и „языческое“ жило въ народѣ и какъ вѣрованіе. „Въ первое время послѣ принятія христіанства,—говоритъ проф. Е. Голубинскій,—наши предки въ своей массѣ или въ своемъ большинствѣ, буквальнымъ образомъ ставъ двоевѣрными и только присоединивъ христіанство къ язычеству, но не переставивъ его на мѣсто послѣдняго, съ одной стороны молились и праздновали Богу христіанскому съ сонмомъ Его святыхъ, или, по ихъ представленіямъ, богамъ христіанскимъ, а съ другой—молились и праздновали своимъ прежнимъ богамъ языческимъ. Тотъ и другой культъ стояли рядомъ и практиковались одновременно: праздновался годовой кругъ общественныхъ праздниковъ христіанскихъ и одновременно съ нимъ праздновался таковой же кругъ праздниковъ языческихъ; совершались домашнія требы чрезъ священниковъ по-христіански и въ то же время совершались онѣ черезъ стариковъ и черезъ волхвовъ и по-язычески; творилась домашняя молитва Богу и святымъ христіанскимъ и вмѣстѣ съ ними и богамъ языческимъ“... „Какъ долго продолжался у насъ періодъ открытаго и настоящаго двоевѣрія *), это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые нельзя отвѣчать прямымъ и положительнымъ образомъ. Въ различныхъ мѣстахъ онъ кончился въ разное время, имѣвъ разную и весьма разнообразную продолжительность, отъ сравнительно очень недолгой до сравнительно весьма долговременной“...

Постепенно, по мѣрѣ того, какъ поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ и люди воспитывались и росли въ законѣ христіанскомъ, древніе боги отходили все дальше въ глубь прошлаго, и почитаніе ихъ прекратилось само собой, какъ бы умерло. Но совершавшіяся въ честь этихъ старыхъ боговъ празднества, составлявшія языческій культъ, религіозные обычаи и обряды оставались въ видѣ празднествъ, обычаевъ и обрядовъ народныхъ, причемъ сли-

*) „Двоевѣріе“—выраженіе тѣхъ временъ.

лись и смѣшались съ празднествами и обычаями христіанскими. Народный бытъ нашего времени полонъ такими остатками язычества, какъ бы вкрапленными въ обиходъ христіанской жизни.

Языческій праздникъ коляды, или новаго года, первый въ году изъ праздниковъ солнцу, которое съ декабря начинаетъ долѣе оставаться на зимнемъ небѣ, соединился съ христіанскимъ праздникомъ Рождества Христова. Народные обряды, игры и увеселенія нашихъ „святокъ“ полны забытыми уже въ ихъ происхожденіи остатками язычества. Самое слово „святки“ очень старое и значило въ языческой древности просто—праздники. Народная встрѣча Рождества особой обрядовой трапезой является отзвучавшимъ отголоскомъ языческой трапезы Солнцу и Перуну, которымъ приносились жертвы въ эти дни, когда прибывало солнце, съ моленіемъ о плодородіи и благополучіи; гаданья святочныя выражаютъ желаніе людей узнать свою судьбу въ наступающій годъ. На святкахъ принято „рядиться“; въ языческую старину переряживанье имѣло символическій смыслъ—подъ чужимъ видомъ и искаженной внѣшностью язычникъ думалъ укрыться отъ злыхъ боговъ, которые зимой одолѣли солнце и становятся особенно злы, когда солнце начинаетъ прибывать, и они видятъ, что ихъ козни не удались.

Праздникъ наступленія весны и торжества Солнца и Перуна, приходившійся на великій постъ, былъ перенесенъ на недѣлю, предшествующую посту, и напрасно церковь старалась внушить, что недѣля мясопустная есть недѣля подготовленія къ посту молитвой, и въ воскресенье этой недѣли во всѣхъ храмахъ читалось то мѣсто евангелія, гдѣ говорится о Страшномъ Судѣ Христовомъ; народная память не поддавалась этому церковному внушенію, и мясопустная недѣля всегда была и осталась недѣлей особаго веселья и разгула. Пасха соединилась съ языческимъ торжествомъ весны, когда и посейчасъ поютъ „веснянки“, особыя весеннія пѣсни, играютъ свадьбы: „женить на красную горку“—это значитъ повѣнчать молодыхъ послѣ Пасхи, когда всѣ горки и пригорки становятся „красны“, т.-е. красивы, отъ одѣвающей ихъ свѣжей травы и весеннихъ цвѣтовъ. Лѣтній праздникъ Солнцу соединился съ празднованіемъ дня Іоанна Крестителя (24 іюня). Праздникъ богу Велесу, „скотьему богу“, отожествился съ днемъ памяти великомученика Георгія (23 апрѣля), когда впервые послѣ долгой зимы выгоняютъ въ поле на свѣжую траву оголодавшую за зиму скотину. Всѣ случаи домашней жизни русскаго народа—рожденія, свадьбы, похороны—въ своей обрядности полны остатками языческихъ религіозныхъ обрядовъ.

„Праздновавъ и празднуя всѣ помянутые языческіе праздники и совершая при всѣхъ указанныхъ случаяхъ религіозные языческіе обряды,—говоритъ проф. Е. Голубинскій,—народъ язычествовалъ и язычествуетъ нисколько не сознательно: но языческое тѣмъ не менѣе остается языческимъ“... И чѣмъ далѣе за-

глянуть въ прошлое народа, тѣмъ яснѣе, живѣе, жизненнѣе представится историку этотъ пережившій язычество языческій бытъ и тѣмъ въ меньшей степени онъ окажется слитымъ съ христіанствомъ. „Былъ отдѣлъ вѣрованій языческихъ, который цѣликомъ долженъ былъ перейти въ христіанство и навсегда остаться въ народѣ въ своемъ подлинномъ видѣ. Это вѣра въ боговъ черныхъ. Въ богахъ черныхъ язычество признавало начало зла, подобно тому, какъ христіанство признаетъ его въ демонахъ. По общему признаку носителей зла, черные языческіе боги были отожествлены съ христіанскими демонами, а потому и вполнѣ остались въ вѣрованіяхъ народныхъ, какъ будто бы даже признаваемые ученіемъ христіанскимъ“... Въ приведенной выше бесѣдѣ Яна Вышатича съ бѣлозерскими волхвами это отожествленіе сказалось особенно ярко. „Удерживая языческія понятія и представленія, простой народъ и до настоящаго времени вѣритъ, что физическія бѣдствія являются дѣйствіями нечистой силы, прежнихъ боговъ черныхъ, и сообразно съ этой вѣрой борется съ болѣзнями и бѣдствіями старыми языческими средствами—заклинаніями, заговорами, совершеніемъ языческихъ обрядовъ; стоитъ вспомнить одно опахиваніе селеній во время моровыхъ повѣтрій“. Вмѣстѣ съ самими черными богами осталась и дожила до нашихъ дней вѣра въ ихъ орудія—колдуновъ, вѣдьмъ, оборотней, вампировъ и упырей. Въ домашней жизни старый покровитель рода-семьи, домовикъ, духъ предка основателя семьи, дожилъ до нашей поры подъ именемъ домового, хотя подчасъ и проказливаго, но въ общемъ расположеннаго къ живущимъ въ домѣ духа. Такъ прочны и долговѣчны оказались старыя вѣрованія въ нашей жизни домашней и общественной, сохранившись въ ней, какъ пережитки сѣдой языческой старины.

Замедленное распространеніе христіанства и слабое въ первое время вкорененіе началъ его въ жизни русскаго народа во многомъ объясняются и состояніемъ христіанскаго вѣроученія въ тѣхъ формахъ и толкованіяхъ, въ какихъ Русь приняла его отъ грековъ, и довольно низкой степенью развитія русскихъ людей той отдаленной эпохи.

Благая суть Христова ученія плохо воспринималась язычниками. Язычники-славяне чтили своихъ боговъ больше за страхъ, нежели за совѣсть. Съ языческими богами можно было торговаться, и за обильныя жертвы, какъ думали язычники, боги охотно давали свое благоволеніе; если же они не исполняли мольбы жертвователя, то онъ не стѣснялся и наказать своего бога-идола. Зато какими нарядами украшалъ онъ его, какія тучныя жертвы приносилъ, если богъ помогалъ молившемуся въ его просьбѣ! А богъ, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, помогалъ всегда, если его молили много и долго и при моленіи строго соблюдали всѣ обычаи и примѣты.

Принимая христіанство, далеко не всѣ русскіе люди того времени понимали, что христіанскій Богъ хочетъ милости, а не

жертвы. Мало доступны были тогдашнему славянину и завѣты Христа: любить ближняго, какъ самого себя, полагать душу свою за други своя.

Для большинства тогдашнихъ людей евангельское ученіе оставалось мало понятнымъ. Доступнѣе и понятнѣе были строгія требованія церкви хранить и исполнять обряды, тѣ внѣшнія формы, въ какихъ выражается христіанское ученіе. Ничто такъ не дѣйствовало на чувство новокрещеновъ, какъ христіанскій храмъ: онъ поражалъ своимъ благолѣпіемъ, позолотою, освѣщеніемъ, иконами, торжественностью службы. При тогдашней простотѣ построекъ и незатѣйливости домашняго обихода, человѣкъ не видѣлъ вокругъ ничего, что по величію и красотѣ могло бы сравниться съ церковной обстановкой. Мысль невольно поражалась видимымъ и, ослѣпленная имъ, не умѣла заглянуть за видимыя формы. Бывавшіе въ Византіи люди тѣхъ временъ больше всего поражались величіемъ и красотой христіанскихъ храмовъ, торжественностью и блескомъ патріаршаго служенія въ храмѣ св. Софіи. Во внѣшнемъ величіи и блескѣ церковнаго благочинія тогдашніе люди увидѣли всю суть новой вѣры и, какъ прежде хранили языческіе обряды, такъ теперь, по принятіи христіанства, сдѣлались хранителями обрядовъ церковныхъ. То обстоятельство, что въ тогдашней греческой церкви, давшей древней Руси свѣтъ Христова ученія, вопросы церковной обрядности и догматики имѣли особенно важное значеніе, только способствовало тому, что мысль новокрещеновъ-славянъ крѣпче уцѣпилась за внѣшнія формы, въ которыхъ вѣроученіе выражается.

Въ Византіи съ давнихъ поръ всѣ, отъ императора до послѣдняго раба, были заняты богословскими и обрядовыми спорами. „Византія,—говорилъ еще св. Григорій Богословъ,— наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными богословами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не упуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ, по его мнѣнію, въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца, а на вопросъ, спеченъ ли хлѣбъ, отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего“. Такъ обстояло дѣло въ Византіи и послѣ. Возникали безчисленныя ереси, расколы; шли постоянные утомительные толки и споры, созывались соборы для рѣшенія недоумѣній, но, какъ только принималось соборное рѣшеніе по одному вопросу, немедленно возникали тысячи новыхъ, и тогда на почвѣ религіозныхъ разногласій начинались преслѣдованія, казни, война однихъ противъ другихъ.

Конечно, мысль новокрещеновъ не могла обратиться сразу къ сложнымъ богословскимъ вопросамъ, но тѣмъ усиленнѣе обратилась къ вопросамъ обрядности. Эти вопросы были ближе уму тогдашнихъ людей и по сходству ихъ съ языческими взглядами на обрядность. Были, конечно, свѣтлыя исключенія, для

которыхъ внутренняя, духовная сторона ученія не заслонялась обрядовой, но большинство, люди рядового ума и способностей, по старой языческой привычкѣ, на первое мѣсто поставили обрядность. У священниковъ и епископовъ они меньше допытывались объясненія какихъ-либо вопросовъ вѣроученія, а больше спрашивали, что надо ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить, очень ли грѣшно до обѣдни постучать яйцомъ о зубы, можно ли ѣсть удавленину, можно ли служить обѣдню на одной просфорѣ, можно ли служить священнику въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платъ, и т. д.

Отъ грековъ научиться иному пониманію вѣроученія было нельзя. Источникъ свободнаго знанія и мысли давно изсякъ въ Византіи, и греки тѣхъ временъ не были греками временъ расцвѣта Эллады, когда греческая мысль, греческая образованность царили въ мірѣ, двигали впередъ науку и знаніе. Смѣшеніе съ другими племенами испортило самый языкъ греческій, увлеченіе церковно-обрядовыми вопросами сосредоточило на нихъ всю мысль, заставило грековъ византійскихъ временъ даже презирать прежнюю языческую образованность. „Не по незнанію того, чѣмъ восхищались древніе философы, но по презрѣнію къ такимъ безполезнымъ трудамъ, мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности“,—говорилъ одинъ византіецъ. Богатѣйшія собранія древнихъ рукописей просто сжигали. Плоды древней мысли и знанія признаны были ненужными. „Языческіе мудрецы,—говоритъ преп. Исидоръ,—хотѣли рѣшить, что такое справедливость, что приличное, что законное, что истинное на свѣтѣ. Но длинными, противорѣчивыми сужденіями своими они водятъ какъ бы въ лабиринтѣ читателей своихъ и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ. Сколько ученѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однакоже не убѣдилъ никого. Сколько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопреніе. Какъ много писали другіе философы, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе пало. Пусть считающіеся мудрыми сравнятъ со всѣмъ этимъ ясность божественныхъ словъ и да перестанутъ пустословить и да примутъ ученіе божественное, имѣющее цѣлью не удовлетвореніе тщеславію, но пользу слушателей“. Сосредоточившись на вопросахъ церковныхъ и обрядовыхъ, греческая мысль византійскихъ временъ почти совсѣмъ оставила другія области знанія, стала относиться къ нимъ пренебрежительно. „Разыскивать причины естественныхъ вещей,—говоритъ одинъ византійскій писатель тѣхъ временъ,—изслѣдовать: такъ ли велико солнце, какъ оно кажется, выпукла луна или вогнута, остаются ли звѣзды неподвижными на небѣ или плаваютъ свободно въ воздухѣ; какъ велико небо и изъ чего оно сдѣлано, остается ли оно въ покоѣ или движется; какъ велика земля, на какихъ основаніяхъ она повѣшена въ воздухѣ

и находится въ равновѣсіи,—спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ значитъ совершенно то же, какъ если бы мы стали разсуждать, что мы думаемъ о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, о которомъ мы не знаемъ ничего, кромѣ его имени".

Подводя итоги своей оцѣнкѣ византійской образованности, знаменитый историкъ Гиббонъ говоритъ: „Константинопольскіе греки держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о пріобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ доставшееся имъ сокровище знанія. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного научнаго открытія; ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе ихъ не было свободно отъ недостатковъ въ красотѣ языка, чувства, не страдало отсутствіемъ фантазіи".

Понятно, какъ и чему должны были поучать такіе учителя своихъ учениковъ. Нужды богослуженія и церковнаго обихода заставили новокрещеновъ переводить съ греческаго богослужебныя и церковныя книги. Эти книги и остались долгое время на Руси единственными проводниками знанія и образованности. Въ силу этого знаніе и образованность древней Руси, исходя изъ церковнаго источника, не могли быть иными, какъ только церковно-религіозными.

Но если византійская церковная образованность покоилась на наслѣдственной отъ древности культурѣ, передавшей византійцамъ способность и умѣнье мыслить, разработанный языкъ, навыкъ и потребность къ мышленію, заставлявшіе ихъ творить въ этой области, создавать новыя и новыя сочиненія, то въ древней Руси, странѣ, гдѣ въ X в. многіе обитатели едва переставали жить „звѣринскимъ обычаемъ", церковная образованность приняла другой характеръ: характеръ вѣры въ книгу, въ то, что написано „богомудрыми мужи". Въ этомъ смыслѣ древняя Русь не поднялась выше ученика, принимающаго на вѣру все то, что говорилъ учитель, да еще по-своему упрощавшаго слова учителя, доводя ихъ до уровня своего мало развитого пониманія. Если грекъ-византіецъ отметался отъ языческой философіи и ставилъ на ея мѣсто христіанское ученіе, то русскій его ученикъ проклиналъ эту философію. „Братіе, не высокоумствуйте,—гласитъ одно старинное поученіе,—но во смиреніи пребывайте, по сему же прочая разумѣвайте... Аще кто тя вопроситъ: вѣси ли всю философію?—ты же ему противо того отвѣщай: учился буквамъ благодатнаго закона, еллинскихъ же борзостей не текохъ, риторскихъ острономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ; философію ниже очима видѣхъ. Учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ". Въ другомъ поученіи еще рѣшительнѣе отвергается всякая свободная наука и знаніе. „Богомерзостенъ предъ Богомъ,—читаемъ здѣсь,—всякъ любяй гіомитрію и прочая таковая; се душевніи грѣси: учитися астроло-

гіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму послѣдующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; величайшаго себѣ не изыскуй и глубочайшаго себѣ не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи".

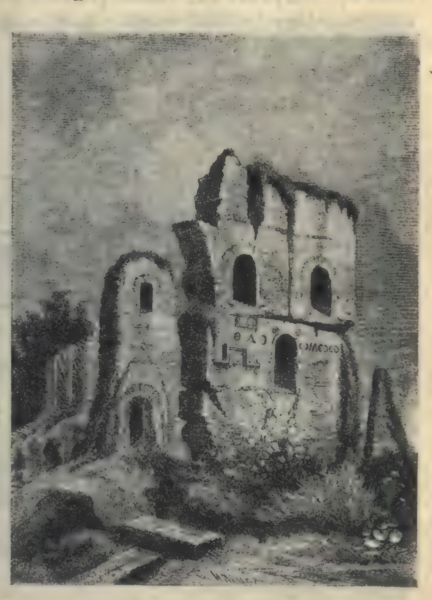
Прежняя языческая вѣра въ примѣты процвѣтала во всей своей силѣ, и пастырямъ церкви приходилось не мало бороться съ ней. „Не язычески ли мы живемъ,—говорилъ еще на самой зарѣ христіанства на Руси преп. Θеодосій Печерскій,—вѣруя во встрѣчу? Если кто встрѣтитъ чернеца или свинью, то возвращается назадъ"... Въ борьбѣ съ язычествомъ подвижники христіанства указывали новокрещенамъ на высоту новой вѣры греческаго исповѣданія. Но греческая церковь того времени сводила свои счеты съ церковью римской; православный Востокъ раздѣлялся съ католическимъ Западомъ, и этотъ раздѣлъ происходилъ среди ожесточенныхъ и ярыхъ споровъ, взаимныхъ упрековъ въ еретичествѣ и неправославіи. Это обстоятельство тоже сказалось въ пониманіи новокрещенами христіанства. Одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ и подвижниковъ христіанства на Руси, преподобный Θеодосій училъ свою паству бѣгать „ученія вѣры латинской, гнушаться латинскихъ обычаевъ, не давать за католиковъ своихъ дочерей, не брать у нихъ, не брататься съ ними, не кланяться, не цѣловаться, не ѣсть изъ одной чаши, не принимать отъ нихъ пищи, имъ давать, если попросятъ, но въ ихъ сосудахъ, а въ своихъ только тогда, если у тѣхъ не будетъ, но послѣ непремѣнно вымыть чаши и дать имъ молитву"... все это потому, что католики „не право вѣруютъ и не чисто живутъ"... „Нѣтъ иной вѣры лучше нашей по своей чистотѣ и святости,—говорилъ преп. Θеодосій,—въ этой вѣрѣ живучи спасемся, увидимъ царство Божіе, а армяне и латиняне не увидятъ жизни вѣчной. Не подобаетъ, чадо, даже хвалить чужую вѣру: кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ, значитъ, хулитъ свою, а кто хвалитъ обѣ, тотъ двоевѣрецъ". Только въ самомъ концѣ поученія смягчаются эти суровыя требованія, и проповѣдникъ предлагаетъ миловать не только людей своей вѣры, но и чужой: „Если видишь нищаго или голоднаго,—говоритъ онъ,—или на холодѣ кого, или одержимаго какой-либо бѣдой, то помоги ему, хотя бы онъ былъ еврей, сарацинъ или еретикъ".

На такихъ поученіяхъ воспитывались у русскихъ людей, только-что принявшихъ христіанство, привычка подозрительно глядѣть на инославныхъ чужеземцевъ-христіанъ и избѣгать сходиться съ ними: все за тѣмъ, чтобы сберечь *свое* православіе, сохранить *свою* чистоту. Такое отчужденіе, при очень невысокомъ уровнѣ образованности тогдашней Руси, не замедлило дорасти до простой кичливости своимъ православіемъ, до презрѣнія ко всему, думающему и вѣрующему иначе, чѣмъ на Руси.

Тѣмъ не менѣе, укорененіе христіанства на Руси во многомъ

измѣнило какъ внѣшній обиходъ, такъ и строй внутренней жизни общества и отдѣльныхъ людей; вошло множество перемѣнъ въ самую жизнь, какъ она была, и въ народные взгляды на то, какою жизнь должна быть; иными становятся и дѣйствительность и идеалы, въ языческой дѣйствительности и идеалахъ замѣтно торжествуетъ христіанство. Проводникомъ новаго христіанскаго просвѣщенія становилось духовенство, церковная іерархія.

Въ Кіевѣ сталъ жить русскій митрополитъ, поставляемый константинопольскимъ патріархомъ; такимъ образомъ русская церковь считалась одной изъ митрополій константинопольскаго патріархата. Въ городахъ были поставлены епископы, подчиненные кіевскому митрополиту; церковная власть митрополита объединяла, слѣдовательно, духовенство всей Руси, а черезъ духовенство объединяла въ церковномъ отношеніи всю Русь. Это объединеніе, привязывая къ церкви людей различныхъ славянскихъ племенъ и различныхъ городовыхъ волостей, заставляло ихъ постоянно ощущать взаимную связь; отдѣльные края, исповѣдуя одну вѣру, ближе сливались другъ съ другомъ, сплачиваясь въ одинъ православный народъ. Въ этомъ смыслѣ христіанство много сдѣлало для роста и объединенія Русской земли, и недаромъ эта земля издавна привыкла называть себя православной Русью, свято-русской землей, обозначая этимъ христіанство, какъ одну изъ основныхъ чертъ своего бытія.

Остатки Десятиннаго храма до срытія въ XVII в.

Въ Кіевѣ и другихъ городахъ возникли церкви и монастыри. На холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, Владиміръ построилъ церковь св. Василія, т.-е. въ честь святого, имя котораго принялъ во св. крещеніи. Въ 991-мъ году Владиміръ призвалъ мастеровъ изъ Царя-града и заложилъ въ Кіевѣ храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворъ варяга-мученика. На содержаніе этой церкви Владиміръ опредѣлилъ десятую часть своего имѣнья и доходовъ, отсюда храмъ получилъ названіе „Десятиннаго". Десятинная церковь была разрушена татарами Батыя въ 1240 году. Сохранившіеся и найденные при раскопкахъ остатки свидѣтельствуютъ, что это была церковь богато построенная и разукрашенная по образцу византійскихъ храмовъ. Стѣны ея снаружи и внутри были выложены

дорогими цвѣтными мраморами, своды поддерживались мраморными и порфировыми колоннами. Купола и стѣны покрывала мозаика и стѣнная живопись, фрески, обыкновенно на золотыхъ, темно-синихъ и голубыхъ фонахъ. Поля стѣнъ, простѣнки, оконныя арки были украшены мозаичнымъ и фресковымъ, очень красивымъ орнаментомъ, обрамлявшимъ отдѣльныя изображенія святыхъ и цѣлыя картины-образа. Въ куполѣ былъ, вѣроятно, изображенъ, по византійскому обычаю, Господь Вседержитель, а на алтарной стѣнѣ — Божія Матерь;

Софійскій соборъ въ Кіевѣ. Съ гравюры XVII в.

по византійскому обычаю, церковная живопись имѣла задачей изобразить ветхозавѣтную исторію рода человѣческаго, искупленіе его крестною смертью Спасителя и торжество Христовой вѣры и церкви. На эти темы и была вся стѣнопись и мозаика; колонны, державшія своды, несли на себѣ изображенія св. мучениковъ съ крестами въ рукахъ и учителей церкви—это было символическимъ указаніемъ на значеніе ихъ, какъ столповъ и утвержденія церкви. Въ Василёвѣ Владимиръ построилъ церковь во имя Преображенія Господня.

Сынъ Владимира, Ярославъ Мудрый, продолжалъ дѣло отца. Въ 1037 году,—разсказываетъ лѣтописецъ,—„заложилъ Ярославъ городъ великій, у него же града суть златыя врата; заложи же и церковь святая Софья, митрополью и посемъ церковь на золотыхъ воротахъ святыя Богородицы Благовѣщенье, посемъ святого Георгія монастырь и святыя Ирины“. На мѣсто прежнихъ деревянныхъ и земляныхъ стѣнъ, окружавшихъ центральную часть Кіева, Вышгородъ, Ярославъ построилъ каменныя; главныя ворота своего замка Ярославъ назвалъ Золотыми, какъ назывались главныя ворота Византіи; въ Царь-градѣ надъ Золотыми воротами

была церковь Благовѣщенія, и надъ кіевскими Золотыми воротами тоже была поставлена церковь Благовѣщенія.

Храмъ св. Софіи, или Премудрости Божіей, названный такъ потому, что и главный храмъ Царя-града носилъ это же имя, конечно, не могъ быть построенъ въ смыслѣ точнаго подражанія Юстиніановой Св. Софіи. На это не хватило бы ни средствъ князя Ярослава ни умѣнья греческихъ и русскихъ мастеровъ, но это

Лѣстница на хоры собора св. Софіи въ Кіевѣ съ фресками XI вѣка.

все же былъ великолѣпный и богато украшенный храмъ. Онъ не сохранился до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Позднѣйшія перестройки и надстройки совершенно исказили основной видъ кіевской Св. Софіи. Изъ внутреннихъ украшеній, фресковой живописи и мозаичныхъ изображеній тоже немногое дошло до насъ, но то, что сохранилось, позволяетъ судить о величіи и великолѣпіи Ярославова зданія. Въ куполѣ сохранилось мозаичное изображеніе Господа Вседержителя внутри радужнаго круга; уцѣлѣлъ образъ одного изъ четырехъ архангеловъ, окружавшихъ образъ Вседержителя; уцѣлѣли нѣкоторыя изображенія подъ куполомъ и въ аркахъ; въ алтарной стѣнѣ сохранилось огромное, въ 7 аршинъ высотою, мозаичное изображеніе Пресвятой Богородицы, такъ называемой „Нерушимой Стѣны“; сохранились и еще

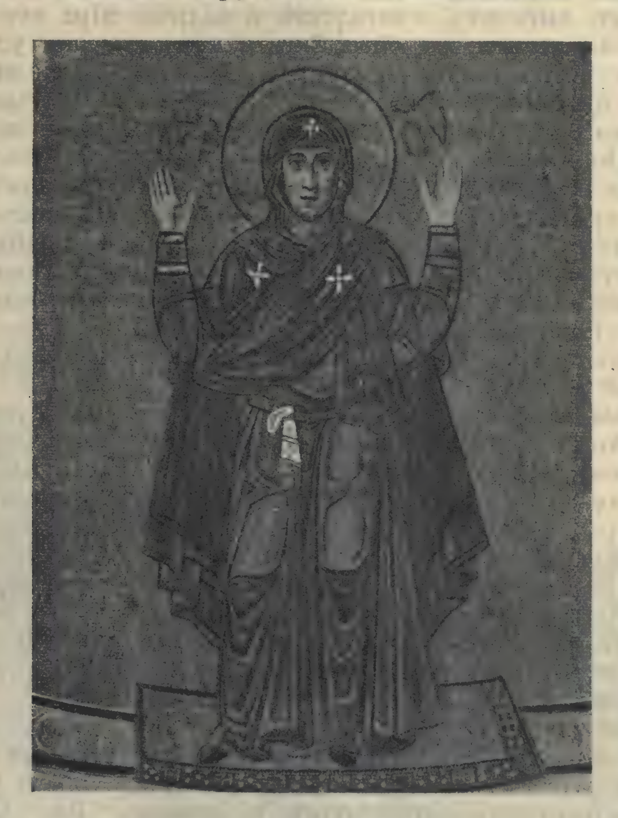
нѣкоторыя изображенія, изъ которыхъ особенно интересны фрески, украшающія стѣны хода, ведущаго на хоры. Это изображенія свѣтскаго, а не духовнаго содержанія: сцены охоты, скоморохи, музыканты, акробаты, танцоры, царь, сидящій на тронѣ, выходъ царицы со свитой, ипподромъ съ колесницами, узникъ въ тюрьмѣ. Конечно, это все изображенія скорѣе византійскаго придворнаго быта, нежели русскаго княжескаго, какъ видно по темамъ рисунковъ, а главное—по одеждамъ. Этотъ ходъ соединялъ, какъ можно думать, княжескій дворецъ и соборъ, былъ какъ бы внѣ церкви,—отсюда и изображенія свѣтскаго характера.

По образцу кіевскихъ храмовъ строились большія каменныя церкви по другимъ городамъ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ храмъ въ Овручѣ, теперь реставрированный. Въ 1045 году сынъ Ярослава, Владиміръ, по порученію отца заложилъ храмъ св. Софіи въ Новгородѣ. У греческихъ мастеровъ, строившихъ первые храмы, учились каменному созиданію русскіе; отъ грековъ-мастеровъ перенимали они мозаичное и живописное искусство. Въ созданіи храмовъ, возникшихъ при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, русскіе мастера принимаютъ очень замѣтное участіе. Работа ихъ, менѣе искусная, грубоватая, видна въ живописи и мозаикѣ кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго храма, построеннаго внукомъ Ярослава, Святополкомъ, и въ Печерскомъ Успенскомъ храмѣ, построенномъ въ 1089 году, гдѣ надъ стѣнописью трудился первый русскій иконописецъ, печерскій инокъ, преп. Алипій. Князья строили себѣ каменные дворцы, „златоверхіе терема“, но ни одного изъ нихъ не сохранилось до нашихъ дней. Въ настоящее время ведутся въ Кіевѣ раскопки на мѣстѣ одного изъ княжескихъ дворцовъ; находимые тамъ остатки позволяютъ судить относительно общихъ очертаній бывшаго дворца, его обширности и богатства отдѣлки.

Перенимая греческую архитектуру и живопись, князья и ихъ старшіе дружинники стали носить и одѣянія греческаго образца; византійскія украшенія, парча, шелкъ получили еще большее распространеніе.

Вмѣстѣ съ этимъ усвоеніемъ внѣшней византійской культуры шло водвореніе въ русскую жизнь христіанскихъ нравовъ въ византійской же передачѣ. Въ этомъ отношеніи церковь и духовенство имѣли очень большое вліяніе. Идеалы тогдашней христіанской жизни воплощались въ монастырскомъ подвижничествѣ, въ отрицаніи отъ благъ и богатства міра сего во имя достиженія благъ небесныхъ. Первые монастыри въ Кіевѣ были построены князьями. Но эти монастыри скоро затмилъ одинъ—Кіево-Печерскій, возникшій трудомъ самихъ подвижниковъ около половины XI вѣка. Основателемъ Кіево-Печерскаго монастыря былъ преп. Антоній, уроженецъ города Любеча. Онъ жилъ долго на Аѳонѣ. Тамъ его убѣдили вернуться на Русь ради насажденія монашескаго чина и установленія монастырскаго житія. Антоній вернулся въ Кіевъ и поселился подъ городомъ въ пещерѣ,

которую ископалъ себѣ для подвига созерцательнаго отшельническаго житія священникъ Иларіонъ, ставшій потомъ первымъ митрополитомъ изъ русскихъ. Къ Антонію присоединился скоро Ѳеодосій, уроженецъ Курска. Около пещеръ преподобныхъ подвижниковъ поселились другіе отшельники, и такъ создался мо-

Образъ Божіей Матери „Нерушимая Стѣна".
Мозаика въ кіевскомъ соборѣ Св. Софіи.

настырь. Первымъ игуменомъ Печерскаго т.-е. пещернаго монастыря былъ преп. Ѳеодосій. Для своей обители преп. Ѳеодосій принялъ строгій уставъ Студійскаго монастыря; по этому уставу монахи не могли имѣть собственности, все должно быть братское, жить должны всѣ своимъ трудомъ, отъ плода рукъ своихъ, отдавая все время труду, молитвѣ, подвигамъ благочестія, питая трудомъ своимъ сирыхъ, покоя убогихъ и больныхъ, во всемъ безпрекословно повинуясь игумену. Такъ сначала и было. Братія жили единымъ духомъ и сердцемъ, имѣя все общее—и трудъ, и молитву, и подвигъ, повинуясь наставленіямъ своего игумена. Если братъ впадалъ въ прегрѣшеніе, другіе

утѣшали его и раздѣляли положенную на прегрѣшившаго эпитимію; если кто изъ братьевъ покидалъ монастырь, вся братія печалилась объ ушедшемъ; возвращавшагося принимали съ радостью и молили игумена простить его.

Первые подвижники наполняли свою жизнь не заботами о матеріальныхъ выгодахъ, о богатствѣ и величіи міра сего: все это былъ для нихъ прахъ земной, тлѣнъ и мерзость; они уходили въ стремленіе постичь высокія истинныя цѣли и назначеніе жизни человѣческой; путемъ личнаго совершенствованія и примѣромъ своей трудовой жизни и подвига духовнаго указывали языческому обществу, что цѣль жизни не можетъ и не должна состоять только въ достиженіи богатства и благъ матеріальныхъ для удовлетворенія личныхъ чувственныхъ страстей. Все это производило сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ, духовная, идейная жизнь котораго строилась на совсѣмъ иныхъ моральныхъ основахъ. Это было общество варварскаго склада, общество вооруженныхъ торговцевъ и промышленниковъ, добычниковъ, которые понимали жизнь, какъ устройство своего личнаго благополучія, „хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ для выполненія ихъ неправду и насиліе, обманъ и коварство“; это было рабовладѣльческое общество, въ которомъ господствовали кровавая месть, умыканье женъ, многоженство и разгулъ: „Руси есть веселіе пити, безъ того не можемъ быти“—сказалъ будто бы Владиміръ Святой, когда былъ язычникомъ. „Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе къ богатству, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ“.

Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря, а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію. Подвижники учили новой жизни и личнымъ примѣромъ и словомъ. Въ „Патерикѣ“ кіево-печерскомъ, т.-е. описаніи жизни и подвиговъ первыхъ иноковъ, содержится много случаевъ такого поученія дѣломъ и словомъ. „Однажды,—разсказываетъ монастырская повѣсть,—воды не бысть въ поварнѣ“, дѣло же было вечеромъ подъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы. Келарь пришелъ къ игумену, преп. Ѳеодосію, и сказалъ: „яко нѣсть кому воды носити“. „Тогда преподобный абіе воставъ нача отъ кладязя самъ воду носити. И се единъ отъ братій, видѣвъ его тако труждающася, скоро шедъ возвѣсти прочимъ; они же, со тщаніемъ притекше, наносиша воды до избытка“. Другой разъ пошелъ преподобный Ѳеодосій къ князю Изяславу, „далече тогда сущему отъ града, и тамо до вечера умедли“. Князь распорядился тогда отвезти преподобнаго на колесницѣ „нощного ради успокоенія“. Повозникъ, видя монаха „въ худой суща одеждѣ“, не сообразилъ, что

везетъ прославленнаго игумена, и, отъѣхавъ немного отъ двора княжого, сказалъ преподобному: „Черноризче! ты по вся дни празденъ еси, азъ же въ трудѣхъ присно и нынѣ не могу на конѣ ѣхати; се убо азъ да почію на колесницѣ, ты же, могій на

Золотыя ворота въ Кіевѣ, построенныя Ярославомъ Мудрымъ.
Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1651 г.

конѣ ѣхати, всяди на коня!“. Преподобный сѣлъ на коня и повезъ своего повозника, удобно расположившагося въ княжьей колесницѣ; когда преподобнаго одолѣвала дрема, онъ слѣзалъ съ коня и шелъ возлѣ, а уставши, снова садился на коня. „Озаряюще уже дню, начаша вельможи ѣхати ко князю и, издалече познавше преподобнаго, ссѣдаху съ коней и покланяхуся ему“. Когда повозникъ проснулся и увидѣлъ, какой почетъ оказываютъ

всѣ встрѣчные везущему его монаху, „ужасеся сердцемъ и трепетенъ сый“, скорѣе усадилъ преподобнаго въ колесницу, а самъ занялъ подобающее мѣсто. Чѣмъ больше приближались они къ городу, тѣмъ больше было встрѣчныхъ, кланявшихся печерскому игумену, и тѣмъ трепетнѣе становился повозникъ. Когда подъѣхали къ монастырю, вся братія вышла встрѣтить своего игумена и поклонилась ему до земли. „Повозникъ же паче ужасеся, помышляя въ себѣ: кто сей есть, яко вси покланяются ему“. Преподобный же взялъ его за руку, повелъ въ трапезу, велѣлъ накормить своего сердитаго присно труждающагося повозника, одарилъ его и отпустилъ съ миромъ. Конечно, этотъ повозникъ вернулся къ своему дѣлу другимъ человѣкомъ.

При монастырѣ преподобный построилъ богадѣльню и страннопріимницу для нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, гдѣ ихъ и содержали монастырскимъ трудомъ. Каждую субботу посылали изъ монастыря возъ хлѣба „къ сущимъ въ темницахъ и во узахъ“. Пришелъ преподобный разъ къ князю Святославу и попалъ на пиръ, музыку и пѣніе; увидѣлъ играющихъ предъ княземъ „овыхъ гуслныя гласы испущающихъ, иныхъ органныя писки гласящихъ, иныхъ же иныя мусикійскія и тако всѣхъ веселящихся яко же обычай есть предъ княземъ“. Преподобный сѣлъ подлѣ князя и „мало восклонся рече къ нему: будетъ ли сице во оный вѣкъ грядущій?“ И князь велѣлъ перестать играющимъ, и съ тѣхъ поръ, когда ему докладывали о приходѣ преподобнаго, всегда распоряжался „тихо стати и молчати“ музыкантамъ. Этотъ князь Святославъ согналъ съ кіевскаго стола своего брата старѣйшаго Изяслава, и преподобный много и настойчиво укорялъ Святослава, писалъ ему эпистоліи и словами призывалъ вернуть брату неправедно отнятый у него Кіевъ. Святославъ не слушался преподобнаго, но никакъ не могъ заградить ему уста, и Ѳеодосій на ектеніяхъ поминалъ всегда князя Изяслава, „яко стольнаго князя и старѣйша всѣхъ“, а Святослава „аки не по закону сѣдша“ не велѣлъ поминать въ своемъ монастырѣ.

Такимъ образомъ монастырская жизнь не отдѣлялась отъ жизни свѣтской. Инокъ уходилъ въ монастырь отъ грѣха и соблазновъ жизни мірской. Но, покоривъ себя духовному подвигу, стремился личнымъ примѣромъ и поученіемъ внести въ среду мірянъ смиреніе, любовь къ правдѣ, справедливое отношеніе всѣхъ къ каждому и каждаго ко всѣмъ, училъ жить благочестиво здѣсь на землѣ, чтобы быть достойнымъ царства небеснаго и жизни вѣчной.

Печерскій монастырь былъ образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей. Въ XII вѣкѣ патріархъ далъ монастырю наименованіе лавры, и печерскій игуменъ Поликарпъ, первый изъ русскихъ иноковъ, получилъ достоинство архимандрита. Выходцы изъ Печерскаго монастыря хранили трогательную любовь къ своей обители и стремились, какъ бы далеко ни занесла ихъ

судьба и какъ бы высоко ни вознесла въ чести людской, вернуться на склонѣ дней въ кіевскія пещеры. Епископъ владимирскій Симонъ, постриженникъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи къ преп. Поликарпу (около 1225 г.) трогательно выразилъ эту любовь къ родному монастырю: „Кто не вѣсть,— писалъ онъ,—мене грѣшнаго епископа Симона и сеа соборныя церкви красоты, владимирскія и другія суздальскія церкви, яже самъ создавъ? Колико же имѣета градовъ и селъ и десятину сбираютъ по всей землѣ той и тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость!“

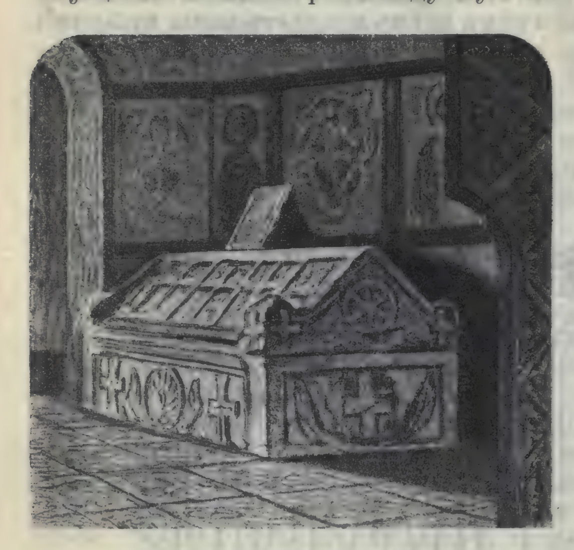

Трапеза князя съ митрополитомъ.
Съ рисунка изъ „Лицевого сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“.

И вотъ епископъ готовъ всю эту славу вмѣнить въ прахъ, если бы Господь привелъ его хоть бы хворостиною торчать у вратъ обители или соромъ валяться на дворѣ обители Печерской. „Лучше день единъ провести въ Печерскомъ монастырѣ, нежели 5000 лѣтъ внѣ его“.

Вмѣстѣ съ церковью, въ ней и около нея образовался новый общественный слой—люди церковные: бѣлое и черное духовенство, иноки и инокини, всѣ, кто служили на клиросѣ, просвирни, свѣщегасы, дѣти священниковъ и дьяконовъ, люди, поставленные во главѣ благотворительныхъ церковныхъ учрежденій, лѣкаря, учителя, призрѣваемые церковью люди убогіе и богадѣленные, сироты и вдовы, прощенники (получившіе чудесное исцѣленіе), задушные люди (рабы, отпущенные на свободу по духовному завѣщанію господъ), всѣ тѣ, кого жизнь и неудача выбросили изъ тѣхъ разрядовъ общества, къ которымъ они принадлежали по рожденію; такихъ людей называли тогда изгоями:

поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, купецъ проторгуется, холопъ изъ холопства выкупится—все это изгои, которые судъ и правду, убѣжище и помощь могли найти у церкви, и церковь становится ихъ защитницей. Всѣхъ этихъ людей судятъ и оберегаютъ церковныя власти. Церковная власть судитъ и вообще всѣхъ людей по такимъ ихъ дѣламъ и преступленіямъ, какъ разводъ, бракосочетаніе въ близкихъ степеняхъ родства, кощунство, вѣдовство, имущественный споръ между мужемъ и женой, раздоръ между родителями и дѣтьми. Такимъ образомъ освящаемыя церковнымъ поученіемъ и толкованіемъ новыя начала жизни тысячами путей и многоразличными вліяніями входятъ въ сознаніе русскаго общества.

Гробница Ярослава Мудраго.

Церковь учила новому пониманію взаимоотношеній между властью и подвластными, провозглашая, что верховная власть, власть князя поставлена отъ Бога „на казнь злымъ и на милованье добрымъ". Князь-военачальникъ и князь-судья, берущій дань за свою службу землѣ, становится, по ученію церкви, оберегателемъ вѣры христіанской, источникомъ новаго закона, трудолюбцемъ во имя общаго блага. Подъ вліяніемъ церкви княжеская власть пріобрѣтаетъ характеръ власти государственной по Божьему изволенію, и когда князья въ своихъ „которахъ" и „коромолахъ", въ ярой борьбѣ за старшинство и выгоды, роняютъ сами свое высокое значеніе, церковь строгимъ и властнымъ поученіемъ побуждаетъ ссорящихся князей чтить старѣйшаго, соблюдать право и справедливость во взаимныхъ отношеніяхъ, не преступать чужого предѣла, помнить, что имъ придется дать отвѣтъ Богу, отъ Котораго они имѣютъ свою власть. Народу внушается, что князя надо чтить, какъ Божьяго ставленника, что нельзя итти съ оружіемъ на князя, какъ древляне пошли на Игоря,—то все звѣринскій обычай.

Церковь не имѣла рабовъ. Рабъ, подаренный церкви, становился на положеніе свободнаго, и церковь своими поученіями стремилась внушить тогдашнему обществу, что и рабы — люди, учила не томить ихъ голодомъ и многотрудной работой, соблюдать мѣру и человѣколюбіе въ наказаніяхъ, осуждала за убійство раба, какъ за убійство человѣка. Умыканье и покупка женъ,

многоженство подъ вліяніемъ церкви отходятъ постепенно въ область преданій, становятся для людей-христіанъ „поганскимъ" обычаемъ. Церковь ратовала противъ кровавой мести, которая и была при сыновьяхъ Ярослава замѣнена денежнымъ выкупомъ въ пользу родственниковъ убитаго и штрафомъ въ пользу князя.

Распространенію христіанства въ странѣ восточныхъ славянъ очень мѣшало то обстоятельство, что первыми учителями-проповѣдниками были греки, плохо знавшіе языкъ и нравы тѣхъ, кому они несли Христово ученіе. Надо было создать своихъ проповѣдниковъ, свое духовенство. Еще Владиміръ Святой почувствовалъ необходимость этого и основалъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ училища. О Ярославѣ лѣтопись повѣствуетъ, что онъ „книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцы многы и прекладаше (переводили) отъ грекъ на словѣньское письмо и списаша книги многы, ими же поучашеся вѣрніи людье наслаждаются ученья божественнаго".

Такъ новая вѣра не только создавала новое христіанское просвѣщеніе, но и самыя задачи бытія государственнаго и общественнаго осѣнялись христіанскимъ идеаломъ. Все это новое, вносимое въ русскую жизнь христіанствомъ и церковью, сплетало основную связь единенію Руси съ христіанскими цивилизованными народами Запада. Когда въ 1054 году произошло раздѣленіе церквей восточной и западной, Русь, принявшая христіанство отъ грековъ, осталась вмѣстѣ съ Византіей, и русское христіанское просвѣщеніе продолжало хранить въ себѣ византійскія начала. Въ 1453 г. Византія пала подъ ударами турокъ, и тогда Русь сдѣлалась единственнымъ на свѣтѣ независимымъ хранилищемъ православія, восточнаго исповѣданія христіанства.

Главнѣйшія пособія: *С.М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи", т. I; *Е. Е. Голубинскій*, „Исторія русской церкви", т. I; *М. Д. Присёлковъ*, „Очерки по церковно-политической исторіи кіевской Руси X—XII вв."; „Патерикъ кіевскаго Печерскаго монастыря"; *П. Знаменскій*, „Руководство къ русской церковной исторіи"; *Н. Я. Аристовъ*, „Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей"; *Преосв. Макарій*, „Исторія русской церкви", т. I—III; *В. И. Иконниковъ*, „Культурное значеніе Византіи въ русской исторіи", и другія сочиненія.

Заставка—снимокъ съ шиферной плиты въ кіевской Св. Софіи; буква съ рукописи XIII в.

Монета Владимира Святого.

Князь и вѣче.

Вѣчемъ въ древней Руси называлась сходка взрослыхъ домохозяевъ, жителей одного города, для рѣшенія сообща какихъ-либо дѣлъ, касающихся ихъ городской жизни. Сходки эти существовали издавна, задолго до призванія князей, при первыхъ князьяхъ и до самыхъ тѣхъ поръ, какъ поднялась Москва, вобравшая въ свои предѣлы отдѣльныя земли, или волости, на которыя распадалась въ древнѣйшее время Русь.

Волостью, или землею, назывался въ XI—XII вв. цѣлый округъ, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько городовъ. Одинъ изъ этихъ городовъ считался старшимъ, или „великимъ“, а другіе города были только „пригородами“ этого старшаго города, по имени котораго называлась обыкновенно и самая земля. Лѣтописецъ, жившій въ концѣ XII вѣка, отмѣтилъ такое устройство Русской земли, какъ исконное: „Новгородци бо *изначала,*—писалъ онъ,—и смоляне (жители Смоленской области), и кыяне (кіевляне), и полочане (жители Полоцка), и вся власти (волости), яко же на думу, на вѣча сходятся; на что же старѣйшіи (города) сдумають, на томъ же и пригороди стануть“. Вѣче, слѣдовательно, было формой, въ которой выражалась тогдашняя государственная власть. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что вѣчемъ называли тогда и простое совѣщаніе старѣйшинъ, и такое народное собраніе, которое не имѣло своей задачей вынести постановленіе, рѣшающее то или иное государственное дѣло, а рѣшало дѣла хозяйственнаго распорядка, не касавшіяся внѣшней безопасности, внутренняго благоустройства или суда. Но по преимуществу вѣче въ кіевское время было органомъ политической власти народа. Другой формой выраженія государственной власти въ древней Руси былъ князь.

Варяжскіе князья утвердились въ странѣ восточныхъ славянъ тогда, когда славянскія племена жили довольно сложной, разработанной жизнью, какъ въ государственномъ, такъ и въ хозяйственномъ смыслѣ. Варяжскіе князья пришли не на пустое мѣсто и не къ бѣднымъ племенамъ дикарей. Славянскія племена того времени жили объединенными въ волости, сосредоточившіяся около большихъ торговыхъ городовъ. Новгородскіе славяне призвали Рюрика съ братіей его только къ себѣ. Отвага и военное счастье самого конунга и его ближайшихъ преемниковъ отдали имъ въ руки княженіе во всей странѣ восточныхъ славянъ. Варяжскіе конунги стали князьями славянскихъ городовъ, съ которыхъ собирали дань какъ въ знакъ подчиненія этихъ городовъ своей власти, такъ и въ качествѣ вознагражденія за ту тяжелую службу, какую пришлось нести князьямъ по охранѣ страны и ея торговли.

Дань князья собирали тѣмъ сырьемъ, которымъ торговала древняя Русь. Это обстоятельство, превращая князя въ перваго и богатѣйшаго торговца города, связывало его интересы съ интересами всѣхъ горожанъ и заставляло его жить съ ними въ ладу, признавая въ извѣстной мѣрѣ ихъ самостоятельность. Вѣче горожанъ въ древней Руси является поэтому властью, стоящею рядомъ съ княжеской властью. Это были двѣ власти, равныя между собой и дѣйствовавшія согласно ради взаимной выгоды. Когда же согласіе нарушалось, то торжествовала та сторона, которая оказывалась сильнѣе: князь, обладавшій сильной дружиной, могъ заставить вѣче подчиниться своей волѣ; сильное своимъ единствомъ, согласіемъ, богатое людьми и деньгами вѣче могло не только заставить князя исполнять то, что ему, вѣчу, желательно, но бывало въ состояніи выгнать изъ своего города князя, „показать ему путь", какъ тогда говорили, и на его мѣсто пригласить другого изъ того же княжескаго рода. Жить и управляться безъ князя „не повелось", было не въ обычаѣ. Князь считался необходимымъ въ правительствѣ, какъ главный судья и полководецъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ плохимъ судьей или плохимъ вождемъ, путь ему и указывался. Кіевляне изгнали отъ себя въ 1068 г. князя Изяслава Ярославича, какъ плохого военачальника, который не только не сумѣлъ защитить землю отъ половцевъ, но еще, вопреки желанію горожанъ, отказался продолжать борьбу съ ними. Причиной неудовольствія противъ Всеволода Ярославича было у кіевлянъ то, что онъ не самъ судилъ, а поручалъ судъ пристрастнымъ тіунамъ. Зато какъ дорожатъ кіевляне княземъ, который умѣетъ водить ихъ ополченіе къ побѣдѣ и справедливо держитъ судъ: Владимира Мономаха они призвали къ себѣ, нарушивъ правила княжескаго старшинства, только за его справедливость и большія военныя способности, и долго поминали добромъ этого князя, предпочитая имѣть на столѣ своего города его потомковъ.

Въ лицѣ Мономаха кіевляне цѣнили князя, на котораго во

всемъ и всегда можно положиться, который сумѣетъ словомъ или дѣломъ выпутаться самъ и спасти городъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ; они цѣнили доступность и справедливость Мономаха, знали, что при немъ люди всегда будутъ „доходити княжее правды“, что онъ не дастъ „пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ“. Мономахъ былъ храбрый защитникъ земли и справедливый судья, ревностный хранитель мира внѣшняго и внутренняго; за это его и любили кіевляне.

Вѣче правило волостью вмѣстѣ и наравнѣ съ княземъ, и, конечно, строгаго раздѣленія власти вѣча и князя не могло существовать въ то время. Люди тогда жили не по писанному закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для князей и для народа, но не вносившему никакого строгаго распорядка въ теченіе дѣлъ. Можно говорить, что вѣче управляло волостью, но и князь тоже ею управлялъ; ходъ этихъ двухъ управленій и опредѣлялся обычаемъ, „стариной“ и „пошлиной“. При всегда возможныхъ столкновеніяхъ, немалое значеніе пріобрѣтало то, какіе люди стояли во главѣ вѣча: очень ли рьяно стоявшіе за самостоятельность вѣча или нѣтъ; пожалуй, еще большее значеніе имѣло то, каковъ былъ князь—легко или не легко поддающійся вѣчевому требованію, умѣющій или не умѣющій съ нимъ ладить. Взаимныя чувства народа и князя опредѣляли все въ ихъ отношеніяхъ, какъ правителей. Любилъ народъ князя, какъ, напримѣръ, кіевляне любили Мономаха или сына его Мстислава, и тогда никакихъ разногласій не возбуждалось; а былъ князь не по нраву народу въ силу своего поведенія или характера, и тогда столкновенія его съ вѣчемъ бывали часты и не всегда оканчивались благополучно для князя.

У князей былъ свой распорядокъ владѣнія землей. Князья, потомки Рюрика, „володѣли“ Русской землей всѣмъ родомъ, всѣ сообща, и обыкновенно размѣщались въ волостяхъ по старшинству. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ болѣе выгодный и доходный городъ приходилось ему занимать. Умиралъ самый старшій, занимавшій кіевскій столъ, на его мѣсто становился слѣдующій за нимъ по старшинству, и за нимъ такъ, лѣствицей, передвигался по городамъ весь княжескій родъ. Но этотъ порядокъ скоро спутался. Съ ростомъ княжескаго рода перестали ясно различать, кто изъ князей старше, кто моложе; поднялись нескончаемые споры изъ-за старшинства. Самые города съ теченіемъ времени тоже нарушились въ степени своей доходности: богатый прежде городъ становился бѣднѣе, и, по обычаю, старшему князю приходилось тогда покидать богатый младшій городъ для бѣднаго старшаго. Все это и создало ту кровавую путаницу, которую принято называть временемъ княжескихъ усобицъ.

Въ это-то смутное время вѣча городовъ и стали рѣшительно высказываться въ пользу тѣхъ князей, какихъ сами хотѣли

имѣть, мало считаясь съ запутавшимся княжескимъ обычаемъ занимать города по старшинству. Когда умиралъ князь, горожане собирались на вѣче и сговаривались, кого изъ князей звать къ себѣ, если ближайшій по старшинству былъ не по нраву и если подъ силу было городу не допустить его къ себѣ. Рѣшивъ на вѣчѣ, кого выбрать себѣ въ князья, горожане посылали сказать пришедшемуся имъ по сердцу князю:—„Поиде, княже, къ намъ! Нашего князя Богъ поялъ, а мы хощемъ тебя и иного не хощемъ!“ Когда князь пріѣзжалъ въ городъ, вѣче цѣловало ему крестъ на вѣрность, а князь цѣловалъ крестъ передъ вѣчемъ въ томъ, чтобы ему „любити народъ и никого же не обидѣти“.

Такъ, напримѣръ, рядились кіевляне въ 1146 году съ княземъ Игоремъ, вмѣсто котораго на вѣчѣ присутствовалъ, замѣщая Игоря, его братъ Святославъ.

— Ныне, княже Святославе, — говорили кіевляне, — цѣлуй намъ хрестъ изъ братомъ своимъ (за брата своего): аще кому насъ будетъ обида, то ты прави!

Святославъ на это отвѣчалъ:

— Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ насилья никотораго же.

Затѣмъ кіевляне цѣловали крестъ Игорю.

Въ 1213 г. сынъ умершаго князя Всеволода Большое Гнѣздо, Ярославъ, пріѣхалъ въ городъ Переяславль Залѣсскій, созвалъ всѣхъ переяславцевъ и сказалъ имъ: „Братія переяславцы! се отецъ мой идя къ Богови и васъ отдалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ, да рците ми, братья, аще хощете мя имѣти себѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити?“ Переяславцы приняли князя Ярослава и цѣловали ему крестъ.

Заключая „рядъ“ съ княземъ, горожане уговаривались, какой доходъ долженъ получать князь съ города, какъ онъ долженъ судить, самъ ли, или чрезъ тіуновъ своихъ, т.-е. особыхъ, княземъ назначенныхъ судей; уговаривались далѣе о томъ, чтобы князь поручалъ управленіе отдѣльными частями страны мужамъ добрымъ и справедливымъ, и т. п.

По своей формѣ вѣче было непосредственнымъ участіемъ народа въ управленіи государствомъ, а не чрезъ представителей. Участвовать на вѣчѣ имѣлъ право каждый свободный взрослый и матеріально независимый горожанинъ. Но это право никого ни къ чему не обязывало. „Людинъ“ могъ пойти на вѣче, а могъ и не пойти, могъ тамъ стоять и молчать, могъ и говорить, отстаивая полюбившееся ему мнѣніе. Созывались вѣча, смотря по надобности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, а иной разъ и въ цѣлый годъ не созывалось ни одного. Созывать вѣче имѣлъ право каждый „людинъ“, но, конечно, пользоваться этимъ правомъ по капризу было опасно: можно было дорого поплатиться, и небольшія группы людей рисковали созванивать вѣче только тогда, когда были увѣрены, что вопросъ, подлежащій вѣчевому обсужденію, важный вопросъ, всѣмъ бли-

зокъ и всѣхъ интересуетъ. Обыкновенно вѣче созывалось по почину городовой старшины или князя. Созывалось вѣче или по звону особаго колокола, или чрезъ герольдовъ — бирючей. Сходилось на вѣче обыкновенно „многое множество народа“, и, конечно, такія собранія могли помѣщаться только подъ открытымъ небомъ.

Во всѣхъ городахъ были постоянныя мѣста для вѣчевыхъ собраній, но вѣче могло собираться и на другихъ мѣстахъ, если это почему-либо было удобнѣе. Такъ, въ 1147 году кіевляне собирались на вѣче разъ подъ Угорскимъ, другой — у Туровой божницы, несмотря на то, что у собора св. Софіи было

Горожане приглашаютъ князя къ себѣ на столъ.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

мѣсто, издавна предназначенное для вѣчевыхъ собраній: тамъ были даже подѣланы скамьи, на которыхъ вѣчники могли сидѣть. Случалось и такъ, что горожане, рѣзко раздѣлившись въ мнѣніяхъ, собирали одновременно два вѣча въ разныхъ мѣстахъ.

Особаго порядка совѣщаній на вѣчѣ не было. Какъ только соберется народъ и наполнитъ площадь, такъ и начиналось обсужденіе дѣла. Конечно, не всѣ, собравшіеся на вѣче, въ одинъ голосъ говорили и рѣшали всѣ дѣла; изъ всего „многолюдства“ выдѣлялись наиболѣе рѣшительные, смѣлые и лучше понимавшіе дѣло, они-то и вели весь разговоръ.

Размѣщались на вѣчѣ люди въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ серединѣ, ближе къ князю и епископу, къ городской старшинѣ, къ посаднику и тысяцкому, собирались тѣ, кто пользовался бо́льшимъ значеніемъ въ городѣ или за свое богатство, или за услуги, или по преклонному возрасту. Въ этой сравнительно небольшой кучкѣ и сосредоточивалось все обсужденіе

дѣла, а толпа присоединялась къ какому-либо одному изъ мнѣній, и тогда оно торжествовало. Бывало, разумѣется, и такъ, что толпа, возмущенная или раздраженная тѣмъ дѣломъ, которое обсуждалось, и пришедшая на вѣче съ заранѣе рѣшеннымъ мнѣніемъ, заставляла „лучшихъ людей“ принять то, что она принесла съ собой, быть-можетъ, послѣ долгихъ предварительныхъ разсужденій по дворамъ и горницамъ. При такихъ условіяхъ вѣче становилось иногда слишкомъ шумнымъ и безпорядочнымъ сборищемъ, и тогда „людіе,—по словамъ лѣтописи,—(были) яко взбѣснѣша, или яко звѣри дикіи, и рѣчи слышати не хотяху, біяху въ колоколы, кричаху и лаяху“...

Князь цѣлуетъ крестъ.
Съ рисунка въ Радзиវиловскомъ спискѣ лѣтописи.

При обсужденіи дѣлъ никакого подсчета голосовъ не велось, и требовалось всегда или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое было бы ясно видно и безъ всякаго подсчета голосовъ. Рѣшеніе вѣча, такимъ образомъ, дѣйствительно, исходило отъ всего города. Единогласіе получалось мирнымъ путемъ, если успѣвали сговориться и поставить на чемъ-нибудь одномъ; но если страсти разгорались, то дѣло рѣшалъ не словесный бой, а кулаки и топоры. Никакихъ записей того, что происходило на вѣчѣ, не велось; ни предсѣдателя ни руководителя преній не было, по крайней мѣрѣ лѣтопись не указываетъ на существованіе ихъ. Первый вопросъ предлагался вѣчу обыкновенно тѣмъ, кто его созвалъ, т.-е. княземъ, посадникомъ или кѣмъ инымъ, а затѣмъ начиналось самое совѣщаніе. Есть указанія въ лѣтописяхъ, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ для того, чтобы они своимъ говоромъ и

крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи противниковъ и способствовали проведенію мнѣній тѣхъ, кто подкупалъ ихъ.

Такъ какъ на вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія опредѣленныхъ лицъ въ опредѣленномъ числѣ, а нужно было только, чтобы присутствующіе были горожане, то составъ вѣча бывалъ очень непостояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Сегодня собрались въ такомъ соотношеніи, что большинство высказывается за извѣстную мѣру, а назавтра созвонили вѣче, собрались въ большинствѣ противники принятаго вчера рѣшенія, и вотъ принято вмѣсто вчерашняго противоположное ему. Но даже и въ тѣхъ случахъ, когда вѣче собиралось однородное, оно настолько зависѣло отъ настроенія духа подвижной массы своихъ членовъ, что очень легко мѣняло свои рѣшенія.

Кромѣ избранія князя, вѣче, какъ высшее правительственное учрежденіе, какъ правительство само, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ. Но вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшалъ также и князь. Какъ устраивались въ этомъ вопросѣ обѣ власти? Дѣло въ томъ, что князь и вѣче вѣдали войны, такъ сказать, различнаго характера. Если князь велъ войну на свой страхъ и рискъ, то вѣче въ нее не вступалось; если же князь требовалъ помощи горожанъ, то вершителемъ вопроса войны или мира становилось вѣче, и тогда оно имѣло рѣшающій голосъ.

Лѣтопись рисуетъ намъ не одну картину взаимоотношеній князя и вѣча на почвѣ вопросовъ войны и мира. Въ 1147 г. шла борьба между старшимъ внукомъ Мономаха, Изяславомъ, и его дядей, младшимъ сыномъ Мономаха, Юріемъ. Старинные противники Мономаховичей, черниговскіе Ольговичи предложили союзъ Изяславу. Изяславъ,—разсказываетъ лѣтопись,—созвалъ бояръ своихъ, всю дружину свою и всѣхъ кіевлянъ, т.-е. вѣче, и сказалъ имъ:

— Вотъ я съ братіей моей хотимъ пойти на дядю своего къ Суздалю. Пойдутъ съ нами и Ольговичи.

Кіевляне на это отвѣтили:

— Князь! Не ходи на дядю своего въ союзѣ съ Ольговичами, лучше уладь съ нимъ дѣло миромъ. Ольговичамъ вѣры не давай и въ одно дѣло съ ними не вступайся.

— Они крестъ мнѣ цѣловали, — отвѣтилъ Изяславъ, — и мы сообща порѣшили этотъ походъ; не хочу мѣнять моего рѣшенія, а вы помогите мнѣ.

— Князь, — сказали тогда кіевляне,—ты на насъ не гнѣвайся: не пойдемъ съ тобой, мы не можемъ поднять руку на Владимирово племя. Вотъ если на Ольговичей, такъ съ дѣтьми пойдемъ.

Тогда Изяславъ рѣшилъ итти одинъ съ дружиной и охотниками, кликнувъ кличъ по нихъ:

— А тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!

Воиновъ-охотниковъ собралось много, и Изяславъ двинулся въ походъ. Но кіевляне оказались правы: Ольговичи нарушили крестное цѣлованіе и измѣнили Изяславу. Положеніе, въ кото-

ромъ очутился Изяславъ, оказалось крайне опаснымъ. Тогда онъ отправилъ въ Кіевъ двухъ посланцевъ, Добрынку и Радила. Посланцы явились къ намѣстнику Изяслава, его брату Владиміру, и къ кіевскому тысяцкому Лазарю. Съ посланными Изяславъ такъ говорилъ брату Владиміру:

— Брате! Ѣди къ митрополиту и съзови кыяны вся, ать молвита си мужа лесть черниговскыхъ князій!

Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и созвонилъ, „повабилъ“ кіевское вѣче. И вотъ, повѣствуетъ лѣтопись,—„придоша кыянъ много множество народа и сѣдоша у святое Софьи. И рече Володимеръ къ митрополиту:

— Се прислалъ братъ мой два мужа кыянины, ать (т.-е. пусть) молвятъ братьѣ своей.

И выступи Добрынка и Радило и рекоста:

— Цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ, и кыяны вси.

Рекоша кыяне:

— Молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ?“

Посланные изложили тогда то, что велѣлъ имъ сказать Изяславъ, и отъ имени князя звали городское ополченіе итти къ Чернигову:

— А нынѣ, братья, поидета по мнѣ къ Чернигову; кто имѣетъ конь, ли не имѣетъ кто, ино въ лодьѣ: ти бо (т.-е. черниговцы) не мене единаго хотѣли убить, но и васъ искоренити.

Такимъ образомъ, требуя помощи горожанъ, князь указываетъ, что теперь походъ не его только личное дѣло, но и дѣло города.

Вѣче зашумѣло:

— Рады, что Богъ избавилъ тебя и братій нашихъ отъ великой напасти. Идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты того хочешь.

Но тутъ поднялся одинъ человѣкъ и сказалъ:

— Хорошо. Пойдемъ за княземъ, но подумаемъ и вотъ о чемъ. У насъ здѣсь сидитъ у св. Ѳеодора (т.-е. въ монастырѣ) врагъ нашего князя—Игорь. Помните, какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ отцы наши вывели не изъ монастыря, а изъ темницы князя Всеслава и посадили его на мѣсто Изяслава Ярославича, и что было, когда вернулся Изяславъ. Какъ бы не случилось и теперь того же. Мы уйдемъ къ Чернигову, а сторонники Игоря призовутъ его и сдѣлаютъ княземъ. Пойдемъ сначала убьемъ Игоря, а потомъ и двинемся къ Чернигову.

Противъ этого предложенія возстали митрополитъ и тысяцкій Лазарь; говорили противъ же старый тысяцкій Владиміръ и нѣкто Рагуйло. Но толпа не слушала ихъ и пошла убивать Игоря.

Война, начатая съ согласія вѣча, прекращалась, если народъ требовалъ заключенія мира. Въ такихъ случаяхъ вѣче

властно говорило князю: „Мирися, княже, мы не идемъ!“—какъ сказало кіевское вѣче князю Изяславу въ 1179 г., передъ приходомъ къ Кіеву князя Юрія Долгорукаго.

Точно такъ же, если князь хотѣлъ мириться противъ воли вѣча, то слышалъ такой отвѣтъ: „Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы!“—говорили въ 1177 г. ростовцы своему князю Мстиславу Ростиславичу, требуя продолженія войны съ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Во время похода князю тоже приходилось считаться съ желаніями городского полка. Въ 1178 г. князь Всеволодъ не хотѣлъ брать приступомъ городъ Торжокъ. Это возбудило неудовольствіе городского полка. „Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали,—сказалъ полкъ,—они, князь, лгутъ Богу и тебѣ!“—и городъ былъ взятъ приступомъ.

Кромѣ вопросовъ избранія князя и заключенія ряда съ нимъ, а также вопросовъ войны и мира, вѣче принимало участіе въ законодательствѣ. Такъ, князь Ростиславъ учреждалъ епископію въ Смоленскѣ (1150 г.), „сдумавъ съ людьми своими“, т.-е. съ согласія вѣча, и въ уставной грамотѣ епископу на права и доходы было сказано: „да сего не посуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе“, т.-е. ни князь ни вѣче, которое признается здѣсь наравнѣ съ княземъ источникомъ законодательнаго распоряженія. На вѣчѣ рѣшались вопросы международныхъ сношеній, особенно касавшіеся торговли, и въ договорахъ на ряду съ властями, княземъ и епископомъ, прописывался весь городъ, всѣ люди.

Такъ сосуществовали въ правительствѣ кіевскихъ временъ два начала — князь и вѣче. Сосуществованіе обѣихъ властей покоилось на единеніи ихъ, на ихъ согласіи, которое создавалось на почвѣ нужды другъ въ другѣ и иногда оформливалось даже договоромъ съ крестнымъ цѣлованіемъ. Права обѣихъ частей правительства были въ сущности одинаковы. Но князь, такъ сказать, существовалъ и проявлялся постоянно, вѣче же созывалось не всегда, дѣйствовало съ перерывами. Въ силу одного этого такія постоянныя дѣла, какъ судъ, управленіе, конечно, должны были болѣе сосредоточиваться въ рукахъ князя, и вѣче почти не вмѣшивалось въ нихъ. Оно требовало отъ князя праваго суда, однако жаловаться вѣчу на судъ князя было не въ обычаѣ. Но, оставаясь постоянно во главѣ текущихъ дѣлъ, князь не былъ избавленъ отъ извѣстнаго контроля своихъ дѣяній со стороны вѣча. Этотъ контроль устанавливался самъ собой въ силу гласности и несложности всѣхъ дѣлъ тогдашняго государственнаго строительства, а затѣмъ онъ обезпечивался участіемъ лучшихъ горожанъ, городской старѣйшины, въ постоянномъ совѣтѣ князя, въ его думѣ съ дружиной.

Торговый городъ на Руси X и XI вв. былъ въ то же время извѣстной военной организаціей; какъ купецъ тѣхъ временъ былъ одновременно и воиномъ и не могъ быть купцомъ, не будучи воиномъ, такъ и весь городъ былъ устроенъ на воен-

ную ногу. Для устройства торгово-военныхъ экспедицій и артелей древне-русскій городъ составлялъ полкъ, или тысячу. Эта тысяча дѣлилась на сотни и десятки. Во главѣ всей тысячи стоялъ тысяцкій, во главѣ сотенъ и десятковъ—сотники и десятскіе; сообразно съ этимъ дѣленіемъ и все управленіе и судъ въ волости распредѣлялись по сотнямъ и десяткамъ. Кромѣ тысяцкаго, лѣтописи упоминаютъ еще одно высшее должностное лицо въ городѣ—посадника. Можно думать, что посадникомъ называли лицо, замѣщавшее князя въ его отсутствіе, какъ судью и управителя. Посадникомъ, какъ и тысяцкимъ, могъ быть родственникъ князя, назначенный имъ на эту должность съ согласія вѣча, или даже избранный прямо вѣчемъ человѣкъ изъ „людей", когда князя не было у города; лѣтопись знаетъ посадниковъ и тысяцкихъ, назначенныхъ княземъ и безъ согласія вѣча. Тысяцкій, какъ можно думать по нѣкоторымъ глухимъ указаніямъ лѣтописи, былъ военнымъ начальникомъ, а посадникъ — гражданскимъ управителемъ и судьей города и его волости. Въ смыслѣ управленія тысяча обнимала собою, очевидно, городъ и городскую околицу, которая къ нему тянула; мѣстное ея населеніе дѣлилось на сотни и десятки. На обязанности тысяцкаго, какъ кажется, лежала и охрана внутренней тишины и спокойствія города и его волости.

Посадники, тысяцкіе, сотскіе были и изъ дружины князя и изъ наиболѣе уважаемыхъ и вліятельныхъ по своему богатству горожанъ. Богатые горожане въ силу своего первенствующаго положенія руководили вѣчемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею политической и хозяйственной жизнью города. Они были постоянными, осѣдлыми обитателями города, державшими въ своихъ рукахъ всю городскую силу, а князь со своей дружиной былъ обыкновенно временнымъ явленіемъ въ городѣ; хозяйственное благополучіе князя во многомъ должно было зависѣть отъ первенствующихъ на вѣчѣ и въ городской жизни богатыхъ горожанъ.

Князь въ своихъ дѣлахъ по суду и управленію, въ силу уже однихъ личныхъ удобствъ, долженъ былъ справляться съ мнѣніями и желаніями этихъ „старцевъ градскихъ". Объ участіи ихъ въ совѣтѣ князя извѣстно еще изъ временъ Владимира Святого. Вмѣстѣ съ наемными слугами князя, съ людьми, порядившимися ему на службу, съ дружиной князя, старцы градскіе составляли княжескую думу. Лѣтописецъ разсказываетъ, какъ Владимиръ Святой „по вся недѣля (т.-е. по воскреснымъ днямъ) устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити"; на эти пиры приглашались при князѣ и безъ князя бояре, младшіе дружинники — „гридь", сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи.

По лѣтописи, вопросъ о принятіи христіанства князь Владимиръ рѣшилъ по совѣту съ дружиной и старцами градскими. Участвуя въ совѣтѣ князя, городовая старшина тѣмъ и поддерживала единеніе князя съ вѣчемъ; люди сильные и вліятель-

ные, эти старцы градскіе, съ одной стороны, могли властно заявлять князю желанія и настроенія вѣча, а съ другой, подкрѣпляя своимъ авторитетомъ князя, въ совѣтѣ котораго участвовали, они могли вліятельно ратовать за него на вѣчѣ и поддерживать его передъ народомъ.

Непосредственными помощниками князя въ дѣлѣ военномъ и въ трудахъ мирнаго характера, по управленію и сбору дани и въ судѣ, были его дружинники. Когда лѣтописецъ разсказываетъ о русскихъ князьяхъ X—XII вв., ему всегда приходится вести рѣчь и о дружинѣ князей. И дома, въ своей мирной дѣятельности, и на войнѣ князь окруженъ дружиною; съ дружиной, не со всей, конечно, а „въ малѣ дружинѣ“ князь ѣдетъ въ гости къ родичу или на богомолье въ монастырь; съ дружиной князь держитъ совѣтъ, „думаетъ съ ней“, съ ней пируетъ; идутъ на княжій дворъ возмутившіеся горожане „прѣтися съ княземъ“, князь встрѣчаетъ ихъ „сѣдяще на сѣняхъ съ дружиною своею“. Дружинники—это близкіе къ князю люди, съ ними онъ дѣлитъ радость торжества и горе пораженія; съ ними онъ пируетъ свой свадебный пиръ, съ ними же оплакиваетъ умершаго отца или жену. „Бѣ Володимеръ,—читаемъ въ лѣтописи, — любя дружину и съ ними думая о строѣ земленемъ, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленемъ“.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшіе дружинники именуются въ лѣтописи „княжи мужи“ или „боляре“; младшіе носятъ названіе „отроковъ“, „дѣтскихъ“ или зовутся словомъ варяжскаго происхожденія „гридь“. Княжимъ мужамъ и боярамъ князья поручали „посадничество“ и „тіунство“, т.-е. намѣстничество въ волостяхъ и судъ со сборомъ дани; старшіе дружинники предводительствовали войскомъ князя и были его ближайшими помощниками и совѣтниками. Младшіе дружинники составляли основу военной силы князя и по порученію князя могли занимать различныя мелкія должности при его дворѣ и въ управленіи. И старшіе и младшіе дружинники были вольные слуги князя; они служили тому или иному князю, какому хотѣли, по уговору съ нимъ, за опредѣленное жалованье деньгами, землей или доходнымъ мѣстомъ. Вмѣстѣ съ князьями передвигались они изъ города въ городъ, по мѣрѣ того какъ передвигался по лѣствицѣ старшинства самъ князь. При этихъ переходахъ князей изъ волости въ волость вольные люди могли и не переходить вмѣстѣ съ княземъ и, оставаясь на мѣстѣ, вступали въ дружину другого князя. Вступая на службу къ князю, дружинникъ цѣловалъ крестъ на вѣрность и добро своему князю.

Князь со своей стороны долженъ былъ держать въ чести свою дружину, не жалѣть для нея ничего и обо всемъ всегда думать и совѣтоваться со своей дружиной. Считалось невозможнымъ рѣшать какое-либо дѣло соглашеніемъ однихъ князей безъ согласія ихъ дружинъ. Если князь „не любилъ думы съ мужами своими“, то это ставили ему въ упрекъ. „Съ мудрымъ думцею,—читаемъ въ одномъ тогдашнемъ сказаніи,—князь высокаго стола

додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ"; только тѣхъ князей „полки крѣпки и города тверды", у которыхъ „дума добра". Добрый князь считалъ себя обязаннымъ „любить и покоить" свою дружину, „являть" ей свою думу. Дружина Владимира Святого, какъ читаемъ въ лѣтописи, какъ-то выразила желаніе, чтобы князь приказалъ подавать на пирахъ золотую посуду, и Владимиръ исполнилъ это желаніе, замѣтивъ: „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины (т.-е. не добуду дружины), а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискался дружиною злата и сребра"... Изъ всего, что князь добывалъ войной и торговлей, значительную долю отдавалъ онъ сво-

Совѣщаніе князя съ дружиной.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

имъ дружинникамъ. Дружина въ свою очередь дѣло князя считала своимъ дѣломъ и была готова сложить голову за добраго къ ней князя: „Гдѣ твоя голова, князь, ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ!"—отвѣчали Святославу его дружинники на призывъ князя биться крѣпко съ врагами и не посрамить земли Русской. Но, если князь замышлялъ какое-либо дѣло безъ вѣдома дружины, дружинники говорили своему князю: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ: мы того не вѣдали".

„Князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ: онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта, но не считалъ возможнымъ остаться совсѣмъ безъ совѣтниковъ"... Князь Мстиславъ отставилъ отъ службы двухъ своихъ дружинниковъ за то, что ихъ холопы украли коней изъ княжескаго табуна. Отставленные дружинники, злобясь на Мстислава, наговорили другимъ князьямъ

во время похода въ степь, что Мстиславъ хочетъ схватить ихъ. Тѣ всполошились и потребовали отъ Мстислава, чтобы онъ поклялся крестомъ и св. Евангеліемъ, что не мыслитъ на нихъ лиха. Мстиславъ спросилъ свою дружину, какъ ему быть? Дружинники посовѣтовали князю Мстиславу согласиться на крестоцѣлованіе и сказали при этомъ: „Ты, князь, правъ передъ Богомъ и людьми; тебѣ нельзя было того (т.-е. измѣны братьямъ) безъ насъ ни замыслить ни сдѣлать, и мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь ко всей братіи“. Такъ дружина ручалась за правоту своего князя, потому что знала всѣ его намѣренія; вотъ почему

Князь посылаетъ дружину въ походъ.
Съ рисунка въ лицевой рукописи житія свв. Бориса и Глѣба.

при рѣшеніи споровъ князей, когда они цѣловали крестъ другъ другу на миръ и согласіе, цѣловала крестъ и дружина мирившихся князей.

При княжескихъ дворахъ XII и XIII вѣковъ находился довольно значительный кругъ сановниковъ; то были: *тысяцкій* съ *сотскими*—начальникъ городского ополченія, *дворскій* или *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоша*, *мечники*, *конюшій*, *сѣдельничій*, *покладникъ* или *постельничій*, *ловчій*, *ключники*, *тіуны*, *осменники* и *мытники*, *бирючи*, *подвойскіе*.

Одни изъ нихъ были дворцовые слуги невысокаго чина, какъ видно по названію должностей; другіе, напротивъ, составляли при князѣ высшее правительство. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ „великимъ боярамъ“, и въ разсказахъ лѣтописи они часто являются самыми видными и вліятельными сановниками. Высокое положеніе занимали также дворецкій, столь-

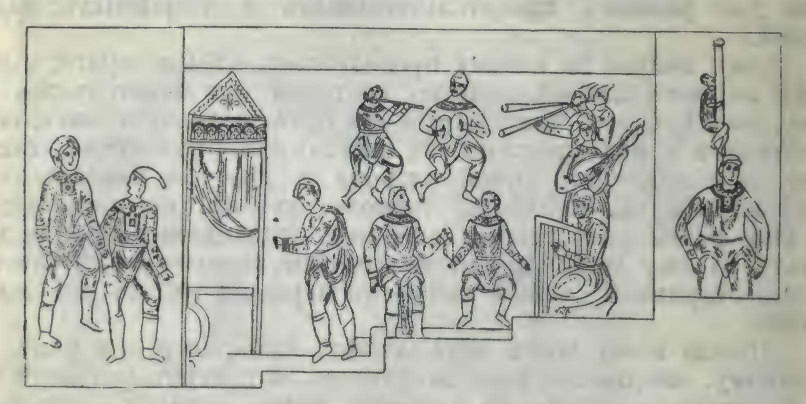
никъ, мечникъ, печатникъ. Часто упоминаются въ лѣтописяхъ тіуны. Тіуны служили у князя по хозяйству во дворцѣ и управляли его загородными селами; эти тіуны могли быть изъ холоповъ князя; но были еще правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества, даже въ столицѣ: они считались въ числѣ важныхъ сановниковъ съ большою властью.

Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и защитникъ земли. Это были разныя дани, судебныя и иныя пошлины. Сѣвъ на новомъ столѣ, князь размѣщалъ по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для разныхъ правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей.

Сами князья по своему происхожденію были варяги, и дружины первыхъ князей, конечно, состояли изъ варяговъ же. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ князья все болѣе ославянивались, ославянивались и ихъ дружины, въ составъ которыхъ стали входить лица и славянскаго происхожденія и другихъ народностей— финновъ, хазаръ, поляковъ, торковъ, печенѣговъ и половцевъ. Но еще долго-долго старые исконные дружинники любили указывать на свое варяжское происхожденіе, которое свидѣтельствовало о старинной службѣ князю въ первыхъ рядахъ его совѣтниковъ.

„Когда князь жилъ дома, совѣтъ собирался при немъ, повидимому, ежедневно, рано по утрамъ. Встрѣтивъ молитвой восходъ солнца, сходивъ въ церковь, князь садился „думать съ дружиной“ и „оправливалъ людей“, судилъ... Князь часто думалъ со своими мужами и въ полѣ на походѣ или въ станѣ подъ осажденнымъ городомъ. Походъ обыкновенно сопровождался рядомъ совѣщаній съ боярами; князь не дѣлалъ шага, не размысливъ съ дружиною, не повѣдавъ мужамъ думы своей и не спросивъ ихъ совѣта. Предметомъ совѣщаній, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ братіи, къ другимъ князьямъ. Какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ, предпринять ли походъ въ степь или въ другую русскую волость противъ соперника, какою итти дорогою, мириться ли съ врагами, какъ подѣлиться волостями: всѣ эти вопросы князья рѣшали „сгадавъ съ мужи своими“. Въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства... Лѣтопись иногда съ живымъ драматизмомъ изображаетъ ходъ думскихъ совѣщаній, описываетъ поднимавшіяся на нихъ пренія, передаетъ рѣчи, какія держали бояре къ князьямъ и князья къ боярамъ, излагаетъ возраженія, какія вызывалъ князь со стороны думцевъ своимъ предложеніемъ. Князь или соглашался съ боярами, или

же ему „бяшеть нелюбо, еже ему тако молвять дружина“, и онъ поступалъ по-своему... Иногда совѣтъ раздѣлялся и высказывались различныя мнѣнія; князь выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ вопросъ, присоединяясь къ одной изъ нихъ. Ходъ дѣла осложнялся еще вліяніемъ или прямымъ вмѣшательствомъ другихъ политическихъ силъ, съ которыми должны были считаться князь и его думная дружина: городского вѣча, духовенства, союзныхъ или служилыхъ инородцевъ... Въ особо важныхъ случаяхъ присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ мѣстный епископъ или его намѣстникъ“. Разъ на такомъ совѣщаніи, обсуждавшемъ походъ князя противъ его родича, уважаемый всѣми игуменъ одного кіевскаго монастыря никому не давалъ слова

Изображеніе скомороховъ и музыкантовъ.
Съ фрески на южной лѣстницѣ собора св. Софіи въ Кіевѣ.

молвить въ пользу похода, говоря: „Меньше грѣха нарушить крестное цѣлованіе, чѣмъ лить кровь христіанскую“. Онъ созвалъ „весь соборъ іерейскій“, который сказалъ князю: „Мирись! беремъ на себя твой грѣхъ“. Князь послушался собора и плакался объ этомъ всю жизнь, замѣчаетъ лѣтописецъ.

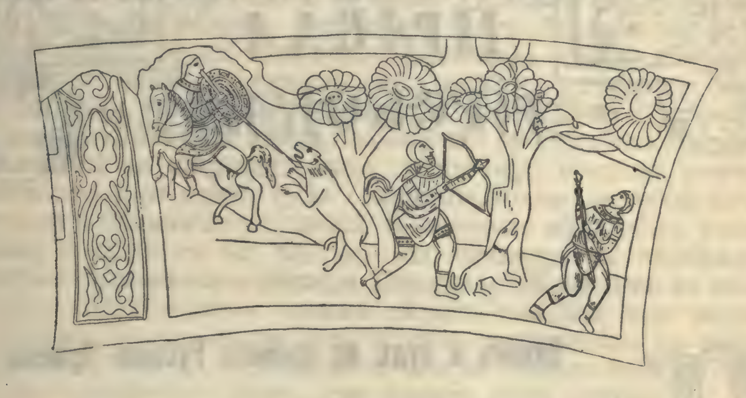
Дружинники передвигались по областямъ, слѣдуя за своимъ княземъ, по мѣрѣ того какъ онъ подвигался по лѣствицѣ родового старшинства изъ города въ городъ. Но съ половины XII в., когда на смѣну очередного по старшинству владѣнія начинаетъ устанавливаться иной порядокъ владѣнія и князья больше начинаютъ стремиться къ тому, чтобы создавать себѣ свои личныя владѣнія, которыя бы не выходили изъ нисходящаго потомства каждаго отдѣльнаго князя, боярство тоже становится болѣе осѣдлымъ. Бояре начинаютъ пріобрѣтать крупныя земельныя владѣнія и прочно устраиваться въ отдѣльныхъ княженіяхъ. Лѣтопись начинаетъ говорить о боярахъ кіевскихъ, черниговскихъ, галицкихъ. Эти бояре менѣе связаны съ княземъ, замѣтно больше заботятся о своихъ владѣніяхъ, о своемъ общественномъ положеніи въ волости, забираютъ въ свои руки вѣче, больше

служатъ землѣ и своимъ выгодамъ, нежели князю. Тогда, со второй половины XII в. и выростаетъ въ городахъ и волостяхъ Русской земли новое боярское сословіе, осѣдлые богатые землевладѣльцы. Паденіе торговли, замѣна этого, прежде главнаго источника народнаго богатства земледѣліемъ, конечно, еще болѣе усиливаетъ положеніе въ тогдашнемъ обществѣ землевладѣльческаго боярства.

Такъ можно въ общихъ чертахъ представить себѣ основу княжеско-вѣчевого и дружиннаго устройства правительства Русской земли въ кіевское время.

Главнѣйшія пособія: *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи", ч. I; *Его же*, „Боярская дума древней Руси"; *И. Линниченко*, „Вѣче въ Кіевской области"; *В. И. Сергѣевичъ*, „Вѣче и князь"; *А. Е. Прѣсняковъ*, „Княжое право въ древней Руси"; *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Обзоръ исторіи русскаго права" и другія сочиненія.

Заставка и буква—изъ Остромирова евангелія (1056—57 г.).

Изображенія сценъ охоты.
Съ фресокъ на южной сторонѣ
лѣстницы въ соборѣ св. Софіи
въ Кіевѣ.

Законъ и судъ во времена Русской Правды.

По мѣрѣ того, какъ создавалась Русская земля, усложнялись общественныя отношенія и возникало государство, постепенно вырабатывались и тѣ правила общежитія, которыми опредѣляется отношеніе людей другъ къ другу, всѣхъ къ каждому и каждаго ко всѣмъ, на основѣ общей пользы и выгоды ради всеобщаго мира и тишины; создавалось, другими словами, *право* страны, которое прежде всего и больше всего выражается въ судѣ, разбирающемъ тѣ столкновенія отдѣльныхъ лицъ другъ съ другомъ, которыя эти лица не въ силахъ помирить своими средствами, и имъ приходится обращаться къ той силѣ, власть и значеніе которой они признаютъ. Пока государства не было и люди жили отдѣльными родами и племенами, судьей всѣхъ споровъ и разногласій, карателемъ всѣхъ преступленій и проступковъ былъ въ родѣ—старѣйшина рода, въ племени—старѣйшина племени, одинъ или сообща съ наиболѣе старѣйшими главами отдѣльныхъ семей. Этотъ судъ творился на виду у всѣхъ и сводился къ тому, что устанавливалъ вину преступившаго обычаи человѣка и отдавалъ его въ распоряженіе того, кто потерпѣлъ

отъ обиды. Обычай установилъ и степень взысканія съ виновнаго. Если виновный нанесъ кому-либо матеріальный ущербъ, то долженъ былъ возмѣстить сдѣланную имъ кражу, потраву, порчу скота или оружія равноцѣннымъ изъ своего запаса; если виновный былъ убійцей, то самъ платилъ жизнью, падая отъ руки родственниковъ убитаго. Такимъ образомъ въ судѣ древнихъ временъ участвовали и лица, всѣми признаваемыя за судей, и сами судившіеся, потерпѣвшіе, получавшіе отъ суда право взыскать свой ущербъ съ обидчика.

Когда земли восточныхъ славянъ распались на городовыя области и въ каждомъ городѣ во главѣ власти стали князья и вѣча, то князь и вѣче сдѣлались источниками суда и расправы. Съ появленіемъ варяжскихъ князей судъ дѣлается даже болѣе княжескимъ, чѣмъ вѣчевымъ. И наша лѣтопись, когда разсказываетъ о призваніи князей, отмѣчаетъ, какъ главное назначеніе князя, держаніе суда людямъ. „Поищемъ себѣ князя иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“, — говорили новгородцы, посылая гонцовъ къ Рюрику и братіи его. Судъ становится доходной статьей князя, потому что за судъ онъ получаетъ особые взносы съ ищущихъ суда, и потому, конечно, всячески старается это свое право суда сохранить только за собой и оградить его отъ всякихъ покушеній со стороны вѣча. Это удается князьямъ; о судѣ въ XI, XII вв. мы читаемъ въ лѣтописяхъ, какъ явленіи княжескаго обихода. Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи“ приказываетъ своимъ дѣтямъ каждый день держать судъ людямъ. Князь Ростиславъ хотѣлъ постричься въ монахи, и печерскій игуменъ уговариваетъ его не дѣлать того, а лучше дѣяти свое княжеское дѣло—„въ правду судъ судити“.

Князь самъ, конечно, не могъ судить всѣ дѣла во всемъ княжествѣ и поручалъ обыкновенно вмѣсто себя держать судъ по городамъ своимъ намѣстникамъ—посадникамъ и управителямъ—тіунамъ. Эти довѣренные князя, его тіуны, оставили по себѣ недобрую память. То обстоятельство, что судъ являлся доходной статьей князя, которую онъ поручалъ въ завѣдываніе своимъ тіунамъ, за что давалъ имъ часть дохода, распаляло въ нихъ хищничество. Лѣтопись, какъ только заговоритъ о тіунахъ, то больше всего разсказываетъ о томъ, какъ „начаша тіуны грабити, людей продавати, князю не вѣдущу“. Такое поведеніе тіуновъ было столь обычно, что возникали вопросы: гдѣ имъ быть на томъ свѣтѣ за ихъ неправедное житіе и поступки? Конечно, на тіуна можно было жаловаться князю; но, во-первыхъ, частенько и самъ князь былъ лакомъ до „кунъ“, а во-вторыхъ, это намъ теперь легко говорить, что можно жаловаться князю, когда къ нашимъ услугамъ организованный порядокъ жалобы, пути и средства сообщенія, а вѣдь тогда часто за дверь своего дома нельзя было выйти безъ топора или рогатины въ рукахъ, всякое же путешествіе являлось подвигомъ.

Каждую зиму князь отправлялся обыкновенно на „полюдье“,

т.-е. за сборомъ дани съ подвластныхъ ему городовъ и мѣстностей. Останавливаясь на погостахъ, куда отдѣльные семьи и роды свозили дань, князь тутъ же и творилъ судъ. Дома, въ томъ городѣ, гдѣ считалась резиденція, князь творилъ судъ у себя на дворѣ, сидя на своемъ крыльцѣ. Кругомъ собирались дружинники. На дворѣ задолго до появленія князя толпились тяжущіеся и обвиняемые, свидѣтели и просто любопытные.

Одинъ за другимъ подходили тяжущіеся и обвиняемые къ крыльцу, разсказывали князю, въ чемъ заключается тяжба, или какое преступленіе совершилъ обвиняемый, и князь, поговоря съ дружинниками, выслушавъ хорошо знающихъ старые обычаи людей, стариковъ и свидѣтелей—„видоковъ“ и „послуховъ“, ставилъ свой приговоръ „по старинѣ и по пошлинѣ“, т.-е. по обычаю, какой пошелъ отъ предковъ. Кромѣ наказанія, виноватая сторона платила штрафъ въ пользу князя.

Писаннаго закона тогда не существовало, и приговоръ ставился на основаніи обычая, устно передававшагося отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Обычай основывался на естественныхъ побужденіяхъ человѣческой природы и мало считался съ какими-либо нравственными ограниченіями. Убьетъ кто-нибудь человѣка—близкіе родичи убитаго изъ естественнаго чувства мести стремились убить погубителя; побьютъ кого—побитый чувствуетъ злобу и добивается возможности выместить ее на обидчикѣ; украдутъ у кого-либо—потерпѣвшій, понятно, старается отыскать вора, отобрать у него похищенное, да еще постарается причинить вору какое-либо зло, чтобы отвадить его отъ воровства.

Такого рода побужденія и легли въ основу судебныхъ обычаевъ древности. „Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь“—вотъ основной смыслъ ихъ.

Принятіе и распространеніе христіанства нанесло рѣшительный ударъ такому положенію дѣла. Христіанство учило людей любить другъ друга, воздавать добромъ за зло, прощать враговъ. Христіанское ученіе говорило, что преступленіе—зло, нанесенное брату-человѣку другимъ человѣкомъ, и есть не только ущербъ, наносимый другому, и нарушеніе обычая людей, но и грѣхъ передъ Богомъ.

Возникъ затѣмъ рядъ житейскихъ явленій, въ которыхъ съ языческой точки зрѣнія не было ничего злого или преступнаго, не было видимаго ущерба или убытка, причиняемаго злой волей, но по христіанскому взгляду былъ грѣхъ; къ числу такихъ проступковъ относятся: многоженство, обида слабаго, разводъ, несоблюденіе церковныхъ правилъ, возвращеніе въ язычество новокрещенныхъ и др.

Судьями по такого рода дѣламъ стали епископы. Они, во-первыхъ, судили всѣхъ людей по всѣмъ церковнымъ дѣламъ; имъ подвѣдомственны были, напримѣръ. такія дѣла, какъ святотатство, разводъ и т. п.; во-вторыхъ, ихъ суду подлежали по

всѣмъ дѣламъ всѣ люди церковные, т.-е священники, монахи, клирошане, словомъ, всѣ тѣ, кто находился подъ покровительствомъ церкви.

С҃оудъ ıаро
славль володи
мирица :·:—
Правда роусьскаıа. а
жьоубьетьмоу
жьмоужа. томьсти
тибратоубрата
любоѡ҃цюлюбос҃ноу.
любобратоучадоу
любобратнюс҃нви
ѡжелинебоудеть
ктоегомьстıа. то
положитизаголо
воу п҃ гривнъ. аче
боудетькнıажь
моужь. илитиоу
накнıажа. ачели

Снимокъ съ рукописи Русской Правды изъ Кормчей 1280 г.

Первые епископы на Руси были греки, не знавшіе русскихъ судебныхъ обычаевъ, а межъ тѣмъ имъ приходилось судить по чисто-свѣтскимъ дѣламъ цѣлые разряды людей.

Тогда-то вотъ, для свѣдѣнія духовныхъ судей, и потребовалось записать судебные обычаи. Первая запись обычныхъ законовъ была сдѣлана, вѣроятно, во времена княженія Ярослава, сына Владимира Святого, поэтому эти первые русскіе записанные законы и называются Ярославовъ судъ, или Русская Правда, т.-е. русскій законъ. „Соудъ Ярославль Володимирица, правда роусьская",—такъ озаглавленъ древнѣйшій списокъ Правды.

Существуютъ два основныхъ текста Русской Правды—краткій и пространный. Краткій текстъ считается болѣе древнимъ и самостоятельнымъ, нежели пространный. Правда древнѣйшихъ списковъ не дѣлится на статьи; мало того, отдѣльныя предложенія не отдѣлены одно отъ другого никакими знаками препинанія. Самые списки Правды дошли до насъ въ сравнительно очень позднихъ копіяхъ, съ большими описками и ошибками, внесенными переписчиками; повторенія, пропуски, недописки, неясность изложенія—обычны въ спискахъ Правды. Для уразумѣнія текста древнѣйшей Правды ученые разбили его на статьи, руководствуясь смысломъ ихъ. Такихъ статей, или параграфовъ, въ древнѣйшихъ спискахъ установлено 25. Пространные списки Правды испещрены заголовками, которые написаны въ строку киноварью—красной краской. Статей въ пространной Правдѣ насчитывается до 159 по такъ называемому Троицкому списку конца XV вѣка. Древнѣйшіе списки Русской Правды, извѣстные доселѣ, относятся къ XIII вѣку. Читать Русскую Правду, особенно въ краткой ея редакціи, очень трудно. „Представьте себѣ рукопись,—говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ,—написанную хотя и четко, но со словами не вполнѣ написанными, а подъ титлами, со словами, не отдѣленными одно отъ другого, а поставленными слитно и безъ знаковъ препинанія. Не только слова не отдѣлены другъ отъ друга и придаточныя предложенія отъ главныхъ, но и главныя отъ главныхъ. Гдѣ прекращается мысль автора, что съ чѣмъ слито и что отъ чего отдѣлить—на это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ рукописи. Это дѣло самого читателя".

Списки пространной Правды находятъ въ Кормчихъ, т.-е. спискахъ церковныхъ законовъ, въ „Мѣрилахъ Праведныхъ" *), въ лѣтописяхъ. Краткая Правда записана только одинъ разъ въ Новгородскую лѣтопись. То обстоятельство, что пространная Правда встрѣчается въ Кормчей и Мѣрилѣ Праведномъ, и свидѣтельствуетъ, кто и зачѣмъ ею пользовался: конечно, духовные судьи при разборѣ свѣтскихъ дѣлъ или тяжбъ.

Если бы Русская Правда была офиціальной записью закона, въ нее, конечно, вошли бы статьи о такихъ судебныхъ обычаяхъ, которые являлись необходимой принадлежностью древняго суда даже въ московское время. Однимъ изъ такихъ обычаевъ было

---

*) Такъ назывались сборники, составлявшіеся въ старину и заключавшіе въ себѣ различныя статьи изъ Св. Писанія, судебнаго и законодательнаго характера, выписки изъ церковныхъ уставовъ и Русскую Правду; сборники эти, надо думать, служили своего рода руководствомъ для старинныхъ судей.

„поле“, т.-е. судебный поединокъ тяжущихся, ихъ драка оружіемъ до смерти или тяжелой раны одного изъ бойцовъ, причемъ побѣдившій и выигрывалъ тяжбу. Объ этомъ обычаѣ у русскихъ знаютъ греки и арабы X вѣка, знаетъ наше преданіе и позднѣйшая судебная практика московскаго времени. Но Правда молчитъ объ этомъ обычаѣ. Дѣло въ томъ, что духовенство всегда возставало противъ этого языческаго обычая; церковь даже наказывала епитимьей и покаяніемъ поединщиковъ. Понятно, что она не могла въ *свое* судебное руководство включить этотъ осуждаемый ею обычай и присуждать къ нему тяжущихся.

Снимокъ съ рукописи Русской Правды въ Троицкомъ „Мѣрилѣ праведномъ“ конца XV в.

Не найдемъ мы въ Русской Правдѣ и указаній на существованіе пытокъ и смертной казни. Тѣмъ не менѣе, и пытка и смертная казнь были извѣстны нашей древности. Только церковь, памятуя начала любви и всепрощенія, лежащія въ основѣ ея ученія, не могла самостоятельно прибѣгать къ этимъ кровавымъ обычаямъ и потому не включила ихъ въ свое судебное руководство. Къ тому же самыя тяжкія преступленія, какъ душегубство и татьбу съ поличнымъ, церковный судъ разбиралъ всегда съ участіемъ княжескаго суда, который, вѣроятно, и произносилъ, когда этого требовалъ обычай, смертный приговоръ. Существовалъ, такимъ образомъ, обычай осужденнаго церковнымъ судомъ предавать въ руки свѣтской власти и свѣтскаго суда, если приговоръ долженъ былъ вести за собой казнь. Въ лѣтописи есть указаніе, что христіанскіе епископы первые указали князю Владиміру, только-что оставившему язычество, на его право казнить разбойниковъ. Эти разбойники были, вѣроятно, тѣ ненавистники

христіанства, которые отказались принять крещеніе и скрылись въ лѣса около Кіева, откуда и повели борьбу съ новокрещенами. Лѣтопись разсказываетъ объ этомъ такъ. Когда умножились разбои около Кіева, то епископы пришли къ князю Владимиру и сказали ему:—„Вотъ умножились разбойники. Отчего не казнишь ихъ?“ Владимиръ отвѣтилъ:—„Боюсь грѣха!“. Епископы же сказали ему:—„Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; слѣдуетъ тебѣ казнить разбойниковъ, но, конечно, испытывая вину ихъ!“

Владимиръ отвергъ тогда виры, какъ назывался штрафъ за преступленіе, обычное наказаніе, которое несли по закону русскому преступники, и сталъ казнить ихъ. Но это новшество вызвало недовольство въ народѣ. Пришли тогда къ князю опять епископы, но уже въ сопровожденіи старцевъ градскихъ, и сказали:—„Рать многа; пусть лучше будетъ попрежнему вира!“ И Владимиръ сказалъ:—„Пусть такъ будетъ!“—и возстановилъ обычай отцовъ и дѣдовъ.

Съ теченіемъ времени обычай забывался, самихъ обычаевъ накопилось такъ много, что трудно стало держать ихъ въ памяти; было и такъ, что давно возникшіе обычаи не согласовались ни съ позднѣйшими ни съ новыми условіями жизни. При судопроизводствѣ происходила отъ всего этого путаница. Тогда и княжескій судъ началъ пользоваться записями судебныхъ обычаевъ.

Въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ Русской Правды, кромѣ записей старинныхъ судебныхъ обычаевъ, находимъ уставы и узаконенія князей кіевскихъ—Ярослава, его сыновей, Владимира Мономаха.

Князья давали свои уставы, когда возникала въ жизни такая потребность, которую въ судебномъ отношеніи нельзя было подвести ни подъ одинъ обычай. Такъ, напримѣръ, сыновья Ярослава отмѣнили подъ вліяніемъ христіанскаго ученія кровавую месть; отмѣнили они также убійство раба за оскорбленіе свободнаго человѣка; Владимиръ Мономахъ далъ уставъ о взиманіи процентовъ по займамъ, болѣе милостивый къ задолжавшимъ.

Въ Русской Правдѣ всякое дѣло называется „тяжбой“, или „тяжей“. Въ настоящее время то лицо, которое что-либо ищетъ на судѣ, которое вчинаетъ дѣло, называется истецъ, а тотъ, противъ котораго искъ направленъ, которое должно отвѣчать по тому, что съ него ищутъ, называется отвѣтчикомъ. Русская Правда и то и другое лицо называетъ истцами, такъ что при чтеніи ея трудно бываетъ иногда понять, объ истцѣ или объ отвѣтчикѣ она говоритъ.

Судъ временъ Русской Правды никогда не начинаетъ судить по собственному почину. Пострадавшій, истецъ, долженъ былъ самъ начать слѣдствіе, собрать свидѣтелей, улики и привлечь отвѣтчика къ суду. Такъ было даже въ случаяхъ убійства. Положимъ,

находили около села мертвое тѣло. Если убитый былъ человѣкъ никому неизвѣстный, то никакого слѣдствія и суда не было. Начать судебное дѣло могли только люди, близкіе убитому, его родственники. Родственники убитаго требовали отъ села или отъ улицы, въ предѣлахъ которой было совершено убійство, помощи для разысканія убійцы, собирали „видоковъ", т.-е. людей, видѣвшихъ убійство или знавшихъ о немъ. Обвиняемый со своей стороны искалъ „послуховъ", свидѣтелей своего добраго поведенія. Затѣмъ всѣ шли на судъ. „Послуховъ" надо было представить семь человѣкъ. При производствѣ суда случалось, что „видоки" и „послухи" „налѣзали", т.-е. являлись сами. Опросъ свидѣтелей и розыскъ покраденнаго такъ изображается въ статьяхъ Русской Правды:

„Если придетъ на дворъ (т.-е. въ судъ) человѣкъ въ крови или въ синякахъ, то свидѣтеля ему не искать, а обидчикъ пусть платитъ продажу—3 гривны; если же не будетъ на потерпѣвшемъ знаковъ, то пусть приведетъ свидѣтелей и пусть они покажутъ слово въ слово съ истцомъ, и тогда зачинщикъ заплатитъ обиженному 60 кунъ; а если придетъ въ крови, да самъ окажется зачинщикомъ и это подтвердятъ свидѣтели, то вмѣнить ему въ платежъ (т.-е. во взысканіе) то, что его побили".

„Кто купитъ на рынкѣ что-либо краденое, коня, одежду или скотину, тотъ пусть приведетъ въ свидѣтели двухъ свободныхъ мужей или мытника (мытъ—пошлина); если онъ станетъ говорить, что не знаетъ, у кого купилъ вещь, то итти за него тѣмъ свидѣтелямъ къ присягѣ; истцу взять свою вещь, а съ тѣмъ, что съ той вещью пропало, проститься; отвѣтчику же проститься со своими кунами, потому что не знаетъ, у кого купилъ; а если впослѣдствіи онъ узнаетъ, у кого купилъ, то пусть возьметъ свои куны; продавецъ же пусть заплатитъ хозяину вещи за то, что съ ней пропало, да продажу князю".

Судъ начинался съ того, что слѣдствіе повѣрялось путемъ допроса истца и отвѣтчика, ихъ присяги, поединка, суда Божія между ними путемъ испытанія ихъ желѣзомъ и водой. Въ заключеніе судъ произносилъ приговоръ.

Клятва при присягѣ называлась тогда „ротою". По договору Олега съ греками извѣстно, что язычники клялись Перуномъ, слагая съ себя щитъ и оружіе. Послѣ утвержденія христіанства присяга заключалась въ цѣлованіи креста и Евангелія при произнесеніи словъ, призывающихъ имя Божіе во свидѣтельство истины. Присягать могли и истецъ и отвѣтчикъ. Отказъ отъ присяги велъ за собой обвиненіе. Если обѣ стороны шли на присягу, то споръ ихъ долженъ былъ разрѣшиться поединкомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не довольствуясь показаніями „послуховъ", тогдашній судъ прибѣгалъ и къ такимъ мѣрамъ, какъ испытаніе огнемъ или водою. Состояло это испытаніе въ томъ, что обвиняемый, не сознающійся въ своей винѣ, долженъ былъ взять

голыми руками изъ огня кусокъ раскаленнаго желѣза или изъ котла съ кипящей водой вынуть камешекъ. Если рука оставалась невредимой—обвиняемаго оправдывали. Для рѣшенія спора между двумя сторонами, когда ни одна не хотѣла уступить, а показанія свидѣтелей разнились, прибѣгали къ жребію. Жеребья клались въ опредѣленномъ мѣстѣ, и слѣпецъ долженъ былъ взять одинъ изъ нихъ. Оправдывали того, чей жребій попадался подъ руку слѣпому.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого-нибудь украли какую-либо вещь и обокраденный находилъ ее у другого лица, а это лицо утверждало, что купило эту вещь у третьяго, собственникъ вещи вмѣстѣ съ тѣмъ, у кого онъ находилъ ее, шелъ къ тому, у кого держатель вещи купилъ ее; если этотъ продавецъ купилъ ее еще у кого-нибудь, то шли втроемъ къ тому, у кого она была куплена продавцомъ, и т. д. до тѣхъ поръ, пока не находили вора. Это хожденіе со двора во дворъ называлось „сводомъ". Обокраденный долженъ былъ производить его до суда, самъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ судья давалъ потерпѣвшему на помощь при сводѣ „отрока", т.-е. низшаго служителя при судьѣ.

Исполненіе приговора часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ свободный человѣкъ могъ „бити его развязавше", несостоятельнаго должника кредиторъ прямо съ суда самъ уводилъ къ себѣ домой или велъ на торгъ для продажи, спорную вещь собственникъ самъ бралъ у отвѣтчика.

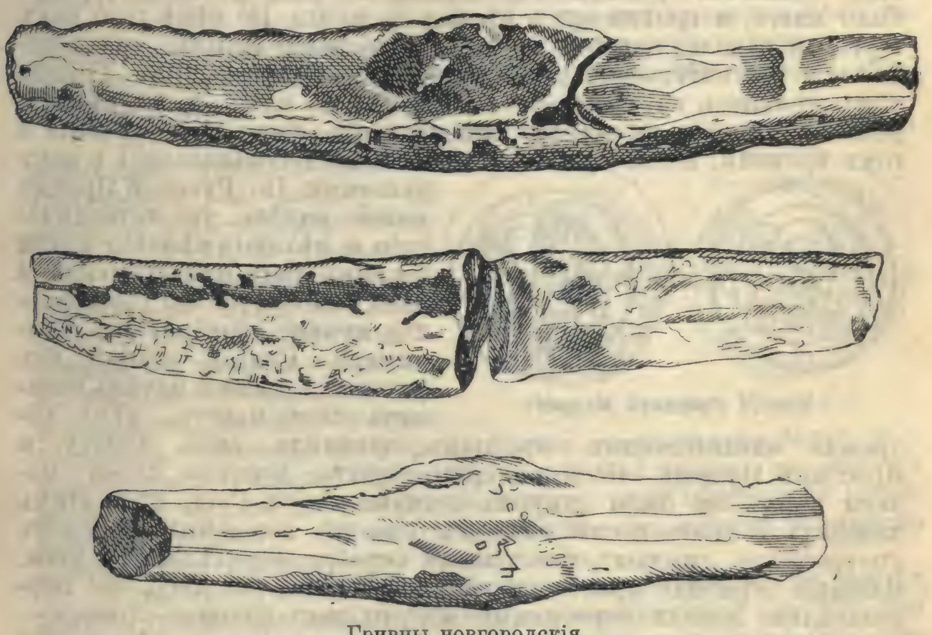
Главное содержаніе Русской Правды составляетъ опредѣленіе дѣяній, которыми одно лицо причиняетъ другому вредъ физическій или матеріальный. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія, сверхъ того, еще и правительственную кару со стороны князя.

Русская Правда начинается съ постановленій Ярослава и его сыновей относительно убійства; Ярославъ ограничилъ право кровавой мести, оставивъ его только за ближайшими родственниками убитаго, а сыновья Ярослава совсѣмъ отмѣнили месть за убійство. Эти первыя статьи гласятъ: „Ажь убьеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо братучаду, любо братню сынови; ожели не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ аче будеть княжь мужь или тивуна княжя, ачели будеть русинъ, любо гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояреськъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словенинъ—то 40 гривенъ положити дань", т.-е.: если убьетъ мужъ мужа, то мстить брату за брата, либо отцу, или сыну, либо двоюродному брату, или племяннику; а если некому будетъ мстить за него, то положить за голову 80 гривенъ, коли будетъ (убитъ) княжой мужъ или тіунъ княжой; если же (убитъ) будетъ русинъ, или гридь, либо купецъ, либо тіунъ боярскій, либо мечникъ, либо изгой, или словенинъ—то 40 гривенъ положить за него.

„По Ярославѣ же пакы съвъкупившеся сынове его Изя-

славъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Късначько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убиение за голову, нъ кунами ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“, т.-е.: послѣ же Ярослава опять собрались сыновья его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отмѣнили убіеніе за голову, но (установили) выкупаться кунами (т.-е. деньгами); а иное все, какъ Ярославъ судилъ, такъ и сыновья его уставили.

Штрафъ, который уплачивается по Русской Правдѣ преступникомъ-убійцей князю, назывался „вирой“; та сумма, кото-

Гривны новгородскія.

рую преступникъ платилъ родственникамъ убитаго, носила названіе „головничества“; если преступникъ не былъ убійцей и не причинилъ увѣчья, то штрафъ въ пользу князя назывался „продажа“, а вознагражденіе потерпѣвшему—„урокъ“.

Если село или улица, гдѣ было совершено убійство, не могла или не хотѣла выдать убійцу, то платила слѣдуемый штрафъ сообща по раскладкѣ; такой штрафъ назывался „дикая вира“.

Конокрадство и поджогъ карались „потокомъ и разграбленіемъ“; это значитъ, что преступника выгоняли изъ села или изъ города и отымали у него имущество.

Штрафы взимались тогдашними деньгами—гривнами кунъ. Гривной кунъ называли тогда слитокъ серебра, обыкновенно продолговатой сплющенной формы.

Слово „гривна“ значитъ фунтъ, а слово „куны“—деньги. Надо думать, что до появленія серебра мѣновымъ знакомъ у славянъ были мѣха, по преимуществу куньи. Названіе куны осталось и для обозначенія металлическихъ мѣновыхъ знаковъ. Въ разное время, сообразно тому, дешево или дорого на Руси было серебро, гривна кунъ имѣла не одинаковый вѣсъ. Въ X вѣкѣ она равнялась приблизительно $^1/_3$ фунта, въ XI и началѣ XII в. она вѣсила даже $^1/_2$ фунта, а къ концу XII и въ XIII в. уже только $^1/_4$ фунта. Серебро на Русь притекало путемъ торговли. X и XI вѣка являются расцвѣтомъ торговли Руси, поэтому серебра было много, и гривна кунъ вѣсила $^1/_2$ фунта. По мѣрѣ того, какъ торговля падала, привозъ серебра становился меньше, оно дорожало, и соотвѣтственно уменьшался вѣсъ гривны кунъ. Гривна кунъ дѣлилась на части—на 20 ногатъ, 25 кунъ и 50 рѣзанъ; рѣзана дѣлилась на векши; эти названія—тоже воспоминанія о томъ времени, когда драгоцѣнными мѣхами пользовались и какъ деньгами. По Русской Правдѣ можно видѣть, что металлическіе и мѣховые мѣновые знаки были въ ходу одновременно и одна мѣховая ногата равнялась $2^1/_2$ кунамъ серебрянымъ. Владимиръ Святой первый изъ русскихъ князей началъ чеканить свою монету, явно подражая византійскимъ образцамъ; чеканилъ свою монету и Ярославъ Мудрый. Но эти первые опыты чеканки своей монеты врядъ ли были широко поставлены, и Русь при этихъ князьяхъ и долго послѣ нихъ въ смыслѣ денежныхъ знаковъ употребляла „гривны“, т.-е. слитки серебра опредѣленнаго вѣса. Названіе „гривна“ произошло, какъ думаютъ, отъ того, что первоначально носили серебряные обручи, какъ шейное—гривное—украшеніе; части ожерелья опредѣленнаго вѣса и образовали гривны кунъ.

Монета Ярослава Мудраго.

Въ Русской Правдѣ точно и аккуратно расцѣнено, когда и сколько долженъ платить обвиненный или неправый. Такъ, напримѣръ, по Русской Правдѣ за убійство полагалось:

За княжого отрока, или конюха, или повара—40 гривенъ (за голову).

За сельскаго тіуна княжого или земледѣльческаго—12 гривенъ; за рядовича (наемнаго рабочаго)—5 гривенъ; столько же и за боярскаго (тіуна и рядовича).

За ремесленника и ремесленницу—12 гривенъ.

За смерда (простолюдина) и за холопа—5 гривенъ; за рабу—6 гривенъ.

За кормильца (дядьку)—12 гривенъ; столько же и за кормилицу, будетъ ли это холопъ или раба.

Если кто ударитъ кого батогомъ, либо чашей, либо рогомъ,

либо тыльной (тупой) стороной меча, то 12 гривенъ; а если (обиженный), не стерпѣвъ того, ударитъ мечомъ (обидчика), то вины ему въ томъ нѣтъ.

Если кто поранитъ другому руку и рука отпадетъ или отсохнетъ, или поранитъ ногу, глазъ или носъ, то платитъ полувирье, 20 гривенъ, а потерпѣвшему за увѣчье 10 гривенъ.

Кто отрубитъ другому какой-либо палецъ—3 гривны продажи (т.-е. пени князю), а самому потерпѣвшему—гривну кунъ.

Если толкнетъ мужъ мужа, либо (рванетъ) къ себѣ, либо (оттолкнетъ) отъ себя, либо по лицу ударитъ, или жердью ударитъ, а явятся двое свидѣтелей, то 3 гривны продажи; если же обвинять будутъ варяга или колбяга (т.-е. иностранца), то должно выставить полное число свидѣтелей (противъ обидчика) и принести присягу.

Такъ же тщательно разсчитаны „уроки“ и „продажи“ за похищеніе чужого имущества. Напримѣръ: за кобылу—60 кунъ, за вола—гривну, за корову—40 кунъ, за „третьяку“, т.-е. трехлѣтку (лошадь или корову)—30 кунъ, за „лоньщину“, т.-е. двухлѣтку—полгривны, за теленка — 5 кунъ, за свинью — 5 кунъ, за поросят—ногату, за овцу—5 кунъ, за барана — ногату, за жеребца „оже не вьсѣдано нань“, т.-е. неѣзженнаго — гривну кунъ, за жеребя—6 ногатъ, за коровье молоко—6 ногатъ. Это все урочныя цѣны (или платежи потерпѣвшему за покражу) для смердовъ, которые (въ случаѣ воровства) платятъ еще продажу (или пеню) князю.

Монета Ярослава Мудраго.

Такъ въ Русской Правдѣ оцѣнено и переведено на деньги всякое преступное дѣяніе. Оцѣнивая назначаемыя по Русской Правдѣ наказанія, проф. В. О. Ключевскій говоритъ, что хотя Русская Правда и умѣетъ отличать обиду, причиненную лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу, но и личную обиду разсматриваетъ преимущественно съ точки зрѣнія хозяйственнаго ущерба. Она строже наказываетъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т.-е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: жизнь за жизнь, зубъ за зубъ. Потомъ возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: гривна за гривну, рубль за рубль. Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Правда не заботится ни о предупрежденіи пре-

ступленій ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ будто говоритъ преступнику: „Бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ“.

Эта такса, какъ видно изъ приведенныхъ статей, разработана очень тщательно. За одни преступленія полагается и штрафъ въ пользу князя и возмѣщеніе убытка потерпѣвшему, а за другія—только потерпѣвшему. Это значитъ, что Правда различала преступленія, грозившія цѣлому обществу, отъ преступленій, наносившихъ ущербъ только отдѣльному лицу, т.-е. различала дѣла уголовныя и гражданскія, говоря на языкѣ нашего времени и быта.

Гражданскія дѣла—это тѣ, гдѣ разбираются споры двухъ сторонъ изъ-за чего-либо, напримѣръ, изъ-за наслѣдства, изъ-за имущества и т. п. Въ гражданскомъ дѣлѣ нѣтъ преступника или обвиняемаго, а есть только спорящіе изъ-за права. Въ уголовныхъ дѣлахъ разбираются проступки лицъ, причинившихъ вредъ окружающимъ. Напримѣръ, убійство, составленіе подложнаго духовнаго завѣщанія, кража — все это дѣла уголовныя. Въ уголовномъ дѣлѣ есть преступникъ и потерпѣвшій. Дѣло суда—покарать преступника въ возмездіе за зло, причиненное имъ, и возстановить, насколько можно, нарушенную злой волей справедливость. Въ гражданскомъ дѣлѣ судъ никого не караетъ, а только разбираетъ тяжбу, устанавливаетъ право тяжущихся по закону на предметъ ихъ тяжбы и взыскиваетъ развѣ только судебныя издержки съ тяжущихся.

Въ этомъ отношеніи интересны тѣ статьи Русской Правды, въ которыхъ говорится о томъ, какъ наслѣдуется имущество послѣ умершаго. Здѣсь опредѣлено, какая часть выдается вдовѣ, дѣтямъ и другимъ родственникамъ, когда наслѣдство должно отойти къ князю, кто разбираетъ на судѣ споръ о наслѣдствѣ и какое вознагражденіе ему за это полагается.

Правда вникала въ характеръ преступленія и различала, напримѣръ, преступленія, совершенныя въ запальчивости, отъ тѣхъ, которыя были слѣдствіемъ злого умысла. За убійство въ ссорѣ она налагала меньшее наказаніе, нежели за разбой; если кто зарѣжетъ по злобѣ чужого коня или скотину, тотъ долженъ былъ уплатить урочную цѣну владѣльцу животнаго и платилъ усиленную „продажу“ князю. Если кто у кого выдернетъ бороду или вырветъ усъ, то платитъ за обиду 12 гривенъ; за отрубленный же палецъ полагалось 3 гривны пени. Слѣдовательно замѣтное обезображеніе, хотя и менѣе тяжкое, наказывалось иногда болѣе сурово, чѣмъ значительное сравнительно увѣчье.

Итакъ, въ Русской Правдѣ все сведено на деньги, на уплату деньгами или имуществомъ за понесенный вредъ. Плата покрываетъ все и является возмездіемъ за преступленіе.

Понятія о преступленіи, какъ о грѣхѣ не только [передъ людьми, но и передъ Богомъ, задачи исправленія преступника наказаніемъ—нѣтъ въ Русской Правдѣ. Этотъ „законъ русьскый“ преслѣдуетъ совсѣмъ иныя цѣли, поставленныя ему тогдашней жизнью.

Идеаломъ жизни было въ тѣ времена „богатырство“, когда человѣкъ былъ богатъ и силенъ, хорошо вооруженъ и имѣлъ много имущества, которымъ жилъ и торговалъ; и по Русской Правдѣ имущество человѣка цѣнится дороже его здоровья и безопасности; одна пеня князю въ 3 гривны кунъ и одно возмѣщеніе убытка — 1 гривна — грозитъ и за отсѣченіе пальца и за покражу охотничьяго пса на мѣстѣ лова. Произведеніе труда для Правды важнѣе рабочей силы человѣка; поэтому имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечиваются въ Правдѣ личностью человѣка; если купецъ, торговавшій въ кредитъ, дѣлался несостоятельнымъ по своей винѣ, то кредиторы могли продать его въ рабство; наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду и обязавшійся за нее работать на хозяина, терялъ личную свободу и превращался въ раба, полнаго холопа, за попытку убѣжать отъ хозяина не расплатившись.

По отношенію къ князю Правда дѣлитъ все общество на два слоя: на княжихъ мужей и людей. „Княжими мужами“ Правда называетъ тѣхъ, кто служитъ князю, составляетъ его дружину. Это были военные люди, которые дрались съ врагомъ плечо-о-плечо со своимъ княземъ и помогали ему во всѣхъ дѣлахъ его княженія; за это они получали жалованье и полное содержаніе отъ князя. „Людьми“ Правда называетъ всѣхъ свободныхъ жителей селъ и городовъ. Люди несвободные, рабы, называются въ Правдѣ холопами. По Русской Правдѣ холоповъ не всегда даже можно счесть за людей: Правда относится къ нимъ, какъ къ вещамъ или рабочей силѣ, находящейся въ полномъ распоряженіи хозяина; за убійство холопа Правда требуетъ не виры и головничества, а „продажи“ въ пользу князя и „урока“ въ пользу хозяина, какъ за порчу чужой вещи; если же убійцей холопа былъ его хозяинъ, то онъ не несъ никакого наказанія, кромѣ церковнаго покаянія.

„Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, да убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платитъ за него господину 12 гривенъ; а затѣмъ, если гдѣ тотъ обиженный встрѣтитъ своего обидчика, который его ударилъ, то Ярославъ установилъ-было убить холопа, а сыновья его, по смерти отца, уставили денежный выкупъ: взять съ господина гривну кунъ за соромъ, либо разложить холопа и побить (но не убить)“.

Холопами становились всѣ взятые въ плѣнъ, и это былъ тогда самый обильный источникъ холопства; затѣмъ холопами становились всѣ неоплатные должники; дѣти холоповъ, „плодъ отъ челяди“, конечно, тоже были холопы, и Русская Правда

считаетъ ихъ одинаково съ приплодомъ отъ скота собственностью господина, которая переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Холопство могло возникать и по доброй волѣ. Русская Правда перечисляетъ три источника такого холопства обельнаго, или полнаго: 1) продажа себя въ присутствіи свидѣтеля хотя бы за полгривны, 2) женитьба на рабѣ и 3) поступленіе на службу къ кому-либо тіуномъ или ключникомъ безъ уговора о срокѣ службы— „тиуньство безъ ряду, или привяжетъ къ собѣ ключь безъ ряду“.

По имущественному состоянію Русская Правда различаетъ бояръ, смердовъ и наймитовъ, или ролейныхъ закуповъ. Бояриномъ Русская Правда называетъ богатаго рабовладѣльца и землевладѣльца, обладающаго большими количествами пахотной земли и лѣсныхъ угодій. Это значитъ, что обладатель большого денежнаго капитала захватывалъ для пользованія большія пространства земли, а подчиненные ему люди, его рабы и наймиты использовали эти земли въ интересахъ своего хозяина. Такіе бояре выходили и изъ среды княжескихъ дружинниковъ и изъ среды богатыхъ горожанъ.

Но преимущественно называютъ тогда бояриномъ служилаго человѣка—„княжа мужа“. Смердами Русская Правда называетъ людей, которые обрабатывали землю отъ себя, а наймитами, или ролейными (ролья—пашня) закупами, она называетъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые селились на земляхъ, занятыхъ другими, брали у собственниковъ земли ссуду на ея обработку и обязывались уплачивать свой долгъ какъ трудомъ, такъ и натурой. Это были полусвободные люди, которыхъ извѣстный хозяйственный неуспѣхъ легко превращалъ въ холоповъ. Хозяинъ могъ тѣлесно наказывать наймита, на судѣ свидѣтельство наймита принималось лишь въ очень незначительныхъ случаяхъ, даже за нѣкоторыя преступленія, напримѣръ, за кражу, наймитъ отвѣчалъ не самъ, и пеню за него платилъ хозяинъ, въ полнаго холопа котораго наймитъ и превращался послѣ этого.

Особенно тонко и отчетливо разработаны въ Правдѣ статьи, касающіяся различныхъ имущественныхъ сдѣлокъ и обязательствъ. „Правда,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—строго отличаетъ отдачу имущества на храненіе—„поклажу“ отъ „займа“, простой заемъ, одолженіе по дружбѣ—отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго условленнаго процента, процентный заемъ краткосрочный отъ долгосрочнаго и, наконецъ, заемъ—отъ торговой комиссіи и вклада въ торговое компанейское предпріятіе изъ неопредѣленнаго барыша, или дивиденда. Правда даетъ, далѣе, опредѣленный порядокъ взысканія долговъ съ несостоятельнаго должника при ликвидаціи его дѣлъ, умѣетъ различать несостоятельность злостную отъ несчастной. Что такое торговый кредитъ и операція въ кредитъ — хорошо извѣстно Русской Правдѣ. Гости, иногородные или иноземные купцы „запускали товаръ“ за купцовъ туземныхъ, т.-е. продавали имъ въ долгъ. Купецъ

давалъ гостю, купцу-земляку, торговавшему съ другими городами или землями, „куны въ куплю“, т.-е. на комиссію для закупки ему товара на сторонѣ; капиталистъ ввѣрялъ купцу „куны въ гостьбу“, т.-е. для оборота изъ барыша“.

Русская Правда содержитъ въ себѣ рядъ статей о взиманіи процентовъ. „Если кто отдастъ куны въ рѣзъ (т.-е. въ ростъ, или на проценты), или медъ въ наставъ, или жито въ присыпъ (т.-е. съ процентами), то слѣдуетъ ему ставить свидѣтелей: какъ онъ уговаривался, такъ ему и взять ростъ. Мѣсячный рѣзъ за малое время брать по уговору; а если зайдутъ куны за годъ (и не послѣдуетъ въ этотъ срокъ уплаты), то взять заимодавцу куны въ треть (т.-е. за двѣ куны—третью, или 50 процентовъ), а мѣсячный рѣзъ не считать; если же не будетъ свидѣтелей... то рчи ему тако: промиловалъ еси (т.-е. промахнулся) оже еси не ставилъ послуховъ (свидѣтелей)“. Мономахъ установилъ: 1) если кто взялъ три раза „куны въ треть“, то терялъ право на полученіе самаго капитала, и 2) понизилъ проценты по займамъ, установивъ брать 20%.

Такимъ образомъ Русская Правда является выраженіемъ и отраженіемъ такихъ интересовъ, которые могли выработаться въ обществѣ, главнымъ занятіемъ котораго является торговля. Въ Правдѣ все переведено на деньги, за преступленія она наказываетъ денежными взысканіями, самое преступленіе разсматривается ею только какъ хозяйственный ущербъ, который виноватый долженъ возмѣстить. Сложиться такія законодательныя постановленія, конечно, могли только въ большомъ торговомъ городѣ, всѣ интересы жителей котораго являются такъ или иначе связанными съ торговлей. Если бы мы не знали по другимъ источникамъ, какое значеніе въ жизни Руси X—XII вв. имѣла торговля, то характеръ сохранившихся въ Русской Правдѣ законовъ заставилъ бы насъ это почувствовать.

Главнѣйшія пособія: *Н. Л. Дювернуа*, „Источники права и судъ въ древней Россіи“; *М. Ф. Владимирскій-Будановъ*, „Обзоръ исторіи русскаго права“; *Его же*, „Хрестоматія по исторіи русскаго права“, вып. I; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“, ч. I; *В. И. Сергѣевичъ*, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, т. I; *М. А. Дьяконовъ*, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“; *Н. А. Максимейко*, „Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды“, и другія сочиненія.

Заставка и буква со списка Русской Правды XIII в.

Монета Владимира Святого съ надписью: „Святого Василія“.

Въ лѣтописи подъ 6562 годомъ отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова подъ 1054, читаемъ: „Преставися великый князь русьскый Ярославъ“. Далѣе лѣтопись повѣствуетъ, какъ Ярославъ, лежа на смертномъ одрѣ, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „Вотъ я отхожу отъ этого міра, дѣти мои! Любите другъ друга: вѣдь вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ въ вами; Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ вашихъ, и будете вы жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую пріобрѣли они трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, заботясь другъ о другѣ. Свой столъ, Кіевъ, поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; Святославу даю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Игорю—Владимиръ Волынскій, Вячеславу—Смоленскъ“... Ярославъ наказалъ затѣмъ сы-

новьямъ „не преступати предѣла братня, ни сгонити“. Потомъ, обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: „Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидять“.

Трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси до Ярослава. Родоначальникъ русскихъ князей, Рюрикъ, былъ призванъ княжить вмѣстѣ съ братьями, „съ родомъ своимъ“. Кажется, это начало, княженіе родомъ, и легло изстари въ основу княжескаго владѣнія на Руси кіевскихъ временъ. Какъ скоро у князя подрастало нѣсколько сыновей, каждый изъ нихъ получалъ отъ отца какую-нибудь волость въ княженіе. Святославъ, оставшійся послѣ отца своего Игоря малолѣтнимъ, еще при жизни его княжилъ въ Новгородѣ. Самъ Святославъ, собираясь въ походъ противъ болгаръ, роздалъ волости тремъ своимъ сыновьямъ въ княженіе. Сыновья Владимира Святого тоже получили отъ отца волости. Можно подмѣтить, что и послѣ смерти отца извѣстная зависимость младшихъ отъ старшаго не нарушалась. Когда по смерти Владимира Святого дружина стала совѣтовать одному изъ младшихъ князей, св. Борису, занять кіевскій столъ помимо старшаго его брата Святополка, то Борисъ отвѣчалъ: „Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто“. Въ 1024 году Мстиславъ одержалъ побѣду надъ старшимъ своимъ братомъ Ярославомъ, но не хотѣлъ взять кіевское княженіе мимо старшаго и послалъ сказать побѣжденному: „Сяди Кыевѣ, ты еси старѣйшей братъ!..“

Славяно-русскій воинъ X—XI вв.

Ярославъ былъ послѣднимъ „самовластцемъ Рустѣй земли“, державшимъ „власть русскую всю“. По смерти его единовластіе болѣе уже не повторяется, потому что родъ Ярослава размножается все болѣе и болѣе, и княжеская власть въ Русской землѣ постоянно дѣлится и передѣляется между подрастающими князьями. Въ этихъ безконечныхъ передѣлахъ можно установить существованіе извѣстнаго порядка, на основѣ котораго эти передѣлы происходили. Порядокъ этотъ основывался на „родствѣ“ князей, на ихъ общемъ происхожденіи отъ одного родоначальника, и устраивался на степени старшинства князей по отношенію къ родоначальнику. Такимъ образомъ можно представить себѣ, что князья, потомки Рюрика, княжили въ Русской землѣ

всѣмъ родомъ, имѣя старшаго во главѣ. Всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ родомъ, охраняли они Русскую землю отъ ея враговъ; всѣ одинаково „творили судъ и правду людемъ“ каждый въ своей волости. При жизни отца сыновья его сидѣли князьями въ главныхъ городахъ земли. Когда князь-отецъ, старшій во всемъ княжескомъ родѣ, умиралъ, на его мѣсто становился слѣдующій по старшинству князь. Онъ становился для всѣхъ „въ отца мѣсто“. Какъ отецъ, старшій князь долженъ былъ блюсти выгоды всего рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей. „А ты, брате, въ Володимери племени старѣй

Славяно-русскіе **воины** X—XI вв.

еси насъ,—говорили младшіе князья, обращаясь къ старшему,— а думай, гадай о Русской землѣ, и о своей чести, и о нашей!“

Старшій князь долженъ былъ разбирать ссоры младшихъ и мирить ихъ, наблюдалъ, чтобы каждый князь сидѣлъ въ своемъ городѣ и не зарился на братнее добро; старшій князь заботился объ осиротѣлыхъ семьяхъ князей, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ и женилъ сиротъ-сыновей.

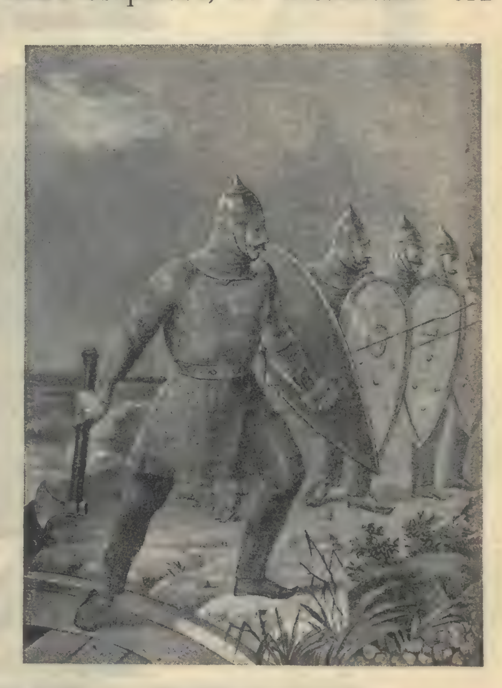
Младшіе князья должны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ „въ правду“, „ходить въ его волѣ“, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда старшій велитъ.

Младшій князь, какъ тогда говорили, „ѣздилъ подлѣ стремени старшаго“, „былъ въ его волѣ“, „смотрѣлъ“ на него.

„Нынѣ, отче, кланяютися, прими мя, яко сына своего... тако же и мене,—говорилъ младшій, обращаясь къ старшему, — ать ѣздить (сынъ твой) подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тобѣ, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю всими своими полкы“.

Но если младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцомъ „въ правду“ и слушаться его, какъ отца, то и старшій былъ обязанъ любить младшаго, какъ сына, „имѣть весь родъ, какъ душу свою“.

Старшій князь былъ старшимъ для князей, а не для земли, т.-е. не былъ государемъ надъ всей землей. Онъ княжилъ въ Кіевской области, какъ другіе князья княжили въ своихъ областяхъ. Князья почитали въ немъ старшаго, но независимо отъ него творили судъ и правду людямъ въ своихъ княженіяхъ. Связанные единствомъ происхожденія отъ одного родоначальника, князья твердо помнятъ, что они братья, такъ братьями они всегда и именуютъ другъ друга. Волости Русской земли въ общемъ были однородны по племенному составу, прочно связаны одна съ другой хозяйственнымъ и торговымъ интересомъ, народъ вездѣ исповѣдывалъ одну религію, вся земля имѣла одно общее церковное устройство, съ митрополитомъ кіевскимъ во главѣ. Это была одна земля, въ разныхъ областяхъ которой княжили князья одного рода, называвшіе себя братьями и помнившіе, что они должны всѣ вмѣстѣ, но каждый держа свою волость, „думать и гадать“ о всей Русской землѣ, „поборать за всѣ христіаны“, „блюсти Русскую землю и имѣть рать съ погаными“.

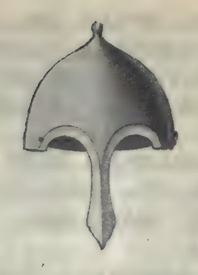

Вооруженіе русскихъ воиновъ въ X и XI вѣкахъ.

Обыкновенно, сдѣлавшись старшимъ, князь „дѣлалъ рядъ“ съ младшими о томъ, кому въ какомъ городѣ сидѣть. Дѣла, касавшіяся всѣхъ князей, какія-либо предпріятія сообща, обсуждались князьями предварительно на съѣздахъ, которые созывались старѣйшимъ, и тутъ старшій князь былъ скорѣе предсѣдателемъ съѣзда, и всѣ дѣла вершились съ общаго согласія.

Шлемъ XI в.

Шлемъ X—XIII в., найденный въ Кіевѣ на берегу Днѣпра.

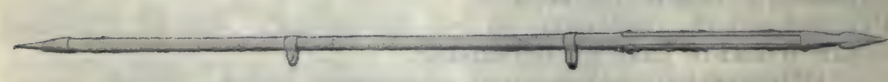
Мисюрка XIII в., найденная въ Подольской губ.

Кольчуга XII в., найденная въ Подольскѣ.

Мечъ X вѣка.

Лукъ X—XIV в.

Сулица XII в., найденная въ окрестностяхъ Кіева.

1, 2, 3—Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича (1216 г.).
4—Древній желѣзный мечъ. 5—Древніе шлемы.

Старѣйшій въ княжескомъ родѣ князь сталъ впослѣдствіи называться великимъ. Слово великій значило въ то время—старшій.

Когда князь-отецъ умиралъ, то старшій его сынъ заступалъ мѣсто отца, становился старѣйшимъ княземъ только въ томъ случаѣ, если у покойнаго не оставалось въ живыхъ брата. Но все же сыновья умершаго великаго князя становились выше своихъ двоюродныхъ братьевъ, считались братьями своихъ дядей, переходили въ высшій рядъ въ родѣ, переходили какъ бы изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было больше дѣда, и старшина рода, великій князь, былъ имъ отцомъ; дядья такъ и зовутъ своихъ старшихъ племянниковъ братьями.

Дѣти младшихъ братьевъ покойнаго великаго князя, двоюродные братья его сыновей, оставались попрежнему на степени внуковъ, потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: 1) старшій въ родѣ, ихъ старшій дядя, который, какъ великій князь, въ отца мѣсто ихъ отцамъ, и 2) ихъ собственные отцы.

Такимъ образомъ мало-по-малу всѣ молодые князья черезъ старшинство своихъ отцовъ и свое сами приближались къ старшинству въ родѣ и достигали великаго княженія.

Но если какой-нибудь князь умиралъ раньше, чѣмъ до него доходила очередь сдѣлаться старшимъ въ родѣ, великимъ княземъ, то дѣти такого князя оставались навсегда въ степени внуковъ. Какихъ бы почтенныхъ лѣтъ ни достигъ такой князь, отецъ котораго умеръ, не бывши великимъ княземъ, надъ нимъ все равно всегда стояли двѣ степени родства: его дядя, братъ покойнаго отца, который, ставъ великимъ княземъ, дѣлался „въ отца мѣсто“ своему осиротѣлому племяннику, и сыновья великаго князя, двоюродные братья по родству осиротѣлому князю, которые становились теперь какъ бы его дядями. Дѣти же этихъ сыновей, внуки великаго князя, по степени княжескаго старшинства оказывались на одной степени съ преждевременно осиротѣлымъ княземъ.

При этихъ условіяхъ такіе князья, сыновья отцовъ, умершихъ не на великомъ княженіи, никогда не могли достичь старѣйшинства и выпадали изъ очереди, становились, какъ тогда говорили, „изгоями“.

Такой порядокъ восхожденія до великокняжескаго стола по старшинству принято называть очереднымъ, или лѣствичнымъ восхожденіемъ (отъ слова „лѣствица“, т.-е. лѣстница).

Такимъ образомъ князья, потомки Рюрика, княжили въ Русской землѣ на основаніи извѣстнаго порядка. Этотъ порядокъ никакимъ закономъ укрѣпленъ не былъ, но жилъ твердо въ сознаніи и самихъ князей и народа. Княжить въ условіяхъ соблюденія очередныхъ правилъ значило для князей княжить „съ правдою“, т.-е. по праву; нарушеніе правилъ они называли „насильемъ“. Суть порядка княжескаго владѣнія заключается въ томъ, что князья по смерти старшаго князя не раздѣлялись между собой разъ навсегда и не передавали своимъ дѣтямъ

доставшихся имъ областей. По смерти старшаго они передвигались изъ одной волости въ другую, слѣдуя лѣствицѣ старшинства. „Яко же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхожденіемъ взыти, кому аще Господь Богъ дастъ...“—читаемъ въ описаніи одного столкновенія князей.

Старѣйшій въ родѣ, великій князь всегда сидѣлъ въ самомъ обширномъ и богатомъ городѣ тогдашней Руси — въ Кіевѣ. Отъ него же обыкновенно зависѣлъ и верхній конецъ великаго воднаго пути, Новгородъ. Кажется, было въ обычаѣ, что великій князь посылалъ княжить въ Новгородъ своего старшаго сына.

Когда умиралъ старшій въ родѣ, великій князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, на его мѣсто долженъ былъ перейти слѣдовавшій за нимъ по старшинству князь, княжившій во второмъ по значенію и доходности городѣ страны. Такимъ вторымъ городомъ долгое время считался Черниговъ. На мѣсто второго долженъ былъ передвинуться третій по старшинству князь, княжившій до того въ третьемъ по богатству и доходности городѣ, и т. д.

Такимъ образомъ, можно думать, существовало требованіе, чтобы всякій князь, подымаясь на одну ступень выше по лѣствицѣ родового старшинства, получалъ и болѣе богатый городъ, соотвѣтствовавшій этой степени старшинства.

Этотъ порядокъ княженія всѣмъ родомъ и размѣщенія князей въ городахъ земли по степени старшинства и доходности городовъ въ концѣ концовъ, съ ростомъ княжескаго рода и измѣненія доходности городовъ, привелъ къ большой запутанности княжескихъ отношеній въ кіевское время. Читая разсказы лѣтописи о событіяхъ X—XIII вв., только и узнаемъ, какъ князья заводятъ злые раздоры изъ-за „малыхъ словъ“, по выраженію „Слова о полку Игоревѣ“, ссорятся другъ съ другомъ, заводя „которы“ и „коромолы“, одинъ князь идетъ войной на другого, выгоняетъ соперника изъ того или иного города, самый городъ грабитъ, уводитъ множество плѣнныхъ, не оставивъ въ городѣ „ни челядины ни скотины“, садится самъ на мѣсто выгнаннаго, но тотъ съ другими князьями выгоняетъ, въ свою очередь, обидчика, беретъ его въ плѣнъ и ослѣпляетъ или подсылаетъ къ нему убійцу; нерѣдко князья сами наводятъ „поганыхъ“ на Русскую землю, отдавая имъ на разграбленіе волости своихъ враговъ. „Плакали“ тогда города, „тужила“ земля, по образному выраженію „Слова“.

Вотъ событія, которыя наполняютъ исторію Русской земли тѣхъ временъ. Чтобы лучше понять причину этихъ кровавыхъ княжескихъ усобицъ, надо посмотрѣть, что произошло на Руси по смерти Ярослава.

Сыновья его по смерти отца размѣстились по городамъ, какъ указалъ имъ отецъ. Старшій, Изяславъ, сталъ княжить въ Кіевѣ и Новгородѣ. Въ его рукахъ находились, слѣдовательно,

оба конца великаго воднаго пути, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ нити русской торговли. Это дѣлало Изяслава самымъ богатымъ и могущественнымъ изъ князей и позволяло ему съ честью держать свое старшинство. Второй сынъ Ярослава, Святославъ, занялъ второй по достоинству городъ, Черниговъ; къ нему же отошелъ примыкавшій къ Черниговской землѣ по Окѣ Муромо-

Изображеніе семейства великаго князя Святослава Ярославича. Съ рисунка въ „Изборникѣ" 1076 г.

Рязанскій край и отдаленная Тмутаракань—область по азовскому побережью. Третій Ярославичъ, Всеволодъ, сталъ княжить въ Переяславлѣ; ему принадлежалъ, кромѣ того, Суздальскій край и Бѣлозерская окраина по верхнему Поволжью. Четвертый Ярославичъ, Вячеславъ, сталъ княжить въ Смоленскѣ, а пятый, Игорь, во Владимирѣ-Волынскомъ. Кромѣ сыновей, у Ярослава былъ еще внукъ Ростиславъ, сынъ старшаго его сына Владимира, умершаго еще при жизни Ярослава. Ростиславъ, въ силу того, что его отецъ умеръ, не бывъ великимъ княземъ, становился изгоемъ, выпадалъ изъ лѣствицы старшинства; братья дали ему въ княженіе

дальнюю Ростовскую область. Земля и княженія распредѣлились, значитъ, между наслѣдниками Ярослава такъ, что каждому князю достались и земли старыя, близкія къ Кіеву, какъ средоточію и политической и хозяйственной жизни страны, и земли новыя, дальнія; у каждаго князя былъ столицей старый торговый городъ, лежащій или на самомъ великомъ водномъ пути, или вблизи отъ него; затѣмъ у каждаго была земля-колонія, которая поставляла въ этотъ городъ весь тотъ товаръ и продуктъ, которымъ и князь и горожане могли торговать.

Одежда князей и зажиточныхъ людей XI вѣка. Реставрировано по рисунку въ „Изборникѣ" Святослава.

Одежды XI вѣка. Реставрировано по рисунку въ „Изборникѣ" Святослава.

Но весь этотъ распорядокъ старшинства княжихъ столовъ и городовъ по ихъ богатству оказался очень неустойчивымъ; этотъ порядокъ, можно сказать, былъ нарушенъ немедленно послѣ того, какъ установился.

Четвертый изъ сыновей Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, умеръ скоро послѣ того, какъ установился порядокъ владѣнія волостями. На его мѣсто передвинулся изъ Владимира-Волынскаго пятый Ярославичъ, Игорь. На мѣсто Игоря старшіе Ярославичи перевели старшаго изъ внуковъ Ярослава, старшаго своего племянника Ростислава Владимировича. На этотъ разъ они какъ будто не сочли его изгоемъ. Черезъ три года послѣ этого умеръ Игорь Ярославичъ. Ростиславъ ожидалъ, что теперь онъ перейдетъ въ Смоленскъ, но дяди не отдали ему Смоленска,

какъ не отдали его и дѣтямъ Вячеслава и Игоря, считая ихъ изгоями.

Ростиславъ, воинственный и предпріимчивый князь, рѣшилъ пересилить свою изгойскую долю, собралъ дружину и захватилъ Тмутаракань. Около этого же времени полоцкій князь Всеславъ, внукъ Владимира Святого и Рогнѣды, княжившій въ Полоцкѣ послѣ своего отца, которому Полоцкъ былъ данъ еще Владимиромъ Святымъ, напалъ на Новгородъ, разграбилъ городъ, снялъ даже колокола храма св. Софіи. Съ трудомъ одолѣли старшіе Ярославичи Всеслава, взяли его обманомъ въ плѣнъ и посадили его въ Кіевѣ „въ порубъ", т.-е. въ тюрьму. Ростиславъ скоро умеръ въ Тмутаракани. На время все успокоилось.

Въ 1061 г., какъ читаемъ въ лѣтописи, „придоша половци первое на Русскую землю воевать". Это была очередная волна

Кіевляне идутъ освобождать Всеслава.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

новыхъ кочевниковъ, нахлынувшая изъ дальнихъ азіатскихъ степей въ степь южно-русскую на смѣну печенѣгамъ и только-что, въ 1060 году, уничтоженнымъ русскими князьями торкамъ. Въ 1068 году половцы разбили русскихъ князей и разсыпались по всей южной Руси, неся всюду огонь, смерть, гибель. Князья затворились по городамъ. Кіевляне потребовали у великаго князя Изяслава коней и оружія, говоря:—„Половцы разсѣялись по землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними!".

Изяславъ не согласился. Тогда вѣче зашумѣло, закричали, что не надо князя Изяслава, пусть Всеславъ будетъ княземъ. Кіевляне освободили изъ темницы Всеслава и „поставили его среди двора княжа", т.-е. провозгласили его княземъ. Изяславъ убѣжалъ въ Польшу. Межъ тѣмъ половцы, опустошая Русь, дошли до Чернигова. Здѣсь ихъ встрѣтилъ Святославъ, князь черниговскій, и разбилъ. Половцы бѣжали въ степь, и земля очистилась. Въ Кіевѣ княжилъ Всеславъ.

Изяславъ, конечно, не хотѣлъ оставаться изгнанникомъ. Съ помощью польскаго короля Болеслава двинулся онъ на Кіевъ. Всеславъ, ожидая, что Изяславу помогутъ братья, Святославъ и Всеволодъ, бѣжалъ въ Полоцкъ. Кіевляне собрали вѣче и послали сказать Святославу и Всеволоду: „Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего князя, и вотъ онъ теперь ведетъ на насъ польскую землю; ступайте въ городъ отца вашего; а если не придете, мы сожжемъ городъ и уйдемъ въ греческую землю!“ — „Мы пошлемъ сказать брату, — отвѣчалъ кіевлянамъ Святославъ, — что если онъ придетъ съ ляхами губить васъ, то мы пойдемъ

Кіевляне освобождаютъ Всеслава изъ поруба и идутъ на половцевъ. Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

противъ и не дадимъ погубить отцовскаго города, а если хочетъ прійти съ миромъ, то пусть идетъ съ малою дружиной“. Изяславъ послушался братьевъ и пошелъ въ Кіевъ „въ малѣ дружинѣ“. Напередъ онъ послалъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, занявъ городъ, распорядился перебить тѣхъ кіевлянъ, которые освободили Всеслава. Изяславъ преслѣдовалъ сторонниковъ Всеслава, и даже преп. Антоній, дружившій съ Всеславомъ, вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева. Погибло много народу, совсѣмъ непричастнаго къ враждѣ Изяслава съ Всеславомъ. Въ Кіевѣ поднялся ропотъ на великаго князя Изяслава; съ братьями Святославомъ и Всеволодомъ онъ тоже разссорился, и кончилось дѣло тѣмъ, что ему снова пришлось покинуть Кіевъ. Изяславъ бѣжалъ за границу, къ императору Генриху IV. Въ городѣ Майнцѣ Изяславъ молилъ императора помочь ему и обѣщалъ за это признать его верховенство надъ собой и Русской землей. Но императоръ не былъ въ силахъ оказать Изяславу дѣйствительную помощь. Тогда Изяславъ отправилъ въ Римъ своего сына просить помощи

у папы Григорія VII и за это обѣщалъ подчиниться апостольскому престолу. Но папа тоже не могъ оказать Изяславу никакой дѣйствительной помощи. Пока Изяславъ пропадалъ въ чужихъ краяхъ, его мѣсто въ Кіевѣ занялъ слѣдовавшій за нимъ по старшинству братъ, Святославъ черниговскій. Святославъ и княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти въ 1076 г.

По смерти Святослава вернулся Изяславъ и опять сталъ княжить въ Кіевѣ. Въ 1078 году Изяславъ погибъ въ борьбѣ

Рисунокъ съ заглавнаго листа въ „Изборникѣ" Святослава.

Одежда XI вѣка, реставрированная по рисунку на заглавномъ листѣ въ „Изборникѣ" Святослава.

съ племянниками своими, сыновьями Святослава, которыхъ онъ выгналъ изъ городовъ, данныхъ имъ отцомъ. Въ Кіевѣ вокняжился тогда третій сынъ Ярослава, Всеволодъ.

Всеволодъ былъ послѣднимъ, оставшимся въ живыхъ изъ сыновей Ярослава. Вторымъ по старшинству слѣдовалъ за нимъ старшій изъ *внуковъ* Ярослава, т.-е. сынъ Изяслава, Святополкъ. Всеволодъ послалъ его княжить въ Новгородъ, а въ Черниговѣ посадилъ сына своего Владимира, прозваннаго Мономахомъ, третьяго по старшинству внука Ярослава. Второй же по старшинству внукъ, старшій сынъ Святослава, Олегъ, остался безъ города. Всеволодъ счелъ его изгоемъ и не хотѣлъ дать ему Чернигова. Всеволодъ припомнилъ, что Святославъ занялъ кіевскій столъ при жизни старшаго брата, котораго онъ же и прогналъ.

значитъ, занялъ кіевскій столъ незаконно и умеръ раньше старшаго брата. Слѣдовательно, если бы Изяславу не пришлось покинуть Кіева, Святославъ никогда не попалъ бы на кіевскій столъ, и тогда дѣти его были бы несомнѣнными изгоями. На этомъ-то основаніи Всеволодъ и не далъ Чернигова старшему сыну Святослава.

Но въ такомъ поступкѣ Всеволода было много спорнаго; особенно не могли согласиться съ нимъ сыновья Святослава. Вѣдь ихъ отецъ сѣлъ въ Кіевѣ потому, что Изяслава не было, онъ убѣжалъ, и одно время всѣ могли думать, что онъ погибъ. Святославъ занялъ мѣсто Изяслава, какъ старѣйшій послѣ него князь; самъ Всеволодъ признавалъ старѣйшинство Святослава, а тѣмъ самымъ и старѣйшинство сыновей Святослава надъ своимъ сыномъ. Святославичи не хотѣли считать себя изгоями и заявили свои права на старшинство передъ сыномъ Всеволода—Владимиромъ Мономахомъ. При жизни Всеволода Святославичи не осмѣливались поддерживать свои притязанія оружіемъ, но, когда Всеволодъ умеръ, они подняли оружіе на братію за свое старшинство.

Съ рисунка въ „Изборникѣ“ Святослава.

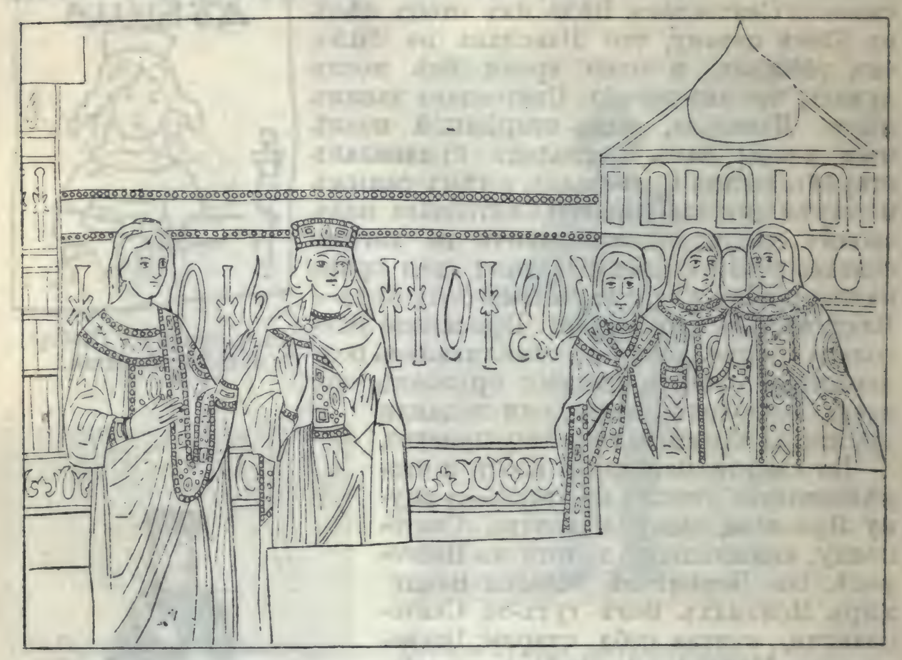
По смерти Всеволода Кіевъ и старѣйшинство отошли къ старшему внуку Ярослава, сыну Изяслава, Святополку, княжившему до того въ Новгородѣ. Въ Черниговѣ остался Владимиръ Мономахъ. Вотъ тутъ-то Святославичи, считая себя старше Всеволодовича Мономаха, потребовали, чтобы въ Черниговѣ сѣлъ старшій сынъ Святослава, а Владимиръ Мономахъ занялъ менѣе важный городъ. Въ 1094 году Олегъ Святославичъ привелъ съ собой половцевъ и осадилъ Мономаха въ Черниговѣ. Мономахъ долго отбивался, но дружины у него было мало, и онъ долженъ былъ уступить Черниговъ Олегу, а самъ пошелъ княжить въ Переяславль. Приведенные Олегомъ половцы грабили и опустошали землю. У Олега продолжались нелады со Святополкомъ и Мономахомъ.

Одежда дѣвицы въ XI вѣкѣ. Реставр. по рис. въ „Изборникѣ“ Святослава.

Поднялись и князья-изгои, сыновья младшихъ сыновей Ярослава, которые перемерли раньше своихъ старшихъ братьевъ, не достигши кіевскаго стола. Въ свое время

Всеволодъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что далъ имъ небольшіе города, теперь они потребовали большаго.

Было кровопролитье по всей землѣ и не стало порядка. Старшій князь, Святополкъ, былъ человѣкъ слабый и безхарактерный; его никто не слушался и не уважалъ, потому что онъ постоянно вмѣшивался въ ссоры и „коромолы" младшихъ князей и держалъ слишкомъ явно сторону однихъ противъ другихъ, руководствуясь корыстью и личными расчетами.

Изображеніе женскихъ одеждъ XI—XII вв. византійскаго характера на фрескахъ южной лѣстницы собора св. Софіи въ Кіевѣ.

Послѣ смуты, длившейся четыре года, князья рѣшили, наконецъ, покончить всѣ распри миромъ, уладивъ все съ общаго согласія. Ради этого всѣ спорившіе съѣхались въ городѣ Любечѣ (1097 г.).—„Зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? — говорили князья. — А половцы землю нашу разоряютъ и рады, что между нами идутъ усобицы. Станемъ же теперь жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю".

Такъ какъ вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей и того мѣста по старшинству, на какое они имѣли право, какъ сыновья второго сына Ярославова, то князья, чтобы установить миръ и тишину въ землѣ, признали права Святославичей на старшинство передъ Мономахомъ и отдали черниговское княженіе старшему Святославичу. За князьями-изгоями утвердили данныя имъ еще Всеволодомъ города на

Волыни и постановили—пусть каждый князь держитъ отчину свою, т.-е. сидитъ на томъ столѣ, какой занималъ его отецъ. Святополкъ остался въ Кіевѣ, гдѣ княжилъ отецъ его Изяславъ, сыновья Святослава получили Черниговъ, а Владиміръ Мономахъ сталъ княжить въ Переяславлѣ, городѣ отца своего Всеволода; дальнія земли распредѣлили между собою такъ же, какъ было при отцахъ ихъ. Уладившись, князья цѣловали крестъ блюсти уговоръ.

— Если теперь кто-нибудь изъ насъ подыметъ оружіе на другого,—говорили они,—то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же.

Всѣ повторили:

— Крестъ честной на зачинщика и вся земля Русская!

Затѣмъ князья братски перецѣловались и разъѣхались по своимъ княженіямъ.

Миръ длился недолго. Одному изъ князей-изгоевъ, Давиду Игоревичу, показалось, что другой князь-изгой, Василько Ростиславичъ, не только получилъ лучшую волость, но еще думаетъ присвоить себѣ и волость Давида.

Василько былъ извѣстенъ своей предпріимчивостью и воинскою отвагою, но онъ былъ человѣкъ честный и неспособный на клятвопреступленіе. Однако Давидъ все-таки сталъ говорить кіевскому князю Святополку, что Василько замышляетъ зло противъ него, Давида, не спроста и не самъ отъ себя, а умыслилъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, которому хочется выгнать изъ Кіева Святополка и сѣсть на его мѣсто. Святополкъ повѣрилъ, допустилъ Давида не только схватить врасплохъ Василька, когда тотъ пріѣхалъ на богомолье въ Кіевъ, но и ослѣпить несчастнаго князя.

Вѣсть объ этомъ преступленіи всполошила всѣхъ князей. Мономахъ, когда узналъ, что Василько ослѣпленъ, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ:—„Такого зла никогда не бывало въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ ни при отцахъ нашихъ“. Всѣ князья поднялись на Святополка, попустителя зла. Готова была разгорѣться жестокая война, но кіевляне умолили старшихъ князей не враждовать. „Молимъ васъ, не губите Русскую землю, которую отцы и дѣды ваши собрали трудомъ своимъ великимъ, — говорили кіевляне князьямъ, — вѣдь если начнете воевать между собою, половцы снова придутъ на нашу землю и опустошатъ ее всю“. Изгои, между тѣмъ, начали рѣзню. Старшіе князья заставили-было Святополка схватить Давида и прекратить тѣмъ борьбу князей-изгоевъ. Но Святополкъ не сумѣлъ этого сдѣлать, былъ разбитъ Давидомъ и бѣжалъ въ Кіевъ.

Тогда князья опять рѣшили съѣхаться и устроить порядокъ. Съѣздъ состоялся въ городѣ Увѣтичахъ, или Витичевѣ (1100 годъ). Собрались Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Святославичи. Пришелъ и зачинщикъ зла, Давидъ Игоревичъ. Онъ дерзко спросилъ собравшихся князей:

— Зачѣмъ меня призвали? Вотъ я! Кто на меня жалуется?

Владиміръ Мономахъ отвѣчалъ ему за всѣхъ:

— Ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, прійти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьями на одномъ коврѣ, что же не жалуешься? На кого тебѣ изъ насъ жалоба?

Давидъ не отвѣчалъ на это ни слова.

Тогда всѣ князья встали, сѣли на коней и разъѣхались по своимъ шатрамъ, каждый къ своей дружинѣ, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не хотѣлъ быть съ нимъ и никто не пускалъ его къ себѣ.

Съѣздъ князей въ Витичевѣ.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

Посовѣтовавшись, князья послали къ Давиду довѣренныхъ дружинниковъ и велѣли сказать ему отъ имени всѣхъ князей:

— Не хотимъ дать тебѣ стола владимирскаго (на Волыни), потому что ты бросилъ ножъ между нами, сдѣлалъ то, чего не бывало доселѣ на Русской землѣ; мы тебя не посадимъ въ темницу и не сдѣлаемъ тебѣ никакого другого зла, а ступай садись въ Бужскѣ и Острогѣ.

У Давида, слѣдовательно, отняли лучшую волость и дали незначительную и бѣдную. Василько же остался княжить въ своемъ городѣ и, хотя слѣпой, не разъ еще водилъ свои полки противъ ляховъ и возвращался побѣдителемъ.

Въ началѣ 1113 года Святополкъ умеръ. Съ его смертью старшинство въ княжескомъ родѣ и кіевскій столъ должны были перейти къ старшему Святославичу. Но потомство Святослава не пользовалось любовью кіевлянъ, и они не захотѣли принять Олега Святославича, разграбили дворъ тысяцкаго

Путяты, державшаго сторону Святославичей, и послали сказать Владимиру Всеволодовичу Мономаху, чтобы онъ шелъ княжить въ Кіевъ.

— Приходи, князь, въ Кіевъ,—говорили Мономаху посланные, — если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ не одинъ ужъ Путятинъ дворъ, а пойдутъ и на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ!

Одежда замужней женщины XI вѣка.
Реставрировано по изображеніямъ на старинныхъ иконахъ.

Одежда князей и зажиточныхъ людей XII вѣка.
Реставрировано по изображенію въ рукописи XII вѣка.

Владиміръ Мономахъ долженъ былъ принять старшинство и отправился княжить въ Кіевъ, гдѣ и былъ принятъ горожанами „съ честью великой".

Это новое нарушеніе старшинства, хотя и случившееся не по винѣ самихъ князей, должно было внести еще больше смуты и недовольства въ ихъ отношенія.

При жизни сильнаго и всѣми любимаго Мономаха, Святославичи затаили свою ненависть и смирно сидѣли въ Черниговѣ, который Мономахъ оставилъ за ними. Но они не простили Мономаху того, что считали нарушеніемъ своихъ правъ, и впослѣдствіи потомки Святославичей затѣяли кровавую борьбу съ потомками Мономаха по поводу и этого и другихъ нарушеній лѣствицы старшинства.

Такъ порядокъ княжескаго старшинства въ наслѣдованіи столовъ, нарушенный при самомъ своемъ возникновеніи, собственно никогда не существовалъ на Руси въ своемъ чистомъ непререкаемомъ видѣ. Но, какъ идеалъ, этотъ очередной порядокъ господствовалъ въ княжеской средѣ очень долго. При своихъ спорахъ и раздорахъ князья свои притязанія и права стремились всегда обосновывать на данныхъ очередного порядка, вкривь и вкось толкуя запутанныя жизнью свои родовыя соотношенія. Уставъ отъ кровопролитія, они устанавливали на съѣздахъ условное старшинство. Но такимъ условнымъ порядкомъ старшинства, конечно, не всѣ бывали довольны, и порядокъ условнаго старшинства поэтому неизбѣжно таилъ въ себѣ поводы и причины для новыхъ „которъ" и „коромолъ". Къ рѣшенію споровъ оружіемъ князья прибѣгали, какъ къ суду Божію: „оже ны Богъ разсудитъ"—говорили спорщики, обнажая оружіе другъ противъ друга. Но насильственно, оружіемъ установленное старшинство было, конечно, еще менѣе прочнымъ, нежели условное старшинство, установленное на съѣздѣ по договору или ряду.

По самому существу своему очередной порядокъ владѣнія землей всѣмъ родомъ на основѣ старшинства былъ трудно осуществимъ въ жизни.

Когда княжескій родъ разросся, стало очень трудно учитывать самое старшинство. Вообще старшинство пріобрѣтается лѣтами, и при обычномъ порядкѣ всегда бываетъ такъ, что дядя лѣтами старше своего племянника. Поэтому дядя былъ всегда „въ отца мѣсто" племяннику. Но, когда княжескій родъ размножился, часто стало выходить такъ, что иной племянникъ уже и бородатъ и женатъ, а кого-нибудь изъ его дядей еще баюкаютъ въ люлькѣ. Конечно, старшему годами племяннику не легко было считать „въ отца мѣсто" младенца-дядю.

Когда всѣ счеты и расчеты старшинства въ княжескомъ родѣ окончательно запутались, то каждый изъ князей сталъ почитать справедливымъ то, что ему было выгодно. Княженія стали тогда добывать себѣ силой, только прикрывая правилами старшинства свои личныя выгоды.

Межъ тѣмъ охранять эти выгоды тоже становилось все труднѣе. Было въ обычаѣ, что, чѣмъ старше князь, тѣмъ болѣе доходный городъ давался ему въ княженіе. Въ привычкахъ князей установился такой порядокъ, что извѣстной степени старшинства соотвѣтствовалъ и извѣстный городъ. Но уже съ конца XI вѣка началъ мѣняться порядокъ доходности городовъ. Такъ, Переяславль Южный, когда-то третій по богатству городъ, совсѣмъ обѣднѣлъ и сталъ менѣе доходнымъ, нежели бѣдный когда-то Суздаль. Нарушился порядокъ доходности и другихъ городовъ.

Понятно, что̀ отъ этого происходило: младшій князь сидѣлъ часто въ болѣе доходномъ городѣ, нежели старшій. Отсюда взаимное неудовольствіе, переходящее при первомъ поводѣ въ усобицу.

Съ теченіемъ времени все увеличивалось количество князей-изгоевъ. Съ разрастаніемъ княжескаго рода труднѣе становилось младшему пережить всѣхъ старшихъ и достичь великаго княженія. Князья-изгои плохо мирились со своимъ незавиднымъ положеніемъ вычеркнутыхъ изъ лѣствицы старшинства и стремились добывать себѣ княженія силой. Такъ, упоминавшійся выше Давидъ Игоревичъ, тотъ самый, который ослѣпилъ Василька, предвидя послѣ смерти отца, умершаго раньше своихъ старшихъ братьевъ, свою горькую долю, собралъ дружину и ушелъ на устья Днѣпра. Здѣсь онъ захватилъ греческихъ купцовъ и отнялъ у нихъ всѣ товары. Другими словами, Давидъ, засѣвъ у воротъ русской торговли, остановилъ все торговое движеніе по Днѣпру. А вѣдь днѣпровской торговлей жила и кормилась вся тогдашняя городовая Русь, отъ этой торговли богатѣла и княжеская казна. Итти на Давида войной было и далеко и не съ руки, и великій князь Всеволодъ только тѣмъ и прекратилъ грабежи Давида, что далъ ему особое княженіе—городъ Дорогобужъ на Волыни.

Подобными же средствами старались добывать себѣ столы и другіе князья-изгои. Чтобы усмирить ихъ, старшіе князья стали отдавать изгоямъ и ихъ потомству самые бѣдные, обыкновенно крайніе города, лежавшіе далеко отъ торговаго пути. Такіе города были обыкновенно пограничные, и на князя-изгоя возлагалась обязанность беречь городъ и охранять границу земли. На это ему выдавалось иногда вспомоществованіе деньгами или натурой.

Не передвигаясь уже по общей лѣствицѣ старшинства, изгои въ своемъ потомствѣ устраивали свою особую лѣствицу, которая приводила за собой тѣ же ссоры и недоразумѣнія, тѣ же кровопролитія и раздоры, что и въ лѣствицѣ старшихъ князей, ведшей къ кіевскому столу. Въ XII вѣкѣ образовалось нѣсколько такихъ изгойскихъ княжествъ: Муромо-Рязанское, Туроло-Пинское и Городенское, не считая ранѣе возникшихъ волынскихъ княжествъ и княжества Полоцкаго.

Постоянныя войны и усобицы князей немало способствовали тому, что въ княжескомъ родѣ терялось, забывалось уваженіе къ старшинству, и часто стало случаться, что иной младшій воинственный князь, сражаясь со старшимъ, порой даже не за себя лично, а за своего ближайшаго сродника, собиралъ въ своихъ рукахъ много волостей и отказывался очищать ихъ. Такъ, внукъ Мономаха, Изяславъ, бралъ княженія съ бою, приговаривая:—„Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту!“.

Города не оставались безучастными зрителями княжескихъ усобицъ, вмѣшивались въ ссоры князей и, приглашая къ себѣ изъ нихъ кого полюбится, часто младшаго помимо старшаго, тоже вносили немало запутанности въ княжескія отношенія. Такъ, когда послѣ смерти Всеволода Ярославича великимъ княземъ сталъ Святополкъ, въ Новгородѣ долженъ былъ сѣсть на княженіе, по обычаю, сынъ Святополка. Тогда Владиміръ Моно-

махъ послалъ сказать сыну своему Мстиславу, княжившему при Всеволодѣ въ Новгородѣ, чтобы онъ покинулъ Новгородъ и очистилъ мѣсто для сына Святополкова. Мстиславъ повиновался и пошелъ къ отцу. Но съ Мстиславомъ прибыли въ Кіевъ послы отъ вѣча новгородцевъ и сказали Святополку:

— Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать тебѣ: не хотимъ Святополка, ни сына его! Если у твоего сына двѣ головы, то пошли его къ намъ!

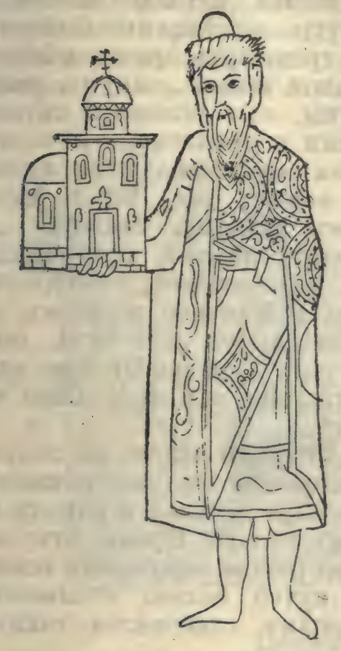
Святополкъ много спорилъ съ новгородцами, ссылаясь на обычай, но тѣ стояли на своемъ, и пришлось уступить имъ. Самъ Мономахъ сталъ великимъ княземъ помимо старшаго его Святославича только потому, что этого потребовали кіевляне.

Вообще надо сказать, что за время княжескихъ усобицъ города вошли въ большую силу, и вѣча ихъ пріобрѣли большое значеніе. Горожане стали „рядиться“ съ княземъ при его вступленіи въ городъ, уговариваясь съ нимъ на вѣчѣ, чтобы онъ судъ судилъ и правду людямъ давалъ „безъ лести“. Изъ 50 князей, занимавшихъ кіевскій столъ послѣ Ярослава до татарскаго разоренія, 14 были призваны вѣчемъ.

При такомъ обиліи поводовъ къ усобицамъ военная непогода неустанно свирѣпствовала по всему пространству тогдашней Руси, особенно около Кіева. Года не проходило безъ того, чтобы тотъ или иной князь не вступилъ въ распрю съ другимъ княземъ и не завязалъ съ нимъ кровавую усобицу. Если въ промежуткѣ времени отъ смерти Ярослава до появленія татаръ сосчитать однѣ крупныя усобицы, то и тогда выйдетъ, что на эти полтораста лѣтъ падаетъ болѣе ста лѣтъ войны. Усобицы князей разоряли страну, губили населеніе; побѣдители опустошали города, жгли и грабили села въ княженіи соперника, убивали и брали въ плѣнъ мирныхъ жителей; плѣнные, по тогдашнему суровому обычаю, становились рабами побѣдителей, которые за честь себѣ вмѣняютъ вернуться домой „ополонившеся челядинами и скотомъ“. Города мало принимали участія въ усобицахъ князей, но это не избавляло ихъ отъ тѣхъ страданій, какія несла имъ неустанно свирѣпствовавшая война.

Жизнь на кіевскомъ югѣ становилась невыносимой для мирнаго труда еще и потому, что этотъ край съ семидесятыхъ годовъ XI вѣка разоряли половцы. Большими и малыми отрядами вторгались они въ Русскую землю. Области Кіевская и Черниговская, а особенно самая южная—Переяславская, много терпѣли отъ этихъ набѣговъ. Защищаться отъ нихъ за стѣнами городовъ еще было возможно, но предупредить набѣгъ было очень трудно, благодаря необыкновенной подвижности степняковъ. Вихремъ налетали ихъ отряды и, захвативъ добычу и плѣнныхъ, такъ же быстро исчезали. „Въ одинъ мигъ,—разсказываетъ греческій писатель Евстафій Солунскій,—половецъ близко и вотъ уже нѣтъ его. Сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками добычи, хватается за поводья, понукаетъ коня ногами и плетью и вих-

ремъ несется далѣе, какъ бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся". Въ 1096 г., разсказываетъ лѣтопись, ханъ половецкій Бонякъ нежданно нагрянулъ на Кіевъ, опустошилъ все кругомъ города, сжегъ загородный княжескій домъ въ Берестовѣ, а въ это время другой ханъ Куря жегъ и грабилъ все кругомъ Переяславля. Князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ бросились къ Переяславлю; пока они тамъ расправлялись съ половцами, Бонякъ едва не

Рисунокъ съ финифтянаго изображенія на Евангеліи начала XII вѣка.

Одежда зажиточныхъ людей XII вѣка. Реставрировано по изображенію на Евангеліи XII вѣка.

овладѣлъ Кіевомъ, грабилъ окрестныя села и монастыри, причемъ пострадалъ и Печерскій монастырь. „Пришли половцы къ намъ въ монастырь,—разсказываетъ лѣтописецъ,—а мы всѣ спали по кельямъ послѣ заутрени; вдругъ подняли крикъ около монастыря и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задами монастыря, другіе взобрались на полати, а безбожныя дѣти Измаиловы вырубили ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что ни попадалось; потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Ѳеодосіева гроба, взяли иконы, зажгли церкви, ругаясь Богу и закону нашему".

Разсказывая о половецкихъ набѣгахъ, лѣтопись постоянно отмѣчаетъ, какъ половцы, вторгаясь въ русскія земли, „взяша села безъ счета, съ людьми, съ мужи и жены, и коней и скотъ

и овцы". „Много зла сотвориша христіанамъ, иныхъ плѣниша, а иныхъ избиша, множайшихъ же убиша младенцевъ". Половцы уводили въ полонъ населеніе цѣлыхъ городовъ; плѣнниковъ продавали въ прикаспійскихъ и таврическихъ городахъ. Этотъ половецкій плѣнъ былъ настоящее и горькое бѣдствіе. „Сотворися плачъ великъ на землѣ нашей,—разсказываетъ лѣтопись о набѣгѣ 1093 года, — и опустѣша села наши и города наши и быхомъ бѣгающе передъ враги наши... Лукавіи сынове Измаилове пожигаху села и гумна и многія церкви запалиша огнемъ... Ови ведуться полонени, другіе посѣкаеми бывають, горкую смерть приемлюще, другіе трепещуть зряще убиваемыхъ, другіе гладомъ уморяеми и водной жажею... имуще раны различныя, печали и страшныя муки, овы вяжеми и пятами пхаемы и на зимѣ (холодѣ) држими и ураняеми... печални, мучими"... „Городи вси опустѣша, села опустѣша... поля, идеже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поросъше и звѣремъ жилища быша"... „А люди въ бѣдѣ опустѣвше (похудѣвши) лицами, почернѣвше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленнымъ, нази (наги) ходяще и боси, ногы имуще сбодены (изранены) терньемъ, со слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города", а другіи: „а язъ сея веси"; тако супрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная"...

Половецкіе набѣги не только опустошали землю, но подрывали въ основѣ ея благосостояніе, прекращая торговое движеніе по рѣкамъ и по степнымъ путямъ къ морю. Князья и народъ не могли оставить натискъ половцевъ безъ отпора. Прямо отъ половецкихъ набѣговъ страдали преимущественно окраинныя земли, но засореніе половцами торговыхъ путей больно отзывалось далеко вглубь страны. Отпоръ половцамъ становился такимъ образомъ обще-русскимъ дѣломъ.

Эту борьбу со степью князья вели оборонительную и наступательную. Задачи обороны лежали на князьяхъ окраинныхъ, на переяславскихъ особенно. Это была трудная жизнь и дѣятельность. Владимиръ Мономахъ съ горечью вспоминаетъ о своемъ трехлѣтнемъ княженіи въ Переяславлѣ, когда ему пришлось уступить Черниговъ Олегу: „Три лѣта и три зимы, — пишетъ онъ,—прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и голода". По рѣчкѣ Роси, границѣ Переяславскаго княжества со степью, еще старыми князьями были воздвигнуты валы и укрѣпленія, на которыхъ стража слѣдила, не курится ли по степи пыль столбомъ—признакъ движенія половецкихъ ордъ. Но половцы умѣли обходить эти укрѣпленія и мимо нихъ прорываться въ русскія области. Тогда русскіе князья старались устеречь половцевъ на ихъ обратномъ пути, чтобы отнять у нихъ добычу и плѣнныхъ. Русскіе отряды незамѣтно для половцевъ выходили гдѣ-нибудь наперерѣзъ половецкому

пути и неожиданно нападали на непріятеля, обремененнаго плѣнными и добычей, а потому двигавшагося медленно и безъ боевого порядка. Такія нападенія часто удавались, и тысячи плѣнниковъ возвращались домой. Это была мелкая, утомительная война, въ которой пускались въ дѣло и храбрость прямого нападенія на врага, и изворотливое подсиживанье его, засады и хитрость.

Въ 1095 году пришли къ Мономаху подъ Переяславль два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, мириться, т.-е. торговаться— много ли переяславскій князь дастъ за этотъ миръ? Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ остальными у вала. Владиміръ отдалъ Китану сына своего Святослава

Половцы ведутъ русскій полонъ.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

въ заложники за Итларя. Итларю отвели постой въ домѣ боярина Ратибора. Ратиборъ и его кіевскій пріятель Славута стали подговаривать Мономаха убить Итларя. „Какъ я могу это сдѣлать, давъ имъ клятву?“—сказалъ Владиміръ. „Князь, грѣха на тебѣ не будетъ, — отвѣчали ему бояре, — вѣдь половцы даютъ тебѣ клятву, а сами все-таки губятъ землю Русскую и льютъ кровь христіанскую“. Ночью посланные Владиміромъ люди выкрали заложника, княжича Святослава, убили Китана и перебили его воиновъ. Итларь не зналъ, что случилось съ его товарищемъ. Утромъ пригласили Итларя и его свиту позавтракать въ теплой избѣ. Когда половцы вошли въ избу, двери были заперты, люди Ратибора влѣзли на крышу, проломили ее и перестрѣляли сверху всѣхъ половцевъ.

Въ 1103 г. Мономахъ сталъ уговаривать старѣйшаго князя

Святополка собраться всѣмъ князьямъ съ дружинами и сообща пойти на половцевъ въ глубину ихъ кочевій, чтобы тамъ разгромить ихъ и тѣмъ надолго обезпечить Русскую землю отъ ихъ нападеній. Дѣло было раннею весною. Святополкъ передалъ предложеніе Мономаха своей дружинѣ. Дружинники подумали и сказали: „Яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды“, т.-е. не время теперь, весной итти въ походъ—землепашцевъ погубимъ. Святополкъ послалъ сказать Владимиру: „Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною“. Такъ и порѣшили. Князья съѣхались у Долобскаго озера и сѣли въ шатрѣ съ дружинами. Долго сидѣли молча. Мономахъ обратился къ Святополку и сказалъ:

— Брате, еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской земли?

— Брате, ты почни!—сказалъ Святополкъ.

— Како я хочю молвити!—отвѣчалъ Владимиръ, — а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью (пашню) смердомъ! Но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати (пахать) лошадью тою, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту и жену его и дѣти его и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите?—т.-е. объ этомъ отчего не думаете?

— Право, воистину тако есть!—сказали дружинники.

Тогда и Святополкъ заявилъ:

— Се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою!

Послали къ другимъ князьямъ звать ихъ въ общій походъ противъ степи. Одни пришли, другіе медлили. Олегъ Святославичъ, старинный пріятель половцевъ, не разъ наводившій ихъ полчища на Русскую землю при своихъ „которахъ“ съ братьями, сказался больнымъ. Князья привели съ собой дружины конныя и пѣшія. Пѣхоту посадили въ лодки и внизъ по Днѣпру отправили до Хортицы. Конница шла берегомъ. Отъ Хортицы войско углубилось въ степь. Половцы, узнавъ о походѣ русскихъ князей, встревожились, и ханъ Урусоба предложилъ просить мира у Руси: „Они станутъ съ нами биться крѣпко, — говорилъ старый ханъ,—потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ“. Но другіе ханы возразили Урусобѣ: „Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивъ этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?“

Русскіе князья тоже сознавали, какое трудное дѣло стоитъ передъ ними. Въ походъ они пошли, усердно помолившись. Съ войскомъ шли священники, и степь оглашалась молитвенными пѣснопѣніями, призывавшими побѣду русскому оружію. И князья и войско шли „побороть“ за всю Русскую землю и за христіанство. Борьба предстояла тяжелая. Половцы славились, какъ храбрые и искусные воины, и русскіе хорошо знали ихъ тяжелую руку.

Съ крикомъ и гиканьемъ бросались половцы на непріятеля и стремились смять его своей неудержимой конной волной. Встрѣтивъ отпоръ, половцы быстро поворачивали назадъ и неслись отъ непріятеля, осыпая его ряды стрѣлами. Русскіе начинали преслѣдовать бѣгущихъ половцевъ, какъ вдругъ съ боковъ и съ тыла налетали свѣжіе половецкіе отряды, спрятанные раньше въ засаду, къ которой первое нападеніе должно было приманить русскихъ.

У половцевъ былъ свой военный порядокъ, котораго они и держались при встрѣчѣ съ врагомъ. Позади перваго строя, состоявшаго изъ отдѣльныхъ отрядовъ, построенныхъ клиньями, стояли у нихъ всегда запасныя силы, оберегавшія кстати тылъ

Князь съ дружиною въ походѣ.
Съ рисунка въ лицевомъ „Сказаніи о свв. Борисѣ и Глѣбѣ".

и фланги. Между клиньями передовой линіи и тыломъ половцы устанавливали телѣги, въ которыя прятались жены и дѣти. Въ случаѣ неудачи половцы ставили къ кругъ свои телѣги, покрывали ихъ бычьими шкурами и изъ-за такой ограды яростно отбивали приступы непріятеля. Телѣги устанавливались такъ, чтобы между ними образовывались извилистые тѣсные проходы. Горе было непріятелю, если онъ забирался въ эти проходы, а сами половцы быстро выносились на своихъ коняхъ по этимъ проходамъ въ поле, наносили врагу кровавый уронъ съ тыла и снова скрывались за свои телѣги.

Русскіе князья въ степномъ походѣ держались вмѣстѣ, чтобы при встрѣчѣ нанести врагу сразу рѣшительный ударъ. Завидя непріятеля, русское войско устраивалось къ бою. Наличная сила дѣлилась на три части—центръ, правое и лѣвое

крыло. Центръ долженъ былъ вести главное нападеніе или принять главный ударъ половцевъ, а крылья стремились устеречь центръ отъ неожиданнаго нападенія, охватить непріятеля и ударить на него сбоку, а если удастся, то и съ тылу. Впередъ высылались легкіе отряды конницы, которые имѣли задачей навести непріятеля на русскія силы такъ, какъ это было удобно вождямъ. Передъ главными, хорошо и крѣпко вооруженными отрядами помѣщались стрѣлки изъ лука; дождемъ мѣткихъ стрѣлъ встрѣчали они налетъ половцевъ и вносили смятеніе въ ихъ ряды.

Передовой отрядъ половцевъ былъ истребленъ русскими. Не выдержали столкновенія съ русскими и главныя половецкія силы. Разгромъ былъ полный. Погибло двадцать хановъ половецкихъ. Одного, Белдюза, взяли живымъ и привели къ князю Святополку. Белдюзъ давалъ за себя выкупъ—золото, серебро, коней. Святополкъ отослалъ плѣнника къ Владимиру.

— Сколько разъ вы клялись не воевать, — сказалъ хану Мономахъ,—а потомъ все воевали Русскую землю. Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? Такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей!..—Хана убили.

Съ богатою добычею вернулись русскіе князья домой. Но ожиданія ихъ, что ослабленные половцы долго не смогутъ грабить Русскую землю, не оправдались. Черезъ годъ возобновились набѣги. Снова началась мелкая война на степныхъ окраинахъ. Въ 1111 г. „думою и похотѣньемъ“ Мономаха снова былъ устроенъ походъ князей въ степь, въ самую глубь половецкихъ кочевій на Дону. Въ этомъ походѣ были разгромлены два большихъ половецкихъ становища, ихъ города; половцы были разбиты въ двухъ яростныхъ сраженіяхъ, когда отъ столкновенія воиновъ и лязга оружія точно громъ гремѣлъ, какъ разсказываетъ лѣтопись. Побѣдители взяли многое множество плѣнныхъ и добычи.

— Какъ это васъ была такая сила, — спрашивали плѣнныхъ,—а вы не могли бороться съ нами и бѣжали?

— Какъ намъ было съ вами бороться?—отвѣчали плѣнные половцы, — когда незнаемые воины ѣздятъ надъ вами свѣтлые и страшные и помогаютъ вамъ.

„То были ангелы Божіи, — поясняетъ свой разсказъ лѣтописецъ,—отъ Бога посланные помогать христіанамъ; ангелъ вложилъ въ сердце Владимиру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплеменниковъ. Такъ съ Божіей помощью пришли русскіе князья домой, къ своимъ людямъ, со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ дальнимъ, дошла до грековъ, до венгровъ, ляховъ, чеховъ, дошла даже до Рима“.

Восторженное сказаніе лѣтописи объ этомъ донскомъ походѣ на половцевъ является для насъ живымъ свидѣтельствомъ того великаго значенія, какое придавали современники этому подвигу князей за Русскую землю. „Времена Святослава Стараго вышли

изъ памяти, а послѣ никто изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же?—на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Кіевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами... Половцы побѣждены не въ волостяхъ русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ степей своихъ; отсюда понятно религіозное одушевленіе, съ какимъ разсказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи, ангелъ помогъ русскимъ князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ; слава похода разнеслась на Руси, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія... Надолго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и един-

Битва русскихъ съ половцами.
Съ рисунка въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи.

ственный герой донского похода; долго ходило преданіе о томъ, какъ пилъ онъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ агарянъ за Желѣзныя ворота".

Владиміръ Мономахъ задачей жизни ставилъ себѣ устроить борьбу съ половцами сообща, всей землей. Во всей полнотѣ осуществить эту задачу ему не удалось. Другіе князья не видѣли пользы отъ походовъ въ глубь половецкихъ степей.

Отдаленныя отъ степи русскія области, которыя не видывали половецкихъ набѣговъ на свои нивы и села, сторонились отъ участія въ далекихъ походахъ. На предложеніе итти въ степной походъ князья такихъ областей отвѣчали: „Не можемъ своей земли пусты оставити". Когда сынъ Мономаха, Мстиславъ, звалъ себѣ на помощь къ Переяславлю противъ Боняка полоцкихъ князей, то эти князья не пошли и даже, какъ замѣчаетъ лѣтопись, „молвяху Бонякови шелудивому во здоровье". Смоль-

няне, призванные на защиту Руси въ 1185 г. послѣ знаменитаго неудачнаго похода въ степь Игоря новгородъ-сѣверскаго, дошли только до степной границы и дальше итти не хотѣли. „Мы пошли только до Кіева, — говорили они,—и если бы здѣсь была война, мы дрались бы; зачѣмъ намъ искать непріятеля гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ? Мы уже утомились“.

Итакъ, планомѣрной наступательной борьбы со степью не устроилось на Руси XI и XII вв. Большіе походы, которыхъ за данное время можно насчитать семь, отрывочные и рѣдкіе, мало достигали той большой основной цѣли, какую ставилъ себѣ Мономахъ. Разбитые кочевники разсыпались въ разныя стороны по необъятному пространству степей; преслѣдовать ихъ тамъ было и безполезно и невозможно. Князья возвращались домой „со славою и честію великой“, а половцы, собравшись съ силами въ недостижимой глубинѣ своихъ степей, снова придвигались къ границамъ Русской земли, и снова ихъ быстроконные свирѣпые отряды жгли и грабили землю, убивали и уводили въ плѣнъ жителей.

Князья пытаются вступать съ половцами въ мирныя соглашенія, роднятся съ половецкими ханами, женясь на ихъ дочеряхъ, платятъ половцамъ выкупъ. Но это плохо помогало. Породнится князь съ однимъ ханомъ, будутъ грабить землю другіе; не было возможности дать выкупъ всѣмъ ханамъ. Въ свои усобицы князья слишкомъ часто сами вовлекали половцевъ, наводя ихъ на волости своихъ недруговъ и соперниковъ. И въ концѣ концовъ половцамъ куда же болѣе стали вѣдомы пути въ Русскую землю, нежели русскимъ князьямъ дороги къ вежамъ половецкимъ.

Княжескія усобицы и половецкіе набѣги несли гибель единству и силѣ Русской земли. И то и другое зло земля не умѣла побороть, послѣдствіемъ же было все большее дробленіе Руси и ослабленіе ея.

Въ XII вѣкѣ, при правнукахъ Ярослава и ихъ ближайшихъ потомкахъ, Рюриково племя такъ разрослось, что князьямъ владѣть землей сообща и передвигаться по княженіямъ на всемъ пространствѣ стало невозможнымъ; если возникали затрудненія при установленіи старшинства у дѣтей Ярослава, когда весь княжескій родъ былъ невеликъ, то при разрастаніи рода соблюдать очередь старшинства и порядокъ замѣщенія столовъ становилось дѣломъ совершенно безнадежнымъ, особенно послѣ того, какъ жизнь и обстоятельства нарушили естественный порядокъ этихъ очередей чуть ли не при самомъ установленіи ихъ. Поэтому въ XII вѣкѣ становится замѣтнымъ стремленіе князей, отдѣльныхъ вѣтвей княжескаго рода, утвердиться каждой въ различныхъ областяхъ съ тѣмъ, чтобы владѣть такой областью вмѣстѣ лишь съ ближайшими родичами и передвигаться по княженіямъ только въ предѣлахъ той области, гдѣ князья сумѣли утвердиться. И въ народѣ тоже становится замѣтно стремленіе держаться за

князей какой-нибудь опредѣленной линіи, такъ какъ смѣны князей, мирныя и немирныя, и чаще немирныя, чѣмъ мирныя, очень тяжело отзывались на бытѣ и жизни народа. Кіевляне упорно держатся Мономаховичей, и у нихъ, какъ выразилось вѣче, „на Владимирово племя рука не подымается". Ольговичи, потомки Олега Святославича, утвердились въ Чернигово-Сѣверской землѣ, потомки его брата Ярослава—въ Рязано-Муромской землѣ; въ землѣ Волынской, а съ конца XII в. и въ Галицкой, утвердился родъ старшаго сына Мономаха; въ Смоленской землѣ княжили тоже старшіе Мономаховичи, а Мономаховичи младшіе, потомство младшаго сына Мономаха, Юрія Долгорукаго, княжило въ землѣ Суздальской. Во всѣхъ этихъ областяхъ и старыхъ изгойскихъ земляхъ Полоцкой и Турово-Пинской дѣйствовалъ въ каждой свой очередной порядокъ.

Въ XII вѣкѣ каждая изъ этихъ областей, со своими собственными князьями во главѣ, живетъ независимой одна отъ другой внутренней жизнью, каждая отдѣльно борется съ тѣми иноплеменниками, съ которыми граничитъ. Суздальская земля ведетъ борьбу съ камскими болгарами, Новгородъ—съ финскими племенами, а въ XIII в. — съ нѣмцами и шведами, Рязанскій край — со степняками, и въ этой борьбѣ земли не ждутъ и не получаютъ помощи отъ сосѣдей: у каждой области свои враги и каждая сама, своими силами и средствами защищаетъ себя отъ враговъ. Черниговъ, Кіевъ, Переяславль тоже должны были сами отстаивать себя отъ половцевъ, защищая свою мѣстную безопасность и самостоятельность, и къ концу XII вѣка еще труднѣе становится устроить общій походъ князей противъ степи.

Кіевская земля продолжала оставаться предметомъ желаннаго обладанія всѣхъ князей, и всѣ они попрежнему стремятся хоть концомъ копья дотронуться до золотого стола кіевскаго и тѣмъ стать на степень самаго старшаго и богатаго среди князей. Но это стремленіе является теперь скорѣе запоздалой данью старому преданію, по которому требовалось достичь Кіева, чтобы не лишиться старшинства, и все болѣе теряло дѣйствительную, настоящую цѣнность. Обладаніе Кіевомъ не даетъ князю прежней силы и богатства. Кіевская земля въ XII вѣкѣ — край, гдѣ живется наиболѣе тревожно: безконечныя усобицы князей изъ-за обладанія Кіевомъ и постоянные набѣги половцевъ дѣлали жизнь въ Кіевской землѣ тревожной и опасной; торговля, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, очень упала въ XII вѣкѣ благодаря тому, что половцы „засорили" пути по Днѣпру къ морю и по степи въ Тавриду.

Въ 1170 г. князь Мстиславъ Изяславичъ, внукъ Мономаха, такъ жаловался другимъ князьямъ, созывая ихъ для отпора половцамъ: „Братья, — говорилъ онъ, — пожальтеся о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть (половцы) хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а съ нами роту (клятву) взимаюче всегда преступаюче; а уже у насъ и греческый путь

изъотимають и соляный и залозный“... Тринадцать южныхъ князей отозвались на призывъ Мстислава „поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своея чести“, побили половцевъ, дошли до степной границы, здѣсь подождали купцовъ, возвращавшихся изъ Греціи и Тавриды, и проводили ихъ въ свои волости. И еще о нѣсколькихъ такихъ походахъ въ теченіе XII в. разсказываетъ лѣтопись, когда князья сообща выходятъ навстрѣчу торговымъ караванамъ ради охраны ихъ. Къ этой скромной задачѣ свелись широкія намѣренія и планы Мономаха.

Значительно сократилась торговля съ Византіей вслѣдствіе тѣхъ неурядицъ и бѣдствій, которыя постигли имперію. Въ XI вѣкѣ имперія изнемогала въ борьбѣ съ сельджуками и турками, завладѣвшими лучшими малоазіатскими провинціями. Въ концѣ XII вѣка возстали противъ византійскаго господства болгары и завоевали себѣ независимость. Болгары призвали на помощь половцевъ, и половецкія полчища опустошили лучшія балканскія мѣстности. Въ 1204 году Константинополь былъ взятъ крестоносцами, и на мѣстѣ византійской православной имперіи водворилась католическая Латинская имперія. Благодаря всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, обрушившимся на имперію съ сѣвера и юга, съ востока и запада, Византія одно время совсѣмъ пропала для Руси, какъ рынокъ сбыта и вывоза. Конечно, это не могло не отозваться очень убыточнымъ образомъ на хозяйственномъ благополучіи кіевскаго юга. Въ Кіевской землѣ жить становилось не только тревожно и опасно, но и невыгодно, такъ какъ съ паденіемъ торговли сокращался заработокъ, который она давала населенію.

При такихъ условіяхъ скоро опредѣлилось въ народѣ стремленіе къ уходу изъ этого немирнаго края. И вотъ въ XII вѣкѣ начинается постепенное запустѣніе Кіевской Руси. Въ 1159 году черниговскій князь Святославъ жалуется, что въ его стольномъ городѣ Черниговѣ, занимавшемъ такъ недавно первое послѣ Кіева мѣсто по богатству и многолюдству, живутъ только княжескіе псари да „свои поганые“, т.-е. замиренные половцы. Рѣчная область по среднему Днѣпру съ его притоками, особенно въ южной части, пограничной со степью, когда-то хорошо и плотно заселенная, пустѣетъ: здѣсь исчезаютъ цѣлые города, какъ Юрьевъ по рѣкѣ Роси и Святополчъ; становятся малозначительными поселеніями процвѣтавшіе когда-то города Любечъ, Переяславль и др.

Переселенцы изъ кіевскаго юга направились главнымъ образомъ на сѣверо-востокъ, въ отдаленный Ростово-Суздальскій край, и на западъ, въ Галицкую землю. По мѣрѣ того, какъ пустѣла и слабѣла южная Кіевская Русь, устремившійся отъ опасной жизни потокъ переселенцевъ наводнялъ и усиливалъ Галицкую и Суздальскую земли, эти когда-то окраинныя бѣдныя страны. Къ XIII в. Галичъ, Суздаль и Новгородъ, стоявшій въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ и недостижимый для половец-

кихъ набѣговъ, являются средоточіями тѣхъ областей Русской земли, которыя къ нимъ тянутъ по хозяйственной или политической нуждѣ, и явно затмеваютъ своей силой, значеніемъ, богатствомъ старую мать русскихъ городовъ, Кіевъ, растерявшую своихъ дѣтей.

Къ концу XII вѣка прежнее страстное стремленіе князей къ Кіеву замѣтно охладѣваетъ. Теперь князь, которому выпадаетъ на долю занять кіевскій столъ, сначала разсчитываетъ, выгодно ли ему это. Князья больше стремятся къ тому, чтобъ удержать подъ собой свою отчину, особенно если это край, гдѣ спокойнѣе живется и куда отходитъ населеніе съ безпокойнаго кіевскаго юга. Въ 1150 годахъ шла борьба за Кіевъ между младшимъ сыномъ Мономаха, суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, и его племянникомъ Изяславомъ. Юрій былъ побѣжденъ и долженъ былъ уйти изъ Кіева. Онъ плакалъ горькими слезами, что ему приходится разстаться съ Кіевомъ, и медлилъ уходить. Сынъ Юрія, Андрей, родившійся и выросшій на сѣверѣ, не понималъ горя своего отца и торопилъ его итти домой: „Намъ теперь, батюшка, дѣлать здѣсь больше нечего, пойдемъ отсюда, пока тепло“, — говорилъ онъ отцу. Въ 1154 году Изяславъ умеръ, и Юрій занялъ кіевскій столъ. Старшаго своего сына Андрея посадилъ онъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ, близъ Кіева. Но Андрей не могъ жить на югѣ. „Смущался князь Андрей, видя нестроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежѣ и волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго, ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли, а со стороны степи все половцы выплѣнили; скорбѣлъ о томъ много князь Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, ушелъ къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль—тамъ-де поспокойнѣе“.

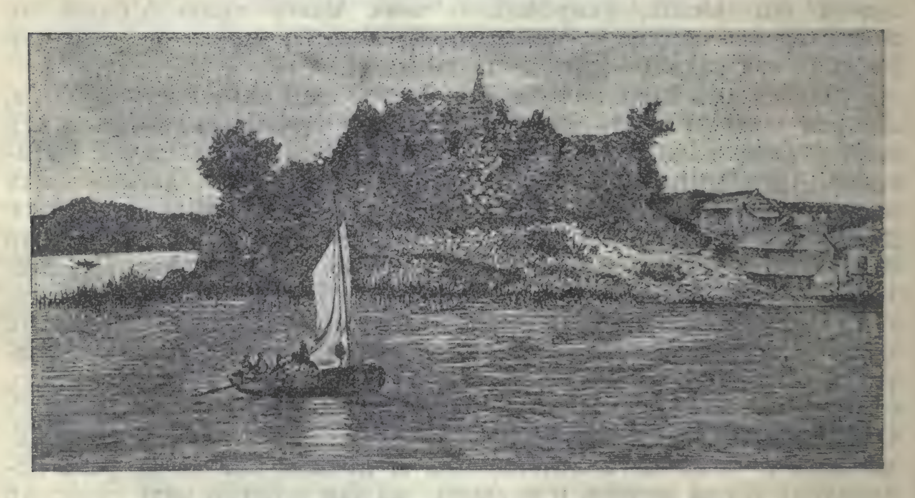
По смерти Юрія начались снова усобицы князей изъ-за Кіева. Андрей тоже принялъ участіе въ этихъ усобицахъ, когда счелъ себя старше занявшаго кіевскій столъ волынскаго князя Мстислава. Онъ отправилъ на югъ свое суздальское войско подъ начальствомъ сына. Къ суздальскому ополченію присоединились другіе князья, недовольные Мстиславомъ. Въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ суздальцами „копьемъ“, т.-е. приступомъ. Побѣдители отдали мать городовъ русскихъ „на щитъ“ своимъ воинамъ, т.-е. на грабежъ. Два дня грабили городъ суздальцы; забрали въ монастыряхъ и храмахъ колокола, ризы, иконы; множество жителей отвели въ плѣнъ, и „бысть въ Кіевѣ на всихъ человѣцехъ стенаніе и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестанныя“. Страшное, небывалое дѣло совершилось. „Сего же не было никогдаже“,—замѣчаетъ лѣтописецъ. И прежде князья не разъ добивались Кіева мечомъ и копьемъ, но они берегли мать городовъ русскихъ и не позволяли своимъ войскамъ грабить городъ. Сѣверный князь не питалъ къ Кіеву никакихъ сыновнихъ чувствъ. Для него это былъ *чужой* городъ. Ему надо было ослабить и

унизить значенiе Кiева и превознесть *свою* отчину. Овладѣвъ Кiевомъ, князь Андрей не поѣхалъ туда княжить самъ, а посадилъ своего брата Глѣба, оставивъ за собой только старшинство. До сихъ поръ князь, признанный старшимъ среди родичей, сидѣлъ въ Кiевѣ, и князь, сидѣвшiй въ Кiевѣ, признавался старшимъ, былъ „въ отца мѣсто" другимъ князьямъ. Князь Андрей, заставивъ признать себя старшимъ, не поѣхалъ въ Кiевъ, а остался у себя дома, въ своихъ суздальскихъ волостяхъ, и распорядился съ кiевскимъ столомъ, какъ съ завоеванной добычей, посылая туда на княженiе кого хотѣлъ изъ своихъ родичей. Это былъ конецъ первенству Кiева. Съ тѣхъ поръ онъ не поднялся на прежнюю высоту.

Татарское нашествiе въ половинѣ XIII вѣка довершило это паденiе. Въ XIV в. южная Русь была завоевана Литвой, вошла въ составъ Польско-Литовскаго государства, и судьбы ея надолго оказались оторванными отъ той Русской земли и Русскаго государства, которое стало складываться на сѣверѣ, въ Суздальской области.

Главнѣйшiя пособiя: *С. М. Соловьевъ*, „Исторiя отношенiй между князьями Рюрикова дома"; *его же*, „Исторiя Россiи съ древнѣйшихъ временъ", т. I — III; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, „Русская исторiя", т. I; *В. О. Ключевскiй*, „Курсъ русской исторiи", ч. I; *М. Грушевскiй*, „Очерки исторiи Кiевской земли"; *В. Лянскоронскiй*, „Исторiя Переяславской земли"; *П. Голубовскiй*, „Печенѣги, торки, половцы до нашествiя татаръ"; *Н. Аристовъ*, „О землѣ половецкой"; *П. Голубовскiй*, „Исторiя Сѣверской земли"; *А. Е. Прѣснявовъ*, „Княжое право въ древней Руси", и другiя сочиненiя.

Заставка изъ „Святославова Изборника" (1076 г.), буква изъ рукописи XII вѣка.

Развалины Рюриковой крѣпости въ Старой Ладогѣ.

Удѣльныя княжества сѣверо-восточной Руси.

Жизнь въ южной Руси никогда не отличалась спокойствіемъ и миромъ. Безконечныя усобицы князей и набѣги степныхъ народовъ держали въ вѣчномъ страхѣ и тревогѣ населеніе южно-русскихъ городовъ и селъ. Плѣнъ и рабство у своихъ или у степняковъ, нежданная смерть, разореніе, гибель ближнихъ и потеря нажитого и накопленнаго имущества неотступной угрозой висѣли надъ народомъ. Въ XII вѣкѣ эти бѣдствія усилились чрезвычайно, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно уменьшилась вся выгода жизни въ этихъ безпокойныхъ краяхъ, когда сократилось, а концу вѣка почти прекратилось торговое оживленіе этого края. Вмѣсто угасшей торговли земледѣліе становится главнымъ источникомъ труда, но мирному развитію земледѣлія мѣшаютъ военныя тревоги, которымъ не предвидится конца. Въ XII вѣкѣ народъ явно уходилъ изъ южной Руси въ тѣ края, гдѣ живется спокойнѣе. Главная волна переселенцевъ съ Кіевской Руси направлялась на сѣверо-востокъ, за Оку, на верхнюю Волгу, въ отдаленный Ростово-Суздальскій край. Сюда до сихъ поръ приходили переселенцы только изъ Новгорода, а съ юга не было прямоѣзжей дороги въ эту глухую залѣсскую область. Когда въ 1015 г. князю Глѣбу пришлось изъ его муромской волости проѣхать въ Кіевъ, то онъ взялъ путь на Волгу, пересѣкъ ее выше Твери и отсюда поѣхалъ на Смоленскъ, чтобы по Днѣпру спуститься въ Кіевъ. Вотъ какой кружный путь надо было про-

дѣлать, чтобы попасть въ началѣ XI вѣка изъ Мурома въ Кіевъ. Въ концѣ вѣка считается за особый подвигъ пройти прямо въ Ростовскую землю „сквозѣ вятичей", т.-е. черезъ нынѣшнія Орловскую и Калужскую губерніи. Самъ Владиміръ Мономахъ, перечисляя свои подвиги, упоминаетъ о походѣ „сквозѣ вятичей", какъ достойномъ памяти дѣлѣ. Но къ серединѣ XII в. эта дорога сквозь вятичей становится настолько прямоѣзжей, что сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, водитъ по ней свои полки. Движеніе непрерывныхъ волнъ переселенцевъ проложило, очевидно, къ этому времени свободный прямой путь съ юга на сѣверъ.

Изображеніе иконы Божіея Матери Владимирскія.

Въ 1097 г. собравшіеся на съѣздѣ въ городѣ Любечѣ князья, внуки Ярослава, утвердили Суздальскій край за Владиміромъ Мономахомъ. Въ потомствѣ Мономаха этотъ край и остался. Здѣсь во второй четверти XII вѣка сталъ княжить младшій сынъ Мономаха Юрій, прозванный Долгорукимъ, должно-быть, за свое умѣнье изъ далекаго Суздаля цѣпко хвататься за золотой кіевскій столъ. Княженіе Юрія совпало съ особымъ оживленіемъ переселенческаго движенія съ безпокойнаго юга въ тихій залѣсскій сѣверъ.

Понимая, что заселеніе страны устраиваетъ землю и обогащаетъ казну, князь Юрій не только принималъ тѣхъ переселенцевъ, которые шли въ его княжество, но и самъ созывалъ охотниковъ селиться у него, вывозилъ къ себѣ плѣнныхъ, давалъ

поселенцамъ разныя льготы и ссуды, помогалъ въ постройкѣ дворовъ; приходили къ нему, кромѣ русскихъ, болгары съ Камы, мордва и другіе иноплеменники и „предѣлы его яко многими тысячами людей наполняли“.

Въ заселявшейся усиленно странѣ стали возникать города. Одни изъ нихъ были основаны княземъ, какъ крѣпости и мѣста для сбора дани, другіе выростали сами въ удобныхъ мѣстахъ. Такъ, князь Юрій Долгорукій построилъ города Константиновъ на сліяніи Большой Нерли съ Волгой, Юрьевъ-Польскій и Дмитровъ. При Юріи Долгорукомъ возникли: Тверь, Кострома, Городецъ, Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ. Въ княженіе Юрія лѣтопись впервые упоминаетъ подъ 1147 г. городокъ Москву.

Народное преданіе приписываетъ основаніе Москвы князю Юрію. Сказаніе повѣствуетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, жилъ во времена Юрія богатый бояринъ Степанъ Кучка; его богатыя села были расположены по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки. Разъ князь Юрій остановился проѣздомъ во владѣніяхъ Кучки. Бояринъ „возгордѣвшись зѣло“ не почтилъ князя и поносилъ его. Князь Юрій, не стерпя такого посрамленія, велѣлъ схватить боярина и казнить, а дѣтей его отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Мѣстоположеніе Кучкова имѣнія очень понравилось князю, и онъ повелѣлъ построить городокъ-крѣпость на высокомъ мысу при сліяніи съ Москвой-рѣкой рѣчки Неглинной. Городокъ онъ велѣлъ звать по имени рѣки—Москвой. Много ли въ преданіи исторической правды—нельзя сказать. Но кое-что вѣрное, какъ будто, есть въ преданіи; такъ, въ Москвѣ нѣкоторыя урочища сохранили въ своемъ названіи имя Кучки, самая Москва первое время своего существованія называлась Кучковымъ; въ одной лѣтописи сказано, что несли князя Михаила еле жива на носилицахъ „до Кучкова, рѣкше до Москвы“.

Сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій, продолжалъ дѣятельность отца. Изъ Кіева привезъ онъ чудотворную икону Божіей Матери, писанную по преданію ап. Лукою. Изъ Кіевской земли Андрей уѣхалъ тайно отъ отца. Икону онъ тоже захватилъ тайно. Онъ хотѣлъ перенести чудотворный образъ въ свою любимую Суздальскую землю, чтобы дать ей святыню, чтимую всей Русью, и тѣмъ показать, что надъ этой прежде пустынной и глухой землей нынѣ почіетъ особое благословеніе Божіе. Изъ всѣхъ городовъ князь Андрей любилъ больше другихъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, основанный его дѣдомъ Владиміромъ Мономахомъ. Князь Андрей задумалъ вознести этотъ новый городъ надъ старыми городами Ростовомъ и Суздалемъ и, чтобы освятить свое намѣреніе, новую святыню рѣшилъ поставить въ городѣ Владимірѣ. Онъ проѣхалъ мимо Владиміра, какъ бы направляясь въ Суздаль, но въ 10 верстахъ отъ Владиміра лошади подъ иконою стали и не могли сдвинуть возъ съ мѣста. Князь остановился; проведя здѣсь ночь, онъ объявилъ, что ему явилась во снѣ Божія Матерь съ хартіей въ рукѣ и приказала поставить икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ,

гдѣ произошло видѣніе, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. На мѣстѣ чудесной остановки князь Андрей построилъ каменную церковь и дворецъ, а село, возникшее около княжеской резиденціи, было названо Боголюбовымъ. Это село сдѣлалось впослѣдствіи любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея и усвоило ему въ исторіи прозваніе Боголюбскаго.

Когда князь Юрій умеръ въ Кіевѣ (1157 г.), ростовцы и суздальцы „сдумавше вси пояша Андрея, сына его старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми“... Но Андрей не захотѣлъ поселиться ни въ Ростовѣ ни въ Суздалѣ, а сталъ жить во Владимирѣ. Здѣсь онъ построилъ великолѣпный соборъ во имя Успенія Пресв. Богородицы и перенесъ въ новый храмъ вывезенную имъ изъ Кіевской земли икону Пресв. Богородицы, богато украсивъ ее золотымъ окладомъ съ драгоцѣнными каменьями. Икона съ тѣхъ поръ стала называться Владимирской.

Городъ Владимиръ, прежде малый и незначительный, становится при князѣ Андреѣ обширнымъ и населеннымъ. Свою новую столицу князь Андрей хотѣлъ сдѣлать такой же славной и богатой, какъ Кіевъ. Въ новомъ городѣ поселилось много выходцевъ изъ южной Руси и изъ самого Кіева. По обычаю всѣхъ переселенцевъ, новые жители Владимира дали отдѣльнымъ частямъ и урочищамъ города привычныя кіевскія названія. Какъ въ Кіевѣ, во Владимирѣ оказалась рѣчка Лыбедь, Печерный городъ; князь Андрей построилъ Златыя врата съ церковью надъ ними, какъ въ Кіевѣ, Десятинную церковь Пресв. Богородицы, которой, какъ Владимиръ Святой кіевской Десятинной, „далъ десятину отъ стадъ своихъ и отъ торга, приписалъ къ ней городъ Гороховецъ, много селъ и деревень“. Онъ не жалѣлъ денегъ на постройку храмовъ и украшеніе ихъ, выписывалъ мастеровъ-строителей изъ Греціи и богато разукрасилъ позолотой и стѣнной живописью Успенскій соборъ, поставилъ монастыри Спасскій и Вознесенскій, построилъ соборъ въ Переяславлѣ и много другихъ каменныхъ храмовъ по всей землѣ своей. Эта неустанная храмоздательная дѣятельность князя привлекала къ нему любовь духовенства и уваженіе народа.

Самъ Андрей часто посѣщалъ храмы, даже по ночамъ ходилъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и подолгу молился; всенародно раздавалъ онъ милостыню бѣднымъ и убогимъ, жилъ какъ набожный, благочестивый человѣкъ и за это повсюду слышалъ похвалы своему христіанскому смиренію и милосердію. Даже тѣ злоупотребленія, которыя творили его тіуны и его любимцы изъ духовенства, не мѣшали благочестивой славѣ Андрея. Какъ на благочестивый подвигъ смотрѣли современники на его походы противъ невѣрныхъ. Области Андрея граничили съ царствомъ болгарскимъ. Андрей два раза побѣдоносно воевалъ съ болгарами. Стремясь къ возвышенію своей новой столицы, князь

Андрей обратился съ просьбой къ патріарху посвятить въ митрополиты во Владимиръ своего любимца Θеодора: Владимиръ сталъ бы тогда не только выше Суздаля и Ростова, но сдѣлался

Успенскій соборъ въ г. Владимирѣ на Клязьмѣ, заложенный великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 г.

бы духовной столицей всей сѣверо-восточной Руси. Но патріархъ отказался посвятить отдѣльнаго митрополита для Суздальской Руси. Андрей добился только того, что Θеодоръ получилъ санъ епископа ростовскаго и дозволеніе жить во Владимирѣ.

Богатый, сильный, властный князь Андрей не терпѣлъ никакихъ противорѣчій своей волѣ. По распоряженію Юрія Долгорукаго Андрей долженъ былъ бы княжить въ Кіевѣ, Суздальскую же область Юрій опредѣлилъ младшимъ своимъ сыновьямъ. Но города суздальскіе хотѣли княземъ Андрея. Андрей выгналъ изъ Суздальской области своихъ братьевъ и племянниковъ, удалилъ и тѣхъ бояръ, которыхъ не считалъ достаточно преданными себѣ. Въ рукахъ Андрея оказалась власть надъ всею Суздальской землей, которая была самой сильной изъ всѣхъ русскихъ земель того времени: междоусобій въ ней не могло возникать, вторженія внѣшнихъ враговъ тоже можно было не опасаться, что, конечно, развязывало Андрею руки для выполненія тѣхъ широкихъ замысловъ, которые онъ себѣ ставилъ. А онъ хотѣлъ и во всей Русской землѣ распоряжаться такъ, какъ распоряжался въ своей Суздальской области. Для этого онъ задумалъ унизить значеніе Кіева, лишивъ его старѣйшинства надъ другими русскими городами и перенести это старѣйшинство на свой городъ Владиміръ, затѣмъ онъ рѣшилъ подчинить себѣ Новгородъ. Цѣлью всей его политики стало добиваться для себя возможности отдавать оба эти города съ ихъ землями въ княженіе тѣмъ князьямъ, которыхъ онъ, Андрей, захочетъ туда посадить; такіе имъ посаженные князья, конечно, будутъ во всемъ исполнять его волю, будутъ безпрекословно признавать его старшинство.

Торжественная одежда князя XIII вѣка.
Реставр. по рисунку въ рукописномъ псалтирѣ конца XIII в.

Въ 1158 г. новгородцы прогнали брата Андреева Мстислава и призвали Святослава и Давида, сыновей старшаго дяди Андреева, Ростислава. Перваго посадили въ Новгородѣ, а другого въ Торжкѣ; но и противъ нихъ скоро образовалась въ Новгородѣ враждебная партія. Разсчитывая на помощь этой партіи, Андрей послалъ сказать новгородцамъ: „Буди вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ“. Андрей потребовалъ, чтобы новгородцы цѣловали ему крестъ, какъ своему князю. Такое требованіе усилило волненіе въ Новгородѣ; тамъ стали собираться бурныя вѣча; сперва Давидъ, а потомъ и Святославъ были изгнаны; заковали лицъ, составлявшихъ княжескую дружину, имѣніе ихъ разграбили, а потомъ послали просить у Андрея на княженіе его сына. Но Андрей отправилъ въ Новго-

родъ не сына, а племянника, Мстислава. Андрею было безразлично, какой князь будетъ княжить въ Новгородѣ, лишь бы только этотъ князь былъ посаженъ имъ, чтобы такимъ образомъ вошло въ обычай для новгородцевъ получать себѣ князей отъ суздальскаго князя.

Въ 1169 году, вмѣшавшись въ кіевскія усобицы, Андрей послалъ къ Кіеву свое войско. Суздальцы взяли приступомъ Кіевъ и разорили его. Овладѣвъ Кіевомъ, Андрей не поѣхалъ туда, какъ слѣдовало бы по обычаю, а отдалъ Кіевъ своему младшему брату Глѣбу. Древній Кіевъ потерялъ свое вѣковое старшинство.

Покончивъ съ Кіевомъ, Андрей обрушился на Новгородъ. Этотъ походъ былъ неудаченъ. Послѣ четырехдневнаго боя войско Андрея было разбито. Новгородцы захватили множество плѣнныхъ, но должны были покориться Андрею: въ Новгородской землѣ не хватало своего хлѣба, и безъ привоза изъ Суздальской области Новгороду грозилъ голодъ.

Посаженный въ Кіевѣ Андреемъ князь Глѣбъ скоро скончался. Мѣсто его занялъ съ согласія Андрея одинъ изъ Ростиславичей, двоюродныхъ братьевъ Андрея. Но этотъ князь и его родня не поладили съ суздальскимъ самовластцемъ. Тогда Андрей послалъ къ Ростиславичамъ своего боярина, мечника Михну, и велѣлъ сказать князьямъ: „Если не живете по моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай вонъ изъ Кіева, а ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлогорода; остается вамъ Смоленскъ; тамъ себѣ дѣлитесь, какъ знаете“. Романъ повиновался и уѣхалъ въ Смоленскъ. Андрей отдалъ Кіевъ брату Михаилу. Но не всѣ Ростиславичи были безгласны, какъ Романъ. Они отправили къ Андрею посла съ объясненіями; но Андрей не далъ отвѣта. Тогда они ночью вошли въ Кіевъ, овладѣли имъ и посадили на кіевскомъ столѣ одного изъ своей среды, Рюрика Ростиславича; самъ Михаилъ присталъ къ нимъ и отступилъ отъ Андрея.

Одежда замужней женщины XIII—XIV вв. Съ фрески въ церкви св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода.

Гордый Андрей призвалъ своего мечника Михну и сказалъ: „Поѣзжай къ Ростиславичамъ, скажи имъ вотъ что: вы не поступаете по моей волѣ; за это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а Мстиславу скажи такъ: ты всему зачинщикъ, я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ“.

Михна передалъ Ростиславичамъ порученіе своего князя. Не стерпѣлъ этой рѣчи князь Мстиславъ. „Онъ, — говоритъ

современникъ,—отъ юности своей не привыкъ бояться ,никого, кромѣ единаго Бога!“ Онъ приказалъ остричь Михнѣ волосы на головѣ и бородѣ и сказалъ: „Ступай къ своему князю и передай

Церковь Покрова Пресв. Богородицы близъ Владимира на Клязьмѣ, построенная въ 1165 году.

ему отъ насъ вотъ что: мы тебя до сихъ поръ считали отцомъ своимъ и любили, ты же прислалъ къ намъ такія рѣчи, какъ будто считаешь меня не княземъ, а подручникомъ и простымъ человѣкомъ. Дѣлай, что замыслилъ! Богъ насъ разсудитъ!“.

Въ этомъ своемъ отвѣтѣ князь Мстиславъ ярко отмѣтилъ характеръ тѣхъ новыхъ отношеній между князьями, какія должны были возникнуть, какъ слѣдствіе поступковъ Андрея. Онъ хотѣлъ, по выраженію Мстислава, обращаться съ братіей, какъ со своими подчиненными, подручниками, не какъ отецъ съ

дѣтьми и не какъ старшій князь съ младшими, а требовалъ зависимости младшихъ отъ великаго князя, такой же зависимости, въ какой были отъ него простые люди.

Этотъ отвѣтъ Мстислава и оскорбленіе, нанесенное имъ Михнѣ, привели въ ярость Андрея. Онъ отправилъ сильное войско противъ Мстислава и приказалъ своимъ воеводамъ захватить Мстислава непремѣнно живымъ и доставить его во Владиміръ. Девять мѣсяцевъ войска Андрея осаждали Мстислава, но онъ храбро отбивался и восторжествовалъ. Когда войска Андрея, утомленныя долгой осадой, услыхали, что къ Мстиславу идетъ помощь, то поспѣшно отступили. Мстиславъ сдѣлалъ вылазку и стремительнымъ нападеніемъ разбилъ отступавшихъ.

Димитріевскій соборъ въ г. Владимирѣ на Клязьмѣ. Построенъ при вел. кн. Всеволодѣ Большое Гнѣздо въ 1193 г. русскими мастерами.

Кіевъ остался за Ростиславичами. Но скоро тамъ опять начались усобицы, опять вмѣшался въ нихъ Андрей. Явно становилось, что судьба древняго столичнаго города во многомъ зависитъ отъ того, что скажутъ во Владимирѣ.

Такимъ самовластнымъ обращеніемъ съ князьями Андрей возбудилъ къ себѣ большую ненависть. Младшихъ братьевъ онъ прогналъ отъ себя, съ дружиной тоже обращался не по-старинному; онъ держалъ себя съ дружиной необычайно гордо, не спрашивалъ совѣтовъ, не терпѣлъ противорѣчій. Нѣкоторые бояре были казнены Андреемъ, другіе лишены имущества. Даже на охоту онъ не приглашалъ своихъ старшихъ дружинниковъ и охотился только съ младшими. Большимъ довѣріемъ, да и то преимущественно по хозяйственнымъ дѣламъ, пользовались у него чужеземные выходцы — ключникъ Амбалъ, кабардинецъ родомъ, еврей Ефремъ Манзикъ и др. Андрей полагалъ, что, приближая къ себѣ такихъ людей, онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на ихъ зависимую преданность. Но и съ ними онъ обра-

щался очень гордо и сурово. За это пренебреженіе къ старымъ обычаямъ и за свое стремленіе къ самовластію Андрей поплатился жизнью.

Былъ у Андрея любимый слуга Якимъ Кучковичъ. Князь приказалъ казнить его брата. Якимъ сталъ говорить своимъ пріятелямъ: „Сегодня того, другого казнилъ, а завтра казнятъ и насъ: раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ!“ Въ пятницу, 28 іюня 1175 года, собрался совѣтъ въ домѣ Кучкова зятя, Петра. Было тамъ человѣкъ 20 и въ числѣ ихъ ключникъ Андрея, Амбалъ, и Ефремъ Манзикъ. На совѣтѣ рѣшили убить князя въ эту же ночь. Дѣло происходило въ Боголюбовѣ.

Андрей, по извѣстію одной лѣтописи, спалъ одинъ, заперши дверь, а по другимъ—близъ него находился кощей (мальчикъ). Заговорщики, отправляясь на свое дѣло, зашли прежде въ медушу (погребъ), напились для смѣлости вина и потомъ направились къ ложницѣ (спальнѣ) Андрея. Они выломали дверь и бросились на князя. Андрей хватился своего меча. Мечъ этотъ принадлежалъ нѣкогда св. Борису и всегда стоялъ у постели князя. Но Амбалъ наканунѣ похитилъ этотъ мечъ. Андрей защищался, какъ могъ. Впотьмахъ убійцы ранили одного изъ своихъ, но потомъ, различивъ князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили съ нимъ, они ушли, но князь, собравъ послѣднія силы, вышелъ за ними, спустился съ лѣстницы и спрятался подъ сѣни. Убійцы услышали его стоны. Они бросились назадъ къ ложницѣ, но князя тамъ не было. „Мы погибли, — закричали они,— ищите, скорѣе ищите его!“ Зажгли поспѣшно свѣчи и по слѣдамъ крови на лѣстницѣ нашли князя; онъ сидѣлъ, прижавшись за лѣстничнымъ столбомъ, и молился. Петръ Кучковичъ отсѣкъ ему правую руку. Князь успѣлъ проговорить: „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!“ — и окончилъ жизнь.

Убійцы умертвили нѣкоторыхъ слугъ князя, спѣшившихъ ему на помощь. Имущество князя разграбили, надѣли на себя одежды и вооруженіе Андрея, обнаженное тѣло князя выбросили въ огородъ. Опасаясь, что владимирцы, городъ которыхъ такъ возвысился при Андреѣ, будутъ мстить за своего князя, заговорщики послали сказать во Владимиръ о случившемся и пригрозили городу. Но владимирцы оставались спокойны; ростовцы и суздальцы стали избивать и грабить тіуновъ князя Андрея, даже жители Боголюбова приняли участіе въ грабежѣ княжескаго дома. Два дня обнаженное тѣло князя Андрея лежало въ огородѣ. Никто не осмѣливался отдать послѣдній долгъ погибшему, боясь заговорщиковъ. Одинъ изъ старыхъ слугъ князя, кіевлянинъ Кузьма, сталъ просить у Амбала что-нибудь, чтобы покрыть тѣло. Амбалъ выбросилъ въ окно плащъ и коверъ. Кузьма обернулъ тѣло убитаго и понесъ въ церковь. Но церковь была заперта, и никто не рѣшался открыть двери. Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ. Только на третій день пришелъ игу-

менъ монастыря свв. Козьмы и Даміана и убѣдилъ церковниковъ положить тѣло въ каменный гробъ и отпѣть панихиду по убіенномъ. Черезъ недѣлю пришло духовенство изъ Владимира. Печальная процессія съ тѣломъ убитаго князя потянулась къ городу. Народъ вышелъ навстрѣчу. Когда показалось княжеское знамя и гробъ, послышалось погребальное пѣніе, то злоба народная смѣнилась печалью, вспомнили и добрыя дѣла убитаго, его усердіе къ храмамъ и церкви, и въ народѣ послышались рыданія. Похоронили Андрея въ построенной имъ церкви Успенія Пресв. Богородицы.

Фресковое изображеніе „Пресвѣтлаго рая" въ Димитріевскомъ соборѣ во Владимирѣ на Клязьмѣ.

По смерти Андрея началась усобица между князьями и между городами. Старые города Ростовъ и Суздаль призвали на княженіе племянниковъ Андрея, Ярополка и Мстислава, которые при жизни Андрея, не смѣя явиться въ его владѣніяхъ, жили въ Рязани. А младшій городъ, Владимиръ, призвалъ братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода. Началась усобица. Ростовцы взяли верхъ и посадили во Владимирѣ Ярополка. „Они наши холопы и каменщики,—говорили ростовцы о владимирцахъ,—мы ихъ городъ сожжемъ или посадника отъ себя имъ дадимъ". Но Ярополкъ не долго усидѣлъ во Владимирѣ, онъ велъ себя именно какъ посадникъ ростовскій, угождая во всемъ ростовцамъ и обременяя владимирцевъ поборами и данями. „Мы вольныхъ князей къ себѣ принимаемъ",—говорили владимирцы и прогнали Ярополка и его бояръ; на сторону Владимира стала вся земля.

Владимирцы призвали снова Михаила. Но Михаилъ скоро умеръ; владимирцы созвонили вѣче и выбрали княземъ Всеволода. Ростовцы попытались-было подняться съ Ярополкомъ и Мстиславомъ противъ Всеволода и владимирцевъ, но были побѣждены. Вмѣстѣ съ владимирцами за князя Всеволода сталъ народъ всѣхъ городовъ. Даже простой народъ Ростова и Суздаля былъ за Всеволода. Зато бояре даже во Владимирѣ были за Ярополка и Мстислава.

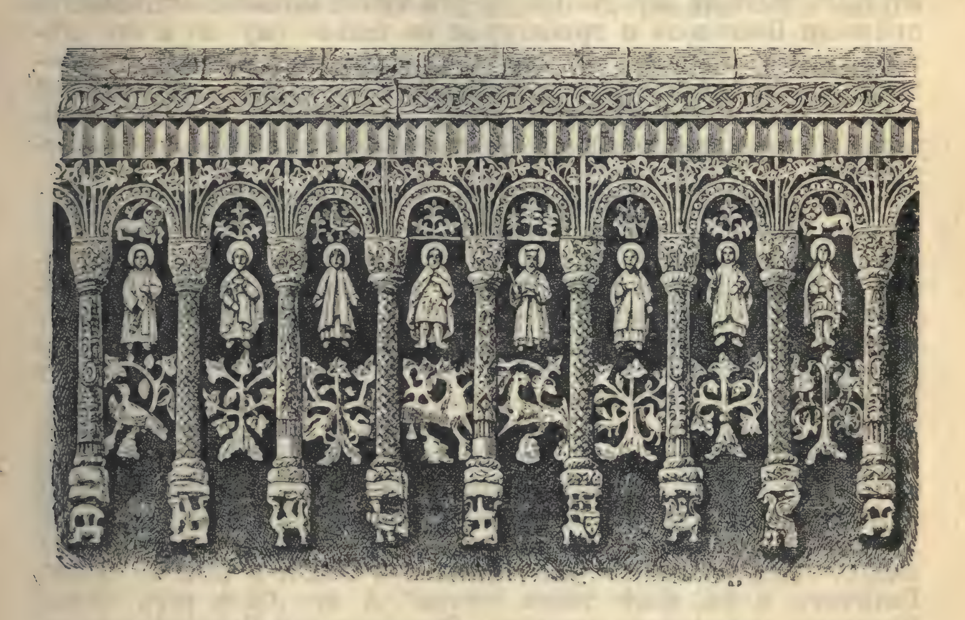
Такимъ образомъ въ усобицѣ, возникшей послѣ смерти Андрея, столкнулись не столько князья, боровшіеся за старшинство, сколько новое, пришлое населеніе со старыми жителями края. Одолѣло это новое населеніе. „Старшіе города Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре,—разсказываетъ лѣтопись,—захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, и говорили: какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ, Владимиръ нашъ пригородъ! Воспротивились они Богу и св. Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей смутьяновъ, не хотѣвшихъ намъ добра изъ зависти къ сему городу и живущимъ въ немъ. Не сумѣли ростовцы и суздальцы правды Божіей исправить, думали, что если они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все посвоему, но люди новые, мизинные, владимирскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться и сказали себѣ: либо Михаила князя добудемъ, либо головы свои положимъ за св. Богородицу и за Михаила князя. И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и св. Богородица: прославлены стали владимирцы по всей землѣ за ихъ правду, Богови имъ помогающу“... За какую же это „правду“ стояли „мизинные володимерцы“? и почему торжество ихъ такъ прославлено лѣтописцемъ?

Дѣло вотъ въ чемъ. Городская знать старыхъ городовъ Ростова и Суздаля устроилась въ краѣ еще задолго до Юрія Долгорукаго. Съ Юріемъ Долгорукимъ водворилась въ Суздальской землѣ старшая дружина, бояре, которая примкнула къ старому, богатому землевладѣльческому купечеству Ростова и Суздаля. Низшій слой населенія этихъ городовъ и сплошь почти все населеніе новыхъ городовъ, съ Владимиромъ во главѣ, состояло изъ недавнихъ переселенцевъ. Эти переселенцы были большею частью изъ низшихъ слоевъ южно-русскаго общества, городского и сельскаго. Тамъ на югѣ простому народу приходилось много терпѣть отъ засилья богатой торговой и дружинной знати. Торговля, собирая большія средства въ рукахъ городского купечества, тѣмъ самымъ поддерживала господство его надъ низшимъ слоемъ населенія.

Постоянная внѣшняя и внутренняя борьба укрѣпляла положеніе княжеской дружины. Въ рукахъ городской и дружинной знати сосредоточивались всѣ источники заработка. Они были и денежными капиталистами и крупными землевладѣльцами. Привлекая къ своей торговой дѣятельности или къ обработкѣ своихъ земель народъ, эти богачи стремились путемъ раздачи денегъ

впередъ своимъ работникамъ и другими способами закабалить ихъ себѣ на подневольную, обязанную службу; изъ такого подневольнаго состоянія, по тогдашнему закону, легко было попасть въ полную зависимость отъ кредитора, сдѣлаться его рабомъ, холопомъ.

Переселеніе во многихъ случаяхъ было средствомъ избавиться отъ того давленія, которое со стороны знати тяготѣло

Скульптурныя украшенія на южной сторонѣ Димитріевскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ.

въ южной Руси надъ простымъ народомъ. На новыя мѣста переселенцы принесли съ собой недовольство и злое чувство къ своимъ прежнимъ угнетателямъ и въ условіяхъ новой жизни не хотѣли возврата къ прежнимъ порядкамъ. Отсюда ихъ вражда къ стариннымъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, которые, какъ и землевладѣльцы юга, стремились закрѣпить за собой трудъ новоселовъ, приманивая ихъ подмогами и льготами на свои земли и за это обязывая ихъ работать на себя до выплаты подмогъ и займовъ. Но здѣсь, на сѣверѣ, земледѣльцамъ легче было бороться съ засильемъ; богатое городское купечество и пришлая княжеская дружина далеко не были въ Суздальскомъ краѣ такъ сильны и богаты, какъ на кіевскомъ югѣ, не было войнъ и усобицъ, которыя давали такое большое значеніе княжеской дружинѣ, помогая дружинникамъ собирать имѣнье многое и богатство великое.

Такимъ образомъ простой народъ, земледѣльцы и мелкіе городскіе промышленники скоро стали явно преобладать въ Суздальской землѣ. Здѣсь жили землей, а землю и бояринъ и простой поселенецъ могли получить только отъ князя. Вотъ почему послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, когда городская и дружинная знать выбрали одного князя, простой народъ захотѣлъ имѣть своего. Произошло столкновеніе, побѣдителемъ изъ котораго вышелъ народъ. По смерти князя Михаила владимирцы призвали Всеволода и присягнули не только ему, но и его дѣтямъ, „установили у себя, значитъ,—какъ замѣчаетъ В. О. Ключевскій, — наслѣдственность княжеской власти въ нисходящей линіи вопреки очередному порядку и выросшему изъ него притязанію старшихъ городовъ выбирать между князьями-совмѣстниками“.

Всеволодъ III, прозванный за свою многосемейность Большое Гнѣздо, княжилъ въ Суздальской землѣ съ 1176 по 1212 годъ. Княженіе его во многомъ продолжало времена Андрея Боголюбскаго; только Всеволодъ поступалъ во всемъ съ большею умѣренностью и осторожностью. Заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, Всеволодъ въ Кіевъ не поѣхалъ, а посадилъ на кіевскій столъ своего племянника Рюрика. Этотъ Рюрикъ хотя и назывался великимъ княземъ кіевскимъ, но ничего не могъ сдѣлать безъ воли Всеволода. И всѣ волости Русской земли явственно ощущали силу и могущество Всеволода. Галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, воротивъ свой отчій столъ и не надѣясь удержаться на немъ, проситъ покровительства у Всеволода: „Отецъ и господинъ!..—посылаетъ онъ сказать суздальскому князю,—удержи Галичъ подо мной, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда“. А это былъ тотъ самый Ярославъ, могущество котораго „Слово о полку Игоревѣ“ изображаетъ такъ: „Галицкій Ярославъ Осмомыслъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, подперши своими сильными полками горы Карпатскія, заслонивши путь королю венгерскому, преградивъ доступъ къ Дунаю... творя судъ до Дуная. Молва о твоихъ грозныхъ подвигахъ идетъ по всѣмъ странамъ; ты отворяешь ворота Кіева, поражаешь съ золотого отцовскаго престола султановъ въ чужихъ земляхъ“.

Съ князьями, не исполнявшими его воли, великій князь Всеволодъ распоряжался именно какъ со своими подручниками. Не исполнили его распоряженія рязанскіе князья и, по приказанію Всеволода, были схвачены и привезены къ нему, а по рязанскимъ городамъ Всеволодъ размѣстилъ своихъ посадниковъ, Рязань же отдалъ своему сыну. Когда рязанцы возмутились, Рязань была сожжена по приказанію Всеволода и край присоединенъ къ великому княженію владимирскому. Смоленскій князь просилъ у Всеволода прощенія за поступокъ противъ воли Всеволода. И въ Новгородѣ Всеволодъ распоряжался, какъ хотѣлъ, давалъ Новгороду князей, кого хотѣлъ, казнилъ неугодившихъ ему

новгородскихъ чиновниковъ, не объявляя имъ вины. Суздальскій лѣтописецъ, разсказывая о великомъ князѣ Всеволодѣ, пишетъ: „Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей землѣ изъиде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его“. Другой лѣтописецъ называетъ Всеволода „миродержцемъ Суждальской земли“. „Слово о полку Игоревѣ“ картинно рисуетъ могущество великаго князя суздальскаго. Призывая Всеволода на помощь плѣненному Игорю, „Слово“ говоритъ: „Ты вѣдь

Западный порталъ Димитріевскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ.

можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами“,— такимъ многочисленнымъ и могучимъ представляется автору войско Всеволода, великаго князя суздальскаго.

Все, къ чему стремился Андрей Боголюбскій въ смыслѣ безусловнаго господства во всей Русской землѣ, господства, не связаннаго никакими обязательствами, ни старыми ни новыми, казалось, было осуществлено Всеволодомъ Большое Гнѣздо; онъ, по выраженію лѣтописца - современника, живетъ и дѣйствуетъ, какъ „глава земли“.

Суздальскій князь, въ лицѣ Андрея Боголюбскаго и его преемника, не считается со стариной: онъ не дѣлится съ братьями отцовскимъ наслѣдіемъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, не ѣдетъ въ Кіевъ, а остается у себя дома и изъ своего новаго города Владимира хочетъ распоряжаться и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ по всей своей волѣ, а на младшихъ князей смотритъ какъ на

своихъ подручниковъ, такихъ же слугъ, какъ простые люди. Съ дружиной онъ избѣгаетъ совѣщаться, собираетъ около себя людей незначительныхъ, новыхъ, которыхъ самъ дѣлаетъ великими, и требуетъ отъ нихъ не совѣтовъ, а слѣпого повиновенія. Избранный на княженіе вѣчемъ стараго города, князь Андрей остается жить въ новомъ городѣ, гдѣ большинство населенія—люди пришлые, только-что основавшіеся, во многомъ отъ него зависимые; вѣче изъ такихъ людей не станетъ поперекъ дороги князю, а за свое возвышеніе отстоитъ князя, если противъ него пойдутъ недовольные новыми порядками.

У Всеволода III было шесть сыновей. Старшаго, Константина, онъ посадилъ въ Ростовѣ, гдѣ этотъ князь пріобрѣлъ большое расположеніе народа. Чувствуя приближеніе кончины, Всеволодъ завѣщалъ старшій владимирскій столъ Константину, а Ростовъ хотѣлъ передать второму своему сыну, Юрію. Но Константинъ не захотѣлъ покинуть Ростова и говорилъ отцу: „дай мнѣ Владимиръ къ Ростову“. Всеволодъ очень разгнѣвался на сына за такую дерзость и лишилъ его старѣйшинства. Созвавъ во Владимиръ бояръ своихъ изо всѣхъ городовъ и волостей, купцовъ, духовенство, онъ объявилъ имъ, что передаетъ старшинство Юрію, и заставилъ всѣхъ присягнуть въ томъ, что они будутъ поддерживать Юрія. Когда Всеволодъ умеръ, Константинъ заявилъ свои права на старшинство и владимирское княженіе. Произошла усобица. Вмѣшались новгородцы. Юрій былъ побѣжденъ въ битвѣ на Липицѣ въ 1216 г. и долженъ былъ признать старшинство Константина, а новгородцы вновь завоевали себѣ право выбирать князей по всей своей волѣ. Благодарный за помощь Константинъ долженъ былъ согласиться на это. Константинъ княжилъ не долго, и послѣ него, въ 1219 году, великимъ княземъ сталъ Юрій.

Съ этого года до самаго татарскаго нашествія Ростово-Суздальская земля была избавлена отъ княжескихъ междоусобій. Это былъ періодъ благосостоянія Суздальской области. Земля продолжала заселяться; князья строили города, церкви, монастыри. Всеволодъ III не уступалъ въ ревностномъ храмостроительствѣ своему старшему брату; изъ построекъ Всеволода особой красотой и изяществомъ отличается Димитріевскій соборъ, воздвигнутый имъ во Владимирѣ. Этотъ и другіе храмы строили русскіе мастера: выписанные Андреемъ греки оставили, слѣдовательно, учениковъ. Распространялось и книжное просвѣщеніе. Ростовскій владыка Кириллъ основалъ книгохранилище и построилъ палату, гдѣ сидѣли переводчики и писцы и переводили греческія книги на славянскій языкъ. Константинъ Всеволодовичъ тоже былъ большой книголюбецъ и не жалѣлъ средствъ на собираніе греческихъ и славянскихъ рукописей; на своемъ дворѣ онъ основалъ училище, гдѣ русскіе и греческіе иноки обучали дѣтей.

Суздальская Русь въ началѣ XIII вѣка процвѣтала, была

самымъ могущественнымъ и богатымъ княжествомъ во всей Русской землѣ. Великій князь владимірскій былъ великимъ княземъ для всей Руси; на всемъ пространствѣ отъ Галича до Суздаля и отъ Новгорода до рязанскихъ предѣловъ и половецкихъ степей честно и грозно держали его имя. Но вотъ въ половинѣ XIII вѣка надъ всей Русью опустошительнымъ, всеразрушающимъ вихремъ пронеслось татарское нашествіе. Вся Русская земля стала улусомъ монгольскаго хана, была обложена данью, князья должны были ѣздить въ Орду и униженно выпрашивать у хана ярлыки на свои же княженія. Южной Русью скоро овладѣла Литва, и Кіевъ, когда сталъ оправляться отъ татарскаго погрома, оказался пограничнымъ городкомъ великаго княжества литовскаго. Около 1300 года митрополитъ Максимъ, „не стерпя татарскаго насилія, переселился во Владиміръ со всѣмъ житьемъ; тогда же и Кіевъ весь разбѣжался“, — замѣчаетъ лѣтописецъ.

Остатки палатъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго въ Боголюбовомъ монастырѣ. Въ этихъ палатахъ былъ убитъ великій князь Андрей въ 1174 г.

Княжескій родъ, братское единеніе котораго и братскія же коромолы и которы поддерживали единеніе Русской земли и ея областей, сильно порѣдѣлъ. Много князей погибло въ татарское нашествіе, другіе очутились въ зависимости отъ Литвы, гдѣ жизнь заставила ихъ не столько отстаивать свою русскую національность и самобытность, сколько подчиняться чужимъ вліяніямъ.

Сѣверо-восточныя области Русской земли, земля Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое Гнѣздо, составили собственно главнѣйшую часть татарскихъ владѣній въ восточной Европѣ. Завоеватели поставили въ странѣ своихъ баскаковъ и данщиковъ, наложили на населеніе тяжелую дань, но оставили нетронутымъ весь внутренній укладъ страны, какъ онъ сложился къ половинѣ XIII вѣка. Князья съѣздили въ Орду и получили ярлыки на свои княженія. Старшій изъ князей, Ярославъ Всеволодовичъ, братъ погибшаго въ бою на Сити Юрія, получилъ званіе великаго князя и великое княженіе владимірское; осталь-

ные князья размѣстились по волостямъ Суздальской земли такъ, какъ это опредѣлилось ихъ взаимоотношеніемъ, установившимся послѣ Всеволода.

Въ этой сѣверо-восточной Руси уцѣлѣли князья трехъ вѣтвей княжескаго рода. Во всей Суздальской землѣ, кромѣ Ярославской области, княжили потомки Всеволода III Большое Гнѣздо; въ Ярославлѣ случаемъ, по женитьбѣ, утвердилась вѣтвь племени смоленскихъ князей, потомковъ Ростислава, сына Мономахова; въ Рязани сидѣли князья изъ племени соперниковъ Мономаха, потомки Ярослава, брата Олега Святославича черниговскаго. Непрерывная живая связь родства всѣхъ этихъ уцѣлѣвшихъ вѣтвей княжескаго рода была порвана. Они чувствовали себя чуждыми другъ другу. Сильнѣйшими были суздальскіе потомки Всеволода. Въ ихъ средѣ установился новый порядокъ размѣщенія князей по городамъ и волостямъ земли. Великое княженіе владимирское дѣти и внуки Всеволода III наслѣдовали въ порядкѣ сходномъ съ тѣмъ, какой господствовалъ въ южной Руси относительно наслѣдованія Кіева, т.-е. по очереди старшинства: братъ послѣ брата, племянникъ послѣ дяди.

Но только одно великое княженіе владимирское и переходило отъ князя къ князю по этой очереди старшинства. Остальная земля распалась на отдѣльныя княженія, какъ они были унаслѣдованы сыновьями и племянниками Всеволода Большое Гнѣздо. Эти наслѣдованныя волости не вступали ни въ общій передѣлъ между князьями, ни переходили отъ одного къ другому по старшинству. Эти области стали наслѣдоваться сыновьями князя, который первый получилъ отъ отца данную область въ княженіе. Онъ передавалъ ее въ наслѣдіе своимъ дѣтямъ по завѣщанію. Такимъ образомъ, если въ кіевское время вся земля была владѣніемъ всего княжескаго рода, то на сѣверѣ земля распадается на отдѣльныя владѣнія отдѣльныхъ князей; отдѣльныя волости и города становятся каждая безспорно личной и наслѣдственной собственностью своего князя.

Эти обособленныя личныя владѣнія получаютъ новое названіе, называются вотчинами и удѣлами своихъ князей. Удѣлъ — это отдѣльное владѣніе, постоянное и наслѣдственное. Кіевская Русь такого княжескаго владѣнія волостями не знала, какъ не знала и самаго слова „удѣлъ". Это слово не встрѣчается въ южно-русскихъ лѣтописяхъ. Южно-русскій лѣтописецъ разсказываетъ о волостяхъ, городахъ, столахъ, княженіяхъ, о переходѣ ихъ отъ одного князя къ другому по старшинству или путемъ захвата, строго осуждая такіе случаи; онъ знаетъ, какъ бывало и то, что княженіе переходило по старшинству или въ нарушеніе его отъ отца къ сыну, но всегда онъ знаетъ князя, какъ временнаго подвижного владѣтеля въ волости, ея судью и военнаго стража; удѣла, передаваемаго отъ отца къ сыну по завѣщанію, въ наслѣдство, раздробляемаго между наслѣдниками по волѣ завѣщателя, южный лѣтописецъ не знаетъ.

Понятіе о томъ, что князь является постояннымъ и наслѣдственнымъ владѣтелемъ земли, не совсѣмъ чуждое и князьямъ южной Руси XII в., на сѣверѣ выросло и утвердилось, какъ господствующій порядокъ, изъ тѣхъ новыхъ взаимоотношеній между княземъ и населеніемъ, какія создавались по мѣрѣ заселенія сѣверо-восточной Руси находниками съ юга.

Суздальскіе князья Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Большое Гнѣздо заботливо устраивали приходящихъ поселенцевъ. „Я всю бѣлую Русь городами и селами великими заселилъ и многолюдной учинилъ!"—говорилъ Андрей Боголюбскій.

Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ Польскомъ, построенъ въ 1234 г. вел. кн. Святославомъ Всеволодовичемъ.

Кіевскіе князья такъ про себя сказать не могли. Тамъ, на югѣ, князья были пришельцами въ страну, въ которой они нашли готовый государственный укладъ, тамъ всю землю устроили города съ вѣчами во главѣ. Здѣсь же, на суздальскомъ сѣверѣ, народъ приходилъ въ землю, которую устраивалъ князь. Эта перемѣна не могла не отозваться на взаимныхъ отношеніяхъ князей и народа и не измѣнить ихъ въ пользу верховенства первыхъ. Почувствовавъ себя старше, князь, какъ первый заемщикъ и устроитель земли, сталъ считать себя и свою семью *собственникомъ* этой земли. Вѣдь на его землю, по его зову идетъ народъ, отъ него получаетъ подмогу, значитъ, онъ, князь, и господинъ всего.

Край оживалъ на глазахъ князя: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну. Князю казалось, что это онъ все дѣлалъ, что это все плоды его личной дѣятельности. Отсюда и вырастала привычка смотрѣть на свое княженіе, какъ на свою полную собственность, которую онъ самъ себѣ заработалъ, а потому въ правѣ распоряжаться ею, какъ хочетъ.

Въ XIII вѣкѣ у князей Суздальской области и устанавливается такой взглядъ на свои княженія. Они смотрятъ на нихъ, какъ на свои хозяйства, удѣлы, которыми они владѣютъ и которые устраиваютъ, являются наслѣдственными собственниками земли, судьями и хозяевами населенія, которое живетъ въ ихъ владѣніяхъ, удѣлахъ.

Какъ истые хозяева-вотчинники, удѣльные князья больше всего заняты увеличеніемъ своихъ хозяйствъ. Они неподвижно, всю жизнь, до смерти сидятъ каждый въ доставшемся ему по отцовскому завѣщанію удѣлѣ и заботливо заняты лучшимъ устройствомъ своего владѣнія, чтобы побольше съ него доходу получить, побольше земли примыслить, побольше людей-работниковъ собрать, чтобы своимъ дѣтямъ оставить доброе, хорошее, богатое наслѣдіе. Ради этой цѣли пускаются въ ходъ всѣ средства; кто посильнѣе, тотъ оттягиваетъ куски земли, города и села у слабѣйшихъ, пуская въ ходъ вооруженную силу. Города и села даются и получаются, какъ приданое и наслѣдство, продаются, покупаются. Пронырливому, достаточно дерзкому и упорному человѣку представляется среди этихъ обстоятельствъ широкій просторъ и возможность постоянно увеличивать свои владѣнія. Съ конца XIII и въ XIV вѣкѣ нѣкоторые удѣлы разрастаются очень значительно, и въ предѣлахъ ихъ возникаютъ новыя удѣльныя княжества, князья которыхъ пошли отъ того перваго князя, который этотъ удѣлъ основалъ; это значитъ, что его дѣти, внуки, племянники, получая въ наслѣдство земли и города изъ его пріобрѣтеній, чувствуютъ себя въ зависимости отъ этого родоначальника и готовы его именно и его ближайшихъ наслѣдниковъ признавать великимъ княземъ. Такъ возникаютъ съ XIV в., на ряду съ владимирскимъ великимъ княженіемъ, считающимся по традиціи старѣйшимъ, еще тверское, нижегородское, ярославское, рязанское и московское.

Завѣщая отдѣльныя части своихъ удѣловъ сыновьямъ и внукамъ, князья дробили свои владѣнія все больше и больше. Съ каждымъ поколѣніемъ все увеличивалось число мелкихъ удѣльныхъ княжествъ.

По смерти Всеволода Суздальская земля распалась на пять частей между его сыновьями. Кромѣ старшаго, Владимирскаго княженія, возникли удѣльныя княжества Ростовское, Переяславское, Юрьевское и Стародубское. При внукахъ Всеволода число удѣльныхъ княженій—двѣнадцать. Кромѣ названныхъ, имѣются еще выдѣлившіяся изъ нихъ княженія: Суздальское, Костромское, Московское — выдѣлившіяся изъ Владимирскаго; Ярославское и Углицкое—выдѣлившіяся изъ Ростовскаго; Тверское и Дмитрово-Галицкое—выдѣлившіяся изъ Переяславскаго. Чѣмъ дальше шло время и чѣмъ болѣе отдаляло князей отдѣльныхъ удѣловъ отъ ихъ родоначальниковъ—сыновей Всеволода, тѣмъ больше и дробнѣе становились удѣлы. Такъ, напримѣръ, Ростовское княжество послѣ того, какъ изъ него выдѣлились Ярославскій и Углицкій

удѣлы, распалось на собственно Ростовское и Бѣлозерское. Въ XIV и XV вв. Бѣлозерскій удѣлъ распадается на удѣлы: Шелешпанскій, Кемскій, Сугорскій, Каргопольскій, Ухтомскій, Судскій, Андожскій, Вадбольскій, Бѣлосельскій, Бѣлозерскій. Ярославское княжество за это же время дробится на удѣлы: Моложскій, Сицкій, Новленскій, Юхотскій, Заозерскій, Кубенскій, Курбскій, Шехонскій, Бохтюжскій, Ухорскій. То же дробленіе происходило и въ большинствѣ другихъ удѣловъ.

Дробленіе это приводило во многихъ случаяхъ къ крайнему измельченію удѣловъ. Такъ, въ XV вѣкѣ на рѣчкѣ Андогѣ, среди разсѣянныхъ по ея берегамъ селъ и деревень, не было ни одного городка, а между тѣмъ здѣсь находилось цѣлыхъ три удѣла: Андожскій, Шелешпанскій и Бохтюжскій. Самая резиденція иного удѣльнаго князя въ этомъ краю имѣла видъ простой барской усадьбы, одинокаго большого двора. Въ XIV в. на рѣкѣ Кубени стоялъ княжескій дворъ заозерскаго князя Димитрія Васильевича.

Часть сѣверной стѣны со скульптурными украшеніями собора св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ.

Подлѣ двора находился храмъ во имя св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, этимъ же княземъ и построенный въ честь своего ангела; въ сторонѣ отъ княжескаго двора, по берегу озера, раскинулось сельцо Чирково, — вотъ и вся резиденція мелкаго удѣльнаго князя тѣхъ временъ.

По своему строю удѣльныя княжества больше походили на большія и мелкія имѣнія - вотчины своихъ князей, чѣмъ на

государства. Удѣльные князья больше думали о хозяйственномъ устройствѣ своихъ владѣній, объ ихъ доходности и величинѣ, чѣмъ объ устройствѣ государственной жизни, законодательствѣ, управленіи, о благахъ и удобствахъ жившихъ въ ихъ княжествахъ людей. Ни одного законодательнаго памятника, исходящаго отъ княжеской власти и сколько-нибудь общаго характера, не дошло до насъ отъ этихъ временъ.

Татары не только не препятствовали, а скорѣе способствовали усиленію удѣльнаго порядка: постоянное княжеское владѣніе было для нихъ удобнѣе, такъ какъ давало возможность легче и удобнѣе собирать дань; эту дань легче было спросить на томъ князѣ, который прочно сидитъ на своемъ мѣстѣ и бережетъ свое владѣніе, чтобы сохранить его отъ разорительнаго наказанія за невзносъ дани; такой князь позаботится, чтобы дань была собрана и послана въ Орду во-время.

Внутренней замкнутости и крайней раздробленности удѣльныхъ княжествъ немало способствовали общія географическія условія Суздальской страны. Попавъ подъ татарскую неволю, край оказался какъ бы вырѣзаннымъ изъ міровогo общенія народовъ, предоставленнымъ самому себѣ. Съ юга запирала его безпокойная степь, съ запада — враждебная Польша и Литва; на востокъ податься некуда: татары и пустыня; на сѣверъ мерзлыя тундры и льды Бѣлаго моря. Рѣки края текутъ въ разныхъ направленіяхъ и теченіемъ своимъ образуютъ крайне прихотливую и запутанную сѣтку рѣчныхъ путей. Теченія этихъ рѣкъ и рѣчекъ создаютъ удобныя и ясныя границы между отдѣльными большими и малыми частями земли. По теченію рѣкъ и рѣчекъ страна удобно и естественно распадается на отдѣльныя части. Недаромъ большинство мелкихъ удѣловъ такъ и прозывалось по рѣкамъ, которыя ихъ орошаютъ и теченіемъ своимъ опредѣляютъ. Благодаря рѣкамъ и рѣчкамъ, ихъ обилію и характеру теченія, создается прекрасная возможность передвигаться по этой глухой лѣсистой странѣ, но выбраться изъ нея на широкій морской просторъ нельзя. Самая большая рѣка страны, Волга, впадаетъ въ закрытое Каспійское море и въ громадной части своего теченія пролегаетъ по чужой и враждебной странѣ; Сѣверная Двина далека и идетъ въ льды; Днѣпръ сталъ почти чужой рѣкой, Западная Двина—тоже.

Народу, поселившемуся здѣсь, волею судьбы предстояло жить своимъ трудомъ, работая только на себя. И вотъ широкая внѣшняя торговля, которая такъ характерна для кіевскаго юга, замираетъ здѣсь совсѣмъ, превращается въ узкую внутреннюю, еле прозябавшую. Главнымъ занятіемъ жителей становится земледѣліе. Города возникаютъ здѣсь туго, да и то ихъ обитатели по занятіямъ мало чѣмъ отличаются отъ жителей селъ и деревень; села и деревни разставлены рѣдко и немноголюдны.

И по внѣшнему виду городскія и сельскія поселенія Суздальскаго края были иныя нежели въ южной Руси. Тамъ постоянныя

внѣшнія опасности заставляли людей селиться тѣснѣе, большими по населенію и сравнительно малыми по пространству городами и слободами. На суздальскомъ сѣверѣ пришлось селиться иначе. Среди лѣсовъ и болотъ поселенецъ не скоро находилъ удобное для поселка и годное для обработки мѣсто. Очень обширныя такія мѣста были рѣдки и вкраплены въ непроходимую чащу лѣсовъ, изобильно покрывавшихъ этотъ сѣверо-восточный уголъ Русской равнины. Селиться поселенцамъ приходилось небольшими деревнями, большею частью въ одинъ, два, три двора. Подготовка земли къ обработкѣ и самая обработка были очень тяжкія и трудныя. На выбранномъ подъ пашню сухомъ мѣстѣ поселенцу надо было выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, немудреной деревянной сохой, часто не имѣвшей даже желѣзныхъ сошниковъ, поднять цѣлину. Выжигая лѣсъ, поселенецъ сильно удобрялъ золой суглинокъ и нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ получалъ хорошій урожай. Когда почва истощалась, земледѣлецъ покидалъ ее, „запускалъ въ перелогъ“, отсюда и такой способъ обработки земли называется переложнымъ. Свое жилье и работу земледѣлецъ переносилъ на другое мѣсто, иногда довольно отдаленное, ставилъ новый починокъ, подымалъ новь, опять нѣсколько лѣтъ снималъ урожай, а потомъ шелъ искать новой цѣлины. Такъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, земледѣльческое населеніе новаго края постепенно овладѣвало имъ и, проникая все дальше и дальше, добралось постепенно до Урала и Бѣлаго моря на сѣверѣ и приблизилось къ средней Волгѣ и Приуралью на востокѣ. Такъ на суздальскомъ сѣверѣ, жившая прежде, на кіевскомъ югѣ, преимущественно торговлей и промысломъ для торговли, Русь становится земледѣльческой, работающей на землѣ и въ лѣсу только для себя, на свой прокормъ. Это былъ настоящій богатырскій трудъ. Недаромъ любимымъ богатыремъ этой страны въ ея былинахъ является „мужикъ залѣшанинъ“ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы въ Нерли близъ Владимира на Клязьмѣ (1160 г.).

При раздробленности поселеній, отсутствіи крупныхъ городовъ, при замкнутомъ сельскохозяйственномъ образѣ жизни этихъ городовъ, городскія вѣча постепенно приходили въ упадокъ. Въ новыхъ городахъ населеніе, состоявшее изъ людей пришлыхъ, призванныхъ и поселенныхъ княземъ, получившихъ отъ него разныя льготы и помощь при поселеніи на новыхъ мѣстахъ, не имѣло никакихъ своихъ интересовъ, противоположныхъ интересамъ князя, да и просто еще не успѣвало слиться въ дружную единую массу, сплоченную общими нуждами и выгодами; на югѣ эти нужды и выгоды связаны были съ торговой дѣятельностью; на суздальскомъ сѣверѣ народу приходилось жить не торговлей, а земледѣліемъ, разрабатывая княжескую землю; тутъ могла скорѣе создаваться зависимость отъ князя каждаго отдѣльнаго человѣка, нежели отдѣльныхъ группъ населенія, вынужденныхъ, благодаря естественнымъ условіямъ края, жить враздробь. Татарскій погромъ довершилъ дѣло паденія вѣчевой жизни въ Суздальскомъ краю. Разоренные татарами города обѣднѣли. Татарская дань выжимала съ городовъ послѣднія средства, торговля и промыслы, какіе были, хирѣли, и города долго не имѣли возможности сколько-нибудь поправить свое благосостояніе, стали слабы и зависимы отъ князя. Смѣна и назначеніе князей происходитъ теперь въ порядкѣ наслѣдованія отъ отца къ сыну и зависитъ еще отъ воли хана; пало, слѣдовательно, важнѣйшее по своему значенію дѣло вѣча — призваніе и изгнаніе князей. Въ Кіевской Руси общественною и государственною жизнью руководили вѣче и князь, въ Суздальской во главѣ общества остается только князь.

Можно представить себѣ, какъ складывалась жизнь въ удѣльныхъ княжествахъ-хозяйствахъ XIII и XIV вв. Вотъ молодому князю отказанъ по духовной грамотѣ его отцомъ въ удѣлъ болѣе или менѣе обширный край, мало населенный, необработанный. Пріѣхавъ въ доставшуюся ему вотчину, князь находилъ въ ней все въ большомъ безпорядкѣ, если это была новая, только-что выдѣляемая вотчина: ни управленіе ни сборъ даней и оброковъ не устроены, неизвѣстно даже, могутъ ли еще быть какіе-либо доходы. Съ княземъ пріѣхали бояре и слуги вольные, вызвавшіеся служить ему, и холопы, слуги подневольные, молодые и старинные, заслуженные, данные ему отцомъ. Всѣ они будутъ его ревностными помощниками въ устройствѣ края, хозяйства и управленія въ немъ, потому что благополучіе и богатство князя обезпечиваетъ ихъ собственное благосостояніе и мирное доходное житіе.

Прежде всего выбираютъ мѣсто для резиденціи князя. Если есть городокъ, то поблизости отъ него высматриваютъ мѣсто угожее и доброе на высокомъ берегу рѣки, откуда открыто видно далеко вширь и вдаль на всѣ мѣста, лѣса, луга и угодья. Селиться въ городѣ князю не съ руки. Въ городѣ свѣжи еще воспоминанія недавняго татарскаго погрома, тамъ живетъ хан-

скій численникъ и данщикъ, а то и самъ баскакъ; князю приходится „дружить“ съ ними, а эта „дружба“ такъ больно порой задѣваетъ чувство человѣческаго достоинства, унижаетъ князя. Послѣ, когда ханскіе чиновники удалились изъ русскихъ городовъ и князь самъ сталъ исполнять ихъ обязанность по сбору ордынской дани, у русскихъ князей осталась привычка проводить много времени внѣ города, въ „своей“ деревнѣ-вотчинѣ. Домъ и дворъ строятъ крѣпко и устойчиво изъ вѣкового лѣса, обносятъ крѣпкимъ тыномъ и рвомъ; по угламъ и на воротахъ ставятъ сторожевыя башенки, тоже деревянныя. Камня въ странѣ мало, и жилье каменное строить и не любятъ и плохо умѣютъ. Дворъ приходится крѣпить, потому что время тревожное: многіе изъ разоренныхъ татарами образовали съ голода и горя вооруженныя шайки и грабятъ своихъ и чужихъ. Князь остороженъ и живетъ съ опаской; на дворѣ у него помѣщается небольшой отрядъ испытанныхъ воиновъ, младшихъ дружинниковъ, отроковъ. На дворѣ ставятъ небольшую церковь и прочные кладовыя и амбары, куда будутъ свозить на храненіе тѣ запасы, которые князь будетъ собирать со своихъ подданныхъ работниковъ.

Соборъ Рождества Пресв. Богородицы въ Суздалѣ. Построенъ въ 1222 г., перестроенъ въ 1528 г.

Вся земля въ удѣлѣ, послѣ того какъ устраивалась хозяйственная разработка вотчины, распадалась на три большія доли—на землю дворцовую, черную и боярско-монастырскую. Дворцовыя земли—это тѣ, доходы съ которыхъ натурой поступали прямо на содержаніе княжескаго дворца. Эти земли обрабатывались дворовыми холопами князя, его страдниками, или отдавались въ пользованіе вольнымъ людямъ, крестьянамъ, съ обязательствомъ ставить на дворецъ извѣстное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ, даже работниковъ, когда въ страдную пору не управлялись на княжескихъ земляхъ его холопы. Черными назывались земли, которыя издавна были заняты поселенцами или самимъ княземъ сданы въ аренду, на оброкъ отдѣльнымъ людямъ или цѣлымъ обществамъ; эти земли назывались еще оброчными. Такъ какъ вся земля въ удѣльномъ княжествѣ считалась собственностью князя, то за пользованіе ею, какъ бы давно это пользо-

ваніе ни установилось, надо было платить князю деньгами, натурой, трудомъ, какъ придется, какъ потребуетъ князь-хозяинъ. Создавалось такимъ образомъ въ удѣльныхъ княжествахъ такое положеніе, что весь народъ, жившій въ княжествѣ, работалъ на князя въ прямомъ смыслѣ этого слова. Удѣльное княжество тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе сближалось съ хозяйствомъ, и чѣмъ мельче было княжество, тѣмъ больше походило оно на имѣніе, сельскохозяйственную вотчину. Тѣ земледѣльцы, которые снимали княжескую землю и брали у князя подмогу, назывались дворцовыми людьми; тѣ, которые обрабатывали землю, ими самими или ихъ предками занятую, назывались людьми черными. Но такъ какъ земля въ удѣлѣ, кто бы ее ни обрабатывалъ, считалась все равно княжескою, то большой разницы между дворцовыми княжескими селами и черными волостями не было: дворцовые люди работали преимущественно на князя, но должны и дани платить, черные люди работали преимущественно на себя и на уплату даней, но несли извѣстную работу и на княжескій дворецъ.

Все это земледѣльческое населеніе удѣльнаго княжества— свободные люди. Разсчитавшись съ княземъ, уплативъ ему подмогу, съемщикъ участка земли въ дворцовомъ селѣ, какъ и человѣкъ, обрабатывавшій черную землю, могли уйти въ другое княжество, къ другому землевладѣльцу.

Путь между княжествами „чистъ, безъ рубежа“, какъ тогда говорили. При такомъ положеніи дѣла устанавливаются между княземъ и работающими на его землѣ въ его удѣлѣ такія взаимоотношенія, когда приходится говорить, оцѣнивая эти взаимоотношенія, не столько о государѣ и подданныхъ, сколько о хозяинѣ и работникахъ, болѣе зависимыхъ и менѣе зависимыхъ отъ хозяина. Кто въ какомъ княжествѣ жилъ, тотъ князю этой земли и подчинялся, у него искалъ суда, ему жаловался на обидчиковъ, ему платилъ тѣ дани и оброки, какіе князь устанавливалъ, какъ единственный полный собственникъ земли своего удѣла. Переходя на житье и для работы въ другое княжество, человѣкъ тѣхъ временъ никакой измѣны прежнему своему князю не чинилъ, онъ только переходилъ къ другому хозяину. Въ каждомъ удѣлѣ были, кромѣ того, еще земли, принадлежащія боярамъ и монастырямъ. Эти землевладѣльцы водворились здѣсь иной разъ раньше, чѣмъ край сталъ особымъ княжествомъ. Затѣмъ предки князя и онъ самъ создавали частныхъ землевладѣльцевъ, раздавая землю отдѣльнымъ лицамъ и монастырямъ: монастырямъ—для спасенія души, а отдѣльнымъ лицамъ—на условіи, что получившій землю будетъ „служить князю“, т.-е. будетъ по его требованію являться вооруженнымъ и въ сопровожденіи условленнаго количества вооруженныхъ слугъ на воинскую службу. Съ церковныхъ земель тоже поставлялись, по требованію князя, вооруженные слуги, и потому вся земля, съ которой князь получалъ своихъ воиновъ, носила названіе служилой.

Устраивая хозяйство на занятой или пожалованной землѣ, монастыри и бояре выхлопатывали у князя льготы отъ дани и повинностей на нѣсколько лѣтъ для людей, которые сядутъ у нихъ. Земледѣльцы, селившіеся на монастырской землѣ, становились людьми церковными и освобождались отъ суда княжескаго по всѣмъ дѣламъ, кромѣ душегубства, разбоя и кражи съ поличнымъ. Княжескія дани собирались въ монастырскихъ и боярскихъ имѣньяхъ самими владѣльцами; населеніе, такимъ образомъ, освобождалось отъ обременительнаго наѣзда княжескихъ сборщиковъ, которыхъ надо было поить, кормить и давать имъ постой. Благодаря этимъ льготамъ земледѣльцы предпочитали селиться на земляхъ боярскихъ и монастырскихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что земледѣльческое населеніе удѣльныхъ княжествъ въ большомъ количествѣ оказалось зависимымъ отъ монастырей и бояръ не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и по суду и управленію. Монастырскія и большія боярскія вотчины, владѣтели которыхъ обладали правомъ суда въ своихъ вотчинахъ и правомъ податного обложенія живущихъ у нихъ людей, сдѣлались какъ бы маленькими государствами въ удѣльныхъ государствахъ. „Если княжества,—замѣчаетъ проф. М. К. Любавскій, — по преобладанію въ нихъ хозяйственныхъ интересовъ и дѣятельности близко подошли къ частнымъ имѣньямъ, вотчинамъ, то и эти послѣднія въ свою очередь сдѣлали шаги навстрѣчу княжествамъ и превратились въ маленькія государства“.

Дворцовыми землями князя управлялъ дворецкій. Кромѣ доходныхъ земель, князь выдѣлялъ обыкновенно себѣ въ пользованіе разныя доходныя статьи въ странѣ. Эти доходныя статьи назывались „путями“; извѣстны сокольничій, ловчій, конюшій, стольничій и чашничій пути. Пути сокольничій и ловчій являлись вѣдомствами княжеской охоты, конюшій — коневодства, стольничій—княжескаго стола, чашничій—дворцоваго пчеловодства и княжескихъ питій; къ каждому изъ этихъ путей были приписаны на его содержаніе и разработку села, угодья, слободы въ городахъ; эти земли и населеніе ихъ выдѣлялись изъ общаго управленія и были подчинены во всемъ особымъ чинамъ княжескаго дворца—сокольничьему, ловчему, конюшему, стольнику, чашнику; эти чины назывались путниками, т.-е. завѣдующими путями, т.-е. статьями княжескаго хозяйства. Эти слуги князя по его личному хозяйству назначались имъ часто изъ людей подневольныхъ, изъ его холоповъ, заслужившихъ довѣріе князя, выслужившихся умѣньемъ угодить и знаніемъ дѣла. Эти подневольные довѣренные слуги въ почетѣ у князя, несмотря на ихъ холопское положеніе; въ своей духовной грамотѣ, покидая славу и богатство міра сего, князь не забудетъ отпустить на волю такого вѣрнаго слугу.

Но пути давались въ завѣдываніе и свободнымъ слугамъ князя, его боярамъ. Въ награду за службу или по условію,

заключенному съ вольнымъ слугой, князь отдавалъ ему въ „кормленіе“ тотъ или иной путь. Это значило, что, собирая съ даннаго пути княжескій доходъ, путникъ извѣстную часть собраннаго удерживалъ въ свою пользу. Путному управителю были подчинены въ разныхъ мѣстахъ удѣла земли и люди, составлявшіе извѣстный путь; онъ смотрѣлъ за правильностью хозяйства этого пути, собиралъ доходъ, судилъ людей, занятыхъ по обработкѣ даннаго пути. Для управленія и суда удѣльныя княжества распадались на волости; управлять волостями и держать тамъ судъ князь посылалъ кого-либо изъ своихъ вольныхъ слугъ. Это было тоже кормленіе, такъ какъ часть сборовъ и пошлинъ поступала въ пользу волостеля. Управители городовъ назывались намѣстниками. Военное управленіе стольнымъ городомъ поручалось тысяцкому.

Всѣ эти высшіе начальники путей, намѣстники и волостели составляютъ плотный кругъ ближайшихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ князя. Народъ величаетъ ихъ боярами. Самъ князь называетъ бояръ, вѣдающихъ отдѣльными сторонами хозяйственно-государственной жизни его княжества, своими „боярами введенными“. Обыкновенно это люди извѣстные, предки которыхъ тоже служили князьямъ и на этой службѣ пріобрѣли и служебный опытъ, и хорошее состояніе, и извѣстность. Къ дѣтямъ такихъ людей преемственно переходитъ извѣстность и довѣріе князя, и, когда онъ оглядывается вокругъ при вопросѣ о назначеніи на какое-либо мѣсто довѣреннаго человѣка, прежде всего вспоминаетъ онъ своихъ „природныхъ“ слугъ. Бояре князя—это его избранные довѣренные, потомственные слуги, которые служатъ ему такъ же, какъ ихъ отцы и дѣды служили отцу и дѣду князя. Князь держитъ ихъ въ почетѣ и строго отличаетъ отъ новыхъ слугъ. Князь можетъ поставить во главѣ управленія какимъ-либо „путемъ“ и новаго человѣка, но такой новый человѣкъ не будетъ бояриномъ введеннымъ, онъ только „путникъ“. Но и введеннымъ боярамъ давались обыкновенно въ пользованіе, „въ путь“, какъ тогда говорили, дворцовыя земли и угодья, если у боярина было мало имущества; тогда такого боярина называли „путнымъ бояриномъ“. Бояринъ введенный могъ быть и путнымъ, но „путникъ“, только потому, что онъ правитъ „путь“, не могъ быть бояриномъ введеннымъ.

Бояринъ введенный всегда при князѣ, если не посланъ для отбытія какой-либо важной должности; и всѣ грамоты, исходящія отъ лица князя, непремѣнно упоминаютъ имена присутствовавшихъ при составленіи ея бояръ. Бояринъ—старшій служилый человѣкъ князя, онъ водитъ въ бой его полки, именемъ князя творитъ судъ и расправу или управляетъ, чтобы покормиться, какимъ-нибудь крупнымъ городомъ въ княжествѣ: это его награда за вѣрную службу. Недовольный своимъ княземъ бояринъ могъ уйти къ другому удѣльному владѣтелю, и измѣны тутъ никакой не видѣли: просто расходились недовольные другъ другомъ слуга

и хозяинъ. Ушедшій продолжалъ считаться владѣльцемъ земли въ княжествѣ, которое покинулъ, могъ пріобрѣтать земли и угодья и въ новомъ мѣстѣ своего служенія. „Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля, — договаривались между собой удѣльные князья, — а селы и домы имъ свои вѣдати, а намъ въ нихъ не вступатися“.

Такимъ образомъ дворъ даже средняго удѣльнаго князя долженъ былъ отличаться сравнительнымъ многолюдствомъ, благодаря обычаю каждую часть княжескаго дохода и самого княжества поручать въ завѣдываніе отдѣльнымъ лицамъ. Такъ какъ многія изъ такихъ порученій носили характеръ награды, то были сравнительно кратковременны, продолжались годъ, два, рѣдко три.

Составъ окружавшихъ князя лицъ отличался поэтому большой подвижностью. Каждый почти день одни слуги прибывали съ „кормленій“, другіе отбывали. Мѣнялись постоянно и носители должностей; такъ, казначей и дьякъ могли отправляться въ посольскую поѣздку, на съѣздъ съ боярами сосѣдняго князя для улаженія пограничнаго сбора, дворецкій могъ уѣхать по приказанію князя для разбора тяжбы игумена подгороднаго монастыря въ дальнемъ уѣздѣ съ посадскими.

Бояре всегда рядомъ съ княземъ, во всѣ радостныя и грустныя минуты его жизни. Князь слушаетъ ихъ, думаетъ съ ними „добрую думу, кая пошла бы на добро“; князь знаетъ, что его бояре хотятъ ему добра, ищутъ, какъ бы ему „безбѣдно прожити“; они служили еще отцу его, знаютъ, что̀ посовѣтовать князю, чтобы ему „княжити на добро христіаномъ малымъ и великимъ“.

Заболѣвъ тяжко, князь велитъ писать духовную. Кругомъ него собираются бояре; съ ними онъ всю жизнь „веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ“, они же должны присутствовать при его смертномъ часѣ. Въ своей душевной грамотѣ князь описываетъ весь заведенный имъ порядокъ и завѣщаетъ дѣтямъ поддерживать его. Его сотрудники, бояре, лучше всѣхъ знали, чего хотѣлъ князь, къ нимъ обращалъ умирающій и свое послѣднее слово, заклиная ихъ служить вдовѣ своей и дѣтямъ. „Припомните,—писалъ князь, обращаясь къ боярамъ, — на чемъ вы дали мнѣ слово нѣкогда: положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ; и вы, братія моя бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ грамотѣ душевной указалъ имъ, какъ раздѣлилъ между ними свою вотчину“.

Каждое утро, послѣ обычныхъ моленій и завтрака, князь выходилъ зимой въ обширныя сѣни своего дома, а лѣтомъ на крыльцо или просто на дворъ. На разостланную медвѣжью шкуру, охотничій трофей князя, служители ставили скамью или „стуло“, т.-е. кресло, и князь садился, окруженный своими родственниками и приближенными, готовый встрѣтить и разсу-

дить всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло и надобность. Здѣсь присутствуетъ и духовникъ князя, съ которымъ онъ совершалъ утреннія молитвы, и дьячокъ, который пѣлъ и читалъ молитвословія, а теперь съ перомъ за ухомъ и чернильницей на шеѣ, съ пукомъ бумаги подъ рукой, готовъ вести все несложное канцелярское дѣло удѣльнаго государствованія и хозяйства.

На княжескій дворъ собирались начальники всѣхъ „путей“— у каждаго было что̀ доложить князю, спросить верховнаго распоряженія или одобренія собственныхъ распоряженій. Набиралось много и постороннихъ просителей. Не поладившіе съ дворецкимъ крестьяне, хотѣвшіе снять землю въ дворцовыхъ угодьяхъ, били челомъ князю, чтобы онъ оброку сбавилъ; погорѣльцы-крестьяне приходили просить помочи; потерпѣвшіе неудачу въ хозяйствѣ отъ града, засухи или мороза, со слезами, земно кланяясь, просили самого князя повременить спрашивать съ нихъ оброки; недовольные судомъ намѣстниковъ и волостелей шли тоже на княжескій дворъ и молили суда праваго и милостиваго.

Князь, по мѣрѣ возможности, тутъ же удовлетворялъ всѣ просьбы, „поговоря“ съ тѣми изъ своихъ совѣтниковъ-слугъ, которые по своей должности или опыту ближе стояли къ данному дѣлу. Такой совѣтъ князя по какому-либо болѣе или менѣе важному дѣлу съ нѣсколькими изъ своихъ бояръ и былъ думой князя съ его боярами. Ни князь ни бояре не настаивали на томъ, чтобы всѣ они, сколько ихъ есть налицо при дворѣ, присутствовали при рѣшеніи повседневныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ удѣлѣ. Князь властенъ и одинъ разрѣшить всякое дѣло; но онъ предпочитаетъ позвать двухъ-трехъ бояръ, которымъ, по его мнѣнію, ближе другихъ это дѣло вѣдомо, и рѣшаетъ, поговоривъ съ ними; имена этихъ бояръ прописываются въ самомъ рѣшеніи вмѣстѣ съ именемъ дьяка, писавшаго грамоту, если только она дается. Умретъ князь, давшій грамоту, и владѣлецъ ея станетъ просить подтвержденія ея у новаго князя, или, если даже при жизни перваго князя его намѣстники нарочно или нечаянно нарушатъ тѣ права, которыя даетъ грамота ея владѣльцу,—на кого тогда сослаться потерпѣвшему въ своей жалобѣ, какъ не на лицъ, подписавшихъ грамоту? Самъ князь руки къ грамотамъ не прикладываетъ, это и не повелось, да и писать-то онъ, случалось, не умѣлъ, „книгамъ не ученъ бѣаше“, а только „книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше“. Если нельзя было рѣшить дѣло немедленно, требовались справки, свидѣтели, бумаги, то князь назначалъ срокъ, къ которому жалобщикъ долженъ былъ представить всѣ доказательства справедливости своей жалобы.

Много самыхъ разныхъ и неожиданныхъ дѣлъ приходилось разрѣшать князю каждый день. Въ большихъ великихъ княженіяхъ такихъ дѣлъ набиралось столько, что одному человѣку выслушать ихъ и порѣшить не было никакой возможности; тогда князь великій „приказывалъ“ цѣлые распорядки дѣлъ кому-либо изъ своихъ приближенныхъ. Возникалъ „приказъ“ такого-то

боярина или дьяка, куда жалобщиковъ и направляли. Въ приказѣ рѣшали дѣло окончательно, но все-таки „доложа“ великому князю. Дьяки докладывали боярамъ текущія дѣла по вѣдомству каждаго и писали грамоты; у каждаго дьяка были свои „ларцы“ для храненія судныхъ списковъ и другихъ грамотъ.

Покончивъ съ дѣлами и просителями, выслушавъ гонцовъ, „пригнавшихъ“ съ уѣзда, принявъ „богомольцевъ“ и людей, принесшихъ ему „въ почесть“ какую-либо „диковину“ — большую щуку, пойманную въ озерѣ, или шкуру матерого медвѣдя, или кусокъ бархата нѣмецкаго, черезъ Новгородъ попавшій путемъ торга въ княжество, князь отправлялся посмотрѣть, что привезли сегодня изъ оброковъ и даней и какъ складываютъ все привезенное добро въ прочные дубовые амбары и закрома. Такъ проходило время до обѣда. Послѣ обѣда, соснувъ, князь былъ не прочь, коли позволяло время, вызвать къ себѣ ловчаго или сокольничьяго и поговорить съ ними о состояніи охоты, о возможности отправиться на охоту сегодня или завтра. Если не охота, то предполагалась просто прогулка въ монастырь къ уважаемому игумену, святому старцу для поучительной бесѣды съ нимъ, или князь шелъ въ гости къ кому-либо изъ бояръ. Къ вечернѣ князь обыкновенно дома и послѣ вечеренъ до ужина проводитъ время съ семьей, съ которой утромъ успѣлъ только поздороваться. Сынъ, впрочемъ, все время при отцѣ и съ измальства навыкаетъ „дѣлу“, присутствуя при всѣхъ рѣшеніяхъ отца. Въ долгіе зимніе вечера князь любитъ развлекаться, слушая слѣпыхъ пѣвцовъ и сказочниковъ.

Такое мирное теченіе жизни, впрочемъ, довольно рѣдко бываетъ длительно и устойчиво. Удѣльному князю надо зорко смотрѣть за своимъ добромъ. Сосѣди не дремлютъ—того и гляди, забѣжитъ кто-нибудь изъ нихъ въ Ордѣ передъ ханомъ и оттягаетъ себѣ кусокъ сосѣдской земли. Надо дружить съ татарами, посылать въ Орду деньги и припасы, почаще тамъ напоминать о своей вѣрности хану, а то появится отрядъ татаръ, нехристи пограбятъ, пожгутъ княженіе да и выдадутъ ярлыкъ на него сопернику-сосѣду: ступай тогда въ Орду, умоляй съ униженіями и поклонами хана вернуть дѣдину и отчину. Потратишься много, а врядъ ли вымолишь, особенно если ярлыкъ подхватилъ московскій князь: этотъ не любитъ упускать того, что ему разъ попало въ руки, и не видать тогда удѣльному державцу доброй половины своихъ владѣній, если ему даже повезетъ у татаръ и удастся заслужить снова довѣріе хана. Эти тяжелыя заботы часто нарушаютъ мирное хозяйственное житіе удѣльнаго князя, и чѣмъ меньше его удѣлъ, чѣмъ слабѣе онъ, тѣмъ тяжелѣе ему приходится.

Приглядываясь пристальнѣе къ условіямъ и обстоятельствамъ хозяйственной и политической жизни удѣльныхъ княжествъ XIII и XIV вв., ученые находятъ въ формахъ выраженія этой жизни большое сходство съ тѣми фактами хозяйственнаго

и политическаго быта, который господствовалъ въ средневѣковой Западной Европѣ и характеризуется выраженіемъ „феодализмъ“. Въ смыслѣ сходства отмѣчаютъ прежде всего основныя черты: 1) раздробленіе государственной власти и землевладѣльческій ея характеръ, 2) наличіе послѣдовательнаго ряда государей-владѣтелей, различающихся одинъ отъ другого по количеству верховныхъ правъ.

Верховнымъ государемъ надъ всей Русью является въ это время ханъ Золотой Орды, царь, какъ его зовутъ люди книжные. Отъ него получаютъ ярлыки (инвеституру) великіе князья — владимирскій, московскій, тверской, рязанскій; если положеніе хана соотвѣтствуетъ мѣсту, занятому въ средневѣковой Европѣ императоромъ Священной Римской имперіи, то положеніе великихъ князей можетъ соотвѣтствовать положенію королей. Подъ великими князьями были князья удѣльные, какъ герцоги въ средневѣковой Европѣ были подъ королями. Еще ниже стояли бояре-землевладѣльцы и монастыри, обладавшіе правомъ суда и сбора даней въ своихъ имѣніяхъ. Суверенитетъ въ удѣльной Руси принадлежалъ хану, а отъ него князьямъ великимъ и удѣльнымъ, и выражался въ правѣ дипломатическихъ сношеній, въ правѣ имѣть свою монету, раздавать землю и т. д.

На западѣ многіе феодальные сеньёры присвоили себѣ суверенныя права, называли себя государями и стремились во всемъ поступать, какъ независимые государи. Наши бояре-землевладѣльцы и монастыри не выбились изъ-подъ власти удѣльныхъ князей. Вольные слуги свободно переходили отъ одного князя къ другому; служа одному князю, вольные слуги могли имѣть вотчины въ удѣлѣ другого; служа по договору кому хотѣлъ, вольный слуга по суду и дани зависѣлъ и отъ того князя, въ удѣлѣ котораго была его вотчина. По замѣчанію В. О. Ключевскаго, удѣльный князь „похожъ на сеньёра, но его бояре и слуги вольные совсѣмъ не вассалы“, потому что въ ихъ отношеніи къ князю нѣтъ: 1) обязанности служить тому князю, во владѣніи котораго находится вотчина боярина, и 2) нѣтъ наслѣдственной обязательности службы; въ удѣлахъ поземельныя отношенія вольныхъ слугъ строго отдѣлялись отъ служебныхъ.

„Значительный удѣльный князь правилъ своимъ удѣломъ посредствомъ бояръ и вольныхъ слугъ, которымъ онъ раздавалъ въ кормленіе, во временное доходное управленіе, города съ округами, сельскія волости, отдѣльныя села и доходныя хозяйственныя статьи съ правительственными полномочіями, правами судебными и финансовыми. Нѣкоторые бояре и слуги сверхъ того имѣли въ удѣлѣ вотчины, на которыя удѣльный князь иногда предоставлялъ вотчинникамъ извѣстныя льготы, иммунитеты, въ видѣ освобожденія отъ нѣкоторыхъ повинностей или въ видѣ нѣкоторыхъ правъ судебныхъ и финансовыхъ. Но округа кормленщиковъ никогда не становились ихъ земельною собственностью, а державныя права, пожалованныя привилегированнымъ

вотчинникамъ, никогда не присвоялись имъ наслѣдственно. Такимъ образомъ ни изъ кормленій ни изъ боярскихъ вотчинъ не выработалось бароній“. Получалось соотношеніе, сходное съ западно-европейскимъ феодальнымъ, но не тожественное. Бояре и слуги вольные, поряжаясь на службу удѣльному князю, били ему челомъ; князь давалъ имъ за службу жалованье; это то же, что въ феодальныхъ европейскихъ отношеніяхъ бенефицій; получалъ его человѣкъ также до тѣхъ поръ, пока служилъ. На Западѣ, какъ бенефицій, раздавалась преимущественно земля. Удѣльные князья тоже раздавали своимъ слугамъ участки своей дворцовой земли, но чаще и больше раздавали въ качествѣ жалованья за службу „въ кормленье“ должности; земли было много у бояръ, и они предпочитали получать кормленье отъ должностей, такъ и писалось въ грамотахъ, напримѣръ: „пожаловалъ есмя Ивана Григорьевича Рыла... волостью Лузою (т.-е. волостелемъ въ Лузу) за выѣздъ къ намъ, въ кормленье. И вы всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ“...

„Эти кормленья на Западѣ, — говоритъ проф. М. К. Любавскій,—какъ извѣстно, сдѣлались наслѣдственными ленами: тамъ герцоги—наши воеводы, графы—наши намѣстники, вицеграфы, или виконты—наши волостели, сдѣлались наслѣдственными обладателями своихъ должностей и сопряженныхъ съ ними доходовъ. Но у насъ кормленья не сдѣлались не только наслѣдственными, но даже и пожизненными, давались обыкновенно на года и вообще на короткіе сроки. Причиною этого была бѣдность нашихъ князей, которые не имѣли возможности заразъ кормить всѣхъ своихъ слугъ, а должны были соблюдать въ этомъ отношеніи извѣстную очередь“. То, что есть феодальнаго во всѣхъ этихъ чертахъ русской жизни удѣльныхъ временъ, наблюдается не очень послѣдовательно и опредѣленно; повидимому, это феодальное начало было совсѣмъ еще въ зачаткѣ своего развитія, а развиться дальше и отвердѣть въ опредѣленныхъ формахъ не могло потому, что въ условіяхъ того времени было гораздо больше стремленія къ образованію крупнаго государства, а не къ дробленію на мелкія владѣнія. Въ довольно прочно сбитое цѣлое связывала тогдашнюю удѣльную Русь татарская власть, которая не позволяла отдѣльнымъ частямъ земли обособливаться и всѣ ихъ вмѣстѣ заставляла ощущать тяжесть ига, какъ обще-народное бѣдствіе. И князья и народъ жили стремленіемъ сбросить это иго. Народныя возстанія противъ татаръ, особенно въ первое время ихъ владычества, и постоянная оговорка въ княжескихъ договорахъ: „оже ны Богъ избавитъ отъ Орды“, отчетливо говорятъ, насколько живо было это стремленіе; идейно оно должно было поддерживать чувство національнаго единенія всей Руси.

Затѣмъ, всѣ княжества удѣльнаго времени жили строго-

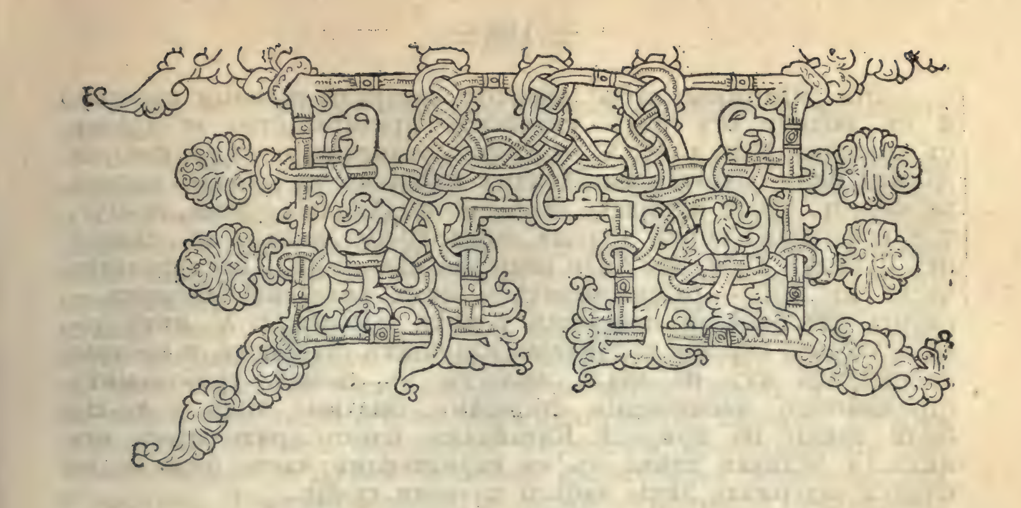
обособленной хозяйственной жизнью, но это не нарушало ихъ связи, какъ русскихъ княженій, составлявшихъ одну Русскую землю. Собственностью князей была земля, а люди, жившіе на ихъ земляхъ, были свободны, могли жить въ какомъ княжествѣ хотѣли, легко переходя изъ одного въ другое, ибо „путь между княжествами былъ чистъ, безъ рубежа“. Въ чьемъ княжествѣ жилъ тогдашній русскій человѣкъ, тому князю онъ и платилъ подати, у того и судился. Всѣ вѣдь князья были одного рода, всѣ княженія были русскими княженіями, всѣ говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, а потому распаденія великорусской земли на отдѣльныя государства и не произошло.

Произошло другое. Удѣльныя княжества, которыя раздробились на слишкомъ мелкія хозяйства, потеряли характеръ княженій и превратились въ простыя большія и малыя имѣнія; тѣ же княжества, которыя не дробились между многочисленными наслѣдниками, а росли и собирались въ однѣхъ рукахъ, усиливались, вбирали въ себя мелкія княжества, пуская для этого въ ходъ и свою силу и свои богатства.

Между такими крупными княжествами возникало соперничество и столкновенія. Въ концѣ концовъ, жизнь привела къ тому, что одолѣло всѣ удѣльныя княжества одно, оказавшееся самымъ сильнымъ. То было московское княженіе; силою и золотомъ оно вобрало въ себя всѣ удѣльныя княжества великорусской земли и тѣмъ самымъ превратилось въ Московское и всея Руси государство.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. II и III; *В. О. Ключевскій*, „Боярская дума древней Руси“; *его же*, „Курсъ русской исторіи“, ч. I и II; *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, „Феодализмъ въ удѣльной Руси“; *Н. И. Карѣевъ*, „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?“; *М. К. Любавскій*, „Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI вѣка“; *М. А. Дьяконовъ*, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“; *А. В. Экземплярскій*, „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ“, и другія сочиненія.

Заставка и буква съ рукописи XIV в.

Татарское иго.

Въ 1223 г. явился около предѣловъ Русской земли народъ, котораго никто хорошо не знаетъ, откуда пришелъ, на какомъ языкѣ говоритъ, какого племени, какой вѣры“... Такъ отмѣтила лѣтопись первое появленіе татаръ. Русскіе князья вышли навстрѣчу незнаемой татарской силѣ и на рѣкѣ Калкѣ, послѣ жестокаго боя, были разбиты пришельцами. Неслыханное пораженіе повергло въ печаль всю землю. Всѣ ждали, что татары нападутъ на беззащитную страну и опустошатъ ее вконецъ. Но этого не случилось. Татарскія рати дошли до Кіевской земли, разорили нѣсколько городовъ и повернули обратно въ степь.

Кто же были татары? Какъ произошло завоеваніе ими Руси? Какое значеніе имѣли они въ исторіи Россіи, владѣя ею около двухъ съ лишкомъ вѣковъ?

Новѣйшія изслѣдованія монгольско-тюркской исторіи даютъ ясные и отчетливые отвѣты на вопросъ о происхожденіи татаръ и о причинахъ ихъ страшнаго могущества и успѣха. Первыя свѣдѣнія о происхожденіи монголовъ даютъ намъ китайскіе историки. За много лѣтъ до Рождества Христова Китай былъ сильной и цвѣтущей имперіей. Но жизнь этой имперіи не могла назваться мирной. По огромной границѣ ея отъ Тихаго океана до Байкала и отсюда на югъ до области нынѣшняго Туркестана и Афганистана окраины Китайской имперіи были населены кочевыми и осѣдлыми народами, которые носили разныя имена, но были одного происхожденія, тюркскаго, и говорили на одномъ тюркскомъ нарѣчіи. Китайцы называли ихъ „чіунгъ-ну“, что значитъ мятежные рабы.

Эти „мятежные рабы“ страшно разоряли границы имперіи, и въ защиту отъ нихъ китайское правительство за двѣсти съ лишкомъ лѣтъ до Р. Х. построило знаменитую стѣну, которая должна была помогать китайскимъ войскамъ сдерживать напоръ варваровъ, среди которыхъ особенно выдѣлялось племя „ту-кіу“, т.-е. собственно тюрки. Страна этихъ ту-кіу лежала къ сѣверу отъ пустыни Гоби. Это были воинственные люди. „Они стремятся часто къ бою, — разсказываетъ о нихъ китайскій историкъ, — смерть отъ болѣзни считается у нихъ позоромъ“. У нихъ господствовало строгое подчиненіе младшихъ старшимъ, и военная дисциплина ихъ не знала жалости въ своихъ требованіяхъ строжайшаго повиновенія старшимъ. Знатные люди у ту-кіу были воины по природѣ. Китайцамъ плохо приходилось отъ нихъ, и великая стѣна съ ея гарнизономъ часто была не въ силахъ задержать дикіе набѣги племени ту-кіу.

Въ 76 г. до Р. Х. китайцы рѣшили напрячь всѣ силы и истребить варваровъ. Для этого китайскій полководецъ Панъ-Чао организовалъ нѣсколько огромныхъ армій, которыя, двигаясь по опредѣленному плану, должны были охватить варваровъ желѣзнымъ кольцомъ и задавить ихъ. Планъ частью удался. Стиснутые китайцами въ предгорьяхъ Алтая, варвары прорвали окружавшее ихъ желѣзное кольцо и бѣжали далеко въ степи. Это они показались много позднѣе между Ураломъ и Волгой, затѣмъ на Кубани и наконецъ на Дунаѣ. Мы знаемъ ихъ подъ именемъ гунновъ, аваровъ, мадьяровъ, или угровъ, а еще позднѣе, какъ печенѣговъ, кипчаковъ и половцевъ, или клмановъ.

Все это были отдѣльныя волны моря варваровъ одного племени, вытолкнутыхъ изъ азіатскихъ степей великимъ броженіемъ, произведеннымъ китайцами въ началѣ нашей эры.

Судьба варваровъ, попавшихъ въ дикія степи нижняго Поволжья и Урала, была не одинакова съ тѣми, которые попали на югъ Средней Азіи между Китаемъ и Персіей. Въ то время, какъ первые остались дикарями и кочевниками, вторые подъ вліяніемъ арабовъ и частью Византіи стали быстро цивилизоваться. Уже въ IV вѣкѣ здѣсь появляется христіанство. Въ 503 году существуютъ епископства въ Гератѣ и Самаркандѣ, въ 718 году патріархъ Тимоѳей посылаетъ священниковъ въ Каракорумъ. Отсюда христіанство распространяется среди монгольскихъ народностей нынѣшней юго-западной и южной Сибири; свидѣтельствуютъ объ этомъ христіанскія надписи на китайскомъ и тюркскомъ языкахъ, находимыя на могильныхъ плитахъ въ Семирѣченской области, въ Прибайкальѣ и въ другихъ мѣстахъ этой части Сибири.

Племена тюрковъ образовали независимыя государства, которыя, однако, не прерывали сношенія другъ съ другомъ и съ Китаемъ. Одинъ изъ властителей Алтая посылалъ посольство въ Византію и предлагалъ имперіи черезъ свое посредство союзъ и прочное общеніе съ Китаемъ. Въ Византіи

VI вѣка не рѣдкимъ явленіемъ были тюркскіе и китайскіе купцы.

Благодаря постоянному общенію отдѣльныхъ тюркскихъ племенъ другъ съ другомъ, въ средѣ ихъ зародилась мысль объединенія всѣхъ ихъ и завоеванія міра. Благодаря грамотности и широкому торговому общенію, мысль эта сдѣлалась скоро національной мечтой. Скоро явился и человѣкъ, который попробовалъ осуществить ее. Это былъ нѣкто Темучинъ, принявшій имя Чингисъ-хана, т.-е. великаго государя. Человѣкъ этотъ любилъ говорить, что душа всякаго дѣйствія заключается въ томъ, чтобы оно было доведено до конца. Начать и довести до конца онъ задумалъ созданіе монгольской имперіи, которая объединила бы всѣ народности тюркскаго происхожденія отъ Тихаго океана до Дуная. Человѣкъ необычайной силы воли, ума и таланта, Темучинъ скоро и легко объединилъ около себя монгольскія племена тюрковъ и бросился на Китай. Старая Китайская имперія защищалась геройски, и Темучину потребовалось 24 года упорной войны, прежде чѣмъ было сломлено могущество Китая. Для этой борьбы ему пришлось поднять всѣ тюркскія племена, потребовать отъ всѣхъ помощи людьми и деньгами. Съ этой цѣлью во время войны съ Китаемъ Темучинъ отрядилъ часть своихъ войскъ, около 25.000 человѣкъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ—„богатора“ Субутая, черезъ Кавказъ на югъ нынѣшней Россіи къ кочевавшимъ здѣсь тюркскимъ племенамъ кипчаковъ, чтобы возвѣстить имъ монгольскую славу и привлечь ихъ къ общему дѣлу.

Войско Темучина состояло изъ конницы и было раздѣлено на отряды по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ. Боевой единицей являлся отрядъ въ сто человѣкъ, который строился въ десять рядовъ, такъ что во фронтѣ находилось десять человѣкъ. Воины первыхъ четырехъ рядовъ носили доспѣхи изъ желѣзныхъ бляхъ, скрѣпленныхъ ремнями, или чешуйчатые желѣзные панцыри. Оружіемъ ихъ были лукъ, кривая сабля и копье. Кони ихъ тоже были защищены латами. Оборонительное оружіе воиновъ шести послѣднихъ рядовъ состояло изъ кожаныхъ колетовъ или изъ кольчугъ; сидѣли они на легкихъ коняхъ, не защищенныхъ броней, а вмѣсто копій имѣли дротики. Изъ этихъ эскадроновъ по сту человѣкъ составлялись полки по пяти тысячъ каждый; десять такихъ полковъ образовали корпусъ.

Жившій въ то время возлѣ современнаго Тифлиса армянскій священникъ Кирьякъ былъ взятъ въ плѣнъ во время похода Субутая. Субутай опредѣлилъ его къ себѣ въ секретари и переводчики; Кирьякъ во время этой службы составилъ записки, въ которыхъ разсказываетъ, какъ монголы переходили черезъ Кавказскій хребетъ, заваливая пропасти деревьями и камнями. Обитавшимъ здѣсь кипчакамъ, раздавая имъ подарки, они говорили: „Вы наши братья, а аланы (вѣроятно, осетины) чужой народъ и вамъ и намъ; вы не должны имъ помогать, вы должны итти съ нами!“

Но кипчаки были темные люди, давно утратившіе всякую, даже отдаленную память объ общей монгольской прародинѣ. Подарки они брали очень охотно, но разговоры о монгольской славѣ трогали ихъ мало. Монголы межъ тѣмъ разгромили черкесовъ, по-китайски „сер-ке-су", и лезгинъ, а среди своихъ братьевъ кипчаковъ стали заводить свои порядки, накладывали для сбора податей тавра на ихъ коней, пересчитали всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, стали набирать изъ нихъ полкъ. Всюду на своемъ пути Субутай назначалъ своихъ „дарога"—губернаторовъ, при которыхъ возникалъ „ямынь"—канцелярія съ монгольскими чиновниками для управленія страной и для сбора дани; на путяхъ въ направленіи къ столицѣ Чингисъ-хана были поставлены „ямы"—станціи, гдѣ держали лошадей для гонцовъ отъ полководца къ Чингисъ-хану и просматривались пропуски, которые давались въ ямыняхъ проѣзжимъ. За всякое сопротивленіе монгольскому дарогѣ и его чиновникамъ виновные безпощадно карались смертью. Кирьякъ даетъ яркую картину этой приказной тираніи, которую всюду устанавливали монголы. „Они прислали, — говоритъ онъ,—управителей со множествомъ чиновниковъ, которые ихъ сопровождали. Имъ было поручено переписать народъ, и они записывали всѣхъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, кромѣ женщинъ. Они наложили подати на всѣхъ трудящихся, на рыболовные пруды и озера, желѣзные рудники, кузнецовъ и каменщиковъ. Но они всегда щадили священнослужителей и не требовали отъ нихъ никакой подати. Затѣмъ они обезоруживали населеніе; кто имѣлъ мечъ, тотъ пряталъ его изъ страха, чтобы его не казнили, если у него откроютъ оружіе".

Всѣ эти мѣры напугали прикавказскихъ половцевъ, кипчаковъ, и они бросились отъ этой напасти въ степи по направленію къ Дону, гдѣ жили степные половцы — ихъ постоянные пріятели и союзники. Своими разсказами кипчаки такъ напугали половцевъ, что ханъ ихъ Котянъ обратился за помощью къ своему тестю, галицкому князю Мстиславу, котораго китайскія лѣтописи называютъ Ми-чи-се-лао Малый, въ отличіе отъ кіевскаго Мстислава — Ми-чи-се-лао Большого. Мстиславъ, какъ извѣстно, поднялъ на помощь половцамъ всѣхъ южно-русскихъ князей. Субутай межъ тѣмъ рѣшилъ примѣрно наказать кипчаковъ за измѣну общему дѣлу и двинулся вслѣдъ за ними. Скоро онъ узналъ, что союзники кипчаковъ, половцы, обратились за помощью къ народу Руси. Тогда-то онъ и послалъ сказать русскимъ князьямъ, узнавъ, что они идутъ противъ него: „Мы не на васъ идемъ. Пришли мы на рабовъ своихъ и конюховъ, на поганыхъ половцевъ, а съ вами у насъ нѣтъ войны".

Русскіе князья не повѣрили посламъ, пошли навстрѣчу татарамъ и были разбиты на рѣкѣ Калкѣ (1223 г.). Но полководецъ Чингисъ-хана говорилъ правду: у него не было приказа воевать съ русскими, а дисциплина въ арміи Чингисъ-хана была такова, что никто не смѣлъ дѣлать ничего сверхъ приказаннаго.

На Кавказѣ Субутай очень сошелся съ венеціанцами, которые давно уже прознали торговые пути въ Персію и, есть основаніе думать, проникали даже въ Китай черезъ нынѣшнюю Персію и Афганистанъ. Быть-можетъ, монголы уже тамъ знали венеціанцевъ. Торговыми соперниками венеціанцевъ были генуэзцы, имѣвшіе многочисленныя факторіи въ Крыму. По указанію венеціанцевъ, Субутай отправилъ отрядъ своихъ воиновъ въ Крымъ, чтобы разорить генуэзскія конторы. Другой отрядъ его войска взялъ-было прямое направленіе на Кіевъ, черезъ который продолжала итти богатая транзитная торговля Востока съ Западомъ и гдѣ венеціанскіе купцы имѣли свои конторы, но, кажется, во главѣ торговли не стояли. Генуэзскія поселенія въ Крыму были разорены, но до Кіева Субутай не дошелъ и повернулъ обратно, будучи отозванъ своимъ государемъ.

Такимъ образомъ оказывается, что татары, или монголы, вовсе не были такимъ дикимъ и невѣдомымъ народомъ, неожиданно, какъ гнѣвъ Божій, нагрянувшимъ на Русь. Конечно, среди народностей, составлявшихъ армію монголовъ, было много дикарей, но вожди и тѣ, кто составляли силу войска, отнюдь не были дикарями; это были люди, воспринявшіе китайскую цивилизацію, испытавшіе вліяніе арабовъ, выработавшіе своеобразную военную тактику и проникнутые идеей національнаго величія, которое должно было вести ихъ къ завоеванію міра. Самъ Чингисъ-ханъ чрезвычайно уважалъ науку, знаніе, просвѣщеніе. Себѣ онъ исходатайствовалъ китайскую ученую степень задолго до того, какъ покорилъ Китай, а своихъ сыновей заставилъ много учиться; ученые, ремесленники, художники были у него въ большомъ почетѣ.

Къ 1225 г. Чингисъ закончилъ завоеваніе Азіи. „Отъ года Дракона до года Пса,—пишетъ китайскій историкъ, — государь водворялъ порядокъ и законность среди своего великаго народа, установлялъ свою власть и свое правительство на прочныхъ столбахъ, доставлялъ мирную работу ногамъ и рукамъ и увеличивалъ счастье и благосостояніе всѣхъ и каждаго“.

По смерти Чингисъ-хана его имперія, захватившая въ свои предѣлы всю Азію, распалась на четыре части. Китай, Тибетъ и часть Татаріи составили первое по значенію государство, властитель котораго именовался великимъ ханомъ; страна къ западу отъ Алтая образовала второе государство; область Персіи являлась третьимъ, а страны къ сѣверу отъ Каспія и Чернаго моря образовали четвертое. Скоро раздробились и эти четыре основныя государства, и къ XIV вѣку потомки Чингиса потеряли Китай, Персію и властвовали только надъ кочевниками. Но по этому позднѣйшему факту нельзя судить о монголахъ, завоевавшихъ всю Азію и Русь, какъ о дикаряхъ-кочевникахъ.

Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227 году. Сынъ старшаго его сына Батый, прозванный добрымъ господиномъ, еще при жизни Чингиса былъ отправленъ на далекій западъ имперіи. Чтобы отвлечь

его отъ мысли сдѣлаться великимъ ханомъ, на что онъ имѣлъ право, какъ старшій внукъ Чингиса, ему задали работу двинуться на западъ до Туны, т.-е. до Дуная, и покорить эти страны. Самъ Батый былъ человѣкъ добрый, безхарактерный, бездарный и лѣнивый, и двоюродные братья звали его бабой съ бородой. Такой человѣкъ въ полководцы не годился, и войско его пришлось вести знаменитому вождю, богатору Субутаю.

Благодаря монгольскимъ, турецкимъ и китайскимъ лѣтописямъ, ученые установили, что у Батыя было не болѣе 150.000 войска, но это войско было организовано по всѣмъ правиламъ военной китайско-монгольской науки и было закалено почти пятидесятилѣтней войной въ степяхъ Азіи и въ Китаѣ. Когда сравнительно небольшія ополченія русскихъ князей столкнулись съ обученными отрядами монголовъ, то были наголову разбиты.

Тактика монголовъ, ихъ стратегическое искусство во много разъ усиливали дѣйствительную силу ихъ войска. Итальянецъ Плано Карпини, близко наблюдавшій монголовъ, говоритъ объ ихъ военномъ искусствѣ, что они, „даже когда ихъ мало, умѣютъ заставить думать соперника, что ихъ много, и приводятъ этимъ въ ужасъ и смущеніе своихъ враговъ“. Монголы, благодаря необычайной аккуратности и размѣренной точности своихъ движеній, умѣли соединять и приводить къ извѣстному пункту въ извѣстное время большія военныя массы; особенно мастерски дѣлали они обходы непріятеля. Управленіе арміей въ движеніи было у нихъ организовано чрезвычайно стройно, и они умѣли держать строгую дисциплину. Ихъ войско было устроено такъ, что каждый солдатъ могъ сдѣлаться генераломъ. Чингисъ запретилъ офицерамъ, принадлежащимъ къ одному корпусу, переходить въ другой, а младшимъ принимать приказанія отъ кого бы то ни было помимо ихъ старшихъ. Когда русскіе, а потомъ поляки, венгры и нѣмцы, увидали, что монгольскіе полки неожиданно выростаютъ какъ будто изъ-подъ земли, надвигаются тучами со всѣхъ сторонъ и окружаютъ ихъ, то имъ стало казаться, что этимъ страшнымъ врагамъ нѣтъ числа. Отсюда и пошла легенда о безчисленной арміи монголовъ.

Большое мастерство и умѣнье проявляли татары при осадѣ укрѣпленныхъ городовъ. Армія ихъ была въ изобиліи снабжена стѣнобитными орудіями и машинами, издалека бросавшими въ городъ огромныя стрѣлы, снабженныя огненнымъ составомъ. Чтобы лишить осажденныхъ воды, татары отводили въ сторону отъ города рѣки, умѣли, когда видѣли въ томъ выгоду, наводнять осажденные города, устраивая запруды, вели подкопы подъ крѣпостныя стѣны съ цѣлью обрушить ихъ. Приступивъ къ городу, татары посылали сказать жителямъ, что дадутъ пощаду тѣмъ, кто не будетъ сопротивляться. Овладѣвъ городомъ, татары оставляли въ живыхъ только нужныхъ имъ людей, знавшихъ какое-нибудь ремесло, и тѣхъ, кого хотѣли взять себѣ въ рабы. По уставу Чингисъ-хана, не должно было щадить имѣнія и

жизни враговъ, ибо „плодъ пощады — сожалѣніе, а это чувство не должно быть вѣдомо монголу“. Постоянная война, пока весь міръ не признаетъ господства татаръ,—вотъ завѣтъ, который Чингисъ-ханъ оставилъ своимъ подданнымъ.

Въ 1236 г., осенью, татары появились со стороны приволжской Болгаріи, которую и завоевали. Въ слѣдующемъ году татары вторглись въ восточныя окраины Рязанской земли и скоро поплѣнили всю Рязань. Съ побѣжденныхъ татары потребовали, по своему обычаю, десятину, т.-е. десятую часть со всего и со всѣхъ— съ князей и простыхъ людей, требовали десятой части коней бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. Рязанскіе князья отвѣтили: „Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше!“.

Татары начали тогда опустошать и грабить Рязанскую землю. Одно ополченіе русскихъ князей за другимъ падало подъ ихъ ударами. Жители затворялись по городамъ, дѣятельно готовились къ осадѣ и защищались до послѣдней капли крови. 16-го декабря татары осадили Рязань. Черезъ пять дней крѣпкій городъ былъ взятъ приступомъ, разграбленъ и сожженъ; всѣ жители были перебиты. Опустошивъ Рязанскую землю, татары двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь встрѣтило ихъ ополченіе Суздальской земли, во главѣ съ сыномъ великаго князя Юрія, Всеволодомъ. Послѣ жестокой сѣчи суздальское войско было разбито и разсѣяно. Княжичъ Всеволодъ спасся и съ малой дружиной бѣжалъ во Владиміръ на Клязьмѣ, куда двинулись и татары. По дорогѣ они взяли и разорили городокъ Москву, гдѣ захватили въ плѣнъ другого сына великаго князя, Владиміра. Великій князь Юрій оставилъ въ своемъ стольномъ городѣ сыновей, Всеволода и Мстислава, съ небольшими силами, а самъ съ главнымъ войскомъ отступилъ къ Волгѣ и сталъ у рѣчки Сити.

3 февраля 1237 г. войско татаръ подступило къ Владиміру на Клязьмѣ. Нѣсколько татарскихъ наѣздниковъ приблизились къ Золотымъ воротамъ и стали спрашивать у жителей:

— Великій князь Юрій въ городѣ ли?

Владимірцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ градъ стрѣлъ.

— Не стрѣляйте!—закричали изъ татарскихъ рядовъ.

Когда выстрѣлы прекратились, татары подвинулись еще ближе къ воротамъ города. Передъ собой они влекли блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго человѣка.

— Узнаете ли вашего княжича?—кричали въ толпѣ татаръ.

Владимірцы присмотрѣлись къ плѣннику и узнали сына ихъ князя Юрія, княжича Владиміра, сидѣвшаго на княженіи въ Москвѣ. Этотъ горестный видъ ясно сказалъ владимірцамъ, что передовой оплотъ ихъ княжества, Москва, сторожившій пути съ кіевскаго юга, взятъ татарами, что, слѣдовательно, нечего надѣяться на помощь оттуда.

Межъ тѣмъ татары, оставивъ отрядъ войска наблюдать за Владиміромъ, пошли съ главными силами къ другому укрѣ-

пленному пункту Владимирской земли, Суздалю, и взяли его. Возвратившись къ Владимиру, татары начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, а въ ночь нагородили тынъ около всего города для защиты своего лагеря отъ выстрѣловъ съ городскихъ стѣнъ.

7 февраля начался приступъ. Къ полудню татары овладѣли новымъ городомъ и зажгли его. Владимирцы отступили за стѣны Стараго, или Печернаго города. Князь Всеволодъ, видѣвшій, что отбиться нельзя, рѣшилъ сдать городъ на милость побѣдителя, думая, что татары пощадятъ тогда жителей. Съ малой дружиной, неся въ знакъ покорности дары, вышелъ онъ изъ города, но татары зарѣзали его.

Видя неминуемую гибель, епископъ Митрофанъ и вся княжеская семья, со множествомъ бояръ и простыхъ людей, заперлись въ Богородичной церкви „на полатяхъ", т.-е. на хорахъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около нея и въ самую церковь и зажгли. Всѣ бывшіе на хорахъ задохнулись отъ дыма и сгорѣли или были перебиты.

Изъ Владимира татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ. Одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе — на Волгу и на Городецъ, третьи — къ Переяславлю. Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь—одинъ городъ за другимъ были взяты татарами въ теченіе февраля мѣсяца. 4 марта татары разбили послѣднее русское ополченіе на рѣкѣ Сити и двинулись на сѣверо-западъ, къ Новгороду. Только ста верстъ не дошли они до Новгорода, отступивъ передъ весенней распутицей.

Повернувъ въ сторону степи, татары двинулись западнымъ краемъ Рязанской земли къ югу. На этомъ пути имъ пришлось выдержать не одно стойкое сопротивленіе. Особенно памятна осталась имъ защита Козельска, семь недѣль храбро отбивавшагося отъ несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ. „Хотя князь нашъ и молодъ, — отвѣтили жители Козельска на предложеніе татаръ сдаться,—но положимъ животъ свой за него; здѣсь на землѣ славу получимъ, а на томъ свѣтѣ вѣнцы небесные отъ Христа Бога". Татары разбили стѣны и ворвались на городской валъ. Козельчане рѣзались съ татарами ножами на валу и улицахъ города, а другіе вышли въ поле, напали на татарскіе полки, убили 4.000 непріятелей и пали всѣ, истребленные татарами. Юный козельскій князь Василій, говорятъ, утонулъ въ крови: такая лютая и кровопролитная была битва. Съ тѣхъ поръ,—замѣчаетъ лѣтопись,—татары всегда называли Козельскъ „злымъ городомъ".

Отъ Козельска Батый продвинулся въ степь и разбилъ здѣсь половцевъ. Въ 1239 году татары снова появились въ Суздальской землѣ, воевали по Клязьмѣ, но дальше не пошли, повернули къ югу и начали завоеваніе южной Руси. Взяли копьемъ и избили весь Переяславль. Тогда же былъ взятъ и разграбленъ Черниговъ. Зимою 1240 года главныя татарскія силы переправились

черезъ Днѣпръ и осадили Кіевъ „въ силѣ тяжцѣ многомь множьствомь силы своея... и не бѣ слышати гласа отъ скрипѣнія телѣгъ, рева множества верблюдовъ, ржанья коней и криковъ несмѣтнаго множества людей!“ Главный приступъ татары повели противъ Лядскихъ воротъ, уставили здѣсь стѣнобитныя машины, пользуясь прикрытіемъ лѣса, близко подходившаго въ этомъ мѣстѣ къ городу. День и ночь били они стѣны, пока не проломили. Татары ворвались въ городъ. Кіевляне соорудили тогда наспѣхъ другой городъ у храма св. Богородицы и яростно отбивали приступы татаръ. „Ту бѣаше видети,—пишетъ лѣтописецъ,— ломъ копѣйныи и щитъ скипаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ“... 6-го декабря послѣднее сопротивленіе кіевлянъ было сломлено. Раненый воевода Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ. Батый сохранилъ ему жизнь „мужества ради его“, но городъ былъ преданъ огню и мечу, жители перебиты или отправлены въ плѣнъ. Городъ опустѣлъ и сталъ кучей обожженныхъ развалинъ. Вся Кіевская область была опустошена.

Въ 1246 г. проѣзжалъ изъ Польши черезъ Кіевъ къ татарамъ папскій посолъ Плано Карпини. На своемъ пути черезъ Кіевскую землю онъ встрѣчалъ всюду обгорѣлыя развалины селъ и городовъ да безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разсѣянныхъ по полямъ. Въ самомъ Кіевѣ, когда-то столь обширномъ и многолюдномъ, что путешественники сравнивали его только съ Царьградомъ, Плано Карпини видѣлъ однѣ развалины; и двухсотъ цѣлыхъ домовъ не насчитывалось тогда въ городѣ.

Отъ Кіева татары прошли, все опустошая и сокрушая на своемъ пути, земли Волынскую и Галицкую. Жители захваченныхъ городовъ были перебиты, „а иніи же крыяхуся въ горахъ и пещерахъ, и въ пропастяхъ и въ лѣсахъ... мало отъ тѣхъ остася“,—замѣчаетъ лѣтописецъ. Когда князь галицкій Даніилъ, бѣжавшій въ Венгрію, вернулся послѣ погрома, то нашелъ пустыню на мѣстѣ цвѣтущихъ городовъ. Придя къ Берестью, князь и его спутники „не возмогоста ити въ поле смрада ради множества избіенныхъ: не бѣ бо на Володимѣрѣ (Волынскомъ) не осталъ живой, церковь святой Богородицы исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупья и телесъ мертвыхъ“.

Весной 1241 г. татары перекинулись черезъ Карпаты въ Венгрію, опустошили Силезію и Моравію. Здѣсь, при осадѣ Оломуца, потерпѣли они первую неудачу, не выдержавъ нападенія закованной въ желѣзо рыцарской рати. Они пробовали тогда повернуть на Австрію, но дорога туда оказалась перегороженной ополченіемъ короля чешскаго Вячеслава и герцоговъ австрійскаго и каринтійскаго. Татары не рискнули вступить съ ними въ битву и отступили въ Венгрію. Западная Европа была спасена отъ монгольскаго нашествія; тѣмъ тяжелѣе пришлось Восточной Европѣ, надолго оставшейся подъ властью татаръ.

Въ іюлѣ 1242 года татары, обремененные несмѣтной добы-

чей, выступили изъ Венгріи и долиной Дуная, черезъ Валахію и Молдавію, передвинулись въ южно-русскія степи. Отсюда главная масса татаръ схлынула на нижнюю Волгу. Здѣсь и возникло тогда татарское царство, которое русскіе называютъ Золотой Ордой. Столицей его сдѣлалось становище Сарай, превратившееся скоро въ своеобразный полукочевой, полуосѣдлый городъ, очень многолюдный и богатый. Находился Сарай около нынѣшняго города Царева, въ Астраханской губерніи. До сихъ поръ видны въ окрестностяхъ Царева насыпи, курганы, искусственные пруды, каналы—это все остатки разрушенной въ 1395 г. Тамерланомъ Батыевой столицы. Сюда, въ Сарай, венеціанцы черезъ Крымъ доставляли предметы роскоши европейскаго Запада, византійскія драгоцѣнности, итальянскіе обои, французскія ткани; подданные татарамъ болгары привозили имъ сѣверной дорогой по Камѣ и Волгѣ драгоцѣнные мѣха и охотничьихъ кречетовъ; у армянъ они покупали рѣдкости Багдада.

Владыкой всѣхъ татарскихъ ордъ былъ великій ханъ. Столица его находилась въ монгольскихъ степяхъ. По описанію Плано Карпини, „великій ханъ имѣлъ удивительную власть надъ всѣми. Никто не смѣлъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое онъ ему назначитъ. Что бы онъ ни приказывалъ, въ какое бы время и гдѣ бы то ни было, итти на войну или на смерть, все это подданные его должны были исполнять безпрекословно“. Великаго хана выбирали князья и вельможи изъ потомковъ Чингисъ-хана. Передъ избраннымъ на престолъ князья монгольскіе клали мечъ и говорили: „Мы хотимъ, просимъ, приказываемъ, чтобы ты владѣлъ всѣми нами“.—„Если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами,—отвѣчалъ избранный ханъ,—то готовъ ли каждый изъ васъ исполнять то, что я прикажу, приходить, когда я призову, итти туда, куда я пошлю, убивать того, кого я повелю?“—„Готовы!“—отвѣчали вельможи и князья. „Если такъ,—возглашалъ ханъ,—то да будетъ впредь слово устъ моихъ мечомъ моимъ!“ Одного только не могъ дѣлать ханъ—отмѣнять или измѣнять „ясы“, законы Чингисъ-хана.

Русская земля была объявлена улусомъ, т.-е. зависимой провинціей хана Золотой Орды. Батый потребовалъ, чтобы русскіе князья ѣхали на поклонъ къ нему и къ великому хану и везли ему дары. Первымъ откликнулся на этотъ призывъ князь Ярославъ, оставшійся старшимъ въ княжескомъ родѣ по смерти убитаго на Сити Юрія. Батый, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честью и сказалъ ему: „Ярославе! Будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ“.

Послѣ такого страшнаго погрома, какой перенесла Русская земля, никто изъ князей не смѣлъ и подумать о сопротивленіи татарамъ. Уступилъ даже такой могущественный князь, какъ Даніилъ галицкій—гроза венгровъ, ляховъ и нѣмцевъ. Татары потребовали у него сдачи городовъ его княжества. Даніилъ сказалъ: „Не дамъ. Самъ поѣду говорить съ Батыемъ“. По до-

рогѣ въ Орду Даніилу пришлось смириться. Онъ увидѣлъ, какъ разорена земля, какъ сильны татары. Даніилу разсказывали, какимъ униженіямъ подвергаются въ Ордѣ русскіе князья. Они должны были проходить между двухъ огней на пути къ ханской ставкѣ, чтобы очиститься огнемъ, какъ того требовала татарская вѣра, и поклониться изображеніямъ предковъ хана. Сильно скорбѣлъ душой горячій и храбрый Даніилъ, но надо было смириться, чтобы не навлечь бѣды на свой народъ. Даніилъ исполнилъ унизительный обычай и приблизился къ хану.

— Данило,—встрѣтилъ его Батый,—отчего ты не приходилъ до сихъ поръ? Но хорошо, что пришелъ. Пьешь ли наше питье кумысъ?

— До сихъ поръ не пилъ,—отвѣтилъ Даніилъ,—нынѣ же, если повелишь, выпью.

— Ты нашъ теперь, татаринъ,—сказалъ ему на это ханъ,— пей наше питье!

Даніилъ выпилъ, поклонился и сказалъ:

— Пойду теперь поклониться ханшѣ!

— Иди!—сказалъ ханъ.

А надо знать, кто былъ для своего времени князь Даніилъ галицкій, чтобы понять всю степень униженія, выпавшаго ему на долю. Храбрый, неукротимый воинъ, онъ объединилъ подъ своей сильной рукой всю юго-западную Русь, Галицію, Кіевскую землю. Даніила знали и уважали во всей Западной Европѣ. Папа заискивалъ его союза и прислалъ ему королевскую корону. И вотъ этотъ-то князь и герой стоялъ на колѣняхъ передъ ханомъ, называлъ себя холопомъ, обѣщалъ дань платить хану.

Лѣтописецъ, разсказывая объ униженіяхъ Даніила въ Ордѣ, не можетъ сдержать своей скорби и негодованія. Батый прислалъ Даніилу вина въ знакъ особаго уваженія и велѣлъ сказать: „Не привыкли вы пить кумысъ. Пей вино!“ — „О, злѣе зла честь татарская!—со скорбнымъ негодованіемъ восклицаетъ лѣтописецъ, разсказавъ объ этой любезности хана. — Данилови Романовичу, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ... нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О, злая честь татарская! Его же отецъ бѣ царь въ Руской земли, иже покори землю половецькую и воева на иные страны всѣ, сынъ того не прія чести: то иный кто можеть пріяти? Злобѣ бо ихъ и льсти нѣсть конца“...

Объ обидѣ князя плакала вся страна, но сопротивляться было невозможно. По приказанію татаръ были срыты укрѣпленія всѣхъ галицкихъ и волынскихъ городовъ, а люди обложены данью.

Покорился хану и Александръ Невскій, побѣдитель шведовъ. Значитъ, не было возможности сопротивляться. Попытки же нѣкоторыхъ князей противиться татарамъ обходились дорого: такихъ смѣльчаковъ татары сажали въ темницу, мучили, убивали.

Князь Михаилъ черниговскій отказался пройти въ ханскую ставку на поклонъ Батыю между двухъ огней и почтить поклоненіемъ изображенія умершихъ хановъ. „Не достойно христіанамъ кланяться идоламъ, которымъ кланяются язычники“,—сказалъ князь. Батый велѣлъ сказать на это Михаилу: „Если исполнишь мою волю, то живъ останешься и всю область свою получишь, если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью“.— „Тебѣ, царю, кланяюсь,—отвѣтилъ князь Михаилъ,—такъ какъ Богъ далъ тебѣ царство и славу міра сего, но тому, чему кланяются язычники, не поклонюсь“. Князь пріобщился св. даровъ вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Ѳедоромъ. Напрасно племянникъ, бывшій съ нимъ въ Ордѣ, и бояре уговаривали князя Михаила покориться ханской волѣ: „Всѣ за тебя, князь, примемъ покаяніе и эпитимію, всею областью, только покорись волѣ хана!“— умоляли приближенные. „Не хочу я,—отвѣтилъ имъ князь,—быть только на словахъ христіаниномъ, а творить дѣла языческія; не погублю души своей!“,—сорвалъ съ плечъ своихъ мантію княжескую, бросилъ ее и сказалъ: „Возьмите славу сего міра, хочу славы небесной“. Татары бросились на князя Михаила и убили его.

Да и гдѣ было взять силъ на сопротивленіе и борьбу съ могущественнымъ врагомъ? Страна была опустошена. Словно моровая язва прошла, словно землетрясеніе и лютые пожары свирѣпствовали неустанно.

Татары оставили русскихъ князей владѣть и управлять Русской землей, требовали только покорности и дани. Но князья должны были получать ярлыки, т.-е. письменные указы отъ хана на княженіе. Въ первыя сто лѣтъ владычества татаръ ни одинъ князь, ни великій ни удѣльный, не считался княземъ, не получивъ ярлыка. При каждой перемѣнѣ хана князья должны были ѣздить въ Орду испрашивать у новаго владыки новый ярлыкъ. Ярлыки должны были получать митрополиты и епископы. Всѣ споры между князьями подчинялись ханскому суду или суду дароги, поставленнаго ханомъ надъ Русью. Дарога былъ какъ бы намѣстникомъ хана для всей Русской земли. Онъ долженъ былъ перечислить все населеніе, дѣлать раскладку податей и принимать отъ подданныхъ хана присягу на вѣрность. По всѣмъ большимъ городамъ Руси были размѣщены татарскіе отряды подъ начальствомъ баскаковъ. Баскаки должны были держать въ повиновеніи народъ и оказывать содѣйствіе сборщикамъ дани. Кромѣ баскаковъ первое время татарскаго владычества на Руси часто являлись сопровождаемые отрядами татарскихъ войскъ ханскіе послы и гонцы. Затѣмъ въ городахъ постоянно жили менѣе значительные чиновники. То были: данщики, т.-е. собственно сборщики даней; писцы, которые производили перепись народа и согласно съ нею раскладывали подати; таможники, сборщики пошлинъ таможенныхъ или рыночныхъ; заставщики и заказники, т.-е. сборщики проѣздныхъ пошлинъ по

дорогамъ и по мостамъ. Кромѣ того многочисленные служители ханской охоты имѣли право охотиться по всѣмъ лѣсамъ и рѣкамъ Русской земли и выгонять цѣлыя селенія на охоту для облавъ.

Всѣ эти чиновники кормились на счетъ русскаго народа, грабили его безъ пощады, жестоко расправлялись съ непокорными, уводили въ степи рабовъ и рабынь; не столько зла и горя причиняли Русской землѣ сами ханы, сколько ихъ слуги, не знавшіе границъ для своего произвола; если гдѣ могъ русскій человѣкъ надѣяться на защиту отъ ханскихъ слугъ, такъ именно у хана, но путь въ Орду былъ далекъ и тяжелъ.

Дань, по-татарски ясакъ, которую они собирали съ русскихъ, была велика и тяжка. Кромѣ десятины со всего, татары брали особые сборы со всѣхъ промысловъ и занятій, требовали подводъ и корма для служителей и гонцовъ хана, наѣзжавшихъ постоянно на Русскую землю и составлявшихъ тѣмъ видимую связь русскаго улуса съ Ордой. Въ этихъ цѣляхъ устроены были особыя почтовыя станціи—ямы, гдѣ проѣзжіе должны были предъявлять свои подорожныя и получали лошадей и подводы, доставлять которыя обязано было окрестное населеніе. Пошлина, собираемая на торгу отъ покупки и продажи товаровъ, называлась тамгой; отсюда наше слово таможня. Содержаніе ханскихъ чиновниковъ, обязательные дары имъ, работа на нихъ,—все это порабощенное населеніе должно было отбывать неукоснительно, въ противномъ случаѣ грозила карательная татарская экспедиція, послѣ которой въ округѣ не оставалось ни кола ни двора. Общее названіе дани было—„царева дань“, или „ордынскій выходъ“.

Сборъ дани и всѣхъ пошлинъ производился присланными изъ Орды чиновниками подъ ихъ неослабнымъ наблюденіемъ. При исполненіи своихъ обязанностей эти чиновники пускали въ ходъ обычные въ китайско-монгольскомъ государствѣ пріемы, однимъ изъ которыхъ являлось тяжкое тѣлесное наказаніе. Относительно устройства дани и ея сбора надобно сказать, что введенные татарами дани и сборы остались и послѣ нихъ; въ финансовомъ хозяйствѣ Московскаго государства существовали такія подати, какъ мытъ, мостовщина, или становое, въѣзжее и мимоходное должностнымъ лицамъ, тамга—все это Москва унаслѣдовала отъ татаръ.

Кромѣ дани, покоренные русскіе въ первыя сто лѣтъ ига должны были высылать хану вспомогательные отряды подъ командой князей или воеводъ, назначаемыхъ ханомъ. До насъ дошли извѣстія, что у великаго хана въ Каракорумѣ были отряды русской гвардіи, которую ханъ въ благодарственной грамотѣ, сохраненной китайскимъ лѣтописцемъ, называетъ „своей вѣрной и неизмѣнной“.

Татарская дань была тѣмъ невыносимѣе, что сборщики никому никакого отчета не давали и, пользуясь случаемъ, сами наживались на счетъ разореннаго народа. Обыкновенно это были

бухарскіе и другіе азіатскіе купцы, бравшіе дань на откупъ у татаръ.

Спасаясь отъ данщиковъ, жители прятались въ лѣса. Но данщикъ умѣлъ находить скрывавшихся. Съ толпой свирѣпыхъ татаръ гнался онъ за бѣглецами, у нищихъ отнималъ дѣтей. Малѣйшее ослушаніе приводило къ гибели цѣлые города. Данщикъ жаловался въ Орду, и оттуда присылали отрядъ татаръ съ порученіемъ все опустошить въ непокорной мѣстности.

Для уплаты дани весь народъ былъ сосчитанъ татарскими численниками, и каждый человѣкъ долженъ былъ платить съ десятилѣтняго возраста.

Отъ уплаты дани было освобождено, по законамъ Чингисъ-хана, духовенство покоренныхъ странъ, „служители Бога, которому вѣруютъ наши рабы“. Чингисъ-ханъ признавалъ бытіе одного высочайшаго существа и велѣлъ чтить боговъ всѣхъ покоренныхъ народовъ, какъ бы считая, что боги всѣхъ народовъ—только названіе по-разному и разное пониманіе одного великаго Бога. На этомъ основаніи законъ Чингисъ-хана покровительствовалъ духовенству всѣхъ религій. Преемники Чингисъ-хана приняли магометанство, но продолжали попрежнему терпимо относиться ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. И русскому духовенству, въ цѣляхъ охраны церкви, ея достоянія и достоинства, ханы Золотой Орды выдавали особыя льготныя жалованныя грамоты, „ярлыки“. До нашего времени дошло нѣсколько такихъ ярлыковъ въ русскомъ переводѣ. Всѣ они довольно сходны по содержанію. Въ 1313 г. ханъ Узбекъ далъ такой ярлыкъ митрополиту Петру:

„Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію Его многою. Узбяково слово всѣмъ нашимъ князьямъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ, и князьямъ нашимъ удѣльнымъ, и дарогамъ славнымъ и польскимъ князьямъ высокимъ и нижнимъ, и книжникамъ, и уставодержальникамъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ, и сбирателямъ, и баскакамъ, и посламъ нашимъ и гонцамъ, и данщикамъ, и писцамъ, и мимоѣздящимъ посламъ, и ловцамъ, и сокольникамъ, и пардусникамъ, и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ и улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держится и слово наше владѣетъ. Да никто же не обидитъ на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей церковныхъ. Да всѣ покоряются и повинуются митрополиту, всѣ его церковные причты по первымъ изначала законамъ ихъ, по первымъ грамотамъ нашимъ. Да не вступаются въ церковное и митрополичье никто же, занеже то Божіе все суть... ни въ волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы ихъ, ни въ лѣса ихъ, ни въ ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды

ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада, но вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ—то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажетъ... Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя. И мы такоже управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ".

Далѣе въ ярлыкахъ предписывалось, чтобы баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы не обижали людей и стяжаній митрополита, который свободенъ отъ всякихъ податей, со всѣмъ своимъ причтомъ. Татарскимъ чиновникамъ на Руси строго запрещалось разорять церкви, монастыри, часовни, хулить вѣру русскую. „А кто учнетъ вѣру хулити или осуждати, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъ же и умретъ злою смертію".

Въ тѣ дни, когда Батыевы полчища громили Русскую землю на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ, пришла на Русь новая бѣда съ сѣверо-запада, съ береговъ Балтійскаго моря. Новые враги Руси были нѣмецкіе рыцари и шведы. Удары ихъ обрушились на Новгородскую землю, на ея псковскую окраину, и на Полоцкое княжество. Прибалтійское побережье было заселено финскими племенами, частью независимыми, частью платившими дань Новгороду и полоцкимъ князьямъ. Въ первой половинѣ XII вѣка здѣсь начинаютъ появляться торговые корабли нѣмецкихъ городовъ Бремена и Любека. Нѣмецкіе купцы основывали торговыя поселенія въ странѣ финскихъ племенъ. Съ 1187 г. нѣмецкій миссіонеръ Мейнгардъ сталъ проповѣдывать христіанство среди прибалтійскихъ финновъ. Проповѣдь шла не очень успѣшно, и сотрудникъ Мейнгарда, Бертольдъ, былъ убитъ финнами. Захватывая финскія земли, нѣмцы жестоко притѣсняли туземцевъ, которые платили пришельцамъ ярою ненавистью. Мейнгардъ, назначенный папою первымъ епископомъ страны ливовъ, поселился въ области, тянувшей къ Полоцку. Съ разрѣшенія полоцкаго князя онъ построилъ на нижнемъ теченіи Западной Двины укрѣпленный городокъ Дюнагольмъ. Второй преемникъ Мейнгарда, епископъ Адальбертъ, выхлопоталъ у папы буллу, разрѣшавшую образованіе духовно-рыцарскаго ордена, обязанностью котораго было распространеніе христіанства среди язычниковъ-финновъ не только словомъ, но и оружіемъ. Орденъ этотъ сначала назывался „Братьями Христова воинства"; скоро этотъ орденъ слился въ одно братство съ рыцарями ордена св. Маріи, утвердившимися по нижнему теченію Вислы и ведшими кровопролитныя войны съ пруссами и литовцами, распространяя среди нихъ христіанство. Епископъ Адальбертъ основалъ въ 1200 году городъ Ригу при впаденіи Западной Двины въ море. Съ 1201 года Рига стала мѣстопребываніемъ епископа и столицей

нѣмецкихъ владѣній по восточному побережью Балтійскаго моря. Рыцари „меченосцы“ (такъ ихъ звали потому, что на ихъ бѣлыхъ плащахъ было изображеніе креста и меча) захватывали земли финновъ, насильственно крестили ихъ и заставляли работать на себя. Въ удобныхъ мѣстахъ рыцари строили крѣпкіе каменные замки и изъ этихъ гнѣздъ держали въ строгомъ подчиненіи и повиновеніи финновъ.

Полоцкіе князья, допустившіе поселенія нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ, скоро поняли свою ошибку и стали пытаться силою оружія вытѣснить пришельцевъ. Новгородцы, къ владѣніямъ которыхъ скоро продвинулись рыцарскіе замки, тоже приняли участіе въ этой борьбѣ, тѣмъ болѣе, что нѣмецкія владѣнія оттѣсняли новгородцевъ отъ моря, чѣмъ наносили большой ущербъ самостоятельности новгородской торговли. Съ 1206 года идетъ неустанная борьба ордена съ сосѣдними русскими княжествами. Покоренныя нѣмцами финскія племена чудь, ливы и эсты обыкновенно помогаютъ русскимъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи отвоевать утраченную независимость. Но эта борьба не приносила желанной побѣды русскимъ и финнамъ. Изъ Германіи шелъ неустанный притокъ подкрѣпленій рыцарямъ. Германскіе рыцари стремились въ Прибалтійскій край на борьбу съ язычниками-финнами и еретиками-русскими, какъ на святое, богоугодное дѣло; нѣмецкіе купцы овладѣли всей торговлей и промыслами края, вытѣсняя русскихъ. Въ 1224 г. нѣмцы заняли городъ Юрьевъ, построенный въ Чудской землѣ Ярославомъ. Въ 1237 г. на прибрежьѣ между Финскимъ и Рижскимъ заливами, въ странѣ эстовъ, утвердились новые пришельцы съ Запада, датчане, и построили сильную крѣпость Ревель. Въ то же время миссіонеры изъ Швеціи начали распространять христіанство римско-католическаго исповѣданія по южному и юго-восточному побережью Финляндіи. За проповѣдниками шли вооруженные отряды шведовъ и занимали землю. Шведскія владѣнія продвигались къ теченію Невы и грозили перерѣзать старинную новгородскую дорогу къ морю. Финны искали помощи у новгородцевъ, новгородцы не отказывали имъ, а это приводило ихъ къ столкновенію со Швеціей. Въ 1239 году папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ язычниковъ-финновъ и еретиковъ-русскихъ. Лѣтомъ 1240 года шведы, подъ начальствомъ ярла Биргера, появились на корабляхъ въ устьяхъ Невы. Невой, Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ хотѣли они пройти къ Новгороду и однимъ ударомъ покончить борьбу за Балтійское море. Дойдя по Невѣ до устья рѣки Ижоры, впадающей въ Неву, Биргеръ остановился и послалъ сказать новгородцамъ: „Если можете—сопротивляйтесь, а я на вашей землѣ и скоро покорю ее!“ Въ Новгородѣ княжилъ тогда сынъ суздальскаго великаго князя Ярослава, правнукъ Владимира Мономаха, Александръ.

Былъ князь Александръ, разсказываетъ о немъ лѣтопись, ростомъ „паче инѣхъ человѣкъ и гласъ его акы труба въ народѣ

и лице его акы лице Іосифа... сила бѣ его часть силы Самсоня, далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню и храбрьство же акы цесаря римьскаго Веспасіана... бѣ сей князь Александръ побѣждая, а не побѣдимъ". Получивъ вызовъ Биргера, князь Александръ сказалъ: „не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ", и съ малой дружиной быстро выступилъ противъ шведовъ. 15-го іюля, въ день памяти св. Владимира, „иже бѣ крести землю Русскую", Александръ напалъ на шведскій лагерь въ устьяхъ Ижоры. Шведы не ждали нападенія; они метались, искали оружіе и доспѣхи, а новгородскіе витязи топорами и мечами рубили оторопѣлыхъ непріятелей. Одинъ новгородецъ, Гаврило Олексичъ, погнался за бѣгущимъ сыномъ Биргера и такъ разогналъ коня, что вскочилъ на сходню, спущенную съ корабля на берегъ. Но тутъ его опрокинули, и онъ съ конемъ упалъ въ воду. Однакоже онъ выбрался изъ воды невредимъ, снова бросился на шведовъ, схватился съ однимъ воеводою шведскимъ и положилъ его на мѣстѣ; потомъ обратился на епископа шведскаго и его поразилъ. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ ворвался въ толпу шведовъ. Новгородецъ Миша пробрался къ судамъ и потопилъ три непріятельскихъ корабля. Отрокъ княжескій Савва сквозь густую толпу пробился къ златоверхому шатру Биргера и подрубилъ средній столбъ, на которомъ держался шатеръ; шатеръ осѣлъ и рухнулъ. Самъ Александръ, увидавъ бѣгущаго Биргера, нагналъ его и поразилъ въ самое лицо копьемъ—„возложилъ ему печать на лице его"—говоритъ лѣтописецъ. Бой длился весь день. Ночью уцѣлѣвшіе шведы сѣли на корабли и спѣшно отплыли. За эту побѣду на Невѣ, спасшую Новгородскую землю отъ иноземнаго плѣна, народъ далъ Александру прозваніе Невскаго.

Новгороду, только-что освобожденному отъ шведской угрозы, готовили плѣнъ нѣмецкіе рыцари. Они захватили Псковъ, уже въ тридцати верстахъ отъ Новгорода появились ихъ отряды. Князь Александръ, получивъ помощь отъ отца, вышелъ съ новгородцами навстрѣчу нѣмцамъ, разбилъ ихъ отряды, отвоевалъ обратно Псковъ и вторгся въ Ливонію. Но здѣсь его встрѣтило главное ополченіе рыцарей и потѣснило обратно къ Пскову. Александръ перешелъ по льду Чудское озеро и остановился у псковскаго берега. Былъ апрѣль 1242 года. Ледъ былъ еще крѣпокъ. Нѣмцы шли за русскими тоже по льду. Построившись клиномъ, или „свиньей", какъ говорили русскіе, закованные въ желѣзо рыцари, выставивъ впередъ копья, ураганомъ врѣзались въ русскіе ряды и прорвали ихъ. Русскіе заколебались, но Александръ велѣлъ отрядамъ своего войска ударить съ боковъ въ неповоротливый желѣзный клинъ нѣмцевъ, а самъ съ избраннымъ отрядомъ быстро зашелъ нѣмцамъ въ тылъ и напалъ на нихъ. Нѣмцы не выдержали стремительнаго удара по ихъ разстроившимся при нападеніи рядамъ, разъединились, дрогнули и побѣжали. Войско Александра преслѣдовало ихъ по льду

озера на семь верстъ. Много знатныхъ рыцарей погибло при этомъ ледовомъ побоищѣ. Новгородъ былъ спасенъ и отъ нѣмецкаго плѣна, и нѣмцы отказались отъ тѣхъ русскихъ земель, которыя было „зашли мечомъ“.

Но надвигался третій врагъ. Встревоженные въ своихъ владѣніяхъ по р. Нѣману и Вислѣ нѣмецкими рыцарями, литовцы придвинулись къ русскимъ землямъ. Съ юга ихъ тѣснилъ галицкій князь. Князья смоленскій и полоцкіе не давали имъ продвигаться на юго-востокъ. Литовцы бросились тогда на сѣверо-западъ, въ новгородскія земли, захватили Торжокъ, Бѣжецкъ и Торопецъ. Но здѣсь ихъ встрѣтилъ Александръ и нанесъ имъ жестокое пораженіе (1245 г.). Литовцы отхлынули отъ Русской земли. И еще разъ отразилъ Александръ шведовъ и литовцевъ. Эти побѣды спасли Русскую землю отъ плѣненія съ запада.

Но плѣнъ съ востока тягостно надвинулся на Русскую землю, и передъ татарской силой пришлось сложить свой мечъ князю Александру. Батый потребовалъ, чтобы прославленный русскій князь явился на поклонъ въ Орду, и Александръ, сознавая всю невозможность сопротивленія, повиновался.

Послѣ смерти отца и брата Андрея, Александръ былъ провозглашенъ татарами великимъ княземъ русскимъ. По его настоянію Новгородъ, готовившійся оружіемъ встрѣтить татарскихъ численниковъ, покорился, далъ произвести у себя перепись и сталъ платить дань. Въ 1262 году народъ Ростово-Суздальской области, выведенный изъ терпѣнія насиліемъ данщиковъ, возсталъ противъ татаръ, противъ ихъ „лютаго томленія“. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Богъ „вложи ярость въ сердца хрестьяномъ; не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша и изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Суздаля, изъ Ярославля; окупахуть бо тіи окаяньнии басурмане дани и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть“... Убили тогда ростовцы отступника и предателя Зосиму, который принялъ вѣру татарскую и, угождая татарамъ, хуже ихъ угнеталъ прежнихъ единовѣрцевъ, перебили и татаръ численниковъ и данщиковъ. Татары готовились къ новому нашествію. Великій князь Александръ поспѣшилъ въ Орду. Здѣсь онъ едва умилостивилъ хана и умолилъ его отказаться отъ мести.

Болѣе года прожилъ Александръ въ Ордѣ. На обратномъ пути онъ занемогъ и 14 ноября 1263 г. скончался въ Городцѣ на Волгѣ, въ предѣлахъ Нижегородскаго края. „Дай, Господи милостивый,—восклицаетъ лѣтописецъ, отмѣчая кончину Александра, — видѣти ему лице Твое въ будущій вѣкъ, иже потрудися за Новгородъ и за всю Русьскую землю“, которую Александръ мечомъ защитилъ отъ плѣна съ Запада и, преклоняя передъ несокрушимой силою свою славу, соблюдалъ отъ бѣды, грозившей съ Востока. Житіе Александра повѣствуетъ, какъ митрополитъ Кириллъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра, вышелъ на амвонъ соборнаго храма во Владимирѣ и, обратясь

къ народу, сказалъ со слезами: „Дѣти мои милыя! знайте, что зашло солнце земли Русской!“—и всѣ люди съ рыданіемъ говорили въ отвѣтъ пастырю: „Уже погибаемъ“.

Тяжело жилось на Руси при татарскомъ владычествѣ, приходилось неотступно дрожать за свою жизнь, за свое благосостояніе, особенно первое время. Потомъ тяжесть татарскаго владычества стала ощущаться легче. Татары, кромѣ дани, ничѣмъ не вмѣшивались въ распорядокъ русской жизни: оставили князей и дали возможность русскимъ людямъ жить, какъ хотятъ, только бы платили дань. Скоро самый сборъ дани они стали поручать князьямъ, позволяя имъ враждовать и ссориться другъ съ другомъ изъ-за удѣловъ и великаго княженія. На эти ссоры татары смотрѣли, какъ на источникъ дохода, и заявляли князьямъ такъ: „Если дашь хорошій выходъ (т.-е. дань), то и будешь великимъ“. Князья торговались въ Ордѣ изъ-за великаго княженія. Пріобрѣтая у татаръ ярлыки на княженіе, помимо всякихъ счетовъ другъ съ другомъ, князья укрѣплялись во взглядѣ на княженіе, какъ на свою личную собственность. Съ помощью татаръ, покупкой у нихъ ярлыковъ и пользованіемъ за плату ихъ войскомъ, сильнѣйшіе князья скорѣе и легче соединяли подъ своей властью слабѣйшія княжества. Первые московскіе князья своимъ успѣхомъ много обязаны дружбѣ съ татарами. Въ этомъ смыслѣ татарское иго, несомнѣнно, способствовало объединенію Руси, которое произошло бы и безъ татаръ въ силу вещей, но татары ускорили и облегчили это объединеніе. Записавъ въ свои окладные листы плательщиками дани одинаково и людей, и княжихъ мужей, и самихъ князей, татары въ извѣстномъ смыслѣ способствовали объединенію и русскаго общества; въ такой объединенной средѣ легче могли зарождаться и развиваться идеи политическаго объединенія и освобожденія страны, раздѣленной на удѣлы. Общая вражда къ поработителямъ явилась не послѣднимъ двигателемъ дѣла освобожденія и ярко сказалась въ событіяхъ, закончившихся Куликовской побѣдой.

О вліяніи татарскаго ига на Русь можно говорить только очень условно. Оно много способствовало развитію и укрѣпленію началъ, сложившихся до него и помимо его, само же по себѣ внесло мало существенно-новаго въ русскую жизнь.

Сами татары жили далеко, въ степяхъ, были гораздо менѣе образованы, нежели русскіе, и русскій народъ въ своемъ бытѣ и нравахъ остался почти свободнымъ отъ татарскаго вліянія. Развѣ только въ одеждѣ можно найти его. Къ намъ не перешло ни одного татарскаго обычая. Въ нѣкоторыхъ распорядкахъ жизни, да и то придворной, княжеской, въ нѣкоторыхъ пріемахъ внутренняго управленія проскользнуло кое-что напоминающее татарскую грубость и жестокость; были усвоены и кое-какія формы управленія. Въ языкѣ нашемъ осталось немного словъ, заимствованныхъ отъ татаръ. Любопытно, что эти слова, такъ прочно основавшіяся въ языкѣ, по смыслу всѣ обозначаютъ предметы

внѣшней жизни, чуть ли не самими татарами введенные на Руси; это, напр., алтынъ, арбузъ, аршинъ, атаманъ, базаръ, деньга, есаулъ, кабакъ, казакъ, караулъ, сундукъ, халатъ, чепракъ, ярлыкъ и нѣкоторыя другія.

Но зато татары, опустошивъ Русь, разрушили благосостояніе жителей, своими данями не давали имъ оправиться; народъ бѣднѣлъ; спасаясь отъ баскаковъ и данщиковъ, люди забирались въ дикія непроходимыя трущобы съ открытыхъ плодородныхъ земель. Самымъ тяжкимъ явленіемъ ига была для народа дань.

Эта дань дѣйствительно была „выходомъ", такъ какъ ежегодно путемъ ордынскихъ даней выходила изъ народнаго богатства значительная часть. Татары брали дань серебромъ. Денегъ въ странѣ становилось все меньше, расчеты по покупкѣ и продажѣ приходилось производить натурой, обмѣнивая товаръ на товаръ, а за работу платить хлѣбомъ; хозяйственная жизнь снова становилась въ условія натуральнаго хозяйства, а главнымъ источникомъ и предметомъ этого хозяйства становилось одно земледѣліе. Но благодаря игу и земледѣліе не могло получить большого развитія. Отрѣзавъ Русь отъ плодороднаго черноземнаго юга и отъ средняго и нижняго Поволжья, татары загоняли русскаго земледѣльца на мало-плодородный сѣверъ, гдѣ усиленный трудъ вознаграждался сравнительно мало. Занятіе подсобными промыслами на сѣверѣ, бѣдномъ естественными богатствами, тоже давало мало; рыболовство, охота, всякій лѣсной промыселъ могъ быть разрабатываемъ только на себя, такъ какъ сбытъ на сторону былъ очень ограниченный. Страна явно обезсиливала и бѣднѣла, жизнь становилась скудной и нудной. Въ видѣ татарской дани „къ народному организму,—замѣчаетъ проф. М. К. Любавскій,—присосался огромный паразитъ, который высасывалъ его соки, хронически истощалъ его жизненныя силы, а по временамъ производилъ въ немъ большія потрясенія. Татары въ данномъ случаѣ являлись продолжателями дѣла печенѣговъ и половцевъ, съ тою разницею, что ихъ разрушительное вліяніе было болѣе сильнымъ и послѣдовательнымъ".

Обезсиленіе татарами сѣверо-восточной Руси привело къ тому, что Кіевская Русь потеряла связь съ сѣверомъ, ослабѣла и легко сдѣлалась добычей усилившейся за это время Литвы. Вотъ это обстоятельство — раздѣленіе Руси на двѣ половины, которымъ пришлось долго жить чуждой другъ для друга жизнью—является, пожалуй, самымъ важнымъ слѣдствіемъ господства татаръ надъ Русью.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. III; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*, „Русская исторія", ч. I; *Léon Cahun*, „Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols"; *М. К. Любавскій*, „Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в."; *С. Ѳ. Платоновъ*, „Лекціи по русской исторіи", и другія сочиненія.

Заставка и буква изъ рукописнаго Псалтыря XIII в.

Господинъ Великій Новгородъ.

После того, какъ замерла жизнь на кіевскомъ югѣ, а въ глухой залѣсской странѣ образовалась своя, новая, не похожая на кіевскую, оставалась въ Русской землѣ область, гдѣ долго еще жили и процвѣтали основы государственной жизни, чуждыя сложившемуся въ Суздальской странѣ удѣльному порядку. Эта область—владѣнія Господина Великаго Новгорода и его сначала пригородовъ, а потомъ младшихъ братій Пскова и Вятки. Въ то время, какъ въ Суздальской землѣ росло и укрѣплялось самовластное державство князя-вотчинника, въ Новгородѣ торжествовало господство вѣча, развивалось народовластіе.

Съ давнихъ поръ Новгородъ Великій былъ такимъ же средоточіемъ исторической жизни сѣверной Руси, какимъ былъ Кіевъ для юга. Новгородъ былъ началомъ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки черезъ Русскую равнину, а Кіевъ—исходнымъ концомъ его. Благодаря одинаковому занятію — торговлѣ и однородному устройству всей жизни, Новгородъ жилъ въ тѣсномъ единеніи со всей южной Русью. Когда же Кіевская Русь заглохла, а въ новыхъ краяхъ, въ залѣсской сторонѣ, возникли иные порядки, и люди стали жить не торговлей, а земледѣліемъ, тѣсная связь между Новгородомъ и Суздальской землей не могла установиться, возникла даже вражда, во время которой Новгородъ, охраняя свою самостоятельность, замкнулся, такъ сказать, въ себѣ и жилъ началами той жизни, которая становилась все болѣе и болѣе чуждой удѣльнымъ порядкамъ и шла совершенно вразрѣзъ съ порядками, утвердившимися въ Великороссіи послѣ объединенія ея около Москвы.

Когда и какъ возникъ Новгородъ Великій—неизвѣстно, несмотря на то, что названіе города характеризуетъ его словомъ „новый“. Вѣроятно, какъ и Кіевъ, Новгородъ возникъ изъ соединенія нѣсколькихъ селеній, слѣды которыхъ ученые изслѣдователи видятъ въ распредѣленіи города на отдѣльныя части—концы; но по отношенію къ какому „старому“ городу это соединеніе „концовъ“ въ одно поселеніе было названо „новымъ“ городомъ—неизвѣстно, и никакое преданіе богатаго ими Новгородскаго края не открываетъ причину такого названія.

Рѣка Волховъ, вытекающая изъ недалекаго отъ города озера Ильменя, дѣлитъ Новгородъ на двѣ части: правая, по восточному берегу, называлась Торговой, потому что здѣсь находился главный городской торгъ; лѣвая, по западному берегу, звалась Софійской, съ той поры, конечно, какъ здѣсь была построена соборная церковь Новгорода, храмъ св. Софіи. Обѣ стороны соединялись великимъ волховскимъ мостомъ. На Торговой сторонѣ, возлѣ самаго торга, находилась площадь, которую называли Ярославовымъ, или Княжьимъ дворомъ, потому что здѣсь стоялъ дворъ Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ. Здѣсь возвышалась „степень“—помостъ, вокругъ котораго собиралось вѣче; съ этого помоста новгородская „старшина“ обращалась съ рѣчами къ народу; возлѣ степени находилась вѣчевая башня: на ней висѣлъ колоколъ, звонъ котораго созывалъ новгородцевъ на вѣче; въ низу башни помѣщалась вѣчевая канцелярія, гдѣ сидѣли дьяки и подьячіе, записывавшіе постановленія вѣча и составлявшіе грамоты по порученію вѣча и старѣйшинъ.

Торговая сторона дѣлилась на два конца, Плотницкій и Словенскій. Словенскій конецъ считаютъ мѣстомъ древнѣйшаго поселенія изъ тѣхъ, которые составили Новгородъ. Вся Торговая сторона именовалась иногда по этому концу—Словенской. Софійская сторона дѣлилась на три конца: Наревскій, Загородскій и Гончарскій, или Людинъ. На Софійской сторонѣ, возлѣ начала великаго моста, возвышались стѣны „дѣтинца“, т.-е. городской крѣпости, гдѣ стоялъ храмъ св. Софіи. Всѣ пять концовъ Новгорода были обнесены крѣпкимъ землянымъ валомъ съ башнями и рвомъ. За этой оградой начинались многочисленные посады, монастыри, монастырскія слободы, широкой и многолюдной цѣпью окаймлявшіе Новгородъ.

Обширныя владѣнія Великаго Новгорода дѣлились на „пятины“ и „волости“. Дѣленіе на „пятины“ установилось довольно поздно, какъ кажется, не ранѣе XIV в., а до этого земля Новгорода Великаго дѣлилась на „земли“ и „ряды“. Пятины Новгородской земли начинались вплоть у самаго Новгорода, только одна Бѣжецкая отступала отъ самаго города. На сѣверо-западъ отъ Новгорода между рѣками Волховомъ и Лугой, по направленію къ Финскому заливу, шла пятина Вотьская, называвшаяся такъ по финскому племени воть, обитавшему здѣсь; на сѣверо-

Планъ Великаго Новгорода. Съ древней иконы Знаменія Пресв. Богородицы.

востокъ справа отъ Волхова, до самаго Бѣлаго моря, по обѣ стороны Онежскаго озера тянулась пятина Обонежская; къ юго-востоку между Мстою и Ловатью находилась пятина Деревская; къ юго-западу, между Ловатью и Лугой, по рѣкѣ Шелони располагалась Шелонская пятина; на отлетѣ отъ города, между Обонежской и Деревской начиналась пятина Бѣжецкая, простиравшаяся далеко на востокъ, склоняясь къ югу. Очень можетъ быть, что округа Новгородской земли, получившіе названіе пятинъ, выросли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ городу владѣній путемъ постепеннаго ихъ расширенія и дѣленія между концами. Пятины во всѣхъ дѣлахъ своихъ по суду и управленію зависѣли отъ тѣхъ концовъ, къ которымъ были приписаны.

Волостями назывались владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣе пріобрѣтенныя. Таковы были волости городовъ Волоколамска, Бѣжичей, Торжка, Ржева, Великихъ Лукъ. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой далеко на сѣверо-востокъ простиралась Двинская земля; по рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ расположилась земля Пермская, еще далѣе къ сѣверо-востоку находилась волость Печора по рѣкѣ того же имени до Уральскаго хребта, а за нимъ простиралась дикая волость Югры; на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость Тре, или Терскій берегъ.

Всѣ эти волости были рано пріобрѣтены Новгородомъ: уже въ XI вѣкѣ новгородцы собирали дань за Двиной и Печорой, ходили въ область Великой Біарміи, т.-е. въ Пермскую землю, знали пути и за Каменный поясъ, т.-е. за Уралъ. Всѣ эти волости являлись какъ бы колоніями Новгорода, обязанными доставлять то сырье, которымъ Новгородъ торговалъ. Путемъ военно-торговыхъ экспедицій за пушнымъ и другимъ товаромъ новгородцы давно прознали путь въ эти области; скоро тамъ образовались поселки, такъ сказать, конторы и факторіи новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ съ туземцами. При воинственномъ характерѣ тогдашней торговли, туземцы обязывались платить дань пришельцамъ и работать на заведенныхъ ими лѣсныхъ, соляныхъ и другихъ промыслахъ. Слѣдствіемъ всей этой предпріимчивой дѣятельности и было то, что названныя земли стали волостями Великаго Новгорода. Каждая волость имѣла свой городъ, который именовался пригородомъ Великаго Новгорода; управлялась волость вѣчемъ пригорода, но посадникъ въ пригородъ присылался изъ Новгорода. Пригородъ платилъ дань Новгороду и выставлялъ по его требованію войско.

Историческое преданіе, лѣтопись, народныя сказанія и пѣсни, наконецъ, ученыя изслѣдованія рисуютъ Новгородъ Великій, какъ богатый торговый городъ. Торговля, какъ главное занятіе жителей, опредѣлялась самымъ положеніемъ Новгорода и условіями того края, гдѣ онъ возникъ. Новгородъ удобно связанъ съ главными рѣчными бассейнами Русской равнины—съ Западной Двиной, Днѣпромъ и Волгой, а Волховъ соединяетъ его прямымъ воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ. Благодаря этой

связи съ большими торговыми путями Руси, Новгородъ очень рано втянулся въ торговую дѣятельность. Хлѣбопашество въ Новгородскомъ краю никогда не могло развиться благодаря почвѣ, очень неудобной для земледѣлія, всякаго же лѣсного товара этотъ край доставлялъ большое изобиліе, создавая такимъ образомъ для своихъ обитателей самый предметъ торговли. Расположившись на выходѣ въ море изъ страны, богатой всякимъ сырьемъ, Новгородъ естественно и сдѣлался мѣстомъ вывоза товаровъ, которые эта страна производила, и ввоза тѣхъ, въ которыхъ она нуждалась.

Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ.

Сношенія Новгорода съ Западной Европой установились очень давно; путь въ Гардарикъ черезъ Остергардъ, т.-е. Восточный городъ, какъ они называли Новгородъ, варяжскіе воины и купцы знали въ концѣ VIII-го и въ началѣ IX-го вѣковъ. Въ XI и XII вв. Новгородъ велъ обширную торговлю съ городомъ Висби на Готландѣ, или съ „готскимъ берегомъ", какъ называли его новгородцы. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ и церковь. Такъ какъ Висби очень оживленно торговалъ съ нѣмцами, то и нѣмцы черезъ Висби рано стали проникать въ Новгородъ, а новгородскіе купцы торговали въ Финляндіи, Швеціи и Даніи, слѣдовательно знали дороги и въ нѣмецкіе прибалтійскіе города. Въ XII в. рядомъ съ готскимъ дворомъ стоитъ въ Новгородѣ дворъ нѣмецкій, а въ Любекѣ въ это время проживаютъ русскіе купцы изъ Новгорода.

Въ XIII вѣкѣ нѣмецкіе города, какъ извѣстно, образовали союзъ, получившій названіе Ганзейскаго. Этотъ союзъ мало-помалу сталъ посредникомъ въ торговлѣ южно-европейской и средне-европейской, а черезъ Новгородъ сдѣлался посредникомъ въ обмѣнѣ товаровъ европейскихъ и азіатскихъ. Вмѣстѣ съ ростомъ торговаго могущества, союзъ ганзейскихъ городовъ пріобрѣлъ скоро и значеніе сильнаго государства, въ договоры съ которымъ не гнушались вступать самые сильные владѣтели тѣхъ временъ. Во главѣ союза стоялъ городъ Любекъ. Островъ Готландъ сдѣлался союзнымъ и подвластнымъ Ганзѣ, и ганзейскіе нѣмцы-купцы взяли тогда въ свои руки и торговлю съ Новгородомъ. „Нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ,— говоритъ Н. И. Костомаровъ,—составляли совершенно особую, тѣсно замкнутую общину. По договорамъ, заключеннымъ съ Новгородомъ, они пользовались полнымъ самоуправленіемъ. Новгородскія власти не имѣли права вступаться въ дѣла, возникавшія между нѣмцами; судить нѣмцевъ должны были ихъ собственные, выбранные ими начальники—ольдермены, т.-е. старшины. Безъ разрѣшенія ольдермена ни одинъ новгородскій чиновникъ не могъ войти во дворъ нѣмецкой конторы въ Новгородѣ. Случаи несогласія нѣмца съ новгородцемъ должны были разбираться ольдерменами, но если новгородецъ былъ недоволенъ судомъ ольдерменовъ, то могъ жаловаться высшимъ новгородскимъ чиновникамъ—посаднику или тысяцкому. Договорами было также постановлено, что съ задолжавшаго новгородца первое взысканіе дѣлалось въ пользу его иностранныхъ кредиторовъ“.

Оградивъ себя такими привилегіями, нѣмецкіе купцы торговали цѣлой общиной на компанейскихъ началахъ. Совѣтъ нѣмецкой компаніи установлялъ, какіе товары привозить въ Новгородъ, какіе купить у новгородцевъ, на какую сумму каждый изъ купцовъ могъ купить товару; совѣтъ опредѣлялъ также и цѣны какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ товаровъ.

Вести торговлю нѣмецкимъ купцамъ позволялось только оптовую; они не имѣли права ни брать у новгородцевъ денегъ взаймы ни давать имъ. Пріѣзжать въ Новгородъ нѣмецкіе купцы могли только два раза въ годъ: на зиму и на лѣто; сообразно съ этимъ они и назывались зимними или лѣтними гостями. Зимніе пріѣзжали осенью, жили зиму и со вскрытіемъ рѣкъ уѣзжали; взамѣнъ ихъ пріѣзжали гости лѣтніе.

Суда нѣмецкихъ торговцевъ плыли обыкновенно цѣлыми караванами, подъ охраной военныхъ ганзейскихъ кораблей, такъ какъ море было небезопасно отъ пиратовъ, до города Висби, а отсюда держали путь прямо на островъ Кетлингенъ, или Котлинъ, въ Финскомъ заливѣ, передъ устьемъ р. Невы. Здѣсь иноземныхъ гостей встрѣчали новгородскіе лоцмана и пристава, державшіе „стражу морскую“, и провожали гостей до самаго Новгорода. Пройдя мимо Котлина, суда вступали въ Неву, потомъ въ Ладожское озеро, и достигали устья Волхова, гдѣ

заморскій товаръ перегружался съ глубоко сидѣвшихъ морскихъ судовъ на мелкія рѣчныя и сплавлялся по Волхову. Не доѣзжая до Новгорода, суда останавливались: здѣсь производился счетъ товаровъ, и они облагались пошлиной. Въ Новгородѣ товаръ выгружали съ судовъ и на извозчичьихъ телѣгахъ доставляли на нѣмецкій дворъ. Чтобы не было запросовъ со стороны извозчиковъ и чтобы не возникало какихъ-либо недоразумѣній съ нанимателями-чужеземцами, а также во избѣжаніе промедленія въ доставкѣ товара, новгородское правительство установило постоянную таксу за провозъ товара отъ берега до нѣмецкаго двора. До двора нѣмецкаго полагалось 10 кунъ съ воза, а до готскаго—15 кунъ.

Звонница Софійскаго собора въ Великомъ Новгородѣ.

Кромѣ этого пути, нѣмцы могли возить свои товары черезъ Псковъ и черезъ Нарву по сухому пути; это былъ преимущественно зимній путь. Возить иноземный товаръ другими дорогами въ Новгородъ запрещалось, и товары, привезенные неуказанными путями, отбирались въ казну.

Нѣмецкій дворъ былъ обнесенъ высокой стѣной, и его охраняли цѣпныя собаки и нѣмецкая стража. По договорамъ, новгородцы не могли строить зданія около этого двора и держать здѣсь товаръ, не могли даже просто собираться возлѣ и играть въ свайку. Во дворѣ стояла церковь и большое зданіе съ обширной палатой—„гридницей", гдѣ собирались иностранные купцы; около этой комнаты была меньшая для слугъ, тутъ же помѣщались и отдѣльныя спальни. Кругомъ всего зданія были выстроены клѣти, или амбары для склада товаровъ; но товаровъ привозили такое множество, что они не помѣщались въ амбарахъ и сваливались въ общей комнатѣ и даже въ церкви.

Благодаря тѣмъ привилегіямъ, какими нѣмцы сумѣли обставить себя въ Новгородѣ, и тяжелому кулаку Ганзы, ко-

торая не скупилась показывать его слабѣйшимъ друзьямъ и союзникамъ, вся новгородская торговля съ заграницей скоро очутилась въ нѣмецкихъ рукахъ, и роль новгородскихъ купцовъ свелась къ покупкѣ того, что привозили нѣмцы, и перепродажѣ внутрь страны. Нѣмецкіе купцы заранѣе уговаривались между собой и покупали товаръ у новгородцевъ по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ хотѣли, и новгородцы ничего не могли съ этимъ подѣлать, несмотря на то, что нѣкоторые товары, напримѣръ, восточные, нѣмцы только отъ новгородцевъ и могли получить. Лучшая организація, какъ всегда, побѣждала.

Иностранные товары Новгородъ покупалъ, конечно, не только для себя, но и для перепродажи въ другія русскія области. Новгородскіе купцы постоянно ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ, даже въ Литву. Являясь продавцами иноземныхъ товаровъ, новгородцы были въ то же время и покупателями туземныхъ для заграничнаго рынка. Шли въ Новгородъ изъ-за границы по преимуществу продукты обрабатывающей промышленности, а изъ сырыхъ лишь соль, разные металлы и иногда хлѣбъ. Изъ металловъ, кромѣ золота и серебра, привозились мѣдь и желѣзо изъ Швеціи, англійское олово и испанскій свинецъ; желѣзо получалось еще изъ Нидерландовъ. Нѣмцы старались препятствовать ввозу желѣза, мѣди и оружія въ Новгородъ, такъ какъ видѣли въ этомъ средство усиленія русскихъ. Оружіе добывалось изъ-за границы только путемъ контрабанды, причемъ виновный не только подвергался опасности лишиться имущества и жизни, но ему угрожала вѣчная мука на томъ свѣтѣ, такъ какъ запрещеніе исходило отъ папы римскаго. Самое первое мѣсто изъ предметовъ ввоза занимали сукна. Лучшіе сорта сукна привозились изъ Англіи и Фландріи; славилось такъ называемое „ипское“ сукно (г. Ипръ во Фландріи); ввозились изъ-за границы также полотна и пряжа; въ большомъ количествѣ доставлялось заграничное вино, которое черезъ Новгородъ направлялось и въ московскія земли. Были въ ходу крѣпкія сладкія вина и романея (французское красное вино); привозились и сласти—фрукты, сахаръ и конфеты.

Самымъ важнымъ предметомъ торговли Новгорода съ другими русскими княжествами былъ хлѣбъ, въ которомъ Новгородъ нуждался не только для перепродажи иноземцамъ, но и для себя, такъ какъ болотистая новгородская почва родила хлѣба мало. Хлѣбъ шелъ въ Новгородъ изъ Рязани, по Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ, на Волоколамскъ, а съ верхняго Поволжья на Тверь и Торжокъ. Неурожаи и войны, стѣснявшія доставку хлѣба въ Новгородъ, бывали иногда причиной страшныхъ голодовокъ въ Новгородской землѣ. Въ 1187 г., напр., цѣны на хлѣбъ въ Новгородѣ поднялись такъ, что родители продавали нѣмцамъ своихъ дѣтей, только бы спасти ихъ отъ ужаса голодной смерти. Такая зависимость Новгорода въ столь существенномъ вопросѣ, какъ хлѣбъ насущный, отъ другихъ русскихъ земель была причиной того, что

сильные князья, какъ Андрей Боголюбскій, а впослѣдствіи и московскіе, могли держать Новгородъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ оружію: стоило имъ только прекратить доставку хлѣба на новгородскіе рынки, и смирённый ожиданіемъ голода Господинъ Великій Новгородъ шелъ на уступки даже передъ побѣжденнымъ въ открытомъ бою противникомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ ключи отъ житницъ Поволжья и Рязани.

Церковь Успенія Пресв. Богородицы въ Волотовѣ близъ Новгорода (1352 г.).

Крайняя небезопасность тогдашней торговли, отдаленность рынковъ, трудность дороги къ нимъ, необходимость быть сильными и вооруженными при торгово-промысловыхъ экспедиціяхъ въ страны дикарей, — всѣ эти обстоятельства заставляли новгородскихъ купцовъ вести свою торгово-промысловую дѣятельность артелями или компаніями. Купеческихъ артелей было въ Новгородѣ много; раздѣлялись онѣ или по товару, которымъ участники ихъ торговали, или по мѣстности, куда они ходили; сообразно съ этимъ, въ Новгородѣ были артели купцовъ низовскихъ, т.-е. торговавшихъ съ Низовой землей, какъ тогда въ Новгородѣ называли Суздальскую область; поморскими купцами звались тѣ, которые ходили на Балтику или на Бѣлое море; купцы, торговавшіе солью, назывались прасолами.

Особенное значеніе имѣла въ городѣ артель купцовъ, соединившихся около храма св. Іоанна Предтечи, или, по-новго-

родски, у Ивана Великаго на Опокахъ: Опоки — мѣстность возлѣ Ярославова двора. Всякій купецъ, пожелавшій вступить въ „Иваново сто“, долженъ былъ внести 50 гривенъ вкладу и, кромѣ того, пожертвовать $21^1/_2$ гривенъ въ пользу церкви св. Ивана на Опокахъ. Такой купецъ дѣлался участникомъ Ивановой сотни и передавалъ это право своимъ дѣтямъ. Въ отличіе отъ другихъ купцовъ, его называли „пошлымъ“, т.-е. стариннымъ купцомъ, и въ этомъ заключалось много гордости и довольства для тогдашняго купца; принадлежность къ Ивановой сотнѣ очень способствовала кредиту и положенію купца въ торговомъ мірѣ. Купцы, записавшіеся въ „Иваново сто“, имѣли большія привилегіи; такъ, они имѣли право получать отъ города военный отрядъ для конвоя ихъ торговыхъ экспедицій, отправлявшихся, напримѣръ, на Уралъ; въ минуту торговыхъ затрудненій, грозившихъ ивановскому купцу „изгойствомъ“, т.-е. банкротствомъ, онъ получалъ изъ общественной кассы подмогу, которая раскладывалась на всѣхъ участниковъ сотни. Ивановскіе купцы выбирали пять старостъ, которые, подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго и въ присутствіи представителей отъ концовъ, вѣдали всѣ торговыя дѣла и торговый судъ въ Новгородѣ.

У Ивана Великаго на Опокахъ находился общественный гостиный дворъ, гдѣ купцы складывали свои товары и гдѣ въ особой „гридницѣ“, т.-е. обширной палатѣ, они собирались для разсужденій объ общихъ дѣлахъ. Для веденія текущихъ дѣлъ общества они выбирали изъ своей среды старосту, который самъ выбиралъ себѣ помощниковъ. Общественная касса помѣщалась въ самой церкви. На хорахъ церкви св. Ивана находились лари— вдѣланные въ стѣну шкапы, гдѣ хранились торговыя книги, документы, всѣ новгородскія грамоты и договоры; церковь св. Ивана являлась, такимъ образомъ, государственнымъ архивомъ для всего Новгорода, вмѣстѣ съ храмомъ св. Софіи, гдѣ хранились еще и духовныя грамоты. Въ подвалахъ церкви св. Ивана складывались товары и находилась общественная касса. Около церкви помѣщался рынокъ, торгъ, и стояли вѣсы, на которыхъ вѣшали товары; при вѣсахъ состояли особые выборные присяжные чины, которые производили взвѣшиваніе и наблюдали за правильностью вѣса и торговли; за взвѣшиваніе, какъ и при продажѣ товара, взималась съ покупателя особая пошлина. Рядомъ съ большими вѣсами находились еще малые, служившіе для взвѣшиванія драгоцѣнныхъ металловъ, слитки которыхъ замѣняли тогда чеканную монету. Такимъ образомъ церковь св. Ивана на Опокахъ, возлѣ которой объединились богатѣйшіе купцы, являлась центромъ всей новгородской торговли.

Успѣшная торговая дѣятельность подняла необыкновенно силу и значеніе Великаго Новгорода; торговлей жило все новгородское населеніе, и торговый человѣкъ въ Новгородѣ самая большая сила; никакой договоръ, никакое рѣшеніе не проводится на вѣчѣ безъ согласія купца; предпріимчивая, полная опасностей,

удачи и неудачи торговая жизнь вырабатывала изъ новгородцевъ людей предпріимчивыхъ, упорныхъ, настойчивыхъ, дерзкихъ и смѣлыхъ. Новгородскія былины о Васькѣ Буслаевѣ и о Садкѣ рисуютъ яркими красками надменную и безшабашную удаль новгородскаго купца-богача. Эта удаль и отвага, не находя себѣ исхода на родинѣ, заставляла многихъ новгородцевъ уходить на сторону, на Волгу, главнымъ образомъ въ земли старинныхъ враговъ Новгорода, суздальцевъ, чтобы грабить здѣсь людей и торговыя суда. Эти разбойничьи походы новгородскихъ удальцовъ - ушкуйниковъ часто бывали причиной большихъ и опасныхъ для Новгорода недоразумѣній съ сосѣдями. Въ 1375 г. новгородецъ Прокопъ собралъ ватагу въ 2.000 человѣкъ и изъ Двинской земли прошелъ на Волгу. Здѣсь ушкуйники напали на Кострому. Великокняжескій воевода бѣжалъ, и Прокопъ съ товарищами разграбилъ городъ, набралъ много всякаго добра, плѣнилъ жителей, не щадя женщинъ и дѣтей, и пошелъ внизъ по Волгѣ, гдѣ пограбилъ окрестности Нижняго-Новгорода, разграбилъ множество купеческихъ судовъ, перебилъ бесерменскихъ, т.-е. татарскихъ, персидскихъ и бухарскихъ купцовъ. Въ г. Болгарахъ онъ продалъ татарамъ весь свой полонъ и добрался до Астрахани, гдѣ татарскій князь перебилъ всю ватагу Прокопа. Новгородскихъ ушкуйниковъ знали и въ Перми и въ Заволочьѣ, на своихъ лодкахъ проникали они на Бѣлое море и грабили сѣверные берега Норвегіи.

Церковь Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ (1379 г.).

Постоянные грабежи и убійства были довольно обычнымъ дѣломъ и въ самомъ Новгородѣ. Новгородская „голка“, какъ тамъ звали чернь, часто производила большія буйства, на которыя ее легко было и купить. Кому надо было, тотъ всегда могъ натравить „голку“ на своего врага или недруга. До крова-

выхъ столкновеній эти буйства, впрочемъ, доходили рѣдко, ограничиваясь шумомъ и дракой; зато во время пожаровъ „голка“ расходилась во-всю—грабила, тащила имущество погорѣльцевъ, мѣшала тушить пожаръ; вѣче строго наказывало виновныхъ: кого схватывали, тѣхъ присуждали къ старинной новгородской казни — къ сверженію въ Волховъ съ высокаго волховского моста.

Другой особенностью Великаго Новгорода, кромѣ широко развитой торговой жизни, являлось то державное самоуправленіе, которое этотъ городъ выработалъ себѣ, пользуясь особенностями своей исторической жизни.

Въ кіевское время Новгородская область, какъ начало великаго воднаго пути, находилась въ завѣдываніи великаго князя кіевскаго. Великій князь посылалъ обыкновенно въ Новгородъ намѣстникомъ своего старшаго сына. При князѣ всегда находился посадникъ изъ природныхъ новгородцевъ. Княжескія усобицы влекли за собой частую смѣну князей въ Новгородѣ; частыя смѣны князей сопровождались перемѣнами въ средѣ новгородскаго начальства, потому что, когда князь покидалъ городъ, то слагалъ съ себя должность и назначенный имъ посадникъ, такъ какъ обычай требовалъ, чтобы новый князь назначалъ всегда своего.

Въ промежуткахъ, когда одинъ князь ушелъ, а другой еще не приходилъ, новгородцы сами „давали посадничество“ кому хотѣли. Скоро это стало обычаемъ.

Съ начала XII в. новгородцы выбираютъ посадника и при князѣ. Прежде посадникъ былъ только помощникомъ князя, а теперь становится представителемъ и охранителемъ интересовъ города, независимымъ отъ князя и отвѣтственнымъ только передъ самимъ Господиномъ Великимъ Новгородомъ. Въ 1135 г. князь былъ лишенъ права торговаго суда.

Усиленіе княжескихъ усобицъ въ началѣ XII вѣка имѣло своимъ слѣдствіемъ усиленіе значенія вѣча во всѣхъ городахъ. Въ Новгородѣ это усиленіе, благодаря отдаленности отъ Кіева, сказалось и скорѣе и рѣзче, чѣмъ въ другихъ городахъ. Новгородцы стали принимать къ себѣ князей, непремѣнно заключая съ ними договоры о томъ, что княжье и во что князю не вмѣшиваться, и сдѣлали высшія городскія должности—посадника и тысяцкаго—независимыми отъ воли князя и выборными.

Во второй половинѣ XII вѣка новгородцы стали выбирать и епископа, т.-е. выбирали изъ мѣстнаго своего духовенства лицо, которое хотѣли имѣть у себя архіереемъ, и митрополиту всея Руси оставалось только посвящать въ санъ этого избранника. Новгородскій владыка считался первымъ послѣ митрополита и имѣлъ званіе архіепископа.

Выбранный новгородцами на вѣчѣ князь обязывался крестнымъ цѣлованіемъ блюсти новгородскія права, „держать Новгородъ по старинѣ, по пошлинѣ“. Эта старина и пошлина

заключалась въ томъ, что князь обязывался безъ новгородскаго слова войны не замышлять, новгородскія волости держать не своими мужами, а новгородцами; во всемъ дѣйствовать не одному и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника: „безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти не даяти“, гласитъ соотвѣтствующая статья одного договора. На низшія должности князь могъ назначать только новгородцевъ, а не кого-либо изъ

Храмъ Спаса Преображенія на горѣ Нередицѣ подъ Новгородомъ, построенный княземъ Ярославомъ Владимировичемъ въ 1198 году. Знаменитъ своими фресками.

своихъ дружинниковъ; эти назначенія могли осуществляться лишь съ согласія посадника. Безъ согласія вѣча посадникъ не могъ быть смѣненъ.

Въ 1218 году новгородскій князь Святославъ потребовалъ у вѣча, чтобы оно удалило неугоднаго ему чиновника, выбраннаго вѣчемъ, посадника Твердислава. Новгородцы спросили:

— А какая его вина?

Князь отвѣтилъ, что Твердиславъ „безъ вины“ не угоденъ ему. Тогда новгородцы сказали Святославу:

— Княже! Оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа власти не лишити. А тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ!—т.-е.: „Вотъ ты лишаешь мужа должности, а ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать. Мы его выбрали, не хотимъ мѣнять!“

Князь уступилъ, „и бысть миръ“.

Въ своихъ договорахъ съ князьями новгородцы особенно тщательно уговаривались о вознагражденіи князя. Князь полу-

чалъ „даръ“ съ новгородскихъ волостей, не входившихъ въ составъ коренныхъ новгородскихъ земель, за этими дарами князь обязывался „своего мужа не слати, слати новгородца“; затѣмъ князь получалъ дары отъ новгородцевъ по пути, когда ѣхалъ на княженіе, но не получалъ ничего, уѣзжая изъ Новгородской земли.

Князь пользовался судными и проѣзжими пошлинами, и въ его распоряженіе были предоставлены разныя угодья, особыя княжескія рыбныя ловли, сѣнокосы, звѣриные гоны, но всѣмъ этимъ князь могъ пользоваться по правиламъ точно опредѣленнымъ, въ урочное время и въ установленныхъ размѣрахъ. Особыми статьями въ договорахъ съ княземъ ему запрещалось пріобрѣтать въ собственность села и слободы въ Новгородской землѣ и принимать людей-новгородцевъ въ закладъ. Даже охотиться князь имѣлъ право только въ Русѣ и на 60 верстъ вокругъ Новгорода, не далѣе; ловить рыбу и варить медъ на себя князь могъ только въ Ладогѣ. Новгородцы, видимо, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы князь не могъ какъ-нибудь прочно зацѣпиться за Новгородскую землю, завести свою запашку или промыслы въ новгородскихъ волостяхъ и земляхъ.

Князь не могъ также имѣть въ Новгородѣ какихъ-либо доходныхъ статей независимо отъ города. Торговать съ заморскими купцами князь могъ только черезъ новгородскихъ купцовъ; не смѣлъ затворять нѣмецкаго двора и ставить къ нему своихъ приставовъ. Главной задачей князя, основной цѣлью, ради которой Новгородъ держалъ его, была обязанность защищать Новгородъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ и чинить судъ.

Неисполненіе княземъ условій договора было предметомъ страшнаго шума на вѣчѣ и кончалось въ обидныхъ для города случаяхъ тѣмъ, что князю, „исписавши вся вины его“, указывали путь, т.-е. просили его оставить Новгородъ, „отпускали съ изгнаніемъ“.

Въ 1270 году новгородцы сказали своему князю Ярославу:

— Почему ты, князь, завладѣлъ всѣмъ Волховомъ и полями, всюду разставивъ своихъ ловцовъ? Зачѣмъ отнялъ дворъ у Алексы Мартынича? Зачѣмъ взялъ лишнія деньги съ Никифора Манускинича? Зачѣмъ гонишь изъ города иноземцевъ, которые у насъ живутъ? Не можемъ больше, князь, терпѣть твоего насильства; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя!

Въ 1135 году новгородцы не поладили со своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Владимира Мономаха. Князь „умысли бѣжати въ Нѣмцы“. „Новгородцы же поймаша его, посадиша за сторожи“ и держали въ заключеніи два мѣсяца и четыре дни съ женой его и съ дѣтьми и съ тещею; „крѣпко стрежаху его на всякъ день и на всяку нощь сто мужей вооруженныхъ. А се вины его творяху: почто не блюде черныхъ людей, почто восхотѣ сѣсти въ Переяславлѣ (т.-е. зачѣмъ хотѣлъ уйти изъ Новгорода), почто восхотѣ ити на суждальцы и ростовцы

и пошедъ почто не крѣпко бися и почто напредь всѣхъ побѣжалъ, и почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляти, и почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше и другія многія вины собраша на нь и не пустиша его дондеже инъ князь будетъ"...

Итакъ, если князь не исполняетъ взятыхъ имъ на себя обязанностей, новгородцы считаютъ себя въ правѣ посадить князя подъ стражу, вычитать ему вины его и отпустить, какъ неисполнительнаго и нерадиваго чиновника. Какъ на слугу Новгорода и смотрятъ новгородцы на своего князя; безъ князя имъ „не повелось быть" потому, что князь, сидя въ Новгородѣ, удобный третейскій судья, опытный военный предводитель, въ качествѣ родича другихъ князей, онъ легче умѣетъ добиться пропуска хлѣба въ Новгородъ съ Низовой земли. Въ 1140 г., читаемъ въ лѣтописи, „новгородцы не терпяше безо князя сидѣти и бысть въ нихъ молва и смущеніе много, понеже и жито къ нимъ ни откуду же идяше, но и купцовъ, ходящихъ изъ Новгорода въ Русь, повелѣ князь велики Всеволодъ Ольговичъ кіевскій имати и метати въ погребы, и бысть въ Новгородѣ скорбь велія". Отъ этой скорби новгородцы искали избавленія тѣмъ, что послали къ суздальскому князю, сопернику князя кіевскаго, просить себѣ на княженіе одного изъ суздальскихъ князей, но просили съ обычнымъ условіемъ: чтобы князь былъ у нихъ на всей ихъ новгородской волѣ. Такъ какъ княжить въ богатомъ Новгородѣ было очень выгодно, князья шли на соблюденіе всѣхъ новгородскихъ требованій. Сознавая свою силу и богатство, новгородцы бывали иногда очень капризны при выборѣ князя. Такъ, въ 1140 году послали они къ кіевскому князю Всеволоду Ольговичу епископа своего и нарочитыхъ мужей съ такимъ словомъ:

Князь новгородскій Ярославъ Владимировичъ. Съ фрески въ храмѣ Спаса на Нередицѣ.

— Дай намъ сына своего Святослава, а брата твоего не хощемъ и уже выгнахомъ его изъ Новгорода съ княженія!

Князь Всеволодъ послалъ въ Новгородъ сына. Княжичъ Святославъ проѣхалъ Черниговъ, направляясь къ Новгороду, какъ новгородцы, „паки сдумавше", прислали въ Кіевъ къ князю Всеволоду новыя рѣчи:

— Не хощемъ сына твоего княжити у насъ въ Новѣгородѣ, ни брата твоего, никого изъ племени твоего, но хощемъ племени Владимера Мономаха княжити у насъ!"

Князь Всеволодъ арестовалъ новгородское посольство, но въ Новгородѣ все же выбрали князя изъ Мономахова рода.

Выбирая себѣ князей и отпуская ихъ отъ себя по произволу, Новгородъ является собственно республикой, а не монархическимъ союзомъ, несмотря на присутствіе князя.

Князь—пришлый гость въ Новгородѣ, избранный городомъ военный охранитель и судья; новгородскій князь—князь кормлёный, т.-е. приглашенный по договору за кормъ или жалованье. Онъ и живетъ не въ самомъ городѣ, а внѣ его, на особомъ подворьѣ, называвшемся Городище.

Какъ и всѣ старинные города Руси, Новгородъ составлялъ тысячу, которая дѣлилась на сотни. Въ мирное время сотня являлась полицейскимъ и податнымъ дѣленіемъ города, въ военное—рекрутскимъ округомъ. Во главѣ всей этой военно-полицейской части становился выборный тысяцкій. Каждая сотня со своимъ выборнымъ сотскимъ составляла особую общину, которая сама вѣдала свои дѣла.

Судебная вѣчевая грамота (1373 г.).

Сотни дѣлились на улицы, съ уличанскими или улицкими старостами во главѣ; каждая улица сама на уличномъ сходѣ у своей приходской церкви вѣдала свои дѣла.

Каждый изъ пяти концовъ Новгорода состоялъ изъ двухъ сотенъ; во главѣ конца стоялъ выборный кончанскій староста, управлявшій дѣлами конца, однако не единолично, а при содѣйствіи особой управы изъ наиболѣе уважаемыхъ, сильныхъ и знатныхъ обывателей конца, подъ контролемъ кончанской сходки. Такимъ образомъ Новгородъ состоялъ изъ множества мелкихъ

и крупныхъ самоуправляющихся общинъ, причемъ крупныя общины составлялись изъ соединенія мелкихъ.

Объединяло всѣ эти общины въ одинъ крѣпкій и сильный организмъ общая сходка всѣхъ новгородскихъ горожанъ—вѣче.

Путемъ частой практики выработался въ Новгородѣ довольно стройный порядокъ вѣчевыхъ собраній. Какъ и въ другихъ городахъ, въ Новгородѣ присутствовать на вѣчѣ и говорить могли всѣ взрослые новгородцы-домохозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре и купцы, такъ и черные люди.

По звону на вѣче новгородцы собирались, какъ можно думать, каждый конецъ и каждая улица со своими кончанскими и уличанскими старостами на своихъ концахъ и улицахъ, около

+ Благословлениє ѿ владкы· поклананиє ѿ посадні
ка Михаила· и ѿ тысяцьскаго Кондрата· и ѿ всего
Новагорода· и ѿ всѣхъ старѣишихъ· и ѿ всѣхъ ме
ньшихъ къ кнѧзю Ярославоу· на семь кнѧже цѣлоуи
хрс къ всѣмоу Новоугородоу· на цѣмь цѣловали
дѣди и отьци· и отьць твои Ярославъ· Новъгородъ ти
держати въ старинѣ· по пошлинѣ· а кто волостии
и всѣхъ новгородьскыхъ· того ти кнѧже не держа
ти своими мужи· нъ держати мужи новгоро
дьскыми· а даръ имати тобе ѿ техъ волостии· а
бес посадника тобе волостии не раздавати· ако
тоу раздаялъ волости братъ твои Алеѯандръ и
Дмитрии съ новгородци· то бе техъ волостии бе
звины не лишати· а у то ти кнѧже пошло на Торо
жку и на Волоцѣ тивоунъ свои держати·

Договорная грамота новгородскаго вѣча съ княземъ (XIII в.).

своихъ приходскихъ храмовъ, и потомъ уже двигались на вѣчевую площадь, откуда несся хорошо знакомый новгородскому уху звонъ вѣчевого колокола. Когда вѣче собиралъ князь, и вообще когда князь былъ въ согласіи съ новгородцами и находился въ городѣ, то и онъ являлся на вѣче. Если же князь былъ въ отъѣздѣ, вмѣсто него приходилъ намѣстникъ князя. Иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, когда вѣчу приходилось рѣшать дѣло очень серьезное, приглашался вѣчемъ для преподанія благословенія новгородскій архіепископъ.

Пришедши на Ярославовъ дворъ, горожане садились или становились, вѣроятно, каждая улица и каждый конецъ вмѣстѣ, при своихъ старостахъ и сотскихъ. Около самой степени размѣщались князь и вся выборная власть города. Тутъ же находился и вѣчевой дьякъ со своими подьячими, которые вели всѣ письменныя дѣла по вѣчу. Дьякъ составлялъ и скрѣплялъ вѣчевую грамоту, въ которой излагалось рѣшеніе вѣча. Грамота эта писалась отъ всего Новгорода такъ: „Отъ посадника Великаго

Новгорода (такого-то), отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ и отъ тысяцкаго (такого-то) Великаго Новгорода и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, положили сдѣлать то-то и то-то". Къ грамотѣ привѣшивалась печать, на которой стояло: „печать Новгородская", или „печать Великаго Новгорода".

Когда новгородцы почему-либо не надѣялись на успѣхъ вѣча, составленнаго только изъ горожанъ-новгородцевъ, то приглашали на вѣче выборныхъ отъ пригородовъ. Но исконное правило,—что старшіе города сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ,—соблюдалось строго. Какъ и въ другихъ городахъ, всѣ дѣла на вѣчѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, и рѣшеніе ставилось единогласное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда страсти слишкомъ разгорались, это единогласіе достигалось насильственнымъ путемъ. Раздѣлившись по какому-либо вопросу на два мнѣнія, городъ составлялъ два вѣча: одно на Торговой сторонѣ, другое у Софійскаго храма. Споръ разрѣшался, какъ и у частныхъ лицъ, когда они не могли согласиться и безъ конца обвиняли другъ друга, „судомъ Божіимъ", т.-е. поединкомъ. Оба вѣча сходились на волховскомъ мосту и вступали въ драку. Бились на смерть оружіемъ, безпощадно сталкивая противниковъ въ воду. Драка длилась до тѣхъ поръ, пока на волховской мостъ не явится архіепископъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, сопровождаемый крестнымъ ходомъ, и видомъ святыни не прекратитъ кровопролитіе.

Печальная слава волховского моста создала о немъ такую легенду: при Владимирѣ Святомъ, когда новгородцы, принимая христіанство, сбросили въ Волховъ идола Перуна, то онъ, доплывъ до моста, кинулъ на него свою палку и сказалъ: „Вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память!". Съ тѣхъ поръ и стала литься новгородская кровь отъ новгородской же руки на волховскомъ мосту.

Вѣче существовало въ Новгородѣ до 1478 г., когда, не ужившись съ выработанными Москвою порядками, оно „перестало быть" и самъ Господинъ Великій Новгородъ, покоренный московскимъ оружіемъ, сталъ вмѣстѣ со своими пятинами и землями волостью московскаго великаго государя. Во Псковѣ, младшемъ братѣ Новгорода, вѣче пало по одному приказанію изъ Москвы въ 1510 году, а въ Вяткѣ, завоеванной Москвою вслѣдъ за Новгородомъ, въ 1485 году.

По характеру своему вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, и дѣятельность его сводилась къ простому принятію или отрицанію предлагавшагося законопроекта. Подготовлялъ всѣ дѣла къ вѣчу и собственно распоряжался въ городѣ новгородскій совѣтъ господъ, или господа. Эти господа то же самое, чѣмъ были старцы градскіе въ совѣтѣ кіевскаго

князя. Но только въ Новгородѣ, благодаря служебному положенію самого князя и частому отсутствію его, они занимали неизмѣримо болѣе важное мѣсто. Князь не присутствовалъ на совѣтѣ новгородской господы, и предсѣдателемъ совѣта господъ былъ владыка-архіепископъ. Совѣтъ состоялъ изъ степенныхъ посадниковъ и тысяцкаго, т.-е. изъ тѣхъ, которые находились на степени, или на дѣйствительной службѣ, изъ кончанскихъ старостъ и сотскихъ и изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, т.-е. тѣхъ, которые отбыли свою должность и не были избраны на нее вновь. Всѣ члены господы, кромѣ архіепископа, называ-

Бѣлая башня въ Новгородѣ.

лись боярами. Число членовъ совѣта господъ доходило до 50, а временами бывало и больше. Совѣтъ этотъ, состоя изъ людей знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ, которые были въ состояніи оказывать могущественное вліяніе на простыхъ гражданъ, держалъ въ рукахъ все вѣче и, не имѣя законодательной власти, умѣлъ проводить на вѣчѣ тѣ законы и положенія, какіе хотѣлъ.

Управленіе текущими дѣлами, командованіе войскомъ, сношенія съ другими государствами и отправленіе судопроизводства лежало на избираемомъ новгородцами посадникѣ и на тысяцкомъ. Оба они избирались сначала на неопредѣленное время,

но потомъ былъ установленъ годичный срокъ должности. Пока тысяцкій и посадникъ занимали должность, они назывались степенными, а затѣмъ, покинувъ должность, вступали, какъ старые посадники, въ совѣтъ господъ. Посадникъ былъ первымъ гражданскимъ сановникомъ города, и когда къ концу XIV вѣка новгородцы перестали призывать къ себѣ князей, мѣсто и должность князя отошли къ посаднику. Онъ собиралъ вѣче, предсѣдательствовалъ на немъ, собиралъ совѣтъ господъ, командовалъ войскомъ, принималъ пословъ, держалъ судъ. Тысяцкій былъ предводителемъ городового полка, главнымъ начальникомъ полиціи и предсѣдателемъ торговаго суда; затѣмъ тысяцкій былъ какъ бы товарищемъ посадника и исполнялъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ тѣ дѣла, которыя подлежало вершить посаднику. За свой трудъ оба верховныхъ сановника новгородской республики получали вознагражденіе; въ ихъ пользу шло „поралье", особый сборъ съ населенія.

Населеніе Новгорода Великаго раздѣлялось на бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей. Боярами въ Новгородѣ назывались крупные капиталисты и землевладѣльцы, въ рукахъ которыхъ съ незапамятныхъ временъ сосредоточились огромныя земельныя владѣнія, богатыя разными промысловыми угодьями. Изъ своихъ владѣній они доставляли на новгородскій рынокъ мѣха, кожи, воскъ, медъ, смолу, лѣсъ и пр. Торговля этимъ товаромъ сосредоточила въ рукахъ боярства большіе денежные капиталы. Господствуя въ торговой и промысловой жизни, благодаря своимъ капиталамъ и земельнымъ владѣніямъ, бояре занимали господствующее положеніе и въ политической жизни. По выбору вѣча занимали они высшія правительственныя должности и засѣдали въ совѣтѣ господъ. Держа купцовъ и черныхъ людей въ долгахъ, бояре направляли рѣшенія вѣча въ какую хотѣли сторону, т.-е. въ ту, какая имъ была выгодна, и на всѣ должности умѣли заставить выбирать своихъ ставленниковъ. Сами бояре, являясь владѣльцами иногда огромныхъ промысловыхъ угодій, не торговали съ иноземцами. Посредниками бояръ въ торговлѣ съ нѣмцами являлись купцы, которыхъ бояре ссужали и деньгами на торговыя дѣла.

Люди средняго состоянія, капиталисты средней руки, постоянные городскіе обыватели и домовладѣльцы, назывались въ Новгородѣ житьими людьми. Житьи люди владѣли и землями, иногда въ довольно крупныхъ размѣрахъ. По своему значенію въ торговой и государственной жизни Новгорода житьи люди приближались къ боярству, но, являясь людьми новыми, недавно нажившимися, они не могли войти въ боярство. Новгородскій бояринъ, кромѣ того, что онъ былъ крупный землевладѣлецъ и капиталистъ, еще и старинный новгородецъ, предки котораго давно уже поднялись своимъ богатствомъ надъ уровнемъ среднихъ людей и насчитывали въ своей средѣ не одного посадника и тысяцкаго, отбывавшихъ эту должность по выбору всего Великаго Новгорода.

Люди, которые занимались собственно торговлей, работая съ помощью боярскихъ капиталовъ и торгуя получаемымъ отъ бояръ товаромъ, назывались купцами. Какъ уже упоминалось, купцы въ Новгородѣ дѣлились на общества, самымъ богатымъ и влiятельнымъ изъ которыхъ было „Иваново сто“. Мелкiе ремесленники, рабочiе, все мелкое городское населенiе, жившее трудомъ на состоятельныхъ и обезпеченныхъ людей, называлось въ Новгородѣ черными людьми.

Все свободное сельское населенiе Новгородской земли дѣлилось на смердовъ, половниковъ и своеземцевъ. Смерды—это тѣ земледѣльцы, которые обрабатывали государственныя земли и платили за это оброкъ въ новгородскую казну; половниками назывались тѣ, кто обрабатывалъ земли на условiяхъ аренды у частныхъ владѣльцевъ; обыкновеннымъ условiемъ аренды было обрабатывать землю исполу, изъ половины урожая, отсюда и самое названiе „половникъ“. Половники находились въ зависимости отъ владѣльцевъ земли и такимъ образомъ были людьми до нѣкоторой степени подневольными.

Своеземцы, или просто земцы, были земледѣльцы-собственники, которые владѣли небольшими участками земли и сами обрабатывали ихъ. По большей части эти своеземцы были изъ горожанъ. Владѣнiя ихъ рѣдко стояли въ одиночку и чаще были расположены цѣлымъ гнѣздомъ, причемъ они владѣли землей и обрабатывали ее часто совмѣстно, связанные родствомъ или договоромъ. Рабство или холопство было очень сильно развито въ Новгородѣ. Источники его были тѣ же, что и въ Кiевской Руси. Существовали, какъ и на югѣ, и полусвободные люди—закупы и наймиты.

Такимъ образомъ люди новгородскаго общества раздѣлялись на особые разряды, причемъ основой дѣленiя являлось не только имущественное первенство, но и происхожденiе (бояре). На почвѣ этого раздѣленiя на разряды по имуществу создалось и неравенство людей различныхъ разрядовъ при участiи ихъ въ общественной и государственной жизни. Не было такого закона, который запрещалъ бы вѣчу избирать посадника изъ какого-либо другого разряда людей, кромѣ бояръ; но вѣче ни разу, сколько извѣстно, не выбрало на эту высокую должность кого-либо изъ купцовъ или житьихъ людей. Въ отбыванiи государственныхъ повинностей бояре и житьи люди пользовались нѣкоторыми льготами.

На вѣчѣ могли принимать участiе всѣ свободные новгородцы съ одинаковымъ правомъ голоса. Получалось, такимъ образомъ, правило, что въ высшемъ правительствѣ должны значить одинаково голоса всѣхъ новгородцевъ—и бояръ, и житьихъ людей, и купцовъ, и черныхъ людей, но спрашивается: могли ли они имѣть одинаковое значенiе при томъ неравенствѣ и зависимости одного разряда отъ другихъ? Конечно, нѣтъ. Встрѣчаясь на вѣчѣ съ лучшими, „лѣпшими“ или „вячшими“ людьми, по-

тогдашнему, какъ съ равноправными вѣчниками, люди меньшіе, часто задолжавшіе этимъ богачамъ или работавшіе у нихъ и на нихъ, должны были съ особой горечью чувствовать свою зависимость отъ лѣпшихъ.

И вотъ на этой почвѣ рѣзкаго имущественнаго неравенства гражданъ и тяжкой зависимости низшаго рабочаго населенія отъ немногихъ капиталистовъ разыгрывается борьба, наполняющая всю внутреннюю исторію Великаго Новгорода буйными и кровавыми сценами. Поводомъ къ проявленію этой розни служило все. Въ 1418 г. нѣкто Степанко, простой черный человѣкъ, схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ:

— Господа, пособите мнѣ на этого злодѣя!

Пособники сейчасъ же нашлись. Боярина схватили, притащили на вѣче, избили до полусмерти и сбросили съ моста, какъ государственнаго преступника. Проѣзжавшій на челнокѣ подъ мостомъ рыбакъ сжалился надъ несчастнымъ и вытащилъ его. За это народъ разграбилъ домъ рыбака. Спасенный бояринъ захотѣлъ отомстить обидчику и, улучивъ время, схватилъ его. Тогда зазвонилъ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ дворѣ; чернь и бояре стали другъ противъ друга. Вооруженная чернь разграбила домъ боярина и всю улицу, гдѣ онъ имѣлъ домъ. Бояре рѣшили освободить Степанка, и архіепископъ отправился съ крестомъ въ рукѣ на вѣчевую площадь умолять толпу разойтись, указывая ей, что Степанко свободенъ. Но толпа не угомонилась. Начался грабежъ другихъ боярскихъ домовъ. Бояре, обитатели Прусской улицы, дали отпоръ нападавшимъ. Тогда тѣ кинулись на свою демократическую сторону съ криками:

— Софійская сторона хочетъ дома наши грабить!

Поднялся звонъ по всему городу; съ обѣихъ сторонъ повалили люди къ волховскому мосту, и началось настоящее сраженіе. Въ довершеніе всего разразилась страшная гроза. Владыка-архіепископъ съ крестнымъ ходомъ, благословляя крестомъ на обѣ стороны, съ трудомъ усмирилъ озлобленныхъ противниковъ.

Въ болѣе раннее время, когда князья были постоянно на новгородскомъ столѣ, новгородцы рѣдко умѣли единогласно сойтись на выборѣ одного князя. Обыкновенно лица, торговавшія въ Смоленской землѣ, предпочитали имѣть князя изъ смоленскихъ Мономаховичей, а тѣ, кто велъ дѣла съ Черниговомъ, непремѣнно требовали князя изъ черниговскихъ Ольговичей, въ надеждѣ получить большія льготы и преимущества на мѣстахъ ихъ торговой добычливости отъ князей-родичей избраннаго вѣчемъ князя.

Всѣ эти столкновенія новгородцевъ, изъ-за чего бы они ни происходили, шли очень бурно, сопровождались убійствами, грабежомъ, пожарами, когда жгли и разоряли дома другъ друга; вѣчевыя собранія становились кровавыми схватками, на волховскомъ мосту подолгу длился бой, и тѣла пораженныхъ безъ

сожалѣнія сбрасывались яростными побѣдителями въ мутныя волны Волхова. Всѣ эти столкновенія выростали изъ глубокой основной вражды верховъ и низовъ новгородскаго общества—меньшихъ и большихъ людей, купцовъ и черныхъ людей съ боярами и житьими людьми, всѣхъ новгородцевъ съ боярами.

Не было правды и справедливости въ Новгородѣ. „Не бѣ въ Новгородѣ правды и праваго суда,—читаемъ въ новгородской лѣтописи, — и возсташа ябедници, изнарядиша... обѣты и цѣлованія на неправду и начаша грабити по селамъ и по воло-

Ладожская крѣпость, построенная въ 1116 году новгородскимъ посадникомъ Павломъ на мѣстѣ Рюриковой крѣпости.

стемъ и по городу, и бѣахомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣзжа (т.-е. наѣзды сборщиковъ дани) велика и боры частыя, кричь и рыданія и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права“...

Глубокая рознь между богатыми и бѣдными, наполняя смутой и усобицей жизнь Новгорода, зародила мысль у одной части новгородскаго общества искать управы противъ зла своей новгородской жизни у великаго князя московскаго, отъ котораго Новгородъ зависѣлъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ хлѣбъ насущный. Великій князь московскій считался издавна, какъ наслѣдникъ власти суздальскихъ князей, великимъ княземъ и для Новгорода. Въ Городищѣ съ XIV вѣка сидѣли намѣстники великаго князя московскаго. Судъ ихъ касался такихъ дѣлъ, когда въ спорномъ вопросѣ одна сторона не принадлежала къ новгородскому обществу; они слѣдили за сборомъ татарскаго выхода и всѣхъ даней, которыя по новгородской старинѣ полага-

лись князю. Московскіе князья установили взимать съ Новгорода разъ въ каждое великое княженіе особый поголовный сборъ, такъ называемый „черный боръ“. Новгородцы всегда отказывались платить его добровольно; тогда Москва посылала войско, занимала отдѣльные города и волости новгородскія, и Новгородъ обыкновенно подчинялся и платилъ.

У намѣстниковъ великаго князя искали управы и новгородцы, обиженные новгородскимъ судомъ. „Новгородцы люди житіи и молодшіи,—пишетъ новгородскій лѣтописецъ,—сами его (московскаго великаго князя Ивана III) призвали на тыя управы, что на нихъ насилья держатъ: какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, тіи насильники творили, то ихъ также иметъ князь великій судомъ по ихъ насильству по мздѣ судити“...

Это тяготѣніе одной части новгородскаго населенія къ Москвѣ вполнѣ совпадало со стремленіями московскихъ великихъ князей прибрать къ рукамъ Новгородъ. Когда это стремленіе опредѣлилось вполнѣ и стало дѣйствительно угрожать новгородской свободѣ, противъ Москвы поднялись и ея сторонники въ Новгородѣ, но Новгородъ оказался не въ силахъ противостоять Москвѣ. Издавна существовавшая рознь у Новгорода съ его пригородами, на почвѣ насильственнаго захвата и пользованія со стороны новгородцевъ богатствами и землями пригородовъ, конечно, не сплотила пригороды дружнымъ оплотомъ вокругъ Новгорода, когда ясно опредѣлилась конечная побѣда Москвы.

Военное устройство самого Новгорода было очень несовершенно. Оно состояло въ томъ, что на время войны набирался полкъ „по розрубу“, т.-е. по разверсткѣ, изъ обывателей самого Новгорода, его пригородовъ и селъ. Новгородскій архіепископъ выставлялъ свой полкъ изъ населенія своихъ многочисленныхъ и многолюдныхъ имѣній подъ командой своего „владычня боярина“. Это народное ополченіе было настолько несовершенно и слабо, что въ 1456 г. двѣсти человѣкъ передового московскаго отряда опрокинули подъ Старой Русой 5.000-ный отрядъ новгородцевъ. То же повторилось во дни рѣшительной борьбы съ Москвой въ 1471 г., когда Новгородъ потерялъ одну за другой двѣ арміи, а собранная наспѣхъ изъ совсѣмъ неопытныхъ воиновъ-ополченцевъ третья 40.000-ная армія была разбита на Шелони $4^1/_2$-тысячнымъ московскимъ отрядомъ, потерявъ на мѣстѣ боя 12.000 человѣкъ.

Борьба Новгорода съ Москвой обострилась въ то время, когда при Иванѣ III произошло окончательное объединеніе около Москвы всей Великороссіи, и Москва и Новгородъ стояли, какъ два соперника. Чувствуя свою гибель и гибель своихъ вольностей, которыхъ Москва не хотѣла сохранять, потому что они совершенно не вязались со всѣмъ выработаннымъ ею строемъ, новгородцы, преимущественно бояре и житьи люди, зная, какими преимуществами пользуются въ Литвѣ высшіе классы общества, обрати-

лись за помощью къ католической Литвѣ. Въ 1471 г. новгородцы заключили договоръ съ литовскимъ великимъ княземъ и польскимъ королемъ Казиміромъ. По этому договору Казимиръ обязывался охранять вольности новгородскія и защищать Новгородъ отъ Москвы, не вредить православію и не давать вѣры холопамъ и чернымъ людямъ, если они будутъ жаловаться на господъ и бояръ. Послѣднее условіе ясно говоритъ, кто были зачинщиками мысли присоединенія Новгорода къ Литвѣ. Въ самомъ Новгородѣ были противники такого соединенія съ Литвой. Это былъ грѣхъ Новгорода противъ православія, національнаго объединенія всей Руси и угроза ея самостоятельности, такъ какъ присоединеніе Новгорода усиливало Литву. Всѣ великорусскія области объединились противъ Новгорода, даже Псковъ выступилъ противъ своего брата старѣйшаго, и послѣдній походъ на Новгородъ Ивана III, благодаря этому неудачному обращенію новгородцевъ за помощью къ чужемцамъ, принялъ характеръ національнаго дѣла, отъ котораго зависѣла будущность всей Великороссіи. Отсюда и происходило то воодушевленіе, съ какимъ московскіе полки шли на новгородцевъ.

Главнѣйшія пособія: *Н. И. Костомаровъ*, „Сѣверно-русскія народоправства", т. 1 и 2; *В. И. Сергѣевичъ*, „Вѣче и князь"; *А. И. Никитскій*, „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода"; *его же*, „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода", Ж. М. Н. Пр., 1869 г., 10, и 1870 г., 8; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи", ч. II.

Заставка—съ рукописи XIV в.

Великій Государь Царь

и Самодержецъ всея Руси.

Московское удѣльное княжество счастливо расположилось по теченію рѣки Москвы. Низовьями своими рѣка Москва связываетъ городъ и край съ областью Оки, а верховьями забирается въ область верхней Волги. Это положеніе дѣлало рѣку Москву большой и удобной дорогой съ Новгородскаго края на Рязанскій. По рѣкѣ Москвѣ новгородцы ѣздили въ хлѣбородную Рязань за хлѣбомъ, котораго имъ всегда не хватало. Москва стояла

и на перепутьѣ съ кіевскаго юга на ростовско-суздальскій сѣверъ; она была пограничнымъ городомъ этой области; когда сѣверные князья хотѣли видѣться съ южными, то выбирали мѣстомъ свиданія Москву; крайнее сѣверное владѣніе южныхъ, черниговскихъ князей, Лопасня, находилось всего верстахъ въ шестидесяти отъ Москвы. Черезъ Москву пролегали пути между Тверью, Рязанью и Суздалемъ. Такимъ образомъ въ Московской области пересѣкались дороги съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ; здѣсь встрѣчаютъ друзей и отражаютъ враговъ, идущихъ съ юга; враги Суздальской земли прорываются въ ея предѣлы черезъ Москву; суздальскіе князья спѣшатъ къ Москвѣ со своимъ войскомъ для отраженія непріятеля съ юга.

Москва впервые и упоминается въ лѣтописи (подъ 1147 годомъ), какъ мѣсто, гдѣ свидѣлся князь Юрій Долгорукій, княжившій въ Суздальской области, съ южнымъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ. Въ 1207 г. великій князь Всеволодъ отправился въ походъ противъ черниговскихъ князей; сынъ его Константинъ велъ на соединеніе съ отцовскимъ войскомъ новгородское ополченіе и „дождася отца на Москвѣ“; Всеволодъ, соединясь здѣсь съ сыновьями, двинулся на югъ съ Москвы. Черезъ Москву прошли и татары Батыя, направлявшіеся изъ Рязанской области въ Суздальское княжество. Можно думать, что Москва возникла, какъ укрѣпленный оплотъ Суздальской земли съ ея крайняго юга.

Когда съ кіевскаго юга, угрожаемаго половцами и раздираемаго княжескими усобицами, покатилась волна переселенцевъ, то первой большой остановкой ихъ въ новомъ краю была Московская область. Здѣсь многіе и оставались жить, потому что рѣка Москва давала заработокъ, почва края не могла быть названа безплодной, а жилось сравнительно спокойно: со всѣхъ сторонъ этотъ уголокъ русской равнины укрывали отъ нападенія враговъ другія княжества—Рязанское, Тверское, Ростовское; на нихъ на первыхъ падали удары непріятеля, вторгавшагося въ верхне-волжскія страны. Пограничная со степью Рязанская область часто терпѣла отъ татарскихъ налетовъ въ теченіе XIV и XV вв., а Москва послѣ разоренія 1293 г. не видѣла татаръ до самаго Тохтамыша (1382 г.). Тверь постоянно страдала отъ литовскихъ нападеній и отъ усобицъ мѣстныхъ князей, Рязанскій край опустошали татары, въ Ростовской области шли непрестанныя ссоры мелкихъ князей-вотчинниковъ, между которыми подѣлилась эта земля. Жить въ Московской области было, слѣдовательно, не только выгодно, но сравнительно спокойно и безопасно. Все это и заставляло населеніе другихъ областей переходить „на Московь“.

Окраинный городокъ-крѣпость Суздальской земли, Москва съ ея округой входила въ составъ земель великаго княженія Владимирскаго. Великіе князья сажали въ Москву на княженіе кого-либо изъ своихъ младшихъ сыновей или родственниковъ. Во

время татарскаго нашествія княжилъ въ Москвѣ малолѣтній князь Владиміръ. Около половины XIII в. въ Москвѣ сидитъ братъ Александра Невскаго, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, т.-е. Забіяка. Оправдывая свое прозвище, онъ свергъ съ великаго княженія своего дядю Святослава Всеволодовича. Но онъ недолго просидѣлъ въ Москвѣ и на великомъ княженіи. Можно прослѣдить, что и послѣ Михаила бывали на Москвѣ князья, но не по долгу, большею частью въ военное время, покидая безпокойный окраинный городъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Александръ Невскій отдалъ Москву въ удѣлъ своему младшему сыну Даніилу. Старшіе братья Даніила очень не ладили другъ съ другомъ, и Даніилъ принималъ дѣятельное участіе въ междоусобицѣ братьевъ. Съ 1283 года Даніилъ прочно сидитъ въ Москвѣ. Какъ младшій братъ, онъ не имѣлъ надежды когда-либо занять великое княженіе по праву; онъ былъ слишкомъ слабъ и незначителенъ какъ владѣтель, чтобы попытаться силой захватить великое княженіе. Тогда задачей жизни Даніилъ поставилъ себѣ расширить свой удѣлъ и тѣмъ усилить свое положеніе среди другихъ князей. Онъ началъ усиленно „собирать“ земли вокругъ Москвы. Всѣ средства для этого казались ему одинаково хороши. Въ 1301 г. напалъ онъ врасплохъ на рязанскаго князя Константина и „нѣкоей хитростью“ захватилъ его въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году умеръ бездѣтный племянникъ Даніила, переяславскій князь Иванъ Димитріевичъ, и отказалъ Даніилу свой удѣлъ. Старшіе князья были противъ этого распоряженія переяславскаго князя, но Даніилъ оружіемъ отстоялъ завѣщанный ему удѣлъ. Счеты старшинства были безразличны Даніилу. Онъ знаетъ только одно, что ему надо быть сильнѣе другихъ, чтобы не затеряться среди мелкихъ владѣльцевъ. Всю жизнь онъ боролся со старшими князьями, не уступая имъ ни въ чемъ и ничего, а средствами были для него насиліе, хитрость, изворотливость и сознаніе своихъ личныхъ выгодъ превыше всего, выше права и старины. „Московскій князь врагъ всякому великому князю, кто бы онъ ни былъ, врагъ старшинства въ княжескомъ родѣ, ибо старшинство принадлежитъ не ему, а другимъ“.

Въ 1303 г. Даніилъ скончался. Старшій сынъ его Юрій съ помощью переяславцевъ отстоялъ Переяславль, который захотѣли присвоить старшіе князья, напалъ врасплохъ на можайскаго князя и отнялъ у него Можайскъ, у Рязани отхватилъ Коломну и такимъ образомъ овладѣлъ всѣмъ теченіемъ рѣки Москвы. Такъ былъ положенъ первый камень грядущему могуществу Москвы. Въ сознаніи своей утверждавшейся силы Юрій заявилъ притязаніе на великое княженіе Владимирское. Это втянуло его въ кровавую борьбу съ сильной Тверью и заставило пристально взяться за устройство добрыхъ отношеній съ татарами, отъ которыхъ въ концѣ концовъ зависѣла возможность получить великое княженіе. Назначаемый татарскимъ ханомъ великій князь

являлся въ тѣ времена отвѣтственнымъ передъ Ордой сборщикомъ ордынскаго выхода со всей Руси; онъ собиралъ эту дань съ русскихъ князей и земель и вносилъ ее въ ханскую казну; черезъ великаго князя шли всѣ распоряженія хана, касавшіяся его русскаго улуса. Захватъ великаго княженія сулилъ огромныя выгоды московскому князю; съ его небольшого княжества дань татарамъ шла невеликая, наибольшую часть доставляли другія крупныя княжества, и въ рукахъ великаго князя сосредоточивались огромныя суммы, часть ихъ можно было временно расходовать на свои нужды—на покупку земель, выкупъ плѣнныхъ для поселенія ихъ на своей землѣ, на устройство войска, на укрѣпленіе своего стольнаго города, на улучшеніе хозяйства въ своихъ селахъ и деревняхъ. Во имя этихъ выгодъ Юрій пошелъ на все: женился на дочери хана, задарилъ всю татарскую знать, подвелъ подъ ханскій гнѣвъ своего соперника, тверского князя Михаила, и взялъ на свою душу тяжкій грѣхъ смерти Михаила, убитаго по его наущенію въ Ордѣ. Ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Юрію. Но наслѣдники Михаила тверского не хотѣли уступить свое старшинство московскому князю. Продолжалась борьба оружіемъ на Руси, продолжались интриги, подходы, подкупы и взаимныя обвиненія соперниковъ при ханскомъ дворѣ. Юрій былъ убитъ въ Ордѣ сыномъ погубленнаго имъ Михаила тверского, когда они оба тягались въ ханской ставкѣ за старшинство.

Юрій былъ бездѣтенъ, и московское княженіе послѣ него перешло къ его брату Ивану. При жизни брата, суетливой, безпокойной, требовавшей частыхъ и долгихъ отлучекъ въ Орду, Иванъ Даниловичъ управлялъ Московскимъ княжествомъ. По смерти брата, сдѣлавшись княземъ на Москвѣ, Иванъ Даниловичъ продолжалъ его политику. Чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ великаго княженія, онъ пошелъ по проторенной братомъ дорогѣ: поѣхалъ въ Орду, задарилъ драгоцѣнностями хана, его семью и вельможъ, и уѣхалъ къ себѣ въ Москву, пользуясь особымъ расположеніемъ и довѣріемъ хана и его близкихъ. Скоро представился случай оправдать ханскую довѣренность. Въ 1327 г. великій князь Александръ Михайловичъ тверской не сдержалъ разбушевавшихся тверичей, которые, раздраженные притѣсненіемъ татаръ, перебили находившихся въ Твери пословъ хана со всей ихъ свитой. Московскій князь Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду и предложилъ хану поручить ему наказаніе Твери за самоуправство. Со своими москвичами и отрядомъ татарскаго войска московскій князь легко овладѣлъ Тверью и разгромилъ городъ. За это онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Въ 1340 г. смоленскій князь не исполнилъ какого-то распоряженія ханскаго; московскій князь во главѣ отряда татаръ опустошилъ тогда и Смоленскую область. Такимъ послушаніемъ хану московскій князь обезпечивалъ за собой великое княженіе. Со временъ Ивана Даниловича великое княженіе не выходитъ изъ рода московскихъ князей.

Огромныя средства, набиравшiяся въ рукахъ московскаго князя, позволяли ему увеличивать свои владѣнiя. Московскiй князь покупалъ цѣлыя княжества у тѣхъ князей, которые почему-либо были не въ состоянiи платить татарскую дань. Вмѣстѣ съ татарской данью московскiй князь устанавливалъ по всей землѣ особые налоги и пошлины въ свою пользу, упорно и настойчиво сбивалъ копейку, былъ скупъ на расходы и умѣлъ прижать задолжавшихъ ему или неисправно вносившихъ доли татарской дани князей. За скопидомство это прозвали Ивана Даниловича „Калита", т.-е. денежный кошель. Богатый Ростовъ навлекъ на себя гнѣвъ великаго князя. Онъ послалъ въ Ростовъ двухъ своихъ бояръ, которые, по словамъ лѣтописца, положили нужду великую на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало ростовцевъ должны были передавать москвичамъ имѣнiе свое по нуждѣ и кромѣ того принимали отъ нихъ раны и оковы; и не въ одномъ Ростовѣ такъ было, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ Ростовскаго княжества въ другiя страны. Особенно Иванъ Калита притѣснялъ Тверь, снялъ колокола съ колокольни соборнаго тверского храма и перевезъ ихъ въ Москву, что по тогдашнему обычаю означало подчиненiе Твери Москвѣ. Эту дѣятельность московскаго князя ростовскiй лѣтописецъ называетъ насильствомъ. „Наста насилованiе много,—пишетъ онъ,—сирѣчь княженiе великое московское... Увы, увы тогда граду Ростову, паче же княземъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженiе и имѣнье и честь и слава потягну къ Москвѣ"...

Зато московскiй лѣтописецъ не знаетъ, какъ ему выхвалить дѣятельность своего князя, такъ высоко поднявшаго значенiе Москвы. Иванъ Калита заботливо устраивалъ свой удѣлъ, привлекая населенiе и ограждая, какъ могъ, спокойствiе труда на своей московской землѣ. Въ особую заслугу Калитѣ лѣтописецъ ставитъ это мирное строительство его въ Московской области и затѣмъ то, что Калита, войдя въ довѣрiе къ татарамъ и захвативъ въ свои руки сборъ ордынскаго выхода, добился того, что татары, увѣренные въ исполнительности московскаго князя, перестали посылать въ Русскую землю своихъ сборщиковъ дани и перестали держать въ русскихъ городахъ своихъ баскаковъ. Лѣтописецъ, оцѣнивая княженiе Калиты, отмѣчаетъ, что Москва и ея князь—создатели порядка и тишины во всей Русской землѣ. „Благовѣрному великому князю Ивану Даниловичу... вся... добре управляя,—читаемъ въ лѣтописи,—злодѣйственныхъ разбойниковъ и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея; во дни же его бысть тишина велiя христiаномъ по всей землѣ на многiя лѣта; тогда и татарове престаша воевать русскiя земли"... Со временъ Ивана Калиты на сорокъ лѣтъ прекратились набѣги татаръ на Русь. Это замиренiе страны было достигнуто путемъ ловкаго и изворотливаго обращенiя Калиты и его ближайшихъ наслѣдниковъ съ татарами.

Ставъ въ положеніе вѣрныхъ слугъ Орды, засыпая золотомъ и дарами подозрительность хана и его правительства, Калита и его наслѣдники установили спокойствіе и безопасность въ странѣ; это имѣло огромныя по своему значенію для дальнѣйшей жизни Руси послѣдствія; къ Москвѣ обратились сердца и упованія всей Руси; въ условіяхъ созданнаго Москвой и ея первыми князьями земскаго мира выросло поколѣніе людей, переставшихъ бояться татаръ и только по разсказамъ стариковъ знавшихъ объ ужасахъ нашествія и свирѣпости данщиковъ и баскаковъ; въ этомъ поколѣніи развивается стремленіе сбросить съ родины иноземное иго, растетъ увѣренность, что оно не вѣчно, и князья все чаще включаютъ въ свои договоры условіе, какъ имъ поступать, „оже ны Богъ избавитъ отъ Орды“.

Монета великаго князя Ивана Ивановича.

Удѣльные и великіе князья, послѣ того какъ Калита сталъ великимъ княземъ и тѣмъ самымъ сборщикомъ татарской дани и довѣреннымъ лицомъ у хана, оказались въ большой зависимости отъ Москвы. Эта зависимость почувствовалась еще больше послѣ того, какъ ханъ призналъ самымъ старшимъ надъ всѣми князьями русскими наслѣдника Калиты, великаго князя Семена, прозваннаго Гордымъ. Великій князь Семенъ, по словамъ лѣтописи, былъ въ великомъ почтеніи у хана, и всѣ князья и рязанскіе, и тверскіе, и ростовскіе столь подручны ему были, что все по его слову творили. Братъ и наслѣдникъ Семена Гордаго, великій князь Иванъ Ивановичъ Красный, получилъ отъ хана право судить всѣхъ великорусскихъ князей въ ихъ взаимныхъ ссорахъ, распряхъ и неудовольствіяхъ.

Очень усилило Москву и подняло значеніе московскаго князя перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Иванъ Калита умѣлъ поладить съ митрополитомъ Петромъ, который подолгу живалъ въ Москвѣ. Съ благословенія святителя князь Иванъ заложилъ каменный соборный храмъ во имя Успенія Пресв. Богородицы. Въ 1327 г. митрополитъ Петръ скончался въ Москвѣ. Преемникъ его, митрополитъ Өеогностъ, совсѣмъ поселился въ Москвѣ. Москва стала такимъ образомъ церковной столицей всей Руси. „Нити церковной жизни, далеко расходившіяся отъ митрополичьей каөедры по Русской землѣ, притягивали ея части къ Москвѣ, а богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогда русская церковь, стали стекаться въ Москву, способствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впе-

затлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей каѳедры на населеніе сѣверной Руси. Здѣсь съ бо́льшимъ довѣріемъ стали относиться къ московскому князю, полагая, что всѣ его дѣйствія совершаются съ благословенія верховнаго святителя русской церкви"... Благодаря такой невольной и вольной помощи митрополита и подчиненнаго ему всего русскаго духовенства, московскій князь могъ успѣшнѣе вести борьбу съ другими сильными князьями за преобладаніе въ Русской землѣ; „инымъ княземъ,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имать въ себѣ живуща".

Такъ понемногу умная и расчетливая дѣятельность наслѣдниковъ Даніила, сумѣвшихъ ловко использовать и географическое положеніе своего края и политическую зависимость Руси отъ татаръ, подняла значеніе окраиннаго городка на первое мѣсто среди другихъ городовъ и земель Великороссіи, а перенесеніе митрополичьей каѳедры дѣлало Москву церковнымъ средоточіемъ всей Руси. Эти успѣхи были достигнуты и давали себя чувствовать въ русской жизни уже въ первой половинѣ XIV в. Быстрота усиленія Москвы встревожила татаръ. Но внутреннія смуты, отъ которыхъ въ это время начала страдать Орда, не позволяли татарамъ сколько-нибудь властно положить предѣлъ усиленію Москвы. Наслѣдники Калиты, его братья Семенъ, Иванъ и племянникъ Димитрій Ивановичъ, учитывая въ свою пользу ордынскія смуты, смѣлѣе и независимѣе держатся по отношенію къ хану, задерживаютъ выплату дани, даютъ отпоръ отдѣльнымъ татарскимъ шайкамъ, пробирающимся на русскій рубежъ за добычей.

Московскій великій князь становится въ глазахъ народа охранителемъ и защитникомъ всей великорусской земли. Это значеніе его подымается особенно высоко съ послѣдней четверти XIV вѣка, когда Москва, въ сознаніи своей силы и значенія, отважилась дать вооруженный отпоръ татарамъ, рѣшившимъ смирить свой непомѣрно усилившійся улусъ и напомнить Москвѣ и всей Руси Батыевы времена. Въ 1380 г. вся великорусская земля собралась около Москвы ради отпора надвигавшейся тучѣ татарскаго нашествія. 8 сентября 1380 г. на полѣ Куликовомъ русское войско, состоявшее изъ ополченія различныхъ княжествъ, но находившееся подъ начальствомъ московскаго великаго князя Димитрія, одержало первую большую побѣду надъ татарами. Татарское иго не было свергнуто, Орда была еще достаточно сильна, но всѣ увидѣли, что Москва во главѣ всей земли можетъ бороться, и бороться, надѣясь на успѣхъ, съ татарами, которые до того считались непобѣдимыми.

Со времени Димитрія Донского особенно усиливается приливъ народа въ предѣлы Московскаго княжества, оно становится все сильнѣе и богаче; другіе князья, видя, что противъ Москвы не устоять, добровольно уступаютъ московскому князю свои владѣнія, выговаривая себѣ только кое-какія преимущества на

службѣ у него. Московскаго князя начинаютъ величать государемъ. Онъ самъ зоветъ себя господаремъ всея Руси. Бояре и простые люди изъ другихъ княжествъ стремятся перейти подъ его „высокую руку“, на постоянное жительство въ Москву, и свое стремленіе объясняютъ такъ: „Гдѣ межи сошлися съ межами и гдѣ не изобидятъ московскіе люди, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ, и то князь московскій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ“, — говорили жители

Монета Димитрія Донского.

Печать великаго князя Димитрія Донского.

Тверского княжества, недовольные своимъ положеніемъ и тянувшіе къ Москвѣ. Въ своихъ договорахъ съ другими удѣльными князьями московскіе князья настойчивѣе подчеркиваютъ свое „старѣйшинство“ и зависимость отъ ихъ воли князей удѣльныхъ. Удѣльный князь, признававшій себя младшимъ, долженъ былъ выступать въ походъ по волѣ великаго князя московскаго, обязывался не сноситься съ Ордой безъ вѣдома московскаго великаго князя, не могъ брать земель, принадлежавшихъ Москвѣ, если бы татары даже давали ему такія земли; „а пойдутъ на насъ татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ... всѣмъ противу ихъ, или мы пойдемъ на нихъ и тобѣ съ нами... пойти на нихъ“...

Печать великаго князя Ивана III съ московскимъ гербомъ.

Сильными соперниками Москвы были два княжества: Тверское и Рязанское. Но они не имѣли тѣхъ естественныхъ выгодъ, какими пользовалась Московская земля: ближе стояли къ внѣшнимъ врагамъ, а князья ихъ не умѣли выказать себя въ глазахъ народа защитниками Русской земли. Тверскіе князья въ своихъ распряхъ съ Москвой заключали союзы съ литовцами, а Рязань уронила себя въ глазахъ народа тѣмъ, что ея князь не только отказался участвовать въ походѣ противъ татаръ, завершившемся Куликовской битвой, но еще и заключилъ союзъ съ ними.

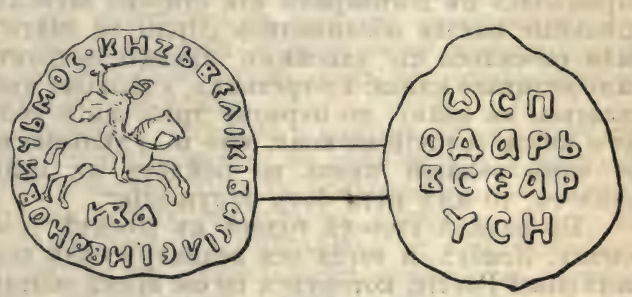
Такъ понемногу все выдвигало Москву изъ ряда другихъ

удѣльныхъ княжествъ и дѣлало ея князя верховнымъ главой надъ всѣми князьями. Почувствовавъ свою силу, московскіе князья пускаютъ въ ходъ скопившіяся въ ихъ рукахъ средства, чтобы завладѣть всѣми другими княжествами и укрѣпить ихъ за собой. Въ способахъ и пріемахъ для достиженія своихъ цѣлей въ Москвѣ не очень стѣснялись. Въ 1363 г., повѣствуетъ лѣтописецъ, великій князь московскій Димитрій Ивановичъ „сгна съ галичскаго княженія князя Димитрія галичскаго" и „сгна съ стародубскаго княженія князя Ивана Ѳеодоровича. Тогда вси князи ѣхаша въ Новгородъ-Нижній къ князю Димитрію Константиновичу, скорбяще о княженіяхъ своихъ". Подъ 1367 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ, что князь московскій „всѣхъ князей русскихъ привожаще подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его и на тѣхъ нача посягати", т.-е. силой оружія заставлялъ ихъ признавать свою волю. Въ 1391 г. сынъ Донского отправился въ Орду и, засыпавъ подарками хана и его приближенныхъ, получилъ ярлыкъ на нижегородское княженіе, несмотря на то, что ярлыкъ на это княженіе былъ только-что данъ законному нижегородскому князю Борису. Московское войско, въ силу ханскаго ярлыка, заняло Нижній-Новгородъ да кстати прихватило Муромъ и Мещеру съ Тарусой.

Въ 1386 г. произошло соединеніе Литвы съ польскимъ государствомъ, причемъ литовскій великій князь Ягайло вмѣстѣ съ польской короной принялъ и католичество. Это обстоятельство создало въ православной западной Руси, подчиненной Литвѣ, „замятню великую" и посѣяло вражду между православными и католиками. Стремленіе польскаго правительства „окрестить", какъ тогда жаловались въ Литвѣ, „все наше православное христіанство въ папёжскую вѣру" заставило подвластныхъ Литвѣ православныхъ русскихъ князей обращаться за помощью въ Москву, ставшую со временъ Калиты средоточіемъ духовной жизни всей православной Руси. Мелкіе православные князья, сидѣвшіе по верхней Окѣ и подчиненные Литвѣ — бѣлевскіе, новосильскіе, воротынскіе, одоевскіе и др., а также болѣе южные—черниговскіе и новгородъ-сѣверскіе, потянули къ Москвѣ и стали бить челомъ великому князю московскому принять ихъ подъ его высокую руку. Въ Москвѣ охотно шли навстрѣчу этимъ стремленіямъ и принимали къ себѣ этихъ князей на условіяхъ, создавшихся въ Москвѣ для добровольно подчинявшихся удѣльныхъ князей. Такіе князья сохраняли при себѣ свои вотчины и дружины, сами управляли своими бывшими княженіями и держали въ нихъ судъ, но считались и были на самомъ дѣлѣ подчиненными и подручными московскаго великаго князя, котораго и должны были именовать государемъ и во всемъ слушаться безпрекословно.

Это обстоятельство, переходъ къ Москвѣ южныхъ князей въ цѣляхъ охраненія своего православія отъ наступавшаго католицизма, вызывало и на сѣверѣ тяготѣніе къ Москвѣ, особенно

въ Твери и въ Новгородѣ, власти которыхъ часто и много дружественно соприкасались съ Литвой при своемъ соперничествѣ съ Москвой; вотъ тогда-то московское собираніе Руси теряетъ прежній характеръ захватовъ силой или покупокъ деньгами, а становится выраженіемъ опредѣленныхъ національно-религіозныхъ стремленій: объединить подъ главенствомъ Москвы „всю Русь“. Въ 1503 г. литовскій князь, при заключеніи перемирія, жаловался московскому государю, что тотъ не отдаетъ ему захваченныхъ московскимъ войскомъ земель, что ему, великому князю литовскому, жаль своей вотчины. „А мнѣ—возразилъ Иванъ III, великій князь московскій, — развѣ не жаль своей вотчины русской земли, которая за Литвой: Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?“ Такъ московскій князь объявляетъ теперь, что его вотчина—не только области Великороссіи, но вся Русская земля.

Печать государя всея Руси.

Московскіе князья умѣло пользуются общерусскимъ народнымъ стремленіемъ къ національному объединенію; всякое столкновеніе свое съ Новгородомъ и Тверью объясняютъ они народу тѣмъ, что обвиняютъ своихъ соперниковъ и недруговъ въ готовности передаться чужеземцамъ и врагамъ православія. Къ концу XV-го вѣка Москва вбираетъ въ свои предѣлы всѣ земли сѣверо-восточной Руси, и владѣнія ея захватываютъ огромное пространство—отъ устья Сѣверной Двины, Печоры и горъ Сѣвернаго Урала до устьевъ Невы и Наровы и отъ Васильсурска на Волгѣ до Любеча на Днѣпрѣ. Ни одинъ князь не смѣетъ ровняться съ московскимъ, и дѣло присоединенія къ себѣ удѣловъ Москвой подвигается необыкновенно быстро. Въ 1463 г. князья ярославскіе отказались отъ своихъ удѣловъ въ пользу московскаго и перешли къ нему на службу въ Москву. Въ 1470-хъ годахъ былъ покоренъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ нимъ въ распоряженіе московскаго князя отошли огромныя пространства земель, составляющія нынѣшнія губерніи: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Новгородскую, Пермскую, Вятскую. Даже за Уралъ протянулась власть московскаго князя. Въ 1489 г. покорилась Тверь.

Въ средѣ самихъ московскихъ князей многочисленнаго потомства не возникало, и потому московское княженіе не дробилось между многочисленными наслѣдниками, какъ то было, напримѣръ, въ сильномъ когда-то Ростовско-Суздальскомъ кня-

жествѣ. А затѣмъ московскіе князья приняли за правило передавать по завѣщанію старшему наслѣднику бо́льшую часть какъ имѣнія, такъ и земли, нежели младшимъ. Димитрій Донской, напримѣръ, раздѣлилъ Московское княжество между пятью своими наслѣдниками такъ, что старшій, Василій I, получилъ треть всего. Василій II Темный завѣщалъ старшему сыну своему Ивану III половину всѣхъ городовъ, а другую половину раздѣлилъ между тремя остальными наслѣдниками. Пользуясь своимъ богатствомъ и силой, старшій братъ обязывалъ младшихъ договорами съ крестнымъ цѣлованіемъ не вступать ни съ кѣмъ въ соглашенія и ни съ кѣмъ не договариваться безъ его вѣдома и согласія—„кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ",—такъ выражалась въ договорахъ эта сторона зависимости; во-вторыхъ, удѣльные князья обязывались „Орды не знати", т.-е. не должны были сноситься съ ханскимъ правительствомъ самостоятельно, мимо великаго князя; въ-третьихъ, удѣльные князья должны были являться на войну по первому требованію великаго князя: „сядетъ князь великій на коня, ино и удѣльнымъ садиться; когда же самъ великій князь не пойдетъ на войну, а удѣльныхъ пошлетъ, то имъ итти безъ ослушанія".

Въ началѣ 1500-хъ годовъ къ Москвѣ отошли Рязань, Смоленскъ, Псковъ, и тогда вся великорусская земля, т.-е. та часть нынѣшней Россіи, которую и по сіе время обитаетъ великорусскій народъ, собралась вокругъ Москвы, и страна изъ раздробленной на отдѣльныя части, княжества-удѣлы, превратилась въ одно цѣльное, населенное однимъ племенемъ, управляемое однимъ княземъ государство, имѣющее одну столицу—Москву. Это новое государство стали называть Московскимъ государствомъ, Русью Московской.

Такъ какъ Московское государство выросло изъ удѣла московскаго князя, то вся великорусская земля сдѣлалась какъ бы его удѣломъ, стала принадлежать одному хозяину. Но этому хозяину нельзя стало жить и поступать такъ, какъ жилъ и дѣйствовалъ прежній удѣльный князь. Удѣлъ московскаго князя выросъ въ государство, значитъ, и прежній князь-хозяинъ становился не только владѣтелемъ земли, но и государемъ надъ людьми. Люди удѣльнаго времени могли сами выбирать себѣ хозяевъ, могли служить или снимать землю у какого хотѣли изъ удѣльныхъ князей и свободно договаривались о платѣ за службу или оброкѣ за землю. Теперь такого выбора не стало: волей-неволей приходилось служить и платить одному—московскому государю; а такъ какъ онъ теперь одинъ собственникъ земли и только у него можно найти службу, то незачѣмъ и договариваться, потому что, если и не согласишься на его условія, все равно ничего не выиграешь, такъ какъ, кромѣ какъ отъ московскаго князя, не отъ кого стало получать землю для обработки не къ кому наниматься на службу. Русскіе люди стано-

вятся, такимъ образомъ, зависимыми отъ московскаго государя, становятся его подданными. Прежнія вольныя отношенія по необходимости стали подневольными. Тѣхъ, кто, по старинѣ, продолжалъ считать себя въ правѣ уйти отъ московскаго государя, теперь зовутъ измѣнниками, такъ какъ уходить, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ удѣльныя княжества вошли въ Московское государство, стало возможнымъ только въ Польско-Литовское государство, къ татарамъ, въ Швецію. Но это все враги Русской земли, и переходъ къ нимъ, конечно, не то, что переходъ въ прежнее время отъ одного русскаго удѣльнаго князя къ другому. Съ другой стороны, пока Москва была удѣльнымъ княжествомъ, она была мало доступна для нападенія внѣшнихъ враговъ, не могла и сама задѣвать ихъ, потому что со всѣхъ сторонъ ее окружали другія удѣльныя княжества; когда же Москва вобрала эти княжества въ себя, то московскому государю пришлось взять на себя охрану всей великорусской страны, пришлось заботиться и о томъ, какъ бы отбить обратно забранныя сосѣдями русскія земли.

Это не думы прежняго удѣльнаго князя о томъ, какъ бы „землицы“ себѣ примыслить, оттягавъ ее какъ-нибудь у сосѣдей, такихъ же удѣльныхъ князей. Передъ московскимъ государемъ встаетъ болѣе широкая задача: вернуть въ Русскую землю тѣ области и города, какіе отняли у удѣльныхъ князей иноземцы, литовцы и поляки; цѣлью его дѣятельности становится высокая національная задача: собрать всю Русь; московскій государь начинаетъ именовать себя княземъ великимъ московскимъ и всея Руси, „господаремъ всея Руси“.

Два событія, случившіяся во второй половинѣ XV вѣка, выдвигаютъ московскаго великаго князя далеко выше изъ ряда простыхъ удѣльныхъ князей и дѣлаютъ его государемъ и царемъ надъ всей великорусской землей.

Событія эти—взятіе Константинополя турками (1453 г.), сопровождавшееся разрушеніемъ Византійской имперіи, и паденіе татарскаго ига (1480 г.).

Послѣ паденія татарскаго ига московскій великій князь остался во главѣ всей Великороссіи, независимымъ ни отъ кого ея владѣтелемъ, а послѣ паденія Византіи онъ сталъ единственнымъ на свѣтѣ независимымъ православнымъ государемъ. На Руси издавна привыкли смотрѣть на Византію, какъ на колыбель и охрану православія. Русская церковь была только митрополіей церкви греческой, константинопольскій патріархъ былъ главой всего русскаго духовенства. Русскій митрополитъ еще такъ недавно назначался въ Константинополѣ. Византійскій императоръ считался главой и охранителемъ всего православія. Другіе православные государи назывались въ Византіи только его слугами и помощниками. Русскихъ князей византійскіе императоры считали ниже себя и въ знакъ особаго расположенія именовали нѣкоторыхъ изъ нихъ „сродниками“. Византійскіе

писатели утверждаютъ даже, что русскій великій князь носилъ званіе стольника византійскаго императора. И императоры включали въ свой титулъ званіе царей русскихъ даже въ XIV вѣкѣ.

Греческій писатель XIV вѣка Планудисъ разсказываетъ, что когда посолъ русскаго великаго князя являлся въ Царьградъ, то, представляясь императору, говорилъ такъ: „Повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется передъ твоимъ священнымъ величествомъ"...

Сынъ Димитрія Донского, великій князь Василій, не хотѣлъ признавать такое главенство византійскаго императора и сталъ запрещать митрополиту поминать императора на ектеніяхъ.

— Мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ!—сказалъ онъ.

На это великій князь получилъ отъ патріарха грамоту, въ которой глава греческаго и русскаго духовенства писалъ: „Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если по Божію попущенію язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ миромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т.-е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую оказывали въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такой силой, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мелкіе князья...

„Одинъ только царь во вселенной... Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоили себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противоестественное, противозаконное, дѣло тираніи и насилія. Въ самомъ дѣлѣ, какіе отцы, какіе соборы,

какіе каноны говорятъ о тѣхъ царяхъ? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье-либо другое".

И вотъ не стало этого царя, защитника православія, титуловавшаго себя „святымъ". Московскому князю уже разъ пришлось выступить защитникомъ православія, когда греки со своимъ императоромъ, въ поискахъ помощи противъ тѣснившихъ ихъ турокъ, обратились къ папѣ и поманили его обѣщаніемъ соединенія церквей. Во Флоренціи въ 1439 г. былъ созванъ папой соборъ восточныхъ и западныхъ пастырей церкви. На этомъ соборѣ было рѣшено, что католическая и православная церкви могли бы соединиться. Участники собора, католическія и православныя духовныя лица, выработали и условія соединенія. Это соглашеніе извѣстно въ исторіи подъ именемъ флорентійской уніи. Русскій митрополитъ Исидоръ, грекъ по происхожденію, былъ тоже на этомъ соборѣ и принялъ унію. Великій князь Василій Васильевичъ усиленно уговаривалъ митрополита Исидора не ѣздить во Флоренцію на соборъ, а когда тотъ все-таки поѣхалъ, великій князь молилъ его много, „да принесетъ къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе". Исидоръ принесъ вмѣсто того унію. За это Исидоръ былъ лишенъ сана и осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ.

Великаго князя Василія стали славить, какъ „всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры подтвержденіе и поддержателя".

Взятіе турками Константинополя русскіе люди приписали отпаденію грековъ отъ православія, стали смотрѣть на это несчастье, какъ на наказаніе Божіе грекамъ. Въ это же время пало тяготѣвшее надъ Русью божеское наказаніе—татарское иго.

Паденіе Византійской имперіи отъ ударовъ мусульманъ и освобожденіе Россіи въ то же время отъ ига мусульманъ же, конечно, вызывало на размышленіе; и вотъ русскій митрополитъ Зосима, составляя въ 1492 г. „пасхалію", т.-е. расчетъ дней празднованія св. Пасхи на восьмую тысячу лѣтъ, пишетъ, какъ „нынѣ прославилъ Богъ" „въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константина Москвѣ и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя".

Такъ впервые была высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы Византійской имперіи. Мысль эта продолжала развиваться. Старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей писалъ въ своихъ посланіяхъ, что престолъ вселенскія и апостольскія церкви послѣ паденія Царьграда имѣетъ представительницей своей церковь Успенія Пресвятой Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто римской и константинопольской, теперь она „едина во всей все-

ленной паче солнца свѣтится“, такъ какъ церкви стараго Рима пали „отъ невѣрія и ересей“, второго же Рима — Константинова града — церкви „агаряне сѣкирами и оскордами разсѣкоша“, „понеже они (т.-е. греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство“. Соотвѣтственно этому и московскій государь, какъ „браздодержатель святыхъ Божіихъ престолъ“ вселенской церкви, явился „пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ“, „иже во всей поднебесной христіаномъ царь, и во едино царство его сошлись всѣ пришедшія вконецъ царства

Великій князь Василій III Ивановичъ.
Съ рисунка въ книгѣ Герберштейна „Записки о московитскихъ дѣлахъ“.

православныя христіанскія вѣры“; „два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть“. Итакъ, всѣ христіанскія царства „потопишася“ отъ невѣрныхъ, и только царство московскаго государя благодатію Христовою стоитъ и „инымъ не достанется“. Такъ Москва стала называться „богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ“. Приведенныя изъ посланія старца Филоѳея слова переписывались въ сборники, были занесены въ государственную лѣтопись — въ Степенную книгу, и приведены

въ Уложенной грамотѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи.

Въ 1492 г. московскій государь женился на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Константина Палеолога, Софіи Ѳоминичнѣ Палеологъ. Это бракосочетаніе давало извѣстную возможность говорить въ Москвѣ о наслѣдованіи павшей Византіи по свойству московскаго государя съ послѣднимъ императоромъ. Въ ознаменованіе этого наслѣдія Москва усвоила себѣ гербъ Византіи — двуглаваго орла. Впервые этотъ гербъ появился въ 1497 году на печати великаго князя, скрѣпившей его договоръ съ наслѣдниками удѣльнаго волоцкаго князя Бориса.

Московскіе книжники, отстаивая право Москвы на византійское наслѣдіе, стали указывать, что это наслѣдіе переходитъ къ Москвѣ, какъ равной павшему Царю-граду; что Москва и не была никогда ниже Византіи, какъ и русская церковь въ происхожденіи своемъ равна церкви греческой; они указывали, что христіанство пришло на Русь не изъ Византіи, а установлено апостоломъ Андреемъ, который, „первее благословивый землю нашу русскую и прообразовавый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія“, поставилъ крестъ на горѣ днѣпровскаго берега, знаменуя тѣмъ крестомъ священное чиноначаліе Русской земли. На предложеніе римскаго папы признать, по примѣру грековъ, флорентійское соединеніе церквей, въ Москвѣ отвѣтили: — „Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда апостолъ Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимо“...

Шапка Мономаха.

Тогда же стали въ Москвѣ утверждать, что царство Русское тоже „изначала бѣ“, что еще Владиміру Мономаху, великому князю кіевскому, сроднику греческихъ царей, дѣдъ его царь Константинъ Мономахъ прислалъ „діадему и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа“, какъ бы переводя тѣмъ славу греческаго царства на россійскаго царя. „Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ Владиміръ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ... и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицается въ россійскомъ царствіи“,—говоритъ

сказаніе... Иванъ III первый изъ московскихъ князей сталъ зваться царемъ и государемъ, хотя звался такъ лишь при случаѣ, не всегда и не постоянно.

Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе, просто „садились на великокняжскій столъ отцовъ и дѣдовъ",— Иванъ III вѣнчалъ своего наслѣдника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ и возложилъ на него вѣнецъ и бармы Мономаха, а во время вѣнчанія митрополитъ обратился съ рѣчью къ великому князю и назвалъ его „преславнымъ царемъ и самодержцемъ". Московскій государь высоко держитъ свое достоинство. Германскій императоръ просилъ у Ивана III руки его дочери для одного изъ своихъ племянниковъ и предложилъ московскому великому князю титулъ короля. Въ Москвѣ поблагодарили за любезное предложеніе, но велѣли передать императору: „А что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіей милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а постановленія, какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь!"

Рѣзной по слоновой кости тронъ великаго князя всея Руси Іоанна III Васильевича.

Свойственное удѣльному времени обозначеніе княжеской власти словомъ „государь" пріобрѣтаетъ теперь иной смыслъ. Тогда слово „государь" значило просто хозяинъ; произошло оно изъ сокращенія слова „господарь"—такъ называли всякаго хозяина-собственника.

Великіе князья были крупными хозяевами, землевладѣльцами и рабовладѣльцами, и въ этомъ смыслѣ всѣми зависѣвшими отъ нихъ и по всему принадлежавшему имъ именовались государями. Такъ какъ въ удѣльное время сколько-нибудь отчетливой границы между службой государственной и службой личной князю не существовало, то и слуги вольные, особенно тѣ, которые долго заживались за однимъ княземъ, привыкли титуловать своихъ князей господарями и государями.

Когда Москва вобрала въ свои предѣлы всю Великороссію, ея государи стали считать, что если ихъ предки были государями на своемъ удѣльномъ столѣ, то они должны быть государями во всей Великороссіи; сообразно съ этимъ и выростаетъ самое значеніе слова „государь".

Въ 1470-хъ годахъ у великаго князя московскаго шла большая „нелюбовь" съ Новгородомъ Великимъ. Новгородъ давно былъ вынужденъ признать надъ собой покровительство Москвы, но Москва хотѣла полнаго господства. Въ 1477 году новгородскіе послы, цѣлуя крестъ на соблюденіе новаго договора съ Москвой, ошибочно назвали великаго князя „государемъ" вмѣсто обычнаго наименованія „господиномъ". Великій князь придрался къ этому случаю и послалъ въ Новгородъ спросить новгородцевъ: какого они хотятъ государства? Хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ—государя, чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя? Новгородцы всполошились, понявъ, куда клонитъ дѣло великій князь, казнили сдѣлавшихъ такую ошибку пословъ своихъ, а великому князю отвѣчали: „Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ, тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ"... Съ этимъ отвѣтомъ великій князь пошелъ къ митрополиту и обвинялъ передъ нимъ новгородцевъ въ клятвопреступленіи: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, — говорилъ онъ, — сами прислали, а теперь запираются и на насъ ложь положили"... То же было объявлено всюду, и одновременно начались вооруженія противъ Новгорода. Новгородцамъ было сказано, что великій князь хочетъ теперь, послѣ ихъ словъ, „такого же государства въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ". Новгородцы спросили—

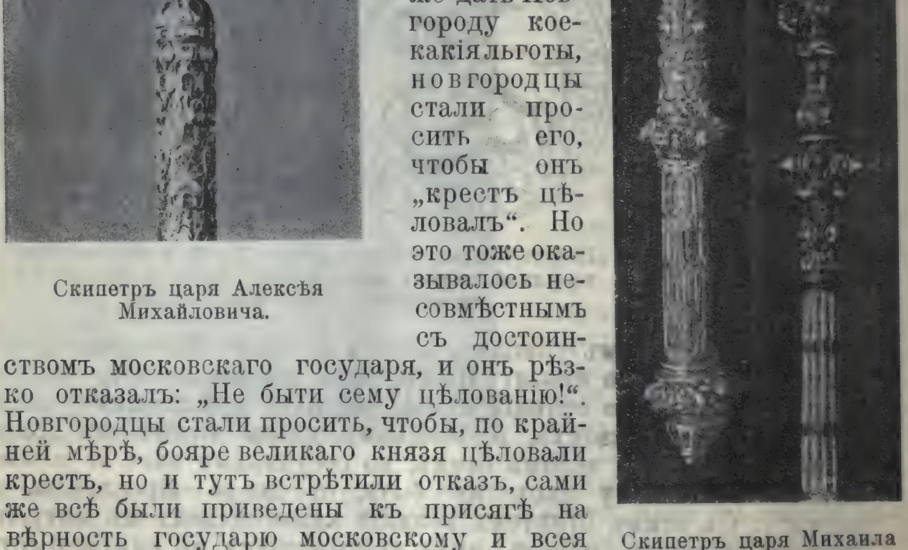

Печать великаго князя Ивана III съ изображеніями на одной сторонѣ московскаго герба, а на другой византійскаго двуглаваго орла.

какое же это государство? — и получили вотъ что въ отвѣтъ: „Государство наше таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой землѣ“... Когда новгородцы стали просить о сохраненіи за ними нѣкоторыхъ льготъ и „пошлинъ“, т.-е. привилегій, то великій князь увидѣлъ въ этой просьбѣ попытку связать его власть и сухо замѣтилъ: „Вы сами нонеча указываете мнѣ и чините урокъ, какъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?“ т.-е. какое же послѣ этого будетъ **мое** государство? Когда великій князь пообѣщалъ все же дать Новгороду кое-какія льготы, новгородцы стали просить его, чтобы онъ „крестъ цѣловалъ“. Но это тоже оказывалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ московскаго государя, и онъ рѣзко отказалъ: „Не быти сему цѣлованію!“. Новгородцы стали просить, чтобы, по крайней мѣрѣ, бояре великаго князя цѣловали крестъ, но и тутъ встрѣтили отказъ, сами же всѣ были приведены къ присягѣ на вѣрность государю московскому и всея Руси.

Скипетръ царя Алексѣя Михайловича.

Скипетръ царя Михаила Ѳедоровича.

Съ московской точки зрѣнія государь есть, слѣдовательно, неограниченный хозяинъ и владѣтель всей земли, не вступающій съ подвластнымъ ему населеніемъ этой земли ни въ какіе договоры. Но такъ какъ на договорахъ князей другъ съ другомъ, вольныхъ слугъ съ князьями выросъ весь распорядокъ государственнаго строя, то московскимъ госу-

царямъ долго пришлось еще защищать тотъ новый смыслъ, какой они дали слову „государь“.

Этотъ титулъ, впрочемъ, скоро оказался въ тѣни передъ другими блестящими наименованіями: „царь“ и „самодержецъ“, причемъ послѣднему выраженію суждено было впитать въ себя весь тотъ внутренній смыслъ, который естественно содержался въ выраженіи „государь“, какъ оно опредѣлилось къ концу XV вѣка.

Слово „царь“—сокращеніе латинскаго слова „цезарь“, или „цесарь“, получившееся отъ особой манеры древняго написанія, когда, въ стремленіи выиграть мѣсто и время, нѣкоторыя часто повторяемыя слова писали сокращенно; вмѣсто Богъ, напримѣръ, Бгъ, вмѣсто цесарь — Црь; это слово понемногу привыкли еще на славянскомъ югѣ произносить, какъ писали, т.-е. царь. Такъ же со стороны пришло къ намъ и выраженіе „самодержецъ“: это переводъ греческаго слова „автократоръ“—одного изъ титуловъ византійскаго императора.

Держава царя Алексѣя Михайловича.

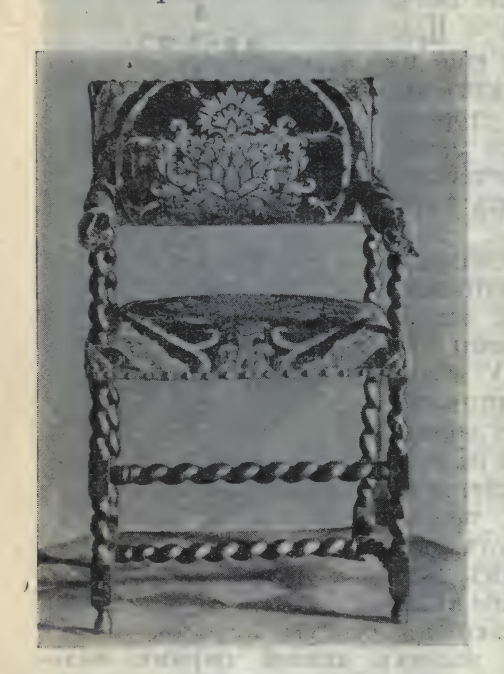
Царемъ въ древней, до-московской Руси постоянно именовали византійскаго императора и татарскаго хана, владѣвшаго Русской землей съ половины XIII вѣка до послѣдней четверти XV вѣка.

Св. князь Михаилъ черниговскій, отказываясь исполнить въ Ордѣ обрядъ прохожденія между двухъ огней на пути въ ханскую ставку, такъ обращается къ хану: „Тебѣ, царю, кланяюся, понеже ти Богъ поручи царствіе“. Титулъ царя считался гораздо болѣе почетнымъ, чѣмъ княжескій. Своихъ князей древніе книжники именовали царями только въ особую почесть, и всѣ случаи наименованія древнихъ нашихъ князей царями, находимые въ древней письменности, относятся къ эпохѣ до нашествія татаръ. Такъ же и слово „самодержецъ“ встрѣчается въ нашихъ памятникахъ только въ приложеніи къ князьямъ, княжившимъ до порабощенія Руси татарами.

Это обстоятельство, что царемъ и самодержцемъ величали въ почесть русскихъ князей до татарщины и никогда во время ига, позволяетъ заключить, какую власть хотѣли разумѣть древнерусскіе люди, когда произносили слова „царь“ и „самодержецъ“. Самодержцемъ древняя Русь называла государя, независимаго ни отъ какого другого владѣтеля, не платящаго никому дани, государя *суверепнаго*, говоря языкомъ нашей современности.

Великій князь Иванъ III сталъ именовать себя самодержцемъ

лишь послѣ того, какъ было свергнуто татарское иго. Внукъ Ивана III, Иванъ IV Васильевичъ Грозный торжественно принялъ въ 1547 г. титулъ царя, какъ единственный, свойственный и приличный московскому государю и великому князю всея Руси, единственному во вселенной самостоятельному, ни отъ кого независимому православному монарху. Царскій титулъ признали за Иваномъ Васильевичемъ византійскій патріархъ и все восточное духовенство. Это признаніе имѣло очень важное значеніе: съ этого времени для всѣхъ народовъ православнаго Востока московскій государь и царь становился главой и защитникомъ всего православія, ихъ единственной и естественной опорой и защитой; отъ московскаго царя стали ожидать спасенія отъ рабства всѣ покоренные турками православные народы. Во всѣхъ церквахъ православнаго Востока стали молиться о здравіи московскаго царя и именовать его царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана. „Не только въ одной Константинопольской церкви,—писалъ патріархъ царю Ивану Васильевичу, — но и по всѣмъ церквамъ будемъ молить Бога о имени твоемъ, да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и приснославный Константинъ“.

Кресло царя Михаила Ѳедоровича.

Еще Иванъ III завелъ при московскомъ дворѣ обстановку и церемоніалъ, напоминавшіе византійскій придворный обиходъ. Свою столицу Москву онъ украсилъ великолѣпными постройками и заново укрѣпилъ Кремль; вызванные изъ Италіи мастера тринадцать лѣтъ работали надъ возведеніемъ кремлевскихъ стѣнъ и башенъ, рытьемъ рва, установкой батарей и превратили къ 1508 году скромную деревянную крѣпость Калиты и Донского въ грозный замокъ-крѣпость западно-европейскаго характера. Еще раньше начались постройки въ самомъ Кремлѣ. Въ 1475 г. болонскій архитекторъ Аристотель Фіоравенти разобралъ старый Успенскій соборъ, возведенный Калитой, и въ четыре года отстроилъ новый въ томъ видѣ, какъ мы его теперь знаемъ. Вся святыня была поставлена въ новомъ соборѣ; здѣсь водрузили и священный палладіумъ великорусской земли, образъ Пресв.

Богородицы Владимирскія; Успенскій соборъ былъ расписанъ превосходною живописью; въ иконостасѣ его были поставлены образа во имя тѣхъ святыхъ и праздниковъ, въ дни памятованія которыхъ совершились событія, такъ высоко поднявшія Москву и ея государя; священная лѣтопись великихъ событій, начертанная на иконостасѣ соборнаго храма, должна была указывать всей Руси новое значеніе Москвы, какъ національной столицы; по мѣрѣ присоединенія отдѣльныхъ княженій, въ Москву переносили главную мѣстную святыню и ставили ее въ Успенскомъ соборѣ, который такимъ образомъ самъ становился святыней не только Москвы, но и всея Руси. Тогда же были перестроены соборы Благовѣщенскій и Архангельскій. Для торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ посольствъ и для другихъ празднествъ итальянцы Маркъ Фрязинъ и Петръ Антоній построили особое зданіе, названное Грановитой палатой по отдѣлкѣ стѣнъ ея снаружи гранями. Въ 1499 г. была начата постройка миланцемъ Алоизіемъ каменнаго дворца. Почти всѣ эти постройки были завершены при наслѣдникѣ Ивана III, его сынѣ Василіи III.

Алмазный тронъ царя Алексѣя Михайловича.

События, расширявшія и возвеличивавшія новое государство, шли одно за другимъ. На западѣ былъ занятъ Смоленскъ и положенъ предѣлъ наступленію на русскія земли Литвы; ставится вопросъ о присоединеніи къ Москвѣ всѣхъ русскихъ земель, захваченныхъ Польшей и Литвой; намѣчается борьба за восточный берегъ Балтійскаго моря, какъ естественную границу новаго государства съ запада и свободный морской путь; на востокѣ пали царства Казанское и Астраханское, стала на всемъ своемъ теченіи русской рѣкой Волга, далеко за Уралъ начинаетъ распространяться власть царя всея Руси, создается угроза Крыму, подымаются первые отдаленные раскаты грядущей вѣковой борьбы съ Турціей за Черное море, какъ естественную границу съ юга, и за освобожденіе единовѣрныхъ и единоплеменныхъ славянъ. Во второй половинѣ XV вѣка новое могущественное государство развертываетъ свои силы на восточной равнинѣ Европы. Первый царь новаго государства именуетъ себя въ торжественныхъ случаяхъ такъ: „Мы, великій государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, Божіею

милостію всея Руси самодержецъ, владимирскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій, великій князь смоленскій“ и т. д., перечисляются владѣнія и княженія, составившія съ Москвой во главѣ „всю Русь“.

Иванъ Васильевичъ высоко ставилъ свое царское достоинство, какъ достоинство древнее и неизмѣнное. Свысока смотрѣлъ онъ на избраннаго польскаго короля Стефана Баторія и писалъ ему такъ: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божію изволенію, а не по многомятежному чело-

Соборъ Спаса на бору въ московскомъ Кремлѣ, построенный, по преданію, княземъ Даніиломъ Александровичемъ.
Съ гравюры XVIII вѣка.

вѣческому хотѣнію“. Другой разъ Грозный говорилъ полякамъ, что онъ считаетъ себя выше римскаго императора и французскаго короля. „Кромѣ насъ да турецкаго султана, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно двѣсти лѣтъ“... „Мы отъ государства господари, изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно“... Съ этой московской точки зрѣнія польское королевское достоинство считается „убогимъ“.

Стефана Баторія Грозный величалъ „сосѣдомъ Степаномъ“, а когда побѣды Баторія надъ московскимъ войскомъ заставили Грознаго царя писать въ титулѣ польскаго короля слово „братъ“, то царь Иванъ велѣлъ при этомъ случаѣ умышленно унизить свой титулъ, не велѣлъ писать себя царемъ, замѣтивъ, что „котораго извѣчнаго государя, какъ его ни напиши, а его, государя, во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь“.

Ради большей важности московскіе книжники придумали пышное происхожденіе для рода государя всея Руси. По этому родословію выходило, что Рюрикъ былъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ потомкомъ Пруса, небывалаго брата римскаго императора Августа, который якобы посадилъ этого Пруса на удѣлъ въ Пруссіи, отчего и страна стала такъ называться. Когда Стефанъ Баторій съ насмѣшкой отозвался объ этомъ кичливомъ родословіи, то царь Иванъ побѣдоносно возразилъ:—„Какъ не было Пруса? А Пруссія-то откуда же? По Прусу такъ прозвалась!“

Успенскій соборъ въ Москвѣ (построенъ въ 1475—1479 гг.).

Архангельскій соборъ въ Москвѣ (построенъ въ 1505—1509 гг.).

Иностранцевъ поражала безусловная власть московскаго государя надъ его подданными. Но „такая власть,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—была въ Москвѣ XV в. не вчерашнимъ явленіемъ, она прямо развивалась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами“. Власть московскаго государя складывалась постепенно, вырастая въ размѣръ новаго властвованія изъ власти удѣльнаго князя-хозяина, наслѣдственнаго собственника всей земли своего княженія и господаря надъ своими вольными и невольными слугами. Но когда удѣльное Московское княжество вобрало въ себя всѣ другія удѣльныя княжества, „всю Русь“, бывшіе удѣльные князья переселились въ Москву и здѣсь должны были вступить въ ряды московскихъ бояръ. Но эти пришлые князья, добровольно или неволею лишившіеся своихъ удѣловъ, не могли сразу стать въ положеніе слугъ московскаго государя, такого

же, какъ и они, Рюриковича. Эти бояре-княжата и воспротивились безпрекословному и нераздѣльному государствованію московскаго великаго князя.

Сознавая себя князьями, хотя и подчинившимися московскому государю, но не потерявшими „отечества“, княжата требовали себѣ перваго мѣста въ правительствѣ московскаго государя. Они хотѣли, чтобы Московское государство управлялось государемъ не иначе, какъ съ обязательнаго для государя совѣта бояръ-княжатъ. Это требованіе основывалось на томъ высокомъ значеніи, какое имѣло въ глазахъ бояръ-княжатъ ихъ княжеское происхожденіе. Бояре-княжата не были простыми боярами, порядившимися на службу къ князю. Эти простые бояре, прежняя дружина удѣльнаго князя, были наймитами, слугами своего князя. До того, какъ перебраться въ Москву, прежніе удѣльные князья были въ своихъ удѣлахъ такими же князьями, какъ и московскій князь въ своемъ; потомки ихъ не могли забыть, что они одного происхожденія съ московскимъ государемъ, не могли забыть и того, что московскій князь происходитъ отъ младшаго поколѣнія Александра Невскаго, а среди перешедшихъ въ Москву князей было много такихъ, которые происходили не только отъ старшихъ сыновей Александра Невскаго, но и отъ родоначальниковъ еще болѣе старѣйшихъ.

Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ (построенъ въ 1482—1485 гг.).

Вотъ почему, ставъ въ положеніе слугъ и подручныхъ московскаго великаго князя, потомки прежнихъ удѣльныхъ князей не могли примириться со своимъ подчиненнымъ значеніемъ и, съ гордостью указывая на свое княжеское происхожденіе, требовали себѣ перваго мѣста въ правительствѣ. Они считали себя „старинными властями Русской земли, только прежде они правили землей, сидя каждый въ своемъ удѣлѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, хотѣли править ею всѣ вмѣстѣ, разстановившись при кормилѣ правленія въ порядкѣ строго опредѣленнаго старшинства, съ государемъ во главѣ“; „великій государь долженъ управлять землей, совѣтуясь съ нами, потому что предки наши правили ею“, — такова была основа требованій бояръ-княжатъ.

Но московскіе государи на престолъ великаго царствія вошли съ удѣльнаго стола и принесли съ собой туда свои

удѣльныя привычки. Князья-хозяева въ своихъ удѣлахъ, они тамъ не терпѣли рядомъ съ собой никакой сколько-нибудь связывающей ихъ власти; обычный боярскій совѣтъ не имѣлъ никакого обязательнаго для удѣльнаго князя значенія; это былъ буквально совѣтъ тѣхъ, кого удѣльный князь къ совѣщанію призывалъ. Московское государство выросло изъ московскаго удѣла постепенно и понемногу. Московскимъ князьямъ трудно было отвыкать отъ привычекъ, удѣльно-хозяйственныхъ взглядовъ и поступковъ, дѣйствуя и на болѣе обширномъ поприщѣ и при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Чувство внѣшней независимости, чуждое удѣльному князю, рисовало передъ глазами московскаго государя полноту власти татарскаго хана; идея объ унаслѣдованіи міроваго значенія византійскаго имперіума, какъ власти богоустановленной и священной, тоже не могла мириться съ притязаніями княжатъ на дѣлежъ власти, на обязательное для царя участіе въ ней бояръ-княжатъ. Начиная съ Ивана III, московскій государь стремится показать на дѣлѣ, что въ его волѣ признавать притязанія бояръ-княжатъ, давать имъ первое мѣсто въ правительствѣ, но только пока это государю угодно; бояре-княжата, хотя и знатные люди, но такіе же слуги великаго государя, какъ и всѣ, а настаивать на противномъ—это значитъ „высокоумничать“, быть „рабомъ прегордымъ и лукавымъ“. Иванъ III и наслѣдникъ его явно чуждаются обязательности для нихъ тѣхъ совѣтовъ, какіе имъ навязываютъ бояре-княжата. Бояре-княжата видятъ въ этомъ „новшество“, „перемѣну старыхъ обычаевъ“. На „непригожія“ рѣчи и „высокоумство“ великій князь Василій III отвѣчалъ тѣмъ, что рубилъ

Покровскій соборъ, или храмъ св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ, построенный при царѣ Иванѣ Грозномъ въ память покоренія Казани.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія (XVII в.).

головы и рѣзалъ языки, правда, не столько княжатамъ, сколько ихъ сторонникамъ изъ простыхъ бояръ и дьяковъ, но согласія между государемъ и боярами-княжатами это, конечно, не создавало. Со временъ Ивана III начинаются дворцовыя смуты, и интрига свиваетъ себѣ прочное гнѣздо при московскомъ дворѣ; знакомымъ дѣломъ становятся въ Москвѣ тайныя убійства: не своей смертью гибнетъ мать Ивана Грознаго, умираетъ бояринъ Оболенскій, князь Бѣльскій и другіе. Князь Семенъ Бѣльскій ведетъ переговоры съ крымскимъ ханомъ, чтобы поднять его на Москву и возстановить великое княженіе рязанское, наслѣдникомъ котораго считалъ себя Бѣльскій; по этому дѣлу вскрываются переговоры нѣкоторыхъ бояръ съ польскимъ королемъ, послѣ чего московское войско въ нужную минуту не оказалось тамъ, гдѣ оно должно было бы быть. Въ 1571 г. бояре „навели хана на Москву“ измѣной сына боярскаго Кудеяра Тишенкова да Окулы Семенова и другихъ, дѣйствовавшихъ несомнѣнно не отъ себя, а по порученію лицъ повыше.

Колокольня Ивана Великаго, построенная царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ это обостреніе взаимныхъ отношеній царя и высшаго боярства привело къ тѣмъ кровавымъ событіямъ, которыми такъ полно царствованіе Грознаго.

Грозный царь выросъ въ обстановкѣ, которая не могла воспитать въ немъ особаго уваженія и довѣрія къ боярству. Еще когда онъ былъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, его будили порой крики, стоны, ружейные выстрѣлы въ самомъ Кремлѣ, всякія неистовства въ царскихъ хоромахъ, когда князья Шуйскіе воевали за первенство съ князьями Бѣльскими. Изъ объятій ребенка вырвали любимаго его боярина Воронцова и на глазахъ ребенка занесли топоръ надъ его любимцемъ. Отъ него не скрывали толковъ по случаю внезапной смерти его матери и

очень непочтительно отзывались объ отцѣ. Съ рѣдкой остротой обиды вспоминалъ Грозный почти черезъ сорокъ лѣтъ о тѣхъ оскорбленіяхъ, какимъ подвергалъ на глазахъ сына бояринъ Шуйскій память его отца.

Царь Иванъ былъ отъ природы ума остраго и прекрасно владѣлъ перомъ и рѣчью. Читать онъ научился рано и перечиталъ еще въ ранней юности чуть не всю тогдашнюю литературу— лѣтописи, житія святыхъ, хронографы, творенія святыхъ отцовъ, богослужебныя книги, книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Съ младенчества сознавая себя государемъ, онъ въ книгахъ невольно вычитывалъ и запоминалъ тѣ мѣста, гдѣ говорилось о высотѣ и святости царской власти, о злыхъ врагахъ, похищающихъ ее, о рабахъ лукавыхъ и лѣнивыхъ и о добрыхъ царяхъ, пастыряхъ своего народа. Памятью царь Иванъ обладалъ огромной: цѣлыя страницы и главы зналъ онъ наизусть и въ спорѣ могъ засыпать своего соперника цитатами изъ книгъ. На семнадцатомъ году онъ торжественно вѣнчался на царство, женился, окружилъ себя молодыми боярами - сверстниками, особенно сошелся съ молодымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ и незнатнымъ человѣкомъ Алексѣемъ Адашевымъ. Царь думалъ, быть-можетъ, что ему удалось устроить добрыя отношенія со своимъ синклитомъ. Но скоро настало время разочарованія. Въ 1553 г. царь заболѣлъ, былъ при смерти и, лежа на смертномъ одрѣ, слушалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ препирались бояре о его наслѣдствѣ, раздѣлившись на двѣ партіи и выставляя каждая своего наслѣдника, хотя всѣ присягали

Изображеніе царя Ивана Грознаго на грамотѣ, писанной въ 1571 году.

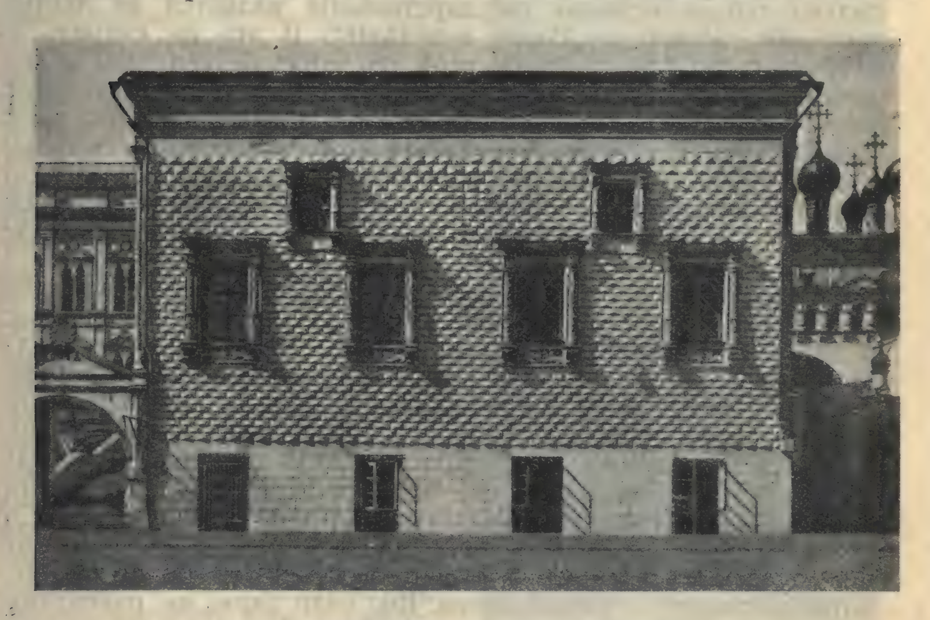
признать царемъ малолѣтняго сына заболѣвшаго царя. Царь Иванъ перемогъ болѣзнь.

Съ того же 1553 г. царь Иванъ началъ безпощадными казнями отвѣчать на проявленія боярскаго „высокоумства“ и „самовольства“. Въ 1564 г. послѣ неудачнаго боя съ поляками „отъѣхалъ“ въ Польшу, опасаясь казни и опалы, недавній любимецъ царя, князь Андрей Курбскій. Изъ Польши онъ написалъ царю Ивану рѣзкое письмо, упрекая царя за жестокое обращеніе съ боярами. Царь Иванъ отвѣчалъ бѣглецу. Переписка, правда, не обширная, завязалась и длилась до 70-хъ годовъ. Она позволяетъ намъ заглянуть въ мысли царя и боярина. Князь Курбскій изъ Польши спросилъ царя: „Почто, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ отъ Бога данныхъ ти различнымъ смертемъ предалъ еси?“ Дальше князь указывалъ на свои заслуги и спрашивалъ, за что царь преслѣдовалъ его и принудилъ уйти изъ отечества? Князь Курбскій перечисляетъ свои подвиги и труды другихъ воеводъ — „прегордыхъ царствъ разореніе“, „претвердыхъ германскихъ градовъ покореніе“.

На это письмо царь Иванъ отвѣтилъ обширнымъ посланіемъ, гдѣ писалъ, что, кромѣ побѣдъ надъ врагами, видѣлъ отъ своихъ бояръ и другое: „извыкосте, — писалъ царь, — отъ прародителей своихъ измѣну чинить, яко же дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего великаго государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи; также и отецъ твой князь Михайло на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многія пагубныя смерти умышляли, такоже и матери твоея дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили“. На слова Курбскаго о военныхъ подвигахъ его и другихъ бояръ царь Иванъ съ насмѣшкой замѣчаетъ, какъ же это такіе храбрые стратеги въ его малолѣтство 13 лѣтъ не могли защитить христіанъ отъ Крыма и Казани? Въ походъ пришлось посылать ихъ какъ въ опалу, подъ Казань сколько разъ ни ходили, а все нехотя, съ понужденіемъ. Когда подъ Казанью на третій день ея обложенія буря потопила часть обоза, храбрые стратеги сейчасъ же заговорили о возвращеніи назадъ, „вся, яко раби, съ понужденіемъ творили есте, а не хотѣніемъ, паче же съ роптаніемъ“. Царь упрекаетъ Курбскаго въ бѣгствѣ и измѣнѣ.

Курбскій въ своемъ отвѣтѣ, указавъ на то, что онъ, „хотя много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя смоленскаго-ярославскаго Ѳедора Ростиславича, а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братій своихъ пить, какъ у нѣкоторыхъ издавна обычай ведется: первый дерзнулъ Юрій московскій въ Ордѣ на святого великаго князя Михаила тверского, а за нимъ и прочіе; еще всѣ помнятъ, что сдѣлано съ углицкими и ярославскими и другими единокровными, какъ они всенародно были истреблены, слышать тяжко, ужасно... Насъ ты называешь измѣн-

никами, потому что мы принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловать... На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ поневолѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ... Если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца“. Далѣе Курбскій говоритъ, что царь долженъ слушать своихъ совѣтниковъ, и приводитъ въ свидѣтельство правоты своей мысли нѣсколько мѣстъ изъ св. Писанія, и затѣмъ продолжаетъ такъ: „Если царь и почтенъ царствомъ, то все же не можетъ получить отъ Бога

Грановитая палата въ московскомъ Кремлѣ
(построена въ 1487—1491 гг.).

всѣхъ дарованій и долженъ поэтому искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, а по правости душевной; не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“... Если царь хвалится божественнымъ происхожденіемъ своей власти, то пусть не забываетъ, что великородные совѣтники даны ему Богомъ же.

На притязанія княжича, такъ твердо помнящаго, что предки его были великіе князья ярославскіе, царь Иванъ отвѣчалъ, что самодержавства его начало отъ св. Владимира, что передъ его волей не существуетъ утраченныхъ княжатами правъ

на ихъ удѣлы, онъ, царь Иванъ, своимъ владѣетъ и владѣетъ изначала, не утрачивая власти и чужого не похищая. Напрасно князь Курбскій навязываетъ ему совѣтниковъ — „русскіе самодержцы изначала владѣютъ сами всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи“. Это „самодержство“, — повторяетъ не разъ царь Иванъ,—изначала, да и какъ государь можетъ называться самодержцемъ, „аще не самъ строитъ“. „Строить самому“ значитъ для Грознаго „хотѣніе свои творити отъ Бога повиннымъ рабомъ“, т.-е. сводится къ праву „государской“ власти надъ подвластными вещами и лицами, какъ эту власть понимало удѣльное время; только теперь основой государствованія является не частноправовая сдѣлка, а „Божіе повелѣніе“. И это не капризъ со стороны государя—требовать себѣ отъ всѣхъ безусловной покорности: это его обязанность передъ Богомъ, какъ обязанность передъ нимъ подданныхъ—„доброхотство“ къ государю. Въ своемъ правѣ карать и миловать государь и можетъ давать отчетъ только Богу. Тутъ вся его царская воля, его самодержство: „Доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованіемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ“, говоритъ Грозный.

На воспоминаніе Курбскаго объ удѣльныхъ временахъ, когда предки его и другихъ княжатъ были такими же князьями, какъ и предки московскаго государя, царь Иванъ отвѣчаетъ, что дѣйствительно было такъ; но если во время Ветхаго завѣта нужно было обрѣзаніе, то въ Новомъ завѣтѣ нуженъ крестъ, если въ удѣльное время было самовольство, то теперь настало время царскаго владѣнія. О своей царской задачѣ царь Иванъ высокаго мнѣнія: „Тщюсь со усердіемъ,—пишетъ онъ,—людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, и отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это сладко и свѣтъ—отъ добра удаляться и зло творить междоусобными бранями и самовольствомъ?“

Переписка царя съ бояриномъ живо рисуетъ идеалы обѣихъ сторонъ, какъ они тогда чувствовались и воспринимались. Жизнь, какъ она къ тому времени сложилась, была не за притязанія княжого боярства.

Княжата имѣли мало сторонниковъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Противъ княжатъ были всѣ высшіе незнатные служилые люди, которымъ бояре-княжата не давали хода въ Думу и къ высшимъ должностямъ; противъ нихъ были средніе и мелкіе служилые люди, стѣсненные большими землевладѣльцами боярами. Военную силу Московскаго государства составляли люди, которымъ правительство давало землю въ помѣстье „для службы“, какъ жалованье за службу, и помѣщики должны были являться на службу по первому призыву. Большая часть земель, нахо-

дившихся въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ непріятельскаго нашествія, принадлежала боярамъ, и правительство могло давать служилымъ людямъ земли только у границы, гдѣ всегда можно было ждать вражескаго нападенія. Это была одна причина недовольства мелкихъ и среднихъ служилыхъ людей знатнымъ боярствомъ. Другая причина заключалась въ томъ, что мелкое дворянство, бѣдное и маломочное, сильно нуждалось въ средствахъ и должно было брать деньги взаймы у крупныхъ землевладѣльцевъ, которые взимали большіе проценты и очень немилостиво относились къ должникамъ, выколачивая съ нихъ долги правежомъ, т.-е. при помощи назначеннаго судомъ битья неисправнаго должника по ногамъ палкой, пока онъ не уплатитъ долга. Въ-третьихъ, богатые землевладѣльцы не давали стать на ноги мелкимъ, сманивая съ ихъ земель на свои крестьянъ. Крестьяне поряжались по договору обрабатывать землю у помѣщиковъ и были свободны переходить отъ одного къ другому послѣ взаимнаго расчета. На земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ крестьянинъ чувствовалъ себя лучше, такъ какъ сильный при дворѣ и въ правительствѣ знатный человѣкъ всегда умѣлъ выхлопотать много послабленій въ сборѣ казенныхъ повинностей, всегда могъ защитить своего крестьянина и отъ неправеднаго суда и отъ всякихъ злоупотребленій разныхъ мелкихъ властей. Конечно, крестьяне предпочитали уходить съ земель мелкихъ помѣщиковъ на земли крупныхъ. Земли мелкихъ помѣщиковъ обрабатывались поэтому плохо, а это мѣшало имъ быть исправными воинами—не на что было ни купить оружія, ни сдѣлать запасовъ для похода себѣ и на прожитье семьѣ.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
Со стариннаго портрета.

Не были довольны знатью и жители городовъ, у которыхъ знатные бояре перебивали торговлю, выхлопатывая себѣ у государя грамоты на безпошлинную торговлю въ городахъ и на рынкахъ.

Большая часть духовенства, особенно тѣ монастыри, которые обладали большими землями, видѣли въ знатномъ боярствѣ своихъ соперниковъ и всячески стояли за сильную единую власть въ государствѣ. Духовенство своими трудами въ литературѣ, устной проповѣдью, своимъ значеніемъ всенародныхъ учителей, словомъ, всѣми имѣвшимися въ его рукахъ средствами стояло на сторонѣ московскаго государя, благословляя и оправдывая каждый его шагъ. На упреки княжатъ эта часть духовенства умѣла отвѣчать словомъ и дѣломъ. Многочисленными посланіями и другими сочиненіями писатели этой части духовенства создали и укрѣпили самую идею о величіи власти московскаго государя. Это они назвали Москву третьимъ Римомъ, ея государя христоименитымъ, новымъ великимъ Константиномъ новаго града Рима—Москвы; они возгласили, что четвертому Риму не быть и что Русскому царству подобаетъ распространяться, шириться и множиться, поборать за все христіанство, какъ и за всѣ православно-русскія земли. Во главѣ этой правительственной части духовенства стоялъ во времена Іоанна III игуменъ Волоколамскаго монастыря преп. Іосифъ, поэтому и людей его образа мыслей противники называли „осифлянами“. Своихъ сторонниковъ правительство вознаграждало всѣми благами земными, и потому въ осифлянскихъ монастыряхъ, независимо отъ обычныхъ добровольныхъ жертвованій, скопилось много жалованныхъ земель, монастыри получили многія льготы и права, освобождавшія ихъ отъ суда намѣстниковъ, отъ сборовъ даней и т. п. Это возросшее земельное богатство и накопленіе денежныхъ средствъ сдѣлало монастыри опасными хозяйственными соперниками княжатъ, которые, не всегда располагая средствами, брали взаймы у монастырей, теряли въ залогѣ у нихъ свои земли и имущество. На этой почвѣ и создалось боярское сопротивленіе „стяжательству“ монастырей.

Царь Алексѣй Михайловичъ.
Со стариннаго портрета.

Духовные писатели, происходившіе изъ боярской среды или раздѣлявшіе мнѣніе княжатъ о ихъ первенствующемъ положеніи въ правительствѣ, не находили словъ для осужденія

осифлянъ, называли ихъ „раболѣпными ласкателями и потаковниками, исполненными презорства и гордыни съ низшими, расхитителями, мздоимцами, шатунами, лихоимцами и пьяницами". Сторонники княжого боярства хотѣли, чтобы у монастырей были отняты земли, чтобы русская церковь оставалась въ строгомъ подчиненіи цареградскому патріарху, потому что освобожденіе ея отъ грековъ дало бы слишкомъ много власти въ церковныхъ дѣлахъ московскому государю. На эти рѣчи и упреки правительство царя, его старинные бояре и слуги и духовенство - осифляне отвѣчали требованіемъ, чтобы власть была сильна, едина, грозна, не стѣснялась въ средствахъ, казнила и ссылала безъ пощады всѣхъ супротивныхъ. Осифляне внушали царю Ивану, что если онъ хочетъ быть самодержцемъ, то пусть не держитъ возлѣ себя совѣтниковъ мудрѣе себя: „тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ".

Одежда царицъ въ XVII в.
Царица Евдокія (вторая супруга царя Михаила Ѳедоровича) и царица Наталья Кирилловна.

Отъ этихъ рукъ монастыри и высшее духовенство ждали увеличенія своихъ земельныхъ богатствъ. Но политика раздачи земли затрогивала весь служилый классъ; отдѣльные представители служилыхъ людей, исходя отъ этой „обиды", возвысились до разсужденій о характерѣ московскаго самодержавія, о тѣхъ формахъ, въ которыя оно грозило воплотиться. Указывая, что инокамъ не надлежитъ давать „княжое и боярское мірское жалованье, аки воинамъ, волости со христіаны", авторъ одного со-

чиненія, называемаго „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ“, поднялъ вопросъ о самодержавіи. Если царь такъ неоглядно раздаетъ земли монастырямъ, то это значитъ онъ самъ не можетъ „воздержати своего царства“, какъ бы долженъ. Для чего же онъ тогда пишется самодержцемъ? Самодержецъ самъ держитъ свое царство, а теперь царь держитъ царство съ пособниками, „не собою, ниже со своими пріятелями, князьями и боярами, но съ непогребенными мертвецами (т.-е. съ монахами)“. „Лучше тогда степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себя отдать и неимѣть царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суетами отвращать отъ душевнаго спасенія“. Обвиняя такихъ царей, авторъ именуетъ ихъ „малосмысленными“, „противными Христу“. Надо отобрать земли у монастырей и отдалить монаховъ отъ совѣта. „Царю подобаетъ дѣла дѣлати съ своими князи и съ боляры и съ протчими міряны, а не съ иноки“.

Царь Иванъ раздѣлялъ этотъ взглядъ. И, пожалуй, ни одинъ изъ московскихъ государей не былъ такъ скупъ на пожалованія земли монастырямъ, какъ царь Иванъ. Указами 1572 и 1580 гг. онъ стремился пресѣчь переходъ въ монастырскія руки и частныхъ земель; монастыри были обязаны доставить царю росписи своихъ богатствъ и по этимъ росписямъ были обложены особыми сборами.

„Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ“ имѣла успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ и, какъ кажется, вызвала большіе разговоры. По тогдашнимъ литературнымъ обычаямъ явились дополненія и подражанія бесѣдѣ, въ которыхъ мысли ея о царской власти получили дальнѣйшее развитіе. Одно такое дополненіе, составленное, какъ кажется, въ Новгородѣ, соглашаясь, что государю подобаетъ „царство объединити во благоденство и распространити его сѣмо и овамо“, говоритъ, что „держать вся области“ слѣдуетъ не только при помощи „воевъ“, но и путемъ лучшаго устройства управленія, и авторъ предлагаетъ царю устроить „единомысленный вселенскій совѣтъ“ изъ представителей „всякихъ мѣръ всякихъ людей, ото всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ“; такой совѣтъ царю хорошо бы держать при себѣ „погодно“ и каждый день „добре и добре“, со смиреніемъ, а не высокодуміемъ гордости, разспрашивать про всякое дѣло міра сего. Кромѣ этого „вселенскаго совѣта“, царь долженъ имѣть при себѣ еще особый совѣтъ „изъ разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ воеводъ“, съ которымъ ему не слѣдуетъ „разлучаться ни на одинъ день“. Тогда „царю будетъ вѣдомо все“ и онъ сможетъ „скрѣпить отъ грѣха“ своихъ воеводъ.

Около 1549 г. было написано сочиненіе подъ заглавіемъ: „Челобитня, государю царю Ивану Васильевичу“ нѣкоего Ивашки Пересвѣтова. Обращаясь къ царю Ивану, авторъ этого труда указываетъ, что онъ собралъ свой трудъ „изо многихъ королевствъ“, которымъ „дивились и хвалили и славили мудрые

Торжественный выходъ царицы Маріи Ильиничны, жены царя Алексѣя, въ праздничный день въ церковь. Старшаго ея сына, по обрядамъ того времени, несетъ передъ нею на рукахъ боярыня. Передъ царицею идутъ три сестры супруга ея, царевны: Татьяна, Марѳа и Евдокія.

Съ рисунка въ сочиненіи Олеарія.

философы греческіе и дохтуры латинскіе“, и „подобаетъ царю эти рѣчи златомъ росписати и при себѣ держать и послѣ себя иному государю оставить“.

Основная мысль сочиненія та, что царь долженъ быть грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья чьихъ-либо совѣтовъ, а на Руси вельможи, завладѣвъ царствомъ, не даютъ бѣднымъ и безпомощнымъ управы на сильныхъ. Слабому человѣку невозможно ни въ городѣ жить, ни отъ города хоть на версту отъѣхать. Поэтому многіе, чтобъ избавиться отъ бѣдъ, отдаются во дворъ къ вельможамъ. А Богъ порабощать другъ друга не велѣлъ: Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и повелѣлъ ему быть „самому себѣ владыкой, а не рабомъ“... Такой сильный государь, какъ царь русскій, долженъ со всего своего царства доходы брать прямо на себя, въ казну, а изъ казны платить военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ жалованье, чѣмъ имъ можно прожить „съ людьми и съ конями съ году на годъ“. За заслуги надо вознаграждать, къ себѣ приближать, „жалобы позлащать“ и тѣмъ сердца утѣшать, тогда и 20.000 воиновъ будутъ сильнѣе 100.000 теперешнихъ, тогда и вельможи перестанутъ „неправеднымъ собираніемъ богатѣть, да родами считаться, да мѣстами мѣстничаться и тѣмъ царево воинство ослаблять“. Съ воинствомъ въ рукахъ царь сможетъ „вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами: вельможи начнутъ его бояться и ни съ какими

Выходъ царицы Маріи Ильиничны, супруги царя Алексѣя Михайловича.
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

КРЕМЛЬ ВЪ МОСКВѢ.

Съ такъ называемаго Годуновскаго плана, сдѣланнаго въ 1600—1605 г. и напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1663 году.

злохитростями не дерзнутъ къ нему приблизиться". Можно себѣ представить, какъ близки становились душѣ царя Ивана такія рѣчи по мѣрѣ роста его озлобленія на бояръ.

Царь Иванъ каралъ жестокой казнью всякое проявленіе боярско-княжеской самостоятельности—было ли это неосторожное заявленіе о своемъ высокомъ родѣ или отказъ надѣть маску по приказанію царя. Всѣ бояре-княжата были обязаны дать клятвенную запись каждый за себя и другъ за друга въ томъ, что никто изъ нихъ не отъѣдетъ изъ Москвы въ чужую землю. За каждый такой отъѣздъ, если бы онъ все-таки случился, обязанные записью бояре должны были вносить крупныя суммы въ царскую казну и отвѣчать передъ царемъ, почему не доглядѣли за своимъ бѣжавшимъ свойственникомъ.

Въ 1564 г. царь Иванъ удалился въ Александровскую слободу и оттуда черезъ мѣсяцъ прислалъ двѣ грамоты; первая, грозная и гнѣвная, была на имя бояръ и ихъ потаковниковъ и обвиняла ихъ въ расхищеніи земли и въ угнетеніи народа. „Царь и государь и великій князь отъ великія жалости сердца,—говорилось въ этой грамотѣ,—не хотя ихъ (т.-е боярскихъ) многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свои государства и поѣхалъ индѣ вселитись, идѣ же его государя Богъ наставитъ"... Другая грамота, милостивая и привѣтливая, была на имя всѣхъ обывателей города Москвы; въ ней царь увѣрялъ народъ, что опала его не касается простыхъ людей, а только бояръ, которые расхищали государственную собственность, раздавая ее своимъ друзьямъ и знакомымъ, а о государствѣ и о народѣ не радѣли, отъ недруговъ его не обороняли и сами притѣсняли народъ. Впечатлѣніе произвели эти грамоты огромное. Въ Москвѣ вся жизнь остановилась. Къ царю было отправлено посольство отъ всѣхъ людей, не исключая и бояръ, которое и заявило царю, „чтобы государь государства не оставлялъ и волкамъ людей на расхищеніе не отдавалъ, избавилъ бы людей отъ рукъ сильныхъ, а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ никто не стоитъ, и только пусть государь укажетъ, всѣ сами ихъ готовы истребить".

Царь Иванъ, какъ извѣстно, согласился принять снова свои государства на условіи, чтобы ему невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертью, лишеніемъ достоянія, чтобы не было ему за это стуженія и печалованія, т.-е. просьбъ о милости и помилованіи, ни отъ кого, особенно отъ духовенства.

Царь Иванъ окружилъ себя людьми не столь знатными, по преимуществу изъ стариннаго московскаго боярства и второстепеннаго княжья, далъ широкій доступъ въ Думу среднимъ и лучшимъ служилымъ людямъ, испомѣстивъ наиболѣе заслуженныхъ городовыхъ помѣщиковъ землей около Москвы. Этихъ помѣщиковъ онъ назвалъ дворянами московскими, и они составили избранный гвардейскій корпусъ при царѣ, отбывали различныя порученія по управленію, а закончить службу имъ предлагалось

Кремлевскія соборы и зданія въ первой половинѣ XVII в.

Благовѣщенскій соборъ. Царскій дворецъ. Грановитая палата. Успенскій соборъ.
Архангельскій соборъ. Красное крыльцо.

Съ калькированнаго рисунка царскаго выхода въ Успенскій соборъ въ лицевой рукописи „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича“.

въ высшемъ правительственномъ совѣтѣ Московскаго государства, въ Боярской Думѣ, въ качествѣ думныхъ дворянъ. Назначая въ думу людей незнатныхъ, царь Иванъ разсчитывалъ ихъ голосами побороть стремленія думцевъ изъ бояръ-княжатъ къ самостоятельности. При царѣ Иванѣ была ограничена власть и судъ намѣстниковъ по городамъ, дано было городамъ и волостямъ право избирать самимъ свое начальство и судей. Такимъ образомъ въ своей борьбѣ съ княжимъ боярствомъ царь явно опирался на служилыхъ людей и среднія состоянія московскаго общества.

Для ослабленія и полнаго подчиненія себѣ боярства царь Иванъ учредилъ опричину. Въ Александровской слободѣ онъ построилъ себѣ дворецъ и окружилъ себя отрядомъ воиновъ, получившихъ названіе опричниковъ; съ ихъ помощью началъ онъ „перебирать" свое государство, выводя изъ него „измѣну". На свой опричный дворъ царь Иванъ отписалъ много земель, не считаясь съ тѣми, кто жилъ на этихъ земляхъ или кому онѣ принадлежали. Затѣмъ началась перемѣна землевладѣльцевъ: „вотчинниковъ и помѣщиковъ, коимъ не быти въ опричнинѣ,—читаемъ въ лѣтописи,—царь велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ". По этому повелѣнію вотчинники и помѣщики цѣлыхъ уѣздовъ должны были переселиться въ другіе уѣзды, гдѣ указывалъ государь. Понятно, кого заставлялъ переселяться царь Иванъ и куда направлялъ переселеніе. Въ опричину онъ взялъ земли, гдѣ находилось много большихъ владѣній потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей. Многихъ изъ нихъ Грозный сорвалъ съ ихъ старыхъ родовыхъ гнѣздъ, гдѣ они еще чувствовали себя владѣтелями, и поселилъ подальше. Князья съ верхней Оки получили земли къ сѣверу за Москвой, князья ростовскіе были переселены ближе къ Окѣ. Тѣхъ изъ княжатъ, кого Грозный оставлялъ на старомъ гнѣздѣ, онъ бралъ въ опричину, подъ свой строгій непосредственный надзоръ. Нечего и говорить, какой сильный ударъ нанесло княжатамъ это переселеніе съ земель, гдѣ предки ихъ были государями, гдѣ ихъ всѣ знали и почитали; они вдругъ очутились на новыхъ мѣстѣхъ, среди населенія, которое ихъ не знало и относилось къ нимъ равнодушно. На прежнихъ земляхъ у бояръ-княжатъ были свои служилые люди, которые получали землю отъ нихъ и служили у нихъ въ отрядахъ; Грозный обратилъ этихъ боярскихъ служилыхъ людей въ служилыхъ людей великаго государя. Послѣ такой „переборки" цѣлые вѣка складывавшіяся хозяйства были разорены. Опалы и казни пресѣкали всякую тѣнь сопротивленія со стороны княжатъ. Нѣкоторые княжескіе роды были истреблены поголовно.

Опричина и всѣ связанныя съ ней мѣры подорвали могущество княжого боярства. Преслѣдуя право отъѣзда бояръ, Грозный низводилъ бояръ-княжатъ въ положеніе простыхъ под-

данныхъ; лишая княжатъ права держать отъ себя служилыхъ людей, царь отнималъ у бояръ вооруженную силу и указывалъ, что военную службу можно нести только подъ самимъ государемъ, и бояре-княжата такіе же его, царевы, слуги, какъ всѣ служилые люди; сажая въ Боярскую Думу людей незнатныхъ, царь Иванъ ослаблялъ силу княжого боярства въ правительствѣ, а мѣрами опричины лишалъ бояръ-княжатъ власти и значенія на мѣстахъ и разорялъ ихъ благосостояніе; жестокими казнями царь Иванъ истребилъ фамиліи знатнѣйшихъ княжатъ. Послѣ царя Ивана княжатамъ стало невозможно оправиться и вернуть себѣ прежнюю силу даже въ такую благопріятную для этого рода начинаній пору, какъ Смутное время. Не удалось имъ это

Видъ государева дворца въ московскомъ Кремлѣ въ XVII в.
Реставрировано по планамъ того времени.

прежде всего потому, что противъ боярства былъ и народъ. Но, карая жестокими казнями всякое, даже кажущееся противорѣчіе царской власти, царь Иванъ по внѣшности ничего не измѣнилъ въ государственномъ устройствѣ. Попрежнему Боярская Дума и при немъ и при его наслѣдникахъ стояла во главѣ управленія, суда и законодательства въ Московскомъ государствѣ, только эта Дума бояръ все болѣе и болѣе оказывалась въ подчиненіи царской власти и, благодаря мѣрамъ опричины, не могла ставить себя рядомъ съ царемъ, какъ обязательный для государя совѣтъ, чего такъ хотѣли достичь и утвердить въ строѣ Московскаго государства бояре-княжата XV и начала XVI вѣковъ. И при царѣ Иванѣ и долго послѣ него путь въ Думу открытъ широко для знатнаго боярства, но рядомъ съ нимъ и тоже по назначенію государя являются засѣдать въ Думѣ иногда совсѣмъ незнатные думные дворяне и дьяки. Знатному человѣку царь Иванъ считалъ себя обязаннымъ послать „сказать думу“, когда къ тому время

подходило, но этотъ знатный думецъ сталъ теперь такимъ же слугой государевымъ, какимъ былъ и засѣдавшій вмѣстѣ съ знатнымъ человѣкомъ любой изъ думныхъ дворянъ.

Послѣ смерти бездѣтнаго наслѣдника царя Ивана наступило тяжелое безгосударное время, „великая розруха Московскаго государства". За время смуты московскіе люди многое увидѣли и почувствовали не такъ, какъ привыкли видѣть и чувствовать прежде. „Въ эти тяжелые годы,—говоритъ В. О. Ключевскій,—люди Московскаго государства не разъ были призы-

Коломенскій дворецъ. Построенъ въ 1667—1681 гг.
Съ гравюры, сдѣланной незадолго до сломки дворца въ 1768 г.

ваемы выбирать себѣ государя; въ иные годы государство оставалось совсѣмъ безъ государя, и общество было предоставлено самому себѣ... Прежде государство мыслилось въ народномъ сознаніи только при наличности государя, воплощалось въ его лицѣ и поглощалось имъ. Въ Смуту, когда временами не бывало государя или не знали, кто онъ, нераздѣлимыя прежде понятія стали раздѣляться сами собой... Прежде изъ-за государя не замѣчали государства и народа и скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ государя, такъ теперь опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ государя, но ни государь

ни государство не могутъ обойтись безъ народа"... Земскіе соборы изъ выборныхъ отъ всей земли избираютъ государей. Сами государи признаютъ, что безъ Земскаго Собора не можетъ состояться избраніе царя. Авторъ одной хроники о Смутномъ времени разсказываетъ, какъ царь Василій встрѣтилъ ворвавшихся къ нему мятежниковъ: „Если вы убить меня хотите, я готовъ умереть, но если вы хотите свести меня съ престола и царства, то не имѣете права это сдѣлать, дондеже не снидутся вси большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними (такъ обозначилъ царь Василій Земскій Соборъ). И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити". По наказу

Внутренній видъ Грановитой палаты въ московскомъ Кремлѣ.

царя Василія его послы въ Польшѣ должны были говорить, что московскій народъ имѣлъ право „осудить истиннымъ судомъ" и казнить за злыя богомерзкія дѣла такого царя, какимъ былъ Лжедимитрій. Послы говорили и больше: они доказывали панамъ, что теперь, хотя бы явился и прямой прирожденный государь, царевичъ Димитрій, но, если его на государство не похотятъ, ему силой нельзя быть на государствѣ.

Тогда же у представителей различныхъ слоевъ общества появляются первые планы государственнаго устройства, основаннаго на политическомъ договорѣ государя съ подданными. Есть основанія думать, что бояре хотѣли ограничить царя

Бориса. Царь Василій даетъ „запись“ и присягаетъ въ Успенскомъ соборѣ, цѣлуя крестъ: 1) никого не предавать смертной казни безъ законнаго суда, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры; 2) не отбирать имущества у родственниковъ виновнаго, если они не были участниками преступленія; 3) не слушать ложныхъ доносовъ. Никакихъ основъ новаго государственнаго устройства эта запись царя Василія не содержитъ; самое большее, что въ ней можно видѣть, это развѣ только нѣкоторую попытку создать обезпеченіе личной и имущественной неприкосновенности подданныхъ. Въ этомъ смыслѣ удѣльному взгляду на подвластныхъ государю, какъ на его безотвѣтныхъ рабовъ и холоповъ, ставилось записью царя Василія первое ограниченіе, требовавшее обращенія власти съ подданными не на основѣ гнѣва или милости государя, а на почвѣ закона, опредѣляющаго взаимоотношеніе сторонъ.

Когда въ Москвѣ зашла рѣчь объ избраніи въ цари королевича Владислава, то ему предложено было дать подданнымъ за крестнымъ цѣлованіемъ запись болѣе распространенную. Королевичъ, принимая московское государствованіе, долженъ обѣщать, кромѣ охраны и обереженія православія, не нарушать личныхъ и имущественныхъ правъ подданныхъ, не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія Боярской Думы и не издавать безъ Совѣта всея земли новыхъ законовъ. Такимъ образомъ мысль о необходимости обезпеченія въ законѣ извѣстныхъ гражданскихъ правъ, высказанная въ записи царя Василія, дополняется здѣсь мыслью объ участіи народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи страной. Королевичу Владиславу быть на московскомъ и всея Руси престолѣ не пришлось. Земскій Соборъ, собравшійся при войскѣ князя Д. М. Пожарскаго, взялъ правленіе страной въ свои руки и постановилъ, что избраніе царя, и непремѣнно изъ прирожденныхъ русскихъ, должно совершиться только тогда, когда страна будетъ очищена отъ иноземныхъ враговъ и „своихъ воровъ“, а пока вручилъ правительство воеводамъ земскаго ополченія, оставивъ за собой право смѣнить этихъ начальниковъ въ случаѣ ихъ негодности или неспособности.

Есть извѣстія, что новый, избранный единодушнымъ совѣтомъ всея земли царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ ограниченною властью. Повѣсть о Смутномъ времени, составленная въ Псковѣ, разсказываетъ, что бояре, сажая царя Михаила на царство, заставили его цѣловать крестъ на томъ, чтобы ему не казнить смертью за преступленія людей боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. По другому извѣстію, „запись“ царя Михаила состояла въ томъ, чтобы быть царю „нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми собча, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать“. Подкрестная запись царя Михаила неизвѣстна въ

подлинникѣ, незамѣтна она и въ тогдашнихъ офиціальныхъ документахъ. Извѣстія о ней выражаютъ, можетъ-быть, не столько фактъ существованія ея, сколько желаніе современниковъ, чтобы такая запись была. Такимъ образомъ въ началѣ XVII вѣка и политическая мысль и государственная практика подъ вліяніемъ событій Смутнаго времени допускали извѣстную возможность ограниченія царской власти въ смыслѣ обязательнаго сотрудничества рядомъ съ нею Боярской Думы и Земскаго Собора. При царѣ Михаилѣ въ первые годы его царствованія Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ населенія, вмѣстѣ съ царемъ и Боярской

Крестовая палата въ кремлевскихъ теремахъ въ Москвѣ.

Думой, составлялъ правительство Московскаго государства. Но установилось такое правительство въ силу простого житейскаго удобства или необходимости, никакимъ закономъ утверждено не было и такъ же легко исчезло изъ жизни, какъ и появилось.

Въ Смутное время особенно замѣтно выдвинулось политическое значеніе среднихъ служилыхъ людей и посадскаго населенія торговыхъ городовъ. Эти слои населенія не дали развиться попыткамъ знатнаго боярства захватить власть въ странѣ, они съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ очистили страну отъ иноземнаго нашествія и отъ „своихъ воровъ“, они избрали новаго царя изъ семьи стариннаго московскаго, но не княже-

скаго боярства и посредствомъ земскихъ соборовъ заботливо поддерживали власть и значеніе своего избранника отъ покушеній со стороны княжого боярства захватить въ свои руки молодого царя и правительство. Цари новой династіи Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ открыли широкій доступъ въ правительство людямъ незнатнымъ, службу и заслугу ставили выше знатности происхожденія, провели обезпеченіе землей среднихъ служилыхъ людей, обезпечили цѣлымъ рядомъ мѣръ городскому торгово-промышленному классу исключительное занятіе торгомъ и промыслами. Все это тѣсно связывало интересы среднихъ людей съ царемъ и заставляло ихъ стоять за самодержавную власть, какъ она складывалась. Обезсиленное мѣрами Грознаго и Смутой княжое боярство, потерявшее многихъ самыхъ знатныхъ своихъ представителей, вынуждено было склониться передъ силой, и въ XVII в. мы не знаемъ какихъ-либо дѣйствительныхъ попытокъ со стороны княжого боярства вернуть свое прежнее значеніе.

О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ разсказываетъ, какъ о государѣ, который „наивысше пишется самодержцемъ и государство свое правитъ по своей волѣ“. Начать ли войну или заключить миръ, вступить въ союзъ, даже уступить часть земли государства, — все это, по Котошихину, въ волѣ царя Алексѣя: „что хочетъ, то учинити можетъ... и всякія великія и малыя дѣла своего государства учиняетъ по своей мысли, а съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало“. Пришлось бы на слово вѣрить Котошихину, если бы не сохранилось документальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что царь Алексѣй безъ Думы не провелъ ни одного важнаго дѣла, а такія дѣла, какъ изданіе Уложенія и присоединеніе Малороссіи, провелъ черезъ Земскій Соборъ, какъ провелъ черезъ церковный соборъ съ участіемъ восточныхъ святителей и своихъ бояръ всю распрю свою съ патріархомъ Никономъ и всѣ дѣла по расколу церкви, вызванному необдуманнымъ и торопливо проведеннымъ исправленіемъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Именно царь Алексѣй, быть-можетъ, даже больше другихъ нашихъ царей, работалъ вмѣстѣ съ боярами по управленію страной. Онъ готовился къ засѣданіямъ Думы, составлялъ конспекты того, что говоритъ, обозначая, въ чемъ уступить, на чемъ настоять.

Царь Алексѣй такъ же, какъ и царь Иванъ, можетъ наградить кого хочетъ чиномъ думца, деньгами и помѣстьями, но родовой чести дать никому не можетъ. Князя Хованскаго царь Алексѣй величаетъ дуракомъ въ глаза, а бояриномъ въ Думу его назначаетъ.

По внѣшнему виду государственное устройство и при царѣ Алексѣѣ остается такимъ, какимъ оно было до опричины и Смуты, но по существу это далеко не прежнее устройство съ его явно выраженнымъ аристократическимъ характеромъ; рядомъ съ родовитымъ боярствомъ въ правительствѣ становится замѣтно

больше людей худородныхъ; эти новые люди занимаютъ высокія мѣста по милости государевой, по его государскому жалованію за свои заслуги, а не за свое знатное происхожденіе; знатному человѣку теперь тоже приходится для занятія высокаго мѣста въ правительствѣ разсчитывать больше на свои заслуги и милость государя, а не на свое прирожденное право. Государственная власть царей новой династіи все болѣе приближается къ тому идеалу „самодержства“, который былъ провозглашенъ Грознымъ.

Патріаршая палата въ кремлевскихъ теремахъ въ Москвѣ.

Но и при новыхъ царяхъ верховная власть царя-самодержца не только допускала обязательное при ней сотрудничество Боярской Думы и Земскаго Собора, но и дѣлилась въ лицахъ, допускала раздѣленіе своихъ правъ между двумя и болѣе лицами. Если не считать за раздѣленіе верховной власти случай назначенія Грознымъ въ великіе князья всея Руси касимовскаго царя Симеона, причемъ самъ Грозный наименовалъ себя Иванцомъ княземъ московскимъ, первымъ такимъ случаемъ будетъ единовременное господство великаго государя царя и самодержца всея Руси Михаила Θеодоровича и его отца, святѣйшаго великаго государя патріарха Филарета.

Какъ было считать отца-патріарха: подданнымъ сыну-царю или нѣтъ? По „отечеству“, конечно, не подданнымъ, а если онъ

не подданный, то, значитъ, по крайней мѣрѣ такой же, какъ и сынъ, государь. И мы видимъ, что патріархъ Филаретъ именуется великимъ государемъ, забираетъ въ свои руки все управленіе государствомъ и правитъ имъ вмѣстѣ съ сыномъ, рядомъ съ нимъ, нисколько не прячась за его царское величіе, но и не ставя авторитетъ царя-сына выше своего патріаршаго великогосударскаго достоинства. Такое положеніе дѣла задавало немалую работу московскимъ юристамъ, такъ какъ практическаго разрѣшенія вопроса требовала сама жизнь. Какъ было, напримѣръ, рѣшить споръ о томъ, чье мѣсто выше—боярина ли, посланнаго для встрѣчи иноземнаго посла отъ имени великаго государя царя, или боярина отъ великаго государя патріарха? Рѣшеніе было таково: „Каковъ онъ, государь, таковъ и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно". Значитъ, оба государя не только одинаковы, какъ носители власти, но и нераздѣльны, когда ихъ все-таки двое! Все это темно, запутано и, конечно, не рѣшало вопроса существованія при великомъ государѣ царѣ другого великаго государя, который „таковъ же", какъ и самодержецъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ раздвоеніе власти повторилось, когда патріархъ Никонъ также титуловался великимъ государемъ и развивалъ свою мысль о преимуществѣ своей духовной власти передъ свѣтской властью царя. Наконецъ раздвоеніе самодержавной власти наиболѣе рѣзко обозначилось послѣ смерти царя Ѳедора Алексѣевича, когда на московскій престолъ выбрали двухъ царей—Ивана и Петра, управляло же государствомъ третье лицо—царевна Софья съ титуломъ самодержицы. Когда венеціанцы осторожно спросили русскаго посланника Волкова, какъ же это служатъ ихъ царскимъ величествамъ подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ персонамъ государскимъ?—то Волковъ отвѣтилъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣнія исполняютъ.

Для человѣка XVII вѣка слово „самодержавіе" продолжало обозначать внѣшнюю независимость государя и страны, и только намеками у отдѣльныхъ лицъ проскальзываетъ мысль о соединеніи съ „самодержавіемъ" полноты правъ верховной власти и самостоятельности государя во внутреннихъ отношеніяхъ. Если Котошихинъ и замѣчаетъ о царѣ Михаилѣ, что онъ, „хоть самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего", какъ бы придавая слову „самодержавіе" значеніе неограниченнаго проявленія власти, то протопопъ Аввакумъ знаетъ это слово только въ его исконномъ значеніи: „У насъ Божіею милостью самодержство, къ намъ пріѣзжайте учиться православію, вы, данники турецкаго султана",—такъ кололъ онъ глаза греческому духовенству, ставя грекамъ тѣхъ временъ на видъ ихъ зависимость отъ турецкаго султана и подчеркивая словомъ „самодержство" независимость Москвы.

„Самодержавіе“ въ его новомъ смыслѣ абсолютной власти воплощается въ русской жизни лишь въ XVIII вѣкѣ, въ лицѣ Петра Великаго.

Имя государево стояло необыкновенно высоко въ сознаніи русскихъ людей XV—XVII вв. Власть и воля государя надъ каждымъ изъ подданныхъ признавалась неограниченной, и извѣстное противодѣйствіе царской волѣ создавалось только тогда, когда носитель царской власти „нарушалъ“ обычаи. На этой

Царская „комната“ въ кремлевскихъ теремахъ въ Москвѣ.

почвѣ возникло первое неудовольствіе въ народѣ Лжедимитріемъ; во времена царя Алексѣя и послѣ него на сходныхъ основаніяхъ возникло такъ называемое раскольничье движеніе.

Иностранцы дивились благоговѣйной покорности, съ которой подданные московскаго государя относились къ его повелѣніямъ. Иностранцамъ русскіе люди тѣхъ временъ говорили, что воля государева—воля Божья, и государь—исполнитель Божіей воли. Когда иностранцы спрашивали московскихъ людей о какомъ-нибудь дѣлѣ, касающемся государя, войны, мира и т. п., то получали затверженный отвѣтъ: „про то знаетъ Богъ да великій государь“, или: „одинъ великій государь знаетъ все“; „что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, успѣхи въ нашихъ предпріятіяхъ, здоровье,—все это имѣемъ мы по милости государя“; по словамъ

иностранцевъ, никто въ Московскомъ государствѣ не считалъ себя полнымъ хозяиномъ своего имущества, но всѣ смотрѣли на себя и на все свое, какъ на полную собственность государя. Если среди бесѣды упоминалось имя государя и кто-нибудь изъ присутствующихъ не снималъ при этомъ шапки, ему тотчасъ же напоминали эту обязанность. Въ день именинъ царя никто не работалъ. Въ челобитныхъ царю всѣ писались уменьшительными именами, знатнѣйшіе бояре называли себя холопами, всѣ прочіе—сиротами и рабами.

Самое жилище государя, его дворецъ, отражало на себѣ величіе царскаго имени. „Честь государева двора“ охранялась съ благоговѣйной строгостью. Не только къ крыльцу царскаго дворца, но даже ко двору нельзя было подъѣхать. Одни лишь высшіе сановники—бояре, окольничіе, думные и ближніе люди имѣли право сходить съ лошадей въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ дворца. Люди младшихъ чиновъ сходили съ лошадей далеко отъ дворца, возлѣ Ивановской колокольни, и во дворецъ шли пѣшкомъ, несмотря ни на какую погоду. Наконецъ люди нечиновные, всякіе подьячіе, купцы, посадскіе люди, не смѣли въѣзжать въ самый Кремль и должны были входить пѣшкомъ. У тогдашнихъ людей было въ обычаѣ еще издали, завидя царское жилище, снимать шапку, „воздаючи честь“ государеву дому. Безъ шапки русскій человѣкъ тѣхъ временъ и подходилъ ко дворцу и проходилъ мимо его. Свободно входить во дворецъ могли только служилые и дворовые, т.-е. придворные чины, но и для нихъ были установлены границы, строго опредѣленныя для каждаго чина.

Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди могли входить даже на „верхъ“, т.-е. въ жилые покои государя. Здѣсь, по обыкновенію, они собирались всякій день въ „передней“ и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ покоевъ. Ближніе бояре, „уждавъ время“, входили даже въ „комнату“, т.-е. въ кабинетъ государя. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельномъ крыльцѣ: это было единственное мѣсто во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время. Здѣсь они стояли и дожидались, не потребуется ли ихъ служба государю. Въ лютые морозы и лѣтній зной простаивали они тутъ часами, забѣгая ненадолго согрѣться или отдохнуть въ одну изъ ближнихъ къ крыльцу палатъ, да и тутъ для каждаго чина была назначена особая палата. Людямъ совсѣмъ низшихъ чиновъ не разрѣшалось быть даже и на Постельномъ крыльцѣ. Вообще дозволеніе входить въ ту или иную палату дворца считалось знакомъ особой милости, о которой бьютъ государю челомъ.

Величественность и пышность царскаго дворца выказывались съ особымъ блескомъ въ дни торжественныхъ празднованій и пріема иностранныхъ пословъ. Въ такіе дни дворецъ сіялъ и горѣлъ золотомъ парадныхъ кафтановъ и украшеній, пестротой цвѣтныхъ одеждъ, блескомъ оружія царской стражи, одѣтой въ

особые пышные кафтаны. Зрѣлище встрѣчи посла производило большое впечатлѣніе своей изысканной церемонностью, созданной съ одной цѣлью—хранить и высоко нести честь имени государева.

Еще далеко отъ столицы, съ первыхъ шаговъ на почвѣ Московскаго государства, посолъ начиналъ чувствовать вокругъ себя, на людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, могущественное обаяніе царской власти: всѣ разговоры, поступки, дѣйствія окружавшихъ посла лицъ сводились къ одному—беречь честь имени государева.

Опочивальная комната въ кремлевскихъ теремахъ въ Москвѣ.

Подъѣзжая къ московскимъ предѣламъ съ запада, посолъ отправлялъ въ ближайшій московскій городъ извѣстить о себѣ намѣстника или воеводу. Посолъ объявлялъ, какого онъ званія, какъ велика его свита и какимъ онъ облеченъ достоинствомъ. Намѣстникъ, получивъ извѣщеніе посла, тотчасъ же посылалъ извѣстіе о посольствѣ въ Москву, къ государю, а навстрѣчу послу отправлялъ болѣе или менѣе значительнаго человѣка съ приличной свитой, смотря по званію посла и важности того государя, отъ котораго онъ шелъ. Этотъ посланный, въ свою очередь, посылалъ съ дороги кого-нибудь изъ своей свиты объявить послу, что навстрѣчу ему идетъ „большой“ человѣкъ, который ждетъ посла на такомъ-то мѣстѣ. Тамъ „большой“

человѣкъ встрѣчалъ посла, стоя со свитой посреди дороги, и ни на шагъ не сторонился, такъ что послы при проѣздѣ мимо него должны были сворачивать съ дороги. Зимой, когда такой проѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги расчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу.

Сошедшись, обѣ стороны, прежде чѣмъ начать привѣтствія, сходили съ лошадей или изъ экипажей. Посла просили сдѣлать это ранѣе, и отговориться отъ этой церемоніи было невозможно, потому что, какъ объясняли встрѣчавшіе, ни говорить ни слушать

Видъ Посольскаго двора въ Китай-городѣ въ Москвѣ.
Съ рисунка Мейерберга, XVII в.

что говорятъ отъ имени государя, нельзя иначе, какъ стоя. При этомъ, оберегая честь своего государя, московскій „большой" человѣкъ тщательно наблюдалъ, чтобы не сойти съ лошади первымъ. Изъ-за этого возникали иногда большія недоразумѣнія и споры съ посломъ. Когда всѣ спѣшивались, „большой" человѣкъ подходилъ къ послу съ открытой головой и въ длинной рѣчи извѣщалъ его, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли онъ ѣхалъ. Гдѣ случалось въ этой рѣчи упоминать имя царя, „большой" человѣкъ произносилъ его титулъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ княжествъ. Затѣмъ „большой" человѣкъ протягивалъ послу руку и, дождавшись, когда тотъ

обнажить голову, спрашивалъ его уже отъ себя, благополучно ли посолъ доѣхалъ.

Затѣмъ, сѣвъ на лошадей или въ экипажи, посолъ со свитой объѣзжали „большого“ человѣка, стоявшаго на дорогѣ. Пока мимо него проѣзжала многочисленная свита посла, „большой“ человѣкъ справлялся объ имени каждаго человѣка изъ свиты, его занятіи, мѣстѣ родины, именахъ его родителей и т. д.,—все это подробно записывалось и тотчасъ же, при особомъ донесеніи, отправлялось въ Москву. Поѣздъ посла длинной узкой лентой вытягивался по дорогѣ. За посломъ и его свитой, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, ѣхалъ самъ „большой“ человѣкъ со своими спутниками и во всѣ глаза смотрѣлъ, чтобы никто изъ иностранцевъ не отставалъ отъ своихъ, чтобы никто изъ встрѣчныхъ не смѣлъ приближаться къ посольскому поѣзду.

Видъ Посольскаго двора въ Китай-городѣ въ Москвѣ. Съ рисунка Мейерберга, XVII в.

Ѣхало посольство обыкновенно очень медленно, ожидая отвѣта и распоряженій изъ Москвы. Медленность эта иногда выводила иностранцевъ изъ терпѣнія, и они начинали крупныя объясненія съ „большимъ“ человѣкомъ вплоть до угрозъ разбить ему голову, но тотъ отмалчивался, обѣщалъ ускорить, но ничего не дѣлалъ. Бывали случаи, что послу приходилось на пути отъ границы до перваго большого города, иногда всего на разстояніи 20 верстъ, заночевывать въ пути дня по два, по три.

Въ первомъ большомъ пограничномъ городѣ, въ Смоленскѣ или Новгородѣ, смотря по пути, который выбрало посольство, посла встрѣчали пристава изъ Москвы; они и провожали посольство до столицы. Съѣстные припасы доставлялись для

посольства вмѣстѣ съ приставами изъ Москвы и слѣдовали за посольствомъ. Это была не лишняя предосторожность даже и помимо заботъ о гостепріимствѣ: дорога проходила по странѣ настолько пустынной, что достать съѣстной запасъ на мѣстахъ остановокъ было иногда невозможно, къ тому же и останавливаться приходилось часто среди поля.

Въ полумилѣ отъ Москвы послу объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ ждутъ его важные люди отъ самого государя, что предъ ними всѣмъ нужно сойти съ лошадей или вылѣзти изъ экипажа. Московскіе придворные, выѣхавшіе навстрѣчу послу, старались болѣе всего повести дѣло такъ, чтобы посолъ первый обнажилъ голову, первый вышелъ изъ экипажа: это значило оберегать честь государя. Послы, особенно польскіе, знавшіе, какое значеніе придавали въ Москвѣ этимъ церемоніямъ, принимали подобныя же мѣры со своей стороны по отношенію къ встрѣчавшимъ, и оттого при встрѣчахъ происходили безконечныя, часто шумныя ссоры.

Окончивъ церемонныя привѣтствія, обѣ стороны садились на лошадей или въ экипажи, причемъ вся ловкость московскихъ придворныхъ устремлялась на то, чтобы прежде посла надѣть шапку, первымъ вскочить на лошадь. Иногда, чтобы вѣрнѣе успѣть въ этомъ, прибѣгали къ хитростямъ—подавали, напримѣръ, послу очень горячую лошадь, такъ что онъ не сразу успѣвалъ сѣсть на коня.

Наконецъ все было готово, и начинался торжественный въѣздъ посла въ Москву. Посольство выступало въ сопровожденіи многочисленнаго московскаго почетнаго конвоя. По мѣрѣ приближенія къ городу его встрѣчали одинъ за другимъ отряды всадниковъ въ богатыхъ одеждахъ разныхъ цвѣтовъ; они выстраивались по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой двигалось посольство. Послѣдній отрядъ, встрѣчавшій посольство у въѣзда въ городъ, былъ самый великолѣпный: это были „жильцы"—отрядъ избранныхъ служилыхъ людей, тѣлохранителей государя, на бѣлыхъ лошадяхъ, одѣтые всѣ въ красные кафтаны съ особымъ украшеніемъ, въ родѣ серебристыхъ крыльевъ, на спинѣ. Здѣсь же встрѣчали посольство сановные бояре. Чтобы обѣ стороны могли прибыть сюда одновременно, предъ посольствомъ взадъ и впередъ скакали гонцы съ приказами то ускорить шествіе, то замедлить, даже остановить. Посольскій поѣздъ двигался поэтому очень медленно: въ 1664 г. англійское посольство, вступая въ Москву, трехверстное разстояніе должно было ѣхать около восьми часовъ. При встрѣчѣ съ боярами повторялись тѣ же церемоніи, что и при встрѣчѣ съ придворными чинами, а затѣмъ посолъ вмѣстѣ съ боярами перемѣщался въ экипажъ — богатую раззолоченную карету, высланную изъ дворца.

При въѣздѣ въ городъ посольская и московская музыка, не прерывавшаяся съ начала шествія, начинала играть громче. По обѣ стороны улицъ, по которымъ двигалось шествіе, стояли ря-

дами стрѣльцы въ парадныхъ кафтанахъ. За стрѣльцами толпился народъ, во множествѣ высыпавшій изъ домовъ; кровли домовъ, колокольни, заборы,—все было усѣяно любопытными. Народу даже приказывали быть при встрѣчѣ и непремѣнно въ праздничныхъ нарядахъ, чтобы поразить иностранцевъ многолюдствомъ населенія и зажиточностью московскихъ людей. Въ городѣ запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка, ремесленники должны были бросать свои занятія, — все шло на улицу любоваться пышнымъ шествіемъ, а пословъ удивлять собой, своимъ скопищемъ и пестротой.

Конный жилецъ (конца XVII вѣка).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для житья иноземнымъ посламъ былъ построенъ особый домъ съ обширнымъ дворомъ и пристройками, вмѣщавшими въ себѣ до 1500 человѣкъ.

Во все время пребыванія пословъ въ Москвѣ ихъ окружали самымъ бдительнымъ надзоромъ. При дверяхъ посольскаго дома ставились караульщики. Выходить со двора иностранцамъ разрѣшалось лишь въ особыхъ случаяхъ, да и то не иначе, какъ въ сопровожденіи караульщиковъ. Точно такъ же никому нельзя было, не навлекая на себя подозрѣнія, приходить къ послу и говорить съ нимъ. Письма, присылавшіяся изъ-за границы посламъ въ Москву, вскрывались, прочитывались и уничтожались. Немудрено, что всѣ иностранцы, ѣздившіе въ Москву послами, жаловались на дурное обращеніе съ ними, на стѣсненія, которымъ они подвергались, на подозрительное обращеніе съ ними, приличное болѣе въ отношеніи къ плѣнникамъ, а не къ посламъ, представителямъ дружественнаго государства.

Къ концу XVII вѣка эти мѣры предосторожности были, впрочемъ, значительно ослаблены, и послѣ первой аудіенціи у государя послы могли ходить всюду даже безъ провожатыхъ.

Въ первые дни по прибытіи посольства въ Москву, пока наводились разныя справки и шли разсужденія о пріемѣ пословъ у государя, послы отдыхали. Иногда этотъ отдыхъ затягивался, и тогда посолъ настойчиво просилъ ускорить день пріема у государя. Послѣ многихъ проволочекъ послу наконецъ объявляли рѣшительный срокъ. Наканунѣ назначеннаго дня пристава нѣсколько разъ приходили къ послу освѣдомляться, готовъ ли онъ предстать предъ свѣтлыя очи государевы, и внушали ему, какое это „великое дѣло“.

Жилецъ на стражѣ у ставки (XVII вѣка).

Утромъ на другой день тѣ же пристава являлись къ послу. Въ сѣняхъ посольскаго дома они надѣвали принесенные съ собой богатые парчевые кафтаны, которые выдавались имъ на этотъ случай изъ казны, входили къ послу и объявляли, что ѣдутъ бояре, которые введутъ посла къ государю. Послу внушалось, что онъ долженъ встрѣтить государевыхъ бояръ на крыльцѣ. Бояре, подъѣхавъ къ посольскому дому, сходили съ коней, но не входили въ домъ, а ждали выхода посла, стараясь сдѣлать такъ, чтобы посолъ дальше вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Сѣвъ на коней или въ экипажи, присланные отъ царя, посолъ съ боярами отправлялся въ Кремль черезъ Спасскія ворота. Шествіе, какъ и при въѣздѣ въ Москву, двигалось между рядами стрѣльцовъ, выстраивавшихся по обѣ стороны улицы. Шли медленно, постоянно пересылаясь съ дворцомъ: по московскому церемоніалу посла ввести во дворецъ надо было именно въ ту минуту, когда царь садился на престолъ. Толпы народа попрежнему наполняли

улицы и площади на пути шествія. Въ Кремлѣ поѣздъ посла встрѣчали служилые люди разныхъ чиновъ, одѣтые въ богатые кафтаны, тоже выданные изъ казны, и сопровождали шествіе до дворца.

Далеко не доѣзжая до крыльца, всѣ сходили съ коней, вылѣзали изъ экипажей и шли пѣшкомъ. Подлѣ крыльца у пословъ и у людей ихъ свиты отбирали оружіе, съ которымъ никто не смѣлъ являться передъ государемъ.

Переднія палаты, которыя проходилъ посолъ, были наполнены князьями, боярами, важнѣйшими придворными людьми, разодѣтыми въ богатѣйшіе кафтаны; на головахъ у всѣхъ находившихся здѣсь сановниковъ красовались высокія шапки, такъ называемыя горлатныя, „похожія на башни“, по выраженію одного посла, и вошедшія въ моду около половины XVII в.

Рынды.

При входѣ посла въ палату, гдѣ находился самъ царь, бояре, сидѣвшіе по лавкамъ въ горлатныхъ шапкахъ, вставали и снимали ихъ. Государь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, на престолѣ, по правую сторону котораго на стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя, а надъ головой образъ Божіей Матери. Престолъ помѣщался въ углу, между двумя окнами. По правую сторону, на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра, находилась держава изъ массивнаго золота. По обѣимъ сторонамъ около престола стояли четыре рынды — тѣлохранители, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ серебряными топорами на плечахъ. Государь сидѣлъ на тронѣ въ полномъ царскомъ облаченіи. Возлѣ трона на скамьѣ стояла вызолоченная лахань съ рукомойникомъ, покрытымъ полотенцемъ. Эта лахань непріятно поражала и

раздражала пословъ, такъ какъ они знали, что въ ней государь моетъ руки послѣ цѣлованія у него послами руки.

Какъ только посолъ входилъ въ пріемную палату, думный дьякъ или одинъ изъ первостепенныхъ бояръ докладывалъ о немъ государю. Ставъ противъ престола, посолъ передавалъ письмо и грамоту отъ своего государя, при имени котораго царь вставалъ и спускался съ верхней ступени престола.

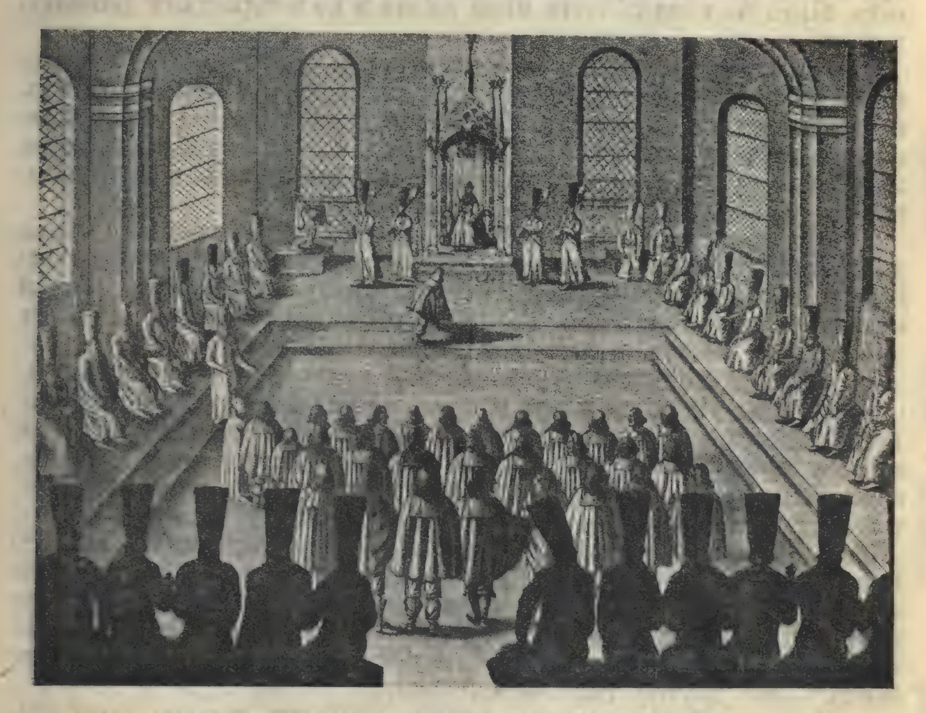

Пріемъ иноземнаго посланника царемъ всея Руси.
Съ нѣмецкой гравюры XVII в.

Когда оканчивались первыя привѣтствія, царь освѣдомлялся о здравіи своего брата-государя, приславшаго къ нему посла, и, пока посолъ отвѣчалъ, садился на прежнее мѣсто. Потомъ, по приглашенію дьяка, посолъ подходилъ къ престолу и цѣловалъ руку государя, а царь спрашивалъ посла, благополучно ли онъ доѣхалъ. Затѣмъ, поклонившись сперва царю, а потомъ на обѣ стороны князьямъ и боярамъ, посолъ, по приглашенію дьяка, садился на скамью, которую ставили противъ государя. Межъ тѣмъ къ рукѣ государя подходили одинъ за другимъ лица свиты посла, а затѣмъ думный дьякъ подносилъ царю подарки, которые привезъ посолъ.

Послѣ этого посла отводили въ другую палату, гдѣ онъ обсуждалъ съ думными людьми дѣла, касавшіяся его посольства.

Пока посолъ разсуждалъ съ боярами, во дворцѣ готовили обѣдъ. При входѣ посла въ столовую палату всѣ приглашенные, сидѣвшіе по своимъ мѣстамъ, вставали и отвѣшивали послу низкій поклонъ; посолъ тоже отвѣчалъ поклономъ и садился на мѣсто, указанное ему государемъ. Парадный обѣдъ продолжался очень долго и проходилъ чрезвычайно церемонно. Въ концѣ обѣда царь вставалъ и, взявъ кубокъ вина, выпивалъ его за здо-

Пріемъ посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія.

ровье государя, приславшаго посла. Здравицы самого царя пили все время обѣда, сопровождая возглашеніе ихъ поклонами.

Такъ церемонно принималъ московскій государь приходившихъ къ нему пословъ отъ различныхъ европейскихъ государей. Пріемъ посламъ татарскимъ былъ гораздо проще: меньше дѣлали приготовленій для пріема этихъ пословъ, а отъ нихъ требовали больше знаковъ уваженія и почтенія. Отъ посла крымскаго хана требовалось, чтобы онъ, благодаря за привѣтствіе царя, выражавшееся въ вопросѣ, хорошо ли посолъ ѣхалъ, становился на колѣни и снималъ колпакъ. Къ царскому обѣду тоже приглашали далеко не всякаго крымскаго посла: бывали вѣдь

изъ Крыма такіе послы, которые только за тѣмъ и пріѣзжали, чтобы получить царскіе подарки—золотые и серебряные сосуды и богатыя шубы. Такіе послы-промышленники обыкновенно не возвращали посуду, въ которой имъ приносили на подворье кушанье съ царскаго стола. Чтобы не убыточиться очень на такихъ невѣждъ, московскіе гофмаршалы заказали въ Англіи много мѣдной и латунной посуды, сдѣланной такъ, какъ было принято дѣлать золотую и серебряную, и посылали кушанье разнымъ крымскимъ и персидскимъ дипломатамъ въ этой посудѣ: убытокъ былъ не великъ, если иной азіатъ и не возвращалъ дешевую утварь.

Такъ свысока обращалось московское правительство съ восточными послами, но своимъ посламъ требовало отъ восточныхъ владыкъ особаго уваженія. Крымскій ханъ долженъ былъ принимать московскихъ пословъ такъ, какъ онъ принималъ пословъ турецкаго султана, которому считался данникомъ и подручникомъ.

Въ сношеніяхъ съ иностранцами тогдашніе русскіе люди даже самыхъ мелкихъ чиновъ строго берегли честь государева имени. Разсказываютъ такой случай. Былъ въ Москвѣ обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе, посылая имъ въ даръ часть добычи съ царской охоты. Пріѣхалъ разъ отъ государя къ литовскимъ посламъ царскій псарь и привезъ имъ зайцевъ. Послы угостили псаря виномъ, но ничего ему не подарили. Тогда пристава при посольствѣ спросили пословъ,—зачѣмъ они за государское жалованіе псаря ничѣмъ не подарили? Послы, извинившись незнаніемъ обычая, послали псарю четыре золотыхъ отъ себя и два отъ свиты. Посланный ихъ сказалъ псарю: „Послы тебя жалуютъ, а посольскіе дворяне челомъ бьютъ!". Псарь взялъ два золотыхъ отъ свиты, а четырехъ отъ пословъ не взялъ: ему показалось несовмѣстнымъ съ его достоинствомъ царскаго псаря, посланнаго отъ государя съ почетнымъ даромъ, принимать чье бы то ни было пожалованіе; вотъ если „челомъ бьютъ"—это другое дѣло, можно взять.

Разъ въ Даніи русскіе послы поднесли королю дары отъ своего государя. Датскій король отдарилъ. Но посламъ показалось, что королевскіе дары малоцѣннѣе тѣхъ даровъ, какіе они поднесли королю отъ имени великаго государя. Московскій посолъ, князь Семенъ Ромодановскій, нашелъ это неладнымъ и не постѣснился вернуть королевскіе дары обратно, сказавъ, что эти дары и половины не стоятъ того, что стоятъ дары царскіе, да и царь не такъ жаловалъ датскихъ пословъ, когда они были въ Москвѣ. Датскіе придворные отвѣтили капризному московскому послу, что король пожаловалъ его, посла, не въ торговлю: что у него случилось, тѣмъ и пожаловалъ. Но московскій посолъ отвѣтилъ: „Я привезъ королю дары великіе, дѣлаючи ему честь великую, чтобы и со стороны было пригоже взглянуть, а не въ торговлю, и мы въ королевскомъ жалованіи не корысти

Коронаціонная трапеза царя Михаила Өедоровича.

Царскій синклитъ. Царскій столъ. „Власти“.

Стольники, разносящіе кушанья. Стольники и чашники у поставца съ питіями. Стольники у „овощей“.

Съ калькированнаго рисунка въ лицевой рукописи „Избраніе на царство Михаила Өедоровича“.

хотимъ!". По мнѣнію посла, отдарокъ долженъ равняться подарку, а иначе меньшій отдарокъ ронялъ лицо одареннаго, т.-е. посла и пославшаго его великаго государя.

Такъ строго, чинно и порядливо хранилась въ Московской Руси честь государева имени. Придворный обиходъ былъ преисполненъ необычайными, крайне сложными и запутанными церемоніями. Каждый выходъ царя, каждое движеніе происходило по особымъ правиламъ, которымъ всѣ должны были подчиняться. Не въ этихъ церемоніяхъ, конечно, была честь государя всея Руси, тогдашніе люди этими церемоніями хотѣли только наглядно эту честь выразить, особенно передъ иноземцами, и поэтому тщательное соблюденіе церемоній ставилось въ особую государственную заслугу. Стариннаго русскаго посла, напримѣръ, никакъ нельзя было уломать отступить хоть немного отъ выработаннаго вѣками церемоніала береженія государева имени. Русскій посолъ скорѣе, бывало, откажется исполнить то дѣло, за которымъ присланъ, оборветъ всѣ переговоры и уѣдетъ домой, не отдохнувъ, рискуя потерять голову за неисполненное порученіе, но ни за что не согласится, чтобы иностранный монархъ, хотя бы даже императоръ Священной Римской имперіи, отвѣтилъ на привѣтствіе его посломъ во время торжественнаго пріема отъ имени великаго государя сидя или со шляпой на головѣ.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи", т. XIII; *В. О. Ключевскій*, „Боярская Дума въ древней Руси"; *его же*, „Курсъ русской исторіи", ч. II и III; *его же*, „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ"; *М. А. Дьяконовъ*, „Власть московскихъ государей"; *его же*, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси"; *В. И. Сергѣевичъ*, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права"; *его же*, „Русскія юридическія древности", т. II; *П. Н. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры", ч. III; *В. Савва*, „Московскіе цари и византійскіе василевсы"; *В. Малининъ*, „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія"; *В. Дружининъ и М. Дьяконовъ*, „Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ"; *В. Ѳ. Ржига*, „Сочиненія И. С. Пересвѣтова"; *П. Хрущовъ*, „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго"; *А. С. Архангельскій*, „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ"; *Н. Устряловъ*, „Сказанія князя Курбскаго"; *Е. Бѣловъ*, „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в."; *Н. Каптеревъ*, „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ"; *И. Забѣлинъ*, „Домашній бытъ русскихъ царей", и другія сочиненія.

Заставка — съ жалованной грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича; буква съ рукописи XVI в.

Святѣйшій патріархъ московскій и всея Руси.

По времени крещенія Русской земли во главѣ управленія русской церковью стоялъ митрополитъ, подвѣдомственный константинопольскому патріарху, а вся русская митрополія считалась одной изъ епархій константинопольскаго патріархата. По церковнымъ правиламъ избирать митрополита должны были бы епископы той области, для которой онъ предназначался, и па-

тріарху надо было бы только утверждать его. Но въ Русской землѣ не было архіереевъ въ дни принятія ею крещенія, а потому первые іерархи на Руси были назначены константинопольскимъ патріархомъ. Эту временную необходимость патріархи обратили въ законъ. Русская митрополія, какъ новая, стояла въ патріаршемъ спискѣ на 61 мѣстѣ, и на соборѣ въ Константинополѣ русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто. При назначеніи русскихъ митрополитовъ патріархи обязывали ихъ твердо сохранять правила, принятыя византійской церковью, и не допускать въ своей митрополіи никакихъ нововведеній. Митрополиты, въ свою очередь, обязывали къ тому же поставляемыхъ ими архіереевъ. Въ Константинополѣ старались предупреждать всякія попытки къ избранію митрополита на Русь изъ русскихъ и всегда спѣшили при первой вѣсти о кончинѣ русскаго митрополита назначить грека, хорошо извѣстнаго патріарху.

Первый митрополитъ изъ русскихъ, поставленный независимо отъ патріарха, былъ Иларіонъ. Это произошло при великомъ князѣ Ярославѣ во время его войны съ греками. Потомъ уже, когда былъ заключенъ миръ, у патріарха было испрошено утвержденіе Иларіона въ санѣ. Великіе князья, чувствовавшіе себя особенно сильными, требовали у патріарха, чтобы онъ назначалъ митрополита не иначе, какъ снесясь съ великимъ княземъ. Но извѣстно, какія смуты господствовали среди князей кіевскихъ временъ и какъ часто великое княженіе переходило отъ одного къ другому иногда съ нарушеніемъ всякихъ правъ. Поэтому притязанія великихъ князей кіевскихъ временъ на вліяніе въ дѣлѣ избранія митрополитовъ были рѣдки и случайны. Но они становятся болѣе часты, когда, съ перенесеніемъ средоточія русской жизни съ кіевскаго юга на суздальскій сѣверъ, измѣнился самый характеръ княжеской власти и въ то же время южная Россія частью вошла въ составъ Литовскаго великаго княжества, частью попала въ руки Польши. Русскій митрополитъ переселился на сѣверъ, сначала въ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, а потомъ въ Москву, къ сильнѣйшему изъ всѣхъ удѣльныхъ князей, великому князю московскому. Съ этого времени литовскіе великіе князья начинаютъ хлопотать въ Константинополѣ объ отдѣльномъ митрополитѣ для своихъ русскихъ областей, считая, что живущій въ Москвѣ русскій митрополитъ черезъ подчиненное ему духовенство можетъ оказывать вліяніе на подданныхъ литовскаго великаго князя, а при постоянной борьбѣ Москвы съ Литвой это вліяніе могло быть очень не на руку литовскому государю.

Въ Константинополѣ сначала отказывали въ этомъ, а потомъ, подъ давленіемъ угрозъ со стороны литовскаго правительства, начавшаго переговоры съ Римомъ, греки уступили. Тогда и являются особые митрополиты въ Галиціи съ 1303 г. и въ Литвѣ съ 1316 г. Въ 1370 годахъ митрополитами были Алексѣй въ Москвѣ, Кипріанъ въ Литвѣ и Антоній въ Галиціи,

принадлежавшей тогда Польшѣ. Но греки, считая, что черезъ одного человѣка легче влiять на дѣла русской церкви, пользуются всякой возможностью, чтобы возстановить единство русской митрополiи. Въ 1408 г. великiй князь литовскiй Витовтъ настаивалъ на посвященiи отдѣльнаго митрополита въ Литву и указывалъ на греческаго епископа Өеодосiя, какъ на желательное для него лицо. Но въ Константинополѣ посвятили въ митрополиты для всей Руси Фотiя, тоже грека. Митрополитъ Фотiй сталъ жить въ Москвѣ. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Витовтъ принялся хлопотать, чтобы митрополитомъ въ Литву былъ назначенъ Григорiй Цамблакъ, но патрiархъ отказался исполнить просьбу Витовта. Тогда Витовтъ заставилъ русскихъ епископовъ Литвы избрать митрополитомъ Григорiя безъ всякаго сношенiя съ патрiархомъ. Московскiй и всея Руси митрополитъ отлучилъ тогда Григорiя и избравшихъ его архiереевъ отъ церкви и запретилъ имѣть съ ними какое бы то ни было общенiе, даже въ пищѣ. Въ своихъ посланiяхъ митрополитъ Фотiй проводилъ неуклонно одну мысль: единственный источникъ истинной вѣры есть константинопольская церковь, изливающая свѣтъ вѣры на Русь черезъ одного митрополита, которому обязаны повиноваться князья, епископы, духовенство и народъ.

Но вотъ, въ поискахъ защиты отъ турокъ, все болѣе и болѣе тѣснившихъ Византiю, греческое правительство и духовенство начала XV вѣка вошли въ тѣсное сношенiе съ Римомъ и возбудили вопросъ о соединенiи церквей восточной и западной. Въ 1439 году въ городѣ Флоренцiи былъ созванъ соборъ, которому и было поставлено задачей установить соединенiе церквей. Только-что назначенный изъ Константинополя русскiй митрополитъ Исидоръ, побывъ немного въ Москвѣ, началъ собираться во Флоренцiю къ тѣмъ самымъ „нечестивымъ латинянамъ“, пребыванiе и всякое общенiе съ которыми сами греки учили русскихъ считать грѣхомъ. Исидоръ на соборѣ подписалъ соглашенiе о соединенiи церквей. Съ этимъ онъ вернулся въ Москву, но его здѣсь встрѣтили сурово, и Исидоръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ.

Этотъ случай послужилъ предлогомъ для московскаго правительства порвать всякую зависимость русскаго духовенства отъ Константинополя. Патрiархи, раздѣлявшiе флорентiйское соглашенiе, не были признаны въ Москвѣ. По повелѣнiю великаго князя, соборъ великорусскихъ iерарховъ избралъ въ митрополиты всея Руси рязанскаго епископа Iону. Патрiарху было сообщено объ этомъ особой грамотой, гдѣ говорилось, что избранiе совершилось „не изъ дерзости или гордости, а по нуждѣ“, испрашивалось патрiаршее благословенiе новому митрополиту, но настоятельно давалось понять патрiарху, что въ Москвѣ намѣрены и впредь поступать въ вопросѣ избранiя митрополитовъ такъ же. Видя настойчивость и рѣшимость московскаго правительства, патрiархъ, послѣ нѣкоторыхъ колебанiй, пошелъ

на уступки и въ 1448 г. далъ русскимъ епископамъ право поставлять митрополита изъ своей среды и призналъ его первымъ послѣ патріарховъ.

Одновременно съ избраніемъ великорусскими архіереями въ митрополиты св. Іоны, въ Литвѣ утвердился митрополитомъ нѣкто Григорій Болгаринъ, поставленный патріархомъ, признававшимъ флорентійское соглашеніе. Впослѣдствіи митрополитъ Григорій отрекся отъ этого соглашенія и открылъ собою непрерывный рядъ митрополитовъ южно-русскихъ, имѣвшихъ каѳедру въ Кіевѣ.

Взятіе Константинополя турками (1453 г.) произвело сильное впечатлѣніе на Руси. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи о паденіи „богохранимаго града“ причиной этого бѣдственнаго несчастія назвалъ то, что греки не соблюдали благочестія, и за это Господь покаралъ ихъ. Москва, которая въ это время заканчивала объединеніе въ своихъ предѣлахъ всей Великороссіи, оказалась единственнымъ на свѣтѣ независимымъ православнымъ царствомъ, да еще побѣдившимъ мусульманъ, свергнувшимъ татарское иго, въ то время какъ мусульмане-турки овладѣли православной Византіей. Московскій великій князь сдѣлался какъ бы наслѣдникомъ власти и значенія византійскихъ императоровъ, охранителемъ и защитникомъ православія. Со времени Ивана Грознаго государи всея Руси стали называться царями, какъ до того звали на Руси только византійскихъ императоровъ. Москву русскіе книжники тѣхъ временъ величали „третьимъ Римомъ“. Конечно, вмѣстѣ съ такимъ возвышеніемъ Москвы возросло и значеніе русской церкви, ея духовенства и митрополита. Стало казаться неудобнымъ, что митрополитъ всея Руси, хотя и по имени только, но все-таки подчиненъ константинопольскому патріарху, подданному турецкаго султана.

Въ Москвѣ стали хлопотать объ учрежденіи своего патріаршества. Богомольный наслѣдникъ Грознаго, царь Ѳедоръ Ивановичъ особенно заботился объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Въ 1586 г. пріѣхалъ въ Москву за милостыней антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Бесѣдуя съ нимъ, царь Ѳедоръ Ивановичъ и высказалъ свое желаніе, чтобы на Руси быть патріарху, и просилъ патріарха Іоакима, чтобы онъ о томъ великомъ дѣлѣ посовѣтовался съ другими патріархами, „а помысля бы о томъ намъ объявили, какъ тому дѣлу пригоже состоятися“. Патріархъ Іоакимъ одобрилъ мысль царя и обѣщалъ поговорить объ этомъ дѣлѣ со всѣми другими патріархами.

Русскій митрополитъ Діонисій, при торжественной встрѣчѣ патріарха въ Успенскомъ соборѣ, первый благословилъ его, не дожидаясь патріаршаго благословенія. Патріархъ, по разсказу современной записи, сталъ-было говорить митрополиту, что не слѣдовало бы ему первому благословлять патріарха, „да и замолчалъ“.

Прошло два года безъ всякихъ вѣстей съ Востока объ этомъ

дѣлѣ. Какъ вдругъ прискакалъ въ Москву съ юга гонецъ съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что самъ вселенскій константинопольскій патріархъ Іеремія прибылъ въ русскіе предѣлы и проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву. Въ Москвѣ думали, что патріархъ везетъ отвѣтъ на вопросъ о патріаршествѣ. Но эти ожиданія не оправдались. Іеремія ѣхалъ въ Москву за милостыней и не имѣлъ никакихъ письменныхъ или устныхъ полномочій отъ другихъ патріарховъ на учрежденіе патріаршества въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, въ Москвѣ рѣшили воспользоваться случаемъ и двинуть дѣло впередъ. Вести переговоры съ патріархомъ взяли на себя такіе ловкіе и опытные дѣльцы и дипломаты, какъ царскій шуринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и думный дьякъ Андрей Щелкаловъ.

Патріарху отвели роскошное помѣщеніе, ублажали его и чествовали, но окружили его для почета русскими изъ тѣхъ, которые были „покрѣпчае", наказали имъ никого не пускать къ патріарху и вести съ нимъ разговоры объ учрежденіи патріаршества на Руси. Мимоходомъ, будто только отъ себя, приставленныя къ патріарху лица стали говорить ему: какъ бы онъ поставилъ имъ патріарха? Іеремія сначала и слышать о томъ не хотѣлъ, а затѣмъ отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ на вопросъ: а что, если бы самъ онъ остался въ Москвѣ? Потомъ эта мысль понравилась Іеремiи, и онъ сказалъ, что, пожалуй, готовъ остаться въ Москвѣ.

Такой исходъ дѣла рѣшалъ вопросъ о патріаршествѣ. Тогда Русское царство сразу „просіяло бы всѣми добротами", совмѣстило бы въ себѣ все значеніе павшаго второго Рима: былъ бы тогда въ Москвѣ не только единый во всей вселенной православный царь, но и старѣйшій представитель и начальный глава всей іерархіи православной церкви — вселенскій патріархъ константинопольскій. Тогда Москва безусловно заняла бы мѣсто павшей Византіи, стала бы, дѣйствительно, третьимъ Римомъ.

Но русскому правительству вовсе не было желательно оставить у себя патріархомъ Іеремію, во-первыхъ, потому, что онъ, пожалуй, продолжалъ бы именовать себя попрежнему, т.-е. патріархомъ цареградскимъ, а не московскимъ; а во-вторыхъ, и это самое главное, у благочестивыхъ русскихъ людей возникъ вопросъ: можно ли грека поставить управителемъ русской церкви? Тогда на Руси было твердо и непоколебимо мнѣніе, что греки утеряли истинное благочестіе, и за это погибло ихъ царство. Русскіе видѣли, что греки иначе крестятся, троятъ аллилуію, расходятся съ русскими и въ другихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, что они въ своей жизни не особенно строго соблюдаютъ разныя церковныя правила и предписанія, и что вообще въ нихъ очень мало истиннаго, настоящаго благочестія, какъ его понимали тогдашніе русскіе. Все это черезъ сто лѣтъ, при патріархѣ Никонѣ, было признано слѣдствіемъ русскаго невѣжества, но пока всѣ русскіе на церковныя особенности грековъ

смотрѣли какъ на отступленія, какъ на введенныя греками новшества, за которыя они и понесли наказаніе, попавъ въ руки турокъ. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, въ Москвѣ порѣшили, что пускать патріарха Іеремію въ Москву никакъ нельзя, и предложили ему жить во Владимирѣ на Клязьмѣ, а въ Москвѣ чтобы былъ попрежнему митрополитъ Іовъ. Но на это не согласился патріархъ Іеремія. Онъ хотѣлъ жить непремѣнно въ Москвѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ носилъ бы только санъ патріарха, а дѣйствительнымъ управителемъ церковью оставался бы митрополитъ Іовъ. Таковъ и былъ, вѣроятно, расчетъ русскаго правительства: по кончинѣ Іереміи на патріаршество былъ бы избранъ русскій, и, конечно, его перевели бы въ Москву.

Царь нѣсколько разъ посылалъ уговаривать патріарха Іеремію принять патріаршество съ каѳедрой во Владимирѣ, но Іеремія не соглашался. Тогда 13 января 1589 г. бояринъ Борисъ Годуновъ и думный дьякъ Андрей Щелкаловъ отправились, по повелѣнію государя, на подворье къ патріарху и сказали ему: „Посылалъ къ тебѣ государь нашъ, чтобы ты остался на патріаршествѣ владимирскомъ и всея Руси, но ты на то не произволилъ. И помыслилъ государь со своей благовѣрною царицей, поговорилъ съ нашими боярами и велѣлъ посовѣтоваться съ тобою о томъ, чтобы тебѣ благословить и поставить патріарха на владимирское и московское патріаршество изъ россійскаго собора, кого Господь Богъ и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы московскіе изберутъ“.

Іеремія послѣ долгаго разговора съ бояриномъ Годуновымъ согласился дать благословеніе, чтобы впредь быть патріаршеству всея Руси, а патріарху всея Руси „поставляться въ Россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ по чину патріаршескому, а его бы, Іеремію, отпустилъ бы государь въ Царьградъ“.

На 17-е января собралось все высшее духовенство русской церкви и приговорило, какъ быть великому дѣлу избранія, нареченія и посвященія патріарха всея Руси. 23-го января государю отъ собравшагося въ Успенскомъ соборѣ высшаго духовенства былъ представленъ списокъ тѣхъ, кого духовенство считало достойными высокаго сана. Выборъ государя остановился на Іовѣ, митрополитѣ московскомъ. 26 января совершилось торжественное посвященіе въ санъ новаго патріарха московскаго и всея Руси.

Передъ отъѣздомъ патріарха Іереміи ему была предложена для подписи особая уложенная грамота объ учрежденіи на Руси патріаршества, писанная на пергаментѣ золотомъ и красной краской. Въ грамотѣ была подробно изложена вся исторія возникновенія патріаршества, и въ уста патріарха Іереміи вкладывались слѣдующія рѣчи: „Поистинѣ,—говорилъ будто бы Іеремія,—въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребываетъ Духъ Святой,

и отъ Бога такая мысль тобою будетъ приведена въ дѣло... Ибо древній Римъ палъ апполинаріевою ересью, а второй Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ безбожныхъ турокъ; твое же великое Россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое единое, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной, у всѣхъ христіанъ"...

Въ Царьградъ патріархъ Іеремія былъ отпущенъ съ богатыми дарами и наказомъ прислать утвержденіе московскому патріаршеству отъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Въ маѣ 1591 года такая утвердительная грамота и пришла въ Москву. Въ ней патріархъ Іовъ признавался въ его достоинствѣ и постановлялось, чтобы и впредь быть на Руси патріархамъ; мѣсто же патріарху московскому и всея Руси опредѣлялось въ сонмѣ вселенскихъ патріарховъ, какъ самому младшему, послѣ іерусалимскаго, т.-е. пятое. Первое мѣсто принадлежало константинопольскому патріарху, духовному владыкѣ царствующаго града, второе — судіи вселенной, патріарху александрійскому, третье—антіохійскому, четвертое—іерусалимскому.

Филаретъ Никитичъ, великій государь святѣйшій патріархъ московскій и всея Руси.

Новый высокій санъ необычайно поднялъ въ глазахъ всѣхъ русскихъ людей главу духовенства великаго Россійскаго царствія. Судьба судила первому патріарху выступить во главѣ государства, когда послѣ кончины бездѣтнаго царя Ѳедора Ивановича возникъ вопросъ объ избраніи ему преемника. Патріархъ Іовъ стоялъ за избраніе въ цари Бориса Годунова. Въ Смутное безгосударное время вдохновителемъ освободительнаго движенія былъ патріархъ Гермогенъ. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ патріархомъ былъ отецъ государя, митрополитъ Филаретъ, въ

міру бояринъ Θедоръ Никитичъ Романовъ. Патріархъ Филаретъ сталъ зваться великимъ государемъ и соправителемъ, а на дѣлѣ былъ настоящимъ правителемъ государства и принималъ постоянное участіе въ дѣлахъ, присутствовалъ на всѣхъ пріемахъ и аудіенціяхъ царя, и безъ его рѣшающаго слова ничего въ правительствѣ не дѣлалось. Придворный штатъ патріарха Филарета по своему блеску соотвѣтствовалъ штату царскаго дворца. Всѣ люди, жившіе на земляхъ патріарха или подчиненные ему, судились только у патріарха, у его патріаршихъ бояръ, и были освобождены отъ всѣхъ казенныхъ сборовъ. Для веденія церковныхъ дѣлъ былъ учрежденъ особый Патріаршій приказъ, подвѣдомственный только патріарху. Въ дѣлахъ церковныхъ и по своему вліянію на дѣла управленія государствомъ патріархъ Филаретъ дѣйствительно, а не по имени только, былъ великимъ государемъ.

Возвышеніе патріаршества при Филаретѣ отразилось и на его преемникахъ. Богомольный царь Алексѣй необыкновенно чтилъ патріарха. При встрѣчахъ съ патріархомъ Іосифомъ онъ всегда, принимая отъ него благословеніе, земно кланялся ему. Когда царю Алексѣю доложили о кончинѣ патріарха Іосифа, то онъ горько заплакалъ: „На насъ (т.-е. на царя и его приближенныхъ) такой страхъ и ужасъ напалъ,—писалъ царь Алексѣй своему „собинному“ другу, новгородскому митрополиту Никону,—что едва пѣть могли (вѣсть пришла въ церковь) и то со слезами, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подломились, ибо кто преставился? Какъ овцы безъ пастуха не знаютъ, куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшные, не знаемъ, гдѣ головы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ...“.

Глава русскаго духовенства, патріархъ московскій и всея Руси правилъ всю духовную власть въ Московскомъ государствѣ, и его мѣсто было рядомъ съ великимъ государемъ царемъ и самодержцемъ всея Руси. Весь дворъ и обиходъ жизни святѣйшаго живо напоминали укладъ жизни царскаго двора.

День въ домашней жизни патріарха начинался, какъ и вообще въ московскія времена, очень рано. Въ 6 часовъ утра святѣйшій всталъ отъ сна, помолился въ своей крестовой комнатѣ и занятъ дѣлами. Въ 10-мъ часу утра онъ служитъ литургію или присутствуетъ на служеніи. Послѣ литургіи патріархъ одѣвалъ клобукъ большого или средняго разряда, мантію и панагію, бралъ въ руки посохъ и четки и выходилъ въ крестовую палату, гдѣ его ждали начальники патріаршихъ приказовъ. Войдя въ палату, патріархъ оборачивался къ иконамъ и тихо говорилъ: „Достойно есть“, а его архидьяконъ возглашалъ трижды: „Господи помилуй“ и „Благослови“. Затѣмъ патріархъ обращался къ ожидавшимъ его, которые всѣ кланялись ему земно и подходили по очереди къ благословенію, послѣ чего опять кланялись земно святѣйшему. Покончивъ съ дѣлами, патріархъ

принималъ „именинниковъ“—московскихъ священниковъ, дьяконовъ, князей, бояръ, пѣвчихъ, посадскихъ людей, иконописцевъ и др. чиновъ людей, которые праздновали въ этотъ день именины, пришли здравствовать патріарха и подносили ему при этомъ „пироги“. За именинниками шли люди, пришедшіе просто „благословиться“ передъ началомъ какого-либо важнаго въ ихъ жизни предпріятія. Тутъ бывали и митрополиты, и низшее духовенство, и женившійся дьячокъ, и казаки, была разъ даже какая-то женщина Марьица, которой было явленіе, „да у ней же отнялась-было лѣвая рука“; приходили новокрещенные мурзы и татары—всѣ приносили патріарху кто что могъ: ширинки, убрусцы, пелены, камень лалъ (т.-е. рубинъ), гнѣздо лебедей, живого соболя, коврижки, образа, живыхъ бобровъ, мелкую слюду, свѣчи восковыя. Святитель принималъ подношенія и отдаривалъ особо-знатныхъ посѣтителей или близко знакомыхъ чѣмъ могъ, т.-е. тоже соболями, камнями, образами. Ко времени до обѣда пріурочивались и пріемы такихъ знатныхъ посѣтителей, какъ царское величество или заѣзжіе патріархи восточные, встрѣча которыхъ обставлялась всегда большой торжественностью. Въ полдень патріархъ обѣдалъ, послѣ обѣда почивалъ, а потомъ самъ отправлялся къ государю или въ одинъ изъ монастырей. Вечернее время уходило у патріарха на занятія дома, на келейныя занятія, какъ принято говорить: патріархъ разсматривалъ различныя челобитныя, читалъ или писалъ что-нибудь, какое-либо посланіе или увѣщеваніе.

Праздничные дни разнообразились большими торжествами, пышными выходами, служеніями. Особенно торжественно проходили праздники Рождества Христова, Вербное воскресенье, Пасха и Успеньевъ день.

Въ Вербное воскресенье устраивалось торжественное шествіе патріарха до Лобнаго мѣста въ Кремлѣ, изображавшее входъ Господень въ Іерусалимъ. Патріархъ съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ возсѣдалъ на „осляти“, т.-е. на богато убранномъ конѣ, а царь и высшіе бояре вели „ослятя“ за узду. Отряды стрѣльцовъ въ парадныхъ кафтанахъ выстраивались по пути шествія, молодые стольники и спальники постилали на пути шествія куски богатыхъ матерій и съ „вайями“, т.-е. богато убранными вербами въ рукахъ, пѣли праздничныя стихиры, возглашая „Осанна“.

Въ Прощеное воскресенье государь шелъ „прощаться“ къ патріарху въ сопровожденіи бояръ и прочихъ чиновъ. У патріарха, въ его крестовой палатѣ, ко времени пришествія царскаго величества собирались всѣ духовныя власти, т.-е. митрополиты, архіереи, архимандриты и настоятели важнѣйшихъ монастырей. Патріархъ встрѣчалъ государя на крыльцѣ своего дома, благословлялъ его и, принявъ подъ руку царское величество, шелъ съ нимъ въ палату. Здѣсь патріархъ говорилъ „Достойно“ и молитву приходную, затѣмъ снова благословлялъ государя и

всѣхъ бояръ, пришедшихъ съ нимъ. Послѣ этого всѣ садились. Государь и патріархъ садились на лавки или кресла, поставленныя такъ, что они занимали мѣсто у двухъ стѣнъ недалеко отъ угла. Государь садился около южной стѣны крестовой палаты, а патріархъ около восточной. Бояре размѣщались напротивъ государя, высшее духовенство напротивъ патріарха. По лѣвую сторону царя, у дверей палаты, становились царскіе стряпчіе, стольники, спальники и др. Въ сѣняхъ крестовой палаты еще до прихода государя устанавливали поставецъ съ разными фряжскими винами, русскими медами, „овощами", т.-е. фруктами, сырыми и въ сахарѣ. За поставцомъ сидѣлъ для отпуска питей думный дворянинъ съ думнымъ дьякомъ, завѣдывавшій приказомъ большого дворца. Здѣсь же стояли степенный и путный ключники, чарочники, дворцовые стряпчіе. Посидя немного, царь спрашивалъ патріарха о „спасеніи", а патріархъ царя о здоровьѣ; затѣмъ государь приказывалъ стольникамъ нести свое государево питье. Наливъ три кубка, думный дворянинъ сдавалъ ихъ стольникамъ, которые чинно, одинъ за другимъ, съ кубками въ рукахъ, входили въ палату и подносили ихъ патріарху. Принявъ кубки, святѣйшій отливалъ изъ каждаго для себя и потомъ подносилъ государю. Государь откушивалъ и отдавалъ кубки стольникамъ, а тѣ несли ихъ обратно на поставецъ. Послѣ того стольники тѣмъ же порядкомъ вносили кубки для бояръ; точно такъ же подносили кубки сначала патріарху, а онъ подавалъ боярамъ. Во второй разъ съ тою же церемоніей подносили красный медъ въ золотыхъ ковшахъ, а потомъ „тѣмъ же обычаемъ" бѣлый медъ въ серебряныхъ ковшахъ. Когда оканчивались эти прощальныя чаши, государь съ патріархомъ садились на прежнія мѣста, а бояре и всѣ остальные, находившіеся въ палатѣ, вставали и выходили по царскому указу въ сѣни. Государь и патріархъ оставались одни съ полчаса. Потомъ снова входили бояре, и патріархъ, вставъ съ мѣста, говорилъ „Достойно есть" и „прощенье", т.-е. прощальную молитву: „Владыко многомилостиве...". Затѣмъ благословлялъ государя и провожалъ его до того мѣста, гдѣ встрѣчалъ.

Успеньевъ день, 15 августа, былъ каѳедральнымъ праздникомъ московскихъ патріарховъ. Патріархъ приглашалъ царя въ этотъ день къ себѣ потрапезовать, звалъ и многихъ бояръ. Гости, кромѣ обѣда, получали отъ патріарха подарки. Царю и его семейству патріархъ тоже подносилъ богатые дары. На другой день царь приходилъ снова къ патріарху благодарить его за праздничное угощенье и отдаривалъ патріарха.

Изъ другихъ церковныхъ церемоній патріаршихъ временъ особенно примѣчателенъ чинъ „пещного дѣйства", совершавшійся въ недѣлю передъ Рождествомъ въ Успенскомъ соборѣ въ воспоминаніе чудеснаго спасенія изъ вавилонской пещи трехъ отроковъ. Къ этой церемоніи задолго начинали подготовлять къ ролямъ „отроковъ", „халдеевъ" и „ангела" лучшихъ пѣвцовъ патріаршей капеллы.

Кануны праздниковъ патріархъ посвящалъ дѣламъ христіанской любви—ходилъ по тюрьмамъ, навѣщая узниковъ, разспрашивалъ ихъ о причинахъ заключенія и раздавалъ имъ милостыню; щедрую милостыню раздавалъ патріархъ и нищимъ, непремѣнно собственноручно. За узниковъ, которые казались патріарху заключенными невинно, патріархъ „печаловался" государю; такое ходатайство всегда уважалось царемъ, и указанные патріархомъ „несчастные сидѣльцы" получали полное прощеніе или значительное облегченіе своей участи.

Высокое положеніе, какое занялъ въ государствѣ первосвятитель русской церкви, явилось достойнымъ завершеніемъ той дѣятельности, какую внесло въ дѣло созданія „великаго Россійскаго царствія" русское духовенство и глава его—сначала митрополитъ, а съ 1589 года патріархъ всея Руси.

Со времени принятія христіанства русскимъ народомъ духовенство заняло выдающееся положеніе въ странѣ. Среди первыхъ архіереевъ и священниковъ было много грековъ и болгаръ. Воспитанные въ правилахъ византійской церкви, основанныхъ на апостольскомъ преданіи и на положеніяхъ вселенскихъ соборовъ, знающіе и свѣтскую науку, эти греки и болгары стали творцами и насадителями науки и просвѣщенія въ древней Руси. На Руси они нашли людей мало просвѣщенныхъ, привязанныхъ къ языческимъ обычаямъ и нравамъ. Застали они здѣсь и странные для нихъ государственные порядки, когда на ряду съ княземъ, порой даже подавляя княжескую власть, господствовало вѣче городовъ. Пришлое греческое духовенство стремилось пересадить на Русь византійскія представленія о власти и государѣ, какъ единомъ и нераздѣльномъ владѣтелѣ въ странѣ, обязанномъ отчетомъ только Господу Богу, какъ Его ставленникъ и помазанникъ. Но кіевскіе князья плохо усваивали эти представленія. Легче пошло это у князей удѣльныхъ и осуществилось вполнѣ только у московскихъ великихъ князей, когда жизнь превратила ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ государей всея Руси.

Но первое мѣсто духовенство занимало неизмѣнно и у кіевскихъ, и у удѣльныхъ, и у московскихъ князей. У древнихъ лѣтописцевъ нѣтъ лучшей похвалы князю, какъ замѣчаніе, что „онъ любилъ поповъ и монаховъ паче мѣры и почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа". Духовенство постоянно при князѣ со временъ Владимира Святого, который совѣтовался съ епископами даже по дѣлу объ умноженіи разбойниковъ около Кіева. „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ"—говорили епископы князю. Эта мысль, что князь поставленъ отъ Бога, становится основной во взаимныхъ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти на Руси. Подчиненная византійскому патріарху духовная власть чувствуетъ себя независимой отъ власти князей, а возвышая княжескую власть ученіемъ о ея боговдохновенности, церковь чувствуетъ себя даже въ положеніи высшемъ, какъ бы покровительствующемъ кня-

зьямъ. Духовенство даетъ князю совѣты, какъ управлять и какъ чинить судъ въ странѣ, къ митрополиту князья обращаются за благословеніемъ, предпринимая какое-либо важное дѣло.

Объединеніе Великороссіи около Москвы происходило при прямомъ содѣйствіи духовенства, и московскіе великіе князья ничѣмъ такъ не дорожили, какъ участіемъ митрополита во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Правда, бывали со стороны князей попытки подчинить духовенство своей власти, но неудачныя. Даже такой самостоятельный и крѣпкій характеромъ и волей человѣкъ, какъ Иванъ III, рубившій головы первымъ князьямъ своего двора, былъ въ подчиненіи у митрополита. Разсказываютъ такой случай: во время освященія только-что отстроеннаго Успенскаго собора митрополитъ Геронтій ходилъ въ крестномъ ходѣ противъ солнца. Одни сочли, что это такъ и нужно, а другіе возражали и говорили, что въ такихъ случаяхъ надо ходить по солнцу. Великій князь Иванъ III былъ на сторонѣ послѣднихъ и очень опасался, что, благодаря поступку митрополита, гнѣвъ Божій посѣтитъ Москву. Такъ съ негодованіемъ онъ и заявилъ митрополиту. Митрополитъ Геронтій оскорбился и уѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, заявивъ, что если великій князь не ударитъ ему челомъ, то онъ оставитъ митрополію и станетъ жить простымъ монахомъ. Почти все духовенство стало за митрополита. Великій князь послалъ тогда къ Геронтію сына своего просить владыку возвратиться. Геронтій отказался. Тогда великій князь поѣхалъ къ нему самъ, призналъ себя виновнымъ и обѣщалъ во всемъ повиноваться ему. Только тогда Геронтій возвратился въ Москву.

Но нельзя сказать, чтобы великій князь Иванъ III всегда безъ спора уступалъ митрополиту. Въ концѣ концовъ онъ и Геронтія прибралъ къ рукамъ, такъ что митрополиту стали указывать, что онъ „боится державнаго“. Сынъ Ивана III, Василій III, поставилъ себя въ отношеніи къ митрополиту такъ, что тотъ пересталъ даже „печаловаться“, т.-е. заступаться передъ великимъ княземъ за тѣхъ, на кого великій князь разгнѣвался и наложилъ суровое наказаніе, и это несмотря на то, что „печалованіе“ было исконнымъ правомъ духовенства.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ стали выбирать митрополита независимо отъ воли константинопольскаго патріарха, извѣстная подчиненность главы духовенства великому государю стала сказываться еще замѣтнѣе.

Конечно, прибывшій на русскую митрополію грекъ, или русскій, принявшій митрополію всея Руси отъ византійскаго патріарха, чувствовали себя независимѣе передъ лицомъ великаго князя московскаго, чѣмъ могъ чувствовать себя митрополитъ, выбранный на соборѣ русскихъ іерарховъ, передъ лицомъ великаго государя и царя всея Руси. Это особенно сказалось во времена Грознаго. Максимъ Грекъ, князь Курбскій говорятъ о времени Грознаго, что теперь-де нѣтъ болѣе Самуила, Наѳана,

Иліи, Елисѣя, Амвросія Великаго, Іоанна Златоустаго, которые обличали бы неправду и удерживали бы гнѣвъ царей. Еще въ XV вѣкѣ книжники выставляли іерею, какъ правило, чтобы онъ „не боялся и не стыдился передъ лицомъ сильнаго человѣка, будь то царь или князь, судья или воинъ, потому что іерей поставленъ отъ Бога“; но уже въ XVI вѣкѣ новгородскій архіепископъ въ посланіи къ царю Ивану не рѣшается поучать царя и пишетъ ему „какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, имѣющему въ рукахъ своихъ силу и страшному для другихъ своимъ царскимъ саномъ“.

Послѣ смерти робкаго ученаго митрополита Макарія, всю жизнь больше занимавшагося книгами, чѣмъ людьми, царь Иванъ смѣнилъ одного за другимъ двухъ митрополитовъ въ теченіе двухъ лѣтъ; а третьимъ былъ митрополитъ Филиппъ, поплатившійся жизнью за неумѣстное, съ точки зрѣнія царя Ивана, „печалованіе“. Древнимъ, вѣками освященнымъ обычаемъ было на Руси право митрополита „печаловаться“ передъ государемъ за обиженныхъ и тѣснимыхъ. Когда съ глазу на глазъ, а иногда и торжественно, въ преднесеніи честнаго креста и чудотворныхъ иконъ, всенародно „печаловался“ митрополитъ всея Руси предъ государемъ всея Руси, и было принято со стороны государей удовлетворять „печалованіе“ своего отца духовнаго, владыки митрополита. Но печалованіе св. Филиппа было съ точки зрѣнія царя Ивана за враговъ его, за тѣхъ бояръ, съ которыми онъ въ то время велъ упорную кровавую борьбу. Митрополитъ св. Филиппъ былъ свергнутъ царемъ со святительской каѳедры и погибъ мученической смертью.

Послѣдовавшіе за св. Филиппомъ слабохарактерные митрополиты „только молчали“, разрѣшили царю четвертый и пятый браки, вопреки всѣмъ каноническимъ правиламъ, и не осмѣливались вмѣшиваться въ дѣла и поступки „царскаго величества“. Новгородскій архіепископъ Пименъ былъ утопленъ, его преемникъ Леонидъ зашитъ въ медвѣжью шкуру и затравленъ собаками,—оба по одному подозрѣнію въ противленіи царской власти.

Участіе митрополита въ засѣданіяхъ думы царь Иванъ хотѣлъ свести къ одному почету и всячески препятствовалъ главѣ духовной власти сказать свое слово по-своему. „Священство,— писалъ царь Иванъ,—не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ—молчаніе; иное правленіе святителей и иное царей. Когда Богъ освободилъ израильтянъ отъ плѣна, развѣ Онъ поставилъ во главѣ ихъ священника или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ, Онъ поставилъ имъ одного Моисея, какъ бы царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣшиваться въ гражданскія дѣла; но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отпалъ отъ Бога. Видите, священникамъ не слѣдуетъ брать на себя царскихъ дѣлъ. Точно такъ же Даѳанъ и Авиронъ вздумали восхитить себѣ власть, но и сами погибли и какое бѣдствіе навели на весь Израиль! Послѣ того судьею былъ Іисусъ

Навинъ, а священникомъ Елеазаръ. Пока управляли израильтянами судьи, какія побѣды одержали они надъ врагами! Но когда Илій, священникъ, взялъ на себя священство и царство, израильтяне терпѣли пораженія до воцаренія Давида... Нѣтъ царства, которое не разорилось бы, подчинившись обладанію поповъ!"—кончаетъ свою горячую рѣчь царь Иванъ.

При первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, пока патріархами были такіе смирные люди, какъ Іосифъ и его ближайшіе предшественники, видимое первенствующее положеніе главы духовенства не имѣло большого вліянія на теченіе государственныхъ дѣлъ. Патріархъ Іосифъ не только не вмѣшивался въ нихъ, но даже допускалъ вмѣшательство свѣтской власти въ свои патріаршія дѣла и не умѣлъ протестовать, напримѣръ, противъ учрежденія Монастырскаго приказа, противъ мѣръ, стѣснявшихъ монастырское землевладѣніе, и т. д.

Но вотъ патріархомъ становится такая крупная, самовластная личность, какъ новгородскій митрополитъ Никонъ. Царь Алексѣй искренно любилъ сильнаго духомъ и словомъ митрополита Никона, называлъ его своимъ „собиннымъ другомъ" и подчинялся ему во всемъ, хотя Никонъ не скрывалъ своего недовольства новымъ Уложеніемъ и въ Новгородѣ правилъ всѣмъ такъ, что о гражданскихъ властяхъ и слышно не было. Мечты митрополита простирались далеко и парили высоко. Еще изъ Новгорода сообщалъ онъ царю, какъ однажды послѣ заутрени, когда онъ читалъ псалмы, видитъ онъ вдругъ, что надъ образомъ Спасителя показался золотой вѣнецъ, который пошелъ по воздуху, остановился надъ головой его, Никона, и опустился на него, „и я обѣими руками ощущалъ его на своей головѣ,—говоритъ Никонъ,—и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ".

Въ 1651 г. Никонъ уговорилъ царя Алексѣя перенести въ Москву, въ Успенскій соборъ, мощи св. митрополита Филиппа, низвергнутаго царемъ Иваномъ и умерщвленнаго имъ. Мысль Никона была ясна: онъ хотѣлъ торжествомъ перенесенія мощей добиться того, чтобы свѣтская власть торжественно покаялась въ своемъ грѣхѣ и тѣмъ самымъ какъ бы признала первенство власти духовной. За св. мощами Никонъ отправился самъ въ Соловецкій монастырь и повезъ съ собою грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу, въ которой царь, обращаясь къ святому, писалъ: „Молю тебя и желаю, чтобы ты пришелъ сюда разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя безразсудно, по зависти и безпредѣльному гнѣву. Хотя я не виноватъ въ досадѣ, причиненной тебѣ, однако гробъ прадѣда моего постоянно убѣждаетъ меня и возбуждаетъ во мнѣ жалость, что вслѣдствіе твоего изгнанія и до сихъ поръ царствующій градъ лишенъ твоего святительскаго пастырства. И потому я преклоняю предъ тобой санъ царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, чтобы ты своимъ пришествіемъ къ намъ отпустилъ ему согрѣшеніе; пусть упразднится то поношеніе, которое лежитъ на

немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, а ты, ради его покаянія и по нашему прошенію, прійди къ намъ, св. владыка".

Въ 1652 г. митрополитъ Никонъ былъ избранъ патріархомъ, но... отказался отъ этой высокой чести. Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа митрополита, царь, всенародно „простершись на землѣ" и проливая слезы со всѣми окружавшими, умолялъ Никона не отрекаться. Тогда Никонъ, обратясь къ царю, боярамъ и наполнявшему соборъ народу, спросилъ: „Будутъ ли почитать его и слушать, какъ начальника, пастыря и отца, елико вамъ возвѣщать буду о догматѣхъ Божіихъ и о правилѣхъ?" Всѣ съ клятвой обѣщали, что будутъ,—и Никонъ согласился.

Итакъ, вступая на патріаршій престолъ московскій и всея Руси, Никонъ заставилъ царя, бояръ, освященный соборъ и весь народъ дать торжественную клятву передъ святынями всей земли, что всѣ будутъ его слушаться. „Такъ поступить Никонъ считалъ нужнымъ, очевидно, имѣя въ виду какія-то свои особыя цѣли... о которыхъ царь не подозрѣвалъ",—замѣчаетъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Эта цѣль была одна—„реформировать исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной въ томъ смыслѣ, чтобы въ лицѣ, главнымъ образомъ, патріарха освободить духовную власть отъ всецѣлаго подчиненія власти свѣтской, поставить власть патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и управленіи независимо отъ подавляющей ее царской власти, сдѣлать ее въ церковной области совершенно автономной и даже больше: поставить ее выше царской власти во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ".

Этотъ свой взглядъ Никонъ обнародовалъ въ 1655 году въ предисловіи къ Служебнику, изданному по его благословенію. Здѣсь читаемъ, что Богъ даровалъ Россіи „два великіе дара"— царя и патріарха, которыми все строится какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ. Поэтому „должно убо всѣмъ повсюду обитающимъ православнымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ сію премудрую двоицу: великаго государя царя Алексѣя Михайловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ хранящe, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ Святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ... яко да подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду, православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего...".

Въ 1654 г., въ маѣ, царь отправился въ походъ противъ Польши и пробылъ въ отлучкѣ до ноября 1655 г. За все это время высшее управленіе государствомъ, по порученію царя,

находилось въ рукахъ патріарха Никона. Патріархъ сталъ именовать себя, съ соизволенія государя, великимъ государемъ и усвоилъ себѣ такой пышный титулъ: „Великій государь святѣйшій Никонъ, Божіею милостію архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи патріархъ". Въ царскихъ указахъ новый титулъ патріарха прописывался рядомъ съ царскимъ: „указалъ великій государь, царь, великій князь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и мы, великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Руси".

Патріархъ Никонъ.
Со стариннаго портрета.

На время отсутствія царя Никону были подчинены намѣстникъ царя и Боярская Дума. Начальники приказовъ и бояре должны были каждое утро являться къ патріарху съ докладами и не могли рѣшать безъ него ни одного дѣла. За опаздываніе съ докладами Никонъ дѣлалъ суровыя замѣчанія виновнымъ.

Такое первенствующее положеніе патріарха Никона кололо глаза высшему московскому боярству. Отдѣльныя лица этого круга пытались и явно, и тайно подкапываться подъ „великаго государя" патріарха, нашептывая на него царю или громко обвиняя въ самовластіи. Никонъ не обращалъ вниманія на замыслы своихъ враговъ, а когда его предупреждали, не обинуясь говорилъ, что ему нечего бояться, что его положеніе, какъ „великаго архіерея", слишкомъ высоко. „Патріархъ,—говорилъ Никонъ,—есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ, дѣлы и словесы въ себѣ живописуя истину"; по мнѣнію Никона, патріархъ есть „образъ самого Христа, глава церкви, князь людей". „Мы отъ Бога есмы; разумѣваяй Бога послушаетъ насъ, иже нѣсть отъ Бога не послушаетъ". Свой судъ Никонъ считаетъ

не подлежащимъ никакому пересмотру. „Правила св. отецъ,— говоритъ онъ,—не оставляютъ патріаршій судъ никому посуждати“.

Если еще въ бытность Никона новгородскимъ митрополитомъ подчиненные его говорили, что лучше жить въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ служить подъ его начальствомъ, то бояре и высшее духовенство, страдавшіе отъ самовластія Никона, не могли не питать враждебныхъ чувствъ къ патріарху. Царю, конечно, доносили о всѣхъ дѣйствіяхъ патріарха. За время похода и самъ царь измѣнился. „Походъ, дѣятельность воинская и полная самостоятельность во главѣ полковъ,—говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ,—развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой дѣятельности, имъ было пережито много, явились новыя привычки, новые взгляды. „Великій государь“ возвращается въ Москву и застаетъ тамъ другого „великаго государя“, который за это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, тоже развился вполнѣ относительно своего характера и взглядовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе и власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ, необыкновенное счастье разнуздало его совершенно, и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу, а глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ ему отуманило его и, дѣйствительно, заставило считать себя вязателемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами“. Въ новое изданіе церковныхъ постановленій, Номоканонъ, Никонъ, конечно, не безъ цѣли, включилъ легенду о дарованіи царемъ Константиномъ города Рима римскому епископу. На этой легендѣ римскіе папы, какъ извѣстно, обосновывали свое право на обладаніе свѣтской властью. На своей печати патріархъ Никонъ изобразилъ всѣ аттрибуты вяжущей и разрѣшающей власти—здѣсь и крестъ, и жезлъ, евангеліе, благословляющая рука, ключъ ап. Петра, образъ Спасовъ, свѣтильникъ, а увѣнчано все это коронованной митрой.

Гербъ патріарха Никона.

Пока Никонъ правилъ государствомъ, онъ не чувствовалъ надъ собой власти; въ свою очередь, и царь, находясь далеко отъ столицы, въ арміи, не могъ тяготиться разрастающейся властью патріарха, ставшей рядомъ съ его собственной. Но, когда оба „великіе государи“ сошлись вмѣстѣ, взаимное неудо-

вольствіе не замедлило сказаться, а раздуваемое сплетнями и общими стараніями враговъ Никона разгорѣлось до вражды. Да патріархъ и дѣйствительно во многомъ превышалъ свою власть, жалобы на него сыпались со всѣхъ сторонъ. Но онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ. Несмотря на ясныя указанія Уложенія относительно суда надъ духовными лицами, Никонъ не допускалъ судить духовныхъ въ приказахъ, постоянно жаловался на стѣсненіе своей власти и неоднократно, по его словамъ, „докучалъ" царю, чтобы онъ „искоренилъ проклятую книгу".

Уложеніе навлекло на себя гнѣвъ патріарха потому, что въ своихъ статьяхъ о духовныхъ дѣлахъ подводило эти дѣла подъ общій уровень гражданскихъ правъ. Съ этой цѣлью по Уложенію большое значеніе въ жизни духовенства долженъ былъ имѣть Монастырскій приказъ — особое самостоятельное судебное учрежденіе, со свѣтскими судьями во главѣ. Монастырскому приказу были подчинены, по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ или во всѣхъ гражданскихъ искахъ, всѣ духовныя лица отъ высшихъ до низшихъ: всѣ митрополиты, епископы, наравнѣ со своими приказными и дворовыми людьми. Уложеніе было издано до патріаршества Никона, и Никонъ, тогда еще только архимандритъ, подписался подъ нимъ „по неволѣ", какъ онъ говорилъ потомъ. Новгородскимъ митрополитомъ онъ согласился быть только послѣ того, какъ царь освободилъ отъ подсудности Монастырскому приказу всю Новгородскую епархію. Тѣмъ менѣе могъ подчиняться Никонъ Монастырскому приказу, когда сдѣлался патріархомъ. Это было невозможно при его пониманіи высоты и силы патріаршей власти. И Никонъ неустанно борется противъ ненавистнаго ему Уложенія.

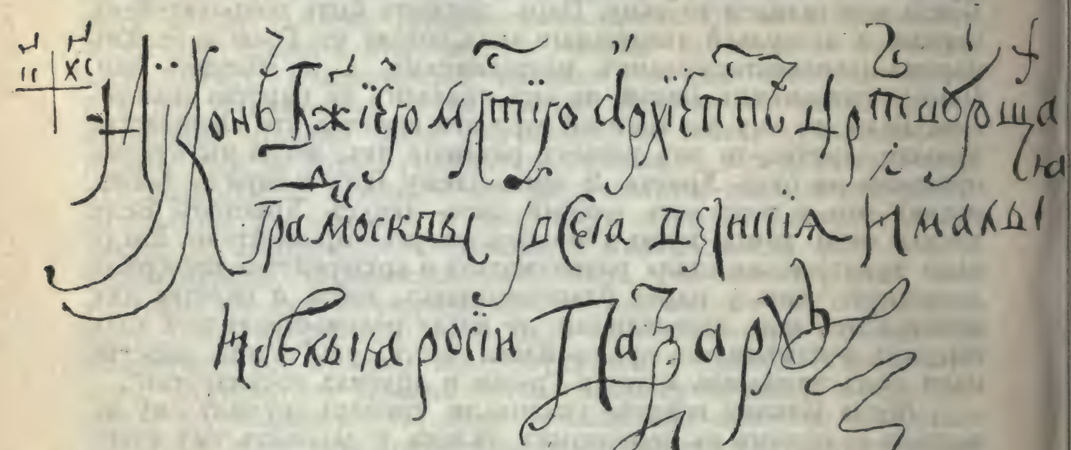
„Гражданское законодательство,—по мнѣнію патріарха Никона,—должно согласоваться съ божественными законами, потому что судъ въ своемъ началѣ есть судъ Божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не человѣкомъ, а Богомъ, ложныхъ же законодателей всегда постигаетъ кара свыше. Правда, цари преслѣдовали иногда посланниковъ Божіихъ, но зато и царства ихъ погибали и запустѣли! И развѣ не сбылось то же самое и на насъ? Всѣ города Московскаго государства постигла моровая язва; сердце царя смутилось, царское семейство не знало, куда бѣжать. Господь обратилъ Москву и окрестные города въ пустыню; души грѣшниковъ погибли, адъ отверзъ уста свои, множество славныхъ, богатыхъ и нищихъ приняли смерть. Такъ покаралъ Богъ за неправду и беззаконіе!"

Въ 1663 г. появились печатные листы, на которыхъ былъ изображенъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями, надъ орломъ возсѣдаетъ царь на конѣ, а вокругъ размѣщены надписи изъ Св. Писанія о царѣ и царской власти; внизу листа находилось изображеніе св. креста. Никонъ не замедлилъ обратить вниманіе на эту картинку. „Вотъ до какого времени мы

дожили!—восклицаетъ онъ.—Уже сбылось Писаніе: промѣняли славу Божію на славу человѣка, четвероногихъ животныхъ и птицъ". „Но не надѣйтесь на князи и сыновъ человѣческихъ, потому что въ нихъ нѣтъ спасенія. Намъ слѣдуетъ опасаться тѣхъ, которые превозносятся и гордятся славою міра и, какъ боги, прославляются безумными людьми, съ радостью внимая словамъ ихъ: ты богъ земной. Насъ же Св. Писаніе учитъ, что только одинъ Богъ на небѣ и на землѣ. Царь Навуходоносоръ, насладився такимъ величіемъ, лишился царства; Богъ послалъ пророка Іезекіиля къ Тирскому князю сказать, чтобы онъ не возносился, какъ Богъ, а помнилъ, что онъ человѣкъ. Такъ нѣкогда Денница хотѣлъ поставить престолъ свой выше престола Божія и обратился во тьму. Царь долженъ быть покровителемъ церкви, а не судьей священнаго чина, потому что Господь велѣлъ царямъ повиноваться своимъ наставникамъ, а не обладать ими. Царь—помазанникъ Божій, но онъ помазанъ на царство архіереемъ. Если же ему, по великой гордости, кажется, что священство меньше царства, то онъ узнаетъ различіе ихъ, когда мы будемъ призваны на судъ Христа. Я принадлежу Богу и царя не боюсь, потому что у меня есть единый царь—Іисусъ Христосъ. Если хотятъ меня убить, пусть убиваютъ: смерть—пріобрѣтеніе. Когда вѣра христіанская стала размножаться и архіерейство пріобрѣло достойную честь у царей благочестивыхъ, тогда и царства ихъ возвысились надъ нечестивыми; но когда распространилась злая гордость и измѣнилась архіерейская честь, увы! тогда царства пали, какъ видно изъ исторіи Греціи и другихъ государствъ".

Когда Никону позднѣе указывали, что царь вручилъ ему же надзоръ за судомъ въ церковныхъ дѣлахъ и даровалъ ему много преимуществъ, то Никонъ возражалъ такъ: „Ты говоришь, что царь намъ поручилъ надзоръ за церковнымъ судомъ?.. Это скверная хула и превосходитъ гордость Денницы: не отъ царей исходитъ власть священства, но отъ священства помазываются на царство; многоразъ доказано, что священство выше царства. Какими преимуществами подарилъ насъ царь? Мы не знаемъ другого законодателя, кромѣ Христа. Не давалъ царь намъ правъ, а похитилъ наши права, и всѣ дѣла его беззаконны. Какія же его дѣла? Церковью обладаетъ, священными вещами обогащается и питается, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники покоряются ему, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; онъ владѣетъ судомъ и пошлинами. Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ—солнцу и мѣсяцу, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую; архіерейская власть сіяетъ, какъ день, власть эта надъ душами; царская же—надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій; это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ

мірянахъ для внѣшней обороны, въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга; но каждая происходитъ отъ Бога“. Царь Константинъ Великій далъ папѣ Сильвестру всѣ папскія регаліи, власть, Римъ со всею областью въ управленіе, а самъ переселился въ Константинополь; отсюда и произошло, что два меча христіанскаго царства между „двѣмы особы раздѣлишася, еже есть—при архіерействѣ мечъ духовный, при царѣ же мечъ мірской уставися“. Если духовникъ царскій, котораго царь именуетъ отцомъ духовнымъ и исповѣдуетъ ему грѣхи свои, можетъ царя „вязати и разрѣшати“, то „кольми паче архіерей великій, иже надъ священникомъ, царевымъ духовникомъ, власть имѣя, долженъ есть царя вязати“... Если царь

Подпись патріарха Никона.

„творитъ что̀ не по закону Божію, то архіерею возможно быти противу его и запрещати, не яко противу царя, но яко противу изступленнаго (отступившаго) отъ закона“... Архіерейская власть—духовная, царская же—міра сего; вещи власти духовной—небесныя и потому „преизряднѣйше суть, нежели міра сего или временныя“. „Сего ради яснѣйше: царь имать быти менѣе архіерея и ему въ повиновеніи“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Никона, патріархъ—живой образъ самого Христа, истинный помазанникъ Божій, не только ни въ чемъ не уступаетъ царю, но во многомъ и въ существенномъ превосходитъ его, ибо власть патріаршая по самой природѣ своей много выше и значительнѣе, чѣмъ власть царя: „тамъ духъ, здѣсь тѣло, тамъ средства и мѣры духовныя, святыя, благодатныя, здѣсь—матеріальныя, мірскія, часто грубыя и насильственныя“.

Конечно, при такихъ убѣжденіяхъ и характерѣ Никона дружба патріарха съ царемъ долго просуществовать не могла. До царя всѣ рѣчи патріарха о величіи его власти доходили,

разумѣется, очень быстро. Царю то и дѣло твердили, что о немъ, царѣ и государѣ, и не слышно, что совсѣмъ затмилъ его великій государь патріархъ.

Самовластіе патріарха коснулось даже частныхъ дѣлъ и отношеній. Такъ, онъ запретилъ иностранцамъ носить русское платье, а русскимъ иностранное. Близкій родственникъ царя, бояринъ Никита Романовъ любилъ иногда пощеголять въ иноземномъ платьѣ даже послѣ патріаршаго запрета. Никонъ, не смѣя взять у него иноземную одежду явно, попросилъ будто бы посмотрѣть, а когда получилъ, то велѣлъ ее сжечь. Затѣмъ патріархъ Никонъ запретилъ музыку на улицахъ Москвы и приказалъ отобрать всѣ музыкальные инструменты по боярскимъ дворамъ. Приказъ былъ исполненъ со всею строгостью: всякими балалайками, гудками, рожками, гуслями, зурнами и т. п. наполнили цѣлыхъ пять возовъ, свезли все за Москву и сожгли.

Надо признать, что и враги Никона доходили порой прямо до неприличныхъ поступковъ, только бы досадить ему. Такъ, бояринъ Стрешневъ выучилъ свою большую собаку становиться на заднія лапы, а передними дѣлать подобіе патріаршаго благословенія. Никонъ, не знавшій удержу въ порывахъ своего гнѣва, проклялъ боярина. Такая страшная кара легкомысленнаго и глупаго поступка вызвала большое негодованіе. Впослѣдствіи спросили греческаго митрополита города Газы:—„Да стоитъ ли за это проклинать?“ Митрополитъ отвѣтилъ:—„Если бы мышь съѣла освященный хлѣбъ, нельзя было бы сказать, что она причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе. Шутить священными вещами и дѣлами не подобаетъ, но и въ малыхъ дѣлахъ недостойно предавать проклятію, ибо это значитъ считать его за ничто“.

Не довольствуясь принадлежавшими патріаршей каѳедрѣ огромными земельными владѣніями, Никонъ, вопреки запретамъ Уложенія увеличивать патріарху и архіереямъ земельныя имущества, выпрашивалъ у царя все новыя и новыя угодья, деревни и земли. Построилъ три новыхъ монастыря—Воскресенскій (Новый Іерусалимъ), Иверскій и Крестовый (Ставросъ), которые не были приписаны къ патріаршей каѳедрѣ, а составляли личную собственность самого Никона. Эти свои монастыри Никонъ хотѣлъ сдѣлать самыми богатыми изъ всѣхъ русскихъ монастырей; онъ приписалъ къ нимъ 14 старыхъ монастырей; снабдилъ свои монастыри богатѣйшей утварью, выстроилъ великолѣпные храмы и далъ имъ во владѣніе множество доходныхъ статей и угодій. „Въ этихъ монастыряхъ и ихъ угодьяхъ Никонъ властвовалъ и распоряжался, какъ независимый правитель, былъ маленькимъ царькомъ, не признающимъ никакой другой власти, кромѣ своей“.

Великій государь патріархъ не замѣчалъ охлажденія къ нему государя; строилъ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ и ссорился съ боярами, попрежнему былъ крутъ съ подчиненными, даже въ церкви

часто „смирялъ ихъ по малу“, т.-е. билъ жезломъ и просто руками. Государь со всѣхъ сторонъ получалъ жалобы и челобитныя на высокомѣріе, гордость, суровость патріарха, на его недоступность. „Устроено у него, у святителя,—читаемъ въ одной жалобѣ,—подобно адову подписанію, страшно приблизиться ко вратамъ, потому что однѣ ворота, да и тѣ заперты. Священники не смѣютъ ходить въ церкви къ (патріаршему) благословенію, а не то, чтобы что о невѣдомыхъ вещахъ спросить... При прежнихъ патріархахъ тѣ, что пріѣзжали ставиться въ священники, зимней порой могли ждать патріаршаго выхода въ крестовой, а нынѣ и въ сѣняхъ не велѣно стоять; такъ и мучатся зимою на крыльцѣ“. „Видишь ли, государь, — твердили просители,—какъ онъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко. Управляетъ этотъ патріархъ вмѣсто евангелія бердышами, вмѣсто креста топорками. Татарамъ жить гораздо легче“.

Царь сталъ избѣгать свиданій съ патріархомъ даже при торжественныхъ случаяхъ. Лѣтомъ 1658 г. былъ у царя обѣдъ: угощали пріѣхавшаго въ Москву грузинскаго царевича Таймураза. Патріарха на обѣдъ не пригласили. Онъ послалъ тогда своего служащаго во дворецъ узнать, что это значитъ? Окольничій Хитрово расчищалъ въ это время путь царевичу, шедшему на обѣдъ, и дѣлалъ это по-старинному: колотя палкой направо и налѣво въ тѣснившейся ко дворцу толпѣ. Попался ему подъ палку и патріаршій посланецъ. „Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ,— закричалъ онъ:—я пришелъ съ дѣломъ!“—„Ты кто такой?“— спросилъ Хитрово.—„Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный!“—отвѣтилъ тотъ. „Не дорожися!“—крикнулъ ему Хитрово и ударилъ его палкой по лбу „и уязви его горько зѣло“. Тотъ пошелъ и сказалъ патріарху; патріархъ пожаловался на самоуправство Хитрово государю, но никакого отвѣта не получилъ. Черезъ два дня послѣ этого пришелъ къ патріарху бояринъ Ромодановскій и сказалъ ему: „Царское величество на тебя гнѣвенъ: ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь!“—„Называюсь я великимъ государемъ не самъ собой,—отвѣчалъ Никонъ,—такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество, на то у меня и грамоты есть, писанныя царской рукой!“—„Царское величество,—продолжалъ бояринъ,— почтилъ тебя, какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, чтобы ты впередь не писался и не звался великимъ государемъ, и почитать тебя (таковымъ) впредь не будетъ!“ Никонъ не сказалъ на это ни слова, но въ тотъ же день самовольно оставилъ патріаршество и удалился въ свой Воскресенскій монастырь.

Такого рѣшительнаго поступка никто не ожидалъ, и событіе это вызвало большое недоумѣніе по всему городу. „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ“,—сказалъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Послали просить Никона вернуться, но онъ не слушалъ никакихъ увѣщеваній, отказался пріѣхать

въ Москву, именовалъ себя „бывшимъ патріархомъ“, просившимъ у него благословенія говорилъ: „Прошло мое благословеніе, я болѣе не патріархъ!“.

Поднялись тогда во дворцѣ, особенно среди враговъ Никона, толки о необходимости избранія новаго патріарха, а пока поручили вѣдать всѣ церковныя дѣла крутицкому митрополиту Питириму. Въ Вербную субботу Питиримъ, по царскому повелѣнію, совершилъ обрядъ шествія на осляти. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Никона, онъ послалъ царю письмо, гдѣ называлъ поступокъ Питирима „олюбодѣйствованіемъ сѣдалища великаго архіерея“ и добавлялъ, что если царь хочетъ избрать новаго патріарха, то „да призовется наше смиреніе“, и „мы передадимъ Божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіяетъ свѣтъ, такъ отъ содержащаго Божественную благодать пріидетъ она на новоизбраннаго чрезъ рукоположеніе, а въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ“. Другими словами, Никонъ, оставляя патріаршескій престолъ, раздумалъ отказываться отъ патріаршескаго достоинства, и Россіи такимъ образомъ предстояло двоепатріаршество. Тогда рѣшили обратиться къ суду восточныхъ патріарховъ.

Въ 1666 году прибыли въ Москву вселенскіе патріархи, александрійскій и антіохійскій, съ полномочіями отъ остальныхъ— константинопольскаго и іерусалимскаго. На судѣ царь самъ выступилъ обвинителемъ Никона. Никонъ велъ себя на судѣ рѣзко и гордо, не какъ обвиняемый, а какъ обвинитель. Судъ патріарховъ постановилъ: лишить Никона патріаршаго сана и простымъ монахомъ сослать въ монастырь. Но Никонъ до конца жизни продолжалъ именовать себя патріархомъ, а похоронить себя завѣщалъ въ своемъ любимомъ Новомъ Іерусалимѣ, выбравъ для могилы мѣсто, которое соотвѣтствовало по положенію тому мѣсту въ старомъ Іерусалимѣ, гдѣ церковно-историческое преданіе указываетъ могилу царя и первосвященника Мельхиседека.

Никонъ въ томъ дѣлѣ, какое онъ провозгласилъ и защищалъ, могъ бы быть не одинъ; его воззрѣнія пришлись очень по душѣ многимъ русскимъ архіереямъ, но они не поддержали Никона, отъ котораго видѣли такъ много притѣсненій; когда же Никонъ былъ низвергнутъ и осужденъ, то на соборѣ въ 1667 году снова возникъ вопросъ о томъ, что свѣтская власть не должна вмѣшиваться въ дѣла церковныя и что надъ духовными владыками она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ. „Низвергнуть Никона, поработителя архіереевъ,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ,—и въ то же время доставить торжество его идеямъ, что священство выше царства, это значило бы для архіереевъ разомъ освободиться не только отъ подавляющаго ихъ преобладанія патріаршей власти, которой въ лицѣ Никона былъ бы данъ хорошій урокъ, но и отъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла государственной власти, которая, не менѣе патріаршей, очень сильно

давала чувствовать себя каждому архіерею". Поэтому скоро выяснилось, что русскіе архіереи будутъ поддерживать на соборѣ воззрѣнія осужденнаго ими же патріарха Никона. Но правительство царя Алексѣя Михайловича не могло допустить такого исхода дѣла. Мнѣніе русскихъ архіереевъ правительство рѣшило опровергнуть мнѣніемъ болѣе авторитетнымъ. На востокъ къ патріархамъ еще до собора царь обратился съ особой грамотой, въ которой ставилъ на благовоззрѣніе вселенскихъ учителей рядъ вопросовъ объ отношеніи духовной и свѣтской власти. Патріархи, соборно обсудивъ царскіе вопросы, прислали царю отвѣты за собственноручными подписями; въ своихъ отвѣтахъ патріархи торжественно провозглашали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ самого Бога на землѣ, и что патріархъ, какъ и всякій архіерей, наравнѣ со всѣми другими подданными, обязанъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ и въ случаѣ сопротивленія „да страждетъ казнь, яко безправильное нѣчто сотворивый".

Отвѣтъ патріарховъ рѣшалъ вопросъ такъ, какъ то было желательно свѣтской власти, но на соборѣ въ 1667 г. русскіе архіереи, воспользовавшись присутствіемъ двухъ патріарховъ, стали возражать на грамоту патріарховъ; особенно горячо оспаривали рѣшеніе восточныхъ патріарховъ Павелъ, митрополитъ крутицкій, и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій. Они и подняли на соборѣ вопросъ объ отношеніи свѣтской и духовной власти, называя мнѣніе восточныхъ патріарховъ неполнымъ и одностороннимъ, вынесеннымъ безъ достаточнаго обсужденія вопроса. Начались очень горячія пренія, послѣ которыхъ соборъ постановилъ, что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другого.

Но осуществить въ жизни такое серединное постановленіе оказалось невозможнымъ. Выборъ патріарха находился въ зависимости отъ царя всея Руси; послѣ Никона этой высокой степени не достигалъ ни одинъ сколько-нибудь самостоятельный, сильный характеромъ и энергіей человѣкъ. Свѣтская власть явно превозмогала.

Такъ закончилась наиболѣе яркая и послѣдняя сильная борьба духовной и свѣтской власти на Руси. Духовенству пришлось подчиниться и превратиться въ такихъ же покорныхъ слугъ царской власти, какъ и всѣ другіе чины тогдашняго русскаго общества. Петръ Великій, признавъ патріаршество несовмѣстнымъ со своимъ самодержавіемъ, уничтожилъ патріаршество, установивъ вмѣсто него Святѣйшій Правительствующій Синодъ, т.-е. собраніе архіереевъ, созываемыхъ по выбору правительства для управленія церковью. Тѣмъ самымъ было рѣшительно опредѣлено мѣсто духовныхъ сановниковъ въ государствѣ. „Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея,—гласилъ законъ

Петра Великаго,—и невысоко бы о ней мыслилъ: дѣло убо великое, но честь никаковая"; указывая затѣмъ, что епископы — только орудія спасающей благодати Божіей, законъ подчеркивалъ: „честь (епископовъ) умѣренная есть, а лишняя и, почитай, равно царская да не будетъ"...

Наблюдать за дѣятельностью Синода, какъ представитель свѣтской власти, былъ назначенъ оберъ-прокуроръ. Члены Синода при вступленіи въ должность обязаны были давать присягу, какъ всѣ чиновники, но съ такимъ добавленіемъ: „признаю и клятвою утверждаю, что верховный судья сего Св. Синода есть императоръ всероссійскій, нашъ государь всемилостивѣйшій".

Такимъ образомъ во главѣ управленія церковью, по законодательству Петра Великаго, стала самодержавная императорская власть. Какъ блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святого благочинія, какъ христіанскій государь, какъ верховный защитникъ и хранитель догматовъ православной церкви, императоръ всероссійскій именуется въ законѣ (Основн. Госуд. Зак., ст. 42) главой церкви. Какъ глава церкви, императоръ всероссійскій управляетъ ею чрезъ посредство учрежденнаго самодержавной властью Синода (ст. 43). Императору же принадлежитъ право верховнаго и окончательнаго суда надъ архіереями.

Главнѣйшія пособія: *Преосв. Макарій*, „Исторія русской церкви", т. X; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. XI; *А. С. Павловъ*, „Курсъ церковнаго права"; *М. Писаревъ*, „Домашній бытъ русскихъ патріарховъ"; *Н. Ѳ. Каптеревъ*, „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ"; *А. Я. Шпаковъ*, „Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ"; и другія сочиненія.

Заставка—изъ рукописнаго „Пролога" XIV в., буква—съ рукописи XVI в.

Большая государственная печать царя Ивана Васильевича Грознаго. (Уменьшена на половину).

Боярская Дума.

Во главѣ управленія Московскимъ государствомъ стояла Боярская Дума—совѣтъ знатныхъ и родовитыхъ людей, близкихъ къ царю по заслугамъ и родству. Здѣсь вершились всѣ государственныя дѣла, и, не „поговоря съ бояры“, московскій государь обыкновенно не предпринималъ ничего важнаго. По статьѣ 98 Судебника 1550 года „дѣла государевы новыя, въ семъ Судебникѣ не писанныя“, должны были вершиться „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору“ и только тогда получали силу закона. Боярская Дума не есть историческое названіе верховнаго правительственнаго учрежденія Московскаго государства; памятники XVI и XVII вв. рѣдко называютъ ее Думой просто, а чаще выражаются описательно: „и бояре, и окольничіе, и думные люди“, „всѣ бояре“, „царь и бояры“; люди же книжные называли Думу „синклитъ“ или „палата“.

Первые русскіе князья во всѣхъ дѣлахъ совѣтовались со своими старшими дружинниками. Святославъ не принималъ христіан-

ства, зная, что дружина его не расположена къ новой вѣрѣ. Владимиръ Святой не дѣлалъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ дружиной своей и „старцами градскими“, т.-е. съ наиболѣе значительными по своему происхожденію и богатству горожанами. Владимиръ Мономахъ, собираясь въ походъ на половцевъ, держалъ о томъ совѣтъ со своей дружиной и дружиной Святополка.

Московскіе князья удѣльнаго времени дружно работали надъ собираніемъ Русской земли объ руку со своими совѣтниками и помощниками—боярами. Дядя Донского, великій князь Семенъ, въ своей „душевной грамотѣ“, т.-е. въ духовномъ завѣщаніи, такъ писалъ, обращаясь къ своимъ наслѣдникамъ: „Слушали бы вы отца вашего владыки Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Великій князь Димитрій Донской, давая наставленіе дѣтямъ своимъ, говорилъ имъ такъ: „Бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже творите, привѣтливи будьте ко всѣмъ слугамъ своимъ“. Обращаясь къ самимъ боярамъ, великій князь напоминалъ имъ: „Вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей“.

Бояре удѣльныхъ временъ были вольные слуги, служившіе князю по вольному уговору съ нимъ. Бояриномъ называли тогда состоятельнаго человѣка, крупнаго землевладѣльца, изъ рода въ родъ служившаго у того или иного удѣльнаго князя и занимавшаго на этой службѣ высшія должности. Въ XIV вѣкѣ боярство становится чиномъ, который жалуется отъ князя его ближайшимъ совѣтникамъ. Чтобы имѣть право участвовать въ Думѣ удѣльнаго князя, надо быть бояриномъ. Въ 1332 году великій князь Иванъ Калита „даде боярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Нестеровичу. Въ удѣльныя же времена встрѣчаются упоминанія и о существованіи второго думнаго чина Московскаго государства — окольничества. Окольничій принадлежалъ всегда къ числу бояръ введенныхъ. Это былъ ближайшій къ князю человѣкъ его свиты, находившійся постоянно при князѣ, около него.

Недовольный княземъ, которому служилъ, бояринъ удѣльныхъ временъ всегда могъ уйти отъ него къ другому князю, и это не считалось ни измѣной, ни зазорнымъ дѣломъ; мало того, „отъѣхавшій“, какъ тогда говорили, къ другому князю бояринъ, если владѣлъ землей въ княжествѣ перваго, продолжалъ невозбранно пользоваться своимъ имуществомъ, находясь на службѣ у другого князя.

Русская земля того времени хотя и раздѣлялась на множество отдѣльныхъ, мелкихъ и крупныхъ княжествъ, но ни населеніе этихъ княжествъ, ни сами князья не считали себя чуждыми другъ другу.

Благодаря общности языка, вѣры, обычаевъ и занятій, всѣ сознавали, что Русская земля—одно цѣлое, и потому между отдѣльными княжествами „путь былъ чистъ, безъ рубежа“, т.-е. не было границъ, строго замыкавшихъ одно княжество отъ дру-

гого, и простые люди, такъ же, какъ и бояре, могли свободно переѣзжать изъ одного княжества въ другое. Гдѣ жили, тамъ и служили и князю той области платили подать. Переходили почему-либо въ другую область, платили и служили другому князю. Онъ вѣдь былъ такой же русскій князь, какъ и тотъ, чьи владѣнія покинулъ переселенецъ.

Приходившимъ къ нимъ на службу знатнымъ людямъ князья давали мѣста, смотря по происхожденію пришельцевъ, по мѣсту, какое они занимали у прежняго князя, которому служили, и по личнымъ доблестямъ. Знаменитому пришельцу часто давали мѣсто более почетное, отодвигая ради этого назадъ старыхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сподвижниковъ и думцевъ. Попасть на мѣсто высшее и оттѣснить прежнихъ слугъ называлось тогда „заѣхать“ ихъ. Такъ, когда къ Ивану Калитѣ пріѣхалъ упомянутый уже Родіонъ Нестеровичъ, приведшій съ собой 1700 человѣкъ, то великій князь сдѣлалъ его первымъ своимъ бояриномъ и далъ ему половину Волока. Этимъ „заѣздомъ“ оскорбился бояринъ Акиндинъ и отъѣхалъ къ сопернику московскаго князя, тверскому великому князю Михаилу. По проискамъ Акиндина тверичи захватили одну изъ московскихъ волостей и осадили Калиту въ Переяславлѣ. Акиндинъ самъ распоряжался осадой; на выручку князя явился Родіонъ; онъ напалъ на войско Акиндина съ тылу, а князь сдѣлалъ вылазку изъ города. Тверичи были разбиты, и самъ Акиндинъ палъ отъ руки Родіона, который воткнулъ голову Акиндина на копье и сбросилъ ее передъ Калитой со словами: — „Се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава!“.

Въ княженіе Донского волынскій выходецъ Боброкъ „заѣхалъ“ Тимоѳея Вельяминова, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто. При сынѣ Донского Василіи пріѣхалъ въ Москву на службу литовскій князь Юрій Патрикѣевичъ и заѣхалъ всѣхъ первостепенныхъ бояръ, между прочими и Ѳедора Сабура. Это произошло по соглашенію князя съ его боярами: онъ „упросилъ мѣсто“ князю Юрію, когда выдалъ за него сестру свою Анну. У князя Юрія былъ братъ старшій, по прозванію Хованскій. На свадебномъ пиру бояринъ Ѳедоръ Сабуръ „посѣлъ“, т.-е. занялъ мѣсто выше Хованскаго. И тотъ молвилъ Сабуру: — „Сядь ниже. Я старшій братъ князя Юрія, а князь Юрій выше всѣхъ сидитъ“. Ѳедоръ Сабуръ отказался, замѣтивъ: — „У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ!“ — намекая на то, что князь Юрій сидитъ высоко по женѣ, какъ свойственникъ великаго князя. Кика — женскій головной уборъ, который надѣла княжна Анна, выйдя замужъ за князя Юрія.

Но вотъ мало-по-малу Московское княжество все растетъ и усиливается. Оно сломило татаръ, удачно отбивалось отъ Литвы, болѣе спокойно устраивало свою внутреннюю жизнь. Другимъ князьямъ стало не подъ силу тягаться съ московскимъ великимъ княземъ, и вотъ они всѣ, одинъ за другимъ, кто волей, кто не-

волей, признаютъ первенство московскаго князя, становятся его подручными и слугами и переселяются на житье въ Москву, а ихъ княжества сливаются съ московскими владѣніями, образуя одно великорусское государство.

По договору съ московскимъ великимъ княземъ, уступая ему свои княжества и становясь слугами московскаго государя, княжата сохраняли не только большія земельныя владѣнія въ предѣлахъ бывшихъ своихъ княжествъ, но и нѣкоторыя владѣльческія права. Князь Курбскій разсказываетъ, что князья М. И. Воротынскій и Н. Р. Одоевскій еще въ 1570-хъ годахъ сидѣли на своихъ удѣлахъ и огромныя вотчины подъ собой имѣли. Князь Воротынскій владѣлъ $^{1}/_{3}$ города Воротынска. Приставъ государя великаго князя не имѣлъ права въѣзжать въ имѣнія князей Оболенскихъ. На государеву службу такіе владѣльцы-княжата приводили тысячные отряды вооруженныхъ слугъ; они имѣли право суда въ своихъ прежнихъ областяхъ, могли раздавать отъ себя свои земли въ помѣстья другимъ. При дворѣ московскаго государя такіе бояре-княжата заняли, конечно, первое мѣсто и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ ихъ родословную среду не проникали люди мелкіе, неродословные.

Думные люди второй половины XVII в. въ шубахъ турскихъ и шапкахъ горлатныхъ.

Но, превратившись изъ удѣльныхъ князей и самостоятельныхъ владыкъ въ подневольныхъ совѣтниковъ и слугъ, прежніе князья и ихъ потомки долго не могли привыкнуть къ подчиненному положенію совѣтниковъ. Потомки великихъ удѣльныхъ князей никакъ не могли помириться съ мыслью, что имъ приходится сидѣть въ совѣтѣ московскаго государя рядомъ съ потомками простыхъ князей и даже съ обыкновенными московскими боярами. Потомки простыхъ князей, въ свою очередь, косо смотрѣли на бояръ некняжескаго происхожденія.

Изъ такого положенія дѣлъ выросъ цѣлый распорядокъ

мѣстъ, которыми родовитые люди считались другъ съ другомъ и за царскимъ столомъ и за думнымъ сидѣньемъ, и командуя войскомъ и отправляя гражданскую должность. Какъ общее правило, въ этомъ распорядкѣ мѣстъ было принято, что бывшій удѣльный князь становится и садится выше боярина некняжескаго происхожденія, хотя бы удѣльный князь только-что порядился на службу московскому государю, а простой бояринъ былъ потомкомъ цѣлаго ряда предковъ, служившихъ въ Москвѣ. Этимъ объясняется, почему въ XV и XVI вв. вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія въ Москвѣ стоятъ потомки прежнихъ удѣльныхъ князей и только изрѣдка появляется кто-нибудь изъ Воронцовыхъ, Морозовыхъ, Годуновыхъ да Кошкиныхъ, старинныхъ московскихъ бояръ.

Сами потомки прежнихъ удѣльныхъ князей разстанавливались на московской службѣ по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ предки; потомокъ княжеской вѣтви, занимавшей старшій изъ столовъ какой-нибудь линіи—ростовской, ярославской, тверской,—становился выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. Удѣльный князь, дѣлаясь слугой Москвы, становился выше стариннаго московскаго боярина потому, что послѣдній служилъ, когда первый самъ былъ государемъ и имѣлъ своихъ слугъ. Но если удѣльный князь переходилъ въ Москву не сразу со своего стола, а сначала служилъ какому-либо другому великому или удѣльному князю, то такой удѣльный князь становился на московской службѣ ниже старинныхъ московскихъ бояръ: московскіе бояре служили московскому великому князю, который былъ выше всѣхъ князей, а потому слуги удѣльныхъ князей, кто бы они ни были по своему происхожденію, должны были стоять ниже слугъ московскаго государя. Въ 1572 г. думный дворянинъ Романъ Олферьевъ Безнинъ, назначенный служить товарищемъ при казначеѣ князѣ Масальскомъ, потомкѣ черниговскихъ князей, обидѣлся этимъ назначеніемъ и въ своей жалобѣ государю, доказывая, что ему меньше князя Масальскаго быть нельзя, говорилъ: „Мы холопи твои искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали, окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ князьямъ: князь Иванъ Масальскій-Колода служилъ князю И. Воротынскому, были ему приказаны собаки“, т.-е. онъ былъ путнымъ ловчаго пути. Князь Масальскій призналъ это, заявивъ на судѣ, что „Романъ человѣкъ великій, а онъ человѣкъ молодой и счету съ Романомъ не держитъ никотораго“.

Первый разрядъ московскаго боярства составили потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ—князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пенковы, старшіе Ростовскіе, Шуйскіе и др.; рядомъ съ ними стояли высшіе служилые князья, предки которыхъ, Гедиминовичи, пріѣхали въ Москву изъ Литвы: таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича: Голицыны, Куракины, Хо-

ванскіе и др.; изъ простого московскаго боярства въ этотъ небольшой кругъ избранной знати проникали и съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались въ немъ только одни Кошкины, потомки выходца изъ Пруссъ Андрея Кобылы, извѣстные потомъ подъ фамиліями Захарьиныхъ-Юрьевыхъ и Романовыхъ. Второй слой московской знати составляли князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и др.; то были князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе; въ ряду съ ними считались обыкновенно всѣ первостепенные старинные московскіе бояре—Воронцовы, Морозовы, Шереметевы, Давыдовы, Челядднины, Ховрины, Головины и др. Третій разрядъ московской знати составляли потомки мелкихъ удѣльныхъ князей, какъ пришедшихъ въ Москву прямо со стола, такъ и служившихъ передъ тѣмъ у другихъ князей; то были князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и многіе другіе; въ уровень съ ними шло второстепенное старинное московское боярство—Колычевы, Сабуровы, Салтыковы и др.

Думный человѣкъ въ становомъ кафтанѣ и въ шапкѣ горлатной (XVII в.). Видъ изображаетъ внутренность меньшей Золотой палаты въ кремлевскомъ дворцѣ во второй половинѣ XVII в.

На этомъ расчетѣ первыхъ людей въ государствѣ по ихъ знатности вслѣдствіе происхожденія держался весь служебный распорядокъ мѣстъ по высшему управленію, и противъ этого порядка была безсильна и воля московскихъ государей и служебныя заслуги отдѣльныхъ лицъ; противъ боярскаго отечества никакія ссылки на многія службы не помогали. Въ 1616 г. князь Ѳ. Волконскій жаловался, что ему по своей службѣ обидно быть меньше боярина П. Головина. Бояре, разбиравшіе по указу государя дѣло, напомнили князю Волконскому, что его ссылка на службу нелѣпа, что такому родословному человѣку, какъ Головинъ, нѣтъ счету съ нимъ, княземъ Волконскимъ, а что касается его службы, то за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ. Государь можетъ пожаловать и боярство неродословному человѣку, но это не сдѣлаетъ его родословнымъ. Бояре ревниво оберегали свои

права на высшія мѣста въ управленіи и признавали неопровержимымъ правиломъ, что „за службу жалуетъ государь помѣстьями и деньгами, а не отечествомъ“, и что государь обязанъ считаться съ ихъ „отечествомъ“.

Опираясь на мѣстничество, княжеская знать дѣлала свое первенствующее положеніе въ правительствѣ независимымъ какъ отъ великаго государя, который не могъ жаловать „отечества“ и долженъ былъ всѣ служебныя и думныя назначенія согласовать съ мѣстничествомъ, такъ и отъ служебныхъ успѣховъ незнатныхъ лицъ, которыя, проникая на верхи правительственнаго класса, могли бы оттѣснять знатныхъ людей отъ первыхъ мѣстъ въ правительствѣ.

Князь И. Б. Репнинъ, ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича († 1697 г.). Съ портрета того времени.

Къ половинѣ XVI в. это взаимоотношеніе знатныхъ фамилій было строго установлено, и московское правительство при всѣхъ своихъ служебныхъ назначеніяхъ тщательно соблюдаетъ правила мѣстническаго распорядка. Офиціальная родословная книга—„Государевъ родословецъ“, содержавшая въ себѣ поименныя росписи важнѣйшихъ служилыхъ родовъ въ порядкѣ поколѣній, была составлена въ началѣ царствованія Грознаго. Фамиліи, помѣщенныя въ государевомъ родословцѣ, назывались родословными. По родословцу опредѣляли старшинство лицъ одной фамиліи, когда имъ приходилось отбывать службу по одному наряду.

Для опредѣленія служебнаго старшинства лицъ разныхъ фамилій въ 1556 г. составлена была книга—„Государевъ разрядъ“, гдѣ были записаны росписи назначеній знатныхъ лицъ на высшія должности придворныя, по центральному и областному управленію, начальниками приказовъ, намѣстниками и воеводами городовъ, полковыми походными воеводами и т. п. Государевъ разрядъ составился изъ обычныхъ погодныхъ росписей службъ за 80 лѣтъ назадъ, т.-е. начиная съ 1475 г.

Опредѣляемое по государеву родословцу служебное отношеніе знатнаго человѣка къ его родичамъ и устанавливаемое Государевымъ разрядомъ его отношеніе къ чужеродцамъ назы-

валось его „мѣстническимъ отечествомъ"; утвержденное записью въ разрядѣ положеніе его рода среди другихъ знатныхъ родовъ составляло „родовую честь", выяснявшую служебное достоинство знатнаго человѣка.

Мѣстничество устанавливало, слѣдовательно, не наслѣдственность служебныхъ должностей, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между отдѣльными знатными родами. „Отечество" пріобрѣталось рожденіемъ, происхожденіемъ, принадлежностью къ знатному роду. Но эту унаслѣдованную отеческую честь поддерживала служба, соотвѣтственная родовому отечеству. Вольное или невольное уклоненіе знатнаго человѣка отъ службы вело къ „закоснѣнію" всего его рода. Человѣку, выросшему въ закоснѣніи, трудно было выдвинуться на высокое мѣсто. Такъ, напримѣръ, „закоснѣли" князья Пожарскіе. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ старшій князь Пожарскій подвергся государевой опалѣ и былъ посланъ на житье въ свои деревни. Дѣти его служили не съ Москвы, а съ города, т.-е. вмѣстѣ съ городовыми дворянами, и знаменитый впослѣдствіи освободитель Москвы отъ польскаго плѣна князь Д. М. Пожарскій только по особой милости царя Василія началъ службу стольникомъ, тогда какъ, если бы его отецъ „жилъ" на Москвѣ, князь Д. М. Пожарскій по своей знатности могъ бы начать службу прямо бояриномъ. Боярское званіе князь Д. М. Пожарскій получилъ за свои великія заслуги отъ царя Михаила.

Счетъ по родословцу покоился на обычномъ размѣщеніи по старшинству членовъ старинной русской семьи. По обычаю въ семьѣ, состоявшей изъ отца съ женатыми сыновьями, первое мѣсто послѣ отца принадлежало старшему его сыну, а когда отецъ умиралъ, то старшему изъ братьевъ; за нимъ, по старшинству, второе и третье мѣсто занимали два слѣдующихъ брата, четвертое мѣсто принадлежало старшему сыну старшаго брата; четвертый братъ считался ровней своему старшему племяннику, это значитъ, они сидѣли не рядомъ, а врозь или насупротивъ, и т. д. Такимъ образомъ у каждаго члена рода было свое мѣсто въ фамиліи, отсюда и самый счетъ мѣстами называется мѣстничествомъ.

Общимъ правиломъ было то, что младшій ни на какой службѣ не могъ занять болѣе высокое служебное мѣсто, нежели мѣсто старшаго родича. Для этого всѣ „службы", всѣ вѣдомства, всѣ должности, мѣста въ Думѣ раздѣлялись въ извѣстномъ порядкѣ старшинства. Московская армія ходила обыкновенно въ походъ пятью полками. Это были: большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ, смотря по величинѣ полка. Эти воеводы назывались большими, или первыми, другими, третьими и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто и главное командованіе принадлежало первому воеводѣ большого полка, второе—первому воеводѣ

правой руки, третье—первымъ воеводамъ передового и сторожевого полковъ, которые были, такимъ образомъ, ровни, „жили безъ мѣстъ", четвертое—первому воеводѣ лѣвой руки, пятое—второму воеводѣ большого полка, шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ воеводами въ одной арміи, старшій по отечеству былъ двумя мѣстами выше младшаго, то при назначеніи старшаго первымъ воеводой большого полка младшаго надо было назначить первымъ воеводой сторожевого или передового полковъ. Если его назначали мѣстомъ выше, большимъ воеводой правой руки, то старшій родичъ билъ челомъ, что такое повышеніе младшаго грозитъ ему, старшему, „потерькой" чести, отечества, что всѣ— и свои, и чужіе, считавшіеся ему ровнями, станутъ его „утягивать", понижать, считать себя выше его на одно мѣсто, такъ какъ онъ сталъ только однимъ мѣстомъ выше человѣка, который ниже его двумя мѣстами. Если младшаго назначали ниже, чѣмъ слѣдовало бы по мѣсту его внизъ отъ старшаго, то онъ билъ челомъ о безчестьѣ, говорилъ, что такъ служить ему съ своимъ родичемъ „невмѣстно", что онъ „потеряетъ", а родичъ „найдетъ" передъ нимъ одно мѣсто. Повышеніе одного рода передъ другимъ называли „находкой", а пониженіе—„потерькой". Служба противъ татаръ считалась ниже службы противъ Литвы; служба съ Москвы выше службы съ городовъ. Всякое служебное назначеніе, на которомъ впослѣдствіи самъ назначенный или его родичи могли основывать свое право получить высшее передъ другими мѣсто, называлось „случаемъ".

Сложнѣе было произвести правильный мѣстническій расчетъ, когда люди двухъ разныхъ родовъ назначались на службу съ подчиненіемъ одинъ другому. Тогда надо было зорко смотрѣть, „знать себѣ мѣру", чтобы высчитать, кто кому „въ версту", и „вмѣстно ли" служить назначеннымъ на службу такъ, какъ сказано въ царскомъ указѣ. Для этого надо было справиться въ разрядахъ и поискать случая, когда предки назначаемыхъ лицъ служили вмѣстѣ. Установивъ, въ какихъ чинахъ служили предки и на сколько должностныхъ мѣстъ отстоялъ одинъ отъ другого, оба назначенные брали свои родословцы и высчитывали каждый свое разстояніе отъ того предка, съ которымъ служилъ предокъ совмѣстника. Если это разстояніе было одинаково, то они могли служить въ такомъ же соотношеніи, какъ предки; но если одинъ отстоялъ отъ своего предка дальше, чѣмъ другой отъ своего, то онъ долженъ былъ опуститься на соотвѣтствующее количество служебныхъ мѣстъ ниже. Во времена царя Михаила при одномъ назначеніи кн. Пожарскій былъ поставленъ ниже Б. Салтыкова. Пожарскій указалъ, что ему невмѣстно быть ниже Салтыкова. Но царь и дума рѣшили иначе. Бояре разсчитали такъ: Пожарскій родичъ и родня кн. Ромодановскому—оба изъ князей стародубскихъ, а Ромодановскій бывалъ на службѣ меньше М. Салтыкова, а М. Салтыковъ въ

своемъ родѣ меньше Б. Салтыкова, стало-быть кн. Пожарскій можетъ быть меньше Б. Салтыкова.

Считавшійся болѣе знатнымъ ни за что не хотѣлъ ни сидѣть, ни служить ниже менѣе знатнаго. Человѣкъ извѣстной степени знатности готовъ былъ занять какое угодно мѣсто на службѣ, только бы менѣе знатный былъ соотвѣтственно ниже его на этой же службѣ. Отправляютъ войско въ походъ. Знатный человѣкъ, князь Одоевскій, ни за что не согласится командовать правымъ крыломъ, если заходитъ рѣчь о томъ, что главный корпусъ, а слѣдовательно и главное командованіе надо поручить Бутурлину. Но тотъ же князь Одоевскій согласится безъ возраженій командовать лѣвой рукой, т.-е. занять мѣсто послѣдняго среди главныхъ командировъ, если всѣ высшія мѣста будутъ заняты людьми знатнѣе его по происхожденію и службѣ.

Человѣкъ XVII вѣка, Г. Котошихинъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича" разсказываетъ, что когда у царя бываетъ парадный обѣдъ, то приглашенные бояре „садятся за столъ по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, околничей подъ околничимъ и подъ боярами, думной человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ околничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домомъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости, и такихъ царь отпущаетъ. А будеть царь увѣдаетъ, что они учнутъ у него проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или, не прошався царя, поѣдетъ къ себѣ домовь: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть подъ кѣмъ доведется. И они садитись не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина или околничего или думнаго человѣка сидѣти немочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или честняя, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ; и такова царь велитъ посадити силно; и онъ посадити себя не дастъ и того боярина безчеститъ и лаетъ. А какъ ево посадятъ силно, и онъ подъ нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и розговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: „хотя-де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть", и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрму или до указу къ себѣ на очи пущать не велитъ. А послѣ того за то ослушаніе отымаетца у нихъ честь боярство или околничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старыя своея службы дослуживаются вновь". Такъ упорно отстаивали знатные люди свое старшинство, шли подъ царскій гнѣвъ, только бы не унизить своего родословнаго старѣйшинства и не создать своему роду потерьки.

Верховнымъ судьей такихъ споровъ изъ-за мѣстъ былъ вели-

кій государь, разбиравшій мѣстническія дѣла или самолично, или поручавшій разборъ ихъ Боярской Думѣ.

Споры о мѣстахъ, безъ чего не обходилось почти ни одно высшее назначеніе, ни одинъ пиръ въ царскомъ дворцѣ, заставляли правительство прибѣгать къ одной мѣрѣ, которая нѣсколько смягчала вредныя для дѣла слѣдствія мѣстничества. Это было объявленіе данной службы или собранія безъ мѣстъ. Въ военномъ управленіи нѣкоторыя должности полковыхъ воеводъ были объявлены въ XVII в. навсегда „безъ мѣстъ". Тогда не могло быть никакого спора о мѣстахъ, а если какой-нибудь княжичъ заупрямится служить рядомъ съ менѣе знатнымъ человѣкомъ и станетъ бить челомъ, что-де ему съ такимъ-то на службѣ „быти не мочно", то изъ Москвы царь пошлетъ ему строгій выговоръ. „Не дуруй! Вѣдаемъ мы своихъ холопей и на свою службу посылаемъ, гдѣ кому пригоже быть; а тѣ полки давно приговорены посылать безъ мѣстъ". Иныхъ упрямцевъ и такая строгая отповѣдь не приводила въ благоразуміе.

Но въ XVI вѣкѣ дѣло такъ просто не обстояло. Въ 1579 г. бояре и воеводы московской арміи, перессорившись изъ-за мѣстъ, замялись и не пошли на непріятельскій городъ. Тогда царь Иванъ Васильевичъ Грозный, „кручинясь", прислалъ въ армію дьяка и московскаго дворянина, приказавъ имъ промышлять всѣмъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ только „быть" при этихъ случайныхъ главнокомандующихъ.

Спорившаго изъ-за мѣста неосновательно, „не по дѣломъ", царь, послѣ разсмотрѣнія дѣла, приказывалъ „выдать головой" тому, кого этотъ несправедливый спорщикъ хотѣлъ „пересѣсть". Выдача головой происходила такъ: по царскому приказанію дьякъ или подьячій велъ „выдаваемаго головой" пѣшкомъ на дворъ соперника. Одно это путешествіе пѣшкомъ составляло для знатнаго человѣка безчестіе. Приведя виноватаго на дворъ его соперника, подьячій ставилъ его на нижнемъ крыльцѣ и объявлялъ хозяину, что царь пожаловалъ его—выдаетъ ему такого-то головой. Пожалованный билъ челомъ на царской милости и дарилъ дьяка или подьячаго, а выданнаго ему головой отпускалъ домой, стараясь быть съ нимъ поласковѣе, но все-таки не позволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ. Выданный головой обыкновенно при этомъ ругался и бранился, какъ умѣлъ, и пожалованный долженъ былъ сносить эту брань терпѣливо, иначе, отвѣтомъ на оскорбленія, онъ оскорбилъ бы „пославшаго", т.-е. самого царя.

Когда спорщикъ изъ-за мѣста возбуждалъ дѣло слишкомъ неосновательно, то царь, кромѣ выдачи головой, приказывалъ еще наказать его батогами, если мѣстникъ не былъ думнымъ человѣкомъ; думные люди тѣлесному наказанію не подлежали.

Такимъ образомъ высшій правительственный классъ Московскаго государства составляли люди родословные, знатные, ари-

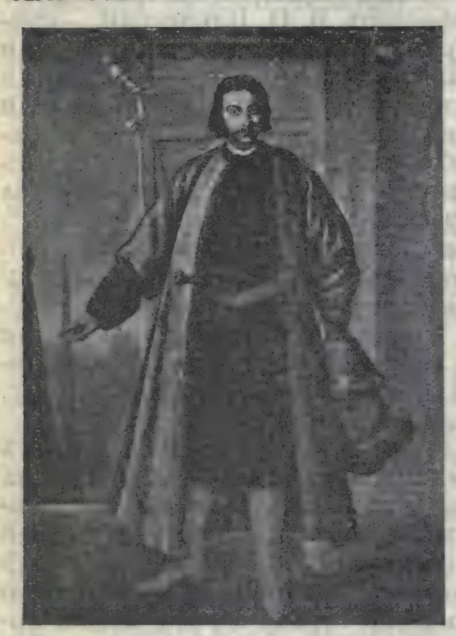
стократы, говоря языкомъ нашего времени. Эти родословные люди путемъ мѣстничества строго держали высшее управленіе въ своемъ кругу и сообщали всему государственному строю Московскаго государства аристократическій характеръ; другими словами, царь всея Руси правилъ при помощи знатныхъ людей, знатныхъ по происхожденію, которыхъ онъ не могъ не назначать на высшія должности, а назначая, долженъ былъ руководствоваться „породой" тѣхъ, кого назначалъ, а не заслугами ихъ на службѣ. „Глядя на такой составъ высшаго правительства въ первой половинѣ XVI в,—говоритъ профессоръ В. О. Ключевскій,—приказный московскій публицистъ, умѣвшій „воротить" лѣтописцами и родословными, могъ основательно сказать: „То все старинныя привычныя власти Русской земли; тѣ же власти, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, онѣ правятъ всею землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства разстанавливаясь у главныхъ колесъ правительственной машины". Но если московское боярство своимъ новымъ составомъ могло производить такое впечатлѣніе на общество, то его правительственное положеніе давало и ему право сказать: мы, совѣтники государя Московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти въ Думу, что мы сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь правитъ Русской землей съ нами именно потому, что мы, то-есть наши отцы, правили ею и безъ него".

Но когда московскій князь сталъ великимъ княземъ, царемъ и государемъ самодержцемъ всея Руси, онъ не могъ признавать стремленій княжого боярства на обязательное для него первенство княжатъ въ Думѣ и на службѣ. Новое отношеніе къ высшей знати со стороны московскихъ государей возбуждало въ средѣ бояръ опасенія и желанія во что бы то ни стало сохранить свою власть. Въ средѣ княжатъ подымалась глухая борьба, козни, интриги, сношенія съ иноземцами,—все въ цѣляхъ охраны своего верховнаго положенія въ государствѣ. Въ малолѣтство сына Василія III эти затаенныя стремленія знати вскрылись, а когда малолѣтній великій князь Иванъ Васильевичъ выросъ и сталъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, впечатлѣнія дѣтства дали ему достаточно тяжелыхъ воспоминаній, чтобы внести озлобленность въ его отношенія къ совѣтникамъ верховной власти. Началась знаменитая борьба царя Ивана со знатью. Путемъ опричины онъ сдѣлалъ княжую знать безсильной и значительно подорвалъ ея богатства. Многія знатныя семьи были истреблены. Чтобы умѣрить въ Думѣ значеніе бояръ-княжатъ, царь Иванъ сталъ назначать туда людей незнатныхъ, но знающихъ дѣло и зависѣвшихъ въ своемъ благополучіи не отъ „породы", а отъ него— великаго государя. Такихъ незнатныхъ, но нужныхъ ему людей царь Иванъ жаловалъ чиномъ думныхъ дворянъ. Они засѣдали въ Думѣ вмѣстѣ съ боярами и окольничьими.

Преслѣдуя знать и стараясь держать ее по возможности

дальше отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, царь Иванъ и въ приказы назначалъ попрежнему на первыя мѣста бояръ, а въ товарищи имъ давалъ дьяковъ, людей простыхъ, выслуживавшихся только своимъ знаніемъ дѣла. Дьяки являются въ XVI в. собственно настоящими правителями приказовъ и въ этомъ званіи оказываютъ сильное вліяніе на дѣла въ Боярской Думѣ, участвуя въ ея засѣданіяхъ въ чинахъ думныхъ дьяковъ.

Такимъ образомъ съ конца XVI в. Боярская Дума перестаетъ быть совѣтомъ исключительно знати, княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей при государѣ всея Руси, и въ среду ея начинаютъ проникать новые люди, незнатные, въ чинахъ думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Думные дьяки не имѣютъ права сидѣть въ Думѣ безъ разрѣшенія государя, но участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ съ такимъ же правомъ голоса, какъ и первостепенные бояре и окольничіе.

Князь А. Б. Репнинъ.
Съ портрета второй половины XVII в.

Въ Смутное время княжое боярство попыталось вернуть свою силу. Свергнувъ съ престола перваго самозванца, бояре провозгласили царемъ одного изъ знатнѣйшихъ въ ихъ средѣ, князя Василія Шуйскаго, но противъ этого „боярскаго царя“ поднялись и средніе служилые люди и крестьянство, т.-е. тѣ слои населенія, которые больше другихъ терпѣли отъ боярскаго засилья. Царь Василій недолго усидѣлъ на царствѣ. Боярство окончательно уронило свое значеніе въ народѣ послѣ того, какъ согласилось на избраніе въ цари московскіе и всея Руси польскаго королевича Владислава. Наличная Боярская Дума выдержала, правда, не совсѣмъ по своей волѣ осаду Кремля вмѣстѣ съ польскимъ гарнизономъ, когда на выручку Москвы пришло ополченіе низовыхъ городовъ. Политическое вліяніе боярства упало въ это время такъ, что, когда началось избраніе новаго царя, избирательный соборъ предложилъ думцамъ уѣхать въ ихъ деревни, и они были позваны въ Москву послѣ того, какъ намѣтилось избраніе новаго государя. Этому паденію политическаго значенія княжого боярства очень способствовало то обстоятельство, что послѣ мѣръ Грознаго царя и событій Смутнаго времени ряды знатнаго княжескаго боярства сильно порѣдѣли. Въ пер-

вой половинѣ XVII в., какъ замѣчаетъ Котошихинъ, „прежніе большіе роды князей и бояръ многіе безъ остатку миновались". Угасли фамиліи князей Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ, и мѣсто ихъ заняли другіе, менѣе родовитые люди. И при новыхъ царяхъ Боярская Дума попрежнему является совѣтомъ наиболѣе знатныхъ и родовитыхъ людей при государѣ, но теперь, въ XVII в., эта знать не такъ знатна, если можно такъ выразиться, какъ она была знатна въ XVI в.

Въ первомъ ряду бояръ царя Алексѣя стоятъ князья Одоевскіе, Голицыны, Пронскіе, Репнины, Ростовскіе-Бахтеяровы, Буйносовы, Темкины, Сицкіе, Трубецкіе, Урусовы, Шаховскіе, и изъ некняжескихъ фамилій — Морозовы и Шереметевы.

Портретъ князя П. С. Прозоровскаго († 1670 г.) и его двухъ сыновей; слѣва переводчикъ.
Съ портрета того времени.

Сдѣлаться думцемъ знатный человѣкъ и въ XVII в. можетъ только получивъ званіе боярина или окольничьяго; пожалованіе этими чинами зависитъ исключительно отъ воли государя; государь можетъ пожаловать въ бояре и любого незнатнаго человѣка, но не иначе, какъ онъ прослужитъ раньше въ нижнихъ чинахъ—стольника, думнаго дворянина, окольничьяго. Знатные же люди, члены перечисленныхъ родовъ, получали чинъ боярина сразу, минуя низшіе чины, и такому знатному человѣку царь долженъ былъ послать „сказать думу", когда онъ достигалъ извѣстнаго возраста.

Второй разрядъ высшей знати во времена царя Алексѣя составляли роды, члены которыхъ, прежде чѣмъ получить чинъ боярина, получали чинъ окольничьяго и до боярства должны были дослужиться. Въ этомъ разрядѣ были и княжескіе и старинные боярскіе роды—Романовы, Салтыковы, Стрешневы, Милославскіе, Нарышкины, князья Борятинскіе, Волконскіе, Долгорукіе, Лобановы-Ростовскіе, Лыковы, Хилковы, Черкасскіе и др.

Помимо Смуты и мѣропріятій Грознаго, паденію знатнаго боярства немало способствовало мѣстничество, безповоротно перепутавшее старшинство происхожденія и старшинство службы. Въ XVII в., какъ жалуется современная запись, получилось такое положеніе вещей, что „во многихъ родахъ отъ большова брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣ велики жи-

вутъ, и тѣ худые старшіе съ добрыми младшими по родословцу лѣствицею не тянутся, а тянутся по случаямъ разряда“. Такимъ образомъ явно падаетъ самая основа мѣстничества—поддержка значенія старшинства по происхожденію, замѣняясь даже внутри мѣстническихъ счетовъ старшинствомъ службы.

А въ тяжбѣ по разрядамъ играла важную роль власть царя; въ концѣ концовъ онъ рѣшалъ вопросъ о чести рода и вводилъ въ высшія правительственныя мѣста младшихъ мимо старшихъ. Это, конечно, способствовало только дальнѣйшему ослабленію княжескаго боярства, какъ перваго въ правительствѣ разряда людей. На власть государя взыскать своею милостью и возвысить человѣка въ XVII вѣкѣ начинаютъ ссылаться, какъ на нѣчто неоспоримое: „все дѣлается Божіемъ милосердіемъ да государевымъ призрѣніемъ, великъ и малъ живетъ государевымъ жалованіемъ“.

Такъ на смѣну прежняго правила жаловать царю бояръ своихъ по отечеству, т.-е. сообразно со службой отцовъ, выступаетъ новое: царь жалуетъ по всей своей волѣ кого хочетъ, мало считаясь со служебнымъ старшинствомъ и личной заслугоіі тѣхъ, кого хочетъ видѣть своими думцами.

Для предупрежденія мѣстническихъ стычекъ, такъ часто вредившихъ дѣлу, правительство все чаще приказываетъ при назначеніяхъ на службу „быть безъ мѣстъ“. Такъ, въ 1618 г. велѣно было всѣмъ чинамъ у всѣхъ государевыхъ дѣлъ быть безъ мѣстъ впредь по 1620 годъ. При царѣ Алексѣѣ мѣстничество, точно предчувствуя свою скорую гибель, выросло до необычайныхъ размѣровъ: всѣ стали мѣстничаться—послы, стольники, рынды, дьяки, гости, простые служилые люди, „засѣчные сторожа“, женщины.

Для службы мѣстничество являлось громаднымъ вредомъ. Въ жертву мѣстническимъ счетамъ приносились интересы самого дѣла. Глядя на людей знатныхъ, стали мѣстничаться люди неродословные, самыхъ мелкихъ чиновъ и совсѣмъ незнатнаго происхожденія. На что невелика была должность объѣзжихъ головъ—полицейскихъ начальниковъ въ Москвѣ, въ распоряженіи которыхъ были уличные сторожа изъ стрѣльцовъ, пушкарей и посадскихъ, но и тутъ существовало старшинство должностей. „Голова, который ѣздитъ беречь отъ Неглинной до Чертольскихъ воротъ, — говоритъ современный документъ, — больше того, кто ѣздитъ за городомъ, а тотъ того меньше, кто ѣздитъ отъ Яузскихъ воротъ по Неглинную, а тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ Китай-Городѣ, а кто ѣздитъ въ Китай-Городѣ, тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ большомъ городѣ; за Яузой кто ни ѣздитъ, тотъ всѣхъ меньше объѣзжихъ головъ“. Все это побудило московское правительство царя Алексѣя подумать объ отмѣнѣ мѣстничества совсѣмъ. При его наслѣдникѣ эта отмѣна и совершилась.

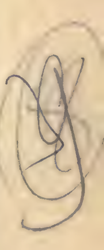
Въ 1681 г. одинъ изъ знатнѣйшихъ бояръ, человѣкъ обра-

зованный и просвѣщенный, князь Василій Голицынъ, обсуждая съ выборными служилыми людьми переустройство военной силы Московскаго государства, предложилъ „для лучшаго устроенія государевыхъ ратныхъ и посольскихъ всякихъ дѣлъ“ оставить и искоренить всѣ счеты мѣстами.

12 января 1682 г. царь Ѳедоръ Алексѣевичъ обсуждалъ этотъ вопросъ на соборѣ изъ думныхъ чиновъ, дворянъ и духовенства. Царь обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой указывалъ, какъ со временъ дѣда его, царя Михаила, началась постепенная отмѣна неприкосновенности мѣстничества, какъ при его отцѣ, царѣ Алексѣѣ, тоже во многихъ походахъ „всѣ чины были безмѣстны и во время того безмѣстія, при помощи Божіей, славныя надъ непріятелемъ побѣды учинилися. А которые бояре, презрѣвъ его государское повелѣніе, вчинили тогда мѣста, и тѣмъ чинено наказаніе и разореніе отнятіемъ помѣстій и вотчинъ“... Затѣмъ царь отмѣтилъ, что когда въ другихъ походахъ „между бояры и воеводы, для случаевъ отечества ихъ, многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота, и отъ того ихъ несогласія многій упадокъ ратнымъ людямъ учинился, а именно — подъ Конотопомъ, подъ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ“. Возникновеніе мѣстничества государь приписывалъ лукавству „злокозненнаго супостата общаго діавола“ и объявлялъ, что желаетъ „оныя разрушающія любовь мѣстничества разрушить и отъ такого злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединити“.

Патріархъ отвѣчалъ царю рѣчью, въ которой рѣзко порицалъ мѣстничество, какъ „источникъ горчайшій всякаго зла и Богу зѣло мерзскій, а царственнымъ дѣламъ вредительный“, и похвалялъ за доброе намѣреніе, „за премудрое благоволеніе“.

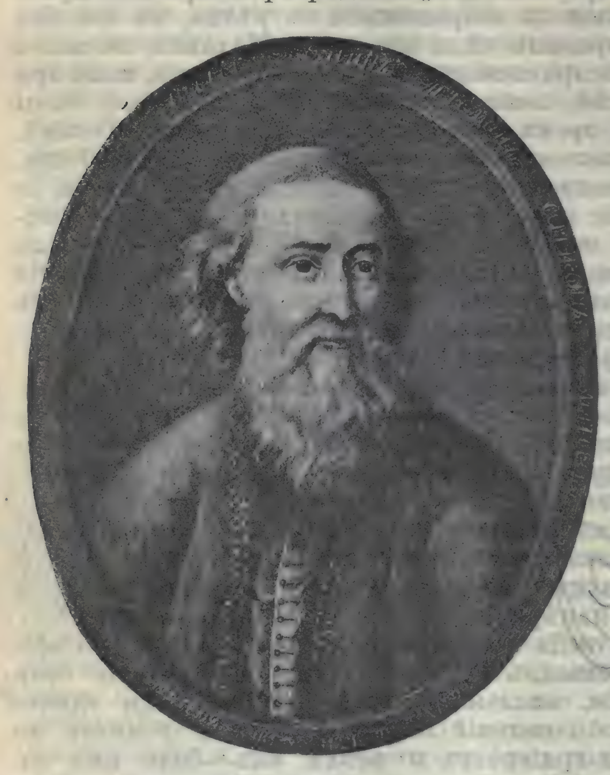
Царь обратился тогда къ боярамъ и просилъ ихъ, чтобы каждый изъ нихъ высказалъ „чистосердечно свою мысль безъ всякаго зазора“. Бояре, окольничіе, всѣ думные люди единогласно отвѣчали: „чтобы великій государь указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ и всѣхъ ихъ—быть имъ въ военныхъ чинахъ безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ мѣстничества великія напасти, нестроенія, разрушенія, непріятелемъ радованіе, а между ними самими было противное дѣло: великія продолжительныя вражды“.

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, государь приказалъ принести разрядныя книги и сказалъ:—„Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки изволяемъ предать огню, чтобы та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь не памятна была и соблазна бъ и претыканія никто никакого не имѣлъ. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничьимъ, и думнымъ, и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ, въ приказахъ и у расправныхъ дѣлъ, и въ полкахъ у ратныхъ, и у посоль-

скихъ, и вездѣ у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаи не считаться и никого не укорять".

Всѣ собравшіеся отвѣчали на это:—„Да погибнетъ во огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не вспомянется вовѣки!". Въ тотъ же день разрядныя „записки о мѣстахъ" были преданы огню въ сѣняхъ дворца. Бояринъ князь Долгорукій, думный дьякъ Семеновъ, митрополиты и архіепископы „при томъ стояли, покамѣстъ тѣ книги совершенно всѣ сгорѣли".

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.
Со стариннаго портрета.

Такъ прекратила свое существованіе главная опора первенствующаго положенія знати въ правительствѣ Московскаго государства. На мѣсто „породы" теперь при служебныхъ назначеніяхъ становится основой царская милость и заслуга.

Пока знать была сильна, было крѣпко и мѣстничество, ослабѣла знать — и оно пало легко, безъ борьбы, какъ „зяблое дерево". Въ концѣ XVI в. бояре говорили: „то имъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть", а въ концѣ XVII в. они жгутъ записки о мѣстахъ по единогласному приговору. Конечно, это уже не тѣ бояре, не бояре XVI в. Въ среду боярства XVII в., сильно пострадавшаго и отъ Грознаго, и отъ Смуты, и отъ мѣстническихъ потерь старшихъ и находокъ младшихъ, вошло много людей, которымъ были чужды старинные мѣстническіе счеты. Если и въ прежнее время правительство не могло обойтись на службѣ только одними знатными людьми, то въ XVII в., когда государственная жизнь такъ усложнилась и требованія ея стали такъ разнообразны, обходиться въ высшемъ правительствѣ только

одной знатью стало совсѣмъ невозможно, понадобились люди „студерованные“, особенно въ вѣдомствахъ финансовомъ и иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, требовался большой навыкъ и опытность въ дѣлахъ, пріобрѣтаемые долговременной службой, любовью къ дѣлу, умомъ и изобрѣтательностью. Эти качества — „промыселъ“ и „разсмотрѣніе“ — не всегда совмѣщались съ родовой знатностью.

Съ каждымъ десятилѣтіемъ все усиливается притокъ въ высшее правительство неродовитыхъ дѣльцовъ. Оба канцлера царя Алексѣя,—„великихъ государевыхъ и посольскихъ дѣлъ обeрегатели“ А. Л. Ординъ-Нащокинъ и А. С. Матвѣевъ были такими новыми людьми въ боярствѣ. А. Л. Ординъ-Нащокинъ былъ сыномъ псковскаго служилаго человѣка, а А. С. Матвѣевъ сыномъ дьяка. Прежде чѣмъ занять должность сколько-нибудь выдающуюся, Матвѣевъ служилъ долгое время стрѣлецкимъ полковникомъ. Немало было и другихъ худородныхъ людей, которые упорнымъ трудомъ, знаніемъ своего дѣла пробивались на верхи служебнаго положенія и невеликіе родомъ становились велики службой. Среди 62 бояръ царя Алексѣя по списку 1682 г. можно насчитать всего 28 именъ старыхъ и знатныхъ боярскихъ фамилій. Немудрено, что царь Алексѣй могъ сказать своему знатнѣйшему думцу: „впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на землѣ опричь меня никого у васъ нѣтъ“.

Бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ.
Со стариннаго портрета.

Родовитое боярство сильно обѣднѣло за время опричины и Смуты, и это тоже немало способствовало паденію его первенствующаго положенія. Понятно, какое взаимное соотношеніе получалось, когда рядомъ становились какой-нибудь думный дьякъ,

имѣющій за собой одного помѣстнаго оклада 1.500 десятинъ, и стольникъ князь Долгорукій или Прозоровскій, за которыми, какъ гласитъ списокъ 1670 г., „помѣстій и вотчинъ нѣтъ“.

Все это вмѣстѣ взятое и привело самихъ бояръ къ сознанію, что „въ милости великаго государя жалованы бываютъ чины не по родамъ“, что „честь“ пріобрѣтается службой вмѣстѣ съ чиномъ за заслуги въ этой службѣ, а не за „породу“.

Паденіе родовитаго боярства, какъ первенствующаго правительственнаго класса, и появленіе у власти людей неродовитыхъ, выдвинутыхъ впередъ службой, замѣченной великимъ государемъ, измѣнило самый характеръ правительства. Изъ прежняго аристократическаго, самодержавно-боярскаго, правительство Московскаго государства превращается къ концу XVII в. въ правительство самодержавно-приказное и дворянское. Дворъ, служба при дворѣ, личная извѣстность государю становятся теперь ступенями къ занятію высшихъ должностей въ странѣ.

Можно замѣтить, какъ рядомъ съ такимъ ходомъ дѣла прежнія названія—служилый человѣкъ, сынъ боярскій, обозначавшія людей по преимуществу занятыхъ на государственной службѣ, все болѣе вытѣсняется новымъ — дворянинъ. Дворъ царя является теперь средоточіемъ всего управленія, царская милость и гнѣвъ рѣшаютъ судьбу служилаго человѣка; чтобы продвинуться впередъ по службѣ, ему нужно быть своимъ при дворѣ, нужно быть дворяниномъ.

Дума XVII в. по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ Думы XVI вѣка. Думцы попрежнему первые люди въ правительствѣ и возлѣ царя. Только теперь, въ XVII в., думцы выдвигаются на свои высокія мѣста больше своей личной заслугой да милостью государя, а не своей знатной „породой“. Дума такого состава, конечно, не можетъ требовать себѣ такой же чести въ государствѣ, какъ Дума знатныхъ княжичей XVI вѣка. Дума XVII вѣка вся въ волѣ государя.

Но, измѣнившись по своему происхожденію и составу, ближайшіе слуги правительственной власти, конечно, сохранили свой прежній характеръ и умѣнье дѣлать всѣ дѣла. Если и прежде думцы государя не только законодательствовали, сидя съ нимъ въ Думѣ, но и управляли страной на мѣстахъ, отбывая различныя службы, военныя и гражданскія, то и теперь это такъ же; думнаго человѣка XVII вѣка видно такъ же всюду: то онъ управляетъ приказомъ, то отправляется куда-нибудь воеводствовать, то командуетъ полками, то смотритъ служилыхъ людей, то возвращается въ Москву и засѣдаетъ въ Думѣ.

Царь совѣтовался со своими „думцами“ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ; съ ихъ совѣта издавались новые законы, съ боярскаго совѣта рѣшались и дѣла по управленію. Думные бояре были не только совѣтниками, но и завѣдывали отдѣльными частями управленія. Когда въ Думѣ заходила рѣчь о военномъ устройствѣ, подымался со своего мѣста и давалъ объясненія тотъ

бояринъ, который былъ „судьей“, т.-е. начальникомъ тогдашняго военнаго министерства, именовавшагося „Разряднымъ приказомъ“. Если во главѣ приказа, о вѣдомствѣ котораго заходила въ Думѣ рѣчь, стоялъ человѣкъ, не имѣвшій думнаго званія, его приглашали только на это засѣданіе и выслушивали его. Приглашали иногда въ Думу и постороннихъ „свѣдущихъ людей“, купцовъ, духовенство, если нужно было выяснить въ дѣлѣ что-либо этимъ людямъ хорошо извѣстное. Часто принималъ участіе въ засѣданіяхъ Думы и патріархъ, причемъ онъ участвовалъ въ обсужденіи не однихъ только церковныхъ дѣлъ.

Изъ думныхъ бояръ выбирались опытные люди вести переговоры съ иноземными послами. Боярина, члена Думы, посылали ревизовать ту или иную область, изъ думцевъ выходили и главнокомандующіе войскомъ. Словомъ, дѣятельность членовъ Думы была очень сложна и разнообразна и далеко не ограничивалась только сидѣніемъ въ Думѣ. Благодаря этой разнообразной дѣятельности, не всѣ бояре собирались всякій разъ на совѣщаніе въ Думу. Въ 1531 году считалось 40 человѣкъ членовъ Думы. Изъ нихъ болѣе половины было въ служебной отлучкѣ, такъ что весь наличный составъ совѣта не достигалъ 20 человѣкъ.

Не всегда и не всѣ дѣла сразу ставились и сразу же рѣшались въ Думѣ. Дѣла особенно важныя и серьезныя, все то, о чемъ царю приходилось „мыслить тайно“, онъ, прежде чѣмъ внести на разсмотрѣніе полнаго собранія всѣхъ думцевъ, обсуждалъ съ особенно близкими ему по родству, по дружбѣ или по расположенію лицами, какъ думцами, такъ и не состоявшими членами Думы. Это была „тайная“ или „ближняя“ Дума государева. Не всей же Боярской Думѣ было, напр., обсуждать, какъ обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворѣ или богомольную поѣздку государя, какъ, на всякій случай, устроить изъ дворцовыхъ доходовъ хозяйственное положеніе царицы или царевны. Поговорить обо всемъ этомъ было необходимо съ тѣми или другими совѣтниками. Вносить такіе вопросы въ совѣтъ всѣхъ бояръ и потому еще было неудобно, что дворцовые совѣтники, которые прежде другихъ могли „къ тому дѣлу дать способъ“, т.-е. нужныя справки—кравчій, ясельничій, дворецкій—часто и не были думными людьми, не ходили въ „палату“ и не сидѣли „съ бояры“.

Нерѣдко возникали дѣла особенно сложныя, при обсужденіи которыхъ въ Боярской Думѣ приходилось ожидать, что будетъ „крикъ и шумъ великъ и рѣчи многія во всѣхъ боярехъ“. Государю надо было подготовить къ такому бурному засѣданію наиболѣе вліятельныхъ и важныхъ бояръ, состоявшихъ обыкновенно членами Ближней Думы. Эти наиболѣе родовитые и вліятельные думцы, которымъ государь „мысль свою объявлялъ“, умѣли, послѣ собесѣдованія съ царемъ, такъ подготовить другихъ бояръ, что щекотливый вопросъ обсуждался въ Думѣ спокойно и проходилъ безъ шуму.

Часто, особенно при обсужденіи вопросовъ внѣшней политики, надо было сохранить въ тайнѣ и самое рѣшеніе дѣла и причины, по которымъ оно было рѣшено такъ, а не иначе. Вѣдь, когда дѣло обсуждалось при полномъ собраніи всѣхъ думцевъ, въ Боярской Думѣ, сохранить тайну было трудно: дѣла докладывались вслухъ, дѣлались запросы въ приказахъ, призывались въ Думу лица не думнаго званія, а потомъ какъ можно было поручиться, что тотъ или иной думный человѣкъ, мало умудренный житейской опытностью, не проболтается въ кругу семьи, среди друзей, за веселой пирушкой.

Въ силу всего этого члены Ближней Думы выбирались всегда самимъ государемъ изъ близкихъ ему людей, не засѣдавшихъ въ Думѣ, и изъ бояръ-думцевъ, особенно хорошо ему извѣстныхъ. При выборѣ членовъ Ближней Думы царь не руководствовался ни боярскимъ „отечествомъ“, т.-е. родовитостью, ни особыми заслугами, а только своимъ личнымъ усмотрѣніемъ. При царѣ Алексѣѣ Ближняя Дума явственно становится постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, рѣшающимъ дѣла и по управленію и законодательныя, часто не внося ихъ на обсужденіе всѣхъ бояръ. Боярская Дума, „всѣ бояре“, синклитъ все рѣже и рѣже собирается въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, да и то лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Первенствующее мѣсто въ правительствѣ переходитъ къ Ближней Думѣ, состоящей изъ лицъ, которыхъ государь призываетъ для совѣта, не считаясь ни съ породой, ни съ заслугами этихъ лицъ.

При царѣ Алексѣѣ около этой Ближней государевой Думы образуется еще одно учрежденіе, прямо подвѣдомственное царю, только отъ него принимающее распоряженія и въ исполненіи ихъ отдающее отчетъ тоже только ему. Учрежденіе это носило названіе Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Въ этомъ приказѣ сосредоточивались всѣ дѣла особой важности, которыя царь хотѣлъ знать въ точности самъ, наблюдать за ихъ теченіемъ и направлять его; въ этотъ приказъ стали поступать всѣ просьбы и челобитныя людей, обращавшихся къ царю, какъ къ источнику правосудія и справедливости, съ жалобами на всякія притѣсненія и обиды со стороны высшихъ чиновниковъ и другихъ правительственныхъ учрежденій. Чрезъ посредство Тайнаго приказа царь Алексѣй разсчитывалъ имѣть свой глазъ во всѣхъ вѣтвяхъ управленія государствомъ, посылая для разбора различныхъ затрудненій или недоразумѣній въ дѣлахъ различныхъ вѣдомствъ хорошо извѣстныхъ ему дьяковъ и подьячихъ этого приказа; въ этотъ приказъ направлялась вся личная переписка царя, здѣсь вѣдались его личныя имѣнья и промышленныя предпріятія, аптека, Гранатный и Потѣшные дворы, царская благотворительность, наконецъ личная казна царя.

Въ XVII в. засѣданія Думы, или, какъ тогда говорили, „сидѣніе великаго государя съ боярами о дѣлахъ“, происходили

три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. При накопленіи дѣлъ засѣдали и каждый день.

Каждое утро съѣзжались къ царскому дворцу бояре въ своихъ тяжелыхъ колымагахъ и „коретахъ“, запряженныхъ рослыми красивыми лошадьми; каждый экипажъ сопровождала толпа верховыхъ и пѣшихъ слугъ и бѣдныхъ родственниковъ боярина. Чѣмъ знатнѣе былъ бояринъ, тѣмъ многочисленнѣе былъ окружавшій его штатъ. Думные люди меньшихъ чиновъ пріѣзжали верхомъ или приходили пѣшкомъ; не во всякое время года московская улица позволяла пробраться по своей невылазной грязи тяжелой боярской „коретѣ“, и тогда приходилось старику-боярину взбираться на смирнаго заслуженнаго коня и трястись верхомъ. Въ Кремлѣ экипажи и кони оставались на Ивановской площади, и „думцы“ шли отсюда пѣшкомъ къ царскому дворцу. Передъ воротами всѣ снимали шапки и крестились, творя молитву Іисусову на честной крестъ, благословляющій всякое доброе вхожденіе въ домъ и исхожденіе изъ него.

Пройдя ворота, всѣ направлялись къ Постельному крыльцу царскаго дворца. На крыльцѣ и на обширной площадкѣ передъ нимъ толпилось множество народа—это все люди „молодые“, т.-е небольшихъ чиновъ, которые явились сюда на случай: не потребуется ли ихъ служба государю. Это стольники изъ неродовитыхъ фамилій, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки; тутъ же виднѣются нарядные служилые кафтаны „жильцовъ“—рядовыхъ особаго почетнаго полка, численностью тысячи въ двѣ, набранныхъ изъ дворянскихъ, дьячихъ и подьячихъ дѣтей, еще не поспѣвшихъ по возрасту и заслугамъ къ пожалованію въ высшій чинъ. „На крыльцѣ, на площади не всегда тихо,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдругъ раздастся шумъ, громкіе голоса: это два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному дѣлу встрѣтились и не выдержали, сцѣпились браниться; стоитъ только вымолвить первое бранное слово, и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ; отъ лица сейчасъ же переходъ къ его отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, никому нѣтъ пощады; всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи, все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія продиктуетъ расходившееся сердце“... Дѣло не ограничивалось одними крупными словами—„шумомъ“; иной расходится отъ крупныхъ словъ и шума и начнетъ „гонять“ по крыльцу за врагомъ; такая гоньба кончилась разъ тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ голова оказалась пробитой кирпичомъ.

Вся эта толпа „молодыхъ“, ожидавшая на крыльцѣ, то и дѣло разступается съ низкими поклонами, давая дорогу боярамъ, окольничьимъ и думнымъ дворянамъ, которые степенно шествуютъ дальше, въ переднюю. Это очень большое отличіе для древне-русскаго дѣятеля имѣть право входа въ переднюю; этой чести добиваются всю жизнь, но не всегда бываютъ пожалованы

въ переднюю. Бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки ожидаютъ въ передней царскаго выхода, толкуя и перешептываясь о разныхъ дѣлахъ и случаяхъ какъ придворной, такъ и государственной жизни.

Знатнѣйшіе и старѣйшіе изъ бояръ, состоящіе въ званіи „ближнихъ“ людей, стоятъ около дверей въ „комнату“, т.-е. въ кабинетъ государя, и, „улуча время“, входятъ въ комнату. Этой честью „быть въ комнатѣ“ обладаютъ очень немногіе. Вошедшій въ комнату творитъ троекратное крестное знаменіе передъ образами и потомъ привѣтствуетъ государя земнымъ поклономъ.

Поговоря съ ближними людьми, государь, сопровождаемый ими и своимъ духовникомъ, выходитъ въ переднюю. Всѣ кланяются государю въ землю. Царь садится въ кресло въ переднемъ углу и подзываетъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ у него есть дѣло. Если царь кликнетъ боярина, а его нѣтъ, то это „большая оплошка“; за опоздавшимъ къ царскому выходу шлютъ гонца, а когда виновникъ придетъ, запыхавшись и напугавшись, царь сдѣлаетъ ему строгій выговоръ, а то и „опалится“—не велитъ показываться на свои очи, пока не позоветъ, велитъ даже виновному уѣхать въ дальнія вотчины; потерпѣвшій надѣнетъ „смирное“ платье, перестанетъ стричь волосы и расчесывать свою пышную бороду съ горя и печали, что вотъ не дано ему теперь видѣть ясныя царскія очи. Къ тому же и службѣ большой ушербъ — того и гляди перехватитъ кто-нибудь выгодное назначеніе или должность, и вотъ опальный шлетъ посланца за посланцемъ съ поминками и подарками къ вліятельнымъ друзьямъ и знакомымъ, чтобы выручали, замолвили передъ государемъ слово за него, несчастнаго опальника. Въ передней происходитъ расправа съ виновными изъ большого начальства, съ тѣми, которые оплошали и не исполнили царскаго указа, или исполнили не такъ, какъ надо было; государь велитъ такимъ неудачникамъ итти вонъ съ глазъ, велитъ посадить въ тюрьму, отобрать имѣнье, впредь на службу не назначать и т. п.

Пока государь разговариваетъ то съ однимъ, то съ другимъ изъ бояръ, всѣ остальные стоятъ, затаивъ дыханье; кто устанетъ, тотъ тихонько, за спинами другихъ пробирается къ двери и выходитъ въ сосѣднюю палату или на крыльцо посидѣть, а потомъ опять тихими стопами возвращается въ комнату.

Когда царь кончитъ разговаривать съ тѣми, кого онъ подозвалъ къ себѣ, къ нему начинаютъ подходить одинъ за другимъ тѣ, кто хочетъ побить челомъ о какомъ-нибудь дѣлѣ. Подходящій земно кланяется царю и устно проситъ отпустить его въ деревню, или позволить сегодня вечеромъ не являться во дворецъ, потому что у челобитчика семейное торжество—крестины, свадьба, будутъ гости. Нѣкоторые изъ челобитчиковъ подносятъ царю „колачи“ — это именинники съ именинными пирогами; государь спрашиваетъ ихъ о здоровьѣ, что является исключительной честью для именинника, и поздра-

вляетъ его. Откланявшись государю, именинники пойдутъ съ „колачами“ поздравляться къ царицѣ, царевичамъ, царевнамъ, патріарху.

Отбывъ пріемъ въ передней, царь идетъ къ обѣднѣ, сопровождаемый всѣмъ дворомъ, а послѣ обѣдни всѣ возвращались въ переднюю или комнату; здѣсь царь и „сидѣлъ съ бояры о дѣлахъ“. Сидѣнье о дѣлахъ начиналось обыкновенно съ того, что начальники приказовъ докладывали о ходѣ дѣлъ въ подчиненныхъ имъ вѣдомствахъ и вносили на разрѣшеніе государя и бояръ такія дѣла, которыхъ не могли разрѣшить сами съ товарищами. Для доклада дѣлъ каждому вѣдомству были назначены особые дни: въ понедѣльникъ докладывались дѣла изъ Разряда и Посольскаго приказа, во вторникъ — изъ приказовъ Большой казны и Большого прихода, въ среду—изъ Казанскаго дворца и Помѣстнаго приказа, въ четвергъ—изъ приказа Большого дворца и изъ Сибирскаго, въ пятницу—изъ судныхъ приказовъ Владимирскаго и Московскаго. Послѣ доклада начальниковъ приказовъ начиналось собственно „сидѣніе съ бояры“, или, какъ мы привыкли говорить, засѣданіе Боярской Думы. Обыкновенно засѣданіе начиналось около восьми часовъ утра и продолжалось до обѣда, т.-е. часовъ до 12, а возобновлялось вечеромъ послѣ вечерни часа на два, на три. Думцы размѣщались на скамьяхъ, стоявшихъ по стѣнамъ направо и налѣво отъ царскаго мѣста, возлѣ котораго, слѣва, стоялъ столъ съ бумагами, книгами указовъ и законами, печатью, воскомъ для печатей, чернилами и т. п. Къ этому столу подходили за справками и когда было нужно приложить печать думные дьяки.

Думцы размѣщались на лавкахъ по чинамъ. Окольничіе садились ниже бояръ, думные дворяне—ниже окольничихъ, а въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ всѣ размѣщались „по породѣ“ и по старшинству.

Особаго помѣщенія для засѣданій Думы не было. Собирались въ той палатѣ дворца, гдѣ государь укажетъ, обыкновенно въ Золотой палатѣ. При царѣ Алексѣѣ „сидѣніе съ бояры“ происходило и въ такъ называвшейся Передней палатѣ, а при его болѣзненномъ наслѣдникѣ—въ самой „комнатѣ“ государя, т.-е. въ его кабинетѣ.

„Когда совѣщаніе открывалось какимъ-либо предложеніемъ царя, онъ, высказавъ свою мысль, приглашалъ бояръ и думныхъ людей „помысля, къ тому дѣлу дать способъ“. Кто изъ бояръ побольше и поразумнѣе, тѣ „мысль свою къ способу объявливаютъ“. Порой кто-нибудь изъ меньшихъ заявитъ свою мысль, „а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные“. Эти детальныя фигуры молчаливыхъ совѣтчиковъ съ уставленными брадами, неизбѣжныя при обсужденіи дѣла во всякомъ многолюдномъ собраніи, напрасно иногда принимаются за полную

картину засѣданія Боярской Думы. Они и у Котошихина не закрываютъ собой другихъ думныхъ людей, „на отвѣты разумныхъ, изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ“.

Часто обмѣнъ мнѣній переходилъ въ горячій споръ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока спорившіе не приходили къ одному рѣшенію; говорилъ свое мнѣніе и государь. Думцы соглашались, или возражали и спорили, пока не приходили къ рѣшенію, примирявшему всѣхъ.

Пренія въ Думѣ затягивались иногда на очень долгій срокъ; въ 1685 г. цѣлые полгода обсуждался вопросъ: мириться ли съ поляками противъ татаръ, или съ татарами противъ поляковъ, и къ рѣшенію—учинить миръ и союзъ съ Польшей противъ Крыма—пришли только послѣ очень ожесточенныхъ споровъ.

Покончивъ пренія и придя къ какому-либо рѣшенію, царь и бояре приказывали думнымъ дьякамъ помѣтить и тотъ приговоръ записать. Тогда думные дьяки писали приговоръ, начинавшійся словами: „Великій государь, слушавъ докладной выписки, указалъ и бояре приговорили“. Если же государь въ Думѣ не присутствовалъ, то думный дьякъ помѣчалъ приговоръ такъ: „По указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили“. И эти приговоры имѣли такую же силу закона; отмѣнить ихъ царь могъ только на новомъ засѣданіи Думы, „поговоря“ со своими боярами. Когда государь не присутствовалъ въ Думѣ, первое мѣсто принадлежало старшему по отечеству боярину, и тогда имя того боярина упоминалось въ приговорѣ.

Приговоры помѣчались обыкновенно на самыхъ дѣлахъ, доложенныхъ въ Думѣ, и излагались кратко, либо пространно, если рѣшали сложное и необычное дѣло; и краткіе и пространные приговоры облекались потомъ въ форму указовъ. Ни царь, ни бояре приговоровъ не подписывали, и „на всякихъ дѣлахъ, — говоритъ Котошихинъ, — закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ: для того устроены думные дьяки“.

Засѣданія Думы вовсе не отличались молчаливостью... „Сохранилось похожее на протоколъ краткое и не вполнѣ ясное изложеніе одного засѣданія Думы въ 1679 г. съ участіемъ патріарха; не видно только, присутствовалъ ли государь на засѣданіи или нѣтъ. Обсуждался вопросъ, отдавать ли питейныя заведенія на откупъ, или вѣдать ими мірскимъ выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ подъ присягой, „на вѣру“. Патріархъ былъ того мнѣнія, что у питейныхъ сборовъ слѣдуетъ быть головамъ за выборомъ мірскихъ людей, только не приводить ихъ къ присягѣ, чтобъ „клятвъ и душевредства не было“, за воровство же пригрозить выборнымъ конфискаціей всего имущества и „казнью по градскому суду“, а избирателямъ — тяжелымъ штрафомъ. Бояре возражали, что-де опасно безъ присяги, что и подъ при-

сягой у выборныхъ было воровство многое, а „безъ подкрѣпленія вѣры“ воровства будетъ и того больше.

Путемъ обоюдныхъ уступокъ пришли къ такому рѣшенію: выборныхъ къ присягѣ не приводить, согласно съ мнѣніемъ патріарха, но не брать и штрафа съ избирателей, противъ котораго, вѣроятно, были бояре, а взыскивать недоборы „по сыску“. Значитъ, совѣщанія Думы сопровождались преніями. Эти пренія, какъ узнаемъ изъ другихъ извѣстій, иногда достигали чрезвычайной живости. Сверхъ чаянія, на засѣданіяхъ Думы порой нарушалась та спокойная и натянутая чинность, которая господствовала при дворѣ московскихъ государей. Нерѣдко бывали „встрѣчи“, возраженія государю со стороны его совѣтниковъ. Объ Иванѣ III разсказывали, что онъ даже любилъ встрѣчу и жаловалъ за нее. Изъ словъ Грознаго въ письмѣ Курбскому видно, что оппозиція въ совѣтѣ его дѣда доходила до раздраженія, до „поносныхъ и укоризненныхъ словесъ“ самому государю. Сынъ Ивана III, Василій, не былъ такъ сдержанъ и самъ легко раздражался при встрѣчѣ. Разъ, при обсужденіи дѣла о Смоленскѣ, неважный отечествомъ совѣтникъ И. Н. Берсень-Беклемишевъ что-то возразилъ великому князю. Государь разсердился, обозвалъ Берсеня „смердомъ“ и выслалъ его изъ Думы съ глазъ долой, положивъ на него опалу, „отнявъ у него свои государевы очи“, какъ говорили въ старину о государевой немилости... Буссовъ, хорошо знавшій московскія дѣла при первомъ самозванцѣ, въ своихъ разсказахъ объ отношеніяхъ его къ боярамъ мимоходомъ отмѣтилъ черту, показывающую, что думные люди любили на засѣданіяхъ Думы подолгу разсуждать о предметахъ совѣщанія. „Не проходило дня,—замѣчаетъ этотъ иностранецъ,—когда бы царь не присутствовалъ въ совѣтѣ, гдѣ сенаторы докладывали ему государственныя дѣла и подавали о нихъ свои мнѣнія. Иногда, слушая продолжительныя и безплодныя ихъ пренія, онъ смѣялся и говорилъ:—„Столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! А я вамъ скажу, дѣло вотъ въ чемъ“... и въ минуту рѣшалъ дѣла, надъ которыми сановитые бояре долго ломали свои головы. Но наканунѣ своей свадьбы, обсуждая съ боярами, въ какомъ платьѣ вѣнчаться его невѣстѣ, въ польскомъ или русскомъ, Лжедимитрій послѣ долгаго и жаркаго спора уступилъ своимъ совѣтникамъ, которые стояли за старый московскій обычай“.

Чинное теченіе засѣданій думцевъ нарушалось иногда мѣстническими счетами, когда щекотливому самолюбію какого-либо родовитаго думца покажется, что сосѣдъ не по праву занялъ мѣсто выше, чѣмъ ему слѣдуетъ. Въ такіе споры вмѣшивались всѣ думцы и горячо обсуждали случай. Вѣдь такъ льстило самолюбію припомнить при этомъ и вслухъ заявить, что мой-де предокъ великій князь ярославскій, а твой всего только изъ младшихъ ростовскихъ, да и дѣдъ мой службой выше твоего! Когда споры затягивались, отряжали дьяка за „разрядными кни-

гами“, спорщики посылали на свои „подворья“ за „родословцами“, и тогда приходилось оставить всѣ дѣла и разсудить по всѣмъ правиламъ мѣстничества, кто правъ изъ спорщиковъ. Если же государь осердится и велитъ спорщикамъ молчать, тотъ, кто считаетъ себя обиженнымъ, скорѣе подъ лавку свалится, рискуя подвергнуть себя царской опалѣ, но не сядетъ ниже того, кто ему, по его мнѣнію, не „въ версту“.

Вообще, въ Думѣ, посвящали много времени разбору различныхъ случаевъ мѣстничества, и „пресвѣтлый царскій синклитъ“, какъ любили именовать Думу московскіе книжники, не чуждался даже собственноручно, въ лицѣ того или другого изъ своихъ членовъ, расправиться съ какимъ-нибудь „не дѣльнымъ“ мѣстникомъ. Былъ такой случай: въ 1620 г. стольникъ Чихачовъ, назначенный стоять рындой въ бѣломъ платьѣ у царскаго мѣста при аудіенціи чужеземному послу ниже князя Аѳанасія Шаховского, обидѣлся, сказался больнымъ и не поѣхалъ во дворецъ. Бояре послали за нимъ и велѣли его поставить передъ собой. Чихачовъ предсталъ предъ боярами въ Золотой палатѣ больнымъ-разбольнымъ, съ костылемъ, да не однимъ, а съ двумя за разъ.

— Для чего во дворецъ не пріѣхалъ?—спросили бояре.

— Лошадь ногу мнѣ сломала третьяго-дня на государевой охотѣ въ Черкизовѣ!—отвѣчалъ Чихачовъ.

— Больше, чай, отбаливаешься отъ князя Шаховского?—возразилъ на это думный разрядный дьякъ Томило Юдичъ Луговской.

Тогда Чихачовъ пересталъ притворяться и заговорилъ напрямикъ, что вотъ-де онъ билъ челомъ государю и впредь станетъ бить челомъ и милости просить, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему, Чихачову, судъ на князя Аѳанасія, а меньше ему князя Аѳанасія быть не вмѣстно.

— Можно тебѣ быть его меньше!—возразили бояре и приговорили бить Чихачова кнутомъ за безчестье князя Шаховского.

— Долго того ждать, бояре!—сказалъ на это дьякъ Томило Луговской и, вырвавъ у Чихачова одинъ костыль, принялся бить неудачнаго мѣстника по спинѣ и по ногамъ.

Смотря на это, И. Н. Романовъ, дядя царя, не утерпѣлъ, схватилъ другой костыль у „больного“ и присоединился къ дьяку, работая также по спинѣ и ногамъ Чихачова, причемъ оба приговаривали:

— Не подѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру!

Побивъ Чихачова, велѣли ему стоять рындой въ бѣломъ платьѣ по прежнему распоряженію, а кнутъ, разумѣется, „отставили“.

Рѣже нарушался ходъ думскихъ сидѣній „величаньемъ“ какого-нибудь не въ мѣру зазнавшагося боярина. Переспорятъ такого гордеца, не останется ему что возражать о дѣлѣ, онъ и начнетъ высчитывать свои заслуги, коря своего спорщика тѣмъ, что онъ и десятой доли того не сдѣлалъ. Если зайдетъ такой

гордецъ въ своихъ рѣчахъ далеко, царь велитъ ему просто замолчать, а разсердившись очень, вытолкаетъ велерѣчиваго за дверь, какъ сдѣлалъ разъ царь Алексѣй Михайловичъ съ бояриномъ Милославскимъ, своимъ тестемъ, когда тотъ вздумалъ похваляться военными подвигами, которые только собирался совершить, если ему дадутъ подъ начало войско. Въ 1682 г. князь Хованскій, заносчивый и совсѣмъ зазнавшійся человѣкъ, часто прерывалъ спокойное теченіе думныхъ совѣщаній, не стѣсняясь присутствіемъ въ палатѣ обоихъ государей; о чемъ ни приговорятъ бояре, Хованскій противъ всего возражаетъ съ великимъ шумомъ, невѣжествомъ и возношеніемъ, не обращая вниманія ни на Уложеніе, ни на государевы указы; либо примется вычитывать свои службы и поносить свою братію бояръ: никто-де съ такой славой и радѣньемъ не служивалъ, какъ онъ, Хованскій, и никого среди бояръ нѣтъ, кто бы ему былъ въ версту, и государство-то все стоитъ, пока живъ онъ, Хованскій, а какъ его не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови и не спасется тогда „никакая же плоть".

Но всѣ такого рода случаи были рѣдкимъ исключеніемъ въ правильномъ ходѣ чинныхъ думскихъ занятій. За крѣпкими стѣнами московскаго Кремля, въ недоступныхъ глазу и уху простого рядового московскаго человѣка палатахъ царскаго терема тихо и спокойно шла работа думцевъ, приводившая въ движеніе весь ходъ управленія Московскимъ государствомъ.

Мы знаемъ мало подробностей о ходѣ дѣлъ въ Боярской Думѣ, но большія послѣдствія ея работы явственны всѣмъ. Подъ ея руководствомъ создавался московскій государственный строй, добывавшій средства и способы отбиваться отъ безчисленныхъ внѣшнихъ враговъ, отовсюду тѣснившихъ Московское государство, въ Думѣ создавался и самый порядокъ направленія этихъ средствъ на защиту страны и на ея внутреннее устройство.

Боярская Дума существовала до самыхъ временъ Петра Великаго, когда ея значеніе перешло къ Сенату.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. XIII; *И. Е. Забѣлинъ*, „Домашній бытъ русскихъ царей", т. I и II; *В. О. Ключевскій*, „Боярская дума древней Руси"; *его же*, „Курсъ русской исторіи", ч. II; *С. М. Соловьевъ*, „О мѣстничествѣ"; *А. И. Маркевичъ*, „Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв."; *Д. Валуевъ*, „Синбирскій сборникъ", и другія сочиненія.

Заставка и буква—изъ рукописной Псалтири начала XVI вѣка.

Земскіе Соборы Московскаго государства.

Среди верховныхъ правительственныхъ учрежденій Московскаго государства XVI и XVII вѣковъ особое мѣсто занималъ Земскій Соборъ, или, по памятникамъ тѣхъ временъ, „совѣтъ всея земли“, „вся земля“, „соборъ“. Отъ Боярской Думы—этого маховаго колеса всего древне-русскаго государственнаго механизма, по выраженію проф. В. О. Ключевскаго, Земскій Соборъ отличался, помимо состава, прежде всего тѣмъ, что не былъ постояннымъ учрежденіемъ, работавшимъ безъ перерыва, и никогда не были твердо и опредѣленно установлены закономъ случаи, когда слѣдовало собираться Земскому Собору. Старинное названіе Земскаго Собора совѣтомъ всея земли, быть-можетъ, лучше всего опредѣляетъ его значеніе въ государственномъ механизмѣ. Земскіе Соборы были совѣтами всея земли при правительствѣ, которое они включали въ свой составъ, хотя и дѣйствовали по почину правительства въ тѣхъ трудныхъ и тяжелыхъ случаяхъ государственной жизни, когда верховная власть не хотѣла или не могла взять на себя почипъ въ разрѣшеніи того или иного вопроса.

Земскій Соборъ являлся въ такихъ случаяхъ силой, рѣшающей дѣло безповоротно. Такое значеніе придавало Земскому Собору его устройство. Въ составъ Земскаго Собора входилъ, во-первыхъ, Освященный Соборъ, т.-е. высшее духовенство русской церкви, во главѣ съ митрополитомъ, а позднѣе съ патріархомъ; во-вторыхъ, Боярская Дума—верховное правительственное

учрежденіе Московскаго государства; въ-третьихъ, представители различныхъ чиновъ и мѣстностей Московскаго государства. Эти-то послѣдніе и сообщали всему собранію характеръ и значеніе Земскаго Собора. Совмѣстныя засѣданія Боярской Думы и Освященнаго Собора происходили сравнительно часто, и того чрезвычайнаго значенія, какое имѣли земскіе соборы, эти совѣщанія не могли имѣть. Только присоединеніе къ Боярской Думѣ и Освященному Собору представителей отъ чиновъ Московскаго государства создавало Земскій Соборъ. Чтобы онъ могъ состояться, необходимо было соединеніе всѣхъ трехъ его основъ, съ царемъ во главѣ, и отсутствіе одной изъ нихъ дѣлало соборъ невозможнымъ.

Надо думать, что земскіе соборы Московскаго государства выросли изъ обычныхъ и кіевскому и удѣльному времени совѣщаній, которыя власть созывала въ исключительныхъ случаяхъ, когда это ей казалось нужнымъ. Совѣщанія дружины, духовенства и людей при князьяхъ кіевскихъ временъ были явленіемъ не чуждымъ тогдашней Руси. Лѣтопись сохранила глухое воспоминаніе объ одномъ такомъ совѣщаніи, состоявшемся въ 1096 г., когда князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, враждовавшіе съ двоюроднымъ братомъ своимъ Олегомъ, предложили Олегу собраться въ Кіевѣ, чтобы „порядъ положити о Русьстѣй землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градскими". Это совѣщаніе, конечно, никто не назоветъ ни вѣчемъ, ни Земскимъ Соборомъ, но что такое совѣщаніе болѣе похоже на Земскій Соборъ, нежели на вѣче, спорить, кажется, не приходится. Этотъ издавна установившійся въ древней Руси обычай, чтобы власть въ трудныхъ случаяхъ государственной жизни совѣщалась о дѣлѣ со всѣми общественными силами, продолжалъ жить и тогда, когда власть укрѣпилась, упрочилась и стала больше соотвѣтствовать государственной власти, какъ мы ее понимаемъ. Лѣтопись сохранила запись, относящуюся къ 1211 г., о совѣщаніи, сходномъ съ тѣмъ, какое предполагалось устроить въ 1096 г. въ Кіевѣ; совѣщаніе это происходило уже въ новомъ средоточіи русской жизни—во Владимірѣ на Клязьмѣ. Великій князь Всеволодъ хотѣлъ укрѣпить за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго, Константина, стольный городъ великаго княженія Владиміръ на Клязьмѣ. Въ лѣтописи читаемъ, какъ ради этого „князь великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоанна, и игумены. и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрію Володимеръ по себѣ".

Когда среди удѣльныхъ княжествъ Великороссіи выдѣлилось одно сильнѣйшее—Московское, князья котораго деньгами и силой, мало разбираясь въ способахъ и средствахъ, объединили подъ своей рукой всю Великороссію и тѣмъ самымъ изъ удѣльныхъ князей превратились въ государей всея Руси, то въ практикѣ новаго государства сохранился у власти обычай созывать въ

трудныхъ случаяхъ совѣщанія изъ подвластныхъ. Въ 1471 году великій князь московскій и всея Руси Иванъ III, собираясь въ походъ на Новгородъ, „разосла по всю братію свою и по всѣ епископы земли своея и по князи и по бояре свои и по воеводы и по вся воя своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало и конечное положиша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ митрополита и отъ всего освященнаго собора и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братія его и вси князи его и бояре и воеводы и вся вои его“...

Въ февралѣ 1551 г. въ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ собрались Освященный Соборъ и бояре. Молодой царь Иванъ Васильевичъ, которому молва еще не успѣла присвоить наименованіе Грознаго, „возсталъ съ престола своего, свѣтлымъ возрѣніемъ и веселымъ лицомъ“ и произнесъ рѣчь. Затѣмъ было прочитано царское посланіе о тѣхъ „законопреступленіяхъ“, безурядицахъ и бѣдствіяхъ, которыя пришлось испытать Русской землѣ во время его дѣтства и ранней молодости. Царь обращается въ этомъ посланіи къ митрополиту, ко всему Освященному Собору, къ князьямъ, боярамъ и воинамъ, призывая ихъ къ усиленной работѣ для исправленія всѣхъ бѣдъ и золъ. Въ посланіи заключался списокъ царскихъ „вопросовъ“, т.-е. предположеній и законопроектовъ, касавшихся какъ церковныхъ, такъ и „земскихъ нестроеній“. Въ одномъ изъ этихъ вопросовъ сохранилась любопытная подробность, рисующая способъ соборной работы и отмѣчающая въ то же время, что рѣшеніе дѣлъ Соборомъ было далеко не чуждо предшествовавшему времени. „Говорити передъ государемъ, — читаемъ въ „вопросѣ“,—и передъ митрополитомъ и передъ владыки и передъ всѣми боляры дьяку, какъ было при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при дѣдѣ, и при отцѣ моемъ, при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, всякіе законы, тако бы и нынѣ устроити... и на чемъ святители и царь и всѣ приговоримъ и уложимъ, кое было бы о Бозѣ твердо и не подвижно во вѣки“. Неизвѣстно, какъ велись пренія на этомъ Соборѣ, какъ вырабатывались его постановленія, какъ писались его „дѣянія“, т.-е. протоколы, можно спорить о составѣ и членахъ самого Собора, оспаривая присутствіе на немъ другихъ чиновъ, кромѣ духовенства и боярства. Несомнѣненъ только чрезвычайный характеръ этого собора и то, что въ посланіи царя упоминаются такія же предшествовавшія собранія. Относительно ближайшаго изъ нихъ по времени царское посланіе говоритъ, что на немъ состоялось примиреніе царя съ „землей“ послѣ всѣхъ страшныхъ невзгодъ и бѣдъ во время дѣтства и ранней юности Грознаго. „Въ прошедшее лѣто,—читаемъ въ посланіи,—билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, и боляры, такожде и вы, насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили“. „Тогда же,—продолжаетъ царь,—благословился я у васъ исправить

судебникъ". Теперь Судебникъ исправленъ, Соборъ долженъ просмотрѣть и утвердить его. Этотъ Соборъ, какъ и предшествовавшіе ему, ученые не считаютъ возможнымъ называть земскими соборами, потому что нельзя съ точностью установить составъ ихъ, нельзя убѣдиться достаточно вѣрно, были ли на этихъ совѣщаніяхъ представители другихъ чиновъ государства. Съ другой стороны, эти совѣщанія являются чѣмъ-то бо̀льшимъ и значительнымъ по той торжественности, какую придаетъ ему лѣтопись, нежели довольно обычныя въ практикѣ государственной жизни московскихъ временъ совмѣстныя засѣданія Боярской Думы и Освященнаго Собора.

Разбираясь въ вопросѣ о томъ, какъ появились въ Московскомъ государствѣ земскіе соборы, ученые въ общемъ согласились, что они выросли изъ чрезвычайныхъ совѣщаній Боярской Думы и Освященнаго Собора. При существованіи такихъ совѣщаній было легко прійти къ мысли о расширеніи ихъ путемъ приглашенія на совѣщаніе служилыхъ людей, торговыхъ людей и простого всенародства. Вотъ почему для тѣхъ, кто занимается выясненіемъ вопроса о происхожденіи земскихъ соборовъ, и кажется иногда появленіе ихъ „какъ будто незамѣтнымъ". Совмѣстное же совѣщаніе Боярской Думы и Освященнаго Собора устраивалось по образцу, который выработался старинной практикой соборовъ духовенства. „Церковный соборъ—учрежденіе древнее, усвоенное Русью вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства". Исторія русской церкви указываетъ цѣлый рядъ соборовъ въ Кіевѣ, Владимирѣ, Москвѣ. Извѣстно также, что церковнымъ соборамъ приходилось иногда разсуждать и о вопросахъ государственныхъ.

Объединеніе Великороссіи около Москвы способствовало особенно развитію дѣятельности церковныхъ соборовъ и придало имъ важное государственное значеніе, заставивъ ихъ заниматься вопросами не только чисто-церковными, но и вопросами свѣтской политики. Таковы были прежде всего вопросы о земельномъ устройствѣ духовенства и монастырей. Въ объединившейся Великороссіи стали задумываться,—прилично или неприлично монахамъ владѣть землей. Эти споры основывались на церковныхъ законахъ, на Св. Писаніи, на твореніяхъ св. отцовъ.

Практически вопросъ этотъ пріобрѣталъ тѣмъ бо̀льшую важность и значеніе, что затрогивалъ живые интересы государства. Земля была тогда тѣмъ государственнымъ фондомъ, изъ котораго правительство брало средства на содержаніе военной силы, нужной для борьбы съ Казанью, Крымомъ, Польшей. Жалованье служилымъ людямъ платилось тогда землей. Правительству надо было имѣть въ своемъ распоряженіи большіе запасы годной „для службы" земли. Ему приходилось заботиться, чтобы земля вообще „изъ службы не выходила", т.-е., другими словами, чтобы ни одинъ клочокъ годной для обработки земли не пропадалъ даромъ, а кормилъ вооруженнаго человѣка. Но громадныя ко-

личества такой земли находились въ собственности монастырей и потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей. Въ правительствѣ и возникаетъ тогда вопросъ объ отобранiи земель у этихъ владѣльцевъ. Такъ какъ правительство составляли прежде всего потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, то естественно, что они заговорили объ отобранiи земли у монастырей.

Этотъ вопросъ о монастырскомъ землевладѣнiи вызвалъ во второй половинѣ XV в. цѣлый рядъ совѣщанiй духовенства, на которыхъ присутствовали представители правительства, заинтересованнаго въ вопросѣ. Сходясь при такихъ случаяхъ въ одинъ совѣтъ съ духовенствомъ, свѣтскiе совѣтники государя невольно уступали первое мѣсто духовенству, которое привыкло къ соборной дѣятельности, издавна благоустроенной по опредѣленнымъ каноническимъ правиламъ. Такъ въ практику государственной жизни незамѣтно стало входить совѣщательное начало. Существованiю его въ тогдашнемъ настоящемъ не противорѣчило и прошлое, отсюда та незамѣтность появленiя земскихъ соборовъ въ практикѣ государственной жизни московскихъ временъ. По выраженiю одного ученаго, они „вырастаютъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ“, въ силу стариннаго обычая усиливать совѣтъ при верховной власти совѣтниками изъ тѣхъ разрядовъ людей, которые бывали особенно заинтересованы въ данномъ вопросѣ.

Мысль объ участiи представителей отъ населенiя въ верховной правительственной работѣ была далеко не чужда тогдашнему русскому обществу и находила свое отраженiе въ литературѣ. Знаменитый „совопросникъ“ Грознаго, князь А. М. Курбскiй, писалъ, что царь долженъ дѣлать все съ совѣта не только бояръ, но и „всенародныхъ человѣкъ“. Другiе писатели выражались опредѣленнѣе. Авторъ одного сочиненiя, озаглавленнаго: „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ“, разбираясь въ вопросѣ объ устройствѣ правленiя въ государствѣ, писалъ такъ: „Подобаетъ христолюбивымъ царемъ и Богомъ избраннымъ благочестивымъ и великимъ княземъ избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овамо, сюду и сюду“. Далѣе авторъ предлагаетъ царю учредить „единомысленный вселенскiй совѣтъ отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ высокоумiя гордости, христоподобною смиренною мудростiю, безпрестанно всегда держати погодно при собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло мiра сего“.

Первый извѣстный намъ подъ своимъ названiемъ Земскiй Соборъ Московскаго государства былъ созванъ въ 1566 году. До насъ дошелъ „приговорный списокъ“ этого Собора съ именами участниковъ, съ изложенiемъ соборныхъ мнѣнiй; сохранилась, кромѣ того, и лѣтописная запись объ этомъ Соборѣ и его приговорѣ.

1566 годъ былъ восьмымъ годомъ тяжелой войны съ Польшей изъ-за Ливоніи, на которую царь Иванъ напалъ, задумавъ пробиться къ Балтійскому морю. На третьемъ году войны, послѣ большихъ успѣховъ русскаго оружія, Ливонія отдалась подъ покровительство Польши. Поляки въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбили русское войско. Война затягивалась, истощая обѣ стороны и побуждая ихъ подумать о мирѣ. Въ 1566 г. прибыли въ Москву „большіе послы" отъ польскаго короля съ тѣмъ, чтобы „миръ вѣчный и уложенье учинить". Но поляки предлагали такія условія мира, что принятіе ихъ не только лишало Россію возможности утвердиться на Балтійскомъ побережьѣ, но и заставляло уступить полякамъ нѣкоторые русскіе города. Надо было или принимать эти условія, или продолжать изнурительную войну. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предстояло точно опредѣлить, сколько еще войска можетъ выставить страна и сколько денегъ собрать на военную нужду. Земскій Соборъ въ лицѣ людей, хорошо знавшихъ положеніе дѣлъ, и долженъ былъ дать отвѣтъ на эти вопросы и тѣмъ самымъ рѣшить войну или миръ.

Въ составъ Собора вошелъ: 1) Освященный Соборъ (32 представителя духовенства), 2) „всѣ бояре", т.-е. Боярская Дума (въ числѣ 29 человѣкъ), 3) „дворяне первыя статьи" (97 человѣкъ), 4) „дворяне и дѣти боярскія другія статьи" (99 человѣкъ), 5) торопецкіе и луцкіе помѣщики (9 человѣкъ), 6) „діаки" и приказные люди (33 человѣка), 7) „гости, купцы и смольняне" (75 человѣкъ). Всего на Соборѣ присутствовало, слѣдовательно, 374 человѣка. Переговоры съ польскими послами происходили съ 17-го по 25-е іюня; соборъ состоялся 28 іюня, приговоръ его былъ составленъ 2 іюля. Польскіе послы прибыли въ Москву 30 мая. Мы не знаемъ, какъ и когда стали собираться члены Собора. Съ увѣренностью можно утверждать, что въ такой короткій промежутокъ времени, какой оставался отъ начала переговоровъ съ поляками до соборнаго приговора, никакихъ выборовъ отъ представителей всей страны произвести было нельзя. При тогдашнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія за эти недѣли не успѣли бы даже и оповѣстить государство о выборахъ, не успѣли бы и выборные съѣхаться въ Москву. Какъ же получились на Соборѣ 1566 г. тѣ члены его, которые не принадлежали ни къ Освященному Собору, ни къ Думѣ? Дѣло въ томъ, что избирателемъ представителей отъ населенія на этотъ Соборъ являлся не кто иной, какъ правительство. На Соборъ были призваны, какъ представители земли, только тѣ дворяне и торговые люди, которые въ эти дни находились въ Москвѣ. На первый взглядъ такое представительство нельзя назвать голосомъ всей земли. Тѣмъ не менѣе ни о какомъ умышленномъ въ видахъ правительства подборѣ участниковъ Собора рѣчи быть не можетъ. Разгадка этого обстоятельства кроется въ томъ строѣ, какой имѣло населеніе Московскаго государства.

Ученые часто сравниваютъ Московское государство XVI и

XVII вв. съ укрѣпленнымъ лагеремъ, въ которомъ вся жизнь устроена такъ, чтобы легко можно было дать во всякую минуту военный отпоръ, съ какой бы стороны ни шло нападеніе. Все населеніе было такъ или иначе приписано къ военной службѣ, а правительство было штабомъ этой вооруженной силы. Служилые люди были обязаны являться на военную службу по первому призыву власти. За свою службу они получали жалованье землей. Эту землю обрабатывали крестьяне, которые арендовали землю у служилыхъ людей, кормили ихъ, кормились сами и платили подати въ казну. Жители городовъ также должны были платить подати, нести тягло. Все населеніе Московскаго государства можно поэтому раздѣлить на два большихъ разряда— служилыхъ и тяглыхъ людей. Первые отбывали военную службу натурой, вторые платили на содержаніе военной силы. Лучшихъ, наиболѣе сильныхъ средствами служилыхъ людей и плательщиковъ правительство старалось держать возлѣ столицъ и въ столицѣ. Лучшіе служилые люди получали земли въ уѣздѣ Москвы, составляли особый разрядъ дворянъ московскихъ, были, такъ сказать, гвардіей или офицерскимъ корпусомъ московскаго государя. Владѣя землями въ другихъ уѣздахъ, такіе московскіе дворяне были знатоками положенія дѣлъ въ провинціи, и правительство всегда имѣло возможность навести у нихъ справку о томъ, что думаютъ и говорятъ, какъ живутъ въ томъ или иномъ уѣздѣ служилые люди. Точно такъ же и торговые люди въ государствѣ были переписаны по доходности ихъ капиталовъ, и самые богатые получали званіе „гостей“ и должны были жить въ Москвѣ. Этотъ высшій слой московскаго купечества постоянно пополнялся разбогатѣвшими купцами изъ городовъ. Гостямъ правительство обыкновенно отдавало на обязательный откупъ тѣ или иныя доходныя статьи государственнаго хозяйства; за поручительствомъ гостей происходилъ сборъ всякихъ податей съ ихъ родныхъ городовъ. Конечно, такіе купцы знали все и вся въ своихъ городахъ и могли дать правительству цѣнныя свѣдѣнія о платежныхъ силахъ населенія.

Призывая на Земскій Соборъ только находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей и гостей, присоединяя къ нимъ еще луцкихъ и торопецкихъ служилыхъ людей и смольнянъ, больше всѣхъ заинтересованныхъ въ данномъ дѣлѣ, какъ жителей пограничной съ Польшей мѣстности, правительство могло разсчитывать получить точныя свѣдѣнія и добрый совѣтъ, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно отъ всей земли.

Проф. В. О. Ключевскій, рѣшившій загадку представительства на Земскомъ Соборѣ 1566 г., характеризуя систему выбора представителей, говоритъ такъ: „Дворянскихъ представителей подбирали на Соборъ, между прочимъ, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья, къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ ранѣе перевода на службу въ Москву и

перечисленія ихъ изъ городовыхъ дворянъ въ московскіе. Это значитъ, что человѣка, московскаго дворянина, служившаго въ Москвѣ, звали на Соборъ не потому, что онъ московскій дворянинъ, а потому, что у него есть земля, вотчина или помѣстье въ томъ или иномъ уѣздѣ, гдѣ, быть-можетъ, живетъ его родня, куда онъ самъ наѣзжаетъ и, конечно, хорошо знаетъ, какъ обстоятъ дѣла въ этомъ уѣздѣ".

Представители отъ населенія на Соборъ не были, слѣдовательно, избраны на мѣстахъ самимъ населеніемъ, нужды и чаянія котораго должны были представлять; они были призваны правительствомъ сказать то, о чемъ ихъ спросятъ. Соборъ такихъ представителей былъ съѣздомъ избранныхъ правительствомъ его подчиненныхъ по военной и финансовой службѣ. „Такой представитель,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—являлся на Соборъ не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на Соборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній его избирателей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя, обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, показанія о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на Соборѣ; съ Собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія, а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на Соборѣ справокъ".

Торжественное засѣданіе Земскаго Собора 1566 г. происходило 28 іюня. Соборъ засѣдалъ въ одной изъ дворцовыхъ палатъ; царь сидѣлъ на тронѣ, неподалеку отъ него, за особымъ столомъ, расположилось духовенство, а поодаль, на лавкахъ, сидѣли, размѣстившись по родовитости своей, бояре. Прочіе участники Собора стояли, вѣроятно, прямо противъ царскаго мѣста. Царь предложилъ собравшимся вопросъ: „Заключить съ польскимъ королемъ миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя тотъ ставитъ, или продолжать войну?"

Для обсужденія этого вопроса и для подачи своего заключенія всѣ члены собора раздѣлились на семь группъ, которыя совѣщались порознь и порознь подавали свое мнѣніе. Выше были перечислены эти группы. Основой дѣленія ихъ послужила ихъ общественная важность и государственное значеніе. Къ духовенству государь обратился лично, самъ разъяснилъ подробности дѣла и кончилъ вопросомъ: „Какъ намъ стояти противъ своего недруга короля польскаго?" Боярамъ была предъявлена выпись изъ актовъ мирныхъ переговоровъ московскихъ дипломатовъ съ польскими. Остальнымъ членамъ Собора было просто приказано отъ лица государя поговорить между собою „о литовскомъ дѣлѣ и о ливонскихъ городахъ" и высказать свое мнѣніе.

Мы не знаемъ, какъ создавали группы свои мнѣнія, какъ ихъ подавали, устно, письменно, въ присутствіи царя или безъ него.

Духовенство, воздавая хвалу уступчивости и „великому смиренію государя“ и признавая, что „государская передъ королемъ правда великая“, объявляло, что „пригоже государю за тѣ городы ливонскіе стояти, которые городы взялъ король, а если не стояти за тѣ городы, то тѣсноты будутъ великія не токмо ливонскимъ городомъ и Пскову, но и Великому Новгороду, и иныхъ городовъ торговымъ людямъ торговли затворятся... А какъ ему, государю, за тѣ городы стояти, и въ томъ его государская воля, какъ его, государя, Богъ вразумитъ; а наша должная за него, государя, Бога молити: намъ о томъ совѣтовати не пригоже“...

Бояре тоже настаивали на необходимости удержать за собой пограничные ливонскіе города и высказывались за продолженіе, въ случаѣ надобности, войны... „А намъ всѣмъ за государя головы свои класти, видя королёву высость,—заключаютъ они свое мнѣніе,—и надежду на Бога держати; Богъ гордымъ противится; а во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь, нашъ царь и великій князь; а намъ ся какъ показало, и мы государю своему изъявляемъ свою мысль“. Печатникъ И. М. Висковатовъ, соглашаясь во всемъ съ сотоварищами, подалъ при этомъ отдѣльное мнѣніе за то, чтобы возобновить переговоры о мирѣ, если король выведетъ свои войска изъ спорныхъ городовъ и пообѣщаетъ не требовать ихъ при заключеніи мира.

Дворяне первой статьи, подтверждая справедливость „государскихъ“ притязаній, сказали: „А намъ ся видитъ холопамъ его, что государю нашему пригоже за то за все стояти, а наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служити ему, государю своему, до своей смерти“... Дворяне и дѣти боярскія другой статьи говорили такъ: „Вѣдаетъ Богъ да государь нашъ, какъ свое государево дѣло сдѣлаетъ, то его государева воля, да что будетъ государская мысль... А мы, холопи его, готовы для его государева дѣла головы свои класти и померета готовы за государя своего и за его дѣтей... А государя нашего царя и великаго князя правда передъ королемъ... И намъ ся видитъ: государю нашему за тѣ городы стояти, а мы, холопи его, на его государево дѣло готовы“.

Торопецкіе помѣщики заявили, что они „за одну десятину земли Полоцкаго повѣту головы положатъ... мы, холопи его государскіе, нынѣ на конехъ сидимъ, и мы за его государское (достояніе) съ коня помремъ“... „И намъ ся видитъ,—заключаютъ они свое мнѣніе,—за тѣ городы стояти государю крѣпко, а мы, холопи его, для его государева дѣла готовы“.

Луцкіе помѣщики высказали то же самое. Дьяки и приказные люди, заявивъ сомнѣніе въ надобности отступаться отъ занятыхъ поляками городовъ, выражали готовность головы положить на томъ государскомъ дѣлѣ, къ которому пригодятся.

Гости, купцы и смольняне говорили въ одинъ голосъ со всѣми чинами, что надо отстаивать „государеву правду“ передъ королевской „высостью“. „Молимъ Бога о томъ,—говорили они,— чтобы государева рука была высока, а мы, люди неслужилые, службы не знаемъ: вѣдаетъ Богъ да великій государь, не стоимъ не токмо за свои животы, мы и головы свои кладемъ за государя вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока“.

Таковы были мнѣнія, представленныя на Соборѣ 1566 года чинами Московскаго государства на запросъ правительства—быть войнѣ или миру съ Польшей. Голосъ всѣхъ чиновъ былъ за войну, и война возобновилась. Вслѣдствіе утомленія обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія велись вяло и затянулись на три года, до 1569 г., когда было заключено перемиріе.

Приговоръ Собора 1566 года былъ написанъ и закрѣпленъ печатями, подписями и крестнымъ цѣлованіемъ участниковъ Собора. Архіепископы и епископы подписали грамоту и подвѣсили къ ней свои печати, архимандриты, игумены и старцы только подписали грамоту. Бояре, окольничьи и приказные люди подписали грамоту и цѣловали крестъ; всѣ остальные закрѣпили приговоръ тѣмъ, что цѣловали крестъ исполнять его.

Въ XVI в. земскіе соборы были еще въ 1584 и въ 1598 гг. Относительно Собора 1584 г. не сохранилось никакихъ точныхъ и ясныхъ свѣдѣній. Такъ называемая „Новая лѣтопись“, составленная при царѣ Михаилѣ, разсказываетъ, что вскорѣ послѣ смерти царя Ивана, въ первыхъ числахъ мая 1584 года, „придоша къ Москвѣ отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства и просили со слезами царевича Ѳедора Ивановича, чтобы вскорѣ сѣлъ на престолъ отца своего и воцарился на Москвѣ; и по ихъ прошенію вѣнчался царскимъ вѣнцомъ того жъ году въ Вознесеньевъ день“.

Соборъ 1598 г., созванный послѣ смерти послѣдняго царя изъ дома Калиты, долженъ былъ произвести избраніе на царство новаго царя.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ былъ послѣднимъ въ родѣ Калиты, и со смертью его осиротѣлъ престолъ великаго Россійскаго царствія. Кому быть теперь царемъ?—вотъ вопросъ, какой сталъ передъ русскими людьми на рубежѣ новаго столѣтія. Отвѣтить на этотъ вопросъ достаточно вѣско и рѣшительно не взяли на себя ни патріархъ, ни Боярская Дума, ни Освященный Соборъ; надо было спросить совѣта у всей земли. Земскій Соборъ состоялся 17-го февраля 1598 г. и послѣ рѣчи патріарха постановилъ: „неотложно бити челомъ государю Борису Ѳедоровичу, а опричь государя Бориса Ѳедоровича на государство никого же не искати“. Соборъ 1598 г. имѣлъ тотъ же характеръ по своему составу, какъ и Соборъ 1566 г. Какъ и въ 1566 году, на Соборѣ, избравшемъ на царство Бориса Ѳедоровича, присутствовали, въ числѣ 512 человѣкъ, разностепенные носители власти, чины управленія, а не уполномоченные отъ общества; это было тоже

представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію. Лица, облеченныя общественнымъ довѣріемъ— случайное явленіе на Соборѣ 1598 г.: соборными представителями столичныхъ торговопромышленныхъ сотенъ были ихъ выборные старосты и сотскіе, которыхъ правительство призвало на Соборъ по ихъ должности, и дѣло случая, что эти должности были выборныя.

Облеченные довѣріемъ населенія, избранные изъ среды населенія его представители появляются только на земскихъ соборахъ XVII в. Мысль о такихъ представителяхъ зарождается и осуществляется среди тяжелыхъ обстоятельствъ Смутнаго времени, въ первое время устройства страны, потрясенной ужасами Смуты. Государство было на краю гибели. Шайки „своихъ воровъ“ и отряды иноземныхъ воинскихъ людей достигали до отдаленныхъ сѣверныхъ городовъ и держали ихъ въ осадѣ. Москву осаждали тушинцы, начиналась война съ Польшей. Тогда царь Василій обратился за помощью къ той части Великороссіи, которая меньше другихъ подвергалась Смутѣ, благодаря своему положенію. Царь Василій послалъ въ Новгородъ своего племянника М. В. Скопина-Шуйскаго, а онъ изъ Новгорода черезъ Каргополь и Вологду воодушевилъ весь сѣверъ отъ Перми до Соловокъ. По городамъ стали собирать ополченія, вооружать ихъ и отправлять къ Москвѣ или къ Скопину-Шуйскому подъ начальствомъ выборныхъ головъ. Въ тылу этихъ отрядовъ оставались, для сбора ратныхъ людей на пополненіе ушедшихъ отрядовъ и для сбора денегъ и провіанта на ихъ содержаніе, мірскіе совѣты изъ старостъ, сотскихъ и лучшихъ людей „излюбленныхъ“, т.-е. выбранныхъ.

Тогда же въ цѣляхъ защиты отдѣльныхъ краевъ государства стали устраиваться по городамъ совѣты не только изъ однихъ горожанъ. Такъ, зимой 1608—1609 года въ Вологдѣ должны были зазимовать многіе иноземные купцы и московскіе гости, ѣхавшіе съ товарами изъ Архангельска въ Москву, куда имъ попасть было невозможно, такъ какъ Москву осаждали тушинцы. Московское правительство распорядилось тогда, чтобы воеводы, управлявшіе Вологдой, привлекли къ оборонѣ края какъ иноземцевъ, такъ и московскихъ гостей: выборные отъ нихъ должны были сидѣть „съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ“. Въ Вологдѣ, слѣдовательно, образовался мірской совѣтъ изъ представителей разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія. Скоро такіе всесословные выборные совѣты возникли по всѣмъ крупнымъ городамъ московскаго сѣвера.

Въ 1610 г. царь Василій былъ „сведенъ“ съ престола, и въ странѣ наступило безгосударное время, когда отдѣльные города и волости оказались предоставленными сами себѣ; тогда-то въ городахъ и пріобрѣли руководящее значеніе общесословные совѣты, въ которыхъ участвовали духовенство, служилые люди и посадскіе. Города заботятся о безопасности другъ друга; когда

въ Вяткѣ возмутились инородцы, то вятчане послали въ Пермь грамоту о помощи; изъ Перми отвѣчали: „и мы вашу отписку на всемъ мірѣ чли и ратныхъ людей въ Перми Великой собираемъ, а собравъ, на Вятку къ вамъ пошлемъ". Городскіе совѣты, выросшіе около тѣхъ земскихъ избъ, которыя стали во главѣ управленія городовъ еще во времена Грознаго, скоро сдѣлались такой силой, что, когда послѣ низложенія царя Василія поднялся въ Москвѣ вопросъ объ избраніи новаго царя, бояре постановили сдѣлать избраніе не иначе, какъ „сослався со всѣми городы".

Въ эту трудную минуту государственной жизни, когда странѣ грозила потеря независимости и расчлененіе, города дѣятельно взялись за спасеніе родины. Города не только пересылались грамотами, въ которыхъ извѣщали о томъ, что у нихъ творится и что они думаютъ предпринять для спасенія родины, но и обязывались другъ передъ другомъ „цѣловальной записью" всѣмъ „стати за Московское государство за одинъ". Такъ, нижегородцы въ 1610 г., призывая рязанцевъ „стоять за одинъ" съ ними и крестъ на томъ цѣловать, извѣщали ихъ о своемъ рѣшеніи итти на выручку Москвы и предлагали прислать въ Нижній „всякихъ чиновъ добрыхъ людей для совѣту" и отписать, гдѣ сходиться рязанскимъ и нижегородскимъ отрядамъ при походѣ къ Москвѣ. „Дворяне, дѣти боярскіе и всякіе служилые люди и торговые и черные Рязанскія области" послали въ Нижній своихъ выборныхъ. Когда соединенныя ополченія нѣсколькихъ городовъ двинулись на выручку Москвы, то при нихъ были довѣренные выборные отъ совѣтовъ этихъ городовъ, которые естественно образовали при ополченіи „ратный совѣтъ", обладавшій достаточнымъ авторитетомъ въ войскѣ и образовавшій живую связь между городами и созданнымъ ими ополченіемъ.

Въ сознаніи великаго дѣла спасенія родины городскіе міры чувствуютъ себя господами положенія, единственной твердой и законной властью въ странѣ; въ своихъ грамотахъ они такъ и именуютъ другъ друга „господами"; выраженія: „и вы бы, господа, помыслили"... „вамъ, господамъ, вѣдомо"—неизмѣнная форма обращенія въ этихъ грамотахъ. Образовавшійся изъ мірскихъ совѣтовъ отдѣльныхъ городовъ „совѣтъ всея земли", „всѣ христіане", „христоименитый народъ" былъ живымъ воплощеніемъ того патріотическаго и національнаго подъема, который спасъ страну въ тяжелую годину бѣдствій.

Такой ратный совѣтъ, оказавшійся при ополченіи Прокопія Ляпунова (іюнь 1611 г.), выбралъ въ начальники земскаго ополченія Прокопія Ляпунова, князя Димитрія Трубецкого, стоявшаго во главѣ тушинцевъ, примкнувшихъ къ ополченію, и атамана Ивана Заруцкаго, предводителя казаковъ, которые тоже присоединились къ земскому ополченію. Около этихъ военачальниковъ сталъ дѣйствовать совѣтъ изъ тѣхъ выборныхъ, которыми города пересылались другъ съ другомъ, устраивая походъ подъ Москву, и изъ начальныхъ служилыхъ людей. Грамоты войска, посы-

лаемыя въ города, стали тогда писать отъ имени боярина князя Димитрія Трубецкого, думнаго дворянина Прокопія Ляпунова и атамана и „боярина“ Ивана Заруцкаго „по совѣту всея земли“.

Этотъ совѣтъ взялъ на себя руководство всѣмъ государствомъ и въ приговорѣ своемъ отъ 30 іюня, объявивъ объ избраніи трехъ главныхъ воеводъ и о назначеніи имъ земельнаго жалованья, сообщилъ о жалованіи остальнымъ начальникамъ, казакамъ и служилымъ людямъ. Далѣе былъ указанъ порядокъ управленія всѣмъ государствомъ, и наконецъ давался указъ о возвращеніи бѣглыхъ людей къ ихъ законнымъ владѣльцамъ. Въ заключеніе приговора сказано, что выбранныя въ „правительство“ лица могутъ быть всею землею лишены власти, если окажутся неспособными или нерадивыми.

Но доброму намѣренію „устроить землю“, какимъ былъ проникнутъ этотъ приговоръ, не пришлось осуществиться. Слишкомъ разнородно по своему составу, цѣлямъ и желаніямъ было ополченіе, чтобы оно могло мирно и въ согласіи дѣлать то дѣло, ради котораго оно собралось. Въ то время, какъ ополченія городовъ дѣйствительно заботились о возстановленіи порядка и спокойствія въ странѣ, казачьи шайки менѣе всего могли это привѣтствовать, тушинцы же сами не знали, чего хотѣли, кромѣ возможности грабежа и наживы. Всѣ три начальника, стремясь къ первенству, „были въ розни великой“. Сильный характеромъ и умомъ, умѣвшій внушить къ себѣ уваженіе и какъ военачальникъ, Прокопій Ляпуновъ рѣзко выдавался въ обществѣ Трубецкого и Заруцкаго. Онъ былъ искренне готовъ устроить порядокъ въ странѣ и въ войскѣ и, насколько было въ его власти, вводилъ этотъ порядокъ очень энергично. Казаки ненавидѣли его за это и, позвавъ разъ на свой „кругъ“ для выясненія какихъ-то недоразумѣній, убили его.

Со смертью Ляпунова стали руководить всѣмъ „старые заводчики всякому злу,—какъ говоритъ лѣтопись,—атаманы и казаки, холопы боярскіе“. Въ подмосковномъ лагерѣ началось открытое междоусобіе. Казаки грозили служилымъ людямъ боемъ и грабежомъ, „лаяли и поносили“ ихъ. Служилые же люди, вся земская часть ополченія, подавленные смертью своего вождя, растерялись, а такъ какъ станы ихъ были расположены вперемежку съ казачьими таборами, они не смогли отдѣлиться и образовать свой особый лагерь. Тогда земское ополченіе понемногу стало расходиться изъ-подъ Москвы и „скоро,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—отыдоша вси отъ Москвы прочь“.

А король Сигизмундъ взялъ, межъ тѣмъ, Смоленскъ; шведы овладѣли Новгородомъ; казаки же, сдѣлавшись теперь правительствомъ Московскаго государства, „воровства своего не оставили, ѣздили по дорогамъ станицами и побивали“.

Что было дѣлать тогдашнимъ русскимъ людямъ? Дѣлать же что-нибудь было необходимо—иначе конецъ Русской землѣ, конецъ ея самостоятельному бытію. Многіе смутившіеся и поте-

рявшіеся отчаялись совсѣмъ въ спасеніи и надѣялись только на помощь свыше. Люди молились и постились. Начались видѣнія и чудесныя знаменія, дышавшія увѣренностью, что Русь должна быть спасена. Были видѣнія во Владимирѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ это-то время и замѣчается особый подъемъ духа въ населеніи восточной части страны, которая видѣла разореніе всей земли Россійскаго царствія, но сама сравнительно мало пострадала. Подъ вліяніемъ извѣстій о повсемѣстныхъ неудачахъ и общихъ бѣдахъ, здѣсь снова усилилось движеніе противъ силъ, разорявшихъ страну, т.-е. противъ поляковъ и казаковъ. Поволжскіе и сѣверные города снова всѣ согласились, чтобы имъ „быть въ совѣтѣ и единеніи", охранять сообща порядокъ, не допускать грабежей, не заводить усобицъ, не принимать новыхъ правителей, кто бы ни назначилъ ихъ, съ казаками не знаться, слушаться святителя патріарха Гермогена, уже давно разсылавшаго грамоты, призывавшія народъ къ возстанію противъ поляковъ и казаковъ.

„Подъ Москвой,—писали казанцы въ Пермь,—промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за храмъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова казаки убили, преступая крестное цѣлованіе. Но мы всѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими согласились быть въ совѣтѣ и единеніи, дурного другъ надъ другомъ ничего не дѣлать, стоять на томъ крѣпко, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы намъ государя всей землей Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью одни, не согласившись со всей землей, то такого государя намъ не хотѣть".

Центромъ движенія сдѣлался Нижній-Новгородъ, поднятый тамошнимъ торговымъ человѣкомъ Кузьмой Захарьевичемъ Мининымъ-Сухорукимъ. Отсюда стали разсылаться грамоты, призывавшія города ополчиться за вѣру и родину, за общее земское дѣло. Совѣтомъ всѣхъ городовъ, соединившихся въ Нижнемъ, выбрали въ воеводы надъ общеземской ратью князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, прославившагося своими военными подвигами еще во времена Шуйскаго и не запятнавшаго себя ни присягой Владиславу, ни единеніемъ съ тушинцами. Пожарскій повелъ войско къ Москвѣ вмѣстѣ съ „выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ" Кузьмой Мининымъ, взявшимъ на себя хозяйственное устройство рати.

7-го aпрѣля 1612 г. общеземское ополченіе заняло городъ Ярославль, оттѣснивъ отсюда казаковъ. Какъ и ополченіе Ляпунова въ свое время, оно прежде всего позаботилось объ устройствѣ порядка. Тогда же, 7-го апрѣля, отъ имени властей земскаго ополченія, бояръ, окольничихъ, Димитрія Пожарскаго и всего войска были разосланы по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать

въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками“. Такимъ образомъ войско Пожарскаго приглашало всѣ города и уѣзды прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, „какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударными“. Этотъ призывъ не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ образовался около совѣта воеводъ настоящій Земскій Соборъ, представившій собой прочное и крѣпкое правительство, которое признали не только всѣ города и вся земля, очищенная отъ поляковъ и казаковъ, но и иностранцы; шведы начали переговоры относительно занятаго ими Новгорода съ новымъ правительствомъ, которое они назвали „сословіями Московскаго государства“. Сами русскіе называли свое новое правительство „совѣтомъ всея земли“.

Вверху этого совѣта „по избранію всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства“ были стольникъ и воевода князь Д. М. Пожарскій и „выборный человѣкъ всею землею“ Кузьма Мининъ. Собравшійся въ Ярославлѣ „совѣтъ всея земли“ прежде всего поставилъ себѣ задачу—какъ бы не остаться московскимъ людямъ „безгосударными“; но безпокойныя обстоятельства времени не позволяли отнестись къ этому важному вопросу съ тѣмъ спокойствіемъ и увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, какія для рѣшенія его требовались, и потому совѣтъ, взявъ въ свои руки управленіе государствомъ, постановилъ, что для избранія царя надо окончательно очистить землю отъ враговъ и замирить ее.

22-го октября земское ополченіе, сумѣвшее подчинить себѣ и казаковъ, взяло приступомъ Китай-городъ, а 26-го сдался Пожарскому и польскій гарнизонъ, занимавшій Кремль. Немедленно по очищеніи Москвы пошли по городамъ грамоты „о обираніи государскомъ“.

Представители населенія, составлявшіе ярославскій Земскій Соборъ, сдѣлавъ свое дѣло, были распущены, и страна приглашалась прислать новыхъ выборныхъ для завершенія великаго дѣла. Въ январѣ 1613 г. новый совѣтъ всея земли уже существовалъ и думалъ о томъ, „кому быть на Московскомъ государствѣ“.

Соборъ 1613 г. состоялъ изъ высшаго наличнаго духовенства съ тремя митрополитами во главѣ. Мѣсто Боярской Думы на этомъ Соборѣ заняли „начальники“, т.-е. князь Д. М. Пожарскій и его воеводы. Бояре, сидѣвшіе въ плѣну у поляковъ и цѣловавшіе въ свое время крестъ Владиславу, по освобожденіи изъ плѣна не были допущены на Соборъ; такъ поступить было рѣшено съ общаго согласія, и бояре должны были разъѣхаться по своимъ деревнямъ. Ихъ возвратили въ Москву только тогда, когда избраніе новаго царя уже состоялось. Земскіе представители на Соборѣ были двухъ разрядовъ. Одни явились на Соборъ по старому правилу, всѣ безъ выбору: то были придворные чины, „большіе дворяне“ и приказные; другіе были присланы на Соборъ отъ избравшаго ихъ населенія и явились

съ „договорами" и „съ выборами за всякихъ людей руками", т.-е. съ подписанными всѣми избирателями наказами и грамотами, удостовѣрявшими правильность избранія каждаго депутата. Всего собралось на Соборѣ 1613 г. до 700 человѣкъ.

Первымъ общимъ рѣшеніемъ Собора было не избирать на россійскій престолъ иностранца, были отвергнуты и нареченный царь Владиславъ и предложенный новгородцами шведскій королевичъ. Ближайшими кандидатами на престолъ явились тогда члены „великихъ", т.-е. знатнѣйшихъ родовъ.

Но все высшее боярство слишкомъ „измалодушествовалось" за время Смуты, служа то царю Борису, то его сыну, то названному Димитрію, то царю Василію, то Тушинскому вору, то, наконецъ, королевичу Владиславу. Родичи Годунова, со смертью царя Бориса, потеряли всякое значеніе. Изъ Романовыхъ только сынъ митрополита Филарета, находившагося въ плѣну, по малолѣтству, не былъ ничѣмъ запятнанъ. Жизнь выдвинула въ кандидаты на престолъ, конечно, и „начальниковъ" земскаго ополченія, т.-е. князей Пожарскаго и Трубецкого. „Многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо хотяше по своей мысли дѣяти, кійждо про коего говоряше, не помянуша бо писанія, яко Богъ не токмо царство, но и власть кому хощетъ, тому даетъ, и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ,—свидѣтельствуетъ одна лѣтопись о тогдашнемъ настроеніи московскихъ людей:—начаша совѣтовати о избраніи царя и много избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного, и вси разно вѣщаху и всякій хотяше по своей мысли учинити и тако препровождаху не малые дни; мнозіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары".

Это предвыборное замѣшательство осложнялось тѣмъ, что ополченіе, освободившее Москву, сломившее казацкіе таборы и заставившее ихъ подчиниться установленной въ ополченіи власти, ослабѣло въ своей силѣ и значеніи. Это стало замѣтно въ первыя три недѣли по очищеніи Москвы. Слѣдуя обычному московскому распорядку распускать войско по достиженіи той цѣли, для которой оно было собрано, вожди ополченія не задерживали служилыхъ людей и позволяли имъ возвращаться въ ихъ уѣзды „по домомъ". Къ концу ноября, по замѣчанію лѣтописца, „людіе съ Москвы всѣ разъѣхалися", и тогда создалось очень опасное положеніе: казаки получили численный перевѣсъ надъ оставшимися служилыми людьми. Правительство ничего не могло съ ними подѣлать: распустить ихъ было некуда, потому что они были люди бездомовные, разослать же ихъ на службу въ города нельзя было по ихъ ненадежности. Къ концу 1612 г. казаки въ Москвѣ превосходили почти вдвое оставшихся служилыхъ людей и стрѣльцовъ.

Почувствовавъ свое превосходство, казаки, усмиренные-было Пожарскимъ, подняли головы и стали чувствовать себя госпо-

дами положенія, стали „во всемъ бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ“.

Московскому правительству пришлось для удовлетворенія казаковъ обложить сборами все населеніе Москвы. По словамъ современника, воеводы „что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакамъ въ жалованье, а что взяли (при сдачѣ) въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей и то все поимали казаки же“. Чувствуя себя господствующей силой, казаки „примѣривали на царство“ тѣхъ, кто имъ былъ по сердцу, говорили, что, кого хотятъ, того и посадятъ на московскій престолъ; среди излюбленныхъ своихъ кандидатовъ они называли сына Тушинскаго вора и Марины Мнишекъ, увезеннаго Заруцкимъ, и сына бывшаго тушинскаго патріарха Филарета Романова. На Земскомъ Соборѣ 1613 г. донской атаманъ первый произнесъ имя Михаила Романова, какъ желательнаго царя. Всѣ члены собора единогласно похоронили притязанія на престолъ королевича Владислава, за котораго было высшее боярство, слышать ничего не хотѣли о „Маринкиномъ сынѣ“, о „воренкѣ“. Но имя другого казачьяго кандидата, Михаила Романова, заставило соборъ задуматься. Это имя, выдвинутое казаками по тушинскимъ воспоминаніямъ, было хорошо и прочно извѣстно въ Москвѣ; Романовы были старинный и очень любимый въ Москвѣ боярскій родъ, находившійся къ тому же въ свойствѣ съ угасшей династіей. На этомъ имени можно было помириться.

Послѣ долгихъ и упорныхъ препирательствъ, Соборъ и остановился на томъ, чтобы быть царемъ младшему изъ Романовыхъ, сыну митрополита Филарета, Михаилу. Постановивъ это, Соборъ послалъ за разъѣхавшимися по деревнямъ боярами, требуя, чтобы они для большого государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣта ѣхали къ Москвѣ „на спѣхъ“. Въ то же время и во всѣ города Россійскаго царствія послали извѣстить тайно имя того, кого Соборъ намѣтилъ въ цари, и спросить народъ, кого хотятъ государемъ-царемъ.

21-го февраля, когда посланные съѣхались изъ городовъ съ хорошими вѣстями, и собрались также бояре, въ большомъ Московскомъ дворцѣ, въ присутствіи внутри его и внѣ простого „всенародства“, выборные изо всѣхъ городовъ и уѣздовъ Россіи провозгласили царемъ и великимъ государемъ всея Руси Михаила Ѳедоровича Романова.

Избравшій царя Соборъ 1613 г. оставался при немъ до 1615 года, когда были созваны новые выборные, дѣйствовавшіе до 1619 г. Въ серединѣ 1619 г. Соборъ самъ рѣшилъ, что пора созвать новыхъ выборныхъ; этотъ новый Соборъ существовалъ до 1622 г. Послѣ этого года становится невозможнымъ установить непрерывность дѣятельности земскихъ соборовъ, и они происходятъ время отъ времени по созыву правительства.

Итакъ, Земскій Соборъ, избравшій царя, остался при немъ, какъ дѣятельная и существенно-необходимая часть правитель-

ства. Новая власть не дѣлаетъ ничего иначе, какъ „по совѣту всея земли“, и признаетъ гласно, что теперь вообще ничего нельзя рѣшать „безъ совѣту всего государства“. Вопросы о войнѣ и мирѣ, вопросы финансоваго устройства и податные, назначеніе новыхъ налоговъ и сборовъ, вопросы устройства пришедшихъ въ разореніе чиновъ государства, вопросы благоустройства управленія, законодательство,—все это проходило черезъ вѣское обсужденіе совѣта всея земли.

Первое время правительство новаго царя и Земскій Соборъ, нуждаясь другъ въ другѣ, дѣйствуютъ рука объ руку. Они должны такъ дѣйствовать, потому что у нихъ есть общіе враги. Земскіе Соборы 1612 и 1613 гг., которые провели очищеніе земли отъ враговъ и установили новое правительство, дѣйствовали отъ лица тѣхъ частей населенія Московскаго государства, которыя создали ополченія. Это были жители городовъ, мелкіе и средніе служилые люди, уѣздное крестьянство, всѣ тѣ слои населенія, которые прежде всего хотѣли порядка и независимости родины. „Они сплотились для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ,—говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ,—но и съ казаками, т.-е. со всѣми тѣми, кто хотѣлъ переворота общественнаго“. Въ противоположность аристократамъ-боярамъ и демократамъ-казакамъ, московскіе люди, создавшіе ополченіе, были люди средніе, равнодушные къ аристократизму бояръ и враждебные казакамъ съ ихъ отрицаніемъ привычнаго среднимъ людямъ порядка. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвой и въ Москвѣ, освободивъ столицу, сдѣлавшись распорядителями судебъ государства, средніе люди закрѣпили свою побѣду тѣмъ, что избрали царя по душѣ себѣ. Они отстранили кандидатуру на московскій столъ иноземныхъ принцевъ, хотя начальники ополченія были и не прочь имѣть царя „отъ иновѣрныхъ“, совершенно отказались имѣть дѣло съ самозванщиной, выдвигаемой казаками, и не избрали въ цари никого изъ знатнѣйшихъ князей Рюрикова племени. Царь, избранный средними людьми, происходилъ изъ рода, который бояре-княжата XVI в. именовали иногда „рабскимъ“, но это былъ „великій“ московскій родъ старинныхъ московскихъ бояръ.

Избравъ царя себѣ по душѣ, Соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, защищая въ немъ свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, и новый царь не видѣлъ возможности править страной безъ содѣйствія Собора и унять безъ него „всемірный мятежъ“; царь Михаилъ отказывался даже принять власть и итти въ Москву, пока Соборъ не успокоитъ всю страну и не возстановитъ порядка. „Выходило такъ,—говоритъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ,—что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего значенія, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности“.

Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшему единодушію, обращало государя и Соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Такъ, Соборъ 1613 г. ведетъ переговоры съ Сигизмундомъ, требуя выдачи задержанныхъ поляками русскихъ пословъ: отца государева, митрополита Филарета, князя Голицына и др., слѣдитъ, чтобы были приведены къ присягѣ новому царю всѣ жители государства, и приказываетъ тѣхъ, кто отказывается, „бросить въ тюрьму до государева указу, да о томъ и къ намъ отписати“. Всѣ дѣла по умиротворенію страны проходятъ черезъ Соборъ, который прибѣгаетъ не только къ уговорамъ, но и къ оружію: къ казакамъ, которые объединились около Заруцкаго и Марины Мнишекъ съ ея сыномъ, посылается отъ Собора посольство и грамоты, чтобы они „не дѣлали никакого дурна, отъ воровства отстали и крови христіанской не проливали, городовъ и уѣздовъ не воевали“, грозя въ противномъ случаѣ возмездіемъ въ день праведнаго и страшнаго суда Господня, а также и тѣмъ, что „государь великій велитъ надъ вами своимъ ратемъ промышляти“.

На устройство рати нужны были деньги, и Земскій Соборъ старался найти ихъ; всюду были разосланы грамоты съ просьбой денежной помощи казнѣ; когда выяснилось, что деньги поступаютъ слабо, то по государеву указу и всей земли приговору велѣно было со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей, съ животовъ сбирати служилымъ людямъ на жалованье деньги—пятая доля, т.-е. пятую часть всего имущества, и кромѣ того „запросныя“ деньги, кто что дастъ. Эта забота о пополненіи пустовавшей казны становится главной для всѣхъ послѣдующихъ соборовъ царствованія царя Михаила.

Выяснялись на Соборѣ и тяжелыя слѣдствія этой неустанной дѣятельности по замиренію и устройству. На Соборѣ 1621 г. выборные изъ служилыхъ людей заявили, что они разорились, что помѣстья ихъ запустѣли; выборные отъ тяглыхъ людей указывали, что подати и повинности тяжелы и падаютъ на отдѣльные слои населенія крайне неравномѣрно; что люди меньшіе терпятъ много насильства и обидъ отъ сильныхъ людей и вельможъ. Земскій Соборъ сталъ тогда совѣщаться, „какъ бы то зло исправить и землю устроить“. Рѣшено было послать по всѣмъ городамъ „добрыхъ писцовъ и дозорщиковъ“, которые описали бы города и уѣзды и такимъ образомъ дали бы точный и вѣрный отчетъ о состояніи государства; не ограничиваясь сухими записями, постановили также созвать въ Москву новыхъ выборныхъ отъ духовенства, служилыхъ людей, посадскихъ, чтобы они разсказали про „обиды, насильства и разоренія, чѣмъ Московскому государству пополниться и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы государство, чтобы все пришло въ достоинство“.

Такимъ образомъ и по составу своему, и по кругу дѣя-

тельности Соборъ XVII в. сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ развитіи соборнаго начала по сравненію съ соборами XVI в. Въ составъ Собора вошли выборные отъ населенія. Но такъ же, какъ и послѣдніе, соборы XVII в. созываются государемъ, по его почину, и имъ же распускаются; такъ же, какъ и соборы XVI вѣка, соборы XVII в. не имѣли никакихъ правъ и полномочій, строго опредѣленныхъ въ законѣ; верховная власть попрежнему была сосредоточена въ рукахъ правительства, и Земскій Соборъ ограничивалъ ее не по закону, а по своему нравственному вліянію. Земскій Соборъ обыкновенно не дѣлалъ постановленій, а только, „подумавши накрѣпко", объявлялъ свою мысль государю, и „какъ то дѣло вершить,—говорили обыкновенно члены Собора,—въ томъ его государева воля". Самые вопросы, которые слѣдовало обсуждать на Соборѣ, не были опредѣлены, и Соборъ обсуждалъ и маловажныя правительственныя распоряженія и такія дѣла, какъ рѣшеніе войны или мира,—все въ зависимости отъ того, что спроситъ его правительство.

Такимъ образомъ земскіе соборы и въ XVII вѣкѣ не выражали никакихъ правъ общества на участіе въ правительствѣ и законодательствѣ. Правительство обращалось за содѣйствіемъ къ Земскому Собору только тогда, когда хотѣло того и когда чувствовало себя не въ силахъ провести какое-либо рѣшеніе помимо совѣта всей земли. Земскій Соборъ, слѣдовательно, имѣлъ задачей подкрѣпить правительство, а не руководить имъ, а если принималъ руководящую роль, какъ въ первое время царствованія Михаила, то только потому, что самъ создалъ правительство, и оно дѣйствовало въ соединеніи съ нимъ, укрѣпляясь въ своемъ значеніи черезъ непререкаемый авторитетъ совѣта всей земли. Но этотъ авторитетъ былъ только нравственный. Вотъ почему, когда правительство Московскаго государства почувствовало себя сильнымъ, для него миновала нужда въ постоянной ссылкѣ на авторитетъ совѣта всея земли, и оно перестало тогда созывать его для постоянной дѣятельности, оставляя за собой право созывать земскихъ людей лишь при трудныхъ случаяхъ государственной жизни.

При царѣ Михаилѣ земскіе соборы были созваны еще въ 1632—33 и въ 1634 гг., когда шла война съ Польшей, и правительство царя Михаила нуждалось въ деньгахъ на веденіе войны и не разсчитывало собрать нужныя средства на военныя надобности безъ „совѣта всея земли", такъ какъ народъ и безъ того былъ обремененъ налогами и податями. Земскій Соборъ 1632—33 гг. постановилъ: взять на жалованье ратнымъ людямъ съ торговыхъ людей „пятую деньгу", а съ остальныхъ „вспоможеніе, кто что дастъ". Соборъ 1634 г. постановилъ собрать со всякихъ людей деньги, „смотря по пожиткамъ, что кому мочно", и опредѣлилъ собирать это вспоможеніе „съ животовъ и промысловъ", т.-е. съ капиталовъ и доходовъ, „вправду", т.-е. послѣ строгаго изслѣдо-

ванія и точнаго установленія размѣровъ капиталовъ и доходовъ плательщиковъ.

Въ 1642 г. Земскій Соборъ былъ созванъ по вопросу относительно Азова. Донскіе казаки захватили Азовъ у турокъ самочинно, не спросивъ позволенія у царя. Овладѣвъ турецкой крѣпостью и не надѣясь удержать ее своими силами, казаки били челомъ государю и просили его принять подъ высокую руку Азовъ. Въ Москвѣ были очень довольны казацкимъ „промысломъ“ и очень хотѣли принять казачье челобитье, но это означало войну съ могущественной Турціей и Крымомъ, вассаломъ Турціи. Тогда и былъ созванъ Земскій Соборъ, на рѣшеніе котораго и былъ поставленъ вопросъ: разрывать ли миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ изъ-за Азова, и если воевать съ ними, то откуда брать ратныхъ людей, хлѣбные и пушечные запасы?

Чины Собора отвѣтили на царскій вопросъ довольно уклончиво. Всѣ почти въ одинъ голосъ заявляли, что „принять Азовъ или не принять, въ томъ государева воля, а мы, холопы его, служить ему государю рады и головы за него государя сложить готовы“; но затѣмъ всѣ чины принесли рядъ отчаянныхъ жалобъ на общее тяжелое положеніе государства и на разстройство хозяйственнаго благополучія всѣхъ общественныхъ слоевъ. Служилые люди жаловались на засилье крупныхъ землевладѣльцевъ, бояръ и монастырей, которые сманивали крестьянъ съ ихъ земель; они указывали правительству, что имъ, служилымъ людямъ, служить трудно, не съ чего; жаловались на плохое устройство управленія и суда. Торговые люди жаловались на свое разореніе, на захватъ ихъ промысловъ богатыми боярами и монастырями, на неправды воеводъ и ихъ насильства; земскіе люди жаловались на тягости податей и денежныхъ сборовъ. Изъ этихъ жалобъ правительство увидѣло, что вести новую войну будетъ трудно, отказалось отъ Азова и распорядилось, чтобы казаки отдали его обратно туркамъ.

Земскій Соборъ въ XVII в. созывался обыкновенно особой царской грамотой, въ которой перечислялось, кому „быти на соборѣ“. Освященный Соборъ, думные и нѣкоторые дворцовые чины входили въ составъ Земскаго Собора по своему званію, всѣ остальные чины всѣхъ городовъ должны были прислать выбранныхъ ими представителей. Грамоты о созваніи выборныхъ присылались на имя воеводъ или земскихъ старостъ, которые, руководствуясь грамотой, собирали въ мѣстный каѳедральный соборъ архимандритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и весь Освященный Соборъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, „посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей“.

Прочитавъ всѣмъ собравшимся царскую грамоту, воевода или земскій староста долженъ былъ „велѣть“ всѣмъ собравшимся выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей „добрыхъ и разумныхъ“, какъ говорится въ грамотахъ, или „смышленныхъ и

постоятельныхъ“, „которымъ бы государевы и земскія дѣла были за обычай“ и „которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренія и чѣмъ бы Московскому государству пополниться“. Каждый чинъ даннаго города производилъ выборы отдѣльно.

Избиратели должны были дать своимъ выборнымъ, во-первыхъ, „списки за руками на нихъ“, т.-е. полномочія за подписью избирателей, во-вторыхъ, наказы о томъ, что и какъ говорить на соборѣ, на чемъ стоять, и, въ-третьихъ, снабдить своихъ выборныхъ достаточнымъ запасомъ, чтобы они могли, не бѣдствуя, прожить въ Москвѣ. Когда соборная дѣятельность затягивалась и привезеннаго припасу не хватало, представители земли обращались съ слезной мольбой о помощи къ государю, жаловались, что „прибрели“ изъ городовъ, спѣша поспѣть къ сроку, „беззапасны“, „и нынѣ, государь, мы, бѣдные и до конца разоренные холопы твои, ожидая на Москвѣ твоего государева и земскаго дѣла вершенья, волочась со всякихъ нуждъ голодомъ помираемъ. Милосердый и праведный государь, помилуй насъ, вели, государь, свое государево жалованье дати намъ, чтобы голодомъ не помереть“: такъ просили въ общей челобитной дворяне шести городовъ. Надо сказать, что по, тогдашнимъ понятіямъ, на представительство на Соборѣ и избиратели и избранные смотрѣли какъ на „службу“ и за службу чаяли и выпрашивали жалованье и наградъ. Число выборныхъ опредѣлялось каждый разъ различно, а иногда предоставлялось опредѣлить его самимъ выборщикамъ и прислать отъ каждаго чина „по скольку человѣкъ пригоже“.

Выборы не всегда проходили достаточно гладко и скоро. Особенно много было хлопотъ воеводамъ и старостамъ по созыву на выборы жителей уѣздовъ; уже при одномъ тогдашнемъ бездорожьѣ не всегда это можно было сдѣлать достаточно скоро, а еще надо было считаться съ косностью выборщиковъ, нежеланіемъ двинуться съ мѣста. Карачевскому воеводѣ пришлось однажды два раза разсылать по уѣзду пушкарей и стрѣльцовъ, собирая на выборы служилыхъ людей; но и тогда явилось всего два человѣка, и воевода отправилъ ихъ въ Москву представлять нужды всѣхъ служилыхъ людей Карачевскаго уѣзда. Такъ же несчастливы были „пушкари и затиньщики“ Переяславля Рязанскаго: долго они ходили, посланные воеводой, по селамъ и деревнямъ, созывая служилыхъ людей въ городъ на выборы, пока, наконецъ, не явились очень „немногіе люди“. Елецкій воевода самъ выбралъ и послалъ представителей на Земскій Соборъ. Въ Москвѣ строго отнеслись къ такому воеводскому самочинству и присудили послать ему „грамоту съ осудомъ“ и прописать, что „велено дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему, воеводѣ, выбрать, и за то его осудить гораздо“.

Явившись въ Москву, выборные представители вмѣстѣ съ членами Земскаго Собора по должности собирались въ одной

палатѣ царскаго дворца и здѣсь выслушивали рѣчь царя, которую онъ или произносилъ самъ, или приказывалъ прочесть кому-либо изъ ближнихъ бояръ или думному дьяку. Въ царской рѣчи излагалось обыкновенно дѣло, предлагавшееся на обсужденіе Собора, и находилось обращеніе къ членамъ его „помыслить накрѣпко и государю мысль свою объявить, чтобы ему, государю, про то про все было извѣстно“.

Выслушавъ царскую рѣчь, выборные представители разбивались на отдѣльныя группы, или, какъ тогда говорили, „статьи“, по тому, кто съ кѣмъ согласенъ. Постановленныя такими статьями рѣшенія —„мысли“—записывали, и такимъ образомъ получалась „сказка“, которую представляли государю и Боярской Думѣ.

На Соборѣ 1642 г. „мысль“ свою объявили и „сказки“ отдѣльно подали: 1) „власти“—государевы богомольцы, т.-е. высшее духовенство, засѣдавшее не по выбору; 2) стольники; 3) московскіе дворяне; 4) двое изъ этихъ дворянъ — Желябужскій и Беклемишевъ; 5) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ; 6) „володимирцы“ дворяне и дѣти боярскія, которые на Москвѣ; 7) „дворяне и дѣти боярскія Нижняго-Новгорода и муромцы и лужане, которые здѣся на Москвѣ“; 8) дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ — всего 16 человѣкъ; 9) дворяне и дѣти боярскія еще 23 городовъ; 10) гости, гостиной и суконной сотенъ торговые люди; 11) черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе, старосты и всѣ тяглые людишки.

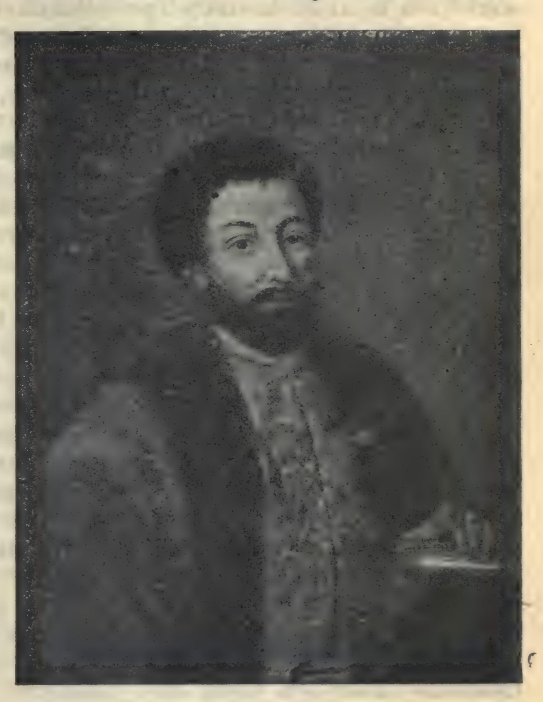
Какъ обсуждалось дѣло каждой изъ „статей“—неизвѣстно; знаемъ только, что „мысли“, „рѣчи“ или „сказки“ подавались послѣ того, какъ подававшіе ихъ „мыслили накрѣпко“ и „межъ себя говорили“. Чтобы дать соборнымъ людямъ возможность лучше и подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ, ради котораго ихъ созывали, царскую рѣчь, излагавшую дѣло, переписывали, и эти „письма“ раздавали „соборнымъ людямъ“ разныхъ чиновъ для подлиннаго вѣдома порознь.

Пріемы и характеръ соборной практики особенно ярко сказываются въ дѣятельности Собора 1649 года, созваннаго царемъ Алексѣемъ для утвержденія новаго собранія законовъ — книги Уложенной, или просто Уложенія, которое должно было замѣнить устарѣвшій Судебникъ 1550 г. и тѣ безчисленныя и часто противорѣчивыя дополненія къ нему, которыя записывались въ приказахъ и только однимъ приказнымъ и были вѣдомы. Въ челобитныхъ, поданныхъ на земскихъ соборахъ 1619, 1621 и 1642 г. г. и, кромѣ того, подаваемыхъ постоянно царю, давно уже сквозила нужда устроить и упорядочить взаимное отношеніе московскихъ людей по закону и установить правильный судъ.

Въ этихъ челобитныхъ была нарисована яркая картина своеволія отдѣльныхъ представителей власти и просто „сильныхъ“ людей.

„Мы, холопы твои, разорены, безпомощны, безпомѣстны и малопомѣстны, — жаловались представители земли на Соборѣ

1641 г.—Люди сильные, бояре и высшіе государевы слуги, приказные и монастыри захватили повсюду земли, накупили себѣ вотчинъ, понахватали помѣстій, получають большое жалованье, наживаются и обогащаются при исполненіи государевыхъ дѣлъ, собираютъ себѣ пожитки великіе, живутъ въ роскоши, строятъ палаты каменныя. Разорены мы пуще татаръ московской волокитой. Въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ и отъ ихъ воеводскаго задержанія и насильства. А при прежнихъ государяхъ воеводъ не было, въ городахъ вѣдали губные старосты, и посадскіе люди судились сами промежъ себя".

Бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій.
Со стариннаго портрета.

Несносныя податныя тягости, усиленная служба, злоупотребленія судей и чиновниковъ вызвали въ концѣ концовъ народныя волненія. Въ іюнѣ 1648 года Москва такъ разбушевалась, что правительство чувствовало себя „въ великомъ страхѣ и боязни". Многіе чиновники были перебиты. Правительство пошло на уступки. Мятежъ утихъ. Но стало ясно, что нужны не случайныя поправки тягостей, а общій, коренной пересмотръ всѣхъ условій жизни, которыя эти тягости создавали.

По современному сказанію, „міръ и вся земля", служилые и торговые люди били челомъ государю, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, „велѣлъ учинить Соборъ", и „они на Соборѣ учнутъ бить челомъ государю о всякихъ своихъ дѣлахъ". 16 іюля 1648 года на соединенномъ засѣданіи Боярской Думы и Освященнаго Собора, какъ разсказываетъ современная запись, „били челомъ государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ и иноземцы и гости и всякихъ чиновъ торговые люди о всякихъ своихъ дѣлахъ и о томъ, чтобы ука-

залъ государь написать на всякія расправныя дѣла судебникъ и уложенную книгу, чтобъ впредь по той уложенной книгѣ всякія дѣла дѣлать и вершить". Царь Алексѣй Михайловичъ, поговоря „съ бояры" и „со властьми", приказалъ боярину князю Н. И. Одоевскому съ четырьмя другими лицами: князьями Прозоровскимъ и Волконскимъ да дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ, выписать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ и изъ законовъ православныхъ греческихъ царей статьи, „пристойныя къ государевымъ и земскимъ дѣламъ"; собрать указы прежнихъ государей русскихъ и боярскіе приговоры и „справити" ихъ съ прежними судебниками; на тѣ случаи, на которые въ прежнихъ судебникахъ „указу не положено и боярскихъ приговоровъ не было", написать статьи вновь. Такимъ путемъ долженъ былъ составиться проектъ собранія законовъ. Этотъ проектъ предполагалось представить на просмотръ и обсужденіе Земскаго Собора. Тѣ пробѣлы въ законахъ, которые при этомъ пересмотрѣ должны были обнаружиться, рѣшено было заполнить по „общему совѣту", т.-е. съ помощью Земскаго Собора, составъ котораго тогда же очень тщательно обсудили. Срокомъ созыва Собора назначили 1 сентября 1648 г.; къ этому дню комиссія князя Одоевскаго должна была покончить порученное ей дѣло. На Соборъ призывались выборные отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей изъ чину по два человѣка; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ и отъ новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку.

На прежніе соборы придворные и столичные чины являлись въ большомъ числѣ и оттѣсняли тѣмъ самымъ городовыхъ служилыхъ и посадскихъ на второе мѣсто. Теперь было указано, сколько слѣдуетъ быть выборнымъ отъ придворныхъ и московскихъ чиновъ. Тѣмъ самымъ за средними чинами государства обезпечивалось главенствующее положеніе: Москва посылала шесть выборныхъ дворянъ, а уѣзды посылали 153 человѣка; московскіе гости и тяглые посылали 15 человѣкъ, а города посылали 80 выборныхъ.

Выборные съѣхались къ указанному сроку, и тогда же началась дѣятельность Собора. Соборъ раздѣлился на двѣ палаты. Одну составили Боярская Дума и Освященный Соборъ, на засѣданіяхъ которыхъ царь и патріархъ „слушали" проектъ законовъ, составленный комиссіей князя Одоевскаго. Другую палату составили всѣ выборные члены Собора подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. Здѣсь тоже читали законопроектъ комиссіи князя Одоевскаго. При чтеніи выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ и заявляли свои нужды и желанія. Эти заявленія или челобитныя „всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли" входили къ государю,

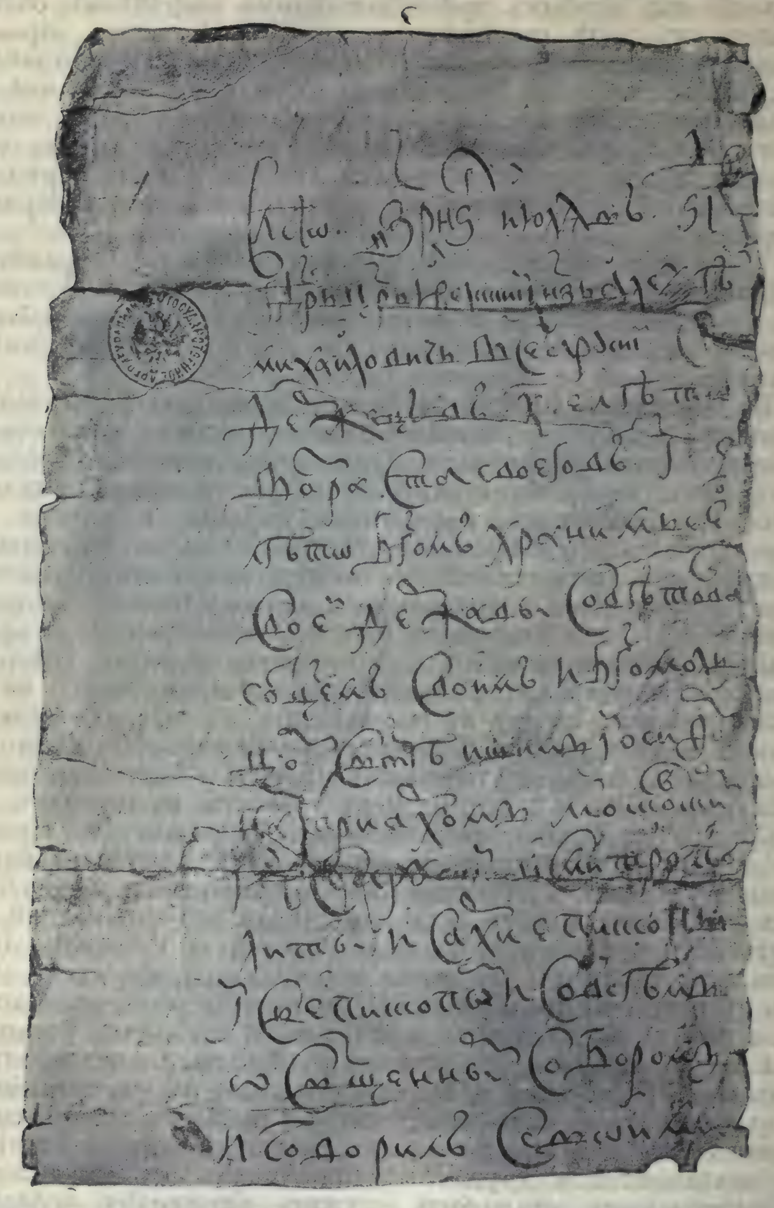
разсматривались на засѣданіяхъ Думы и Освященнаго Собора и здѣсь обыкновенно принимались. Эти новыя статьи, ранѣе появленія ихъ особымъ законодательнымъ сборникомъ, обнародывались въ видѣ государевыхъ указовъ и такимъ образомъ немедленно становились закономъ. Благодаря такому устройству хода работы, всѣ люди Московскаго государства могли слѣдить за плодами дѣятельности своихъ выборныхъ. Къ 29 января 1649 г. дѣло было кончено и „Уложенная книга“ готова; такъ какъ она явилась плодомъ работы Собора и была скрѣплена подписями соборныхъ людей, то ее называли также „Соборнымъ Уложеніемъ“.

Такъ какъ большинство членовъ Собора по избранію составляли люди городовыхъ чиновъ, то понятно, что въ Уложеніи были проведены и приняли форму закона ихъ пожеланія. Болѣе 60 статей въ новомъ собраніи законовъ были разработаны выборными и включены въ Уложеніе по ихъ „челобитью“.

По челобитью выборныхъ людей неправильно захваченныя „сильными людьми“ земли возвращались прежнимъ владѣльцамъ или отписывались на государя. Духовенство завладѣло слободами въ городахъ, населеніе этихъ слободъ по грамотамъ, выхлопотаннымъ духовенствомъ, не платило податей, и потому всѣ тяглые стремились перейти въ монастырскія слободы „заложиться“ за нихъ, но отъ этого закладничества терпѣли посадскіе, потому что имъ приходилось платить подати за закладниковъ до новой переписи. Выборные указывали на это, и монастырскіе и архіерейскіе закладники были отписаны обратно въ тягло; выборные люди провели воспрещеніе духовенству и боярамъ селить на посадскихъ земляхъ своихъ людей, заводить въ городахъ лавки и амбары и вести торговлю. Такимъ образомъ посадскіе люди провели законъ, по которому торговля и промыслы были закрѣплены за ними; кромѣ нихъ никто не могъ торговать въ городахъ.

Средніе служилые люди отстояли свои выгоды. Прежде всего они провели отмѣну „урочныхъ лѣтъ“, установленныхъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ. Бѣглаго крестьянина можно было искать и ловить 15 лѣтъ, а затѣмъ, если его и находили, то вернуть на прежнее мѣсто его было уже нельзя. Служилые люди жаловались, что срокъ для сыска коротокъ, что крестьяне убѣгаютъ въ пограничныя мѣстности, скрываются тамъ пятнадцать лѣтъ, а потомъ возвращаются и живутъ въ сосѣднихъ богатыхъ боярскихъ и монастырскихъ владѣніяхъ; богатые землевладѣльцы сманиваютъ крестьянъ у мелкихъ служилыхъ людей, скрываютъ ихъ въ своихъ дальнихъ владѣніяхъ, а пройдетъ срокъ—снова привозятъ близко, а крестьяне надъ своими прежними владѣльцами похваляются и другихъ сманиваютъ, а отъ этого земля не обрабатывается, стало-быть служить служилому человѣку государеву службу не съ чего, не на что справить оружіе и коня, нечѣмъ прокормиться въ походѣ. По Уложенію велѣно было совсѣмъ отмѣнить урочные годы для сыска бѣглыхъ и,

сыскивая ихъ всегда, безъ срока, возвращать владѣльцамъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ; возвращать было

Снимокъ съ перваго листа подлинной рукописи Уложенія. (1/3 нат. вел.).

велѣно всѣхъ бѣжавшихъ, начиная съ 1626 года. Это была большая побѣда мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ надъ круп-

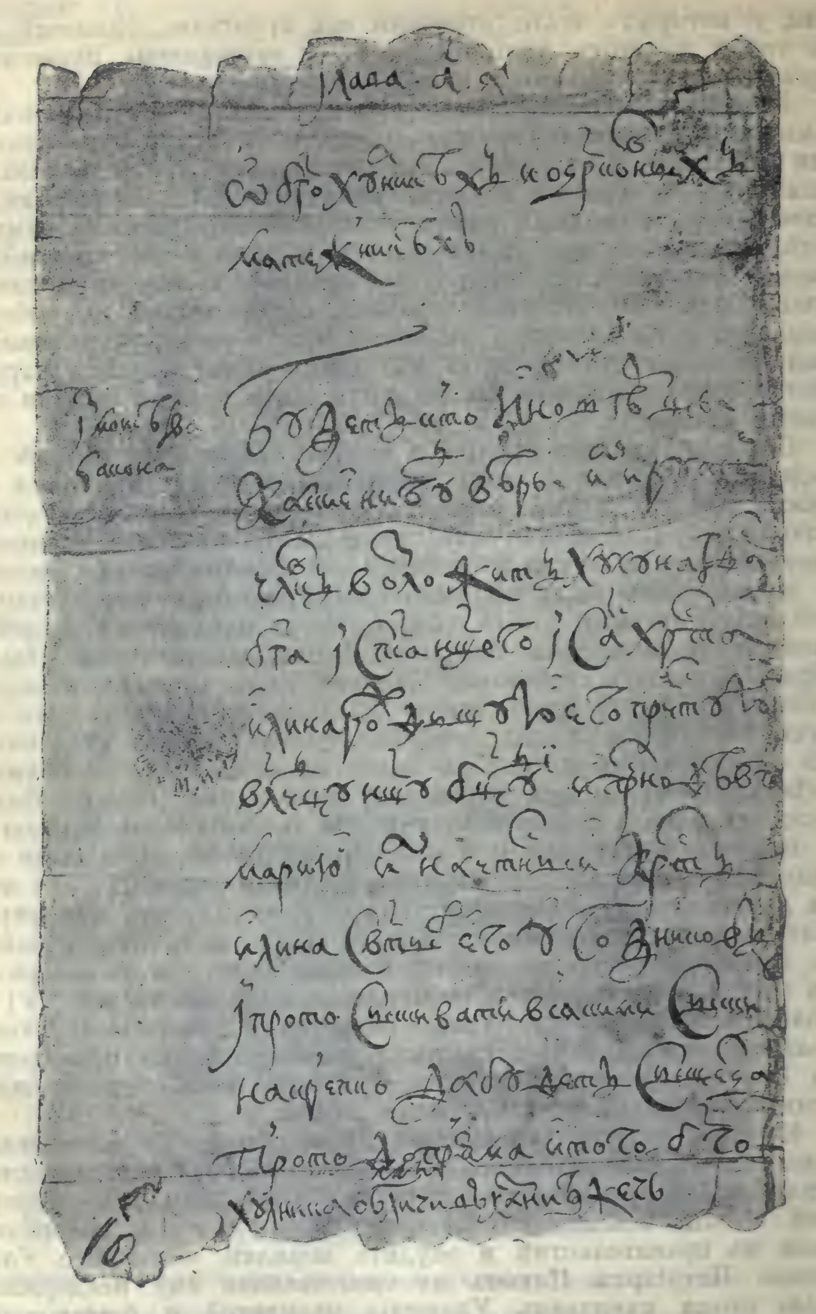
ными, у которыхъ были отобраны всѣ крестьяне, бѣжавшіе на ихъ земли за этотъ длинный срокъ, и возвращены прежнимъ владѣльцамъ съ семьями и нажитымъ имуществомъ.

Во всѣхъ этихъ побѣдахъ среднихъ людей надъ высшими посадскіе поддерживали своими голосами среднихъ служилыхъ, а эти послѣдніе—посадскихъ. „Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ,—замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ,—существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ классовъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, „за себя стала" и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія статьи, которыя дѣйствительно охраняли бы до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ".

Общими усиліями средніе и меньшіе служилые вмѣстѣ съ посадскими настояли на томъ, чтобы „судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна". Обѣ среднія группы сообща ополчились на монастырское землевладѣніе, пользовавшееся всевозможными льготами и свободой отъ податей; по ихъ настоянію монастырямъ было запрещено пріобрѣтать новыя вотчины, а всѣ пріобрѣтенныя послѣ 1580 г., когда царь Иванъ впервые запретилъ монастырямъ покупать земли, постановлено было отобрать и раздать служилымъ людямъ безпомѣстнымъ и маломѣстнымъ; духовенство лишено было затѣмъ права суда въ своихъ вотчинахъ, и для веденія судебныхъ дѣлъ свѣтскихъ лицъ съ духовными и суда въ монастырскихъ и архіерейскихъ владѣніяхъ, а также для управленія церковными землями, былъ учрежденъ особый приказъ, получившій названіе Монастырскаго.

Всѣ эти новые законы и нѣкоторыя другія мѣры были на пользу или служилыхъ людей, или тяглыхъ торговыхъ, но оба чина дружно поддерживали другъ друга, потому что эти мѣры имѣли въ виду общаго хозяйственнаго врага—монастыри и боярство. Преобладаніе среднихъ людей сказывалось еще на соборахъ царя Михаила. Руководство соборами, находившееся въ XVI и въ началѣ XVII вв. въ рукахъ боярства и приказныхъ, явно ускользало отъ нихъ. Изъ прежняго совѣщанія при правительствѣ Земскій Соборъ становится орудіемъ политической силы среднихъ служилыхъ и посадскихъ людей.

Конечно, высшее духовенство и боярство были крайне недовольны такимъ направленіемъ въ развитіи соборной дѣятельности. Успѣхи людей средняго состоянія на Соборѣ 1648 г. заставили людей высшихъ классовъ высказаться и противъ соборнаго начала въ правительствѣ и осудить порядки, созданные Уложеніемъ. Патріархъ Никонъ со свойственной ему несдержанностью языка именовалъ Уложеніе проклятой и беззаконной книгой, негодовалъ, что „вышелъ указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ". Высшее боярство и дьячество, не-

Снимокъ съ подлинной рукописи Уложенія ($^1/_3$ нат. вел.). Глава 1-я „О богохульникѣхъ и о церковныхъ мятежникѣхъ“

довольные тѣмъ, что Уложеніе проводило начало общаго равенства передъ закономъ и властью, „чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровно“, назвали желаніе среднихъ людей охранить себя отъ произвола сильныхъ, настойчиво проводимое ими, „разными прихотьми шумѣвшихъ озорниковъ“. Такъ какъ правительство было въ ихъ рукахъ, то понятно, что ихъ цѣлью сдѣлалось по возможности впредь избѣгать созыва земскихъ соборовъ, и они стали ставить тысячи препятствій этому созыву всякій разъ какъ возникала такая мысль. Къ тому же правительство XVII в. въ своихъ реформахъ, часто нарушавшихъ обычный укладъ жизни, не всегда могло рисковать созывомъ Земскаго Собора, который могъ и не одобрить проведенія иной жизненно-важной для государства мѣры. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ отсутствіемъ утвержденной закономъ прочной организаціи самихъ земскихъ соборовъ, въ концѣ концовъ и послужили причиной постепеннаго замиранія соборной дѣятельности въ правительствѣ Московскаго государства.

При царѣ Алексѣѣ были созваны еще соборы въ 1650 году по поводу мятежа во Псковѣ и въ 1651 и 1653 годахъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи.

Соборъ 1653 года былъ послѣднимъ обращеніемъ верховной власти къ „совѣту всея земли“. Окрѣпшая власть не нуждалась больше во всенародномъ совѣтѣ; правительство, въ лицѣ боярства и высшаго духовенства такъ много потерявшее своихъ льготъ и правъ благодаря дѣятельности Собора 1649 года, поддерживало власть въ ея намѣреніяхъ обходиться безъ Собора, а побѣдители на Земскомъ Соборѣ 1649 года еще были полны довольства своей побѣдой и, возложа упованія относительно своего дальнѣйшаго благополучія на верховную власть, тоже не настаивали на созывѣ земскихъ соборовъ; да это было и не въ обычаѣ: Земскій Соборъ возникъ и всегда собирался не иначе, какъ по почину верховной власти, а обязательства для нея созывать соборы не выработалось за всю соборную дѣятельность.

Но по традиціи жило еще въ правительствѣ чувство, заставлявшее его обращаться къ землѣ съ вопросами, какіе оно не считало для себя возможнымъ или удобнымъ рѣшить самостоятельно. Тогда стало устанавливаться обыкновеніе спрашивать въ такихъ случаяхъ не всю землю, а только тѣ общественные классы, которыхъ данный вопросъ касался. Такъ, въ 1660 году собрали гостей и высшіе слои московскаго купечества по вопросу о хлѣбной дороговизнѣ и какъ удешевить цѣну хлѣба; въ 1672 и 1676 годахъ ихъ собирали по вопросу относительно положенія торговли. Въ 1681—82 годахъ собраны были выборные отъ служилыхъ людей, которымъ было предложено обсудить новый воинскій уставъ; на этомъ собраніи была проведена отмѣна мѣстничества; тогда же выборные отъ тяглыхъ людей обсуждали вопросы податного обложенія. Все это были

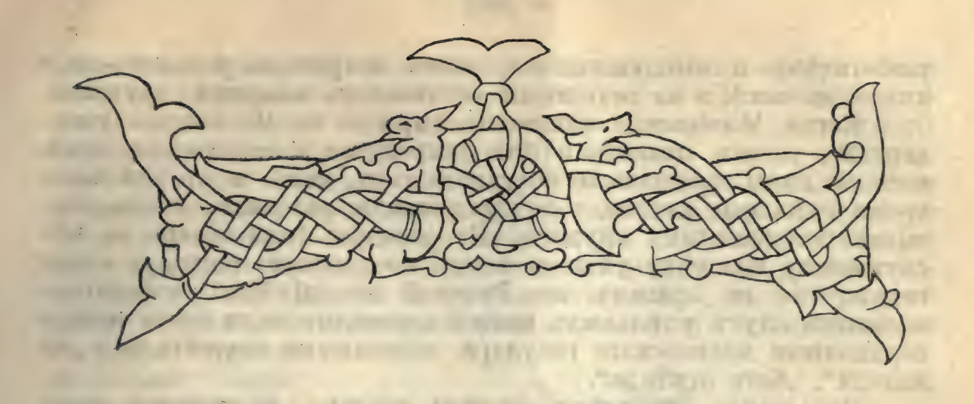
совѣщательныя комиссіи свѣдущихъ людей, которыя ни по составу своему, ни по важности вопросовъ, подлежавшихъ ихъ обсужденію, ни по торжественности обстановки своей дѣятельности не могутъ стоять вровень съ земскими соборами. Жизнь вела не къ усиленію участія народа въ правительствѣ и законодательствѣ, а къ исключенію самой идеи народосовѣтія въ устройствѣ власти, законодательства и управленія въ странѣ. Наступала эпоха самодержавія въ тѣхъ его новыхъ формахъ, какія воплощаются въ жизни Русской земли при Петрѣ Великомъ.

Главнѣйшія пособія: *В. Латкинъ*, „Земскіе соборы древней Руси"; *С. Ѳ. Платоновъ*, „Къ исторіи московскихъ Земскихъ Соборовъ"; *В. О. Ключевскій*, „Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ древней Руси"; *Его же*, „Курсъ русской исторіи", ч. II и III; *Н. Загоскинъ*, „Исторія права Московскаго государства"; *В. И. Сергѣевичъ*, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права"; *С. Авалiани*, „Земскіе Соборы"; и др. сочиненія.

Заставка—съ рукописи „Мѣрило Праведное" XVI в.

Печать царя Алексѣя Михайловича (уменьшена наполовину).

Государевы служилые люди.

Военную силу удѣльнаго князя составляли вольные охочіе люди, которые приходили къ нему и поряжались служить, гдѣ князь прикажетъ. За свою службу эти охочіе люди получали отъ князя жалованье деньгами и землей. Имъ давалось „помѣстье“—опредѣленный участокъ земли, или какая-нибудь должность по управленію или суду „въ кормленіе“.

Порядившійся на службу человѣкъ обрабатывалъ данную ему землю, трудясь самъ, при помощи семейныхъ, или нанимая отъ себя крестьянъ. По первому призыву князя такой служилый человѣкъ долженъ былъ являться въ указанное сборное мѣсто на конѣ, вооруженный, съ запасомъ.

Кончалъ служилый человѣкъ свою службу, уходилъ отъ князя, отбиралось у него и помѣстье. Набирались служилые люди преимущественно изъ обѣднѣвшихъ потомковъ богатыхъ когда-то бояръ. Обѣднѣніе богатой семьи наступало чаще всего вслѣдствіе господствовавшаго въ древней Руси обычая—дѣлить имѣнье между всѣми сыновьями-наслѣдниками. Получивъ часто небольшую часть отцовскаго имѣнья, многіе изъ боярскихъ сыновей не могли достигнуть того положенія, какое занимали ихъ отцы. Обѣднѣвшій сынъ боярина оставался на всю жизнь извѣстенъ только какъ сынъ своего знатнаго, богатаго отца. Онъ былъ для всѣхъ „сынъ боярскій“ и только. Такъ какъ такія боярскія дѣти нанимались всегда для военной службы къ удѣльнымъ князьямъ, то понемногу вошло въ привычку и обычай называть сыномъ боярскимъ, дѣтьми боярскими всѣхъ нанимавшихся на службу къ удѣльнымъ князьямъ людей, если они даже и не были сыновьями бояръ. Сынъ боярскій въ удѣльныя времена могъ, при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, т.-е

разбогатѣвъ и выслужившись, стать бояриномъ у какого-либо князя, но могъ и на всю жизнь остаться въ младшей дружинѣ.

Когда Московское княжество выросло въ Московское государство, то его правители для устройства и пополненія своей военной силы продолжали поступать такъ, какъ и въ удѣльное время удѣльные князья, т.-е. продолжали раздавать земли, обязывая получающихъ служить. Но разница была теперь та, что служилому человѣку уйти съ земли московскаго государя стало некуда—не ко врагамъ же Русской земли! Изъ свободныхъ вольныхъ слугъ удѣльныхъ князей служилые люди стали теперь подданными московскаго государя, обязанными служить ему „до живота", „безъ отъѣзда".

Окруженное со всѣхъ сторонъ врагами, Московское государство должно было много и серьезно заботиться объ устройствѣ своей военной силы.

Со временъ Ивана III установилось правило, что всякій, кто владѣетъ землей, долженъ такъ или иначе отбывать военную службу, т.-е. итти въ походъ, когда потребуется, самъ и вести съ собой, сколько установлено, вооруженныхъ людей изъ своихъ холопей или изъ зависимыхъ отъ него людей.

Богатые бояре удѣльнаго времени, а особенно новые знатные слуги московскаго государя, бывшіе удѣльные державцы, имѣли на своихъ земляхъ по многу своихъ служилыхъ людей. Это были ихъ „послужильцы". Послужильцы служили своему государю-боярину или князю въ той же мѣрѣ, въ какой ихъ государь-бояринъ или служилый князь служилъ московскому государю; какъ такой бояринъ или князь долженъ былъ итти въ походъ по приказу великаго князя, такъ и „послужильцы" должны были повиноваться приказу своего государя-боярина. Если бояръ и служилыхъ князей можно по нѣкоторымъ признакамъ сравнивать съ вассалами феодальныхъ временъ, то послужильцы стояли на уровнѣ подвассаловъ, вавассеровъ.

Княжата и знатные бояре выступали въ походъ по приказу великаго государя во главѣ своихъ послужильцевъ. Такъ, князю Воротынскому, какъ читаемъ въ одной разрядной записи первой половины XVI в., велѣлъ князь великій „быти своимъ полкомъ подлѣ большой полкъ, гдѣ пригоже". „А князю Семену и братаничу его Ивану быти подлѣ передовой полкъ, на правой или на лѣвой сторонѣ, гдѣ похотятъ"... Но знатное княжое боярство вело тогда глухую упорную борьбу за свое самостоятельное, а не подчиненное правительственное положеніе и значеніе. Московскому государю очень не съ руки въ этой борьбѣ была та вооруженная сила, которою въ лицѣ послужильцевъ обладали бояре-княжата. Поэтому еще при Иванѣ III боярскіе и княжескіе служилые люди массами перечислялись въ положеніе слугъ прямо великаго князя. Но до самыхъ временъ Грознаго царя у многихъ бояръ оставались еще послужильцы.

Всѣ слуги московскаго государя, начиная съ князей, вла-

дѣвшихъ землей по наслѣдству отъ предковъ, превратились тогда въ служилыхъ людей. Въ Новгородской и Псковской областяхъ было много мелкихъ землевладѣльцевъ - своеземцевъ. Овладѣвъ Новгородомъ, Иванъ III обязалъ этихъ своеземцевъ служить. Словомъ, правило: кто владѣетъ землей, тотъ долженъ служить, проводилось московскимъ правительствомъ съ неукоснительной послѣдовательностью. Въ 1562 г. было воспрещено князьямъ продавать ихъ вотчины, давать въ приданое дочерямъ, вообще какъ бы то ни было отчуждать; если служилый князь умиралъ, не оставивъ сына, вотчина его отбиралась на государя; право завѣщанія было ограничено узкимъ кругомъ ближайшихъ родственниковъ-мужчинъ, а дочерямъ и женамъ дозволялось наслѣдовать только движимое имущество и немного земли „на прожитокъ". Земля не должна была выходить изъ службы. Въ 1573 г. правила указа 1562 г. были распространены на всѣ вотчины.

Русскіе всадники въ тегиляяхъ и шапкахъ бумажныхъ. Съ рисунка въ книгѣ Герберштейна „Записки о московскихъ дѣлахъ".

Со временъ Ивана Грознаго служилые люди, дѣти боярскія, получаютъ ясное и опредѣленное устройство. Въ 1556 г. было замѣчено, что „вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли", т.-е. служатъ плохо, доставляютъ со своихъ земель меньше воиновъ, чѣмъ слѣдовало бы. Поэтому государь повелѣлъ „сотворить уравненіе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ и учинить каждому, что достойно, излишки же раздѣлить неимущимъ"; по этому закону служилый человѣкъ долженъ былъ служить не только съ помѣстья, но и съ вотчины, т.-е. и съ наслѣдственной своей земли. По закону 1556 г. съ каждыхъ 100 четей доброй пахотной земли долженъ былъ являться въ походъ одинъ ратникъ, на конѣ, въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ о двуконь. Тѣ служилые люди, у которыхъ было болѣе 100 четей пахотной земли, выводили съ собой въ походъ

соразмѣрное пашнѣ количество людей: съ 400 четей три человѣка, съ 500—четыре и т. д.; съ неполныхъ 100 четей шелъ человѣкъ въ легкомъ вооруженіи. Четь, или четверть—тогдашняя земельная мѣра, равная $^1/_2$ нашей десятины; подъ выраженіемъ „четь“ разумѣли, однако, не $^1/_2$ десятины, а $1^1/_2$ десятины, такъ какъ считали въ одно и вровень всѣ три поля—и озимое, и яровое, и находившееся подъ паромъ. 100 четей — это собственно 300 четей или 150 нашихъ десятинъ.

Помѣстные оклады или надѣлы назначались „по отечеству и по службѣ“, т.-е. по родовитости служилаго человѣка и по качеству его службы, а потому были очень разнообразны. Высшій окладъ, какого могъ достигнуть бояринъ въ концѣ XVI в., доходилъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до 2000 четей. Худородный дьякъ, служилый человѣкъ городовой, стрѣлецкій голова могли дослужиться до окладовъ, одинаковыхъ съ окладами знатнѣйшихъ думцевъ. Но знатный человѣкъ получалъ большой окладъ сразу „по отечеству“ и чину, а простому служилому человѣку надобно было много, долго и усердно служить, чтобы выслужить большой окладъ; такимъ образомъ величина помѣстнаго оклада зависѣла отъ личной заслуженности каждаго отдѣльнаго служилаго человѣка. Начинающему службу „новику“ давали обыкновенно не весь окладъ сразу, а только часть его. Послѣдующія прибавки назывались „дачами“. Чѣмъ выше былъ чинъ служилаго человѣка, тѣмъ крупнѣе былъ его помѣстный окладъ; чѣмъ крупнѣе были вотчины служилаго человѣка, тѣмъ меньше бывали ему „дачи“. За исправное и долголѣтнее отбываніе службы къ окладу и дачѣ дѣлалась всегда еще „придача“.

Къ окладу помѣстному присоединялся обыкновенно еще и денежный. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые на службѣ, получали назначенные имъ денежные оклады полностью и постоянно, дѣти боярскія городовыя получали денежное жалованье въ неопредѣленные сроки, большею частью только тогда, когда надо было подготовить ихъ къ походу. По Судебнику 1550 года видно, что полагалось выдавать денежное жалованье служилымъ людямъ черезъ два года въ третій, но часто выдавали только на четвертый годъ.

За людей, хорошо снаряженныхъ, правительство выдавало денежное жалованіе; „а кто землю держитъ, — гласитъ далѣе указъ 1550 г.,—а службы не служитъ, на тѣхъ на самихъ имати деньги за люди“. Какъ шло увеличеніе помѣстнаго оклада и денежныхъ дачъ—видно изъ челобитной жильца И. И. Голенищева-Кутузова, поданной имъ въ 1614 году: послѣ осады Москвы Болотниковымъ онъ за осадное сидѣнье былъ поверстанъ помѣстнымъ окладомъ въ 400 четей и денежнымъ въ 6 рублей; въ сраженіи подъ Пчельной былъ убитъ его отецъ; по челобитью „объ отца своего крови и смерти“, жилецъ Голенищевъ - Кутузовъ получилъ прибавку помѣстнаго оклада—50 четей и денегъ 3 р., за походъ подъ Каширу онъ получилъ еще прибавку—

50 четей помѣстнаго оклада и 2 р. денегъ; за походъ подъ Тулу— еще 50 четей оклада и 2 р.; наконецъ послѣ взятія Тулы ему прибавили новыхъ 50 четей и 3 р. денегъ. Такимъ образомъ, въ короткій сравнительно срокъ Голенищевъ-Кутузовъ выслужилъ къ прежнему своему окладу въ 400 четей и 6 р. придачи 200 четей и 10 рублей *). Это была очень удачная служебная карьера, а обыкновенно считалось удачей, если человѣкъ выслужитъ къ концу жизни 150—200 четей придачи къ своему помѣстному окладу.

Служилые люди въ тегиляяхъ и въ шапкахъ желѣзныхъ.

При царѣ Иванѣ Грозномъ положено было начало раздѣленію служилыхъ людей на чины. Служилые чины Московскаго государства раздѣлялись на служилыхъ людей по отечеству и на служилыхъ по прибору. Служилыми людьми по отечеству назывались тѣ, которые несли службу наслѣдственно. Они распадались на два разряда: на чины думные и чины служилые собственно. Думныхъ чиновъ, т.-е. такихъ, которые получали доступъ въ Боярскую Думу, было три: бояре, окольничіе и думные дворяне. Чины служилые собственно раздѣлялись также на два разряда: на чины московскіе и чины городовые. Указомъ 1550 г. велѣно было набрать по уѣздамъ тысячу лучшихъ дѣтей боярскихъ и надѣлить ихъ помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ, въ округѣ 140 верстъ отъ Москвы. Вмѣстѣ съ людьми знатныхъ родовъ, потомками прежнихъ удѣльныхъ князей и родовитыхъ московскихъ бояръ, эти избранныя дѣти

*) Рубль второй половины XVI в. равнялся 60—74 нынѣшнимъ; рубль 1613 г. равнялся 13 нынѣшнимъ.

боярскія составили особый отборный корпусъ—дворянъ московскихъ. Всего было тогда поверстано помѣстьями кругомъ Москвы 1.078 человѣкъ, изъ которыхъ 28 были бояре и окольничіе; роздано имъ было 151.200 четвертей земли, преимущественно изъ дворцовыхъ угодій, т.-е. изъ имѣній, принадлежавшихъ лично государю.

Московскіе чины раздѣлялись въ нисходящемъ порядкѣ такъ: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы.

Въ стольникахъ начинали обыкновенно служить дѣти знатныхъ людей; когда приходило время „сказать" знатному стольнику думу, онъ и вступалъ въ ея ряды со званіемъ прямо боярина или окольничьяго, смотря по родовитости. Стольничество возникло изъ придворной должности, и стольники въ торжественныхъ случаяхъ придворной жизни, „когда у царя бываютъ иныхъ государствъ послы, или власти (высшее духовенство) и бояре на обѣдахъ, и они въ то время предъ царя и предъ властей пословъ и бояръ носятъ ѣсть и пить; всѣхъ яствъ на столъ вдругъ не ставятъ, и съ иными яствами блюда держатъ въ рукахъ стольники". Среди стольниковъ былъ разрядъ постоянно состоявшихъ при дворѣ и несшихъ преимущественно дворцовую службу; они назывались комнатными стольниками; а всѣ другіе стольники носили названіе „площадныхъ", по площадкѣ лѣстницы въ царскіе покои, гдѣ они имѣли право находиться; стольниковъ назначали на самыя разнообразныя должности по военной и приказной службѣ, но рѣдко на самостоятельныя мѣста, а чаще въ „товарищи" къ людямъ заслуженнымъ и думнымъ.

Стряпчіе занимали второе мѣсто въ московскомъ спискѣ, и съ этого чина начинали свою службу молодые люди менѣе знатныхъ фамилій; за заслуги ихъ производили въ стольники, а потомъ въ думные чины. По происхожденію стряпчіе—тоже должность придворная; такъ назывались придворные, которымъ было поручено завѣдываніе царской „стряпней", т.-е. предметами личнаго царскаго обихода: царской мыльней, бѣльемъ, платьемъ и обувью и т. п.; на торжественныхъ выходахъ царя стряпчіе несли царскую „стряпню": „стуло", шапку, рукавицы, полотенце; стряпчіе тоже были „комнатные", несшіе дѣйствительно придворную службу, и „площадные", т.-е. только имѣвшіе званіе стряпчихъ; ихъ тоже назначали на разныя должности, но всегда ниже стольниковъ.

Жильцы были низшее придворное званіе; смѣнами по 40 человѣкъ несли они сторожевую службу по охранѣ государева дворца, а въ походѣ—царскаго шатра. Жилецкій списокъ былъ устроенъ въ XVII вѣкѣ; въ это званіе стали жаловать заслуженныхъ городовыхъ служилыхъ людей, и только пройдя званіе жильца, городовой служилый человѣкъ могъ разсчитывать получить въ дальнѣйшемъ чины стряпчаго, стольника, думнаго дворянина.

На военной службѣ, когда „былъ сказанъ походъ" и самъ царь отправлялся на бранное поле противъ „супротивныхъ",

покорять языцей и грады ихъ разорять и забирать, служилые люди московскаго списка составляли особый „царевъ полкъ“; это былъ лучше другихъ вооруженный корпусъ численностью иногда до 6.000 человѣкъ, находившійся во время похода при самомъ царѣ, какъ бы составлявшій его гвардію и тѣлохранителей. Въ концѣ XVII в. книжные люди называютъ царевъ полкъ соотвѣтствующимъ иностраннымъ словомъ „драбанты“.

Получая помѣстья подъ Москвой, люди московскихъ чиновъ обязывались быть готовыми „для посылокъ“ и слѣдовательно должны были жить въ своихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ. Въ эту отборную тысячу вошли всѣ знатные, родовитые люди и богатые, хорошаго рода дѣти боярскія со всѣхъ угловъ тогдашней Россіи —и изъ Новгорода, и изъ Смоленска, и съ Рязани, и съ Ярославля, словомъ отовсюду. Прежнихъ своихъ вотчинъ на родинѣ они не теряли, и такимъ образомъ московское правительство собрало у себя подъ рукой знатоковъ мѣстныхъ нуждъ, къ которымъ всегда можно было обратиться за справкой и скоро получить отвѣтъ относительно житья-бытья

Служилый человѣкъ въ колонтарѣ съ бармицей (кольчуга съ оплечьемъ) и въ шапкѣ бумажной.

ихъ родныхъ уѣздовъ. Затѣется ли непорядокъ въ какомъ-либо изъ уѣздовъ Московскаго государства, гдѣ-нибудь въ Пронскѣ или Ряжскѣ,—всего выгоднѣе было послать разузнать, въ чемъ дѣло, и исправить несчастье знающаго тамошнія дѣла и обстоятельства человѣка, извѣстнаго въ то же время и правительству. Московскій дворянинъ, переселенный подъ Москву изъ Ряжска или Пронска, владѣющій тамъ землей, имѣющій тамъ многочисленную родню, живущій всегда на виду у правительства, былъ самымъ пригоднымъ для этого человѣкомъ.

Изъ этихъ-то дворянъ и дѣтей боярскихъ „московскаго списка“ и выходили всѣ дѣльцы-чиновники, исполнители предначертаній московскаго правительства. Наиболѣе родовитые и знатные изъ нихъ, достигая на службѣ большихъ чиновъ, сами входили въ составъ правительства въ чинахъ думныхъ дворянъ, а позднѣе, въ XVII в., окольничьихъ и даже бояръ.

Изъ менѣе знатныхъ московскихъ дворянъ набирались офицеры для командованія мелкими частями войска—сотенные головы, становившіеся во главѣ сотенъ, составленныхъ изъ уѣздныхъ дворянъ. Московскіе дворяне назначались также воеводами въ пограничные города, гдѣ требовалось постоянное присутствіе военной силы.

Чиновъ служилыхъ людей городовыхъ было три: дворяне выборные, или выборъ, дѣти боярскія дворовыя и дѣти боярскія городовыя собственно. По своей служебной способности, зависѣвшей отъ имущественной состоятельности, эти чины несли и разную службу. Дворяне выборные и дѣти боярскія дворовыя несли „службу государеву дальнюю“, т.-е. ходили въ близкіе и дальніе походы; маломочныя и пѣшія дѣти боярскія городовыя должны были отбывать гарнизонную службу въ городахъ своихъ уѣздовъ; они являлись туда въ случаѣ возможности осады города со стороны врага и защищали крѣпость. Къ осадной службѣ въ городѣ приписывали не всегда лицъ, имѣвшихъ помѣстья и вотчины въ уѣздѣ даннаго города, а иногда и слабосильныхъ и маломочныхъ изъ другихъ уѣздовъ.

Провинціальное дворянство, уѣздныя дѣти боярскія назывались по городамъ, напримѣръ: дѣти боярскія володимерцы, нижегородцы и т. п.

Служилые люди, испомѣщенные въ разныхъ уѣздахъ, несли службу по какому-либо одному; по тому городу, гдѣ они служили, они и писались; родство, сосѣдство, хозяйственныя и всякія другія соображенія удерживали человѣка при одномъ городѣ; съ служилыми людьми своего уѣзда онъ и шелъ на государеву службу. При нуждѣ, послѣ большихъ хлопотъ можно было переписаться со службы „съ однимъ городомъ“ на службу съ другимъ. Въ военномъ отношеніи служилые люди одного уѣзда составляли „сотню“; такая „сотня“ не была счетной сотней, служилыхъ въ „сотнѣ“ всегда было навѣрное больше ста человѣкъ; во главѣ „сотни“ стоялъ сотенный голова, большею частью изъ московскихъ дворянъ, имѣвшихъ землю и въ округѣ данной сотни.

Уѣздное дворянство каждаго города дѣлилось на статьи—большую, среднюю и меньшую. Раздѣленіе это основывалось на достаткѣ, заслугахъ и служебной годности отдѣльныхъ помѣщиковъ. На немъ основывалось и различіе денежныхъ и земельныхъ дачъ служилымъ разныхъ статей. Такъ, напр., въ 1577 г. по Коломнѣ надѣлялись земельными и денежными дачами сначала выборъ и дѣти боярскія дворовыя „по статьямъ“, получая сообразно происхожденію, заслугѣ и служебной годности отъ 400

до 200 четей земли и отъ 14 до 11 рублей деньгами; затѣмъ надѣляли на тѣхъ же основаніяхъ городовыхъ—отъ 300 до 100 четей при 10—6 рубляхъ каждаго. Сообразно съ дачами понижались и требованія вооруженія, снабженія, привода вооруженныхъ своихъ людей.

Наивысшій окладъ для городового служилаго человѣка былъ опредѣленъ въ 500 четей. Но этотъ наивысшій окладъ имѣли очень немногіе служилые люди, потому что земли въ раздачу не хватало, самые надѣлы происходили очень непланомѣрно, а когда происходили, то правительство смотрѣло больше за тѣмъ, чтобы у служилыхъ не оказалось въ помѣстьѣ больше указанной нормы, нежели за тѣмъ, чтобы земли у всѣхъ было по нормѣ.

Служилые люди въ юшманахъ (кольчуга съ грудными пластинами) и въ шлемахъ-шишакахъ.

Чинами служилыми по прибору назывались ратные люди, которые вербовались правительствомъ изъ охотниковъ; это были стрѣльцы — постоянная пѣхота, устроенная въ началѣ XVI в., пушкари—полевые артиллеристы, затинщики — артиллеристы при крѣпостныхъ орудіяхъ, по-тогдашнему затинныхъ пищаляхъ, пограничные казаки, наконецъ, рейтары и солдаты — полки иноземнаго строя, возникшіе въ началѣ XVII в. Сначала люди этихъ чиновъ зачислялись на службу изъ охотниковъ временно, только на извѣстный походъ, но въ XVII в. и приборные служилые люди становятся постоянными ратниками, служащими до смерти. Эти приборные чины отличались отъ служилыхъ по отечеству тѣмъ, что считались равными между собой; переходъ казака городового въ рейтары или стрѣльцы былъ перемѣной рода службы, а не служебнымъ повышеніемъ, какъ, напр., переходъ выбор-

наго дворянина въ жильцы или жильца въ чинъ дворянина московскаго.

Служилые люди по отечеству каждаго города дѣлились, кромѣ того, на первую и вторую половины, для того, чтобы первая половина собиралась въ походъ по первой вѣсти о войнѣ, а вторая была готова итти ей на подмогу, какъ только потребуется. Роспись служилыхъ чиновъ Московскаго государства можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

I. Служилые люди по отечеству:	1. Чины думные:	а) бояре. б) окольничіе. в) дворяне думные.
	2. Чины московскіе:	а) стольники. б) стряпчіе. в) дворяне московскіе. г) жильцы.
	3. Чины городовые:	а) выборъ. б) дѣти боярскія дворовыя. в) дѣти боярскія городовыя.
II. Служилые люди по прибору:	А. Стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики и др. Б. Солдаты, рейтары, драгуны.	

Начиналъ свою службу служилый человѣкъ съ 15 лѣтъ. До этого времени онъ числился въ „недоросляхъ“ и „поспѣвалъ на службу“. Съ 15 лѣтъ онъ „новикъ“ и можетъ получить помѣстье.

Служилые люди состояли въ вѣдѣніи Разряднаго приказа, военнаго министерства тѣхъ временъ. „Вѣдомы въ томъ приказѣ,— читаемъ въ описаніи Россіи первой половины XVII в., составленномъ Г. Котошихинымъ, — всякія воинскія дѣла, постройки и укрѣпленіе городовъ, починка ихъ укрѣпленій, вооруженіе, также вѣдомы бояре, дворяне и дѣти боярскія... кого куда случится послать на службу, на войну и на воеводства въ города и во всякія посылки“. Въ Разрядномъ приказѣ велись разрядныя росписи воеводъ, выдавались воеводамъ именные списки дѣтей боярскихъ, участвовавшихъ въ походѣ, хранились особыя книги, называвшіяся десятнями, куда заносились свѣдѣнія о служебной годности каждаго дворянина и сына боярскаго.

Возникъ Разрядный приказъ еще во времена Ивана III. При Иванѣ Грозномъ, когда окончательно установилось, что для службы дворянина государство даетъ ему землю, возникъ Помѣстный приказъ, въ которомъ вѣдалась „всего московскаго государства земля и что кому дано помѣстья и вотчинъ“.

Разрядный приказъ вѣдалъ службу дѣтей боярскихъ, устанавливалъ общіе размѣры помѣстныхъ окладовъ и руководилъ *верстаньемъ* дѣтей боярскихъ, т.-е. распредѣленіемъ ихъ по статьямъ, сообразно ихъ родовитости, служебной исправности, заслугамъ и состоятельности.

Помѣстный приказъ *испомѣщалъ* дѣтей боярскихъ, т.-е. раздавалъ имъ земли, стараясь давать постольку, поскольку было назначено въ Разрядномъ приказѣ.

Служилый человѣкъ въ куякѣ (доспѣхъ изъ желѣзныхъ бляхъ, нашитыхъ на кафтанъ) и въ мѣдномъ шлемѣ.

Когда земли не хватало, Помѣстный приказъ самъ отъ себя сокращалъ размѣръ оклада вдвое, втрое, даже вчетверо противъ назначеннаго. Такъ, напримѣръ, въ 1570-хъ годахъ изъ 168 дѣтей боярскихъ Путивля и Рыльска, записанныхъ на службу, 99 совсѣмъ не получили помѣстій, остальные же были, какъ читаемъ въ записи объ этомъ случаѣ, „испомѣщены по окладамъ не сполна: иные вполы, а иные въ третій и четвертый жеребій, а инымъ дали на усадища не по многу“.

Постоянно занятое на службѣ, не всегда хорошо обезпеченное жалованьемъ, уѣздное дворянство того времени жило очень небогато и съ трудомъ изыскивало средства для исправнаго отбыванія военной службы. А расходы были большіе. Являясь въ полкъ, сынъ боярскій обязанъ былъ имѣть дорого стоившее вооруженіе и лошадей, долженъ былъ привести съ собой хорошо вооруженныхъ людей, наконецъ запасти продовольствіе на себя, для своихъ людей и лошадей на нѣсколько мѣсяцевъ. За неисправность грозило лишеніе и того, что имѣлъ сынъ боярскій, а потому мелкій дворянинъ тянулся изъ всѣхъ силъ, чтобы не лишиться послѣдняго и не быть „выкинутымъ“ со службы: вѣдь тогда для него должно было наступить нищенство, „шатаніе

межъ дворъ". Служилое дворянство принуждено было поэтому жить въ кредитъ, должать тѣмъ, кто могъ давать взаймы и давалъ, конечно, за хорошіе проценты.

Духовныя завѣщанія даже богатыхъ землевладѣльцевъ середины XVII в., дошедшія до насъ, наполнены списками долговъ завѣщателя. Каждый вотчинникъ, бѣдный и богатый, простой и знатный, связанъ былъ съ обширнымъ кругомъ лицъ, которымъ онъ былъ долженъ и которые ему были должны. Въ спискѣ долговъ находятся и денежныя суммы, и доспѣхи, и оружіе, и кони, и платье, и хлѣбъ, и сельскохозяйственныя орудія, и скотъ. Но особенно значительны суммы занятыхъ денегъ. Сельское хозяйство тѣхъ временъ очень страдало отъ недостатка рабочихъ рукъ, особенно въ серединныхъ областяхъ. Рабочее населеніе уходило изъ этихъ областей на окраины государства, гдѣ не было боярскихъ имѣній и земля была болѣе или менѣе свободна и доступна для занятія земледѣльцами. Но отъ этого лишенія рабочихъ рукъ плохо и недостаточно обрабатывались земли ближе къ серединѣ страны, гдѣ были расположены служилыя земли по преимуществу.

При условіяхъ тогдашней хозяйственной жизни, богатый землевладѣлецъ могъ обладать большими количествами сырого продукта, могъ быть сытъ, но, не имѣя возможности продавать свои излишки, такъ какъ спроса было мало, долженъ былъ все равно добывать деньги путемъ займа. Въ 1547 г. царь Иванъ сосваталъ дочь своего знаменитаго воеводы князя Александра Горбатаго-Шуйскаго за князя Ивана Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: „Да сказывалъ намъ братъ твой Ѳома, что князь Александръ, идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все, и мы было велѣли платье твое выкупити, да братъ твой Ѳома не вѣдаетъ, у кого князь Александръ то платье заложилъ; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати (на свадьбу); а дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити". Бояринъ, княжичъ, знатный землевладѣлецъ, обладавшій большими вотчинами въ нѣсколькихъ уѣздахъ, принужденъ закладывать платье жены, чтобы снарядиться на службу! Средніе и мелкіе землевладѣльцы находились въ положеніи еще болѣе тяжкомъ.

Дворяне зарывались въ неоплатные долги, теряли свои наслѣдственные земли, т.-е. вотчины, безъ конца заваливали государя и приказы просьбами о приверсткѣ земли, о прощеніи долговъ и т. п.

Такое незавидное положеніе служилыхъ людей, при большой въ нихъ нуждѣ, заставляло правительство часто откликаться на ихъ просьбы.

Правительству приходилось заботиться, во-первыхъ, о томъ, чтобы задолжавшая вотчинная земля не уходила изъ службы, а во-вторыхъ, надо было поддерживать обремененныхъ долгами

служилыхъ людей, устраивая возможныя разсрочки платежей по частнымъ займамъ и создавая особыя легкія условія погашенія долговъ. Отъ сохраненія и обезпеченія извѣстной состоятельности служилыхъ людей зависѣла вѣдь военная сила страны.

Вотчинныя земли служилыхъ людей выбывали изъ службы двумя путями: за долгъ ихъ отписывали кредитору, которымъ въ то время являлся чаще всего монастырь, а затѣмъ тотъ же монастырь получалъ служилыя вотчины послѣ смерти владѣльцевъ, которые, исполняя обычай устроенія души, завѣщали монастырямъ вотчины и имѣнія ради вѣчнаго поминовенія.

Воины въ шлемахъ-мисюркахъ и прилбицахъ (XIV—XVII вв.).

Разставаясь съ жизнью, русскій человѣкъ тѣхъ временъ считалъ своей обязанностью, „отходя сего свѣта“, покончить здѣсь всѣ дѣла: заплатить свои долги, получить то, что ему были должны, и опредѣлить въ завѣщаніи, что должно итти изъ его имущества на поминъ души; „и приказчики мои, собравши денегъ по кабаламъ, долгъ заплатятъ и по душѣ исправятъ“,—гласитъ обычно конецъ дошедшихъ до насъ завѣщаній. Крупные долги, обезпеченные земельнымъ залогомъ, или погашались переходомъ заложенной земли въ собственность кредитора, или уплачивались прямо частью вотчины, если не было залога. Мелкіе долги ему самому завѣщатель или прощалъ цѣликомъ, или дѣлалъ скидку своимъ должникамъ, иногда не разсчитывая, что это доброе дѣло лишаетъ его возможности самому заплатить свои долги деньгами и заставляетъ его жертвовать на покрытіе ихъ лишней частью вотчины. Все это приводило къ тому, что наслѣднику служилаго человѣка доставалась вотчина меньшая. А она должна была не только давать пропитаніе служилому человѣку, но съ нея онъ былъ обязанъ являться на службу въ извѣстномъ вооруженіи, съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ; конечно, съ уменьшеннаго количества земли и имущества онъ не могъ нести прежней службы и долженъ былъ входить въ долги, ходатайствовать неотступно о прирѣзкахъ земли, увеличеніи помѣстнаго оклада и денежной дачи.

Монастыри, скопляя въ своихъ рукахъ большія земельныя имущества и имѣя возможность, благодаря многимъ льготамъ, вести хозяйство широко и спокойно, не отрываясь отъ него ни на какую службу, собирали въ своихъ рукахъ большія денежныя средства.

„При исконныхъ и постоянныхъ связяхъ тогдашнихъ русскихъ людей съ монастыремъ,—говоритъ историкъ служилаго землевладѣнія С. В. Рождественскій,—богатый капиталистъ, монастырь сдѣлался банкиромъ для страдавшаго безденежьемъ служилаго класса. Финансовыя операціи, производившіяся монастыремъ, своеобразно сочетались въ выполненіемъ его нравственно-религіознаго назначенія. Для мірянина XVI в. монастырь былъ вѣрнымъ посредникомъ не только въ устроеніи жизни небесной, но и въ превратностяхъ жизни земной. Часто, уплачивая монастырю долгъ, денежный или натуральный, извѣстной долей своей вотчины, служилый человѣкъ отдавалъ эту землю вмѣстѣ и какъ вкладъ на поминовеніе—„за долгъ по душѣ“, какъ гласятъ грамоты. И наоборотъ,—съ послѣдней и высшей заботой человѣческаго существованія, о спасеніи души, о будущей жизни, часто соединялась забота и объ остающемся срокѣ жизни земной. За вотчину, данную въ монастырь по душѣ, брали „сдачу“, или „скупъ“, т.-е. извѣстную сумму денегъ для уплаты долговъ, т.-е., другими словами, продавали вотчину въ монастырь за сумму ниже ея настоящей стоимости“.

Ограждая имущественную состоятельность своихъ воиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, которыя облегчали родичамъ собственника заложенной и пропавшей въ залогѣ земли выкупъ ея преимущественно передъ другими не родными, заимодавцами умершаго.

Указомъ 25 декабря 1557 г. служилые люди были освобождены отъ уплаты процентовъ по ихъ займамъ, причемъ погашеніе долговъ ихъ частнымъ лицамъ было разсрочено на пять лѣтъ.

„По старымъ кабаламъ на прошлыя лѣта,—гласитъ указъ,—всѣ росты (т.-е. % по займу) государь отставилъ и повелѣлъ на служилыхъ людяхъ правити долги денежные въ пять лѣтъ истинну деньгу (сумму долга) безъ роста“; хлѣбные же долги велѣно было править „безъ наспу“, разсчитавъ на пять жеребьевъ. Установленъ былъ также впредь новый законный ростъ въ 10% съ суммы долга взамѣнъ прежняго 20%. Указомъ 11 января 1558 года были облегчены условія заклада: по тогдашнему праву, заложенная земля переходила въ пользованіе того, кто бралъ ее въ залогъ и давалъ подъ нее деньги, человѣкъ этотъ имѣлъ право „за ростъ пахати“ взятую имъ въ закладъ землю. Служилый человѣкъ, заложившій свою землю, лишался, такимъ образомъ, возможности скопить изъ доходовъ съ земли деньги для выкупа ея. Въ случаѣ просрочки долга, заложенная вотчина переходила въ собственность заимодавца. По указу 1558 года

уплата долга по залогу разсрочивалась на пять лѣтъ, и кредиторамъ запрещалось „пахать за ростъ“ заложенную вотчину. По уплатѣ одной пятой долга лицо, заложившее землю, получало право снова обрабатывать ее на себя. Только въ томъ случаѣ, если заплатившій прекращалъ платежи, его вотчина отходила къ тому, кто далъ подъ нее деньги.

Оберегая такими мѣрами служилое землевладѣніе и, по мѣрѣ роста военныхъ силъ, раздавая все бо́льшія и бо́льшія количества земли въ частныя руки, предоставляя служилымъ людямъ даже право покупать у казны земли въ вотчины, правительство способствовало утвержденію и развитію частнаго землевладѣнія. За особыя заслуги жаловалась обыкновенно пятая часть помѣстнаго оклада отличившемуся человѣку въ вотчину. По установившемуся обычаю, помѣстье послѣ смерти служилаго человѣка дѣлилось между его сыновьями или — иногда полностью, а иногда частью—переходило въ прожитокъ его вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ. Для московскихъ дворянъ было установлено, что ихъ подмосковное помѣстье по смерти помѣщика должно переходить къ его сыну, если онъ могъ отбывать службу. Все это укрѣпляло среди самихъ помѣщиковъ взглядъ на помѣстье, какъ на собственность, на вотчину. Еще въ XVI в. появляются случаи, когда наслѣдники заодно съ вотчиной дѣлятъ между собой и помѣстья отца; въ началѣ XVII в. помѣстья завѣщаютъ наслѣдникамъ; при царѣ Михаилѣ были пересмотрѣны вопросы служилаго землевладѣнія вотчиннаго и помѣстнаго. По составленному въ 1636 г. „Помѣстному уложенію“ узаконялся переходъ

Воевода въ зерцалѣ (дощатая броня) и въ шлемѣ-ерихонкѣ.

помѣстья, въ случаѣ бездѣтной смерти помѣщика, его ближнимъ родичамъ, разрѣшалась мѣна помѣстій, „сдача“ ихъ зятьямъ, какъ приданое; въ 1647 г. помѣщики получили, наконецъ, право продавать помѣстья, чѣмъ значительно сгладилась разница между помѣстьемъ и вотчиной. По законамъ Петра Великаго помѣстья были окончательно признаны собственностью тѣхъ, за кѣмъ были записаны, и такимъ образомъ слились въ одно съ вотчинами; причемъ самое слово „вотчинникъ“, въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣльца земли, замѣнилось словомъ „помѣщикъ“, которое когда-то обозначало человѣка, получившаго отъ правительства землю для службы, т.-е. временно, пока служитъ.

При надѣленіи служилыхъ людей помѣстной землей правительству надо было точно знать, кому сколько можно дать, надо было давать землю подросшимъ дворянамъ, урѣзать дачу выбывшихъ со службы; надо было, наконецъ, всегда, во всякое время знать точное количество служилыхъ людей.

Ради всѣхъ этихъ цѣлей правительство время отъ времени назначало въ каждомъ уѣздѣ осмотры наличныхъ служилыхъ людей. Смотры и верстанье происходили какъ въ самой Москвѣ, такъ и по городамъ.

Произвести смотръ назначали всегда кого-нибудь изъ думныхъ чиновъ. Думному человѣку, назначенному сдѣлать смотръ дѣтямъ боярскимъ какого-либо уѣзда, вручали въ разрядѣ „десятни“—списки служилыхъ людей этого уѣзда, „придавали“ къ нему одного-двухъ опытныхъ „старыхъ“ подьячихъ съ приписью, давали наказъ о порядкѣ и задачахъ смотра, опредѣляя при этомъ самое большое и самое меньшее количество земли, которое въ этомъ уѣздѣ можно назначить отдѣльному служилому человѣку. Откланявшись государю, думный человѣкъ отправлялся въ далекій иногда путь. Для „береженья“ въ пути и для посылокъ ему давали нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ.

Воеводамъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ были назначены смотры, посылали межъ тѣмъ предписанія, чтобы они объявили служилымъ людямъ уѣзда явиться на службу „одналично безъ всякаго переводу (т.-е. самолично), мотчанія (промедленія), огурства (отнѣкиванья), лѣности и не отымаясь ничѣмъ“. Воеводы, получивъ такое повелѣніе, объявляли объ немъ черезъ бирючей на базарѣ. Бирючи, надѣвъ на палку вырѣзаннаго изъ желѣзнаго или мѣднаго листа гербоваго орла, или просто нацѣпивъ на нее шапку, громко „кричали“ царское повелѣніе. Съ базара этотъ указъ развозили слышавшіе по своимъ угламъ. Нарочные гонцы отъ воеводы старались объѣхать побольше служилыхъ усадебъ, чтобы всѣхъ поставить въ извѣстность о срокѣ осмотра.

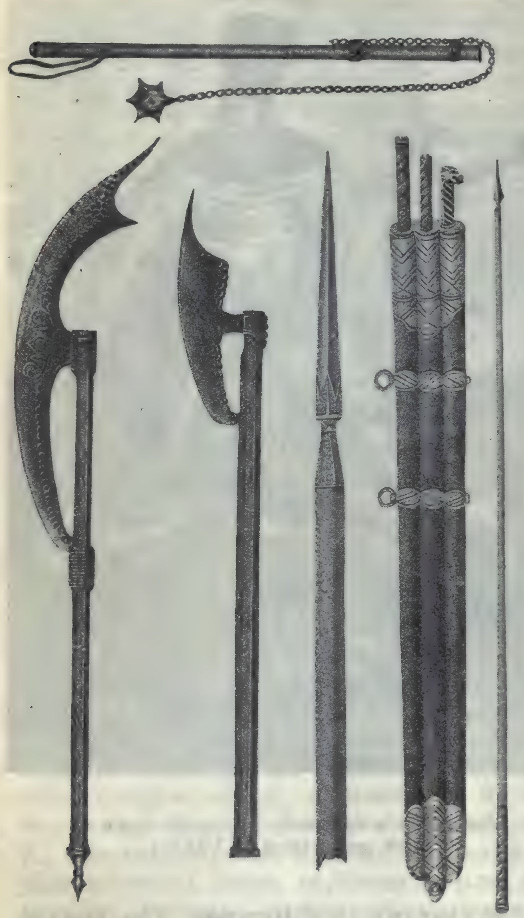
По усадьбамъ служилыхъ людей начиналась кипучая, суетливая дѣятельность, подготовка къ смотру. Отворяли каморы и кладовыя, выносили и развѣшивали провѣтрить боевые кафтаны, чистили и острили оружіе, увязывали въ торока походный запасъ; тѣ, которые должны были привести съ собой вооружен-

ныхъ слугъ, выбирали, кого взять изъ своихъ холопей. Покончивъ днемъ эти хлопоты по казовой сторонѣ смотра, служилый человѣкъ созывалъ всю родню, жившую при немъ, подросшихъ сыновей, племянниковъ, которыхъ опекалъ послѣ смерти своего брата, привлекалъ къ разговору старика-дѣда, сломавшаго не одинъ дальній походъ и унесшаго на своихъ согнутыхъ годами плечахъ не одинъ рубецъ отъ татарской сабли или литовскаго бердыша. Посовѣтоваться было о чемъ: вѣдь на смотру будетъ происходить разверстка земли, можно будетъ похлопотать о прирѣзкѣ, если окажешься въ силахъ выставить одного, двухъ ратниковъ въ полномъ вооруженіи; желательно, чтобы помѣстныя дачи сыновьямъ дали поближе къ помѣстью отца; важно для семьи, чтобы грозящее отойти послѣ отставки отъ службы престарѣлаго безсыновняго дяди помѣстье перешло къ кому-либо изъ племянниковъ, а не ушло изъ рода, и т. д. Обсудивъ все это и приготовившись спорить съ окладчиками зубъ за зубъ, служилый человѣкъ, захвативъ все нужное для похода, трогался въ путь, не упуская по дорогѣ заѣхать къ сосѣдямъ, чтобы посвятить ихъ въ часть своихъ намѣреній, вывѣдать часть сосѣдскихъ стремленій, а главное, заручиться добрымъ расположеніемъ тѣхъ дворянъ, которые будутъ выбраны въ окладчики; такому нужному человѣку можно и большую любезность сдѣлать: поднести ему въ гостинецъ саблю татарскую, пистоль нѣмецкую, конецъ аглицкаго сукна на кафтанъ, бобра на шапку. Услуга будетъ стоить дорогого подарка.

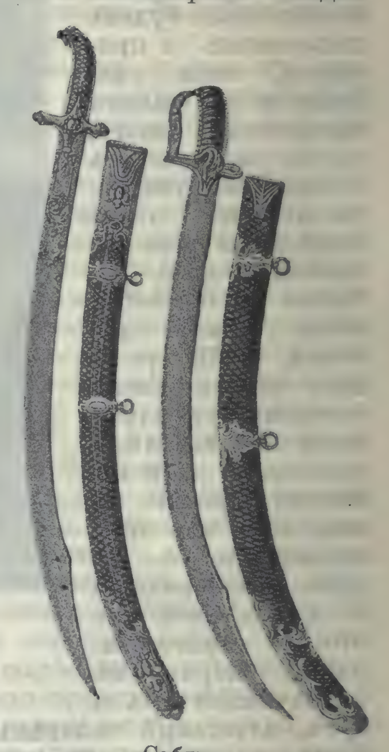
Воевода съ булавой, въ шубѣ и въ шапкѣ горлатной (XVII в.).

Думный человѣкъ, прибывъ въ назначенный городъ, отбывъ парадную встрѣчу съ рѣчами „о здоровьѣ“ и съ привѣтственнымъ хлѣбомъ-солью отъ горожанъ, и ублаготворившись параднымъ обѣдомъ у воеводы, приступалъ къ дѣлу. Прежде всего онъ предлагалъ собравшимся служилымъ людямъ выбрать „окладчиковъ“ изъ своей среды, причемъ, посовѣтовавшись съ пріѣхавшими съ нимъ подьячими, думный человѣкъ указывалъ, кого бы изъ мѣстныхъ служилыхъ онъ самъ хотѣлъ видѣть въ окладчикахъ. Въ окладчики, по наказу, надо было выбирать людей

Кистень.

Бердыши. Копье. Метательные дротики „джиды“.

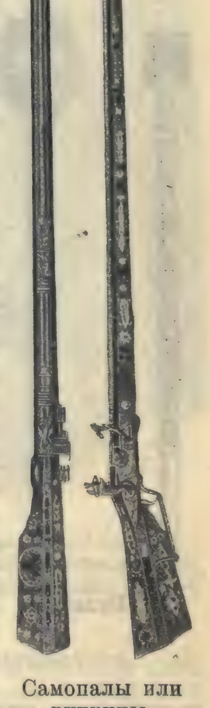

Сабли.

„добрыхъ, правдивыхъ и знающихъ и на тѣхъ окладчиковъ брать отъ всѣхъ дворянъ выборы за ихъ руками“; послѣ этого окладчиковъ приводили къ присягѣ, и они клялись, что имъ, „будучи у разбору, про свою братью-дворянъ про все сказывать правду“. Эти окладчики составляли особую коллегію при

присланныхъ изъ Москвы чинахъ, вмѣстѣ съ которыми они разсматривали и утверждали всѣ дѣла смотра.

Всѣ прибывшіе на смотръ служилые люди должны были подать думному человѣку письменныя заявленія — „сказки“: 1) о томъ, въ какихъ полкахъ кто служилъ, у кого находился подъ начальствомъ, въ какихъ походахъ участвовалъ; 2) сколько у кого дѣтей, братьевъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ, годныхъ въ службу; 3) не былъ ли кто раненъ и въ какомъ дѣлѣ, равно не былъ ли взятъ въ плѣнъ и сколько времени въ плѣну находился; 4) на службу кто въ какомъ вооруженіи долженъ явиться, съ какимъ числомъ вооруженныхъ людей, на какихъ коняхъ, сколько запасу съ собой будетъ имѣть каждый ратникъ; 5) сколько за каждымъ состоитъ крестьянскихъ дворовъ, сколько помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и всякихъ угодій, въ родѣ мельницъ, рыбныхъ ловель и т. п.

Самопалы или ручницы.

Окладчики оставались въ своемъ званіи и послѣ отъѣзда думнаго человѣка. Дѣла было у нихъ достаточно: надо было зорко смотрѣть, чтобы „земля изъ службы не выходила“; всегда были вотчины, находившіяся, за смертью всѣхъ мужчинъ въ семьѣ, во владѣніи матерей, женъ, сестеръ и дочерей умершихъ; были несовершеннолѣтніе вотчинники — дѣти; вдовамъ и малолѣтнимъ сиротамъ оставлялись „на прожитокъ“ извѣстныя части помѣстій ихъ мужей и отцовъ, если за ними не значилось вотчинъ; съ такихъ прожиточныхъ помѣстій и вотчинъ полагались особые „даточные люди“ изъ холоповъ и крестьянъ; на обязанности окладчиковъ лежало разобрать, сколько съ каждаго изъ такихъ владѣній слѣдуетъ даточныхъ, какъ ихъ вооружить, снабдить запасомъ и т. п. Окладчиковъ служилые люди выбирали изъ наиболѣе заслуженныхъ и состоятельныхъ въ своей средѣ; за своихъ излюбленныхъ людей ручались всѣ кругомъ предъ правительствомъ, взимая на себя всѣ протори и убытки, какіе недобросовѣстный окладчикъ можетъ нанести государевой службѣ и казнѣ.

Про тѣхъ, кто не являлся на смотръ и не подалъ „сказки“, думный человѣкъ разспрашивалъ окладчиковъ, гдѣ находятся неприбывшіе, не убиты ли, не умерли ли, не въ плѣну ли, въ другія службы не поступили ли.

Разобравшись во всѣхъ этихъ документахъ и выяснивъ себѣ положеніе служилыхъ людей по ихъ сказкамъ, думный человѣкъ назначалъ самый смотръ. Въ хорошій погожій день на площадь передъ воеводской избой выносили столъ, ставили

скамью для пріѣзжаго думнаго человѣка и его товарищей, на столъ клали „сказки“, поданныя служилыми людьми, „десятни“, т.-е. списки служилыхъ людей, и другія нужныя бумаги. Возлѣ стола размѣщались окладчики и подьячіе. Тутъ же выстраивался для почета караулъ изъ московскихъ стрѣльцовъ.

Площадь пестрѣла праздничными нарядами горожанъ, собравшихся посмотрѣть интересное и красивое зрѣлище. Одинъ за другимъ проходили передъ дѣлавшимъ смотръ думнымъ человѣкомъ служилые люди, въ полномъ вооруженіи, на коняхъ, сопровождаемые пѣшими и конными людьми, которые выставлялись каждымъ изъ служилыхъ. Думный человѣкъ „смотрѣлъ дѣтей боярскихъ, и которыя собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны мало, тѣмъ, разспрашивая про ихъ службу окладчиковъ, окладовъ прибавлялъ, а которыя собой и службою худы и верстаны помѣстными окладами большими, у тѣхъ оклады убавлялъ“.

Булавы. Берендейка съ зарядами и мѣшочкомъ для пороха и пуль.

Окладчики должны были по присягѣ тутъ же свидѣтельствовать о каждомъ дворянинѣ, не мирволя роднымъ и знакомымъ, пріѣзжаетъ ли этотъ служилый человѣкъ „служити государевы службы въ срокъ, и съ государевы службы до отпуска не съѣзжалъ ли, къ службѣ если лѣнивъ, то за бѣдностью, или не за бѣдностью“. За установленное свидѣтельствомъ окладчиковъ бѣгство съ поля битвы у служилаго человѣка отнимали половину помѣстнаго оклада, за двукратный побѣгъ присуждали къ наказанію кнутомъ и лишенію 50 четей помѣстья, за третій побѣгъ отбирали весь помѣстный окладъ. Всѣ перемѣны въ испомѣщеніи, въ служебной годности дворянъ и т. п. заносились въ десятни, списки которыхъ отправляли въ Москву, въ разрядъ.

Запись въ десятнѣ гласитъ, къ примѣру, такъ: „Иванъ Несмѣяновъ, сынъ Зловидовъ. По сказкѣ окладчиковъ и всего города по допросу собою добръ и на государевой службѣ напередъ сего бывалъ на конѣ, въ панцырѣ, на немъ саадакъ, сабля,

за нимъ два человѣка на коняхъ, въ панцыряхъ, въ сабляхъ, съ пищальми, и одинъ человѣкъ съ простымъ конемъ. Помѣстья за нимъ бывало триста шестьдесятъ четвертей, крестьянъ двадцать шесть человѣкъ. Дѣтей у него четверо: большой сынъ Василій верстанъ въ отводъ, и помѣстье у него свое, а три человѣка недоросли: Алешка — восьми лѣтъ, Сережка — шести лѣтъ, Якушка — четырехъ лѣтъ. Да у него же живетъ племянникъ его Васька Ананьевъ, сынъ Зловидовъ, хромъ, безъ ноги, нога усохла; на государевѣ службѣ быть ему не мочно, а помѣстье его отцовское взято въ раздачу и отдано Василью, сыну Семенову Головину. У разбору Иванъ сказалъ, что будетъ нынѣ на государевѣ службѣ на конѣ на добромъ, въ панцырѣ, въ саадакѣ, съ саблею, а за нимъ человѣкъ на конѣ въ панцырѣ же, съ пищалью, съ саблею, да одинъ человѣкъ съ простымъ конемъ, а если ему, Ивану, государева жалованья прибавятъ, то и онъ службы прибавитъ—еще человѣка на конѣ въ панцырѣ, съ пищалью и съ саблею приведетъ. Денежнаго жалованья ему, Ивану, идетъ 24 рубля. А окладчики сказали то же, что и Иванъ сказалъ, т.-е. что безъ добавки денежнаго жалованья служить ему трудно, не съ чего“.

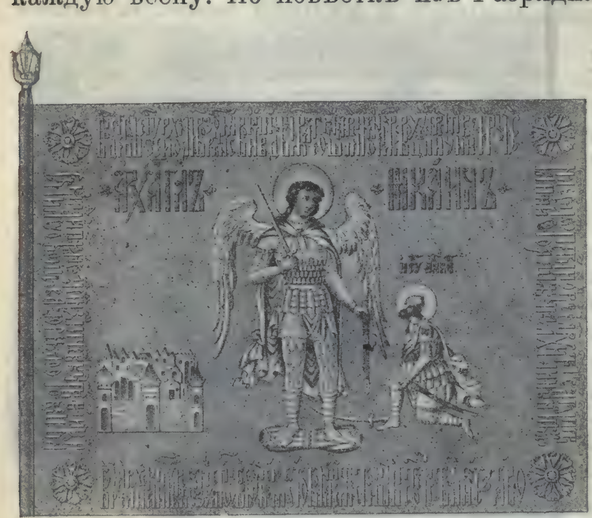
Знамя временъ царя Алексѣя Михайловича. Длина и ширина 2 арш. 5 вершк. Изображенъ св. царь Константинъ; на каймѣ изображенія различнаго оружія.

Такъ какъ эти смотры при верстаньяхъ были единственными вѣрными средствами провѣрять служебную годность человѣка, то правительство вело ихъ очень строго и безпощадно карало за невѣрныя показанія, за отсутствіе безъ уважительныхъ причинъ—*нѣтство,* какъ тогда говорили.

Благодаря такой повѣркѣ военное министерство тѣхъ временъ получало очень отчетливыя и ясныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ боевыхъ силъ государства. По первой тревогѣ оно могло созвать только одной дворянской конницы до 70.000 человѣкъ. Такъ какъ каждый почти дворянинъ приводилъ съ собой самое меньшее двухъ вооруженныхъ людей, то число

подвижной московской арміи было для того времени очень велико. А вѣдь кромѣ этой арміи, которую можно было отправить къ границѣ, оставались еще достаточные гарнизоны во всѣхъ укрѣпленныхъ городахъ. Въ крайнихъ случаяхъ правительство могло пополнить свои полки еще „даточными" и „посошными" людьми, т.-е. ополченіемъ изъ ратниковъ, собранныхъ съ другихъ „чиновъ" государства.

Служилые люди первой очереди призывались на службу каждую весну. По повѣсткѣ изъ Разряднаго приказа собирались они на сборныя мѣста „конны, людны и оружны". Здѣсь присланные изъ Москвы воеводы и головы осматривали служилыхъ людей, соединяли ихъ въ полки, а полки въ большіе отряды — корпуса, которые и направлялись къ границамъ. Обыкновенно Московское государство выставляло три арміи—одну на Окѣ, подъ Коломной или выше, на случай нападенія крымцевъ; другую на Клязьмѣ, у Владиміра, или подъ Нижнимъ, противъ замѣшательствъ на восточной границѣ; третью армію располагали на Угрѣ или подъ Вязьмой, противъ поляковъ. Полки стояли въ означенныхъ мѣстахъ до перваго вѣрнаго извѣстія о движеніи враговъ и тогда шли навстрѣчу непріятелю.

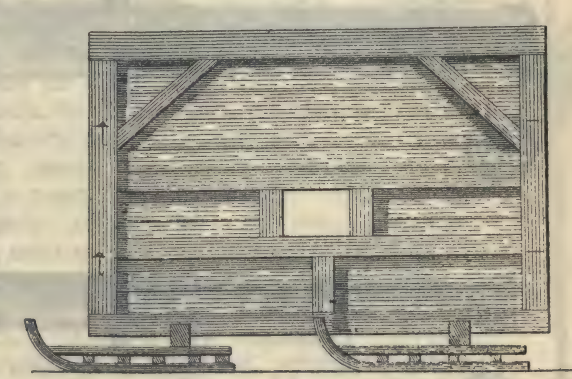

Знамя князя Д. М. Пожарскаго (1612 г.). Ширина по древку 1 арш. 14 вершк., длина 2 арш. $9^1/_2$ вершк. Изображено явленіе архангела Михаила Іисусу Навину; на другой сторонѣ—поясное изображеніе Спасителя.

Московское войско дѣлилось обыкновенно на пять полковъ, т.-е. корпусовъ: большой полкъ, правая рука, передовой полкъ, сторожевой полкъ и лѣвая рука. Каждый изъ этихъ полковъ состоялъ какъ изъ служилыхъ людей, такъ и изъ стрѣльцовъ, казаковъ и татаръ. Особый передовой отрядъ—ертоулъ—являлся одновременно развѣдочнымъ и саперным корпусомъ, такъ какъ на его обязанности было развѣдывать и улучшать дорогу для слѣдованія главныхъ частей арміи. Артиллерія, или нарядъ, и обозъ составляли также особыя части, имѣвшія отдѣльныхъ командировъ. Надъ каждымъ полкомъ начальствовалъ воевода; званіе воеводы носили и подчиненные ему товарищи; подъ

начальствомъ воеводъ состояли головы, пятисотенные, сотники, пятидесятники и десятники, командовавшіе отрядами въ 1.000, 500, 100, 50 и 10 человѣкъ.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, очень хвалятъ русскую артиллерію тѣхъ временъ. „Полагаютъ,—говоритъ Флетчеръ,— что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ, какъ русскій царь“. Хвалилъ очень русскія пушки и стрѣльбу изъ нихъ такой знатокъ военнаго дѣла, какъ Стефанъ Баторій. Случалось только иногда, что пороху въ крѣпостяхъ недоставало, какъ въ Невелѣ, напримѣръ, и тогда безполезными оказывались и лучшія пушки. Но, когда все было въ исправности, русскіе служилые люди успѣшно отстаивали свои крѣпости.

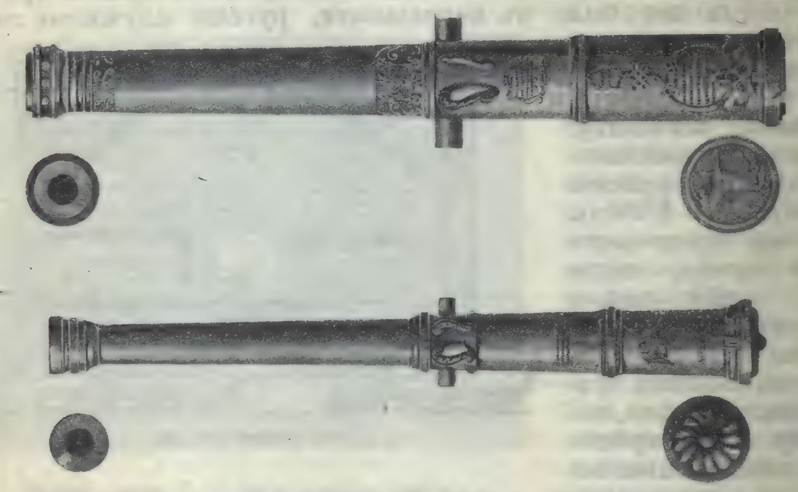
Щитъ гуляй-города.

Не обученный военному искусству, плохо дисциплинированный русскій воинъ XVI—XVII вв. вообще чувствовалъ себя лучше, когда ему приходилось дѣйствовать скопомъ, толпой, когда локоть каждаго чувствовалъ сосѣда, поэтому ограда крѣпости, создававшая невольную сплоченность, всегда вызывала „большую военную изобрѣтательность и большую устойчивость русскихъ служилыхъ людей“. Чтобы сохранить за собой это преимущество и въ чистомъ полѣ, русскіе придумали особыя подвижныя крѣпости— гуляй-городъ, которые возили съ собой въ походъ. Эта крѣпость, по описанію одного красноглаголиваго автора XVII в., была „яко градъ тончайшими досками содѣланъ, щитоподобно во огражденіе вѣрныхъ“. Состоялъ гуляй-городъ изъ двухъ деревянныхъ стѣнъ, защищавшихъ воиновъ спереди и сзади; въ стѣнахъ были сдѣланы отверстія, въ которыя выставляли дула орудій и пищалей.

Петрей такъ описывалъ походный строй московскаго войска въ серединѣ XVII в.: „Впереди выступаетъ передовой полкъ, во главѣ котораго идетъ около 5.000 стрѣльцовъ по пяти въ рядъ; за ними ведутъ 8 или 10 воеводскихъ коней, богато убранныхъ; затѣмъ слѣдуетъ воевода полка; онъ ѣдетъ одинъ; на сѣдлѣ у него виситъ небольшой набатъ (котлообразный барабанъ); за воеводой движется самый полкъ безпорядочной толпой, и какъ скоро кто-нибудь поровняется съ воеводой или обгонитъ его, онъ ударяетъ плетью по набату, давая знать обогнавшему, чтобы тотъ подался назадъ. За передовымъ полкомъ идетъ большой со множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые бьютъ въ литавры и трубятъ въ трубы“. Эта музыка, по словамъ Корба,

могла скорѣе нагнать уныніе, нежели возбудить воинственное одушевленіе. Порядокъ слѣдованія большого полка былъ одинаковъ съ порядкомъ передового, только всего было больше; направо отъ большого полка шла „правая рука“, налѣво „лѣвая рука“. Шествіе замыкалъ огромный обозъ; „всѣ кричатъ, какъ бѣшеные, — продолжаетъ Петрей, — ѣдутъ безъ всякаго порядка, обгоняя другъ друга и поднимая такой крикъ, что слабый и малодушный непріятель отъ одного него обратился бы въ бѣгство“.

Въ открытомъ полѣ русскія войска часто терпѣли пораженія, обнаруживая неумѣнье сражаться, отсутствіе искусныхъ

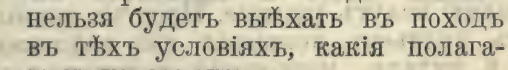

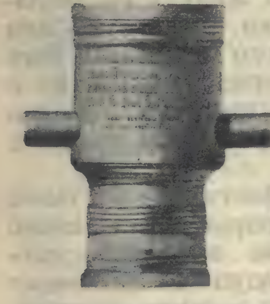
Пушки 1563 и 1577 годовъ.
Длина верхней—2 саж. 3 фута, вѣсъ ядра—68 фунт.
Длина нижней—1саж. $2^1/_2$ фута, вѣсъ ядра—$5^1/_2$ фунт.

вождей и полный недостатокъ дисциплины. „Московское войско,— говоритъ Гваниньи,—не умѣетъ драться и владѣть оружіемъ по правиламъ искусства. Подобно всѣмъ восточнымъ ополченіямъ, состоящимъ преимущественно изъ конницы, оно, за недостаткомъ искусства, старалось брать болѣе количествомъ и силою перваго натиска, нежели стойкостью и строгимъ порядкомъ въ дѣйствіи. Вступая въ бой, оно двигалось нестройной, широко растянутой толпой, сохраняя только дѣленіе по полкамъ. При наступленіи музыканты, которыхъ всегда было множество, всѣ вдругъ начинали играть на своихъ трубахъ и набатахъ, подымая странный дикій шумъ, невыносимый для непривычнаго уха. Къ этому присоединялся оглушительный крикъ, который подымало все войско. Въ сраженіи прежде всего пускали стрѣлы, потомъ брались за мечи и бердыши, угрожающе размахивая ими надъ головами, прежде чѣмъ дойти до ударовъ“. Первый натискъ старались произвести какъ можно стремительнѣе и сильнѣе, но

не выдерживали долгой схватки; вообще тактическое поведеніе московской арміи было таково, точно вожди ея, по замѣчанію Герберштейна, хотѣли сказать непріятелю: „Бѣгите или мы сами побѣжимъ“.

Неустойчивости московскаго войска очень способствовало помѣстное устройство службы. Служилый человѣкъ долженъ въ походѣ и на войнѣ прокормить самъ себя, коня и приведенныхъ съ собой людей и запасныхъ лошадей. Пока у него хватало хлѣба себѣ и людямъ, овса и сѣна лошадямъ, онъ могъ служить, но, когда весь привезенный запасъ былъ съѣденъ или потерянъ, а добыть въ разоренной войной округѣ было нечего, служилый человѣкъ невольно выбывалъ изъ службы, выбитый изъ нея голодомъ, подавить который не могли ни личная доблесть, ни весь скопленный годами службы боевой опытъ. Приходилось тогда просить отпуска со службы домой за хлѣбомъ, а если отпуска не давали, то оставалось, ради спасенія отъ голодной смерти, бѣжать домой, подвергая себя крѣпкой отвѣтственности; гнали служилаго человѣка съ похода домой слухи о томъ, что крестьяне бѣгутъ, что земля останется безъ обработки и тогда никакъ нельзя будетъ выѣхать въ походъ въ тѣхъ условіяхъ, какія полагались по списку.

„Можжира“, т.-е. мортира 1587 г.
Длина 4 фута. Вѣсъ 77 пуд. 10 ф. Вѣсъ ядра 6 пуд. 20 ф.

Одной изъ главныхъ причинъ военныхъ неудачъ русскаго войска было и его вооруженіе. Сидѣлъ русскій всадникъ на малорослой лошадкѣ, правда, очень быстрой и выносливой, но неустойчивой въ бою; сѣдла дѣлались такъ, что всадники могли поворачиваться на нихъ и стрѣлять во всѣ стороны. На лошадяхъ сидѣли они высоко, поджавъ ноги, вслѣдствіе чего не выдерживали сколько-нибудь значительнаго удара копьемъ; на мизинцѣ правой руки висѣла у каждаго всадника нагайка; повода у очень легкихъ уздечекъ были двойные, съ отверстіемъ на концѣ, которое надѣвалось на палецъ правой руки, чтобы можно было, не выпуская поводьевъ, стрѣлять изъ лука. Обыкновенное вооруженіе всадника состояло изъ лука на лѣвомъ боку, колчана со стрѣлами подъ правой рукой, топора или кистеня, сабли и ножа; копье всадники употребляли рѣдко. Весь приборъ къ луку назывался саадакъ. Защитнымъ оружіемъ служила броня, кольчуга или, у менѣе состоятельныхъ, тегиляй: это былъ плотный, простеганный на пенькѣ и ватѣ и усаженный металлическими бля-

Жагра, или пушечный пальникъ.

хами кафтанъ, защищавшій все тѣло спереди и сзади до ногъ. На головѣ носили простыя шапки, шапки бумажныя—въ родѣ капоровъ изъ плотной матеріи, простеганной пенькой или хлопчатникомъ; въ большомъ ходу были и шапки желѣзныя, или шеломы. Нѣкоторые изъ знати носили очень богатое вооруженіе—кованые шлемы, кольчуги, латы, бахтерцы, зерцала и т. п. Одежда на всѣхъ была длинная, до пятъ, подбитая шерстью, чтобы лучше могла выдерживать удары, крытая иногда лосиной или мягкой выдѣланной оленьей кожей. Ратники, которыхъ выводили съ собой служилые люди, шли въ бой иногда только съ одной рогатиной, удобной, по выраженію Маржерета, развѣ только для встрѣчи медвѣдя. Огнестрѣльное оружіе было мало въ ходу въ XVI в., но въ XVII вѣкѣ оно встрѣчается чаще; обыкновенно это были тяжелыя гладкоствольныя пищали, крайне неудобно заряжавшіяся и стрѣлявшія маленькой пулькой, бившей на небольшое разстояніе.

Иностранцы отдаютъ, однако, должную честь храбрости, силѣ, выносливости и неприхотливости служилыхъ людей на войнѣ. Стефанъ Баторій удивлялся упорству и самопожертвованію, съ которымъ умѣли драться русскіе. Англичанинъ Ченслеръ говоритъ, что не знаетъ людей, способныхъ къ столь суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Простые воины живутъ въ шалашахъ изъ прутьевъ, покрывая ихъ войлоками. Имѣя лукъ или чеснокъ и сухари, московскій ратникъ легко обходится безъ остальныхъ приправъ. Лошади такъ же неприхотливы, какъ и ихъ владѣльцы, и при безкормицѣ умѣютъ питаться ивовыми прутьями и древесной корой, сохраняя при этомъ силу и бодрость.

„Если бы русскій воинъ,—по словамъ Флетчера,—съ такой же твердостью исполнялъ тѣ или иныя предпріятія, съ какой онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ способенъ и привыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь онъ много уступаетъ имъ и въ дисциплинѣ и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей... Что бы можно было сдѣлать съ этими людьми, если бы они были выучены дисциплинѣ и военному искусству цивилизованныхъ войскъ! Если бы московскій государь имѣлъ при себѣ людей, которые могли бы научить его войско этимъ двумъ вещамъ, то, я думаю, лучшіе и сильнѣйшіе христіанскіе государи не смогли бы соперничать съ нимъ“.

Главнѣйшія пособія: *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, „Государевы служилые люди“; *С. В. Рождественскій*, „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.“; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“, ч. II и III; *М. А. Дьяконовъ*, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“; *Н. Загоскинъ*, „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія“; *В. И. Сергѣевичъ*, „Юридическія древности“, т. I; и другія сочиненія.

Заставка—изъ рукописнаго „Пролога“ XV в.

На сторожевой границѣ Московскаго государства.

Тревожно и безпокойно жилось въ XV, XVI и XVII вѣкахъ на границахъ Московскаго государства. Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось Московское государство, началась эта тревожная боевая жизнь московской окраины. Защита своихъ предѣловъ сдѣлалась еще тогда, въ XV в., самой настоятельной необходимостью въ государственной жизни, и въ Москвѣ правительству неустанно и зорко приходилось слѣдить за краями своей земли.

Только съ дальняго сѣвера, гдѣ царили льды и плескались холодныя волны Бѣлаго моря да простиралась безпредѣльная непроходимая тундра съ ея морозами и вьюгами, Москвѣ не приходилось ожидать серьезной бѣды и вражьяго нападенія, развѣ только пошалятъ тамъ разбойники-пираты изъ „свейскихъ" или „урманскихъ нѣмцевъ".

На западѣ еще при Александрѣ Невскомъ новгородцамъ приходилось отбиваться отъ шведовъ и ливонскихъ рыцарей. Не мирно уживалось со своими сѣверо-западными сосѣдями и Московское государство. Шведы и ливонцы владѣли всѣмъ восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, а добыть на этомъ морѣ гавань для прямыхъ сношеній съ западомъ Европы давно стало мечтой московскаго правительства, искавшаго на западѣ тамошнихъ знаній и науки, стремившагося прямо отъ западныхъ народовъ пріобрѣтать ихъ произведенія и сбывать имъ свои.

Не имѣя возможности сноситься съ ними по волнамъ Балтики, московское правительство и народъ много теряли при торговлѣ, уплачивая лишнія деньги за торговое посредничество шведамъ, ливонцамъ, а также и полякамъ, владѣнія которыхъ простирались по юго-западной границѣ Московскаго государства.

Отношенія къ Польско-Литовскому государству осложнялись еще тѣмъ, что Польша и Литва за время удѣльнаго безсилья Великорусской земли овладѣли многими коренными русскими областями; въ польско-литовскихъ рукахъ былъ Кіевъ, города Черниговской земли, Полоцкъ, Смоленское княжество.

Московскій государь, объявивъ всю Русскую землю своей отчиной, наслѣдіемъ, такъ и не заключалъ мира съ Польско-Литовскимъ государствомъ, а одни лишь перемирія, миръ на опредѣленный срокъ, чтобы только „дать людямъ поотдохнуть

Стѣна и башни Якутскаго острога, построенныя въ 1683 году.

да взятые города за собой укрѣпить“. Такъ было по западной границѣ.

Зато на южной и восточной не приходилось пользоваться и краткосрочными перемиріями. Здѣсь всегда и во всякое время можно было ждать губительныхъ набѣговъ дикихъ сосѣдей. На востокѣ то были казанскіе татары, черемисы, чуваши, сибирскіе татары, а на югѣ крымцы.

Золотая Орда распалась еще въ XV в., а въ началѣ XVI в. окончательно разрушилась. Изъ ея развалинъ выросли татарскія царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды нагайскихъ татаръ, кочевавшихъ за Волгой и въ степяхъ между Кубанью и Днѣпромъ по берегамъ морей Азовскаго и Чернаго. Казань и Астрахань пали подъ ударами Москвы въ половинѣ XVI вѣка, но съ Крымомъ Москвѣ справиться не удавалось. Огражденный отъ Москвы широкими и пустынными степями, отрѣзанный отъ материка Перекопомъ, широкимъ и глубокимъ

рвомъ, съ укрѣпленнымъ валомъ, Крымъ былъ недоступенъ для Москвы съ суши, а море соединяло его съ могущественной Турціей, въ зависимости отъ которой, впрочемъ, очень легкой, считали себя крымцы.

Отряды крымскихъ наѣздниковъ постоянно тревожили границы Польско-Литовскаго государства и Москвы: это былъ главный промыселъ крымцевъ.

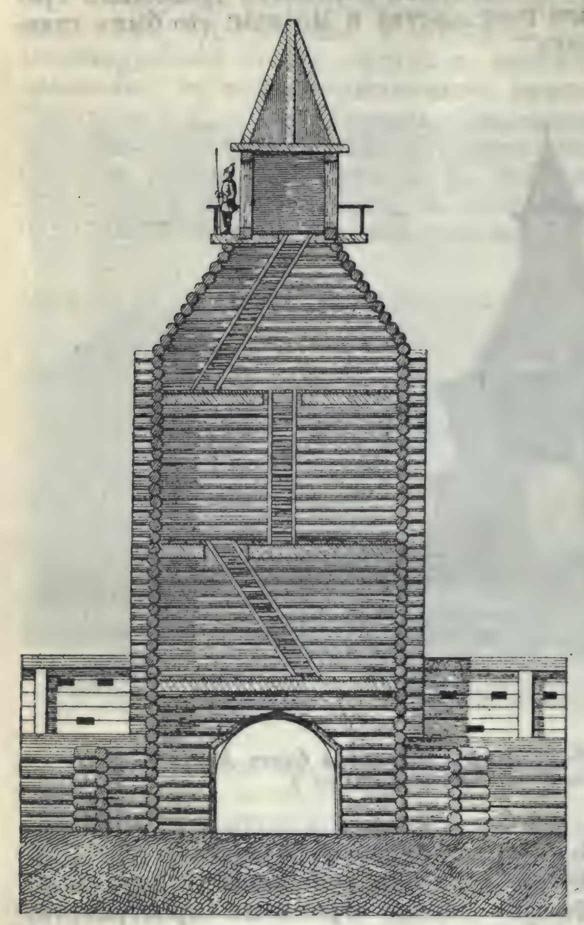

Главная башня Николо-Корельскаго монастыря близъ Архангельска, построена въ началѣ XVIII-го в.

Прямо на югъ отъ Оки, отъ верхней и средней ея части, начиналось „поле“ — неоглядная широкая степь, тянувшаяся до самаго Чернаго моря. На этомъ огромномъ пространствѣ выдавались, конечно, и лѣсныя полосы, особенно на сѣверѣ его, но къ югу степь рѣшительно преобладала. Въ началѣ XVI в. Серпуховъ и Коломна являлись собственно пограничными городами Московскаго государства. За ихъ крѣпкими стѣнами начиналась безпокойная сторона, гдѣ рыскали татарскія шайки, разраставшіяся порой до огромныхъ скопищъ. Въ XVI в. была выдвинута за Оку сильная крѣпость Тула; Тула, а также очень укрѣпленныя Рязань на востокѣ и Калуга на западѣ, образовали тогда основную защитную линію Московскаго государства. Отъ этой основной линіи продвинулись въ сторону степи и литовской границы въ XVI в. тоже достаточно укрѣпленные города—Елецъ,

Путивль, Рыльскъ, Ливны, Кромы и нѣкоторые другіе города и городки-крѣпости.

Степные хищники жестоко опустошали пограничныя со степью мѣстности Московскаго и Польскаго государствъ. Татарское скопище тучей неслось на беззащитныя окраины. Все оружіе татаръ состояло изъ лука съ большимъ запасомъ стрѣлъ, копья и сабли; на поясѣ висѣлъ у каждаго татарина еще ножъ, огниво, шило да пять или шесть ременныхъ веревокъ для связыванія плѣнныхъ. Татары съ дѣтства привыкали ко всѣмъ условіямъ степной жизни, были чрезвычайно выносливы и прекрасно знали степь.

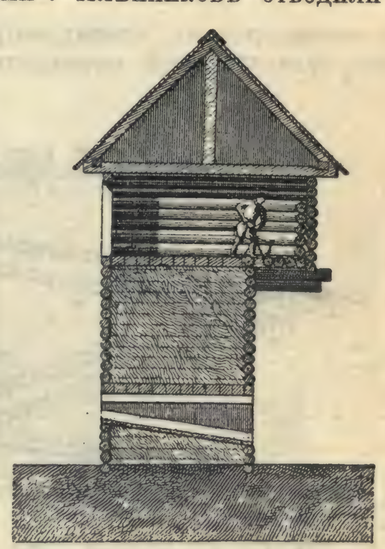
Разрѣзъ старинной деревянной проѣздной башни.

Приблизившись къ московскимъ предѣламъ верстъ на 5, на 6, они останавливались въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхали тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣлялось на три части — на центръ и два крыла. Въ такомъ порядкѣ они врывались въ непріятельскую землю и неслись по ней верстъ сто и больше, ничего не опустошая, оставляя это про запасъ, на обратный путь.

Достигнувъ заранѣе опредѣленнаго мѣста въ непріятельской странѣ, татары разбивались на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, человѣкъ по 500 въ каждомъ. Эти отряды разсыпались повсюду и окружали селенія; чтобы жители не ускользали, степняки раскладывали по ночамъ большіе огни. Потомъ они грабили, рѣзали, жгли сопротивлявшихся, уводили въ плѣнъ не только людей, но и домашнюю ско-

тину, за исключенiемъ свиней, которыхъ загоняли въ овины и тамъ сжигали.

Опустошивъ непрiятельскую область, татары удалялись отъ границы въ степь, останавливались въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхали, собирали и дѣлили между собой добычу и плѣнныхъ. „И безчеловѣчное сердце тронется,—говоритъ современникъ,—при прощанiи мужа съ женой, дѣтей съ родителями, навсегда разлученныхъ тяжкой неволею... буйные татары совершаютъ тысячи неистовствъ надъ плѣнниками". Плѣнниковъ отводили они въ Крымъ, въ городъ Каѳу, откуда продавали ихъ въ Царьградъ, Малую Азiю, въ Венецiю. „Всякiй разъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, захватывали они болѣе 50.000 московитовъ и поляковъ и продавали ихъ въ рабство".

Разрѣзъ старинной деревянной глухой башни.

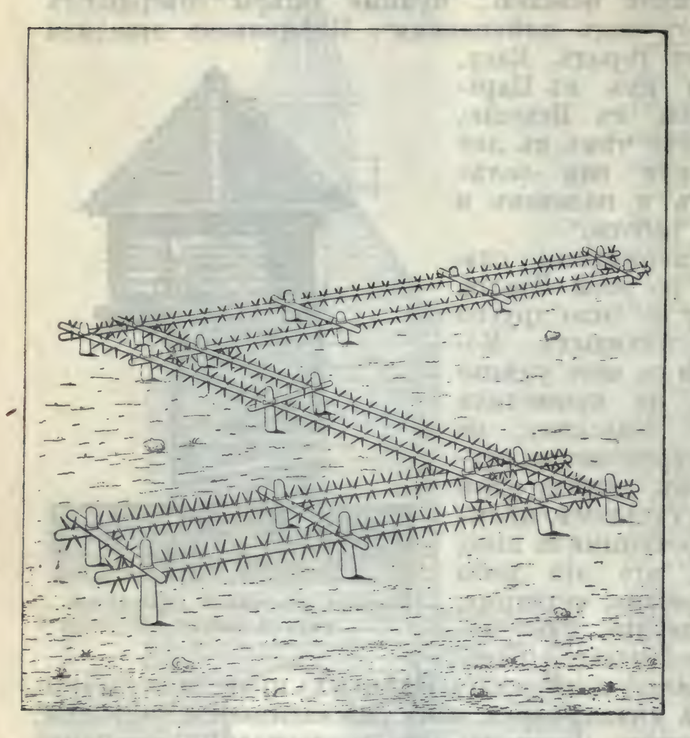
Няньки и кормилицы славянки цѣнились во всей Италiи. Въ самомъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнныхъ. Московскiе плѣнники за свое умѣнье бѣгать цѣнились на крымскихъ рынкахъ дешевле польскихъ; по разсказу одного современника, продавцы невольниковъ, выводя свой товаръ на рынокъ гуськомъ, цѣлыми десятками, скованными за шею, громко кричали, что это рабы самые свѣжiе, простые, нехитрые, только-что приведенные изъ народа добраго, королевскаго, польскаго, а не изъ лукаваго московскаго. Плѣнныхъ приводили татары столько, что одинъ мѣняла-еврей, какъ разсказываютъ, сидѣвшiй у единственныхъ воротъ Перекопа, видя нескончаемыя вереницы плѣнниковъ изъ Литвы, Польши и Москвы, спрашивалъ, есть ли еще люди въ этихъ странахъ, или никого не осталось.

Даже въ XVII вѣкѣ набѣги татаръ не были рѣдкостью не только для жителей Оскола и Курска, но и для такихъ, сравнительно удаленныхъ отъ степи городовъ, какъ Болховъ, Мценскъ, даже Бѣлевъ. Такъ, въ 1617 г. сентября 29-го болховской воевода Богданъ Вельяминовъ доносилъ въ Разрядъ о боѣ съ татарами въ Болховскомъ уѣздѣ. 21-го iюля 1618 г. татары бились подъ Бѣлевымъ, а въ августѣ того же года пришлось отражать ихъ набѣгъ мценскому воеводѣ. Изъ года въ годъ всѣ лѣтнiе мѣсяцы насквозь шла непрерывная война съ татарами по всей южной границѣ Московскаго государства. Въ 1618 году, напримѣръ, доносили о крупныхъ столкновенiяхъ съ татарами 8-го iюня валуйскiй воевода, 19-го iюля оскольскiй воевода, 21-го iюля

27*

бѣлевскій воевода; 23-го августа бьются съ татарами ливенцы, 27-го августа крупное столкновеніе подъ Мценскомъ, 8-го октября татары въ 120 верстахъ отъ Ливенъ и 11-го октября въ 50 верстахъ. Въ 1643 г. на курскія мѣста съ 1-го мая по 13-е августа крымцы сдѣлали 19 набѣговъ, а въ 1644 г. восемь набѣговъ.

Въ своемъ движеніи на предѣлы Московскаго государства татары придерживались нѣсколькихъ излюбленныхъ направленій. Направленія эти широкими путями, достигавшими мѣстами сотни верстъ въ ширину, проходили между степными большими и малыми рѣчками, перебираться черезъ которыя было не съ руки наѣздникамъ-татарамъ, и выводили ихъ на Оку.

Рогатки за рвомъ старинной крѣпости.

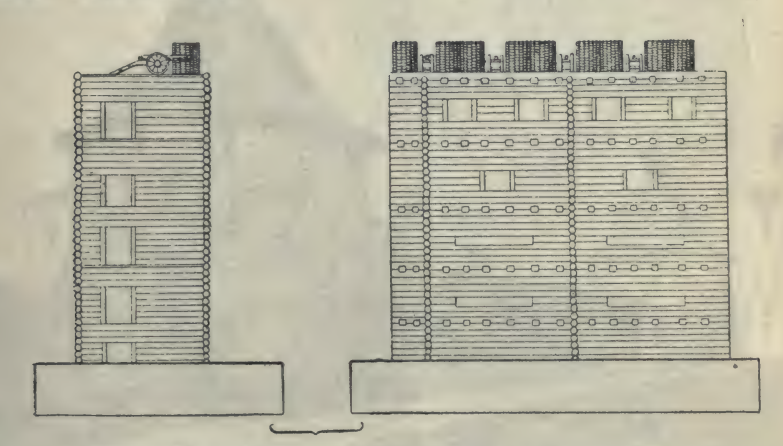
Эти излюбленныя татарами для ихъ движеній направленія носили тогда названіе „шляховъ". Ихъ было нѣсколько. Самые извѣстные—это Муравскій, Изюмскій и Калміусскій шляхи. Двигаясь большими отрядами, совсѣмъ налегкѣ, татары старались обыкновенно выбирать такой путь, чтобы не переходить рѣкъ, особенно глубокихъ, но, конечно, избѣжать переправъ совсѣмъ не могли. Для такихъ переправъ они выбирали удобныя мѣста, т.-е. прежде всего пологій берегъ, по которому ихъ кони легко сходили въ воду.

Привязавъ къ хвостамъ лошадей камышевые плоты, на которые складывали одежду, оружіе, сѣдла, и придерживаясь за гриву своихъ скакуновъ, татары легко всей гурьбой перебирались на противоположный берегъ. Даже черезъ быстрый и многоводный Днѣпръ умѣли они легко переправляться такимъ образомъ. Удобныя для переправы большихъ татарскихъ отрядовъ

мѣста на степныхъ рѣкахъ были, конечно, наперечетъ: ихъ такъ и называли татарскими „перелазами“ и на Донцѣ, напримѣръ, насчитывали до 11 такихъ перелазовъ.

Татарскіе набѣги происходили не только ежегодно, но и по нѣскольку разъ въ годъ, такъ что вызнать татарскіе пути русскіе люди успѣли съ очень давнихъ поръ и давно пришли къ мысли о необходимости преградить татарамъ дорогу на Русь, сдѣлавъ прежде всего удобныя для ихъ нашествій пути непроходимыми.

Эта мысль стала дѣятельно приводиться въ исполненіе съ тѣхъ поръ, какъ Московское государство почувствовало себя совсѣмъ окрѣпшимъ.

Осадныя башни, которыя осаждающіе воздвигали подъ стѣнами непріятельскаго города для болѣе дѣйствительнаго обстрѣла крѣпости.

По линіямъ татарскихъ шляховъ, пересѣкая ихъ, мало-помалу протянулись линіи большихъ и малыхъ крѣпостей, городковъ и острожковъ, снабженныхъ достаточнымъ гарнизономъ и всякимъ боевымъ запасомъ. Татарскія шайки и скопища, натыкаясь на своихъ излюбленныхъ путяхъ на эти преграды, останавливались. Татары, какъ и всѣ степные хищники, не всегда отваживались нападать на крѣпость. Обыкновенно они стремились послѣ неудачнаго приступа обойти ее. Но вѣдь всегда невыгодно оставлять за собой укрѣпленное мѣсто, занятое непріятелемъ, и потому татары, даже и обойдя крѣпость, не отваживались заходить далеко за укрѣпленную линію. Къ тому же и итти за ней было трудно: во многихъ мѣстахъ отъ крѣпости къ крѣпости тянулись земляные валы, засѣки, надолбы, рѣшительно мѣшавшіе движенію конной татарской рати. На земляныхъ валахъ черезъ извѣстные промежутки находились небольшія земляныя же укрѣпленія, гдѣ опять-таки сидѣлъ

небольшой гарнизонъ, доставлявшій своими пушками и пищалями немалыя непріятности татарамъ.

Въ мѣстахъ лѣсистыхъ сваленныя правильной линіей огромныя вѣковыя деревья образовали непроходимыя засѣки и не давали пути не только конному войску, но и пѣшему. Даже рѣки оказывались перегороженными „забоями“ или „честикомъ“, т.-е. острыми сваями и кольями, плотно вбитыми въ дно рѣки и

Стѣна и башни Соловецкаго монастыря (XVI в.).

не допускавшими никакой переправы. Перелазы были особенно тщательно укрѣплены.

Вблизи отъ городовъ, кромѣ валовъ, засѣкъ и честика, ставились еще „надолбы“. То были сваи и колья, глубоко вбитые въ землю и возвышавшіеся надъ ея поверхностью аршина на два съ половиной; набиты они были въ безпорядкѣ, широкой полосой и такъ тѣсно другъ къ другу, что ни пройти, ни проѣхать было невозможно. Лишь одинъ или два запутанныхъ прохода, извѣстныхъ начальствующимъ лицамъ въ городѣ, выводили сквозь надолбы въ поле; незнающему, если и удавалось пробраться сквозь надолбы, грозили капканы, волчьи ямы, колодцы.

Задумавъ строить новый городъ, московское правительство посылало сначала знающихъ людей осмотрѣть мѣстность и опредѣлить, гдѣ удобнѣе поставить городъ, гдѣ быть засѣкамъ, забоямъ и т. п. Посланные дѣлали съемку мѣстности и чертежи

представляли въ Москву. Здѣсь внимательно разсматривали планы и потомъ посылали кого-нибудь изъ чиновныхъ лицъ строить городъ и окологородныя укрѣпленія.

Но вотъ городъ построенъ. Въ него назначался особый воевода, который завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ крѣпости и былъ главнымъ военнымъ начальникомъ округа. Ежегодно посылалъ онъ въ Москву вѣдомость о состояніи укрѣпленій и запа-

Башня стѣны смоленскаго кремля (конецъ XVI в.).

совъ; даже о самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ жизни города долженъ онъ былъ доносить въ Москву. И въ Москвѣ зорко слѣдили по этимъ воеводскимъ вѣдомостямъ, чтобы укрѣпленія были въ порядкѣ и достаточно снабжены военнымъ и съѣстнымъ запасомъ, чтобы всегда можно было положиться на ихъ стѣны и гарнизонъ.

Чѣмъ крѣпче становилась такая линія укрѣпленій, или, по-тогдашнему, „черта“, тѣмъ недоступнѣе была она татарамъ. На юго-восточной границѣ древнѣйшая и ближайшая къ Москвѣ линія укрѣпленій шла по Окѣ отъ Нижняго-Новгорода до Серпухова и отсюда поворачивала на югъ до Тулы и продолжалась до Козельска. Впереди этой линіи тянулись отъ Оки подъ старой Рязанью мимо Венева, Тулы, Одоева, Лихвина до рѣки

Жиздры подъ Козельскомъ цѣпь засѣкъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ и рвы съ валами въ степныхъ. Вторая линія, построенная Грознымъ, шла отъ Алатыря на Сурѣ, черезъ Темниковъ, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Новосиль, Орелъ, уклонялась къ югу на Новгородъ-Сѣверскъ и здѣсь круто поворачивала къ юго-востоку на Рыльскъ и Путивль, всюду, гдѣ возможно, имѣя впереди засѣки, рвы, острожки. При царѣ Ѳедорѣ возникла третья линія, довольно изломанная, упиравшаяся основаніемъ съ запада—на верховья Оки, съ востока—на Быструю Сосну, и проникавшая въ глубь степей до устья Воронежа и верховьевъ Донца, гдѣ въ концѣ царствованія Ѳедора Ивановича былъ выстроенъ Бѣлгородъ, выдвинутый далеко въ степь за линію другихъ украинскихъ городковъ. Впослѣдствіи, въ XVII в., этотъ городъ сдѣлался средоточіемъ всей сторожевой украинской службы; московскій приказъ, завѣдывавшій обороной границы, даже такъ и именовался Бѣлгородскимъ приказомъ.

Башня стѣны Троицко-Сергіевой Лавры.

Опираясь на эту укрѣпленную линію городовъ, московское правительство стало пытаться пробивать себѣ дорогу и далѣе на югъ, попрежнему загораживая линіями крѣпостей и засѣкъ шляхи, дѣлая непроходимыми перелазы. Во второй половинѣ XVI вѣка появились укрѣпленія въ южной части нынѣшней Орловской губерніи; къ концу этого вѣка укрѣпленія достигаютъ нынѣшней Курской губерніи, тогда же возникаетъ Воронежъ; наконецъ, далеко на югъ, въ предѣлы нынѣшней Харьковской губерніи, выбирается Царевъ-Борисовъ. Этотъ городъ исчезъ въ Смутное время, но до насъ дошли любопытныя свѣдѣнія о его постройкѣ.

По повелѣнію царя Бориса, большой отрядъ русскаго войска, снабженный въ достаточномъ количествѣ военными запасами, оружіемъ и орудіями для постройки, отправился далеко за укрѣпленную линію на югъ, къ сѣверскому Донцу, на устье рѣки Оскола, чтобы здѣсь поставить городъ по заранѣе сдѣланному чертежу.

По современному описанію, окружность стѣны новаго города равнялась 378 саж.; на стѣнѣ возвышалось, кромѣ трехъ

проѣзжихъ башенъ, еще шесть глухихъ да 127 малыхъ башенокъ. Двойныя стѣны его были срублены изъ сосны; высота ихъ достигала 4 саж. Около стѣнъ, въ 4 саженяхъ отъ нихъ, шелъ земляной валъ высотою въ 2 саж. Валъ этотъ былъ устроенъ такъ: поставлены были столбы, связанные одинъ съ другимъ бревнами и досками. Между ними была насыпана земля и покрыта плетнемъ, чтобы не осыпалась. Поверхъ плетня валъ былъ еще

Внутренняя сторона стѣны ростовскаго кремля (XVII в.).

одѣтъ дерномъ. По валу тоже возвышались башни, а около него, отступя сажени на двѣ, тянулся ровъ въ 3 саж. глубины и 4 ширины. За валомъ находились слободы стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей. Въ семи верстахъ отъ города стояли надолбы, защищавшія подступы къ городскому выгону и полямъ. Гарнизонъ города достигалъ по тому времени очень почтенной цифры—3.222 человѣкъ, причемъ однихъ пушкарей было 60 человѣкъ. Постояннаго населенія эта крѣпость, выдвинутая такъ далеко на югъ, конечно, не имѣла; отряды воинскихъ людей смѣняли другъ друга на этомъ трудномъ сторожевомъ посту.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльные вновь строившіеся города и укрѣпленія выдвигались въ степь, правительство старалось создавать около этихъ городовъ помѣстья служилыхъ людей, переселяя для этого на границу помѣщиковъ изъ менѣе окраинныхъ и срединныхъ уѣздовъ государства. Такъ, въ 1571 г. для

защиты новыхъ крѣпостей—Венева и Епифани—правительство переселило въ уѣзды этихъ городовъ часть дѣтей боярскихъ изъ Каширы и Тулы. Здѣсь имъ даны были помѣстья „въ половину пашенныя земли и въ половину дикаго поля".

По берегамъ рѣкъ, у колодцевъ, на опушкахъ лѣсовъ выбирали себѣ дѣти боярскія займища подъ пашню и покосъ; на займищахъ строили усадьбы, около усадебъ возникали дворы

Вѣнецъ части стѣны московскаго кремля и стѣнная башня.

собиравшихся сюда крестьянъ, арендовавшихъ у помѣщиковъ землю. Понемногу возникали въ дикой еще такъ недавно степи села и деревни, получавшія названія отъ имени или фамиліи владѣльцевъ земли, по приходскому храму, по названію урочища.

Такъ заселялась и разрабатывалась дикая степь, уступая мечу и сохѣ, все дальше и дальше на югъ отодвигавшимъ московскую границу.

Поселяясь въ сторонѣ, подверженной непрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ, украинныя дѣти боярскія, какъ тогда назывались помѣщики пограничныхъ областей, жили въ постоянной тревогѣ. Обрабатывая свои земли, они должны были быть готовыми защищать ихъ во всякую минуту съ оружіемъ въ рукахъ; но часто приходилось оставлять родное гнѣздо на расхищеніе татарамъ, а самимъ забирать поскорѣе женъ, дѣтей да что поцѣннѣе изъ домашняго скарба и спѣшить въ ближайшую крѣпость, чтобы отстоять хоть ее отъ непріятеля.

Украинныя крѣпости съ военными поселеніями дѣтей боярскихъ были опорными точками въ борьбѣ Московскаго государства съ татарами. Служилые люди составляли гарнизоны этихъ крѣпостей, они же должны были нести и многотрудную, полную опасностей сторожевую службу. Мало было построить крѣпость и держать въ ея стѣнахъ гарнизонъ; чтобы дѣло укрѣпленія границы и захватъ плодородной земли были прочны, надобно было, чтобы эту землю не только берегъ мечъ, но и обрабатывала соха, т.-е. чтобы въ краѣ было свое мѣстное населеніе, разрабатывавшее этотъ край и потому имъ дорожившее.

Угловая башня московскаго кремля.

Во время постройки города присланные изъ Москвы строители собирали свѣдѣнія, не живутъ ли поблизости отъ новаго города, „по рѣчкамъ“, впадающимъ въ ту, на которой ставятъ городъ, свободные заемщики земель; такихъ первонасельниковъ строители крѣпости приглашали „быти къ себѣ въ городъ“ и здѣсь отъ имени государя укрѣпляли за ними ихъ владѣнія и пашни; всѣмъ такимъ свободнымъ насельникамъ составляли списокъ и обязывали ихъ, какъ землевладѣльцевъ, служить по оборонѣ новаго города и рубежа; изъ другихъ городовъ переводили въ новый городъ служилыхъ людей по прибору: стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей; если не хватало переселенцевъ, то „прибирали“ на эту службу въ новомъ городѣ и на „вѣчное житье“ въ немъ „гулящихъ“ и охочихъ людей; нарѣзывали имъ подъ городомъ земли на пашню и усадища „не по многу“, десятинъ по 8—12 нашего счета на человѣка; приборные служилые люди селились слободами кругомъ самаго города; слободы ихъ

обносились землянымъ валомъ и рвомъ и являлись своего рода фортами, близко опоясывавшими главное укрѣпленіе, самый городъ.

Гарнизонъ новой крѣпости сначала кормился тѣми запасами, которые доставлялись съ Москвы, а затѣмъ долженъ былъ жить своей пашней. Пахотныя земли отводились гарнизону иногда не подъ самымъ городомъ, а довольно далеко отъ него; землю въ такихъ случаяхъ обрабатывали „наѣздомъ“, отправляясь изъ города большой ватагой съ сельскохозяйственными орудіями и вооруженными. Лѣсной промыселъ, особенно бортничество и рыболовство, тоже выводили служилыхъ людей промышленниковъ иногда далеко за стѣны города. Городъ былъ устроенъ, словомъ, такъ, что его населеніе неизбѣжно должно было работать въ его уѣздѣ и поэтому колонизовало мѣста, иногда очень далекія отъ городской черты. Люди, поселившіеся въ уѣздѣ до основанія города и превращенные въ служилыхъ людей, волей - неволей тянули службой и землей къ городу. Присланные изъ другихъ городовъ служилые люди, заживаясь здѣсь, получали тутъ же помѣстья и обзаводились вотчинами. Словомъ, очень скоро вся земля въ уѣздѣ новаго города оказывалась въ чьемъ-либо владѣніи, и приходившіе сюда крестьяне неизбѣжно должны были брать въ аренду землю у этихъ частныхъ владѣльцевъ. Но крестьянъ здѣсь было мало. Приходившіе сюда люди стремились или занять ничью землю, и тогда скоро превращались въ служилыхъ людей, или попадали въ приборные служилые, или просто „гуляли въ полѣ“, „казаковали“, промышляя чѣмъ Богъ пошлетъ, не щадя ни своего соотечественника, ни татарина; казаковалъ такой „гулящій“ человѣкъ, пока не словитъ его воевода и не посадитъ въ желѣза, или не заарканитъ татаринъ и не уведетъ въ Крымъ. Оттуда такая буйная гулящая голова попадала въ

Часть стѣны и видъ на Свибловскую башню московскаго кремля.

рабство къ туркамъ, на турецкую галеру работать веслами; захватятъ венеціанцы или мальтійскіе рыцари такую галеру, освободятъ плѣнныхъ христіанъ и предоставятъ имъ пробираться на родину какъ знаютъ. Черезъ Венецію или Неаполь и Римъ, посмотрѣвъ иногда папу и страха ради новыхъ казней принявъ отъ него „сакраментъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность черезъ Австрію и Польшу вернуться на родину, такой полоненный страдалецъ, добравшись до Москвы, писалъ челобитную государю, излагая подробно свои злоключенія, каялся въ томъ, что принялъ папежскій сакраментъ и не соблюдалъ въ неволѣ постовъ, и просилъ пожаловать его, полоннаго страдальца, чѣмъ государю угодно будетъ. За несоблюденіе постовъ и принятіе св. тайнъ по римско-католическому обряду полонянника отправляли „на исправу" къ патріарху, а потомъ награждали и приспособляли къ подходящей службѣ.

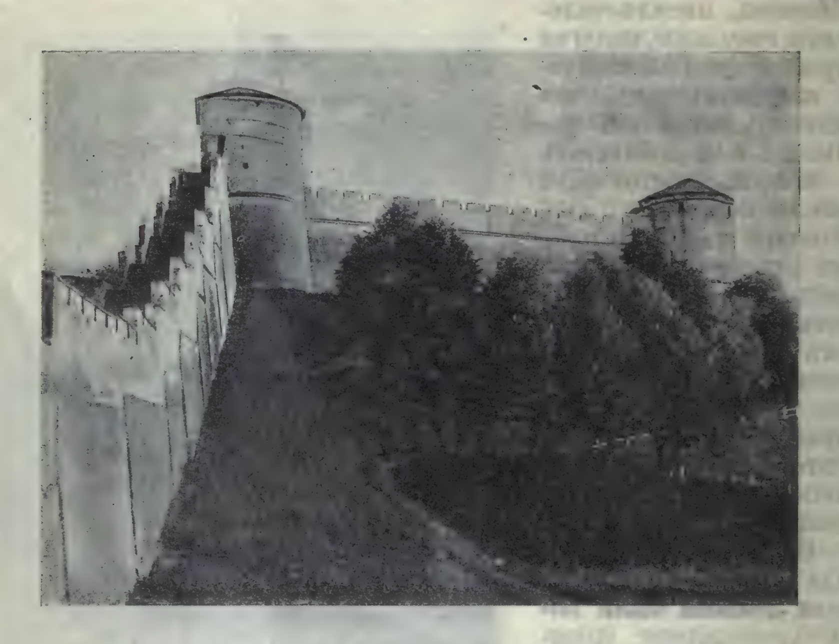
Вѣнецъ стѣны московскаго кремля у башни Спасскихъ воротъ.

Всѣ землепашцы уѣзда новаго окраиннаго города должны были пахать „государеву десятинную пашню", заведенную для пополненія казенныхъ житницъ крѣпости; пахали они эту пашню по наряду сверхъ своей собственной.

Населеніе окраинныхъ уѣздовъ, такимъ образомъ, плотно примыкало къ своимъ городамъ, было связано съ ними службой, хозяйствомъ и интересами безопасности; это было по преимуществу населеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-воиновъ. Заботясь о заселеніи степного края, московское правительство не преслѣдовало бѣжавшихъ сюда преступниковъ; сюда бѣжали изъ центра страны всѣ, кому жить тамъ было тяжело; сюда бѣжали холопы отъ своихъ жестокихъ господъ, крестьяне, не умѣвшіе или не хотѣвшіе разсчитаться съ владѣльцемъ, но и не желавшіе оставаться у него; сюда уходили всѣ, кого судьба выбила изъ при-

рожденной колеи, въ чаяніи найти здѣсь, въ дѣвственномъ краю, гдѣ каждая голова и каждая сильная рука была на счету, свою удачу и зажить по-новому. Въ безпокойномъ краю селились очень безпокойные люди, но они этотъ край заселяли, разрабатывали и защищали и тѣмъ самымъ крѣпкими нитями привязывали къ обще-русскому отечеству.

Кромѣ неподвижной стѣны крѣпостей и засѣкъ, степную границу Московскаго государства опоясывала еще и болѣе

Башни и часть стѣны кремля въ Нижнемъ-Новгородѣ.

чуткая, легкая и подвижная людская цѣпь, такъ называемыя сторожи. То были постоянные, строго организованные разъѣзды ратныхъ людей, выѣзжавшіе изъ передовой линіи городовъ въ разныхъ направленіяхъ дня на четыре и болѣе пути отъ крайняго города. Разъѣзды эти устанавливали въ степи опредѣленные пункты, къ которымъ и съѣзжались въ опредѣленное же время. Эти пункты, или „притоны“, по тогдашнему выраженію, отстояли на день, а чаще на полъ-дня пути одинъ отъ другого и даже ближе. Разъѣзды были въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и составляли нѣсколько неразрывныхъ линій, пересѣкавшихъ всѣ степныя дороги, по которымъ татары ходили на Русь. Далеко углубляясь въ степь, сторожи эти зорко слѣдили за шляхами и, услѣдивъ „сакму“, т.-е. слѣдъ татаръ, быстро давали знать въ ближайшее укрѣпленіе о надвигающейся опасности.

Какъ только появится такой подозрительный слѣдъ, сейчасъ же вспыхиваютъ на притонахъ сторожей сигнальные огни, яркимъ пламенемъ ночью, столбомъ чернаго дыма днемъ давая знать всѣмъ и всюду, что татары близко, что скачетъ къ городу вѣстникъ съ точными извѣстіями о величинѣ и силѣ приближающагося врага. Товарищи гонца не спѣшатъ за нимъ: они стараются не терять изъ виду татаръ, слѣдятъ, не измѣнятъ ли они направленія своего пути, стремятся добыть языка, т.-е. плѣнника, чтобы отъ него выпытать побольше свѣдѣній о врагѣ.

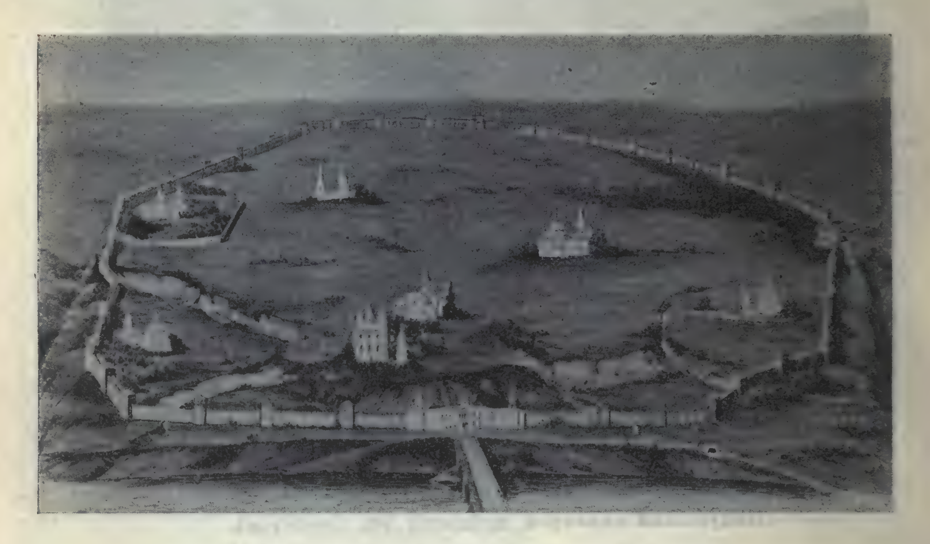

Полубашня каменной крѣпости въ Серпуховѣ.

Окончательное устройство такіе разъѣзды получили въ 1571 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ подъ руководствомъ одного изъ знаменитѣйшихъ его воеводъ, князя Михаила Ивановича Воротынскаго. По уставу князя Воротынскаго было тщательно опредѣлено, „изъ котораго города къ которому урочищу разъѣздамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторожахъ, и изъ которыхъ городовъ, и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторожѣ ставить“. Уставы эти дополнилъ въ 1576 г. новый начальникъ сторожевой службы, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ. При царѣ Борисѣ были внесены новыя улучшенія въ устройство дозорной службы. Въ Смуту служба эта, конечно, разстроилась, но, какъ только государство оправилось, дозорная служба была возстановлена со всею тщательностью и съ новымъ, болѣе удобнымъ распорядкомъ ея.

Разъѣздамъ предписывалось ѣздить по такимъ мѣстамъ, которыя были бы „усторожливы, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей

можно было усмотрѣть". Стоять сторожамъ на сторожахъ предписывалось „съ коней не ссаживаясь, попеременно и ѣздить по урочищамъ попеременно же: направо и налѣво, по два человѣка". Становъ не дѣлать; когда нужно будетъ кому кашу сварить, то огня на одномъ мѣстѣ два раза не раскладывать; гдѣ обѣдали, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, а останавливаться въ такихъ мѣстахъ, откуда легко замѣтить непріятеля. Выслѣживать непріятеля сторожа должны были самымъ тщательнымъ образомъ и за всякое упущеніе отвѣчали спиной. Начальные люди отвѣчали за исправность оружія и коней своихъ подчиненныхъ.

Общій видъ смоленской крѣпостной стѣны.

Станицы сторожей выѣзжали въ поле въ строго опредѣленные сроки. Такъ, изъ Рыльска и Путивля первая станица выѣзжала 1-го апрѣля, вторая—15-го, третья—1-го мая, четвертая—15-го и т. д.; восьмая станица выѣзжала 15-го іюля, за ней 1-го августа трогалась снова первая, 15-го августа опять вторая и т. д. Послѣдній выѣздъ совершался 15-го ноября, а коли снѣгъ запаздывалъ, то ѣздили и позднѣе, пока зима не станетъ и не занесетъ непролазными снѣгами, не оградитъ вьюгами и морозами московскую границу.

Въ октябрѣ и ноябрѣ, по заморозкамъ, когда трава сильно подсохнетъ, выѣзжали изъ крайнихъ городовъ ратные люди съ особымъ порученіемъ: дождавшись вѣтренаго и сухого дня, когда вѣтеръ дулъ отъ государевыхъ и украинскихъ городовъ въ степную сторону, они зажигали степь; создавался огромный степной пожаръ, всесокрушающей огненной стѣной уходившій

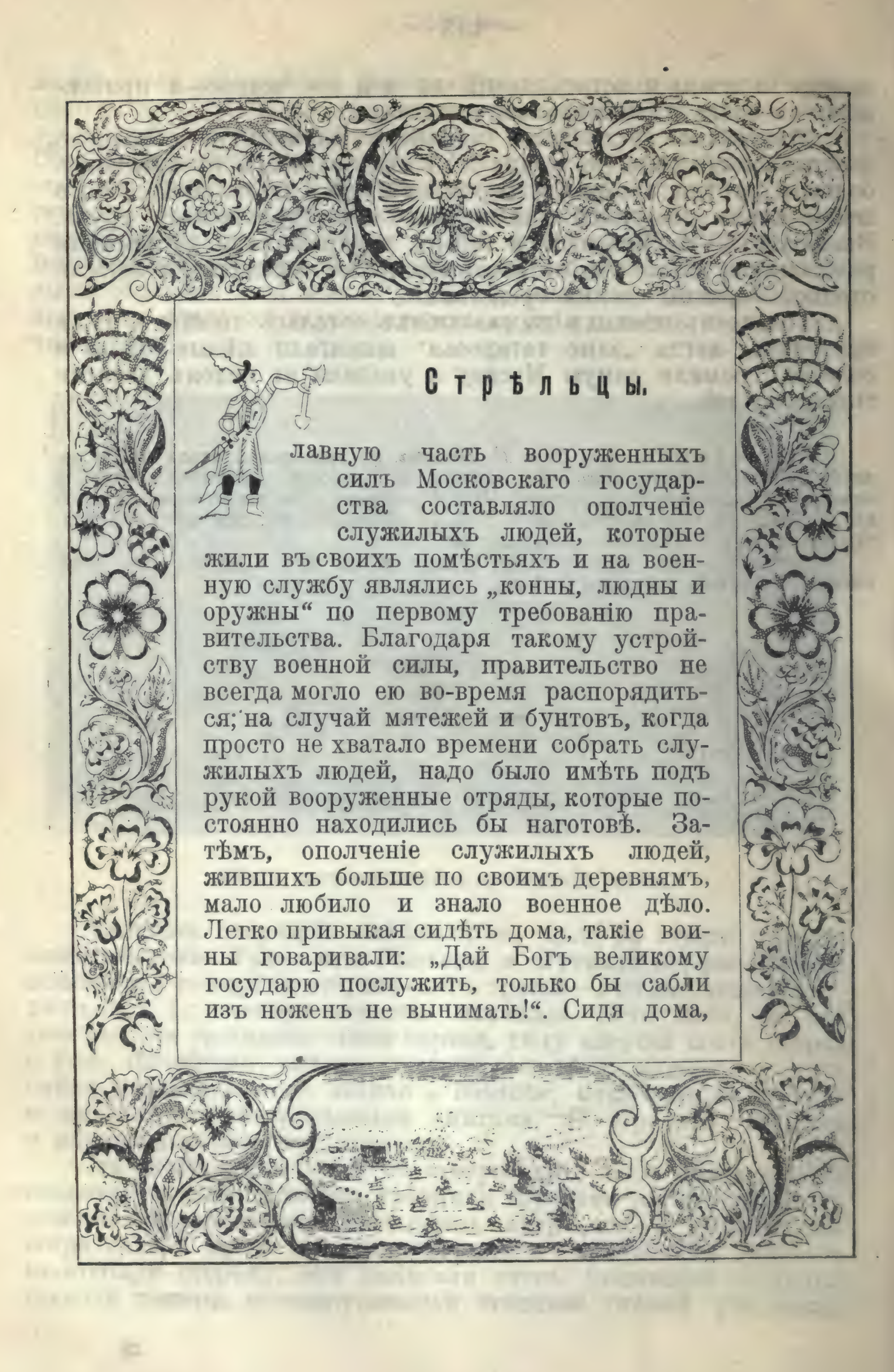
далеко въ степь и истреблявшій въ ней все живое—и притаившагося врага и замѣшкавшагося своего.

Тщательное устройство охранной службы не замедлило достичь своей цѣли: съ конца XVI вѣка совсѣмъ прекратились большіе набѣги татаръ, и огромная полоса пустынной до того земли стала доступной для мирнаго земледѣльческаго труда. Въ концѣ XVII вѣка набѣги татаръ превращаются въ простыя разбойничьи нападенія, съ которыми легко справляются жители степной окраины своими средствами.

Только въ пѣсняхъ да сказаніяхъ осталась память о тѣхъ временахъ, когда „злые татаровья" выжигали цѣлые города и селенія, громили самую Москву и уводили въ полонъ десятки тысячъ людей.

Главнѣйшія пособія: *И. Бѣляевъ*, „О сторожевой, станичной и полевой службѣ"; *Д. И. Багалѣй*, „Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства"; *С. Ѳ. Платоновъ*, „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI в."; *И. П. Миклашевскій*, „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства".

Заставка — изъ рукописнаго Пролога конца XIV в.; буква изъ рукописнаго Евангелія середины XVI в.

Стрѣльцы.

Главную часть вооруженныхъ силъ Московскаго государства составляло ополченіе служилыхъ людей, которые жили въ своихъ помѣстьяхъ и на военную службу являлись „конны, людны и оружны“ по первому требованію правительства. Благодаря такому устройству военной силы, правительство не всегда могло ею во-время распорядиться; на случай мятежей и бунтовъ, когда просто не хватало времени собрать служилыхъ людей, надо было имѣть подъ рукой вооруженные отряды, которые постоянно находились бы наготовѣ. Затѣмъ, ополченіе служилыхъ людей, жившихъ больше по своимъ деревнямъ, мало любило и знало военное дѣло. Легко привыкая сидѣть дома, такіе воины говаривали: „Дай Богъ великому государю послужить, только бы сабли изъ ноженъ не вынимать!“. Сидя дома,

такое войско совсѣмъ не обучалось военному дѣлу, не знало правильнаго строя, не умѣло даже владѣть оружіемъ, какъ слѣдуетъ, и самое вооруженіе его было разнообразно и невысокаго качества. Ополченіе служилыхъ людей было затѣмъ войскомъ по преимуществу коннымъ, а пѣхотныя части его, составлявшіяся изъ приводимыхъ помѣщиками людей да изъ людей „даточныхъ и посошныхъ", набиравшихся со слободъ и монастырей, были еще болѣе нестройной и неповоротливой толпой, нежели конница служилыхъ людей, которые все-таки хоть готовились служить воинами, а какой-нибудь даточный со своей рогатиной или ослопомъ—булавой въ рукахъ, одѣтый въ сермягу, въ „бумажную" шапку и лапти, менѣе всего былъ похожъ на солдата.

Стрѣлецъ.
Съ рисунка въ альбомѣ А. Мейерберга (XVII в.).

Изъ такого временно собиравшагося войска нельзя было составить гарнизона для крѣпостей, нельзя было образовать опытную прислугу при артиллеріи, словомъ, безъ постояннаго войска, хоть нѣсколько привыкшаго къ военному дѣлу и обучавшагося ратной наукѣ, московскому правительству обойтись было невозможно. Все это и заставило, въ концѣ концовъ, московскихъ государственныхъ людей позаботиться объ устройствѣ нѣкоторой постоянной военной силы.

Нужда въ пѣхотѣ, вооруженной „огненнымъ боемъ", т.-е. ружьями, или, какъ тогда говорили, пищалями, давно заставляла московское правительство предписывать при сборѣ даточныхъ съ городовъ, чтобы опредѣленное количество людей выступало съ „пищалями". Такъ, напримѣръ, съ Новгорода и его области для казанскаго похода велѣно было „нарядити двѣ тысячи человѣкъ пищальниковъ, половина изъ которыхъ была бы пѣшихъ, а половина конныхъ". Достаточнымъ служилымъ людямъ тоже предписывалось и для себя и для тѣхъ, кого они съ собой приводили на службу, обзаводиться „огненнымъ боемъ"—пищалями, карабинами, пистолями. Но кончался походъ, и пищальники возвращались обратно домой, клали свою пищаль въ камору, и она тамъ ржавѣла до новаго похода, а пищальникъ торговалъ, пахалъ землю и меньше всего думалъ о своей пищали, меньше всего желалъ взять ее въ руки и итти въ походъ.

Безпрерывная война, длившаяся почти все время царствованія Грознаго, особенно настоятельно указала на недостатокъ въ русскомъ войскѣ обученной военному дѣлу пѣхоты. Царь Иванъ приказалъ тогда набирать въ городахъ и уѣздахъ воль-

ныхъ „гулящихъ“ людей, которые жили, не платя податей, и потому не приносили государству никакой пользы. Изъ этихъ „гулящихъ“ и были сформированы отряды вооруженныхъ пищалями людей, которые поступали въ распоряженіе начальниковъ городовъ и должны были находиться всегда подъ ружьемъ. Эти новые постоянные отряды, въ отличіе отъ пищальниковъ, которые собирались лишь на время войны, стали именоваться стрѣльцами. При Грозномъ стрѣльцовъ насчитывалось до 12.000 человѣкъ, а къ концу царствованія Алексѣя Михайловича ихъ было свыше 20.000.

Стрѣльцы раздѣлялись на стремянныхъ, московскихъ, и городовыхъ, или украинныхъ. Стремянные стрѣльцы составляли особый полкъ въ 2.000 человѣкъ, постоянно находившійся при государѣ, при „стремени“ государя, какъ тогда говорили. Они сопровождали государя при всѣхъ его выѣздахъ и походахъ, являлись какъ бы его лейбъ-гвардіей, отборной стражей. Московскіе стрѣльцы отличались отъ городовыхъ только тѣмъ, что жили въ Москвѣ, устроены же были одинаково съ городовыми, но жизнь въ столицѣ давала имъ нѣкоторую отличку, какъ войску болѣе парадному; въ мирное время московскіе стрѣльцы несли караульную службу по Москвѣ, отбывали по наряду нѣкоторыя полицейскія обязанности, выстраивались шпалерами при разныхъ торжествахъ по пути государя, крестнаго хода или при проѣздѣ иностраннаго посла. Время отъ времени отдѣльные полки московскихъ стрѣльцовъ назначались на службу въ города.

Въ Москвѣ и по городамъ стрѣльцы жили особыми слободами. Когда въ какомъ-нибудь городѣ, куда назначался стрѣлецкій гарнизонъ, не оказывалось свободнаго мѣста въ посадѣ для стрѣльцовъ, то приказывалось жителямъ выселяться, куда знаютъ, а на мѣсто ихъ дворовъ ставили дворы стрѣлецкіе. Кромѣ земли и дворовъ, стрѣльцы получали отъ казны оружіе и жалованье деньгами и хлѣбомъ; на все это собиралась со всего государства особая подать, такъ называемыя стрѣлецкія деньги.

Стрѣлецкое войско дѣлилось на приказы, которые со временъ царя Ѳеодора Алексѣевича стали именовать полками; каждый полкъ, или приказъ, селился отдѣльной слободой и имѣлъ свою съѣзжую избу—штабъ полка, гдѣ производился судъ и расправа надъ провинившимися, вѣдалось хозяйство полка, хранились барабаны, трубы и знамена.

Во главѣ каждаго приказа стрѣльцовъ стоялъ стрѣлецкій голова, со временъ царя Ѳеодора Алексѣевича называвшійся полковникомъ; голова въ городахъ былъ подчиненъ мѣстному воеводѣ, а въ Москвѣ — Стрѣлецкому приказу. Каждый полкъ дѣлился на сотни, съ сотенными командирами во главѣ; сотня раздѣлялась на пятидесятни, подъ начальствомъ пятидесятниковъ, и на десятки, надъ которыми начальствовали десят-

ники. Приказы стрѣльцовъ сначала были разной величины—отъ 200 до 1.200 человѣкъ въ приказѣ, но въ XVII вѣкѣ установилось считать въ приказѣ 1.000 человѣкъ рядовыхъ стрѣльцовъ. Приказы, или впослѣдствіи полки стрѣльцовъ, именовались по своимъ полковникамъ—напримѣръ, „стрѣльцы Иванова полку Полтева", или „стрѣльцы Васильева полку Бухвостова".

Одѣты стрѣльцы были въ длинные, ниже колѣнъ, суконные кафтаны съ отложнымъ воротникомъ, съ петлицами на груди и небольшимъ разрѣзомъ сбоку. Шапки у нихъ были сначала (въ XVI в.) желѣзныя, круглыя, а потомъ, со временъ царя Алексѣя Михайловича, суконныя, опушенныя мѣхомъ, со склонявшеюся на сторону мягкой верхней частью. Каждый полкъ былъ одѣтъ въ кафтаны и шапки только этому полку присвоеннаго цвѣта. Такъ, стремянные стрѣльцы носили кафтаны краснаго цвѣта съ бѣлыми петлицами и бѣлой кожаной перевязью черезъ плечо, называвшейся берендейкой. Берендейку носили, перекинувъ черезъ лѣвое плечо; на берендейкѣ висѣли „зарядцы съ кровельцами", т.-е. патроны, выдолбленные изъ дерева, оклеенные темной кожей. Кромѣ зарядцевъ, на берендейкѣ висѣли: „сумка фитильная, сумка пулечная и рогъ пороха, или натруска". Рога и натруски дѣлались изъ дерева, кости, перламутра, серебра и имѣли крышку съ пружиной. Стрѣльцы полка Василія Бухвостова (1674 г.) были одѣты въ кафтаны свѣтлозеленые съ петлицами и подбоемъ малиноваго цвѣта и въ желтые сапоги; стрѣльцы полка Ѳедора Головлинскаго имѣли кафтаны клюквеннаго цвѣта съ петлицами черными и подбоемъ желтымъ, шапку темно-сѣрую, сапоги желтые; стрѣльцы полка

Стрѣльцы XVI-го и начала XVII-го вв.
Видъ изображаетъ Кремль начала XVII в.

Тимоѳея Полтева—кафтаны оранжевые, петлицы черныя, подбой зеленый, шапку вишневаго цвѣта, сапоги зеленые. Кромѣ берендейки и сабли, у каждаго стрѣльца была пищаль, или мушкетъ, съ ложемъ краснаго цвѣта. Пищаль стрѣлецъ держалъ въ рукахъ, нося ее на правомъ плечѣ. На ремнѣ, за спиной, у него висѣлъ еще бердышъ—топоръ съ широкимъ лезвеемъ въ формѣ полумѣсяца съ вытянутыми концами. Когда стрѣльцы выстраивались для парада, то ружья держали правой рукой на правомъ плечѣ, а лѣвая придерживала бердышъ, обращенный остреемъ отъ фронта. Изготовившись къ стрѣльбѣ залпомъ, стрѣльцы всѣ вразъ ловкимъ ударомъ укрѣпляли передъ собой бердышъ въ землѣ, на закрѣпу топора клали дуло пищали и, цѣлясь, ждали команды офицеровъ. Безъ помощи бердыша или особой подставки, „подсошка“, тяжелую стрѣлецкую пищаль было бы трудно удержать на прицѣлѣ; стрѣляла старинная пищаль маленькой пулькой, и бой ея былъ не изъ сильныхъ.

Чтобы зарядить тогдашнюю пищаль, требовался цѣлый рядъ дѣйствій, происходившихъ по командѣ офицера. Въ книгѣ: „Ученье и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, напечатанной въ 1647 г., находимъ такой порядокъ заряжанія мушкета:

Ступи правой ногой напередъ.
Стой кротко.
Ступи лѣвой ногой.
Понеси мушкетъ къ правому боку.
Сними фитиль съ курка.
Положи фитиль на мѣсто.
Подыми мушкетъ ко рту.
Сдуй съ полки.
Возьми пороховой зарядецъ.
Опусти мушкетъ внизъ.
Посыпь порохъ на полку.
Поколоти немного мушкетъ.
Закрой полку.
Стряхни.
Сдуй.
Поверни мушкетъ на лѣвую сторону.
Положи порохъ и пульку въ него и пыжъ на полку.
Добей забойникомъ пульку и пыжъ.
Воткни забойникъ на мѣсто.
Возьми мушкетъ правой рукой и подыми вверхъ.
Лѣвой рукой подсошекъ изготовь.
Положи мушкетъ на вилки.
Стань на прежнее мѣсто.
Поди, имѣючи подсошекъ въ рукѣ.

Время отъ времени происходили смотры стрѣльцамъ въ присутствіи государя. Объ одномъ такомъ смотрѣ разсказываетъ англичанинъ, бывшій въ Москвѣ при Грозномъ. Онъ разсказываетъ, что смотръ стрѣльбы происходилъ въ декабрѣ. Вмѣсто мишени для стрѣлковъ былъ устроенъ ледяной валъ въ 6 футовъ вышины, 90 саженъ длины и 2 ширины. Пятьсотъ чело-

вѣкъ стрѣльцовъ выстроились въ пять рядовъ, на разстояніи около 150 шаговъ отъ мишени. На стрѣльбище они пришли, держа пищали на лѣвомъ плечѣ, а фитили—въ правой рукѣ. Стрѣляли рядъ за рядомъ до тѣхъ поръ, пока валъ не былъ разбитъ. Царь, окруженный богатой свитой, стоялъ въ сторонѣ и любовался стрѣльбой.

Начальниками стрѣлецкихъ полковъ назначались всегда заслуженные, хорошаго рода дворяне, сотниками — люди менѣе родовитые и заслуженные. Простые рядовые стрѣльцы могли дослужиться только до пятидесятника или десятника и назначались на эти должности по выбору полковника изъ людей „добрыхъ и безупречныхъ“.

Стрѣльцы XVII в.

Офицеры стрѣлецкихъ полковъ носили то же платье, что и стрѣльцы, но вооружены были только саблями и, какъ знакъ достоинства, имѣли въ рукахъ палку. Первая сотня каждаго полка не имѣла мушкетовъ и была вооружена длинными копьями, которыя считались лучшей защитой противъ натиска кавалеріи. При появленіи непріятельской конницы, первый рядъ копейщиковъ падалъ на колѣно и, уперши тупой конецъ копья въ землю, наклонялъ острее въ уровень груди скачущей конницы. Второй рядъ копейщиковъ устанавливалъ свои копья, стоя такъ, чтобы каждое копье этого ряда приходилось между двумя перваго ряда на той же длинѣ и уровнѣ, но нѣсколько выше.

Вѣдалось все стрѣлецкое войско въ особомъ Стрѣлецкомъ приказѣ, который собиралъ деньги на содержаніе стрѣльцовъ, велъ все хозяйство и дѣлалъ всѣ назначенія на офицерскія должности. Внутреннее хозяйство каждаго полка зависѣло вполнѣ отъ головы.

Назначенный стрѣлецкимъ головой дворянинъ являлся въ Москвѣ въ Стрѣлецкій приказъ и здѣсь получалъ письменный наказъ, или „память“, утверждавшій его въ должности и предписывавшій новоназначенному головѣ, что онъ можетъ и чего не можетъ дѣлать. Прибывъ къ своему полку, новый голова прежде всего требовалъ себѣ именные списки стрѣльцовъ. Прежній голова, или его замѣститель, сдавалъ новому всѣ дѣла—судные приговоры, поручныя записи по стрѣльцамъ, деньги, книги деньгамъ, военные запасы, оружіе, знамена, барабаны, трубы. Принявъ все полковое имущество, новый голова производилъ смотръ своему полку.

На площадкѣ передъ съѣзжей стрѣлецкой избой выстраивались стрѣльцы въ полномъ вооруженіи. Новый голова, держа въ рукахъ поименный списокъ, вызывалъ офицеровъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, осматривалъ обмундировку и вооруженіе каждаго. Если при смотрѣ оказывался недочетъ въ стрѣльцахъ, то на мѣсто умершихъ и выбывшихъ стрѣльцовъ голова долженъ былъ набрать новыхъ.

Охотниковъ служить въ стрѣльцахъ найти было всегда возможно, благодаря тѣмъ выгодамъ, которыя давала человѣку эта служба. Охотники являлись къ головѣ, и онъ „смотрѣлъ“ ихъ; брать зря и безъ разбору не приходилось. Въ стрѣльцы годились только тѣ, кто „собою были добры, молоды и рѣзвы и изъ самопаловъ стрѣлять горазды“. Удостовѣрившись въ этихъ достоинствахъ охотника, голова долженъ былъ „впрямь довѣдаться“, кто такой охотникъ: не бѣглый ли онъ холопъ, не сбѣжавшій ли съ посада посадскій, не покинувшій ли свое тягло крестьянинъ. Принять такого—прямой убытокъ казнѣ: крестьянинъ и посадскій платятъ подати, а станетъ человѣкъ стрѣльцомъ—отъ всѣхъ податей ему свобода. Если у служащихъ стрѣльцовъ были дѣти, братья, племянники, дальніе родственники, захребетники, т.-е. жившіе въ его домѣ, за его хребтомъ, и если кто изъ этой родни являлся къ головѣ и тоже просился на службу, то и тутъ голова принималъ на службу только „молодцовъ добрыхъ и прожиточныхъ“; если же эти охотники оказывались „молоды и непрожиточны“, то ихъ въ стрѣльцы сейчасъ же не писали, а оставляли ихъ жить въ стрѣлецкой слободѣ „до тѣхъ мѣстъ, пока они подрастутъ“, а „молодшіе съ животы посберутся“, а пока голова долженъ былъ за ними присматривать и никуда не отпускать.

Прибравъ новиковъ въ стрѣльцы, голова призывалъ къ себѣ старыхъ надежныхъ стрѣльцовъ и заставлялъ ихъ давать „крѣпкія поруки съ записьми“ на новиковъ, на тотъ случай, если, храни Богъ, новикъ убѣжитъ со службы и унесетъ съ собой царскую пищаль. Поручители отвѣчали за бѣглеца своимъ имуществомъ, должны были платить казнѣ за все, что бѣглецъ испортитъ или унесетъ съ собой; кромѣ того, „поручники“ обязывались искать бѣглеца „неоплошно“. Когда поручители ока-

зывались не въ состоянiи уплатить за вредъ, причиненный казнѣ бѣглымъ, то весь недоборъ взыскивался на самомъ головѣ — не бери худой поруки.

Раздавая жалованье, голова бралъ съ подчиненныхъ расписки, въ которыхъ тѣ ручались, что царскаго жалованья не пропьютъ и со службы не сбѣгутъ.

Голова наблюдалъ за всей жизнью стрѣльцовъ въ слободѣ, смотрѣлъ, чтобы они не пьянствовали, не играли въ азартныя игры, не уходили безъ отпуска изъ слободы. Что касается службы, то голова долженъ былъ часто производить смотры своей командѣ, упражнять стрѣльцовъ въ стрѣльбѣ изъ пищалей, смотрѣть, чтобы они на эту учебную стрѣльбу казеннаго пороха не тратили, а жгли бы свой, „на то и жалованье казна платитъ“, говорится въ одномъ наказѣ стрѣлецкому головѣ. Можно себѣ представить, какъ шло обученiе стрѣльбѣ при такой экономiи! Обученiе фронту не шло дальше нѣкоторыхъ основныхъ поворотовъ и построенiй при дѣйствiяхъ полкомъ. Стрѣльцы выучивались поворачиваться вразъ по командѣ, развертывать шеренги, ходить строемъ и на ходу дѣлать различныя построенiя.

Начальные люди стрѣлецкихъ полковъ (XVII в.).

Время отъ времени на поле за слободой вывозили полковыя пушки, которыхъ полагалось по четыре на полкъ, и тогда шло артиллерiйское ученiе. Иногда на поле выѣзжалъ цѣлый обозъ, нагруженный бревнами, балками и тесовыми щитами. Стрѣльцы опредѣленнымъ порядкомъ, по командѣ, подходили къ возамъ и разбирали ихъ. Еще команда — и стучали топоры, лопаты взметывали кучи земли, и черезъ нѣкоторое время выростало деревянное укрѣпленiе—„гуляй-городъ“, изъ котораго стрѣльцы

открывали примѣрную стрѣльбу. Тесовые щиты ставились иногда на колеса или на полозья, и отрядъ стрѣльцовъ подвигался впередъ на воображаемаго непріятеля, двигая щиты передъ собой. Отдѣльныя части „гуляй-города“ были заранѣе пригнаны одна къ другой, и потому устройство этого подвижного укрѣпленія происходило довольно быстро. Нельзя только сказать, чтобы нахожденіе такого громоздкаго сооруженія при полкахъ способствовало ихъ подвижности.

Вотъ почти вся несложная стрѣлецкая наука. Голова долженъ былъ наряжать караулы и строго слѣдить, чтобы караульную службу стрѣльцы несли по очереди. Сотники, пятидесятники и десятники помогали во всѣхъ этихъ хлопотахъ головѣ; они должны были „пересматривати стрѣльцовъ ежедень съ утра и вечера“; голова повѣрялъ эти осмотры, и если случалось, что при такой повѣркѣ какого-нибудь стрѣльца не оказывалось налицо, а его пятидесятникъ и десятникъ того не знали или хотѣли скрыть, то голова могъ посадить этихъ младшихъ начальниковъ на время въ тюрьму. Провинившихся простыхъ стрѣльцовъ голова могъ наказывать батогами и кнутомъ. Голова, словомъ, былъ первымъ и единственнымъ судьей для стрѣльцовъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ „разбойныхъ и татенныхъ и большихъ исковъ“.

Кромѣ гарнизонной, караульной и полевой службы, стрѣльцы должны были отбывать разныя казенныя посылки. Понадобится послать лазутчика въ степь высмотрѣть татаръ, надо конвоировать арестанта, словить разбойниковъ, проводить отправляемую въ Москву казну, сопровождать посольство, — на все это требовались стрѣльцы; даже когда являлась нужда построить барки для казенной надобности, то и тогда наряжали стрѣльцовъ.

Стрѣльцы состояли на службѣ пожизненно, до глубокой старости, пока силъ хватало; и только когда у стрѣльца отъ дряхлости пищаль изъ рукъ валится, болятъ неизлѣчимо раны, одолѣла нищета, можно было хлопотать объ отставкѣ, да и то надобно было очень и очень бить челомъ, чтобы отставили. До насъ дошло одно рѣшеніе царя Алексѣя на такую просьбу.

„Билъ челомъ великому государю астраханскаго приказу стрѣлецъ Ивашко Никоновъ, — читаемъ въ этомъ рѣшеніи, — и сказалъ: служилъ-де онъ великому государю лѣтъ съ семьдесятъ, и на многихъ бояхъ былъ, и раненъ, и нынче-де онъ старъ и увѣченъ, и службы служить не можетъ, и намъ бы великому государю пожаловать его Ивашку, велѣть его въ Астрахани, въ Спасской монастырь постричь безо вкладу“. Царь исполнилъ просьбу, велѣлъ постричь стрѣльца въ монахи безъ уплаты монастырю обычнаго въ такихъ случаяхъ вклада. Такъ какъ служба въ то время могла начинаться съ 15 лѣтъ, то стрѣльцу Ивану Никонову было, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ 85, когда онъ вышелъ въ отставку.

За свою службу стрѣльцы получали жалованье деньгами, хлѣбомъ и землею. Каждый стрѣлецъ получалъ отъ казны дворъ съ усадебной землей въ слободѣ и, кромѣ того, могъ пользоваться лугами и пахотной землей, отведенной для стрѣльцовъ возлѣ ихъ слободы. Пашней и лугами стрѣльцы пользовались сообща, дѣлили эту землю, какъ крестьяне, по дворамъ и душамъ. Во второй половинѣ XVI вѣка казна платила каждому стрѣльцу по полтинѣ; въ XVII вѣкѣ этотъ окладъ былъ сначала увеличенъ, а потомъ правительство рѣшило вовсе упразднить денежное жалованье и платить стрѣльцамъ только землей, находя, что „выдача ежегодъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья составляетъ большую потерю казнѣ“. На одежду стрѣльцы получали сукна отъ казны. Кромѣ жалованья, стрѣльцы пользовались еще разными большими льготами и преимуществами въ торговлѣ, которою они могли заниматься, имѣли льготы при платежѣ судебныхъ пошлинъ и т. п.

Знамя третьяго полка астраханскихъ конныхъ стрѣльцовъ (1694 г.).
Размѣры: по древку 1 арш. $12^1/_2$ в., по верхнему краю 2 арш., по нижнему 1 арш. $4^1/_2$ в.

Торговать безпошлинно стрѣльцы могли своимъ рукодѣльемъ въ разносъ или въ палаткахъ на площади своей слободы. Почти всѣ стрѣльцы были ремесленники: сапожники, портные, оружейники, шорники и т. п., и эти занятія при ихъ безпошлинности доставляли имъ немалый заработокъ. Если же стрѣлецъ заводилъ большую торговлю, открывалъ лавку въ городѣ и сидѣлъ въ ней, то долженъ былъ платить всѣ пошлины наравнѣ съ торговыми людьми.

Нельзя сказать, чтобы стрѣлецкая слобода всегда была желаннымъ сосѣдомъ города. Стрѣльцы, пользуясь безпошлинностью своей торговли, подрывали торговлю горожанъ, а затѣмъ они, располагая большей обезпеченностью, имѣли много свободнаго времени, часто буйствовали, затѣвали драки съ горожанами; есть извѣстія, въ которыхъ говорится, что стрѣлецкая молодежь была не прочь пограбить и поживиться добромъ горожанъ. Виновны въ этомъ были не столько сами стрѣльцы, сколько ихъ начальники. На свою должность стрѣлецкіе головы смотрѣли, въ большинствѣ случаевъ, какъ на хорошую возможность покормиться. Поэтому случаи, когда головы, удерживая стрѣлецкое жалованье и хлѣбъ, принуждали

стрѣльцовъ работать на себя, были довольно часты и заставляли стрѣльцовъ искать возмѣщенія такими же нечестными путями, какими ихъ лишали принадлежавшаго имъ жалованья.

„На нашихъ земляхъ,—жаловались стрѣльцы въ 1682 г.,—на наши сборныя деньги полковники выстроили себѣ загородные дома; посылаютъ нашихъ женъ и дѣтей въ свои деревни пруды копать, плотины и мельницы дѣлать, сѣно косить, дрова сѣчь; насъ самихъ употребляютъ во всякія свои работы, даже самыя черныя, принуждаютъ съ ругательствомъ, побоями, батожьемъ, взявъ въ руки батога по два, по три; заставляютъ насъ на собственный нашъ счетъ покупать цвѣтные кафтаны съ золотыми нашивками, бархатныя шапки и желтые сапоги, а изъ государскаго жалованья вычитаютъ многія деньги и хлѣбные запасы“. Вмѣстѣ съ челобитными, поданными правительству отъ всѣхъ полковъ, были тогда представлены счета недоплаченнаго жалованья и заработанныхъ денегъ. Стрѣльцы требовали немедленнаго удовлетворенія своихъ жалобъ, выдачи имъ полковниковъ для немедленной расправы, угрожая въ противномъ случаѣ полковниковъ перебить, а дома ихъ пограбить. „Доберемся и до другихъ измѣнниковъ, которые обманываютъ государя!“—кричали стрѣльцы.

Правительство растерялось. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ только-что отошелъ „отъ сего свѣта“. Царемъ, по настоянію патріарха, былъ провозглашенъ малолѣтній царевичъ Петръ, мимо старшаго, тоже несовершеннолѣтняго, болѣзненнаго брата Ивана. Воцареніе Петра, сына второй жены царя Алексѣя, было тяжело для дѣтей первой его жены, особенно для властной и умной царевны Софьи. Разсказываютъ, что вѣсть о стрѣлецкомъ движеніи была для царевны Софьи такъ же радостна, какъ для Ноя масличная вѣтвь, принесенная голубемъ въ ковчегъ. Сообщники царевны пошли по стрѣлецкимъ слободамъ и стали говорить зажигательныя рѣчи. „Вы сами видите,—говорили они стрѣльцамъ,—въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ; теперь бояре выбрали Богъ знаетъ какого царя; увидите теперь, что не только денегъ, а и корму не дадутъ; работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ!“ Всѣ такія рѣчи падали на благодарную почву. Волненіе охватило всѣ полки, кромѣ Сухарева. Стрѣльцы ежедневно собирали сходки, становились въ ружье безъ полковничьяго приказа, били въ набатъ, ходили толпами по городу, напивались, шумѣли и кричали: „Не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ (родня царя Петра по матери); мы имъ всѣмъ шею свернемъ!“

Утромъ 15 мая 1682 г. по стрѣлецкимъ слободамъ промчались посланные отъ царевны съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, что стрѣльцы должны итти въ Кремль. Зазвонили въ набатъ колокольни стрѣлецкихъ церквей, загрохотали барабаны, быстро собрались полки и со знаменами и пол-

ковыми пушками пошли на Кремль. Запереть кремлевскія ворота не успѣли, и стрѣльцы вломились на царскій дворъ. Напрасно имъ показывали царя Петра и царевича Ивана, напрасно царевичъ Иванъ Алексѣевичъ говорилъ, что никто его не изводилъ. Стрѣльцы требовали, чтобы имъ выдали царскихъ лиходѣевъ, и показывали списокъ нужныхъ имъ лицъ. Въ спискѣ стояли все люди, принадлежавшіе къ партіи царя Петра. Уставивъ передъ собой копья, стрѣльцы вломились въ самый дворецъ и всюду разыскивали „измѣнниковъ“. Захваченныхъ выводили на высокое крыльцо царскаго дворца и съ криками: „любо! любо!“, сбрасывали ихъ на копья и бердыши скопившихся внизу на площади товарищей.

Кончилось это побоище тѣмъ, что стрѣльцы заставили признать правительницей царства царевну Софью и потребовали, чтобы и царевичъ Иванъ былъ признанъ царемъ и чтобы цари Иванъ и Петръ царствовали одновременно. Стрѣльцамъ дано было почетное названіе „надворной пѣхоты“. Каждый день имъ выкатывали на царскомъ дворѣ бочки вина, пива и меду, роздали имъ усиленное жалованье и наконецъ, по просьбѣ ихъ, дали имъ въ слободы жалованныя грамоты съ красными печатями, гдѣ было прописано, чтобы стрѣльцовъ никто называть бунтовщиками и измѣнниками не смѣлъ, что 15 мая они ратовали за домъ Пречистыя Богородицы и за великихъ государей, а бояръ побили „за великія ихъ неправды и нахвальныя рѣчи“. Мало того, на Красной площади былъ воздвигнутъ каменный „столбъ“ въ честь дѣяній надворной пѣхоты, и на столбѣ всѣ эти подвиги были прописаны, какъ вѣрныя службы.

Какъ извѣстно, въ дальнѣйшей борьбѣ царевны Софьи съ царемъ Петромъ стрѣльцы приняли сторону Софьи, и царю Петру не разъ приходилось испытывать великую досаду. Когда царь Петръ уѣхалъ за границу, стрѣльцы возмутились снова, но были разбиты солдатами царя Петра, перехватаны и отданы подъ судъ. Послѣ жестокихъ пытокъ, главари ихъ были казнены, а оставшіеся въ живыхъ разосланы по городамъ; когда же состоялось учрежденіе постоянной арміи, ихъ поверстали въ солдаты.

Такъ закончило свое существованіе стрѣлецкое войско.

Въ рядахъ московской арміи оно занимало почетное мѣсто. Болѣе привычные къ военному дѣлу и болѣе обученные ему, стрѣльцы тверже стояли на полѣ битвы, нежели ополченія служилыхъ людей; они смѣлѣе и болѣе умѣло шли на приступы, мужественнѣе отбивались при осадѣ. Стрѣльцамъ былъ обязанъ своей побѣдой при Добрыничахъ надъ самозванцемъ царь Борисъ, они взяли въ плѣнъ, при царѣ Михаилѣ, Заруцкаго и Марину, благодаря ихъ дѣятельности былъ взятъ царемъ Алексѣемъ Смоленскъ, они одержали не одну побѣду надъ поляками, прославились обороною Пскова при царѣ Иванѣ Грозномъ и обороною Чигирина при царѣ Ѳедорѣ. При помощи исключительно стрѣльцовъ были разбиты и разсѣяны полчища Разина

подъ Симбирскомъ, а два полка московскихъ стрѣльцовъ, бывшіе въ Астрахани, когда этотъ городъ былъ осажденъ Разинымъ, предпочли лучше погибнуть, чѣмъ пристать къ Разину, и были перебиты казаками.

Но стрѣльцы все-таки мало походили на настоящихъ солдатъ, какихъ требовало то тревожное время и безпрестанныя войны съ Польшей и Швеціей. Нужны были солдаты, которые, кромѣ военнаго дѣла, не были бы связаны никакимъ постороннимъ занятіемъ и все свое время отдавали бы изученію „хитрости ратнаго дѣла“; стрѣльцы по самому устройству ихъ быта не были преданы только военному дѣлу; данныя имъ права безпошлинной торговли, освобожденіе отъ другихъ податей, пахота и огородничество слишкомъ отвлекали ихъ силы; пустившись въ промыслы, пріобрѣтая иногда значительныя богатства, они привыкали думать только о корысти и своихъ торгово-промышленныхъ выгодахъ. Это, въ свою очередь, заставляло ихъ тяготиться службой, хожденіе на караулы считать напастью; нечего и говорить, что о войнѣ многіе изъ нихъ думали, какъ о большой непріятности, которую надо избыть хоть тѣмъ, что убѣжать изъ полка. Такое войско, особенно послѣ того, какъ оно приняло участіе въ бунтахъ и мятежахъ, не могло быть пригодно царю Петру Алексѣевичу при его преобразовательной дѣятельности, который и уничтожилъ его.

Но и московское правительство еще временъ царя Михаила почувствовало всю непригодность войска стрѣлецкаго устройства для борьбы съ регулярными отрядами, нанятыми польскимъ правительствомъ въ Германіи для войны съ Москвой; особенно безпомощны были стрѣльцы и служилая конница при столкновеніи съ превосходно организованной и вооруженной арміей шведскаго короля Густава-Адольфа. Правительство царя Михаила испробовало сначала по польскому образцу нанять на свою службу отряды охочихъ воинскихъ людей за границей. Въ тогдашней Европѣ послѣ ожесточенныхъ религіозныхъ войнъ конца XVI вѣка было много такихъ продажныхъ шпагъ, владѣльцы которыхъ не знали другого ремесла, кромѣ военнаго, и охотно шли за приличное вознагражденіе на службу къ иноземнымъ государямъ. Предпріимчивые генералы и полковники собирали цѣлые отряды, во главѣ которыхъ и нанимались на службу къ тому государю, который въ такой воинской услугѣ нуждался. Но наемъ стоилъ дорого; наемники не всегда были вѣрны нанимателю, и московское правительство очень больно почувствовало ненадежность служилыхъ нѣмцевъ во время неудачной осады Смоленска въ 1627 г., когда наемные нѣмецкіе отряды передались на сторону непріятеля. Тогда въ Москвѣ пришли къ мысли завести свои полки регулярнаго строя, пѣшіе—солдатскіе и конные—рейтарскіе и драгунскіе, въ которыхъ всѣ солдаты, унтеръ-офицеры, а по возможности и офицеры были бы изъ своихъ русскихъ людей. Порѣшили нанять за гра-

ницей достаточное количество высшихъ и низшихъ офицеровъ, немного обученныхъ солдатъ и поручить имъ устроить полки иноземнаго строя изъ русскихъ людей.

Иностранцы въ порядочномъ количествѣ проживали въ Московскомъ государствѣ со временъ Бориса Годунова, который не только призывалъ на русскую службу знающихъ и военное дѣло и разныя мастерства иноземцевъ, но и посылалъ своихъ людей учиться за границу. За время Смуты вмѣстѣ съ польскими и шведскими войсками вошло въ Россію и осталось въ ея предѣлахъ на житье немало иностранцевъ. Въ 1614 г. въ военный походъ шли роты иноземцевъ „стараго выѣзда“. Въ 1628 г. въ большомъ полку въ Тулѣ были роты иноземцевъ: поляковъ и литовцевъ ротмистра Рогоновскаго, нѣмцевъ съ ротмистромъ Денисомъ фонъ-Визеномъ— это предокъ знаменитаго автора „Недоросля“ и „Бригадира“; была рота „бѣльскихъ нѣмцевъ“—это отрядъ нѣмцевъ, находившихся въ польской службѣ гарнизономъ въ крѣпости Бѣлой; они не только сдали крѣпость, но сами перешли на русскую службу; были отряды изъ грековъ, сербовъ, волоховъ. Словомъ, когда правительство царя Михаила начало заводить русскіе регулярные полки, то недостатка въ кадрахъ и инструкторахъ не было. Но все же рѣшили нанять учителей получше и въ 1631 г. послали полковниковъ Лесли и фонъ-Дама въ Швецію, Голландію, Данію и Англію нанять на русскую службу ученыхъ офицеровъ и обученныхъ рядовыхъ, „военныхъ полковниковъ и добрыхъ бывалыхъ капитановъ и поручиковъ“. Посланнымъ, между прочимъ, наказали „нанимать солдатъ шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ фран-

Нѣмецкихъ полковъ мушкетеръ (середина XVII в.).

цузскихъ людей, а французанъ и иныхъ, которые римской вѣры, никакъ не нанимать“: воины римско-католическаго исповѣданія казались въ Москвѣ неудобными для борьбы съ католической Польшей. Особой грамотой къ датскому королю царь Михаилъ просилъ короля Христіана „для нашіе царскіе дружбы и любви поволити въ своемъ королевствѣ и въ земляхъ, которые нынѣ за вами, ратныхъ людей полковнику Александру Лесли наймовать, а которые похотятъ наимоватца и иныхъ государствъ люди и тѣхъ бы вамъ наемныхъ людей черезъ свое государство, черезъ Зундъ и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ лучица итти, велѣть пропускать безъ задержанья и на корабли посадить“... Лесли и фонъ-Дамъ вывезли около 7000 иноземныхъ воинскихъ людей на русскую службу. Устройство полковъ иноземнаго строя изъ своихъ тоже шло своимъ чередомъ. Еще въ Смоленскомъ походѣ были такіе полки изъ русскихъ людей, „написанныхъ къ ратному ученію“, съ иностранными полковниками, майорами и ротмистрами во главѣ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вызовъ иностраннаго офицерства въ Россію продолжался, продолжалось и устройство русскихъ полковъ иноземнаго строя. Послѣ тридцатилѣтней войны въ Европѣ было много военнаго люда безъ денегъ и безъ дѣла, а потому нанимать было изъ кого; англійскія и шотландскія смуты половины XVII в. тоже вытолкнули на русскую службу немало опытныхъ и знающихъ солдатъ и офицеровъ. Въ 1658 г. полковникъ Францъ Трафертъ былъ отправленъ за границу для найма на русскую службу военныхъ инженеровъ. Другой иноземецъ, Гебдонъ, долженъ былъ подыскать въ Голландіи опытнаго генерала, способнаго командовать большой арміей. Въ 1661 г. пріѣхали на русскую службу майоръ Патрикъ Гордонъ и капитанъ Павелъ Манезіусъ, оба шотландцы, англичанинъ полковникъ Диккенсъ, много нѣмцевъ, датчанъ. Въ 1651 г. охотился поступить на русскую службу лордъ Чарльзъ Эргартъ, „губернаторъ оксфордскій и начальникъ всей англійской кавалеріи“, но только условія онъ ставилъ не совсѣмъ подходящія для русскаго правительства; онъ требовалъ званія генералиссимуса, неограниченной власти въ судѣ и расправѣ надъ воинскими чинами и права производства во всѣ чины, не исключая генеральскихъ. На такихъ условіяхъ, конечно, договоръ не состоялся, а на меньшія пышный лордъ не соглашался. Въ 1660 г. царь Алексѣй особой грамотой просилъ англійскаго короля Карла II разрѣшить нанять въ Англіи на русскую службу 3000 конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей съ офицерами. Съ разрѣшенія короля и парламента наняты были тогда въ Лондонѣ „комишаріушемъ“ Гебдономъ генералъ князь Вилимъ Келетравъ, полковники, офицеры и 3000 рядовыхъ.

Иноземцы, вступившіе на нашу службу, заключали обыкновенно контрактъ съ русскимъ правительствомъ относительно срока службы и жалованья по чину. По окончаніи срока одни

уѣзжали обратно на родину, другіе оставались на житье въ Россіи, обзаводились здѣсь семьями, женясь на русскихъ и принимая православіе, какъ, напримѣръ, полковникъ Лесли, генералъ фонъ-Букговенъ, полковникъ фонъ-Визенъ и другіе; опытныхъ офицеровъ, которые по окончаніи срока хотѣли уѣхать, всячески задерживали—и лаской, увеличивая жалованье и чинъ, и угрозой: такъ, генерала-поручика Гордона за настойчивыя просьбы отпустить на родину разжаловали на время въ прапорщики.

Иноземцы, порядившіеся служить на срокъ, получали жалованье деньгами, остававшіеся надолго получали, кромѣ денежнаго жалованья, еще помѣстья; они такъ и именовались: помѣстные и кормовые.

Въ 1632 г. въ русскихъ полкахъ иноземнаго строя считалось 17031 чел.; въ 1681 году такого обученнаго русскаго войска было 82047 чел., раздѣленныхъ на 63 полка: 25 полковъ рейтарскихъ и 38 солдатскихъ.

На солдатскую и рейтарскую службу набирались мелкопомѣстные и безпомѣстные служилые люди, всякіе вольные охочіе люди, не значившіеся ни въ тяглѣ, ни въ холопствѣ; затѣмъ со всѣхъ земель духовенства, съ земель не служившихъ лично за старостью и болѣзнью служилыхъ людей, съ помѣстій вдовъ, малолѣтнихъ и дочерей служилыхъ людей собиралось съ каждыхъ ста дворовъ по одному рейтару съ запасомъ и въ полномъ вооруженіи. Всѣмъ остальнымъ мушкеты или карабины, сабли и пистолеты, порохъ, свинецъ, шишаки и латы, мундиръ и лошади, въ копейные полки копья выдавались изъ казны.

Въ полку считалось въ среднемъ около 1200 человѣкъ. Каждый полкъ имѣлъ по 10 знаменъ, по 10 трубъ и по три пары литавръ; полковники были большею частью иноземцы, а среди рядового офицерства изъ 33 человѣкъ въ полку къ концу XVII в. было немало русскихъ. Солдаты и рейтары изъ охочихъ людей получали денежное жалованье и даровую квартиру, постой, въ обывательскихъ домахъ по городамъ и селамъ; тѣ, кто были изъ служилыхъ людей, служили со своихъ помѣстій; служившіе въ полкахъ иноземнаго строя охотники не получали достоинства служилыхъ людей, а служилые люди не теряли своего служилаго чина при назначеніи на службу въ полки иноземнаго строя. Такимъ образомъ въ этихъ полкахъ невольно происходило сближеніе отдѣльныхъ сословій за однимъ дѣломъ, за одной государевой службой, создавалось представленіе о томъ, что военная служба не сословное дѣло только служилыхъ людей, а можетъ и должна стать обязанностью для людей всѣхъ чиновъ и сословій государства, какъ это и произошло во времена Петра Великаго; способствовало легкости осуществленія этого начала всесословности петровской военной службы устройство рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ XVII в.

Въ одномъ только эти полки иноземнаго строя не могли сломить московское преданіе: военной службѣ въ этихъ полкахъ

учили, служба становилась всесословной и регулярной, но никакъ не могла стать постоянной. Бѣдное наличной казной московское правительство стремилось перевести свои полки иноземнаго строя съ денежнаго на земельный окладъ: такъ было и сподручнѣе и привычнѣе. Рейтарамъ и солдатамъ стали вмѣсто денегъ раздавать земельные участки и тѣмъ самымъ приблизили эти полки къ стрѣлецкимъ.

Когда не было войны, рейтары и солдаты, какъ офицеры, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ, обработка которыхъ естественно привязывала ихъ на бо̀льшую часть года къ занятіямъ совсѣмъ не военнымъ и заставляла жить въ раздробь. Обыкновенно только осенью, послѣ уборки хлѣба, собирались полки иноземнаго строя для ратнаго ученія. По условіямъ русской осени такое ученіе могло длиться не болѣе шести недѣль, а то и мѣсяца. Назначались эти ученія по распоряженію правительства. Получивъ „память“ изъ Рейтарскаго приказа, полковникъ пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго былъ испомѣщенъ и расквартированъ его полкъ. Здѣсь онъ собиралъ своихъ рейтаръ или солдатъ, офицеровъ и рядовыхъ, осматривалъ ихъ вооруженіе, записывалъ „естей“ и „нѣтей“, раздавалъ по фунту пороха на человѣка и обучалъ строю, ружейнымъ, сабельнымъ и копейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ залпами и бѣглымъ огнемъ. По окончаніи сбора полковникъ читалъ своимъ подчиненнымъ царскій указъ, чтобы они и впредь на государеву службу были готовы съ полнымъ оружьемъ и на добрыхъ коняхъ, и затѣмъ отпускалъ ихъ домой до слѣдующаго осенняго сбора. Конечно, такая служба болѣе походила на старинную, и осенніе сборы, если бы не сопровождались обученіемъ строю, ничѣмъ не отличались бы отъ обычнаго смотра служилыхъ людей.

Обученіе, длившееся не больше 6-ти недѣль въ году, не могло быть очень прочнымъ и за хозяйственными заботами, занимавшими солдатъ и рейтаръ 11 мѣсяцевъ въ году, легко уходило изъ памяти и изъ привычекъ, какъ дѣло второстепенное.

При царѣ Михаилѣ были учреждены еще драгунскіе полки, т.-е. полки, обученные службѣ и въ пѣхотномъ и въ конномъ строю; царь Алексѣй продолжалъ устройство драгунскихъ полковъ. Драгуны имѣли латы и панцыри, вооружены были мушкетами, пиками, шпагами и бердышами. При царѣ Алексѣѣ драгунъ опредѣляли преимущественно на украинную службу: гоняться за татарами на коняхъ и защищать отъ нихъ укрѣпленную линію въ пѣшемъ строю. Каждому драгуну отвели по 25 четвертей земли, съ которой онъ и долженъ былъ нести службу. Тѣмъ самымъ драгуны переходили на положеніе городовыхъ стрѣльцовъ, отъ которыхъ отличало ихъ только названіе и развѣ очень незначительно бо̀льшая степень обученности военному дѣлу.

Такимъ образомъ по результатамъ попытку правительствъ царей Михаила и Алексѣя создать постоянную регулярную армію

нельзя назвать удачной. Получалась армія и не регулярная и не постоянная, благодаря тому, что ея устройство неуклонно сворачивалось на привычные и проторенные московскіе образцы. Да, были солдаты, рейтары, драгуны, даже гусарскіе полки бывали, все это войско раздѣлялось на регименты, роты и шквадроны, которыми начальствовали полковники, майоры, капитаны и ротмистры, но всѣ эти воины иноземнаго званія и вида по существу оставались прежними служилыми людьми, испомѣщенными для службы землей; какъ и служилые люди, бо̀льшую часть года жили они въ своихъ помѣстьяхъ и деревняхъ, больше заботясь о своемъ хозяйствѣ, о пропитаніи семьи, а карабины, пистоли и шпаги висѣли преспокойно цѣлыми мѣсяцами на стѣнахъ и ржавѣли, пока солдатъ или рейтаръ возился съ сохой, косилъ сѣно, убиралъ хлѣбъ и разъѣзжалъ по базарамъ сосѣднихъ городовъ, чтобы продать плоды своего земледѣльческаго труда. Собрать такихъ солдатъ и рейтаръ въ походъ или на учебный сборъ было очень трудно; въ такой обстановкѣ облѣнивались и иноземцы-офицеры; иного испомѣщеннаго капитана и ротмистра-иноземца никакъ нельзя было оторвать отъ полюбившагося ему, послѣ бездомныхъ и голодныхъ скитаній по Германіи или Шотландіи, сытаго и привольнаго житья въ его нижегородскомъ или тульскомъ помѣстьѣ, данномъ ему для службы московскимъ правительствомъ; за каждую неявку на сборъ такой капитанъ или майоръ по русскому обычаю платился спиной; послѣ третьяго „нѣта" грозилъ выгонъ обратно за границу, и потому, отдѣлавшись спиной отъ двухъ сборовъ, залѣнившіеся капитаны и поручики на третій обыкновенно являлись, а тамъ можно было снова пропустить два сбора. И офицеры, и солдаты пріѣзжали на сборы часто съ неисправнымъ оружіемъ, о которомъ не заботились, и объясняли свою неисправность одинъ тѣмъ, что потерялъ свой пистолетъ въ бою, а купить негдѣ, у другого карабина нѣтъ, потому что его разорвало при выстрѣлѣ, а какъ и гдѣ—онъ не упомнитъ, у третьяго латы украли, а купить новыя онъ не собрался, у четвертаго копейное остріе спилили невѣдомые люди на ночлегѣ, и т. д. Лошади у рейтаръ, болѣе привычныя къ пашнѣ и бороньбѣ, пугались выстрѣловъ, нарушали строй и вносили полный безпорядокъ въ „хитрость ратнаго ученія пѣхотныхъ и рейтарскихъ полковъ".

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. IX и XIII; *Н. И. Устряловъ*, „Русское войско до Петра Великаго"; *И. Бѣляевъ*, „О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича"; *П. Шпаковскій*, „Стрѣльцы"; *Brix*, „Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen"; *А. С. Мулюкинъ*, „Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство"; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича"; и другія сочиненія.

Заставка—съ напечатанной въ 1647 г. въ Москвѣ книги: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей"; буква—изъ рукописнаго Евангелія начала XV в.

Крестьяне въ Московскомъ государствѣ.

Въ Московскомъ государствѣ обрабатывавшее землю населеніе дѣлилось на три большихъ разряда: на крестьянъ черносошныхъ, которые жили на „черныхъ“ или государственныхъ земляхъ, на крестьянъ дворцовыхъ, обрабатывавшихъ земли, приписанныя ко дворцу государя, и на крестьянъ, которые жили на земляхъ, принадлежавшихъ, какъ вотчины или помѣстья, служилымъ людямъ и монастырямъ.

Самое слово „крестьянинъ“ однозначаще со словомъ „христіанинъ“. Называть земледѣльцевъ крестьянами стали приблизительно съ XIV вѣка, быть-можетъ, въ отличіе отъ язычниковъ дикарей-звѣроловов финновъ, въ странѣ которыхъ стало жить съ XII в. христіанское населеніе, перебиравшееся сюда съ безпокойнаго юга и начавшее здѣсь заниматься земледѣліемъ. Въ южной Руси земледѣльцевъ звали просто „люди“, или „черные люди“, „смерды“.

Въ Московскомъ государствѣ крестьяниномъ называли человѣка только тогда, если онъ занимался обработкой земли. Бросалъ человѣкъ тѣхъ временъ землю, переставалъ и называться крестьяниномъ. Тогда онъ становился вольнымъ, гулящимъ человѣкомъ, какъ тогда называли людей, не пристроившихся ни къ какому опредѣленному дѣлу.

Земля, на которой жили черносошные крестьяне, считалась государственной, „за государемъ", какъ вообще вся земля въ Московскомъ государствѣ была государева, но крестьяне могли распоряжаться занятою ими землей на всей своей волѣ. „Земля великаго государя, — говорили они, — а нашего владѣнія", или: „земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши".

Крестьяне черныхъ волостей могли передавать свои участки земли, или „повытки", какъ они тогда назывались, по наслѣдству, вкладывать ихъ въ монастырь, закладывать, продавать, а выборные или приказные судьи утверждали эти сдѣлки; для записи этихъ сдѣлокъ велись особыя „вервныя" книги: „вервь"— земельная мѣра, опредѣляемая веревкой установленной длины.

Черносошные крестьяне жили отдѣльными семьями на своихъ участкахъ земли. Семьи эти достигали иногда очень большихъ размѣровъ и составляли цѣлыя деревни, которыя или обрабатывали общее имущество сообща, или дѣлились. При этихъ дѣлежахъ часто уговаривались, что̀ въ имуществѣ считать попрежнему общимъ и что̀ подѣлить. Движимое имущество дѣлили обыкновенно начисто, оставляя въ общемъ пользованіи пашню— „деревню", лодки, долговыя обязательства, заключенныя до дѣлежки. Условія раздѣла писались въ особой грамотѣ, въ которую иногда включалось условіе „жить вмѣстѣ и пити и ѣсти вмѣстѣ". Грамоты, въ которыхъ записывались условія совмѣстной жизни, назывались „складными грамотами", а сами заключившіе условія складниками. Бывало и такъ, что складники владѣли каждый своей долей пахотной земли, а прочими угодьями, лугами, рыбными ловлями и т. п. всѣ складники пользовались вмѣстѣ, не въ раздѣлѣ.

Деревни, выросшія не изъ одной семьи, устраивались на сходныхъ началахъ: каждая семья владѣла, какъ собственностью, тѣмъ участкомъ земли, который распахала и очистила отъ лѣса подъ пашню или лугъ, но лѣсомъ, поемными лугами, рыбными ловлями, выгономъ вся деревня владѣла сообща, передѣляя обыкновенно эти угодья ежегодно для пользованія на жеребья, по скольку придется на семью согласно уговору.

Казенные сборы и повинности волость платила и отбывала вся „за одинъ", т.-е. правительство назначало сумму податей на всю деревню или волость, и крестьяне сами разверстывали эту сумму на отдѣльныя хозяйства по ихъ состоятельности.

„Крестьяне,—пишетъ Котошихинъ,—доходы денежные и иные собираютъ сами межъ себя, сколько съ кого доведется, смотря по ихъ промысламъ и животамъ, и на землю, сколько подъ кѣмъ лежитъ земли и сѣется хлѣба и косится сѣнныхъ покосовъ".

Крестьяне сами слѣдили за тѣмъ, чтобы „тяглая земля", значащаяся по казеннымъ описямъ обрабатываемой, не пустовала; не допускать запустѣнія было въ интересахъ самихъ крестьянъ, потому что тогда долю, слѣдуемую съ запустѣлой земли, пришлось бы платить тѣмъ, кто свою землю обрабатывалъ; кре-

стьянинъ не могъ просто бросить свою землю и уйти, онъ долженъ былъ, если хотѣлъ уйти, продать свой „повытокъ“, поставить на свое мѣсто другого хозяина; на выморочныя „повытья“ деревня сама „сажала“ крестьянъ „къ себѣ въ тягло“, уступая эти повытья своимъ или пришлымъ земледѣльцамъ на условіяхъ, которыя примутъ обѣ стороны. Суть этихъ условій заключалась въ томъ, что человѣкъ, занимавшій опредѣленный повытокъ, обязывался „землю впустѣ не покинуть“, т.-е. при уходѣ посадить на нее вмѣсто себя, „на свое мѣсто“, „жильца добраго, платежнаго“ и „тягло государево тянути съ волостью вмѣстѣ“.

Одежды крестьянъ въ Россіи XVII в.
(По рисунку въ „Путешествіи“ Олеарія).

Московское правительство мало вмѣшивалось въ права черныхъ людей на землю, которую они обрабатывали, но зорко слѣдило за однимъ, чтобы черная земля впустѣ не оставалась и платила въ государственную казну всѣ причитающіеся съ нея сборы.

Въ XVI вѣкѣ было установлено закономъ запрещеніе черносошнымъ крестьянамъ оставлять свои участки земли безъ замѣстителя; ушедшихъ безъ замѣстителя деревня или волость получила право „выводить назадъ безсрочно и безпошлинно“ оттуда, куда они ушли или бѣжали, „и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“. По Уложенію царя Алексѣя Михайловича черносошнымъ крестьянамъ было запрещено продавать или уступать свои земли тѣмъ, кто пользовался правомъ не платить казенныхъ платежей.

Черные люди признаются со стороны правительства владѣльцами черной земли лишь постольку, поскольку оказываются исправными плательщиками казенныхъ податей. Въ Устюжскомъ уѣздѣ случилось, что крестьяне-„вотчичи“, владѣвшіе давно участками земли, бросили ихъ „отъ бѣдности“ и стали „шататься межъ дворъ“; пока они „шатались“, начальство отдало ихъ земли „инымъ крестьянамъ“; вернувшись на прежнія мѣста, старинные „вотчичи“ стали просить, чтобы имъ отдали прежнія ихъ деревни, которыя числятся за ними „по старымъ писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“, или взыскать стоимость земли съ тѣхъ, которые теперь пашутъ ихъ деревни; но правительство отказало „вотчичамъ“ въ искѣ на томъ основаніи, что, пока они „бѣгали по инымъ городамъ, не хотя платить податей“, новые владѣльцы „пустыя деревни строили и подати платили“.

Такимъ образомъ черные крестьяне были собственниками своихъ земель лишь постольку, поскольку это не нарушало видовъ правительства, и простого распоряженія великаго государя было достаточно, чтобы отдать ту или иную черную землю въ помѣстье или пожаловать въ вотчину служилому человѣку.

Тогда черносошный крестьянинъ изъ работника на себя и плательщика казенныхъ сборовъ становился работникомъ и на служилаго человѣка, не переставая быть плательщикомъ казенныхъ сборовъ.

Въ такомъ положеніи оказалось въ XVI вѣкѣ большинство земледѣльческаго населенія страны; создавался такой порядокъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ московское правительство, устраивая оборону страны, раздавало все больше и больше земель служилымъ людямъ.

Къ концу XVII вѣка черносошное крестьянство главной массой сосредоточилось въ сѣверныхъ уѣздахъ Московскаго государства, гдѣ правительству не было нужды испомѣщать служилыхъ людей за отдаленностью этихъ уѣздовъ отъ границъ, угрожаемыхъ непріятелемъ.

Для веденія своихъ общихъ дѣлъ—раскладки податей, жеребьевки и передѣлокъ угодій и для суда—черносошныя деревни и волости каждая выбирала себѣ старосту, сотскихъ и „судеекъ“, „человѣкъ съ десять“—все это „выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне, и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ“, читаемъ въ описаніи Россіи XVII в. Котошихина.

Въ серединныхъ и южныхъ уѣздахъ Московскаго государства черносошныхъ крестьянъ, „своеземцевъ“, было мало, а къ концу XVII вѣка почти совсѣмъ не стало. Здѣсь вся земля стала быть „въ службѣ“, была роздана въ помѣстья служилымъ людямъ или издавна, какъ вотчины, принадлежала имъ, знати, монастырямъ, церквамъ и архіерейскимъ каѳедрамъ, Здѣсь крестьяне должны были арендовать участки земли въ вотчинахъ и помѣстьяхъ большихъ и малыхъ служилыхъ людей и во владѣніяхъ духовенства.

Какъ и въ наше время, крестьяне жили тогда въ деревняхъ. Поселенія тогдашнихъ крестьянъ имѣли слѣдующій видъ: вокругъ небольшой деревянной церковки-обыденки *) размѣщалось безпорядочно пять-шесть крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше. То было „сельцо". Церковь ставилась обыкновенно на пригоркѣ. Съ невысокой колокольни можно было увидѣть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сельца „деревни", совсѣмъ не похожія на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ. Тогда деревней называли два-три двора (а то и одинъ—починокъ), возникшіе среди лѣса, деревьевъ, отсюда и самое названіе—деревня.

Около каждаго двора разстилалось свое пахотное поле, всегда огороженное ради защиты посѣвовъ отъ дикихъ звѣрей. За оградой тянулся лѣсъ или шла нетронутая цѣлина. Пахотная земля дѣлилась на три поля: озимое, яровое и паръ. Часто около заселеннаго починка можно было видѣть заброшенную пашню, подлѣ нея развалившуюся избушку, иногда не одну и не двѣ. Брошенныя пашни и покинутыя избы, строившіяся, кстати сказать, очень легко, тянулись иной разъ на довольно большое разстояніе. Зато путнику случалось вдругъ среди дремучаго лѣса набрести на расчищенные участки земли и проѣхать одну за другой нѣсколько деревень въ два-три двора, встрѣтить даже сельцо.

Такой непривычный для глаза современнаго человѣка видъ тогдашней деревни зависѣлъ отъ того, что свободный арендаторъ чужой земли, крестьянинъ, былъ воленъ оставить ее и перейти въ другое мѣсто, къ другому землевладѣльцу, конечно, разсчитавшись съ первымъ. Точно такъ же и землевладѣлецъ могъ согнать со своей земли крестьянина, покончивъ съ нимъ всѣ расчеты по арендѣ.

Въ поискахъ лучшей земли и болѣе легкой обработки, крестьяне переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Поэтому и встрѣчались въ деревняхъ заколоченныя избы, заброшенныя поля.

Каждый крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ особо и селился на томъ участкѣ земли, какой по уговору заарендовывалъ, иногда одинъ, а иногда съ дѣтьми, племянниками и братьями. Случалось, что и не родственники, сговорившись, снимали вмѣстѣ одинъ участокъ земли.

Обыкновенно крестьянинъ снималъ столько земли, сколько былъ въ силахъ обработать, занималъ земли, „куда топоръ, коса и соха ходили", т.-е. насколько силъ хватитъ, отчего и самое пользованіе землей долгое время называлось „посильемъ".

Земля измѣрялась тогда „обжами" на сѣверѣ Россіи и „вытями" въ мѣстахъ около Москвы. Размѣръ выти и обжи зависѣлъ отъ качества почвы. Выть доброй земли заключала въ себѣ до 18 десятинъ въ трехъ поляхъ, выть худой—до 24 десятинъ и даже болѣе.

*) Т.-е. построенной въ одинъ день.

Нѣкоторые крестьяне брали цѣлую выть, другіе половину, третьи четверть, даже одну шестую и восьмую части.

Снимая у землевладѣльца посильную долю выти или обжи, крестьянинъ въ особомъ письменномъ условіи, „порядной грамотѣ“, уговаривался съ землевладѣльцемъ, сколько онъ ему будетъ платить за пользованіе землей. За землю онъ долженъ былъ платить и деньгами: около рубля въ годъ съ двора, и работой, отдавая землевладѣльцу пятую, шестую часть, а иногда и половину урожая; кромѣ того крестьянинъ обязывался доста-

Одежды крестьянскихъ женщинъ и дѣвицъ въ Россіи XVII в.
(По рисунку въ „Путешествіи“ Олеарія).

влять на помѣщичій дворъ извѣстное количество съѣстного запаса. „Новоприходецъ“ почти всегда долженъ былъ представить нѣсколькихъ поручителей, которые ручались, что онъ будетъ жить за ихъ порукой въ селѣ „во крестьянѣхъ“, пашню пахать и дворъ строить, поля городить, пашни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, крестьянинъ, или его поручители, платили „заставу“—неустойку. Какъ черносошные крестьяне несли „государево тягло“ всѣ за-одинъ, сообща, такъ и крестьяне, арендовавшіе служилую или вотчинную землю, должны были тоже сообща платить казенные сборы и нести повинности. Въ порядныхъ съ землевладѣльцемъ съемщикъ земли обязывался „государскія подати давать въ волость“, „по волост-

ной равности", платить со своего участка что причитается „съ волостными людьми вмѣстѣ".

Земля, при тогдашнихъ очень грубыхъ и неумѣлыхъ способахъ обработки, доставляла много затрудненій земледѣльцу. Дикую, поросшую иногда вѣковымъ лѣсомъ землю приходилось расчищать и раздѣлывать, передъ тѣмъ какъ засѣять, съ большимъ трудомъ.

Для обработки земледѣлецъ нуждался въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ, для засѣва нужны были сѣмена, да сверхъ того приходилось имѣть подъ рукой хлѣбъ для прокорма, пока земля не принесетъ своего плода. Кромѣ того, надо было заплатить подати. Для уплаты податей, какъ и на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ, на прокормъ до новаго урожая нужны были средства. А откуда ихъ было взять тогдашнему крестьянину при его бродячемъ образѣ жизни?

Новоселъ-арендаторъ шелъ тогда къ помѣщику и просилъ дать ему взаймы, въ „ссуду" или на „подмогу", денегъ на покупку земледѣльческихъ орудій, коровы, лошади, просилъ дать сѣмянъ, одолжить самыя орудія и т. п.

Помѣщикъ охотно исполнялъ такія просьбы, но бралъ съ крестьянина особую запись, въ родѣ векселя, или, по-тогдашнему, „кабалу". Въ кабальной записи прописывалось, сколько бралъ крестьянинъ взаймы, устанавливался срокъ уплаты, проценты. Въ счетъ уплаты за взятыя взаймы деньги, сѣмена, орудія, лошадь, какъ и за аренду земли, крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика, обрабатывать хозяйскую землю. Это называлось „издѣлье", или „боярское дѣло".

Уйти отъ хозяина крестьянинъ могъ, только разсчитавшись съ нимъ, т.-е. уплативъ ссуду—„боярское серебро", выплативъ аренду, всѣ оброки—денежные и припасами, да еще внеся такъ называемое „пожилое", сборъ взимавшійся съ крестьянъ какъ бы за пользованіе хозяйскимъ дворомъ и избой. Въ концѣ концовъ получалась довольно крупная сумма, собрать и выплатить которую для крестьянина было очень трудно, тѣмъ болѣе, что ссуда давалась, напримѣръ, за очень большой процентъ—до 20%, „на пять рублей шестой", по-тогдашнему; ссуду хлѣбомъ надо было возвратить съ „насыпью", и т. д.

Обыкновенно переходы крестьянъ совершались по окончаніи сельскихъ работъ или передъ ихъ началомъ. Чаще по окончаніи, а именно около Юрьева дня осенняго (26 ноября).

Этотъ срокъ установился самъ собой, вытекалъ изъ самаго свойства земледѣльческаго труда: землевладѣльцу было невыгодно согнать крестьянина съ земли передъ жатвой и до окончанія молотьбы, крестьянину точно такъ же не представлялось никакихъ выгодъ бросать свой участокъ, не сжавъ посѣяннаго хлѣба. Благодаря такой необходимости, и установился обычай отходить крестьянамъ осенью, по окончаніи сельскихъ работъ.

Но установленный обычаемъ срокъ былъ недостаточно твердъ. Несмотря на обычай, недовольный всегда могъ разсчитаться съ хозяиномъ среди лѣта и уйти. Отъ такихъ случаевъ терпѣлъ убытки хозяинъ, терпѣлъ и крестьянинъ. Тогда, по закону, по Судебнику царя Ивана, въ 1550 году былъ установленъ одинъ срокъ для перехода крестьянъ, именно обычный Юрьевъ день. „А крестьянамъ отказываться,—гласилъ законъ,—изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго“.

Какъ только наступало 26 ноября, Юрьевъ день, все крестьянство Московскаго государства приходило въ движеніе. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ разсчитывался со своимъ хозяиномъ, собиралъ свой скарбъ, какой былъ, привязывалъ къ возу за рога корову, если она была, и со всей семьей отправлялся на новыя мѣста, къ новому землевладѣльцу, о которомъ приходилось слышать хорошіе отзывы.

Хозяева обыкновенно очень неохотно отпускали со своей земли желавшихъ уйти крестьянъ и, разсчитываясь съ ними, старались насчитывать на нихъ какъ можно больше; уходившіе же крестьяне всячески стремились показать, что ихъ долгъ гораздо меньше, нежели говоритъ хозяинъ. Отсюда возникали споры и ссоры, драки и „грѣшное смертное убійство“.

Чѣмъ дольше заживался крестьянинъ на землѣ какого-либо одного помѣщика, тѣмъ тяжелѣе становилось ему разсчитаться съ нимъ, а слѣдовательно и уйти. Долгъ все росъ и становился наконецъ неоплатнымъ. Къ концу XVI вѣка громадное большинство русскаго крестьянства потеряло вслѣдствіе задолженности возможность уйти отъ одного землевладѣльца къ другому и крѣпко осѣло на той землѣ, къ которой привязывалъ его долгъ землевладѣльцу. Такихъ безысходно задолжавшихъ крестьянъ стали называть „старожильцами“, и еще въ XV вѣкѣ входитъ въ обычай говорить про такихъ крестьянъ, что они „крѣпки“ къ такой-то деревнѣ и не имѣютъ права уйти съ нея. Старожильцевъ, если они бѣгутъ, возвращаютъ на прежнее мѣсто, а съ укрывателей ихъ берутъ штрафъ. Такъ задолженность крестьянина дѣлала его старожильцемъ, а старожильство прикрѣпляло къ землѣ, сажало на землю плотно, „безысходно“ и „вѣчно“.

Имѣя право уйти отъ хозяина, когда хочетъ, крестьянинъ тѣхъ временъ часто не можетъ сдѣлать этого, потому что не въ состояніи разсчитаться съ помѣщикомъ, потому что онъ зажился на его землѣ, „за нимъ“.

Но жить крѣпко на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, за однимъ и тѣмъ же хозяиномъ крестьянамъ было тяжело, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что плохая обработка земли способствовала частымъ неурожаямъ; во-вторыхъ, благодаря постояннымъ войнамъ, которыя вело въ то время Московское государство сильно увеличивались податныя тягости; наконецъ сами заимо-

давцы—хозяева земли—подчасъ круто обходились со своими должниками-крестьянами.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, говорятъ, что крестьянамъ Московскаго государства жить трудно, такъ какъ имущество ихъ „не защищено отъ посягательствъ сильныхъ“, т.-е. кредиторовъ-землевладѣльцевъ и сборщиковъ казенныхъ платежей.

Помѣщики и ихъ приказчики и старосты, собирая съ крестьянъ повинности, дѣлали это съ большой суровостью. Неисправныхъ плательщиковъ морили голодомъ и „нещадно“ били, отбирали за оброкъ то скотъ, то улья, то хмель. Но случалось, что съ обѣднѣвшаго крестьянина и взять было нечего—

Видъ деревни и распаханныхъ полей (XVII в.).
(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга).

нѣтъ ни коровы, ни лошади, ни другой животины, а вмѣсто хлѣба въ закромахъ на дворѣ стоитъ возъ лебеды. „Мы на тѣхъ бѣдныхъ деньги правили,—писалъ одинъ тогдашній приказчикъ своему хозяину,—а они кричатъ: взять негдѣ“. Приходилось давать отсрочки такимъ бѣднякамъ, давать имъ снова взаймы и тѣмъ еще больше привязывать ихъ къ землѣ и лишать возможности уйти къ другому помѣщику.

Тогда задолжавшіе неоплатно помѣщикамъ крестьяне, не будучи въ состояніи разсчитаться и уйти отъ хозяевъ, начинаютъ бѣгать безъ расплаты.

Московское государство сводило въ то время счеты съ давнишними притѣснителями Руси—татарами, завоевало Казань и Астрахань и довольно удачно отбивалось отъ крымцевъ. Паденіе татарскихъ царствъ по Волгѣ и постройка оборонительныхъ линій городковъ-крѣпостей по южной степной границѣ

открыли и обезопасили для заселенія пустовавшія до того богатыя земли заокскаго и нижневолжскаго чернозема. Крестьяне и бѣжали туда.

Рабочихъ рукъ становилось поэтому въ наиболѣе населенной около-московской части государства все меньше; добывать рабочую силу землевладѣльцамъ дѣлалось все труднѣе, и не потому только, что много крестьянъ разбѣжалось, но и вслѣдствіе того, что большинство тогдашняго крестьянства сидѣло крѣпко на мѣстѣ, привязанное задолженностью землевладѣльцамъ. При такихъ обстоятельствахъ случалось, что у одного хозяина скоплялось задолжавшихъ ему крестьянъ больше, чѣмъ для его хозяйства требовалось, другому же не хватало. Тогда, по нуждѣ, крестьянскій переходъ превратили въ обычай своза крестьянъ.

Обыкновенно владѣльцу, на землѣ котораго сидѣло много задолжавшихъ ему крестьянъ, другой хозяинъ, нуждавшійся въ рабочихъ, предлагалъ уступить ему часть за выплату ихъ долга. Случалось и такъ, что нуждавшіеся въ крестьянахъ хозяева и просто подговаривали задолжавшихъ другому владѣльцу крестьянъ бросить ихъ хозяина и перейти къ нимъ, причемъ брались уплатить ихъ долгъ. Богатые землевладѣльцы держали даже особыхъ отказчиковъ, т. е. людей, которые занимались тѣмъ, что ѣздили изъ села въ село и подговаривали крестьянъ переходить на земли тѣхъ, кому отказчики служили. Если тотъ хозяинъ, у котораго „отказывали“ такимъ путемъ крестьянъ, самъ нуждался въ работникахъ, то возникали драки и побоища.

Какъ только приближалось дѣло къ Юрьеву дню и по селамъ покажутся, бывало, отказчики, переодѣтые странниками, купцами, прасолами, такъ и начинались у помѣщиковъ усиленныя заботы по охранѣ своихъ крестьянъ, какъ бы не сбѣгли. Помѣщикъ вооружалъ своихъ холопей, днемъ и ночью ходилъ дозоромъ, присматривался и прислушивался—не видать ли отказчика, не собирается ли кто изъ крестьянъ уйти.

Дорожить такъ крестьянами заставляло помѣщика то, что безъ нихъ его земля могла остаться безъ обработки, самъ онъ, слѣдовательно, безъ хлѣба и безъ средствъ не могъ нести государеву службу.

Особенно страдали отъ крестьянскихъ побѣговъ и уходовъ мелкіе служилые люди, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось тяжелѣе, потому что мелкій помѣщикъ ни помочь въ большихъ размѣрахъ крестьянину деньгами и хлѣбомъ, ни заступиться за него передъ судомъ или чиновниками не могъ такъ успѣшно, какъ какой-нибудь большой, родовитый бояринъ или богатый монастырь.

Мелкіе и средніе помѣщики потому давно стали осаждать правительство просьбами о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи переходовъ.

Правительство тѣмъ охотнѣе выслушивало эти жалобы, что отъ крестьянскихъ побѣговъ и переходовъ оно само терпѣло убытки. Подати въ то время собирались съ обрабатываемой земли.

Для крестьянъ было очень невыгодно, когда кто-либо изъ ихъ однодеревенцевъ переходилъ къ другому землевладѣльцу, на другую деревню. Вѣдь тогда въ деревнѣ становилось однимъ плательщикомъ менѣе, долю подати, платившуюся ушедшимъ, приходилось раскладывать на оставшихся, потому что государству, казнѣ не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ. Каждому изъ оставшихся въ деревнѣ становилось поэтому тяжелѣе.

Понятно, что крестьяне всячески старались удерживать односельчанъ, желавшихъ уйти. Когда не дѣйствовали уговоры, пускали въ ходъ силу, требовали, чтобы уходившій, по крайней мѣрѣ, замѣстилъ себя другимъ крестьяниномъ. Но если это было трудно исполнить на земляхъ черносошныхъ, то на земляхъ владѣльческихъ найти себѣ замѣстителя, пожалуй, было и невозможно.

Къ концу XVI вѣка, когда вслѣдствіе войнъ царя Ивана чрезвычайно возросъ податной гнетъ, а съ другой стороны, кромѣ заокскихъ земель и Поволжья, открылись для заселенія сибирскія страны, усилились побѣги крестьянъ.

Заселеніе степей крестьянами было выгодно правительству—обрабатывалась и укрѣплялась, благодаря этому, за Россіей огромная полоса земли. Но жалобы служилыхъ людей, лишавшихся рабочихъ рукъ, большія пространства заброшенныхъ пашенъ въ серединѣ государства, уменьшеніе количества плательщиковъ податей и безпорядокъ въ сборѣ ихъ—все это заставило правительство посмотрѣть на дѣло иначе. Къ концу XVI в. было постепенно переписано платящее подати населеніе и составлены писцовыя книги, въ которыхъ крестьяне-тяглецы, какъ черносошные и дворцовые, такъ и жившіе на владѣльческихъ земляхъ, были записаны тамъ, гдѣ ихъ переписчи застали. По писцовымъ книгамъ тогда и начали устанавливать старожильство въ спорныхъ случаяхъ при крестьянскихъ побѣгахъ.

При царяхъ Өедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Өедоровичѣ правительство произвело рядъ усиленныхъ сысковъ бѣглыхъ дворцовыхъ крестьянъ и посадскихъ людей; бѣглецовъ хватали, устанавливали по писцовымъ книгамъ, откуда они бѣжали, и либо водворяли обратно, либо сажали на новое мѣсто отбывать государево тягло.

Въ 1597 году при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ и правителѣ Борисѣ Годуновѣ былъ изданъ указъ, имѣвшій задачей борьбу съ крестьянскими побѣгами изъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Въ указѣ этомъ говорится, что „которые крестьяне изъ-за бояръ, изъ-за дворянъ и изъ-за другихъ владѣльцевъ изъ помѣстій и вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 1597 г. за 5 лѣтъ, тѣ подлежатъ возвращенію на старыя земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до указа, и землевладѣльцы не вчинили до 1-го сентября 1592 г. о такихъ бѣглыхъ иска, возвращенію не подлежатъ, и зависимость ихъ отъ прежнихъ владѣльцевъ уничтожается“. Указъ этотъ говоритъ только

о бѣглыхъ крестьянахъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до 1597 г., и въ немъ только устанавливается срокъ для исковъ о возвратѣ этихъ бѣглыхъ, причемъ даже не ставится никакого постояннаго срока на будущее время для сыска и возврата тѣхъ бѣглыхъ, которые убѣгутъ послѣ 1597 года. Поэтому совершенно напрасно считали прежде, что этимъ указомъ, или какимъ-либо другимъ, изданнымъ за пять лѣтъ до 1597 г., устанавливалось общее прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и произошла общая отмѣна Юрьева дня. Такого указа издано не было; если бы онъ даже былъ затерянъ, то о немъ, какъ объ актѣ первостепенной важности, сохранились бы упоминанія въ другихъ документахъ того времени; но такихъ упоминаній не встрѣчается, и потому говорить объ отмѣнѣ Юрьева дня въ 1592 или 1597 годахъ и считать Бориса Годунова, тогдашняго правителя русскаго государства, виновникомъ закрѣпощенія крестьянъ не приходится. Указъ 1597 года имѣлъ въ виду освобожденіе судебныхъ учрежденій отъ громаднаго числа скопившихся тамъ исковъ землевладѣльцевъ о возвращеніи имъ ихъ бѣглыхъ должниковъ-крестьянъ и устанавливалъ срокъ для сыска бѣглыхъ и возвращенія ихъ на незаконно покинутыя ими мѣста.

Въ 1601 г. царь Борисъ издалъ указъ, въ силу котораго свозить другъ у друга крестьянъ позволялось только мелкимъ землевладѣльцамъ и притомъ не болѣе двухъ за одинъ разъ, землевладѣльцы же крупные совсѣмъ лишались права отказывать крестьянъ. Въ 1602 г. указъ этотъ былъ повторенъ, причемъ отказывать крестьянъ позволялось только съ согласія самихъ отказываемыхъ. Изложенными указами царь Борисъ думалъ пресѣчь передвиженіе крестьянства на земли крупныхъ владѣльцевъ и задержать опустѣніе земель мелкихъ. Сдѣлать это являлось необходимымъ потому, что изъ мелкихъ землевладѣльцевъ состояла почти вся военная сила государства. Исправными воинами эти мелкіе землевладѣльцы могли быть только тогда, когда были сыты, т.-е. когда получали достаточный доходъ со своихъ помѣстій, чего не могло быть при недостачѣ въ ихъ помѣстьяхъ рабочихъ рукъ. Запрещая крупнымъ владѣльцамъ отказъ крестьянъ и сохраняя право его за мелкими, правительство стремилось обезпечить мелкимъ владѣльцамъ рабочую силу. Но, ограничивая такимъ путемъ свозъ, указы еще болѣе стѣсняли свободу передвиженія крестьянъ: задолжавшему крестьянину теперь не оставалось никакого выхода изъ его тяжелаго положенія, кромѣ бѣгства, а бѣглаго стремились воротить на его прежнее мѣсто и землевладѣлецъ, и государство, и своя братія крестьяне—сосѣди-однодеревенцы.

Такимъ образомъ крестьянинъ въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка по закону продолжаетъ считаться свободнымъ арендаторомъ земли, которую можетъ покинуть, разсчитавшись съ землевладѣльцемъ, но на дѣлѣ онъ, въ силу ука-

занныхъ обстоятельствъ, почти лишенъ возможности уйти съ того участка земли, на которомъ осѣлъ. Прикрѣпленіе къ землѣ отягощается усиленіемъ зависимости отъ землевладѣльца по долгу ему, который крестьянинъ, заживаясь на землѣ помѣщика или вотчинника, теряетъ возможность уплатить. Тогдашній законъ ставилъ неоплатныхъ должниковъ въ личную зависимость отъ кредитора. Неоплатный должникъ становился временнымъ, до выплаты долга, или вѣчнымъ холопомъ своего кредитора. Землевладѣльцы и начинаютъ смотрѣть на задолжавшихъ имъ крестьянъ, не имѣющихъ возможности уйти съ ихъ замель, какъ на своихъ холоповъ.

Такъ какъ „охолопливаніе" грозило государству потерей большого количества плательщиковъ, потому что холопы считались собственностью своихъ господъ и казенныхъ податей не платили, то правительство хотѣло оградить крестьянъ отъ холопства и запретило въ половинѣ XVI в. считать задолжавшихъ крестьянъ холопами. Но, заботясь о казенныхъ выгодахъ и о содержаніи военной силы, правительство должно было ограничить по закону право крестьянскаго перехода и почти уничтожить отказы. Тѣмъ самымъ крестьяне только крѣпче привязывались къ землѣ, т.-е., другими словами, къ уплатѣ податей и къ содержанію служилыхъ людей.

Въ дѣйствительной жизни получалось: какъ бы ни задолжалъ крестьянинъ землевладѣльцу, послѣдній никоимъ образомъ не смѣетъ оторвать его отъ земли, взять въ себѣ во дворъ для личной услуги, словомъ, не можетъ распорядиться имъ какъ холопомъ. Но, по своей задолженности, стѣсненный по закону въ своемъ правѣ перехода, крестьянинъ конца XVI в. стоитъ на холопьемъ положеніи: онъ слишкомъ во многомъ зависитъ отъ помѣщика, чтобы тотъ не могъ злоупотреблять своею властью.

Въ XVII вѣкѣ условія, способствовавшія закрѣпощенію крестьянства, продолжали существовать, и крестьянская крѣпость все росла и росла. Первыя 13 лѣтъ XVII в. ознаменованы въ нашей исторіи событіями, которыя мы привыкли называть Смутнымъ временемъ, а тогдашніе русскіе люди называли „великою розрухою Московскаго государства". Еще войны царя Ивана сильно разстроили государство требованіями усиленной службы отъ служилыхъ людей и усиленныхъ платежей съ тяглыхъ, т.-е. главнымъ образомъ съ крестьянства. Во время Смуты эти требованія еще усилились.

Когда Смута кончилась, послѣдствія ея долго еще давали знать о себѣ. Государство было разорено. Города обезлюдѣли, цѣлыя деревни стояли пустыми, съ избами, въ которыхъ находили иногда, какъ разсказываетъ одинъ современникъ, только человѣческія кости. Земля „запустѣла" во всѣхъ краяхъ и на сѣверѣ и на югѣ, гдѣ собственно началась и преимущественно свирѣпствовала Смута.

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ вотчинахъ Бѣлозерскаго монастыря до 1612—13 годовъ насчитывался 1231 крестьянскій дворъ, взрослыхъ мужчинъ въ этихъ дворахъ числилось 1450 чел.; пахали эти дворы $6083^1/_2$ четвертей пашни и собирали 18765 копенъ сѣна. Въ 1617—18 годахъ въ тѣхъ же вотчинахъ считается только 145 дворовъ, въ нихъ 145 взрослыхъ мужчинъ, а пашутъ они всего $253^1/_6$ четверти земли и собираютъ 8366 копенъ сѣна. Въ трехъ станахъ Орловскаго уѣзда въ 1597 году считалось 752 двора съ 816 взрослыхъ мужчинъ, а въ 1625 году числится только 51 дворъ и 76 взрослыхъ мужчинъ.

Опустѣлая земля упала въ цѣнѣ, а благодаря уменьшенію количества крестьянъ поднялась цѣна на крестьянскій трудъ; обѣднѣніе же крестьянъ и помѣщиковъ привело къ тому, что крестьяне стали больше нуждаться въ ссудѣ отъ помѣщиковъ, а помѣщики стали эту ссуду дороже цѣнить. Поэтому крестьянинъ, забирая взаймы на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, становился въ бо́льшую зависимость отъ заимодавца-помѣщика, а помѣщикъ, дорожа крестьяниномъ, какъ работникомъ, котораго найти стало трудно, начинаетъ прилагать всѣ усилія, чтобы удержать навсегда за собой этого работника, разъ порядившагося за нимъ „во крестьяне". Съ крестьянъ начинаютъ требовать обязательствъ не уходить отъ помѣщиковъ, „быть по сей записи и впредь за государемъ своимъ во крестьянехъ крѣпку", „жить гдѣ онъ, государь, укажетъ" и „съ того участку никуда не сойти", жить въ той деревнѣ „и впредь за кѣмъ та деревня будетъ" и за ссуду „жить въ крестьянствѣ вѣчно и никуды не сбѣжать",—вотъ какого рода обязательства пришлось брать на себя обнищавшему крестьянину первой половины XVII в. Изъ этихъ обязательствъ и стала вырастать и складываться крестьянская крѣпость, или „вѣчность крестьянская", какъ говорили въ XVII в. Такимъ образомъ въ житейской практикѣ постепенно создавалось прикрѣпленіе крестьянъ къ помѣщикамъ, вырабатывалась личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Отдѣльныя мѣры правительства создавали чрезвычайно благопріятныя обстоятельства для роста и усиленія этой зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ.

Отъ служилыхъ людей за все время Смуты и долго послѣ нея требовалась усиленная служба. Справлять службу сколько-нибудь порядочно представлялось возможнымъ лишь тогда, если за служилымъ человѣкомъ жило достаточно крестьянъ, иначе откуда же служилый человѣкъ, занятый всю жизнь на службѣ, могъ достать средства на вооруженіе и на прокормъ на время похода? Теперь эти средства приходилось выжимать съ обнищавшаго крестьянства, искавшаго въ бѣгствѣ спасенія отъ усилившейся тяготы.

Но искать бѣглыхъ дозволялось по закону всего 5 лѣтъ,—

срокъ очень небольшой; поэтому служилые люди стали просить правительство объ отмѣнѣ сроковъ для сыска бѣглыхъ.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ желанія служилыхъ людей сходились съ выгодами правительства, то оно охотно шло навстрѣчу ихъ желаніямъ. Еще указомъ 1607 г., при царѣ Василіи Шуйскомъ, велѣно было не только хватать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ прежнимъ хозяевамъ, но и взыскивать съ нихъ большой штрафъ за побѣгъ (около 100 р. на наши деньги) и пеню въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ хозяиномъ. Этотъ указъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей судьбы владѣльческихъ крестьянъ. До изданія его, бѣгство крестьянъ не считалось преступленіемъ: бѣглыхъ только хватали и возвращали къ прежнимъ хозяевамъ; теперь за бѣгство наказываютъ.

При царѣ Михаилѣ въ 1641 г. срокъ для сыска бѣглыхъ удвоили, назначили въ 10 лѣтъ. Но, по мнѣнію мелкихъ землевладѣльцевъ, и этого было слишкомъ мало. Ссылаясь на то, что крупному владѣтелю очень легко, сманивъ крестьянина у мелкаго служилаго человѣка, скрывать его въ своихъ дальнихъ вотчинахъ 10 лѣтъ, а потомъ владѣть имъ по закону, служилые люди продолжали усиленно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ срока для сыска бѣглыхъ. Въ 1647 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство увеличило этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ, а на будущее время для крестьянъ, которые побѣгутъ или будутъ вывезены послѣ 1647 г., когда была закончена податная перепись и составлены переписныя книги тяглаго населенія государства, срокъ сыска отмѣнялся совсѣмъ: бѣглыхъ позволялось искать и требовать по суду назадъ всегда, безъ срока, „безъ урочныхъ лѣтъ“.

Бѣглыхъ было такъ много и ловля ихъ приносила такія выгоды, что на Руси тѣхъ временъ возникъ родъ вольнаго промысла по сыску бѣглыхъ. Сыщики жили въ пограничныхъ городахъ и зорко наблюдали за всѣми новоприходящими. Сыщики-начальники были во всѣхъ городахъ. Хозяинъ, у котораго бѣжалъ крестьянинъ, обращался къ такому начальнику-сыщику, сообщалъ ему примѣты бѣжавшихъ; тотъ спѣшно слалъ свѣдѣнія своимъ подчиненнымъ на границу, и бѣглецу надо было имѣть много сноровки, чтобы спастись отъ цѣпкихъ „крючковъ“. За сыскъ надо было, конечно, заплатить, и хозяинъ охотно платилъ, отдавалъ сыщику какую-нибудь „женку или дѣвку“ изъ найденныхъ да рубля два-три тогдашнихъ деньгами.

Но, признавая за владѣльцами крѣпость на крестьянъ, законъ XVII вѣка стремился и ограничить крѣпостную власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Землевладѣлецъ, во-первыхъ, отвѣчалъ за податную исправность крѣпкихъ ему крестьянъ передъ казной: если они не могли внести казенные платежи, то казна взыскивала ихъ съ землевладѣльца; во-вторыхъ, законъ предоставлялъ землевладѣльцу крѣпостныя права на дѣтей и младшую родню крѣпкаго ему крестьянина только тогда, когда

онъ давалъ имъ земли и ссуду на обзаведеніе. Эти и нѣкоторыя другія ограниченія преслѣдовали одну цѣль: предупредить стремленіе землевладѣльцевъ превратить крѣпкихъ имъ крестьянъ, плательщиковъ казенныхъ налоговъ, въ своихъ холопей-рабовъ.

Еще при первомъ самозванцѣ, въ 1606 г., былъ запрещенъ переходъ крестьянъ въ холопство. Холопъ—вещь, принадлежащая господину; крѣпостной крестьянинъ—такой же подданный государства, какъ и землевладѣлецъ, которому онъ крѣпокъ. Охраняя крѣпостныхъ отъ рабства, законъ охранялъ интересы государства. Холопъ не можетъ платить податей, потому что онъ весь собственность господина; крѣпостной крестьянинъ

Боярская усадьба XVII в.
(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга. Въ шатрахъ на дворѣ помѣщалось посольство).

потому и ограждался закономъ отъ холопства, что долженъ былъ платить казенныя подати и кормить военнаго слугу государства, землю котораго обрабатывалъ.

Въ 1649 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Земскій Соборъ утвердилъ общее собраніе законовъ, „Уложеніе“. Оно и дало крестьянству XVII вѣка окончательное устройство, прикрѣпивъ его безповоротно къ землѣ рѣшительнымъ запрещеніемъ переходовъ и своза крестьянъ.

По Уложенію крестьяне прикрѣпляются къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ они были записаны въ писцовыхъ книгахъ, т.-е. въ поуѣздныхъ описяхъ земли и населенія, составленныхъ при царѣ Михаилѣ въ 1625 г., и въ переписныхъ книгахъ 1646—47 гг. Прикрѣпленіе касалось не однихъ только домохозяевъ, но распространялось и на ихъ семейства, на живу-

щихъ при отцѣ дѣтей, братьевъ и племянниковъ. Подтверждалось, что срока для сыска бѣглыхъ нѣтъ, свозъ также отмѣнялся. Принявшій бѣглаго или свезшій крестьянина у другого владѣльца обязывался выдать его обратно и уплатить по 10 р. тогдашнихъ, или около 100 р. по нашему счету, за каждый годъ незаконнаго владѣнія трудомъ бѣглаго крестьянина. Такое рѣшительное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а тѣмъ самымъ и къ землевладѣльцамъ, отмѣчается въ Уложеніи, какъ новая, еще небывалая мѣра. „По нынѣшній государевъ указъ,—читаемъ въ 11-ой гл. Уложенія, ст. 3,—государевой заповѣди не было, чтобы никому за себя крестьянъ не принимати, а указаны были крестьянамъ урочные годы“.

Еще въ XVI вѣкѣ Юрьевъ день лишился почти всякаго практическаго значенія въ жизни, но все же, при исключительныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ, имѣя право разсчитаться со своимъ хозяиномъ, могъ уйти отъ него.

Со дня изданія Уложенія крестьяне потеряли это право, и Юрьевъ день остался жить только въ памяти крестьянства, живо поддерживавшейся тѣми дѣдушками и бабушками, которые знали и помнили Юрьевъ день. Съ тѣхъ-то поръ, въ отвѣтъ на эти воспоминанія, пошла жить и дожила до нашего времени поговорка: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“.

Итакъ, по Уложенію крестьяне обязывались наслѣдственно и потомственно крѣпко сидѣть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали переписи 1625 и 1646—47 гг.

Помимо порядныхъ, которыя продолжали заключаться и послѣ 1649 г., Уложеніе установило новый способъ для поступленія въ крестьяне „вольныхъ людей“. Желавшій сдѣлаться крестьяниномъ долженъ былъ итти въ Помѣстный приказъ; здѣсь его разспрашивали, дѣйствительно ли онъ вольный, потомъ записывали въ крестьяне и „отдавали“ въ крестьянство служилому человѣку въ вѣчную крѣпость. Положеніе крестьянъ, живущихъ неисходно на владѣльческихъ земляхъ, явно сближается тогда съ положеніемъ холоповъ. Но Уложеніе старается все-таки отличать крестьянъ отъ холоповъ; оно запрещаетъ крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы; въ дѣлахъ гражданскихъ крестьянинъ имѣетъ право иска и является отвѣтчикомъ; Уложеніе устанавливаетъ штрафъ за безчестье и увѣчье крестьянина, крестьянинъ можетъ даже вступать въ торговыя сдѣлки съ землевладѣльцемъ.

Но Уложеніе нигдѣ не говоритъ, въ чемъ заключается суть отношеній крестьянъ и землевладѣльцевъ; оно слишкомъ мало обезпечивало личность крестьянина, не устанавливало наказанія господину за неумышленное убійство крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть; Уложеніе совсѣмъ не опредѣляло, сколько землевладѣлецъ долженъ дать земли крестьянину и какія повинности, въ какихъ размѣрахъ можетъ онъ съ крестьянина требовать; Уложеніе дозволило далѣе, въ случаѣ задолженности землевладѣльца, когда ему „откупиться

нечѣмъ, править съ него искъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, на людяхъ его и на крестьянахъ“.

Не давая яснаго и точнаго опредѣленія правъ и обязанностей землевладѣльцевъ и крестьянъ, Уложеніе предоставляло создать эти обычаи житейской практикѣ. А житейскія отношенія тѣхъ временъ вели къ тому, что землевладѣлецъ привыкалъ обращаться съ крестьянами, живущими неисходно на его землѣ, часто еще и задолжавшими ему, какъ давно привыкъ обращаться со своими холопами.

Землевладѣльцы XVII вѣка считаютъ крестьянъ своими „подданными“, устраиваютъ браки между ними, какъ сами хотятъ, заставляютъ ихъ насильно ходить въ церковь, даже мѣняются крестьянами, не спрашивая ихъ, хотятъ они того или нѣтъ. Обычай мѣны скоро превращается въ куплю-продажу.

Такъ какъ при всемъ этомъ землевладѣлецъ былъ еще и судьей крестьянъ, жившихъ на его землѣ, судилъ ихъ во всѣхъ дѣлахъ, „кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“, то произволъ его по отношенію къ крестьянамъ былъ особенно тяжелъ. На дворахъ землевладѣльцевъ второй половины XVII вѣка стоятъ тюрьмы, въ большомъ употребленіи кандалы, колодки, битье кнутомъ, батогами, пытка часто по самымъ незначительнымъ поводамъ. Въ 1650 г. бобыль деревни Мурашкиной Миронка, хвативъ лишняго въ государевомъ кабакѣ, сказалъ „скаредныя и бранныя“ слова про боярина Морозова, которому деревня Мурашкина принадлежала. Приказчикъ вкинулъ Миронку въ тюрьму и написалъ боярину; бобыль, протрезвившись въ тюрьмѣ, послалъ боярину челобитную, въ которой винился передъ бояриномъ и просилъ его смиловаться. Бояринъ не смиловался и приказалъ приказчику разспросить Миронку накрѣпко и пытать его, не по наущенью ли чьему говорилъ онъ такія слова, а затѣмъ „бить Миронка кнутомъ безъ пощады“ и держать въ тюрьмѣ, „а какъ кожа подживетъ,—писалъ бояринъ,—вынявъ, велѣть въ другой рядъ бить его кнутомъ же безъ пощады“ и потомъ снова кинуть въ тюрьму, „чтобы ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно“. Миронка съ пытки винился, что говорилъ тѣ „невѣжливыя слова своею глупостью, хмелемъ пьянски“, но распоряженіе боярина было выполнено надъ нимъ со всей строгостью.

Такимъ образомъ въ дѣйствительной жизни къ концу XVII вѣка крестьяне, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, оказываются въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Такъ прикрѣпленіе къ землѣ неизбѣжно вырождалось въ прикрѣпленіе къ владѣльцу земли. Крестьяне, жившіе неисходно на владѣльческихъ земляхъ, при такихъ условіяхъ мало чѣмъ отличаются отъ холоповъ; только то, что крестьяне платятъ государственныя подати, а холопы не платятъ, и является отличіемъ этихъ двухъ подневольныхъ разрядовъ населенія Московскаго государства. Но это отличіе опредѣляетъ отношеніе обоихъ разрядовъ по за-

кону къ государству, а передъ землевладѣльцемъ въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ холопъ и крестьянинъ равны. Какъ съ холопами, помѣщики и обращаются съ живущими неисходно на ихъ земляхъ крестьянами.

При Петрѣ Великомъ государство стало брать подати и съ холоповъ и возложило на нихъ, какъ и на крестьянъ, несеніе рекрутской повинности. Тѣмъ самымъ и въ законѣ положеніе крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, стало одинаково съ положеніемъ холоповъ. Холопство слилось съ крестьянствомъ. Тогда и установилось одинаково въ жизни и въ законѣ то крѣпостное состояніе крестьянства, живущаго на владѣльческихъ земляхъ, развитіе котораго является характерной особенностью жизни русскаго народа въ XVIII вѣкѣ.

Главнѣйшія пособія: *В. О. Ключевскій*, „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи"; *Его же*, „Отмѣна холопства въ Россіи"; *М. А. Дьяконовъ*, „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Россіи XVI и XVII вв."; *Его же*, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси"; *И. Забѣлинъ*, „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ"; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв."; и другія сочиненія.

Заставка—съ рукописнаго Пролога начала XV в.; буква—съ рукописнаго Евангелія 1544 г.

Города Московскаго государства.

Присматриваясь къ мѣстоположенію своихъ городовъ, къ занятіямъ ихъ обитателей, къ тому значенію, какое имѣлъ тотъ или иной городъ въ жизни государства, московскіе люди XVI и XVII вѣковъ дѣлили ихъ на нѣсколько большихъ разрядовъ.

Города прежнихъ Московскаго и Владимирскаго великихъ княженій они называли замосковными городами, какъ бы вспоминая то далекое время, когда Москва была крѣпостью, защищавшей подступъ къ этимъ городамъ со стороны безпокойнаго юга. Города бывшей Новгородской земли московскіе люди разбивали на нѣсколько группъ. Собственно Новгородъ съ его пригородами и Псковомъ они называли—„городами отъ Нѣмецкой украйны“. Сѣверныя бывшія новгородскія земли, лежавшія по берегамъ Бѣлаго моря, по Онегѣ, Сѣверной Двинѣ до самаго Урала, носили названія Поморья, или поморскихъ городовъ. Сюда же причисляли часто Пермь и Вятку.

На югъ отъ Москвы тоже различали нѣсколько особыхъ городскихъ округовъ. Города бывшаго Нижегородскаго княжества и татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго назывались низовыми городами. Города бывшаго Рязанскаго княжества такъ и назывались рязанскими городами. Города къ западу отъ рязанскихъ, раскинувшіеся по границѣ степи, „дикаго поля“, назывались городами украинными и польскими (отъ слова поле—степь). Еще далѣе на западъ, по верхней Окѣ, стояли города заоцкіе. Города на верховьяхъ Днѣпра и Западной Двины назывались „городами отъ Литовской украйны“. За заоцкими городами протягивалась линія сѣверскихъ городовъ, граничившая съ донскими казачьими городками, стоявшими собственно уже за предѣлами государства.

Города и поселенія Поморья, расположенные по самому сѣверу русской равнины, въ сторонѣ болотъ, мховъ и дремучихъ лѣсовъ, вытянувшись по рѣкамъ, имѣющимъ исходомъ холодное Бѣлое море, жили тѣми промыслами, какіе могли имъ дать лѣсъ, большая рѣка и море. На крайнемъ сѣверѣ, въ области Соловковъ, Архангельска, Холмогоръ, главнымъ заработкомъ населенія былъ рыбный ловъ въ „морскихъ рѣкахъ“, охота за морскимъ звѣремъ, морской торгъ со своими и чужими. Мѣстные жители сами говорили о себѣ, что „ходятъ-де они на море промышлять рыбью зубу (бить моржей), чѣмъ имъ дань и оброкъ и всякіе подати платить“. Пахали, правда, здѣсь и землю, но немного, потому что земля здѣсь неродима, лѣсиста и болотиста. Больше занимались солевареньемъ, необходимымъ промысломъ для здѣшняго рабочаго люда: безъ соли нельзя было ни заготовить впрокъ, ни сохранить сколько-нибудь долго плоды главнаго занятія—рыбной ловли.

Соль, рыба, кожа, пушной товаръ, рыбій зубъ, ворвань, ловчія птицы, пухъ, перья, дичь—вотъ главные предметы промысловъ этого края. Сюда за этимъ товаромъ пріѣзжали „всякіе торговые люди“ съ разными товарами, нужными для мѣстнаго населенія. Со второй половины XVI вѣка построенный Иваномъ Грознымъ Архангельскъ становится единственнымъ морскимъ портомъ Московскаго государства; сюда приходятъ англійскіе, голландскіе и гамбургскіе корабли съ иноземнымъ товаромъ; здѣсь устраиваются конторы преимущественно англійскихъ купцовъ, скупающихъ русское сырье для отправки за границу. Такимъ образомъ эта часть Московскаго государства, сѣверную область которой составляли уѣзды городовъ Холмогоръ и Архангельска, а южную—Вятки и Перми, носила по преимуществу торгово-промысловый характеръ. Промыслы разбивались по довольно многочисленнымъ деревнямъ, мелкимъ и болѣе крупнымъ поселкамъ, вытягивавшимся по рѣкамъ края, а торговля сосредоточивалась по городамъ края, возникшимъ на истокахъ или въ устьяхъ рѣкъ, пересѣкавшихъ этотъ край и служившихъ большими дорогами для сплава всего, что здѣсь добывалось.

Великій Устюгъ и Вологда служили главными передаточными станціями, на которыя направлялись русскіе и иноземные товары съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ московской страны.

Промысловыя поселенія Поморья и его города по внѣшнему виду мало отличались другъ отъ друга. Послѣдніе были больше, люднѣе, богаче первыхъ, но по существу это были тѣ же деревни, въ которыхъ жили тѣ же крестьяне-промышленники, занимавшіеся торговлей или устраивавшіе промыслы въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ это было подъ силу небогатому обитателю промысловаго поселка.

Города замосковные составляли центръ государства, его ядро. Самымъ сѣвернымъ изъ нихъ можно принять Вологду; югъ тогда образуетъ Ока въ своемъ теченіи отъ Серпухова до Коломны, гдѣ начинались рязанскіе города. Восточнымъ городомъ этой области надо принять Нижній-Новгородъ, а западными—Вязьму и Смоленскъ.

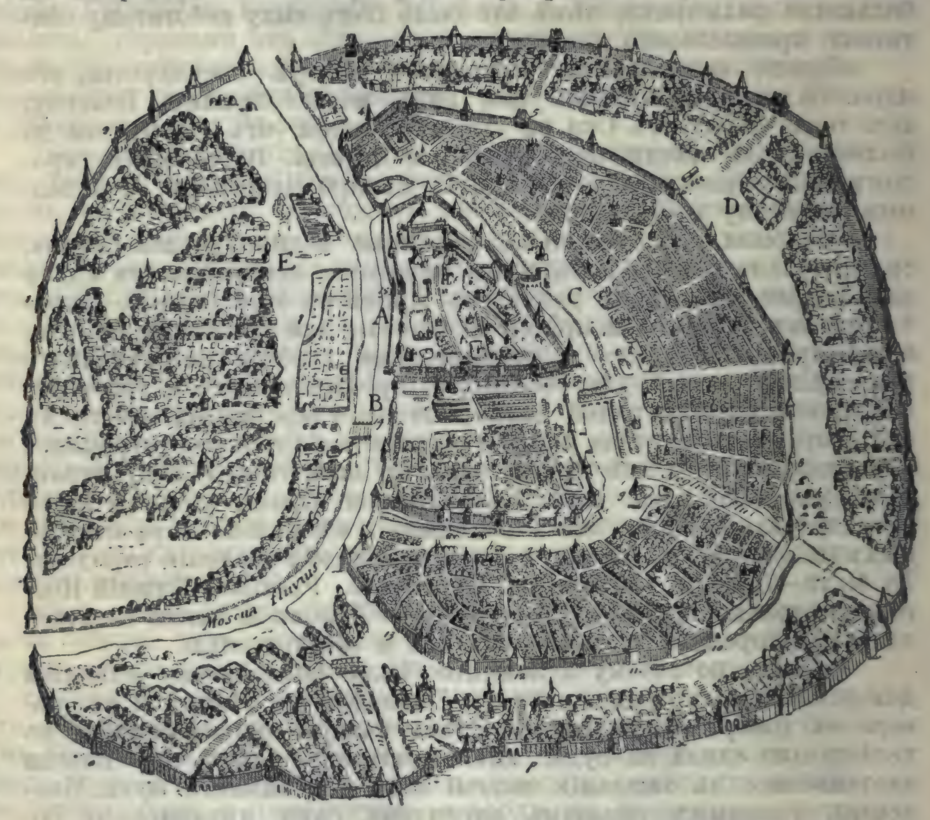
Это была, слѣдовательно, коренная великорусская страна, сравнительно плотно населенная народомъ, основавшимся здѣсь давно, привыкшимъ къ условіямъ жизни въ этой странѣ, выработавшимъ здѣсь свои пріемы и способы для обработки ея. Это была страна большого и сравнительно хорошо поставленнаго земледѣльческаго труда, большого промышленнаго и торговаго оживленія. Этой страной жило все государство, да она-то, въ сущности, и составляла самое государство: здѣсь оно „строилось и управлялось", и всѣ другія области являются только окраинами, украйной этой части Великороссіи. Кромѣ столицы всего государства—Москвы, здѣсь находилось нѣсколько первостепенныхъ по своему торговому и промышленному значенію городовъ. То были—Вологда, Кострома, Ярославль, Ростовъ, Нижній-Новгородъ; только Великій Новгородъ да Псковъ и могли тягаться съ этими городами числомъ жителей и обширностью.

Вологда по своему положенію была неизбѣжною станціей для всякаго товара, шедшаго съ Поволжья на сѣверъ и съ сѣвера въ центръ государства. Здѣсь товары перегружались съ телѣгъ или саней на суда, или, наоборотъ, здѣсь они иногда застаивались въ ожиданіи полной воды или зимняго пути. Иноземцы, главнымъ образомъ англичане, сами являлись въ Вологду изъ Архангельска для закупки товаровъ по болѣе сходной цѣнѣ, прямо и безъ посредниковъ, и сами везли съ моря товары по Двинѣ и Сухонѣ до Вологды. Въ Вологдѣ англичане имѣли обширный торговый дворъ; царь Иванъ Грозный построилъ здѣсь каменный кремль и дворецъ и, какъ говорятъ, думалъ одно время переселиться на постоянное житье въ Вологду. Вологда славилась льнянымъ и кожевеннымъ производствомъ, прядильнымъ и ткацкимъ дѣломъ, и жители ея вели самый разнообразный торгъ.

Иностранцы, навѣщавшіе Вологду въ XVI и XVII вв., всѣ называютъ ее большимъ и богатымъ городомъ. Въ концѣ XVII

вѣка Вологда по числу дворовъ уступала только Москвѣ и Ярославлю.

Если Вологда была конечной станціей-узломъ сѣверныхъ путей, гдѣ эти пути сливались въ одинъ, направлявшійся къ центру государства, то Ярославль былъ перекресткомъ путей, соединявшихъ востокъ и западъ, сѣверъ и югъ Московскаго государства. Только одна Москва, центръ всего государства, превосходила Ярославль количествомъ перекрещивающихся около нея

План Москвы XVII в.
(По рисунку въ „Путешествіи“ Олеарія). *A* — Кремль, *B* — Китай-городъ, *C* — Бѣлый-городъ, *D* — Скородомъ (Земляной городъ), *E* — Замоскворѣчье, стрѣлецкія слободы.

дорогъ. Ярославль былъ поэтому очень многолюденъ, оживленъ и славился, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ, былъ „строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ“. Трудно перечислить всѣ промыслы и торги, которыми кормились ярославцы; городъ торговалъ всѣмъ, что только было предметомъ торговли въ Московскомъ государствѣ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ средоточій торговли внутренней и велъ боль-

шой торгъ съ иностранцами. Въ уѣздѣ города было развито ткацкое дѣло, по Волгѣ процвѣтали рыбные промыслы.

Между Ярославлемъ и Нижнимъ-Новгородомъ тянулся по Волгѣ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ очень зажиточныхъ городовъ-пристаней съ Костромой во главѣ, притягивавшихъ къ себѣ по Волгѣ и ея притокамъ предметы промысла окрестнаго населенія и направлявшихъ ихъ къ Ярославлю.

Длинный рядъ этихъ старыхъ приволжскихъ городовъ тянулся до Нижняго-Новгорода. За Нижнимъ, къ востоку отъ него, начинался чуждый тогдашнему русскому человѣку инородческій край, въ который онъ пробивался съ трудомъ, прокладывая себѣ путь оружіемъ и закрѣпляя его сохой. Нижній-Новгородъ стоялъ какъ бы на краю настоящей чисто-русской стороны при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ—Оки и Волги, проникавшихъ своими верховьями и теченіемъ далеко въ глубь Великороссіи. Волга внизъ отъ Нижняго текла по враждебной, незамиренной сторонѣ. Нижній-Новгородъ, ставъ на краю своей земли, защищалъ ее отъ враговъ и въ то же время открывалъ пути для мирной торговой дѣятельности. Нижній получалъ русскіе товары по Волгѣ и Окѣ. Верхняя Волга несла ему произведенія московскаго сѣвера, Ока — товары московскаго центра и юга, обѣ рѣки вмѣстѣ сплавляли къ Нижнему иностранные товары, получавшіеся изъ Архангельска и съ западной границы. Изъ Нижняго эти товары шли далѣе по Волгѣ и Камѣ, а взамѣнъ ихъ шли въ Нижній товары каспійскихъ и сибирскихъ рынковъ.

Подъ защитой каменныхъ стѣнъ нижегородскаго кремля создался постоянный рѣчной портъ, значеніе котораго не утратилось и до сихъ поръ. Все это дѣлало Нижній очень богатымъ и оживленнымъ торговымъ городомъ. Даже послѣ Смуты, послѣ которой нижегородцы „охудали“, на нижегородскихъ рынкахъ насчитывалось около 480 торговыхъ помѣщеній всякаго рода, не считая кузницъ и харчевенъ.

Итакъ, города на сѣверо-востокъ и востокъ отъ Москвы носили торговый и промышленный характеръ. Города къ западу и на юго-западъ были иные и по внѣшнему своему виду, и по составу жителей, и по ихъ занятіямъ. Близость къ границѣ даетъ себя знать, и здѣшніе города являются не только средоточіями хозяйственной торгово-промысловой жизни своей округи, но и постоянными укрѣпленными лагерями военныхъ силъ государства.

Такое впечатлѣніе производитъ даже Тверь съ ея пригородами, близко придвинувшимися къ литовскому рубежу. Въ 1616 году въ Твери считалось безъ малаго 1000 дворовъ, изъ нихъ менѣе половины, всего 477, принадлежали мирнымъ жителямъ, а остальные являлись собственностью служилыхъ людей, составлявшихъ гарнизонъ города. Такой же смѣшанный, военно-торговый характеръ имѣли города къ югу и юго-западу отъ Москвы, размѣстившіеся по Окѣ и литовской границѣ. Ока была,

по тогдашнему московскому выраженію, „непрелазной стѣной“, положенной отъ Господа на защиту Москвы отъ татарскихъ набѣговъ съ „поля“, т.-е. со степи. Города, расположившіеся къ югу отъ Тверской области, въ верховьяхъ Москвы-рѣки и по Окѣ: Волоколамскъ, Можайскъ, Боровскъ, Малоярославецъ, Серпуховъ, Кашира, Коломна, Муромъ, Арзамасъ составляли линію укрѣпленій, прорвавъ которую, непріятель пробирался въ самое сердце государства. Центромъ этой линіи были города Серпуховъ, Кашира и Коломна. Они охраняли переправы черезъ Оку, черезъ эти же города вели дороги въ богатый хлѣбомъ Рязанскій край. Города эти были, слѣдовательно, столь же важны, какъ военныя крѣпости и какъ торговыя средоточія. Хотя за Окой, на югѣ, издавна стояли русскія поселенія съ сильно укрѣпленной Тулой во главѣ, но они плохо прикрывали доступы къ Окѣ. Татары въ своихъ набѣгахъ всегда стремились оставить укрѣпленную Тулу въ сторонѣ и направлялись прямо на Коломну и Серпуховъ. Поэтому-то московское правительство очень заботилось объ укрѣпленіи этихъ городовъ еще долго послѣ того, какъ русскія укрѣпленныя поселенія продвинулись далеко за Оку въ самую степь.

Главное населеніе Коломны въ концѣ XVI вѣка составляли казенные люди—служилые люди, стрѣльцы, пушкари, сторожа различнаго казеннаго добра, ямщики, плотники, каменщики—все людъ, который работалъ на крѣпость и на войска, а въ досужее время кормился ремесломъ и торговлей. Настоящихъ большихъ торговцевъ въ Коломнѣ XVI вѣка было очень мало. Но и настоящихъ служилыхъ людей въ Коломнѣ жило немного. Служилые люди жили по своимъ помѣстьямъ, расположеннымъ въ уѣздѣ, и въ городъ являлись только по дѣламъ службы и въ „осадное время“ для обороны города; только на это время они и селились въ своихъ городскихъ „осадныхъ дворахъ“, которые они строили себѣ въ городѣ „для пріѣзда“. А такъ, въ обыкновенное время, дворы эти стояли пустые, и за ихъ цѣлостью и исправностью наблюдали нанятые служилымъ человѣкомъ люди или его холопы. Коломна XVI вѣка была, слѣдовательно, укрѣпленнымъ лагеремъ, военнымъ депо, гдѣ хранились матеріалы и запасы, нужные для военнаго и крѣпостного дѣла, и жили мастеровые, къ этому дѣлу навыкшіе.

Если города въ родѣ Коломны, Каширы и Серпухова, стоявшіе на Окѣ и образовавшіе послѣдній, ближайшій къ Москвѣ рядъ крѣпостей, защищавшихъ столицу съ юга, носили еще довольно смѣшанный военно-торгово-промышленный характеръ, то города заоцкіе, города отъ Литовской украйны, города отъ Нѣмецкой украйны, города рязанскіе и сѣверскіе носили исключительно военный характеръ, были крѣпостями большей или меньшей силы, и все населеніе ихъ состояло изъ служилыхъ людей, часто даже и не изъ округи города, а присланныхъ сюда издалека отбывать

службу въ качествѣ гарнизона крѣпости. Изъ городовъ по западной границѣ Московскаго государства, кромѣ Новгорода и Пскова, особенно важное значеніе имѣлъ Смоленскъ, „ключъ къ Москвѣ“, какъ характеризовали его военное значеніе иноземцы, „ожерелье“ Московскаго государства, какъ назвалъ Смоленскъ царь Борисъ, построившій смоленскія стѣны и сдѣлавшій его сильнѣйшей крѣпостью на западной границѣ. Изъ-за обладанія Смоленскомъ шла вѣчная, неустанная борьба Москвы съ Литвой. Кто владѣлъ

Тверь въ первой половинѣ XVII в. Башни и деревянныя стѣны города. (Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія).

Смоленскомъ, тотъ обладалъ рѣчными путями по верхнему Днѣпру и верховьямъ Западной Двины съ ихъ притоками. Для Москвы и Литвы Смоленскъ былъ городъ, отпиравшій и затворявшій пути въ глубь ихъ владѣній.

Столь же важно было и торговое значеніе Смоленска: на Смоленскъ шли сухими и рѣчными путями товары съ запада въ Москву и съ Москвы на западъ. Изъ другихъ городовъ этой области большое торговое и военное значеніе имѣлъ городъ Великія-Луки, открывавшій и защищавшій дорогу на Псковъ, и Торопецъ, черезъ который шли пути на верхнюю Волгу и черезъ Волоколамскъ на Москву. Къ Великимъ-Лукамъ, по словамъ Гейденштейна, „великій князь стягиваетъ свои полки, потому что

отсюда онъ можетъ самымъ удобнымъ для себя образомъ повести нападеніе". Это былъ богатый, хорошо укрѣпленный городъ; за высокимъ крѣпостнымъ валомъ Великихъ-Лукъ не видно было даже верховъ многочисленныхъ церквей города; при осадѣ Великихъ-Лукъ Стефаномъ Баторіемъ его сильная и хорошая артиллерія оказалась не въ состояніи разбить крѣпостную стѣну.

Изъ городовъ рязанскихъ сильно укрѣплена была Рязань, а изъ низовыхъ — Казань, Свіяжскъ и Васильсурскъ. Главное укрѣпленіе Казани составлялъ каменный кремль, посады были обнесены по земляному валу дубовымъ острогомъ; городъ жилъ военной жизнью, какъ окраинная крѣпость, держащая вмѣстѣ съ тоже сильно укрѣпленными Астраханью и Царицыномъ всю среднюю и нижнюю Волгу. Черезъ Казань шелъ путь на Каспійское море и на Каму, что, кромѣ военнаго, создавало и важное торговое значеніе Казани. Казань, Свіяжскъ и Васильсурскъ были очень населенными городами, жители которыхъ „мало пашутъ и огородничаютъ, много торгуютъ и еще больше занимаются ремеслами..." Это потому, что „въ этихъ городахъ почти всѣ „приходцы" происходятъ изъ промышленныхъ городовъ поморскихъ и замосковныхъ, оттуда принесли они привычку къ торгу и промыслу; съ другой стороны, не вполнѣ еще была доступна инородческая земля, не сразу замиренная и успокоенная, для мелкой земледѣльческой заимки простого пахаря. Населеніе еще жмется къ городской стѣнѣ и садится на пашню лишь тамъ, гдѣ уже есть вооруженный помѣщикъ или благоустроенная вотчинно-монастырская администрація".

Таковы были по мѣсту и значенію, занимаемому ими въ государствѣ, важнѣйшіе города Московскаго государства XVI и XVII вв.

По внѣшнему своему виду тогдашніе города съ перваго взгляда были очень похожи одинъ на другой. Середину всего поселенія занималъ обыкновенно самый городъ, кремль, т.-е. крѣпость, стѣны которой очень рѣдко были каменныя, а чаще деревянныя или даже земляныя.

Въ „городѣ" стояла соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидѣлъ воевода, судилъ и рядилъ; губная изба, гдѣ разбирались и рѣшались дѣла уголовныя; казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна; тюрьма, одна или нѣсколько; святительскій дворъ, т.-е. домъ мѣстнаго архіерея; воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ, служилыхъ людей.

За стѣной города располагался посадъ, гдѣ жили горожане, или, по-тогдашнему, посадскіе люди. Здѣсь на большой площади стоялъ гостиный дворъ, или ряды, т.-е. лавки мѣстныхъ купцовъ, а въ торговые дни на этой же площади становились возы пріѣзжихъ изъ округи со всякимъ товаромъ продавцовъ.

Торговыя заведенія были бѣдны, какъ бѣдна и неказиста была сама тогдашняя торговля. Лавки гостиныхъ дворовъ были

затворяющіяся и не затворяющіяся на ночь. Изъ послѣднихъ товаръ сносился на ночь въ лавки съ затворами, за что бралась особая пошлина. Ночной сторожъ, огромный крѣпкій замокъ и злая цѣпная собака охраняли ночью товаръ купца. Товары лежали въ лавкахъ въ особыхъ коробахъ. Сапоги, шапки, кушаки были развѣшены на шестахъ. Эти шесты съ навѣ-

Торговая лавка въ городѣ XVII в.
(Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія).

шеннымъ на нихъ товаромъ отдавались на ночь дворникамъ подъ охрану.

Лавки въ гостиномъ дворѣ располагались рядами; каждый рядъ назывался по главному предмету торга или по происхожденію купцовъ, въ этомъ ряду торговавшихъ. Такъ, были ряды Тверской, Московскій, Костромской, Ножевый, Мясной, Охотный и т. д.

Гостиный дворъ былъ въ каждомъ мало-мальски значительномъ городѣ. Здѣсь были постоянныя лавки мѣстныхъ купцовъ, сюда же привозили свои товары и здѣсь ихъ складывали пріѣзжіе купцы. Для житья пріѣзжихъ на гостиномъ дворѣ устроено было особое подворье, гдѣ за опредѣленную плату съ человѣка пріѣзжій купецъ получалъ столъ и ночлегъ.

На посадской площади стояла и земская изба—средоточіе мірского управленія; здѣсь сидѣли земскіе старосты съ выборными посадскими людьми и вѣдали все городское общественное хозяйство. Тутъ же на площади находилась таможня, гдѣ собирали пошлину со всѣхъ привезенныхъ въ городъ товаровъ; кружечный дворъ, гдѣ происходила торговля виномъ и было сосредоточено наблюденіе за этой торговлей; конская изба, подъ вѣдѣніемъ которой состояли сборы съ торговли лошадьми; мытная изба, гдѣ собирали пошлину со всякой купли-продажи; на площади стояли и казенные вѣсы.

Посадская площадь была самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ городѣ. Здѣсь постоянно былъ народъ, больше всего, конечно, праздношатающихся и холоповъ. Сюда шли покупать и продавать, потолкаться просто въ народѣ, поглядѣть другихъ, показать себя. Здѣсь стоялъ немолчный шумъ и гамъ, сообщались новости и слухи; во всю глотку кричали здѣсь воеводскіе бирючи новыя правительственныя распоряженія, размахивая палками съ прикрѣпленными къ нимъ вырѣзанными изъ мѣди или желѣза гербовыми орлами. Здѣсь нищіе тянули своего Лазаря; мѣстный юродивый, юродствуя Христа ради, толкался тутъ же, и за нимъ неотступно, благоговѣйно слушая его полубредъ, полунамеки на злобы дня, ходила толпа, ожидая, что-то скажетъ или сдѣлаетъ „угодничекъ“, не будетъ ли отъ него знаменья какого. Особенно оживленны были тѣ мѣста, гдѣ продавали нитки, холсты, кольца, румяна, бѣлила и т. п. товары: женщины, покупавшія и продававшія эти товары, шумѣли такъ, что съ непривычки можно было подумать, что горитъ городъ или случилось что-нибудь необыкновенное. И купцы, торгующіе въ лавкахъ, и многочисленные „походячіе“ торговцы криками выхваляли свой товаръ и зазывали покупателя, хватая его иной разъ за полы кафтана; при торговлѣ было принято очень запрашивать; покупатель, зная это, давалъ всегда цѣну вдвое и втрое меньше запроса; оба шумятъ „въ голосъ“, т.-е. кричатъ, торгуются, божатся, крестятся на иконы, украшающія торговые ряды, и бываетъ, что, торгуясь, подерутся.

Кому нужно было написать прошеніе, узнать, какъ надо подавать въ судъ жалобу, тотъ шелъ тоже на площадь, и площадные подьячіе, сразу почуявъ добычу, окружали такого неопытнаго и теребили его со всѣхъ сторонъ, назойливо предлагая свои услуги. Кому нужно было отслужить дома молебенъ или всенощную, тотъ тоже шелъ на площадь и приглашалъ безмѣстнаго, т.-е. безприходнаго батюшку: ихъ всегда стояло нѣсколько на

площади. На площадь выносили въ гробахъ тѣла тѣхъ, кого не на что было похоронить, и сердобольные прохожіе, положивъ глубокій поклонъ за упокой души несчастнаго усопшаго, клали на краю гроба кто сколько могъ. На площади шныряли заѣзжіе скоморохи и давали свои представленія медвѣжьи поводыри, чинно проходили странники и странницы. Здѣсь же, прямо на улицѣ стригли и отворяли кровь своимъ кліентамъ цырюльники, и площадь возлѣ ихъ мѣстъ была густо покрыта остриженными волосами. На площади предлагали свой товаръ голосистыя торговки калачами, мочеными яблоками и всякою мелочью, расхваливая свое добро складными пѣвучими прибаутками. Сюда шелъ и богатый и бѣдный, чиновный и простой. Самъ воевода не гнушался показаться на торгу пѣшкомъ или въ „коретѣ“, „каптанѣ“, посмотрѣть, какого товару навезли купцы съ Москвы и городовъ. За порядкомъ смотрѣлъ земскій ярыжка — тогдашній низшій полицейскій чинъ при воеводской канцеляріи; на груди его служебнаго кафтана нашиты тесьмой буквы „з“ и „я“, означающія его званіе. Земскому ярыжкѣ надо внимательно смотрѣть: на площади много всякаго темнаго люда, искателей легкой и незаконной наживы, всегда готовыхъ и способныхъ стянуть то, что плохо лежитъ; надо ему смотрѣть и въ сторону кружечнаго двора: тамъ у крыльца подъ орломъ или съ вѣткой ельника на крышѣ шумятъ кабацкіе „питухи“; этихъ питуховъ, пропившихся пьяницъ-бражниковъ, завѣдывавшіе „царевымъ кабакомъ“ излюбленные цѣловальники лишней подачкой вина держали возлѣ своего учрежденія, какъ приманку для публики: пусть смотритъ народъ, какъ пьяно и разымчиво вино въ кабакѣ; питухи, заслуживая свое „даровое“ вино, вслухъ расхваливали его и держали себя вызывающе-весело; глядя на нихъ, шли въ кабакъ люди съ площади, рискуя въ концѣ концовъ стать такими же питухами. Словомъ, на площади было на что посмотрѣть.

От посадской площади во всѣ стороны расходились улицы, которыя звались обыкновенно по церквамъ, стоявшимъ на этихъ улицахъ, а иногда по занятію обывателей. По краямъ улицъ или на перекресткахъ воздвигались образа на столбахъ, иногда въ фигурно вырѣзанныхъ кіотахъ-часовенкахъ. Улицы были вообще довольно широки, прямы, но очень грязны въ распутицу и страшно пыльны въ жару, завалены сугробами снѣга зимой, а во всѣ времена года на улицѣ валялась всякая нечистота и падаль, которую жители безъ стѣсненія выбрасывали со своихъ дворовъ. Только въ Москвѣ и въ немногихъ большихъ городахъ часть улицъ была какъ бы вымощена круглыми длинными и короткими деревяжками, расположенными поперекъ улицы плотно одна къ другой; гдѣ было совсѣмъ невылазно-грязно, тамъ черезъ улицы перекидывали доски; мощеніе улицъ и наблюденіе хоть за нѣкоторою ихъ благопристойностью лежало на старостахъ, но производилось жителями улицъ; ходить по улицамъ въ грязную пору приходилось въ огромныхъ сапогахъ, чтобы не увязнуть.

Въ большихъ городахъ къ услугамъ пѣшеходовъ были извозчики; въ Москвѣ, на Красной площади, ихъ стояло очень много, съ маленькими санками зимой и телѣжками лѣтомъ, запряженными въ одну лошадь. За деньгу этотъ извозчикъ, по словамъ одного иностранца, скакалъ, какъ „бѣшеный“, съ одного конца города на другой, поминутно крича во все горло: гись! гись! Но въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливался и не везъ далѣе, пока не получалъ еще деньгу. Встрѣтясь съ другимъ извозчикомъ, московскій извозчикъ согласится скорѣе сломать у себя ось или колесо, а не свернетъ съ дороги, не уступитъ проѣзда встрѣчному.

Улицы въ Москвѣ на ночь загораживались поперекъ положенными рогатками—„рѣшетками“. Какъ только зажигались вечеромъ огни въ домахъ, около этихъ загородокъ становились сторожа „рѣшеточные“, которые никому не позволяли ходить позже урочнаго часа. Ходить ночью по городу позволено было только при крайней нуждѣ и непремѣнно съ фонаремъ. Всякій ѣхавшій или шедшій ночью безъ фонаря считался воромъ или лазутчикомъ, и его немедленно арестовали.

Тѣмъ не менѣе ночные грабежи и убійства на улицахъ тогдашнихъ русскихъ городовъ были довольно часты. По словамъ иностранцевъ-современниковъ, въ Москвѣ ночи не проходило, чтобы кого-нибудь не убили. Помощи ждать несчастному, на котораго напали, было неоткуда — ночные сторожа часто сами промышляли ножомъ, да и было ихъ немного, а изъ обывателей, какъ разсказываетъ одинъ иностранецъ, „ни одинъ не рѣшится высунуть голову изъ окна, а не то что выйти на крики о помощи“. Количество убитыхъ увеличивалось въ праздничное время.

Лихіе люди часто поджигали дома жителей, чтобы воспользоваться суматохой при пожарѣ и пограбить. Пожары въ старыхъ русскихъ деревянныхъ городахъ были обычнымъ зломъ. Пожаръ, истреблявшій въ Москвѣ сотню-двѣ домовъ, даже и не считался большимъ, и память оставлялъ по себѣ лишь такой, жертвой котораго было семь или восемь тысячъ дворовъ. Борьба съ пожарами была устроена совсѣмъ плохо: даже въ Москвѣ обыкновенно ограничивались тѣмъ, что разламывали около начавшагося пожара домà, разрушая домовъ по 10 или 20 съ каждой стороны и оттаскивая дерево прочь, чтобы не дать пищи огню. При дешевизнѣ и крайней незатѣйливости тогдашнихъ построекъ, о сгорѣвшихъ и сломанныхъ домахъ жалѣли мало. Дома покупались готовые на рынкѣ; да что дома—колокольню можно было купить готовую на тогдашнемъ рынкѣ! Другой вопросъ—каковы были эти дома и колокольни, но разобрать такой домъ, привезти его на мѣсто и собрать вновь стоило недорого. Въ Москвѣ были плотники, которые строили такой домъ въ однѣ сутки.

По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись дворы жителей; на дворахъ стояли „изба“ (теплое жилье), „да баня съ передбанни-

комъ, да клѣть съ подклѣткомъ, да надпогребица“. На улицу выходилъ часто только заборъ или плетень, окружавшій все это нехитрое жилье, красная цѣна которому была иной разъ всего три тогдашнихъ рубля, или нынѣшнихъ рублей 70—80; дома получше стоили 14 и даже 40 рублей тогдашнихъ.

Зимою жить въ такихъ избахъ еще было сносно: хоть и угарно, да тепло, зато лѣтомъ приходилось иногда порядкомъ померзнуть. Только, бывало, наступитъ весна и установится теплая погода, по городу, по посаду, по площади ходятъ бирючи и кричатъ:

„Заказано накрѣпко, чтобы избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ; отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо“.

Не довольствуясь однимъ объявленіемъ всѣмъ вслухъ, для пущаго береженья возьмутъ, бывало, да еще запечатаютъ воеводской печатью и избу и баню. Обывателю приходилось тогда переселяться въ клѣть и вволю стучать зубами, если случайно завернутъ поздніе холода; иному тогда и горячимъ чѣмъ-нибудь согрѣться нельзя, потому что печь въ огородѣ развалилась, а новой складь некому: ни одного каменщика въ городѣ не осталось, всѣхъ вытребовали на казенную работу, на постройку каменной крѣпости.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями, виднѣются церкви, тоже не очень хитраго дѣла, рѣдко каменныя, чаще деревянныя. Подлѣ церквей расположены дома священниковъ и причта.

Прихожане каждой церкви выбираютъ священника изъ своей среды и посылаютъ его къ архіерею для рукоположенія, ручаясь особой записью, что избранный „человѣкъ добрый, св. писаніе знаетъ и не бражникъ“. При церквахъ находились богадѣльни, или домы нищей братіи. Около каждой церкви располагалось кладбище. Въ концѣ города, гдѣ-нибудь на окраинѣ, стоялъ убогій домъ, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертью преступниковъ, людей, умершихъ въ государевой опалѣ, сосланныхъ, опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ.

Если не считать присланнаго въ городъ изъ Москвы воеводы, управлявшаго въ XVII вѣкѣ всѣмъ уѣздомъ и являвшагося представителемъ верховной власти, то первымъ лицомъ самого города былъ земскій или городовой староста, котораго уѣздные сельскіе обыватели и городскіе жители — посадскіе, по закону царя Ивана Грознаго, выбирали на сходкѣ изъ своей среды.

Какъ только выберутъ въ посадѣ земскаго старосту, подьячій пишетъ запись, и всѣ избиратели подписываютъ ее. Въ записи говорилось: „Всѣ посадскіе люди такого-то города выбрали

и излюбили на мірскую службу въ старосты такого-то; вѣдать ему въ мірѣ всякія дѣла и объ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно къ мірскому дѣлу нудить, а міру никакой грубости ему не учинить, а что міру отъ его грубости учинится, за то онъ отвѣтитъ".

Кромѣ земскаго старосты, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ ему въ товарищи выбирали еще нѣсколько старостъ. При земскомъ старостѣ всегда устраивался совѣтъ изъ выборныхъ же посадскихъ и крестьянъ.

Нижній-Новгородъ въ половинѣ XVII в. На рѣкѣ корабли голштинскаго посольства. Видны каменныя стѣны и башни. (Съ рисунка въ „Путешествіи" Олеарія).

Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ совѣтными людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ окладчиковъ, т.-е. сборщиковъ податей, выборъ цѣловальниковъ, т.-е. людей, которымъ, подъ присягу ихъ, поручалось отбывать какое-нибудь казенное дѣло въ городѣ: вѣдать кабацкое дѣло, собирать таможенные сборы, вѣсить казенную соль и т. п.

Вторымъ предметомъ совѣщаній въ земской избѣ было собственно городское хозяйство; такъ, здѣсь приговаривали раздѣлить пахотную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ впредь до слѣдующаго же мірского раздѣла между всѣми посадскими,

но съ условіемъ, чтобы никто изъ посадскихъ не смѣлъ отдавать свою долю земли постороннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто, а если кто отдастъ, то у него отберутъ землю обратно на міръ.

Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія мѣстнаго воеводы или надо дать знать въ Москву. И на дворъ къ воеводѣ и въ Москву отправляется земскій староста. Онъ—представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ всегда впереди ихъ всѣхъ, отвѣчаетъ и бьетъ челомъ „во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто".

Если служилые люди XVI и XVII вв. были прикрѣплены къ военной и всякой государевой службѣ, за что и получали жалованье землей, то обитатели посадовъ, жители слободъ и селъ были прикрѣплены тогда къ платежу податей и должны были тянуть тягло, т.-е. оплачивать содержаніе военной защиты Московскаго государства.

Тяглые люди платили дани и оброки, деньги на выкупъ плѣнныхъ — съ посадскаго двора по 8 денегъ, со служилаго двора 2 деньги; стрѣлецкія деньги, ямскія деньги, деньги на кормъ воеводамъ, въ подмогу подьячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ, тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги—за позволеніе зимой въ прорубяхъ воду брать, платье мыть и скотъ поить. Кромѣ того, тяглые люди обязаны были строить и чинить стѣны города, наводить мосты и насыпать гати.

Это все были постоянные сборы и повинности, но бывали еще и сверхурочные, напримѣръ, сборы на военныя надобности. Начнется война—придетъ въ городъ указъ изъ Москвы: собирать съ обывателей пятую, десятую или двадцатую деньгу, смотря по нуждѣ казны. Идутъ тогда одинъ за другимъ посадскіе люди въ земскую избу и объявляютъ передъ старостой и выборными, „по святой непорочной евангельской заповѣди Христовой", „правду", что̀ каждому и сколько доводится заплатить отъ своихъ животовъ и промысловъ, т.-е. съ капиталовъ и доходовъ.

Утаить нечего и пробовать: товарищи, торговые люди, что тутъ же въ избѣ въ окладчикахъ сидятъ, хорошо знаютъ торговлю и промыслы каждаго, не задумываясь, скажутъ и положатъ, сколько надо взять для великаго государева дѣла съ какого-нибудь Ивашки Огурцова, что въ гостиномъ дворѣ сапогами торгуетъ. А объявитъ такой Ивашка Огурцовъ облыжно, что обнищалъ онъ вконецъ и платить ему не изъ чего, тогда ставили его на правежъ. Привязывали къ столбу около земской избы и били палками по икрамъ каждое утро, пока не выколачивали слѣдуемыхъ съ Ивашки денегъ. Но иные особенно упорные Ивашки переносили самые крѣпкіе удары, а денегъ не пла-

тили; тогда упорному неплательщику показывали законъ, который гласилъ: „Если посадскіе люди на правежу начнутъ отстаиваться и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣніе отписывать на великаго государя“, т.-е. въ казну.

Всякихъ сборовъ, постоянныхъ и случайныхъ, приходилось тогдашнему посадскому человѣку уплачивать очень много.

Кромѣ уплаты податей и различныхъ чрезвычайныхъ сборовъ, посадскіе люди XVI и XVII вв. должны были отбывать нѣкоторыя казенныя службы и, прежде всего, собирать эти самыя подати и повинности. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ „вѣрныхъ головахъ“ или „вѣрныхъ цѣловальникахъ“ при продажѣ вина на казенномъ кружечномъ дворѣ, гдѣ только и можно было тогда купить вина. Правда, лучшимъ посадскимъ людямъ дозволялось курить вино и варить пиво „по немногу“ по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадебъ, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ по достатку людямъ курить вино совсѣмъ не позволялось, они могли только къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, да и то должны были дать знать объ этомъ на кружечный дворъ и заплатить явочныя пошлины. Но явятъ немного, а выкурятъ вина и наварятъ меда и пива много, станутъ даже „корчемничать“, т.-е. продавать вино тайкомъ отъ цѣловальниковъ. Цѣловальники кружечнаго двора, оберегая доходы казны и свою спину и карманъ, отвѣчавшіе за эти доходы, должны были зорко слѣдить, чтобы такихъ случаевъ не было.

А услѣдятъ—надо было накрыть врасплохъ продавцовъ, „вынуть“, т.-е. отобрать запрещенный товаръ, взыскать убытки. Смотрѣть сквозь пальцы на подобные случаи не приходилось: вѣрный голова и цѣловальники отвѣчали своими средствами за недоборъ кабацкихъ денегъ, а когда не были въ состояніи возмѣстить недоборъ, имъ грозилъ правежъ и отписка „животовъ“ на государя. Да и въ Москву отвезти деньги, даже полностью вырученныя, было дѣломъ очень не простымъ. Московскіе дьяки и подьячіе были люди очень „лакомые“, всегда были рады привязаться къ пріѣзжему провинціалу, завертѣть его требованіями разныхъ формальностей и поживиться на его счетъ. Пріѣзжему вѣрному головѣ приходилось быть очень дипломатичнымъ съ этой компаніей и держать ухо востро. „Будучи у сбору на кружечномъ дворѣ,—разсказываетъ одинъ цѣловальникъ,—воеводамъ въ почесть, чтобъ не затрудняли дѣло съ высылкой въ Москву денегъ, помогали дѣлать выемку и собирать долги, харчемъ и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почесть харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодымъ подьячимъ отъ письма (т.-е. мелкимъ канцеляристамъ) давали же, да при отдачѣ денежной казны дьяку и подьячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почесть

изъ своихъ пожитковъ да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ, и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ".

Другія службы посадскимъ людямъ были въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ, при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба, т.-е. денегъ и провіанта на содержаніе стрѣльцовъ, въ цѣловальникахъ при разныхъ денежныхъ сборахъ, въ съѣзжей избѣ, на конной площади при сборѣ денегъ съ пятнанія лошадей, въ головахъ баннаго, перевознаго и мо-

Каменныя и деревянныя стѣны города Казани.
(Съ рисунка въ „Путешествіи" Олеарія).

стового сбора; затѣмъ посадскіе люди должны были нести полицейскую службу: изъ нихъ выбирались десятскіе, пятидесятскіе и сотскіе—тогдашніе городовые, околоточные и пристава. Случалось, что одинъ и тотъ же посадскій человѣкъ несъ двѣ или три службы заразъ. Все это тяжело лежало на посадскомъ населеніи и заставляло его всячески избѣгать этихъ тягостей.

Посадскіе уходили изъ города, гдѣ приходилось тяжело, въ другой, бѣжали въ уѣздъ, скрывались въ степь. Города пустѣли. Это было тяжело для оставшихся обывателей, потому что казна знать ничего не хотѣла, что городъ обезлюдѣлъ, требовала того же количества сборовъ, какое получалось раньше,

и взыскивала недоборъ съ остававшихся, такъ что остававшимся приходилось платить больше съ каждаго двора. Но отъ этого они только нищали, а неоплатные казенные недоборы возрастали. Тогда правительство стало преслѣдовать и наказывать бѣгство посадскихъ людей изъ городовъ. Въ 1638 году приказано было отыскивать и сажать на старыя мѣста всѣхъ посадскихъ, которые вышли изъ посадовъ до Смуты.

По Уложенію царя Алексѣя Михайловича было запрещено посадскимъ переходить изъ одного посада въ другой. Всѣхъ тѣхъ, которые сами или отцы ихъ были посадскими, а потомъ ушли и занялись другимъ дѣломъ, хотя бы даже и продались въ холопы кому-нибудь, велѣно было снова водворить на посады. Если вдова какого-либо посадскаго человѣка выходила замужъ за вольнаго, то его дѣлали тоже посадскимъ человѣкомъ. Вольные люди, женившіеся на посадскихъ дочеряхъ и взятые своими тестями или зятьями въ домы, должны были становиться посадскими людьми. Посадскіе люди, жившіе прежде въ городѣ и платившіе тягло, а потомъ поступившіе въ стрѣльцы и тѣмъ освободившіеся отъ уплаты налоговъ, должны были вернуться въ посадъ. Въ 1658 году была постановлена смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, за женитьбу посадскаго на крестьянкѣ безъ отпускной, за выходъ замужъ посадской дѣвушки за крестьянина безъ отпускной отъ города.

Прикрѣпляя такими строгими мѣрами городскихъ жителей къ мѣсту ихъ жительства, къ городу, тѣмъ самымъ къ платежу казенныхъ сборовъ, правительство заботилось и о томъ, чтобы посадскимъ было изъ чего эти сборы платить.

Для этого за посадскими людьми правительство стало закрѣплять занятіе, наиболѣе свойственное городу, т.-е. торговлю. Въ городахъ было запрещено имѣть лавки и постоянную торговлю всѣмъ непосадскимъ людямъ. Затѣмъ по Уложенію отмѣнялось „закладничество“. Закладниками называли тѣхъ тяглыхъ людей, которые, избѣгая уплаты тяжкихъ казенныхъ сборовъ, „закладывались“, т.-е. вступали въ зависимость отъ бояръ и монастырей, которые сами и ихъ люди были освобождены отъ уплаты казенныхъ податей. Объявляя себя человѣкомъ, принадлежащимъ другому, закладникъ „обѣлялъ“ себя, его дворъ считался проданнымъ или заложеннымъ лицу, освобожденному отъ податей; такой закладчикъ оставался жить на своемъ дворѣ, но, какъ зависимый отъ „бѣломѣстца“ человѣкъ, не платилъ податей; слѣдуемая съ него доля казенныхъ сборовъ падала на тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ стать закладникомъ. По Уложенію велѣно было вернуть всѣхъ закладниковъ обратно въ тягло и удалить изъ посадовъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ посадскимъ тяглецамъ; лавки и промыслы такихъ людей надлежало продать посадскимъ, а кто не хотѣлъ или не могъ продать свой промыселъ и торговлю, тотъ долженъ былъ „въ рядъ съ черными людьми подать платить“; такимъ

образомъ въ посадахъ надлежало „быть его государевымъ людямъ и ничьимъ инымъ, опричь его государевыхъ людей, не быть“. Пріѣзжіе изъ округи города крестьяне должны были или продавать все, что привозили, прямо посадскимъ скупщикамъ, или торговать привезеннымъ на рынкѣ съ возовъ, уплачивая каждый разъ въ пользу посада за мѣсто на рынкѣ.

Такъ „посадское тягло съ торговъ и промысловъ стало сословной повинностью посадскаго населенія, а право городского торга и промысла его — сословной привилегіей“. Посадское населеніе было такимъ образомъ обособлено отъ другихъ сословій и прикрѣплено къ посаду и торгу.

Но торговля въ Московскомъ государствѣ была труднымъ дѣломъ. Во-первыхъ, тяжело ложились на тогдашняго купца безчисленные казенные поборы, а во-вторыхъ, еще тяжелѣе были тѣ способы, какими эти поборы взыскивались. Торговыя пошлины правительство XV и XVI вѣковъ сдавало обыкновенно на откупъ. Откупщики вносили въ казну, сколько она требовала, и получали право выбирать внесенныя ими деньги, взимая тѣ или иныя пошлины. Взимались эти сборы откупщиками, конечно, съ лихвой.

Торговый человѣкъ тѣхъ временъ, прежде чѣмъ, бывало, доберется до мѣста, гдѣ надѣялся сбыть свой товаръ, долженъ былъ переплатить много денегъ на безчисленныхъ заставахъ у городовъ, мостовъ, перевозовъ, гдѣ, по словамъ указа царя Бориса, „всѣмъ посламъ, посланникамъ, гонцамъ, ратнымъ и торговымъ и всѣмъ проѣзжимъ людямъ чинятся продажи великія: съ пѣшаго человѣка берутъ на перевозахъ по гривнѣ, а съ нѣкоторыхъ по двѣ и по три гривны, а съ гонцовъ по полтинѣ и больше“.

Когда торговый человѣкъ пріѣзжалъ въ городъ, онъ долженъ былъ явиться къ таможнику, не складывая своего товара съ воза или съ судна, не развязывая ни единаго тюка.

Пошлина бралась и съ воза, и съ товара, и съ людей при товарѣ. При складываніи товара въ амбаръ надо было платить амбарныя деньги, при продажѣ сбирались вѣсчая, померная или таможенная пошлина, смотря по тому, какъ товаръ продавался—на вѣсъ, по мѣрѣ или поштучно; съ товаровъ собирались, кромѣ того, дворовая и поворотная пошлины, какъ бы за въѣздъ въ городъ и за постой. При продажѣ лошадей взимали пятенную и писчую пошлины за наложеніе клейма—пятна—на лошадь и за запись проданной лошади въ книгу. За провозъ скота собиралась провозная пошлина.

Товары, какіе окрестное населеніе привозило въ города на продажу и какіе оно тамъ покупало на свою потребу, были очень просты; это были продукты сельскаго труда: скотъ, хлѣбъ зерномъ, битая и живая птица, рыба, яйца, ягоды, овощи; продукты обработанные были очень не хитры: то были простыя деревянныя издѣлія, бочки, кадки, корыта, сани, тесъ, мука,

соль, кожи, мѣха, простой холстъ, сермяга и т. п. Конечно, на рынкахъ большихъ торговыхъ городовъ, Москвы и Новгорода, выборъ товаровъ былъ несравненно лучше и разнообразнѣе, но большихъ городовъ было немного, а на рынкахъ мелкихъ городовъ и торжковъ некому было покупать и продавать дорогіе иностранные и московскіе товары. Главнымъ покупщикомъ былъ здѣсь невзыскательный, бѣдный крестьянинъ, а продавцомъ—мелкій посадскій человѣкъ, въ сущности такой же крестьянинъ, такъ же обрабатывавшій землю и лишь въ свободное время мастерившій что-нибудь или занимавшійся скупкой и перепродажей на рынкѣ крестьянскихъ товаровъ.

Торговля была мелка и становилась все мельче благодаря тѣмъ затрудненіямъ, какія были на пути ея развитія. Крестьянину было, напримѣръ, положительно трудно рѣшиться ѣхать въ городъ, чтобы продать то, чего у него накоплялось много, и купить то, въ чемъ ощущался недостатокъ. Если бы на пути съ него брали только законныя пошлины, то и тогда не всегда было можно ихъ вынести. На пути пѣшкомъ или съ возомъ на торгъ крестьянинъ долженъ былъ заплатить 7 денегъ мытной пошлины и одну деньгу головного сбора; только обѣ эти пошлины превышали обычную поденную плату, равняющуюся тогда $1^1/_2$ денежкамъ. Если крестьянинъ везъ товару на рубль, то разныхъ пошлинъ съ него сходило болѣе 15 денегъ. Но рубль была потогдашнему большая сумма: чтобы выручить рубль, надо было продать лошадь, или двѣ коровы, или 10 барановъ, или 4 четверти хлѣба, или четверо саней. Рубль 1551—1600 годовъ равнялся 63—83 нынѣшнихъ; рубль 1651—1700 годовъ—17 нынѣшнихъ. При продажѣ дровъ крестьянинъ платилъ въ казну $^1/_{10}$ часть ихъ стоимости. А сколько насчитывали еще на эти сборы откупщики, сколько было всякихъ придирокъ съ ихъ стороны при взвѣшиваніи и опредѣленіи цѣны! Немудрено, что тогдашніе люди ѣздили продавать что-нибудь въ городъ только въ крайности и старались жить, обходясь безъ лишнихъ покупокъ, только тѣмъ, что сами вырабатывали. Спросъ на товары былъ плохой, и торговля поэтому въ общемъ была незначительна.

Были, конечно, и крупные торговцы, обороты которыхъ достигали сотенъ тысячъ рублей; по преимуществу это были купцы городовъ, стоявшихъ на большомъ торговомъ пути изъ Архангельска въ Москву черезъ Вологду и Ярославль. Такіе купцы въ свой торговый оборотъ захватывали самые различные товары: мѣха, сукна, иголки, сало, ленъ, коноплю, пеньку, лубья, рогожи, деревянную и металлическую посуду, скупая все это мелкими и крупными партіями у поставщиковъ и продавая оптомъ и въ розницу.

У такихъ купцовъ находилось на службѣ много приказчиковъ, разъѣзжавшихъ для скупки и продажи товара по городамъ, сидѣльщиковъ, завѣдывавшихъ постоянными торговлями

въ разныхъ городахъ, и много другого служащаго люда вплоть до своихъ охотниковъ, ткачей, прядильщиковъ, соляныхъ варщиковъ и др.

По большимъ городамъ работало много всякихъ мелкихъ промышленниковъ: кожевниковъ, портныхъ, сапожниковъ, кузнецовъ, оружейниковъ, замочниковъ, игольниковъ, ножевниковъ и много другихъ. Такой мелкій промышленникъ работалъ одинъ съ семьей, нанимая, если былъ въ силахъ, подмастерьевъ и учениковъ; ученики принимались хозяевами по особому договору съ ихъ родителями для выучки дѣлу въ опредѣленный срокъ; по окончаніи выучки ученикъ долженъ былъ прожить у мастера нѣкоторое время, какъ подмастерье. Выучившагося ученика въ

Деревянная крѣпость и городъ Царицынъ на Волгѣ въ половинѣ XVII в. (Съ рисунка въ „Путешествіи" Олеарія).

нѣкоторыхъ ремеслахъ свидѣтельствовали въ умѣньи дѣлать данную работу спеціалисты дѣла, и если работа была удовлетворительна, то признавали его мастеромъ, что давало право открыть свое производство и брать учениковъ. Эти мелкіе промышленники одновременно были и торговцами, держали лавочку товара своей выработки тутъ же при домѣ или, если были побогаче, въ гостиномъ дворѣ. Эти мелкіе хозяева нанимали и рабочихъ, которые были большею частью изъ уѣздныхъ крестьянъ, кормившихся по городамъ чернымъ трудомъ, или изъ гулящихъ людей. Жалованье эти работные люди получали и деньгами и натурой—хлѣбомъ, платьемъ и т. п. Наниматель давалъ имъ иногда жалованье „деньги и запасъ" впередъ въ отработку; бывала плата годовая и поденная—по алтыну въ день, годовая

же считалась рублей въ 10—11 тогдашнихъ. Работникъ, нанимаясь на службу, давалъ на себя хозяину „запись", по которой, не отработавъ срока или взятыхъ впередъ денегъ, не имѣлъ права уйти отъ хозяина. Положеніе этихъ работныхъ людей было очень незавидное, еле-еле зарабатывали они на хлѣбъ насущный, и имъ постоянно грозила нищета и скитанье по міру „съ женишкомъ и дѣтишкомъ".

Прикрѣпляя посадскихъ въ XVII вѣкѣ къ постоянной жизни въ городѣ и указывая имъ на торговлю и городскіе промыслы, какъ на средство добывать себѣ пропитаніе, правительство должно было освободить торговлю отъ всѣхъ указанныхъ неудобствъ. Запретивъ еще въ 1613 году торговать въ городѣ всѣмъ непосадскимъ, правительство отмѣнило въ 1645 году сдачу казенныхъ сборовъ на откупъ, а въ 1644 году, вмѣсто безчисленныхъ и разнообразныхъ пошлинъ съ проѣзжихъ и торговыхъ людей, съ нихъ стали брать однообразную рублевую пошлину—съ продавцовъ по 10 денегъ съ рубля, а съ покупщика, если онъ покупалъ на наличныя, по 5 денегъ; было разрѣшено торговцамъ имѣть вѣсы до 10 пудовъ, а то раньше всякое взвѣшиванье должно было и могло происходить только на казенныхъ вѣсахъ и за особую плату.

Всѣ эти и нѣкоторыя другія мѣры нѣсколько облегчили торговое дѣло и дали возможность прикрѣпленному къ посаду обывателю кое-какъ изворачиваться и отбывать его платежную службу государству.

По настоянію посадскихъ была запрещена повсемѣстная торговля иностранцамъ; привозимые ими на корабляхъ товары они могли продавать только въ Архангельскѣ.

По своей способности нести эту службу, т.-е. по своей состоятельности, посадское населеніе Московскаго государства раздѣлялось на особые разряды—лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Отличались эти разряды одинъ отъ другого размѣрами того тягла, тѣхъ платежей, какіе они несли государству, и тяжестью службы или казенныхъ порученій, какія государство на нихъ возлагало. Дворъ лучшаго посадскаго человѣка несъ тягло вдвое большее, сравнительно со дворомъ средняго посадскаго, а средній посадскій несъ тягло вдвое большее, нежели дворъ младшаго посадскаго человѣка.

Затѣмъ, лучшій или средній посадскій человѣкъ служилъ обыкновенно цѣловальникомъ въ таможнѣ своего города или вѣрнымъ головой при кружечномъ дворѣ, а младшіе посадскіе отбывали городскую полицейскую службу и несли другія мелкія должности.

Нѣсколько сложнѣе было устройство посадскихъ людей столицы—Москвы. Въ Москвѣ посадское населеніе раздѣлялось на такіе разряды: гости, гостиная сотня, торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ. Гости—это были большіе капиталисты, оптовые торговцы, торговавшіе на капиталъ отъ 300.000 руб.

нынѣшнихъ до 2-хъ милліоновъ и выше. Гости исполняли большія денежныя порученія казны; подъ отвѣтственностью капиталомъ и за крестнымъ цѣлованіемъ имъ поручался таможенный сборъ въ большихъ и отдаленныхъ городахъ: въ Архангельскѣ, Вологдѣ и Астрахани; имъ поручалась распродажа казенныхъ мѣховъ, т.-е. той дани мѣхами, какую платили русской казнѣ сѣверные и сибирскіе инородцы. Этотъ доходъ носилъ названіе „соболиной казны государевой"; гостямъ отдавались въ завѣдываніе подъ отчетъ съ выплатой ими въ казну впередъ предполагаемаго сбора кружечные дворы по городамъ. За исполненіе этихъ казенныхъ порученій большой московскій капиталистъ тѣхъ временъ получалъ званіе гостя. Гостей было немного. Въ 1649 г. ихъ насчитывалось не болѣе 13, а въ 70-хъ годахъ XVII вѣка ихъ числилось 30 человѣкъ. Гости пользовались большими правами по сравненію съ другими посадскими: они были избавлены отъ несенія тяглыхъ платежей и повинностей, они могли, напримѣръ, курить вина и варить пива на свою потребу сколько имъ было надобно, не платя никакихъ явочныхъ, не страшась штрафовъ и ареста выкуренныхъ напитковъ; гости могли покупать и брать въ закладъ землю, т.-е. пріобрѣтать вотчины, и получали иногда за службу жалованье землей, т.-е. имъ давали помѣстья. За оскорбленіе гостя назначался съ оскорбителя штрафъ въ 50 тогдашнихъ рублей, т.-е. нынѣшнихъ тысячу съ лишкомъ. Такую сумму приходилось платить за оскорбленіе не всякаго служилаго человѣка.

Гостиная и суконная сотни отличались отъ гостей и другъ отъ друга только размѣрами капитала, причемъ гостиная была богаче и пользовалась значительно большимъ почетомъ. Казенныя службы несли онѣ такія же, какъ и лучшіе посадскіе люди. Сотнями назывались онѣ не потому, что въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ было по сту человѣкъ, а просто по старинѣ, когда весь городъ, всю тысячу, дѣлили на сотни. Въ 1649 г. въ гостиной сотнѣ считалось 158 семействъ. Торговцы обѣихъ этихъ сотенъ пользовались за свою службу тоже нѣкоторыми правами, тоже, какъ и гости, не платили тяглыхъ сборовъ, могли курить безпошлинно вино, напримѣръ, но владѣть землей не могли, и безчестье ихъ стоило дешевле. На казенной службѣ ихъ назначали въ товарищи гостямъ.

Торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ были мелкіе торговцы и ремесленники Москвы. Каждая черная сотня составляла особое общество со своими выборными старостами, сотскими и десятскими во главѣ. Черныя слободы отличались отъ черныхъ сотенъ тѣмъ, что онѣ были населены ремесленниками, обязанными работать на дворецъ или служить по дворцовому хозяйству. Этихъ дворцовыхъ черныхъ слободъ было въ Москвѣ очень много, и до сихъ поръ многія урочища и улицы Москвы сохранили названія тѣхъ слободъ, черезъ которыя когда-то пролегали. Таковы, напримѣръ, нынѣшнія Бронныя, съ

ихъ переулками, Оружейнымъ, Гранатнымъ и др.: тамъ жили въ XVI и XVII вв. бронники—оружейные мастера; на Кузнецкомъ мосту жили кузнецы, на Кисловкѣ—квасовары, медовары и пивовары, и т. д.

Гости, гостиная и суконная сотня въ Москвѣ, разряды лучшихъ и среднихъ людей въ провинціальныхъ городахъ пополнялись время отъ времени по распоряженіямъ правительства, приказывавшаго провѣрить „животы и промыслы", т.-е. доходы и капиталы всѣхъ посадскихъ людей. Сообразно ихъ прибытку или убытку, сравнительно съ предшествовавшей провѣркой, посадскіе люди размѣщались вновь по разрядамъ до слѣдующей провѣрки. Гости, возведенные въ это званіе изъ провинціальныхъ богачей, были обязаны имѣть дворъ въ Москвѣ и жить въ столицѣ, подъ рукой у правительства, возлагавшаго на гостей государеву финансовую службу.

Такъ жилъ городъ Московской Руси, добывая торговлей и промысломъ средства на защиту государства отъ его враговъ, тѣсно обложившихъ въ то тревожное время московскія границы.

Городъ, такъ сказать, оплачивалъ эту защиту: это было его назначеніе въ государственной жизни. Съ этими цѣлями въ жизни городского населенія все устраивалось такъ, чтобы оно къ этому дѣлу было крѣпко. Для этихъ цѣлей торговля признавалась исключительно городскимъ занятіемъ, для этихъ же цѣлей, для удобства и вѣрности сбора казенныхъ доходовъ, самый сборъ былъ порученъ выборнымъ изъ среды горожанъ за отвѣтственностью и порукой избирателей. Избранныя мѣстными людьми власти доставляли сборы со своихъ городовъ тѣмъ изъ московскихъ гостей, которые были къ тому назначены правительствомъ.

Такимъ образомъ полнота казенныхъ сборовъ обезпечивалась еще капиталами главнаго сборщика—гостя.

При Петрѣ Великомъ городскія должности получили только иностранныя названія. Излюбленные головы и старосты стали называться бурмистрами, и собраніе московскихъ гостей стало называться бурмистерской палатой, а потомъ ратушей. Суть же дѣла осталась прежняя: закрѣпощенное къ торгово-промышленной дѣятельности городское населеніе Россіи должно было своимъ трудомъ доставлять средства на государственныя нужды.

Лишь со временъ императрицы Екатерины II, когда произошло раскрѣпощеніе дворянства и горожанъ, началась для русскаго города иная жизнь.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ,* „Исторія Россіи", т. XIII; *С. Ѳ. Платоновъ,* „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вв."; *Н. Д. Чечулинъ,* „Города въ Московскомъ государствѣ XVI в."; *А. С. Лаппо-Данилевскій,* „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ Смуты до эпохи преобразованій"; *М. В. Довнаръ-Запольскій,* „Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.".

Заставка—съ рукописнаго Евангелія начала XV вѣка.

Воеводское управленіе въ России XVII вѣка.

Книги писцовыя, переписныя, окладныя, въ которыя заносились описи земли и городовъ Московскаго государства, дѣлятъ территорію его на уѣзды, средоточіемъ которыхъ являются города. Уѣзды дѣлились на станы и волости. Строгаго различія между станами и волостями не было. Станъ былъ та же сельская волость, но только пригородная. Но нѣкоторые уѣзды дѣлились на станы, которые подраздѣлялись на волости; другіе уѣзды дѣлились только на станы; въ третьихъ, наконецъ, были и станы и волости, какъ одинаковыя дѣленія. Зависѣло все это отъ величины самыхъ уѣздовъ, которая была очень неравномѣрна. Такъ, Новгородскій уѣздъ заключалъ въ себѣ бо̀льшую часть земель бывшаго Государя Великаго Новгорода, т.-е. чуть не всю Двинскую и Озерную области, а уѣздъ Суздаля почти-что за предѣлами самого Суздаля граничилъ съ уѣздомъ сосѣдняго города. Въ общемъ, почти каждый городъ имѣлъ свой уѣздъ, но, напримѣръ, въ Вятскомъ уѣздѣ было пять городовъ, управлявшихся вмѣстѣ.

Уѣздомъ города считалась вся его округа, издавна привыкшая за всякой своей хозяйственной, судебной и иной нуждой обращаться въ этотъ городъ; „все, что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано или заѣхано, составляло его уѣздъ“. Земли Великаго Новгорода потому и составляли его уѣздъ, что за долгую совмѣстную историческую жизнь привыкли зависѣть отъ новгородскаго вѣча. Уѣзды городовъ Ростовско-Суздальскаго края потому и были такъ мелки,

что въ удѣльное время каждый изъ городовъ этого края былъ резиденціей самостоятельнаго удѣльнаго князя, а ближайшая окрестность составляла самое княжество, населеніе котораго искало въ городѣ у князя суда и правды, свозило сюда свою дань, получало отсюда управителей. Москва, вобравъ въ свои предѣлы всѣ удѣльныя княжества, невольно оставила за ними привычныя границы ихъ княженій и управленіе пріобрѣтенными землями устраивала въ этихъ привычныхъ населенію границахъ. Да и самое управленіе Москва оставила такое, какимъ оно было и въ городахъ прежняго Московскаго княжества и въ городахъ другихъ удѣльныхъ княжествъ.

Для управленія уѣздомъ посылались изъ Москвы намѣстники. Намѣстникъ управлялъ городомъ и прилежащими станами. Волостями уѣзда управляли присланные съ Москвы же волостели. Намѣстники и волостели управляли своими областями при помощи различныхъ чиновъ, имъ подчиненныхъ. То были: 1) тіуны, судившіе народъ по порученію намѣстниковъ и волостелей; 2) доводчики и праветчики, вызывавшіе тяжущихся на судъ, правившіе съ нихъ пеню и пошлины, отдававшіе обвиненныхъ и подсудимыхъ на поруки и т. п. Всѣ эти мелкіе чины назначались намѣстникомъ или волостелемъ изъ его домашнихъ, даже холоповъ. Это происходило оттого, что самъ намѣстникъ или волостель не получалъ жалованья отъ великаго князя за свою службу, а кормился разными штрафами и пошлинами. Онъ долженъ былъ заботиться, чтобы въ княжескую казну была собрана причитающаяся съ уѣзда сумма, а всѣ излишки шли въ его собственную пользу. Обыкновенно устраивалось такъ, что половина доходовъ съ уѣзда шла намѣстнику или волостелю, а другая въ казну великаго князя. Такъ тогда и называлось, что намѣстникъ или волостель такой-то посланъ на кормленіе въ такую-то область. Самая должность называлась кормленіемъ.

Намѣстники и волостели были полными управителями и судьями данныхъ имъ для „кормленія“ областей. Суду ихъ подлежали всѣ люди, жившіе въ уѣздѣ, и надо было имѣть особую грамоту отъ великаго князя, чтобы не быть подсуднымъ намѣстнику. Такія грамоты имѣли почти всѣ монастыри.

Кромѣ доходовъ, получаемыхъ отъ судебныхъ пошлинъ, намѣстники и волостели имѣли „кормы“ отъ всѣхъ жителей уѣзда. Они получали съ жителей „въѣзжее“—кто что принесетъ. Это былъ даръ вновь пріѣхавшему намѣстнику. Затѣмъ намѣстникъ получалъ дары на три великіе праздника—на Рождество, на Пасху и на Петровъ день. Намѣстнику шла еще брачная пошлина-кормъ; если вступали въ бракъ парень и дѣвица одной мѣстности, намѣстникъ получалъ „свадебное“, а если дѣвушку выдавали въ чужую мѣстность, то намѣстнику надо было заплатить „выводную куницу“. Такіе же дары, только, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, получали и подчиненные намѣстнику тіуны и доводчики.

Съ половины XV вѣка, когда Московское великое княжество выросло въ великорусское государство, такъ просто управляться стало нельзя; становилось нужнымъ позаботиться и о населеніи, съ котораго намѣстники и волостели могли иначе собирать, сколько хотѣли. Тогда прежде всего запретили намѣстникамъ собирать дань натурой и установили денежный оброкъ, который народъ долженъ былъ имъ выплачивать. Указали, кому и какъ люди могутъ жаловаться на злоупотребленія намѣстниковъ, а затѣмъ самый судъ намѣстниковъ былъ ограниченъ. При Иванѣ III было запрещено намѣстникамъ и волостелямъ судить безъ сотскаго, старостъ и лучшихъ людей. Василій III дозволилъ новгородцамъ выбрать со всѣхъ улицъ 48 цѣловальниковъ, которые чередуясь почетверо каждый мѣсяцъ, присутствовали на судѣ при тіунахъ.

При Иванѣ IV Грозномъ были постепенно отмѣнены должности намѣстниковъ и волостелей. Въ одной жалованной грамотѣ царя Ивана Грознаго говорится: „Прежде мы, жалуя нашихъ бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, давали имъ въ кормленіе города и уѣзды, но мы постоянно получали челобитныя, что наши намѣстники и волостели, сверхъ нашего жалованія, чинятъ продажи и убытки великіе, отъ чего наши села и деревни приходятъ въ запустѣніе и оброки платятся не сполна. А наши намѣстники и волостели жаловались на посадскихъ и волостныхъ людей, что они имъ подъ судъ не даются, не платятъ имъ кормовъ, а отъ этого между ними постоянныя тяжбы и поклепы великіе. Вслѣдствіе этого мы, желая народъ освободить отъ всякихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отставили, а вмѣсто сборовъ на нихъ мы приказали пооброчить волости деньгами“.

Городамъ и волостямъ велѣно было вмѣсто намѣстниковъ и волостелей выбрать излюбленныхъ старостъ, „которыхъ люди межъ собою излюбятъ и выберутъ всей землей“, которые умѣли бы и разсудить правду безкорыстно и скоро и вѣрно бы собирали оброкъ для доставленія въ царскую казну.

Выборнымъ же людямъ было поручено наблюденіе за порядкомъ и безопасностью въ городѣ и уѣздѣ. Для отбыванія этой общественной службы жители уѣзда выбирали губного старосту (губа—округъ). Весь уѣздъ раздѣлялся на сотни, полусотни и десятки съ выборными полицейскими чинами—сотскими, пятидесятскими и десятскими во главѣ. Это все были прямые подчиненные губного старосты и его ближайшихъ совѣтниковъ, тоже выборныхъ — губныхъ цѣловальниковъ. Губной староста отвѣчалъ за безопасность и спокойствіе въ уѣздѣ. Онъ ловилъ преступниковъ, предупреждалъ нападенія разбойниковъ, имѣлъ право казнить лихихъ людей, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Избиратели не только выбирали губныхъ старостъ съ ихъ подчиненными, но и отвѣчали за нихъ: если въ округѣ совершался разбой или грабежъ, и преступники успѣвали скрыться,

то всѣ обыватели должны были уплачивать по раскладкѣ, съ кого сколько придется, въ двойномъ размѣрѣ иски пострадавшихъ.

Такимъ образомъ избраннымъ властямъ поручались дѣла чисто-государственныя, а населеніе, избравшее этихъ чиновниковъ, отвѣчало за ихъ исправность. Управленіе устроено было точно такъ же, какъ сборъ казенныхъ пошлинъ и налоговъ: правительство, вмѣсто того, чтобы назначать своихъ чиновниковъ, поручило все управленіе каждымъ уѣздомъ и городомъ избраннымъ изъ мѣстныхъ жителей на ихъ сходкахъ земскимъ старостамъ. Какъ тамъ за вѣрность сбора, такъ здѣсь за точность и вѣрность службы избранные отвѣчали своимъ имуществомъ и спинами, а если нельзя было получить съ нихъ, то недоборъ и штрафы взыскивались съ тѣхъ, кто выбралъ нерадивыхъ или неисполнительныхъ чиновниковъ.

Эти избранные мѣстнымъ населеніемъ чиновники должны были такъ же вѣдать „государево дѣло", какъ его вѣдали прежніе намѣстники и волостели.

Замѣна намѣстниковъ и волостелей земскими старостами совершалась по просьбѣ самихъ „всеуѣздныхъ" людей, но не всѣ уѣзды воспользовались новымъ устройствомъ, тѣмъ болѣе, что за позволеніе выбирать себѣ свое мѣстное начальство города и уѣзды должны были платить новый оброкъ „за намѣстничей кормъ", который шелъ на жалованье служилымъ людямъ въ добавку къ земельнымъ дачамъ.

Во многихъ городахъ, особенно пограничныхъ, выборъ мѣстнаго начальства могъ и не состояться по случаю военнаго положенія этихъ городовъ и уѣздовъ и малаго числа невоенныхъ жителей. Въ такихъ городахъ и уѣздахъ все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, военныхъ начальниковъ гарнизона.

Когда настали тяжелые годы Смутнаго времени, то шайки и отряды непріятелей—поляковъ, шведовъ, казаковъ, сторонниковъ различныхъ самозванцевъ—разсѣялись по всей землѣ, и не стало тогда ни одного города, которому не угрожало бы непріятельское нападеніе.

Во всѣхъ городахъ пришлось завести военную охрану, вездѣ появились воеводы. Въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича шла дѣятельная очистка страны отъ послѣднихъ шаекъ различнаго бунтовавшаго, воевавшаго и грабившаго мирное населеніе люда. Эта война съ остатками Смуты и заставила держать въ городахъ, даже внутреннихъ, военные отряды подъ начальствомъ воеводъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воеводы были назначены въ 33 городахъ, въ которыхъ ихъ прежде не было.

Какъ представитель верховной власти, присланный изъ Москвы по царскому выбору, воевода управлялъ всѣмъ уѣздомъ и городомъ.

Воевода же былъ главнымъ начальникомъ военной охраны, судьей, подъ его вѣдѣніемъ состояли казенные сборы, въ его

руки, словомъ, сходились всѣ нити по управленію уѣздомъ и городомъ. Черезъ него шло все касающееся этого управленія въ Москву, къ царю и въ приказы, отъ него объявлялись жителямъ всѣ распоряженія высшаго правительства.

Воеводамъ поручался иногда даже надзоръ за исполненіемъ жителями христіанскихъ обязанностей. Въ 1650 г. туринскому воеводѣ было приказано тѣхъ людей, которые не оказываютъ должнаго почтенія къ Святымъ Божіимъ Тайнамъ, жестоко наказывать и посылать въ монастырь на покаяніе до тѣхъ поръ, пока виновные не навыкнутъ имѣть страхъ Божій. А въ 1660 г. новгородскимъ воеводамъ правительство поручило надзирать даже за священниками и провѣрять, заботятся ли они объ исправленіи требъ и нуждъ своихъ духовныхъ дѣтей.

На ряду съ воеводами продолжало существовать во многихъ городахъ и прежнее выборное управленіе съ земскими старостами и цѣловальниками, но всѣ эти чины были ниже воеводы и подчинялись ему. Вообще власть воеводы была столь же велика и обширна, какъ и власть прежнихъ намѣстниковъ и волостелей. Но только намѣстники и волостели обладали большой властью потому, что они получали вмѣстѣ съ городомъ право кормиться своей службой, а воеводы, появившіеся въ городахъ послѣ Смуты, обладаютъ властью военныхъ начальниковъ, назначенныхъ дѣйствовать въ тяжелое и суровое военное время, когда въ ихъ распоряженіи должно было находиться для пользы и лучшаго устройства защиты все—и люди и запасы. Намѣстники и волостели, можно сказать, хозяйничали въ городѣ, добывая *себѣ* средства къ существованію, воевода же управлялъ городомъ, заботясь прежде всего не о себѣ, не о своей выгодѣ, а о выгодахъ государства, которое послало его, воеводу, въ этотъ городъ охранять жителей и крѣпость отъ возможныхъ нападеній непріятеля. Въ этомъ смыслѣ должности намѣстниковъ и воеводъ — разное дѣло.

Прежніе намѣстники и волостели правили даннымъ имъ въ „кормленіе“ городомъ почти безотчетно, а власть воеводы правительство старается ограничить и требуетъ, „чтобы воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлали по нашему указу и служилымъ бы, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и проѣзжимъ никакимъ людямъ насильствъ не дѣлали и посуловъ и поминокъ (т.-е. взятокъ и подарковъ) ни отъ какихъ дѣлъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ на себя не имали, и на дворѣ у себя дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ, и казакамъ, и пушкарямъ, и съ посадовъ бы, и съ слободъ водовозомъ и всякимъ дѣловымъ людямъ быть и хлѣба молоть и толочь и печь, и никакого издѣлья дѣлати на себя во дворѣ, и въ посадѣхъ, и въ слободахъ не велѣли, и городскими и уѣздными людьми пашенъ бы своихъ не пахали и сѣна не косили...“

Запрещалось воеводамъ даже покупать для себя что-нибудь у подвѣдомственныхъ имъ обывателей, кромѣ съѣстного и

лошадей, а если надо было что купить, то чтобы покупали на рынкѣ, на виду у всѣхъ, а не заставляли бы торговыхъ людей привозить товаръ къ себѣ на воеводскій дворъ. Затѣмъ, во всѣ большіе города правительство посылало всегда по два воеводы и по два дьяка, а въ меньшіе города воеводу съ дьякомъ, и крѣпко приказывало, „чтобы они всякія дѣла дѣлали вмѣстѣ, за одинъ“.

Понятно, для чего придумывались всѣ эти мѣры; цѣль ихъ была—предотвратить возможныя злоупотребленія воеводъ.

Но крѣпко засѣвшее въ умахъ представленіе, что воеводская власть та же, что и прежняя намѣстничья, что воеводская должность можетъ и должна кормить воеводу, какъ „кормила“ прежняго намѣстника его власть, не такъ-то легко было искоренить, тѣмъ болѣе, что и народъ, жители посада и уѣзда, привыкнувъ „кормить“ намѣстниковъ и задабривать ихъ обиліемъ „корма“, несли большіе кормы и воеводамъ.

Желавшіе получить мѣсто воеводы подавали объ этомъ прошеніе государю и писали въ немъ по-старому: „прошу отпустить покормиться воеводой въ такой-то городъ“.

„Царю и государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Россіи самодержцу,—гласитъ одна такая просьба,—бьетъ челомъ бѣдный и безпомощный холопъ твой Лукашко Ивановъ сынъ Плещеевъ. Скитаюсь я, холопъ твой, межъ дворъ, голодною смертью помираю, а помѣстейца, государь, отца моего въ Ржевскомъ уѣздѣ 500 четей, а въ немъ восемь бобылей, и съ того, государь, помѣстейца мнѣ, холопу твоему, твоей государевой службы служити нечѣмъ, прокормиться не съ чего. Милосердный государь, царь, пожалуй меня бѣднаго, безпомощнаго холопа своего, для Спаса и для Пресвятой Богородицы и для своего государева многолѣтняго здравія, не дай, государь, мнѣ бѣдному умереть голодною смертію. Вели, государь, меня отпустить къ своему государеву дѣлу на Бѣлоозеро“.

Въ отвѣтъ на такую просьбу слѣдовало повелѣніе—„наказъ дать и отпустить“.

Правительство само не всегда выдерживало разницу между привычнымъ прежнимъ „кормленіемъ“ и новымъ взглядомъ на воеводство, какъ на службу. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Одинъ служилый человѣкъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ. Царь послалъ спросить въ Разрядный приказъ, есть ли свободный городъ, въ которомъ бы можно было нажить пятьсотъ-шестьсотъ рублей? Такой городъ нашелся, а именно—Кострома. Царь послалъ туда просителя и сказалъ, чтобы онъ нажилъ денегъ на воеводствѣ и купилъ себѣ деревню. Отслуживъ то время, на какое былъ назначенъ, воевода донесъ государю, что онъ нажилъ всего четыреста рублей. Царь велѣлъ тайно развѣдать, правду ли говоритъ воевода. Оказалось, что воевода говорилъ правду, бралъ только то, что ему приносили „въ почесть“, и ничего не вымогалъ съ жителей. Царю

понравилась честность воеводы, и онъ велѣлъ дать ему болѣе нажиточный городъ.

Каждому воеводѣ при назначеніи его давался наказъ, какъ управлять ему городомъ и уѣздомъ, но оставлялся и полный просторъ управлять не по наказу, если то „казнѣ будетъ прибыточно, а всякаго чина людямъ не тягостно“. Всѣ воеводскіе наказы неизмѣнно кончались предписаніемъ—„дѣлать все по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ тебя, воеводу, Богъ вразумитъ“.

Понятно, какой просторъ произволу воеводъ создавался и какъ мало ограничена, въ сущности, была ихъ власть. Немудрено, что недобросовѣстные воеводы пользовались своей властью съ корыстными цѣлями, во зло, вымогали и брали съ людей „посулы и поминки многіе“, несмотря на то, что доброму и справедливому воеводѣ и безъ намековъ съ его стороны всякаго „припасу“ „въ почесть“ носили столько, что можно было въ короткое время поправить довольно разстроенное состояніе. Воеводскихъ мѣстъ поэтому служилые люди мелкаго и средняго достатка добивались съ большимъ стараніемъ.

„Радъ былъ служилый человѣкъ, — говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ,—собираться въ городъ на воеводство: и честь большая и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники и подклѣтные—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята—и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый (блаженный), живущій во дворѣ—ему также будутъ подачки. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу...“

Вотъ новый воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматриваетъ все по описямъ, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ и посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братіи и племянниковъ, которые въ возрастѣ.

Воевода привезъ съ собой длинный царскій наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобы все государево было цѣло, чтобы вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, боя, грабежа; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судитъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; воевода смотритъ, чтобы всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города и съ уѣзда.

Въ воеводской избѣ сидятъ и слушаютъ царскій наказъ губной староста—выборный начальникъ всей полиціи уѣзда, и земскій староста съ цѣловальниками и вѣрными головами—выборный начальникъ города съ выборными же своими помощни-

ками и начальниками разныхъ казенныхъ сборовъ. Слушаютъ царскій наказъ эти мѣстныя власти и присматриваются: каковъ-то новый воевода? Вѣрны ли слухи о немъ, которые давно дошли до города?

Съ воеводой выборнымъ мѣстнымъ властямъ надо жить въ ладу—онъ сила и по своей власти и по своему значенію. Безъ воеводы какъ поймать тайнаго винокура, какъ сдѣлать у него обыскъ, какъ собрать долги съ недоимщиковъ и задолжавшихъ „питуховъ", т.-е. постоянныхъ потребителей казеннаго кружечнаго двора? А для ладовъ съ воеводой нужно не щадить ему подарковъ въ царскіе дни, что называлось „въ почесть для царскаго величества", не щадить подарковъ за обѣды, которые воевода будетъ давать мѣстнымъ властямъ и за которые эти власти должны были, по старому обычаю, отдаривать хозяина. Вотъ и смотрятъ посадскіе люди: очень ли прижимистъ будетъ на эти дары воевода или будетъ ласковъ и добръ? будетъ ли брать, что принесутъ, или станетъ запрашивать и лишнее? Слухи о новомъ воеводѣ разные—что-то въ нихъ правда?

Но вотъ прочли наказъ. Воеводу поздравляютъ съ царской милостью, онъ кланяется, благодаритъ на добромъ словѣ и завѣряетъ, что радъ послужить въ городѣ, что отъ него никакихъ продажъ и убытковъ посадскимъ и всеуѣзднымъ людямъ не будетъ. Посадскія и уѣздныя выборныя власти выслушивали рѣчь воеводы, кланялись и говорили, что они рады уважать государева слугу, рады его пріѣзду и вотъ просятъ принять въ почесть для пріѣзда, ради великаго государева имени, хлѣбъ-соль. Воевода угощалъ властей обѣдомъ, а послѣ обѣда приглашенные отдаривали хозяина.

Поддержка добрыхъ отношеній при помощи различныхъ даровъ и подарковъ обходилась городу довольно дорого. Но ничего подѣлать было нельзя — обычай слишкомъ былъ крѣпокъ. Несмотря на законъ, прямо запрещавшій кормы, посулы и поминки, ихъ ждалъ воевода, пріѣхавшій „покормиться", ихъ давать считали своимъ долгомъ обыватели. Это была „почесть".

Обычай заставлялъ всякаго, кто бы онъ ни былъ, за чѣмъ бы ни шелъ на воеводскій дворъ,—нести какой-нибудь подарокъ воеводѣ.

Нечего и говорить, что тяжущіеся—виноватые, которые хотѣли быть правыми, правые, боявшіеся, какъ бы ихъ даромъ не обвинили—несли подарки другъ передъ другомъ: кто больше и лучше, и въ поискахъ поддержки задаривали всѣхъ, кто былъ такъ или иначе прикосновененъ къ воеводскому суду или даже только къ воеводскому двору.

Посадскіе и уѣздные люди собирали межъ себя деньги на „кормъ и поминки" воеводѣ, и земскій староста велъ точный и аккуратный счетъ расхода этихъ мірскихъ денегъ. Вотъ записи изъ одной такой книги: „1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ 5 алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подьячему

пирогъ въ 4 алтына 2 деньги; другому подьячему пирогъ въ алтынъ 4 деньги; третьему подьячему пирогъ въ 3 алтына 2 деньги". Воевода позвалъ обѣдать, за эту честь надо его отблагодарить, и староста подноситъ воеводѣ послѣ обѣда: „въ бумажкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, служанкамъ 8 денегъ, слугамъ 6 денегъ". На другой день, 2 сентября, староста опять идетъ къ воеводѣ и несетъ: „четверть говяжью въ 12 алтынъ, да щуку въ 6 алтынѣ; подьячему—четверть говяжью въ 9 алтынъ". 3-го сентября староста несетъ воеводѣ „щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 свѣчъ сальныхъ, далъ 8 алтынъ 2 деньги, купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 дестей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги"... и такъ каждый день носитъ земскій староста то говядины, то рѣпы четверикъ, то щукъ, то вина и пива и самому воеводѣ и его „лакомымъ" подьячимъ.

А вотъ роспись расхода на воеводскомъ дворѣ присланнаго изъ уѣзда съ казеннымъ сборомъ мірского посыльнаго: „Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣбъ да колачъ въ два алтына, да мяса говяжья на 26 алтынъ, свиную тушу въ рубль, да баранью тушу въ 13 алтынъ, да деньгами въ бумажкѣ 3 рубля; племяннику воеводы — рубль; другому племяннику — 10 алтынъ; боярынѣ—рубль; дворецкому—21 алтынъ; людямъ на весь дворъ—21 алтынъ; ключнику—10 денегъ; малымъ ребятамъ—2 алтына; подьячему—хлѣбъ да колачъ, деньгами два рубля съ полтиной, женѣ его—16 алтынъ, двоимъ племянникамъ—рубль; людямъ на весь дворъ—10 алтынъ; приворотнику—алтынъ; малымъ ребятамъ—8 денегъ; блаженному—4 деньги; приставамъ далъ всѣмъ на всю братію 6 денегъ, да когда платилъ деньги, далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ въ книгу цѣловальникъ взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что міромъ посулено воеводѣ, 4 гривны". Надо было, значитъ, по тогдашнему обычаю, дарить, давать „поминки" даже своей братіи — выборнымъ.

Всѣ эти и другіе мірскіе расходы на воеводу и его подчиненныхъ и домочадцевъ были дѣломъ обыкновеннымъ и не возбуждали ни ропота, ни жалобъ. Но бывали воеводы, которые не довольствовались обычными полюбовными приношеніями и сами назначали, что и сколько должно быть имъ поднесено, „чинили людямъ тѣсноту и налогу большую, напрасныя продажи и убытки, били людей безъ сыска и безъ вины, сажали въ тюрьмы для своей корысти и, вымая изъ тюремъ, били батогами безъ вины для своей корысти". Тогда въ земской избѣ поднимались громкія жалобы, земскій староста отправлялся на воеводскій дворъ и „лаялъ" воеводу, т.-е. бранилъ его на чемъ свѣтъ стоитъ и упрекалъ въ неправдѣ. Когда это не помогало, призывался дьячокъ земской избы и подъ диктовку старосты строчилъ слезную челобитную въ Москву на воеводу отъ имени всѣхъ „уѣздныхъ и посадскихъ людишекъ".

Воевода тоже не дремалъ и, въ пику земскому прошенію на него, отправлялъ отъ себя челобитную въ Москву, жалуясь, что посадскій земскій староста „лаялъ“ его, воеводу, называлъ „воромъ“ при многихъ людяхъ, а эти „люди“ „чинятся сильны“, доходы платятъ оплошно и говорятъ мнѣ, воеводѣ, „съ большимъ невѣжествомъ“, чтобъ я съ нихъ казенныхъ доходовъ не собиралъ, „бунтуютъ, приставовъ бьютъ“.

Въ Москвѣ прочтутъ обѣ челобитныя и пошлютъ слѣдователя—„сыщика“—справиться, кто тутъ правъ, кто виноватъ. Дѣло затягивалось, запутывалось обоюдными жалобами и кончалось обыкновенно изморомъ либо уходомъ воеводы въ Москву или на другое воеводство. Но въ случаяхъ вопіющихъ, если воевода былъ не правъ и слѣдствіе подтверждало его вины—наказаніе не заставляло себя ждать: виновнаго сводили съ воеводства, били иногда батогами, отписывали въ казну всѣ его „животишки“ и „рухлядишку“ и приказывали впредь на воеводскую службу никуда не назначать. Еще въ 1619 году въ Москвѣ былъ даже учрежденъ особый приказъ—„приказъ, что на сильныхъ людей челомъ бьютъ“, въ который надо было подавать жалобы на насилье и самоуправство воеводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ народу строго-настрого запрещалось давать воеводамъ взятки—„посулы“, работать даромъ на воеводъ и исполнять ихъ незаконныя требованія. Но многіе „лихіе“ воеводы продолжали своевольничать и всеуѣздные люди продолжали давать незаконные дары воеводамъ, а когда приходилось невмоготу, то самоуправничали, „чинились сильны“, и отказывались повиноваться воеводѣ даже въ его законныхъ требованіяхъ.

Чтобы избавиться отъ подобнаго рода случаевъ, правительство, гдѣ позволяли эти обстоятельства, отмѣняло воеводское управленіе и всю власть воеводы вручало выборнымъ людямъ города и уѣзда—земскимъ и губнымъ старостамъ съ цѣловальниками. Но у населенія возникали тѣ же корыстныя неудовольствія и съ избранными, когда нѣкоторые изъ нихъ, почуявъ себя въ положеніи воеводъ, злоупотребляли своею властью. Опять тогда сыпались на Москву жалобы обывателей на „срамного и скареднаго губного старосту“ и жалобы старосты на „чинящихся сильными людишекъ“.

Были, конечно, случаи, когда все шло гладко при воеводскомъ управленіи, какъ, напримѣръ, во Псковѣ во время воеводства Ордина-Нащокина; были случаи полнаго порядка и благоустройства въ управленіи при однѣхъ лишь выборныхъ властяхъ. Большинство городовъ и уѣздовъ сѣвера сохранили у себя выборное начальство, не мѣняя его на воеводское, съ самаго начала введенія его и до послѣднихъ годовъ XVII вѣка. Но большинство городовъ и уѣздовъ просто не знало, на чемъ остановиться: то просило правительство дать имъ воеводъ, то молило убрать воеводъ и позволить опять управляться самимъ, своимъ выборнымъ начальствомъ. Городъ Дмитровъ управлялся,

напримѣръ, до 1639 г. воеводой, въ этомъ году онъ проситъ разрѣшить ему выбрать себѣ старосту, а въ 1644 году опять проситъ дать ему воеводу. И это не единственный случай такого рода колебаній.

Правительство не оставалось глухо къ такого рода челобитьямъ и всегда исполняло ихъ, мѣняя назначеннаго воеводу на выборнаго земскаго старосту и наоборотъ. И тотъ и другой одинаково должны были вѣдать „великое дѣло государево" и доставлять безъ задержки казенные сборы: для этого они только и ставились и одинаково отвѣчали за вѣрность и правильность службы. Поэтому-то и было такъ легко замѣнять однихъ другими, властей выборныхъ властями назначенными, ибо и выборныя и назначенныя власти творили одно дѣло государево и были одинаково отвѣтственны передъ московскими приказами.

Такъ длилось до самаго конца XVII вѣка, когда правительство убѣдилось, что власть воеводы должна быть ограничена. Съ конца XVII вѣка за выборными мѣстными властями окончательно остался сборъ казенныхъ доходовъ, воеводы же были отъ этого совсѣмъ устранены и потеряли всякую возможность вмѣшиваться по закону въ эти дѣла выборныхъ мѣстныхъ властей.

Учрежденіе Петромъ Великимъ губерній и губернаторскихъ должностей принизило, такъ сказать, и самую воеводскую должность — изъ первой она стала во вторыхъ степеняхъ и получила даже, впрочемъ, ненадолго, другое названіе: воеводы стали именоваться комендантами, но уже въ 1727 году званіе воеводъ было возстановлено и просуществовало до 1775 года, когда императрица Екатерина II издала „Учрежденіе о губерніяхъ", положившее начало новому строю управленія провинціей Русскаго государства.

Главнѣйшія пособія: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи", т. XIII; *Б. Чичеринъ*, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в."; *А. Д. Градовскій*, „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи"; *И. Андреевскій*, „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ"; *И. И. Дитятинъ*, „Изъ исторіи мѣстнаго управленія"; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи", ч. III; и др. соч.

Заставка — изъ рукописнаго житія св. апостола Андрея Первозваннаго (1660-хъ годовъ).

Дьяки и подьячіе Московскаго государства.

Во главѣ отдѣльныхъ частей управленія Московскимъ государствомъ стояли особыя учрежденія, которыя именовались приказами. Приказомъ называлось тогда то, что мы теперь называемъ канцеляріей, департаментомъ, министерствомъ. Приказы были, слѣдовательно, такими правительственными учрежденіями, которыя исполняли порученія правительства по управленію страной и вели текущее дѣло управленія той частью, которая была данному приказу подчинена.

Приказы, какъ правительственныя учрежденія, создались въ московское время, когда образовались государство и правительство, и возникли изъ учрежденій, хорошо извѣстныхъ удѣльному времени.

Удѣльный князь, хозяинъ своего княженія-удѣла, всякій разъ, когда въ его хозяйствѣ возникало дѣло, котораго онъ самъ почему-либо не хотѣлъ или не могъ рѣшить, *приказывалъ* разобраться въ этомъ дѣлѣ одному изъ своихъ бояръ. Такія дѣла могли быть временныя, напримѣръ, разборъ жалобы какого-нибудь монастыря на сосѣднихъ крестьянъ, запахавшихъ монастырскую землю, но бывали дѣла и болѣе

длительнаго характера, напримѣръ, правильный сборъ княжеской дани во всемъ княженіи или устройство выгоднаго хозяйства въ бортяныхъ княжескихъ лѣсахъ.

При такихъ болѣе или менѣе постоянныхъ приказахъ невольно складывался извѣстный распорядокъ внутренняго устройства. Боярину, которому князь приказывалъ наладить сборъ даней, приходилось набирать себѣ помощниковъ, письменныхъ людей, которые умѣли бы переписать данщиковъ, составить отчетность, вести переписку съ людьми, разосланными во всѣ стороны княженія для составленія списка данщиковъ, и т. п. Около такого боярина, которому было приказано порученіе сложное и требовавшее много времени для своего выполненія, такимъ образомъ невольно составлялся штатъ лицъ, работающихъ надъ этимъ дѣломъ.

Грамотные люди въ то время встрѣчались чаще среди служителей и причетниковъ церкви. Въ приходахъ всю письменную часть, какая была, велъ тогда дьячокъ, дьякъ. Служители по письменной части при дворѣ удѣльнаго князя были тоже изъ дьяковъ его придворной церкви, а потому это названіе перешло и на всѣхъ, кто служилъ перомъ при князѣ. Дьякъ, начальникъ письменной части при удѣльномъ князѣ, становился тѣмъ болѣе важнымъ лицомъ, чѣмъ болѣе развивалась въ управленіи княжествомъ письменная дѣятельность. Одному дьяку часто нельзя было справиться со всѣмъ дѣломъ, тогда ему давали помощниковъ, подчиненныхъ ему—подьяковъ или подьячихъ.

Въ большихъ удѣльныхъ княжествахъ, удѣльныхъ великихъ княженіяхъ, конечно, скоро образовался такой кругъ однородныхъ дѣлъ, которыя возникали одно за другимъ, такъ что получалось извѣстное постоянство ихъ. Таковы, напримѣръ, были дѣла судебныя. Если преступленія и споры объ имуществѣ въ какомъ-нибудь небольшомъ удѣльномъ княжествѣ—Бохтюжскомъ или Андожскомъ — были рѣдки, по малочисленности населенія и скромнымъ размѣрамъ княжества, и могли быть разрѣшаемы, какъ только возникали, оставляя правительству долгій промежутокъ между отдѣльными случаями, то въ большихъ удѣльныхъ великихъ княженіяхъ—Тверскомъ, Рязанскомъ, Московскомъ—перерывовъ по неимѣнію дѣлъ, напримѣръ, въ судѣ или вѣдомствѣ надѣленія землей поряжавшихся на службу къ князю, не могло быть. Нельзя было также прерывать, то прекращая, то возобновляя ее, такую дѣятельность, какъ устройство военной силы или сбора дани. Мелкій удѣльный князь о войскѣ могъ не заботиться, потому что его у него не было и не могло набраться, а тверскому великому князю одно сосѣдство съ Литвой и Москвой не позволяло прервать заботу о военной силѣ своего княжества. Подъ давленіемъ постоянной нужды въ устройствѣ той или иной части управленія, временные и непостоянные „приказы“ князя, назначавшіеся только для улаженія

того или иного дѣла, превращались въ приказы постоянные, которые князь поручалъ для длительнаго веденія одному лицу, по своему выбору; этотъ начальникъ приказа, судья этого дѣла, засѣдалъ въ особомъ помѣщеніи на княжескомъ дворѣ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ младшихъ и старшихъ помощниковъ—дьяковъ и подьячихъ.

Когда образовалось Московское государство, то всѣ дѣла по управленію стали постоянными и потребовали постояннаго наблюденія и надзора за своимъ теченіемъ. Съ XV вѣка историки и отмѣчаютъ появленіе приказовъ, какъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій, постоянно вѣдающихъ порученные каждому изъ нихъ отдѣлы управленія и суда. По мѣрѣ развитія государства, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго приказа; съ присоединеніемъ къ Москвѣ каждаго отдѣльнаго княжества или земли устраивался на время или оставался навсегда приказъ, вѣдавшій эту землю. Такъ, завоеваніе Смоленска при великомъ князѣ Василіи III привело къ возникновенію разряда или приказа Смоленскаго, впослѣдствіи уничтоженнаго; завоеваніе Казани создало Казанскую избу или Казанскій дворецъ, вѣдавшій и Сибирь до 1634 г., когда былъ учрежденъ особый Сибирскій приказъ; возсоединеніе Малороссіи принесло съ собой учрежденіе Малороссійскаго приказа.

Всѣ эти приказы вѣдали каждый всѣми дѣлами—и по управленію и суду и по сбору платежей въ городахъ и уѣздахъ отданной ихъ вѣдѣнію территоріи.

Другіе приказы вѣдали какое-либо одно дѣло на всемъ пространствѣ страны; это приказы дворцовые, управлявшіе собственнымъ хозяйствомъ государя, и приказы, занятые устройствомъ и управленіемъ такихъ обще-государственныхъ дѣлъ, какъ международныя сношенія, военное дѣло, финансы, ямская гоньба, т.-е. тогдашняя почта и пути сообщенія, судъ.

Всѣ эти важныя отрасли государственнаго строительства не были подѣлены на крупныя вѣдомства въ родѣ современныхъ министерствъ, а были раздроблены на множество самостоятельныхъ управленій—„приказовъ“. Такъ какъ приказы возникали по мѣрѣ того, какъ создавалась потребность въ постоянномъ управленіи и наблюденіи за тѣмъ дѣломъ, которымъ тотъ или иной приказъ долженъ былъ завѣдывать, то въ разное время число приказовъ въ Московскомъ государствѣ было различно, и можно подмѣтить только, что число это росло, а не уменьшалось. Котошихинъ насчитываетъ въ своемъ описаніи, относящемся къ половинѣ XVII в., 42 приказа, а въ 1680-хъ годахъ завѣдомо извѣстно свыше 60 приказовъ.

Важнѣйшими приказами были: Посольскій, вѣдавшій международныя сношенія, иноземную торговлю и торговцевъ, выкупъ плѣнныхъ, на что собирался этимъ приказомъ особый налогъ; Разрядный приказъ руководилъ всѣмъ военнымъ дѣломъ въ государствѣ, къ нему были приписаны всѣ города-крѣпости по

южной границѣ; приказъ Помѣстный испомѣщалъ служилыхъ людей. Рядомъ съ этими главными военными приказами стоялъ цѣлый рядъ приказовъ, управлявшихъ отдѣльными войсковыми частями или отдѣльными частями военнаго снаряженія; это были приказы: Казачій и Стрѣлецкій, Рейтарскій, Иноземскій, Оружейный и Пушкарскій.

а хто моихъ бояръ имѣта
служити оу моее кнагини
а волостии имуть вѣдати. да
ють кнагинѣ моеи прибытъ
ка половину. а хто моихъ лю
дии дѣловыхъ. или п сего бу
приступили или хто ми са будута
въ винѣ достала. такоже мо
итии вуни. и посельскиѣ и клю

Образецъ полуустава половины XIV вѣка.
(Съ духовной грамоты великаго князя Семена Гордаго).

Важнѣйшимъ изъ финансовыхъ приказовъ былъ приказъ Большого Прихода, гдѣ вѣдались таможни, пошлины съ торговыхъ лавокъ, особенно московскихъ. Среди финансовыхъ приказовъ любопытны чети, или четверти. Возникли эти четверти въ XVI вѣкѣ, послѣ отмѣны кормленій; въ завѣдываніе четвертямъ были отданы города и уѣзды, въ которыхъ было введено самоуправленіе; четверти должны были собирать съ этихъ городовъ и уѣздовъ налогъ „за намѣстничъ кормъ“ каждая со своей доли; налогъ этотъ шелъ на жалованье служилымъ людямъ преимущественно городовымъ лучшимъ, они такъ и именовались „четвертчики“. Четверти назывались по округамъ, съ которыхъ собирали налогъ „за намѣстничъ кормъ“: Галицкая, Владимирская и Костромская—эти три были древнѣйшія и, пока ихъ было три, они именовались третями; четвертая четверть, Устюжская, была учреждена только въ самомъ началѣ XVII в. Эта Устюжская четверть, какъ и другая позднѣйшая четверть—Новгородская, вѣдали приписанные къ нимъ поморскіе города во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1619 году былъ учрежденъ приказъ „Новая четверть“, вѣдавшій кабацкій доходъ сначала только въ Москвѣ, а потомъ и въ городахъ другихъ четвертей; эту Новую четверть

въ просторѣчьѣ именовали кабацкой четью. Приказъ Большой Казны вѣдалъ гостей, торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ, серебрянаго дѣла мастеровъ, денежное дѣло и впослѣдствіи завѣдывалъ торговлей казенными товарами съ заграницей; Счетный приказъ имѣлъ задачей контроль преимущественно военныхъ расходовъ.

Дворцовыя имѣнья, угодья, доходныя статьи и промыслы, разбросанные по всей территоріи государства, управлялись приказомъ Большого Дворца, рядомъ съ которымъ стояли приказы болѣе мелкаго круга вѣдомства, частью даже зависимые отъ Большого Дворца; это мастерскія палаты разныхъ названій, Аптекарскій приказъ, Постельный, Золотой; особое значеніе среди этихъ приказовъ имѣлъ Казенный дворъ; ему были подчинены дворы: хлѣбенный, сытенный, кормовой, житный, конюшенный. Въ приказѣ Казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложены: царская казна, сосуды золотые и серебряные, всякаго рода ткани — полотна, парча, штофъ, шелкъ, атласъ и мѣха, отсюда берутъ этотъ матеріалъ на всѣ надобности самого государя и его домашнихъ, отсюда же берутъ его и на жалованье всякаго чина людямъ. Тогда не существовало ни орденовъ, ни другихъ знаковъ отличій, и великій государь жаловалъ лицъ, заслужившихъ его ласку, платьемъ—дарилъ знатныхъ людей шубами: бархатными, парчевыми, атласными на соболяхъ; жаловалъ государь или прямо готовую шубу, или весь матеріалъ на нее. Казенному двору были подвѣдомственны болѣе ста человѣкъ портныхъ и скорняковъ; они и были заняты тѣмъ, что шили платье на государя и его близкихъ и для пожалованій. Менѣе знатныхъ людей, дворянъ, конюховъ, сокольничьихъ, пѣвчихъ и т. п., государь жаловалъ сукномъ, камкой, тафтой на платье, сафьяномъ на сапоги, соболемъ на шапку,—все это отпускалось тоже съ Казеннаго двора. Съ Казеннаго же двора отпускались ежегодно сукна стрѣльцамъ на кафтаны, соболя, шелковыя матеріи и сукна донскимъ казакамъ. На Казенный дворъ постоянно приходили священники, дьяконы, дьячки разныхъ московскихъ и городовыхъ церквей за государевымъ жалованьемъ; однимъ оно полагалось ежегодно, другимъ—разъ въ нѣсколько лѣтъ, третьимъ—какъ государь укажетъ. Больше 18.000 человѣкъ духовенства въ годъ перебываетъ, бывало, на Казенномъ дворѣ!

Деньги на все это шли изъ приказа Большого Дворца. Тамъ засѣдали бояринъ, дворецкій, окольничій, думный дворянинъ да два или три дьяка. Вѣдалось въ этомъ приказѣ больше сорока городовъ. Приказъ Большого Дворца собиралъ въ этихъ городахъ подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, со всякихъ угодій. Всего собиралъ этотъ приказъ до 120.000 рублей въ годъ.

Конюшенный приказъ до XVII в. вѣдалъ бояринъ конюшій; это званіе считалось тогда первымъ по чину и чести. При царѣ

Ѳедорѣ Ивановичѣ конюшимъ бояриномъ былъ Борисъ Годуновъ. Въ XVII в. это званіе уничтожили. Изъ дворцовыхъ приказовъ любопытенъ еще приказъ Панафидный, который вѣдалъ поминовеніе по усопшимъ царямъ и членамъ царскаго дома и раздавалъ милостыню за упокой ихъ душъ.

Большое значеніе при царѣ Алексѣѣ имѣлъ приказъ Тайныхъ Дѣлъ. Этотъ приказъ велъ переписку царя, вѣдались

Образецъ скорописи половины XV вѣка.

здѣсь также дѣла, которыя особенно занимали государя: гранатное дѣло, соколиная охота, голуби, которые шли на кормъ хищныхъ охотничьихъ птицъ; держали этихъ голубей на особомъ голубиномъ дворѣ больше 100.000 штукъ.

Разбойный приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего Московскаго государства. Для гражданскаго суда въ дѣлахъ служилыхъ людей были два судныхъ приказа—Московскій и Владимирскій; для москвичей существовалъ особый судный приказъ—Земскій, вѣдавшій также и полицейскую безопасность столицы; холоповъ судилъ и все холопье дѣло вѣдалъ Холопій приказъ.

Къ каждому приказу были приписаны города, слободы, цѣлые уѣзды, съ которыхъ приказъ собиралъ подать на свое содержаніе. Жители приписанныхъ къ приказу городовъ судились въ этомъ приказѣ, какъ и всѣ подвѣдомственные приказу люди. Благодаря обилію приказовъ и смѣшенію въ нихъ дѣлъ по управленію и суду, создавалась большая запутанность и неопредѣленность. Часто люди Московскаго государства не знали, въ какой приказъ надо обратиться по тому или иному дѣлу, такъ

какъ по разнымъ дѣламъ одинъ и тотъ же городъ вѣдался въ разныхъ приказахъ. Неправильно взятый сборъ пострадавшій иногда такъ и не могъ найти, переходя въ поискахъ своихъ денегъ изъ одного приказа въ другой; такъ, посадскіе люди вѣдались по разнымъ сборамъ, а слѣдовательно и по суду, въ приказахъ Большого Дворца, Большой Казны, Большого Прихода и нѣкоторыхъ другихъ. По своему внутреннему устройству и положенію приказы не были однородны; одними изъ нихъ управляли бояре и окольничьи, другими дьяки; одни приказы были вполнѣ самостоятельны, другіе во многомъ, а то и вполнѣ зависѣли отъ приказовъ болѣе важныхъ; одни приказы имѣли мѣстное значеніе, другіе общее, центральное.

Во главѣ каждаго отдѣльнаго большого приказа, какъ его начальникъ, стоялъ назначенный царемъ бояринъ, или окольничій, или думный дворянинъ. Начальникъ приказа назывался обыкновенно судьей. У судьи былъ товарищъ—помощникъ, иногда не одинъ; всю переписку, теченіе дѣлъ, ихъ распредѣленіе вѣдалъ дьякъ—главный секретарь приказа. Засѣданіе приказа состояло изъ судьи съ товарищами и дьяка; всѣ дѣла они рѣшали вмѣстѣ; если судья и товарищи его были люди высшихъ чиновъ, то рѣшеніе приказа называлось приговоромъ бояръ такого-то приказа. Судья единолично не могъ рѣшать дѣлъ, всякое рѣшеніе должно было состояться съ согласія товарища и дьяка; они не могли ставить свое рѣшеніе „всѣ вмѣстѣ и безъ единаго, и единый безъ всѣхъ“, какъ тогда говорили; это значитъ, что рѣшеніе приказа только тогда имѣло полную силу, когда было принято единогласно: ни одинъ безъ всѣхъ не могъ рѣшить дѣло, ни всѣ безъ одного.

Собиралось присутствіе приказа въ особой комнатѣ, отдѣленной отъ той, гдѣ сидѣли многочисленные подьячіе. Комната присутствія называлась „казенкой“, потому что здѣсь обыкновенно стояла „казна“—желѣзный сундукъ; въ немъ хранились деньги и цѣнности приказа. Сидѣли судьи за столомъ, покрытымъ краснымъ или зеленымъ сукномъ.

Душой дѣятельности приказа былъ его дьякъ. Судья и товарищи судьи были для приказа люди новые, потому что часто перемѣнялись, дьякъ же сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ и, искушенный долгимъ опытомъ, великолѣпно зналъ все дѣлопроизводство, всѣ тайны и ухищренія приказной практики, всѣ законы и указы, и умѣлъ примѣнять и толковать ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ.

Значеніе дьяковъ, какъ первыхъ знатоковъ законовъ и дѣла управленія, начало складываться вмѣстѣ съ ростомъ государства. На высшія должности московскіе государи всегда должны были назначать людей знатныхъ и родовитыхъ, руководствуясь при этихъ назначеніяхъ только „великою породою“ этихъ лицъ.

Дьяки выбирались государемъ изъ незнатныхъ людей—

„поповичей и простого всенародства“. Приставленные къ службѣ, они только ею и дорожили и, конечно, дѣлали дѣло лучше, чѣмъ являвшіеся мимолетными гостями главные начальники изъ знати. Обязанные высокимъ служебнымъ положеніемъ личнымъ своимъ заслугамъ и государевой милости, дьяки были преданными слугами государя и слѣпыми исполнителями его воли. Царь

Образецъ скорописи первой половины XVI в. (1543 г.).

Доложа дворскаго белоозерскаго Данила Григорьева сына Мишакова се язъ Ѳедоръ Діевъ сынъ Дудинъ далъ есми Воскресенью Христову въ Кирилову пустыню Белого игумену Васьяну зъ братьею дворъ свой въ городѣ на Белѣозерѣ и съ огородомъ въ Ондрѣевской улицѣ по своей душе въ домъ въ вѣкы вѣкомъ. А въ межахъ: сторону Якуня Котовъ а зъ другую сторону питла. А во...

Иванъ Васильевичъ Грозный въ своей борьбѣ съ боярами, считавшими себя обязательными для государя совѣтниками, во многомъ опирался на дьяковъ и велъ дѣла только при ихъ помощи. Недаромъ большіе бояре оскорблялись такимъ предпочтеніемъ. „Есть у великаго князя,—писалъ одинъ такой оскорбленный,—новые вѣрники, дьяки: его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ; ихъ отцы нашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ“.

Ко времени царя Алексѣя, когда родовитое боярство много потеряло послѣ дѣятельности Грознаго и Смуты въ своемъ первенствующемъ значеніи, дьяки получаютъ большую силу и значеніе въ государствѣ. Думные дворяне, окольничьи, бояре могли стоять во главѣ приказовъ, но приказъ могъ обойтись и безъ знатнаго судьи. Въ XVII вѣкѣ были приказы безъ бояръ и

окольничьихъ, но не было ни одного, въ которомъ не сидѣлъ бы дьякъ и часто не одинъ, а два или три. Были приказы, въ которыхъ засѣдать могли только дьяки, а бояре и окольничьи не допускались вовсе. То были Панафидный приказъ и приказъ Тайныхъ Дѣлъ. Въ этомъ приказѣ, по описанію Котошихина, сидѣлъ дьякъ да подьячихъ съ десять человѣкъ, и „вѣдаютъ они и дѣлаютъ всякія дѣла царскія, тайныя и явныя. И въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, и подчиненъ этотъ приказъ прямо самому царю“.

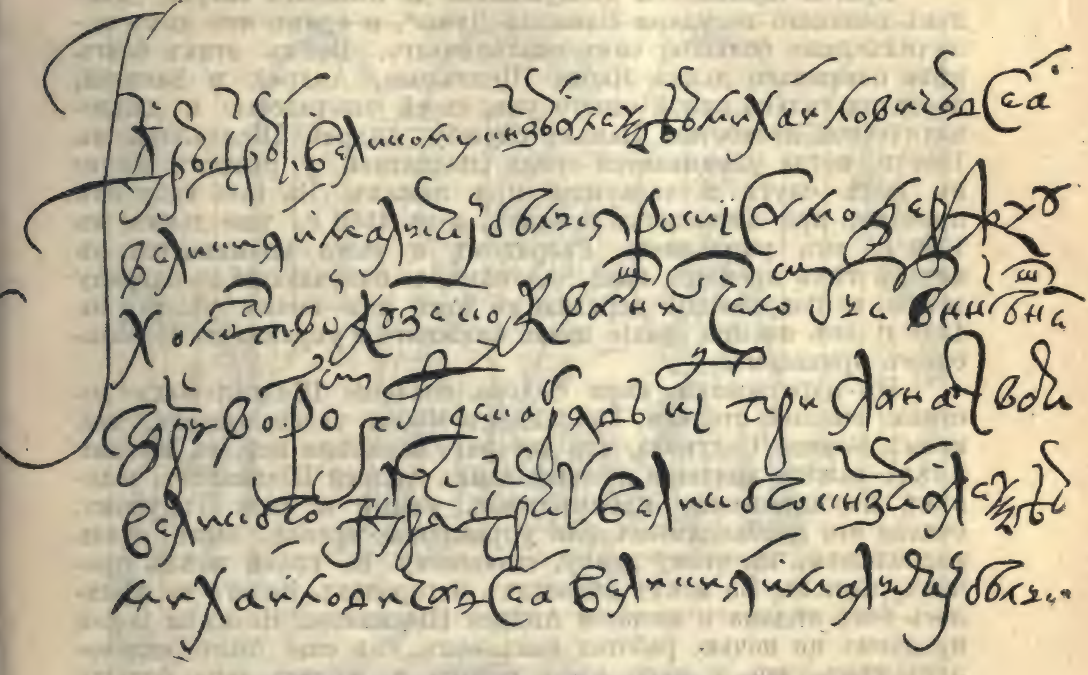
Всякому знатному человѣку, назначенному на ту или иную высокую должность — намѣстникомъ, большимъ воеводой, великимъ посломъ и т. п.—всегда назначался въ товарищи дьякъ. Дьяки сидѣли съ воеводами, управлявшими городами и уѣздами Московскаго государства, и судили и рѣшали всѣ дѣла вмѣстѣ съ ними, какъ ихъ товарищи. Они и назначались на службу, какъ товарищи знатныхъ начальниковъ, по указу великаго государя, и знатные начальники безъ совѣта и согласія дьяковъ ничего не могли дѣлать. Въ Астрахани одинъ разъ произошла размолвка дьяковъ съ воеводой, и правительство осталось безъ всякихъ вѣстей изъ Астрахани на довольно долгое время, такъ какъ въ Астрахани остановились всѣ дѣла: что напишетъ воевода, то перемараетъ дьякъ, а что дьякъ напишетъ, того не утверждаетъ воевода.

Дьяковъ съ титуломъ думнаго назначали засѣдать въ Боярскую Думу. Какъ люди незнатные, худородные, дьяки занимали послѣднее мѣсто въ Думѣ; они стоятъ, когда всѣ сидятъ, и лишь „улучивъ время“ выходили посидѣть въ сосѣднюю палату; только очень изрѣдка государь, смилостивившись надъ ихъ усталостью, когда засѣданіе Думы затягивалось, разрѣшалъ присѣсть и дьякамъ. Но, хотя и стоя, дьяки принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ: „мыслятъ“ съ царемъ и боярами, не всегда соглашаются съ мнѣніями знатныхъ думцевъ, а умѣютъ настоять на своей мысли и провести ее вопреки сопротивленію знатныхъ думцевъ.

Начиналъ свою дѣятельность будущій дьякъ простымъ подьячимъ и сидѣлъ въ приказѣ, строча бумаги; иногда отъ письменныхъ занятій его отрывали и посылали гонцомъ въ другой городъ или младшимъ приставомъ къ иноземному послу. Исполняя такія мелкія порученія, молодой подьячій навыкалъ къ дѣлу, а за успѣшное исполненіе порученій получалъ награду: то землицы ему дадутъ въ помѣстье, то кафтанъ пожалуетъ государь или шапку соболью пришлютъ съ Казеннаго двора. Назначенный дьякомъ въ какой-нибудь небольшой и малозначительный приказъ, онъ постепенно повышался въ службѣ, переходя во все болѣе и болѣе значительные приказы. Если дьякъ обладалъ ловкостью, выдающимся умомъ и способностями, то дослуживался до званія думнаго дьяка, присутствовалъ на „сидѣніи государя съ бояры“ и велъ дѣла одного изъ важнѣйшихъ прика-

зовъ—Разряднаго или Посольскаго. Въ промежутокъ службы въ двухъ приказахъ, дьяка отправляли товарищемъ воеводы въ какой-либо городъ или въ посольство товарищемъ же посла, или, наконецъ, ему поручали описать въ казенныхъ цѣляхъ какую-либо область или уѣздъ.

Такая разнородная, многолѣтняя служебная дѣятельность въ многочисленныхъ приказахъ и внѣ ихъ, по управленію, вы-

Образецъ скорописи начала второй половины XVII в.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу вся великая и малыя і бѣлыя Росіі самодержцу холопъ твой Куземко Квашнинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 170 (1661 г.) году декабря въ 18 день прислана твоя великаго государя царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя і бѣлыя...

рабатывала изъ дьяковъ большихъ знатоковъ правительственныхъ порядковъ и строя Московскаго государства. Они выработали прекрасный, точный, выразительный языкъ своихъ грамотъ и умѣли писать кратко и отчетливо, излагая суть дѣла. При царѣ Алексѣѣ бѣжалъ за границу, въ Швецію, подьячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ. Тамъ, по порученію шведскаго правительства, онъ составилъ описаніе современной ему Россіи. Надо было много и хорошо знать тогдашнія дѣла, чтобы дать такое превосходное описаніе, какое далъ Григорій Котошихинъ, а онъ еще далеко не дослужился до дьячества. Всѣ дѣла, все устройство Московскаго государства у него какъ на ладонкѣ, и

онъ описываетъ все наизусть — безъ книгъ, безъ записей, пользуясь только своими знаніями и памятью да справляясь съ тогдашнимъ собраніемъ русскихъ законовъ — Уложеніемъ. Понятно, какимъ знатокомъ дѣлъ и нужнымъ въ правительствѣ лицомъ могъ стать какой-нибудь думный дьякъ, каждый изъ братьевъ Щелкаловыхъ, напримѣръ, знаменитыхъ дѣльцовъ времени царей Ивана, Ѳеодора Ивановича и Бориса Ѳеодоровича.

Братья Щелкаловы дослужились до пышнаго титула „дьяковъ великаго государя Ближнія Думы“, и одинъ изъ нихъ получилъ даже большой чинъ окольничьяго. Всѣхъ этихъ благъ дѣти неважнаго дьяка Якова Щелкалова, Андрей и Василій, достигли только силой своего ума, своей опытностью и дипломатической ловкостью. Началъ службу Андрей Щелкаловъ въ 1550 г., когда упоминается среди „поддатней у рындъ“, нѣчто въ родѣ слуги и товарища при пажахъ. Въ 1560 году онъ приставъ при литовскихъ послахъ, а въ 1563 г. уже дьякъ; въ 1570 г. онъ управляетъ Разрядомъ и часто упоминается въ актахъ тѣхъ временъ, какъ человѣкъ, то получающій въ награду землю, то покупающій деревню въ томъ или иномъ уѣздѣ. Въ 1575 г. онъ носитъ званіе дьяка ближняго и управляетъ Посольскимъ приказомъ.

Въ царствованіе царя Ѳеодора значеніе Щелкаловыхъ достигло высшей степени. Голландецъ Масса разсказываетъ, что, кромѣ Бориса Годунова, отъ котораго зависѣли всѣ, въ Москвѣ имѣлъ важное значеніе думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, человѣкъ необыкновенно пронырливый, умный и злой. Годуновъ, считая его необходимымъ для управленія страной, былъ очень расположенъ къ этому дьяку, стоявшему во главѣ всѣхъ прочихъ дьяковъ. Во всѣхъ областяхъ и городахъ ничего не дѣлалось безъ вѣдома и желанія Андрея Щелкалова. Не имѣя покоя ни днемъ ни ночью, работая какъ волъ, онъ еще былъ недоволенъ тѣмъ, что у него мало работы, и желалъ еще больше работать. Борисъ Годуновъ не могъ достаточно надивиться трудолюбію Андрея Щелкалова и говорилъ: „Я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ и полагаю, что весь міръ былъ бы для него малъ!“

О дѣятельности Щелкаловыхъ, ихъ силѣ, значеніи, умѣ, знаніи дѣла составились цѣлыя легенды. О Щелкаловыхъ разсказывали, что они ничего и никого не боялись, дѣлали все умно и хитро, не любили никого спрашивать и страшно „самовольничали“, особенно, когда составляли списки служебныхъ назначеній. Въ такихъ случаяхъ они не стѣснялись даже искажать родословныя росписи, по которымъ эти назначенія дѣлались. Продѣлывали это они, дружа своимъ благопріятелямъ и родственникамъ. Плутни ихъ вскрывались при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ, но на судьбу Щелкаловыхъ это не вліяло, и наказанія за грамоты, „выданныя не по дѣлу“, т.-е. ложныя, они не несли — должно-быть, этихъ умныхъ и пронырливыхъ знатоковъ приказнаго

дѣла некѣмъ было замѣнить. „Сами они,—говоритъ историкъ дьячества,—смѣнили Ивана Висковатова, но долго не появлялся новый Висковатый, который могъ бы занять ихъ мѣсто въ Посольскомъ приказѣ“. За широкой спиной Андрея Щелкалова „самовольничали“ и его подчиненные: „въ приказѣхъ что хотѣли, то и дѣлали“ и „воеводы, Щелкаловыхъ для (т.-е. ради), и слова имъ молвить не смѣли“.

Дьякъ „печатаетъ“ царскій указъ.
Калькированный рис. изъ лицевого описанія бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича. Подписываніе указа не мѣстничать во время свадебныхъ торжествъ.

Приказы были наполнены подьячими. Въ Разрядномъ приказѣ, кромѣ дьяковъ, въ 1676 г. считалось 109 человѣкъ подьячихъ. Подьячіе размѣщались въ комнатахъ приказа, расположенныхъ передъ казенкой. Каждый приказъ дѣлился на „столы“, вѣдавшіе отдѣльныя части дѣла. Разрядный приказъ въ 1666 г. дѣлился на три стола, между которыми были распредѣлены различные уѣзды, управлявшіеся Разрядомъ, разныя судебныя и другія дѣла, вѣдавшіяся въ этомъ приказѣ. Столы эти назывались: Московскій, Новгородскій и Приказный. Каждый столъ, въ свою очередь, раздѣлялся на нѣсколько отдѣленій, по которымъ дѣла вели особые подьячіе; эти отдѣленія, или доли „стола“, назывались „повытьями“, отъ слова „выть“, что и значитъ доля.

Подьячіе наполняли не только приказы, но и городовыя съѣзжія избы—канцеляріи воеводъ. Подьячіе получали жалованье землей и деньгами. Денежное жалованье имъ было не велико: первый подьячій Посольскаго приказа, т.-е. человѣкъ, стоявшій уже около дьячества, получалъ жалованья всего 935 рублей на наши деньги, оклады же низшихъ подьячихъ равнялись иногда всего семнадцати рублямъ въ годъ на нашъ счетъ.

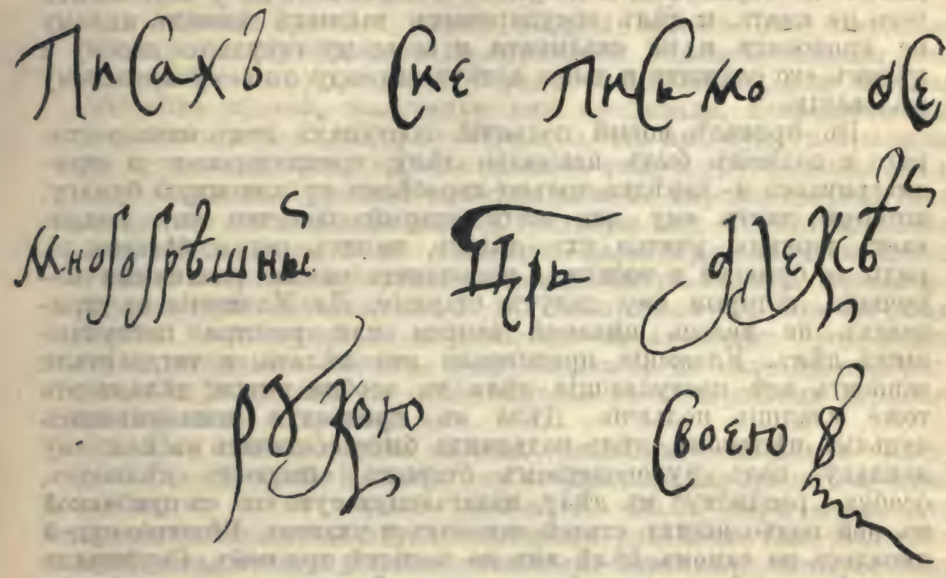
Подьячіе были не всѣ равны; они дѣлились на младшихъ—это только-что поступившіе на службу; подьячіе средней статьи—это опытные, искусившіеся въ дѣлѣ люди; наконецъ, старые подьячіе — движущая сила всего приказа, знатоки законовъ и указовъ, большіе мастера подгонять статьи закона подъ дѣло или дѣло втискивать въ статьи закона. Эти старые подьячіе—начальство для мелкаго приказнаго люда и учителя младшихъ на поприщѣ приказнаго дѣла. Сидѣли эти старые подьячіе обыкновенно во главѣ стола, и вся работа подчиненныхъ имъ среднихъ и меньшихъ подьячихъ проходила черезъ ихъ руки и направлялась ихъ умомъ и знаніемъ. Особенно заслуженные старые подьячіе получали въ отличіе званіе „подьячаго со справою", т.-е. управляющаго надъ другими подьячими; выше подьячихъ со справою стояли „подьячіе съ приписью"; это очень большой чинъ: въ небольшихъ городахъ подьячіе съ приписью состояли всегда въ должности воеводскихъ товарищей; подьячій съ приписью подписывалъ, „скрѣплялъ" всѣ бумаги—отсюда и его названіе „съ приписью".

Эти высшіе подьяческіе чины назначались обыкновенно изъ Москвы; старыхъ подьячихъ уѣздныхъ брали въ московскіе приказы, и въ свой городъ изъ Москвы они, если возвращались, то всегда со званіемъ подьячаго со справою или подьячаго съ приписью, а то и дьяка, если подьячему очень повезло по службѣ.

Количество подьячихъ въ провинціальныхъ избахъ было не велико; въ большихъ городахъ оно рѣдко достигало 23—30 человѣкъ, а въ мелкихъ городахъ все казенное письмо лежало иногда на одномъ-двухъ подьячихъ. При стремленіи правительства забирать старыхъ подьячихъ въ Москву, на мѣстахъ ощущался иногда недостатокъ пищущей братіи, и воеводы слали тогда въ Москву жалобы, что вотъ-де письменнаго дѣла въ городѣ много, разныя памяти да отписки, да наказы, а писать некому, молодые же подьячіе „писать не умѣютъ", т.-е. не знаютъ всѣхъ тонкостей приказнаго дѣлопроизводства, не умѣютъ, сказали бы теперь, составить бумагу по формѣ.

Сдѣлаться подьячимъ было довольно-таки трудно въ томъ смыслѣ, что одного собственнаго желанія было для этого мало, требовалось еще согласіе воеводы въ уѣздѣ, а въ Москвѣ согласіе судьи; для уѣзда требовался еще „выборъ" и „заручная запись" со стороны „градскихъ и уѣздныхъ людей". Обыкновенно кандидатъ въ уѣздные подьячіе подавалъ челобитную въ Москву,

въ Разрядъ, сюда же присылали свою заручную челобитную и горожане, съ просьбой утвердить этого человѣка подьячимъ. Для горожанъ и уѣздныхъ людей чрезвычайно важно, чтобы подьячіе съѣзжей избы, или губной, или земской, или при таможнѣ, были изъ своихъ, мѣстныхъ жителей. Вѣдь эти учрежденія охватывали всю жизнь тогдашняго обывателя; здѣсь былъ весь судъ и расправа, здѣсь собирали подати, все подъ руко-

Подпись царя Алексѣя Михайловича.

водствомъ чужого, пріѣзжаго изъ Москвы человѣка, особенно въ XVII вѣкѣ. Очень важно было, чтобы дѣлецъ и законникъ при воеводѣ, писавшій всѣ грамоты, ведшій все сношеніе съ Москвой, былъ изъ своихъ и мирволилъ, такъ сказать, своимъ, а не воеводѣ. Свой человѣкъ удобенъ и еще въ одномъ отношеніи: у своего совѣсти не станетъ „брать такихъ налогъ и взятковъ", какіе не постѣснится взимать съ обывателей чужой.

Вопросъ о выборѣ подьячихъ былъ настолько важенъ, что часто возникали случаи борьбы между двумя и болѣе партіями, изъ которыхъ каждая хотѣла провести своего кандидата. Обыкновенно горячая борьба по этому поводу возникала у горожанъ съ уѣздными людьми.

Въ Москвѣ утверждали въ должности обыкновенно того кандидата, за котораго было больше рукоприкладствъ, а въ спорахъ воеводъ съ градскими людьми относительно кандидатовъ въ подьячіе почти всегда въ Москвѣ одерживалъ верхъ кандидатъ отъ населенія. Вновь опредѣленныхъ подьячихъ воевода приводилъ къ присягѣ и бралъ съ нихъ крестоцѣловальную запись.

Въ этой записи новый подьячій обѣщался передъ крестомъ и евангеліемъ „государю своему царю... и его царскаго величества сыну... служити и добра хотѣти, и дѣла всякія дѣлати и судити вправду, по дружбѣ никому ни въ чемъ не норовити, а по недружбѣ ни въ чемъ не мстити, и государскія казны всякія беречи, и ничѣмъ государскимъ не корыстоваться, и пожитку себѣ государскою казною не учинити, и ни съ кѣмъ государскою казною не ссужатися, и посуловъ и поминковъ ни у кого ни отъ чего не имать, и дѣлъ государевыхъ тайныхъ всякихъ никому не проносити и не сказывати, и во всемъ государю своему и дѣтямъ его служити и добра хотѣти вправду по сему крестному цѣлованію...“

Въ приказѣ новый подьячій поступалъ подъ начало стараго и долженъ былъ навыкать дѣлу, приглядываясь и присматриваясь и изрѣдка только перебѣляя ту или иную бумагу, которую дастъ ему для этого старый; попутно онъ подливаетъ чернила, учится ихъ дѣлать, чинитъ перья, бѣгаетъ въ ряды за бумагой и воскомъ, исполняетъ самыя различныя порученія, которыя ему дадутъ старшіе. До Уложенія въ приказахъ не велось никакой записи или реестра поступающихъ дѣлъ. Уложеніе предписало это дѣлать, и тогда стали заносить всѣ поступающія дѣла въ особыя книги; дѣлали это тоже младшіе подьячіе. Дѣла въ приказахъ докладывались судьямъ цѣликомъ, дѣло подьячихъ было составить къ каждому докладу, подъ руководствомъ старыхъ опытныхъ дѣльцовъ, особую „расписку“ къ дѣлу, излагающую суть его, съ прибавкой къ ней подходящихъ статей законовъ и указовъ. Рѣшеніе судей писалось на самомъ дѣлѣ или на запискѣ при немъ. Скрѣпляли и помѣчали дѣла дьяки обыкновенно небрежнымъ размашистымъ почеркомъ по склейкѣ на оборотѣ листовъ столбца.

Въ каждомъ приказѣ, кромѣ подьячихъ, получавшихъ жалованье, — верстанныхъ, какъ тогда говорили, или штатныхъ, сказали бы мы,—было еще немало служившихъ безъ жалованья, неверстанныхъ, сверхштатныхъ, которые тоже раздѣлялись на старыхъ, среднихъ и молодыхъ, и ждали своей очереди, когда ихъ поверстаютъ за отличіе окладомъ.

Существованіе неверстанныхъ подьячихъ, служившихъ безъ жалованья, и малые размѣры штатнаго жалованья показываютъ, что въ приказѣ можно было жить сыто на одну только „писчую деньгу“, т.-е. на тѣ пошлины, которыя взимались въ приказѣ съ просителей за разныя справки, за составленіе бумагъ и т. п. Эти пошлины давали, вѣроятно, изрядный доходъ, который и дѣлился между всѣми дьяками и подьячими приказа.

Кромѣ этихъ законныхъ доходовъ, приказные люди тѣхъ временъ имѣли большой прибытокъ отъ всякихъ „посуловъ“ и „поминокъ“, т.-е. взятокъ и подарковъ. Котошихинъ, самъ бывшій подьячій, разсказываетъ, что хотя „дьяки и подьячіе даютъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, чтобы

имъ посуловъ не имати и дѣла дѣлати вправду по царскому указу и по Уложенію, но ни во что ихъ есть вѣра и заклинательство: наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли отвести не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собой, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочерь, или черезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто и не вѣдаютъ...“

Обычай брать и давать посулы выросъ изъ стариннаго взгляда на службу, какъ на кормленіе. Удѣльные князья, давая кому-либо въ управленіе городъ или волость или назначая человѣка судьей, жалованья ему не давали, а предоставляли кормиться отъ службы, со всего того, что имъ будутъ приносить за судъ и расправу нуждающіеся въ томъ и другомъ обыватели.

Старинный русскій человѣкъ даже въ царскій дворецъ шелъ всегда съ какимъ-либо даромъ государю или его дѣтямъ. Такой даръ могъ быть и не цѣннымъ—царю преподносили иногда ученаго снѣгиря, говорящаго скворца, бѣлую ворону, царевичу—игрушечную сабельку и т. п. Въ приказъ въ почесть дьяку можно было принести породистаго арзамасскаго гуся, отмѣнныхъ моченыхъ яблокъ, меду липоваго, да мало ли еще чего; все, что было само по себѣ хорошо, то по-хорошему дарилось, по-хорошему и принималось.

Но, конечно, этотъ обычай создавалъ скользкую почву, стоя на которой и дьякъ съ подьячими и просители легко, слишкомъ легко теряли равновѣсіе. Вѣдь даръ подносился просителемъ начальству, въ которомъ проситель такъ или иначе нуждался. Отсюда у начальства легко возникало желаніе получить даръ посущественнѣе, а у просителя складывалось стремленіе этотъ даръ увеличить, чтобы хоть съ убыткомъ, да пріобрѣсть заручку въ важномъ дѣлѣ.

При плохой обезпеченности жалованьемъ тогдашнихъ подьячихъ, дары, кормленье отъ дѣлъ, пріобрѣтали очень важное значеніе для ихъ хозяйствъ.

Подьячій старался набрать себѣ кормовъ какъ можно больше, а нуждающійся въ чиновникѣ обыватель платилъ ему съ расчетомъ, что, чѣмъ больше онъ дастъ „поминокъ“, тѣмъ скорѣе и лучше „попомнитъ“ и рѣшитъ его дѣло или двинетъ впередъ ублаготворенный чиновникъ.

Въ московское время даже законъ мало различалъ, гдѣ находится граница между допустимыми и недопустимыми поборами чиновниковъ съ обывателей.

До насъ дошло много просьбъ подьячихъ тѣхъ временъ на имя государя, въ которыхъ челобитчики-подьячіе просятъ прибавки жалованья, объясняя свою просьбу тѣмъ, что въ ихъ „столѣ“ нѣтъ „корыстовыхъ дѣлъ“, нѣтъ челобитчиковъ: вѣдаются въ этомъ „столѣ“ только дѣла государевы, т.-е. казенныя.

Понятно, что при такихъ условіяхъ богато разрастались злоупотребленія, притѣсненія и вымогательства приказными отъ просителей поминокъ, создавалось взяточничество „съ налогою и вымогательствомъ“. Это значитъ, что приказные не только сами назначали размѣры взятки, но и вымогали съ просителя эту сумму, волоча дѣло, задерживая справки и т. п. Обыватель терпѣлъ; чѣмъ больше онъ терпѣлъ, тѣмъ больше росли вымогательства, и только когда обывателямъ становилось совсѣмъ невтерпежъ отъ обидъ и насилій со стороны приказныхъ, обыватели составляли слезное моленіе въ Москву самому царю, чтобы избавилъ онъ сиротъ своихъ отъ такихъ-то и такихъ-то подьячихъ и прислалъ новыхъ, причемъ указывали обыкновенно, сколько подьячихъ въ ихъ земскую избу нужно и кого бы изъ своихъ они хотѣли въ этой должности имѣть. Такіе подьячіе по выбору отъ населенія, попавъ на мѣсто, становились людьми казенными, чиновниками, но, связанные многочисленными нитями родства, знакомства, денежныхъ и хозяйственныхъ отношеній съ мѣстными жителями, являлись въ приказѣ своего рода гарантіей для мѣстныхъ жителей, что интересы ихъ не очень будутъ попраны пріѣзжимъ чиновникомъ.

Иностранцы-современники единогласно свидѣтельствуютъ, что въ московскихъ приказахъ за деньги можно было добиться всего.

Въ 1627 г. жители города Устюга, измучившись отъ злоупотребленія подьячихъ своей съѣзжей избы, жаловались государю и писали такъ:

„Сидятъ въ Устюгѣ въ съѣзжей избѣ пять человѣкъ подьячихъ: одни изъ нихъ взяты изъ посадскихъ тяглыхъ людей, другіе, пріѣхавшіе въ Устюгъ, купили себѣ тяглые посадскіе дворы. У этихъ подьячихъ по молодому подьячему, а сами они разбогатѣли сильно: въ волостяхъ за ними деревни лучшія, податей со своихъ городскихъ дворовъ они не платятъ, съ деревень подати платятъ вполовину и многія подати за нихъ платятъ посадскіе люди міромъ; да они же ѣздятъ, перемѣняясь, въ волости по государевымъ дѣламъ, и по волостямъ берутъ себѣ почести великія, кормы, вина, пива; берутъ съ насъ при сборѣ государевыхъ податей лишнія деньги, а въ роспись эти лишки не ставятъ, да они же берутъ съ насъ жалованье по двадцати рублей на человѣка (по 400 нашихъ рублей). Вели, государь, дать изъ Москвы на Устюгъ троихъ молодыхъ подьячихъ, или вели выбрать на Устюгѣ подьячихъ міромъ, а тѣхъ старыхъ подьячихъ вели перемѣнить: можно быть въ Съѣзжей избѣ на Устюгѣ троимъ подьячимъ; прежде было трое и безъ найму, изъ одного доходу. Смилуйся, государь, пожалуй“. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ исполнить просьбу устюжанъ, и послѣ слѣдствія подьячихъ отставили.

Не ко всякому дьяку и подьячему можно было просто подойти съ подношеніемъ, а надо было выждать да вызнать, что и какъ любитъ подьячій. Человѣкъ немалаго чина, стольникъ

Колонтаевъ, нуждаясь по своимъ дѣламъ въ дьякѣ и посылая ему „поминки“, такъ наказывалъ своему слугѣ: „Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичъ скажетъ, то итти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи: прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля (т.-е. по-нашему около 70 рублей), да обѣщай еще, а куръ, пива, ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подьячему Степкѣ Ремезову и попроси его, чтобы сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степку не проси: я его, подлаго, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, онъ, Степка, жадущая рожа и пьяная...“

Кромѣ приказныхъ дьяковъ и подьячихъ, сидѣвшихъ по приказамъ въ Москвѣ и городахъ и дѣлавшихъ дѣло государево, въ древней Руси были еще подьячіе, которые на государственной службѣ не состояли, платили всѣ подати, но кормились перомъ. Это были такъ называвшіеся тогда „площадные подьячіе“. Ихъ должность была сходной съ должностью нашихъ нотаріусовъ. Они писали различныя купчія, духовныя, прошенія, челобитныя,—словомъ, всѣ тѣ бумаги, которыя приходилось старинному русскому человѣку представлять въ приказъ, чтобы начать тамъ дѣло. Не состоя на казенной службѣ, площадные подьячіе все же могли исполнять свое дѣло только съ разрѣшенія властей, и тогда всякая бумага, писанная площаднымъ подьячимъ и имъ подписанная, имѣла характеръ любого нашего акта, заключеннаго и засвидѣтельствованнаго у нотаріуса. Площадными эти подьячіе назывались потому, что располагались обыкновенно со своимъ письменнымъ матеріаломъ на площади возлѣ приказовъ. Зимой они сидѣли въ особой избѣ, „писчей избушкѣ“, а лѣтомъ прямо на площади и здѣсь строчили по просьбѣ всякаго нуждающагося въ бумагѣ разныя купчія, просьбы и прошенія.

Площадные подьячіе работали артелью, ручаясь другъ за друга; во главѣ каждой артели стоялъ выбранный ею староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобы всякіе акты и постороннія письма площадные подьячіе писали съ его вѣдома, помѣчали имена въ бумагахъ правильно, писали при свидѣтеляхъ и чтобы „воровски“ не писали ничего заочно, безъ заказчика и его свидѣтелей. Когда такой подьячій попадался въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, то староста докладывалъ о немъ въ приказъ, и тогда „вороватаго“ подьячаго „отставляли отъ площади“.

Въ Москвѣ на Ивановской площади передъ приказами состояло въ XVII вѣкѣ однихъ штатныхъ площадныхъ подьячихъ 24 человѣка, а число нештатныхъ, изъ людей, которыхъ пускали на время „покормиться“ перомъ, было очень различно въ разное время и всегда велико.

Письменная работа подьячихъ въ приказахъ и на площади начиналась рано утромъ, прерывалась на обѣденное время, а потомъ длилась до ночи снова.

Государевы указы устанавливали неоднократно, чтобы судьи и дьяки въ приказъ пріѣзжали поранѣе, а выходили изъ приказа попозже. Вообще требовалось, чтобы они сидѣли въ приказахъ не менѣе 12 часовъ въ сутки: съ 6 часовъ утра до обѣда и часовъ съ двухъ пополудни до девятаго часа вечера.

Въ присутственныхъ комнатахъ приказа не очень приглядно: темно, душно, стоитъ чадъ отъ сальныхъ свѣчей въ „шенданахъ", т.-е. шандалахъ, желѣзныхъ подсвѣчникахъ; обычные тогда узкіе, въ три доски, столы приказа завалены бумагами и всякимъ нужнымъ для письма матеріаломъ: тутъ и чернила въ глиняныхъ чернильницахъ, клей въ горшкахъ для склеиванія полосъ бумаги, киноварь—красная краска или чернила для того, чтобы вырисовывать заглавныя буквы на бумагахъ, сургучъ въ палкахъ, воскъ, печатный штемпель, гусиныя перья, ножи для чинки перьевъ. Все это въ хаосѣ и безпорядкѣ на умазанномъ чернилами и киноварью, закапанномъ сургучомъ и воскомъ столѣ. На закопченыхъ стѣнахъ видны образцы красиваго письма, на полкахъ свитки бумаги, разные грамоты и указы, которыми приказу приходится руководствоваться въ своей дѣятельности. Образъ въ красномъ углу довершаетъ обстановку.

Сидятъ приказные люди на лавкахъ, тѣсно одинъ къ другому; благодаря тѣснотѣ, выработали они себѣ даже особую манеру писать — стола не надо подьячему, если нѣтъ мѣста на столѣ, приткнется онъ гдѣ-нибудь на скамейкѣ, у печки, на подоконникѣ, положитъ ногу на ногу, сверхъ — полосу бумаги, заткнетъ запасное перо за ухо, другое въ рукахъ, мѣдная чернильница виситъ на шнуркѣ черезъ шею на груди, и вотъ, проворно мокая гусиное перо, строчитъ такой дѣлецъ какую-нибудь отпускную, приправочную или иную грамоту.

Писали въ старину въ присутственныхъ мѣстахъ очень много, московскіе подьячіе были завалены работой, которую не успѣвали сдѣлать въ присутственное время и должны были работать не только по праздникамъ, но и по ночамъ.

Начальники приказовъ строго взыскивали со своихъ подчиненныхъ всякую неисправность. Проработаетъ, бывало, иной подьячій, не разгибая спины, цѣлый день, засидится ночью и, не выдержавъ давленія бумажной горы, уйдетъ домой, не кончивъ дѣла. Свѣдаетъ о томъ дьякъ, призоветъ къ себѣ въ „казенку" на другой день неисправнаго чиновника и начнетъ ему „выговаривать", да еще иной разъ и побьетъ собственноручно, а то велитъ побить виноватаго батогами передъ приказомъ на посмѣхъ всѣмъ прохожимъ, въ стыдъ и поношеніе самому виноватому. Этимъ наказаніе не ограничится: за прогулъ присудитъ дьякъ виноватому просидѣть ночь въ приказѣ за дѣломъ, а чтобы онъ не убѣжалъ, велитъ сторожамъ привязать подьячаго къ скамейкѣ

и смотрѣть за нимъ, чтобы онъ дѣло дѣлалъ, а не спалъ, растянувшись на столѣ, подложивъ подъ голову груду бумаги.

Бумаги на письмо въ московскихъ приказахъ изводилось столько, что англичане, смѣясь, разсчитали, какъ съ избыткомъ хватило бы годового расхода ея на то, чтобы укрыть всю землю Московскаго государства. Но, помимо смѣхотворныхъ преувеличеній, надо признаться, что дѣятельность старинныхъ московскихъ подьячихъ была изумительно щедра на трату бумаги и чернилъ. Какъ ни горѣли тогдашніе деревянные русскіе города, когда огонь въ нѣсколько часовъ не оставлялъ отъ застроенныхъ улицъ и площадей ни кола ни двора, до нашихъ дней все же сохранились необозримыя груды письменнаго матеріала отъ тѣхъ временъ. Сколько его, кромѣ огня, истребила сырость, сколько его погибло отъ небрежнаго устройства тогдашнихъ архивовъ, и все-таки его осталось еще много-много... Почти сто лѣтъ цѣлыя учрежденія заняты разборомъ этихъ остатковъ старины, и все еще нельзя сказать, чтобы изслѣдователи проникли всюду глубоко въ груды этихъ свитковъ, тетрадей и книгъ.

Писали тогда на длинныхъ полосахъ бумаги, „столбцахъ", съ одной стороны, приклеивая одну къ другой. По скрѣпамъ, на оборотной чистой сторонѣ, дьякъ „мѣтилъ" дѣло своимъ небрежнымъ почеркомъ — ему нечего было стараться писать хорошо, онъ слишкомъ важная персона: кому нужно, тѣ разберутъ, что онъ нацарапалъ. Вотъ съ подьячаго, съ того спрашивался четкій, хорошій почеркъ и умѣнье писать грамотно. Храни Богъ, если подьячій сдѣлаетъ важную описку, особенно въ титулѣ государя: напишетъ, напримѣръ, вмѣсто великій государь, только „великій", а слово „государь" нечаянно пропуститъ,— велитъ дьякъ бить такого невнимательнаго работника передъ приказомъ батогами нещадно.

Исписанныя и склеенныя полосы свертывались въ трубку и составляли иногда колесо очень солидныхъ размѣровъ. Если размотать иное большое дѣло, то получится лента въ нѣсколько десятковъ аршинъ: есть столбцы въ 75 и 100 аршинъ, а Уложеніе царя Алексѣя, писанное на столбцахъ, достигло 350 аршинъ; чтобы смотать вновь такой столбецъ въ сотню аршинъ, требуется часа два времени безполезнаго и скучнаго труда. Петръ Великій особымъ указомъ въ 1702 г. запретилъ писать столбцами и тѣмъ положилъ конецъ этому неудобному способу писанія.

Хранились исписанные столбцы въ ящикахъ, которые помѣщались съ помѣтками на нихъ въ особой комнатѣ нижняго этажа приказа.

Такъ какъ почти каждый приказъ былъ и судомъ, а съѣзжія избы въ городахъ, кромѣ того, и полицейскими учрежденіями, то въ подвалѣ приказа или во дворѣ его находилась тюрьма, гдѣ сидѣли колодники. Время отъ времени колодниковъ „вынимали" изъ тюрьмы и сажали передъ приказомъ, чтобы сердобольные прохожіе подавали имъ милостыню. На эти подаянія тюрьма питалась.

Передъ нѣкоторыми приказами были врыты въ землю невысокіе столбы. Къ этимъ столбамъ каждое утро привязывали тѣхъ, кто имѣлъ несчастье попасть на правёжъ. Это были неоплатные должники, которыхъ привязывали здѣсь и били по ногамъ тонкими палками или прутами, пока они не заплатятъ долга сами или кто изъ родни ихъ, сжалившись, не заплатитъ за нихъ. Изъ окна „казенки“ присматривалъ за битьемъ дьякъ. Не смотрѣть нельзя: подкупитъ наказываемый сторожа, тотъ и положитъ ему въ сапогъ крѣпкій лубокъ и бьетъ по нему,— отъ такаго правёжника, конечно, выплаты долго не дождешься...

Главнѣйшія пособія: *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки XVI в.“; *В. О. Ключевскій*, „Боярская Дума древней Руси“; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XIII; *П. Ивановъ*, „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ“; *С. Ѳ. Платоновъ*, „Статьи по русской исторіи“; *С. Шумаковъ*, „Къ исторіи московскихъ приказовъ“; и другія сочиненія.

Заставка и буква—съ рукописи половины XVI вѣка.

Судъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ Кіевской Руси одной изъ обязанностей князя было „судити людемъ въ правду“, „по праву“, „по старинѣ и пошлинѣ“. Въ пользу князя, какъ верховнаго судьи, шли различныя судебныя пени и штрафы. Такимъ образомъ судъ былъ для князя доходной статьей.

Князь судилъ виновныхъ и разбиралъ споры самъ или чрезъ своихъ тіуновъ. Судебныя дѣла рѣшало также и вѣче. По дѣламъ духовнымъ, т.-е. касавшимся церкви или людей, принадлежавшихъ къ церкви, судьями были митрополитъ и епископы.

Судили по обычаю, какъ повелось отъ дѣдовъ, или, если возникалъ новый небывалый случай, судьи ждали указанія отъ князя или вѣча. Разъ данное такое указаніе продолжало служить руководствомъ и дальше, если возникалъ опять такой же случай. Судебные обычаи частью передавались по памяти, частью были записаны. Такой записью древнихъ судебныхъ обычаевъ были, напримѣръ, Русская Правда, Псковская Судная грамота, составленная въ XIV вѣкѣ, Новгородская Судная грамота 1475 г.; древніе судебные обычаи записаны также въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ Ригой, Готландомъ и нѣмецкими городами, заключенномъ въ 1229 г. Много судебныхъ обычаевъ записано въ другихъ грамотахъ, купчихъ, рядныхъ и уставныхъ,

дошедшихъ до насъ отъ XIII и XIV вв. Законы церковные собраны въ „Уставѣ Владимира Св. о церковныхъ судахъ“, въ „Уставѣ Ярослава Мудраго о церковныхъ судахъ“, въ „Уставѣ великаго князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о мерилѣхъ торговыхъ“ и въ другихъ памятникахъ.

Но обычаи суда въ разныхъ мѣстахъ были не одинаковы, судьи, особенно недобросовѣстные, могли толковать обычаи, какъ хотѣли, такъ что возникало много вражды и неудовольствія.

Съ XIII вѣка въ сѣверо-восточной Руси начинаетъ устанавливаться порядокъ и строй жизни, которые опредѣляются выраженіемъ „удѣльный“. Эта удѣльная Русь распадалась на множество большихъ и малыхъ княженій, жившихъ каждое своей обособленной жизнью. Во главѣ каждаго княженія стоялъ удѣльный князь—собственникъ всей земли своего княженія. Онъ правилъ этой землей черезъ своихъ намѣстниковъ и волостелей; эти намѣстники и волостели князя были и судьями для жителей тѣхъ волостей, которыми управляли; какъ за управленіе, такъ и за судъ они получали кормъ съ населенія въ видѣ различныхъ судебныхъ пеней и штрафовъ; волостели и намѣстники судили свободное волостное и посадское населеніе, сидѣвшее на земляхъ „черныхъ“.

Но въ удѣльномъ княжествѣ были еще земли дворцовыя, были „пути“—отдѣльныя доходныя статьи князя, къ которымъ приписывали земли и людей въ различныхъ мѣстахъ княжества; этими „путями“ управляли „бояре путные“ и „путники“, иногда лица, лично зависимыя отъ князя, его собственные холопы, взысканные за вѣрность милостью князя; „путные бояре“ и „путники“ были и судьями надъ людьми, приписанными къ ихъ путямъ. Въ удѣльныхъ княжествахъ были затѣмъ вотчины богатыхъ бояръ и монастырей, на земляхъ этихъ вотчинъ проживало немало народа, арендовавшаго землю у этихъ владѣльцевъ, или зависѣвшихъ отъ нихъ по долгу, найму, закладниковъ и т. п. Судьями надъ этими людьми являлись вотчинники—бояринъ, монастырь. Въ жалованныхъ грамотахъ, которыя князья давали вотчинникамъ, подтверждая ихъ права на владѣніе, обыкновенно оговаривалось и право суда вотчинниковъ въ предѣлахъ ихъ вотчинъ: „а вѣдаетъ свои люди самъ (бояринъ или игуменъ) или кому прикажетъ, а кому будетъ чего искать (на бояринѣ или игуменѣ) ино ихъ сужу язъ самъ князь великій, или мой бояринъ введенный“.

Такимъ образомъ въ удѣльное время прямая судебная власть князя дѣйствовала не во всей землѣ его княженія и не надъ всѣмъ населеніемъ; рядомъ съ судомъ князя, въ равномъ съ нимъ положеніи, былъ судъ владѣльческій—бояръ и монастырскихъ игуменовъ въ ихъ владѣніяхъ; даже княжескіе „намѣстники“ и „волостели“ судили не отъ имени князя, а отъ своего и получаемый отъ суда доходъ сдавали не въ княже-

скую казну, а брали себѣ, какъ „кормъ“, т.-е. какъ свой личный доходъ. Намѣстники и волостели не имѣли права вмѣшиваться въ судъ вотчинниковъ. Когда возникали дѣла, затрагивавшія лицъ, тянувшихъ по суду къ разнымъ судьямъ, когда, напримѣръ, истецъ долженъ былъ судиться у намѣстника, а отвѣтчикъ, жившій на монастырской землѣ, зналъ только судъ своего игумена, то назначался „смѣстный судъ“; намѣстникъ князя и посланный игуменомъ старецъ съѣзжались въ такомъ случаѣ „на рубежѣ“ сосѣдящихъ областей, людьми которыхъ значились истецъ и отвѣтчикъ, и *совмѣстно*, т.-е. сообща разбирали такое дѣло; всѣми судными доходами мѣстные судьи дѣлились поровну, и виновный платилъ, что съ него причиталось, на обѣ стороны. Если такіе „вобчіе“ судьи не могли даже послѣ долгой „при“, т.-е. судебнаго спора, прійти къ единогласному рѣшенію, то они обращались къ третейскому суду, „заряжали себѣ третьяго“, которому и отдавали на окончательное рѣшеніе спорное дѣло; такимъ третейскимъ судьей могъ быть какой-либо князь, игуменъ, бояринъ, „кого себѣ излюбятъ“ смѣстные судьи, не „доспѣвшіе“ согласно приговора.

О томъ, что въ подобномъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ князю, какъ рѣшительному судьѣ, не слыхать въ тогдашней жизни. Государственнаго суда, какъ мы его понимаемъ, въ удѣльное время не существуетъ, потому что не существуетъ еще и государства; удѣльное княжество прежде всего вотчинное владѣніе, хозяйство каждаго даннаго князя, и судъ въ этомъ княжествѣ-вотчинѣ—одна изъ многихъ доходныхъ статей князя-хозяина и тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ управленіемъ: правитель и судья всегда совмѣщаются въ одномъ лицѣ, и судебная дѣятельность является одной изъ сторонъ дѣятельности по управленію. А такъ какъ управленіе имѣло своей задачей собрать больше прибытка, то и судъ дѣйствовалъ въ удѣльное время больше всего какъ доходная статья. Съ этой точки зрѣнія судъ въ удѣльныя времена стремится, налагая наказаніе на виновнаго, наказать его такъ, чтобы судьѣ было прибыточно, а не убыточно; убыточны были такія наказанія, какъ ссылка, смертная казнь, а прибыточны—пеня и штрафъ.

Поэтому судъ удѣльныхъ временъ тщательно бережетъ еще отъ временъ Русской Правды доставшееся ему воззрѣніе на преступленіе, какъ на хозяйственный ущербъ, который преступникъ долженъ возмѣстить, заплативъ штрафъ и пеню; въ удѣльное время исчезаетъ, напр., изъ обычая такое наказаніе, какъ „потокъ и разграбленіе“, которое по Русской Правдѣ назначалось за конокрадство и состояло въ томъ, что виновнаго изгоняли, можетъ-быть, даже казнили смертью, а имущество его разбирали по рукамъ; въ удѣльное время потокъ и разграбленіе понимаютъ такъ, что виновнаго отдаютъ въ холопство, т.-е. рабство, а имѣнье его „отписываютъ“, т.-е. конфискуютъ, отбираютъ въ казну государя.

Когда всѣ судебные штрафы и взысканія поступали въ пользу судьи, составляли его „кормъ“, то судья, являвшійся къ тому же всегда и управителемъ, былъ особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы къ нему поступало на судъ возможно больше всякаго рода тяжебныхъ дѣлъ и преступленій: вѣдь это все только увеличивало его „кормъ“; судьи удѣльныхъ временъ явно ведутъ дѣло такъ, чтобы набрать себѣ побольше прибытка, а поступающія къ нимъ дѣла затягиваютъ, чтобы имѣть побольше корма съ тяжущихся и подсудимыхъ. Тогда и наступили времена, о которыхъ пишетъ псковской лѣтописецъ XV вѣка, характеризуя судей своего времени: „у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ“. Тогда создалось народное сказаніе о Шемякиномъ судѣ, судъ сталъ страшенъ, разорителенъ, потому что въ основу его легло не возстановленіе попранной злой волей правды, а выгоды судьи.

Московское государство возникло изъ удѣльнаго княжества, создавалось постепенно, по мѣрѣ того, какъ Москва вбирала въ свои предѣлы и подъ высокую руку московскаго государя удѣльныя княжества. Этотъ ростъ Москвы былъ, однако, ростомъ удѣльнаго княжества, т.-е. удѣльные порядки продолжали существовать на всей территоріи, какая составила землю Московскаго государства, и московскій великій государь, царь и самодержецъ выросталъ въ это свое значеніе, оставаясь во многомъ по характеру своей власти удѣльнымъ государемъ. Поскольку новое государство въ своемъ устройствѣ оставалось удѣльнымъ княжествомъ, постольку въ немъ жили и продолжали дѣйствовать начала, создавшіяся въ удѣльное время, только теперь они дѣйствуютъ на болѣе обширной территоріи.

Но когда защита и охрана всей великорусской страны легли на московскаго государя, то стало необходимымъ позаботиться, чтобы судъ во всѣхъ частяхъ страны былъ устроенъ одинаково и какъ можно меньше зависѣлъ отъ самоволья судей.

Старыя и новыя теченія въ практикѣ суда московскихъ временъ мѣшались самымъ причудливымъ образомъ; установить, когда именно судъ новаго характера смѣнилъ прежніе удѣльные порядки, невозможно; при такихъ условіяхъ государственный характеръ обновляемаго суда въ значительной мѣрѣ являлся невыдержаннымъ и выступалъ далеко не всегда явственно. Новое содержаніе было скрыто подъ старыми формами. Но то новое, что неизбѣжно несло съ собой это превращеніе удѣльнаго княжества въ государство, не могло не отражаться на устройствѣ суда. Самое важное въ этомъ новомъ было то, что устанавливалась извѣстная обязательная зависимость между „всякими судіями“ и центральной властью.

Ради, всего этого при Иванѣ III, въ 1497 году, было издано письменное собраніе законовъ и установленъ поря-

докъ суда. Это собраніе законовъ получило названіе Судебника.

При внукѣ Ивана III, царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Судебникъ былъ пересмотрѣнъ (въ 1550 г.), дополненъ новыми статьями, и приказано было руководствоваться впредь при судѣ имъ.

Въ устройствѣ суда оба Судебника имѣли много общаго. Судьями и въ томъ и въ другомъ являются управители городовъ и волостей, какъ было и въ удѣльныя времена. По Судебнику Ивана III судили намѣстники и волостели, по Судебнику Ивана IV стали судить тѣ, кто замѣнилъ прежнихъ намѣстниковъ и волостелей, т.-е. воеводы въ пограничныхъ городахъ, земскіе и губные старосты тамъ, гдѣ жители получили право выбирать ихъ себѣ. Оба Судебника много заботятся, чтобы сдѣлать судъ возможно справедливымъ и нелицепріятнымъ. Судебникъ Ивана III предписываетъ присутствовать на судѣ волостелей и намѣстниковъ избраннымъ къ тому населеніемъ „лучшимъ людямъ". Судебникъ царя Ивана Грознаго указываетъ, чтобы „лучшіе люди" не только присутствовали при судѣ, но и чтобы скрѣпляли своими подписями судный списокъ, т.-е. подробную запись всего дѣла. Точную копію суднаго списка—„противень"—судья долженъ былъ вручить старостѣ, и она хранилась у него. Судебникъ Ивана Грознаго назначаетъ наказанія судьямъ за неправильный судъ и за лицепріятіе. Если узнается, что судья или дьякъ взяли взятку и обвинили несправедливо, то съ нихъ приказывалось взыскать весь искъ, сколько онъ стоилъ, всѣ пошлины втрое и, сверхъ того, взять штрафъ, какой государь укажетъ. Если дьякъ, т.-е. главный писарь суда, безъ вѣдома судьи, взявши взятку, составитъ судный списокъ или запишетъ дѣло не такъ, какъ было на судѣ, то съ него приказывалось взыскать половину того, что слѣдовало бы съ виновнаго судьи, и сверхъ того посадить въ тюрьму; если подьячіе, т.-е. младшіе писаря, безъ вѣдома судьи или дьяка запишутъ что-либо не такъ, взявши взятку, то ихъ били за это кнутомъ.

Почти цѣлыхъ сто лѣтъ, съ 1550 г. по 1649 г., судился московскій народъ по Судебнику Грознаго царя. Въ случаяхъ исключительныхъ, когда Судебникъ не давалъ рѣшенія, руководствовались царскими указами. Указовъ накопилось скоро такъ много, что трудно стало разбираться въ ихъ морѣ, къ тому же они часто противорѣчили одинъ другому, а затѣмъ многія положенія Судебниковъ устарѣли и оказались не въ соотвѣтствіи съ новыми житейскими отношеніями, мѣнявшимися и осложнявшимися въ трудномъ и сложномъ процессѣ превращенія удѣльныхъ порядковъ въ государственные, который переживалъ русскій народъ во второй половинѣ и концѣ XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII вѣка. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было составлено въ 1649 г. новое собраніе законовъ, названное „Книга Уложенная" или просто—„Уложеніе".

Уложеніе по своему содержанію много обширнѣе и значительнѣе Судебниковъ, такъ какъ охватываетъ всѣ стороны тогдашняго дѣйствующаго права и излагаетъ законодательный матеріалъ, если не совсѣмъ стройно, то все же въ достаточно систематизированномъ видѣ. Уложеніе разбито на 25 главъ, заключающихъ въ себѣ 967 статей, въ которыхъ изложены основныя положенія права государственнаго, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и судоустройства, какъ все это было выработано жизнью Московскаго государства; затѣмъ въ Уложеніи содержится рядъ постановленій о стрѣльцахъ, казакахъ, корчмахъ, дается опредѣленное положеніе правъ и обязанностей отдѣльныхъ сословныхъ группъ, и наконецъ особенно выдѣлены вопросы важные для того времени—„о денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги", о поддѣлывателяхъ печатей и др. Уложеніе—не только практическое руководство для судьи и управителя, излагающее способы и порядокъ возстановленія нарушеннаго права, но оно пытается изложить самыя основы права и гораздо полнѣе Судебниковъ охватываетъ область законодательства. Задачей Уложенія являлось дать такой законодательный сборникъ, по которому „всякихъ чиновъ людямъ отъ большого до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна", т.-е. чтобы судъ и расправа были для всѣхъ одинаковы, чтобы и боярина и простого человѣка судили однимъ и тѣмъ же судомъ въ правду, „не стыдяся лица сильныхъ и избавляя обидимаго отъ руки неправеднаго". Уложеніе признаетъ только государственный судъ и рѣшительно порываетъ съ унаслѣдованнымъ отъ удѣльныхъ временъ порядкомъ передачи суда въ пользованіе и кормъ отдѣльнымъ лицамъ и избавленія „по грамотѣ" отъ общаго порядка суда различныхъ лицъ и учрежденій. Дополненіемъ къ Уложенію были такъ называемыя „Новоуказныя статьи", „Уставъ о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ", изданный въ 1669 году, законъ „о помѣстьяхъ и вотчинахъ" 1676 года и нѣкоторыя другія узаконенія.

Таковы были собранія законовъ Московскаго государства, по которымъ судился московскій людъ XV—XVII вв.

Какъ въ удѣльное время судъ принадлежалъ удѣльному князю, такъ и въ Московскомъ государствѣ XV-го и первой половины XVI вѣка онъ принадлежитъ царю, великому государю. Къ нему обращались съ жалобами на несправедливость судей, онъ только могъ отмѣнять приговоры, назначать новые, назначать самихъ судей и смѣнять ихъ. Отъ государя право судить, т.-е. разбирать споры и наказывать преступленія, имѣли его намѣстники и волостели. Намѣстники и волостели „кормились" судомъ; въ ихъ пользу, какъ жалованье за службу по управленію, шла половина всѣхъ штрафовъ и денежныхъ пеней по суду.

Намѣстники и волостели московскаго государя XV-го и первой половины XVI вѣка были, слѣдовательно, такъ же заинтересованы въ судѣ, какъ и судьи удѣльныхъ временъ; они такъ же

кормились отъ суда и такъ же стремились къ тому, чтобы у нихъ судебныхъ дѣлъ было больше. Такъ какъ въ старину судъ начиналъ дѣйствовать только тогда, когда къ нему обращались тяжущіеся и потерпѣвшіе, то множество дѣлъ и преступленій ускользали отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Народъ, не видя правды въ судѣ, предпочиталъ рѣшать всѣ недоразумѣнія въ своей средѣ полюбовно, мириться „не ставя судей“, „не тягався передъ судьей“, „положа по любви“, „не ходя въ судъ“. Намѣстники и волостели жаловались великому государю, что люди „подъ судъ имъ не даются“, и заботливо стали тянуть къ своему суду „прибытка своего для“ всякіе случаи столкновеній и недоразумѣній среди подвластнаго имъ населенія. „Учинится бой въ пиру“, подравшіеся помирятся, но объ этомъ узнаетъ волостель и требуетъ съ помирившихся „гривну“; подбросятъ кому-нибудь на дворъ чужую вещь или „найдутъ что во дворѣ или пустой хороминѣ“, и намѣстникъ, „свѣдавъ о томъ“, объявляетъ домохозяина воромъ и требуетъ съ него штрафъ; найдутъ мертвое тѣло человѣка, погибшаго „напрасной“, т.-е. случайной смертью, намѣстникъ подозрѣваетъ убійство, хватаетъ тѣхъ, кто ему кажется виновными, держитъ ихъ у себя „въ погребѣ“, „въ желѣзахъ“, чтобы не упустить штрафа за душегубство; кончатъ мировой сдѣлкой обыватели какое-нибудь имущественное недоразумѣніе, намѣстникъ не признаетъ такого „самосуда“ и соглашается признать помирившимися стороны, если внесутъ ему 2 или 4 рубля. Для установленія такихъ „корыстныхъ“ случаевъ намѣстникъ держитъ при себѣ особыхъ слугъ, „доводчиковъ“, которые разъѣзжаютъ по всей подчиненной ему волости и смотрятъ, какъ бы не „изубыточился“ кормъ ихъ господина; въ большихъ селеніяхъ то постоянно, то временно намѣстникъ держитъ своихъ тіуновъ, которые и судятъ отъ его имени; эти тіуны и доводчики бывали изъ холоповъ намѣстника; доводчики и тіуны кормились на счетъ населенія и разъѣзжали на обывательскихъ лошадяхъ; это была тяжелая повинность для населенія, потому что тіуны и доводчики старались не только о „кормѣ“ своего господина, но и себя не забывали; поѣздки эти сопровождались всевозможными вымогательствами; доводчикъ, отправляясь въ объѣздъ, бралъ обыкновенно лишнюю подводу, чтобы было на чемъ увезти свою личную добычу. Потомъ, когда происходила отмѣна намѣстничьяго суда, было запрещено „доводчику ѣздити по стану“ съ особой слугой и особой своей подводой „своего для прибытка“ и было предписано, „гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевать“; тяжко, слѣдовательно, приходились населенію эти ночевки и обѣды, если понадобилось въ законѣ сдѣлать о нихъ такую оговорку.

Тіуны судили дѣла на мѣстѣ и докладывали ихъ намѣстнику только въ исключительныхъ случаяхъ, когда сами хотѣли; также и намѣстники докладывали судебныя дѣла великому го-

сударю въ Москву, когда этого хотѣли сами. Но потомъ государство стало требовать отъ намѣстниковъ „обязательнаго“ доклада. Установился также обычай, что недовольные судомъ намѣстничьихъ тіуновъ могли жаловаться намѣстнику, а на судъ намѣстника жаловались царю. Царь или самъ разбиралъ эти случаи, или присылалъ своего боярина разобрать дѣло и поставить свой приговоръ. Еще великій князь Василій Димитріевичъ установилъ въ 1397 году, какъ общее правило, право населенія „бить челомъ“ ему на злоупотребленія кормленщиковъ—„а надъ кѣмъ учинятъ (намѣстники) продажу, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ“. Тогда же сокращается въ значительной степени судъ вотчинниковъ надъ живущими въ ихъ вотчинахъ людьми. Такимъ образомъ по мѣрѣ роста государства устанавливалась извѣстная послѣдовательность суда, то, что мы называемъ судебными инстанціями; затѣмъ государство указываетъ, что верховнымъ источникомъ суда является правительственная власть, а слѣдовательно судъ не долженъ быть чьей-либо доходной статьей, не можетъ дѣлиться, отчуждаться, отдаваться въ кормленіе и на откупъ, становится государственнымъ учрежденіемъ и общественной должностью.

Намѣстники, волостели и бояре судили не единолично. Такъ какъ они „кормились“ судомъ—штрафами, пенями и судебными пошлинами, то можно было ждать, что будетъ немало злоупотребленій съ ихъ стороны ради желанія получить возможно больше пеней и пошлинъ. Чтобы оградить народъ отъ такихъ случаевъ, по Судебнику было установлено, что ни намѣстникъ, ни волостель и никакой другой судья безъ старосты города и лучшихъ, избранныхъ къ тому населеніемъ города и уѣзда людей судить не можетъ.

Во многихъ областяхъ были совсѣмъ уничтожены намѣстники и волостели. „Жаловали мы прежде бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ,—писалъ въ 1555 г. царь Иванъ Грозный въ одной грамотѣ,—города и волости давали имъ въ кормленье, но намъ отъ всѣхъ жителей были челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ люди преступаютъ указы наши и причиняютъ зло и убытки жителямъ; а отъ намѣстниковъ и волостелей были намъ челобитья великія и докука безпрестанная, что посадскіе и волостные люди подъ судъ имъ не даются, кормовъ не даютъ и бьютъ ихъ; во всемъ этомъ были межъ людьми и намѣстниками поклепы и тяжбы великія, а отъ этого всего на посадахъ многіе дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли, и потому наши дани и оброки сходятся не сполна; и мы, жалуючи людей, изъ-за тѣхъ великихъ золъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей отъ городовъ и волостей отставили и велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, которые бы межъ людей управу чинили и разсудить бы ихъ умѣли вправду, безкорыстно и безволокитно“.

Выборные судьи носили различныя названія, какъ кажется, смотря по обширности подвѣдомственной имъ волости. Такъ, они назывались излюбленными головами, если судебная власть ихъ простиралась на цѣлый округъ, гдѣ не было ни намѣстниковъ, ни воеводъ; въ меньшихъ областяхъ, въ городахъ и посадахъ выборные судьи назывались излюбленными старостами; въ слободахъ и селахъ они назывались просто земскими судьями, или судейками.

Въ избраніи судей участвовали всѣ жители округи, для которой судья избирался. Избираніе записывалось въ особые списки, которые назывались „выборными“ или „излюбленными“ списками. Избранные судьи отправлялись съ этими списками въ Москву, въ тотъ приказъ, къ которому былъ приписанъ избравшій ихъ округъ. Здѣсь, въ приказѣ, избранныхъ приводили къ присягѣ. Выборные судьи зависѣли и отъ своихъ избирателей, „если посадскіе люди и волостные крестьяне захотятъ выборныхъ своихъ людей перемѣнить,—гласитъ законъ,—то имъ всѣмъ выбирать лучшихъ людей“, но потомъ, въ XVII в., эта статья перестала дѣйствовать, и выборные судьи остались подчиненными только московскимъ приказамъ.

Выборные судьи вѣдали всѣ дѣла гражданскія и мелкія уголовныя; судили они по Судебнику. Но судить они могли только людей, жившихъ въ предѣлахъ ихъ области, а иски на постороннихъ людей принимать не могли. Въ такихъ случаяхъ выборные судьи должны были отсылать дѣла въ Москву, въ тотъ приказъ, къ которому дѣло относилось или къ которому городъ былъ приписанъ. Приказъ рѣшалъ такое дѣло самъ или поручалъ его „третейскому“ или „данному“ судьѣ.

„Третейскихъ“ судей или избирали сами тяжущіеся, или ихъ назначало правительство. Они судили по общему закону, и рѣшеніе ихъ должно было быть единогласнымъ. Приговоръ ихъ былъ столь же обязателенъ, какъ и приговоръ казенныхъ судей.

„Данные“ судьи были лица, назначаемыя судьями или приказами для разсмотрѣнія одного какого-нибудь дѣла. Имъ поручалось обыкновенно осмотрѣть спорную землю, произвести обыскъ, выяснить на мѣстѣ, въ чемъ состоитъ споръ. Окончивъ дѣло, они докладывали его назначившему ихъ судьѣ или приказу. Данные судьи, слѣдовательно, выражаясь по-тогдашнему, судили, но не вершили дѣла, являлись больше слѣдователями, чѣмъ судьями въ полномъ смыслѣ этого слова. Приговоръ ставилъ обыкновенно пославшій ихъ судья или приказъ.

На судѣ выборныхъ судей должны были такъ же, какъ и на намѣстничьемъ судѣ, присутствовать лучшіе люди или цѣловальники, т.-е. цѣловавшіе крестъ, принесшіе присягу въ томъ, что кривить душой на судѣ не будутъ; число ихъ было различно; законъ требовалъ, чтобы ихъ было „сколько пригоже, чтобы обиды и продажи никому не было отъ судей“.

При выборномъ судѣ состояли для письмоводства дьяки и подьячіе, а также пристава и доводчики.

Всѣ эти должности такъ же, какъ и цѣловальники, были выборныя. Списки ихъ, по избраніи, представлялись въ Москву, въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ выбранные и утверждались въ своихъ должностяхъ, но по утвержденіи въ должности они зависѣли только отъ того приказа, который ихъ утвердилъ, а не отъ избирателей.

Итакъ, по Судебникамъ и Уложенію, судьями были тѣ чиновники, назначенные государемъ или избранные населеніемъ, которые управляли уѣздомъ и городомъ. Въ Московскомъ государствѣ, слѣдовательно, какъ и въ удѣльное время, судъ и управленіе соединялись въ однѣхъ рукахъ.

Для вызова на судъ тяжущихся при судьѣ состояли доводчики, или пристава. Тотъ, кто желалъ судиться, обвиняя другого въ несправедливости по отношенію къ себѣ, подавалъ судьѣ челобитную, въ которой прописывалъ, чего стоитъ его искъ, и просилъ выдать „приставную память“ для вызова въ судъ отвѣтчика. Если оказывалось, что искъ стоитъ издержекъ, то дьякъ надписывалъ челобитную, получалъ за это съ истца пошлину и давалъ доводчику „приставную память“, т.-е. повѣстку къ отвѣтчику явиться на судъ. Доводчикъ или самъ отправлялся за отвѣтчикомъ, или посылалъ за нимъ своего помощника. Прочитавъ или выслушавъ „приставную память“, отвѣтчикъ давалъ доводчику поручную запись, въ которой сосѣди его ручались за него въ томъ, что онъ явится въ указанный срокъ на судъ отвѣчать на обвиненіе. Если же онъ не могъ дать поручной записи, то доводчикъ арестовалъ его и держалъ у себя подъ арестомъ до дня суда. Если отвѣтчикъ, несмотря на поручную запись, все-таки не являлся на судъ, то на него выдавалась „безсудная грамота“, т.-е. онъ считался виновнымъ безъ суда.

Явившись на судъ, истецъ и отвѣтчикъ должны были подать „ставочное челобитье“, въ которомъ объявляли о своей явкѣ и готовности стать на судъ.

Прежде всего судья обращался къ истцу, который долженъ былъ разсказать, въ чемъ состоитъ дѣло и что онъ ищетъ съ отвѣтчика. Потомъ судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: „Отвѣчай!“. Выслушавъ обѣ стороны, судья снова обращался къ истцу и спрашивалъ, чѣмъ онъ можетъ доказать свой искъ. Истецъ перечислялъ тогда всѣ свои доказательства. Судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, соглашается ли онъ съ этими доказательствами, съ тѣмъ, что говорятъ свидѣтели, представленныя истцомъ купчія грамоты, расписки и т. п., или онъ можетъ сослаться на своихъ свидѣтелей и представить свои бумаги. Если всѣ свидѣтели и бумаги были тутъ же на судѣ, то свидѣтелей опрашивали, бумаги разсматривали; въ противномъ случаѣ судья давалъ срокъ тяжущимся на представленіе доказательствъ. Судъ занималъ, такимъ образомъ, нѣсколько засѣ-

даній. Все, что происходило на судѣ, записывалось дьякомъ въ особый судебный списокъ, въ которомъ обозначалось поименно, кто судилъ и какіе лучшіе люди при судѣ присутствовали.

Такимъ образомъ судъ, первоначально бывшій по преимуществу устнымъ, становится постепенно письменнымъ. Въ XVII в. письменныя доказательства становятся самыми главными, рѣшающими дѣло. По Уложенію прямо предписывается „суда не давать и челобитій не принимать“ по вопросамъ о займахъ и ссудахъ, если не окажется у истца „кабалъ и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей“, а Котошихинъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи“ говоритъ, что на судѣ по вопросамъ о займахъ „вѣрить не велѣно никому, хотя бы на какое дѣло 20 человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей“. И другія дѣла стали понемногу обволакиваться моремъ разныхъ записанныхъ „обысковъ“ и разспросныхъ рѣчей, „докладовъ“ и т. п. Все это затягивало судъ, превращало его живое дѣло въ письменное канцелярское, отдавало и истца и отвѣтчика въ полную власть пищущихъ на судѣ людей—подьячихъ.

Послѣ суда дѣло переходило въ „вершеніе“, т.-е. судья ставилъ свой приговоръ, а если не рѣшался разсудить дѣло, то докладывалъ высшему судьѣ: боярину, начальнику приказа, а бояринъ — Боярской Думѣ и царю. При докладѣ спорнаго дѣла въ московскомъ приказѣ присутствовали и обѣ тяжущіяся стороны. Выслушавъ докладъ, судья спрашивалъ: „Таковъ ли былъ вашъ судъ?“ Если стороны начинали „лживить“ судный списокъ, говорили, что „судъ былъ, да не таковъ“, то судья производилъ повѣрку съ помощью присутствовавшихъ на судѣ старосты и лучшихъ людей, которые предъявляли выданную имъ копію съ суднаго списка. Рѣшеніе судьи заносилось въ судный списокъ и прочитывалось сторонамъ. Выигравшему дѣло давалась въ свидѣтельство его правоты „правая грамота“.

Если истецъ не доказалъ иска, то отвѣтчикъ оставался въ своихъ правахъ, и дѣло тѣмъ кончалось. Но если обвинялся отвѣтчикъ, то онъ долженъ былъ уплатить цѣну иска или возвратить вещь, если искъ былъ не денежный, а шелъ о какой-нибудь вещи, напримѣръ, о неправильно захваченной землѣ или другомъ имуществѣ.

Если отвѣтчикъ не могъ или не хотѣлъ платить, то его ставили „на правёжъ“, т.-е. выводили на площадь передъ зданіемъ суда, обнажали ему ноги и били по икрамъ палками все время, пока засѣдалъ судъ. Разсказываютъ, что богатые люди, которые не хотѣли платить долга, давали хорошій подарокъ судебнымъ приставамъ, и тѣ били ихъ легко, тогда какъ бѣдныхъ людей, которые не могли сдѣлать приставамъ подарка, били жестоко. По словамъ одного иностранца, передъ судомъ всегда стояло съ восхода солнца до 11 часовъ утра болѣе 10 такихъ должниковъ; надъ ними трудились нѣсколько доводчиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ

рядъ и, начавъ съ перваго, били тростью длиною въ полтора локтя, поочередно ударяя каждаго по три раза по икрамъ и такимъ образомъ проходя рядъ отъ одного края до другого. Многихъ съ правежа увозили домой въ телѣгахъ, такъ какъ итти они не могли.

Если въ теченіе мѣсяца должникъ, поставленный на правёжъ, не успѣвалъ раздѣлаться со своимъ кредиторомъ, то судъ оцѣнивалъ и продавалъ имущество должника въ пользу кредитора; если имущества должника не хватало или его совсѣмъ не было, должника отдавали „головой до выслуги“ кредитору, т.-е. должникъ долженъ былъ работать на него, пока не заработаетъ своего долга. По закону было установлено, что мужчина погашалъ въ годъ пять рублей своего долга, женщина—два рубля съ полтиной тогдашнихъ. Неоплатный должникъ становился, слѣдовательно, какъ бы рабомъ своего кредитора, и господинъ имѣлъ право его наказывать, какъ своего раба. Выдачѣ головой подлежали, впрочемъ, не всѣ должники, а только люди низшихъ чиновъ—крестьяне, посадскіе, мелкіе служилые люди. Люди высшихъ служилыхъ чиновъ головой не выдавались, но правежу они подлежали тоже, а послѣ правежа съ нихъ взыскивали долгъ, продавая все ихъ имущество. Впрочемъ, и отъ правежа большой служилый человѣкъ могъ отдѣлаться, выставивъ на правёжъ вмѣсто себя кого-нибудь изъ своихъ холоповъ. Люди думныхъ чиновъ не подлежали правежу.

До половины XVI в. на судѣ, кромѣ показаній свидѣтелей, письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ, были еще и незнакомые нашему времени виды доказательствъ. Таково было, напримѣръ, „поле“, т.-е. поединокъ. Если одна сторона въ подтвержденіе своего иска говорила, что она „крестъ цѣлуетъ и на поле биться лѣзетъ“, то судья обращался къ другой и спрашивалъ: „цѣлуетъ ли она крестъ и на поле биться лѣзетъ ли?“ Если сторона соглашалась, то это называлось „досудиться до поля“.

Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, кромѣ пищали и лука. Происходило „поле“ при окольничьемъ и дьякѣ, которые, пріѣхавъ на „поле“, спрашивали у бойцовъ, кто у нихъ стряпчіе и поручники, и приказывали этимъ лицамъ быть при поединкѣ, но безъ оружія; людей постороннихъ дьякъ и окольничіе должны были удалять, а сопротивлявшихся и желавшихъ насильно остаться хватали и отводили въ тюрьму. Бились противники пѣшіе: бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Досудившіеся до поля могли выставлять драться вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ; обыкновенно такъ и дѣлали, и въ Москвѣ, по словамъ иностранцевъ-современниковъ, жили люди, которые тѣмъ и промышляли, что выходили по найму драться за другихъ на „поле“. Тотъ, кто самъ или его боецъ оказывался побѣжденнымъ, объявлялся виновнымъ.

По свидѣтельству иностранцевъ, наблюдавшихъ случаи судебныхъ поединковъ, „поле“ рѣдко проходило мирно. Всегда

набиралась толпа зрителей, зорко слѣдившая за бойцами и подзадоривавшая ихъ самихъ и ихъ поручителей; поручители, заботясь объ интересахъ своихъ бойцовъ, только высматривали случая, когда, по ихъ мнѣнію, противникъ поступалъ неправильно, и тотчасъ хватали палки и колья и бѣжали на помощь своему, а къ противнику межъ тѣмъ, тоже съ дрекольемъ, поспѣвали его поручители, и съ обѣихъ сторонъ начиналась драка, „пріятно занимавшая зрителей“, какъ говоритъ одинъ наблюдатель-иностранецъ.

Понятно, что и правительство и духовенство не очень покровительствовали „полю“. Еще въ началѣ XV в. митрополитъ Фотій запрещалъ священникамъ давать св. причастіе тѣмъ, кто выходилъ на „поле“; убитыхъ на поединкѣ воспрещалось предавать церковному погребенію, а кто убьетъ, тотъ отлучался отъ церкви на восемнадцать лѣтъ. Мало-по-малу обычай этотъ вывелся, и наконецъ указомъ 1556 г. было вообще предписано, что если стороны досудятся до поля, то присуждать имъ не поле, а крестное цѣлованіе. Это называлось дать дѣло „на душу истцу“.

Одинъ иностранецъ такъ описываетъ судебное крестоцѣлованіе. „Церемонія происходитъ въ церкви; въ то время, какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги, если объ нихъ идетъ дѣло, висятъ надъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ передъ этимъ образомъ, ему тотчасъ отдаютъ деньги“. Иностранецъ этотъ разсказываетъ далѣе, что судебное крестоцѣлованіе считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его и никто изъ москвитянъ не рѣшался поцѣловать крестъ ложно.

Другой живой наблюдатель тогдашней русской дѣйствительности отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что русскіе люди вообще старались не доводить дѣла до крестнаго цѣлованія, тяжущіеся неохотно прибѣгали къ нему, и всѣ очень неблагопріятно смотрѣли на человѣка, поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Предпочитали въ такихъ случаяхъ просто бросить жребій, и тогда тотъ, кому онъ доставался, считался выигравшимъ дѣло. Одинъ англичанинъ испыталъ на себѣ порядокъ рѣшенія его дѣла съ московскими купцами посредствомъ жребія.

Онъ разсказываетъ, что, когда истцы не согласились на мировую сдѣлку, предложенную по приглашенію судей отвѣтчикомъ, то судьи, засучивъ рукава, взяли два восковыхъ шарика одинаковой величины и въ каждый закатали бумажки съ именами тяжущихся. Изъ стоявшей тутъ же многочисленной толпы судьи вызвали перваго попавшагося высокорослаго человѣка, которому велѣли снять колпакъ и держать передъ собою. Въ колпакъ ему положили оба шарика и вызвали изъ толпы другого высокорослаго человѣка, который, засучивъ правый рукавъ, вынулъ изъ шапки одинъ шарикъ за другимъ и передалъ судьямъ. Судьи громко объявляли всѣмъ присутствовавшимъ, какой сто-

ронѣ принадлежалъ первый вынутый шарикъ. Эта сторона и выигрывала дѣло.

На неправильное рѣшеніе суда можно было жаловаться, но такая жалоба, по тогдашнимъ понятіямъ, была жалобой на судью, какъ бы обвиненіемъ его, и обвинителю предстоялъ не разборъ его дѣла другимъ судьей, а судъ съ судьей, рѣшеніемъ котораго онъ былъ недоволенъ и на неправильность рѣшенія котораго жаловался.

Такъ былъ устроенъ въ Московскомъ государствѣ гражданскій судъ, т.-е. разборъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ нѣтъ преступленія, а есть только споръ, тяжба двухъ сторонъ, причемъ и самое разбирательство спора на судѣ происходитъ по жалобѣ суду одной изъ сторонъ; безъ этой жалобы чувствующей себя обиженной стороны судъ самъ такихъ дѣлъ не начинаетъ.

Но есть цѣлый рядъ дѣлъ, которыя судъ долженъ самъ начинать, чтобы возстановить преступленную злой волей справедливость; напримѣръ, нанесеніе съ злымъ умысломъ однимъ человѣкомъ другому вреда, убытка, смерти. Такія дѣла называются уголовными. Судъ, разбирая ихъ, не только возстановляетъ нарушенную справедливость, но и наказываетъ виновника, сдѣлавшаго это нарушеніе.

Въ Московскомъ государствѣ временъ Ивана III и уголовныя и гражданскія дѣла разбирали и рѣшали тѣ же намѣстники и волостели, которые разбирали дѣла гражданскія. Но уже въ малолѣтство Грознаго царя отдѣльные области и уѣзды государства начинаютъ получать „губныя грамоты", по которымъ такія важныя уголовныя преступленія, какъ разбой и грабежъ, выдѣляются изъ суда намѣстниковъ и волостелей, и разыскивать разбойниковъ, хватать ихъ и судить поручается выборнымъ изъ жителей уѣзда губнымъ старостамъ. Вотъ одна такая грамота, данная въ 1539 году бѣлозерцамъ и каргопольцамъ:

„Князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ: моимъ—великаго князя, митрополичьимъ, владычнимъ, княжимъ, боярскимъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ и всѣмъ безъ исключенія. Били вы намъ челомъ, что у васъ въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе ваше грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ много людей грабятъ, разбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ. Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ, но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей и разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая, а сами разбойниковъ обыскивать и ловить безъ нашего вѣдома не смѣете. Такъ вы бы, межъ собою свѣстясь, всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости чело-

вѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними старостъ да десятскихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть, и между собою въ станахъ и волостяхъ лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали бы по нашему крестному цѣлованію, вправду безъ хитрости.

„Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто ихъ у себя держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко, а допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертію. Я положилъ это на вашихъ душахъ, и вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ, и отъ нашихъ намѣстниковъ и волостелей продажи (т.-е. взысканія) вамъ нѣтъ.

„Если разбойникъ съ пытки объявитъ о своихъ товарищахъ въ другихъ городахъ, то вы объ нихъ пишите грамоты въ тѣ города къ дѣтямъ боярскимъ, которыя тамъ поставлены въ головахъ для этихъ дѣлъ, и обсылайтесь между собой немедленно. Кого поймаете въ разбоѣ, кого доведете, того казните; кто разбойниковъ поймалъ, въ какихъ дѣлахъ они уличены,—все это пишите на списокъ подлинно, а которые изъ васъ грамотѣ умѣютъ, то прикладывали бы къ спискамъ руки. По недружбѣ другъ другу не мстите, безъ вины людей не хватайте и не казните никого, но обыскивайте накрѣпко.

„А не станете разбойниковъ обыскивать и брать, или не станете за разбойниками ѣздить, хватать ихъ и казнить, или станете разбойниковъ отпускать и имъ потакать, то я велю на васъ на всѣхъ взыскивать по жалобамъ тѣхъ людей, кого въ вашихъ волостяхъ разобьютъ, безъ суда, вдвое, а самимъ вамъ отъ меня быть въ казни и въ продажѣ. А которыхъ разбойниковъ вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ, казните, тѣхъ имѣнія и подворья отдавайте людямъ, которыхъ поставите у себя въ головахъ, они же пусть отдаютъ тѣмъ людямъ, которыхъ казненные разбойники разбивали, смотря по ихъ искамъ; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите истцамъ, записывайте все на списки; а что послѣ этой раздачи останется, перепишите и положите, гдѣ пригоже, и отпишите объ этомъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны“.

Со временъ царя Ивана Грознаго стали строго раздѣлять уголовныя дѣла: дѣла мелкія, въ родѣ татьбы, т.-е. воровства, остались подсудны суду намѣстниковъ, а по отмѣнѣ намѣстничьяго суда—суду земскихъ старостъ и судеекъ, дѣла же разбойныя, душегубныя отошли въ вѣдѣніе губныхъ старостъ. Губные старосты не должны были вступаться въ суды намѣстничьи или земскихъ старостъ и земскихъ судеекъ, а эти послѣдніе не могли вмѣшиваться въ суды губныхъ старостъ.

Въ царствованіе Грознаго былъ выработанъ особый уставъ для суда губныхъ старостъ—„Уставъ о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ“, который опредѣлилъ вѣдомство уголовнаго суда, порядокъ судопроизводства, слѣдствія, удовлетворенія пострадавшихъ отъ разбоя и грабежа.

Уложенiе царя Алексѣя Михайловича, усиливъ наказанiя за татьбу, разбой и грабежъ, оставило въ силѣ всѣ узаконенiя Разбойнаго устава съ его дополненiями.

Губные старосты были подчинены особому Разбойному приказу. Выбранные къ губной службѣ должны были явиться въ Разбойный приказъ; здѣсь приводили ихъ ко кресту, т.-е. къ присягѣ, и вручали имъ „наказныя памяти, по чему имъ разбойныя и убiйственныя и татинныя дѣла вѣдати", здѣсь же судили ихъ самихъ за злоупотребленiе властью.

Такимъ образомъ населенiе только выбирало губныхъ старостъ, а разъ выбранные они становились отвѣтственны въ своей дѣятельности не передъ избирателями, а передъ Разбойнымъ приказомъ, какъ приставленные къ государеву дѣлу чиновники.

Выборщики отвѣчали своимъ имуществомъ за избранныхъ ими губныхъ старостъ въ случаѣ неисправности ихъ службы.

Губные старосты не только должны были ловить и судить разбойниковъ, но и накрѣпко „обыскивать" всякое подозрѣнiе въ разбоѣ, когда оно возникало на кого-нибудь. Однимъ изъ средствъ сыска былъ обыскъ, т.-е. допросъ мѣстныхъ жителей о томъ, кто у нихъ на посадѣ или въ уѣздѣ разбоемъ занимается, лихимъ людямъ притонъ даетъ, вѣрны ли слухи, что вотъ такой-то и такой-то промышляютъ грабежомъ и разбоемъ. Губные старосты, или ихъ помощники и подчиненные, должны были для такихъ опросовъ разъѣзжать по всему уѣзду. Не требовалось, чтобы показывавшiй самъ видѣлъ или имѣлъ вѣрныя доказательства для обвиненiя кого-нибудь въ разбоѣ; для того, чтобы назвать кого-нибудь разбойникомъ и душегубомъ, вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ или хорошимъ добрымъ человѣкомъ, довольно было, если обзывавшiй такъ другого самъ вѣрилъ этому.

На основанiи многихъ согласныхъ показанiй, что такой-то человѣкъ вѣдомый разбойникъ и не только теперь, но и „допрежъ сего крадывалъ", оговореннаго хватали, на имѣнiе его накладывали арестъ. Обвиненный могъ обвинить самихъ обыскныхъ людей только въ тѣхъ случаяхъ, когда не всѣ обыскные люди согласно говорили о немъ, что онъ воръ и разбойникъ, а были голоса и за его доброе поведенiе. Тогда приказывалось „сыскати про то всякими сыски". Если обвинительныя рѣчи доказчиковъ оказывались ложными, то, по Уложенiю, предписывалось „взыскать съ виновныхъ пени и десятаго человѣка бити кнутьемъ". Въ 1669 г. велѣно было давать вѣру только тѣмъ обвинителямъ, которые о душегубствѣ „вѣдаютъ подлинно, или видѣли и скажутъ имянно". Оговоренiе человѣка называлось „облихованiемъ" его.

Облихованнаго человѣка немедленно брали подъ стражу, а его имущество описывали.

Въ назначенный день обвиненнаго приводили на судъ къ губному старостѣ, въ губную избу. Если обвиненный запирался,

не хотѣлъ разсказать подробности преступленія, назвать соучастниковъ и т. п., то его подвергали пыткѣ. По свидѣтельству Г. Котошихина, однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ видовъ пытки былъ такой: обвиняемому связывали сзади руки въ опущенномъ положеніи, привязывали къ нимъ веревку, которую перекидывали черезъ блокъ, укрѣпленный въ потолкѣ, и этой веревкой тянули руки вверхъ, причемъ онѣ, по мѣрѣ поднятія тѣла, выворачивались изъ плеча. Въ этомъ положеніи пытаемаго били кнутомъ или палкой, встряхивали, подпаливали медленнымъ огнемъ и при этомъ разспрашивали, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, сдѣлалъ ли вотъ это и это, были ли тутъ такіе-то и т. п. Рѣдкій могъ стерпѣть мучительную боль и не отвѣтить на вопросы такъ, какъ того желалъ судья, т.-е. зачастую совершенно несогласно съ истиной; невинному приходилось въ такихъ случаяхъ наговаривать на себя, виновному говорить не то, что онъ могъ бы сказать.

Пыткѣ обвиненный подвергался не одинъ разъ, а три. Если въ первой пыткѣ онъ сознавался въ томъ, въ чемъ его обвиняли, его пытали еще разъ: не виноватъ ли, дескать, въ иныхъ разбояхъ и грабежахъ. Если пытаемый оговаривалъ кого-либо въ соучастіи, оговореннаго ставили съ нимъ „съ очей на очи", т.-е. приводили на судъ, ставили передъ обвиняемымъ и спрашивали, знаетъ ли онъ его, и при этомъ снова пытали, не сниметъ ли, дескать, оговора, не скажетъ ли, что онъ оговорилъ приведеннаго ложно. Всѣ оговоренные привлекались къ дѣлу; это называлось привлеченіе „по языку". Оговореннаго арестовали, и если оговорившій продолжалъ и на пыткѣ утверждать, что говоритъ правду, начиналось дѣло и тоже съ пыткой противъ оговореннаго. Запрещено было только давать вѣру оговору обвиняемымъ тѣхъ, кто его представилъ на судъ и захватилъ на мѣстѣ преступленія.

Пыткѣ въ Московскомъ государствѣ подвергались лица всѣхъ чиновъ безъ исключенія, кромѣ думныхъ, которые не могли быть и наказываемы тѣлесно. Если, напр., на обыскѣ говорили, что такой-то помѣщикъ составилъ шайку разбойниковъ изъ своихъ холоповъ и грабитъ вмѣстѣ съ ними, то хватали и помѣщика и его холоповъ, но прежде пытали холоповъ, а потомъ самого помѣщика.

Обвиненнаго въ преступленіи ожидала смертная казнь или кнутъ. Смертью казнили чрезъ повѣшеніе, обезглавливаніе, утопленіе, сажаніе на колъ и т. п. Чаще всего употреблялось повѣшеніе, а другіе виды казни употреблялись рѣдко, развѣ за какія-нибудь необычайныя преступленія. За воровство и даже убійство, если это не былъ разбой, т.-е. убійство, соединенное съ грабежомъ, смертной казни подвергали рѣдко; въ большомъ ходу былъ кнутъ и батоги.

Иностранцы, наблюдавшіе тогдашнюю русскую жизнь, ярко обрисовываютъ жестокость этихъ наказаній. Батоги были са-

мымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказанiемъ, которому одинаково подвергались и простые и чиновные люди за важныя и неважныя нарушенiя закона. Въ Москвѣ, по замѣчанiю одного иностранца, рѣдкiй день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами. Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ, какъ самое жестокое и варварское наказанiе. По Уложенiю, вора, попавшагося въ первый разъ, послѣ пытки били кнутомъ, рѣзали прочь лѣвое ухо, заключали въ тюрьму на работу въ кандалахъ на два года, а потомъ ссылали на жительство въ украинные города. Попавшагося въ воровствѣ второй разъ тоже били кнутомъ, рѣзали прочь правое ухо, сажали въ тюрьму на работу на четыре года и потомъ ссылали на жительство въ украинные города; за третье воровство присуждалась смертная казнь. На мѣсто казни преступника вывозили съ зажженной восковой свѣчой, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ.

Одинъ иностранецъ такъ описываетъ видѣнное имъ въ 1634 году въ Москвѣ наказанiе кнутомъ девятерыхъ преступниковъ, въ числѣ которыхъ была одна женщина, воровски продававшихъ запрещенный тогда табакъ и водку; кнутъ былъ изъ воловьей жилы и имѣлъ на концѣ три хвоста, острые какъ бритва, изъ невыдѣланной лосиной кожи. Преступникамъ дали 25 ударовъ, преступницѣ—16. При наказанiи на площади присутствовалъ подьячiй съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякiй разъ, какъ палачъ отсчитывалъ предписанное число, подьячiй кричалъ: „Полно!“. Затѣмъ преступниковъ связали парами, продававшимъ табакъ повѣсили на шею по рожку съ табакомъ, а продавцамъ водки—по склянкѣ съ этимъ напиткомъ, и въ такомъ видѣ повели всѣхъ по городу, и хотя нѣкоторые изъ нихъ еле стояли на ногахъ, ихъ все-таки продолжали бить. Проведя съ полмили по улицамъ, ихъ повели опять на площадь, гдѣ происходила казнь, и тутъ отпустили.

Иностранцы, разсказывая о московскомъ судопроизводствѣ, рѣзко подчеркиваютъ его грубость и жестокость. Мелкiе служащiе суда, подьячiе, доводчики и пристава обращались очень жестоко съ подсудимыми. Иногда человѣка, обвиняемаго въ какомъ-нибудь грошовомъ дѣлѣ, если онъ не могъ представить поручителей, хватали, заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрьму, гдѣ онъ долженъ былъ сидѣть иногда очень долго, пока дѣло его не назначалось къ слушанiю. Такой обвиняемый, быть-можетъ, несправедливо, находился, однако, всецѣло въ распоряженiи тюремщика-доводчика или пристава и долженъ былъ много терпѣть отъ его произвола и вымогательствъ. Ходатаевъ и повѣренныхъ никакихъ на судѣ не допускалось, и каждый самъ долженъ былъ, какъ умѣлъ, излагать свое дѣло и защищаться.

Такъ какъ судъ въ Московскомъ государствѣ былъ неразрывно связанъ съ управленiемъ, а лица, вѣдавшiя областное

управленіе, были въ то же время и судьями, то понятно, что высшія мѣста по управленію въ Московскомъ государствѣ, сосредоточенныя въ Москвѣ, приказы, были и высшими судами, по сравненію съ судами воеводъ, земскихъ судеекъ и губныхъ старостъ.

Почти всякій приказъ имѣлъ свою долю судебной власти, такъ какъ почти къ каждому приказу были приписаны города, доходы съ которыхъ въ этотъ приказъ поступали.

Для жителей этихъ городовъ приказъ, собиравшій съ нихъ деньги, и былъ важнѣйшимъ судебнымъ мѣстомъ, сюда они жаловались и на „неправду“ своихъ судей, отъ этого приказа зависѣвшихъ, какъ управители. Такъ, городъ Романовъ былъ приписанъ къ Посольскому приказу—здѣсь романовцы и судились, когда были недовольны судомъ своихъ судей. Недаромъ и начальники носили званіе судей. Затѣмъ каждый приказъ судилъ тѣхъ людей, которые были подчинены ему по роду своихъ занятій или службы. Такъ, напримѣръ, даже Мастерская Государева палата чинила расправу между мастеровыми людьми, работавшими на дворецъ.

Большое судебное значеніе имѣли приказы Помѣстный и Холопій—названія ихъ уже показываютъ, какія дѣла могли тамъ вершиться. Были еще и чисто-судебные приказы—Судные приказы Московскій и Владимирскій, вѣдавшіе преимущественно запутанные случаи въ гражданскихъ дѣлахъ вообще и гражданскія дѣла служилыхъ людей въ частности. Приказъ Большого Прихода, т.-е. вѣдомство государственныхъ доходовъ, судилъ гостей, откупщиковъ и таможенниковъ. Ямской приказъ, вѣдомство путей сообщенія, судилъ ямщиковъ. Монастырскій приказъ судилъ по жалобамъ на духовенство и монастырскихъ крестьянъ. Приказъ Разбойный вѣдалъ, какъ показываетъ его названіе, дѣла уголовныя. Разбойный приказъ утверждалъ всѣхъ судей по разбойнымъ дѣламъ; сюда доставлялись списки со всѣхъ судныхъ дѣлъ по разбоямъ, вершившихся въ городахъ.

При такомъ обиліи мѣстъ разнаго значенія, къ которымъ можно было обратиться съ просьбой начать судебное разбирательство, положеніе московскаго человѣка тѣхъ временъ бывало иногда довольно незавидное: при обиліи судей онъ часто не зналъ, куда ему надо обратиться за судомъ. Одно и то же дѣло могло начаться въ разныхъ приказахъ: или въ томъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ, или въ томъ, которому было подсудно дѣло. Такъ, въ 1621 г. Владимирскій Судный приказъ поднялъ судное дѣло противъ шуйскаго губного старосты, какъ служилаго человѣка. Но шуйскій губной староста могъ подлежать суду Разбойнаго приказа, какъ лицо ему подначальное, а какъ шуянинъ—приказу Галицкой четверти, къ которому Шуя была приписана.

Только Уложеніе царя Алексѣя внесло нѣсколько больше порядка въ эту путаницу судей и судебныхъ мѣстъ.

Высшее въ Московскомъ государствѣ мѣсто, вѣдавшее судебныя дѣла, куда обращались за разрѣшеніемъ очень сложныхъ и запутанныхъ случаевъ и самые приказы, была Боярская Дума. Судебныя дѣла поступали въ Думу по докладу судей приказовъ. Судья приказа докладывалъ дѣло царскимъ думцамъ устно. Бояре слушали и, „поговоря“, ставили свое рѣшеніе. Непремѣнно въ Думѣ разбирались дѣла по жалобамъ на намѣстниковъ и воеводъ, причемъ Дума сама назначала размѣры штрафа съ обвиненнаго.

Бояре разсматривали всякое прошеніе, поступавшее въ Думу, и если находили его законнымъ, то рѣшали дѣло; если же находили, что данное дѣло можетъ по закону рѣшить и соотвѣтствующій приказъ, то пересылали его туда. Наконецъ Дума судила всѣ тѣ дѣла, которыя передавалъ на ея разсмотрѣніе царь.

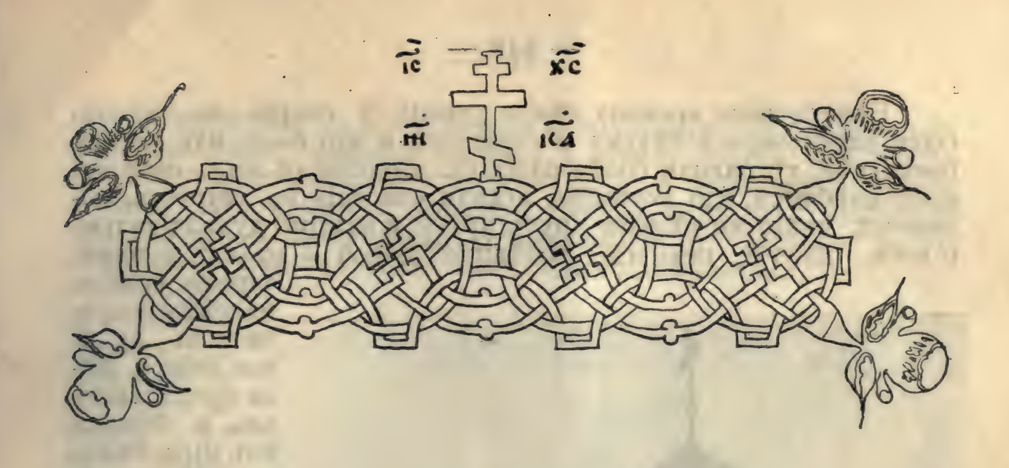
Выше думскаго боярскаго суда былъ и могъ быть только судъ царя. Судиться прямо у великаго государя добивались, какъ особенной чести, и эта честь жаловалась очень немногимъ по особой грамотѣ, называвшейся тарханной. Тарханныя грамоты выдавались преимущественно монастырямъ. Царь Иванъ отмѣнилъ тарханныя грамоты, но онѣ какъ-то все же продолжали дѣйствовать и въ XVII в. Никакой земскій судейка, никакой губной староста не имѣлъ права въѣзда во владѣнія, обозначенныя въ тарханной грамотѣ: тамъ судилъ самъ царь или бояринъ, которому царь прикажетъ.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ для разбора просьбъ, подаваемыхъ царю, былъ учрежденъ особый приказъ, названный Челобитнымъ. „Какъ государь куды пойдетъ,—говоритъ Котошихинъ,—бьютъ челомъ всякіе люди, и передъ государемъ (идущій) бояринъ и дьякъ того приказу принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ дѣлъ не могутъ (разсудить), тѣ къ государю вносятъ“. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подобное значеніе имѣлъ и приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Таковъ былъ въ общемъ судъ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Свою основную черту—нераздѣльное соединеніе судебной власти съ властью по управленію—старинный судъ сохранилъ до временъ Петра Великаго, когда была сдѣлана попытка раздѣлить дѣло суда и управленія, но только со временъ императрицы Екатерины II судъ отдѣляется отъ управленія. Другія свойства—многописьменность, тайну судебнаго производства, медленность его — русскій судъ сохранилъ еще дольше, до преобразованія суда при императорѣ Александрѣ II, давшемъ Россіи судъ гласный, скорый, правый и милостивый.

Главнѣйшія пособія: *Б. Н. Чичеринъ*, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“; *Ѳ. М. Дмитріевъ*, „Исторія судебныхъ инстанцій“; *В. Сергѣевичъ*, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“; *В. О. Ключевскій*, „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“; *его же*, „Курсъ русской исторіи“, ч. III; *Б. И. Сыромятниковъ*, „Очеркъ исторіи суда въ древней и новой Россіи“; и другія сочиненія.

Заставка и буква—съ рукописи XVII вѣка.

Монастыри въ Московскомъ государствѣ.

Тяжелое время переживала Русская земля XIII—XV вѣковъ. Это было время татарскихъ погромовъ и княжескихъ усобицъ, когда войны и кровопролитіе свирѣпствовали, не переставая. За 234 года, съ 1228 по 1462 годъ, на одну сѣверо-восточную Русь пришлось 90 внутреннихъ и 160 внѣшнихъ войнъ. Всюду свирѣпствовали усобицы, текла кровь, гибла жизнь.

Къ бѣдствіямъ войны присоединялись бѣдствія голода и мора. Никогда, кажется, Русская земля такъ не страдала отъ голода и болѣзней, какъ въ XIV и XV вѣкахъ. Года не проходило безъ того, чтобы не стряслось какое-нибудь несчастье: то „крылатый червь“, саранча, налетитъ съ востока, „поястъ деревья“ и весь хлѣбъ, настанетъ голодъ, и множество людей „скончаетъ животъ свой“; то болѣзнь тяжкая пройдетъ по всей землѣ и унесетъ столько народу, что некому становится убирать хлѣбъ, и нивы стоятъ нетронутыя, пока ихъ не покроетъ снѣгомъ холодная зима съ неслыханными лютыми морозами; то вдругъ пройдутъ полосой лѣсные и болотные пожары; „земля и лѣсъ горѣли,—разсказываетъ лѣтопись,—дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирали рыба и птица; рыба послѣ того пахла дымомъ два года“... Страшныя жары сжигали хлѣба и траву, ранніе морозы губили жатву, обѣщавшую урожай. Десятками лѣтъ тянулись неурожайные годы. „Была сильная скорбь въ людяхъ,—пишетъ новгородскій лѣтописецъ,—только и слышно было, что плачъ да рыданіе по улицамъ и на торгу; многіе отъ голода падали мертвые, дѣти передъ родителями, родители передъ дѣтьми, многіе бѣжали въ чужія страны, ради хлѣба отдавались въ рабство“.

Бѣдственныя времена сѣяли уныніе и скорбь въ людяхъ. Одни ожесточались духомъ и сердцемъ, и кто былъ изъ такихъ посильнѣе, тѣ давили болѣе слабыхъ, вымогая съ нихъ себѣ кусокъ хлѣба; тѣ, кто послабѣе, искали спасенія въ хитрости, коварствѣ, никто не вѣрилъ другъ другу, и каждый думалъ только о себѣ. Другіе, немногіе, болѣвшіе душой о правдѣ и мирѣ, теряли всякую надежду сохранить въ душѣ все доброе, живя среди такого зла, и бѣжали изъ міра, бѣжали отъ людей, скрывались въ лѣса, пустыни, жили въ строгомъ одиночествѣ, отрекаясь отъ всѣхъ внѣшнихъ благъ и удобствъ „многомятежнаго и злобнаго міра сего", предаваясь посту, молитвѣ, подавленію въ себѣ всѣхъ житейскихъ страстей. Убѣжищемъ для такихъ людей были монастыри, которыхъ въ то время возникло много. По всей странѣ основывались новые монастыри, наполнялись старые. Въ XIII и XIV вѣкахъ на сѣверо-востокѣ Руси монастырей считается вдвое больше, чѣмъ ихъ было въ первые два вѣка христіанства въ южной и новгородской Руси. Тамъ насчитывалось около 90 монастырей; въ XIV и половинѣ XV вѣка ихъ открылось въ великорусской странѣ до 150. Въ XVI возникаетъ еще около 100 монастырей, а въ XVII—220. По описи монастырей, сдѣланной въ половинѣ XVIII вѣка, числилось въ Россіи 966 монастырей.

Успенскій соборъ въ Звенигородѣ, построенный въ концѣ XIV вѣка.

Монастыри по своему происхожденію были разные. Одни ютились вблизи большихъ городовъ, созидались усердіемъ архіереевъ, князей, бояръ, которые обстраивали эти монастыри и содержали ихъ. Среди князей удѣльныхъ временъ считалась необходимымъ условіемъ благоустроенія княжества и стольнаго

города постройка въ немъ собора и монастыря. Такіе подгородные монастыри, проживая на виду у всѣхъ, завися отъ благодѣтелей, поддерживали постоянную связь и общеніе съ міромъ, и потому ихъ называли мірскими. Другіе монастыри возникали изъ хижинъ и келій людей, удалявшихся отъ міра въ тихую пустыню въ поискахъ духовнаго подвига и молитвы.

Привыкнувъ издавна хранить въ церквахъ и монастыряхъ, въ ихъ крѣпкихъ подвалахъ и хорахъ, за осѣненными крестомъ вратами, свое нажитое добрымъ трудомъ имущество, тогдашніе люди и сокровища своей души, которымъ не было мѣста въ жизни среди людей, искали уберечь и сохранить за монастырской стѣной.

Соборъ суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря, построенный въ XVI вѣкѣ.

Спасаясь отъ тягостей и раздоровъ жизни въ міру, стремясь устроить мирное, братское житіе, лучшіе тогдашніе люди любили повторять слова псалмопѣвца: „Се что добро и что красно, еже жити братіи вкупѣ“. Мирную жизнь „вкупѣ“ можно было найти только въ монастырѣ. Въ этомъ убѣждали тогдашняго человѣка примѣры настоящаго и прошлаго. Такъ поучала вся тогдашняя литература.

Весь книжный запасъ того времени составляли богослужебныя книги, описанія жизни святыхъ, сказанія о страданіяхъ мучениковъ, и книжный человѣкъ тѣхъ временъ, прочитывая о подвигахъ святыхъ, не могъ не подчиняться желанію подражать имъ.

Люди невольно свыкались и сроднялись съ мыслью, что лучшая жизнь—это иноческая, подвижническая жизнь, и незамѣтно для самихъ себя дѣлались монахами задолго до постриженія.

Въ житіи св. Іосифа Волоцкаго разсказывается такой случай: князь Андрей Голенинъ велъ праведную жизнь, помогалъ бѣднымъ, прощалъ обиды и былъ очень милостивъ къ своей прислугѣ; онъ часто посѣщалъ преподобнаго и много бесѣдовалъ съ нимъ. Разъ князь Андрей выѣхалъ на охоту со множествомъ слугъ въ дорогихъ одеждахъ на лучшихъ коняхъ. Дорога шла мимо монастыря преподобнаго. Князь остановился у св. вратъ, слѣзъ съ коня и вошелъ въ соборный храмъ, гдѣ находился въ это время преподобный съ братіей; здѣсь князь упалъ передъ нимъ на колѣни и молилъ святого смѣнить его блистательную княжескую одежду на смиренную иноческую, которой облечены самъ преподобный и вся братія; князь сказалъ, что отдаетъ въ монастырь все свое имѣніе и молитъ, чтобы игуменъ постригъ его немедля, не выходя изъ церкви. Преподобный постригъ его и „вмѣсто брачныхъ черными его облече, и мнихъ за князя именовася“. Одѣтый въ монашескія одежды, князь вышелъ изъ церкви, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ слугъ, которые никакъ не ожидали этого и, стоя у церкви, гдѣ происходилъ невѣдомо для нихъ обрядъ постриженія ихъ господина, весело разговаривали и шумѣли, ожидая удачной охоты.

Церковь Вознесенія Господня въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой (1521 г.).

Такіе случаи, когда рѣшеніе сдѣлаться инокомъ приходило, какъ нѣчто совсѣмъ созрѣвшее, внезапно для самого человѣка, были часты въ то время. По житіямъ святыхъ, по сказаніямъ о нихъ можно достаточно ясно представить себѣ, какъ росъ и воспитывался будущій инокъ.

Семья, въ которой родился и воспитывался будущій подвижникъ, отличается благочестіемъ. Въ кругу его родныхъ есть кто-нибудь, принявшій монашество. Обыкновенно это средняя служилая семья, иногда посадская или зажиточная крестьянская, всегда грамотная, такъ что будущій подвижникъ въ дѣтствѣ научается „книги чести“ и очень увлекается чтеніемъ. Обучаютъ

его грамотѣ родители или какой-нибудь дьякъ, „зѣло искусный“ въ „грамотной хитрости“.

Въ дѣтствѣ будущій основатель монастыря чуждается дѣтскихъ игръ и развлеченій. Любитъ уединеніе, любитъ слушать разсказы о подвигахъ святыхъ, церковная служба для него высшее наслажденіе: первымъ приходитъ онъ въ храмъ къ божественной службѣ и уходитъ послѣднимъ.

Чтеніе книгъ и бесѣда съ духовными лицами понемногу создаютъ въ будущемъ подвижникѣ непреодолимое желаніе оставить міръ, воспріять ангельскій образъ и спасти свою душу. Въ возрастѣ 11—15 лѣтъ будущій подвижникъ дѣлаетъ первую попытку уйти въ монастырь. Не всегда родители сразу позволяютъ это: сынъ кажется имъ еще слишкомъ молодымъ для великаго подвига, неопытнымъ. Юноша подчиняется уговорамъ, остается дома, но не оставляетъ своего намѣренія. Родители спѣшатъ женить его, пріискиваютъ ему невѣсту. Тутъ онъ дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ. Повинуясь блеснувшему ему вдругъ таинственному свѣту во время утренней предразсвѣтной молитвы, чудному видѣнію, загадочному сну, таинственно повелѣвающему голосу, юноша оставляетъ тайкомъ родительскій домъ и спѣшитъ въ отдаленный монастырь, куда влекутъ его слава обители и подвиги подвизающагося тамъ святого. Юноша падаетъ къ ногамъ старца и молитъ принять его въ число братіи. Игуменъ, испытавъ пришельца и убѣдившись въ его горячемъ и искреннемъ желаніи иноческаго подвига, совершаетъ обрядъ постриженія.

Колокольня церкви Рождества Пресв. Богородицы въ Ярославлѣ (1645 г.).

Въ монастырѣ юный инокъ безропотно несетъ тяжесть молитвенныхъ подвиговъ, ревностно исполняетъ самыя трудныя работы на монастырскомъ дворѣ, кротостью и незлобіемъ заслуживаетъ любовь всей братіи. О немъ скоро начинаютъ говорить. Но этого-то именно и не хочетъ подвижникъ: не для славы земной оставилъ онъ „тлѣнная міра сего“; и вотъ, какъ когда-то ушелъ онъ

тайкомъ изъ родительскаго дома, такъ и теперь тайно оставляетъ онъ монастырь и идетъ въ пустыню, въ глухую лѣсную дебрь, и начинаетъ подвигъ пустынножительства. Немного житейскихъ удобствъ позволялъ онъ себѣ въ монастырѣ, а въ пустынѣ, лѣсной дебри, гдѣ и не найти никакихъ удобствъ, пустынникъ живетъ совсѣмъ безъ нихъ; спитъ на землѣ, подложивъ подъ голову камень, пытается спать стоя или сидя и для большей бодрости держитъ въ рукѣ камень, чтобы онъ, если случится задремать подвижнику, падалъ и шумомъ своимъ будилъ его. Непрестанная молитва и сокрушеніе о грѣхахъ наполняютъ время подвижника. Питается онъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а постомъ принимаетъ пищу разъ въ недѣлю, да и то очень скудную и невзыскательную: коренья, лѣсныя ягоды, просфора, принесенная изъ ближняго храма или монастыря, краюха черстваго хлѣба, оставленная случайнымъ прохожимъ въ кузовкѣ, который подвижникъ вѣшаетъ на дерево у окраины лѣса, гдѣ проходитъ дорога,—вотъ и вся трапеза подвижника.

Колокольня въ Цивозерѣ, Сольвычегодск. у., построена въ 1658 г.

Подвижникъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ: копаетъ огородъ, дѣлаетъ изгородь, поправляетъ свою хижину-землянку; непрестанный трудъ, постъ и молитва изнуряютъ и изсушаютъ тѣло святого. Но и этого ему мало: чтобы совсѣмъ подавить всякія тѣлесныя желанія, подвижникъ опоясывается тяжелою цѣпью, такъ что звенья ея врѣзываются въ тѣло; надѣваетъ власяницу, безпощадно дерущую своими острыми, какъ иглы, волосками его тѣло; на голову, подъ монашескій куколь, надѣваетъ желѣзную шапку, не носитъ никакой обуви и въ самые жестокіе морозы ходитъ босикомъ; тучи комаровъ въ жаркій лѣтній день вьются надъ подвижникомъ, покрываютъ его лицо и руки такимъ слоемъ, что не видать тѣла, а подвижникъ стоитъ и молча творитъ молитву за себя и за міръ.

Жилище подвижника въ лѣсу—жалкій шалашъ, кое-какъ сгороженный, землянка, а то и просто дупло большого дерева. Подвижникъ избѣгаетъ людей, налагаетъ на себя обѣтъ молча-

нія, и нѣтъ силъ вынудить отъ него слово. Къ преп. Саввѣ Вишерскому пришелъ родной братъ; преподобный сошелъ со своего пригорка, на которомъ жилъ, благословилъ брата молча и возвратился на свой пригорокъ.

Мѣсто, избранное будущимъ основателемъ обители, всегда отличается красотою. Съ высокой горы увидалъ преп. Кириллъ Бѣлозерскій необъятное пространство, покрытое озерами и лугами, орошенное Шексною; по красотѣ развернувшагося вида призналъ онъ это мѣсто за указанное ему Богомъ и поселился тутъ. Преп. Филиппъ Ираньскій выбралъ дивно-красивое мѣсто на высокомъ берегу пустынной рѣки Лыдоги. Селясь около рѣки, подвижники выбирали мѣсто обыкновенно въ устьяхъ ея, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ другую рѣку. Любили подвижники селиться на островахъ озеръ, а преподобные Зосима и Савватій поселились на островахъ Бѣлаго моря, гдѣ основали знаменитый Соловецкій монастырь.

Никольскій храмъ въ Шевдинскомъ-Городкѣ, Тотемскаго у., построенъ въ 1625 г.

Подвизаясь въ строгомъ одиночествѣ, будущій основатель монастыря съ любовью относится къ окружающей его природѣ, приручаетъ звѣрей и птицъ. Когда преп. Сергій Нуромскій пришелъ навѣстить преп. Павла Обнорскаго, то увидалъ, какъ стаи лѣсныхъ птицъ вились около преподобнаго; онъ кормилъ ихъ изъ рукъ, нѣкоторыя сидѣли у него на головѣ и на плечахъ. Возлѣ стоялъ медвѣдь и ждалъ себѣ пищи, вокругъ прыгали лисицы и зайцы. Къ преп. Никодиму Кожеозерскому такъ привыкли олени, что стадами ходили около него и кормились. Преп. Пафнутій Боровскій любилъ „гавроновъ черноперыхъ и много-

Церковь монастыря подъ Москвой. Съ рисунка Пальмквиста въ 1674 г.

язычныхъ“, по выраженію житія этого преподобнаго ,и далъ заповѣдь не убивать грачей, до сихъ поръ въ изобиліи гнѣздящихся въ монастырскомъ лѣсу. По разсказамъ житій, змѣи и гады, повинуясь преподобнымъ, оставляли места, гдѣ жили святые, и уходили прочь.

Подавляя въ себѣ всѣ житейскія привычки и слабости, отъ которыхъ такъ много зла среди людей, подвижникъ стремится стать лучше духомъ и сердцемъ. Подвигами труда, молитвы и поста онъ укрѣпляетъ въ себѣ незлобіе, кротость, чувство любви и всепрощенія. Становясь лучше самъ, подвижникъ вѣритъ, что его примѣръ не останется безплоднымъ.

Деревянный Никольскій храмъ въ селѣ Зачачьи, Холмогорск. у.; построенъ въ 1687 г.

И дѣйствительно, отшельнику, избравшему себѣ удѣлъ одиночества и молитву, недолго удавалось прожить въ тишинѣ и одному. Скоро начинали приходить къ нему люди и со слезами упрашивали позволить поселиться возлѣ него и жить съ нимъ. Бывали случаи, что родители подвижника, руководимые молвой, находили его и, покоренные его незлобіемъ и подвигами, оставались жить съ нимъ, посвящая свою жизнь также молитвѣ и трудамъ.

Скоро возлѣ уединенной келіи подвижника вырастаютъ келіи его соратниковъ по духовному подвигу. Общими усиліями воздвигается небольшая церковка. Основателя-подвижника выбираютъ игуменомъ, и начинается монастырская жизнь. Общимъ трудомъ одолѣваютъ всѣ препятствія. Такой общежительный монастырь подъ руководствомъ своего дѣятельнаго основателя образуетъ рабочую общину, въ которой занятія строго распредѣлялись между всей братіей. Среди иноковъ были люди разныхъ занятій и круговъ—и купцы, и служилые люди, и ремесленники, и земледѣльцы. Каждый долженъ былъ отбывать „на братскую нужду“ то дѣло, къ которому его ставили. Монахи

должны были „свои труды ясти и пити“, а не жить подаяніями мірянъ. Въ житіи преп. Ѳерапонта Бѣлозерскаго живо изображенъ „чинъ всякаго рукодѣлія“, т.-е. распорядокъ монастырскихъ занятій: кто книги пишетъ, кто книгамъ учится, кто рыболовныя сѣти плететъ, кто келіи строитъ; одни дрова и воду носили въ хлѣбню и поварню, гдѣ другіе готовили хлѣбъ и варево; хотя и много было службъ въ монастырѣ, вся братія сама ихъ исправляла, отнюдь не допуская до того приходившихъ мірянъ, монастырскихъ служекъ. Существовало тогда два порядка мнишескаго житія—житіе общее и житіе особное. Въ монастыряхъ съ особнымъ житіемъ иноки сходились вмѣстѣ только на церковныя службы и не имѣли ничего общаго. Каждый самъ заботился о себѣ и своей кельѣ, и о пищѣ, и объ одеждѣ, особо отъ другихъ затворившись, читалъ въ своей келіи монашескія молитвы, особо отъ другихъ пилъ и ѣлъ. Въ монастыряхъ общежительныхъ все считалось общимъ, строго воспрещалось „ничтоже особь стяжевати кому, ни своимъ что звати, но вся обща имѣти“, въ келіи не ѣсть и не пить и у келаря не просить, а келарю и ключнику не давать ничего никому безъ игуменова слова.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы въ с. Филяхъ подъ Москвой (1698 г.).

Ѣсть и пить въ трапезной всѣмъ вмѣстѣ, а внѣ трапезы ничего не вкушать ни до обѣда ни послѣ обѣда и до пьяна отнюдь не упиваться. Одѣяніе потребное брать у игумена, и то обычное, а не изъ нѣмецкихъ суконъ; шубы носить безъ пуху и обувь съ онучами брать у игумена; лишнихъ же одеждъ не держать. Если игуменъ пошлетъ куда-либо монаха на службу, пусть идетъ безъ ослушанія; безъ благословенія же игумена никакъ не выходить никуда. Послушаніе и покореніе имѣть къ игумену во всемъ: если кто начнетъ говорить вопреки игумену и воздвигать свары, таковой да будетъ заключенъ въ темницу, пока не покается, а непокорливаго мниха по первомъ, второмъ и третьемъ наказаніи изгонять вонъ изъ монастыря и не отдавать ему ничего, что было имъ внесено въ монастырь.

Въ церкви никто изъ монаховъ не смѣлъ бесѣдовать съ сосѣдями и выходить изъ храма до конца службы; всѣ стояли по установленному чину и благоговѣйно внимали молитвамъ. Особые наблюдатели изъ братіи слѣдили, чтобы монахи не дремали во время службы, не прислонялись къ стѣнѣ, а стояли прямо и благоговѣйно, „имѣя ноги, какъ столпы"; къ евангелію и для поклоненія св. иконамъ всѣ подходили, согласно съ уставомъ, по старшинству, чтобы не происходило замѣшательства; къ трапезѣ тоже всѣ шли по старшинству, каждый садился на свое мѣсто, и во время ѣды всѣ молчали, кромѣ одного чтеца, читавшаго приличное дню поученіе св. отцовъ или житіе празднуемаго въ данный день святого. Окончивъ трапезу, всѣ шли въ свои кельи, творя молитву, не вдаваясь ни въ какіе разговоры другъ съ другомъ, и никто не заходилъ къ другому брату, кромѣ какъ для посѣщенія болящаго. Если монаху приносили письмо или посылку, то и письмо и свертокъ нетронутыми относились къ игумену; если кто изъ монаховъ хотѣлъ послать письмо, то не смѣлъ этого сдѣлать, не сказавъ игумену и не показавъ ему самаго письма. Даже въ своей келіи монахъ ничего не могъ называть своимъ, слова „золото" и „серебро" не должны были исходить изъ устъ подвижника. Въ келіи монахъ не имѣлъ ни куска хлѣба ни кружки воды — вода было только въ глиняномъ умывальникѣ, висѣвшемъ на крылечкѣ; кто хотѣлъ пить,

Двадцатиодноглавая Преображенская церковь въ Китахъ, Петрозаводск. у., постройки начала XVIII в.

тотъ отправлялся въ трапезную и тамъ, съ благословенія старшаго, утолялъ жажду. Обстановку кельи составляли столъ, скамья; стѣны были увѣшаны иконами, на столѣ и полкахъ хранились книги Св. Писанія. Постелью иному строгому подвижнику служилъ гробъ, собственноручно выдолбленный монахомъ изъ дубовой колоды; деревянный обрубокъ составлялъ возглавіе этой постели. Спать иноку полагалось какъ можно меньше и только въ случаяхъ крайней усталости; передъ сномъ надо было долго молиться и что-нибудь сработать — починить одежду или обувь, наколоть дровъ, убрать келію и т. п. Спать надо было лежа на спинѣ, сложивъ руки на груди, какъ кладутъ умершихъ: сонъ вѣдь есть подобіе смерти, и о смерти долженъ всегда неустанно помышлять инокъ. Въ храмъ на общую молитву, на монастырскую работу надо было выходить со страхомъ Божіимъ, безъ промедленія, безъ празднословія и бесѣдъ мірскихъ, храня молчаніе.

Новый монастырь бѣденъ: церковные сосуды деревянные, ризы священника холщевыя, вмѣсто свѣчей горитъ въ церкви лучина, часто не хватаетъ хлѣба на пропитаніе братіи. Надо позаботиться о хлѣбѣ и для себя, и для приходящихъ богомольцевъ, и для милостыни нуждающимся. Общими трудами, подъ руководствомъ игумена, начинаютъ распахивать окрестную дикую почву, выжигая лѣсъ, выворачивая пни, превращая пустыню въ обработанную ниву, „древіе посѣкая и землю очищая къ насѣянію плодовъ земныхъ“. Тяжелый трудъ! Много силъ надо тратить изможденнымъ постомъ и неустанной молитвою монахамъ, чтобы заработать себѣ хлѣбъ насущный, а трудъ не только тяжелъ, но и опасенъ.

Жители окрестныхъ селъ начинаютъ что-то шумѣть на монаховъ, высказываютъ опасенія, какъ бы вся ихъ земля, всѣ ихъ угодья не отошли къ монастырю. Услышитъ о новомъ монастырѣ великій князь и прикажетъ надѣлить его землей на двѣнадцать верстъ въ окружности, и придется тогда окрестнымъ поселянамъ работать на монастырь, такъ какъ земля станетъ монастырской. Преподобнаго Арсенія Комельскаго мужики выжили съ занятаго имъ мѣста, и преподобный ушелъ въ глубину Шелегонскаго лѣса. Зато, если поблизости отъ мѣстожительства отшельника оказывался городъ, будущность монастыря обезпечена: новый монастырь—новые люди будутъ приходить, пойдетъ торговля. Для города монастырь былъ жданымъ и моленымъ. Многіе города просили прославившихся подвижниковъ итти къ нимъ и поселиться возлѣ, обѣщая всячески охранять покой монаховъ.

Но, гдѣ бы ни возникъ монастырь—возлѣ города ли, въ дикомъ лѣсу, вдали отъ села, въ сосѣдствѣ съ нимъ—все равно: святое мѣсто не пустовало. „Свѣтъ инокамъ—ангелы, свѣтъ простымъ людямъ—иноки“, говорили тогдашніе люди. Люди стремились жить въ монастырѣ, быть ему чѣмъ-либо полезными.

Князья удѣльные даютъ монастырю тѣ лѣса и луга, среди которыхъ монастырь возникъ; простые люди идутъ молиться въ монастырь, ищутъ слова утѣшенія и наставленія у святого подвижника, находятъ его и стараются, чѣмъ могутъ, поревновать святому дѣлу. Богатые люди жертвуютъ монастырю щедрые денежные вклады, отдаютъ въ монастырь свои земли; князья освобождаютъ эти земли отъ пошлинъ, даютъ монастырю различныя льготы. Понемногу монастырь дѣлается большимъ хозяиномъ и землевладѣльцемъ.

Строгій подвижникъ, положившій основаніе монастырю, дѣлается игуменомъ и самъ подаетъ братіи примѣръ труда и прилежанія. Игуменъ всюду первый на работѣ — онъ на ряду со всѣми тешетъ камни, рубитъ лѣсъ, мелетъ жерновомъ зерно, носитъ воду, роетъ вмѣстѣ со всей братіей прудъ или колодецъ.

Монастырь понемногу обстраивается. Воздвигаютъ болѣе обширный храмъ рядомъ съ небольшимъ первымъ. Строятъ трапезу для общихъ обѣдовъ, келіи, разныя хозяйственныя постройки; возлѣ храма выростаетъ колокольня, всѣ постройки опоясываетъ крѣпкая, высокая стѣна, даже съ башнями, передъ стѣной выкапываютъ глубокій ровъ. Время безпокойное—могутъ и татары и литва напасть, не пощадятъ и свои разбойники. Разбойники не разъ нападали на монастырекъ преп. Герасима Болдынскаго; на монастырь преп. Саввы Вишерскаго напали лихіе люди, когда въ монастырѣ шла постройка храма; преподобный не испугался, не оставилъ своего святого труда; разбойники смутились и стали помогать преподобному вкатывать бревна, дивясь его силѣ. Татары разорили монастырь преп. Іакова Желѣзноборовскаго около Галича, литовцы едва не сожгли обитель преп. Адріана Мезенскаго, вятскіе татары убили преподобныхъ Григорія и Кассіана Авнежскихъ.

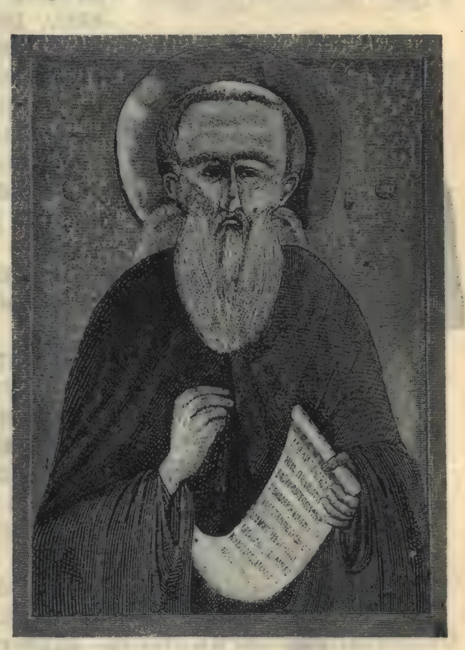
Но ни первобытная дикость страны, ни полная смертельныхъ опасностей жизнь среди дикарей не смогли подавить жажду подвига у основателей нашихъ монастырей. Они твердо оставались на занятыхъ мѣстахъ. Ихъ неусыпнымъ трудомъ дикая земля превращалась въ тщательно обработанную ниву, а окрестные язычники, побѣждаемые кротостью и незлобіемъ, принимали христіанство и становились ревностными работниками на монастырь.

Слухи о новомъ монастырѣ доходятъ до Москвы; великій князь шлетъ свои дары, проситъ благословенія, даетъ монастырю льготы и милостыню.

Монастырь богатѣетъ. Устроитель его и основатель оставляетъ тогда, обыкновенно, дѣло рукъ своихъ, уходитъ снова въ пустыню и снова живетъ отшельникомъ. Иногда онъ поселяется недалеко отъ монастыря, но иногда уходитъ въ другую область, далеко, и тамъ основывается на житье. Туда собирается къ нему новая братія, и возникаетъ новый монастырь. Иногда основатель покидаетъ и этотъ монастырь, оставивъ въ немъ,

какъ и въ первомъ, игуменствовать любимаго ученика, а самъ удаляется снова въ пустыню.

Преподобный Сергій долго жилъ одинъ и неохотно рѣшилъ разстаться со своимъ одиночествомъ. Когда монастырь его выросъ и укрѣпился, преподобный удалился на Киржачъ „безмолвствовати". Но и тамъ стали приходить къ нему люди за благословеніемъ. Преподобный Сергій много странствовалъ, исполняя порученія великаго князя и митрополита; въ своемъ странствованіи онъ тоже основывалъ монастыри, но не оставлялъ своего перваго монастыря—Троицкаго. Здѣсь онъ жилъ больше всего и много заботился о монастырѣ, какъ его начальникъ и хозяинъ. Самъ преподобный Сергій и подвижники его монастыря, современники его и наслѣдники, основали въ XIV и XV вв. болѣе 35 монастырей.

Изображеніе иконы преп. Сергія, писанной въ 1422 г.

Трудами и подвигомъ своего игумена Троицкій монастырь сталъ для сѣверо-восточной Руси тѣмъ, чѣмъ для Руси кіевскаго времени былъ монастырь Печерскій—средоточіемъ всего высокаго и свѣтлаго, гдѣ люди учились молиться не за себя, но и за другихъ, работать не на себя, но и для другихъ. Живой примѣръ жизни подвижника и братіи создавалъ Троицкому монастырю такое значеніе, а не внѣшнее богатство и блескъ. „При жизни святого настоятеля въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичокъ, пришедшій въ обитель преп. Сергія, чтобы повидать прославленнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско"; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ келіями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ, за недостаткомъ свѣчъ, дымили лучины; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатъ на сермяжной ряскѣ игумена; „чего ни хватись, всего нѣтъ", по выраженію житія; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба. Но всѣ дружны между собой и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ порядокъ и забот-

ливость, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой, и всѣ молятся послѣ работы". Люди изъ міра видѣли все это, испытывали на себѣ это мирное и благодатное житіе и уходили снова въ широкій и многомятежный свѣтъ ободренные и освѣженные...

Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преподобный Сергій, цѣлыхъ полвѣка былъ онъ прибѣжищемъ для страждущихъ и скорбящихъ, болящихъ душой за себя и за другихъ. Не было на Руси тѣхъ временъ имени болѣе славнаго и извѣстнаго, не происходило ни одного событія, съ которымъ бы свѣтло и свято не соединилось имя преп. Сергія. Въ 1380 году преподобный Сергій благословилъ на подвигъ борьбы съ татарами верховнаго вождя русскаго ополченія, великаго князя московскаго Димитрія Ивановича Донского.

Схима преп. Сергія.

— Иди на безбожныхъ смѣло, безъ колебаній, и побѣдишь!—сказалъ святой, и Куликовская битва оправдала его слова.

Ратуя словомъ и дѣломъ за единство Русской земли, собиравшейся около Москвы, преподобный Сергій всегда уговаривалъ и князей и простыхъ людей держаться за Москву.

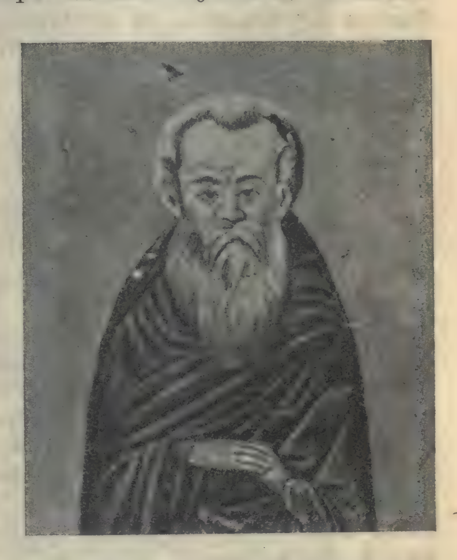
По порученію митрополита Алексія, преп. Сергій отправился въ Нижній-Новгородъ приглашать тамошняго князя добровольно явиться на судъ въ Москву, и, въ случаѣ сопротивленія князя, преподобный долженъ былъ затворить всѣ церкви въ Нижнемъ и прекратить богослуженіе. По порученію великаго князя Димитрія Донского, преподобный Сергій явился въ Рязань къ суровому рязанскому князю Олегу и кроткими рѣчами уговорилъ его смириться, не поднимать войны въ Русской землѣ и заключить вѣчный миръ съ московскимъ великимъ княземъ.

Преподобный Сергій со своими учениками и обителью сдѣлался образцомъ, „начальникомъ и учителемъ всѣмъ монастырямъ, иже въ Руси",—говоритъ о немъ лѣтописецъ. Монастыри, основанные самимъ преп. Сергіемъ, его учениками и учениками его учениковъ, считались десятками. И все это были пустынные монастыри, возникавшіе далеко отъ населенныхъ мѣстностей, въ чужой и опасной сторонѣ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Волги.

То былъ глухой, непроходимый край, обитаемый дикими и некрещеными финскими племенами; русскому человѣку тѣхъ временъ страшно было пуститься съ семьей и бѣдными пожит-

ками въ эти глухія дебри. Но монахъ-пустынникъ пошелъ туда смѣло; по всей лѣсной сторонѣ стали возникать монастыри, къ монастырю потянулись простые переселенцы; монастырь помогалъ имъ устроить хозяйство, поддерживалъ словомъ утѣшенія въ трудныя минуты, молился съ ними, былъ для переселенцевъ приходомъ, а во время нападенія враговъ крѣпостью, за стѣнами которой отсиживались отъ злыхъ нападеній; подъ старость переселенцы находили въ монастырѣ кровъ и схиму. Вокругъ монастырей создавались большіе и мелкіе поселки, сторона становилась обработанною, населенною, русскою.

„До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня,—пише троицкій келарь Симонъ Азарьинъ, составившій жизнеописаніе святого,—а теперь всѣ видятъ вокругъ обители мірскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для людей, а теперь явились большія дороги и проѣздъ, открытый для всѣхъ днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестностяхъ обители. Множество гадовъ и змѣй нарушали безмолвный покой Сергія, а теперь не встрѣтите ихъ на 10 верстъ вокругъ нея. И насколько умножалось населеніе обители и слободъ, настолько и все улучшалось. Прежде не было столько и деревьевъ въ рощахъ, сколько теперь людей въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были обширныя рощи...“

Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій. Съ изображенія, писаннаго при жизни преподобнаго († 1427 г.).

Когда преп. Кириллъ Бѣлозерскій поселился на мѣстѣ, гдѣ выросъ впослѣдствіи его монастырь, то „пусто и скудно было мѣсто то,—повѣствуетъ житіе преподобнаго,—боръ бѣяше велій и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу“. А когда пустыня преп. Кирилла стала знаменитой обителью, то въ лѣсахъ и пустошахъ Бѣлозерскаго края возникло около 400 селеній.

Благодаря неусыпному труду основателей монастырей и первыхъ поселенцевъ-монаховъ, „скудостная и пустая“ сторона превращалась въ населенную и обработанную, дикари—лопари, зыряне, черемисы, мордва — привыкали, благодаря живому примѣру, къ трудовой земледѣльческой жизни и, „открывая души своя“ на ласковое и привѣтливое обращеніе пустынножителей,

принимали христіанство и начинали жить осѣдло, во всемъ поучаясь отъ монастыря.

Особенно велики въ этомъ отношеніи заслуги Соловецкой обители, основанной преподобными Зосимой и Савватіемъ на островахъ холоднаго Бѣлаго моря. Соловецкій монастырь обрусилъ весь сѣверъ Россіи, заселилъ его и положилъ начало обработкѣ этого края. Соловецкій монастырь научилъ здѣшнихъ дикарей бороться съ негостепріимной природой и побѣждать ее.

Озера, которыми такъ богато Поморье и которыя такъ часто мѣшаютъ сообщенію, на Соловецкихъ островахъ соединялись каналами и превращались въ удобныя дороги, непроходимыя болота осушались, въ мелководныхъ рѣкахъ искусственно подымался уровень воды. Полудикіе лопари съ удивленіемъ смотрѣли на устройство водопровода въ Соловецкомъ монастырѣ, „какъ вода сама сливалась,—по словамъ соловецкаго лѣтописца,—со всѣхъ чановъ, черезъ трубу подымается наверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется".

„До Филиппа игумена (впослѣдствіи митрополита, пострадавшаго отъ Грознаго),—продолжаетъ лѣтопись,—рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ устроилъ телѣгу: сама насыпается, сама привозится и сама высыпается въ сушило; прежде рожь подсѣвали многіе, а игуменъ устроилъ сѣвальню съ 10 рѣшетами, а сѣетъ одинъ человѣкъ; при немъ же устроили рѣшето—само насыпаетъ, сѣетъ, а отруби, муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде много братіи носило рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ къ тому вѣтеръ, онъ теперь мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ... Прежде глину на кирпичъ копали люди, а теперь однимъ воломъ копаютъ столько, сколько многіе люди копали; на кирпичъ ту глину мяли прежде люди, а теперь мнутъ лошадьми..."

Пробираясь сквозь лѣса, вслѣдъ за подвижниками-отшельниками, русскіе люди клали много труда на обработку новой земли: ставили города, деревни и починки въ лѣсахъ, распахивали пашни, расчищали луга, устраивали рыбныя ловли по озерамъ и рѣкамъ. Это была тяжелая работа, недаромъ названная страдой. „Страдать" тогдашнему поселенцу приходилось и отъ тяжести самой работы, и отъ частыхъ непогодъ, и отъ суроваго климата, „морозомъ побивавшаго посѣвы почти на всякое лѣто"...

Человѣку, тратившему много силъ на борьбу съ этими житейскими невзгодами, нужно было прибѣжище, заступникъ и утѣшитель въ минуты слабости и отчаянія. Такимъ поборникомъ всегда являлся для окрестнаго люда преподобный, за монастыремъ котораго народъ селился. Отъ него ждали помощи въ борьбѣ со стихіями и негостепріимной природой, и когда святой тутъ, въ монастырѣ, люди ничего не боятся. Вотъ какъ, напримѣръ, начинается житіе св. Антонія Сійскаго: „Бысть сице: отъ

Общій видъ Троице-Сергіевой лавры въ настоящее время.

сотворенія міра въ лѣто 7180 (отъ Р. Х. 1672), отъ дождевныя мокроты, и отъ великихъ бурь, и отъ облачныя толстоты долго не было видно солнца, земные плоды замедлили въ ростѣ, рожь отъ дождя и бури полегла и не исправилась и цвѣту на ней не было до 7-го іюля, и иные плоды не росли, и люди очень о томъ скорбѣли и оскудѣли. Но человѣколюбивый Господь Богъ не захотѣлъ погубить въ конецъ Свое созданіе и, полезное о всѣхъ промышляя, посылаетъ милостивымъ явленіемъ заступника нашей странѣ и общаго предстателя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія..."

Въ тѣ времена каждая область, каждый городъ стремились имѣть своего покровителя и заступника въ лицѣ подвижниковъ, спасавшихся въ предѣлахъ каждаго изъ городовъ: „каяжда страна,—по тогдашнему выраженію,—блажитъ своихъ святыхъ".

„Такъ создавалась,—по замѣчанію В. О. Ключевскаго,—верхневолжская Великороссія: дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русскихъ людей преподобный Сергій".

Итакъ, старинный русскій монастырь XIV—XV вв. былъ не только средоточіемъ духовной жизни, но и руководителемъ жизни хозяйственной. Земля, которою владѣлъ монастырь, сначала ограничивалась той мѣстностью, на которой монастырь возникъ. Но понемногу, по мѣрѣ того, какъ уходило время и ширилось и росло значеніе монастыря, расширялись и увеличивались его владѣнія. Во владѣніе монастырей стали входить не только деревни и селенія, но цѣлые острова и волости.

Земельныя владѣнія монастырей увеличивались часто помимо желанія ихъ основателей. Преп. Кириллъ Бѣлозерскій не хотѣлъ принять и одной деревни отъ какого-то боярина; преп. Сергій отказался принять отъ митрополита даже крестъ, только потому, что онъ былъ золотой. Но со стремленіемъ старинныхъ русскихъ лицъ жертвовать въ монастыри деньги и земли трудно было бороться.

Въ житіи преп. Корнилія Комельскаго сохранилась такая бесѣда святого старца съ великимъ княземъ Василіемъ III:

— Слышалъ я, отче,—говорилъ великій князь,—что у твоего монастыря нѣтъ селъ и деревень; но проси, и я дамъ, что тебѣ нужно.

Старецъ отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, а только просилъ дать ему немного земли съ лѣсомъ возлѣ монастыря, чтобы онъ съ братіей могъ „отъ поту лица своего ѣсть хлѣбъ свой".

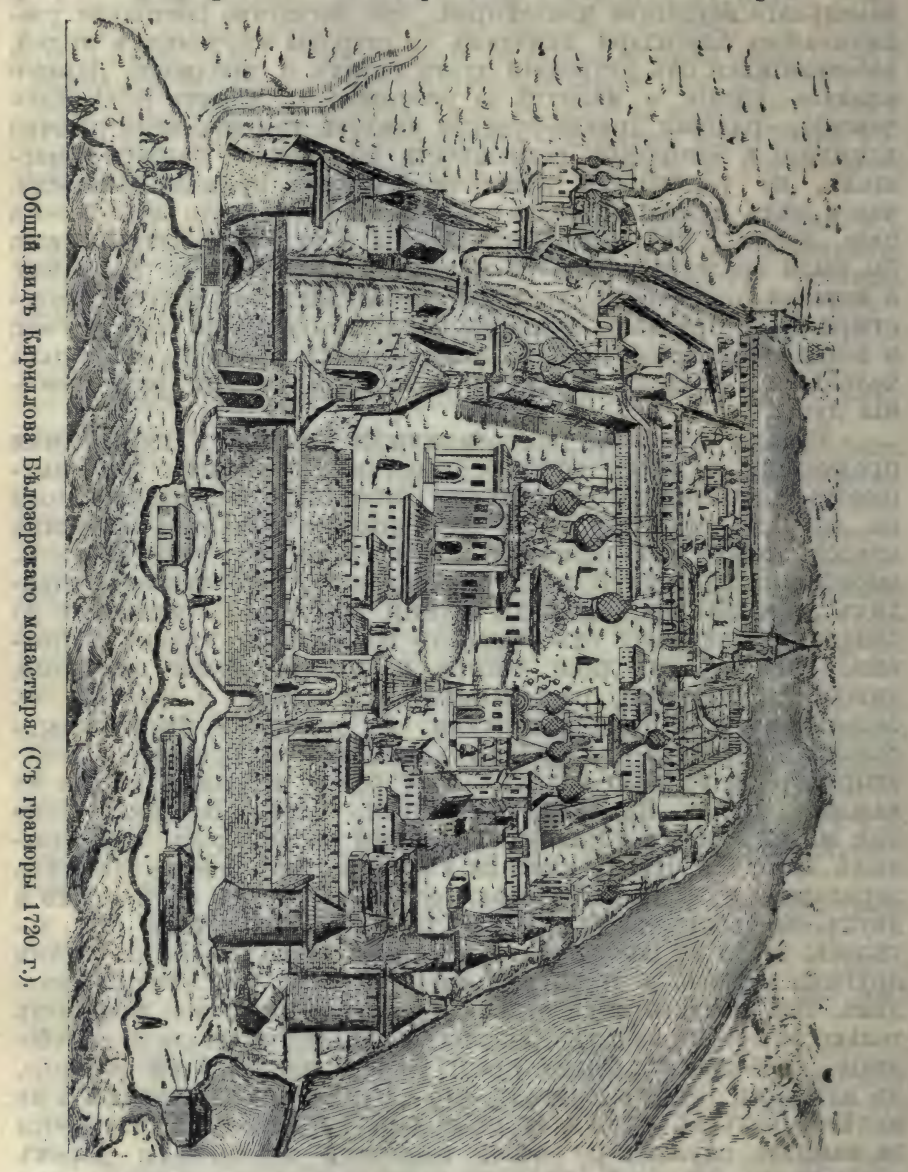
Великій князь исполнилъ просьбу старца, но не въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ просилъ преподобный. Жалованная грамота укрѣпила за монастыремъ преп. Корнилія 29 деревень и починковъ со всякимъ угодіемъ, освободивъ обывателей отъ всѣхъ податей и поборовъ и предоставивъ ихъ

„вѣдать и судить старцу Корнилію съ братіей самимъ во всемъ“.

Такія жалованныя вотчины составляли обыкновенно основу земельнаго богатства монастырей. Это богатство постоянно увеличивалось благодаря вкладамъ со стороны вѣрующихъ людей, заботившихся объ устроеніи душъ своихъ и предковъ. „Православное ученіе о молитвѣ за усопшихъ,—говоритъ В. О. Ключевскій,—рядовая древне-русская совѣсть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы о душахъ умершихъ, не успѣвшихъ принести покаянія, привела къ мысли, что и нѣтъ нужды спѣшить съ этимъ дѣломъ, что на все есть свое время... что можно отмолиться и чужой молитвой, лишь бы были средства нанять ее и лишь бы она была не кое-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва“... Монастыри были признаны лучшими молитвенниками на такіе случаи; и вотъ, чтобы пріобрѣсти молитву земныхъ ангеловъ, небесныхъ человѣковъ, и стали дѣлать въ монастыри вклады ради спасенія души.

Вклады дѣлались всевозможными вещами и церковными предметами, но всего обычнѣе деньгами и землей. Изъ имущества состоятельнаго покойника обязательно выдѣлялась доля на поминъ его души, если онъ даже не оставлялъ никакихъ предсмертныхъ распоряженій. Монастыри, въ свою очередь, выработали подробную таксу заупокойныхъ богослуженій: панихидъ „большихъ и меньшихъ“, литій, обѣденъ. Поминовеніе по синодику отличалось отъ „годового поминовенія впрокъ“, стоившаго дороже; синодики, смотря по вкладу, были: налойный, литійный, алтарный, постепенный, вседневный и сельный съ сельниками, т.-е. съ покойниками, по которымъ были вклады селами. За запись въ литійный синодикъ въ Троицкомъ монастырѣ брали въ 1630 годахъ около 500 р. на наши деньги съ каждаго имени. Въ монастырѣ преп. Іосифа Волоцкаго еще при жизни святого установился строгій распорядокъ поминальныхъ вкладовъ. Нѣкая княгиня Голенина въ теченіе 15 лѣтъ передавала въ монастырь преп. Іосифа по своемъ отцѣ, мужѣ и двухъ сыновьяхъ не менѣе 4.000 руб. на наши деньги. Ей хотѣлось, чтобы ея покойниковъ поминали особо, а не со всѣми другими вмѣстѣ, и чтобы ихъ имена занесли въ вѣчный синодикъ. Изъ монастыря ей отвѣтили, что все это можно исполнить только за особый вкладъ. Княгиня въ сердцахъ назвала это требованіе „грабежомъ“. Тогда преп. Іосифъ написалъ ей посланіе, въ которомъ точно высчиталъ, что ея покойники поминаются не менѣе 6 разъ въ день, а въ иной день и 10 разъ, и что почти за каждаго служить по особой панихидѣ невозможно: даромъ священникъ ни одной обѣдни и панихиды не отслужитъ, „надо каждому заплатить, и въ особое годовое поминанье не записываютъ безъ ряда, т.-е. безъ договора, съ условіемъ ежегоднаго взноса деньгами или хлѣбомъ или единовременнаго вклада селомъ“.

Кромѣ вкладовъ по душѣ, монастыри много получали отъ взносовъ при постриженіи. Преп. Іосифъ Волоцкій указываетъ, что его монастырь началъ обстраиваться съ тѣхъ поръ, какъ

Общій видъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. (Съ гравюры 1720 г.).

стали въ немъ постригаться „добрые люди" изъ князей, бояръ, дворянъ и купцовъ, которые давали много, иной разъ до 12.000 руб. (на наши деньги). На преп. Трифона, основавшаго въ концѣ XVI в. монастырь на Вяткѣ, жаловались, что онъ за

постриженіе „вкладу проситъ дорого и съ убогаго человѣка меньше 100 р. (на наши деньги) не возьметъ“. Знатные постриженники Іосифова Волоколамскаго монастыря вносили до 10.000 р. на наши деньги и больше. Конечно, такое отношеніе къ „постриженникамъ“ и къ святому долгу поминовенія усопшихъ являлось злоупотребленіемъ и осуждалось нѣкоторыми подвижниками и въ тѣ времена, но тогдашній обычай не считалъ это злоупотребленіемъ, и люди тѣхъ временъ настойчиво несли монастырю свои имѣнія, деньги, драгоцѣнности, умоляя принять все на потребу братіи и молиться о жертвователяхъ и ихъ умершихъ. Такимъ образомъ въ монастыряхъ, часто помимо воли монаховъ, накоплялись большія денежныя богатства. Эти денежныя и земельныя богатства невольно вовлекали монастыри, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ оборотливую хозяйственную дѣятельность со всѣми ея проявленіями, имѣющими мало общаго съ постомъ, молитвой и спасеніемъ души.

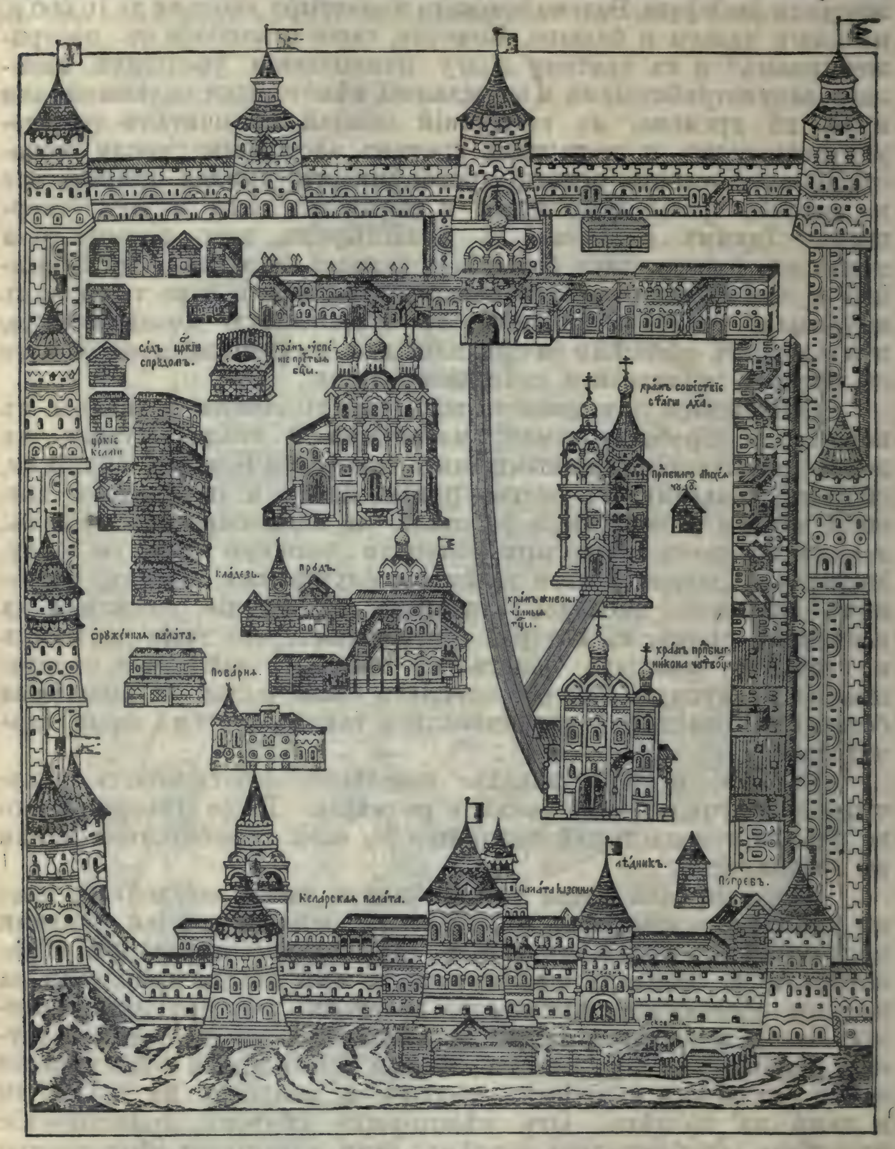
Селившійся при монастыряхъ народъ всегда нуждался въ помощи на обработку земли; монастыри и стали ссужать въ долгъ поселенцевъ нужными имъ земледѣльческими орудіями, скотомъ, деньгами. Въ счетъ уплаты долга и процентовъ взявшій взаймы у монастыря работалъ на монастырскихъ поляхъ; такимъ образомъ монастыри получали дешевую рабочую силу. Монастыри давали деньги взаймы и служилымъ людямъ; въ такихъ случаяхъ писалась закладная на имѣніе должника на извѣстный срокъ, въ которой обозначалось, что если должникъ не внесетъ занятыхъ денегъ въ срокъ, то закладная превращается въ купчую. Случаи неуплатъ были часты, и земельныя богатства монастырей увеличивались такимъ путемъ очень значительно.

Въ XV и XVI вѣкахъ земельная собственность монастырей получила очень большіе размѣры. Тогда говорили, что во владѣніи монастырей находится $^1/_3$ всей обработанной земли въ государствѣ.

Монастырская земля всегда была и самая заселенная. Еще въ удѣльное время, жалуя монастыри землей, князья ставили непремѣннымъ условіемъ своего дара, чтобы монастыри обрабатывали и заселяли пожалованную имъ землю, привлекая на нее для постояннаго жительства крестьянъ изъ другихъ княженій. Чтобы монастыри имѣли возможность создать самыя льготныя условія для поселенцевъ, князья освобождали монастырскія земли отъ всѣхъ казенныхъ сборовъ и налоговъ на 5, на 10 и даже на 20 лѣтъ. Отъ нѣкоторыхъ сборовъ монастырскіе крестьяне освобождались совсѣмъ; сами монастыри обыкновенно не платили никакихъ налоговъ; жившіе на ихъ земляхъ крестьяне не были подсудны мѣстнымъ властямъ, а судились у игумена или у царскаго боярина.

Всѣ эти и многія другія льготы дѣлали жизнь за монастыремъ болѣе легкой и удобной, чѣмъ жизнь въ служиломъ по-

мѣстьѣ. Естественно, что тогдашнее крестьянство предпочитало селиться на монастырскихъ земляхъ, и эти земли поэтому ни-

Общiй видъ Троице-Сергiева монастыря по чертежу половины XVII в.

когда не пустовали. Даже люди свободные, посадскiе и уѣздные охотно записывались закладчиками за монастыри. Ко времени уничтоженiя монастырскихъ имуществъ, въ царствованiе импе-

ратрицы Екатерины II, за Троице-Сергіевымъ монастыремъ считалось, напримѣръ, 106.600 ревизскихъ душъ, и монастырь этотъ являлся богатѣйшимъ душевладѣльцемъ.

Такъ постепенно скромная скудостная обитель превращалась въ богатый хозяйственный монастырь, дававшій работу цѣлой округѣ и кормившій ея населеніе. Монастыри заводили крупныя промышленныя предпріятія, ловили рыбу, варили соль, продавали весь этотъ товаръ, становились, слѣдовательно, большими промышленниками и торговцами. Когда Иванъ Грозный сдѣлалъ сборъ съ духовенства и монастырей на нужды войны, то нѣкоторые монастыри безъ всякаго затрудненія для себя внесли по сорока, пятидесяти и даже по сту тысячъ рублей. Годовой доходъ Троицкаго монастыря равнялся въ концѣ XVI вѣка ста тысячамъ рублей, т.-е. болѣе 6.000.000 р. на наши деньги. За Бѣлозерскимъ Кирилловымъ монастыремъ въ 1582 г. числилось 20.000 десятинъ пашни, не считая земли, лежавшей „впустѣ“, и лѣса.

Богатства монастырей дали имъ возможность широко развивать дѣло помощи въ трудные дни голода, мора и военныхъ бѣдствій, часто посѣщавшихъ тогдашнюю Россію.

Преподобный Сергій завѣщалъ своей обители никому не отказывать въ пищѣ и пристанищѣ.

Во всѣхъ монастыряхъ захожему страннику, всякому безпріютному человѣку былъ всегда готовъ и столъ и кровъ. Въ дни преподобнаго Іосифа Волоцкаго неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ, и потому хлѣбъ продавался по высокой цѣнѣ. Люди ѣли то же, что и скотъ: листья, кору, сѣно, толченыя гнилушки и горькій корень ужовника. Преп. Іосифъ открылъ монастырскія житницы. Къ Волоколамскому монастырю стеклось болѣе 7.000 голодающихъ, не считая дѣтей. Ежедневно кормилось въ монастырѣ до 500 чел. Многіе привели въ монастырь своихъ дѣтей и оставили ихъ тамъ. Преп. Іосифъ велѣлъ разыскивать родителей, но, когда никто не явился, онъ велѣлъ собрать покинутыхъ дѣтей, построилъ для нихъ особый домъ, и тамъ дѣти жили и воспитывались до возраста. Когда голодающіе съѣли весь монастырскій хлѣбъ, преподобный приказалъ продавать скотъ и одежду; когда и этого не хватило, преп. Іосифъ приказалъ брать всюду деньги взаймы подъ монастырскія расписки и сократилъ всѣ расходы по монастырю. Монахамъ пришлось ѣсть одно варево изъ „листвій капустныхъ“ и пить воду. Поднялся ропотъ. Но преп. Іосифъ сказалъ, что они дали обѣтъ терпѣть всякую нужду ради царства небеснаго, а потому и не должны лишать помощи тѣхъ, которые съ женами и малолѣтними дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ, выпрашивая куски хлѣба, и умираютъ отъ голода. Слухи о подвигахъ милосердія волоколамскаго игумена распространились всюду, и богатые и властные, видя уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему.

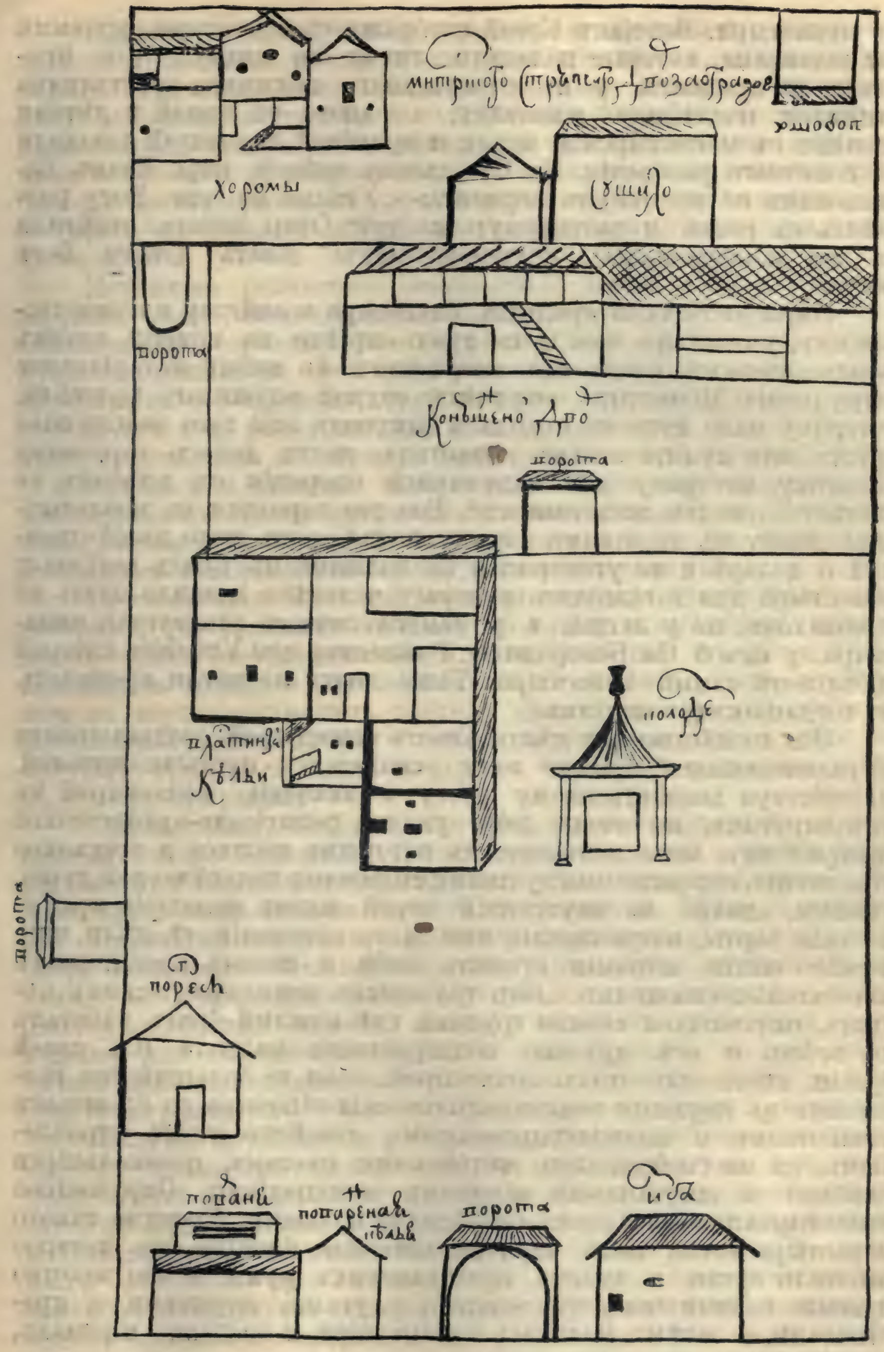
Въ трудное военное время, въ 1609 году, Соловецкій монастырь послалъ князю М. Скопинъ-Шуйскому въ Новгородъ 2.000 рублей на тогдашнія деньги для уплаты жалованья шведскимъ наемникамъ; вскорѣ затѣмъ этотъ же монастырь послалъ царю Василію Шуйскому еще 3.150 рублей *).

Но богатства, скопившіяся въ монастыряхъ, приводили во многомъ къ отступленію отъ истинно-монашеской жизни. Монахъ долженъ былъ скромно пить и ѣсть, но ему приходилось участвовать въ „кормахъ“, какъ назывались значительные земельные вклады, соединенные съ условіемъ, что монастырь ежегодно будетъ устраивать для всей братіи кормъ въ память того, по чьей душѣ дѣлался вкладъ; кормы назначались иногда и два раза—въ день ангела и въ день кончины вкладчика, и отличались обиліемъ и сытностью, подавалось обыкновенно три-четыре блюда и два раза въ день. Благодаря всему этому въ XVI в. монастырская жизнь далеко отходитъ отъ тѣхъ идеаловъ поста и подвижничества, которые легли въ основаніе самого монастыря, положенное его основателемъ-отшельникомъ. Въ большихъ монастыряхъ многіе монахи стали уклоняться отъ общей трапезы и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; особенно склонны къ этому бывали монахи изъ бояръ и знатныхъ служилыхъ людей; они пробавлялись по келіямъ „постилами, коврижками и пряными овощами“,—какъ говоритъ одинъ обличитель, — за монастыремъ держали дворы, гдѣ помѣщались запасы на цѣлый годъ, ихъ мірскіе пріятели доставляли имъ фряжскія вина. Прежнюю монастырскую тишину въ такихъ монастыряхъ смѣнили широкіе пріемы и угощенія. Одежда монаховъ постепенно утратила прежнюю простоту: вмѣсто грубой самодѣльной сермяги начинаютъ появляться мягкія шелковыя ткани, подбитыя у нѣкоторыхъ соболемъ; монастырскія зданія приняли видъ каменныхъ палатъ, украшенныхъ узорами и стѣнописью, золотыми карнизами, коврами.

Многіе монастыри забыли завѣтъ своихъ основателей—благотворить нуждающимся, призирать сирыхъ и убогихъ. Богадѣльни сдѣлались рѣдки при монастыряхъ, и когда царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ поднялъ рѣчь о безпризорныхъ нищихъ, убогихъ и увѣчныхъ, отцы собора промолчали на намекъ царя устроить дѣло благотворенія при монастыряхъ и посовѣтовали завести богадѣльни на счетъ царской казны да на пожертвованія христолюбцевъ.

Монастыри занялись совсѣмъ другого рода помощью впавшимъ въ нужду. Обличители неправеднаго житія монаховъ XVI в. настойчиво повторяютъ, что монастыри, вопреки церковнымъ правиламъ, отдаютъ деньги въ ростъ крестьянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, купцамъ и служилымъ людямъ. Вотъ куда, значитъ, шли тѣ огромныя суммы денегъ, которыя стекались

*) Рубль 1601—1612 гг. равнялся 12 нынѣшнимъ.

Часть плана монастыря. Хозяйственныя постройки.

въ монастыри. Вассіанъ Косой изображаетъ монастыри суровыми заимодавцами, которые налагали „лихву на лихву“, т.-е. проценты на проценты, у несостоятельнаго должника-крестьянина отнимали послѣднюю животину, а самого съ женой и дѣтьми сгоняли съ монастырской земли и судебной волокитой доводили до конечнаго разоренія. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ не преминулъ спросить:—„Угодно ли это Богу раздавать въ ростъ монастырскую казну?“ Отцы собора отвѣтили на это конфузливымъ постановленіемъ: давать деньги безъ роста.

Имѣя свободныя средства, благодаря хозяйству и пожертвованіямъ, монастырь всегда не прочь прійти на помощь своимъ жертвователямъ, когда ихъ встрѣчаетъ въ жизни матеріальное затрудненіе. Монастырь выручитъ ссудой служилаго человѣка, которому надо итти въ походъ и выкупить для того заложенное оружіе или купить новое; монастырь дастъ денегъ торговому человѣку, которому для задуманной операціи съ хлѣбомъ не хватаетъ „своихъ животишекъ“. Все это вернется въ монастырскую казну съ хорошимъ „припускомъ“, если даже хозяйственный о. келарь и не уговорился съ должникомъ. Брать взаймы у монастыря для тогдашняго русскаго человѣка значило брать не у монаховъ, не у людей, а у самого святого основателя монастыря, у самой Св. Богородицы, Рождеству или Успенію которой посвященъ самый монастырь. Такіе долги не могли пропадать, по тогдашнимъ понятіямъ.

Эта хозяйственная дѣятельность монастырей, создававшаяся и развивавшаяся помимо воли основателей - пустынножителей, способствуя хозяйственному росту и значенію монастырей въ ихъ округахъ, не очень даже умаляя религіозно-нравственное значеніе ихъ, какъ центровъ, къ которымъ неслись и стекались стремленія, порождаемыя лучшими сторонами человѣческой души, вносила, однако, во внутренній строй жизни монаховъ крайне жесткія черты, извращавшія иногда въ основаніи тѣ цѣли иноческаго житія, которыя ставилъ себѣ и своимъ преемникамъ основатель-подвижникъ. „Изъ трудовыхъ земледѣльческихъ общинъ, питавшихся своими трудами, гдѣ каждый братъ работалъ на всѣхъ и всѣ духовно поддерживали каждаго изъ своей братіи, многіе изъ этихъ монастырей, если не большинство, разрослись въ крупныя землевладѣльческія общества со сложнымъ хозяйствомъ и привилегированнымъ хозяйственнымъ управленіемъ, съ многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мірскими отношеніями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря жило, какъ черноризническое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянскихъ рукъ, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами, а затѣмъ молилось о всемъ мірѣ и особенно мірянахъ, вкладчикахъ своего монастыря...“

Появилось много монастырьковъ и пустынекъ, которымъ нечѣмъ было жить, и они стали жить подаяніемъ, стараясь собирать его какъ можно больше, и тѣмъ сѣяли соблазнъ въ міру. „Старецъ поставитъ въ лѣсу келью и срубитъ часовенку,— пишетъ царь Иванъ Васильевичъ,—да и пойдетъ по міру съ иконой просить на сооруженіе, а у меня земли и подмоги проситъ, а что соберетъ, то пропьетъ и въ пустынѣ живетъ не по-Божьи“... „Многіе идутъ въ монастырь только ради покоя тѣлеснаго“...

Истинные ревнители монашеской жизни, когда они созерцали такія явленія, невольно приходили къ мысли о необходимости устранить эти скорбныя явленія. Еще на соборѣ духовныхъ лицъ въ 1503 году стали разговаривать о положеніи монастырей и обсуждать, какъ бы помочь монастырямъ освободиться отъ зла, разъѣдающаго ихъ. Преподобный Нилъ Сорскій, присутствовавшій на соборѣ, предложилъ тогда отобрать земли у монастырей и сдѣлать такъ, чтобы иноки сами трудились и жили плодомъ своего труда, никого не заставляя на себя работать, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились бы трудами рукъ своихъ“.

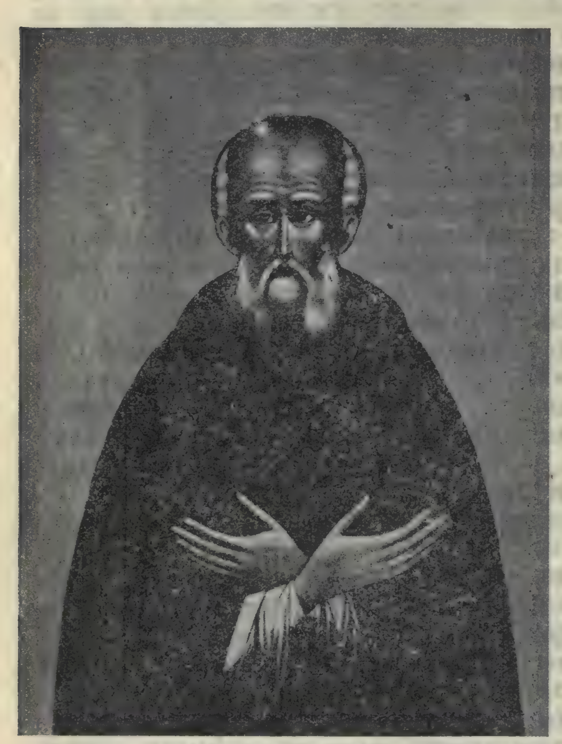
Преподобнаго Нила поддержали и другіе пустынники. Они говорили, что монахамъ неприлично владѣть имѣніями: монахи даютъ обѣтъ нестяжательности и отрекаются отъ міра, чтобы помышлять только о спасеніи души, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ, заставляютъ часто и много разговаривать объ имущественныхъ дѣлахъ, вести тяжбы, монаху же надо жить въ пустынѣ, трудиться, а не тягаться о богатствѣ земномъ, сребро къ сребру приращая.

Преподобному Нилу съ его сторонниками отвѣчалъ преподобный Іосифъ Волоцкій. И онъ немало боролся противъ паденія чистоты иноческой жизни, но съ предложеннымъ преп. Ниломъ средствомъ борьбы не могъ согласиться. Преп. Іосифъ и его сторонники говорили, что имѣнія необходимы для существованія монастыря. Въ монастыряхъ нужно не только создавать храмы, но и постоянно поддерживать ихъ; въ храмахъ совершается церковная служба, которая требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ; для совершенія службы при храмахъ должны находиться церковнослужители; они должны жить чѣмъ-нибудь, а кто будетъ кормить ихъ, если у монастыря не будетъ владѣній? Имѣнія вовсе не мѣшаютъ монахамъ достигать вѣчнаго спасенія... Затѣмъ монастыри приготовляютъ для церкви ея іерарховъ. Если отнять у монастырей имѣнія и всѣхъ монаховъ заставить жить своимъ трудомъ, то что произойдетъ? Какъ тогда знатному и благородному человѣку постричься? А если не будетъ „честныхъ“ монаховъ, откуда взять митрополита, архіепископа или епископа и на другія высшія церковныя должности? А когда не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда будетъ поколебаніе вѣры... Создатели монастырей и жертвователи, устраивая

монастыри и дѣлая пожертвованія, хотѣли, чтобы монастыри могли принимать у себя странниковъ, питать нищихъ, помогать больнымъ и несчастнымъ, а лишившись имуществъ, монастыри не смогутъ этого сдѣлать.

Мнѣніе преп. Іосифа Волоцкаго восторжествовало, и имѣнія были оставлены за монастырями.

Между тѣмъ дальнѣйшій ростъ земельнаго имущества монастырей шелъ явно въ ущербъ состоятельности, а слѣдовательно и служебной годности служилыхъ людей. Поэтому въ 1580 г. соборъ духовенства съ участіемъ бояръ постановилъ, чтобы впредь архіереямъ и монастырямъ вотчинъ у служилыхъ людей не покупать, въ закладъ и по душѣ не брать и никакими способами своихъ владѣній не увеличивать; вотчины, купленныя или взятыя въ закладъ у служилыхъ людей архіереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя.

Преподобный Іосифъ Волоцкій.
Изображеніе съ иконы, писанной вскорѣ послѣ прославленія преподобнаго.

Въ теченіе всего XIV и вплоть до XVIII вѣка сила и значеніе богатыхъ монастырей все возрастали. Монастыри опоясываются крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями, заводятъ свою охрану съ ружьями и въ минуту нападенія враговъ умѣютъ постоять за себя, силу духовную, вѣру, ограждая силой оружія и обѣ силы направляя на защиту родины. Въ Смутное время Троицкій монастырь за своими крѣпкими стѣнами далъ мужественный отпоръ врагамъ, поддержалъ своимъ крѣпкимъ стояніемъ падавшія народныя силы и тѣмъ немало содѣйствовалъ общему успѣху, когда на защиту Москвы пошло ополченіе низовыхъ городовъ.

По обилію грамотныхъ людей, жившихъ за стѣнами монастырей, по скопленію книгъ и рукописей, по любви къ чтенію и книгамъ, монастыри были средоточіемъ и тогдашней образо-

ванности. „Какъ корабль безъ гвоздей не составляется,—говорили тогда,—такъ и инокъ не можетъ обойтись безъ чтенія книгъ". Списываніе же книгъ было однимъ изъ любимѣйшихъ занятій древнихъ подвижниковъ; каждый монастырь старался собрать возможно больше книгъ. Преп. Сергій, за неимѣніемъ пергамента и бумаги, писалъ св. книги на берестѣ. Св. Стефанъ Пермскій собственноручно переписалъ множество книгъ. Троицкій и Соловецкій монастыри въ XVII вѣкѣ, когда они были уже богатѣйшими монастырями, устроили у себя цѣлыя переписныя палаты, гдѣ грамотные и хорошо писавшіе монахи подъ диктовку одного изъ нихъ писали одну книгу сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Много книгъ жертвовали въ монастыри міряне, какъ вкладъ за упокой души, и эти драгоцѣнные дары заботливо береглись и хранились въ монастыряхъ. Въ библіотекѣ Троице-Сергіева монастыря до сихъ поръ хранится болѣе 800 рукописей и до 3.000 старопечатныхъ книгъ, собранныхъ еще до XVIII вѣка.

Богатыя библіотеки влекли къ себѣ людей, любившихъ „почитаніе книжное". Книги читались, изъ нихъ дѣлались выписки на поученіе другимъ, составлялись сборники изъ твореній отцовъ церкви, лѣтописей и другихъ книгъ. Эти сборники охотно читались всюду. Книжные люди въ монастыряхъ записывали текущія событія, заботясь сохранить о нихъ память. Наши лѣтописи, такъ богатыя своимъ содержаніемъ, возникли въ монастыряхъ—тамъ онѣ были составлены и переписаны. На всякое живое движеніе въ обществѣ, на всѣ толки о томъ или иномъ событіи книжный монахъ отвѣчалъ тѣмъ, что составлялъ особое „посланіе", какъ бы письмо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Особенно любили книжные люди изъ иноковъ составлять житія, т.-е. жизнеописанія прославившихся своею святою жизнью подвижниковъ.

Русскій человѣкъ тѣхъ временъ не могъ не сознавать великаго значенія монастыря, и стремленіе жить въ монастырѣ и быть монахомъ дѣлалось всеобщимъ. „Монастыри любите,—говорилось въ тогдашнихъ поученіяхъ,—это жилища святыхъ, пристанища сего свѣта". „Пустыня—покой и отдохновеніе ума, наилучшая родительница и воспитательница, содругъ и тишина мысли, плодовитый корень божественнаго зрѣнія, истинная помощница духовнаго соединенія съ Богомъ". Такъ писалъ князь Курбскій. А царю Ивану Грозному монашество представлялось „лучше царской державы".

Принятіе монашества считалось болѣе вѣрнымъ переходомъ изъ тлѣнной настоящей жизни въ нетлѣнную будущую, а потому возникъ и до сихъ поръ не умеръ обычай постригаться передъ смертью, лежа на смертномъ одрѣ, въ монахи. Такъ поступали цари и князья и простые люди. Василій III, Иванъ Грозный, Борисъ Ѳедоровичъ умерли монахами. Жители Тотьмы просили царя основать у нихъ монастырь и свое ходатайство

особенно подкрѣпляли ссылкой на то, что безъ монастыря умирающіе у нихъ не имѣютъ возможности принять постриженіе.

Кто хотѣлъ въ древней Руси жить хорошо, по-Божьи, тотъ старался подражать жизни монаховъ. Постъ, молитва, строгость къ самому себѣ, воздержаніе во всемъ—и въ бесѣдахъ и въ удовольствіи, замкнутость — вотъ черты, какія клались въ основу тогдашняго „добропорядливаго житія“. Это отражалось во всей обстановкѣ, во всѣхъ поступкахъ тѣхъ, кто были, выражаясь, какъ принято теперь, порядочными и воспитанными людьми.

Домашняя жизнь въ тогдашней хорошей семьѣ располагалась по монастырскому уставу. Каждый вечеръ отецъ семьи собиралъ всѣхъ домочадцевъ и молился съ ними, прочитывая вечерню, павечеріе и полунощницу. Благочестивые люди вставали еще въ полночь и прочитывали нѣкоторыя молитвы. Утромъ опять всей семьей молились, читая заутреню и часы, а по праздникамъ еще молебенъ, канонъ святому или празднику. Самое время дня дѣлилось по церковнымъ службамъ. Всякое дѣло начиналось и оканчивалось молитвой. Молитва Іисусова не сходила съ языка у каждаго, кто хотѣлъ быть воспитаннымъ человѣкомъ.

Общественныя и домашнія бѣдствія принимались, какъ наказанія свыше за грѣхи; чтобы отвратить божеское наказаніе, надо было молиться и исполнять завѣты свв. отцовъ. „Если Богъ пошлетъ на кого-нибудь болѣзнь и скорбь,—говоритъ авторъ „Домостроя“, книги, которая учила „благоувѣтливому житію“,—то прибѣгай къ врачеванію себя милосердіемъ, слезами, молитвой, постомъ, милостыней и покаяніемъ. Тогда слѣдуетъ просить о молитвѣ духовныхъ отцовъ и монаховъ, пѣть молебны, святить воду на мощахъ и чудотворныхъ образахъ, освящаться масломъ, строго выполнять эпитиміи“.

Въ домахъ знатныхъ и зажиточныхъ людей всегда находилась особая комната, которая называлась „крестовою“, или „моленною“. Въ этой комнатѣ стѣны были уставлены образами, и все въ ней должно было напоминать обстановку храма.

Царь Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ каждый день всѣ богослуженія въ своей домовой церкви, а когда былъ боленъ, служеніе происходило въ его спальной комнатѣ, и царь лежа слушалъ богослуженіе. Въ Великій постъ онъ простаивалъ на молитвѣ въ церкви по пяти и шести часовъ сряду, клалъ по 1.000 земныхъ поклоновъ, а въ „великіе дни“ сугубаго поста и до 1.500.

Въ домѣ всегда господствовало строгое благочиніе, какъ въ монашеской келіи. Никто не входилъ въ домъ, не произнеся у дверей громко молитвы Іисусовой, и только послѣ отвѣтнаго возгласа—аминь!—можно было переступить порогъ. Кто бы ни

находился въ комнатѣ, воспитанный человѣкъ тѣхъ временъ, войдя, прежде всего крестился передъ образами, дѣлая три поклона, и потомъ только привѣтствовалъ находившихся въ комнатѣ людей.

Начальникъ и руководитель монастыря, его игуменъ, былъ всегда прекраснымъ хозяиномъ, умѣвшимъ дѣлать все, и ко всякому дѣлу неустанно прикладывалъ онъ свою хозяйскую руку. И въ домашней жизни отъ тогдашняго порядочнаго русскаго человѣка требовалось, чтобы онъ былъ хозяиномъ своего дома, во все входилъ, обо всемъ заботился.

Основаніемъ монастырскихъ добродѣтелей было безусловное повиновеніе игумену и полное отрѣшеніе каждаго отъ своей собственной воли. „Послушаніе—лѣстница на небо,—говорится въ уставѣ преп. Евфросина,—оно выше поста и пустыннаго подвига. Ангелъ ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу, и когда видитъ капли пота у упражняющагося въ послушаніи, то приноситъ ихъ Господу, какъ кровь мученическую“. По словамъ св. Василія Великаго и преп. Іоанна Лѣствичника, лучше согрѣшить, нежели преступить заповѣдь послушанія передъ своимъ духовнымъ отцомъ.

Другой вопросъ—жили ли такъ люди, но несомнѣнно, что жить такъ стремились. Тотъ же „Домострой“ совѣтуетъ постоянно обращаться къ духовному отцу своему и монахамъ, „часто призывать ихъ въ свой домъ, совѣтоваться съ ними во всемъ по совѣсти, какъ учить мужу жену свою и дѣтей, а женѣ какъ повиноваться мужу“. „Слушайтесь отца духовнаго во всемъ,—говоритъ „Домострой“,—чтите его и бейте челомъ предъ нимъ низко и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ“, и это напоминается нѣсколько разъ. „Наибольшую честь оказывай монахамъ,—говорится въ другомъ наставленіи,—давай имъ все нужное, ибо это все равно, что ты отдаешь Богу, а если тебя угнетаетъ печаль, то ступай къ нимъ въ келіи, они утѣшатъ тебя“.

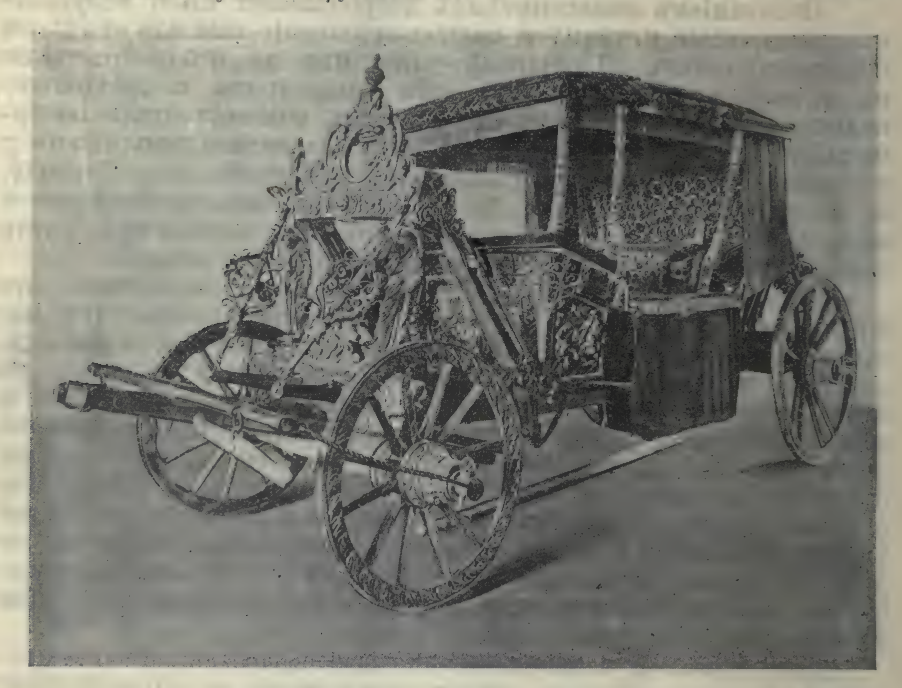
Такъ прямо и непосредственно все выработанное монастырскимъ обиходомъ широко вливалось въ жизнь тогдашнихъ лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ изъ нихъ, которые задумывались надъ вопросами жизни, надъ тѣмъ, какъ жить? зачѣмъ жить? что такое жизнь? Монастырь отвѣчалъ на эти вопросы и своими отвѣтами создавалъ людей опредѣленнаго и яснаго типа по ихъ образу мыслей.

И такіе люди, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный и царь Алексѣй Михайловичъ, какъ ни разны они были по своему характеру, поступкамъ, по всему внутреннему душевному складу, въ одномъ они были одинаковы, какъ бываютъ одинаковы люди, одинаково учившіеся и одинаково думавшіе,—это въ вопросахъ о томъ, что хорошо и что дурно, и какъ надо поступать. У нихъ было одинаковое міровоззрѣніе, міровоззрѣніе великорусскихъ людей XVI и XVII вв. Это міровоззрѣніе

складывалось въ тѣсныхъ келіяхъ подвижниковъ и ихъ подвигомъ, силами обширныхъ монастырей, возникшихъ изъ ихъ келій, проникало глубоко въ тогдашнюю русскую среду и широко распространялось въ ней.

Главнѣйшія пособія: *В. Иконниковъ*, „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи"; *И. Хрущовъ*. „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго"; *А. Архангельскій*, „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ"; *В. О. Ключевскій*, „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа. Рѣчь въ память преп. Сергія"; *Его же*, „Курсъ русской исторіи", ч. II и III.

Заставка и буква — съ рукописи XIV в.

Карета-колымага царя Бориса Ѳедоровича.

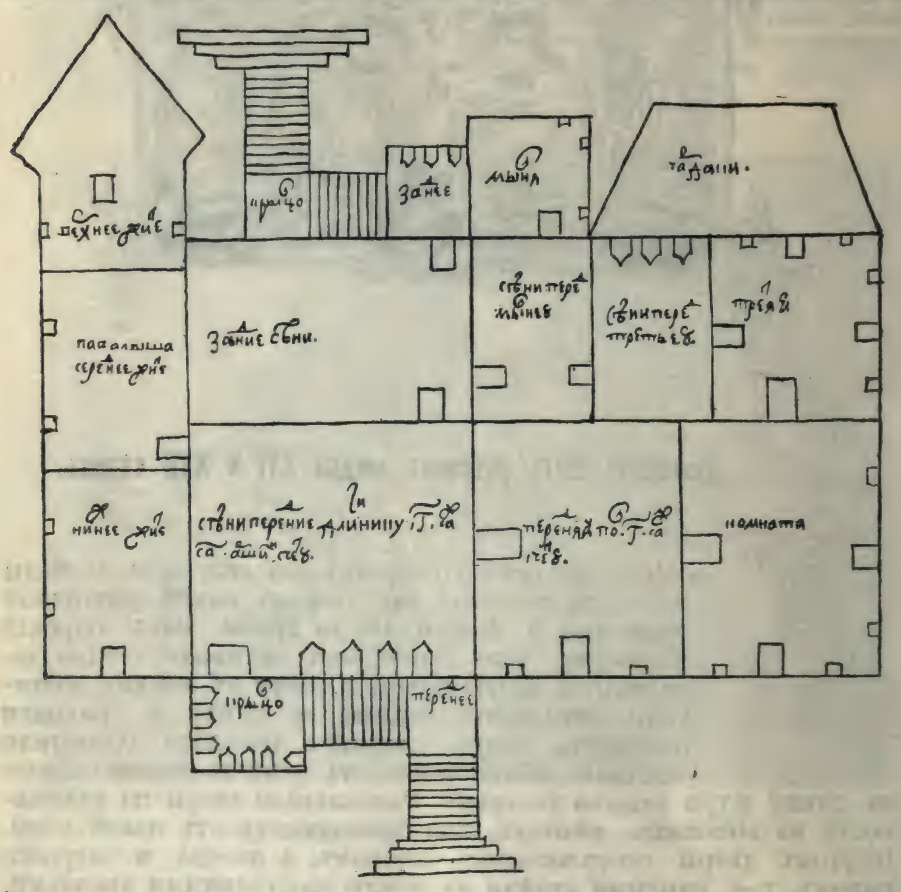
Домашній бытъ русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ.

ъ Московскомъ государствѣ деревни, села, слободы и города состояли изъ дворовъ самой различной величины и формы. Въ то время, какъ царскій дворъ въ селѣ Измайловѣ занималъ четыре десятины, а дворы бояръ и знати въ Москвѣ достигали пятидесяти саженъ въ длину и тридцати поперекъ, дворъ средняго русскаго обывателя занималъ обыкновенно отъ семи до десяти саженъ въ длину и три сажени поперекъ. Располагали дворы по возможности на высокихъ мѣстахъ, для безопасности отъ полой воды. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, а иногда и острымъ тыномъ, т.-е. врытыми стоймя въ землю заостренными бревнами, достигавшими аршинъ пяти и болѣе высоты.

Домовитый зажиточный хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобы „черезъ нее никакое животное не пролѣзло, и чтобы слуги сосѣдей не могли прокрадываться къ его слугамъ“. Въ оградѣ всегда было нѣсколько воротъ, большею частью двое: переднія и заднія. Переднія ворота всегда заботливо украшали рѣзьбой, пестро расписывали, и у богатыхъ людей онѣ были крытыя, т.-е. были устроены въ родѣ подъѣзда. На верху воротъ въ верхней доскѣ обязательно находилась икона, по большей части изображеніе Честнаго Креста Господня.

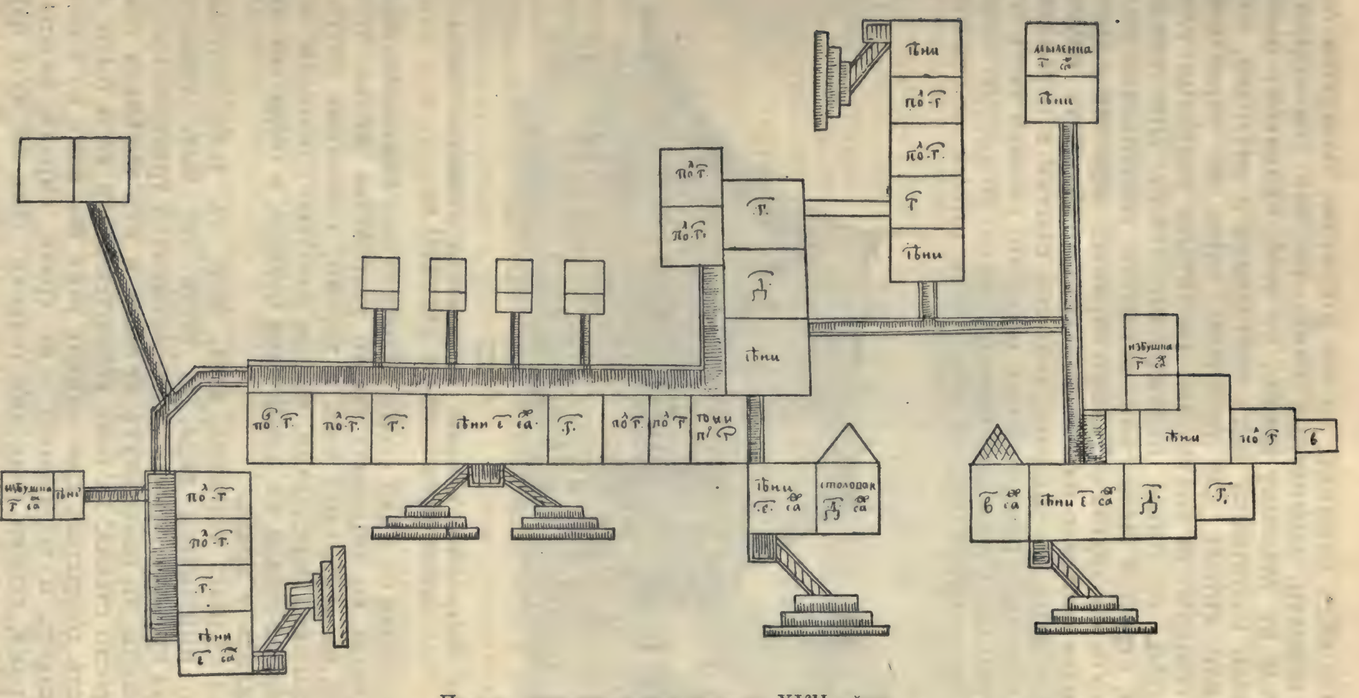
Днемъ и ночью ворота были на запорѣ, и у богатыхъ хозяевъ на обязанности караульщика, жившаго въ „воротнѣ“, караулкѣ, возлѣ воротъ со стороны двора, возлагалась обязанность отворять ихъ, когда въ томъ случалась надобность. Кромѣ караульщика, дворъ охраняли злыя цѣпныя собаки, спускавшіяся на ночь съ цѣпей. Жилой домъ ставился всегда посреди двора,

Планъ трехэтажнаго дома съ мыльнею. Всѣ три этажа (и въ томъ числѣ чердаки) начерчены вмѣстѣ. Позади дома помѣщена мыльня. Мѣра многихъ комнатъ означена саженями.

противъ главныхъ воротъ. Съ улицы изъ-за высокаго тына и не видно было старо-русскаго дома.

Кромѣ жилья хозяевъ, на зажиточномъ древне-русскомъ дворѣ помѣщалось еще нѣсколько построекъ, жилыхъ и служебныхъ. Жилыми строеніями назывались избы, горницы, повалуши, сѣнники. Избой назывался весь жилой домъ вообще; горницей — отъ горнее—по самому смыслу слова называлось жилье верхнее,

Планъ одноэтажныхъ палатъ XVII вѣка.

Комнаты главнаго корпуса расположены по одной линіи; съ разныхъ сторонъ къ нимъ пристроены небольшіе флигеля и мыльня, сообщающіеся съ главнымъ зданіемъ посредствомъ длинныхъ крытыхъ переходовъ. Размѣры комнатъ означены въ саженяхъ.

надстроенное надъ нижнимъ, чистое и свѣтлое; повалуши были небольшія комнаты, занимаемыя кѣмъ-либо изъ домочадцевъ и пристроенныя къ главному зданію, къ избѣ; сѣнникомъ называлась холодная надстройка надъ конюшнями и амбарами; здѣсь хозяева жили лѣтомъ для прохлады, здѣсь же справлялись, благодаря обширности помѣщенія, различныя семейныя торжества — свадьбы, крестины, поминальные обѣды. При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, которыми соединялись жилыя строенія другъ съ другомъ. Такимъ образомъ зажиточное древнерусское жилье состояло изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ срубовъ, связанныхъ одинъ съ другимъ теплыми сѣнями и переходами. Жилье обыкновенно располагалось такъ, что главная часть его— хоромы—примыкали къ одной сторонѣ сѣней; по другую сторону отъ нихъ, заворачивая, находились другія хоромы, и отъ этихъ

Изба въ Костромской губерніи, сохранившая нѣкоторыя черты древне-русскаго жилья XVI—XVII вв.

хоромъ, составляя съ ними уголъ, отходило еще какое-либо жилье. Если мѣстность не позволяла такого устройства жилья, то оно разбивалось на отдѣльныя избы и хоромы, связанныя другъ съ другомъ крытыми переходами, иногда довольно длинными. У богатаго человѣка стояла на дворѣ своя церковь, и тогда всѣ переходы сходились у храма.

Жилье бѣднаго человѣка, изба, мало въ чемъ отличалось отъ своего нынѣшняго вида. И тогда это было незавидное строеніе „на курьихъ ножкахъ“, съ соломенной трепаной кровлей; только стеколъ въ оконницахъ не было, и ихъ замѣняли слюда, пузырь, просто ставня, да безъ исключенія всѣ избы были курныя. И жилъ тогдашній крестьянинъ такъ же, какъ во многихъ мѣстахъ живетъ и теперешній, — въ грязи, смрадѣ, вмѣстѣ со своими курами, гусями, свиньями, телками; такъ же чуть не половину избы занимала неуклюжая печь съ полатями.

Зажиточный городской домъ строился всегда въ два жилья съ надстройкой наверху. Въ домъ вело крыльцо. Въ одноэтажныхъ домахъ и избахъ вмѣсто крыльца со ступенями находился только помостъ, огороженный перилами, съ легкимъ рѣзнымъ навѣсомъ наверху. Въ хоромахъ, болѣе обширныхъ и двухэтажныхъ зданiяхъ, крыльцо украшали пузатыми кувшино-образными колонками и покрывали остроконечной кровлей.

Отъ крыльца, составляя его продолженiе, вела пологая лѣстница наверхъ; лѣстница, т.-е. ея перила, подпоры, кровля и т. п. тоже были богато украшены рѣзьбой и пестро окрашены. Входъ въ нижнiй этажъ былъ устроенъ или чрезъ особое крыльцо, или былъ только внутреннiй. Лѣстница крыльца выводила на рундукъ—нѣчто въ родѣ террасы, огороженной точеными перильцами; съ рундука былъ входъ прямо въ сѣни верхняго жилья. Собственно жилье и составлялъ этотъ второй этажъ. Нижнее жилье не всегда было даже съ окнами. Здѣсь помѣщалась обыкновенно прислуга, находились кладовыя, въ домахъ купцовъ здѣсь былъ товарный складъ, въ приказахъ тутъ находился архивъ или тюрьма. Нижнiй этажъ назывался подклѣтью, верхнiй же, т.-е. самое жилье, клѣтью. Клѣть состояла изъ трехъ комнатъ; даже у царей было только четыре покоя въ клѣти—передняя, крестовая, комната, т.-е. кабинетъ, и спальня. Поварня находилась обыкновенно на дворѣ, въ особой постройкѣ, и соединялась крытымъ переходомъ съ домомъ. Надстройки надъ жильемъ назывались чердаками, а надъ сѣнями—вышкой. Надстройки эти имѣли иногда очень затѣйливый видъ разныхъ башенокъ, шпилей, куполовъ всевозможныхъ формъ, съ различными украшенiями. Чердакъ былъ просторной и свѣтлой четырехугольной комнатой. Онъ и былъ собственно тѣмъ, что называлось теремомъ. Это всегда были комнаты, наиболѣе разукрашенныя рѣзьбой и тщательной столярной отдѣлкой.

Поганкины палаты во Псковѣ (XVII в.).

Комнаты были очень невелики—сажени двѣ длины и столько же, или немного меньше, ширины. Конечно, сѣни и нарочно строившiяся для пировъ палаты были больше, занимая въ длину

Домъ Сѣрина въ Гороховцѣ. Построенъ въ концѣ XVII вѣка.

Домъ Коробова въ Калугѣ, т. н. палаты Марины Мнишекъ (XVII в.).

иногда пять и шесть саженъ. Средняя высота покоевъ была до четырехъ аршинъ, рѣдко выше.

Крыши домовъ были деревянныя, тесовыя или изъ драни, иногда покрывали ихъ берестой и даже дерномъ въ защиту отъ пожара. Форма крыши обыкновенно была скатная на двѣ стороны, съ треугольными фронтонами на двѣ другія стороны. У домовъ людей богатыхъ крыши были самой затѣйливой формы: бочкой, епанчей, т.-е. плащомъ, и т. п. По краю крыши шелъ рѣзной карнизъ. Окна и линіи фасада украшали рѣзьбой, изображавшей „травы", зубцы, животныхъ, пѣтушковъ, сердечки, треугольники

Видъ стариннаго дома Строгоновыхъ въ Сольвычегодсѣ, постр. въ 1565 г.

и т. п. Рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками. Особо тщательно украшали чердаки.

Въ простыхъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма; для тепла на оконницы ихъ натягивали пузырь или кожу; окна были малы и узки. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались и побольше; такія окна назывались красными, или косящатыми; къ вечеру окна заставляли изнутри особыми втулками, обитыми сукномъ или войлокомъ, а снаружи затворяли пестро расписанными рѣзными ставнями. Вмѣсто стеколъ, вплоть до послѣднихъ годовъ XVII вѣка, въ большомъ ходу была слюда, большіе и мелкіе куски которой вставляли въ раму окна, красиво чередуя ихъ и составляя замысловатый узоръ. Слюду расписывали красками, изображая фигуры звѣрей, птицъ, травы. Распо-

лагались окна неравномѣрно въ разныхъ комнатахъ и были разной формы—и черыреугольныя, и дугой, и съ тремя дугами наверху, даже круглыя.

Полы въ домахъ были либо изъ дубовыхъ отрѣзковъ, уложенныхъ плитками или квадратами, въ родѣ торцовой мостовой, либо просто изъ дубоваго теса. Стѣны, какъ и потолки, отличались тонкой столярной отдѣлкой, были обиты тесомъ въ „полоску“ или „елочкой“. Богатые люди обивали иногда стѣны своихъ комнатъ красной кожей, люди побѣднѣе довольствовались рогожей. Печи дѣлались круглыя или четыреугольныя, муравленыя, цвѣтного изразца. Топка устроена была иногда внизу, въ подклѣти, и наверхъ шли нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ дѣлались лавки, прикрѣпленныя къ стѣнамъ неподвижно. Лавки бывали всегда покрыты сукномъ, коврами, у менѣе зажиточныхъ даже чистыми рогожами хорошаго узорнаго плетенія. Двери въ комнатахъ были малы и узки, такъ что въ иную едва было можно войти сколько-нибудь дородному человѣку. Иностранцы разсказываютъ, что люди гордые и спесивые нарочно приказывали дѣлать въ своихъ домахъ такія двери, чтобы принудить къ невольному низкому поклону всякаго входящаго въ комнату.

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ (XVII в.). (Реставрація).

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ построекъ для жилья, былъ заставленъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Непремѣнно на каждомъ дворѣ была баня-мыльня и погреба. Отъ главнаго двора отдѣлялся легкой изгородью другой дворъ, гдѣ стояли конюшни и сѣнники, сараи для дровъ, стойла для домаш-

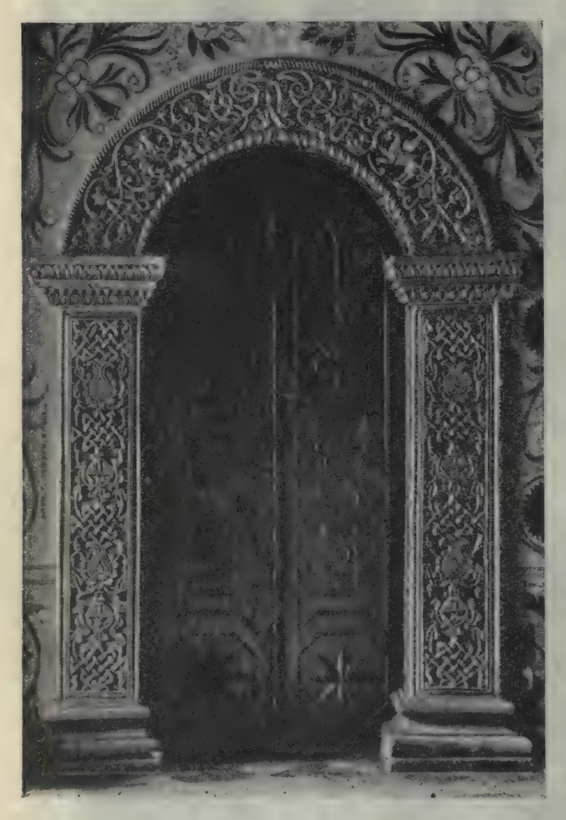
Дѣтская въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Крестовая палата въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

нихъ животныхъ. На дворахъ, хозяева которыхъ занимались земледѣлiемъ, стояло всегда гумно, овинъ, скирды, амбары для хлѣба, и все это составляло отдѣльный дворъ, тоже отгороженный отъ главнаго. На краю усадьбы находилась кузница, помѣщавшаяся возлѣ пруда или рѣчки. Тутъ же стояла и мельница.

Домовитый хозяинъ старался устроиться такъ, чтобы въ его усадьбѣ было все нужное для хозяйства, чтобы ни за чѣмъ не приходилось обращаться на площадь, на рынокъ.

Дверь въ теремномъ дворцѣ въ Кремлѣ.

Конечно, много построекъ находилось только на дворахъ людей очень зажиточныхъ и богатыхъ. Обыкновенный старо-русскiй городской дворъ былъ не великъ: три избы, клѣть, мыльня, погребъ съ надпогребицей — вотъ и всѣ постройки средняго московскаго двора XVI—XVII вв.

При каждомъ домѣ, большомъ и маломъ, всегда находился хоть небольшой садъ съ плодовыми деревьями и огородъ. Въ саду росли яблони, груши, вишни, ягодные кусты — крыжовникъ, малина, смородина; изъ неплодовыхъ деревьевъ въ садахъ встрѣчались только красивыя деревья съ нарядной листвой — рябина, клены, ясени, черемуха. Цвѣты садили только очень богатые люди. Садъ въ то же время былъ и огородомъ: между деревьями копали гряды, на которыхъ росли огурцы, морковь, рѣпа, сладкiй горошекъ, бобы, — все это служило тогда столько же кухонной приправой, сколько и для десерта; горошекъ подавался зеленымъ въ стручкахъ, а огурцы варились въ меду.

Главное украшенiе жилыхъ покоевъ древне-русскаго дома составляли образа, которые помѣщали въ богато разукрашенныя жемчугомъ и самоцвѣтными камнями ризы и ставили въ рѣзные кiоты. Передъ образами всегда теплилась лампада, а подъ

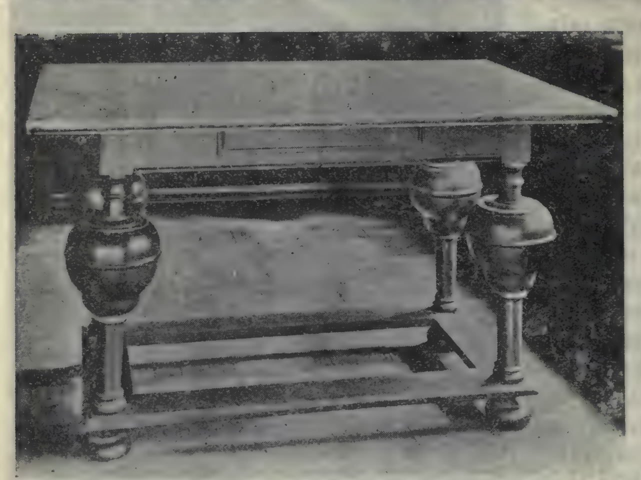
кіотомъ была повѣшена пелена, богато расшитая шелками. Пелена была и сбоку кіота, такъ что ею можно было задернуть образа. Вообще, въ старинномъ русскомъ домѣ московскихъ временъ все, что можно покрыть, было покрыто, завѣшено, обито. Полы были обыкновенно покрыты коврами и сукномъ, а у людей побѣднѣе—рогожами хорошаго плетенья или войлокомъ. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожка для обтиранія ногъ.

Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя наглухо къ стѣнамъ. Лавки обивались тѣмъ же матеріаломъ, что и стѣны, а сверхъ этой обивки на нихъ накладывались особыя покрышки — полавочники, которые покрывали всю лавку и свѣшивались до полу. Полавочники мѣнялись: въ будни лежали полавочники попроще, въ праздники—болѣе нарядные; будничные были обыкновенно изъ сукна, по которому былъ нашитъ узоръ изъ сукна же другого цвѣта; праздничные же полавочники дѣлались изъ штофа или другой тяжелой шелковой матеріи, а также изъ бархата. Кромѣ лавокъ, въ комнатѣ всегда находились скамьи и стольцы, т.-е. четыреугольные табуреты; кресла и стулья составляли роскошь и попадались только въ домахъ большой знати. Скамьи и стольцы тоже были всегда покрыты полавочниками. Лавки служили не только для сидѣнья: на нихъ ложились отдыхать послѣ обѣда, слѣдовательно, онѣ были довольно широки; на нихъ клался въ такихъ случаяхъ легкій тюфячокъ. Въ каждой комнатѣ всегда находился столъ. Столы дѣлались изъ дуба, украшались рѣзьбой, позолотой, расписывались красками; они были обыкновенно длинные и узкіе, на точеныхъ ножкахъ. Столъ всегда стоялъ въ переднемъ углу, передъ лавками, сходившимися здѣсь угломъ, и всегда былъ покрытъ подскатертникомъ. Оставлять столъ непокрытымъ считалось неприличнымъ. На время обѣда поверхъ подскатертника стлали скатерть. Подскатертники и скатерти отличались богатствомъ вышивки и отдѣлки, что, конечно,

Печка въ первой комнатѣ теремного дворца въ Москвѣ.

зависѣло отъ богатства дома. Въ праздники все это было пышное и нарядное, въ будни — простое. Зеркалъ на стѣны въ старинномъ русскомъ домѣ не вѣшали, считая это неприличнымъ; не было также и картинъ. Украшеніемъ стѣнъ служили различныя полки, шкапики, поставцы самой различной формы, богато расписанные и разукрашенные рѣзьбой. На полкахъ и въ шкапахъ стояла нарядная посуда—разные сулеи, братины, ковши, кубки, стаканы, стопки и т. п., серебряные, глиняные, деревянные, у кого какіе были. На полки ставили и всякія бездѣлушки нѣмецкой и фряжской работы: серебряное яблоко, золотого пѣтуха, „мужика серебрянаго", т.-е. статуэтку, костяной „городъ", т.-е. модель крѣпости, миніатюрныя золотыя и серебряныя изображенія домашнихъ принадлежностей и утвари, слона, „а на немъ мужикъ сидитъ", страусовое яйцо, красивую большую раковину, словомъ, все, что можно было богатому человѣку купить для потѣхи у заѣзжаго торговца съ европейскаго Запада или съ турецко-персидскаго Востока. Въ домахъ знати украшеніемъ стѣнъ служило нарядное оружіе хозяина—дамасскія сабли, дѣдовскіе мечи, шлемы, щиты, карабины, копья, охотничьи рогатины и ножи, красиво расположенные на шкурѣ огромнаго медвѣдя, сваленнаго рукой удачливаго охотника, взявшаго звѣря на рогатину.

Столъ XVII в. въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Кроватью въ тѣ времена служила лавка, къ которой приставляли скамью. На это сооруженіе клали пуховикъ или перину, простыню, подушки, числомъ три, лежавшія горкой, и богато-расшитое одѣяло, входившее подъ подушки. У людей богатыхъ въ торжественныхъ случаяхъ постель убиралась съ необычайной роскошью: одѣяло стлали унизанное жемчугомъ и подбитое соболями, подушки были въ камчатныхъ, атласныхъ и бархатныхъ наволокахъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ. Пользовались такими нарядными постелями мало—онѣ служили больше для выставки богатства хозяевъ, а спать предпочитали и знатные и простые на лавкахъ, постлавъ на нихъ матрацъ, войлокъ или звѣриную шкуру. Для храненія носильнаго платья и бѣлья

въ комнатѣ стояли сундуки, скрыни—родъ комодцевъ, чемоданы, коробья, ларцы, богато украшенные рѣзьбой и красками сундучки, служившіе для храненія женскихъ украшеній. Съ XVII вѣка довольно обычнымъ украшеніемъ комнатъ становятся стѣнные часы, помѣщавшіеся въ затѣйливыхъ рѣзныхъ футлярахъ съ разными фигурами; отъ нашихъ старинные часы отличались тѣмъ, что на нихъ ходили не стрѣлки, а двигался самый циферблатъ.

Освѣщались жилые покои восковыми и сальными свѣчами, которыя вставлялись въ подсвѣчники; подсвѣчники были стѣнные, прикрѣплявшіеся къ стѣнѣ, стоячіе—очень большіе, въ родѣ теперешнихъ церковныхъ, ставившіеся на полу, и ручные, какъ наши. У богатыхъ людей висѣли въ комнатахъ фигурныя люстры. Въ домахъ людей бѣдныхъ для освѣщенія жгли лучину, вставлявшуюся въ особые поставцы, съ чашкой воды подъ горящей лучиной.

Старинная скамья со спинкой.

Старинный русскій домъ былъ какъ бы подобіе цѣлаго городка, стремившагося жить во всемъ независимо отъ сосѣдей. Все, что было нужно для житья, старались дѣлать дома. Обиліе рабовъ-холоповъ позволяло устраивать хозяйство такъ, что все изготовлялось тутъ же, на дворѣ. Холопы ткали холсты, шили бѣлье, валяли сукна, шили одежду, сапоги, дѣлали мебель, всякую домашнюю утварь. Все, чего нельзя было сдѣлать самимъ, покупали оптомъ и держали дома въ разныхъ кладовыхъ и каморахъ. Всякаго добра у разсчетливаго хозяина скоплялось столько, что хватало и на самихъ себя и на дѣтей, оставалось даже внукамъ.

Разсчетливость и скопидомство считали признаками добронравнаго и порядливаго жилья. Какъ только рождалась въ семьѣ дочь, сейчасъ же опредѣляли особые сундуки и коробья, въ которые, пока дочь росла, откладывали ежегодно всякаго рода имущество, растили для нея скотину,—словомъ, копили ей надѣлокъ, т.-е. приданое.

Все въ старинномъ русскомъ домѣ тѣхъ временъ носило характеръ замкнутости и разобщенности со всѣмъ остальнымъ

міромъ. Старинный русскій домъ прятался отъ улицы за высокимъ заборомъ, въ глубину двора. Ворота и калитки всегда были на запорѣ. Желающій проникнуть во дворъ долженъ былъ три раза стукнуть кольцомъ калитки и проговорить: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!", и дожидаться, пока ему не отвѣтятъ: „Аминь!". Тогдашнія правила приличія требовали, чтобы человѣкъ устраивалъ свою жизнь такъ, чтобы никто не слыхалъ и не видалъ, что у него творится на дворѣ и въ домѣ, такъ же и самъ онъ не долженъ былъ узнавать, что дѣлается у сосѣдей. Все въ домѣ и кладовыхъ находилось всегда подъ замкомъ. Сколько въ домѣ было денегъ, про то зналъ только хозяинъ, и держалъ онъ деньги гдѣ-нибудь запрятанными въ тайникѣ, зарытыми въ землю, такъ что въ случаѣ внезапной смерти хозяина нерѣдко наслѣдники долго не могли разыскать хорошо спрятанные капиталы.

Бюро-поставецъ (XVII в.).

Дневная жизнь въ старин-

Деревянная посуда (солонки).

номъ русскомъ домѣ московскихъ временъ начиналась очень рано: лѣтомъ всѣ подымались съ восходомъ солнца, а зимой часа за три до разсвѣта. Часы считались тогда не такъ, какъ теперь; сутки дѣлились на часы дневные и ночные; часъ солнеч-

наго восхода былъ первымъ часомъ дня, а часъ заката—первымъ часомъ ночи.

Проснувшись, старинный русскій человѣкъ прежде всего обращался взглядомъ къ образамъ и творилъ крестное знаменіе, затѣмъ умывался и начиналъ молитву. Если день былъ праздничный, то благочестіе требовало, чтобы всѣ шли къ заутренѣ, и считалось очень похвальнымъ придти въ церковь до начала богослуженія. Если день былъ будній, то хозяинъ дома самъ читалъ утреню для домочадцевъ. Утреню и часы читали въ крестовой комнатѣ, уставленной сплошь образами, передъ которыми возжигали свѣчи и лампады и кадили ладаномъ. Окончивъ молитвословіе, гасили свѣчи и, поклонившись хозяину, расходились каждый по своему дѣлу. Хозяйка оставалась съ хозяиномъ, и они совѣтовались о распорядкѣ своего дня, что дѣлать предстоящимъ днемъ, какія кушанья заказать къ обѣду, кому какой урокъ задать по хозяйству и т. п. На женѣ, хозяйкѣ дома, лежало много труда и обязанностей, и обычай требовалъ отъ нея усиленной, примѣрной дѣятельности. Она должна была вставать раньше всѣхъ и будить дѣтей и всю служню: считалось неприличнымъ, когда служанка будила госпожу; отъ хозяйки требовалось, чтобы она всякое дѣло знала лучше, чѣмъ кто-либо въ домѣ, и всѣ должны были признавать ея умѣнье во всемъ, начиная отъ варки кушанья и приготовленія различныхъ соленій и печеній до сложныхъ вопросовъ церковнаго устава, когда предстояло рѣшить, какія молитвы послѣ какихъ надо читать, если совпадали два праздника въ одинъ день.

Деревянная посуда (солонки).

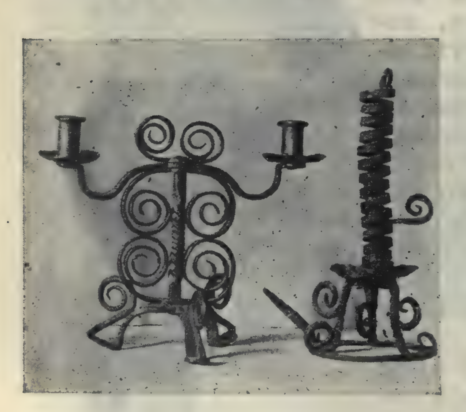
Надо, впрочемъ, сказать, что не во всѣхъ домахъ хозяйки стояли во главѣ хозяйства. Многіе богатые мужья не допускали своихъ женъ до хозяйничанья, предоставляя все домоводство дворецкому, который въ рѣдкихъ случаяхъ обращался къ хозяйкѣ дома и получалъ всѣ распоряженія отъ господина, хозяина дома. Такія жены богатыхъ мужей послѣ утренней молитвы

отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиванье золотомъ и шелками.

Въ утреннее время хозяинъ долженъ былъ обойти весь дворъ и посѣтить всѣ службы. Въ конюшнѣ онъ смотрѣлъ по стойламъ, подостлана ли подъ ногами лошадей солома, положенъ ли кормъ, приказывалъ вывести и проводить передъ собой ту или иную лошадь; затѣмъ хозяинъ навѣщалъ хлѣвы и стойла домашней скотины и птичій дворъ; вездѣ онъ приказывалъ накормить при себѣ скотину и кормилъ изъ своихъ рукъ; по примѣтѣ, домашній скотъ и птица отъ этого тучнѣли и плодились. Возвратившись послѣ такого обхода, хозяинъ призывалъ завѣдывавшаго дворомъ дворецкаго и птичниковъ, слушалъ ихъ доклады, дѣлалъ свои распоряженія. Послѣ всего этого хозяинъ приступалъ къ своимъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказный человѣкъ шелъ въ свой приказъ, бояре и думные люди спѣшили во дворецъ на засѣданіе Думы, а люди недумныхъ чиновъ наполняли крыльца и переднія сѣни царскаго дворца, ожидая, не понадобится ли ихъ служба. Приступая къ своему обычному дѣлу, какое бы оно ни было: приказное писательство, торговля или черная работа, русскій человѣкъ тѣхъ временъ считалъ приличнымъ вымыть руки и сдѣлать передъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами и съ молитвой Іисусовой на устахъ.

Древняя деревянная утварь: ковши и шкатулки.

Древняя утварь: желѣзные подсвѣчники.

Въ шестомъ часу дня, т.-е. въ десять часовъ по-нашему, начиналась обѣдня, и всѣ, имѣвшіе возможность, шли „стоять обѣдню“.

Посолъ царя Ивана IV къ императору Максимиліану и его свита въ Регенсбургѣ въ 1576 г.
Съ гравюры того времени.

Посольская свита въ Регенсбургѣ въ 1576 г. съ подарками императору—драгоцѣнными мѣхами.
Съ гравюры того времени.

Въ полдень обѣдали. Кто не имѣлъ своего дома, тотъ шелъ обѣдать въ харчевню. Люди домовитые обѣдали непремѣнно дома. Люди знатные обѣдали отдѣльно отъ своей семьи, люди же незнатные обѣдали всей семьей. На званыхъ обѣдахъ женщины и дѣти не присутствовали никогда: для нихъ на женской половинѣ дома накрывался особый столъ. Конечно, въ домахъ бѣд-

ныхъ это не соблюдалось, и званый обѣдъ тамъ былъ одинъ и для мужчинъ и для женщинъ.

Кушанье подавалось на столъ все сразу, нарѣзанное тонкими ломтями. Передъ всѣми, сидѣвшими за столомъ, стояло по тарелкѣ глиняной, металлической или деревянной. Варево всѣ хлебали изъ одной общей чашки, соблюдая очередь, тихо, не торопясь, неся ложку отъ миски ко рту, осторожно подставивъ, чтобы не капало, подъ ложку ломоть хлѣба; жареное или вареное мясо каждый бралъ себѣ руками съ блюда, стоявшаго на столѣ.

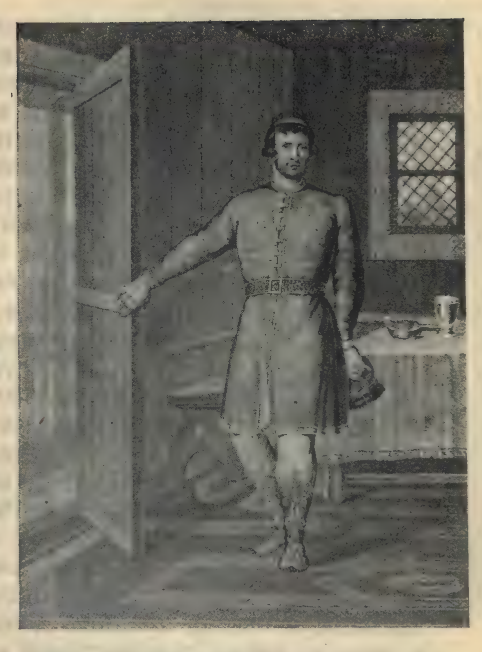
Одежды русскихъ половины XVIII в.
Съ рисунка въ „Путешествіи" Олеарія.

Ножи и вилки были въ слабомъ употребленіи. Тарелки, разъ поставленныя, уже не перемѣнялись во весь обѣдъ. Каждый бралъ руками со стоявшаго на столѣ блюда куски и клалъ ихъ въ ротъ, бросая на тарелку кости и остатки. Считалось приличнымъ сидѣть за столомъ молча или бесѣдовать тихо; въ остальномъ можно было держать себя самымъ непринужденнымъ образомъ — разваливаться, какъ кому удобнѣе, зѣвать, класть локти на столъ и т. п.

Обѣдъ начинался съ того, что выпивали водки и закусывали ее хлѣбомъ съ солью. Затѣмъ въ скоромные дни ѣли холодныя

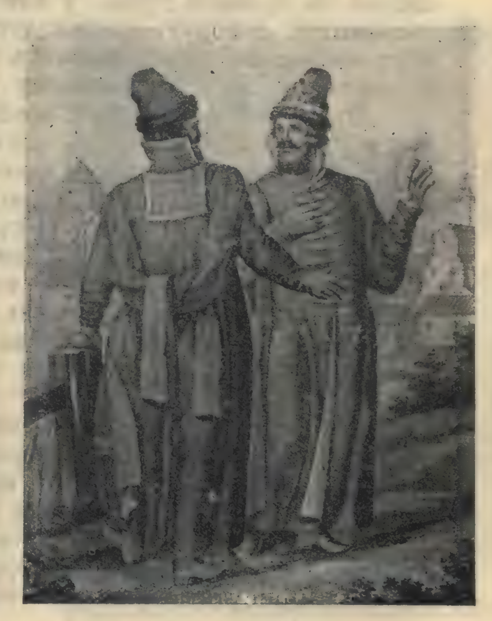
Одежда простыхъ людей въ московское время. Азямъ, сермяга, шапка, лапти.

Одежды XVI и XVII вв. Зипунъ, тафья на головѣ, въ рукѣ шапка, на ногахъ мягкіе сапоги—ичиги.

Русскія одежды XVI и XVII вв. Шуба и шапка.

Русскія одежды XVII в. Охобень и шапка. Видъ изображаетъ усадьбу служилаго человѣка.

кушанья: вареное мясо съ разными приправами, студень и т. п., затѣмъ приступали ко щамъ или супамъ различныхъ сортовъ, затѣмъ ѣли жаркое, потомъ молочныя кушанья и кончали обѣдъ разными сладкими печеньями и фруктами. Въ постные дни все мясное замѣнялось рыбой или овощами. На званыхъ обѣдахъ считалось необходимымъ подавать какъ можно больше сортовъ кушаній, и число ихъ доходило иногда до 60 и 70 перемѣнъ.

Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать. Это считалось необходимымъ, и не спать послѣ обѣда было просто неприлично. Перваго Самозванца больше всего упрекали въ Москвѣ за то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Послѣ обѣда засыпала вся Русь: шелъ въ свою опочивальню царь, спали думцы царя, спалъ купецъ, приперши свою лавку, умолкалъ скрипъ перьевъ по приказамъ, и приказные спали, повалившись на столы и скамьи; на улицахъ и площадяхъ все затихало—здѣсь на солнышкѣ засыпали всѣ бездомные нищіе...

По окончаніи послѣобѣденнаго сна опять оживлялась дневная жизнь. Звонили къ вечернѣ. Кто могъ, тотъ шелъ въ церковь. Къ шести часамъ, по нашему счету, рабочій день кончался, и наступало время взаимныхъ посѣщеній, бесѣдъ, забавъ. Затѣмъ ужинали, а послѣ ужина опять затепливались передъ образами лампады и свѣчи, хозяинъ дома открывалъ на аналоѣ часовникъ и читалъ всѣмъ домочадцамъ вечернія молитвы. Послѣ молитвы наступало время сна, и къ десятому часу вечера вся древняя Русь спала, отдыхая отъ дневного труда.

Таково было внѣшнее устройство и распорядокъ дневной жизни въ древней Руси, у той основной ячейки человѣческаго общежитія, которую составляетъ семья вмѣстѣ со всѣми тѣми, кого она около себя собираетъ и держитъ, т.-е. со всѣми чадами и домочадцами, по старинному выраженію.

Въ своей внутренней жизни, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія были у отца къ дѣтямъ, у дѣтей къ матери и отцу, древнерусская семья была строго замкнутымъ міркомъ, жившимъ своею жизнью и не любившимъ обращаться ни за чѣмъ, ни за какой нуждой и помощью къ другимъ. Какъ все нужное для одежды и пищи стремились вырабатывать и имѣть дома, у себя, точно такъ же и воспитаніе дѣтей, всякія удовольствія и потѣхи старались устраивать дома, имѣть свои.

Древне-русскаго человѣка выманивали изъ дома только служба, неотложное дѣло да желаніе повидать родныхъ или знакомыхъ, и больше ничего; никакихъ общественныхъ увеселеній, просвѣтительныхъ, научныхъ, благотворительныхъ и другихъ обществъ, съ ихъ вечерними засѣданіями и собраніями, въ Московскомъ государствѣ не существовало.

Самыя бесѣды, взаимныя посѣщенія, встрѣчи и разговоры обставлялись большими церемоніями. „Войдя въ комнату,—пишетъ одинъ иностранецъ-современникъ,—русскій ни слова не скажетъ присутствующимъ, сколько бы ихъ тутъ ни было, но

Знатный человѣкъ въ терликѣ и въ шапкѣ-мурмолкѣ (XVII в.)
Видъ изображаетъ Астрахань въ началѣ XVII в.

Одежды (кафтаны) молодыхъ людей XVII в.
Видъ изображаетъ городъ Торжокъ въ началѣ XVII в.

Знатный человѣкъ въ платнѣ и шапкѣ горлатной (XVII в.).

Одежда XVI и XVII вв. Ферезь и шапка.

обращается къ иконамъ, крестится, дѣлаетъ три поклона и только потомъ обращается къ присутствующимъ". Разговоръ начинается съ безконечныхъ освѣдомленій о здоровьѣ другъ друга, близкихъ и родственниковъ, причемъ каждаго называютъ по имени и отчеству. Затѣмъ переходили къ разговору собственно; но и тутъ требовались извѣстныя порядливость, чинность, строгость и изысканность выраженій. Человѣка, умѣвшаго говорить красно и витіевато, собирались слушать, какъ артиста.

Съ портрета князей Репниныхъ: изображеніе молодого князя (XVII в.).

Сборникъ правилъ приличія тѣхъ временъ—„Домострой" требовалъ, чтобы „походка у человѣка была кроткая, голосъ умѣренный, слово благочинное; предъ старшими надо было сохранять молчаніе; къ премудрымъ послушаніе; передъ сильными повиновеніе; лучше мало говорить, а болѣе слушать; не быть дерзкимъ на словахъ, не слишкомъ увлекаться бесѣдой, не быть склоннымъ къ смѣху, украшаться стыдливостью, зрѣніе имѣть долу, а душу горѣ; избѣгать возраженій, не гнаться за почестями..."

Мужъ, хозяинъ дома, былъ полнымъ и всевластнымъ владыкой въ семьѣ. Женщины и дѣти считались безконечно низшими передъ своимъ мужемъ или отцомъ. На московскій взглядъ было предосудительно вести разговоръ съ женщиной. У знатныхъ и зажиточныхъ людей женщины жили какъ бы взаперти, и мѣсто ихъ жилья, теремъ, не было доступно никому, кромѣ хозяина дома.

„Мужчины въ Московіи,—пишетъ одинъ иностранецъ,— не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ развѣ церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ, имѣетъ для жены домашнюю церковь. Если же случится боярынѣ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, то она выѣзжаетъ въ колымагѣ со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыхъ дверецъ съ окнами изъ слюды или изъ бычьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго, ея же никто не видитъ... Комнаты для женщинъ устраиваются въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ ходъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ него хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ женскія комнаты можно пройти только чрезъ его половину. Дворъ за женскими комна-

тами огораживается такимъ высокимъ тыномъ, что развѣ птица перелетитъ черезъ него. Въ этомъ-то мѣстѣ женщины прогуливаются". Въ саду для ихъ развлеченія устроены качели, а въ комнатахъ хозяйка, если захочетъ развлечься, велитъ запѣть своимъ служанкамъ пѣсни или позоветъ домашнюю „дуру"— шутиху-карлицу и урода, и та своими нелѣпыми кривляніями, можетъ-быть, иногда вызоветъ улыбку на лицѣ скучающей женщины. Изрѣдка, съ разрѣшенія хозяина, допустятъ въ теремъ сказочника-бахаря, и тогда слушаютъ-не-наслушаются его сказокъ и пѣсенъ подъ гусельное треньканье осужденныя на безысходную теремную жизнь знатныя женщины.

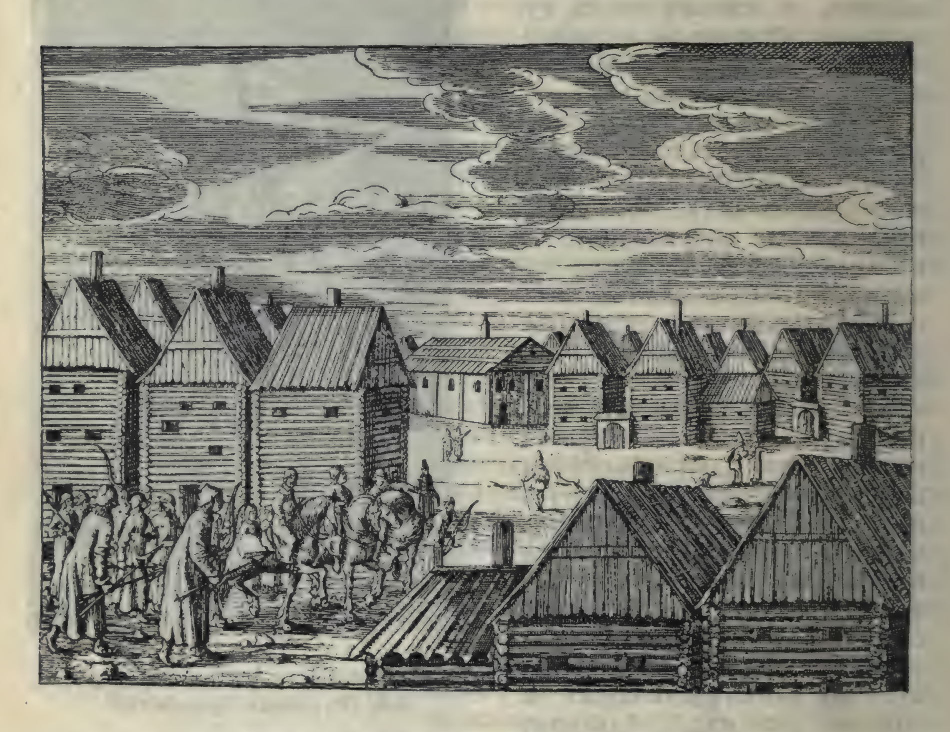

Одежда русской боярышни конца XVII в. Изъ „Русскихъ Древностей".

Грамотѣ женщинъ учили рѣдко: это считалось неприличнымъ. Женское дѣло было одно—умѣть шить, вышивать, наблюдать за хозяйствомъ, за малыми дѣтьми, угождать мужу. Оттого-то подьячій Котошихинъ, описывая для шведовъ бытъ Московскаго государства и отмѣтивъ, что нѣтъ обычая въ Москвѣ учить женщинъ грамотѣ, описываетъ ихъ, какъ людей „породнымъ разумомъ простоватыхъ, на отговоры (на бесѣду) несмышленыхъ и стыдливыхъ" (жеманныхъ). Онъ знаетъ и причину этого: „понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и, опричь самыхъ близкихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ и онѣ людей видѣть и не могутъ, и потому отчего бы имъ быть разумными и смѣлыми?.."

Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала женщина, тѣмъ болѣе строгостей выпадало ей на долю. Царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ: онѣ не могли никуда показываться изъ своихъ теремовъ, не могли выйти замужъ, потому что выдавать ихъ за своихъ не повелось, по случаю высоты ихъ сана, а за иностранныхъ принцевъ не выдавали, потому что всѣ они считались нехристями. По выраженію современника, царевны „день и ночь въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами".

При выдачѣ замужъ дѣвицу не спрашивали, хочетъ она или не хочетъ того. Часто она не знала даже, за кого идетъ замужъ, и не видѣла своего жениха до самаго замужества. Сдѣлавшись женой, она не смѣла никуда выйти изъ дома безъ позволенія мужа; даже если шла въ церковь, то и тогда была обязана спрашиваться. Нечего и говорить, что никакихъ знакомствъ она сама заводить и думать не могла, а если мужъ по своему выбору и позволялъ ей повести знакомство, то и тогда связывалъ ее наставленіями и замѣчаніями, что̀ говорить, о чемъ умолчать, что̀ спросить, чего не слышать.

На улицѣ въ Москвѣ первой половины XVII в.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія.

Въ крестьянскомъ и менѣе зажиточномъ быту женщина, хотя и должна была нести тяжелую работу, но хоть жила-то не взаперти. Въ обращеніи съ женами допускались, какъ понятное дѣло, побои; это не только не считалось предосудительнымъ, но вмѣнялось въ обязанность мужу. Кто не былъ строгъ со своими семейными, о томъ говорили, что онъ „домъ свой не строитъ и о душѣ своей не радитъ, а потому самъ погубленъ будетъ въ будущей жизни и домъ свой погубитъ“. Въ ходу была пословица: „кто кого любитъ, тотъ того и лупитъ“.

Женщина получала болѣе самостоятельное и солидное положеніе въ домѣ, когда оставалась вдовой, особенно „матерой вдовой“, т.-е. если при ней были несовершеннолѣтнія дѣти: тогда она становилась полной госпожой и главой семьи. Вдова пользовалась охраной и заботливостью отъ всѣхъ; обидѣть вдову считалось большимъ грѣхомъ. „Горе обидящему вдовицу, — говоритъ старинное поученіе: — лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовицъ быть ввержену въ геенну огненную“.

Народныя игры и развлеченія въ XVII в.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія.

Строго-замкнутымъ монастыремъ былъ московскій домъ по своему устройству, и вся жизнь въ его стѣнахъ устраивалась на монашескій, монастырскій образецъ. Все дѣлалось съ молитвой и по молитвѣ; время распредѣлялось по церковнымъ службамъ; приличными считались только разговоры о спасеніи души. Всю жизнь старинный русскій человѣкъ подражалъ монахамъ, устраиваясь по монастырскому уставу.

Правила тогдашняго приличія требовали всюду—въ церкви, дома, на рынкѣ, ходя, стоя, сидя—имѣть на устахъ молитву Іисусову, а въ рукахъ четки. Домашнія несчастья и общественныя бѣдствія считались наказаніемъ Божіимъ за грѣхи, и, чтобы

избыть бѣды, слѣдовало усилить религіозно-молитвенный подвигъ. Послѣдователю „благоувѣтливаго житія“ требовалось посѣщать монастыри, церкви, тюрьмы, подавать нищимъ. Въ штатъ царскаго дворца входили особые нищіе—„царевы нищіе“, которымъ царь собственноручно раздавалъ милостыню. Священниковъ и монаховъ часто призывали въ домъ. Духовникъ былъ совѣтникомъ въ домѣ по всѣмъ важнымъ дѣламъ; считалось необходимымъ часто совѣтоваться съ нимъ во всемъ и благоговѣйно

Качели въ XVII в.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія.

слушать и исполнять всѣ поученія и наставленія своего отца духовнаго.

Въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ господствовала безусловная подчиненность ихъ власти отца. „Имѣй, чадо, — гласитъ старинное поученіе, — отца своего аки Бога, матерь свою аки самъ себя“. Правила тогдашняго приличія предписывали отцу такое же строгое обращеніе съ дѣтьми, какъ и мужу съ женой. „Наказуй, отецъ, сына измлада, — говоритъ одно старинное поученіе,—учи его розгами бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій; а если смолоду не научишь, то большого какъ можно научить“. Розги были однимъ изъ излюбленныхъ средствъ воспитанія. Правила приличія запрещали

отцу даже смѣяться и играть съ дѣтьми; онъ долженъ былъ всегда относиться къ нимъ сурово, недоступно, грозно. „Домострой“ училъ не ослаблять ударовъ при наказаніи ребенка: „если ты его бьешь жезломъ, — читаемъ тамъ,—онъ не умретъ, а еще здоровѣе будетъ, потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти... Изъ любви къ сыну учащай ему раны, чтобы потомъ порадоваться о немъ...“

Все воспитаніе стариннаго русскаго человѣка, покоившееся на такихъ жестокихъ основахъ, имѣло своей цѣлью возрастить

Свадебный пиръ въ Москвѣ половины XVII в.
Съ рисунка въ „Путешествіи“ Олеарія.

въ людяхъ чисто-монашескія добродѣтели: воздержаніе, безусловное повиновеніе старшимъ, смиреніе и полное отрѣшеніе каждаго младшаго отъ собственной воли.

Чтобы воспитать воздержаніе, дѣтей старались отучить отъ молока по постнымъ днямъ даже на первыхъ порахъ. Двухлѣтнія дѣти соблюдали посты со всей строгостью. Мясная пища допускалась только по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Понедѣльники, среды и пятницы были постными днями, когда можно было ѣсть только рыбу и растительную пищу. Въ такіе посты, какъ Великій и Успенскій, можно было питаться только растительной пищей: капустой, грибами, яго-

дами, вообще зеленью, да и то еще нѣкоторые христолюбцы по средамъ, пятницамъ и понедѣльникамъ не ѣли ничего, а въ остальные дни ѣли разъ въ день и, за исключеніемъ субботъ и воскресеній, безъ масла. Старые люди отказывались отъ употребленія масла постомъ. Такъ жили всѣ, отъ царя до послѣдняго крестьянина.

Разница въ обиходѣ жизни, которую могли дать большія средства, выражалась только количественно, но не качественно. У богатаго всего было больше и все было лучше, но это *все* имѣлъ и могъ имѣть каждый. Только то, что у богатаго было изъ шелка, парчи и золота, у бѣднаго было изъ крашенины, холста и дерева. Благодаря этому несложная домашняя жизнь русскихъ людей XVI и XVII вв. носила очень однообразный, опредѣленный характеръ.

Только со второй половины XVII в., когда начался переломъ древне-русской жизни и сближеніе ея съ Западомъ, начинаетъ мѣняться однообразіе быта и домашней жизни. Все болѣе возникающія потребности не позволяли ограничиваться въ жизни одними домашними издѣліями: многаго просто нельзя сдѣлать дома, многое дѣлаютъ на фабрикѣ лучше и дешевле. Въ связи съ этимъ можно наблюдать, какъ въ теченіе XVIII вѣка все шире и шире распахиваются для улицы и рынка крѣпко замкнутыя ворота московскаго дома XVI и XVII вв., запрятавшагося въ глубину двора, огороженнаго высокимъ заборомъ; скоро выходитъ на улицу онъ и совсѣмъ, всѣми своими дверями и окнами, а болѣе совершенная и дешевая западная техника мѣняетъ самую физіономію стариннаго русскаго дома.

Главнѣйшія пособія: *Н. И. Костомаровъ*, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; *И. Забѣлинъ*, „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вв.“; *Его же*, „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII вв.“; *В. О. Ключевскій*, „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“.

Школа и школьное обученіе въ древней Руси.

Первыя извѣстія о школахъ и училищахъ въ древней Руси относятся ко временамъ распространенія христіанства. По словамъ лѣтописи, Владиміръ Святой „началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селамъ. Приказалъ онъ также брать у лучшихъ людей ребятъ и отдавать ихъ въ наученіе книжное; матери же дѣтей сихъ плакали по нимъ, будучи еще не тверды въ вѣрѣ, какъ по мертвецамъ“. По другому извѣстію, первый русскій митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ князю Владиміру устроить училища „на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ ученіе“, и князь Владиміръ „велѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ и отдать ихъ по церквамъ священникамъ и причетникамъ въ наученіе книжное“. Въ 1028 году сынъ князя Владиміра, Ярославъ, собралъ въ Новгородѣ 300 человѣкъ дѣтей и велѣлъ „учити ихъ книгамъ“. Такимъ образомъ первыя школы на Руси возникли вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства и имѣли своей цѣлью „утвержденіе вѣры“ путемъ „ученія книжнаго“.

По мѣрѣ распространенія христіанства, число школъ росло и увеличивалось по городамъ. Школы устраивались при церквахъ и въ монастыряхъ. Обиліе переводныхъ съ греческаго книгъ, существовавшихъ тогда, показываетъ, что школа дѣлала свое дѣло—создавала читателя и любителя просвѣщенія. Сынъ великаго князя Ярослава, Святославъ, наполнилъ книгами

клѣти своего дворца, его племянникъ Владимиръ Мономахъ самъ былъ писателемъ, отецъ же Мономаха, Всеволодъ, зналъ пять языковъ. Въ лѣтописи подъ 1097 г. упоминается, что преподобный Несторъ ѣздилъ во Владимиръ на Волыни для обозрѣнія училищъ и наставленія учителей. Правнукъ Ярослава, князь Романъ Смоленскій (1180 г.), завелъ у себя въ городѣ что-то въ родѣ высшаго училища, гдѣ учили даже латинскому языку. Князь Романъ все свое имущество тратилъ на книги и училища, и когда умеръ, то смольнянамъ пришлось хоронить его на свой счетъ. Книга, ученіе книжное были въ большомъ почетѣ, и послѣсловія многихъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ временъ содержатъ одушевленныя похвалы „ученію книжному“. „Велика бо бываетъ польза отъ ученія книжнаго,—гласитъ одна такая похвала:—книги наставляютъ и учатъ насъ пути покаянія; мудрость обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; книги, какъ рѣки, напояютъ вселенную, онѣ источники мудрости; неисчетна глубина книгъ, онѣ утѣшаютъ насъ въ печали, поддерживаютъ въ подвигѣ“.

Паденіе Кіевской Руси и нашествіе татаръ подорвали въ корнѣ начатки просвѣщенія въ южной Руси. На далекомъ суздальскомъ сѣверѣ было не до ученія, не до почитанія книжнаго, впору было только отбиваться отъ дикаго звѣря и зарабатывать тяжелымъ трудомъ себѣ пропитаніе. Школы становятся рѣдки, грамотность ютится по монастырямъ, просвѣщеніе не идетъ дальше переписки книгъ и заучиванія наизусть ихъ содержанія. Даже среди князей есть лица, „не гораздыя грамотѣ“, какъ, напримѣръ, говорили про великаго князя Димитрія Донского.

Къ началу XVI в. приходится жаловаться на недостатокъ грамотныхъ людей. „Не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ,—писалъ новгородскій митрополитъ Геннадій:—кто хочетъ учиться, тотъ не можетъ достать силы книжныя, а другіе не хотятъ учиться, а если учатся, то не отъ усердія... Мужики-невѣжи берутся учить ребятъ, да только рѣчь имъ портятъ; отойдетъ такой ученикъ отъ мастера (т.-е. отъ учителя) и еле бредетъ по заученной книжкѣ, а другую, незнакомую, не всегда и прочтетъ“.

Въ 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ „строилъ свои государства“, возникъ, конечно, вопросъ и о народномъ просвѣщеніи и образованіи. Соборъ духовенства, созванный царемъ Иваномъ, такъ называемый Стоглавый, установилъ, что, дѣйствительно, въ Московскомъ государствѣ учиться негдѣ: „Учителя, какіе есть, сами мало умѣютъ и силы въ Божественномъ Писаніи не знаютъ. А прежъ сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ, и въ Великомъ Новгородѣ, и по инымъ городамъ многія училища бывали“. Соборъ духовенства, признавая, что такое „небреженіе“ нельзя больше терпѣть, постановилъ: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ и со всѣми священники и дьяконы, коемуждо

во своемъ градѣ, по благословенію архіерея, избрать изъ своей среды добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ наставлять грамотѣ, чтенію же, пѣнію и письму гораздыхъ, и у тѣхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ учинити въ домахъ училища, чтобы всѣ священники, дьяконы и всѣ православные христіане каждаго города давали своихъ дѣтей на ученье грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію; учителя должны блюсти своихъ учениковъ, беречь и хранить ихъ, наказывать и поучать страху Божію и всякому благочинію по церковному чину, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили...“

Такимъ образомъ правительство Московскаго государства задумало создать училища при источникахъ всего тогдашняго знанія и мудрости, т.-е. при церквахъ, а учителей думало найти среди тѣхъ, кто по самому своему занятію не могъ не знать грамоты.

Постановленіе Стоглаваго собора мало подвинуло впередъ дѣло школьнаго обученія. Школы кое-гдѣ устроились, а большею частью распоряженіе осталось неисполненнымъ: не было учителей, не было и общаго желанія учиться. Среди лицъ церковнаго клира часто встрѣчались безграмотные. „Приведутъ ко мнѣ мужика ставиться въ священники,—писалъ новгородскій архіепископъ Геннадій, дѣятель конца XV, начала XVI вв., — и я велю ему Апостолъ читать, а онъ и ступить не можетъ, я велю ему Псалтырь дать—и по тому еле бредетъ, я откажу посвятить его, а мнѣ говорятъ: „Такая ужъ земля, господине; не можемъ добыть, кто бы гораздъ былъ грамотѣ!“, и бьютъ мнѣ челомъ, просятъ: „Пожалуй, господине, вели научить его“. Я прикажу учить такого ставленника говорить ектеніи, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; велю учить азбуку, а они поучатся немного да и просятся прочь, не хотятъ ее учить“.

Но если такъ трудно обстояло дѣло со школой въ XV и первой половинѣ XVI вв., то нельзя утверждать, что такъ было и дальше. До насъ дошло много свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что на Руси второй половины XVI и въ XVII вв. школа не была рѣдкимъ явленіемъ и „школьные домы“ имѣлись въ городахъ.

Жизнь съ ея властными требованіями, очевидно, сдѣлала свое дѣло. Разросшаяся изъ удѣльнаго княжества въ Московское государство страна нуждалась въ грамотныхъ людяхъ. Они были нужны не только въ церквахъ и монастыряхъ, но и въ приказахъ въ Москвѣ, въ земскихъ и воеводскихъ избахъ по городамъ, нужно было умѣть грамотѣ, чтобы написать просьбу или жалобу въ судъ, чтобы расписаться въ качествѣ свидѣтеля, прочесть присланную казенную бумагу, сосчитать и записать казенное добро, къ которому приставляли человѣка, обязывая

его слѣдить за сборомъ этого добра. Тогда-то государственная и общественная нужда въ грамотѣ и грамотныхъ людяхъ и породила требованіе на школы.

Надо думать, что тотъ же приходъ, который содержалъ храмъ, выбиралъ священника и причтъ, посылая ихъ для посвященія къ архіерею, устраивалъ при своемъ храмѣ богадѣльню и школу. При жильѣ священника или одного изъ причетниковъ отводилась особая изба или клѣть, гдѣ бы „ребятамъ грамотѣ учиться". Учителемъ такой школы, содержимой на средства прихода, былъ кто-нибудь изъ причта. Кромѣ такихъ школъ при церквахъ были въ Московскомъ государствѣ и вольные, такъ сказать, учителя, „мастера", какъ тогда говорили, которые кормились тѣмъ, что учили ребятъ. Такіе учителя выходили изъ не имѣющихъ мѣста причетниковъ, изъ отставныхъ подьячихъ, просто изъ любителей книжнаго и школьнаго дѣла. Учили они или у себя на дому, имѣя для того особое помѣщеніе, или ходили по дворамъ, нанимались въ домашніе учителя и учили только дѣтей тѣхъ, кто ихъ нанялъ.

По старому обычаю начинали учить ребенка грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ призывалъ двухъ-трехъ ближайшихъ родственниковъ, совѣтовался съ ними, не пора ли мальчика отдать въ „книжное наученіе". Рѣшивъ, что пора, звали отца духовнаго и служили молебенъ покровителю наукъ св. пророку Науму и тому святому, тезоименитъ которому былъ мальчикъ. Ребенка кропили святой водой, духовникъ благословлялъ его и говорилъ приличное случаю поученіе. Отецъ и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже нѣсколько напутственныхъ словъ о пользѣ ученья, о томъ, чтобы онъ слушался учителя, учился хорошо и т. д. Затѣмъ всѣ, т.-е. отецъ мальчика, двое или трое призванныхъ отцомъ ближайшихъ родственниковъ и самъ отдаваемый въ науку мальчикъ, шли къ „мастеру". Здѣсь, положивъ уставные поклоны и поздоровавшись съ „мастеромъ", отецъ мальчика начиналъ рядиться съ учителемъ, уговариваться, чему мастеръ долженъ выучить ребенка и какую плату и чѣмъ долженъ получить за науку. Сговорившись обо всемъ этомъ, отецъ ученика и мастеръ ударяли по рукамъ, и приведенный мальчикъ поступалъ въ распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, новый ученикъ получалъ букварь, вынималъ изъ-за пазухи нарядную указку, заботливо подаренную ему матерью или кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, садился на указанное ему учителемъ мѣсто за столомъ и начиналъ трудное дѣло „книжнаго наученія".

Это былъ сухой и тяжелый трудъ, о которомъ теперешніе учащіеся и понятія себѣ составить не могутъ. „Старинная грамота,—говоритъ одинъ ученый,—являлась дѣтямъ не снисходительной и любящей няней, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а

являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ съ книгой и указкой въ одной рукѣ и съ розгой въ другой“.

Въ XV и XVI вв. букварь и книги были, конечно, рукописные, а въ XVII вѣкѣ и печатные. Многія лица, какъ, напримѣръ, св. Гурій Казанскій, зарабатывали себѣ хлѣбъ тѣмъ, что писали „книжицы малыя, иже въ наученіи бываютъ малымъ дѣтямъ“, т.-е. букварь. Въ XVII в. московскій Печатный дворъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—51) напечаталъ 9600 букварей.

При рукописныхъ книгахъ, написанныхъ различными почерками, часто безъ соблюденія какихъ-либо знаковъ препинанія, въ строку, безъ отдѣленія одного предложенія отъ другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно труднымъ дѣломъ. Читающему приходилось не только схватывать глазомъ буквы и механически соединять ихъ въ слоги, а слоги въ слова, ему приходилось усиленно думать, что къ чему въ рукописи и какое слово относится прямо къ какому, гдѣ кончается и гдѣ начинается мысль автора. „Въ наше время,—говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ,—человѣкъ, выучившійся грамотѣ, можетъ читать всякую книгу. Не то было въ старину. Тогда мало было постигнуть механизмъ чтенія, это не давало еще ключа къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель долженъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книгъ. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: Псалтырь, Часословъ и пр. Выучившійся читать Псалтырь могъ не справиться съ другой книгой...“

Взявъ на зубокъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ—азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ сначала изъ двухъ буквъ—согласной и гласной, а потомъ изъ трехъ, и усердно долбилъ всѣ эти буки-азъ—ба, буки-есть—бе, буки-иже—би, вѣди-азъ—ва, вѣди-онъ—во, или буки-рцы-азъ—бра, глаголъ-вѣди-азъ—гва, добро-цы-еры—дцы и т. д. безъ конца. Склады читались обыкновенно вслухъ, хоромъ, и гомонъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно, какъ учатся школяры.

Научившись складывать изъ слоговъ слова и прочтя съ толкомъ, „не борзяся“, первыя фразы молитвеннаго содержанія и молитвы, напечатанныя или написанныя въ азбукѣ, постигнувъ всѣ слова подъ титлами, ученикъ со страхомъ и благоговѣніемъ приступалъ къ чтенію „Часослова“, той церковной книги, которая содержитъ въ себѣ основныя церковныя молитвословія—часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникамъ. Начало чтенія Часослова было какъ бы переходомъ въ слѣдующій классъ и сопровождалось особымъ торжествомъ. Наканунѣ, дома, служили молебенъ. Утромъ, передъ отходомъ въ школу, ученику вручался горшокъ каши и

гривна денегъ „въ бумажкѣ“—это онъ долженъ былъ передать учителю. Часословъ брался на зубокъ, какъ и букварь. За нимъ наступала очередь Псалтыри, потомъ Дѣяній апостольскихъ и наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, св. Евангелія.

Изученіе Часослова, Псалтыри и другихъ книгъ сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поученіями.

Кромѣ названныхъ книгъ, въ рукахъ древне-русскаго ученика находился еще иногда „азбуковникъ“, гдѣ, помимо алфавита и складовъ, имѣлся цѣлый рядъ различныхъ свѣдѣній. Прежде всего здѣсь были помѣщены школьныя правила, учившія школьника благонравію и хорошему поведенію.

Затѣмъ ученики читали здѣсь о дняхъ недѣли, объ ихъ названіяхъ, о субботѣ; имъ объясняли, что значитъ частое евангельское выраженіе: „во едину отъ субботъ“, и т. д. Съ объясненіемъ дней недѣли связаны были первыя начала священной исторіи; дѣтямъ разсказывали о сотвореніи міра, о первыхъ людяхъ, о народѣ израильскомъ, царяхъ Давидѣ и Соломонѣ и т. д. Объясненіе дней недѣльныхъ приводило съ собой знакомство съ календаремъ и лѣтосчисленіемъ, съ цифирью и начатками ариѳметики. Затѣмъ въ азбуковникахъ слѣдуютъ основныя грамматическія правила, очень сбивчивыя, трудно изложенныя, безъ соблюденія какой бы то ни было послѣдовательности, какого бы то ни было порядка. Такая грамматика изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ—ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. Особенное вниманіе среди грамматическихъ правилъ посвящено вѣчному вопросу русскаго правописанія, „како ять съ естемъ различати“. „Сіе бо,—читаемъ въ азбуковникѣ,—вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмыслиство ученію“. Любопытны также правила, гдѣ указывается, когда и какія ударенія слѣдуетъ ставить на словахъ, когда *оксія* или *острая*, когда *варія* или *тяжкая*, когда *камора облеченная*, когда *краткое*, когда *исо*“.

Перечисляя христіанскія имена, азбуковникъ попутно разсказываетъ о крещеніи Руси. Затѣмъ находимъ въ азбуковникѣ правила стихосложенія и ноты, наконецъ толкованія о семи мудростяхъ философскихъ: грамматикѣ, діалектикѣ, риторикѣ, музыкѣ, ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи.

Конечно, всѣ эти науки описаны въ азбуковникѣ очень кратко, и дѣти развѣ только узнавали, что вотъ есть такія-то и такія науки, но какъ и гдѣ узнать ихъ подробнѣе—этого азбуковникъ не сообщалъ. Интересно, что геометріей называли тогда тѣ отрасли знанія, которыя мы называемъ землемѣріемъ, космографіей и географіей, какъ политической, такъ и физической. Діалектика рекомендовалась для изученія, какъ наука, необходимая „на соборахъ народныхъ и въ судѣ“.

Такъ разнообразно и пестро было содержаніе азбуковника. Книга эта была предметомъ особаго изученія. Ее читали въ

школѣ подъ руководствомъ учителя, такъ сказать, между дѣломъ, во время отдыха и перерыва занятій. Учитель, вѣроятно, дополнялъ и объяснялъ, какъ умѣлъ, сухія и краткія сообщенія азбуковника, и у школяровъ получался, такимъ образомъ, извѣстный запасъ знаній изъ всѣхъ областей, какія тогдашняя мудрость считала достойными для сокровищницы ума образованнаго человѣка. На этомъ курсъ школьной науки и кончался.

Попутно, но не ранѣе, какъ ученикъ приступалъ къ чтенію Часослова, велось обученіе письму. Эта наука была тогда тоже не изъ легкихъ. Прежде всего она была дорога, такъ какъ бумага въ то время была значительно дороже нынѣшней, а писали гусиными перьями, которыя нужно было выучиться очинивать особымъ ножичкомъ. Плохо очиненное неумѣлой рукой перо спотыкалось и брызгало по шероховатой бумагѣ у неопытнаго писаки и доставляло ему немало огорченій. Передъ учившимися писать всегда лежала „пропись“ или „надписи“, и онъ старательно списывалъ буквы, подражая прописи.

Суровый учитель, разъ показавъ, какъ надо читать или писать, не любилъ повторять сказанное два раза и помощью розги и подзатыльниковъ думалъ легче и скорѣе напомнить науку забывчивому ученику. Розга и „ремень плетной“ были первымъ подспорьемъ тогдашняго педагога. Въ азбуковникахъ встрѣчаются цѣлыя стихотворныя похвалы розгѣ. Вотъ одна такая похвала, помѣщенная въ началѣ книги:

„Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ:
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителямъ послушны дѣти творитъ,
Розга божественнаго писанія учитъ.
Розга, аще біетъ, но не ломитъ кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою, аще отецъ и мать часто біютъ дѣтище свое,
Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ поучаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мать, еже дѣтище не біютъ,
Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже, матери и учители
Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
Благослови, Боже, оныя лѣса,
Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
Малымъ дѣтямъ—розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же березовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги измлада возрастится,
Старости не достигнетъ, удобь скончится.

Придавая такое огромное значеніе розгѣ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, тогдашняя педагогія совѣтуетъ ученикамъ любить это средство:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!

Школьный день начинался рано, часовъ съ семи утра по нашему счету. Добронравному ученику азбуковникъ предлагалъ такія стихотворныя правила для начала дня:

Въ дому своемъ, отъ сна возставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образамъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди
И товарища своего веди;
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи...

Войдя въ школу, ученикъ крестился на образа и отвѣшивалъ низкій, даже земной поклонъ учителю, если тотъ былъ священникъ, а потомъ, положивъ установленные три поклона передъ образомъ, принимался повторять, не торопясь, „зады“, т.-е. пройденное вчера. Уроковъ на домъ не задавалось, и все проходилось въ классѣ. Прочитавъ „зады“, иной разъ, если учитель былъ недоволенъ, повторивъ ихъ два-три раза, ученикъ принимался читать и перечитывать новый урокъ, т.-е. слѣдующія страницы той книги, какую изучалъ. Учитель слѣдилъ за чтеніемъ, прерывалъ, заставлялъ повторять, добиваясь, чтобы ученикъ читалъ безъ запинки, ровнымъ голосомъ, слегка нараспѣвъ, „не борзяся“, съ толкомъ.

Въ двѣнадцать часовъ наступалъ перерывъ для обѣда, и ученики шумной толпой, противъ чего напрасно ратовали строгія правила азбуковниковъ, торопились домой обѣдать. Послѣ обѣда спали, а къ двумъ часамъ дня всѣ снова были въ школѣ и снова долбили урокъ. Сидѣли всѣ за столомъ, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ; старшіе занимали мѣста получше, ближе къ учителю, сидѣвшему въ красномъ углу подъ образами, младшіе же сидѣли ближе къ дверямъ; кромѣ того, каждый ученикъ даннаго отдѣла занималъ мѣсто по своимъ успѣхамъ, и учитель часто пересаживалъ успѣвавшихъ и малоуспѣшныхъ, въ зависимости отъ ихъ стараній и плодовъ этихъ стараній.

Учитель вызывалъ учениковъ по очереди. Каждый вызванный выходилъ изъ-за стола, кланялся учителю въ ноги и начиналъ стоя „сказывать“ свой урокъ. Если учитель бывалъ недоволенъ ученикомъ, то приказывалъ ему сказывать урокъ стоя на колѣняхъ, въ виду спасительной лозы.

Выдолбивъ урокъ, ученикъ молился передъ образомъ, произнося особую молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія Твоя, яко да славлю Тя во вѣки вѣковъ. Аминь!“. Сдѣлавъ затѣмъ три поклона передъ образомъ, онъ начиналъ новый стихъ урока.

Какъ только зазвонятъ къ вечернѣ, т.-е. часовъ около четырехъ дня, школьный день заканчивался; школьники вставали со своихъ мѣстъ и пѣли хоромъ молитву св. Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпущаеши...“

Послѣ молитвы ученики должны были замкнуть на застежки свои книги, посмотрѣвъ, не осталось ли въ листахъ „указки“, „указательнаго древца“, какъ говорили, когда хотѣли выразиться понаряднѣе, и бережно клали книги на полки. Затѣмъ начиналась уборка школы; ученики выметали помѣщеніе, вытирали пыль, выносили лохань съ грязной водой отъ умыванья, приносили свѣжую воду. За всѣмъ этимъ дѣломъ слѣдилъ староста, т.-е. старшій ученикъ, назначенный на эту должность учителемъ.

Въ русской школѣ московскихъ временъ.
Съ рисунка въ букварѣ Поликарпова 1701 г.

Староста смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы ученики не листовали безъ толку книгъ, любуясь цвѣтными заставками, бережно клали ихъ на мѣсто, не шумѣли въ школѣ и при выходѣ изъ нея. Въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены при церквахъ, находились общежитія для сиротъ, и тогда на обязанности старосты лежалъ надзоръ и за живущими при школѣ сиротами.

Прибравъ школу, ученики расходились по домамъ. Если это было наканунѣ праздника, то всѣ учащіеся обязательно шли къ вечернѣ, и учитель предостерегалъ ихъ, чтобы они стояли въ храмѣ благопристойно, „потому что,—прибавляетъ наставле-

ніе,—всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ". Отъ учениковъ школы требовалось особливо пристойное поведеніе. „Егда учитель отпуститъ васъ,—читаемъ въ одномъ наставленіи при азбуковникѣ,—то со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменоверженія, и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ... Егда минуете святую церковь, и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися..." Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ почему-либо собиралась толпа. Пришедши домой, ученикъ долженъ былъ разсказать родителямъ, что онъ проходилъ въ школѣ, и прочесть тотъ урокъ, тѣ стихи или тѣ склады, которые выучилъ.

За всякій школьный проступокъ или неуспѣхи ребенка и дома ожидало наказаніе. Такимъ образомъ страхъ наказанія, боль и стыдъ были средствами, которыя тогда считались необходимыми въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Когда не помогали эти средства и наука плохо давалась мальчику, то призывали священника и читали особыя молитвы надъ „неудобьучащимся грамотѣ" мальчикомъ, призывая святыхъ Сергія Радонежскаго и Александра Свирскаго уврачевать „скорбную главу", дать ей пониманіе и способность къ ученію. Мальчику разсказывали—и учитель и родители—„просторѣчнымъ сказаніемъ", какъ эти святые въ дѣтствѣ были косны на пониманіе, какъ они усердно молились Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отверзла ихъ „умныя очеса", и какъ молитва ихъ была исполнена.

По воскреснымъ днямъ ученики послѣ обѣдни приходили въ школу и „здравствовали" учителя, т.-е. поздравляли его съ праздникомъ, а учитель бесѣдовалъ съ дѣтьми о праздникѣ, разсказывалъ имъ „просторѣчно", т.-е. своими словами, разговорнымъ языкомъ, о праздникѣ, о святомъ или священномъ событіи, память котораго чествовалась, и заключалъ свою повѣсть краткимъ поученіемъ, послѣ котораго, помолившись, всѣ расходились.

Въ воскресные же дни при этихъ здравствованіяхъ учителя происходило подношеніе ему различныхъ даровъ, по большей части съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ. Учитель жилъ этими подношеніями, и когда они почему-либо оскудѣвали, тогдашній педагогъ писалъ родителямъ учениковъ почтительнѣйшее письмо, составленное самымъ витіеватымъ образомъ и каллиграфически написанное, въ которомъ учитель высокопарно обращался къ „государю" такому-то, билъ челомъ и плакался, называлъ себя работничишкомъ и писалъ такъ: „Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонасажденнаго древа, единороднаго своего любезнѣйшаго сына и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей на поученіе, а тебѣ,

Урокъ нотнаго пѣнія въ школѣ XVII вѣка.
Съ рисунка въ лицевой рукописи 1681 г.

государю, на душевное утѣшеніе; пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе; благоутробне, смилуйся!“. Иной педагогъ могъ написать такое письмо превыспренними стихами и выражался такъ:

„Прикажи, государь, намъ отъ класорасленныхъ плодовъ запасцу дати
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати.
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ сгущеннаго и отъ сѣмянъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Воздари происходящимъ сквозь огонь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому:
Высокорасленнаго огорченнаго пива добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомольцевъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ“...

Очень многочисленны тогдашнія школы не были. Житія нашихъ святыхъ, хотя и упоминаютъ о „многихъ соученикахъ“ или сверстникахъ того или иного подвижника, но придавать большое значеніе этому общему выраженію нельзя. Прежде

всего тогдашнія помѣщенія не позволяли собирать въ своихъ стѣнахъ много дѣтей. Надо думать, что число учениковъ въ школѣ колебалось отъ пяти-шести до двадцати-тридцати человѣкъ. Сохранилось до нашего времени житіе преп. Сергія съ картинками, написанное въ XVI в. На одномъ рисункѣ тамъ изображена школа: на лавкѣ за столомъ сидятъ одиннадцать мальчиковъ съ книгами, а одинъ, самъ преподобный, стоитъ передъ учителемъ, который объясняетъ ему урокъ. Среди учениковъ, кромѣ дѣтей, встрѣчались и взрослые. Такъ, св. Никандръ Псковскій сталъ учиться грамотѣ лѣтъ двадцати, находясь въ услуженіи у одного купца. Сынъ князя Василія Голицына еле разбиралъ еще склады, когда подавалъ царю просьбы о земельномъ надѣлѣ, какъ взрослый полноправный человѣкъ.

Время обученія грамотѣ не могло быть продолжительно, несмотря на крайне трудные и грубые пріемы самаго обученія. Способные мальчики, въ родѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, кончали всю начальную школьную премудрость года въ два. Біографъ преподобнаго разсказываетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ передъ способностями святого, какъ онъ „учаше разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другой годъ вся божественная писанія навыче". Менѣе способные мальчики изучали все это, вѣроятно, года въ три, даже въ четыре.

Такъ учились въ древней Руси и царскія дѣти, и княжескія, и священническія, и простыя, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, и достигали одного и того же: умѣнья читать и писать.

На этомъ огромное большинство тогдашнихъ людей и заканчивало свою науку. Кто хотѣлъ учиться дальше, тому оставался одинъ путь—чтеніе книгъ да случайная помощь случайно встрѣченнаго знатока и собирателя книгъ. Нѣкоторые такіе знатоки устраивали у себя, впрочемъ, родъ высшаго, по сравненію со школой, училища, гдѣ читали вмѣстѣ съ желавшими „священныя библіи, бесѣды евангельскія и апостольскія, и разсуждали о высокомъ, лежащемъ въ оныхъ книгахъ разумѣніи". Читали творенія Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоустаго, свв. Василія Великаго и Григорія Богослова—творцовъ православной богословско-философской мысли.

Такимъ образомъ извѣстная „ученость" могла быть пріобрѣтаема искателями ея только ихъ личнымъ самостоятельнымъ трудомъ, при помощи продолжительнаго и внимательнаго изученія книгъ, со стороны ихъ содержанія и изложенія. Такъ, преп. Стефанъ Пермскій сдѣлался ученымъ благодаря тому, что „прилежно имяше обычай почитати почитаніе книжное, почасту умедливая, дондеже до конца по истинѣ уразумѣетъ о коемждо стисѣ словеса, о чемъ чтетъ".

Такой способъ пріобрѣтать „ученость" создалъ и особый типъ древне-русскаго „ученаго". Это былъ всегда человѣкъ,

глубоко уважавшій „книги“, много и прилежно читавшій, который прочелъ всѣ существовавшія на русскомъ языкѣ книги, зналъ содержаніе всѣхъ ихъ чуть не наизусть и умѣлъ на память говорить цѣлыя главы и отдѣлы изъ прочитанныхъ книгъ. Такъ какъ всѣ тогдашнія книги были или книги Св. Писанія, или творенія отцовъ церкви, или житія и лѣтописи, вообще книги, говорившія о предметахъ духовныхъ и божественныхъ, то начетническое уваженіе къ книгѣ вырастало часто въ глубокое преклоненіе предъ всѣмъ написаннымъ. „Аще кто не

Заглавный листъ рукописнаго „Катихизиса“ Лаврентія Зизанія. (Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февр. 1627 г. по поводу исправленія „Катихизиса“ Лаврентія Зизанія).

имѣя книги мудрствуетъ, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу“,—говорилъ древне-русскій книжникъ-начетчикъ.

Для огромнаго большинства такихъ начетчиковъ былъ святъ и непреложенъ всякій „азъ“, написанный въ книгѣ; у него „сердце холодѣло и ноги дрожали“, когда люди другого образованія приказывали ему при исправленіи книгъ переставить слова, замѣнить одни другими, исправить буквы: „единый азъ, единая точка“ были уже „преткновеніемъ“ для всей науки древне-русскаго начетчика. Если про нихъ и нельзя было сказать, что они „едва азбуку умѣли“, то для большинства было справедливо замѣчаніе ученаго грека, что они „навѣрное не знали, какія буквы въ азбукѣ гласныя и согласныя, а о частяхъ рѣчи, залогахъ, родахъ, числахъ, временахъ, лицахъ, то имъ даже и на разумъ не всхаживало... Не пройдя науки, такіе люди упрутся обыкновенно не только на одну строчку, но и на одно слово и толкуютъ: здѣсь такъ написано, а оказывается, что вовсе не такъ. Не на букву только, а на смыслъ надо обращать вниманіе и на намѣреніе автора...“

Этого-то и не умѣли дѣлать древне-русскіе начетчики; они любили подолгу и много спорить на различныя темы изъ Св. Писанія, и споръ ихъ всегда блисталъ огромной начитанностью; они приводили наизусть въ подкрѣпленіе своихъ мыслей цѣлыя главы и стихи изъ твореній свв. отцовъ и изъ Св. Писанія, но никогда не дерзали разобраться въ вопросѣ, когда, почему, при какихъ обстоятельствахъ тотъ или иной приводимый ими учитель церкви высказалъ данную мысль. Для нихъ было рѣшающе-важно только то, что онъ ее высказалъ.

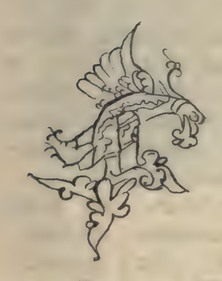
Можно себѣ представить, какъ неясны, трудны, запутаны и невразумительны были тогдашніе научные споры. На отрывокъ изъ сочиненій какого-либо отца церкви, приводимый однимъ спорщикомъ, другой выставлялъ слова Св. Писанія или другого отца церкви. Отрывки громоздились на отрывки, и рѣчь получала крайне тяжелую форму. Во время ея многословнаго изложенія можно было забыть и потерять основную мысль, удалиться въ сторону и рѣдко что-нибудь выяснить, тѣмъ болѣе, что древнерусскій ученый, для котораго свято было все написанное, ставилъ въ спорѣ или сочиненіи рядомъ отрывки изъ книгъ самаго различнаго содержанія: книги Ветхаго и Новаго Завѣта, творенія отцовъ церкви, лѣтописи и хронографы, законы греческихъ царей, преданія, житія святыхъ, посланія,—все это было для него Св. Писаніе.

Эта начетническая ученость во второй половинѣ XVII вѣка столкнулась въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ съ настоящей ученостью и принуждена была спасаться въ расколъ, объявивъ ересью новую ученость, которую стали насаждать въ Россіи кіевскіе монахи, воспитанники кіевской академіи и образованные греки.

Главнѣйшія пособія: *Д. Мордовцевъ*, „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“; *Ѳ. Леонтовичъ*, „Школьный вопросъ въ древней Россіи“; *И. Забѣлинъ*, „Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время“; *Владимірскій-Будановъ*, „Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVIII в. до учрежденія министерствъ“.

Заставка и буква—изъ рукописнаго Евангелія конца XIV в.

Большая дорога въ древней Руси.

ѣверо-восточная европейская равнина, на которой выросло Русское государство, съ древнихъ поръ славилась, какъ страна непроходимыхъ лѣсовъ и большихъ многоводныхъ рѣкъ, прорѣзывавшихъ своимъ могучимъ теченіемъ непроходимыя лѣсныя дебри.

Еще въ XVII вѣкѣ западному европейцу, ѣхавшему чрезъ Смоленскъ въ Москву, московская сторона казалась сплошнымъ лѣсомъ; мѣстные жители вмѣсто дорогъ пользовались здѣсь большими и малыми рѣками, далеко змѣившимися во всѣ стороны этого лѣсного царства.

Обиліе многоводныхъ рѣкъ, пересѣкавшихъ восточную европейскую равнину, позволяло обитавшимъ здѣсь людямъ пользоваться ими, какъ путями сообщенія, какъ дорогами. Пробираясь по рѣкамъ, первоначальные насельники забирались глубоко внутрь равнины; основываясь для прочнаго жилья по берегамъ рѣкъ, они мало-по-малу населили страну, овладѣли ею, сдѣлали ее своей. Первыя поселенія полосами залегали по берегамъ рѣкъ. Наслѣдники первыхъ поселенцевъ, такіе же земледѣльцы и охотники, въ поискахъ земли для посѣва и охотничьей удачи, все дальше и дальше уходили отъ своихъ прежнихъ деревень

убь страны.

Тогдашній земледѣлецъ долженъ былъ много и усиленно бороться съ лѣсомъ, прежде чѣмъ ему удавалось провести первую борозду. Въ древности все время, пока господство лѣса было несокрушимо, земледѣльцы, устраивая поле, поднимая новь, должны были выжигать лѣсъ. Зола и гарь сообщали почвѣ усиленное плодородіе, и лѣтъ шесть-семь подъ-рядъ удобренная гарью земля давала богатые урожаи. Но потомъ урожаи становились слабѣе, и земледѣлецъ бросалъ это поле, шелъ въ другое мѣсто, ставилъ тамъ новый дворъ, валилъ и жегъ лѣсъ и снова нѣсколько лѣтъ пользовался богатымъ урожаемъ. Людей тогда было мало, а порожней земли много. Изъ первыхъ поселенцевъ какой-нибудь округи кто уходилъ дальше, кто основывался ближе къ мѣстамъ первыхъ поселеній, и потому связь, сосѣдство между старыми и новыми поселеніями порывалась далеко не всегда. Въ поискахъ земли приходилось пробираться не только по рѣкамъ, но и сквозь лѣса. Такъ прокладывались и посуху дороги и тропы отъ поселка къ поселку, отъ одной рѣки на другую. Охотники-звѣроловы въ своихъ поискахъ дичи и пушного звѣря вызнавали все больше и дальше страну по всѣмъ направленіямъ, и проложенныя ими тропы забирались въ самые глухіе уголки страны.

Когда возникли и увеличились города, то рѣки и цѣпи тропинокъ составили связь, пути сообщенія одного города съ другимъ. Чѣмъ больше становилось народу въ странѣ, чѣмъ больше обрабатывалось земли, чѣмъ больше люди торговали и чѣмъ шире разселялись, удаляясь далеко вглубь страны, тѣмъ меньше стали они пользоваться рѣками, какъ дорогами, особенно для близкихъ путей, и рѣка стала уступать свое значеніе обыкновенному сухому пути, простому проселку или тропѣ.

Къ тому было много причинъ. Рѣчнымъ путемъ не весь годъ сплошь можно пользоваться: зимой онъ скованъ льдомъ, лѣтомъ на немъ грозитъ мелководье, а потомъ по рѣкѣ хорошо и удобно итти, имѣя передъ собой дальнюю цѣль, удобно итти войску, торговому каравану, а всегда ли удобно возить по рѣкѣ, напримѣръ, снопы со сжатаго поля, сѣно съ луга, дрова изъ лѣса, особенно, когда поселокъ, отдѣльная изба или же самое поле находятся далеко отъ берега? А каково плыть по рѣкѣ въ дурную погоду или просто вверхъ по ея теченію? А мели, перекаты, пороги, протянутыя снасти рыболововъ,—все это заставляло предпочесть рѣкѣ, какъ средству сообщенія, обыкновенную дорогу.

Въ старой Руси, какъ и въ нынѣшней, главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ дорогъ являлось ихъ протяженіе, громадная длина ихъ сѣти, раскинувшейся по обширному пространству Русской земли. Это отличительная черта русской исторіи: и во времена кіевскихъ князей, и въ удѣльное время, и при царяхъ, и въ теперешнія времена имперіи русскому народу приходится жить на громадномъ пространствѣ, когда не только отъ края и

до края, но и отъ середины страны до краевъ ея всегда далеко. Эта обширность пространствъ дѣлаетъ то, что дороги на Руси всегда длинны, а слѣдовательно строить ихъ и содержать въ порядкѣ дорого.

И въ московское время небогатому, жившему рѣдкими кучками по лицу обширной страны населенію было не подъ силу содержать эти длинныя дороги въ порядкѣ. Самое большее, что для этого дѣлали—это рыли тутъ и тамъ канавы для стока застаивавшейся воды, набрасывали хворосту и сыпали песокъ на мѣстахъ, гдѣ весенняя и осенняя погода разводила неимовѣрную грязь, мостили бревенчатую гать черезъ болота, изрѣдка

Мостъ черезъ рѣку въ деревнѣ Яжелбицы, въ XVII в. Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

строили на сваяхъ мосты черезъ небольшія рѣки, но чаще искали броду, а на многоводныхъ и глубокихъ рѣкахъ сооружали плоты и паромы.

Единственнымъ строительнымъ матеріаломъ въ странѣ было дерево, рѣже глина и относительно рѣдко камень; народъ жилъ бѣдно, довольствуясь очень немногимъ для устройства своей домашней обстановки. Нечего и говорить, что никакія шоссе, каменные мосты черезъ рѣки и овраги и т. п. не могли и возникнуть. Камня, годнаго для дорожнаго дѣла, мало на русской равнинѣ, его и теперь мѣстами приходится привозить издалека; въ окружности какой-нибудь топи часто на десятки верстъ трудно найти простого песку.

Больше, чѣмъ люди, старинную русскую дорогу приводили въ порядокъ лѣтній зной, сушившій грязь, да зимній морозъ, сковывавшій крѣпко болота и топи, мостившій ледяные мосты

черезъ рѣки. Дорога въ древней Руси жила поэтому больше зимой, чѣмъ лѣтомъ, особенно мирной, трудовой жизнью. Зимой тянулись обозы къ большимъ торговымъ городамъ, отъ одного къ другому и къ выходу за границу; въ сухую лѣтнюю пору происходили передвиженія военныхъ силъ, всюду шли отряды на усиленіе пограничныхъ заставъ, навстрѣчу слухамъ о татарахъ, на тревогу въ сторонѣ Польши или крайнихъ восточныхъ сосѣдей.

Но и зимой и лѣтомъ одинаково старинная русская дорога къ себѣ не манила. Лѣтомъ путники жаловались на обиліе всякаго „гнуса“, т.-е. лѣсныхъ и болотныхъ насѣкомыхъ, комаровъ и слѣпней, отъ которыхъ страдали и лошади и люди. А зимой снѣжныя мятели и сугробы снѣга „человѣку по пазуху“, какъ говоритъ лѣтописецъ, засыпали и губили цѣлые обозы. Зимой и лѣтомъ волчьи стаи, шайки „лихихъ и воровскихъ людей“, т.-е. разбойниковъ, дѣлали путь по Русской землѣ труднымъ и опаснымъ. Но все-таки онъ хоть былъ возможенъ. Зато осенью и весной пропадала почти всякая возможность прохода и проѣзда изъ одной части страны въ другую. Рѣки въ половодье останавливали всякое сообщеніе по дорогамъ, поля на большое пространство покрывались водой и превращались въ болота, въ оврагахъ и ложбинахъ полая вода застаивалась цѣлыми озерами. Нечего и говорить, что весеннее половодье и осенніе дожди разводили всюду такія непролазныя „черныя грязи“, что не становилось проходу и проѣзду никакому богатырю. Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи“ въ особую заслугу ставитъ себѣ свои отдаленныя путешествія. Да это и дѣйствительно, при описанныхъ условіяхъ, были подвиги. Лѣтопись часто отмѣчаетъ невзгоды тогдашняго бездорожья. Въ 1135 г. князь черниговскій Всеволодъ съ братьями пошелъ-было войной, но „нельзя бо бѣше перевезтися“ черезъ рѣку, гдѣ ледяныя глыбы загородили путь; постояли три дня князья съ дружинами передъ непроходимымъ препятствіемъ да и ушли обратно въ Черниговъ. Сто лѣтъ спустя собрался другой князь по веснѣ въ походъ на ятвяговъ и дошелъ до Берестья, „но,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—рѣкамъ наводнившимся, не возмогоста итти на ятвягъ“. А ранней весной 1237 года грозная татарская сила, смявшая всю Русь, остановилась передъ лѣсами и болотами Новгородской земли, которые отъ весенняго половодья стали совсѣмъ непроходимы. Въ осеннюю распутицу или весеннее половодье, по замѣчанію лѣтописца, часто бывало такъ, что „люди не смѣяху ѣздити“, и были тогда „въ христіанѣхъ скорбь и туга“.

Отъ бездорожья, бывали случаи, блуждали и сбивались съ пути цѣлые полки, какъ это было съ войскомъ великаго князя тверского Михаила, когда онъ въ 1316 году возвращался изъ Новгородской земли; „заблудиша въ езерѣхъ и болотѣхъ и начаша мерети гладомъ,—повѣствуетъ объ этомъ случаѣ лѣтопись,—ядяху же и конину и кожи со щитовъ содирающе ядяху, а

доспѣхи своя и оружье пожгоша и пріидоша пѣши въ домы своя, а иніи мнозіи изомроша, жеваху бо тогда голенища своя и ремніе...“

Благодаря крайней рѣдкости населенія, обитавшаго въ обширной странѣ, селенія и деревни были рѣдки и отстояли далеко одно отъ другого. Путешественнику негдѣ было укрыться отъ непогоды; больному страннику негдѣ было найти пріютъ и помощь; въ случаѣ нападенія дикихъ звѣрей или грабителей негдѣ и не у кого было искать защиты и подмоги.

Даже въ XVI вѣкѣ на такомъ большомъ торговомъ пути, какъ путь отъ Холмогоръ по Двинѣ до Вологды, путешествен-

Паромъ на рѣкѣ (XVII в.).
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

никамъ приходилось останавливаться на берегу рѣки, подъ открытымъ небомъ, и готовить себѣ пищу изъ запасовъ, взятыхъ съ собой. Англичанинъ Дженкинсонъ, ѣздившій въ то время по Россіи, говоритъ, что всякому, собирающемуся ѣхать по Россіи, необходимо имѣть при себѣ топоръ, огниво и трутъ, котелъ и запасы пищи на всю дорогу, потому что по пути ничего этого не достанешь.

Дорога шла мѣстами по пнямъ давно срубленныхъ деревьевъ, пролегала на топи и болота, на которыхъ не всегда были гати и мосты, а если гдѣ и были, то отличались плохимъ устройствомъ и небрежной постройкой. Мосты дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собой, такъ что переѣздъ по нимъ въ тяжеломъ экипажѣ былъ прямо опасенъ. „Одному Всевышнему Богу извѣстно,—пишетъ спутникъ антіохійскаго па-

тріарха Макарія, проѣзжавшаго въ Москву съ юга въ XVII в.,— до чего трудны и узки здѣшнія дороги... Всѣ дороги были покрыты водой, на нихъ образовались ручьи, рѣки и непролазная грязь; поперекъ узкой дороги попадали деревья, которыя были столь велики, что никто не былъ въ силахъ ихъ разрубить или оттащить прочь; когда къ этимъ павшимъ деревьямъ подъѣзжали повозки, то колеса ихъ поднимались на эти деревья и потомъ падали съ такой силой, что у насъ въ животѣ разрывались внутренности"... Другой иностранецъ, испытавъ на себѣ, что такое московская дорога, порѣшилъ, что русскіе нарочно запускаютъ дороги въ своей странѣ, чтобы затруднить иностранцамъ доступъ внутрь своего государства.

Разъѣзжать въ то время по Россіи могли безъ ущерба для себя люди сильные и здоровые, умѣвшіе владѣть оружіемъ и не страшившіеся встрѣчъ съ разбойниками, промышлявшими по дорогамъ. По сторонамъ старинныхъ русскихъ дорогъ часто, очень часто стояли кресты надъ могилами ограбленныхъ и убитыхъ путниковъ.

Одинъ иностранецъ, Корбъ, ѣздившій по Россіи въ концѣ XVII вѣка, видѣлъ въ лѣсу между Москвой и Можайскомъ крестъ, подъ которымъ было схоронено 30 человѣкъ, убитыхъ разбойниками. То же было и по берегамъ рѣкъ. По Волгѣ путешественнику до сихъ поръ указываютъ множество мѣстностей, прославленныхъ разсказами о разбойникахъ. По всей центральной Россіи разсѣяны урочища, съ названіемъ которыхъ народная память соединяетъ преданія о старинныхъ разбойникахъ Кудеярѣ, Ванькѣ Каинѣ, Усѣ, Танькѣ Ростокинской и др.

Разбойничество въ тѣ далекія времена порою принимало характеръ цѣлыхъ предпріятій, артелей, человѣкъ въ 300 и болѣе, съ выборными атаманами во главѣ. При Иванѣ Грозномъ знаменитый Ермакъ, связавшій свое имя съ покореніемъ Сибири и тѣмъ заставившій забыть свою прежнюю дѣятельность, держалъ въ страхѣ всю Волгу; отъ разбойничьихъ подвиговъ атамана Хлопко во времена царя Бориса почти прекратилось всякое движеніе подъ Москвой, и понадобилось выслать воинскій отрядъ, чтобы разогнать и перехватать шайку Хлопко, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Когда Московское княжество превратилось въ Великорусское государство подъ властью царя и великаго князя всея Руси, то правительство стало усиленно заботиться объ устройствѣ и охранѣ путей сообщенія. Отъ столицы государства, Москвы, протянулись проѣзжіе пути во всѣ концы обширнаго царства, пути крѣпкіе и постоянные, „пошлые", какъ тогда говорили. По этимъ путямъ двигалось постоянно все, что поддерживало связь средоточія государства съ внутренними областями страны и ея окраинами; по дорогамъ шли торговые караваны и обозы съ запасами и товарами, везли царскія подати, развозили распоряженія по управленію государствомъ, двигались военные отряды, куда того

требовала военная нужда. Усиливавшіяся сношенія съ иностранными государствами приводили на московскія дороги пословъ чужеземныхъ государей, иностранныхъ купцовъ, по этимъ же дорогамъ шли свои послы въ чужія страны. Все это и заставляло московское правительство много и усердно заботиться о томъ, чтобы движеніе по сухимъ и воднымъ путямъ было удобнымъ, дешевымъ, скорымъ и безопаснымъ.

Нелегкое дѣло было, однако, устроить все это. Въ 1638 г. понадобилось перевезти артиллерійскій паркъ изъ Алексина въ Тулу. Изъ Алексина въ Тулу вело нѣсколько дорогъ, но кромѣ какъ по одной пройти съ пушками и обозами было „нигдѣ не мощно“, потому что иными дорогами „лѣса великіе и грязи

Суда на рѣкѣ (XVII в.).
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

непроходимыя“. Но и по возможной дорогѣ надо было „мостовъ мостить и гати гатить много“, да черезъ рѣку Упу мостъ крѣпкій, чтобъ могъ выдержать пушки, дѣлать. Для всей этой работы отрядили 90 человѣкъ стрѣльцовъ, но, конечно, это оказалось слишкомъ мало. Ни картъ ни чертежей не было, и пришлось искать знатока дороги: такимъ оказался тульскій стрѣлецъ Петрунька Исаевъ,—„онъ всѣ дороги знаетъ, куда на Тулу съ большимъ нарядомъ, т.-е. съ крупными орудіями, пройти мощно“. Ну, а когда не находили знающаго Петруньки, тогда приходилось дѣйствовать наугадъ, посылать развѣдчиковъ, которые зарисовывали на лубкахъ, какъ умѣли, конечно, очень приблизительно и неточно, особенности пути, руководителямъ же передвиженія приходилось этими несовершенными набросками руководствоваться. Все это страшно замедляло передвиженіе, и русскіе

люди московскихъ временъ предпочитали невѣрной колесной дорогѣ водяную по тѣмъ безчисленнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, которыя во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ и бороздятъ Великороссію.

Общая длина всѣхъ рѣкъ Руси достигаетъ 100.000 верстъ, около половины ихъ судоходныя и сплавныя. Судовъ поэтому по рѣкамъ Московскаго государства ходило очень много; къ тому же стоимость провоза по водѣ всегда дешевле, чѣмъ сухимъ путемъ. Широкія рѣчныя дороги, расходившіяся во всѣ концы государства, не требовали много заботъ о себѣ—и зимой, и лѣтомъ по рѣчной дорогѣ было легко ѣхать: лѣтомъ въ судахъ, а зимой въ саняхъ по гладкой ледяной поверхности. Многіе города и села, расположенные при рѣкахъ, промышляли судовымъ дѣломъ и мастерили суда; прибрежные жители, изучивъ теченіе родной рѣки и всѣ ея особенности, проводили суда въ опасныхъ мѣстахъ, изучали характеръ теченія и особенности дна своей рѣки; существовала и особая рѣчная полиція изъ стрѣльцовъ, плававшихъ на судахъ, вооруженныхъ пушками, для преслѣдованія и искорененія разбойниковъ, промышлявшихъ на водяныхъ путяхъ, пожалуй, еще чаще, чѣмъ на сушѣ.

Типъ русскихъ судовъ зависѣлъ отъ свойствъ рѣкъ быстро обмелѣвать и въ теченіи часто сближаться одна съ другой, такъ что всегда можно было перетащиться изъ одной рѣки въ другую. Русскія суда строились поэтому всегда легкія и плоскодонныя. Ходили эти суда и на веслахъ, и подъ парусомъ, и бечевой; „при попутномъ вѣтрѣ,—пишетъ Дженкинсонъ,—они плывутъ на парусахъ, въ противномъ же случаѣ для движенія судна требуется много людей: одни тянутъ судно, обвязавъ вокругъ шеи длинные канаты, прикрѣпленные къ баркѣ, другіе на самой баркѣ двигаютъ ее длинными шестами"; большія суда обыкновенно вмѣщали въ себя человѣкъ 50—70, кромѣ груза. Названія эти суда имѣли самыя различныя, смотря по своей формѣ, назначенію и даже происхожденію, т.-е. мѣсту постройки; различали тогда струги, ладьи, мореходныя ладьи, челны, паузки, насады, бусы, карбасы, коломенки, тихвинки и т. д. Всѣ эти суда имѣли одно общее качество: отличались легкостью и строились безъ желѣза, безъ единаго желѣзнаго гвоздя.

Иностраннымъ посламъ, царскимъ чиновникамъ, выѣзжавшимъ съ казенными порученіями, большимъ торговымъ караванамъ давали охрану изъ воинскихъ людей. Большіе караваны волжскихъ судовъ, отправлявшіеся въ далекое плаваніе отъ Нижняго или Казани до Астрахани и Каспійскаго побережья, всегда сопровождались казеннымъ стругомъ, вооруженнымъ пушкой и съ экипажемъ хорошо вооруженныхъ стрѣльцовъ. Властямъ, намѣстникамъ городовъ и областей правительство вмѣняло въ обязанность оберегать путниковъ и торговцевъ отъ воровъ и разбойниковъ.

При царѣ Иванѣ Грозномъ было учреждено особое вѣдом-

ство охраны: выборные изъ мѣстныхъ людей губные старосты, которымъ ставится въ обязанность разыскивать и ловить разбойниковъ и слѣдить за безопасностью на дорогахъ.

Со временъ Ивана III появляются извѣстія объ устройствѣ дорожнаго дѣла по всей Русской землѣ. Тогда именно возникли „ямы“. Слово „ямъ“ татарскаго происхожденія. По-монгольски „дзямъ“—дорога, „дзямчи“ или „ямчи“—гонецъ, проводникъ. Нетрудно въ этихъ словахъ узнать наши: ямщикъ, ямской.

Во всѣхъ завоеванныхъ ими странахъ татары устраивали сборъ дани и ради этой цѣли учреждали правильное и постоянное сообщеніе съ ханской столицей. По словамъ итальянца Плано Карпини, посѣтившаго въ половинѣ XIII вѣка царство Чингизъ-Ханова внука Бату, подданные татаръ обязывались давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе, для чего

Ѣзда въ саняхъ (XVI в.).
По рисунку въ альбомѣ Герберштейна.

были установлены заставы, или станціи, на которыхъ мѣняли лошадей путниковъ по предъявленіи ими на то ханской грамоты.

Московская Русь, свергнувъ татарское иго, оставила у себя это татарское устройство вмѣстѣ съ самымъ названіемъ его. Всѣ пограничныя и важныя по своему военному, промышленному и торговому значенію мѣстности и города, какъ сѣверное Поморье, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ, города сѣверскіе, Новгородъ Великій и Псковъ, были соединены посредствомъ ямовъ съ Москвой. Какъ и въ Золотой Ордѣ, ямщики въ Московскомъ царствѣ гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ, на каждомъ перегонѣ особыя, назначенныя для того лица должны были заботиться о доставленіи проѣзжимъ лошадей, корма, проводниковъ; какъ и у татаръ, все это давалось проѣзжимъ по предъявленіи ими особой грамоты—подорожной.

По большимъ дорогамъ на разстояніяхъ отъ 30 до 50 верстъ были учреждены станціи, называвшіяся ямами. На эти ямы окрестное населеніе обязано было доставлять нужное количество подводъ и кормъ. Если ямъ стоялъ на судоходной рѣкѣ, то во

время судоходства проѣзжихъ отпускали на судахъ, давая гребцовъ и кормчихъ. Каждымъ ямомъ завѣдывали ямщики, особые къ тому выбранные чиновники, обыкновенно изъ окрестныхъ жителей. Ихъ было не болѣе трехъ на каждомъ ямѣ: ямщикъ, т.-е. начальникъ станціи, дьячокъ—письмоводитель, и дворникъ—завѣдующій хозяйствомъ яма. Они-то и должны были „на яму стряпати“. Они избирались всей округой, городскими и сельскими ея обывателями. Избирались ямщики и изъ посадскихъ людей, и изъ крестьянъ. По избраніи ихъ отправляли въ Москву, къ казначеямъ великаго князя; казначеевы дьяки приводили избранныхъ къ крестному цѣлованію, давали имъ на ямской расходъ государевы деньги и отпускали ихъ на ямъ; изъ даваемыхъ имъ въ Москвѣ денегъ, ямщики платили очереднымъ, выставлявшимъ подводы, по три деньги за десять верстъ съ подводы. Плата эта называлась прогоны.

Каждый годъ ямщики представляли въ Москву, въ казну отчетъ, который строго провѣрялся. Окрестное населеніе, доставлявшее на ямы кормъ и подводы съ проводниками для проѣзжихъ царскихъ пословъ и гонцовъ, обязано было еще расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, а также и ямскіе дворы. Затѣмъ со всего тяглаго населенія въ государствѣ собирался на ямское дѣло особый сборъ, носившій названіе ямскихъ денегъ.

Каждый ямъ состоялъ изъ ямского двора, т.-е. станціи, гдѣ содержались выставленныя населеніемъ подводы и откуда отправлялись проѣзжіе. Ямской дворъ состоялъ изъ нѣсколькихъ избъ, сѣнниковъ, амбаровъ и конюшенъ, обнесенныхъ заборомъ или плетнемъ. Къ каждому яму нарѣзывалась земля подъ пашню и для сѣнокоса. Земля эта находилась въ пользованіи ямщиковъ, но только пока они служили ямщиками. Пользованіе землей шло, такъ сказать, въ жалованье ямщикамъ за службу. Кромѣ земельныхъ надѣловъ, ко многимъ ямамъ были приписаны деревни, доходъ съ которыхъ шелъ ямщикамъ вмѣсто жалованья.

Пользоваться ямскими подводами и кормомъ на ямахъ дозволялось только по особой подорожной. Подорожныя выдавались только посламъ, гонцамъ и ѣздокамъ по казенной надобности. Вотъ, напримѣръ, подорожная, выданная въ 1493 году подьячему Елкѣ: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. Отъ Москвы по дорогѣ, по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тверской землѣ по Твери, по ямамъ ямщикамъ: Послалъ еси съ мазовецкимъ посломъ съ Иваномъ въ приставахъ Елку подьячаго, и вы бы Елкѣ давали на посла по семи подводъ отъ яму до яму, а ему по двѣ подводы, а кормъ бы давали ему на яму (перечисляется, что именно). А отъ Твери Тверцою рѣкою всѣмъ людямъ безъ отмѣны до Торжка, а въ Торжкѣ старостѣ и всѣмъ городнымъ людямъ, а отъ Торжка до Волочка, а на Волочкѣ старостѣ и всѣмъ крестьяномъ, а отъ Волочка Мстою рѣкою до Великаго Новгорода всѣмъ людемъ, чей бы кто ни былъ, чтобы всѣ ему, Елкѣ подьячему, давали судно и гребцовъ

и кормщика. А гдѣ имъ прилучится стать, и вы бы имъ давали кормъ на стану по сей грамотѣ. А отъ Новгорода по Новгородской землѣ и до Пскова по ямамъ ямщикамъ и всѣмъ людямъ безъ отмѣны, чей кто ни буди, чтобы давали Елкѣ подьячему на посла на мазовецкаго по семи подводъ да кормъ, какъ въ сей грамотѣ сказано; а гдѣ имъ будетъ надобно судно, и вы бы имъ давали судны и гребца. А какъ пойдетъ Елка подьячій назадъ изъ Пскова, и вы бы ему давали по двѣ подводы отъ яму до яму и до Москвы по сей моей грамотѣ".

Подчинены ямщики были намѣстнику того города, въ области котораго пролегла дорога, гдѣ ямщики держали гоньбу. Общимъ распорядкомъ ямской гоньбы вѣдалъ въ Москвѣ одинъ изъ великокняжескихъ казначеевъ съ состоявшими при немъ ямскими дьяками.

Благодаря такому устройству, достигалась извѣстная быстрота и обезпеченность путешествія. Посолъ императора Священной Римской имперіи Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву въ 1517 и въ 1526 гг., очень доволенъ устройствомъ ямской гоньбы въ Московскомъ государствѣ. „Великій князь московскій,—пишетъ Герберштейнъ,—имѣетъ по дорогамъ въ своемъ княжествѣ ямщиковъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей, такъ что, куда бы ни послалъ князь своего гонца, вездѣ найдутся для него лошади. Гонецъ выбираетъ коня, который ему покажется лучше. На каждомъ яму лошадей мѣняютъ, и въ свѣжихъ лошадяхъ нѣтъ недостатка. Кто требуетъ 10 или 12, тому приводятъ 40 или 50 коней. Усталыхъ кидаютъ на дорогѣ и замѣняютъ другими, забирая ихъ въ первомъ селеніи или отбирая у проѣзжающихъ мѣстныхъ жителей". Конечно, это обиліе лошадей на ямахъ объясняется тѣмъ, что они были заготовлены для проѣзда посла. Изъ Новгорода въ Москву, т.-е. разстояніе около 500 верстъ, служитель Герберштейна проѣхалъ въ 52 часа; „это тѣмъ удивительнѣе,—замѣчаетъ Герберштейнъ,—что лошади у москвитянъ весьма малы и за ними нѣтъ надлежащаго ухода".

Лыжники.
По рисунку въ альбомѣ Герберштейна, XVI в.

Такое устройство достигало своей цѣли и тѣмъ, что создавало постоянную и опредѣленную связь окраинъ государства съ его центромъ, но самое устройство этой связи, возложенное, какъ обязательная повинность, на народъ, вызывало много недоразумѣній и было тяжело. Народу приходилось много платить ямскихъ сборовъ, а уплачиваемые правительствомъ прогоны за подводы

были малы. Трудъ и время, которые обыватель тратилъ на перегонъ, стоили ему самому дороже. Затѣмъ было очень много злоупотребленій со стороны ямщиковъ: брать силой лишній кормъ и лишнія подводы, задерживать подводы на ямахъ, вымогать съ подводчиковъ деньги, заставлять ихъ работать на себя,— все это ямщики продѣлывали очень часто.

Народъ жаловался на ямщиковъ. Правительство посылало разбирать эти жалобы особыхъ слѣдователей, грозило ямщикамъ взысканіемъ съ нихъ убытковъ, показанныхъ жалобщиками, вдвойнѣ, но это все мало помогало дѣлу, а межъ тѣмъ ростъ и развитіе движенія по дорогамъ вызывали все бо̀льшую нужду въ упорядоченіи ямской гоньбы.

Тогда, съ конца XVI вѣка, правительство стало заботиться о томъ, чтобы снять съ народа ямскую повинность и, собирая только ямскія деньги, устроить гоньбу иначе.

Съ этой цѣлью во второй половинѣ XVI вѣка стали устраивать при ямахъ слободы, населяя ихъ охотниками, которые брались за извѣстный надѣлъ землей и подмогу деньгами, лошадьми и т. п. гонять по дорогѣ отъ яма до яма по первому требованію. Гдѣ не являлось охотниковъ добровольныхъ, тамъ населеніе должно было выставить ямщиковъ по выбору изъ своей среды.

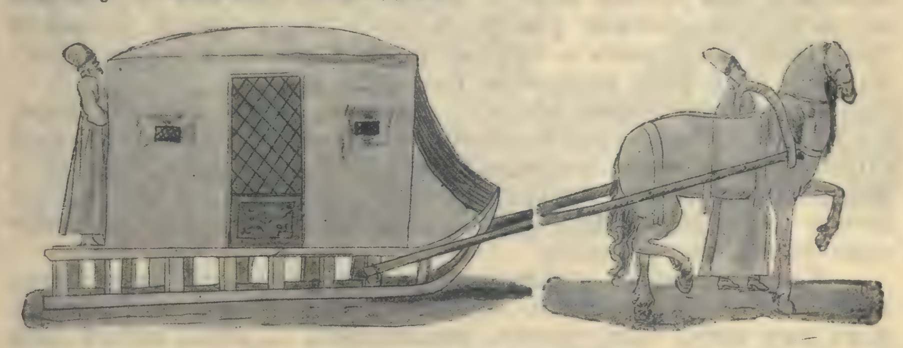
Слободы ямщиковъ, — теперь это званіе получаетъ не начальникъ яма, а тѣ, кто ведетъ самую гоньбу,—размѣщались одна отъ другой на разстояніи отъ 30 до 100 верстъ. Во главѣ ямской слободы стояли приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался отъ правительства: это былъ начальникъ яма. Староста избирался ямщиками и вѣдалъ, подъ наблюденіемъ приказчика, самый распорядокъ гоньбы, велъ прогонныя книги, присутствовалъ на судѣ въ городѣ, какъ представитель ямщиковъ, и т. д. Приказчикъ былъ судьей для ямщиковъ его яма и ихъ начальникомъ.

Ямскіе старосты, дворники и дьяки были выборными, и избиратели-ямщики ручались круговой порукой передъ правительствомъ за своихъ избранниковъ, а сами избранные принимали присягу въ томъ, что они, „будучи у ямского дѣла, станутъ собирати въ ямскую гоньбу деньги и записывати въ приходную книгу вправду; лишнихъ денегъ напрасно имъ не собирать и въ расходъ лишка не приписывать, и самимъ имъ тѣмъ не корыствоваться, а мірскимъ людямъ въ томъ напрасныя продажи и убытка не чинить“. Ямскія разгоночныя книги должно было доставлять попрежнему каждый годъ въ Москву для провѣрки.

Ямщики не несли никакой службы, кромѣ ямской, не платили никакихъ податей и не исполняли никакихъ повинностей, нести и исполнять которыя приходилось городскимъ и уѣзднымъ людямъ; судились они только у своихъ судей или у ямского судьи въ Москвѣ. Кромѣ доходовъ съ нарѣзанной имъ земли, которую они обрабатывали въ свободное отъ гоньбы время, ям-

щики получали еще прогоны—тѣ же три деньги за 10 верстъ на подводу, которыя получалъ прежній подводчикъ изъ обывателей.

Для гоньбы каждый ямщикъ держалъ обыкновенно тройку лошадей и, если не было казенной работы, могъ брать частную, возить всякихъ проѣзжихъ людей и купцовъ. Чтобы проѣзжіе по казенной надобности не могли обременять ямщиковъ требованіями лишнихъ лошадей и подводъ и задержками на станахъ, было установлено, сколькими подводами долженъ пользоваться тотъ или иной чинъ. Такъ, напримѣръ, митрополиты имѣли право на 20 подводъ, а игумены — на 5; стольники и дворяне московскіе — на 10 подводъ, а мелкіе чиновники и гонцы—на одну. Требовать подводы всякій чинъ могъ только по особой грамотѣ отъ воеводы или изъ Ямского приказа. Въ исключительныхъ случаяхъ, во время царскихъ выѣздовъ или въ военное время, когда ямскихъ лошадей не хватало, предписывалось посадскимъ и уѣзднымъ людямъ, а также и монастырямъ, давать ямщикамъ подмогу лошадьми и подводами.

Выѣздъ боярина въ возкѣ (XVII в.).
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

Ямщикъ выѣзжалъ лѣтомъ на небольшой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, а зимой на небольшихъ саняхъ, тоже въ одну лошадь, или въ нѣсколько, запряженныхъ гусемъ.

Садился ямщикъ обыкновенно въ ногахъ у своего пассажира, а проводники — верхомъ на лошадей, спуская ноги межъ оглоблей. Подъѣзжая къ яму, ямщикъ оглушительно свистѣлъ, возвѣщая этимъ свистомъ о своемъ прибытіи и требуя подводу на смѣну.

Нарядъ ямщика состоялъ изъ зипуна лазореваго или синяго цвѣта, шапки съ краснымъ или вишневымъ верхомъ, кушака съ ножомъ. Поверхъ зипуна надѣвался въ зимнее время теплый кафтанъ.

Экипажъ и упряжь не отличались красотой и удобствомъ, но зато были прочны. Одолѣть русскую дорогу московскихъ временъ только и могла не ладно скроенная, да крѣпко сшитая деревянная русская телѣга. Ничего, что она тряска и неудобна, зато

она вся деревянная: сломается такой экипажъ среди безлюдной дороги, слѣзетъ ямщикъ, достанетъ топоръ и тутъ же въ лѣсу вырубитъ новую ось или чеку. Желѣзныхъ частей въ тогдашнемъ экипажѣ нужда заставляла имѣть какъ можно меньше: желѣзо было дорого, а сломанныя желѣзныя части чинить было негдѣ.

Несмотря на тяжесть дороги и экипажа, ямщики должны были ѣздить одинаково быстро и зимой и лѣтомъ. При плохомъ состояніи дорогъ, конечно, лошади быстро „безножили“: „сходитъ двожды или трижды, а впредь и не будетъ“, жаловались тогдашніе ямщики. Плохо выдерживали такую дорогу и экипажи. За упалыхъ лошадей и испорченныя телѣги ямщикамъ, правда, туго, но выдавались подможныя деньги.

Иностранцы, имѣвшіе дѣло съ ямщиками, упрекаютъ ихъ въ наклонности къ воровству. У проѣзжихъ пропадали при смѣнахъ мелкія вещи и плохо увязанная кладь. Да и вообще тогдашніе ямщики доброй нравственностью не отличались: это былъ пьяный и разгульный народъ, выросшій на большой дорогѣ, никогда не чуждавшійся унести то, что плохо лежитъ, подвести проѣзжаго подъ ножъ и кистень разбойника, съ которымъ самъ ямщикъ иной разъ находился въ долѣ.

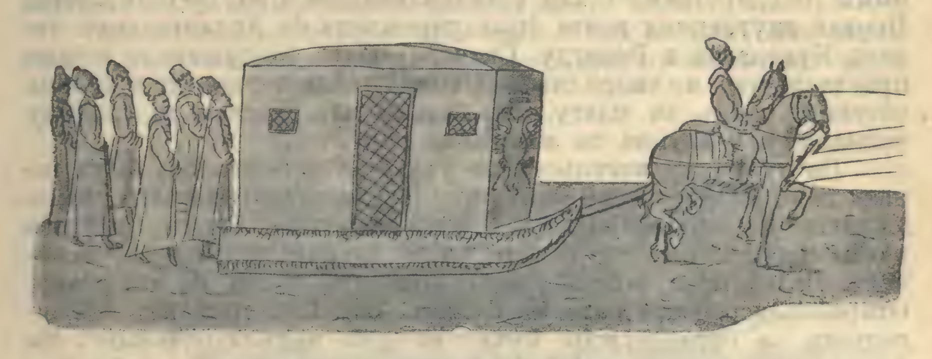
Присутственнымъ мѣстомъ слободы былъ ямской дворъ, въ XVII вѣкѣ значительно расширившійся. При ямскомъ дворѣ стоялъ обыкновенно постоялый дворъ, дворъ приказчиковъ и дворъ дьяковъ, т.-е. письмоводителей. Дворниковъ, т.-е. теперь просто служителей, при ямскомъ дворѣ XVII вѣка состояло тоже нѣсколько человѣкъ.

Каждая слобода имѣла свое „пятно“, т.-е. свой знакъ, родъ герба, которымъ мѣтились лошади слободы. Такъ, на Бронницкомъ яму пятно было—волкъ, ставившійся на лѣвой задней ногѣ лошади; на Заячевскомъ яму пятно изображало зайца, на Крестецкомъ—летучаго змѣя, на Яжелбицкомъ—даже слона. Пятно называлось: „государево казенное пятно“. Обычная плата за ямскихъ лошадей была 6 денегъ за 10 или за 20 верстъ, смотря по состоянію дороги. Къ концу XVII вѣка твердо установилась плата 3 копейки за 10 верстъ.

Для управленія всѣмъ дѣломъ ямской гоньбы въ Москвѣ былъ созданъ Ямской приказъ, по-нашему министерство путей сообщенія. Во главѣ приказа стоялъ судья его—„бояринъ, да думный дворянинъ, да два дьяка“, какъ читаемъ у Григорія Котошихина. При воеводахъ большихъ городовъ состояли управленія мѣстными ямами съ ямскимъ дьякомъ и ямскимъ приказчикомъ во главѣ. Ямы всей округи были подчинены ему и черезъ него сносились съ Ямскимъ приказомъ въ Москвѣ.

Частью при Ямскомъ приказѣ, частью при Посольскомъ или Иноземномъ сформировалось постепенно правильное почтовое сообщеніе какъ съ заграницей, такъ и внутри страны. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтно увеличились и осложнились, благодаря притоку въ Россію иноземцевъ, нанимавшихся на

нашу службу, сношенія съ Западной Европой, увеличилась дипломатическая переписка съ западно-европейскими государствами, и тогда остро почувствовалась въ Москвѣ необходимость болѣе пристальной и постоянной освѣдомленности о западно-европейскихъ людяхъ, дѣлахъ и отношеніяхъ. Въ 1665 г. голландецъ Ванъ-Сведенъ, основавшій въ Москвѣ бумажную и суконную фабрики, предложилъ правительству царя Алексѣя, что онъ, Ванъ-Сведенъ, берется доставлять каждыя двѣ недѣли въ Тайный приказъ на своихъ лошадяхъ и своими людьми вѣдомости всякія изъ-за границы черезъ Ригу. Къ 1667 г. относятся свѣдѣнія, что Сведенъ ведетъ регулярныя сношенія съ Польшей черезъ Смоленскъ и Вильну и съ Курляндіей черезъ Новгородъ. Въ 1668 г. „почту, которую на Москвѣ держитъ иноземецъ

Выѣздъ царицы въ возкѣ (XVII в.).
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

Иванъ Ванъ-Сведенъ“, велѣно было держать иноземцу Леонтію Петрову сыну Марселису, и „гонять его почтарямъ на ямскихъ подводахъ, а не на своихъ или наемныхъ. А быти той почтѣ съ Москвы до Курляндіи, покамѣстъ посольство будетъ. А какъ посольство совершится, тогда его почтѣ быть черезъ Смоленскъ на Вильну. И для того ѣхать ему Марселису съ Москвы въ Курляндію, а изъ Курляндіи для постановленія той же почты въ Вильну“. Тогда же по договору съ польскимъ правительствомъ для облегченія сношеній между обоими государствами, „а наипаче для пріумноженія обоимъ государствамъ торговыхъ прибытковъ“, постановили вмѣсто гонцовъ, т.-е. случайныхъ посланцевъ, учредить постоянную, правильно дѣйствующую почту. Въ Ригѣ, Митавѣ, Вильнѣ, Гданскѣ и Гамбургѣ были наняты особые люди „вѣсти писать и грамоты присылать“. Почта, такимъ образомъ, становилась агентствомъ со своими корреспондентами за границей. Въ пограничныхъ мѣстахъ польскіе и шведскіе почтмейстеры передавали слѣдуемые въ Россію пакеты и посылки русскимъ почтмейстерамъ. По ямамъ приказано было выбрать людей и привести ихъ къ крестному цѣлованію на то,

что они „чемоданы и сумки возить со всякими письмами за печатьми, съ Москвы до рубежа и съ рубежа къ Москвѣ, будутъ со всякимъ береженіемъ и съ поспѣшеніемъ день и ночь, не распечатывая и не смотря ничего; другъ другу почту передавать при старостахъ“. Почтарямъ былъ присвоенъ тогда же особый нарядъ: кафтанъ суконный зеленый, на правой сторонѣ на груди нашитъ краснаго сукна орелъ, а на лѣвой рожокъ, „чтобы они дорогою были знатны“.

Почта доставляла еженедѣльно въ Москву газеты нѣмецкія и голландскія. Подьячіе Посольскаго приказа переводили эти газеты, или, какъ ихъ называли въ Москвѣ, куранты, и представляли „на верхъ“, т.-е. государю и знатнѣйшимъ боярамъ.

Вскорѣ послѣ учрежденія почты для сношенія съ иноземными государствами стали устанавливаться и внутреннія почты. Первая внутренняя почта была учреждена на Архангельскъ черезъ Ярославль и Вологду. Сначала почта обслуживала только правительство, но скоро стала принимать для пересылки и письма частныхъ лицъ за плату. За письмо изъ Москвы за границу взимали по 2 алтына съ золотника вѣсу.

Почту на Архангельскъ по указу 1693 г. должны были гонять почтари московскіе выборные и ямщики городовые, перемѣняясь по ямамъ наскоро днемъ и ночью. Срокъ прибытія почты опредѣлялся на десятый или одиннадцатый день, намѣчены были станы, дни и часы прибытія почты на эти станы. Отправлялась почта разъ въ недѣлю изъ Москвы и изъ Архангельска, „а буде нужды нѣтъ, въ двѣ недѣли однажды“. На станахъ старосты свидѣтельствовали день и часъ прибытія и отбытія почты, имя почтаря, цѣлость печатей на сумкахъ, и все это отмѣчали въ его подорожной, которую провѣрялъ приказъ. Почтарямъ предписывалось письма возить „бережно въ мѣшкахъ подъ пазухой, чтобы отъ дождя не измочить и дорогою пьянствомъ не потерять“. За опозданіе почтарю грозило строгое взысканіе, тѣмъ болѣе за потерю почты.

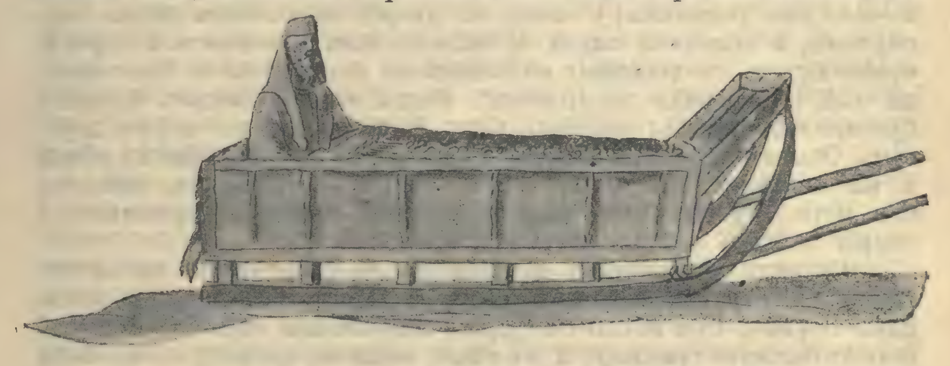
Въ 1691 г. почтарь Тимошка Елизарьевскій повезъ почту съ Москвы на Можайскъ; не доѣхавъ версты съ двѣ до села Одинцова, сталъ въ полѣ, „хотѣлъ покормить лошадь и самъ отдохнуть, — показываетъ почтарь, — слѣзъ съ лошади, поводъ затянулъ за поясъ, а самъ легъ спать. А почтовыя сумки и почтовый гонебный кафтанъ съ орломъ на той лошади связаны были въ торокахъ. У сонного-де та лошадь оторвалась, и какъ-де онъ, Тимошка проснулся, и та лошадь ходитъ отъ него саженяхъ въ пяти, а сумъ и кафтана въ торокахъ не стало, а кто ихъ вывязалъ, того не знаетъ“. Черезъ нѣкоторое время сумы были найдены заброшенными „въ гречи“, а кафтанъ съ орломъ пропалъ. Неизвѣстно, какому наказанію былъ подвергнутъ незадачливый почтарь.

Новое явленіе на дорогахъ Московскаго государства: почтари въ ихъ орленыхъ кафтанахъ, надобность въ томъ, чтобы почта

не запаздывала и не подвергалась захвату лихими людьми, вызываетъ заботу правительства о добромъ состоянiи дорогъ и безопасности на нихъ, и въ концѣ XVII в. состоялся рядъ правительственныхъ распоряженiй о починкѣ дорогъ и охранѣ ихъ.

Содержанiе самыхъ дорогъ было возложено, по Уложенiю 1649 года, на придорожное населенiе, причемъ строго было расписано, кому гдѣ, какъ, въ какихъ случаяхъ „гати, мосты и плотины починивати, чтобы на тѣхъ мостахъ и гатѣхъ проѣзжимъ всякимъ людемъ ни за чѣмъ простою и задержанiя и убытковъ не было“. Устройство на рѣкахъ плотинъ и рыбныхъ ловель, мѣшающихъ судоходству, строго запрещалось, какъ и запашка дороги. Въ 1650 г. изданы были еще дополнительныя правила о содержанiи дорогъ и охранѣ безопасности на нихъ. Эти заботы возлагались на придорожное населенiе.

Правительство строго требовало, чтобы всѣ обыватели ѣздили по „пошлымъ“ дорогамъ и не смѣли прокладывать мимо

Сани.
Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга.

нихъ иныхъ путей. Требовалось это въ цѣляхъ полицейскихъ и казенныхъ. Передъ каждымъ городомъ, при въѣздѣ въ него и выѣздѣ, а также передъ большими перевозами, стояли караулы, слѣдившiе за проѣзжими и строго опрашивавшiе, кто куда ѣдетъ и зачѣмъ. Если проѣзжiй не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы или просто казался подозрительнымъ, его хватали, сажали въ „темную“ при ямѣ, а потомъ пересылали въ городъ, въ земскую избу или къ воеводѣ, и отпускали только тогда, когда убѣждались, что онъ дѣйствительно то лицо, за какое выдаетъ себя. Поле для всякихъ вымогательствъ было тутъ обширное, и проѣзжему приходилось на своемъ пути не разъ тряхнуть мошной, чтобы несокрушимымъ доказательствомъ въ видѣ денежной подачки удостовѣрить свою личность передъ слишкомъ навязчивымъ стражемъ.

Во время эпидемiй и повѣтрiй по дорогамъ Московскаго государства разставлялась особенно усиленная стража, огражда-

вшая живой стѣной неблагополучныя по болѣзни мѣстности. Въ такихъ случаяхъ останавливалось всякое движеніе по дорогѣ. Тѣхъ, кто пробовалъ проникнуть въ заразную мѣстность или выѣхать изъ нея, а также тѣхъ, кто думалъ проѣхать по незнанію, хватали и сжигали безжалостно съ экипажемъ, со всей кладью, съ лошадью. Часты такіе случаи не были, конечно, но и единичными ихъ назвать нельзя. Дошедшіе до насъ царскіе указы грозятъ смертною казнью всякому, кто въ заразное время будетъ пытаться пройти тайно сквозь заставу и будетъ на томъ пойманъ. Казнью же указы грозили и нерадивымъ стражамъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ чумнымъ 1551 г. записано: „Былъ кличъ въ Новгородѣ (благополучномъ еще по чумѣ) о пріѣзжихъ псковскихъ (гдѣ чума уже свирѣпствовала), чтобы всѣ они ѣхали вонъ тотчасъ изъ Новгорода съ товарами своими; а поймаютъ псковича на другой день въ Новгородѣ съ товаромъ, то, выведши его за городъ, сжечь его съ товаромъ и съ телѣгой, а найдутъ псковича у кого во дворѣ, то хозяина двора бить кнутомъ, а псковича сжечь. И была застава на псковской дорогѣ, чтобы купцы съ товарами не ѣздили ни изъ Пскова въ Новгородъ ни изъ Новгорода въ Псковъ“. Когда моръ охватилъ большое пространство, такія заставы были поставлены по всѣмъ дорогамъ. Обыватели, однако, плохо понимали пользу подобныхъ мѣръ, а на исключительную строгость отвѣчали тѣмъ, что, спасаясь отъ мора, пробивались сквозь заставы силой, вооруженные, а самыя заставы жгли и сторожей избивали.

Ставили до дорогамъ заставы и для того, чтобы не пропускать въ страну лишнихъ слуховъ: извѣстенъ случай, когда царь Борисъ, при вѣсти о первомъ самозванцѣ, оцѣпилъ стражей всю литовскую границу, и не стало тогда ни проходу ни проѣзду мимо строгихъ „сыщиковъ“.

Кромѣ такихъ случайныхъ и временныхъ полицейскихъ заставъ, старинную русскую дорогу пересѣкали еще постоянныя заставы, на которыхъ собирали съ проѣзжихъ и съ везшихъ различные товары многочисленные казенные сборы. Эти заставы тоже располагались у въѣзда и выѣзда городовъ, у крупныхъ селеній, у мостовъ, у перевозовъ, и всюду проѣзжій долженъ былъ платить. Особенно тяжело приходилось отъ этихъ сборовъ торговымъ людямъ.

Брали проѣзжую пошлину и съ товаровъ и съ самихъ проѣзжихъ. Каждая проѣзжая пошлина имѣла свое названіе. Главнѣйшей такой пошлиной былъ „мытъ“ — сухой и водяной. Эта пошлина собиралась съ возовъ (сухой мытъ) и съ судовъ (водяной мытъ) съ товарами. Мытъ—одна изъ самыхъ древнихъ, извѣстныхъ намъ, пошлинъ; назывался этотъ сборъ также подужнымъ, полозовымъ (полозья, т.-е. съ саней) и просто мытомъ съ возовъ и саней. По отношенію къ судамъ этотъ сборъ носилъ еще названіе посаженнаго, если брали съ длины судна, носового, побережнаго (т.-е. за причалъ) и т. п.

Если торговый человѣкъ хотѣлъ объѣхать заставу, чтобы избѣжать платежа, его хватали и заставляли платить „промытъ“ и заповѣдь, т.-е. усиленную пошлину съ товаровъ и штрафъ.

Мытникъ, т.-е. чиновникъ, собиравшій этотъ сборъ, долженъ былъ неотлучно находиться при заставѣ, иначе купецъ могъ проѣхать заставу мимо, не уплативъ ничего.

Брали по дорогамъ на казенныхъ заставахъ еще пошлины, которыя носили названіе „головщины“, „заднихъ колачей“ и „костки“. „Головщину“ собирали съ каждаго человѣка при возѣ или на суднѣ при проѣздѣ мимо городовъ или торжковъ и при прибытіи въ городъ или торжокъ. „Задніе колачи“ собирали съ купцовъ, возвращавшихся обратно съ торга: это былъ своего рода гостинецъ, который расторговавшійся купецъ вносилъ въ казну. „Костка“ была сборомъ въ родѣ головщины, но съ такой разницей, что ее брали на каждой не только большой, но и малой заставѣ.

Затѣмъ всѣ торговые и неторговые проѣзжіе должны были уплачивать при проѣздѣ по мостамъ и черезъ рѣки на паромахъ „мостовщину“ и „перевозы“. Правительство отдавало обыкновенно всѣ эти сборы на откупъ желающимъ сбирать ихъ. Откупщики вносили въ казну опредѣленную сумму и получали право собирать ее, обыкновенно годъ, съ проѣзжихъ.

Когда добровольныхъ откупщиковъ не находилось, правительство приказывало взять сборъ на откупъ кому-либо изъ окрестныхъ богатыхъ жителей, указывало сумму, какую долженъ этотъ мытъ дать въ годъ, и недоборъ взыскивало съ невольнаго откупщика. Нечего и говорить, къ какому обилію всякихъ злоупотребленій и недовольствъ приводило все это устройство. Торговые люди постоянно и неотступно жаловались на такой порядокъ сбора проѣзжихъ пошлинъ и указывали на ихъ разорительное обиліе. „Тіи откупщики врази Богу и человѣкомъ, а немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ,—читаемъ въ офиціальномъ документѣ, относящемся къ 1653 году,—сидятъ по мытамъ и по мостамъ на дорогахъ, берутъ съ товаровъ проѣзжую пошлину, и мытъ, и мостовщину не по указу, а лишнее, воровски, и придираются къ проѣзжимъ торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ своимъ злымъ умысломъ напрасно, и правятъ на тѣхъ людяхъ промытныя деньги и задерживаютъ ихъ, и отъ того имъ въ торгахъ ихъ чинится безторжица и убытки великіе; торговые люди торговыхъ промысловъ отбыли, и иные многіе обѣднѣли, межъ дворъ скитаются, и податей взять стало не на комъ и службъ служить некому, а откупщики и мытники тѣми богоненавистными откупы прибытки себѣ чинятъ многіе, и міръ въ томъ ихъ промыслѣ погибаетъ“.

Признавъ убыточность и несправедливость столь дробнаго обложенія, правительство отмѣнило въ 1654 году почти всѣ мелкія торговыя и проѣзжія пошлины, замѣнивъ ихъ одной

рублевой пошлиной, которую стали взимать съ продавца и покупателя при продажѣ товаровъ. Это распоряженіе избавило проѣзжихъ людей отъ частыхъ остановокъ и произвольныхъ задержекъ на пути со стороны всякихъ сборщиковъ и упорядочило и самый сборъ. Устроивъ его по городамъ, правительство этимъ самымъ получило бо̀льшую возможность наблюдать за его вѣрностью и правильностью.

Остались и на вторую половину XVII в. изъ прежнихъ торговыхъ пошлинъ перекупная, взимавшаяся съ товаровъ, продававшихся съ вѣсу, пятенный сборъ и анбарщина. Перекупная пошлина взималась только съ покупателя, пріобрѣтавшаго товаръ для перепродажи. Изъ дорожныхъ сборовъ реформу налоговаго обложенія 1654 г. пережили мостовщина и перевозъ. Внутреннія таможенныя пошлины рублевая и перекупная, а также дорожныя пошлины—мостовщина и перевозъ просуществовали до 1754 г. когда были отмѣнены указомъ императрицы Елизаветы Петровны.

Такъ жила большая дорога въ московское время и таковы были условія передвиженія по ней.

Надо признать, что такое состояніе путей сообщенія не могло способствовать усиленію движенія по обширному пространству страны, провозу товаровъ и разъѣздамъ людей. Жизнь застаивалась. Люди привыкали сидѣть на мѣстѣ и довольствоваться тѣмъ, что̀ они на мѣстѣ получали для прожитка. Поѣхать куда-нибудь для русскаго человѣка и теперь цѣлое предпріятіе, вызывающее множество осложненій, кажущихся трудными, а тогда это, дѣйствительно, было трудно и опасно и, кажется, до такой степени, что память объ этихъ трудностяхъ и опасностяхъ надолго пережила ихъ и сказывается еще и теперь въ характерѣ русскаго человѣка, какъ тогдашняя деревянная Русь чувствуется и сказывается въ приземистыхъ сѣрыхъ деревянныхъ постройкахъ современныхъ глухихъ уѣздныхъ городковъ, а большая дорога XVI и XVII вѣковъ живо напоминаетъ себя въ любомъ современномъ проселкѣ, который повинуется своими извилинами каждому встрѣчному препятствію, пригорку или оврагу, и часто безпомощно упирается въ широкую рѣку, черезъ которую нельзя переѣхать, потому что снесло полой водой мостъ, или никакъ не дозваться паромщика, спокойно оставившаго свой паромъ и ушедшаго на деревню въ надеждѣ, что, дескать, авось сегодня никто не поѣдетъ...

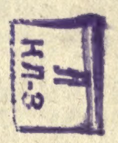
Главнѣйшія пособія: *Н. Аристовъ*, „Промышленность древней Руси"; *И. Гурляндъ*, „Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка"; *И. П. Хрущовъ*, „Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II"; *Гр. Дм. Толстой*, „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи"; *Е. Осокинъ*, „Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи"; *А. С. Николаевъ*, „Общій очеркъ развитія русскихъ путей сообщенія до конца XVII вѣка".

Заставка—съ рукописной Кормчей XIII вѣка.

Цѣна [redacted] руб.

Петроградъ. Дозволено Военной Цензурой 10 ноября 1916 г.

Типографія „ЭНЕРГІЯ". Петроградъ, Загородный пр., д. № 17.

Л
КЛ-3

